

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

2003—2004

2003—2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА **2003—2004** ГОДЫ

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2007

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 гг. / Отв.
ред. Т. С. Царькова. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. — 916 с., ил.

ISBN 978-5-86007-561-0

Редакционная коллегия:

Т. Г. Иванова, А. В. Лавров, Н. Н. Скотов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор: *Т. С. Царькова*

Рецензенты: *С. А. Кибальник, Л. Е. Ляпина*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 07-04-16171д*

ISBN 978-5-86007-561-0

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом), 2007
© «Дмитрий Буланин», 2007

I. ОБЗОРЫ. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

М. В. Родюкова

Посвящается памяти Г. Г. Поляковой

ОБЗОР ФОНДА С. А. ВЕНГЕРОВА

Рукописное наследие любой творческой личности вызывает большой интерес у исследователей.¹ В ряду имен известных филологов явно не затерялось имя Семена Афанасьевича Венгерова, выдающегося библиографа, критика, историка литературы, владельца крупнейшего рукописного, книжного и иконографического собрания, подвижника, по словам журналиста и публициста, редактора «Биржевых ведомостей» А. Е. Кауфмана, «влюбленного в литературу». С. А. Венгеров сыграл заметную роль в литературном процессе конца XIX—начала XX в. и был известен прежде всего как автор, составитель и редактор «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», не утратившего своего значения и в наши дни.

Родился С. А. Венгеров 5 (17) апреля 1855 г. в г. Лубны Полтавской губернии в семье директора коммерческого банка в Минске Афанасия Леонтьевича Венгерова и немецкой писательницы Паулины Юльевны Венгеровой (урожд. Эпштейн).² Первоначальное образование получил дома. В 1872 г. окончил 5-ю Петербургскую гимназию и в этом же году стал студентом Медико-хирургической академии, в которой проучился только два года. В 1875 г. поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет, по окончании которого в 1879 г. получил степень кандидата права. Некоторое время работал помощником присяжного поверенного.

¹ Мерцалов И. П. Друзья русской книги. С. А. Венгеров. Опыт характеристики // Известия товарищества Вольф. 1897. № 3. С. 58—64; Бондарский Б. С. С. А. Венгеров: (Некролог) // Библиографические известия. 1920. № 3—4. С. 57—58; Кауфман А. Е. Влюбленный в литературу: Памяти С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 9 (21). С. 6—8; Модзалевский Б. Л. С. А. Венгеров // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 614—617; Фомин А. Г. 1) С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова / Под ред. Н. В. Яковлева М.; Пг., 1923. С. 10—33; 2) С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты. Л., 1925; Еголин А. М. Венгеров // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 370—376; Калентьева А. Г. Влюбленный в литературу: Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова (1855—1920). М., 1964 и др.

² Венгеров С. А. Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пг., 1920. С. 3.

В 1880 г. экстерном держал экзамен по историко-филологическому факультету при Юрьевском университете, получив степень кандидата, и был приглашен в Санкт-Петербургский университет на кафедру по истории русской литературы для подготовки к профессорскому званию. Одновременно он учительствовал в частной гимназии, где преподавал историю, но из-за материальных трудностей оставил университет и в течение 8 лет служил в Правлении Любаво-Роменской железной дороги в тарифном отделе. С 1897 г. Венгеров в должности приват-доцента начал читать лекции по русской литературе, но в 1899 г. как «политически неблагонадежный» был уволен из университета и снова допущен к педагогической деятельности только в 1906 г. В 1909 г. Харьковский университет по совокупности работ присвоил С. А. Венгеру ученую степень доктора русской словесности, в 1910 г. его избрали профессором Высших женских (Бестужевских) курсов и Психоневрологического института, с 1919 г. — профессором Петроградского университета. С 1917 г. состоял директором Российской книжной палаты.³ В 1902 г. он женился на своей двоюродной сестре переводчице Розе Александровне Ландау. У супругов родилось семеро детей: Вера, Алексей, Софья, Всеволод, Людмила, Евгения, Сергей.

Литературная деятельность С. А. Венгерова началась еще в студенческие годы. С 1872 по 1875 г. он печатает статьи, рецензии, заметки в газетах «Новости», «Неделя», журнале «Сияние». В 1876 г. опубликовал в газете «Новое время» серию статей «Литературные очерки», посвященных текущей русской литературе. В 1878—1879 гг. продолжает эту серию в газете «Русский мир». В конце 70-х—1-й половине 80-х гг. выступает в журналах «Слово», «Дело», «Вестник Европы», «Новь» по проблемам литературной жизни за рубежом, общественного и литературного движения в России, по истории славянских народов.⁴ В 1875 г. вышло его первое литературоведческое исследование «Русская литература в ее современных представителях: Критико-биографические этюды. И. С. Тургенев» (ч. 1—2, СПб., 1875).⁵ В 1885 г. по постановлению Комитета министров была запрещена книга Венгерова «История новейшей русской литературы. От смерти Белинского до наших дней. 1848—1885» за сочувствие к революции 1848 г. и деятельности М. А. Бакунина, А. И. Герцена, М. В. Петрашевского, а ее тираж уничтожен (одна из глав была напечатана в журнале «Вестник Европы». 1886. № 2. С. 581—612). С 1882 по 1885 г. Венгеров находился под негласным надзором полиции,⁶ в 1911 г. вышла его монография «Героический характер русской литературы» (СПб., 1911). В 1912 г. — книга «В чем очарование русской литературы XIX века?» (СПб., 1912). С 1911 г. начало выходить его собрание сочинений, рассчитанное на 15 томов. В 1911—1913 гг. вышли тома 1—3, 5, в 1919 г. было предпринято 2-е издание, вышли только 1-й и 4-й тома. Издание не было закончено из-за смерти

³ Там же. С. 4. Подробнее см.: Родюкова М. В. О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 373—383.

⁴ Венгеров С. А. Автобиография... С. 5; Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 411.

⁵ Русские писатели... Т. 1. С. 411.

⁶ Там же.

автора. С. А. Венгеров являлся редактором многих изданий. С 1881 г. редактировал журнал «Устои», который из-за цензурных преследований был закрыт в 1882 г. С 1-й половины 1880-х гг. приступил к подготовке «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых. От начала русской образованности до наших дней». С 1886 по 1904 г. вышли 6 томов, издание не было завершено. Одновременно со Словарем он задумал 25-томное издание «„Русские книги“». С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708—1893)». Всего вышли 3 тома (1897—1899), издание не было завершено. В 1891 г. С. А. Венгеров стал редактором отдела истории русской литературы «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, а с 1910 г. начал редактировать литературный отдел «Нового Энциклопедического словаря». В 1893 г. приступил к изданию труда по литературе XVIII в. «Русская поэзия», в свет вышли 2 тома, 7 выпусков за 1893—1901 гг. С 1900 г. начали публиковаться «Источники словаря русских писателей» (т. 1—4, 1900—1917, издание не окончено). С 1901 г. под его редакцией стала печататься «Библиотека великих писателей»: собрание сочинений Ф. Шиллера (4 т., 1901—1902), В. Шекспира (5 т., 1902—1904), Д. Байрона (3 т., 1904—1905), А. С. Пушкина (6 т., 1906—1916), Ж. Мольера (2 т., 1912—1913). В 1900 г. С. А. Венгеров предпринял издание «Полного собрания сочинений» В. Г. Белинского, снабженное обширными историко-литературными примечаниями и отдельными этюдами редактора.⁷ С 1905 по 1907 г. он редактировал серии книг издательства «Светоч», в которые вошли сочинения С. М. Степняка-Кравчинского, М. Штирнера, «Письмо к Гоголю» В. Г. Белинского и другие, с 1914 г. возглавлял издание «Русская литература XX века. 1890—1910» (М., 1914—1918. Вып. 1—8), содержащее исследования о литературном процессе на рубеже веков.⁸

В 1906 г. в Петербургском университете С. А. Венгеров организовал Пушкинский семинар для изучения молодыми филологами жизни и творчества А. С. Пушкина. Позднее подобные семинары были им организованы на Высших женских (Бестужевских) курсах и в Психоневрологическом институте. Среди участников семинара были известные впоследствии ученые — С. М. Бонди, В. М. Жирмунский, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и др.⁹ С 1910 г. начали действовать семинары, посвященные творчеству А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого.

Человек живой и общительный, С. А. Венгеров постоянно находился в центре литературной, общественной и политической жизни России, мгновенно откликался на любое значительное событие, был желанным гостем в салонах Петербурга. Он принимал участие в организации Лиги образования, в деятельности Литературного фонда (последовательно избирался на должности секретаря, казначея, председателя),¹⁰ являлся почетным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, «Толстовского музея», одним из учредителей Общества по оказанию

⁷ Венгеров С. А. Автобиография... С. 7.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Родюкова М. В. О судьбе архива... С. 374.

помощи жертвам войны, членом Исторического, Петроградского библиологического, Московского библиографического обществ и других;¹¹ активно участвовал в работе съездов и конференций, выступал на литературных вечерах, читал публичные лекции и доклады.¹²

В Рукописный отдел Пушкинского Дома архив С. А. Венгерова поступил в 1933 г. в связи с ликвидацией Российского института книговедения, где он находился с 1921 г.¹³ Впоследствии из него был выделен ряд материалов, имеющих самостоятельное значение.¹⁴ Длительное время архив находился в неупорядоченном состоянии. С 1998 г. он стал доступен исследователям.

Фонд С. А. Венгерова (№ 377) является одним из крупнейших в собрании Рукописного отдела и включает 8852 ед. хр. за 1853—1993 гг. Научное описание архива помогло выявить все многообразие материалов и систематизировать их по семи описям: научные труды и подготовительные материалы к ним (1874—1920); материалы к биографии С. А. Венгерова (1876—1993); документы о его деятельности (1871—1920); переписка с родственниками и разными лицами (1864—1920); материалы родственников (1876—1993); материалы других лиц (1853—1888); коллекция автобиографий ученых, писателей, государственных и общественных деятелей, собранная для подготовки «Критико-биографического словаря».

Настоящий обзор не ставит своей задачей рассмотреть все имеющиеся в фонде С. А. Венгерова материалы. Сделана лишь попытка показать их многообразие и остановиться на наиболее из них интересных. Предметом этого обзора стали материалы, входящие только в состав 1—6-й описей фонда.¹⁵

Как известно, С. А. Венгеров был чрезвычайно плодовитым ученым-литератором. Его характеризовала очень кропотливая работа над своими научными сочинениями. Поэтому в фонде сохранились многочисленные редакции, варианты, наброски этих сочинений и подготовительные материалы к ним. Для их подготовки он часто использовал раскладки предыдущих изданий, исправляя и добавляя новые главы и разделы.

Научные труды С. А. Венгерова (опись 1) по своему объему составляют сравнительно небольшой комплекс (149 ед. хр.). Это — наборные рукописи отдельных томов двух собраний сочинений, опубликованных издательствами «Прометей» в 1911—1919 гг. и «Светоч» в 1919 г.; монографий, статей, очерков, заметок и других; черновики лекций, рецензий, отзывов.

Первое собрание сочинений содержит тома 1, 2, 5, изданные в Петербурге в 1911—1913 гг. Том 1 сохранился не полностью. Глава 1 «Основные черты истории новейшей русской литературы» (оп. 1, № 1)¹⁶ включает в се-

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 3, № 812—841.

¹² Там же, № 842—866.

¹³ Историю создания архива см.: Родюкова М. В. О судьбе архива... С. 373—383.

¹⁴ Там же. С. 382.

¹⁵ Опись 7 (коллекция автобиографий) здесь не рассматривается. Этому посвящена работа, подготовленная Отделом библиографии и источниковедения ИРЛИ: «Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель» (СПб., 2001). В настоящее время вышел первый том.

¹⁶ Вместо принятого обозначения «ед. хр.» из-за частоты употребления в данной работе ставится в отсылках №.

бя вступительную лекцию, прочитанную в Санкт-Петербургском университете 24 сентября 1897 г. Венгеров при подготовке этого тома использовал расклейку журнала «Вестник Европы», где впервые была опубликована эта вступительная лекция в 1889 г. Однако при подготовке тома 1 собрания сочинений он существенно отредактировал первоначальную публикацию вступительной лекции. Сохранились 2 редакции этой главы в черновом варианте — в расклейке на отдельных листах и в тетрадях, а также черновые наброски и отдельные фрагменты (в двух тетрадях). В этих же тетрадях имеются отдельные части главы 2, сохранившейся не полностью (оп. 1, № 2). Глава 3 «Героический характер русской литературы» (сохранилась в виде наборной рукописи) сначала вышла как монография (СПб., 1911). Рукопись неполная, отсутствуют отдельные листы по авторской нумерации (оп. 1, № 3). В том 2 «Гоголь совершенно не знал реальной русской жизни» остались только глава 3 «Гоголь-ученый», глава 4 «Письмо Белинского Гоголю» (наборные рукописи со значительной правкой автора (оп. 1, № 4). Том был опубликован в 1913 г. Том 5 «Гончаров. Литературный портрет» представлен в виде наборной рукописи: машинопись и корректура неустановленного издания с правкой и вставкой автора (оп. 1, № 5). В том 6 «История русской литературы. От Белинского до наших дней. (Общий курс). Эпоха Белинского и последние годы николаевщины» остались только предисловие и главы: «В чем очарование русской литературы XIX века? Речь, сказанная 22 октября 1911 года на праздновании столетнего юбилея Общества любителей российской словесности в Москве», «Эпоха Белинского» (§ 1, 2). Сохранился черновой автограф и типографский экземпляр с вставками автора. Этот том не был опубликован. Первоначально глава «В чем очарование русской литературы XIX века?» вышла в Петербурге отдельной книгой в 1912 г.

В 1919 г. вышли в свет 1-й, 4-й тома собрания сочинений 2-го издания в издательстве «Светоч». В фонде находится только предисловие к 1-му тому (наборная рукопись со значительной правкой автора) и 4-го тома — предисловие «От автора» и неполная глава «В чем очарование русской литературы XIX века?» (отсутствует конец, оп. 1, № 7, 8).

В фонде С. А. Венгерова хранится 1 экземпляр запрещенной книги «История новейшей русской литературы. От Белинского до наших дней. 1848—1885». Она включает ч. 1 «Конечные годы дореформенной эпохи (1848—1855)» (оп. 1, № 9). Здесь же содержится наборная авторская рукопись глав 1—7, 9 этой монографии (оп. 1, № 10), а также дополнения к ней (черновой автограф и расклейка неустановленного издания с правкой и вставками автора) и подготовительные материалы: наброски отдельных глав, выписки из разных источников (оп. 1, № 11, 12). В архиве сохранился черновик письма С. А. Венгерова к министру внутренних дел по поводу издания этой монографии (оп. 1, № 10).

Работа «Эпоха Белинского. (Общий очерк). Публичная лекция» вышла в свет одновременно в «Библиотеке „Светоч“» и издательстве «Общественная польза» в 1905 г. (оп. 1, № 13). В фонде находятся тетрадь с расклейкой из журнала «Русское богатство» главы «Общий обзор эпохи Белинского» и вступление к главе «Великое сердце. Виссарион Григорьевич Белинский» с многочисленной правкой и вставками автора. Сохранились

2-е и 3-е издания «Эпоха Белинского. Общий очерк. (Из лекций, читанных в Петроградском университете)» (Пг.: Издательство «Прометей», 1915) и издательство «Светоч» (Пг., 1919). Для подготовки этих монографий Венгеров использовал расклейку издательства «Общественная польза» и не-установленного издания. 3-е издание содержится в 3 вариантах (оп. 1, № 15). В фонде также хранится начало 3-й главы «Эпоха Белинского», автограф в тетради (оп. 1, № 14). В 1917 г. он опубликовал «Общий очерк истории новейшей русской литературы (от Белинского до наших дней). С 10 фототипическими таблицами». В архиве имеется неполный типографский экземпляр с правкой и вставками автора (оп. 1, № 24).

Интересна его работа по подготовке «Очерков по истории русской литературы», вышедших в 1907 г. в издательстве «Светоч». В фонде хранятся неполная наборная рукопись со значительными правкой и вставками автора главы «Общий очерк истории новейшей русской литературы» (оп. 1, № 16, 17); подготовительные материалы (наброски, заметки в тетрадях и на отдельных листах) к тексту о М. Горьком (оп. 1, № 17); черновые наброски и фрагменты в тетради ко 2-му разделу «Конец дореволюционной эпохи (1848—1855)» (оп. 1, № 18); 2 экземпляра (черновой автограф, отдельные листы рукой Н. К. Замкова¹⁷ и типографский экземпляр с авторской правкой) главы «Великое сердце. Виссарион Григорьевич Белинский» (во 2-м экземпляре отсутствует окончание) (оп. 1, № 19); глава «Передовой боец славянофильства (Константин Аксаков)» (наборная авторская рукопись и библиография работ об К. С. Аксакове: выписки о нем из разных источников, оп. 1, № 20). Все источники датированы 1907 г., за исключением подготовительных материалов ко 2-му разделу «Конец дореволюционной эпохи (1848—1855)», датированных 1904 г.

В 1909 г. в Петербурге вышли в свет два издания монографии «Основные черты истории новейшей русской литературы», но с несколько измененными названиями. Так, если 1-е издание монографии носило подзаголовок: «С прибавлением этюда „Победители или побежденные? (О модернизме)“» (оп. 1, № 21), то 2-е издание имело подзаголовок — «Победители или побежденные (эволюция модернизма)» (оп. 1, № 22). Автор значительно дополнил и переработал 1-е издание, что мы видим по сохранившемуся типографскому экземпляру со значительной правкой, вставками и вклейками автора. 2-е издание представляет собой наборную рукопись и корректуру с правкой автора. Подготовительные материалы к этому изданию представлены набросками, фрагментами об А. А. Блоке, К. Д. Бальмонте, А. П. Чехове и др. (оп. 1, № 23). По-видимому, С. А. Венгеров предполагал и в дальнейшем продолжать работу над совершенствованием одного из своих научных трудов: «Общий очерк истории русской литературы от Белинского до наших дней». Сохранились черновой автограф и расклейка предыдущих изданий с правкой и вставками автора (оп. 1, № 25).

Определенный интерес для изучения творческой лаборатории Венгерова имеют подготовительные материалы к его работам: «Первоначальный набросок книги о И. С. Тургеневе» (оп. 1, № 26); «Героический характер русской литературы», «История новейшей русской литературы», «Очерки

¹⁷ Секретарь С. А. Венгерова.

по истории русской литературы» (оп. 1, № 27); «История русской литературы от смерти Пушкина до наших дней. С 10 фототипическими таблицами» (Пг., 1916) (оп. 1, № 29); «Ключ к Пушкину» (оп. 1, № 32); «Русская литература XIX—начала XX веков» (оп. 1, № 31) и др. В них включены биографические и библиографические сведения, выписки из различных источников, оттиски предыдущих изданий, вырезки из газет и журналов, планы работ, конспекты других работ и т. д.

Особо хотелось остановиться на подготовительных материалах к двум изданиям: «Русская литературная иконография. Собрал С. А. Венгеров» (СПб., 1911. Т. 1); «Литературный архив. Т. 1. Сборник материалов из собрания С. А. Венгерова». К концу жизни С. А. Венгерова в архиве образовалась большая коллекция портретов писателей, ученых и государственных деятелей, которая позже была передана в Литературный музей ИРЛИ.¹⁸ Он задумал подготовить публикацию этих портретов. В архиве содержатся пояснительные тексты к портретам, варианты комментариев, оттиски из изданий, вышедших под редакцией Венгерова, газетные и журнальные вырезки, фотографии, рисунки (1911 г., оп. 1, № 28). Материалы ко 2-му изданию датируются 1917 г. По-видимому, в его намерения входила публикация многотомного сборника архивных материалов. В фонде хранятся подготовительные материалы к тому 1: предисловие, воспоминания И. С. Тургенева о встрече с В. Г. Белинским, автобиография П. П. Гнедича (автограф, рукой неустановленного лица, оп. 1, № 30). Исполнить свой замысел С. А. Венгеру не удалось из-за его безвременной кончины. Это издание пытался осуществить его сын Всеволод Семенович. Однако оно не состоялось. Вероятно, это связано с арестом В. С. Венгерова, который по Постановлению особой тройки при УНКВД по Карагандинской области был расстрелян в 1938 г.¹⁹

Второй раздел описи 1 составляют статьи, очерки, заметки для периодических изданий и подготовительные материалы к ним за 1875—1920 гг. Тематика их весьма разнообразна: критико-биографические статьи, литературные портреты, биографические статьи для «Энциклопедического словаря» Ф. Брокгауза и И. Ефрона, некрологи, литературные обзоры, исторические очерки, этюды и т. д. В фонде сохранились наборные рукописи, черновые автографы литературных портретов И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, К. Д. Бальмонта, А. К. Толстого, критика и переводчика А. В. Дружинина (оп. 1, № 37, 48, 61, 73, 76). Здесь представлены также статьи о литераторах так называемого второго ряда, без которых, по убеждению Венгерова, не могло быть русской литературы. Среди них статьи о литературном критике и публицисте Вал. Н. Майкове, поэте, переводчике, историке литературы П. И. Вейнберге, поэте Н. В. Станкевиче, писателе Скипальце (наст. фам. Петров С. Г.), поэте П. Ф. Якубовиче-Мельшине, писателе Е. А. Салиас де Турнемире (оп. 1, № 49, 53, 63, 67, 86, 104) и др. Сохранились также наборные рукописи и расклейки из предыдущих изданий биографических статей с авторской правкой, подготовленные для сло-

¹⁸ Родюкова М. В. О судьбе архива... С. 382.

¹⁹ В. С. Венгеру было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу английской разведки. В 1958 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления, он был посмертно реабилитирован (оп. 5, № 226).

варя Брокгауза и Ефрона о Д. С. Мережковском, Н. К. Михайловском (2 экземпляра — типографский и автограф в тетради), И. С. Тургеневе, А. С. Суворине, А. Н. Пыпине, А. В. Сухово-Кобылине, Л. Н. Андрееве, А. Н. Будищеве, И. А. Бунине, М. Горьком, Е. А. Соловьеве, Ф. Сологубе (наст. фам. Тетерников Ф. К.), В. Я. Брюсове, А. М. Добролюбова, А. К. Каменском, А. Р. Крандиевской, В. П. Кранихфельде, Д. В. Григоровиче (оп. 1, № 50—52, 60, 64, 68, 69, 72, 74, 75, 77—79, 85, 87, 89, 90—92). Среди трудов Венгерова сохранились черновой автограф критико-биографического очерка об известном прозаике и драматурге А. Ф. Писемском (1884 г., оп. 1, № 46), этюд о писателе П. Д. Боборыкине (1876 г., оп. 1, № 41), статья о З. Н. Гиппиус (оп. 1, № 65). Две статьи посвящены В. Г. Белинскому — «Великое сердце. Виссарион Григорьевич Белинский» (оп. 1, № 56—58), «Единство литературной деятельности» (оп. 1, № 80). Первая статья позднее была расширена, дополнена и издана сначала как монография, а затем вошла в собрание сочинений. Первоначально была опубликована в журнале «Русское богатство» (1898. № 3, 4, 7). Вторая статья напечатана в газете «Русские ведомости» (1911. № 122). Три статьи посвящены А. И. Герцену: «А. И. Герцен. 1870—1920. Литературные дебюты Герцена» (корректурa неустановленного издания с правкой автора, конец отсутствует), «Александр Иванович Герцен» (черновой автограф), «Творческая личность Герцена» (автограф в тетради и на отдельных листах в 2 экземплярах, оп. 1, № 97—99). Среди работ Венгерова хранится наборная авторская рукопись и расклейка статьи о Н. Г. Чернышевском из неустановленного издания с правкой автора (оп. 1, № 70); заметки о жизни и творчестве А. П. Чехова, В. Р. Щиглеве, К. М. Фофанове и др. (в тетради, оп. 1, № 71). Для сборника «Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов / Под ред. С. А. Венгерова» им была подготовлена статья «Фонвизин Денис Иванович. О сатирической поэме „Чертик на дрожжах“», опубликованная в 1897 г. (Т. 1, вып. 6. С. 397—399). Сохранилась наборная авторская рукопись (оп. 1, № 55). Для «Педагогических сочинений Л. Н. Толстого», опубликованных в бесплатном приложении к журналу «Школа и жизнь» (1911. № 34. С. 3—18), Венгеров подготовил вступительную статью «Объединитель человечества. (Из мыслей о Толстом)» (наборная авторская рукопись, оп. 1, № 84). В архиве хранятся: статья «Творческий путь В. Г. Короленко» (автограф, оп. 1, № 105), вступительная заметка к статье Н. В. Яковлева «Тургенев и Виардо» (наборная рукопись и вырезка из журнала «Нева». 1914. № 42, где была опубликована заметка, оп. 1, № 88), разрозненные листы статьи о Ф. М. Достоевском (оп. 1, № 101), вырезки из разных газет с заметками С. А. Венгерова.

Определенный интерес могут представлять его литературные статьи, которые отложились в фонде. Среди них можно назвать: «Литературная параллель. (Эмиль Золя. Парижские письма)», «Благонамеренные либералы», «Русская литература в 1875 году» (автограф), «Славянское движение и наша литература» (черновой автограф), «На смену», «Беллетристы дебютанты», «Литературные настроения 1910 года» (наборная рукопись автора), «Письма о текущей литературе. Письмо первое» (черновой автограф, окончание отсутствует), «Рыцари меча и рыцари духа. (О начале эпохи ве-

ликих реформ 1870-х гг.)) (фрагмент), «Некрасовский „Пир на весь мир“ в издании „Народной воли“») (оп. 1, № 37, 39, 40, 44, 81, 93, 94, 102).

По истории славянских народов, судьба которых так волновала С. А. Венгерова, он пишет несколько статей и очерков. В архиве содержится две работы на эту тему: «Прошлое и настоящее славянского племени. Исторические очерки. Очерк первый. Богомилы» (автограф, окончание отсутствует; опубли.: журнал «Слово». 1894. № 4. С. 79—121), «Хельчицкий и моравские братья. (Петр Хельчицкий. Гениальный мыслитель XV столетия)» (фрагменты в 4 вариантах, оп. 1, № 42, 45). Тема судьбы русской интеллигенции нашла свое отражение в статье «Истинные задачи русской интеллигенции. Исторические очерки» (черновой автограф, разрозненные листы, оп. 1, № 43).

Печатным изданием Российской книжной палаты, директором которой был С. А. Венгеров, являлась «Книжная летопись», публиковавшая библиографию всей печатной продукции за определенный год. В 1920 г. он написал статью «Задачи преобразованной „Книжной летописи“. Наша задача». В архиве содержится черновой автограф и машинопись с авторской правкой этой статьи (оп. 1, № 100). В 1918 г. в качестве преемника Литературно-библиографического института, упраздненного в 1917 г., по его инициативе для регистрации печатной продукции было создано Бюро для учета деятелей науки, литературы и общественности в России при Отделе ученых учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса.²⁰ Венгеров подготовил заметку «О создании научно-литературного биографического бюро» (черновой автограф, оп. 1, № 96).

В фонде также хранится большой комплекс подготовительных материалов к его работам. Сюда входят наброски, выписки из источников, библиография, планы, автобиографии, отрывки из статей и т. д. Назовем некоторые из них. Например, к статьям о В. К. Тредиаковском, Ф. М. Достоевском (оп. 1, № 108, 109), П. В. Анненкове, Н. Н. Страхове, Н. В. Гоголе, Л. Н. Толстом, А. С. Пушкине, Аполл. А. Григорьеве (оп. 1, № 113—119), А. Н. Островском (оп. 1, № 121) и др.

Его большая педагогическая работа отражена в лекциях, хранящихся в фонде. Некоторые из них впоследствии вошли в статьи, монографии, собрания сочинений: «Эпоха Белинского» (1910), «Героический характер русской литературы» (1910—1911), «История новейшей русской литературы» (1910—1911), «Введение в изучение Пушкина» (1911—1917), «О героическом характере русской литературы. Призыв к подвигу и неприятие мира», «Рыцарство духа (к вопросу о соотношении войны и литературы)» (1916). Сохранились также планы и конспекты лекций: «Величайшая русская литература. Освободительное ее значение» (1910-е), «Петр Лаврович Лавров» (1910-е), «Издательское дело в России» (прочитана на курсах книговедения) (оп. 1, № 127—130, 133—135).

Отдельный комплекс составляют рецензии и отзывы (12 ед. хр.). Хронологические рамки охватывают 1876—1916 гг.

С. А. Венгеров откликался на все публикации, отражающие литературный процесс. Большинство рецензий написано в 1870—1880-х гг., когда

²⁰ Родюкова М. В. О судьбе архива... С. 376.

шло формирование его мировоззрения. Некоторые из них 1870-х гг. он подписывал: «Фауст Щигровского уезда». Среди них можно назвать рецензии на «Галицкие рассказы Л. Захер-Мазоха» (1876, оп. 1, № 13); «Новое в „Нови“». («Новь», роман И. С. Тургенева. Москва, 1877 г., издание братьев Салаевых)» (автограф, оп. 1, № 142); «Литературные очерки. Основные черты лирического и эпического таланта гр. А. К. Толстого. (Стихотворения гр. А. К. Толстого, 2 т.)» (1870-е, черновой автограф, оп. 1, № 144) и др. Остальные рецензии он публиковал под своей настоящей фамилией. Среди них: «Литературные очерки. Нечто об искателях широких рамок. («Отечественные записки», июнь 1876 г.)» (оп. 1, № 140); «Жизненный реализм (собрание сочинений Евгения Маркова. Т. 1 и 2 (публицистика и критика). СПб., 1877. Издание книгопродавца В. И. Белого» (1877—1878, автограф, оп. 1, № 143); «Реакционеры девятнадцатого века. Брандес. Главные течения литературы девятнадцатого столетия. Лекции, читанные в Копенгагенском университете. Перевод с немецкого, издание А. Шпродтмана. Т. 1. М. 1881» (черновой автограф, окончание отсутствует, оп. 1, № 145) и др.

Опись 2 фонда С. А. Венгерова небольшая по объему (57 ед. хр.) включает в себя биографические материалы за 1876—1993 гг. Большой интерес для исследователей представляет родословная С. А. Венгерова, составленная Ю. М. Жиботинским (мужем его двоюродной сестры) и переписанная внучкой Венгерова Ниной Всеволодовной Венгеровой в 1977 г. Родословная представляет собой генеалогическую таблицу рода Венгеровых—Ландау (1977, оп. 2, № 1). В архиве сохранились личные документы С. А. Венгерова: удостоверения и уведомления о присвоении звания профессора, приват-доцента, диплом Санкт-Петербургского университета о присвоении ученой степени кандидата права, паспортная книжка (1897—1910, оп. 2, № 2—4). В фонде хранится интересный документ, косвенно говорящий о симпатиях Венгерова к революционерам-народникам, — билет, выданный ему для свидания с редактором журналов «Былое», «Минувшие годы» П. Е. Щеголевым, заключенным в тюрьму в 1909 г. (оп. 2, № 5). Здесь содержатся также автобиография (машинопись с правкой автора, брошюра, 1912—1920, оп. 2, № 6); дневник с записями личного характера; записная книжка с адресами друзей, знакомых и бытовыми записями (оп. 2, № 7, 8); книги с записями адресов и фамилий разных лиц (оп. 2, № 9—12); конспекты работ по истории права, его студенческие стихотворения (1870-е, автограф, оп. 2, № 14); телеграмма редакции журнала «Театральная Россия» по поводу 30-летия его литературной деятельности; адрес сотрудников Российской книжной палаты в связи с 65-летием С. А. Венгерова (1920, оп. 2, № 15, 16).

Отдельный комплекс составляют хозяйственно-имущественные материалы, раскрывающие повседневные бытовые заботы С. А. Венгерова и его семьи. Среди них: уведомления об истечении срока найма квартиры; доверенность на право распоряжения имуществом; письма о продлении срока его страхования, о продаже акций; долговые обязательства, векселя, расчетные книжки по текущему счету обществ взаимного кредита Санкт-Петербургского уездного земства, деятелей печатного дела; сберегательные, кооперативные книжки и др. (1884—1919, оп. 2, № 17—19).

О широких связях и круге общения говорят приглашения, извещения о помолвках, свадьбах, кончинах разных лиц (на англ., нем., фр., и рус. языках за 1877—1916 гг.), присланные на имя С. А. Венгерова и его жены Р. А. Венгеровой (оп. 2, № 20).

Большой интерес представляют материалы о С. А. Венгерове. Сюда включены: стихотворение Н. М. Минского (наст. фам. Виленкин Николай Михайлович), посвященное С. А. Венгеру; список трудов С. А. Венгерова за 1875—1909 гг., составленный его учеником и первым заведующим его архивом А. Г. Фоминым (оп. 2, № 22); отзывы разных лиц на труды С. А. Венгерова и изданные под его редакцией: собрания сочинений Ж.-Б. Мольера, В. Шекспира, Ф. Шиллера (1876—1916, оп. 2, № 23—37, 39, 40); статьи и заметки разных авторов с библиографическими сведениями о С. А. Венгерове, З. А., И. А., П. Ю. Венгеровых (1909—1912, оп. 2, № 38).

Отдельную группу составляют материалы о кончине и увековечивании памяти С. А. Венгерова: письмо и телеграмма Книжно-библиотечного отдела Института внешкольного образования, Ф. Ф. Раскольников (Ильин) к Венгеровым с соболезнованиями по поводу его кончины (1920, оп. 2, № 41, 42); корректура неуставленного издания речи «Памяти Семена Афанасьевича Венгерова», произнесенной Б. М. Энгельгардтом в Доме искусств 16 сентября 1920 г. (оп. 2, № 43); речь участницы семинаров С. А. Венгеров (неустановленное лицо) на панихиде по поводу годовщины смерти С. А. Венгерова (1921, оп. 2, № 44); заметка Н. Гриневой «Замечательный русский книговед. К 100-летию со дня рождения» в газете «Вечерняя Москва» от 18 апр. 1955 г. (оп. 2, № 45); машинопись работы М. Ф. Щербаковой «Профессор Семен Афанасьевич Венгеров. Очерк жизни и деятельности» (с вклеенными фотографиями С. А. Венгерова) (1967, оп. 2, № 46); афиша вечера Санкт-Петербургского фонда культуры, посвященного памяти С. А. Венгерова (1993, оп. 2, № 47); корректура журнала «Задуманное слово» со статьей С. Ф. Либровича «Пушкинский семинарий и его руководитель» (оп. 2, № 48).

Небольшую группу (9 ед. хр.) составляют изобразительные материалы, датируемые 1877—1914 гг. К их числу относятся: портреты С. А. Венгерова одиночные и групповые с членами его семьи, родственниками и знакомыми. Среди них: его карандашный портрет работы неуставленного художника (1910-е, оп. 2, № 49), фотографии одиночные (1890-е—1917, оп. 2, № 50); вырезки из журналов с его портретами, карикатурами и дружескими шаржами на него (1912—1915, оп. 2, № 52); фотографии групповые: с членами Русского библиологического общества; с гостями усадьбы «Ясная поляна» (1904—1912), на открытии мемориальной доски на доме, где жил М. Е. Салтыков-Щедрин (с дочерью М. Е. Салтыкова-Щедрина маркизой Е. М. Пассано и гр. И. И. Толстым, 1914); с участниками чествования Д. Н. Овсяннико-Куликовского по случаю 35-летия ученой деятельности (1908—1912, вырезки из газет); с фотографом Э. П. Юргенсоном (около 1914 г., оп. 2, № 54—57).

Материалы о деятельности С. А. Венгерова (оп. 3) составляют 885 ед. хр. за 1866—1936 гг. В них нашла свое отражение вся его многогранная деятельность как редактора, издателя, юриста, педагога и общественного

деятеля. Здесь же содержится коллекция собранных С. А. Венгером материалов, относящихся к революционному движению в России.

Библиографическая деятельность включает материалы по организации, подготовке и редактированию библиографических изданий. Среди них «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Предварительный список» (СПб., 1886—1915, 1-е и 2-е изд., оп. 3, № 1—44). Чаще всего это списки фамилий без биобиблиографических сведений;²¹ «Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках» (СПб., 1895—1898. Т. 1—3; оп. 3, № 45—64); «Источники словаря русских писателей» (СПб., 1900—1917. Т. 1—4; оп. 3, № 65—93). Кроме того, в фонде сохранился неопубликованный экземпляр 5-го тома («О»—«Одоевский»), подготовленный в 1936 г. А. П. Могиланским по материалам С. А. Венгерова (оп. 3, № 93). Среди материалов — списки и перечни фамилий писателей, ученых, переводчиков, государственных и общественных деятелей со сведениями биобиблиографического характера (оп. 3, № 1—14, 16—18, 20—25, 27—32); переписка с разными лицами и учреждениями в связи с подготовкой изданий, в том числе — докладная записка С. А. Венгерова в Главное управление по архивным делам о выделении средств на продолжение 2-го издания «Критико-биографического словаря» (оп. 3, № 26); книги подписчиков,²² среди которых имена В. Г. Короленко, Л. Н. Толстого и других (оп. 3, № 35), из подписчиков-учреждений — Академия наук,²³ Воронежская, Новоузенская, Пермская и другие земские управы, Томская железнодорожная библиотека и другие; кассовые книги; письма-заявки на издания (оп. 3, № 34—36, 41). Вырезки из газет с биографическими сведениями о писателях и ученых можно рассматривать как подготовительный материал к изданиям.

Отдельный раздел составляют документы о создании и деятельности Литературно-библиографического института.²⁴ Сюда включены: переписка С. А. Венгерова с АН, департаментом народного просвещения и другими о создании и деятельности института (1915—1918, оп. 3, № 106); его устав (11 вариантов, машинопись, типографский экземпляр с правкой С. А. Венгерова, оп. 3, № 108); протоколы общих собраний и комиссий (оп. 3, № 113); финансовые документы: приходно-расходная книга, проект сметы и смета на содержание института и др. (оп. 3, № 110). Сохранились также: краткое изложение основных направлений деятельности института, озаглавленное С. А. Венгером «Задачи Литературно-библиографического института и работы, производимые им» (машинопись, оп. 3, № 107); статьи разных авторов о создании и деятельности института (оп. 3, № 109);

²¹ Сохранились списки с биобиблиографическими сведениями о разных лицах (1913—1915), собранные Б. Г. Борщевским, И. Д. Зубаревым, В. Б. Оксом, Ф. Ф. Раскольниковым, М. С. Уваровым, З. В. Успенской-Каревой (оп. 3, № 27—32). Например, список «Женщины 40-х годов» (1915), составленный З. В. Успенской-Каревой (оп. 3, № 32).

²² Здесь же письма С. А. Венгерова к Л. Н. Андрееву, А. А. Блоку, В. Я. Брюсову, И. А. Бунину, М. А. Гартунг (урожд. Пушкина), Н. Н. Златовратскому, В. И. Иванову, А. Ф. Кони, В. Г. Короленко, В. Д. Набокову, В. Г. Черткову по поводу подписки на «Критико-биографический словарь» (1886) (оп. 3, № 34).

²³ Далее — АН.

²⁴ О создании и деятельности Литературно-библиографического института см.: *Родюкова М. В.* О судьбе архива... С. 375—376.

письма конторы изданий «Товарищества А. Ф. Маркс», «Общества деятелей периодической печати», «Товарищества М. О. Вольф» и других к С. А. Венгеру с предложением стать членами-учредителями института (оп. 3, № 112).

Редакционно-издательская деятельность представлена в третьем разделе описи, который включает большой по объему комплекс документов (639 ед. хр.) за 1866—1919 гг. Здесь содержатся материалы: собраний сочинений классиков мировой литературы, журналов и сборников, вышедших под редакцией С. А. Венгерова; книгоиздательства «Светоч», редактором изданий которого он являлся; нормативные и финансовые документы, связанные с его редакционно-издательской деятельностью.

Почти половину объема этого комплекса составляют материалы по редактированию и изданию собраний сочинений Ф. Шиллера (СПб., 1901—1902, оп. 3, № 114—184); В. Шекспира (СПб., 1902—1904, оп. 3, № 185—245); Д. Г. Байрона (СПб., 1904—1905, оп. 3, № 246—308); Ж.-Б. Мольера (СПб., 1912—1913, оп. 3, № 309—343); А. С. Пушкина (СПб., 1907—1915, оп. 3, № 344—455); В. Г. Белинского (СПб., 1900—1917,²⁵ оп. 3, № 456—471); Л. Н. Толстого (оп. 3, № 472—483), вышедших в серии «Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова». Материалы представлены переводами и текстами произведений, предисловиями, статьями, примечаниями, библиографией (большинство из них наборные рукописи авторов), планами изданий, перепиской по вопросам публикации собраний сочинений и др. В фонде хранятся материалы к 4 томам Ф. Шиллера (1899—1902), к 5 томам В. Шекспира (1902—1904), к 3 томам Д. Г. Байрона (1903—1906), к 2 томам Ж.-Б. Мольера (1906—1912). Среди авторов переводов зарубежных классиков можно назвать К. К. Арсеньева, Ф. Д. Батюшкова, В. Я. Брюсова, З. А. Венгеру, Р. А. Венгеру, П. И. Вейнберга, А. В. Ганзен, П. П. Гнедича, А. Г. Горнфельда, Н. П. Дашкевича, Ф. Ф. Зелинского, А. А. Коринфского, Л. Ю. Лазаревич-Шепелевича, Н. М. Минского, П. О. Морозова, М. П. Погодина, Э. Л. Радлова, М. Н. Розанова, К. К. Случевского, В. С. Соловьева, Э. Э. Ухтомского, А. А. Фета, О. Н. Чюмину, Т. Л. Щепкину-Куперник и др. Автором вступительных статей являлся С. А. Венгер. Однако черновик статьи «От редакции» сохранился только в материалах собрания сочинений Байрона. Кроме того, в материалах 3-го тома сочинений Шиллера хранятся составленная им библиография к «Истории отпадения Нидерландов. Русские переводы» (1900—1901) и «Объяснения к рисункам» (1901, оп. 3, № 149, 150). Определенный интерес представляют «Библиографический указатель русской литературы о Шиллере» и «Дополнения и поправки к списку русских переводов Шиллера», составленные Н. Н. Бахтиным и помещенные в 4-й том (автограф, 1902, оп. 3, № 169). В материалах к сочинениям Мольера имеется письмо (от 20 мая 1911 г.) директора Санкт-Петербургских Высших женских курсов С. К. Булича в библиотеки и архивы Франции с просьбой допустить к работе С. А. Венгерова в связи с подготовкой к изданию собрания сочинений Мольера (оп. 3, № 341).

²⁵ В 1926—1948 гг. вышли последних два тома — 12-й и 13-й под ред. В. С. Спиридонова.

Сохранились материалы к 5 томам собрания сочинений А. С. Пушкина за 1906—1916 гг. Это в основном наборные рукописи (автографы, авторизованная машинопись, расклейка неустановленных изданий), корректуры с правкой авторов примечаний к произведениям и статьи (среди авторов — А. А. Блок, В. Я. Брюсов, С. А. Венгеров, З. А. Венгерова, А. Н. Веселовский, В. И. Иванов, А. Ф. Кони, Н. А. Котляревский, Н. О. Лернер, Б. Л. Модзалевский, П. О. Морозов, Э. Л. Радлов, П. Е. Щеголев и др.), а также подготовительные материалы к собраниям сочинений: перечни стихотворений по годам с указанием места хранения рукописей, с библиографическими сведениями; названия статей о Пушкине с указанием фамилий авторов; разметка иллюстраций для 1-го и 2-го томов; план издания; записи, относящиеся к истории текстов стихотворений; материалы к иллюстрациям и др. (оп. 3, № 431—451). Здесь же содержатся письма С. А. Венгерова к Л. Н. Андрееву, В. Я. Брюсову, И. А. Бунину, М. Горькому, И. Е. Репину, П. А. Щеголеву и другим, касающиеся издания собрания сочинений Пушкина (оп. 3, № 452), а также письма непрямого секретаря имп. АН С. Ф. Ольденбурга к А. Ф. Онегину с просьбой допустить к занятиям в его архиве С. А. Венгерова в связи с подготовкой к изданию собрания сочинений А. С. Пушкина (14 июля 1911 г., оп. 3, № 454); канцелярии Министерства Императорского двора С. А. Венгеру по поводу иллюстративного материала к этому изданию (5 июля 1913 г., оп. 3, № 455). В этих же материалах содержатся вырезки из газет и журналов со статьями, рецензиями и отзывами разных лиц на это издание (оп. 3, № 453).

В комплекс материалов, касающийся подготовки к изданию полного собрания сочинений В. Г. Белинского, датируемых 1900—1917 гг., включены: наборные рукописи примечаний к 8 томам сочинений, титульные листы, оглавления, предисловия к отдельным томам, составленные С. А. Венгеровым, а также материалы подготовительного характера: письмо С. А. Венгерова в Рукописное отделение Музея Н. П. Румянцева с просьбой прислать ему рукописи В. Г. Белинского, перечни названий журналов, газет, список лиц, которым предполагалось переслать бесплатные экземпляры собрания сочинений (в тетради); материалы, относящиеся к истории написания художником И. А. Астафьевым картины «Белинский за письменным столом»; письмо Астафьева к Н. В. Некрасову; записи Н. В. Некрасова своей беседы с художником по поводу картины; письмо жены Белинского Марии Васильевны к И. А. Астафьеву (машинописные копии, 8 мая 1915 г., в тетради); письма разных лиц с заявками на собрание сочинений (52 письма, 1901—1917); объявления о подписке и т. д. (оп. 3, № 456—471).

Издание собрания сочинений Л. Н. Толстого не состоялось. В фонде сохранились лишь подготовительные материалы за 1913—1914 гг., к числу которых относятся: переписка С. А. Венгерова с Правлением акционерного общества издательского дела (бывшее Брокгауз—Ефрон) по поводу условий соглашения об издании сочинений Л. Н. Толстого в 12 томах; смета стоимости издания, его общий план с распределением произведений по томам, перечнем авторов статей о творчестве Толстого, списком учреждений и частных лиц, где могут храниться рукописи Толстого; алфавитные и хронологические списки произведений Толстого; списки сотрудников изда-

ния; перечни названий вступительных статей по томам, рукописей Толстого, хранящихся в музее Л. Н. Толстого в Москве (оп. 3, № 472—475). В материалах издания содержатся также предисловие к 1-му тому неосуществленного издания собрания сочинений Толстого в 24 томах — «Детство, Отрочество и Юность. (История произведения)», подготовленное П. И. Бирюковым; его статьи под общим заглавием: «История текста полного собрания сочинений Л. Н-ча Толстого издания т-ва И. Д. Сытина под редакцией П. И. Бирюкова» (оп. 3, № 476—477); машинописные копии текста повести «Отрочество» (в тетради с пометой на обложке Н. А. Лютецкой: «Неизданный вариант (незаконченный)»); расклейка издания И. Д. Сытина (СПб., 1913—1914) с повестями «Детство», «Отрочество», «Юность», с уточнениями и дополнениями текста повестей по рукописям Л. Н. Толстого, сделанными Н. А. Лютецкой (оп. 3, № 478—479).

Несомненный интерес представляет записная книжка С. А. Венгерова с материалами по изданию классиков мировой литературы: списки авторов переводов, статей; планы, расчеты объема томов (оп. 3, № 482); сводная алфавитная книга с записями фамилий авторов, редакций журналов и газет, получивших издания «Критико-биографического словаря», Мольера, Пушкина и др. (оп. 3, № 483).

Материалы о деятельности С. А. Венгерова в журналах: «Слово» (СПб., 1881, 1882), «Устой» (СПб., 1881—1883), «Невский альманах» (Пг., 1915, 1917) составляют автографы произведений (стихотворения, рассказы, очерки, переводы и др.), статьи, заметки и письма разных лиц, присланные в редакции журналов. Среди авторов журнала «Слово» (1877—1883): А. Г. Алеев (псевд. Днепровский), М. В. Барро, П. А. Бечаснов, М. М. Богданов, В. М. Борисов, М. П. Бородин, Р. А. Венгерова, Х. А. Вермишев, П. И. Добротворский (псевд. Кармасанов Петр), В. С. Карцов, В. П. Михайлов (псевд. Мартов), Н. Молотов (псевд. Н. К. Никифорова), А. Я. Немировский, П. В. Собакирев, С. Г. Сомов, П. Т. Яворский и др. (оп. 3, № 484—530).

В материалах журнала «Устой» (1881—1882) хранятся документы, представляющие интерес для изучения истории его издательской деятельности. Среди них: свидетельство, выданное С. А. Венгеру Главным управлением по делам печати, удостоверяющее, что он состоит издателем этого журнала (1881); перечень авторов с обозначением названий их работ и с отметкой о принятии к публикации (1881—1882, в тетради); документы, относящиеся к расчетам по изданию журнала: счета, расписки, отчет о высылке журнала подписчикам и т. д. (1881—1882); письма разных лиц в редакцию по поводу публикации произведений и выплате гонорара (1882—1883); письма Санкт-Петербургского цензурного комитета к С. А. Венгеру с приглашением на переговоры как редактора (1882) и др. (оп. 3, № 531—537). В журнале публиковались стихотворения, рассказы, переводы, а также очерки, статьи, заметки по различным вопросам социально-политической направленности. Среди них: статья И. В. Лучицкого «Общинное землевладение в Малороссии»; очерк Е. Д. Максимова «Из жизни окраин»; статья Г. И. Успенского «Внутреннее обозрение. Антихрист и антихристовая печать»; Ф. Е. Щербака «Из жизни культурного центра. Воспоминания домашнего учителя» (оп. 3, № 544, 545, 550, 553). Из

неопубликованных работ сохранился перевод В. И. Засулич романа английской писательницы мисс Блекборн «Депутат от Дунбеллина (современная ирландская история...)» (оп. 3, № 541).

С. А. Венгеров предполагал начать издание в Санкт-Петербурге журнала «Новь». Сохранились даже письмо к нему Главного управления по делам печати с разрешением издавать этот журнал и справка III Отделения Собственной его имп. величества канцелярии о благонадежности Венгерова (1880) (оп. 3, № 556). Издание журнала не состоялось.

Но наиболее ценные и интересные материалы представлены в разделе, который составляет комплекс документов журнала «Невский альманах» (1914—1915). В их числе: автографы стихотворений: К. К. Арсеньева «Когда короткий день склоняется к закату...»; А. А. Ахматовой «Был он ревнивым, тревожным и нежным...»; К. Д. Бальмонта «К луне» (авторизованная машинопись, оп. 3, № 557—559); А. А. Блока «Juvenilia» (автограф, корректура); В. Я. Брюсова «Пора!» («Была пора ударить буре...»); И. А. Бунина «В темную ночь, в штиль под экватором» (2 экземпляра, оп. 3, № 562—564); З. Н. Гиппиус «Не будем как солнце» («О нет. Не в падающий час закатный...») (оп. 3, № 569); Н. С. Гумилева «Как могли мы прежде жить в покое...» (оп. 3, № 571); В. И. Иванова «Минувшее лето» (оп. 3, № 574); А. И. Куприна «Рок» («За днями дни... И каждый день все то же...») (оп. 3, № 583); П. С. Соловьевой «Бабушка» («Поздний ветер, пролетая...») (оп. 3, № 592); Ф. Сологуба «Благоуханье по весне...», «Мне короли сказали...» (оп. 3, № 593); Тэффи (псевд. Н. А. Лохвицкой) «Огонек» («Огонек мой маленький...») (оп. 3, № 595); Т. Л. Щепкиной-Куперник «Дети беженцев» (авторизованная машинопись, оп. 3, № 597) и других; воспоминания А. В. Иванчина-Писарева «Из жизни Гл. Ив. Успенского» (оп. 3, № 575); статья В. Д. Кузьмина-Караваева «Кто победит» (наборная авторизованная рукопись, оп. 3, № 582); сказка А. М. Ремизова «Золотой столб» (оп. 3, № 590) и др.

Самостоятельный раздел составляют материалы о деятельности С. А. Венгерова в редколлегиях сборников (1898—1919). К их числу относятся: «Юбилейный сборник Литературного фонда (1859—1909)», «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову» (СПб., 1910), «Русская литература» (М., 1915).

Материалы «Юбилейного сборника Литературного фонда» посвящены 50-летию создания этого фонда. В него включены произведения разных жанров, воспоминания, статьи, очерки, эссе, заметки, речи. Среди авторов: М. Н. Альбов, Н. Ф. Анненский, К. К. Арсеньев, А. А. Блок, З. Н. Гиппиус, С. М. Городецкий, С. Д. Дрожжин, Иванов-Разумник, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковский, Н. Минский, В. Д. Набоков, С. Я. Надсон, В. И. Немирович-Данченко, Л. Н. Толстой, О. Н. Чюмина и др. Следующий сборник посвящен памяти Владимира Васильевича Стасова. В него вошли: воспоминания Е. М. Бем (урожд. Ендаурова), И. Я. Гинцбурга, М. Горького, С. А. Давыдовой (урожд. Гойер), Н. П. Клард (урожд. Дютур), Р. Ньюмарч, А. М. Померанцевой-Фроленко, Е. П. Тархановой (Тархан-Муравова, урожд. Антокольская), Ф. Ф. Фидлера и других о В. В. Стасове; очерки о его деятельности В. П. Рупини, Г. А. Свечина; стихотворения И. А. Гриневской, Н. П. Клард; статьи о нем Е. Э. Линевой (урожд. Паприц), Э. Л. Рад-

лова, И. И. Толстого; заметка Н. Д. Чечулина «Стасовское собрание портретов Петра I» (автографы, наборные авторизованные рукописи, корректуры, оп. 3, № 643, 645—658, 660, 665). Сохранились материалы кружка памяти В. В. Стасова: список членов кружка с указанием адресов, планы работы, протоколы заседаний (1906—1907, в переплете, оп. 3, № 666).

Материалы сборника «Русская литература» составляют 21 ед. хр. за 1913—1917 гг. В них вошли авторские наборные рукописи и корректуры статей о творчестве русских писателей: Ф. Д. Батюшкова «Ив. А. Бунин» (1915); Андрея Белого «Вячеслав Иванов» (1917); В. Я. Брюсова «Александр Блок» (1915); С. А. Венгерова «М. Горький» (1914), «А. Добролюбов» (1914), «Н. Минский» (1914, рукой неустановленного лица), «А. Волынский» (1915), «Леонид Андреев» (1916); А. Г. Горнфельда «Федор Сологуб» (1914); А. Б. Дермана «Е. Н. Чириков» (1914); А. С. Долинина (наст. фам. Искоз) «В. В. Розанов» (1915); Иванова-Разумника «Андрей Белый» (1915); «В. Вересаев» (1913); В. Львова-Рогачевского (псевд. В. Л. Рогачевского) «Максим Горький (Алексей Максимович Пешков. 1868 г. 16 марта)» (1913); П. П. Митрофанова «Анненский (Иннокентий Федорович)» (1915); Г. Я. Полонского «Поэзия Минского» (1913); Э. Л. Радлова «Философия Н. М. Минского» (1913, оп. 3, № 667—686), а также стихотворения Ф. Сологуба «Я люблю мою темную землю...», «Дети радостей и света...» (б. д., автограф, оп. 3, № 687) и статья С. А. Венгерова «Этапы неоромантического движения» (1914, оп. 3, № 671). Здесь же находятся программа издания и предисловие к нему, составленные С. А. Венгеровым (1913, оп. 3, № 670).

Небольшая группа документов, касающаяся издания сборника «Русская поэзия», включает 7 ед. хр. за 1893—1913 гг. Сюда вошли: перечни с фамилиями поэтов XVIII—XIX вв. с указанием количества публикуемых стихотворений каждого из них, фамилий авторов статей о них и другое; кассовые книги по изданию; «Разносная книжка „Русской поэзии“. 1895», содержащая перечень подписчиков с расписками в получении V выпуска; книга подписчиков; письма С. А. Венгерова редактору газеты «Новое время» по поводу статьи «Страничка в Критико-биографический словарь» с оценкой издания «Русская поэзия»; разных лиц с заявками на издание «Русская поэзия» (1893—1916, оп. 3, № 688—694).

В фонде сохранился сборник статей «Главные деятели освобождения крестьян» (СПб., 1903), представляющий из себя наборные рукописи авторов, заключенные в переплет. К нему составлена внутренняя опись, содержащая статьи в алфавитном порядке авторов. Среди них: А. И. Браудо «Николай Алексеевич Милютин», Е. А. Егоров «Яков Иванович Ростовцев», А. А. Кизеветтер «Император Александр Николаевич», А. Ф. Кони «Великая княгиня Елена Павловна», Н. П. Павлов-Сильванский «Великий князь Константин Николаевич», В. И. Семевский «Николай Иванович Тургенев» (оп. 3, № 1, 3—7). Предисловие к сборнику составил С. А. Венгеров (оп. 3, № 2).

Отдельный раздел составляют материалы книгоиздательства «Светоч» и его издания «Библиотека „Светоча“». Они содержат делопроизводственные документы издательства, в том числе: кассовую книгу за 1912—1919 гг.; копирувальную книгу писем разным лицам; письма разных лиц в

книгоиздательство по поводу подписки на издания (1905—1917, оп. 3, № 696—697); приговор и определение Санкт-Петербургской судебной палаты об уничтожении и аресте «Библиотеки „Светоч“» со статьей М. К. Цебриковой «Письмо Александру III» и книги С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» (2 окт. 1909 г., оп. 3, № 699) и др. Среди этих документов содержится также свидетельство, выданное С. А. Венгеру градоначальником Петербурга, с разрешением на выпуск в свет журнала «Светоч» и приложения к нему: «Библиотека „Светоча“» (заверенная машинописная копия, 5 янв. 1906 г., оп. 3, № 706). Отдельной группой представлены наборные рукописи (автографы, рукой Ф. М. Степняк и разных лиц) и типографский экземпляр произведений и статей С. М. Степняка-Кравчинского, среди которых — «Сказка-Говоруха» (1875), дополнение к тексту романа «Штундист Павел Руденко» (1907), повесть «Домик на Волге» (1907), сказка «О правде и кривде», статьи «Заграничная агитация», «Чего нам нужно и начало конца» (1892), «Органические и случайные элементы в политических программах русских демократов» (1895) и др. (оп. 3, № 707, 709, 710, 712, 714, 715), а также предисловий С. А. Венгерова к 5-й части собрания сочинений С. М. Степняка-Кравчинского (отрывок, наборная рукопись, автограф, 1908), В. В. Водовозова к 4-й части этого издания (1919), статья П. А. Кропоткина «Андрей Кожухов» (1907) и его же воспоминания о С. М. Степняке-Кравчинском (наборная рукопись, автограф, 1907, оп. 3, № 720—723).

В фонде хранятся нормативные и финансовые документы редакционно-издательской деятельности за 1866—1919 гг. К ним отнесены: договоры С. А. Венгерова с издательствами, счета, его переписка с книгоиздательствами, типографиями, книжными магазинами по поводу публикации и реализации книг как самого Венгерова, так и изданий под его редакцией; письма к С. А. Венгеру разных учреждений и лиц по вопросам редакционно-издательской и библиографической деятельности; циркуляры Главного управления по делам печати; «Записка о печати» имп. АН и другие документы, регламентирующие деятельность издательств (оп. 3, № 724—753).

Юридическая деятельность С. А. Венгерова нашла свое отражение в основном в материалах по выработке проекта закона об авторском праве, в котором он принимал активное участие. Об этом свидетельствует его доклад «Авторское право» (черновик) и дополнения к проекту статей об авторском праве (наборная рукопись, машинопись с правкой автора; 1899—1908, оп. 3, № 756), а также подборка материалов по этому вопросу: «Проект статей об авторском праве на литературные, музыкальные и художественные произведения» (типографский экземпляр с пометами С. А. Венгерова и замечаниями на тексте проекта Н. Г. Вутетича и В. М. Грибовского); письма с замечаниями к тексту проекта И. Д. Ахшарумова, В. В. Билибина, Н. Н. Златовратского и др. (автографы; 1899—1908, составлена внутренняя опись на фамилии авторов замечаний, оп. 3, № 755); «Проект министра юстиции об авторском праве на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения» (типографский экземпляр с вставками и правкой С. А. Венгерова, оп. 3, № 759), «Краткая объяснительная записка к проекту министра юстиции...», «Авторское право. Доклад комис-

сии Санкт-Петербургского литературного общества по поводу проекта...» (типографский экземпляр, 1908, оп. 3, № 760); протоколы заседаний «Комиссии Санкт-Петербургского литературного общества по поводу проекта закона об авторском праве» (рукой Е. П. Семенова с пометами С. А. Венгерова, 1908, оп. 3, № 761); «Свод отзывов членов Союза русских писателей о законопроекте об авторском праве 1899 г. составитель Н. П. Милоков» (1899); статья В. Е. Чешихина «По поводу законопроекта об авторском праве на литературные и музыкальные произведения» (оттиск «Журнала Министерства юстиции», 1900, № 1 с пометами автора и постатейными замечаниями к нему; 1899—1900, оп. 3, № 758); «К вопросу о литературной конвенции (из доклада, прочитанного (Е. П. Семеновым. — М. Р.) в Санкт-Петербургском литературном обществе)» (автограф, 1908, оп. 3, № 760). Сохранилось также несколько ед. хр., косвенно свидетельствующих о его работе в качестве присяжного поверенного: повестки Московской судебной палаты; свидетельство о допуске его к заключенным (1886—1915); апелляционная жалоба крестьян деревни Кольны Тульской губернии в Московскую палату по поводу отказа в иске о признании за ними права собственности на землю (писарская копия), копия решения Тульского губернского суда по данному вопросу (1881—1882, оп. 3, № 754, 762); «Правила для общественных работ в Санкт-Петербурге, производимых силами безработных, утвержденные городской исполнительной комиссией для заведования организацией и устройством общественных работ» (типографский экземпляр, оп. 3, № 763).

Педагогическая деятельность С. А. Венгерова представлена материалами об организации учебного процесса (1889—1920) и работе семинаров (1908—1920). В первую группу вошли: уведомления Санкт-Петербургского университета приват-доцентам о необходимости предоставить сведения о предполагаемых спец. курсах, о защите магистерских диссертаций и другие (1898—1919); условия приема слушательниц на Высшие женские (Бестужевские) курсы (типографский экземпляр, 1910); секретный циркуляр товарища министра народного просвещения В. Т. Шевякова В. М. Бехтереву по поводу вечера памяти Л. Н. Толстого в Психоневрологическом институте (заверенная машинописная копия, 1911); план «Доклада на женском съезде по вопросу об общеобразовательном курсе на Бестужевских курсах», составленный С. А. Венгером; протокол собрания слушательниц этих курсов по поводу доклада; заметки об институтском воспитании Е. Никольской (1912); экзаменационная программа курса «История русской литературы», читаемая в Психоневрологическом институте (типографский экземпляр, 1912, оп. 3, № 764, 767, 772, 773); протоколы заседаний преподавателей кафедры истории русской литературы и кафедры русского языка и словесности I Петроградского университета (машинопись, рукой неустановленного лица, подпись С. А. Венгерова; 1918—1919, оп. 3, № 777); ходатайство С. А. Венгерова о назначении стипендий оставленным при Петроградском университете Б. М. Энгельгардту и Ю. А. Никольскому (1916); его отзыв о научных заслугах лиц, выставивших свою кандидатуру для замещения вакантной должности на кафедре истории русской литературы Гельсингфорсского университета: К. И. Арабажина, В. П. Мансикки, Н. К. Пиксанова, П. Н. Сакулина, К. Ф. Тиандера (1913,

оп. 3, № 775); адрес студентов Санкт-Петербургского университета С. А. Венгеру с выражением сочувствия по поводу его увольнения из университета (1899, оп. 3, № 780) и др. Здесь же содержатся письма учреждений и разных лиц, адресованные С. А. Венгеру: управляющего Санкт-Петербургским учебным округом Л. И. Лаврентьева с приглашением его в качестве экзаменатора (29 апр. 1899 г.), Министерства народного просвещения с отказом ему в чтении лекций по истории русской литературы в Санкт-Петербургском университете (2 письма — 3, 18 июня 1903 г.), Психоневрологического института в связи с торжественным заседанием, посвященным памяти Л. Н. Толстого и по общим вопросам педагогической деятельности (2 письма — 9 нояб. 1910 г., 7 дек. 1911 г.), декана историко-филологического факультета Московского университета А. А. Грушки по поводу характеристик-рекомендаций для избираемых на вакантные должности профессоров (11 дек. 1918 г.); Е. И. Гомберга с изложением недостатков в преподавании на Высших женских курсах (2 письма — 1 дек. 1912 г., 10 дек. 1915 г., оп. 3, № 765, 766, 768, 771); письма студентов по поводу курсовых работ, рефератов, докладов и т. д. (1897—1920, оп. 3, № 807—809) и др.

Вторую группу составили материалы семинаров по творчеству А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, которыми руководил С. А. Венгер в Санкт-Петербургском университете, Психоневрологическом институте, на Высших женских (Бестужевских) курсах. Материалы Пушкинского семинара занимают наибольшее место и включают в себя: протоколы заседаний семинара (в Санкт-Петербургском университете, Психоневрологическом институте, на Высших женских курсах) (1908—1912; 1910—1914; 1911—1914, оп. 3, № 781, 782, 796, 797, 802); перечни тем, рефератов, инструкцию для участников семинара университета «В лаборатории гения» (1908—1920, оп. 3, № 783); «Программу составления Словаря поэтического языка Пушкина» (СПб., 1911. Вып. 1, оп. 3, № 784); списки участниц семинара Высших женских курсов, планы занятий (в тетради) (1910—1919, оп. 3, № 798); заявление С. А. Венгерова на историко-филологический факультет университета с просьбой выделить средства на приобретение книг для семинара (рукой А. Г. Фомина; 18 апр. 1908 г., оп. 3, № 785) и др. В материалах семинара в Петербургском университете сохранились рефераты некоторых его участников: В. П. Драганова «Приписываемые Пушкину эпиграммы на архимандрита Фотия и графиню Орлову»; М. И. Лопатко «Повести Белкина», «Проблема „Медного всадника“»; Ю. Н. Тынянова «„Каменный гость“ А. С. Пушкина»; Б. М. Энгельгардта «Историзм Пушкина и его общественная идеология» (1913—1914, оп. 3, № 788—790), а также подготовительные материалы: копии стихотворений А. С. Пушкина, выписки из его статей и писем, собранные А. П. Чулошниковым для своих рефератов — «А. С. Пушкин о музыке», «А. С. Пушкин о Наполеоне» (автограф, 1912, оп. 3, № 793). В этих же материалах отложились письма С. А. Венгерова к участникам Пушкинского семинара при университете (4 письма рукой А. Г. Фомина, подпись — автограф; 1 марта 1911 г.) и Вас. В. Гиппиуса С. А. Венгеру с просьбой зачислить его в Пушкинский семинар при университете (9 сент. 1910 г., оп. 3, № 786, 787).

Материалы семинара публиковались в «Пушкинском историко-литературном сборнике под ред. С. А. Венгерова» (СПб., 1914. Вып. 1), куда вошли списки его участников, доклады студентов и летопись трех семинаров. На вклеенных в сборник листах — записи расчетов по изданию, список стихотворений Пушкина (автограф, рукой неустановленного лица; 1914—1918, оп. 3, № 805). Позднее он получил иное название — «Пушкинист. Историко-литературный сборник под ред. С. А. Венгерова». Сохранились предисловия ко 2-му и 3-му выпускам, а также оглавление к 3-му выпуску (наброски и наборная рукопись рукой С. В. Венгерова и неустановленного лица; 1918, оп. 3, № 806). В рамках Пушкинского семинара при Психоневрологическом институте выпускалась газета «Листок студентов психоневрологов» (корректурa с правкой С. А. Венгерова; 1911, оп. 3, № 803) и студенческий сборник института. Сохранились 12 стихотворений для этого сборника (1912—1914, оп. 3, № 804).

Материалы к другим семинарам представлены в небольшом объеме. Так, по творчеству А. И. Герцена — «Герцен и его современники» материалы семинара составляют одну ед. хр., содержащую протоколы его заседаний и список участниц при Высших женских курсах (1912—1916, оп. 3, № 800). Материалы семинара «Толстой. Жизнь и творчество» также включены в одну ед. хр. Сюда вошли списки участников, протоколы заседаний, перечень тем рефератов и др. (1910—1916, оп. 3, № 799). Материалы семинаров по творчеству Ф. М. Достоевского хранятся в двух ед. хр. Это протоколы заседаний, списки участников семинаров при Высших женских курсах и Психоневрологическом институте по теме «Мир Достоевского» (1916—1920, оп. 3, № 801) и два реферата Л. Н. Лунца: «Дети и детский вопрос у Достоевского», «Контрреферат к докладу А. Л. Векслера „О композиции у Достоевского“» (1918, оп. 3, № 795).

Активная общественная и политическая деятельность С. А. Венгерова нашла свое отражение в документах его архива (54 ед. хр. за 1876—1920 гг.). Отдельный комплекс составляют материалы о деятельности в обществах, комитетах и комиссиях. Сюда вошли материалы о его работе в обществах: Любителей российской словесности, Вольном экономическом, Библиографическом, «Культура и свобода», «Народных университетов», «Союзе взаимопомощи русских писателей» и др. К их числу относятся: уведомления об избрании в члены обществ, повестки на заседания, письма с приглашением прочитать лекции и т. д. (1881—1919, оп. 3, № 812, 814). Здесь же находятся материалы о деятельности С. А. Венгерова в Комитете по присуждению Грибоедовской премии: протокол решения Комитета о присуждении премии 1896 г., список пьес имп. московских, петербургских и других театров (10 дек. 1896 г.—15 янв. 1899 г., оп. 3, № 813). В материалах фонда сохранилось Обращение Комитета Союза русских писателей к общему собранию Союза об установлении мемориальной доски на доме последней квартиры В. Г. Белинского по адресу: Лиговская ул., д. 44 (машинопись с правкой и пометой С. А. Венгерова: «Дом, где умер Белинский»; 1898, оп. 3, № 815).

Небольшую группу составляют материалы о деятельности Общества Толстовского музея: письма «Комитета почина Общества Толстовского музея» С. А. Венгеру с предложением войти в члены Комитета; доверен-

ность на право ведения финансовых дел Общества, письма редакций газет «Речь», «Русские ведомости» и других учреждений о пожертвовании для музея; отчеты С. А. Венгерова как казначея Общества с приложениями к ним авансовых отчетов разных лиц, расписок в получении денег и другое; квитанции об уплате разными лицами и учреждениями вступительных и членских взносов в Общество, заполненные рукой С. А. Венгерова; вырезки из газет «Копейка», «Речь», «Южный край» и других со статьями и заметками М. М. Ковалева, В. Я. Яковлева и других авторов об организации и деятельности Общества, его финансовые документы (1909—1916, оп. 3, № 819—824). Здесь же содержатся: «Краткие сведения о деятельности Санкт-Петербургского общества народных университетов в начале 1909—1910 учебного года» (оп. 3, № 825); материалы Русского библиологического общества: записи его приходно-расходных денежных средств (в тетради; 1913—1915, оп. 3, № 826); материалы Педагогической академии: Устав академии (СПб., 1907), отчет о ее деятельности в 1908/09 академическом году, проект устава «Лиги образования» (типографский экземпляр без выходных данных, оп. 3, № 817); протоколы заседаний Санкт-Петербургского столичного мирового съезда по делу Товарищества «Культура» о проведении экспертизы (в числе экспертов С. А. Венгеров) по вопросу «о соответствии Большой энциклопедии требованиям энциклопедии» (машинописная копия; 12 дек. 1908 г.) и др. Сохранились списки различных обществ; лиц, обратившихся в контору «Энциклопедического словаря» с просьбой удерживать из их денег 1 % в пользу голодающих; список сотрудников Бюро для учета деятелей науки, литературы и общественности в России, направленный в Российскую книжную палату для включения в смету палаты, и др. (1891—1919, оп. 3, № 828, 836, 837). О негласной слежке полиции за С. А. Венгеровым как неблагонадежным свидетельствует секретное донесение полковника Яковлева о его присутствии на заседании Петербургского и организационного комитетов партии народных социалистов (1907, оп. 3, № 816).

Отдельный комплекс составляют речи, приветствия на торжественных заседаниях, посвященных памятным датам русской литературы (1901—1917). Среди них можно назвать: адрес Комитета Литературного фонда П. И. Вейнбергу по случаю 50-летия его литературной деятельности (1901, оп. 3, № 829); его же приветствие Московскому Художественному театру в связи с 10-летием (автограф С. А. Венгерова, 1908); речи С. А. Венгерова, посвященные М. Е. Салтыкову-Щедрину на вечере 23 нояб. 1910 г. (автограф, типографский экземпляр, 1910); 50-летию литературной деятельности П. Д. Боборыкина (автограф, типографский экземпляр, 1910); Ф. М. Достоевскому на вечере в зале Городской думы 25 апр. 1914 г. (тезисы, конспект, автограф); на вечере в память Л. Н. Толстого (наборная рукопись автора, вырезка из газеты «Речь», 1914, № 302; конспект речи на вечере в Технологическом институте, 1914—1919); вступительное слово на вечере в память 300-летия со дня смерти В. Шекспира в Тенишевском училище 21 апр. 1916 г. (автограф, оп. 3, № 842—846) и др.

В архиве сохранились письма С. А. Венгерову учреждений и организаций по вопросам общественной деятельности; пригласительные билеты ему на съезды и заседания и др. К их числу относятся письма Правления

«Лиги образования» с просьбой помочь в составлении каталога Библиотеки им. Н. В. Гоголя (1 июня 1909 г.); Комитета выставки «Искусство ребенка» с благодарностью вел. княгини Елизаветы Маврикиевны за участие в Экспертной комиссии (8 февр. 1910 г.); Омской судебной палаты с просьбой дать рекомендацию И. Н. Шендрикову (25 нояб. 1911 г.); Южнорусского книгоиздательства Ф. А. Иогансона о принадлежности литературных прав на литературные труды П. С. Козлова (2 письма — 25 февр., 2 марта 1913 г.), Наркомпроса РСФСР; 1-й Всероссийской школы журнализма по вопросам организации библиотечного дела, занятий в школе и др. (9 писем — 25 февр. 1918 г. — 3 июня 1919 г.); Российского исторического музея с просьбой об ознакомлении с системой каталогизации материалов в картотеках С. А. Венгерова (1918); Отдела народного образования при Муниципальном бюро Москвы по поводу участия С. А. Венгерова в издании серии брошюр по организации и методическим вопросам народного образования (17 авг. 1918 г.); Гуманитарного факультета Костромского гос. университета с благодарностью за содействие в получении библиотеки из Государственного книжного фонда (4 апр. 1920 г.) и другие (оп. 3, № 856—862, 864—866); пригласительные билеты на заседания 2-го Всероссийского съезда писателей, Союза чешско-словацких обществ, Совета съездов представителей промышленности и торговли и другие (9 янв. 1884 г. — 28 дек. 1918 г.); по поводу юбилейных и памятных дат А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Т. Г. Шевченко и других, историков литературы В. И. Срезневского, Н. И. Кареева, В. И. Семевского и других (1887—1918); редакций журналов «Летопись», «Северный вестник», «Журнал для всех» и других, а также приглашения частных лиц на обеды, ужины и т. д. (1876—1917, оп. 3, № 850—852). Сохранился также конвюлет, в состав которого входят афиши, объявления о публичных лекциях С. А. Венгерова, устав Общества русских писателей для помощи жертвам войны, письма С. А. Венгерова в Харьковский университет в связи с присуждением ему степени доктора словесности, Д. С. Мережковскому и др. (1908—1917, оп. 3, № 849).

Собрание документов, получившее название «Коллекция революционных материалов С. А. Венгерова», содержит 19 ед. хр. за 1881—1919 гг. В нее включены статьи и речи революционных деятелей; воззвания, прокламации, листовки, программы отдельных партий и др. Среди документов первой группы можно назвать, например, статьи В. Алексеева «Что такое народовластие?», «Совещательное правительство», «Что такое земский собор?», «Палата представителей» (типографский экземпляр: «Листок». 1905. № 4, 5, 6, 9); В. Л. Бурцева «Долой царя!» (брошюра, Лондон. 1901); В. В. Вальковского (псевд. Вальо-Отшельник) «Пропать и мощь России!!!» (брошюра, Пг., 1917), С. Я. Цейтлина «Избирательное право женщин», «Как в Пруссии народные представители избираются не народом...» (типографский экземпляр: «Листок». 1905. № 3 и б/№) и другие; Г. А. Гершуни «Речь Гершуни перед судом» (в связи с убийством Д. С. Сипягина),²⁶ газеты «Накануне», «Освобождение», «Революционная Россия»

²⁶ Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902) — министр внутренних дел. Был убит революционером С. В. Болмашевым 2 апр. 1902 г. в Петербурге.

и другие со статьями, письмами рабочих, заявлениями партий и другими материалами о социально-революционном положении в России, об арестах и политических ссылках, о проекте Конституции и др. (1901—1906, оп. 3, № 867—870, 875, 876). Во второй группе содержатся: воззвания, «Манифест студенческого съезда», «Бюллетени дней забастовок студентов СПб. университета» и другие материалы о студенческих волнениях в России (гектограф, стеклограф; 1900—1903); прокламации, листовки, воззвания и т. д. партий «Народная воля», РСДРП, Союза русского народа и других в связи с выборами в Государственную думу, русско-японской войной, казнью С. В. Болмашева и др. (типографский экземпляр, гектограф, стеклограф; 1902—1907); устав Собрания русских фабрично-заводских рабочих Петербурга (брошюра, 30 дек. 1904 г.); «Песни революции. Сб. революционных песен и стихотворений» (СПб., 1905); Программа Трудовой партии «Прямо к цели» (СПб., 1906); изложение программы партии социалистов-революционеров «Наша программа» (СПб., 1908); стихотворения: «Была война, была Россия...», «Смело, товарищи, в ногу...», «Песнь социалистов» и другие (в обложке с надписью С. А. Венгерова: «Политические стихотворения», рукой неустановленных лиц, машинопись, вырезка из газеты «Русская воля», 1917; б. д.); вологодские частушки политического содержания, записанные С. А. Венгервым (автограф, б. д., оп. 3, № 877—879, 881—885) и др.

Эпистолярное наследие С. А. Венгерова — одно из самых крупных собраний фонда и составляет 2724 ед. хр. за 1864—1920 гг. (оп. 4). Его круг общения был огромным. К нему постоянно обращались за советом и помощью. В архиве сохранилась переписка с литераторами, учеными, государственными, общественными деятелями, деятелями культуры и искусства, родственниками. Тематика этой переписки очень разнообразна: обсуждаются вопросы подготовки «Критико-биографического словаря», так как многие его адресаты и корреспонденты являлись авторами словарных статей или готовили материалы для них; «Нового словаря» Брокгауза—Ефрона, одним из редакторов которого был С. А. Венгер; подготовки собрания сочинений русских и зарубежных писателей и других изданий; вопросы общественно-политической и литературной жизни, образования, благотворительности, социально-бытовые и мн. др. Назовем некоторых из его адресатов: Л. Н. Андреев, Е. В. Аничков, Ф. Д. Батюшков, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, М. Горький, В. И. Иванов, А. И. Куприн, В. Д. Набоков, И. Е. Репин, В. С. Соловьев, Ф. Сологуб, Л. Н. Толстой, А. А. Шахматов, П. Е. Щеголев и др. Письма С. А. Венгерова представлены в основном черновиками, отпусками в копировальных книгах (рукой его учеников А. Г. Фомина, Г. Б. Блауберга и др.), которые часто трудно прочитать, так как они написаны на папиросной бумаге. Самый большой объем в переписке занимают письма к С. А. Венгеру (2550 ед. хр.). Среди его корреспондентов: А. Н. Аксаков, М. Н. Альбов, Л. Н. Андреев, И. Ф. и Н. Ф. Анненские, К. К. Арсеньев, А. А. Ахматова, К. Д. Бальмонт, Ф. Д. Батюшков, А. Белый, Н. А. Бердяев, А. А. Блок, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, А. Н. Веселовский, В. В. Воровский, В. М. Гаршин, А. А. Герцен, З. Н. Гиппиус, П. П. Гнедич, С. М. Городецкий, Я. К. Грот, А. Г. Достоевская, Б. К. Зайцев, В. И. Засулич, В. И. Иванов, Иванов-Разумник, А. Ф. Ко-

ни, В. Г. Короленко, П. А. Кропоткин, А. И. Куприн, Н. С. Лесков, Г. А. Лопатин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, С. Я. Маршак, Д. С. Мережковский, П. Н. Милюков, Б. Л. Модзалевский,²⁷ В. Д. Набоков, Вл. И. Немирович-Данченко, Я. П. Полонский, М. М. Пришвин, А. Н. Пыпин, И. Е. Репин, В. В. Розанов, В. И. Семеvский, А. П. Семенов-Тянь-Шанский, С. Н. Сергеев-Ценский, В. С. Соловьев, Ф. Сологуб, К. С. Станиславский, Вл. В. Стасов, Е. В. Тарле, С. А. Толстая, И. С. Тургенев, Ю. Н. Тынянов, П. А. Флоренский, В. Ф. Ходасевич, К. И. Чуковский, Н. В. Шелгунов, И. А. Шляпкин, П. Е. Щеголев, Т. Л. Щепкина-Куперник, Б. М. Эйхенбаум, В. Е. Якушкин и мн. др. Отдельный раздел составляет его переписка с родственниками.

В этой же описи находится небольшая группа документов, объединенная общим заголовком: «Дарственные надписи разных лиц С. А. Венгеру на обложках книг, сборников, фотографиях». Среди них: фотографии детской писательницы В. И. Дмитриевой (1913, оп. 4, № 2623); писателей Д. Л. Мордовцева (1897, оп. 4, № 2624); А. А. Тихонова (псевд. Луговой) (1913, оп. 4, № 2627); Г. И. Успенского (1882, оп. 4, № 2628); дарственные надписи на обложках книг, сборников П. Г. Ганзена, А. П. Семенова-Тянь-Шанского, В. В. Розанова (1877—1919, оп. 4, № 2622—2626) и др.

Ценным источником для изучения родственных связей являются материалы его родственников, составляющие 363 ед. хр. за 1876—1993 гг. (оп. 5). К их числу относятся: материалы Р. А. Венгеровой (урожд. Ландау), жены С. А. Венгерова; их детей: Веры, Алексея, Софьи, Всеволода, Людмилы, Евгения и Сергея Семеновичей Венгеровых; Александра Осиповича, Екатерины Львовны, Льва Александровича, Розы Александровны Ландау, родителей, брата, бабушки Р. А. Венгеровой и других родственников; Афанасия Леонтьевича и Паулины Юльевны Венгеровых, родителей С. А. Венгерова; Елизаветы, Фаины, Владимира, Изабеллы Афанасьевичей,²⁸ сестер, брата и других родственников С. А. Венгерова.

По видовому составу документы весьма разнообразны: творческие материалы, воспоминания, альбомы, дневниковые записи, личные и служебные документы, материалы о реабилитации, доверенности, письма, фотографии и др.

Творческие материалы Р. А. Венгеровой (1857—1918) составляют одну ед. хр. (оп. 5, № 1). Это перевод с англ. яз. книги Р. Гнейста «История государственных учреждений Англии» (отрывок, автограф, опубл.: М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1885). Среди материалов к биографии: билет постоянной слушательницы Высших женских (Бестужевских) курсов (1882, оп. 5, № 2); письмо и телеграмма Л. В. Македонова и Регирера с поздравлениями по случаю ее бракосочетания с С. А. Венгеровым (30 дек. 1902 г., 1 янв. 1903 г., оп. 5, № 3, 4); документы по оплате похорон (14, 15 дек. 1918 г., оп. 5, № 5); ее фотографии (1877, 1917, оп. 5, № 6). Сохранилась также переписка Р. А. Венгеровой с родственниками (оп. 5, № 7—11) и разными лицами. Среди корреспондентов можно назвать А. В. Ганзен (1894—1904,

²⁷ Переписку с ним см.: Переписка Б. Л. Модзалевского с С. А. Венгеровым и А. Г. Фоминым (публикация М. Д. Эльзона) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 259—300.

²⁸ Материалы Зинаиды Афанасьевны Венгеровой хранятся в РО ИРЛИ, ф. 39.

оп. 5, № 35), А. А. Оцупа (31 дек. 1909 г., оп. 5, № 58), Ф. Ф. Фидлера (б. д., оп. 5, № 86), О. Н. Чюмину (1906—1908, оп. 5, № 90), Б. М. Энгельгардта (23 янв. 1918 г., оп. 5, № 93) и др.

Из материалов Веры Семеновны Венгеровой (1880—1896) интерес представляет так называемый девичий альбом с литературными, памятными записями и рисунками разных лиц на нем., фр. и рус. яз. На 1-м листе альбома — внутренняя опись альбома, составленная С. А. Венгеровым (1893—1895, оп. 5, № 117).

Среди материалов Алексея Семеновича Венгерова (1881—1915), получившего юридическое образование, содержатся его воспоминания (отрывок, оп. 5, № 125); библиографические сведения о протопопе Аввакуме, собранные им для издания отца «Русские книги» (оп. 5, № 126); свидетельство о его рождении и крещении, составленное на основании записи в метрической книге от 23 сент. 1882 г. (подлинник, 14 июня 1901 г., оп. 5, № 127); материалы о его деятельности помощником поверенного при Санкт-Петербургской судебной палате: повестки, доверенности, расписания судебных заседаний, полицейские протоколы и другие (1906—1915, оп. 5, № 128); письмо дежурного генерала Генерального штаба А. З. Мышлаевского к П. И. Вейнбергу о прохождении военной службы А. С. Венгеровым (6 июля 1906 г., оп. 5, № 129); документы о его пребывании в Петербургской одиночной тюрьме (1909): письмо матери к начальнику тюрьмы с просьбой разрешить прогулку ее сыну, квитанция о приеме денег для передачи А. С. Венгерovu (оп. 5, № 130); документы о гибели А. С. Венгерова на фронте в первую мировую войну: справка особого отдела Главного штаба о потерях, извещение, телеграмма, письма командира 3-го гренадерского Перновского полка, В. Д. Бонч-Бруевича С. А. Венгерovu с соболезнованиями (1915—1916, оп. 5, № 131); переписка А. С. Венгерова с родственниками и знакомыми (оп. 5, № 134—182); фотографии (1905—1915, оп. 5, № 132, 133).

Самый большой и интересный комплекс (87 ед. хр. за 1904—1993 гг.) составляют материалы Всеволода Семеновича Венгерова (1887—1944). Участник первой русской революции 1905 г., он был арестован и заключен в тюрьму. Об этом эпизоде его биографии свидетельствуют дневниковые записи, озаглавленные: «За решеткой» (ч. 1 и 3) и «Из тюремных воспоминаний» (ч. 1) (1906—1908; оп. 5, № 198). О Февральской буржуазной революции 1917 г. и гражданской войне содержатся сведения в его воспоминаниях. Сохранились отдельные главы о гражданской войне за 1918—1922 гг. (оп. 5, № 199—202); воспоминания, озаглавленные: «Из истории февральской революции 1917 года. Солдатская секция рабочих и солдатских депутатов (27 февр.—25 окт. 1917 года)» (авторизованная машинопись, 1922), а также «Материалы к воспоминаниям (1906—1917)» (черновой автограф, 1929, оп. 5, № 204). Сюда же вошли материалы «Венгеровского сборника», подготовленного В. С. Венгеровым и Б. М. Энгельгардтом, по материалам литературного архива С. А. Венгерова. Была составлена программа издания. Сохранился ее проект с припиской рукой Н. И. Мордовченко и его записка о составе материалов для публикации.²⁹ Предполага-

²⁹ См. дело фонда № 377.

лось выпустить 5 сборников. В деле фонда имеется недатированное письмо В. С. Венгерова в издательство «Academia» с просьбой включить сборник в план издания на 1935 г. и определить его объем. Согласно проекту в него вошли автобиографии и переписка разных лиц. Материалы составляют 10 ед. хр. (машинопись с правкой В. С. Венгерова). Самый большой объем составляют письма разных корреспондентов к С. А. Венгеру. Среди них: письма П. И. Вейнберга, С. Н. Кривенко, П. А. Кропоткина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. М. Минского, Д. Л. Мордовцева, М. А. Протопопова, Ф. М. Степняк, А. С. Суворина, М. К. Цебриковой, Н. В. Шелгунова, П. Ф. Якубовича (1876, 1881—1915, оп. 5, № 205—209, 211). Кроме того сюда включены: письма С. Н. Кривенко к Л. Н. Кривенко; М. А. Протопопова к В. М. Гаршину; В. Н. Фигнер к В. Л. Бурцеву; Н. К. Михайловского к М. А. Протопопову; открытое письмо М. А. Протопопова к Н. К. Михайловскому; С. А. Юрьева, Н. К. Михайловского к Т. Л. Кравцову; Н. В. Шелгунова к М. А. Протопопову; С. М. Степняка-Кравчинского и Ф. М. Степняк к Н. М. Минскому (1881—1915, оп. 5, № 210, 211). Ед. хр. 212—214 содержат автобиографии И. В. Аптекмана, Г. К. Градовского, А. Л. Ефименко, И. И. Коблица-Юзова, Г. А. Матчета, Д. Л. Мордовцева, П. Ф. Николаева, М. В. Новорусского, Я. П. Полонского, М. К. Цебриковой, П. Ф. Якубовича. Ед. хр. 215 — материалы, которые не вошли в сборник: письма Л. Н. Гартмана к В. Л. Бурцеву; И. А. Гончарова к В. А. Кордт; П. Ф. Якубовича к П. В. Вейнбергу; автобиографии И. А. Гурвича, Н. Н. Златовратского; письма Н. Н. Бахметьева, Н. Н. Златовратского, В. Г. Короленко, Г. А. Лопатина, Ф. Д. Нефедова, В. И. Ясевич к С. А. Венгеру. Письма разных лиц к разным лицам включены авторами в подготовительные материалы к сборнику (№ 216). Ед. хр. № 217—218 также отнесены к подготовительным материалам и содержат наброски для комментариев к письмам, планы сборников документов, выписки из разных источников (автограф В. С. Венгерова, в тетрадях и на отдельных листах).

Биографические материалы В. С. Венгерова представлены личными документами: дипломом об окончании юридического факультета Петербургского университета; свидетельством о зачислении помощником присяжного поверенного Санкт-Петербургской судебной палаты (1914, оп. 5, № 221); автобиографией (машинопись, рукой Н. В. Венгеровой; не позднее 1938, оп. 5, № 222); материалами по делу о его аресте в связи со студенческими волнениями: письмами Санкт-Петербургского охранного отделения С. А. Венгеру с отказом от освобождения из-под стражи его сына В. С. Венгерова, о переводе его в тюрьму «Кресты»; прошением С. А. Венгерова о просмотре дела и другим (1907—1911, оп. 5, № 213); материалами о его службе в Красной Армии: выписками из протокола о заседании 2-го армейского съезда 10-й армии, телеграммами, удостоверениями (1917, оп. 5, № 224); его дневниковыми записями (1918—1921, оп. 5, № 225); материалами о реабилитации: уведомлением Военного трибунала Туркестанского военного округа и справкой Ленинградского городского суда о реабилитации (1958, 1990). Его памяти посвящена статья Л. С. Панова «Остался честным перед своей совестью (В. С. Венгеров)» (ксерокопия, изобр.: Библиография, 1916. № 6. С. 100—110, оп. 5, № 227). Изобрази-

тельных материалов сохранились его фотографии: одиночная и групповые с женой Анной Петровной и дочерью Ниной Всеволодовной Венгеровыми; с гимназистами Царскосельской гимназии; с заключенными Орловской тюрьмы; с членами военного отдела ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов (оп. 5, № 222—231); коллекция фотографий (32) — «Петроград в период Февральской буржуазной революции 1917 г.» (оп. 5, № 232). Среди корреспондентов В. С. Венгерова — художник А. Н. Бенуа, драматург Е. П. Карпов, прозаик К. С. Баранцевич, историк, публицист В. А. Мясотин и др.

Документы Людмилы Семеновны Венгеровой (1890—1921) представлены билетом слушательницы Санкт-Петербургских Высших женских курсов с фотографией и удостоверением об окончании этих курсов; письмами к ней родственников (1918—1914, оп. 5, № 286—294).

В материалах Евгении Семеновны Венгеровой (1895—1942) хранятся фотографии ее мужа М. Г. Флеера и сына Сергея и письма родственников (1916, 1927, оп. 5, № 295—298).

В документах Сергея Семеновича Венгерова (1897—1920) сохранились: удостоверения; свидетельство о приписке к призывному участку; записная книжка 1-го пехотного запасного батальона со сведениями о прохождении армейской службы; уведомление о назначении на должность зав. архивом и другие (1915—1920, оп. 5, № 304—306); письма родственников (1902, 1912, оп. 5, № 308—310) и его фотография (1906, оп. 5, № 307). Материалы остальных родственников С. А. Венгерова содержат в основном переписку между собой и с разными лицами.

Опись 6 «Материалы других лиц» достаточно большая по объему (557 ед. хр.) охватывает период с 1835 по 1925 г. и включает материалы, отложившиеся в фонде С. А. Венгерова в результате его многосторонней деятельности, научных и литературных контактов.

Большой интерес представляет альбом Григория Львовича и Антонины Петровны Кравцовых, материалы из которого частично опубликованы С. А. Венгеровым.³⁰ В описи 1 фонда хранится автограф вступительной заметки и перечня опубликованных из альбома материалов Венгерова (оп. 1, № 59). Как писал С. А. Венгерова о Г. Л. Кравцове: «Несмотря на свою скучную специальность (он был по профессии ветеринаром. — *М. П.*) <...> Г. Л. был страстный любитель А. Н. Плещеева, всего литературного. Человек замечательно отзывчивый, он волновался всеми событиями литературно-общественной жизни. Эта отзывчивость делала его беседу чрезвычайно привлекательной, чем и объясняется, что гостеприимный дом Кравцовых очень охотно посещался многими литераторами и учеными». Продолжая свою мысль, он замечает: «Еще больше хозяина привлекает в доме Кравцовых хозяйка, замечательная во всех отношениях женщина, знакомство с которой (для меня лично, по крайней мере) было поучительно для верного понимания шестидесятых годов <...> Блюммер (девичья фам. А. П. Кравцовой. — *М. П.*) поддерживала живые, дружеские сношения со всеми выдающимися литераторами шестидесятых годов, и между

³⁰ «Из альбома Кравцовых» // Привет. Художественно-научно-литературный сборник. СПб., 1898.

прочим была особенно близка с Н. Г. Чернышевским» (оп. 1, № 59, л. 1, 2). Как вспоминает С. А. Венгеров: «Любитель всего, касающегося литературы, Г. Л. Кравцов задумал составить себе альбом автографов писателей и собирал их...» (оп. 1, № 59, л. 2). В этот альбом вошли автографы произведений, записей и письма писателей, ученых, политических деятелей и других, адресованные преимущественно Кравцовым. В их числе: подпись-автограф И. С. Тургенева (март 1879 г., оп. 6, № 1, л. 136); стихотворения С. А. Венгерова «Про поэзию мне много...», «По прочтении Гейне» (23 марта 1884 г., оп. 6, № 1, л. 134); В. М. Гаршина «Юноша спросил у святого мудреца Джафара...» (12 янв. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 252); Д. И. Минаева «Король и шут» (3 дек. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 40); Н. Минского «Перед зарею. (Не тревожься, недремлющий друг...)», «Моя вера (Был я набожным ребенком...)» (2 янв. 1884 г., 11 июня 1886 г., оп. 6, № 1, л. 30—30 об.); А. Н. Плещеева «На новый год (1884)» (25 февр. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 197); П. Ф. Якубовича «Звездное небо, — не мое, чудесное...», «Сказочный город (Говорят — этот город красивый...)» (23 окт. 1883 г.; 18 янв. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 47, 166—167) и других; фрагмент пьесы В. А. Крылова «Не ко двору (Надя Миронова). 1-е действие» (б. д., оп. 6, № 1, л. 58, 171); записи в альбоме П. Д. Боборыкина (27 нояб. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 263); А. М. Бутлерова (2 марта 1884 г., оп. 6, № 1, л. 23); П. И. Вейнберга (дек. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 202—203); В. В. Крестовского (30 марта 1889 г., оп. 6, № 1, л. 184); Г. А. Лопатина (3 нояб. 1883 г., оп. 6, № 1, л. 136); В. И. Семевского (7 сент. 1888 г., оп. 6, № 1, л. 271) и других; письма И. К. Айвазовского (11 дек. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 131); Н. П. Вагнера (29 нояб. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 26); Д. В. Григоровича (23 дек. 1883 г., оп. 6, № 1, л. 97); А. Ф. Кони (27 нояб. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 20); Н. И. Костомарова (8 янв. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 114); Н. С. Лескова (25, 28 дек. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 43—44); Д. И. Менделеева (8 марта 1884 г., оп. 6, № 1, л. 61); Д. Л. Мордовцева (17 марта 1884 г., оп. 6, № 1, л. 81); А. Н. Островского (20 дек. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 137); К. П. Победоносцева (23 марта 1880 г., оп. 6, № 1, л. 97); Я. П. Полонского (21 февр. 1884 г., оп. 6, № 1, л. 243); М. Г. Савиной (12 марта 1884 г., оп. 6, № 1, л. 55); И. М. Сеченова (2 дек., б. г., оп. 6, № 1, л. 8) и др.³¹

Во второй раздел описи вошли литературные произведения, научные, публицистические статьи, некрологи, рецензии разных авторов, личные и делопроизводственные документы разных лиц (1835—1925, оп. 6, № 15—291). Например, здесь представлены: рассказ К. С. Баранцевича «Одни...» (автограф, окончание отсутствует; 1880-е, оп. 6, № 31); стихотворения: И. А. Бунина «День памяти Петра» (автограф; 28 янв. 1925 г., оп. 6, № 58); П. В. Быкова «Из моря в море» («В бурю над черною бездною вод...») (автограф, оп. 6, № 63); В. М. Гаршина «Остановись кровь поэта...», посвященное И. С. Тургеневу (автограф, на обороте фотопортрета В. М. Гаршина; 27 сент. 1883 г., оп. 6, № 78), его же перевод с фр. яз. «Персидских писем Монтескье. Письма VII—XI вв.» (корректурa с правкой автора, оп. 6, № 79); Н. А. Добролюбова «В начале августа я домой...» (автограф, оп. 6,

³¹ 6 писем И. С. Тургенева к Н. Н. Тургеневу (23 нояб. 1853 г. — 3, 15 июня 1859 г.) были изъяты С. А. Венгеровым из альбома Кравцовых. В фонде они составляют отдельную ед. хр. (оп. 6, № 2).

№ 89); С. Я. Маршака «Путник», «В белые ночи» и другие (автограф; 1908—1909, оп. 6, № 147); романы И. И. Лажечникова «Внучка панцирного боярина» (автограф, рукой переписчика с правкой автора, окончание отсутствует; <1868>, оп. 6, № 130); Л. О. Штаммера «Интеллигенция и народ (дельцы костомоловской волости)» (в 3 частях, автограф, оп. 6, № 229); «Живые мертвецы. Драматический этюд. Три действия» Л. Галина (псевд. Л. А. Добржанского) (автограф; 9—27 сент. 1912 г., оп. 6, № 76); «Очерк литературы о Грибоедове» А. А. Блока (автограф; 9 янв., 6 февр. 1906 г., оп. 6, № 41); статьи В. Л. Бурцева «И. С. Тургенев об императоре Александре III» (автограф; 11 дек. 1913 г.), «Герцен о Белинском. Первая половина рукописи» (автограф; б. д., оп. 6, № 61, 62); А. А. Веселовского «Анонимная лирика XVIII-го века» (автограф, оп. 6, № 70); доклад В. Г. Короленко «О положении провинциальной печати» (машинопись, 1897, оп. 6, № 119); зарисовки пером мужских и женских фигур и голов карикатурного характера (рукой И. С. Тургенева, под некоторыми рисунками подписи; <1836—1840>, оп. 6, № 200) и др.

Небольшую группу материалов составляют личные документы, финансового и служебного характера разных лиц: выпись из метрической книги о рождении, заявления о приеме на работу, расписки в получении денег, прошения, смета и др. (1884—1918, оп. 6, № 280—291).

В отдельный раздел включена переписка разных лиц, собранная С. А. Венгеровым (1853—1925). В самостоятельные комплексы выделены: переписка А. Ф. Анненского (1897—1912, оп. 6, № 292—299); И. Я. Ефрона (1899—1917, оп. 6, № 320—329); Н. И. Кареева (1875—1909, оп. 6, № 330—339); письма разных лиц к Ф. Г. Беренштаму (1907—1915, оп. 6, № 300—305); В. Л. Бурцеву (1901—1915, оп. 6, № 306—319); М. М. Марголину (1903—1914, оп. 6, № 340—350); А. А. Галиновскому (1895—1899, оп. 6, № 360). Среди писем А. Ф. Анненского сохранилось письмо К. И. Чуковского (8/21 дек. 1908 г., оп. 6, № 298); среди писем Ф. Г. Беренштама — художника В. Е. Маковского (15 марта 1915 г., оп. 6, № 304). В. Л. Бурцеву адресовали свои письма В. И. Семевский (10 июля 1915 г., оп. 6, № 316); Д. В. Стасов (7 нояб. 1914 г., оп. 6, № 317); В. Н. Фигнер (19 авг. 1908 г.; 9 окт. 1915, оп. 6, № 318).

Самую большую группу составляет переписка разных лиц, представленная одним-двумя письмами, а также письма разных лиц в учреждения (1853—1925, оп. 6, № 351—549). Среди них письма: К. К. Арсеньева, Ф. Д. Батюшкова, В. Л. Бианки, Н. А. Котляревского, П. Л. Лаврова, Д. И. Менделеева, Вас. И. Немировича-Данченко, Л. О. Пастернака, Вл. В. Стасова, К. И. Чуковского, И. С. Шмелева и мн. др. В этой же группе содержится письмо Альфонса Доде, адресованное Ивану Сергеевичу Тургеневу (на фр. яз., оп. 6, № 389), а также письма А. И. и З. В. Добролюбовых к своему сыну Н. А. Добролюбову (копии рукой Н. Г. Чернышевского, 16 дек. 1853 г., оп. 6, № 388). Завершает переписку небольшая группа писем разных лиц, адресованных в редакции газет и журналов, книгоиздательства, в различные общества и др. (1884—1918, оп. 6, № 530—549).

Последний раздел описи содержит фотографии разных лиц. Сюда вошли: фотографии историка литературы и библиографа А. И. Лященко,

председателя Московского комитета по делам печати А. А. Сидорова; фотографии писателей и деятелей культуры (одиночные и групповые), сделанные Э. П. Юргенсоном: музыкального критика П. Л. Вакселя, беллетриста и художественного критика Н. Н. Брешко-Брешковского, доктора медицины Н. И. Дамаскина, сенатора В. А. Желиховского, поэта М. А. Кузмина, писателей Б. А. Лазаревского, А. И. Куприна, А. М. Ремизова, Ф. Сологуба, А. Н. Чеботаревской, художника Э. К. Липгарта и др. (оп. 6, № 553, 554, 557).

Таким образом, материалы фонда С. А. Венгерова расширяют круг источников по истории русской литературы конца XIX начала—XX в.

П. С. Горякин

ГЕОРГИЙ ЭРАСТОВ — ПИСАТЕЛЬ-АКТЕР

Имя человека, о котором пойдет речь, до недавнего времени пребывало в неизвестности. Судьба Георгия Эрастова — русского писателя отнюдь не первого разряда — не оставила заметного следа в истории литературы. Его современниками были М. Горький, Л. Н. Андреев, А. А. Блок, А. Белый: славные имена эпохи серебряного века заслонили собой личность тщеславного, далеко не столь одаренного литератора. Для современного исследователя интерес может представлять не столько творчество Эрастова, сколько его жизнь в контексте эпохи и автобиографический миф писателя, часто выдававшего желаемое за действительное.

Личность Георгия Эрастова была открыта финским ученым-славистом Беном Хеллманом и английским исследователем Ричардом Дэвисом, который обнаружил в нью-йоркском архиве набросок мемуаров писателя на английском языке. В этом отрывке Эрастов выступил в привычной для него роли мистификатора. Дабы разделить факты и вымысел, Хеллман на протяжении нескольких лет собирал связанные с Эрастовым материалы в архивах США, Скандинавии и России — такова география творческой деятельности писателя. Результатом этих изысканий явилась русскоязычная статья «Георгий Эрастов — писатель, который пропал».¹ Наше исследование во многом опирается на предшествующий опыт и в то же время полнее раскрывает российскую часть биографии Эрастова.

* * *

Генрих (Георгий) Эдельман появился на свет 15 (28) июля 1875 г. в селе Язвино близ города Двинска Витебской губернии. Вскоре семья переехала в Витебск, где и прошли детство и юность будущего литератора. Сохранились сведения о том, что он состоял в лютеранском приходе св. Барбары и учился в городской гимназии.²

¹ Хеллман Бен. Георгий Эрастов — писатель, который пропал // Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. Вып. 10. С. 5—54 (далее — Хеллман).

² Там же. С. 6.

О его родителях известно мало. Мать, Мария Львовна, полька по происхождению, называла себя впоследствии «вдовой потомственного дворянина»³ и «потомственной дворянкой»,⁴ впрочем, доказательств ее благородного происхождения нет;⁵ об отце, Павле Эдельмане, мы точно знаем лишь то, что он ушел из жизни еще в годы юности Георгия. Не вполне ясна этническая принадлежность Эдельмана-старшего: вероятно, он был немцем, в пользу этой версии говорит факт определения сына в лютеранский приход, в метрических книгах которого значилось немецкое имя Heinrich, и даже в педантичной настойчивости отца по поводу поступления Георгия в техническое училище и получения им серьезной инженерной профессии можно усмотреть проявление немецкого менталитета.⁶

Однако в целом в характере Георгия Эдельмана те или иные этнические особенности, если они и имели место, практически нивелировались. Вместо них выступает универсальный образ художника, в широком смысле этого слова, стесняемого обстоятельствами жизни, стоящего перед выбором между свободой творчества и непризнанной гениальностью, с одной стороны, и материальным благополучием — с другой. Таким он изобразит себя в своей самой известной пьесе «Продана». Но был и второй образ, реальный, биографический — человека, оказавшегося на периферии литературной жизни, мучительно переживавшего недостаток таланта и избыток самолюбия, доведенного до отчаяния сознанием своей неприкаянности и бесполезности. Порой, окрыленный мимолетным успехом, Эрастов тщетно пытался скрыть эту правду даже от самого себя. Таким предстает он со страниц других сохранившихся произведений и ненаписанного «романа» о своей жизни.

Эдельман — настоящая фамилия Георгия — почти не встречается в упоминаниях о нем. Георгий был известен под псевдонимом «Эрастов», закрепившимся за ним на всю жизнь. Возможно, такова была девичья фамилия матери Георгия,⁷ но, скорее всего, Эрастов (греч. *erastos* — «милый, приятный») — это лишь отвлеченное литературное имя, популярное в частности в сентиментальной литературе начала XIX в. (ср. Эраст в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина), намекающее на романтическое мировоззрение носителя фамилии.

Закончив Витебскую гимназию и проучившись три года по ненавистной ему технической специальности, Эрастов после смерти отца бросил учебу и, практически не имея денег, несмотря на протесты матери, отправился в Петербург — поступать в Академию художеств. С подачи сочувствующего профессора скульптуры Эрастов получил небольшую стипендию и позволение ночевать в мастерской. Однако после того как его покрови-

³ РО ИРЛИ, ф. 540 (Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук), оп. 2, ед. хр. 652, л. 19. Письмо Марии Эдельман от 7 апр. 1904 г.

⁴ Там же, л. 22. Письмо от 4 апр. 1907 г.

⁵ Дворянская семья во главе с протоиереем Иоанном Дмитриевичем Эрастовым, проживавшая в Екатеринодаре Кубанской области, к Георгию Эрастову отношения не имеет.

⁶ Хеллман. С. 6.

⁷ Так, письмо в Постоянную комиссию от 23 ноября 1913 г. (РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 24) мать Эрастова подписала «Мария Эдельман-Эрастова», однако она могла сделать это и для того, чтобы надежнее отождествить себя с сыном-литератором.

тель уехал из Петербурга, он, оставшись без средств к существованию, был вынужден на время покинуть Академию художеств.⁸ Бедственное положение Эрастова усугубилось с переездом в столицу его матери и младшего брата Владислава. Теперь, чтобы содержать семью, он был вынужден довольствоваться любым доступным заработком. Чертежник, рекламный агент, карикатурист, фотогравер — вот далеко не полный список профессий Эрастова. В незаконченной англоязычной автобиографии упоминается следующий случай. Эрастов, изготовивший по заказу серебряное блюдо с изображением императора Александра III и искусным орнаментом, был, по его собственным словам, приглашен на аудиенцию в Аничков дворец; прием протекал чинно и благопристойно, но вдруг Эрастов самым неприкрытым образом закурил в присутствии Марии Федоровны, чем вызвал грандиозный скандал.⁹

Конечно, достоверность этого рассказа вызывает сомнения, но характерен эпатажный образ — нигилиста, нарушителя установленных правил и приличий, созданный Эрастовым в англоязычной автобиографии, которая, со всей очевидностью, задумывалась в рекламных целях, для преподнесения западному читателю.

В 1894—1895 гг. Эрастов посылает свои первые литературные опыты С. А. Венгерову. В основном это были рассказы под условным заголовком «В современном Петербурге», раскрывающие некоторые стороны столичного быта. К ним относятся рассказы «Ниночка» — о судьбе наивной провинциальной девушки, вынужденной забыть гордость и стыд и устроиться на содержание к богатому и красивому графу, а затем и к менее привлекательному, но более влиятельному восьмидесятилетнему генералу; «Спиритуалистка»¹⁰ — о развратности и пошлости петербургского светского общества, погрязшего в супружеских изменах и глупых развлечениях вроде спиритических сеансов; фантазмагорический рассказ «Призрак (Святая драма)»,¹¹ по сюжету которого герой, охваченный кровавыми галлюцинациями, отравляет жену, а затем совершает самоубийство. Особняком стоит рассказ-притча «Статуя»¹² — о скульптурном изображении истины.

Ни один из этих рассказов не был опубликован. Литературные опыты Эрастова были еще слишком незрелы как по содержанию, так и по форме. Однако здесь впервые проявляется тяготение Эрастова к жанрам новеллы и притчи, философского рассуждения с очевидной морально-дидактической направленностью. Те же признаки будут характерны и для более позднего творческого периода.

В 1895 г. Эрастов начинает свою журналистскую деятельность в «Новостях и Биржевой газете». Впоследствии он будет сотрудничать во многих периодических изданиях, и выражение недовольства гонораром или,

⁸ См.: Хеллман. С. 6—7.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, ед. хр. 237 (Архив С. А. Венгерова). Автограф рассказа «Спиритуалистка», 1894 г.

¹¹ Там же. Автограф рассказа «Призрак (Святая драма)», 1894 г.

¹² Там же. Автограф рассказа «Статуя», 1895 г.

напротив, краткие просьбы об авансе или ссуде, вкупе с многочисленными письмами в благотворительные писательские организации, составят значительную часть его корреспонденции.

В начале сентября 1897 г. Эрастов посылает несколько рассказов на этот раз Д. В. Григоровичу и при этом описывает свое бедственное положение.¹³ Григорович обещал ходатайствовать о пособии в Литературном фонде, хотя к литературным опытам молодого писателя отнесся прохладно. 30 сентября того же года Эрастов подает первое прошение в Постоянную комиссию по пособию нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, в котором сообщает о необходимости содержать мать и малолетнего брата, утверждает, что живет «исключительно литературным трудом».¹⁴

Условия этого труда оставляли желать лучшего. За время жизни в Петербурге Эрастов сменил множество квартир: 9-я линия Васильевского острова, 4-я улица Песков, Большая Зеленина, Таврическая, Кронверкская, Бассейная, Лесная, Сестрорецк — это отнюдь не полный список его адресов. Дороговизна жилья, повторяющаяся ситуация, когда квартирант, подобно герою Достоевского, «должен кругом хозяйке», страх перед кредиторами вынуждали Эрастова все чаще и чаще справлять новоселье. Он продолжает обращаться в благотворительные организации, называя для этого новые причины: болезнь матери, устройство брата в военное училище и даже угрозу Союза русских писателей исключить его в случае неуплаты членского взноса. Однако исключить Эрастова могли и по другим причинам. Нелестные сведения были собраны П. И. Вейнбергом. Среди многочисленных свидетельств разгульного поведения Эрастова — кутежей, «распевания куплетов в кафешантане»¹⁵ — упоминается также и факт кражи книг из библиотеки Союза.¹⁶ После того как С. А. Венгеров и П. И. Вейнберг, ранее ходатайствовавшие в пользу молодого писателя, узнали о его похождениях, пособия из Литфонда резко сократились. Впрочем, еще ранее в журнал одного из заседаний за 1899 г. была внесена пометка по поводу молодого писателя: «Большой помощи не заслуживает».¹⁷

Возможно, чтобы опровергнуть сложившееся о нем невысокое мнение, Эрастов в 1899 г. берется за основательную работу — перевод нашумевшего сочинения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».¹⁸ Перевод Эрастова не стал классическим, однако повлиял на мировоззрение писателя. Выходя за рамки аннотации к «Ницшеанской Библии», Эрастов в предисловии к изданию попытался — через призму творчества немецкого мыслителя — коснуться основного вопроса философии — о соотношении духовного и материального, вопроса, актуального для любого творца, писателя в частности.

Наряду с философскими в творчестве Эрастова все чаще проявляются морально-дидактические тенденции. Так, в стихотворении «Мулла-пропо-

¹³ Хеллман. С. 7.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 2.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 17 от 29 июля 1902 г. (Здесь и далее, кроме указанных случаев, материалы ф. 155 цитируются по данным картотеки, так как к журналам заседаний нужные документы прикреплены не были.)

¹⁶ Там же.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 6 от 29 марта 1899 г.

¹⁸ Ницше Ф. Так говорил Зороастр: книга для всех и никого. Двенадцать притч из мистической поэмы / Перевод Г. П. Эрастова. СПб.: Типография Литвинова, 1900.

ведник», опубликованном в 1901 г. в журнале «Шут», автор, используя известный басенный сюжет и восточный фон повествования («Из сказок и басен Востока»), обличает ханжество, присущее лжеучителям современного ему общества:

<...>

Но раз к мулле пришел простой феллах
(За дерзость наглую — прости его Аллах!)
И так сказал: «В народе ходят слухи,
Что в доме у тебя царит разврат,
Что держишь ты рабынь и, будто бы, евнухи
Их днем и ночью сторожат!
Еще в народе говорят...».

Но мулла речь феллаха перервал
И, глядя на него с улыбкой, отвечал:
«Глупец! Всему должна быть мера!
Дальнейшего я слушать не хочу:
Вы делайте лишь то, чему я вас учу,
С меня же брать вы не должны примера!».¹⁹

Тема мудреца и проповедника как таковая или в аллегорическом свете часто встречается в творчестве Эрастова. Так, уже более поздний его рассказ «Таврийский раббан», опубликованный в 1903 г. в журнале «Русский паломник»,²⁰ повествует об отшельнике раббане Эссааре, жившем в римской области Таврии,²¹ в «вольном городе Тарсе», «после восемнадцати веков тому назад» и разбиравшем споры членов местной общины Израиля.

¹⁹ Мулла-проповедник (Из сказок и басен Востока): стихотворение // Шут. 1901. № 29. С. 3. Ср. с первым опубликованным стихотворением Пушкина «К другу стихотворцу» (1814):

<...>

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
И верим мы тебе: да что ж сегодня сам...».
«Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

(Пушкин А. С. ПСС: В 15 т.

М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. С. 27)

²⁰ Таврийский раббан (Страничка из далекого прошлого): рассказ // Русский паломник. 1903. № 38. С. 646—647. Этот религиозный журнал издавался под редакцией А. И. Поповицкого и при участии отца Иоанна Кронштадтского (Иван Ильич Сергеев, 1829—1908).

²¹ Историко-географическая ошибка Эрастова, почему-то не принятая во внимание редакторами: Таврия — название Крымского полуострова, распространившееся со средних веков; даже если имелась в виду Таврика, южная часть Крыма, населенная таврами с V в. до н. э., то в любом случае все остальные географические объекты — город Тарс, Киликия, Памфилия — располагались на территории современной Турции.

В «Таврийском раббане» встречается характерный для Эрастова прием «немой» концовки, в данном случае призванной подчеркнуть нравственную победу Эссаара, восторг и почитание, которыми прониклись к нему не только соплеменники, но и язычники-римляне. Намеренная художественная незавершенность, ахронность повествования, заявленная в самом заголовке — «*Страничка из далекого прошлого*», позволяют нам воспринимать этот рассказ как некий отрывок, картинку, запечатлевшую образ древнееврейского мудреца, молящего Бога о благополучии для своего народа.

В ином ракурсе рассматривается Эрастовым тема проповедника в «Открытом письме Максиму Горькому». Это небольшое произведение было написано в качестве отзыва на повесть Горького «Трое», привлекая внимание критики 1901—1902 гг. В то время Горький был уже значительной величиной в литературе, и интерес к каждому новому его сочинению был оправдан. В этом смысле неодобрительный отзыв Эрастова не стал явлением исключительным. Даже «великие» отреагировали на повесть немногим лучше. Так, безысходность концовки повести вызвала отторжение у Чехова, одоббившего начало «Троих». «Ваши „Трое“ читаю с большим удовольствием — имейте сие в виду, — с громадным удовольствием»,²² — писал он Горькому 18 марта 1901 г. Однако от первого впечатления не осталось и следа, 7 декабря 1901 г. Чехов напишет жене: «Читал конец „Троих“, повести Горького. Что-то удивительно дикое. Если бы написал это не Горький, то никто бы читать не стал».²³

Сочинение Горького не было одобрено и известными критиками, с которыми судьба Эрастова в дальнейшем: И. И. Ясинским и А. А. Измайловым. Последний, например, отметил, что герои «Троих» настолько склонны к пессимизму и лишены надежды, что все их реплики сводятся лишь к мысли: «Жизнь — помойная яма, где люди возятся, как черви».²⁴ Того же рода аргументы против повести были положены Эрастовым в основу аллегорической рецензии «Открытое письмо Максиму Горькому».²⁵

В письмах в Литфонд и Постоянную комиссию соответственно от 24 июля²⁶ и 1 августа 1902 г.²⁷ Эрастов сообщает о смерти брата Владислава, последовавшей 21 июля в результате «острого воспаления почек»,²⁸ и просит денег на оплату лечения и похорон. Видимо, бедственное состояние семьи и петербургский климат подорвали здоровье мальчика. Однако Эрастов не мог позволить себе долго предаваться скорби. Имея «построчный заработок» в периодической прессе, он должен был писать регулярно

²² Письмо А. П. Чехова М. Горькому от 18 марта 1901 г. // *Чехов А. П.* ПССиП: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1980. Т. 9. С. 231.

²³ Письмо А. П. Чехова О. Л. Книппер-Чеховой от 7 декабря 1901 г. // *Чехов А. П.* ПССиП: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1981. Т. 10. С. 133.

²⁴ Там же. С. 525.

²⁵ *Эрастов Г.* Открытое письмо Максиму Горькому. СПб.: Изд-во Ф. И. Митюрникова, 1902.

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 17 от 29 июля 1902 г. Письмо Эрастова от 24 июля 1902 г.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 17.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 17 от 29 июля 1902 г. Цитируется по письму Эрастова от 24 июля 1902 г.

и быстро, при этом стараясь выкроить время на воплощение творческих идей.

В 1903 г. вышла его книга под названием «Искусство чтения. Практический курс логического и выразительного чтения для преподавания и изучения».²⁹ Это пособие стало плодом многочисленных изысканий Эрастова в области актерского мастерства, которому он некоторое время обучался на курсе знаменитого актера В. Н. Давыдова³⁰ (1849—1925) в Императорском театральном училище.³¹

Увлечение театром в 1899—1900 гг. захватило Эрастова так же стремительно, как еще совсем недавно страсть к живописи. Георгий публикует ряд статей об искусстве и даже, если верить его словам, каким-то образом участвует в постановке «Гамлета» (перевод К. Р.), осуществленной самим великим князем Константином — исполнителем главной роли — в Эрмитажном театре 17 февраля 1900 г.³² Заметим, что Эрастов вновь соприкасается с представителями императорского дома. В автобиографии он напишет: «Erastoff wrote the only critical review of the production which was published in the „Severny kuryer“ which was suppressed soon after that» («Эрастов написал единственный критический отзыв о постановке, который был опубликован в „Северном курьере“, вскоре после этого запрещенном»). Учитывая довольно прозрачный намек Эрастова на то, что именно его острая статья стала причиной запрещения такой благопристойной, с оттенком официозности, газеты, как «Северный курьер», мы ожидали бы от Эрастова разгромной критики придворного спектакля. Однако и здесь он не вполне откровенен. В газете была помещена лишь маленькая заметка, скупой и формально описывающая событие:

«В четверг, 17 февраля, на сцене театра Императорского Эрмитажа, в первый раз в присутствии Их Императорских Величеств и Высочеств, иностранных послов и других высокопоставленных лиц, была исполнена: „Трагедия о Гамлете, принце датском“, соч. Вильяма Шекспира, в переводе Августейшего президента Императорской Академии наук Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича. <...> В этом спектакле заглавную роль исполнял Августейший переводчик трагедии...»³³ и т. д.

Очевидно, что Эрастов в автобиографии порой заново переписывал эпизоды из своей жизни, добавляя шокирующие подробности. Мечтатель-журналист по-своему решал вечный вопрос «быть или не быть».

Так или иначе, Эрастов, ознакомившись с навыками актерского мастерства, оказался достаточно компетентен для того, чтобы в книге «Искусство чтения» выступить в новой для себя педагогической роли.

Автором предисловия к «практическому курсу» стал наставник Эрастова знаменитый Владимир Давыдов. Книга состояла из трех отделов. В первом («Техника выразительного чтения») рассматривались вопросы

²⁹ Эрастов Г. Искусство чтения. Практический курс логического и выразительного чтения для преподавания и изучения. СПб.: Изд-во Ф. И. Митюрникова, 1903.

³⁰ Настоящие имя и фамилия — Иван Николаевич Горелов.

³¹ Подробнее об этом см.: Хеллман. С. 8—9.

³² В автобиографии Эрастов намеренно или случайно указывает 1903 г.

³³ Северный курьер. 1900. 19 февр. (3 марта). № 108. С. 3.

правильной постановки дыхания, голоса, произношения, высоты, силы и скорости речи и основные принципы правильного чтения. Во втором («Логическое чтение») — знаки препинания, логическое ударение, паузы, логическое тонирование, чтение басен. В третьем («Выразительное чтение») — общие методические указания, элементы выразительности, экспрессия, колоритность, музыкальность и чтение прозы и стихотворений. В приложении был помещен систематический указатель упражнений по каждому подразделу («Дыхание», «Произношение», «Правильное чтение» и др.), где, как и во всех иллюстрирующих положения Эрстова примерах, использовались цитаты из хрестоматийных произведений Гомера, Горация, Пушкина, Крылова, Жуковского, Грибоедова и др.

О том, насколько роль педагога удалась Эрстову, сохранилось несколько отзывов, как хвалебных,³⁴ так и критических.³⁵ Впрочем, безотносительно к специфике предмета интересен сам факт создания Эрстовым пособия, не преследующего каких-либо коммерческих, рекламных или высоких литературных целей и даже не ставящего перед собой псевдопросветительских задач, но методически и довольно основательно разрабатывающего узкий круг вопросов, с которыми автор столкнулся на личном опыте.

Уход Эрстова из мира злободневной публицистики в мир театра был временным. Он вновь становится скандальным журналистом, обличителем пороков, насмешливым нигилистом. Однако в этот период его занимает отнюдь не жизнь городских низов. Мы находим Эрстова в кругу важных чиновников, в салоне князя Сергея Волконского (1860—1937). Знакомство с Эрстовым состоялось благодаря общности интересов — князь разделял его пристрастие к искусству.³⁶ Проходя сквозь круги аристократического «ада», Георгий собирал материал для своей «комедии» — серии разоблачительных статей о высшем свете. Ведь как гениальный итальянец не забывал своих грешных флорентийских соотечественников, так и Эрстов-правдоискатель не мог отказать во внимании российским государственным деятелям.

Главным объектом эрстовской критики стал экс-министр И. Л. Горемыкин (1839—1917), весьма неосмотрительно оказавший гостеприимство молодому журналисту. Недолгого времени, проведенного Эрстовым в загородной резиденции Горемыкина, хватило, чтобы Петербург узнал многие пикантные подробности из частной жизни бывшего члена правительства.³⁷ Естественно, после этого, следуя автобиографии, «Erastoff severed his connection with the „aristocracy“» («Эрстов порвал отношения с „аристократией“»). В очередной раз мы чувствуем мятежное обаяние личности Эрстова, столь беззастенчиво, по-хлестаковски, рассказывающего о своем легком обращении со строгим реакционным министром.³⁸

³⁴ Мозаика (приложение к журналу «Новый мир»). 1903. № 102. С. 23—24; Исторический вестник. 1903. Ноябрь. Т. 94. С. 676; Петербургская жизнь. 1904. № 763. С. 5528.

³⁵ Русское богатство. 1903. Май. № 5. С. 93—94.

³⁶ Подробнее об этом см.: Хеллман. С. 10.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Кроме того, Эрастов обратился в своем творчестве и к пресловутой русской бюрократии. В журнале «Железнодорожник» он опубликовал рассказ «Делегат»,³⁹ повествующий о предприимчивости делопроизводителя и его помощника, некоего Орищенко, сотрудников «Кокуйско-Закатиловской» железной дороги, сумевших занять важные посты с помощью многоходовой карьеристской комбинации. Возможно, подобные сюжеты были взяты Эрастовым из собственной рабочей практики в Морском министерстве или же поводом к написанию рассказа послужила реальная история, преданная огласке в прессе, но, как бы то ни было, очевидна осведомленность автора во всех областях жизни, которые он брался описывать в своих рассказах.

Как оказалось, Эрастов был неплохо знаком и с историей города на Неве. В юбилейный 1903 г. вышла книга «Петербург в Петрово время»,⁴⁰ которую он написал в соавторстве с И. Н. Божеряновым. В обращении к читателям Эрастов писал следующее: «Нам предстоит задача восстановить, по имеющимся материалам, далекое прошлое „творения Петра“, историю и жизнь Петербурга, начиная с первых лет его существования, до того момента, когда его великий основатель отошел в вечность <...> мы будем уделять место преимущественно тем фактам и явлениям, на которых отразилась гениальная личность Петра, его заботы и стремления, его жизнь — монарха, реформатора и человека».⁴¹ В своей части книги Эрастов начинает очерк с событий 1706 г. и заканчивает соответственно 1725-м. Издание весьма любопытно по содержанию и написано хорошим слогом.

Оттремели петербургские празднества, постепенно подходил к концу 1903 год, последний год относительной стабильности, за которым последовал ряд потрясений для России. Часовой механизм бомбы замедленного действия — аллегория из романа Андрея Белого «Петербург» — был заведен, начинался отсчет времени... 27 января (9 февраля) 1904 г. с нападения на Порт-Артур началась русско-японская война. Прошла срочная мобилизация войск. Надежды правительства не оправдались: патриотического подъема достичь не удалось, война не могла изжить глухого недовольства общества, отвлечь народные массы от витающих в воздухе революционных идей. Тем не менее интерес к дальневосточным событиям был достаточно высок как в стране, так и за рубежом. Отечественные периодические издания охотно публиковали очерки и хроники русско-японской войны, одним из непосредственных участников и бытописателей которой добровольно стал Георгий Эрастов.

Что же сподвигло штатского человека, страдающего частыми недомоганиями, отправиться в Маньчжурию, выхлопотав командировку в качестве корреспондента «Биржевых ведомостей»? Как это ни парадоксально, война открывала для 28-летнего писателя и журналиста новые перспективы, среди которых использование живого и разнообразного материала «рассказов из боевой жизни» и столь важная для честолюбивого репортера возможность проявить свои таланты, обрести известность. Эрастов, видимо, ощущал потребность вырваться из порочного круга столичной жизни,

³⁹ Делегат: рассказ // Железнодорожник. 1903. № 2. С. 25—29; № 3. С. 22—25.

⁴⁰ Божерянов И., Эрастов Г. Петербург в Петрово время. СПб.: Энергия, 1903. Вып. 1—3.

⁴¹ Там же. Вып. 2. С. 58.

хотя бы на время забыть о долгах, переездах, не востребованности. В автобиографическом отрывке он предвзывает рассказ о своем участии в военных действиях следующим предложением: «Erastoff was forced by poverty to write articles on all sorts of subjects» («Бедность Эрастова заставляла его писать статьи на всевозможные темы»). Действительно, Эрастов был вынужден в ущерб складывающемуся литературному почерку братья за любую, даже самую низкооплачиваемую газетную работу. Смена обстановки позволяла сделать передышку и сконцентрироваться на новых творческих замыслах.

В феврале 1904 г. Эрастов оставляет мать в Петербурге и отправляется на Дальний Восток. Мария Львовна, оставшись без средств к существованию, обращается за помощью в Постоянную комиссию и Литфонд в письмах от 7 и 14 апреля.⁴² В первом она сообщает, что от сына, отбывшего в Маньчжурию, уже два месяца нет вестей.

По словам Эрастова, он провел в эпицентре военных действий десять месяцев. В автобиографии сказано: «When the Russian-Japanese war broke out, Erastoff went to Manchuria, where he spent ten months on the battlefield, Erastoff was all the time at the points of battle — and was wounded by shrapnel at Kadganchan...» («Когда началась русско-японская война, Эрастов поехал в Маньчжурию, где провел десять месяцев на полях сражений. Эрастов все время находился на боевых позициях и был ранен шрапнелью при Кадганчане»). В «телеграммном» приложении газеты «Русь»⁴³ о нем говорится следующее: «В Москву приехал проездом из Петербурга корреспондент петербургских газет Эрастов, раненый под Вафангоу». Сражение у станции Вафангоу произошло 1—2 июня 1904 г. Скорее всего, упоминаемый Эрастовым Кадганчан — одна из крохотных деревушек близ вышеназванной станции, протянувшихся вдоль Китайско-Восточной железной дороги. Расстояние до Порт-Артура составляло не более 150 верст, однако наступление 1-го Восточно-Сибирского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Г. К. Штакельберга было остановлено 2-й армией генерал-лейтенанта Ясукаты Оку. Потери русских войск втрое превысили потери противника.⁴⁴

Маньчжурская армия генерала-адъютанта А. Н. Куропаткина сдавала свои позиции. В сражении у Ляояна 11—28 августа агрессивная атакующая тактика японцев успешно противостояла численному превосходству русских. Результаты сражения были неоднозначны: противник потерял, по разным подсчетам, 23—24 тысячи, наши войска — 17—19 тысяч человек. Однако Куропаткин, сочтя себя побежденным, вновь отступил, на этот раз на север, к Мукдену.⁴⁵

Участие Эрастова в русско-японской кампании заканчивается Ляоянским сражением. Осенью 1904 г. со своим легким ранением и обширным литературным материалом он возвращается в Петербург.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 9 от 19 апр. 1904 г. Письмо М. Л. Эдельман от 14 апр. 1904 г.

⁴³ Русь. 1904. 9 (22) нояб. № 329. С. 5.

⁴⁴ *Левицкий Н. А., Быхов П. Д.* Русско-японская война 1904—1905. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 106—112.

⁴⁵ Там же. С. 202—205.

В столице он обращается к редакторам и участникам различных изданий с целью публикации «боевых впечатлений». Восемь рассказов он посылает А. А. Измайлову с письмом от 16 февраля 1905 г.,⁴⁶ с издателем журнала «Природа и люди» известным писателем А. Е. Зариным переходит на «ты», обращается за поддержкой к актеру Н. Н. Ходотову, имевшему связи с редакцией «Театральной России». Период с конца 1904 до конца 1905 г. вполне можно считать благоприятным для творчества Эрастова. За 1905 г. ни он, ни его мать ни разу не обратились за помощью в писательские организации. Произведения Эрастова печатались во многих журналах.

1905 год. С известными результатами закончилась русско-японская война. Пришла пора подводить итоги, давать оценку событиям. В это время выходит в свет «Отступление» («В огненном вихре») Георгия Эрастова. Роман, который сам Эрастов без ложной скромности назвал в автобиографии «great story of the war» («великая повесть о войне»), был первоначально опубликован в журнале «Родная нива»⁴⁷ с иллюстрациями художника С. В. Животовского и действительно вызвал определенный интерес у читателей и критики. Обращаясь к рецензиям, приведем выдержки из статьи Б. Бразоленко «Памятники смерти»,⁴⁸ рассматривающей «Отступление» Эрастова и «В мышеловке» В. В. Вересаева. Остановимся, естественно, на первой части статьи.

«„Отступление“ не может быть названо в полном смысле хроникой войны, тем более что автор доводит свои записки только до Ляоянского боя и последовавшего за ним отступления русской армии. Но, несмотря на это, картина получается полная и, надо сознаться, — картина потрясающая... <...> Характеристики отдельных типов очень метки — два-три слова, две-три черточки — и перед вами живой человек, человек чувствующий, мыслящий, страдающий, радующийся...». Например: «...обрюзгший, с желтыми пятнами на припухлом лице, страдающий одышкой, мучимый кашлем, желчный и раздражительный, — подполковник храбрился перед молодежью, напускал на себя воинственность, хотя в его беспокойном взгляде и голосе чувствовалась внутренняя тревога и страх перед будущим».⁴⁹

Действительно, для Эрастова, профессионального (пусть недипломированного) художника кисти, не составляло труда с помощью нескольких штрихов создавать и портреты литературные. Однако часто эти портреты у Эрастова представляют собой лишь наброски, эскизы с довольно слабой прорисовкой или, иначе говоря, мотивировкой, уместной при создании масштабной картины военных действий (во время которых индивидуальные черты личности, подчиненной общей воле, фактически стираются), но недостаточной применительно, например, к драматургическим образам (см. далее о пьесе «Продана»).

⁴⁶ РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 383 (Архив Измайлова А. А., собрание Бурцева А. Е.).

⁴⁷ В огненном вихре: роман // Родная нива. 1905. № 18. С. 166—168; № 19. С. 171—175; № 20. С. 181—183; № 21. С. 191—192; № 22. С. 198—200; № 22—23.

⁴⁸ Бразоленко Б. Памятники смерти («Отступление» Эрастова, «В мышеловке» Вересаева) // Вестник знания. 1907. № 1. С. 91—96.

⁴⁹ Там же. С. 91.

Бразоленко также отмечает отдельные сцены, удачно описанные автором, в частности ту, «где вахмистр Евсеич, пробираясь под японским огнем, достал товарищам воды для питья», и сцену казни старика-китайца. «Здесь мы встречаемся с тем же приемом *контурной* (курсив мой. — П. Г.) обрисовки, которой был отмечен выше, когда мы говорили о приемах характеристики отдельных типов», — подчеркивает рецензент. Кроме того, положительно оцениваются пейзажные зарисовки и попытка этнографического анализа, предпринятая Эрастовым. Однако, по мнению Бразоленко, автор «явно идеализирует сынов небесной империи». «Дело в том, — пишет критик, — что многие стороны их общественного быта, конечно, очень симпатичны, больше того, достойны подражания; но несомненно также и то, что китайцы очень льстивы и скрытны, а поэтому нередко бывает трудно установить, где у них кончается искренность и начинается лицемерие».⁵⁰

С выводом об «идеализации» Эрастовым маньчжурских крестьян вряд ли можно согласиться. Напротив, автор «Отступления» в данном случае вполне объективен. Царские войска, уже несколько лет проводившие колонизаторскую политику в этом регионе, чувствовали себя его хозяевами. Местные жители подвергались насилию еще до начала русско-японской войны: выселения, ограничение передвижения, аресты и казни китайцев приобретали массовый характер.⁵¹ Во время войны в крестьянах Поднебесной часто подозревали японских шпионов. И действительно, как было солдату, жителю Русской равнины, не знакомому с этнографией, отличить одного монголоида от другого? К тому же не могла не раздражать коммерческая активность предприимчивого китайца, который даже получил в народе прозвище «уссурийского еврея».⁵² Отсюда постоянные гонения жителей русских поселений Дальнего Востока на своих соседей-китайцев и ответные нападения последних на станции КВЖД и города.⁵³ Взаимная неприязнь нарастала и, безусловно, сыграла свою роль и в действиях наших войск в Маньчжурии.

В заключение рецензент пишет следующее: «И в отличие от большинства современных русских так называемых беллетристов, мы не можем обвинить г. Эрастова в преднамеренной тенденциозности...».⁵⁴ В этом смысле «Отступление» со свойственными ему реалистичностью и отсутствием предвзятых идей действительно представляется безукоризненным, в отличие от многих «довоенных» произведений Эрастова.⁵⁵

Таким образом, писатель, корреспондент петербургских газет, художник Эрастов достиг своей цели — создал правдивую, основанную на собственном опыте «летопись» русско-японской войны. Среди менее крупных произведений на эту же тему отметим рассказы «Комарик»,⁵⁶ «Выбыл из строя» и «Во мраке».

⁵⁰ Там же. С. 91—92.

⁵¹ *Левицкий Н. А., Быхов П. Д.* Русско-японская война... С. 64—65.

⁵² *Широкопад А. Б.* Русско-японские войны 1904—1945. Минск: Харвест, 2003. С. 139.

⁵³ См.: Там же. Ч. II, гл. 6, 8.

⁵⁴ *Бразоленко Б.* Памятники смерти... С. 92—93.

⁵⁵ *Хеллман.* С. 14—15.

⁵⁶ *Комарик* (Рассказ из боевой жизни) // *Родная нива.* 1905. № 1. С. 10—12.

Первый рассказ повествует о неожиданном подвиге корнета Комарова, пробравшегося на вражеские позиции и с помощью флажков, знаками русской «семафорной азбуки», указавшего товарищам расположение главных орудий японцев. Второй — о перерождении на войне заядлого игрока и растратчика Павлушова, который героически погибает, успев отправить записку о численности японских войск и прикрыть отход товарищей. Рассказ «Во мраке»⁵⁷ погружает нас в пучину ужаса и смятения, наступившего после кровавого побоища: «Копишащиеся цепи стрелков, отступающая с разных сторон пустота, пулеметы и батареи, изрыгавшие огонь и посылавшие смерть, траншеи, заваленные трупами, залитые кровью, <...> — все это быстро утонуло во мраке». Всеобъемлющий мрак затмевает светила, смерть берет верх над жизнью, безумие — над рассудком, грохот войны поглощает крик человеческой души — такова реальность боевых впечатлений Эрастова.

Наряду с военной тематикой Эрастов не оставляет и свои старые жанры — литературный сон («Quasi una символика») и новеллу. Подобные произведения он публиковал, в частности, в «Петербургской жизни». К первому роду относится, например, рассказ «О чем рассказывал череп».⁵⁸ Череп поведал историю о юноше-иноке, который в необъяснимом смятении бежал из монастыря, преследуемый видением: церковная служба, мать с ребенком на руках, младенческий крик «мама!» и затем чудесный взгляд ребенка — первое, что юноша увидел, очнувшись в забытии в лесу, вдали от монастыря. Используя классический сюжет в духе лермонтовского «Мцыри», автор стремится раскрыть момент расцвета чувственности, который неизбежно, по зову природы, наступает в душе юноши-отшельника, вынужденного бороться со столь сильным искушением — жаждой свободы и воли. Монах не находит помощи и поддержки у своего исповедника-приора, выносящего беспощадный приговор: «Всем же отступникам и грешникам — гибель, и оставившие Господа истребятся!».

В эпилоге намечается еще одна линия рассказа — своеобразное возмездие времени, прогресса и вольной жизни: вокруг развалин мрачного монастыря спустя много лет вырос оживленный город. На месте обрушившейся кельи некий путешественник находит череп юноши.

В том же 1905 г. в «Петербургской жизни» Эрастов опубликовал новеллу «Marche funèbre» («Похоронный марш»)⁵⁹. Действие происходит в ресторане, пережившем очередную ночную оргию. Какой-то затейник предложил устроить дуэль в духе «fin de siècle»: победителем объявлялся тот, кто первым осушит бокал крепчайшего коктейля. Один из дуэлянтов упал без чувств. Вся компания, подумав, что молодой человек уснул нетрезвым сном, стала отпускать в его адрес насмешливые замечания, а один гуляка вдруг вспомнил о потешной традиции, бытовавшей в его драгунском полку, — совершать над мертвецки пьяными обряд отпевания. Собравшиеся дружно поддержали веселую идею. Совершив эту кошунственную мессу, весельчаки поняли, что у «мертвеца» действительно остановилось сердце.

⁵⁷ Во мраке (Из боевой жизни): очерк // Живописное обозрение. 1905. № 8. С. 177—179.

⁵⁸ О чем рассказывал череп: рассказ // Петербургская жизнь. 1905. № 823. С. 7380—7385.

⁵⁹ Marche funèbre: рассказ // Там же. № 829. С. 7476—7482.

Такого рода рассказы Эрастова печатались в петербургской периодике. Все они были идеологически нейтральны, но писатель стремился придать своему творчеству большую социальную направленность. Вскоре ему это удалось.

Вернувшись с войны в революционный Петербург, Эрастов оказывается вовлеченным в круговорот событий. В автобиографии он напишет в характерном эпатажном стиле: «When he returned to Russia, carried away by the Revolutionary movement, he issued a satirical journal „Burelom“, which met with a tremendous success... and 100 000 copies of the first number were sold» («Вернувшись в Россию, захваченную революционным движением, он [Эрастов] издавал сатирический журнал „Бурелом“, который столкнулся с огромным успехом... и 100 000 экземпляров первого номера были проданы»). Трудно судить, насколько указанное Эрастовым число проданных экземпляров соответствовало истине, однако очевиден тот факт, что журнал вызвал интерес не только у читателей, но и у цензуры. Дело № 222 по журналу «Бурелом» в I Отделении Канцелярии Главного управления по делам печати было заведено 26 ноября 1905 г., официальное свидетельство о праве на издание датировано 5 декабря того же года. В этом документе указываются следующие пункты:

Свидетельство № 6

Выдано от С.-Петербургского градоначальника, на основании ст. 4 отд. III Высочайше утвержденных 24 ноября 1905 года правил о повременных изданиях на выпуск в свете в С.-Петербурге литературно-сатирического журнала «Бурелом».

По следующей программе: беллетристические рассказы, очерки, фельетоны, стихотворения, сатирические мелочи, рисунки, карикатуры и объявления.

Сроки выхода в свет: один раз в неделю.

Подписная цена: в год 3 рубля.

Издатель: литератор Георгий Павлович Эдельман-Эрастов.

Место жительства: Невский пр., 102, кв. 32.

Ответственный редактор: он же.⁶⁰

Казалось бы, в программе журнала нет ничего предосудительного. Но, как выяснилось вскоре, декларируемая сатирическая направленность «Бурелома» переходит пределы дозволенного. Журнал, как и многие в то время, был революционным по содержанию и имел соответствующий внешний вид. Карикатуры и прочие иллюстрации воплощали образы ненавистного буржуа и угнетаемого рабочего. Преобладал в оформлении, конечно, красный цвет, ставший символом нового времени, революции.

Георгий Эрастов — главный редактор и издатель журнала, проповедующего, как мы убедимся далее, социал-демократические идеи, участник опасной игры истории, балансирующий на краю пропасти. Что привело в ряды оппозиции вчерашнего корреспондента петербургских газет, добровольно воевавшего с японцами в составе царской армии?

Исследуя мотивы, побудившие более именитых, чем Эрастов, литературных деятелей обратиться к идеям восстановления социальной справед-

⁶⁰ РГИА, ф. 777, оп. 6, д. 90.

ливости, мы могли бы вспомнить мысль И. С. Тургенева, высказанную в письме к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г.: «Все истинные отрицатели, которых я знал (Белинский, Бакунин, Герцен, Добролюбов, Спешнев и т. д.), происходят от сравнительно добрых и честных родителей. И в этом заключается великий смысл: это отнимает у деятелей, у отрицателей всякую тень личного негодования, личной раздражительности. Они идут по своей дороге потому только, что более чутки к требованиям народной жизни».⁶¹

Был ли повод для «личного негодования» у Эрастова? Будучи разночинцем, бедствующим интеллигентом, в социальной иерархии он занимал промежуточное положение между недовольными крестьянами и формирующимся пролетариатом, с одной стороны, и «кающимися» дворянами — с другой, что в целом освобождало его от идеологической ответственности. Причину следует искать в другом. Эрастов, как нам кажется, был ярким представителем своей эпохи: по складу характера и роду занятий он не мог не стать революционером, пусть больше на словах, чем на деле, пусть под влиянием диковатой «моды», но он снова должен был находиться в центре событий, занять свою нишу в общественной жизни. Так появился «Бурелом».

Первый же номер журнала был воспринят цензурой в штыки. Из донесения начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда: «Комитет нашел, что в статье под заглавием „Так говорил Заратустра“ в оскорбительной для Его Императорского Величества форме приведены резолюции Государя Императора на всеподданнейшем отчете Государственно-го контроля, а на стр. 5 помещен портрет с явной целью изобразить в нем Государя Императора в обстановке оскорбительной и доказывающей дерзкое неуважение к Верховной власти. <...> Цензурный комитет постановил возбудить против всех лиц, могущих оказаться виновными по настоящему делу, судебное преследование...».⁶²

В статье «Так говорил Заратустра»⁶³ сотрудника «Бурелома» Андрея В. в описании некоего эпизода из жизни пророка завуалирован отклик на события Кровавого воскресенья. Сам Заратустра и его помощники, орел и змея, рассуждают о «стальных гигантах», под которыми, конечно же, подразумеваются власти:

«И сказала змея: „Смертью грозят эти гиганты, но сами они мертвы“.

И сказал орел: „Зияют их разверстые пасти, но челюсти их бессильны, и зубы их не кусают“».

Далее аллегорически изображается шествие мирной демонстрации к Зимнему дворцу: «И увидел Заратустра вереницы людей, длинные вереницы. И они шли навстречу Восходящему Солнцу (читай, государю императору. — П. Г.), и оно бросало на лица их, и на одежду, и на оружие их кровавые отблески». Вскоре наступает трагическая концовка: «И увидел Заратустра море трупов, застывшее море. И волны голых трупов, опепеленных, замерзших, вздымали к слепому небу скорченные руки, и закоченелые уста

⁶¹ Тургенев И. С. ПССИП: В 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Письма. Т. 4. С. 380.

⁶² РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 2169.

⁶³ Бурелом. 1905. № 1. С. 2—3.

кричали немymi воплями». Так вымышленное апокалиптическое видение пророка было соотнесено автором статьи с катастрофой 9 января 1905 г.

Под вышеупомянутым «портретом» подразумевалась карикатура Эрастова «Зачитался»,⁶⁴ подписанная псевдонимом *Homunculus*. На ней легко угадываются черты Николая II, мирно почитывающего «Правительственный вестник» и будто намеренно не замечающего кровавой бойни за окном. Трон императора подтачивают мыши — олицетворение чиновников и министров Николая. В том же антиправительственном духе звучал и памфлет Эрастова «Скептик (Подражание Шумихеру)»:

Сват Пафнутий!.. Слышал?..
Дьякон сообщал,
Будто хулиганам
Царь отставку дал!..

Да! держи карманы!
Дьякон мелет зря:
Чай, ведь, хулиганы —
Посильней царя!..⁶⁵

В стихотворении «Из песни о лесе дремучем» Эрастов призывает к свержению «великанов леса»:

Громы! Громче раздавайтесь!
Ярче, молнии, сверкайте!
Расчищайте лес дремучий
От засохших великанов!
Поражайте старцев леса,
Отнимавших жизнь у юных,
Пожиравших влагу неба,
Заслонявших солнце правды!
Громы, громче раздавайтесь!
Ярче, молнии, сверкайте!
А настанет час заветный —
Стихнут грозные удары.
И на прахе пораженных
Жизнь свободная начнется!..⁶⁶

Второй номер «Бурелома» также выражал оппозиционные настроения. На странице 5 была помещена новая карикатура *Homunculus*'а «Собрался» — на этот раз Николай II в той же комнате дворца упаковывал чемоданы, а на полу были разбросаны обрывки журнала «Правительственный вестник». Кроме того, цензура небезосновательно сочла, что стихотворение В. Т-ова «К народу» призывает к бунту:

Сверкнул свободный луч денницы,
Народ к сознанию пробудился...

Пальба... Резня... Полны темницы
И бесконечен ряд могил.

⁶⁴ Там же. С. 5.

⁶⁵ Там же. С. 3.

⁶⁶ Там же. С. 7.

* * *

От захолюстья до столицы
Могучий крик бойцов летел...
Пальба... Резня... Полны больницы
Полуживых разбитых тел...

* * *

Вперед за правду без боязни!
Вперед, народ, ты победил!
Тебе не страшен призрак казни
И бесконечный ряд могил!⁶⁷

В результате 24 января 1906 г. «Бурелом» был официально запрещен, а его главный редактор Г. Эрастов привлечен к ответственности по статьям 103, 106 и пункту I статьи 129 Уголовного уложения 1903 г.⁶⁸ Однако Эрастов не сдавался. Уже находясь под давлением властей, он в начале 1906 г. стал издавать журнал «Буря» — с той же политической направленностью. И вновь Бельгард пишет донесение: критике на этот раз подверглись опубликованные в 5-м номере «Бури» стихотворение «Я вас не звал, былого тени» Ильи Гурвича, стихотворение «Никто не ждет» и статья «89 год» А. Рославлева. Статья с первых же строк вызывала у почтенного цензора негодование: «Нынче позволительно немного мечтать. Не так, чтобы уж очень, но до известной степени можно. Собственно говоря, мечтал я и раньше и уж очень давно, никогда не спрашивая себе на то разрешения от полиции, но нынче все чаще мечты мои принимают багровый оттенок...».⁶⁹ Характерно в этом смысле и стихотворение «Никто не ждет»:

Никто не ждет, никто не знает,
Что ужас будет явлен вновь,
О мшени ярыстом вызывает
Недавних жертв святая кровь...
и т. д.⁷⁰

Революционному тону этих строк вторит и Гурвич:

Отчизна-мать затосковала,
Как пробужденная раба,

⁶⁷ Там же. С. 6.

⁶⁸ РГИА, ф. 777, оп. 7, д. 87. Статья 103, часть I гласила: «Виновный в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или в угрозе Их Особе, или в надругательстве над Их изображением, учиненных непосредственно или, хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с тою же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных, наказывается: каторгою на срок не свыше 8 лет». Статья 106 предусматривает по этой части статьи 103 замену каторги ссылкой на поселение (Уголовное уложение 1903 // Приложение к журналу «Вестник сенатской практики». 1903. № 23—24. С. 35).

По пункту I статьи 129, «виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения, или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: к учинению бунтовщического или изменнического деяния...» приговаривался к ссылке на поселение (Там же. С. 44—45).

⁶⁹ Буря. 1906. № 5. С. 2.

⁷⁰ Там же. С. 6.

В цепях тяжелых, что сковала
Ей прихотливая судьба.⁷¹

Эрастов публиковал в своем журнале не только провокационные стихи, но и прозу. В 4-м номере «Бури» он поместил, например, рассказ «Однажды ночью»,⁷² повествующий о судьбе двух гонимых «проповедников», а точнее агитаторов, — старика отца и подростка сына, проводивших собрания среди фабричных рабочих. Для описания собраний автор частично использует шаблон «Открытого письма Максиму Горькому» с такими характерными фразами, как: «Толпа сосредоточенно слушала» или: «Безмолвны были и хмурые лица вокруг. И в этом молчании чуялась нарастающая сила, чуялось приближение бури...». Отец и сын были арестованы; подростка жестоко избили и изуродовали, лишив глаза и отрезав уши. Агитаторы скрывались за границей, там «они жили среди свободных людей и были сами свободны». Однако вскоре они вернулись в объятую революцией страной с мыслью, «что там, где нет борьбы, — нет жизни, и что жизнь — борьба».

Под таким патетическим лозунгом проходит, пожалуй, значительная часть публицистики 1905—1907 гг., представленной многочисленными «красными» и «еврейскими» газетами и журналами, пестревшими антиправительственными высказываниями и карикатурами на царя и высших чиновников.

Протест выражался в самой наивной форме. В том же рассказе «Однажды ночью» главные герои идеализируются, обретают чуть ли не ореол мучеников-страстотерпцев, борцов за свою «веру», угнетаемых темными силами царского режима.⁷³

Журнал «Буря» был запрещен 7 февраля 1906 г.⁷⁴ Эрастов был арестован и, если верить автобиографии, выпущен под залог в 5000 руб. Эрастов

⁷¹ Там же. С. 7.

⁷² Однажды ночью: рассказ // Буря. 1906. № 4. С. 2—3.

⁷³ Недаром Н. А. Бердяев писал, что даже «русские атеизм, нигилизм, материализм приобрели религиозную окраску» (*Бердяев Н. А. Русская идея*. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. С. 239).

⁷⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 530, ед. хр. 431, л. 104. Вместо журнала «Буря» началось издание «Буревала» того же формата и содержания, но уже с новым главным редактором (Эрастов, как будет сказано, покинул Петербург), которым стал некто В. Е. Турок (псевдоним — Вилли). Состав сотрудников журнала тоже изменился, из прежних остался только Илья Гурвич, участвовавший во всех трех изданиях. Ему принадлежит вступительное стихотворение «Буревал» — очередная вариация на тему разыгравшейся в лесном государстве революционной стихии:

Тут безысходными часами
Свирепый вихорь бушевал —
Перед усталыми глазами
Чернеет дико буревал.

Родные, милые дубровы,
Как сокрушило их кругом!
Как будто ночью враг суровый
Прошел с безжалостным мечом...
и т. д.

(Буревал. 1906. № 1. С. 2)

№ 1—2 журнала вышли в марте 1906 г., третий практически повторял содержание первых двух, № 4 был полностью изъят цензурой. На этом история эрастовской публицистики заканчивается.

чудесным образом избежал суда и заключения и в 1906 г. переехал в Финляндию, а затем за пределы Российской империи — в Швецию и Данию.⁷⁵ Это путешествие-побег из Петербурга было описано в идиллическом рассказе «В тихих шхерах»,⁷⁶ повествующем о жизни лирического героя Эрастова и его спутника на одном из финских островков «среди мирного уединения и созерцания».⁷⁷ Отправление на пароме в сторону Финляндии представлено сентиментальным автором как радостное освобождение: «И бледнеют мрачные призраки недавнего прошлого, и улыбаешься солнцу, весне и простору и с надеждой встречаешь новую жизнь и свободу!».⁷⁸

С такими радужными мыслями покидал Петербург Эрастов, впереди его ждали взлеты и падения. А бедная мать, оставшаяся в столице, снова была вынуждена обратиться за материальной помощью в известные организации. В письме от 3 мая 1906 г.⁷⁹ в Литфонд Мария Львовна, ссылаясь на отъезд сына, просит о пособии на покрытие самых необходимых расходов, в послании от 4 апреля 1907 г.⁸⁰ в Постоянную комиссию — «на лечение глаз», начинающейся глаукомы.

Зарубежный период жизни и творчества Эрастова: его участие в Свенском театре, женитьба на известной шведской актрисе (взявшей его фамилию, в местной огласовке) Эдит Эрастофф, драматургические триумфы и психическая болезнь⁸¹ — все эти подробности его жизни-эпопеи выходят за рамки нашей статьи, завершающейся событиями 1906 г.

Из зарубежных произведений Эрастова упомянем о пьесе «Продана», поставленной на сценах Лондона и Нью-Йорка и даже положенной в основу одноименного кинофильма.⁸²

Действие драмы разворачивается в большом городе в квартире талантливого, но отнюдь не богатого художника Даниила Брайдина и его жены Эллен. Непризнанный гений Брайдин, не желая идти на уступки пошлому общественному вкусу, испытывает известные материальные проблемы. Эллен, боготворящая своего супруга, готова на все, чтобы помочь развитию его дарования. «Ведь я люблю в тебе не только человека! Я люблю тебя как художника, я верю в твое творчество, в твои грезы!», — говорит она.

Волею судьбы покой супружеской четы Брайдиных нарушает давний друг Даниила, его товарищ по Академии художеств, а ныне преуспевающий живописец Роберт Кранц. Увидев в доме Брайдина картину под названием «Продана», на которой была изображена закованная в цепи обнаженная рабыня, ожидающая своего нового хозяина, Роберт загорелся желанием найти ту прекрасную женщину-натурщицу, не узнав в ней Эллен. Даниил не называет ее имени, придумывая различные отговорки. Кранц заявляет, что отдал бы любые деньги за возможность написать портрет

⁷⁵ См.: Хеллман. С. 14—35.

⁷⁶ В тихих шхерах: отрывки из дневника // Финляндия. 1909. 10 (23) сент. № 13. С. 343—355.

⁷⁷ Там же. С. 346.

⁷⁸ Там же. С. 345.

⁷⁹ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 15 от 8 мая 1906 г. Письмо М. Л. Эдельман от 3 мая 1906 г.

⁸⁰ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 22.

⁸¹ См.: Хеллман. С. 50.

⁸² См.: Хеллман. С. 52, 54. Фильм не сохранился.

этой женщины, и тогда Элли, из любви к мужу, решается открыться Кранцу ради необходимых средств.

Догадавшись обо всем, Брайдин направляется в номер к Кранцу и там находит подтверждение своим мыслям — перчатку, в суматохе оброненную спрятавшейся за ширмой женой. Взбешенный Даниил стреляет в картину Кранца, пуля попадает в Элли (рана не смертельна). Рядом с ней потерявший самообладание, плачущий навзрыд муж и мужественный Роберт, оказывающий первую помощь. Элли, виновница и жертва трагедии, слабым голосом просит мужчин простить ее и помириться между собой.

Мелодраматичная бесхитрость и наивность пьесы, покорившей сердца западных зрителей, весьма характерна для идеалистического мировоззрения Эрастова и вполне вписывается в круг проблем его творчества. Истинный талант и цветущая посредственность, долг и честь, с одной стороны, и стремление к счастью ближнего, самопожертвование — с другой, гордость и унижение, сила и слабость — все это было чрезвычайно близко и знакомо драматургу и человеку Георгию Эрастову. Однако сентиментальность была уже не в моде, тем более что все увереннее вступал в свои права прагматичный XX век.

Последние годы жизни Эрастова были такими же печальными, как и концовка его пьесы. После плодотворного периода с 1906 приблизительно до 1911 г. у него вновь начался творческий застой. Моральные и физические силы Эрастова были истощены. После череды успехов и неудач он вновь остался один, как всегда один в борьбе с нищетой. 8 декабря 1912 г. приват-доцент Петербургского университета Карл Тиандер, встречавшийся с Эрастовым в Копенгагене, отправил в Литфонд письмо,⁸³ описывающее положение высланного писателя. Тиандер нашел Эрастова в крохотной квартирке, которую тот разделял с матерью, приехавшей в Данию помочь сыну, и прачкой. Писатель, по словам Тиандера, «производил впечатление человека до того истощенного, что даже говорить ему было трудно». Эрастов почти полностью потерял память, оказался беспомощным, как ребенок, и зависел от матери. На деньги копенгагенской общественности Эрастова на два месяца поместили в санаторий доктора Брюннике, где врачи имели возможность наблюдать «все признаки умопомешательства» пациента. Лечение не возымело действия. Так был потерян для литературы и жизни писатель, в судьбе которого, по словам его ходатая, «отразились общие настроения русского общества эпохи 1904—9 гг.».⁸⁴

В 1913 г. была объявлена амнистия по случаю 300-летия дома Романовых, и Эрастов смог вернуться в Россию. 4 июля 1913 г. сопредседатель Литфонда Ф. Д. Батюшков выступил на заседании с докладом⁸⁵ о состоянии писателя. В частности он сообщил о решении врачей не помещать Эрастова в больницу Николая Чудотворца, предназначенную для тяжелых душевнобольных: «Полная потеря памяти, но некоторое сознание есть, поэтому было бы жестоко помещать его к Николаю Чудотворцу». Это означа-

⁸³ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 30 от 10 дек. 1912 г. Письмо К. Ф. Тиандера от 8 дек. 1912 г.

⁸⁴ Письмо К. Ф. Тиандера.

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 17 от 4 июля 1913 г.

ло, что Эрастову, страдавшему «прогрессивным параличом мозга»,⁸⁶ была дана возможность спокойно окончить свои дни дома. А домом была очередная «холодная квартира», комнатуха, на отопление которой Марии Львовне приходилось просить денег в комиссиях.⁸⁷

Любопытно, что в № 37 журнала «Новости экрана» за 1914 г. появилось маленькое стихотворение Эрастова, очевидно перепечатка, так как он уже не мог ничего писать в то время.

Встреча первая, свиданье...
Страстный взгляд... полупризнание
И весны волшебной сказка...
Это — повести завязка.

* * *

Свадьба... в нравах перемены...
Нервы, деньги, нервы... сцены...
Наступает охлаждение...
Это — просто продолжение...

* * *

Дома друг и кредиторы...
Драки каждый день и ссоры...
Клоки бороды, повязка!
Это повести развязка!⁸⁸

Эти несколько строк о превратностях семейной жизни и жизни в целом напоминали о прежнем Георгии Эрастове, человеке язвительном и дерзком, когда-то мечтателе, чья горькая ироническая улыбка ныне сменилась бессмысленной гримасой.

С 1915 г. Эрастов практически не вставал с постели.⁸⁹ 12 января 1916 г. с ним случился инсульт, повторившийся на следующий день.⁹⁰ Мария Львовна писала в Постоянную комиссию и Литфонд: «Сижу голодная, холодная и не вижу ниоткуда никакой поддержки»;⁹¹ она просила «помочь купить сажень дров».⁹² Приходилось довольствоваться мелкими подачками. Последние 50 руб. Мария Эдельман получила от Постоянной комиссии 13 апреля 1918 г. в ответ на письмо от 9 апреля,⁹³ в котором она сообщила о смерти сына.

Никто не заметил этой смерти. Вокруг грохотала революция, на глазах рушился старый мир, приносились человеческие жертвы миру новому. Может возникнуть вопрос, кем стал бы Эрастов в сложившихся условиях, он, который жаждал свержения самодержавия, народного переворота? Чем больше вглядываемся мы в судьбу и творчество этого писателя, тем яснее

⁸⁶ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 25. Письмо М. Л. Эдельман от 19 дек. 1914 г.

⁸⁷ Там же, л. 28. Письмо М. Л. Эдельман от 26 нояб. 1916 г.

⁸⁸ Повесть // Новости экрана. 1914. № 37. С. 13.

⁸⁹ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 21 от 1 июня 1915 г. Письмо М. Л. Эдельман от 25 мая 1915 г.

⁹⁰ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 10 от 25 янв. 1916 г. Письма М. Л. Эдельман от 16, 17 янв.

⁹¹ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 30. Письмо М. Л. Эдельман от 9 апр. 1918 г.

⁹² Там же, л. 29. Письмо М. Л. Эдельман, без даты.

⁹³ Там же, л. 30. Письмо М. Л. Эдельман от 9 апр. 1918 г.

понимаем, что он был бы невозможен в культурном и политическом контексте нового времени. Судьба сыграла с ним злую шутку: в столь важный для истории России момент Эрастов доживал свой век в бушующем Петрограде безучастным и беспомощным инвалидом. Судьба избавила его и от мучительного выбора между Горьким, Дзержинским и кладбищем Сент-Женевьев-де-Буа. Эрастов остался в прошлом «столетии», закончившемся в октябре 1917 г.

Дидактический пафос рассказов и широта натуры, язвительный тон журналистских публикаций и смиренные прошения в императорские комиссии, реализм романов о войне и иллюзорность эссе, наивность драматургии и неподдельная драма жизни, бедность и неостребованность, временные стабильность и успех, «быть или не быть?» и, наконец, безумие — все перемешалось в судьбе писателя с романтическим псевдонимом Эрастов. Мог ли он стать Героем того времени? Пожалуй, нет. Серебряный век породил целую плеяду гениев, на фоне которых терялся малоизвестный литератор. Однако Эрастов всю жизнь был еще и актером, играющим роль Героя, и эта роль в значительной мере типична, как типичен и ее исполнитель. Театральной представляется жизнь Георгия Эрастова и контрастно обыденной, прозаической — его смерть. Эрастов явно спешил, стремился закончить свой монолог, будто чувствуя, что ему не найдется места в новом театре.

К. Брандист

КОНСТАНТИН СЮННЕРБЕРГ (ЭРБЕРГ) И ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ЖИВОГО СЛОВА И ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ В ПЕТРОГРАДЕ—ЛЕНИНГРАДЕ. 1918—1932 гг.*

В постреволюционные годы разработке социологических исследований речевых актов стало уделяться пристальное внимание, однако работа, проделанная в данной области, до сих пор оставалась малоизученной в современных научных кругах. В этой связи деятельность небольшой группы ученых, так называемого круга Бахтина, представлялась весьма новаторской, в то время как большая часть важнейшей исследовательской работы советских ученых в сфере диалогической речи и речевых жанров, работы, собственно, «подпитывавшей» круг Бахтина, оставалась в тени. В настоящей статье прослеживается динамика развития подобной работы, которая, в частности, велась в 20—30-х гг. прошлого века в Ленинграде. Особое внимание здесь уделяется Константину Александровичу Сюннербергу (Эрбергу) (1871—1942), игравшему наиболее значительную роль в разработке вышеназванных вопросов как теоретика, педагога и организатора.

В своих исследованиях, посвященных понятию «живое слово», Ирина Иванова отмечает, что интерес к изучению проблемы живого слова был напрямую связан с нарастающим уровнем народного недовольства и активизации общественных движений, а также с рядом политических уступок, которыми были ознаменованы последние годы царизма. Бурное развитие просторечной риторики, с одной стороны, и официальные выступления в судах и недавно сформированной Думе — с другой представляли собой новые объекты исследований для русских мыслителей.¹ В результате прак-

* Публикация подготовлена в рамках проекта «Становление и развитие ранней советской социолингвистики (1917—1938 гг.): институты, идеи, актуальные вопросы», осуществляемого на средства Исследовательского совета по гуманитарным наукам (Arts and Humanities Research Council (AHRC), Великобритания).

¹ *Иванова И.* Развитие понятия «живое слово» в русской культуре конца XIX—начала XX века (от словосочетания к официальному институту) // Contributions suisses au XIIIe congrès mondial des slavistes à Ljubljana, aout 2003 / Ed. Patrick Sériot. Bern et al: Peter Lang, 2003. P. 103—117.

тического изучения живого слова и публичной речи появился ряд учебников-пособий по таким вопросам, как методика построения судебной речи; здесь, в частности, можно отметить влиятельную работу П. С. Пороховщикова (псевдоним — П. Сергеич) «Искусство речи на суде».²

В филологии того времени преобладали этнографический и психологический подходы, и вопросы, связанные с типологией речевых актов, возникали главным образом в контексте изучения текстов античных классиков и рассматривались зачастую достаточно формально. Историческое же изучение места риторики в античной культуре было представлено, в частности, в работе Ф. Ф. Зелинского о великом римском ораторе Цицероне,³ однако общетеоретические вопросы в подобных исследованиях решались в рамках психологического подхода, заимствованного из немецкой традиции «народной психологии» (*Völkerpsychologie*). Типичными с этой точки зрения являются работа Зелинского о В. Вундте и его представлении психологической природы языка как комплекса ментальных жестов,⁴ а также ряд статей, появившихся в недолго просуществовавшем журнале «Голос и речь» (1913—1914), печатавшем статьи на психологические, исторические и театральные темы (последние также включали общие проблемы сценического искусства). Деятели Петербургской (Ленинградской) и Московской лингвистических школ достигли больших успехов в разработке проблем ареальной диалектологии и, более того, начали поднимать вопрос о социальной стратификации языка, но поскольку проблемы общественных взаимоотношений рассматривались в рамках «народнопсихологических» понятий, таких, например, как «народная душа» (*Volksseele*), теория живого слова и публичной речи оставалась не разработанной в социологическом ключе.

Александр Вучинич справедливо утверждает, что систематический социологический подход, широко представленный в рамках политико-идеологических течений, практически не применялся в научных кругах.⁵ Социологические и социополитические характеристики живого слова и публичной речи были сформированы марксистским движением и проявили себя в форме агитации и пропаганды. Эта мысль впервые была высказана Плехановым в 1891 г. и позже получила свое развитие у польских марксистов в памфлете 1894 г. «Об агитации», а также у Ленина в «Что делать?» (1902).⁶ Так, согласно ленинской точке зрения, «пропагандист <...> должен дать „много идей“, настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами.

² Сергеич П. Искусство речи на суде. СПб., 1910.

³ Зелинский Ф. Ф. О чтении судебных речей Цицерона в гимназиях // Филологическое обозрение. 1894. Вып. 1. С. 143—166; Цицерон в истории европейской культуры [1896] // Возрожденцы. СПб., 1922. С. 20—57; см. также: Белкин М. Б. Тема Цицерона в творчестве Ф. Ф. Зелинского // Миэмон: Исследование и публикации по истории античного мира / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 357—370.

⁴ Зелинский Ф. Ф. Вильгельм Вундт и психология языка [1901] // Древний мир и мы. СПб., 1911. С. 151—221.

⁵ Vuchinich A. Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society. Stanford: Stanford University Press, 1976.

⁶ См.: Cliff Tony. Lenin: Building the Party 1893—1914. London: Bookmarks, 1986. P. 42—68, 79—98.

Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример, — скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п. — и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать „массе“ одну идею: идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается возбудить в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому главным образом печатным, агитатор — живым словом».⁷

Исторический анализ подобных дискуссий, основанный не на предвзятом отношении к соответствующим идеям, возникшим под влиянием последующих событий, а на их объективной оценке, показывает, что революционеры осознавали необходимость уделять пристальное внимание Аристотелевой триаде взаимозависимых составляющих риторики: оратор—предмет—аудитория, где последняя определяет объект и заключительную часть публичного выступления. В следовании данному правилу усматривали залог успеха в деле преобразования небольшой политической секты в массовую партию. Несмотря на то что в названных политических работах отсутствуют какие-либо ссылки на античные традиции, сам анализ такого явления, как агитация, приводит к возрождению интереса к классическим учениям в области стилистики ораторской речи.⁸ На примере агитации и пропаганды искусство построения спора представлено наиболее выпукло: *этнос* (вызывающий у публики доверие к оратору), *пафос* (обеспечивающий эмоциональное восприятие речи аудиторией) и *пистис* (доказательство), гармонично распределенные в соответствующих пропорциях для обоснования потенциальной выгоды или вреда от предлагаемых действий.⁹ При выборе наиболее приемлемой (*грепон*) тактики «вербального внедрения» в среду потенциальных слушателей предполагался анализ специфических социологических характеристик аудитории и ориентация на ее шкалу ценностей.¹⁰ Таким образом, агитация и пропаганда являлись видами совещательной риторики (*symbouleutikon*) при определенных обстоятельствах, а именно: при стратегически и тактически просчитанном выступлении на свободных собраниях (как-то: профсоюзных митингах, оргсобраниях, в советах и т. д.), где представители различных точек зрения

⁷ Ленин В. И. Что делать? // ПСС. 5-е изд. М., 1967. Т. 6. С. 66—67.

⁸ Карл Бюлер, работы которого имели существенное влияние в Советском Союзе в 1920-е гг., развивает ту же мысль, опираясь на «анализ репрезентирующего языка», см.: Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 2000. С. 55.

⁹ Замечательный комментарий к данной тематике см. в кн. Б. Викарса: *Vickers Brian. In Defence of Rhetoric. Oxford, 1987.*

¹⁰ Ср. рассуждения Аристотеля о необходимости оценки аудитории в кн.: *On Rhetoric / Trans. George Kennedy. Oxford, 1991. P. 235—237*, а также комментарий в кн. Викарса: *Vickers Brian. In Defence... P. 296—297*. Приноровление к шкале ценностей толпы считалось безвкусицей в аристократической среде критиков демократии, см. об этом, в частности, в кн. Д. Обера: *Ober Josiah. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology and the Power of the People. Princeton, 1989. P. 43—45*. Этот аспект революционной тактики не был замечен рядом известных исследователей данного периода, которые не смогли увидеть значения водораздела между агитацией и пропагандой. См., в частности: *Kenez Peter. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization 1917—1929. Cambridge, 1985. P. 8*, где этот водораздел совершенно не учтен.

боролись за лидерство при разборе какого-либо частного конфликта. Риторическая цель агитации и пропаганды при этом усматривалась в представлении данного частного конфликта в свете общей социально-политической борьбы. Подобная тактика оказывала глубокое влияние на само понимание идеи демократии, поскольку аудитория, которая представляла собой собственно объект подобных убеждений и в сознание которой пытался проникнуть оратор, должна была голосовать и принимать решение, взвесив все прозвучавшие аргументы. Таким образом, несмотря на то что в до-революционной России уделялось внимание как общей теории и истории живого слова и публичной речи, с одной стороны, так и их социополитическим характеристикам — с другой, изучение этих явлений развивалось по двум параллельно идущим направлениям, разделенным идеологически и находящимся в ведении различных институтов.

Постреволюционная деятельность К. А. Сюннерберга представляет собой один из наиболее интересных случаев, когда, доселе обособленные, академическая и политическая сферы пересеклись в области изучения живого слова и публичной речи. Будучи известной фигурой в истории культуры серебряного века, ученик Льва Шестова, философ, критик и поэт-символист, Сюннерберг был захвачен общесимволистским увлечением эллинизмом и его связью с классической научной традицией, на что был вдохновлен, в частности, В. И. Ивановым и Ф. Ф. Зелинским. Это обстоятельство давало ему все полномочия взять на себя миссию распространителя новых идей и организатора встреч политических и академических деятелей, занимавшихся вопросами изучения живого слова, когда Сюннерберг активно начал принимать участие в реорганизации культурных институтов после революции.

Об этом периоде деятельности Сюннерберга имеется несколько трудов, посвященных его работе в Петроградском отделении Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса. Автор статьи уделяет особое внимание роли Сюннерберга в проекте создания Вольной философской академии (Вольфила) в 1918—1919 гг. (академия была разрешена властями как ассоциация).¹¹ Однако в период с 1918 по 1932 г. большая часть профессиональной деятельности Сюннерберга была связана с изучением и преподаванием живого слова и публичной речи в ряде институтов, позже игравших ключевую роль в разработке социологического подхода к изучению языка раннего советского общества. Данный подход принципиально отличался как от узко глоттогенетических позиций в лингвистике, так и от социального редукционизма школы Н. Я. Марра, поскольку акцент в данном случае делался на социальной функции человеческой речи. Архив Сюннерберга, хранящийся в ИРЛИ, содержит богатую и ценную информацию о процессе раз-

¹¹ Белоус В. Г. 1) Константин Эрберг — философ-«иннормист» (к портретам «вольфильцев») // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 101—105; 2) Константин Эрберг о «Вольфильском юбилее» и юбиларе — Р. В. Иванов-Разумник / Публ. В. Г. Белоуса // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 148—162; 3) Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. 1919—1924. М., 2005. Кн. 1—2; *Заблоцкая А. Е.* Конст. Эрберг в научно-теоретической секции Наркомпроса (1918—1919) // *Минувшее: исторический альманах*. М.; СПб., 1996. № 20. С. 389—403. Общее описание его жизни и деятельности см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Конст. Эрберг (К. А. Сюннерберг). Воспоминания // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 99—115.

вития данной области в 1920-е гг., однако по-настоящему оценить значение этих материалов можно, лишь соотнеся их с архивными документами соответствующего периода, имеющимися в других хранилищах.¹²

Сюннерберг принадлежал к той части интеллигенции, которая после октябрьских событий 1917 г. с готовностью принялась сотрудничать с новым режимом. Наряду с такими видными деятелями культуры, как поэты А. А. Блок и А. Белый, режиссер В. Э. Мейерхольд, литературовед Р. В. Иванов-Разумник и театровед В. Н. Всеволодский-Гернгросс, он стоял у истоков организуемого в то время ТЕО, в составе педагогической подсекции.¹³ Как член научно-теоретической группы Сюннерберг принимал участие в предварительном проекте положения Вольфилы, в первом параграфе которого утверждалось, что данная ассоциация организовывалась «с целью исследования и разработки в духе социализма вопросов культурного творчества, а также с целью развития и укрепления как среди своих сочленов, так и за пределами Ассоциации социалистического и философского отношения к этим вопросам».¹⁴ Ассоциация имела четко поставленную задачу — участвовать в «реформировании жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей и реформирование философии путем включения в систему ее насущнейших проблем задачи непосредственного воздействия на живую историческую жизнь».¹⁵ Философия творчества Сюннерберга наиболее четко представлена в его книге «Цель творчества», вышедшей в 1913 г.; книга затем была переиздана в сокращенном виде в 1919 г. как часть серийного издания работ, отображающих основные идеи членов Вольфилы. Эти идеи были проведены в двух сборниках, вышедших под редакцией Сюннерберга: «Искусство старое и новое» (1921) и «Искусство и народ» (1922).

Институт живого слова (1918—1924 гг.)

Будучи сотрудником педагогической подсекции ТЕО в октябре 1918 г., Сюннерберг принимал участие в обсуждениях организации курсов художественного слова с В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, поэтом Н. С. Гумилевым, наркомом А. В. Луначарским, В. Э. Мейерхольдом, лингвистами Л. В. Щербой, Л. П. Якубинским и некоторыми другими. Результатом этих дискуссий стало основание Института живого слова (ИЖС) в конце того же года.¹⁶ Сюннерберг входил в совет института со дня его основания, годом позже он получил звание профессора и в 1923 г. был назначен председателем института. В институте Сюннерберг читал «Философию творче-

¹² К подобным собраниям архивных документов относятся, в частности, материалы, связанные с деятельностью Института агитации им. Володарского, хранящиеся в ЦГАИПД (СПб), ф. 8720, ТЕО Наркомпроса в ЦГА (СПб), ф. 2551, ИЛЯЗВа (Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока) — в РГАЛИ (СПб), ф. 288, РАНИОНа — в ГАРФ (Москва), ф. А-4655, а также в двух личных архивах: Н. С. Державина в ПФА РАН, ф. 827 и В. М. Крепса в РГАЛИ (Москва), ф. 2889.

¹³ ЦГА (СПб), ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 1477.

¹⁴ Цит. по: *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 51—52.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАРФ, ф. А-2306, оп. 24, ед. хр. 11, л. 14—23 об.

ства», главный его курс, составленный на основе книги «Цель творчества». ¹⁷ При этом он занимал должность директора ораторского отдела и в этом качестве поддерживал контакты, в частности, и с представителями круга Бахтина: Л. В. Пумпянским и М. И. Каганом, а также — с А. Ф. Кони, в то время уже престарелым. ¹⁸ По всей вероятности, именно работа в ораторском отделе подвигла Сюннерберга к радикальной смене его исследовательских интересов и педагогической деятельности, которые теперь были полностью направлены на изучение ораторской речи. Данная смена направления, однако, имела для него определенные негативные последствия, поскольку поток публикаций Сюннерберга на некоторое время прекратился и впоследствии так и не набрал своей прежней силы.

В качестве своих задач ИЖС выдвигал следующие: «1) научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области живого слова и связанных с нею дисциплин, 2) подготовку мастеров живого слова в областях: педагогической, общественно-политической и художественной и 3) распространение и популяризацию знаний и мастерства в области живого слова». ¹⁹

В речах, произнесенных на открытии института, эти задачи увязывались с процессом демократизации, происходящим в народной массе. Луначарский утверждал, что революция сделала демократизацию возможной, и теперь «надо учить говорить весь народ от мала до велика». ²⁰ По сути дела, нарком Луначарский призывал к созданию условий для полного равноправия голосов, или исигории (*isēgoria*), практиковавшейся во времена древнегреческой демократии. ²¹ Известный историк-классик, сторонник идеи «третьего возрождения» Ф. Ф. Зелинский высказывал эту же идею в своем выступлении, подчеркивая, что «афинская демократия была той ячейкой, которой было вскормлено живое слово. Дальнейшая история античного мира типична также и потому, что она доказывает нам неразрывность этих двух понятий — демократии и живого слова». ²² Зелинский развивает данную мысль в статье, напечатанной в сборнике «Искусство и народ», вышедшем под редакцией Сюннерберга. Автор статьи, в частности, пола-

¹⁷ См. программу курса в кн.: Записки института живого слова. 1919. Вып. 1. С. 43—48 (далее — Записки).

¹⁸ Пумпянский поддерживал контакты с Сюннербергом по крайней мере с периода их совместной деятельности в Вольфиле; контакты с Каганом могли завязаться приблизительно в это же время, через знакомство с Пумпянским и их общим другом Ароном Штейнбергом. Позже интересы членов круга Бахтина и Сюннерберга нашли свое отражение в исследовательской работе В. Н. Волошинова в ИЛЯЗВе. Архив Сюннерберга содержит письма всех этих лиц, связанные с деятельностью института. См.: РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 470, 151, и 159 соответственно. Пумпянский вел курс «О нравственном и умственном состоянии в современной России», Каган читал «Историю эстетики», а Кони — «Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях» и «Этика общежития».

¹⁹ Записки. С. 25.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Подробнее об исигории см.: *Wood Ellen Meikins*. 'Demos Versus «We the People»: Freedom and Democracy Ancient and Modern' // *Ober J., Hendrick C.* (eds). *Demokratia: A Conversation on Democracies, Ancient and Modern*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 121—138.

²² Записки. С. 8.

гал, что возрождение живого слова, начавшееся после судебной реформы 1860-х гг., предвосхитило революционный переворот.²³ Можно с уверенностью утверждать, что наиболее известной и влиятельной фигурой в составе ораторского отдела являлся А. Ф. Кони, который был непосредственно связан с этим периодом бурного развития судебного красноречия и чей курс «Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях» вызывал широкий интерес у студентов всех отделений.²⁴ Несмотря на то что Кони преподавал судебное красноречие задолго до октябрьских событий, как только его педагогическая деятельность перестала быть ориентированной на сугубо юридические институты, он занялся изучением места судебного красноречия в системе других видов публичной речи, выявляя и анализируя «общественно-политические задачи живого слова, орудия речи, формы обращения к слушателям, необходимые условия воздействия живого слова, связь живого слова с литературой и т. д.»²⁵ Это был существенный шаг в направлении к созданию социологической классификации речевой деятельности, поскольку формы речи сопоставлялись с их общественными функциями, и при анализе видов речевой деятельности подчеркивалось их этическое содержание. Ряд работ Кони, таких, например, как «Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики)» (1902), в которой справедливость тесно связана со «свободой внутреннего убеждения», будучи вынесенными за рамки узкоюридического контекста, приобретали качественно новый общественный смысл, звучали в духе совещательной демократии.²⁶ Однако курсы, читаемые Кони, были прежде всего прикладного характера, в известной степени свободными от сложных лингвистических теорий и разработанной систематической методологии. Архив Сюннерберга содержит ряд писем Кони, из которых становится ясно, что при всем интересе последнего к работе института почтенный возраст и слабое здоровье Кони вынуждали его ограничить свою преподавательскую нагрузку.²⁷

Вместе с Кони в институте работали Л. В. Щерба и, что особенно примечательно, Л. П. Якубинский, оба — профессора Петроградского университета, а в прошлом — студенты И. А. Бодуэна де Куртенэ. Их присутствие в стенах института как нельзя более выгодно отразилось на возникновении теоретических предпосылок к созданию классификации форм речи.

²³ Зелинский Ф. Ф. Значение ораторского искусства // Искусство и народ. СПб., 1922. С. 169—176, 172.

²⁴ См., в частности: Чуковский К. И. Анатолий Федорович Кони // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 5—25. В своем письме Н. Н. Полянскому, датированном 1919 г., Кони писал: «Меня эти занятия очень увлекают, а отношение ко мне молодежи очень трогает» (Там же. С. 307—308).

²⁵ Записки. С. 82—84.

²⁶ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 33—69. Можно допустить, что книга также являлась источником идеи проведения водораздела между «внутренне убежденным словом» и «авторитетным словом» в бахтинском «Слове в романе» (1934). О влиянии юридической парадигмы на формирование идеи представителей круга Бахтина о жанре романа см. подробнее: Brandist C. The Hero at the Bar of Eternity: The Bakhtin Circle's Juridical Theory of the Novel // Economy and Society. 2001. 30 (2). P. 208—228.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 159.

А. А. Леонтьев отмечает, что в курсах «Эволюция речи» и «Семантика речи» Якубинский выдвигал на первое место проблему «целей речи».²⁸ этому вопросу посвящена его статья «О диалогической речи» (1923).²⁹ В данной статье, хорошо известной в середине—конце 1920-х гг., Якубинский сделал попытку полной социологизации бодуэновского понимания языка в духе «народной психологии» (*Völkerpsychologie*), т. е. как формы коллективного мышления, языковой деятельности. Якубинский, в частности, подчеркивал, что «язык есть разновидность человеческого поведения», а «человеческое поведение есть факт психологический (биологический), как проявление человеческого организма, и факт социологический, как такое проявление, которое зависит от совместной жизни этого организма с другими организмами в условиях взаимодействия».³⁰ В статье также впервые высказывается идея о естественности диалога и искусственности монолога — вопрос, занимавший Бахтина в 1930-е гг. От своего учителя Якубинский также унаследовал четкое представление о социальной стратификации языка, что, в свете перечисленных выше задач института, подвигало его к поиску научного подхода к изучению публичной речи. Начало этому было положено в конце 1920-х гг. в организованных Якубинским двух лабораториях публичной речи в разных институтах.

Несмотря на ту новаторскую работу по изучению живого слова, которая велась на ораторском отделении, основная деятельность ИЖС была ориентирована на театральное искусство в силу того обстоятельства, что институт находился в ведении ТЕО и возглавлял его известный театровед Всеволодский-Гернгросс.

Большая часть ресурсов института была направлена на строительство амфитеатра и на приглашения «преподавателей ритмической гимнастики и пластики различных систем». Театральное отделение выросло в самостоятельное учреждение — экспериментальный театр.³¹ Всеволодский-Гернгросс опубликовал монографии «Теория русской речевой интонации» (1922) и «Искусство декламации» (1925), которые отражали результаты работы института в области театроведения, при этом публикации по итогам работ других отделений практически отсутствовали.

Госкурсы агитации и техники речи (1924—1930 гг.) Институт агитации им. Володарского (1930—1932 гг.)

Весной 1924 г. принято решение о закрытии ИЖС на основании того, что он «дублирует другие театральные студии, которых и без него в Ленинграде достаточно». По воспоминаниям одной из студенток института, Н. В. Галаниной, студенты ораторского отделения отказались признать

²⁸ См. биографический очерк «Жизнь и творчество Л. П. Якубинского» в кн.: *Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование*. М., 1986. С. 5.

²⁹ Русская речь. Пг., 1923. № 1. С. 96—194.

³⁰ Там же. С. 96—97. Наследие идей Бодуэна в работах Якубинского и Щербы подробно рассматривается в статье: *Леонтьев А. А. И. А. Бодуэн де Куртенэ и петербургская школа русской лингвистики // Вопросы языкознания*. 1961. № 4. С. 116—124.

³¹ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 659, л. 13.

данные меры правомерными и направили трех представителей-комсомольцев в Москву с просьбой отменить решение о закрытии. «При содействии А. В. Луначарского разрешено было на базе ораторского отделения ИЖС открыть новое учебное заведение, но уже не институт, а Госкурсы техники речи, которые готовили бы в основном агитаторов и куда направлялись бы слушатели главным образом из райкомов партии».³² Новое заведение находилось в ведении Главполитпросвета Наркомпроса, задачи которого, как они были определены на X съезде РКП(б), состояли «в агитационно-пропагандистской работе среди внепартийных масс и в их культурном просвещении, причем аппарат и силы Главполитпросвета должны быть всячески использованы также для поднятия уровня сознательности членов партии (партшколы, школы политграмоты и т. п.)».³³ Набор слушателей Госкурсов состоял практически из одних комсомольцев, которые были моложе и менее подготовлены по сравнению со студентами ИЖС, однако учебная программа, по крайней мере на начальном этапе, была достаточно обширной, а преподавательский состав отличался высоким уровнем знаний и компетентности. Якубинский был избран первым ректором курсов, а Сюннерберг занял должность профессора и декана ораторской секции.³⁴

В составе курсов техники речи имелось три отделения. Первое — отделение литературного творчества и журналистики — было создано для подготовки «руководителей литературно-творческих и журналистических кружков для учреждений Политпросвета, Профобра и Соцвоса».³⁵ Курсы отделения были распределены по специальностям: история литературы, теория и практика литературы и журналистика. В преподавательский состав входили Б. В. Томашевский, читавший курс лекций по поэтике, и Ю. Н. Тынянов, преподававший русскую литературу. Второе отделение — речевой педагогики — имело целью «подготовку преподавателей гигиены речи» для учреждений Политпросвета, Профобра и Соцвоса, в музыкальных техникумах и «как инструкторов для руководителей кружков художественного чтения (сольного и хорового) и рассказывания в школах». Третьим отделением, на деятельности которого мы хотели бы здесь остановиться, было отделение публичной речи, имевшее целью «подготовку инструкторов-преподавателей публичной речи для учреждений Политпросвета и Соцвоса».³⁶ В качестве преподавателей отделения работали, в частности, А. Ф. Кони, читавший курс «Общие основы публичной речи», Л. В. Щерба, преподававший фонетику, и Л. П. Якубинский, который вел «Введение в языковедение».³⁷ Сюннерберг, как указывается в списках сотрудников отдела, вел практикум по публичной речи, что также находит свое подтверждение в воспоминаниях Галаниной. В списках преподавательского состава упоминается В. М. Крепс, выпускник ИЖС и юридиче-

³² Там же, л. 14.

³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1953. Ч. 1. С. 549—550.

³⁴ ЦГАИПД, ф. 8720, оп. 1, ед. хр. 3.

³⁵ Там же, ед. хр. 4, л. 1—5.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, ед. хр. 3.

ского факультета Петроградского университета, будущий киносценарист. Эта фигура постепенно начинает обретать все большее значение в области разработок теории и практики публичной речи. Имя Крепса фигурирует в списках в качестве преподавателя курса «Виды и методы политпросветработы, устная агитация».

Со времен гражданской войны до августа 1926 г. Крепс оставался в кадрах Военно-Морского флота на должностях инструктора политотдела, инспектора политического управления Балтфлота и, наконец, начальника кафедры политработы военно-политического училища. В октябре 1924 г. он поступает в аспирантуру ИЛЯЗВ и позже защищает дипломную работу на тему «Эмоциональность в ораторских выступлениях» (Сюннерберг выступал на защите в качестве официального оппонента).³⁸ После демобилизации Крепс был назначен ректором Госкурсов техники речи.³⁹ Освободившись от ректорской нагрузки, Якубинский составил план работы научно-исследовательской лаборатории публичной речи при Госкурсах, оригинал которого хранится в архиве Сюннерберга.⁴⁰

Назначение ректором Госкурсов Крепса, готовившегося в то время ко вступлению в члены партии после своей демобилизации из политотдела Балтфлота, наглядно демонстрирует степень зависимости Главполитпросвета от Агитпропа ЦК РКП(б). Возглавлявшая Главполитпросвет Н. К. Крупская еще в ноябре 1921 г. высказывала озабоченность тем, что в связи с нарастающим влиянием Агитпропа «политическая работа будет оторвана от работы просветительной, а Главполитпросвет превратится в простой административный аппарат».⁴¹ Сложившаяся структура была подчинена правительственной задаче дать образование массовому числу рабочих, вступивших в партию в 1924 г., в период «ленинского набора». Эта задача была выдвинута на XIII съезде РКП(б), в период работы которого само понятие агитации стало претерпевать некоторые изменения, иллюстрацией чему может служить, в частности, следующий отрывок: «Приток в партию 150—200 тыс. рабочих от станка, прохождение ими школ политграмоты, повышенный интерес к партии делают необходимым широчайшим образом поставить дело индивидуальной и групповой агитации и пропаганды, главным препятствием к развитию которых был недостаток членов партии на предприятиях».⁴²

Приведенная цитата является свидетельством смещения акцентов в политике партии с тактического вмешательства в свободные собрания и призыва к активным действиям вместо пустых споров противоборствующих сторон на воспитание нового поколения руководителей на предприятиях. Как отмечал Сюннерберг, данная резолюция «говорит о деятельности агит-

³⁸ РГАЛИ, ф. 2889, оп. 1, ед. хр. 218, л. 4.

³⁹ Там же, ед. хр. 197, л. 3.

⁴⁰ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 481.

⁴¹ Андреева М. С. Коммунистическая партия — инициатор создания и руководитель Главполитпросвета (1920—1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6. С. 86. Описание противостояния между Главполитпросветом и Агитпропом приводится в кн. М. Дэвид-Фокса: *David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks 1918—1929*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1997. P. 64—75.

⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3: 1922—1925. С. 262.

татора вообще, а не о речевой его деятельности». ⁴³ Последнее подразумевает целый ряд разнообразных приемов мотивации. «К разнообразным формам агитационной деятельности, — продолжает Сюннерберг, — относятся и газеты, листовки, плакаты, агитвыставки, демонстрации, фильмы, агитпьесы и проч.». ⁴⁴ По мнению Сюннерберга, все это свидетельствовало о необходимости полного пересмотра и составления новой классификации форм речи, с учетом возникновения их новых разновидностей, передаваемых при помощи современных технических средств. Подобным же образом дальнейшее развитие теории ораторской речи предполагает новую формулировку понятия данного явления, отражающую специфику ее новых форм. Так, если агитация перестала быть направленной исключительно на массового слушателя, то речь, обращенная к массовой аудитории, должна быть классифицирована следующим образом: «Устная публичная речь есть рассчитанное на массового слушателя высказывание человеком своих или чужих мыслей, чувств и желаний при помощи звучащего живого или же механического слова». ⁴⁵

В конце 1920-х гг. Госкурсы были преобразованы в Институт агитации им. Володарского. Интересная исследовательская работа продолжала вестись и в стенах нового института, однако его профилирующим направлением стала подготовка кадров для административного аппарата в условиях «единоначалия», которые начали ставить организациям (в том числе и институтам) с января 1929 г. Интенсивная работа с фонотекой, эксперименты в области методов и техники передачи устной речи, а также лабораторная деятельность по разработке новых способов убеждения предвосхищали современные системы рекламных средств и методов побуждения. Таким образом, институт можно по праву считать предтечей современных курсов для подготовки менеджеров.

Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (1923—1932 гг.)

Сокращение круга исследовательских интересов Госкурсов до чисто агитационного аспекта ораторской речи и переход самого учебного заведения в ведение партийных образовательных структур были не столь губительны для исследований в области других форм живого слова и публичной речи, как это может показаться на первый взгляд. Данный ущерб до определенной степени восполнялся самой системой партийно-государственного дуализма, при которой партийные структуры дублировали соответствующие государственные. Подобный параллелизм превалировал и в системе советского образования 1920-х гг. Факультет общественных наук (ФОН), сформированный Наркомпросом в Петроградском университете в 1922 г., положил начало основанию Института сравнительной истории литературы и новых языков им. А. Н. Веселовского, ставшего крупнейшим научно-исследовательским центром в области теории живого слова и пуб-

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 19, л. 22.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 15.

личной речи. С упразднением всех ФОНов в советских университетах в 1924 г. институт вошел в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), сформированной на базе ФОНа Московского университета. С 1923 г. институт был переименован в Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ). Директором ИЛЯЗВа был назначен Н. С. Державин, член Научного общества марксистов с 1920 г., ректор Петроградского университета в период с 1922 по 1925 г. и бывший председатель Группы левой профессуры, сыгравшей в свое время существенную роль в привлечении к сотрудничеству с Наркомпросом значительной части университетского преподавательского состава в 1921—1923 гг.⁴⁶ Кадры ИЛЯЗВа отличались высокой степенью профессионализма и разносторонними научными интересами, так, в числе сотрудников института были критики-формалисты, лингвисты-индоевропейцы, марристы, при этом сам институт сохранял относительную независимость от РАНИОНа вплоть до 1927 г., когда Главнаука Наркомпроса передала в руки президиума РАНИОНа контроль за бюджетом, кадрами и процедурой приема в институт. Работа ИЛЯЗВа с тех пор должна была «иметь научно актуальный характер, как с точки зрения теории и методологии науки, так и с точки зрения интересов социалистического строительства».⁴⁷

Л. П. Якубинский основал лаборатории публичной речи на Госкурсах и в ИЛЯЗВе практически одновременно, однако первые упоминания о них относятся к марту 1924 г., в связи с новым проектом ИЛЯЗВа по изучению речи Ленина.⁴⁸ Первым результатом работы лабораторий стала известная дискуссия, развернувшаяся в том же году на страницах журнала «ЛЕФ». В ноябре 1926 г. В. М. Крепс начинает свою работу в ИЛЯЗВе, первоначально — в качестве старшего научного сотрудника при новой лаборатории, а в период с 1927 по 1928 г. — в качестве ее заведующего. Сюннерберг занимал в институте должность ученого секретаря.⁴⁹ Работа велась по двум направлениям: теоретическому, охватывающему «основные понятия публичной речи, вопросы терминологии, изучение современной публичной политической речи и др.», и практическо-методологическому, представлявшему собой «учет практической работы по технике публичной речи в системе и практике методики агитации и т. д.; руководство экскурсиями рабочих из агитшкол».⁵⁰

Крепс был утвержден в звании действительного члена ИЛЯЗВа в конце 1928 г., и в следующем году им был направлен отчет о деятельности института в президиум РАНИОНа. Деятельность лаборатории заслужила горячее одобрение за связь лабораторных исследований «с практической <работой> культурного строительства и работой в массах».⁵¹ Обе лабора-

⁴⁶ Подробнее об этой группе см.: *Месеняшин И. А.* Петроградская группа левой профессуры // Вестник высшей школы. 1958. № 9. С. 81—85; *Шилов Л. А.* Группа петроградской левой профессуры (1921—1923 гг.) // Вестник ЛГУ. 1967. Сер. 20: История. Язык. Литература. Вып. 4. С. 27—38; *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. С. 78—81, 95—128.

⁴⁷ ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1, ед. хр. 94, л. 7.

⁴⁸ РГАЛИ (СПб), ф. 288, оп. 1, ед. хр. 13, л. 19 об.

⁴⁹ ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1, ед. хр. 275, л. 3, 105 об.

⁵⁰ РГАЛИ (СПб), ф. 288, оп. 1, ед. хр. 31, л. 2.

⁵¹ ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1 ед. хр. 278, л. 1.

тории публичной речи, одна — при научно-исследовательском институте РАНИОНа, другая — при «научно-практическом заведении», несомненно, работали в тесном сотрудничестве и находились в отношениях своего рода научно-производственного симбиоза. Постепенно лаборатории настолько тесно сплелись, что и штат сотрудников, и выполняемые лабораториями проекты практически объединились, а для аспирантов ИЛЯЗВа считалось обычной практикой преподавать на Госкурсах. Одним из наиболее интересных примеров тому служат годы обучения в аспирантуре В. А. Гофмана, слушавшего в 1928—1929 гг. курсы «применительно к выбранной специальности — теория и история публичной-ораторской речи»⁵² в ИЛЯЗВе. Кроме того, здесь же он пишет статью «Проблема изучения агитационной ораторской речи в теоретическом разрезе» и делает доклад на тему «Проблема социально-исторического изучения ораторской речи» на заседании лаборатории ИЛЯЗВа. В то же время он читает лекции по «соц.-историческому анализу ораторской речи» на Госкурсах.⁵³

Несмотря на то что Госкурсы преследовали чисто практическую цель, интерес к теоретическим вопросам здесь не угас, и упомянутое сужение профиля этого учебного заведения не помешало Сюннербергу в 1920—1930-е гг. читать курс «Теория ораторской речи», отражавший результаты всей его исследовательской деятельности.⁵⁴ Семинары по теории и социологии ораторского искусства, разработанные философами и практиками с античных времен до наших дней, чередовались с «тренировочным практикумом», во время которого студенты выполняли упражнения на тот или иной риторический прием и тренировались читать свои собственные доклады.⁵⁵ Тем не менее основная теоретическая работа велась в ИЛЯЗВе, где функциональный анализ языка, разработанный в лаборатории, являлся серьезным контраргументом глоттогонической теории марристов. При этом исследователи, которые, подобно Якубинскому, принимали участие в развитии обоих направлений, не стремились к их синтезу, а занимались их параллельным изучением. В первый год своей работы (1926—1927) лаборатория включала «две исследовательские группы по работе с агитаторами ВКП(б) и по составлению наглядных схем речей». В результате работы групп было «произведено свыше 400 записей речей агитаторов-массовиков на валики и начато их исследование; произведен анализ 28 граммофонных записей речей ораторов». В этот же период лаборатория подготавливала «сборник статей по публичной речи».⁵⁶

По установлении контроля РАНИОНа над институтом всем научным сотрудникам надлежало принимать участие в коллективных и соответствующих индивидуальных проектах. Сюннерберг руководил двумя коллективными проектами, один из которых был посвящен «установлению терминологии и классификации понятий в области публичной речи»,⁵⁷ а второй — «составлению цикла монографий об ораторах революций». Также,

⁵² Там же, оп. 2, ед. хр. 478, л. 5.

⁵³ Там же, л. 5 об.

⁵⁴ ЦГАИПД, ф. 4720, оп. 1, ед. хр. 43, л. 40—43 об.

⁵⁵ Там же, л. 44.

⁵⁶ ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1, ед. хр. 275, л. 4 об.

⁵⁷ Здесь и далее: ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1, ед. хр. 275, л. 116—116 об.

совместно с Крепсом, Сюннерберг координировал «работу над составлением хрестоматии образцов публичной речи (с пояснительными статьями)». Крепс возглавлял исследовательскую группу, разрабатывающую методы «работы с агитаторами ВКП(б)», а также руководил экспериментальной работой «по изучению массовой политической речи». Индивидуальная научная деятельность Сюннерберга заключалась в «составлении библиографии по вопросам публичной речи» и «подготовке материалов для труда „Теория ораторской речи“», в то время как Крепс готовил материалы для труда «Устная агитация».

Примечательно, что в 1920-х гг. о работе лаборатории имелось крайне мало публикаций. По некоторым сведениям, Госкурсами («в сжатом виде») были выпущены первый выпуск «Теории ораторской речи» и три выпуска «Устной агитации», однако ни одного экземпляра этих публикаций нам не удалось отыскать. Монография Сюннерберга «Володарский как оратор», по всей вероятности, осталась неопубликованной, а ее рукопись, скорее всего, потеряна. Единственным исключением здесь является статья Сюннерберга «О формах речевой коммуникации», вышедшая в 1929 г. в выпускаемом институтом журнале «Язык и литература»; в конце статьи приводится упрощенная «наглядная схема речи».⁵⁸ Статья дает критический обзор работ о социальной функции языка французских лингвистов Бреалья, Балли и Мейе, а также их советских последователей — Р. О. Шор и М. Н. Петерсона. В заключение Сюннерберг отмечает, что предыдущее поколение исследователей данной области ошибочно рассматривало коммуникативную функцию в одном ряду с другими функциями речи. По мнению Сюннерберга, однако, все речевые функции являются лишь формами ее коммуникативной функции или «социальным фактом». Эти формы располагаются по возрастающей в направлении от пассивности к активности. Так, «формы 1) *номинативная*, 2) *интеррогативная* и 3) *информационная* оперируют только мыслями. Форма 4) *эстетическая* оперирует мыслями и эмоциями. Форма 5) *императивная* передает волевые решения, эмоции и мысли говорящего».⁵⁹

С этого момента внимание Сюннерберга полностью направлено на систематизацию учения о формах речи, и, несмотря на то что его идеи не нашли отражения в публикациях, часть из них позже прослеживается в статьях Якубинского, напечатанных в журнале «Литературная учеба» в 1930—1931 гг. и впоследствии оказавших влияние на Бахтина.

Система форм речи Сюннерберга

В личном архиве Сюннерберга хранится ряд интересных работ, наибольшую ценность из которых представляют следующие: четыре варианта статьи «О формах речевой коммуникации»,⁶⁰ два выпуска «Теории ораторской речи»⁶¹ и, пожалуй, наиболее значительная работа Сюннерберга на эту тему — «О границах ораторской речи» (1929).⁶² Заглавие последней

⁵⁸ Эрберг К. О формах речевой коммуникации // Язык и литература. 1929. Вып. 3. С. 156—179.

⁵⁹ Там же. С. 178.

⁶⁰ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 20.

⁶¹ Там же, ед. хр. 18 и 19.

⁶² Там же, ед. хр. 21.

указывает на то, что это были попытки в духе феноменологических традиций каталогизировать и категоризировать формы речевой коммуникации и таким образом выявить природу и формы публичной речи вообще и ораторской речи в частности.

По Сюннербергу, «деление речевой деятельности человека на устную и письменную неудовлетворительно», поскольку ее необходимо разделить «применительно к воспринимающим ее „анализаторам“: 1) звуковому, 2) световому, 3) кожно-механическому». ⁶³ В соответствии с этим «речь делится на 1) акустическую, 2) световую и 3) тактильную». ⁶⁴

Двум последним категориям в статье уделяется небольшое внимание, однако обе они далее подразделяются на несколько видов. Так, световая, или оптическая, речь «делится на естественную (язык жестов и «первобытную ручную (линейную) речь», которой был посвящен, в частности, ряд исследований Вундта и Марра) ⁶⁵ и искусственную, которая в свою очередь подразделяется на «буквенную и небуквенную»; ⁶⁶ примерами последней могут служить «первобытное картинное письмо <...> слоговое или силлабическое письмо <...> стенографическое письмо и проч.». Оптическая речь «может носить и частный, и публичный характер».

Тактильная речь подразделяется аналогичным образом. В качестве примера ее «буквенной» разновидности может служить Брайлево точечное письмо, а «небуквенной» — «жестикационная тактильная речь». Акустическая речь делится на естественную (устную) и искусственную (неустную). «Устная речь делится на органическую (живую) и механическую (мертвую)». Иллюстрацией последней разновидности является «синтезированная» речь (типа «говорящей машины» Фабера), но не звукозапись устной речи, которая подпадает под категорию «опосредствованной устной речи».

Главный упор в статье делается на устную речь. При этом автор признает ее прежнее деление на «речь монологическую и диалогическую» неудовлетворительным. Органическая (живая) устная речь делится на публичную и разговорную, каждая из которых включает непосредственную (речь сценическую, эстрадную — декламация, рассказывание и проч.) и «опосредствованную», как ее определяет Сюннерберг («радио-речь», относящаяся к публичной речи, и телефонный разговор — как речь разговорная). «Устная публичная речь есть рассчитанное на массового слушателя высказывание человеком своих или чужих мыслей, чувств и желаний при помощи звучащего живого или же механического слова». Понятие массового слушателя неоднозначно, поскольку массовый слушатель «может состоять или из неорганизованной совокупности случайно сошедшихся в данном месте людей, которых соединяет какой-нибудь временный интерес, или из организованной группы людей, объединенных общей идеологией. В первом случае мы будем иметь дело с толпой, во втором — с коллективом. Массовым слушателем может быть любое собрание людей, лишь бы оно готово было воспринимать то, с чем обращается к нему дея-

⁶³ Там же, л. 15.

⁶⁴ См. соответствующую схему Сюннерберга, приведенную в Приложении (схема 1).

⁶⁵ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 21, л. 16.

⁶⁶ Здесь и далее цитаты в тексте статьи по: РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 19, л. 15.

тель публичной речи. От последнего зависит эту готовность восприятия остановить и укрепить на своей теме (при помощи умелой ее подачи), а затем и превратить эту пассивную готовность слушать в активную способность сличать в данной теме ту основную идею, какую подчеркивает в ней деятель публичной речи. Превращая отдельных слушающих в слушающих (в указанном смысле), деятель публичной речи соединяет этих слышащих в некоторую группу, связанную общим взглядом на затронутый говорящим вопрос. Эта общность взглядов и создает из толпы хотя бы на некоторое время — коллектив». ⁶⁷

«Деятель публичной речи» поэтому является «речевым организатором отдельных человеческих волей в волю коллективную». ⁶⁸ Здесь, вероятнее всего, можно усматривать некоторое влияние идей Антона Марти (через работы Р. О. Шор), который полагал, что цель оратора — прежде всего «некоторое воздействие или управление чужой психической жизнью слушателя». ⁶⁹ При перемещении данной ситуации с психологического уровня на уровень общественных отношений можно сказать, что «деятель публичной речи» обращается к толпе «с целью организовать ее волю и тем самым превратить толпу в коллектив более или менее одинаково мыслящих индивидуумов». ⁷⁰

Отличительной чертой публичной речи является ее установка на единство и целостность тематики выступления. Так, Сьоннерберг проводит водораздел между разговорной речью и речью публичной следующим образом: «Разговорная речь это такое устное живое частное речевое общение двух или нескольких человек между собою, в процессе которого тема перескакивает часто с предмета на предмет и как бы лишена станového хребта. Публичной речи все это чуждо. Деятель публичной речи (я говорю об искусном деятеле), сев на своего коня, никогда не упустит поводьев: его речь всегда подчинена заранее определенному замыслу, и плох тот деятель публичной речи, который оказывается вынужденным в конце своего выступления говорить не о том, о чем хотел сказать, и не так, как сказать намеревался». ⁷¹ Из приведенной цитаты можно заключить, что для Сьоннерберга, как и для Якубинского, публичная речь характеризуется высказываниями «развернутыми, длительными, монологическими». ⁷² Несколькими годами позже Якубинский опубликовал исторический обзор процесса зарождения и развития публичной речи, в котором, в частности, ее возникновение представлено как следствие появления капиталистических отноше-

⁶⁷ Там же, л. 19.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*. Halle: Niemeyer, 1908. Vol. 1. P. 284. Марти оказал значительное влияние, в частности, на Р. О. Шор, Г. Г. Шпета и В. Н. Волошинова, см.: *Brandist C. 'Voloshinov's Dilemma: On the Philosophical Roots of the Dialogic Theory of the Utterance' in Craig Brandist et al. eds. The Bakhtin Circle: In the Master's Absence*. Manchester: University of Manchester Press, 2004. P. 97—124.

⁷⁰ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 19, л. 19.

⁷¹ Там же, л. 23.

⁷² *Якубинский Л. П. Классовый состав современного русского языка. Язык крестьянства (статья четвертая) // Литературная учеба*. 1930. № 4. С. 90—91. Интересно при этом сравнить работу А. К. Шнейдера, написанную в то же время в ГАХНе (Москва): «Монолог — речь ни к кому обращенная <...> Лекция — это диалог между лектором и аудиторией» (РГАЛИ, ф. 2238, оп. 1, ед. хр. 23, л. 120—121).

ний и наций; в этой ситуации публичная речь превращается в орудие распространения взглядов правящего класса. «Публичная речь, — отмечает Якубинский, — начинает „процветать“ в парламенте и на суде, в высшей школе и на публичных лекциях, на митингах и восстаниях; даже площадь становится ее площадкой. Качественно иная и более сложная государственность, качественно иные и более сложные формы организации хозяйства, несравнимого с феодальным по содержанию и размаху. Противоречия внутри самих господствующих классов капиталистического общества, развивающаяся борьба с пролетариатом, непосредственным классом-антагонистом буржуазии — вот общественное содержание, которое стимулирует (вызывает) публичное говорение при капитализме, в каких бы видах оно ни проявлялось».⁷³

Далее в своей статье Сюннерберг предлагает различать деятелей, которые имеют дело со своим собственным словесным материалом, и тех, которые работают над материалом чужим. Он также проводит различие между художественными формами речи, воздействующими на эстетическое чувство, и практическими формами, воздействующими на память, разум, чувство или волю.⁷⁴ Однако основная цель его работ заключается в определении места различных форм ораторской речи во всем объеме человеческого речи, для того, чтобы сделать возможным изучение и развитие первого. Под ораторской речью им понималось «синтаксически связанное, логически оформленное и стилистически индивидуализированное выражение человеком своих мыслей, чувств и желаний, которые он высказывает в расчете на массового слушателя при помощи устного живого слова с целью так заразить своими идеями слушателя, чтобы тот счел их своими собственными и чтобы стал бы ими руководиться в жизни».⁷⁵

Во второй части «Теории ораторской речи», озаглавленной «Система видов ораторской речи», Сюннерберг производит дальнейшее разделение этого явления по двум критериям: практическому и «по ораторскому намерению».⁷⁶ Классификация по практическому признаку включает речь политическую, судебную, академическую (лекторскую), военную, церковную (речь проповедника) и речь конферансье. Подобная классификация практически не вносит никаких новых дополнений в теорию ораторской речи. Однако классификация, разработанная на основании второго критерия, представляет собой функциональный анализ (начинающийся в статье с подзаголовка «О формах речевой коммуникации»), где формы ораторской речи разложены в порядке возрастания в них интенсивности волевого начала следующим образом:

а) Установка прежде всего на тематику излагаемого. Цель — привести аудиторию к единому мнению.

1) Информационный род

- i) Осведомляющая речь
- ii) Речь, высказывающая мнение говорящего

⁷³ Якубинский Л. П. Классовый состав современного русского языка. С. 90—91.

⁷⁴ См. соответствующую схему Сюннерберга, приведенную в Приложении (схема 2).

⁷⁵ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 19, л. 32; см. также схему Сюннерберга в Приложении (схема 3), в которой структурно представлены основные компоненты, организующие композицию ораторского выступления.

⁷⁶ РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 18, л. 33—93.

- iii) Речь, высказывающая пожелание говорящего, или оптативная речь
- iv) Разъясняющая речь
- v) Поучающая речь

2) Аргументативный род

- i) Доказывающая речь
- ii) Полемизирующая речь

б) Установка прежде всего на массового слушателя. Цель — побудить массового слушателя к определенному действию.

3) Декларативный род

- i) Угрожающая речь

4) Императивный род

- i) Нападающая или агрессивная речь
- ii) а) Повелевающая речь б) Просящая речь
- iii) Речь, призывающая к действию.

В статье Сюннерберга приведенная классификация сопровождается тонким анализом форм речевой коммуникации, который, к сожалению, невозможно воспроизвести в полном объеме в нашем небольшом очерке. Кроме того, Сюннерберг дает подробное описание процесса перехода одной формы в другую, «с усилением субъективного отношения оратора к своей теме».⁷⁷ Статья Сюннерберга является наилучшим контекстом для раскрытия антикантiansкого принципа формирования ценностей на основе фактов.

Последующее развитие событий

В конце 1920-х гг. в достаточно резкой форме был положен конец партийно-государственный дуализму, способствовавшему ведению данных исследовательских работ. Это незамедлительно повлекло за собой поглощение научных структур государственными, апелляция к которым могла повлиять на решение того или иного вопроса, возникавшего в научном мире. Так, имеются косвенные сведения о том, что В. А. Гофман выступил с идеологической критикой работы Сюннерберга, обвиняя его в идеализме и ссылаясь на его дореволюционные связи с символистами.⁷⁸ Вскоре после этого Крепс направил записку, подписанную рядом ведущих сотрудников ИЛЯЗВа⁷⁹ (с 1930 г. переименован в Государственный институт речевой культуры (ГИРК)), в комиссию по чистке, прибывшую с проверкой в институт. Записка содержала критические замечания по поводу плохо поставленной идеологической работы внутри института, а также просьбу о передаче литературной секции и марристской подсекции лингвистической секции ГИРКа в Ленинградское отделение Коммунистической Академии

⁷⁷ Там же, л. 90.

⁷⁸ По всей видимости, сохранился лишь ответ Сюннерберга, см.: РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 22, л. 50—65. Мы не располагаем объективным описанием содержания критики Гофмана.

⁷⁹ Остается неясным, кто именно подписал записку, однако ректор института Н. С. Державин был убежден, что в числе других в ней имелась подпись Якубинского, см.: ПФА РАН, ф. 827, оп. 3, ед. хр. 101, л. 4.

(ЛОКА). В случае положительного решения данного вопроса ГИРК, в его сокращенном виде, превратился бы в институт узкого профиля, по роду своей деятельности мало отличающийся от Института агитации. Ниже приводится небольшой отрывок из записки Крепса, иллюстрирующий его представление о деятельности нового, «преобразованного» ГИРК:

«Институт ведет научно-исследовательскую и научно-практические работы в области прикладной лингвистики, непосредственно обслуживая потребности культурно-массовой работы (работы по заданиям партийных и общественных организаций), помощь в практической работе агитаторам, пропагандистам, работникам газет и журналов, рабкорам, педагогам и лекторам, работникам судебно-карательных органов, работникам по социалистической перестройке быта и т. д.»⁸⁰

Несмотря на то что ИЛЯЗВ (ГИРК) продолжал функционировать в своем сокращенном виде до конца 1931 г., была утрачена важнейшая часть его исследовательской базы, которая поддерживала прикладную деятельность института, с одной стороны, однако была достаточно независима от нее, чтобы обеспечивать бесперебойную теоретическую работу научного коллектива — с другой. После закрытия ИЛЯЗВ (ГИРКа) Сюннерберг вернулся к переводческой деятельности и в декабре 1933 г. вышел на пенсию.⁸¹

Некоторые публикации обеих лабораторий, однако, продолжали выходить и в 1930-е гг. Так, в 1931 г. под редакцией Крепса и Эрберга вышел сборник работ лабораторий ИЛЯЗВ и Института агитации под названием «Практика ораторской речи», состоящий главным образом из практических рекомендаций по публичной речи. Однако представляет интерес статья Гофмана, вошедшая в указанный сборник, где автор высказывает мысль о том, что в пролетарской риторике монологизм буржуазной публичной речи становится диалогизованным. Эта идея получила свое дальнейшее развитие в его монографии «Слово оратора (риторика и политика)», вышедшей в 1932 г. В указанных работах расщепление монологизма с помощью вкраплений разговорной речи в работах таких ораторов, как Ленин и Володарский, представлено как своего рода прием идеологического анализа, непосредственной оценки монолога многоголосой аудиторией, к которой он обращен. Этот одновременно диалектический и диалогический прием «снижения», разрушающий «театральный пафос» и «„фетишизм“ слова»,⁸² занимает центральное место в критическом анализе романа в работах Бахтина, появившихся несколькими годами позже. В них представлен заключительный этап развития аналитической линии, намеченной дискуссией 1924 г., однако корнями своими уходящей в дореволюционные исследования.

⁸⁰ Там же, л. 1—3.

⁸¹ *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Предисловие. Конст. Эрберг (К. А. Сюннерберг). Воспоминания. С. 114.

⁸² *Гофман В. А.* Анализ ораторских образцов // *Практика ораторской речи* / Под ред. В. М. Крепса и К. А. Эрберга. Л.: Изд-во Института агитации им. Володарского, 1931. С. 116.

Изучение ранних советских работ, посвященных живому слову и публичной речи, представляется нам чрезвычайно важным, главным образом потому, что оно необходимо для правильного и полного понимания всей истории развития человеческой мысли. Советские исследователи возобновили попытки Аристотеля каталогизировать формы ораторской речи, взглянув на это явление с иных позиций, и тем самым продолжили линию, намеченную в работах австрийских философов, таких, как Антон Марти и Карл Бюлер, идеи которых были широко распространены в России в конце 1920-х гг., а также в работах мюнхенского феноменолога Адольфа Райнаха, очертившего сложную систему «социальных актов» в рамках правоповедения.⁸³ На значительность этих работ недавно обратила внимание западноевропейская наука; в настоящее время начинает осознаваться и их влияние на развитие русской мысли в 1920-х гг.

Переработка этих идей ранними советскими марксистами представляет собой что-то качественно новое, создаваемое в условиях, когда не было места для политически нейтральной и объективной юридической системы (хотя существование подобной юридической системы в принципе является весьма спорным вопросом). Как справедливо считали древние греки, собственно создавшие систематическое учение о живом слове и публичной речи, государственное право всегда политизировано, как, в конце концов, и любая область общественных наук. Политическое единство советского государства рассматривали как следствие экономического единства двух общественных классов-союзников: пролетариата и крестьянства (в условиях гегемонии первого). По определению Ленина, как всегда лаконичному, «политика есть концентрированная экономика».⁸⁴ Каким бы далеким ни казалось это определение от политических реалий советского государства конца 1920-х гг., рассмотренные нами работы, на примере заложенных в них основ социологической теории живого слова и публичной речи, подтверждают справедливость ленинских слов. Исходя из этого, было бы правильным задать вопрос, насколько «постмодернистский» интерес к значению риторики и политизированной природе общественных наук можно считать новаторским, каким его принято считать в настоящее время, а также — насколько глубокое изучение незаслуженно забытых работ поможет найти оптимальный подход к исследованию этих чрезвычайно важных общественных явлений.

Перевод Е. Б. Чоун

⁸³ *Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung... Vol. 1. Bühler K. Rezension von Marty Untersuchungen // Göttingische gelehrte Anzeigen, 171, 947—79. Reinach A. «Die apriorischen Grundlagen des bürgerlichen Rechts» // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1/2. 1913. S. 685—847, переиздано: Reinach Gesammelte Schriften. Halle, 1921. P. 166—350.*

⁸⁴ «Когда экономические процессы, задачи, интересы получают сознательный и обобщенный («концентрированный») характер, они тем самым входят в область политики, образуя ее существо. В этом смысле политика, как концентрированная экономика, возвышается над повседневной, раздробленной, неосознанной, необобщенной экономической действительностью», — данная выдержка из работы Троцкого помогает прояснить смысл ленинского высказывания (*Троцкий Л. Д. От царапины — к опасности гангрены // Бюллетень оппозиции. 1940. Февр.—март—апр. № 82—83, <http://souz.info/library/trotsky/trotm487.htm>*).

Схема 1. Классификация видов человеческой речи

Речь, рассчитанная на восприятие тремя анализаторами									
1) звуковым акустическая речь [слышимая]						2) световым оптическая речь [видимая]		3) кожно-механическим тактильная речь [осязаемая]	
Устная акустическая речь									
Органическая [живая]						Механическая [мертвая]			
Публичная [рассчитанная на массового слушателя]			[Частная] «разговорная»						
опосредствованная		непосредственная	↔ ↔	непосредственная	опосредствованная	опосредствованная	непосредственная	опосредствованная	опосредствованная
Рупорная речь Громкого- воритель Радио и др.		Сценическая речь Эстрадная речь декламация рассказывание лито-монтаж Школьная речь пересказ Ораторская речь политическая судебная лекторская деловая военная проповедь conférence		Агит- проп. беседа	Бытовая речь Деловой раз- говор	Телефонная речь	Фонографи- ческая речь Диктофон граммофон	Естественная мимика Естественная жестикуляция Ручная (линей- ная) речь Выразительное артикулирование как суррогат аку- стической уст- ной живой речи	Оперирование предметами- символами
ис- кусст- вен- ная	Неустная акустическая речь					Небуквенная оптическая речь	Буквенная опти- ческая речь	Небуквенная тактильная речь	Буквенная так- тильная речь

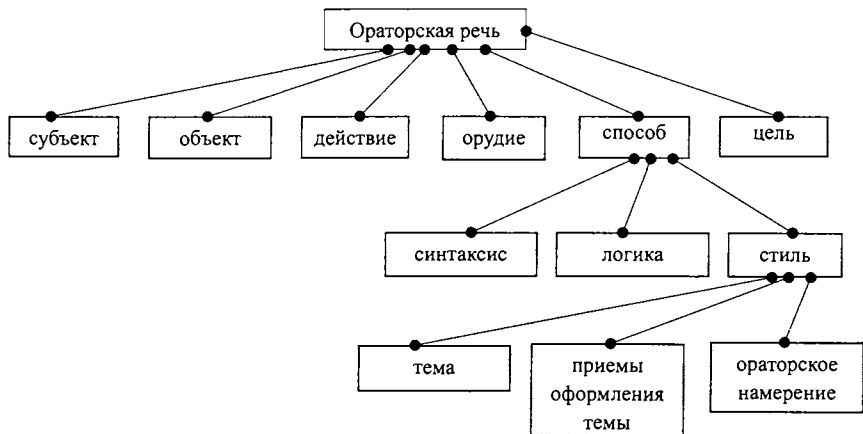
Искусственная	Неустная акустическая речь	Небуквенная оптическая речь	Буквенная оптическая речь	Небуквенная тактильная речь	Буквенная тактильная речь
Использование «говорящей машины» Фабера Использование «читающей машины» Розинга Звуковое телеграфирование Буквенная акустическая сигнализация (перестукивание по тюремной азбуке)	Бирки, ватпум, квипусы Пиктография Идеографическое письмо (Китай, Египет) Силлабическое письмо (Санскрит) Стенографическое письмо Условная жестовая оптическая сигнализация Условная оптическая сигнализация (огневая, дымовая) Кинофотография	Буквенное письмо (фонетическое) Буквенное телеграфирование (Юз, Морзе и др.) Буквенное свето-цвето-телеграфирование (зеркало, прожект., флаги) буквенная оптическая сигнализация (семафоры) дактилология хейтология оптич.	Узл. Китайское письмо усл. жест. тактильная речь	Унциальное письмо Брайлево точечное письмо Буквенное тактильное письмо Буквенное тактильное телеграфирование Дактилология и хейтология такт. как суррогат оптич.	

Схема 2. Сравнительная характеристика видов акустической устной живой публичной речи

Деятель		Арена	Материал	Обработка материала	Подача материала	Цель деятельности		Характеристика деятельности	
1	Актер	} Сцена {	} Чужой Свой {	Дословная передача роли	Не от своего лица	художественная		Истолкование чужой/своей организационной деятельности	
2	Актер-импровизатор			Свободная передача сценария					
3	Исполнитель литомонтажа	Эстрада	Чужой	Дословная передача фрагментарного литературного материала	Не от своего лица			Истолкование чужой организационной деятельности	
4	Декламатор	Эстрада	Чужой	Дословная передача стих.	Не от своего лица			Воздействие на эстетическое чувство	Истолкование чужой/своей организационной деятельности
5	Поэт-импровизатор		Свой	Свободная передача темы стих.	Всегда от своего лица				
6	Чтец		Чужой	Дословная передача произв. худож. прозы	Не от своего лица				
7	Рассказчик-импровизатор		Свой	Свободная передача темы рассказа	Всегда от своего лица				
8	Исполнитель «худож. рассказывания»	Эстрада	Чужой	Недословная передача рассказа	Не от своего лица				Дезорганизация чужой организационной деятельности
9	Пересказчик	Школьная скамья	Чужой	Недословная передача темы прочитанного	Не от своего лица				Воздействие на память

Деятель		Арена	Материал	Обработка материала	Подача материала	Цель деятельности	Характеристика деятельности
10	оратор	Политический	Свой	Свободная пере- дача темы речи	Всегда от своего лица	практи- ческая	Истолкование своей организа- ционной деятель- ности
11	Судебный	Полит. трибуна	Судебное заседа- ние	Свое	Всегда от своего лица		
12	Лектор	«Деловой»	Академич. кафедра	Свое	Свое	Всегда от своего лица	Истолкование своей организа- ционной деятель- ности
13	«Деловой»	Деловое заседа- ние	Фронт	Свое	Свое	Всегда от своего лица	Истолкование своей организа- ционной деятель- ности
14	Военный	Военный	Фронт	Свое	Свое	Всегда от своего лица	Истолкование своей организа- ционной деятель- ности
15	Проповедник	Церковн. кафедра	Церковн. кафедра	Свое	Свое	Всегда от своего лица	Истолкование своей организа- ционной деятель- ности
16	conférencier	Эстрада	Эстрада	Свое	Свое	Всегда от своего лица	Истолкование своей организа- ционной деятель- ности

Схема определения термина

Т. А. Кукушкина

**ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (1924—1929)
ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

1

Всероссийский союз поэтов, учрежденный в ноябре 1918 г. в Москве под председательством В. В. Каменского,¹ создавался пореволюционным поколением молодых поэтов. Согласно уставу, утвержденному Наркомпросом 16 декабря 1918 г., Союз являлся организацией не профессиональной, а культурно-просветительной, объединявшей поэтов различных литературных направлений «во имя революционного строительства нового искусства». Устав дважды редактировался; во второй редакции он утвержден Наркомпросом 23 января 1920 г. (Приложение 1), в третьей — утвержден НКВД 16 февраля 1923 г. (Приложение 2). В первые годы деятельности Союза его руководство несколько раз менялось. В 1919 г. Союз возглавляли В. Я. Брюсов и В. Г. Шершеневич; с января 1920 г. — пролетарский поэт М. П. Герасимов, с мая 1920 г. до апреля 1921 г. — Брюсов; затем председа-

¹ О московском Союзе поэтов см.: *Косолапов П.* Как был создан Всероссийский союз поэтов // Литературная Россия. 1967. 10 марта. № 11. С. 15; *Никольская Т. Л.* Союз поэтов // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. Стб. 114—115; *Ройзман М.* Все, что помню о Есенине. М., 1973; *Брюсов В. Я.* Пятилетие Союза поэтов / Предисл., публ. К. Н. Суворовой // Валерий Брюсов. М., 1976. С. 232—236 (Литературное наследство. Т. 85); Литературные кафе 20-х годов (Из воспоминаний И. В. Грузинова «Маяковский и литературная Москва») / Публ. И. И. Аброскиной // Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С. 174—192; *Шершеневич В.* Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост., вступ. статья и коммент. С. В. Шумихина. М., 1990. С. 606—607; *Харджиев Н.* Маяковский и «Союз поэтов» (СОПО) // *Харджиев Н.* Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 200—202; *Крусанов А. В.* Всероссийский союз поэтов (ВСП, СОПО) // *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907—1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2003. Т. 2, кн. 1. С. 334—353; *Карпов Д.* «Союзиада» Аргю и история первых лет деятельности Всероссийского союза поэтов // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 87—122.

телем был избран Р. А. Ивнев, в июне 1921 г. — И. А. Аксенов. В этот период активную роль в Союзе играли имажинисты.² Помимо Р. А. Ивнева и В. Г. Шершеневича в правление входили С. А. Есенин, И. В. Грузинов, А. Б. Кусиков, А. Б. Мариенгоф, М. Д. Ройзман.

Литературные организации первой половины 1920-х гг. с некоторой долей условности можно разделить на две группы. Одни возникали на почве противостояния интеллигенции и новой власти, другие — на почве сотрудничества с ней. Всероссийский союз поэтов создавался и действовал под знаком сотрудничества. И по своей задаче, и по составу Союз был организацией, альтернативной Всероссийскому союзу писателей.³ Союз писателей стремился сохранить традиции литературы, создать условия для ее независимого существования в новой обстановке и защитить материально-правовые интересы своих членов. Союз поэтов был нацелен на «пропаганду и самое широкое распространение творческих идей революционного искусства среди трудящихся масс». «Союз писателей, существовавший параллельно, состоял из „беловатых“ писателей. Там были Айхенвальд, Гершензон, Бердяев, Зайцев, Бунин и Эфрос. К нам писатели относились как к временным бандитам и всячески нас игнорировали. Отношение власти к нам было более доброжелательно, чем Союза писателей. Наркомпрос ждал от Союза писателей перестройки, но у писателей не находилось психологических кирпичей, чтоб построить новое здание. Союз поэтов был детищем революции и потому работал по-революционному и молодому», — вспоминал Шершеневич.⁴

Всероссийский союз поэтов имел отделения в Петрограде, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Краснодаре, Серпухове, Рязани, Калуге, Курске, Новочеркасске, Ярославской губернии. Отделения принимали общий устав Союза, в рамках устава действовали самостоятельно. Связь с центральным, московским, правлением выражалась в информировании о деятельности и получении санкции на перевыборы местных органов управления. Формально председатели всех отделений входили в центральное правление с правом решающего голоса.

Петроградское (Ленинградское) отделение открывалось дважды. Первое, созданное в 1920 г. под председательством А. А. Блока, затем — Н. С. Гумилева,⁵ состояло в основном из поэтов старшего, дореволюционного, поколения и поэтической молодежи, близкой им по творческим ориентирам. Хотя петроградские поэты и приняли устав Союза, в своей деятельности они руководствовались иными принципами и по отношению к художественному творчеству и новой власти занимали ту же позицию, что и члены Союза писателей. Невзирая на устав, первое Петроградское отделение не спешило, к примеру, принимать в свои ряды поэтов пролетар-

² Имажинизм как направление оформился почти одновременно с созданием Всероссийского союза поэтов. «Декларация имажинизма», разработанная осенью 1918 г. Есениным и Шершеневичем, была опубликована 30 янв. 1919 г. в воронежском журнале «Сирена».

³ О Петроградском отделении Союза писателей см. в статье Т. А. Кукушкиной «Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920—1932). Обзор деятельности» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 84—141).

⁴ Шершеневич В. Великолепный очевидец... С. 607.

⁵ О его создании см. в воспоминаниях В. А. Рождественского «Как это начиналось. Листки воспоминаний» (День поэзии. 1966. Л., 1966. С. 87—90).

ских, ссылаясь на то, что «они профессионально и идейно уже <...> объединены Пролеткультом».⁶ Защита профессиональных интересов, сохранение культуры, а главное — возможность внутри Союза, в своей среде «говорить о стихах и читать стихи, чувствуя себя при этом свободными от требований литературной улицы»,⁷ — задачи, которыми руководствовался первый петроградский Союз поэтов. В конце 1921 г. он фактически прекратил свою деятельность и был упразднен центральным правлением.⁸ А. А. Ахматова, Ф. Сологуб, В. Ф. Ходасевич, Н. С. Тихонов, В. А. Рождественский, Н. А. Оцуп, Е. Г. Полонская вышли из Всероссийского союза поэтов.⁹

Второе отделение, открытое в апреле 1924 г., было иным. Возглавил его пролетарский поэт И. И. Садофьев, с апреля 1927 г. — Н. С. Тихонов. Руководство Ленинградского отделения строго следовало уставу и стремилось к объединению и воспитанию поэтов на советской платформе, созданию и популяризации новой литературы. В настоящей работе представлен обзор деятельности второго Петроградского/Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов, основанный на документах архива, хранящегося в Пушкинском Доме (ф. 291, оп. 2).¹⁰

Инициатива создания в Петрограде нового отделения принадлежит поэту-имажинисту Григорию Бенедиктовичу Шмерельсону.¹¹ В 1919—1920 гг. он был секретарем и членом президиума правления Нижегородского отделения Союза, с сентября 1921 г. жил в Петрограде. В июне 1922 г. Шмерельсон обратился в центральное правление Союза с запросом о судьбе Петроградского отделения. В ответном письме ему и было предложено ор-

⁶ [Б. п.]. Союз поэтов // Дом Искусств. 1920. № 1. С. 74.

⁷ Там же.

⁸ Сведения об официальном упразднении Петроградского отделения сообщены в письме управляющего делами Всероссийского союза поэтов Г. Ф. Дёшкина Г. Б. Шмерельсону от 23 июня 1922 г. (РО ИРЛИ, ф. 699, № 42, л. 1). Точная дата постановления в письме не указана. Одной из возможных причин ликвидации отделения, как предполагают современные исследователи, послужило привлечение Народным судом Г. В. Иванова и Н. А. Оцупа «к ответственности по обвинению в „недобросовестной сделке с капиталистом“ З. Кельсоном, финансировавшим петроградский Клуб поэтов при ПО ВС поэтов» (Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1, ч. 2. Москва и Петроград. 1921—1922 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин; Сост. Л. Е. Борисовская, О. В. Быстрова, А. Ю. Галушкин и др. М., 2005. С. 204).

⁹ Эта информация приведена в статьях Э. Л. Миндлина «8000 поэтов в СССР» (Вечерняя Москва. 1924. 8 апр. № 82. С. 3) и «Сухаревка — „Сопо“ (Ответ Союзу поэтов)» (Там же. 14 апр. № 87. С. 3).

¹⁰ В описи № 1 фонда № 291 представлены материалы Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей. Общие сведения о начальном этапе создания второго Петроградского отделения Союза поэтов можно найти в работах: *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: Начало пути // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1991. Bd 27. S. 166, 171, 182; *Кобринский А. А.* Материалы Григория Шмерельсона в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 73—74.

¹¹ Подробнее см. о нем: Поэты-имажинисты / Сост., подгот. текста, биографические заметки и примеч. Э. М. Шнейдермана. СПб., 1997. С. 427—428; *Шошин В. А.* Петроградский Воинствующий орден имажинистов // Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 261—280; *Кобринский А. А.* Материалы Григория Шмерельсона в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 69—83.

ганизовать новое отделение. Тогда же были высланы необходимые документы, московское правление торопило с оформлением, но организационный период затянулся почти на два года. Одна из вероятных причин — неопределенность положения Всероссийского союза поэтов. Осенью 1922 г. Народный Комиссариат внутренних дел (НКВД) «ввиду чрезвычайной сомнительности революционных целей и задач, преследуемых союзом, а также вредной деятельности в рядах молодежи» отказал Союзу в утверждении устава.¹² В течение нескольких месяцев вопрос о дальнейшем существовании всей организации оставался открытым. Лишь в феврале 1923 г., после изменения устава и перевыборов центрального правления,¹³ НКВД зарегистрировал Союз поэтов и разрешил продолжить его деятельность. В конце марта 1923 г. губернские Отделы управления, контролирующие деятельность общественных организаций на местах, получили официальное сообщение о том, что «вопрос об утверждении и регистрации устава Всероссийского союза поэтов НКВД *пересмотрен* и разрешен в положительном смысле, ввиду чего местные отделения Союза, во изменение циркуляра № 132/с, не подлежат ликвидации».¹⁴

Кроме того, сам Шмерельсон не располагал в тот период кругом литературных знакомств, необходимым для учреждения Союза. Широкую известность в поэтических кругах Петрограда он приобрел лишь осенью 1922 г., с созданием петроградского Воинствующего ордена имажинистов, генеральным секретарем которого он был избран.¹⁵ Группа имела собственное издательство, часто и успешно выступала и к середине 1923 г. заняла прочное положение в литературной жизни Петрограда.¹⁶ Тогда же возобновилась и переписка Шмерельсона с центральным правлением об организации отделения. Из Москвы Шмерельсон получал советы и указания, кого привлечь в Союз, избрать в правление, на чью помощь рассчитывать.

Но основная причина промедления заключалась в сложном процессе формирования состава нового Союза. Среди его учредителей — пооктябрьское поколение молодых поэтов. Многие из них были участниками объединений, кружков и студий, руководимых литераторами, принадлежавшими к культурному пласту дореволюционной России: Вольфилы и

¹² Из письма НКВД учредителям Всероссийского союза поэтов. Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 2. С. 503. О порядке регистрации обществ и организаций в НКВД, введенной в августе 1922 г., см. подробнее: Там же. С. 490, 501—502; Кукушкина Т. А. Всероссийский союз писателей... С. 98—99.

¹³ Председателем центрального правления избран И. А. Аксенов, заместителем председателя и казначеем — В. П. Федоров, ответственным секретарем и заведующим иногородним отделом — Н. Н. Захаров-Мэнский, управляющим делами — Г. Ф. Дёшкин. Члены правления — Р. А. Ивнев, И. В. Грузинов, Я. Н. Полонский, М. Д. Ройзман.

¹⁴ Из циркулярного письма Адморгуправления № 94 от 23 марта 1923 г., подписанного заведующей Адморгуправлением С. Равич и заведующим Административным отделом Зайцевым (ЦГА (СПб), ф. 1001, оп. 106, № 578, л. 4).

¹⁵ См. примеч. 11.

¹⁶ Декларация «Ордена» оглашена 11 нояб. 1922 г. на вечере в Доме искусств; опубликована 27 нояб. в газ. «Последние новости». В течение полугода, с нояб. 1922 г. по июнь 1923 г., состоялось 70 выступлений группы. Сведения приведены в примеч. Э. М. Шнейдермана к сб. «Поэты-имажинисты» (С. 459).

Общества изучения теории поэтического языка (Е. Г. Полонская),¹⁷ литературных групп «Серапионовы братья» (Н. С. Тихонов, Е. Г. Полонская), «Звучащая раковина» (К. К. Вагинов), первого петроградского Союза поэтов (Е. Г. Полонская, В. А. Рождественский, С. Е. Нельдихен) и гумилевского «Цеха поэтов» (К. К. Вагинов, С. Е. Нельдихен). Новое отделение явно мыслилось в сотрудничестве с крупнейшими поэтами дореволюционной эпохи, но все они были членами Петроградского отделения Всероссийского союза писателей, и новая организация, ориентированная на строительство революционного искусства, не находила авторитетной поддержки в их среде. В петроградском Союзе писателей новое объединение так и называли: «Союз молодых поэтов». На первом этапе удалось привлечь лишь М. А. Кузмина,¹⁸ Конст. Эрберга и И. И. Ясинского, участника Пролеткульта. Не благоприятствовала и репутация центрального, московского Союза поэтов, скомпрометировавшего себя легковесным характером деятельности, скандальными выступлениями в поэтических кафе «Стоило Пегаса», «Домино»¹⁹ и большим числом «окололитературных» людей в его рядах. «Все значащие что-либо в литературе поэты ушли из этого заведения», — констатировал московский критик Э. Л. Миндлин в статье «8000 поэтов в СССР».²⁰ Стремясь заручиться расположением крупных

¹⁷ Сведения о членстве Е. Г. Полонской в Обществе изучения теории поэтического языка приведены в работах: *Галушкин А.* «Итак, ставши на костях, будем трубить сбор...». К истории несостоявшегося возрождения Опояза в 1928—1930 гг. // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 152; *Белоус В.* Вольфила [Петроградская вольная философская ассоциация]. 1919—1924. Книга первая: Предыстория. Заседания. М., 2005. С. 801.

¹⁸ В начале 1920-х гг. к М. Кузмину обращались за поддержкой и пролетарские писатели. В архиве члена правления Петроградской ассоциации пролетарских писателей А. Крайского сохранилось его письмо: «Товарищ Крайский, конечно, я охотно буду не только считаться участником затеваемого Вами журнала, но и действительно участвовать. Благодаря Ваших товарищей, что вспомнили обо мне. Думаю, что вопрос, насколько мои вещи Вам подходят, обсуждался у Вас раньше, чем Вы ко мне обратились. Относительно матерьяла, разумеется, нужно поговорить подробнее. Сегодня я *случайно* не дома, но обычно в эти часы 5—7 — дома и буду рад, если Вы зайдете или же скажете, с кем и когда поговорить. С приветом. М. Кузмин. 26 марта 1923» (РО ИРЛИ, ф. 837). О каком журнале идет речь, установить не удалось. В дневниковой записи Крайского от 20 марта 1923 г. упоминается о полученном им предложении редактировать журнал и придуманном названии «Крылья» (Там же). Журнал с таким названием не выходил. Возможно, имеется в виду издаваемый при «Красной газете» журнал «Зори», заменивший «Литературный еженедельник». Первый номер вышел 11 нояб. 1923 г. Вокруг журнала группировались члены объединения «Содружество», куда входили и пролетарские писатели, и «попутчики», собиравшиеся на литературные «четверги» у Дм. Четверикова: П. А. Арский, В. М. Андреев, М. В. Борисоглебский, М. М. Зошенко, Вс. В. Иванов, М. Э. Козаков, А. Крайский, А. И. Маширов-Самобытник, Е. А. Панфилов, Е. Г. Полонская, И. И. Садофьев, А. П. Чапыгин, В. Я. Шишков. Произведения М. Кузмина в 1923—1924 гг. в журнале не появлялись.

¹⁹ «Стоило Пегаса» — литературное кафе «Ассоциации вольнодумцев», созданной имажинистами Есениным и Мариенгофом осенью 1919 г. Располагалось в д. 37 по Тверской улице. Закрыто в 1922 г. «Домино» — литературное кафе московского Союза поэтов, размещавшегося в бывшем кафе «Домино» (ул. Тверская, д. 18). Подробнее см.: *Ройзман М.* Все, что помню о Есенине. С. 28—29, 35—41; а также в примечаниях Э. М. Шнейдермана к сборнику «Поэты-имажинисты» (С. 456).

²⁰ Вечерняя Москва. 1924. 8 апр. № 82. С. 3. О негативном отношении ведущих московских поэтов к Союзу свидетельствует опрос, проведенный газ. «Вечерняя Москва»: «Характерных черт Союз поэтов не имеет. <...> Неизвестно, по каким линиям создано это объединение» (Н. Асеев; Там же. 10 апр. № 84. С. 3); «Я Союз поэтов знать не знаю. <...> Учреждение

литераторов, центральное правление в июле 1923 г. избрало Ф. Сологуба почетным членом Всероссийского союза поэтов. Планировалось и его избрание почетным председателем всего Союза,²¹ а петроградским поэтам рекомендовалось ввести Сологуба в постоянное правление отделения.

К июню 1923 г. наметился состав будущего постоянного правления Петроградского отделения под председательством М. А. Кузмина: В. А. Рождественский, Г. Б. Шмерельсон, Конст. Эрберг, С. Е. Нельдихен, А. В. Золотницкий, Е. Г. Полонская, Н. С. Тихонов. Решение о создании отделения было принято 27 июля на собрании инициативной группы поэтов: Л. И. Борисов, А. В. Золотницкий, К. К. Вагинов, В. М. Крепс, А. Р. Палей, Е. Г. Полонская, Р. Н. Смехова, В. В. Смиренский, Н. К. Чуковский, Г. Б. Шмерельсон, Конст. Эрберг, И. И. Ясинский. В избранное тогда же оргбюро вошли Тихонов, Шмерельсон, Полонская, Вагинов, Смиренский, Борисов. 3 августа центральное правление утвердило Петроградское отделение и его временное правление (оргбюро). Созыв общего собрания для выборов постоянного правления был запланирован на начало осени 1923 г.

Но молодые поэты не смогли найти в литературных кругах Петрограда достаточного числа сторонников нового Союза и, очевидно, отказались от идеи создания отделения. Как позднее указывал Шмерельсон, «среди петроградских поэтов не было уверенности в возможности создания крепкой организации».²² Во всяком случае, в течение полугода оргбюро бездействовало и возобновило свою работу лишь после вмешательства центрального правления. В январе 1924 г. заведующий иногородним отделом Всероссийского союза поэтов Н. Н. Захаров-Мэнский обратился за содействием к М. А. Кузмину: «Между Москвой и Петроградом тянется долгие годы старый спор на тему — „кто лучше?“ и „чем мы хуже?“ По всем вероятностям, благодаря этому старому спору то мы — (Всероссийский союз поэтов) — не можем наладить в Питере столичного отдела. <...> Центральное правление делегирует меня 28го на юбилей Ф. К. Сологуба,²³ являющегося нашим почетным членом. Кроме того, мне поручено наладить питерское отделение

это <...> считаю <...> чрезвычайно бессмысленным» (Б. Пастернак; Там же); «Считаю, что Союз поэтов дурацкая штука. <...> Как поэты могут объединяться в особый профсоюз?» (А. Мариенгоф; Там же. 14 апр. № 87. С. 3). Немногим ранее в заметке «Письма из Москвы» Эм. Миндлин так характеризовал литературную ситуацию в столице: «Именно поэты, исчисляемые, — как дензнаки, астрономическими количествами, наводнили собой столицу Р. С. Ф. С. Р. Достаточно сказать, что несколько десятков поэтических школ — каждая со своей „декларацией“ и теорией, — были зафиксированы на листах терпеливой бумаги исторических книг Всероссийского союза поэтов» (Зори: Литературный еженедельник. 1923. № 1. 11 нояб. С. 11).

²¹ Первым почетным председателем Всероссийского союза поэтов, избранным в начале 1920 г., был А. В. Луначарский. 30 марта 1924 г. на общем собрании Союза почетным председателем избран Л. Б. Каменев (Известия. 1924. 4 апр. № 78. С. 7).

²² Из доклада Шмерельсона общему собранию 23 апр. 1925 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 12, л. 5 об.).

²³ Имеются в виду организованные ЛО Всероссийского союза писателей торжества по поводу 40-летия литературной деятельности Сологуба. Чествование, первоначально намеченное на 17, а затем на 28 янв. 1924 г., состоялось 11 февр. в Государственном Академическом драматическом театре (бывший Александринский). Подробнее см.: Юбилей Федора Сологуба / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 315—343. Здесь же опубликованы приветствия Сологубу, в том числе и Всероссийского союза поэтов (Москва).

ние. Ваша помощь в этом деле была бы мне прямо-таки необходима. Не откажите разрешить мне захватить к Вам 28го и просить Вас своим авторитетом помочь нам <...> собраться на 29 или 30^е общее собрание питерских поэтов. Мне как-то хочется надеяться, что мы до чего-либо договоримся».²⁴ Визит Захарова-Мэнского к Кузмину состоялся в феврале 1924 г.;²⁵ в начале марта сформировалось новое оргбюро: К. К. Вагинов, Р. Г. Галиат,²⁶ М. А. Кузмин, Е. Г. Полонская, Н. С. Тихонов, В. А. Рождественский, П. Н. Старвогин,²⁷ Г. Б. Шмерельсон, Конст. Эрберг. По просьбе центрального правления в его состав вошли Кузмин, Эрберг²⁸ и Старвогин. На квартире Кузмина проходили и заседания членов оргбюро.²⁹

К этому времени появилось новое обстоятельство, изменившее первоначальные планы организаторов отделения. Речь идет о вхождении в Союз пролетарских поэтов. Центральное правление еще летом 1923 г. настаивало на привлечении в Союз одновременно со «старейшими русскими писателями» А. А. Ахматовой, П. В. Быковым, Л. И. Андрусоном и писателей пролетарских,³⁰ но тогда это предложение не нашло поддержки в Петрограде. Имен пролетарских поэтов нет ни в списке первого оргбюро, ни в списке намеченного постоянного правления. Не присутствовали они, за исключением Ясинского, и на собрании инициативной группы, принявшей решение об учреждении Союза. Как известно, 1922—1923 годы — период резкого размежевания писателей пролетарских и непролетарских, начало жесткой «напостовской» критики «попутчиков».³¹ Руководство Всерос-

²⁴ Из письма от 19 янв. 1924 г. (ЦГАЛИ (СПб), ф. 437, оп. 1, № 46, л. 1—1 об.).

²⁵ Этот факт подтверждается и в письме В. В. Руслова Кузмину от 1 марта 1924 г., опубликованном А. Г. Тимофеевым в статье «Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М. А. Кузмина в мае 1924 г.)» (Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 180).

²⁶ *Галиат Рустем Георгиевич* (наст. фам. Валаев; 1900, Грозный—1977, Киев) — российский, украинский прозаик. В 1924 г. окончил Ленинградский институт живого слова. Автор нескольких либретто, книг «Индиго. Рассказы и повести» (Киев, 1966; совм. с Валаевым Ростиславом Георгиевичем), «Новеллы о драгоценных камнях» (Киев, 1971), «Алмаз — камень хрупкий» (Киев, 1977; 4-е изд.). Сведения приведены по изд.: Українська літературна енциклопедія. Київ, 1988. Т. 1: А—Г. С. 265. К участию в создании отделения, возможно, был привлечен Эрберг, в архиве которого сохранилось стихотворение Галиата «А вы знаете, что горы давят...» в переводе с дигорского языка (РО ИРЛИ, ф. 474, № 349). *Дигория* — местное название части Осетии, близ Владикавказа.

²⁷ *Старвогин Павел Николаевич* (наст. фам. Воскресенов) — член московского Союза поэтов, неоднократно рекомендованный центральным правлением для организации отделения в Петрограде. Был принят в ленинградский Союз 23 мая 1924 г. по ходатайству центрального правления, без представления своих произведений в приемную комиссию. Через год комиссия вынесла решение о «несоответствующей поэтической, литературной квалификации» Старвогина, и по постановлению правления от 7 апр. 1925 г. он был исключен из Союза (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 14, л. 20).

²⁸ В личном архиве Эрберга сохранилось письмо центрального правления от 3 марта 1924 г. с просьбой войти в состав оргбюро (РО ИРЛИ, ф. 474, № 325, л. 16). Подписано И. А. Аксеновым, Н. Н. Захаровым-Мэнским, Г. Ф. Дёшкиным.

²⁹ Об этом свидетельствует записка Шмерельсона Эрбергу от 15 марта 1924 г. с напоминанием о заседании Союза поэтов у Кузмина, опубликованная А. Кобринским в статье «Материалы Григория Шмерельсона в Рукописном отделе Пушкинского Дома» (С. 73).

³⁰ Такой совет был высказан в письме центрального правления от 10 июля 1923 г., подписанном Н. Н. Захаровым-Мэнским и Г. Ф. Дёшкиным (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 9, л. 5).

³¹ Об идеологическом и творческом противостоянии пролетарских и «буржуазных» литераторов, а также о политике большевистской партии в области литературы см. подробнее в ра-

сийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), опасаясь «буржуазного» перерождения своих членов, запретило им вступать одновременно в другие литературные организации, союзы и кружки, участвовать «в органах печати, чуждых пролетарско-коммунистической идеологии» и призвало вести борьбу «с писателями и поэтами враждебных <...> групп».³² Эту же позицию заняла и Петроградская ассоциация пролетарских писателей «Космист», учрежденная в октябре 1921 г. бывшими пролеткультовцами А. И. Машировым-Самобытником, И. И. Садофьевым, А. Крайским, Я. П. Бердниковым, П. А. Арским, Е. А. Панфиловым, С. А. Семеновым.³³ Петроградская ассоциация пролетарских писателей (ПАПП/ЛАПП), созданная во второй половине 1923 г.,³⁴ своей основной задачей также считала «дальнейшую борьбу на литературном фронте».³⁵

ботях: Аймермахер К. 1) В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917—1927. М., 1992; 2) Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917—1932. М., 1998.

³² Из обращения правления ВАПП «Ко всем пролетарским писателям РСФСР», опубликованное 28 апр. 1922 г. Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 2. С. 392.

³³ Среди подписавших обращение о поддержке декларации ВАПП, необходимости «сохранять чистоту пролетарской идеологии» и перерегистрации членов Ассоциации — Садофьев, Крайский, Арский, Панфилов, Бердников (Литературная неделя. 1922. № 4. Прилож. к № 128 газ. «Петроградская правда» от 11 июня). В итоге «чистки» были исключены несколько членов Ассоциации, в том числе — Всеволод Иванов, входивший одновременно в литературную группу «Серапионовы братья».

³⁴ Петроградская Ассоциация писателей пролетарских писателей возникла в результате объединения пролетарских организаций Петрограда. Ее ядро составила группа «Космист». Из постановления Ассоциации пролетарских писателей «Космист»: «Осознав, что следом за периодом обнаженного пафоса и барабанщины в пролетарской поэзии также был изжит и период космизма, как естественно неизбежной реакции на протоколлизм и как неопределенное устремление к мировому охвату, Ассоциация Пролетарских Писателей постановили следующее: 1) Сохранить общее объединяющее наименование Ассоциации пролетарских писателей. 2) Не исключать возможности внутренних группировок. 3) Вовлечь молодежь в ряды Ассоциации, в то же время требовать активности и творческой напряженности от членов Ассоциации. 4) И, наконец, в результате очередной перерегистрации исключить из состава Ассоциации: 1) А. Веснину, 2) И. Книжника, 3) П. Кия как автоматически выбывших. 4) Фиша, 5) Климовидко как не проявивших достаточной активности, и 6) Ин. Оксенова как литературно-беспринципного» (Литературный еженедельник. 1923. 16 июня. № 24. С. 16). Фрагмент постановления воспроизведен нами с сохранением всех особенностей оформления текста. См. также: Хроника литературной жизни // История русской советской литературы. 1917—1965: В 4 т. / Под ред. А. Г. Дементьева. М., 1967. Т. 1. 1917—1929. С. 757. Образование ПАПП сопровождалось разногласиями в среде пролетарских писателей. А. Крайский, избранный председателем Ассоциации, записал в дневнике: «Составил заговор свержения Садофьева и передачи власти Зиновьевскому кружку. Боюсь, что рано заварили кашу. Сил нет. Не хватит. <...> И так, завтра еще раз вступаю в президентство. В последний раз. План задуман хорошо, но с кем, в сущности, буду работать? Уйдет Садофьев, Семенов, Четвериков, Катков, — останутся одни поэты, да Зиновьевцы» (РО ИРЛИ, ф. 837; записи от 1 и 4 сент. 1923 г.). Вместе с Крайским в правление ПАПП в сентябре 1923 г. избраны Д. Мазнин и Ф. Левин. Зиновьевцы — члены литературного кружка Коммунистического университета им. Зиновьева. Руководил кружком А. Крайский. В его архиве сохранился издаваемый студентами университета журнал «Зиновьевец» (1923. № 1, апр.) с дарительной надписью: «Руководителю литературного кружка Ун<иверсите>та им<ени> т<оварища> Зиновьева тов<ари>щу Крайскому. 1/IV-23 г. Редакция журн<ала> „Зиновьевец“» (РО ИРЛИ, ф. 837).

³⁵ Из наказа пролетарских организаций правлению ПАПП. Опубл.: Литературный еженедельник. 1923. 16 сент. № 37. С. 16.

В 1924 г. ситуация уже была иной. Партийное руководство искало новые формы организации литературной жизни, удобные для привлечения молодых литературных сил «советского направления» и создания, при соответствующих условиях, собственной революционной литературы.³⁶ Среди целого ряда разработанных мероприятий особое место отводилось созданию писательской организации, во главе которой стоял бы «беспартийный, но советски настроенный» литератор.³⁷ К участию в ней планировалось привлечь писателей дореволюционных, примкнувших к большевикам, пролетарских, имажинистов, футуристов, «Серрапионовых братьев», «сменовеховцев» и «группу колеблющихся политически неоформленных из молодежи».³⁸ Членство в одной организации писателей «старых» и «новых» могло создать условия для будущей консолидации литературных сил и образования нового, усредненного слоя творческой интеллигенции, объединенной общностью отношения к советской власти и легко управляемой. Немаловажное значение придавалось при этом и постепенному процессу нейтрализации «напостовцев», претендующих на руководство литературной политикой. «Одним из первых опытов создания подконтрольного писательского объединения» стала, по мнению исследователей, «Артель писателей „Круг“»,³⁹ организованная при непосредственном участии специальной комиссии Политбюро под председательством заместителя заведующего Агитпропом Я. А. Яковлева. Намеченная партией тенденция, безусловно, повлияла и на дальнейшие обстоятельства создания второго Петроградского отделения Союза поэтов.

Мы не располагаем сведениями о том, как состоялась договоренность организаторов отделения с пролетарскими поэтами. Можно лишь с большой долей уверенности утверждать, что произошло это в марте 1924 г. после визита в Петроград Захарова-Мэнского. Список приглашенных на общее учредительное собрание включал уже и их имена.⁴⁰ Заметим, что и в этот период, перед самым собранием, никто из них не входил в состав оргбюро. Назначенное на 23 марта, собрание дважды переносилось и состоя-

³⁶ Этот вопрос неоднократно обсуждался на разных уровнях власти с начала 1922 г. (Политбюро ЦК РКП (б), Агитпроп ЦК РКП (б), Главполитпросвет Наркомпроса). Намеченный большевистской партией план действий впервые подробно освещен в работе: А. К. Воронский: Из переписки с советскими писателями / Вступ. статья и публ. Е. А. Динерштейна // Из истории советской литературы 1920—1930-х годов: Новые материалы и исследования. М., 1983. С. 531—616 (Литературное наследство. Т. 93). См. также: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 2. С. 318, 326—327; *Зайдман А. Д.* М. Горький и молодые прозаики содружества «Серрапионовы братья». Нижний Новгород, 2006. С. 85—94.

³⁷ Такая рекомендация высказана в письме Сталина члену Политбюро от 3 июля 1922 г. («Счастье литературы»). Государство и писатели. 1925—1938. Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997. С. 10).

³⁸ Из решения комиссии Я. А. Яковлева от 11 июня 1922 г. Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 2. С. 462.

³⁹ *Поливанов К. М.* К истории «артели» писателей «Круг» // *De Visu*. 1993. № 10. С. 6. В этой работе опубликованы протоколы заседаний «Комиссии по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество» и списки предполагаемых членов общества. О создании группы «Круг» см. также во вступ. статье Е. А. Динерштейна к его публ.: А. К. Воронский: Из переписки с советскими писателями. С. 536.

⁴⁰ Ленинградская правда. 1924. 22 марта. № 66. С. 5; Последние новости. 1924. 24 марта. № 12. С. 4.

лось лишь 6 апреля. Вероятно, в конце марта—начале апреля 1924 г. и решался вопрос не только об участии пролетарских поэтов в Союзе, но и о едином руководстве. Именно тогда в оргбюро были введены активный деятель петроградского Пролеткульта, Петроградской ассоциации пролетарских писателей и группы «Космист» Павел Александрович Арский, председатель секции печати Губернского отделения Всероссийского союза работников просвещения (Губпрос) Николай Альбертович Энгель. Перечислим последний состав оргбюро, подписавшего объявление о созыве учредительного собрания 6 апреля: П. А. Арский, К. К. Вагинов, Р. Г. Галиат, М. А. Кузмин, Е. Г. Полонская, В. А. Рождественский, П. Н. Ставрогин, Н. С. Тихонов, Г. Б. Шмерельсон, Н. А. Энгель, Конст. Эрберг.⁴¹ Через несколько лет правление Союза «забудет» некоторых учредителей и «организаторами этого собрания, положившего начало Лен<инградскому> отделу Всерос<сийского> Союза поэтов», будут названы И. И. Садофьев, Н. С. Тихонов, А. И. Маширов-Самобытник, Н. А. Энгель, А. Крайский, Е. Г. Полонская, М. М. Шкапская, В. А. Рождественский, К. К. Вагинов, Г. Б. Шмерельсон, А. Рудаков, Инн. А. Оксенов.⁴² Обратим внимание на то, что первыми в этом списке перечислены в основном пролетарские поэты.

Примечательно появление в оргбюро Н. А. Энгеля. В его задачу входило организованное вовлечение будущих членов Союза поэтов по профсоюзной линии во Всероссийский союз работников просвещения (Всерабпрос). Если Союз писателей долгое время пытался добиться статуса самостоятельной профессиональной организации и фактически действовал как профессиональное объединение, всячески защищая интересы своих членов, то Союз поэтов с самого начала согласился с положением подконтрольной Всерабпросу, управляемой организации. Этот факт во многом определил и направление деятельности Союза.

Список приглашенных на учредительное собрание поэтов разных поколений, поэтических направлений и группировок, в том числе и пролетарских, включал 90 имен.⁴³ Собрались 55 человек, в основном — молодые поэты, среди них: П. А. Арский, Л. И. Борисов, Д. И. Выгодский, Ф. В. Грошиков, А. Крайский, П. Н. Лукницкий, И. М. Наппельбаум, Ф. М. Наппельбаум, Инн. А. Оксенов, Л. М. Попова, В. В. Ричиотти, Е. А. Панфилов, Л. К. Рогинский, В. А. Рождественский, В. М. Саянов, П. Н. Ставрогин, А. А. Тверяк, М. А. Фроман, Н. К. Чуковский, М. М. Шкапская, В. И. Эрлих, Н. С. Тихонов, Г. Б. Шмерельсон. Старшее поколение представляли А. В. Туфанов, Д. М. Цензор, Т. Л. Щепкина-Куперник, И. И. Ясинский. Многие из приглашенных — Л. И. Андрусон, А. А. Ахматова, Ю. Н. Верховский, В. В. Гиппиус, В. А. Зоргенфрей, Н. А. Клюев, М. Л. Лозинский,

⁴¹ Ленинградская правда. 1924. 4 апр. № 77. С. 5; Красная газета. Веч. вып. 1924. 4 апр. № 77. С. 3.

⁴² Фроман М., Оксенов Инн. Пять лет Ленинградского Союза поэтов // Жизнь искусства. 1929. № 15. 7 апр. С. 6—7. Упомянутый среди организаторов А. Рудаков в списках Союза поэтов не числился. Возможно, был членом организации пролетарских писателей. В ноябре 1923 г. рассказ А. Рудакова «Две» был отмечен второй премией литературного конкурса, организованного журналом «Зори» и опубликован в № 7 журнала. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁴³ Красная газета. Веч. вып. 1924. 4 апр. № 77. С. 3.

А. И. Пиотровский, Вл. Пяст, А. Д. Радлова, Ф. Сологуб — не присутствовали на собрании. Член московского Союза поэтов М. Ю. Блейман доложил о деятельности Союза, Ставрогин — о его задачах, Шмерельсон — о работе оргбюро Петроградского отделения, Энгель — о профессиональной работе Союза и секции печати Губпроса. Цель новой организации сформулировал Блейман: «...объединение поэтов различных литературных школ на единой платформе строительства революционного искусства». ⁴⁴ Энгель рекомендовал будущим членам Союза по профессиональной линии вступать во Всерабпрос. «Лишь на профсоюзной линии возможна какая-либо организация такой неорганизованной массы, как поэты, — убеждал он собравшихся. — <...> Союз поэтов — организация не профессиональная, но профработа Союза должна проводиться совместно с уже существующей профорганизацией — секцией печати, объединяющей не только поэтов, а вообще литераторов». ⁴⁵

Выборы постоянного правления Союза проходили довольно бурно. В подготовленный оргбюро список были включены И. И. Садофьев, Н. С. Тихонов, В. А. Рождественский, Н. А. Энгель, А. И. Маширов-Самобытник, Г. Б. Шмерельсон, Е. А. Панфилов; кандидаты — П. А. Арский, К. К. Вагинов, А. Крайский. Как видим, еще до собрания добрая половина мест в будущем руководстве отводилась пролетарским поэтам. Лишь четверо принадлежали к иным литературным направлениям (Тихонов, Вагинов, Рождественский, Шмерельсон). Помимо этого списка собравшиеся предложили еще семь. Два из них включали пролетарских поэтов, Тихонова и Рождественского. В пять списков, наоборот, были внесены лишь по одному-два имени пролетарских поэтов. В список кандидатов в правление дополнительно введены П. Н. Ставрогин, Р. Г. Галиат, С. А. Полоцкий, А. В. Туфанов, М. А. Фроман. Большинство голосов (36 из 55) прошел список, предложенный оргбюро. В ревизионную комиссию избраны М. М. Шкапская, А. В. Туфанов, Инн. А. Оксенов; в приемную (или — приемочную) — М. Л. Лозинский (на собрании не присутствовал), Е. Г. Полонская, В. А. Рождественский, Н. С. Тихонов, А. Крайский; в конфликтную — П. А. Арский, А. И. Маширов-Самобытник, Н. А. Энгель.

Правление вполне соответствовало установившимся к 1924 г. советским стандартам: пятеро из десяти, включая кандидатов, были членами ВКП(б) (Садофьев, Энгель, Маширов-Самобытник, Арский, Крайский); трое (Садофьев, Маширов-Самобытник, Арский) участвовали в революционном движении. Садофьев, Маширов-Самобытник, Крайский, Арский в прошлом — организаторы и руководители трансформировавшихся друг в друга организаций пролетарских писателей: Пролеткульта, Всероссийского союза пролетарских писателей, Всероссийской ассоциации пролетарских писателей; Петроградской ассоциации пролетарских писателей, Ассоциации пролетарских писателей «Космист», Петроградской / Ленинградской ассоциации пролетарских писателей.

12 апреля 1924 г. на первом заседании правления председателем Союза избран Садофьев; товарищами председателя — Тихонов и Энгель (по профработе); секретарем — Шмерельсон; академическим секретарем, от-

⁴⁴ Из протокола общего собрания от 6 апреля 1924 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 4, л. 1).

⁴⁵ Там же, л. 1—1 об.

ветственным за союзные собрания, — Рождественский. Тогда же по списку приглашенных на учредительное собрание утвержден состав Союза в количестве 63 человек, в том числе: В. Е. Арнс, А. А. Ахматова, Я. П. Бердников, И. М. Васильев, Ю. Н. Верховский, Н. Д. Вольпин, Д. И. Выгодский, В. В. Гиппиус, И. М. Груздев-Слесарь, В. А. Зоргенфрей, И. И. Ионов, Н. А. Клюев, В. В. Князев, М. А. Кузмин, Вл. Ленский, Л. В. Лесная, Б. К. Лившиц, М. Л. Лозинский, И. М. Наппельбаум, Ф. М. Наппельбаум, Инн. А. Оксенов, К. К. Олимпов, Н. А. Павлович, Е. А. Панфилов, А. И. Пиотровский, Вл. Пяст, А. Д. Радлова, Б. В. Смиренский, В. В. Смиренский, Ф. Сологуб, Н. С. Тихонов, Г. С. Фиш, Д. М. Цензор, Н. К. Чуковский, М. С. Шагинян, М. М. Шкапская, Т. Л. Щепкина-Куперник, Конст. Эрберг.⁴⁶

Легализация Ленинградского отделения Союза поэтов прошла без осложнений. Согласно циркуляру Адморгуправления от 23 марта 1923 г., отделения утверждались по их заявлению с приложением копий устава, протокола учредительного собрания, списков состава организации и правления.⁴⁷ 3 июня 1924 г. правление представило в Административный отдел Ленгубисполкома (АОЛГИ) заявление, копию протокола собрания, и на следующий день ленинградский Союз поэтов был зарегистрирован.⁴⁸ Идиллическая картина единения поэтов разных поколений и направлений получила официальное оформление. «Все крупнейшие поэты Ленинграда: Сологуб, Ахматова, Кузмин <...> состоят членами ВСП и организуют в Ленинграде отделение, в которое входят и все пролетарские поэты Ленинграда», — сообщалось в информационной заметке секретаря Всероссийского союза поэтов (Москва) Н. Н. Захарова-Мэнского.⁴⁹ В действительности все было несколько иначе. По-видимому, большая группа поэтов была кооптирована в Союз без согласования с ними, и вопрос их фактического членства некоторое время оставался открытым. Не случайно правление, подавая заявление о регистрации отделения, вопреки установленным правилам, не приложило ни устава, ни списков Союза и правления. Недостающие документы были отосланы по требованию АОЛГИ только в конце октября; устав зарегистрирован 3 ноября 1924 г.⁵⁰ Представленный в Ленгубисполком список Союза включал не 63 имени, а всего 45. Многие крупные поэты, утвержденные членами Союза 12 апреля 1924 г., не были в нем указаны, в том числе Ю. Н. Верховский, В. В. Гиппиус, Н. А. Клюев, М. Л. Лозинский, А. И. Пиотровский, Вл. Пяст, М. С. Шагинян, Т. Л. Щепкина-

⁴⁶ Список утвержденных членами Союза приведен в протоколе заседания правления (Там же, № 14, л. 1 об.).

⁴⁷ См. примеч. 14. Копия этого циркуляра, заверенная управделами московского Союза поэтов Дёшкиным, была выслана центральным правлением в письме Шмерельсону от 15 февр. 1924 г. (Там же, № 9, л. 14).

⁴⁸ Заявление подписано Садофьевым и Шмерельсоном; дата регистрации отделения — 4 июня 1924 г. — указана на штампе АОЛГИ (ЦГА (СПб), ф. 1001, оп. 106, № 578, л. 1).

⁴⁹ *Захаров-Мэнский Н. Н.* Письмо в редакцию // *Вечерняя Москва*. 1924. 10 апр. № 84. С. 3. Информация о создании Ленинградского отделения Союза поэтов и выборах постоянного правления помещена также в газ. «Последние новости» (1924. 7 апр. № 14 (92). С. 2).

⁵⁰ Штамп о регистрации устава в Административном подотделе АОЛГИ и внесении Союза поэтов в реестр обществ и союзов под № 249 поставлен на копии устава, заверенной Шмерельсоном (ЦГА (СПб), ф. 1001, оп. 106, № 578, л. 33—35).

Куперник.⁵¹ В следующем, 1925 г. все они были внесены в списки, но их участие в жизни Союза ограничивалось редкими выступлениями на литературных вечерах.

Собственного помещения Союз поэтов не имел и несколько раз менял адреса, арендуя комнаты и залы у родственных организаций. Первое время канцелярия размещалась в Доме печати (ул. Плеханова, д. 2, комн. 3; ныне — Казанская ул.), с ноября 1924 г. — в Доме искусств,⁵² где проводились также общие собрания и литературные вечера. С марта 1925 по 1927 г. комнату для канцелярской работы и для собраний арендовали у Союза писателей (Фонтанка, д. 50, кв. 26). В дальнейшем Союз располагался в новом помещении Дома печати (Фонтанка, д. 21), наиболее удобном для каждодневной канцелярской работы, устройства вечеров и собраний, кроме того — бесплатном. Иногда правление собиралось на квартирах у П. Н. Лукницкого, Полонской или Тихонова. Лукницкий, с декабря 1926 г. по ноябрь 1929 г. — технический секретарь правления, неизменно указывал на оборотной стороне протоколов, у кого состоялось конкретное заседание.

Существовал Союз на членские взносы, плату за вход на закрытые литературные собрания, взимаемую с гостей, доходы от вечеров. Финансовые взаимоотношения центрального правления Союза поэтов и его отделений отличались от схемы взаимоотношений в Союзе писателей. Если Ленинградское отделение Союза писателей с середины 1920-х гг. получало небольшие дотации и ссуды от московского правления, то ленинградский Союз поэтов по уставу должен был перечислять центральному правлению 5 % всех доходов, в том числе и членских взносов. Судя по ежегодным отчетам правления и ревизионной комиссии, приход в кассе Союза всегда превышал расход, и в конце каждого отчетного года, за исключением последнего, 1929 г., Союз располагал небольшим остатком средств.

Деятельность ленинградского Союза поэтов не отличалась разнообразием и протекала достаточно спокойно и планомерно, можно сказать — планово. В события литературно-общественной жизни руководство Союза старалось не вмешиваться, с декларациями и заявлениями, подобно ленинградскому Союзу писателей, не выступало. Своей основной задачей правление считало «объединение молодых литературных сил, вовлечение их в общественную и профессиональную жизнь», а также «популяризацию поэтического творчества в широких массах».⁵³ Соответственно этому сложились и направления деятельности: организация литературных вечеров, издание поэтических сборников членов Союза и регулярный смотр рядов,

⁵¹ Список подписан Шмерельсоном (Там же, л. 8). Такой же список сохранился и в архиве Союза поэтов (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 64, л. 1).

⁵² Второй Дом искусств создан в мае 1924 г. Его учредители — Всероссийский союз работников искусств (Сорабис) и Ленинградское театральное управление. Основная задача — повышение «политического, общекультурного и профессионального уровня ленинградских работников искусств». В организации Дома искусств по поручению Сорабиса участвовал пролетарский поэт А. И. Маширов-Самобытник. Размещался в бывшем театре «Пиковая дама» (пр. 25 Октября, д. 86; ныне — Невский проспект). Информацию о создании см.: Жизнь искусства. 1924. № 21. 20 мая. С. 23. К Дому искусств, созданному под эгидой М. Горького (1919—1922), отношения не имел.

⁵³ Из отчета правления Административному отделу Ленгубисполкома в мае 1927 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 19, л. 37).

именуемый перерегистрацией. Функция защиты материально-правовых интересов членов организации, столь органичная для Союза писателей, с самого начала была передана Всерабпросу. В архиве Союза поэтов нет ни одного документа, свидетельствующего о какой-либо помощи правления членам организации.⁵⁴ Даже конфликтная комиссия за все время существования Союза не собиралась ни разу «за неимением дел для рассмотрения». На заседаниях правления обсуждался примерно один и тот же круг вопросов: о приеме, устройстве вечеров, поэтических сборниках, помещении для заседаний правления и литературных собраний, финансы.

Первый год прошел в организационной работе и дальнейшем формировании состава, чему уделялось особое внимание. В течение двух лет приемом в Союз занималась «приемочная» комиссия, решения которой утверждались правлением. С мая 1926 г. эта функция перешла к правлению. Комиссия разработала принципы и порядок приема.⁵⁵ Вступающие в Союз должны были представить не менее десяти стихотворных произведений. Изданная книжка стихов служила беспрепятственным пропуском в Союз. Наряду с требованием «определенной технической грамотности» комиссия считала «одним из главнейших условий приема живую связь автора с вопросами революционной современности».⁵⁶ Отзывы членов комиссии о просмотренных произведениях писались прямо на полях стихотворений, обложках книг, иногда — на отдельных листах. В архиве Союза сохранилось всего шесть протоколов заседаний комиссии, с 16 мая 1924 по 1 марта 1925 г., и двадцать пять заявлений о приеме. Некоторые материалы комиссии хранятся в фонде П. Н. Лукницкого. В протокольных записях зафиксированы лишь имена подавших заявления и принятые решения. Представление о принципах отбора, характере обсуждений и уровне поэтического мастерства претендентов на членство в Союзе дают отзывы членов комиссии о рассматриваемых произведениях. Приведем некоторые из них.

О произведениях И. И. Афанасьева-Соловьева:

«Стихи Афанасьева-Соловьева отмечены хотя и бледным, но все же дарованием. Он много печатался. Предлагаю принять. Вс. Рождественский»;

«Афанасьев-Соловьев пишет „Молниям строк этих может ли кто перечить?!“. Я считаю его стихи безнадежными. Хотелось бы не принять за словоблудие. Е. Полонская»;

«Предлагаю принять. Н. Тихонов»;

«Принять надо. А. Крайский».⁵⁷

⁵⁴ За помощью в разрешении конфликтных ситуаций члены Союза поэтов обращались не к своему правлению и не к руководству Всерабпроса, а в Союз писателей. Так, в мае 1926 г. правление Союза писателей рассматривало конфликт Полонской с издательством «Радуга» в связи с третьим изданием ее книги «Зайчата»; в мае—июне того же года — недоразумения, возникшие между Рождественским и издателем В. А. Лемпертом по поводу издания книги Рождественского «Повести о Робин Гуде».

⁵⁵ Документы, озаглавленные «Методы работы приемочной комиссии Ленинградского отдела Всероссийского Союза поэтов» и «Порядок работы комиссии», опубл.: *Лукницкая В. Перред тобой земля. Л., 1988. С. 50—51.*

⁵⁶ Там же. С. 51.

⁵⁷ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 71, л. 11. Записи на книге поэта-имажиниста *Афанасьева-Соловьева Ивана Ивановича* (1899—после 1938) «Завоевание Петрограда» (Л.: Имажинисты, 1924). Родился в Смоленске, в 1917 г. переехал в Петроград. Окончил экономический факультет Первого Ленинградского политехнического института. Преподавал экономику в Ленинградском индустриальном институте, работал экономистом Всесоюзного текстильного синди-

О произведениях О. Л. Вильчевского:

«У О. Вильчевского свои темы и, пусть стихи неловки, они, во всяком случае, обнаруживают небанальный ход мысли — попытку по-своему подойти к миру, который воспринимается зрительно, главным образом со стороны цветовых эффектов. Последнее стихотворение представляется мне цельным и не лишенным непрерывности поэтического дыхания — особенно в конце. Из Вильчевского может выйти толк. Хотя он еще и молод как поэт, его следовало бы принять в Союз. Возможно, что это ему поможет найти себя. Вс. Рождественский»;

«Вильчевского следует принять в Союз. У него лицо и начало голоса. Если он избавится от некоторой „красивости“, то будет писать неплохие стихи. Е. Полонская. 14/IV»;

«В<ильчевского> принять можно — „красивость“ отпадет, когда он увидит вплотную необходимость другого подхода. А он может увидеть. Н. Тихон<ов>»;

«Он — несомненно — поэт. Но каждое стихотв<орение> нуждается в обработке (В<ильчевский>, вероятно, очень молод). Принять его без оговорок — мы не напортим его? Для него лучше бы поработать. Даст ли Союз такую работу? Прочитав все, думаю, что это самый приемлемый кандидат в Союз. А. К<райский>».⁵⁸

О произведениях В. И. Эрлиха:

«Эрлих — вполне поэт. Я думаю, что много по этому вопросу говорить не придется. Его привлечь в Союз — *должно*. К тому же он уже действительный, активный член „Имажинистского ордена“ — Н. Тихонов»;

«Хорошие стихи. Принять. А. К<райский>»;

«Конечно, принять. У Эрлиха свое лицо. Вс. Рождественский»;

«Да. Полонская».⁵⁹

О произведениях Л. К. Чернова:

«Голос Маяковского, владивостокское (родина Северянна!) безвкусие и несомненный поэтический темперамент. Печатался, выпустил две книги, ставил пьесы — формально выходило, что можно принять. В. Р<ождественский>»;

«Профессиональный признак иалицо. Безвкусие тоже. Все это не хуже многого из того, что уже было принято. Согрешим еще раз против жизни! Примем! Е. Полонская»;

«Принять в Союз. Н. Т<ихонов>»;

«Принять. А. К<райский>».⁶⁰

ката. Участник сборника петроградских имажинистов «В кибитке вдохновенья» (Пг., 1923). Заявление о вступлении датировано 22 апр. 1924 г. Принят комиссией 16 мая 1924 г., утвержден правлением 23 мая 1924 г. В анкете от 13 окт. 1924 г. упоминал сборник своих стихотворений «Северная поэма» (1923), уничтоженный им, и подготовленную к изданию книгу лирики «Прощание» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 60, л. 10). Арестован по «Ленинградскому писательскому делу».

⁵⁸ Там же, № 80, л. 7—7 об. Записи на полях стихотворений *Вильчевского Олега Леонидовича* (Людовиковича; 1902—1964) — поэта, востоковеда-ираниста. В 1924 г. окончил Институт живых восточных языков. Заявление датировано 25 апр. 1924 г. Принят комиссией 16 мая 1924 г., утвержден правлением 23 мая 1924 г. В анкете от 10 июля 1924 г. сообщал о подготовленной к изданию книге «Бахтиарские песни». К литературным группировкам не примыкал (Там же, № 60, л. 30). В 1926 г. работал библиотекарем Ленинградского института живых восточных языков.

⁵⁹ РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 26. Записи на отдельном листе. *Эрлих Вольф Иосифович* (1902—1944) — поэт-имажинист. Подал заявление 3 июня 1924 г., принят комиссией 11 июня 1924 г., утвержден правлением 24 июля 1924 г. Через некоторое время был введен в состав приемной комиссии.

⁶⁰ Там же. Записи на отдельном листе. *Чернов Леонид Кондратьевич* (наст. фам. Малошйченко; 1899—1933) — поэт-имажинист, прозаик, драматург. Из крестьян. Учился в театральной студии им. Франко. Первое произведение опубликовал в Екатеринославе в 1918 г. Член группы «Юголеф» (Южный левый фронт искусств). Заявление о приеме написал 30 марта 1925 г., утвержден правлением 22 апр. 1925 г. Ко времени вступления в Союз выпустил две книги стихотворений («Профсоюз Сумасшедших: Лирика» (Владивосток, 1924), «Кладбище аэропланов») и подготовил к печати книгу «Кооператив идиотов». На анкетный вопрос об об-

О произведениях В. Я. Кровицкой:

«Вера Кровицкая вполне владеет языком поэзии. Надо принять. Вс. Р.<ождественский>»;
«Принять в Союз можно. Пусть будет одним „неоклассиком“ больше. Н. Т.<ихонов>»;
«Хорошие стихи. Лучше, чем у других. Принять. А. Кра<йский>»;
«Принять. Полонская».⁶¹

О произведениях И. В. Корженевской:

«Отсутствие не только вкуса, но и, подчас, простой художественной воспитанности. И вместе с тем несомненные задатки. Была бы студия — имело бы смысл направить туда. Т.<ак> к.<ак> нет, даю голос за принятие. Эрлих. 12.XI.25»;
«Присоединяюсь к Эрлиху, тем более, что есть и формальный признак — книга. Стихи слабоваты, но не безнадежны. В. Р.<ождественский>»;
«Дилетантизм, может быть, от неумелости. Никакого понятия о организованности стиха в звуковом, предметном и эмоциональном отношении. Никакая студия не поможет. Зависит от внутренней напряженности и поисков. Условно принять можно. К. В.<агинов>»;
«Голос робкий, неуверенный, — все же голос. Я — за принятие. А. Кра<йский>».⁶²

О произведениях В. В. Мезьера:

«„Что-й ты, милка, нос задрала?
Что-й ты заартачилась?
— Пастернака я читала,
Да-й напастерначилась!“ Но, так как из-за Пастернака браковать не приходится, Мезьера можно принять. По-моему, он не бесталанен и образован. Эрлих»;
«Принять. А. Кра<йский>»;
«Принять. Н. Т.<ихонов>»;
«Принять. К. В.<агинов>»;
«Принять. В. Р.<ождественский>».⁶³

О произведениях Н. И. Бутовой:

«Очень несамостоятельно. Из всего написанного — две-три приличные в смысле грамотности строки. Есть места просто пародические. В Союз, конечно, нельзя. В. Э.<рлих>»;
«Не так безнадежно. Сейчас, впрочем, принимать рано. В. Р.<ождественский>»;
«Поэт „Рождественского“ толка. Присоединяюсь к мнению Всеволода: „...рано“. К. В.<агинов>»;
«Принимать рано. Небезнадежно. Н. Т.<ихонов>»;
«Пусть через некоторое время (3—6 мес.<яцев>) даст новых стихов. Писать, вероятно, будет. А. Кра<йский>».⁶⁴

щественной и политической деятельности ответил: «весьма полезная» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 63, л. 25).

⁶¹ Там же, № 94, л. 12. Записи на полях стихотворений *Кровицкой Веры Яковлевны* (1903—?) — поэтессы, юриста. Подала заявление 30 марта 1925 г., утверждена правлением 22 апр. 1925 г.

⁶² Там же, № 93, л. 2—3. Записи на обороте титула и первом листе книги *Корженевской Ирины Всеволодовны* (1904—1973) «Первая верста. Стихи» (Вятка, 1925). Энтомолог, детская писательница, поэтесса. Окончила Институт прикладной зоологии и фитопатологии, работала инструктором по борьбе с вредителями сельского хозяйства. Короткое время была членом литературного кружка «Laboretus». Подала заявление 13 нояб. 1925 г., утверждена правлением в членах Союза 26 марта 1926 г., исключена 27 февр. 1927 г. по собственному желанию.

⁶³ Там же, № 105, л. 12 об. Записи на оборотной стороне листа со стихотворениями *Мезьера Вадима Владимировича* (1898—?), написанными под заметным влиянием произведений Б. Л. Пастернака: «В овраг, в кусты, сползает снег...»; «Причудам был покорен сад...»; «Луны холодной воск закапал...» и др. По профессии — железнодорожник; заявление подал в июле 1925 г., в том же году принят комиссией, но утвержден правлением лишь 26 марта 1926 г.

⁶⁴ Там же, № 76, л. 9 об. Записи на оборотной стороне стихотворений *Бутовой Натальи Ивановны* (1902—после 1972) — поэтессы, переводчицы. Подала заявление 23 окт. 1925 г.;

Длительной и трудной была процедура приема будущих «обэриутов», представителей «левой», авангардистской поэзии Александра Ивановича Введенского и Даниила Ивановича Хармса.⁶⁵ Введенский заполнил союзную анкету 8 мая 1924 г.; Хармс подал заявление о приеме в середине августа 1925 г. Члены комиссии оценили их стихотворения, ориентированные в тот период на «заумь», как пустое «остроумничанье» и в приеме отказали. Введенский был принят в Союз 14 ноября 1924 г. после благожелательного отзыва «заумника» А. В. Туфанова,⁶⁶ Хармс — 14 мая 1926 г. после повторного представления в комиссию новых стихотворений.

На перевыборном собрании 23 апреля 1925 г. после отчетного доклада Полонской о работе приемной комиссии (текст в архиве не сохранился) развернулась дискуссия о критериях приема. Инициатором ее был Туфанов. Являясь председателем ревизионной комиссии, он подписал положительный отзыв о работе приемной комиссии, но на собрании выступил с особым мнением и подверг критике принципы приема и профессионализм самих членов комиссии (Приложение 3). Спор шел, по сути дела, об очевидном: вступающие в Союз поэтов должны уметь писать стихи.

Т<оварищ> А. Туфанов: т<оварищ> Полонская дала по серьезному вопросу комический доклад, что напоминает слова Маяковского («о дамских изделиях»). Т<оварищ> Полонская, употребив слово при оценке стихов («на ощупь», может дойти до оценки стихов «по чутью»). Следовательно, не было твердых принципов, а принцип приемочной комиссии должен быть твердым: мастерское использование тех или иных приемов, организация материала.

Т<оварищ> Арн<ольд> Палей: меня удивляет, что стихи заумника были даны на экспертизу Туфанову, т<ак> к<ак> заумь есть литературное течение и, исходя из случая обра-

26 марта 1926 г. правление запросило дополнительный материал. В архиве П. Н. Лукницкого сохранились отзывы двух членов комиссии этого периода: «По-моему, Бутову надо принять. По чести говоря, она несколько не хуже большинства „петербургских поэтесс“». В<ольф> Э<рлих>. 3.IV.26»; «Принять» (РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 26).

⁶⁵ Обстоятельства их вступления в общих чертах впервые изложены в работе Ж.-Ф. Жаккара и А. Устинова «Заумник Даниил Хармс: Начало пути» (Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd 27. S. 166—184). Поскольку авторы не имели возможности ознакомиться со всем комплексом документов архива ленинградского Союза поэтов, в тот период — неразобранного, некоторые приведенные ими сведения и даты не точны.

⁶⁶ О Туфанове Александре Васильевиче (1877—1942) и созданной им теории «зауми» см. в работах: Жаккар Ж.-Ф. Александр Туфанов: От эолоарфизма к зауми // Туфанов А. Ушкуйники / Сост. Ж.-Ф. Жаккар, Т. Никольская. Berkeley Slavic Specialities, 1991. С. 18—23; Устинов А., Кобринский А. Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. [Вып.] 11. С. 511—513; Богомолов Н. А. 1) Заумная заумь // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 307—311; 2) Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова // Русский авангард в кругу европейской культуры: Международная конференция. Тезисы и материалы. М., 1993. С. 89—93; Из писем А. В. Туфанова 1920-х годов / Вступ. заметка, публ. и коммент. А. Никитаева // Терентьевский сборник. М., 1996. [Вып. 1]. С. 273—290; Крусанова А. В. 1) А. В. Туфанов: архангельский период (1918—1919 гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 92—119; 2) Русский авангард. 1907—1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2003. Т. 2, кн. 2. С. 88—98; Никольская Т. Л. Заместитель Председателя земного шара // Мир Велемира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911—1998). М., 2000. С. 448—455; Эстетика «становления» А. В. Туфанова: Статьи и выступления конца 1910-х—начала 1920-х гг. / Вступ. статья, публ. и коммент. Т. М. Двнянтиной, А. В. Крусанова (см. наст. изд.). В последней работе впервые подробно воссоздана биография Туфанова и уточнен год смерти, а также обоснованно показан компилятивный характер теории «зауми», сконструированной им из разнородных элементов научно-философских поисков начала XX в.

шения к Туфанову, следовало бы стихи имажиниста давать на отзыв имажиниста и т<ак> д<але>. ⁶⁷ (В. Эрлих (с места): заумь не литературное течение, а диалект). Принципы в работе приемочн<ой> комиссии существовали. Комиссия основывалась на обществен<ной> идеологии, следовательно, поступала как любая литературная группа, а не как орган Союза поэтов.

Т<овариц> Е. Полонская: я в докладе не указывала, что комиссия при оценке стихов руководствовалась «на ощупь» (цитирует соответств<ующую> фразу из доклада). Что касается моего остроумия — очевидно, это личное мнение т<оварища> Туфанова. Т<оварищу> Палею ответчу, что мы отклоняем «грамотные» стихи нововременцев и принимаем активно-творческую молодежь.

Т<овариц> И. Садофьев: юмористика была не в докладе Е.Г. Полонской, а в выступлении т<оварища> Туфанова. Что касается экспертизы стихов заумника, доказывает лишь осторожность комиссии, каковая настолько внимательна, что пригласила эксперта-заумника, хотя бы, конечно, могла сама разобраться. На слова т<оварища> Палея скажу, что наш Союз выжил и соорганизовался благодаря ставке на художественную грамотность и широкую общественность. Возвратись в Россию Зинаида Гиппиус, несмотря на ее художественную грамотность, мы бы, я уверен, не приняли бы ее в Союз.

Т<овариц> Арн<ольд> Палей: т<оварищ> Садофьев понимает означенный вопрос как и я. Я говорю о другом — если есть стихи приемлемые, но в них нет непосредственного отклика на современность, то такие в члены Союза принимались?

Т<овариц> Н. Тихонов: при приеме профессиональный признак был на 1-м месте, а общественная подкладка лишь учитывалась.⁶⁸

Ответы Полонской и Садофьева не оставляют сомнений в том, что «общественная подкладка», иначе — отношение к советской власти, не только учитывалась, но и была решающей в тех случаях, когда о профессиональных достоинствах говорить не приходилось. «Слабовато, но не безнадежно», «бывало и хуже» — лейтмотив суждений членов комиссии о произведениях значительной части вступающих в Союз. При выборах новой приемной комиссии Туфанов предложил свой список кандидатов, но собрание, основываясь на том, что согласие выдвигаемых не было получено заблаговременно, отклонило его. В результате за нетактичное поведение его исключили из кандидатского списка ревизионной комиссии нового состава.

В течение первого года были приняты 26 человек; на 22 апреля 1925 г. в Союзе числились 86 членов, в 1926—1928 гг. — немногим более 60, в октябре 1929 г. — 52. По официальным сведениям, представляемым в Административный отдел Ленгубисполкома, Союз был на треть рабоче-крестьянским. Согласно списку на 1 марта 1926 г., 8 из 57 членов Союза происходили из рабочих, 11 — из крестьян, четверо — из купеческой среды, двое — из дворян (М. А. Кузмин, И. И. Ясинский), 9 человек — из мещан, остальные — из интеллигенции. Лишь 12 членов Союза принадлежали к дореволюционному поколению, независимо от литературных направлений: В. В. Гельмерсен, Н. А. Клюев, М. А. Кузмин, В. П. Лебедев, Б. К. Лившиц, А. И. Маширов-Самобытник, С. С. Петров, И. И. Садофьев, Ф. Сологуб, А. В. Туфанов, Н. Н. Шульговский, И. И. Ясинский.⁶⁹ В конце 1927 г. в Союзе осталось 6 поэтов (из 63), чей путь в литературе начался до револю-

⁶⁷ Имеется в виду обращение комиссии к Туфанову по поводу стихотворений Введенского.

⁶⁸ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 12, л. 11—12.

⁶⁹ Сведения указаны в отчете правления ЛО Союза поэтов в АОЛГИ (Там же, № 19, л. 6, 8—17).

ции: Н. А. Клюев, М. А. Кузмин, Б. К. Лившиц, О. Э. Мандельштам,⁷⁰ И. И. Садофьев, А. В. Туфанов.

С самого начала существования Союза его основная деятельность заключалась в организации литературных выступлений. Их подготовкой занималось правление вместе с «вечеровой» комиссией, в состав которой в разные годы входили В. А. Рождественский, В. А. Соловьев, Е. Г. Полонская, С. А. Полоцкий, Инн. А. Оксенов, М. М. Шкапская, Г. С. Фиш. Наряду с открытыми вечерами для широкой публики устраивались и закрытые, так называемые академические собрания, «пятницы», на которых читались и обсуждались новые произведения. Цифры, приведенные в ежегодных отчетах правления общему собранию, свидетельствуют о размахе вечеровой деятельности. За год, с апреля 1924 г. по апрель 1925 г., состоялось 25 выступлений членов Союза. Список участников включает 43 имени, половину членов Союза.

Открытые вечера, устраиваемые дважды в месяц, чаще всего в Академической капелле и Доме печати, пользовались успехом и приносили некоторый доход. Существовали четыре вида вечеров: очередные, групповые, календарно-тематические, диспуты. Первый вечер, совместный с ЛО Союза писателей и Пушкинским Домом, состоялся 6 июня 1924 г. в Российском институте истории искусств в честь 125-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Почетным председателем торжественного заседания избран ученый хранитель Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский. Вступительное слово произнес заместитель председателя ЛО Союза писателей В. Я. Шишков, доклады прочли В. М. Жирмунский и П. Е. Щеголев. В литературно-музыкальной части были запланированы выступления Ф. Сологуба, А. А. Ахматовой, Вл. Пяста, Н. А. Клюева, Е. Г. Полонской, К. К. Вагинова, А. Крайского и артистов ленинградских театров. Во втором, устроенном 12 июля 1924 г. в курзале Сестрорецка, участвовали К. К. Вагинов, А. Крайский, С. А. Есенин, А. Д. Радлова, А. И. Маширов-Самобытник, С. А. Полоцкий, В. А. Рождественский, Н. С. Тихонов, Г. Б. Шмерельсон. Открытый вечер 26 декабря 1924 г. был предоставлен имажинистам. 25 февраля 1925 г. в Госкапелле с успехом прошел литературный вечер с участием А. А. Ахматовой,⁷¹ К. К. Вагинова, Н. А. Клюева, М. М. Зощенко, И. И. Садофьева, Ф. Сологуба, Н. С. Тихонова, А. Н. Толстого, К. А. Федина, В. Я. Шишкова, Г. Б. Шмерельсона и артистки Е. И. Тиме. Проводился он совместно с Комиссией по улучшению быта ученых (КУБУЧ), составлявшей программу и отбировавшей участников.

Особое внимание уделялось календарно-тематическим вечерам, приуроченным к официальным советским датам и торжествам. С такого вечера, посвященного празднованию 1 Мая, дня международной солидарности трудящихся, и планировалось начать культурно-просветительскую дея-

⁷⁰ Осип Эмильевич Мандельштам принят в ЛО Союза поэтов 28 янв. 1927 г. Его заявление от 24 янв. 1927 г. хранится в фонде П. Н. Лукницкого (РО ИРЛИ, ф. 754); опубли.: *Лукницкая В. Перед тобой земля.* С. 52.

⁷¹ Об участии Ахматовой в этом вечере см.: *Лукницкий П. Н. Acumiana.* Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924—25 гг. Paris, 1991. С. 35—36. Запланированное выступление Ахматовой в благотворительном вечере в Академической капелле 24 дек. 1924 г. не состоялось (Там же. С. 17).

тельность, но подготовить его не успели. 28 ноября 1924 г. Союз поэтов почтил память одного из председателей Всероссийского союза поэтов — В. Я. Брюсова.⁷² С докладами выступили Ю. Н. Тынянов и Инн. А. Оксенов, в литературно-музыкальном отделении — А. И. Шварц, Э. Р. Каминская, Н. К. Шведе-Радлова. На вечере «Ленин в русской поэзии», состоявшемся 30 января 1925 г., стихи о вожде читали Е. Г. Полонская, Н. С. Тихонов, В. А. Рождественский, А. Крайский, Н. А. Клюев, Г. Б. Шмерельсон, Г. Э. Сорокин, Е. А. Панфилов, А. И. Шварц и Н. К. Шведе-Радлова.⁷³

Еженедельные закрытые собрания, литературные «пятницы», введенные в ноябре 1924 г., проходили под строгим контролем правления. Гости допускались по рекомендации членов Союза, а с декабря 1926 г. обязывались заполнять анкеты с указанием адреса, сведений о социальном происхождении, образовании и месте службы. Тексты выступлений гостей заблаговременно просматривались руководством Союза. Для литературных диспутов выделялись официальные оппоненты. За порядком и дисциплиной следили дежурившие на «пятницах» члены правления. С апреля 1925 г. по май 1926 г. состоялось 32 закрытых собрания, в которых участвовали все члены Союза.

Несмотря на отсутствие необходимых средств, Союз пытался наладить и собственную издательскую деятельность. В начале 1925 г. планировалось открыть отделение московского издательства «Всероссийский союз поэтов». Были получены все необходимые документы, в том числе — разрешение Главлита и Ленгублита, центральным правлением назначены ответственные (Тихонов и Шмерельсон), но финансовые причины помешали осуществлению этого плана. Из задуманных ежегодных сборников произведений членов Союза в печати появились лишь два: «Собрание стихотворений» (1926) и «Костер» (1927), названный первоначально «Ленинградский союз поэтов. Тысяча девятьсот двадцать седьмой год. Стихи». Их составлением занимались члены правления Н. Л. Браун, М. А. Фроман, Инн. А. Оксенов; в 1927 г. в редколлегию вместо Оксенова были введены Сорокин и Эрлих. Подготовленный к печати третий сборник, включавший стихи, критические статьи и библиографию, был остановлен Ленгублитом «ввиду отсутствия у Союза издательских прав».⁷⁴ Попытки выпустить его в «Издательстве писателей в Ленинграде» (декабрь 1927 г.) и в издательстве «Федерация» (февраль 1928 г.) не увенчались успехом. В октябре 1928 г. «ввиду неблагоприятного результата переговоров о сборнике с издательствами»⁷⁵ этот вопрос был отложен и в дальнейшем не обсуждался. Не вышел в свет и альманах с материалами литературно-бытового и пародийно-

⁷² Годом ранее, в декабре 1923 г., отмечался 50-летний юбилей Брюсова (13.XII.1873—09.X.1924). О чествовании поэта, устроенном «в параметрах официального советского торжества», см. в публ. А. В. Лаврова «Юбилей Федора Сологуба» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 317).

⁷³ Отметим, что ленинградский Союз писателей заседаний и собраний памяти Ленина не устраивал. Лишь однажды, в дек. 1924 г., правление, выполняя постановление «агента Политпросвета приобрести серию картин для „Уголка Ленина“», решило «приобрести 3 картины на сумму 4 р. 50 коп.» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 21, л. 43 об.).

⁷⁴ Из письма Ленгублита правлению Союза от 31 марта 1927 г. (Там же, оп. 2, № 35, л. 3).

⁷⁵ Из протокола заседания правления от 7 окт. 1928 г. (Там же, № 16, л. 9).

го характера, планировавшийся в марте 1929 г. в «Издательстве писателей в Ленинграде».

В начале своей деятельности Союз был открыт для разных литературных направлений и, по образному выражению Тихонова, представлял собой «литературную Сечь». На вечерах выступали и имажинисты, и неоклассики, и пролетарские поэты, и «заумники». В условиях некоторой творческой свободы внутри Союза наметилась тенденция к оформлению «левого» крыла. Активную роль в этом процессе играл Туфанов, несколько раз собиравший вокруг себя единомышленников и учеников. Первым и единственным опытом «левого извода» Союза стала «Мастерская по изучению поэтики», утвержденная правлением 18 апреля 1924 г. как секция. В заявлении о регистрации секции, написанном П. Н. Ставрогиным, инициаторами «Мастерской» указаны Ставрогин, В. В. Ричиотти и Туфанов; членами группы — имажинисты Афанасьев-Соловьев и Эрлих, пролетарские поэты Грошиков и Саянов, а также О. А. Кобелева, не состоявшая в Союзе поэтов.⁷⁶ Так как почти все известные нам документы «Мастерской» написаны рукой Туфанова и содержат многие положения его теории «зауми», можно предположить, что он и был ее подлинным инициатором. Своей целью «Мастерская» объявляла изучение основ поэтики и разработку вопросов искусства самими поэтами, «орабочение» науки об искусстве. Принимались в нее члены Союза, сделавшие доклад по одной из намеченных тем. Предполагалось «собрание соответствующего материала, <...> устройство лекций и дискуссий, <...> чтение рефератов, <...> организация соответствующей библиотеки, <...> экскурсий и т. д.».⁷⁷ 25 апреля правление утвердило комиссию по руководству «Мастерской», в которую вошли Туфанов, Ричиотти, Ставрогин, Оксенов, Панфилов, и «Положение», подготовленное инициативной группой (Приложение 4). При этом правление сочло нужным усилить комиссию, введя в нее своих представителей — пролетарского поэта Панфилова и Оксенова, в прошлом — члена Ассоциации «Космист». Едва сформировавшись, комиссия решила объединить все будущие секции Союза в «Единой мастерской по изучению поэтики», руководимой единым Советом. Первоначально правление поддержало эту инициативу и утвердило «Положение» о Совете (Приложение 5), председателем которого стал Туфанов.

Совет наметил и темы докладов, которые должны были обсуждаться на еженедельных собраниях «Мастерской»: «Поэтические и художественные

⁷⁶ Заявление Ольги Александровны Кобелевой о вступлении в Союз от 20 апр. 1924 г. отклонено приемной комиссией 16 мая того же года. Представленные ею стихотворения не сохранились. Возможно, это была ее книга «Озаренность. 1921—1924: Стихи» ([Л., 1924]). Судя по отзывам членов комиссии, пыталась строить свои произведения в духе «зауми»: «При всем желании не могу назвать творений Кобелевой стихами (разве только «заумными» — до того они не в ладу с синтаксисом и даже грамматикой). Допустил бы подобное отношение к слову как сознательное литературное задание, но в данном случае такому предположению нет места. Это просто откровенное, честное косноязычие. Предлагаю отклонить. В «севолод» Р «ожественский»» (РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 26). Очевидно, Туфанов видел в Кобелевой будущую ученицу и на этом основании включил ее в инициативную группу по организации «Мастерской». Дополнительные сведения о ней не установлены.

⁷⁷ Из заявления Ставрогина, Ричиотти и Туфанова об учреждении «Мастерской» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 26, л. 1).

течения как явления культуры» (Ставрогин), «Поэтика частушек при напевном строе» (Туфанов), «Пути русской поэзии» (Афанасьев-Соловьев), о пролетарской поэзии (Садофьев), о Маяковском (Тихонов), об имажинизме (Эрлих). Были заявлены также доклады Ричиотти, Грааль-Арельского, Шмерельсона;⁷⁸ планировалось сотрудничество с философами и представителями формальной школы С. О. Грузенбергом, В. М. Жирмунским, В. Б. Шкловским, Б. М. Эйхенбаумом. Судя по весьма расплывчатому отчету Туфанова о работе «Мастерской» (Приложение 6) на общем собрании Союза 23 апреля 1925 г., удалось сделать немного. Документально подтверждается лишь обсуждение доклада Ставрогина «Поэтические и художественные течения как явления культуры» и устройство «вечера-выставки» с докладом Афанасьева-Соловьева о «зауми». В своем отчетном докладе Туфанов больше сосредоточился на задачах и планах «Мастерской», нежели на сообщении о проделанной работе. Дополнительная информация, не включенная им в окончательный текст, содержится в двух черновиках его отчета. В одном из них приведены и сведения о несостоявшихся докладах: о пролетарской поэзии (Садофьев), о Маяковском (Тихонов), «Пути русской поэзии» (Афанасьев-Соловьев), «Имажинизма основное» (Эрлих), «Поэтика частушек при напевном строе» (Туфанов), «Основы творческих процессов при детских сказках», а также докладах Жирмунского и Тынянова.⁷⁹ В работе «Мастерской» в основном участвовал Совет, члены Союза поэтов не проявили интереса к изучению вопросов происхождения искусства и основ поэтики, что сам Туфанов объяснил «косностью широких поэтических кругов».⁸⁰ По-видимому, успешному выполнению намеченных мероприятий помешало и отсутствие единодушия среди членов самого Совета, о чем свидетельствует намерение Туфанова изменить его состав: Туфанов, Афанасьев-Соловьев, Ричиотти. Произнес ли он на собрании эти имена, приписанные в конце отчета карандашом, — неизвестно.

Очевидный уклон «Мастерской» в «левую» поэзию, усиленное внимание к форме произведений и пренебрежение идеологией, распространение Туфановым теории «зауми» не вписывались в общую линию деятельности Союза. Многие из задуманного — музей, библиотека, студия, собственная издательская деятельность — являлось скорее прерогативой всей организации, нежели отдельной секции. Независимая позиция Совета, стремление руководить всеми секциями не могли не насторожить пролетарскую часть Союза, принявшую активное участие в прениях по отчету:

Т<оварищ> Г. Сорокин: какие темы разрабатывала Мастерская?

Т<оварищ> Г. Фиш: сколько членов Союза работало в Мастерской?

Т<оварищ> А. Тверяк: какая практическая польза Мастерской?

А. Туфанов: на вопрос 1-й — о частушках, о детских сказках, имажинизме, происхождение языка и прочее. На 2-й — твердая группа членов Мастерской была — 7 чел<овек>. Всякий

⁷⁸ Перечень докладов и докладчиков указан в протоколе заседания Совета «Единой мастерской» от 2 июня 1924 г., записанном Туфановым (Там же, ф. 749).

⁷⁹ Из черновика отчета Туфанова, озаглавленного «Доклад общему собранию Л<енинградского> отд<еления> Вс<ероссийского> союза поэтов о Мастерской по изучению поэтики» (Там же).

⁸⁰ Из неозаглавленного черновика отчета Туфанова о работе «Мастерской» (Там же).

член Союза, подавший заявление или прочитавший доклад, принимается в члены Мастерской. На 3-й вопрос — разработка вопросов поэтики.

Т<оварищ> Груздев-Слесарь: думает ли Мастерская быть студией учебы, или примкнуть к какой либо литературной группе? Как она мыслит «орабочение» искусства? Если в работах Мастерской получится уклон в заумь или футуризм, то вряд ли это пойдет на пользу пролетариату.

Т<оварищ> А. Тверяк: конечно, это не школа, это мастерская. Но Туфанов сказал, что достаточно подать заявление для вступления в Мастерскую, боюсь, что из нее выйдет Мастерская заумников.

Т<оварищ> И. Садофьев: *т<оварищ> Груздев-Слесарь* очень примитивно понял Туфанова относительно «орабочивания». Дело в том, чтобы привлечь к изучению поэтики самих поэтов. В Мастерской не только заумники, имажинисты; я сам обещал сделать доклад о пролетарской поэзии и тем самым являюсь членом Мастерской.⁸¹

Это собрание имело решающее значение; в ходе его окончательно утвердились приоритеты в руководстве и деятельности Союза. Тон обсуждению с самого начала был задан Садофьевым, сформулировавшим дальнейшую задачу организации: «...укрепить Союз и развить его работу так, чтобы он был общественно-полезной и значимой единицей». Попытки некоторых членов Союза привнести творческую, профессиональную ноту оказались нерезультативны. Не увенчались успехом и намерения изменить руководство Союза. Так, еще в процессе подготовки собрания, 13 апреля 1925 г., был утвержден список нового правления, составленный из представителей разных литературных течений: Тихонов, Полонская, Шкапская, Рождественский, Энгель, Крайский, Оксенов, Шмерельсон, Туфанов; кандидаты — Вагинов, Н. Браун, Фроман, Фиш, Афанасьев-Соловьев. Примечательно, что присутствовавший на заседании Садофьев не был включен в этот состав. Через неделю список аннулировали и утвердили другой, который и обсуждался на собрании: Садофьев, Тихонов, Энгель, Крайский, Полонская, Шкапская, Фроман, Саянов, Фиш; кандидаты — Оксенов, Ричиотти, Полоцкий, В. А. Соловьев, И. М. Васильев. Простой арифметический подсчет дает достаточно ясную картину расстановки сил: только двое из 14 человек, включенных в первый список, состояли в ЛАПП (Крайский, Фиш); во втором списке — уже пятеро (Садофьев, Крайский, Саянов, Фиш, Соловьев, Васильев). Позже Васильев был вычеркнут из списка правления, но избран членом приемной комиссии. В ходе собрания группа неоклассиков выдвинула иной состав правления (в протоколе не указан), который, однако, был отклонен. Большинство голосов прошел список, предложенный правлением. Не обошлось без разногласий и при обсуждении наказа новому правлению. В проекте, составленном перед собранием Рождественским, Туфановым и Оксеновым, значительное место отводилось рекомендациям по работе «Мастерской» и составу приемной комиссии, в которую предлагалось включить «представителей всех художественных группировок в Ленинграде: пролетарская, петербургская, имажинисты и футуристы».⁸² Но самое главное — не была обозначена позиция Союза по отношению к революционной современности. Проект не был принят, и комиссию «укрепили» Садофьевым и Ти-

⁸¹ Из протокола общего собрания Союза поэтов от 23 апр. 1925 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 12, л. 13—13 об.).

⁸² Из проекта «Наказа», написанного рукой Туфанова (РО ИРЛИ, ф. 749).

хоновым. Подготовленный ими документ ориентировал Союз на общественно-идеологическую и культурно-просветительскую работу (Приложение 7) и был одобрен общим собранием.

«Единая Мастерская» просуществовала всего год. Правда, общее собрание не решилось закрыть «Мастерскую», и в текст «Наказа» был внесен пункт об усилении ее деятельности, но он так и остался невыполненным. Через несколько дней новое правление уже рассматривало вопрос о ее реорганизации. Формальной причиной объявлялась общность задач «Мастерской» и создаваемой при Союзе студии, внутри которой и планировалось дальнейшее существование «Мастерской». В комиссию по созданию студии вошли Крайский, Рождественский и Тихонов, от Совета «Мастерской» — Ричиотти; в октябре дополнительно введены Саянов и Эрлих. Последний раз вопрос о студии обсуждался правлением 27 ноября 1925 г.; сведений о ее работе в архиве Союза нет. Очевидно, организационный период завершился лишь ликвидацией «Мастерской».

Вероятно, и сам Туфанов к этому времени потерял интерес к работе «Мастерской». Незадолго до ее упразднения, в марте 1925 г., под его руководством образовался «Орден заумников», членами которого стали молодые поэты: Д. Хармс, Е. И. Вигилянский, Тинвин, Сайленс, Рууфсонг.⁸³ «Орден» возник после упоминавшегося «вечера-выставки» с докладом Афанасьева-Соловьева о «зауми». «Вечер привлек много членов и, несмотря на малочисленную группу заумников в Ленинграде, вызвал оживленный обмен мнениями и имел своим последствием организацию Ордена заумников», — писал Туфанов в черновике отчета о работе «Мастерской».⁸⁴ В современно филологии утвердилось мнение, что «Орден» существовал при Союзе поэтов, однако документы архива не подтверждают этого. Известно лишь об одном выступлении «заумников» в Союзе, 17 октября 1925 г., на котором Туфанов огласил основные положения группы и манифест, Вигилянский прочел доклад «Турнир заумников», члены группы читали свои произведения.⁸⁵ Просуществовал «Орден» немногим более полугода, и Туфанов просто не успел зарегистрировать группу официально. К тому же членами Союза поэтов тогда были только Туфанов, Введенский и Афанасьев-Соловьев.⁸⁶ Вскоре после упомянутого вечера «Орден» был трансформирован в новое объединение поэтов «левого фронта», куда вошли заумники,

⁸³ Об «Ордене заумников» см.: *Никольская Т.* «Орден заумников» // *Russian Literature*. 1987. Vol. 22. N 1. P. 85—95; *Туфанов А.* Ушкуйники. С. 23—24, 176—180 (декларация «Ордена»); а также в работах, перечисленных в примеч. 66. *Вигилянский Евгений Иванович* (1903—1942?) — поэт-дилетант, преподаватель словесности. Сведения о нем приведены в коммент. А. Устинова и А. Кобринского к их публ. «Дневниковые записи Даниила Хармса» (С. 523).

⁸⁴ «Доклад общему собранию Л<енинградского> отд<еления> Вс<ероссийского> союза поэтов о Мастерской по изучению поэтики» (РО ИРЛИ, ф. 749).

⁸⁵ Отчет Туфанова об этом вечере сохранился в фонде Я. С. Друскина (ОР РНБ, ф. 1232, № 369). Оpubл. М. Б. Мейлахом в кн.: *Введенский А.* Полное собрание произведений: В 2 т. / Вступ. статья, примеч. М. Мейлаха; Сост. и подгот. текста М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993. Т. 2. С. 137—138.

⁸⁶ Напомним, что Хармс был утвержден членом Союза поэтов 14 мая 1926 г. Вигилянский подавал заявление о приеме дважды, в авг. 1925 г. и осенью 1926 г. Оба раза получил отказ «как не отвечающий требованиям Союза». См.: «Отчет о деятельности ЛО Всероссийского союза поэтов за время с 1 января 1926 г. по 1 января 1927 г.» общему собранию 17 апр. 1927 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 12, л. 49 об.).

речевоки, экспрессионисты, конструктивисты. Это объединение принимало шаги по оформлению в Союзе своей секции. Речь идет о «Левом фланге».⁸⁷ На организационном собрании 3 ноября 1925 г. присутствовали представители разных ответвлений «левой» поэзии: Туфанов (заумь), Хармс (взирь-заумь), Введенский (авторитет бессмыслицы), Б. К. Черный (конструктивист), И. И. Марков (экспрессионист-речевок), Б. А. Западалов и Е. И. Вигилянский (экспрессионисты).⁸⁸ В группу входили также Богаевский, Евг. Джемла, Конст. Соловьев.⁸⁹ Новое «объединение индивидуа-

⁸⁷ Подробнее о «Левом фланге» см.: *Туфанов А. Ушкуйники. С. 23—25; Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 43—49; Поэты группы «ОБЭРИУ» / Вступ. статья М. Б. Мейлаха; Биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. М. Б. Мейлаха, Т. Л. Никольской, А. Н. Олейникова, В. И. Эрля. СПб., 1994. С. 10—12; а также в работах, перечисленных в примеч. 66.*

⁸⁸ Их имена указаны в «Протоколе № 1 организационного собрания поэтов, примыкающих к Левому фронту»; запись рукой И. Маркова (РО ИРЛИ, ф. 749). *Черный Борис Константинович* (1904—?) — писатель, критик, литературовед. Окончил Петроградский университет. Член московского Цеха поэтов. *Марков Игорь Иосифович (Осипович; 1901—1982?)* — поэт, геолог, гидрогеолог. Родился на станции Евве Балтийской железной дороги. С 1905 г. жил в городе Великие Луки Псковской губернии. В 1917—1919 гг. находился на Псковском фронте, в 1919 г. окончил экстерном реальное училище в Пскове и в 1920 г. был откомандирован на учебу в петроградский Горный институт. Литературным дебютом стала сказка в стихах «Колобок», опубликованная в Москве (издание установить не удалось). В начале 1920-х гг. его стихи появлялись в периодической печати. Осенью 1923 г. участвовал в литературной выставке «Русская художественная литература за революционные годы (1918—1923)», устроенной Пушкинским Домом. Экспонированные стихи и автобиографию впоследствии подарил Пушкинскому Дому (РО ИРЛИ, Р. 1, оп. 17, № 24). В июле 1924 г. Е. Замятин послал одну из его сказок на отзыв К. Чуковскому. См.: Е. И. Замятин и К. И. Чуковский. Переписка (1918—1928) / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 230. После распада «Левого фланга» отошел от литературы. См.: *Бахтерев И.* Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 66—67. *Западалов Борис Алексеевич* (1898—1941) — поэт, прозаик. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. В 1924—1925 гг. — член Вольной философской ассоциации. В марте 1924 г. участвовал в заседании Вольфилы «Рождение и творчество». См.: *Иванова Е. В.* Вольная философская ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 61; *Белоус В.* Вольфила. [Петроградская вольная философская ассоциация]. 1919—1924. Книга вторая: Хроника. Портреты. М., 2005. С. 406. По-видимому, в «Левом фланге» состоял недолго. В докладной записке «Левого фланга» в Союз поэтов с просьбой об устройстве вечера его имя вычеркнуто. В 1927 г. — член Ленинградского Совета. В 1930-е гг., после ареста отца, священнослужителя, скитался по стране, бродяжничал. Умер в блокадном Ленинграде. Подробнее о нем см.: *Михайлов А. И.* Один из отверженных отошедшей эпохи. Борис Западалов. Стихи // Мѡра. 1995. № 1. С. 64—79; *Западалов Б.* По следам героя: Повесть / Публ. М. Д. Эльзона; Послесл. А. И. Михайлова // Новый журнал. 1996. № 3. С. 94—109.

⁸⁹ Перечислены в докладной записке членов объединения в Союз поэтов с просьбой об устройстве вечера «Левого фланга», написанной Марковым (РО ИРЛИ, ф. 749). В машинописном варианте «Записки» членами объединения названы лишь Туфанов, Хармс, Введенский, Марков, Соловьев (Там же). *Богаевский* — возможно, Богаевский Георгий Леонидович, инженер. Туфанов ошибочно называет его Бугаевским. В протоколах заседаний «Левого фланга» и в дневниковых записях Хармса, относящихся к периоду его создания, упоминается Богаевский (*Устинов А., Кобринский А.* Дневниковые записи Даниила Хармса. С. 440—441; *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Сост., примеч. В. Н. Сажина. СПб., 2002. Кн. 2. С. 165). 16 дек. 1925 г. Богаевскому было отказано в приеме в объединение «по причине неавки на заседание», принят 9 янв. 1926 г. В протоколе заседания от 30 дек. 1925 г. приведена характеристика прочитанных им в тот день стихотворений: «Большая часть зачитанных стихо-

листов» получило название «Самовщина», но на следующем заседании, 12 ноября, по предложению Введенского и Черного было переименовано в «Левый фланг».⁹⁰ Члены группы, как указано в протоколе организационного собрания, объединялись на основе «общего для всех <...> мироощущения: расширение субъекта восприятия». Программа группы определялась «не как синтез, а как сумма программ отдельных участников». Деловодом (секретарем) избран Туфанов. Многие документы «Левого фланга», как и документы «Мастерской по изучению поэтики» и «Ордена заумников», написаны его рукой. Туфанов вместе с Хармсом и Марковым разрабатывал устав и условия приема в объединение. Группа намеревалась издавать газету и «Литературный альманах»; в редакционную комиссию, созданную в начале января 1926 г., вошли Туфанов, Марков и Вигилянский.

Вопрос об учреждении в Союзе поэтов секции «Левого фланга» впервые обсуждался на заседании объединения 9 декабря 1925 г.; через две недели было утверждено заявление, составленное Туфановым, Хармсом и Марковым:

В Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов

Заявление

3 ноября 1925 г. в Ленинграде состоялось объединение поэтов Левого фланга — заумников и экспрессионистов.

В объединение под названием «Левый фланг» входят: Введенский Александр («Авторитет бессмыслицы»), Марков Игорь («Речевок»), Соловьев Константин, Туфанов Александр (Заумник) и Хармс Даниил («Взир-заумь»). Из них: Введенский, Марков и Туфанов состоят членами Союза.

В основу объединения положены: начало формальных достижений и борьба с застывшим академизмом и поэтической неграмотностью.

Программой творческой работы объединения служит не синтез, а сумма программ участников.

Опираясь в творческих достижениях: на палеонтологию речи, на генетическую семантику, на телеологизм функций согласных фонем, на речевые образы — с одной стороны, и на авторитет бессмыслицы — с другой, ни один из перечисленных членов объединения не может примкнуть к существующим в Ленинграде организациям поэтов, созданным по другому профессиональному признаку. А потому члены объединения «Левый фланг» просят правление утвердить объединение как отдельную секцию Союза.

Члены-организаторы.⁹¹

творений — не имажинистские; лучшее — заумное, школы Каменского и Крученых, без осознания материала и органичности зауми» (РО ИРЛИ, ф. 749). Поскольку протокол вел Туфанов, ему, скорее всего, принадлежит и отзыв. *Джемла Евг.* — неустановленное лицо. По предположению В. Н. Сажина, — это Е. И. Вигилянский. См.: *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Кн. 2. С. 341. *Соловьев Константин Владимирович* — инженер.

⁹⁰ В литературе об «Ордена заумников» и «Левом фланге» название «Самовщина» упоминается в связи с «Орденом заумников». Источником этих сведений являются показания самого Туфанова на допросе в янв. 1932 г.: «Орден имел двойное название: „DSO“ — заумное название, и „Самовщина“ — название, <...> которое обозначает крайний индивидуализм» (*Хармс Д.* Собр. соч.: В 3 т. / Коммент. и сост. В. Н. Сажина. СПб., 2000. Т. 3. С. 311). Судя по протоколу организационного собрания «Левого фланга» от 3 нояб. 1925 г., такое название первоначально получил именно «Левый фланг».

⁹¹ РО ИРЛИ, ф. 749. Публикуется по автографу Туфанова, с сохранением его написания «Взир-заумь» (без мягкого знака). Подписи отсутствуют. Фамилия Соловьева вставлена сверху. В другом экземпляре заявления, также написанном Туфановым, Соловьев не упоминается. В качестве подписавших указаны Туфанов и Марков (Там же).

В архиве Союза поэтов нет сведений ни о заявлении, ни о секции «Левый фланг». Возможно, оно и не было подано в силу чисто формальных причин. Во-первых, в декабре 1925 г.—январе 1926 г. правление Союза ни разу не собиралось, во-вторых, из всех перечисленных в заявлении лиц в Союзе состояли лишь Туфанов и Введенский.⁹²

Уже в конце 1925 г. объединению удалось организовать литературные вечера в Союзе поэтов и Институте истории искусств, вызвавшие, как указывал И. Марков, «серьезный интерес к организации».⁹³ Видимо, к этим выступлениям относится докладная записка «Левому флангу», сохранившаяся в архиве Туфанова (Приложение 8). В декабре 1926 г. планировалось устроить в Союзе поэтов открытый вечер-диспут с докладами Туфанова («Язык — Каженик»), Хармса и Введенского («Устав чинарей»),⁹⁴ но правление разрешило лишь «включить Туфанова в календарь „пятниц“». Объединение распалось в конце 1926 г.; следующее, с тем же названием, но уже без Туфанова, оформилось в начале 1927 г., с 25 марта 1927 г. стало называться «Академией левых классиков», осенью трансформировалось в группу «ОБЭРИУ». Ни одна из этих групп не пыталась получить статус секции Союза поэтов.

Помимо «Единой Мастерской по изучению поэтики» в Союзе существовала еще одна секция: Ленинградская ассоциация неоклассиков, зарегистрированная в январе 1925 г. по заявлению В. В. Смиренского и В. С. Алексеева.⁹⁵ Группа образовалась 28 октября 1924 г. как отделение Московской ассоциации.⁹⁶ В ее состав входили поэты В. В. Смиренский (председатель), В. С. Алексеев (секретарь), Б. В. Смиренский, Н. П. Дмит-

⁹² Туфанов ошибается, называя Маркова членом Союза поэтов. Он трижды пытался вступить в Союз, но не был принят. Первое заявление было подано в конце 1925 г. Вероятно, на этом основании Туфанов и считал его членом Союза. В мае 1926 г. правление отказало ему в приеме (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 7, 8). Вторая попытка относится к октябрю 1926 г. Его имя с пометой — «отказать» — записано в журнале регистрации приемной комиссии (РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI, № 27). Отрицательный вердикт правления вынесен 20 окт. 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 9). Информация о третьей попытке приведена в отчете правления общему собранию 17 апр. 1927 г. (Там же, № 12, л. 49 об.). Остальные члены «Левому флангу» не подавали заявления о вступлении в Союз поэтов, но двое из них, Западалов и Черный, в ноябре—декабре 1925 г. нередко присутствовали на закрытых литературных собраниях в качестве гостей. Их имена указаны в листах с подписями присутствовавших (Там же, № 31, л. 19, 21 об., 23 об., 27).

⁹³ Эта информация приведена в докладе Маркова на заседании объединения 30 дек. 1925 г. (РО ИРЛИ, ф. 749). Дату вечера в Союзе поэтов установить не удалось.

⁹⁴ Программа указана в заявлении Туфанова, Введенского и Хармса в Союз поэтов, написанном Туфановым; подписи Введенского и Хармса — автографы (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 23, л. 1).

⁹⁵ Заявление датировано 18 нояб. 1924 г. (Там же, № 22, л. 1, 2). О Ленинградской ассоциации неоклассиков см. в предисловии М. М. Павловой к ее публ.: *Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. [Вып.] 1. С. 193—195, а также в предисловии и примеч. А. Л. Дмитренко к его публ.: Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 405—406, 427.*

⁹⁶ В Московскую ассоциацию, действовавшую с 1918 г., входили Н. Н. Захаров-Мэнский, М. П. Гальперин, Г. Я. Поповский, П. А. Терский, Е. К. Шварцбах-Молчанова, В. А. Бутягина, Н. Л. Манухина и др.

риев, А. В. Китаев, К. К. Олимпов, М. И. Андреев, Вл. Ленский и прозаики, члены Союза писателей — А. П. Чапыгин, Н. В. Владимиров, Н. В. Смирнова, М. В. Борисоглебский. В разное время членами Ассоциации были Л. И. Аверьянова, А. Р. Палей, Н. Ф. Белявский, Е. Я. Данько. Почетными членами избраны Ф. Сологуб, А. А. Ахматова, М. А. Кузмин, М. В. Ватсон. Собрания проходили в помещении Союза писателей,⁹⁷ в конце 1925—1926 г. — на квартире Сологуба, покровительствовавшего группе.

На этом создание секций Союза поэтов завершилось. Руководство Союза стремилось к единству и монолитности рядов, и отсутствие литературных группировок отмечалось впоследствии как положительный момент деятельности организации.⁹⁸ Пожалуй, лишь «Левый фланг» нарушал картину творческого единения поэтов нового поколения на основе складывающегося метода социалистического реализма. Но с конца 1926 г. правление уже не разрешало организацию их совместных вечеров под маркой Союза, а на выступления в других аудиториях благоразумно предпочитало не реагировать. Так произошло с инцидентом на вечере Введенского и Хармса в литературном кружке Высших курсов искусствоведения при ГИИИ, получившем скандальную огласку в печати.⁹⁹ Группа студентов, возмущенных выходкой Хармса, заявившего, что он «ни в конюшнях, ни в бардаках не выступает», обратилась в правление Союза поэтов с требованием его исключения. Несмотря на убедительные объяснения Введенского и Хармса, ссылавшихся на негативный настрой и поведение аудитории, правление заняло двойственную позицию. Основываясь на том, что Хармс выступал как частное лицо, правление сочло обсуждение его поступка вне компетенции Союза. В то же время Хармсу был объявлен выговор с указанием, «что член Союза поэтов во всех своих поступках несет моральную ответственность за них и перед Союзом поэтов».¹⁰⁰ Правда, правление собиралось поместить в «Смене» письмо, разъясняющее ситуацию. Но 17 апреля 1927 г. произошли изменения в руководстве Союза. Садофьев, возглавлявший Союз в течение трех лет, отказался баллотироваться на пост председателя в связи с перегруженностью работой. Новое правление, под председательством Н. С. Тихонова, отказалось от задуманной публика-

⁹⁷ 29 нояб. 1924 г. здесь состоялся вечер неоклассиков, устроенный секцией беллетристов и поэтов Союза писателей. О программе группы докладывал Н. П. Дмитриев, стихи читали Н. В. Смирнова, В. В. Смирнский, В. С. Алексеев, Н. В. Владимиров, Вл. Ленский, Н. П. Дмитриев, А. Р. Палей, А. В. Китаев, Пашковская. Отчет о вечере приведен в «Докладе о деятельности секции прозаиков и поэтов за ноябрь 1924 года» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 553, л. 11).

⁹⁸ *Фроман М., Оксенов Инн.* Пять лет Ленинградского Союза поэтов. С. 7.

⁹⁹ *Иоффе Н., Железнов Л.* Дела литературные... (О «Чинарях») // Смена. 1927. 3 апр. № 76. С. 1. Этот эпизод в общих чертах изложен во многих исследованиях, посвященных творчеству Хармса. См., в частности: *Хармс Д.* Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. А. А. Александрова. Л., 1988. С. 542—543; *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: Начало пути. С. 169—170 (в этих работах опубликован фрагмент объяснительной записки Введенского и Хармса в Союз поэтов); коммент. А. Устинова и А. Кобринского к их публ. «Дневниковые записи Даниила Хармса» (С. 541); *Введенский А.* Полное собрание произведений. Т. 2. С. 143; *Хармс Д.* Полн. собр. соч. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. Н. Сажина. СПб., 1997. Кн. 1. С. 10.

¹⁰⁰ Из протокола заседания правления Союза поэтов от 15 апр. 1927 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 27).

ции. «Левый фланг» в Союзе старались не замечать и официально не упоминать. В юбилейной статье, посвященной пятилетию Союза, Туфанов, Введенский и Хармс были названы «заумниками», которые «понемногу дифференцируются в различных направлениях», а «умеренно-левыми (в художественном отношении)» — Н. Л. Браун, В. В. Ричиотти, М. И. Комиссарова.¹⁰¹

С 1926 г. постепенно менялся характер вечеровой деятельности Союза; тематика выступлений становилась все более идеологизированной и злободневной. Наряду с обычными открытыми выступлениями и союзными собраниями с участием гостей стали практиковаться «общественно-просветительские» выездные литературные вечера в районах, вузах, на предприятиях. В 1926 г. состоялось 8 таких выступлений, в частности, в 59-м стрелковом полку, Доме работников просвещения, военно-технической школе Военно-Воздушных Сил, и 34 литературных собрания (чтение стихов, доклады на литературные темы и их обсуждение) в Доме печати. Из числа больших открытых вечеров заслуживают внимания два вечера памяти Есенина. На первом, устроенном 8 февраля 1926 г. в Госкапелле совместно с Союзом писателей, присутствовали около 1000 человек. О его подготовке Лукницкий писал: «На 25 января был назначен большой вечер памяти Есенина в помещении Филармонии. Ионовым было обещано оказать всяческое содействие. Вечер должен был быть устроен Союзом поэтов. Была избрана организационная комиссия, в которую вошли: Садофьев, Лавренев, Фроман, Эрлих, Четвериков и я, — однако из-за отсутствия средств (зал стоит 400 руб.) вечер устроить не удалось. Дело передали Кубучу, и вечер должен состояться 8 февраля. Выступят с речами Ионов, Садофьев. Прочтет доклад Б. Эйхенбаум, поэты будут читать стихи, посвященные Есенину, артисты декламировать стихи самого Есенина».¹⁰² Хотя правление Союза поэтов отмечало, что «в организации и устройстве этого вечера Союз писателей был совершенно пассивен»,¹⁰³ доход от него был поделен поровну, треть дохода забронирована Союзом поэтов «на увекочечение» памяти Есенина.¹⁰⁴ Второй вечер состоялся 10 января 1927 г. в Большом драматическом театре. С докладами о творчестве поэта выступили А. К. Вронский и Б. М. Эйхенбаум, с чтением стихов — Н. А. Клюев, И. И. Садофьев, артисты Г. Н. Холодова, А. И. Шварц, участвовал хор Академической капеллы под управлением М. Г. Климова.

В начале 1927 г. правление ввело ежемесячные «творческие и общественно-воспитательные закрытые вечера» членов Союза. В их повестках — «литературно-общественные темы, затрагивающие интересы всех членов Союза, а равно и чтение и обсуждение продукции членов Союза». В тече-

¹⁰¹ Фроман М., Оксенов Инн. Пять лет Ленинградского Союза поэтов. С. 7.

¹⁰² Из дневниковой записи П. Н. Лукницкого от 29 янв. 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 754). Опубл. с разночтениями: Лукницкая В. Перед тобой земля. С. 61.

¹⁰³ Из протокола заседания правления Союза поэтов от 26 марта 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 4 об.). В Союзе писателей состоялся еще один вечер памяти Есенина — 2 февр. 1929 г. С воспоминаниями выступил В. И. Эрлих, Н. А. Клюев прочел поэму «Плач о Сергее Есенине», В. В. Гельмерсен читал стихи поэта в своем переводе на немецкий язык (Там же, ф. 172, № 1951, л. 22).

¹⁰⁴ Из протокола заседания правления Союза поэтов от 12 марта 1926 г. (Там же, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 3).

ние года было устроено 9 закрытых собраний в Доме печати (7 из них посвящены чтению стихов и их критике, 2 — обсуждению жизни Союза) и 10 открытых вечеров. В закрытых собраниях участвовали 18 членов Союза, в том числе — А. И. Введенский, Н. А. Заболоцкий, В. А. Рождественский, И. М. Наппельбаум, М. А. Фроман, Н. К. Чуковский, Д. Хармс, Н. С. Тихонов; в открытых — 38. «Организация открытых литературных собраний (пятницы) в Доме печати, выездных вечеров в районах и больших открытых вечеров дала возможность выявиться всем членам Союза и ознакомить с новой поэзией большое количество слушателей, вузовцев, рабочих, красноармейцев и трудовой интеллигенции. Недостатком научно-идеологической работы была некоторая бессистемность и однообразие вечеров, рассчитанных исключительно на поэтический материал. Желательно было бы поставить вперемешку с чтением стихов доклады на тему поэтического ремесла и вечера на определенные темы», — отмечалось в отчете ревизионной комиссии общему собранию 17 апреля 1927 г.¹⁰⁵

С возникновением Федерации объединений советских писателей (ФОСП) члены всех литературных союзов наряду с выступлениями от своих организаций обязывались участвовать и в литературных вечерах, устраиваемых Литературным бюро ФОСП.¹⁰⁶ Во второй половине 1927 г. только по линии Литбюро ФОСП А. Крайский и Е. А. Панфилов выступали семь раз, И. М. Васильев и Л. И. Борисов — трижды, Н. Л. Браун, В. М. Саянов, Г. С. Фиш, З. Я. Штейнман — дважды. Порой приходилось читать стихи по нескольку раз в день в разных районах города. В день печати, 5 мая 1927 г., более 20 членов Союза приняли участие в литературных вечерах, организованных Федерацией, причем Садофьев в тот день выступал дважды, Ричиотти — трижды. Многие поэты, входившие одновременно и в Союз писателей, принимали участие и в его литературных собраниях.

Правление постоянно контролировало работу членов Союза. С 1927 г. к отчетно-перевыборным собраниям составлялись списки должников по

¹⁰⁵ Там же, № 12, л. 51.

¹⁰⁶ ФОСП была образована на учредительном собрании 27 дек. 1926 г., созванном по инициативе Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП), Всероссийского союза писателей (ВСП). Из-за разногласий по поводу состава и задач ФОСП официальное открытие состоялось 21 нояб. 1927 г. В конце ноября того же года было организовано Литбюро ЛО ФОСП под председательством А. А. Тверяка. В его состав вошли также И. М. Васильев и П. Н. Лукницкий (секретарь). Размещалось в Доме печати (Фонтанка, 21). Задача Литбюро состояла в централизации, плановой организации и контроле литературных выступлений. Члены ФОСП обязывались согласовывать свои выступления с Литбюро: «1. В случае персонального требования со стороны какой-либо организации на Ваше выступление — доводить об этом до сведения Литбюро. 2. По поводу каждой такой заявки — организацию или клуб направлять в Литбюро. 3. Свою работу по выступлениям согласовать с Литбюро и выполнять его предложения на выступления в том или ином месте, по возможности, не отказываясь, дабы не срывать работы Литбюро. 4. Письменно уведомить Литбюро о Вашем согласии, а также о том, на какое количество Ваших выступлений в месяц может рассчитывать Литбюро» (из циркулярного письма Литбюро ЛО ФОСП А. Крайскому от 30 нояб. 1927 г.: РО ИРЛИ, ф. 837). Более подробные сведения о ФОСП см. в публ. А. И. Павловского: Федерация объединений советских писателей и ее ленинградское отделение (1926—1932 гг.) // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 362—374.

взносам, собиралась информация о выпущенных книгах, о выступлениях на союзных вечерах и в районах. К собранию 18 февраля 1928 г. была даже составлена таблица со сведениями о количестве выступлений «по назначению ВСП». Наиболее активным оказался В. И. Эрлих, выступивший 10 раз. Второе место поделили Л. И. Борисов и П. Н. Лукницкий (по 6 выступлений), третье — В. В. Ричиотти, В. А. Рождественский, Г. С. Фиш (по 5 выступлений). Были отмечены и не участвовавшие в вечерах Союза: И. И. Афанасьев-Соловьев, И. М. Басалаев, Н. Ф. Белявский, Я. В. Годин, Н. П. Дмитриев, А. А. Иванова, М. М. Казмичев, В. Я. Кровицкая, М. А. Кузмин, О. Э. Мандельштам, А. И. Маширов-Самобытник, Ф. М. Наппельбаум, С. А. Полоцкий, В. М. Саянов, С. Д. Спасский, Н. Н. Шульговский, Г. Б. Шмерельсон, Н. А. Энгель.

Функция контроля являлась составной частью и ежегодно проводимой перерегистрации состава Союза. В 1925 г. ограничились лишь перерегистрацией членских билетов, не повлиявшей на численность Союза. Первый серьезный смотр рядов состоялся весной 1926 г. и проводился по принципам, разработанным центральным правлением: «Считаются выбывшими из числа членов ВСП: 1) все лица, проявляющие абсентизм в Союзных делах (неуплата членских взносов за прошлые годы рассматривается как проявление абсентизма); 2) лица, не обладающие достаточной техникой».¹⁰⁷ В Ленинградском отделении особое внимание уделялось и общественной позиции членов Союза. В результате «за неучастие в работе Союза и неуплату членских взносов» официально исключены 7 человек: М. И. Андреев, П. А. Арский, В. В. Гельмерсен, В. П. Лебедев, В. В. Мезьер, С. Е. Нельдихен, С. С. Петров. М. М. Шкапская вышла из Союза по собственному желанию. Вероятно, в связи с перерегистрацией к марту 1926 г. из списков исчезли имена «безнадежных»¹⁰⁸ членов Союза: А. А. Ахматовой, А. Д. Радловой, В. А. Зоргенфрея, М. Л. Лозинского, А. И. Пиотровского, Т. Л. Щепкиной-Куперник, Конст. Эрберга, а также А. В. Золотницкого, Н. А. Павлович, А. Р. Палея, Н. П. Суриной, А. А. Тверяка, А. С. Чистякова и некоторых других. Правление и прежде избирательно подходило к внесению многих из них в списки Союза. Так, Ахматова, Золотницкий, Зоргенфрей, Лозинский, Павлович уже с начала 1925 г. не указывались в официальных отчетах, ежегодно представляемых в Административный отдел Ленгубисполкома.¹⁰⁹ Но в списке, составленном для перевыборного собрания 23 апреля 1925 г., все они вновь перечислены, хотя никто из них, за исключением А. А. Тверяка, на собрании не присутствовал. На анкетах некоторых поэтов сохранилась помета — «выбыл 10/5-26», однако правление в этот день не собиралось и никаких документов, подтверждающих офици-

¹⁰⁷ Из письма центрального правления ленинградскому правлению от 5 марта 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 67, л. 3).

¹⁰⁸ «Безнадежными» считались дореволюционные поэты, лишь изредка выступавшие на вечерах Союза. См. в дневниковой записи П. Н. Лукницкого от 23 апр. 1925 г.: «В помещении Союза писателей на Фонтанке, 50 от 6 до 12 1/2 час<ов> ночи было общее годовичное собрание Союза поэтов. <...> В. Рождественский сидит со списком и отмечает тех, кого нечего ждать на собрании — „безнадежных“ членов его: Сологуба, Ахматову, Кузмина, Клюева» (*Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой.* Т. 1. С. 155).

¹⁰⁹ Список 1925 г. составлен на 1 янв. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 18, л. 14—23), список 1926 г. датирован 10 марта (Там же, № 19, л. 8—17).

альное исключение или другую причину выбытия, в архиве нет. Об «исчезновении» этой группы поэтов не сообщалось и в отчете правления общему собранию в мае 1926 г. Но в 1929 г. авторы юбилейной статьи о Союзе поэтов сочли нужным упомянуть Ахматову среди «немногих стариков» Союза,¹¹⁰ хотя в списках она не значилась.

В следующем, 1927 г. «в связи с произведенными правлением перерегистрацией и переквалификацией по ряду причин (неуплата взносов, общественная и академическая неактивность, непосещение собраний и пр<очее>» из Союза исключены 15 человек: И. И. Афанасьев-Соловьев, И. М. Басалаев, Н. Ф. Белявский, О. Л. Вильчевский, Я. В. Годин, В. Я. Кровицкая, Б. В. Липатов, Д. С. Майзельс, А. И. Маширов-Самобытник, С. А. Полоцкий, Л. К. Рогинский, В. В. Смиренский, Н. Н. Шульговский, Н. А. Энгель, И. И. Ясинский. Некоторым членам Союза предоставлялась возможность «исправиться» и включиться в жизнь Союза. Поэты, не воспользовавшиеся этим правом, выбывали в ходе следующей «чистки». Так, в марте 1926 г. правление рекомендовало Н. П. Дмитриеву, Н. А. Клюеву, М. А. Кузмину, И. М. Наппельбаум, Ф. М. Наппельбаум, Б. К. Лившицу, С. Е. Нельдихену, В. В. Смиренскому, Н. Н. Шульговскому более активно участвовать в работе Союза. Через год Смиренский и Шульговский были исключены. Иногда запрашивался дополнительный материал. В ноябре 1927 г. такое предложение получили Н. П. Дмитриев, А. А. Иванова, И. М. Синельников, Н. Я. Рыкова, Е. С. Рысс, З. Я. Штейнман. В итоге повторной «проверки» произведения Синельникова были признаны удовлетворительными и отмечено повышение «качества стихотворений Ивановой за время ее пребывания в Союзе поэтов». Дмитриев большинством голосов исключен «ввиду того, что материал <...> ни в коей мере не достигает уровня поэтической квалификации, требуемого от каждого члена Союза поэтов, а также по причине неуплаты им членских взносов».¹¹¹ Восстановление в правах члена Союза случалось редко. После двух крупных «чисток» 1926 и 1927 гг. были восстановлены Я. Годин и В. Смиренский, подавшие заявления с изложением причин своей «неактивности». Последняя перерегистрация состоялась в сентябре 1929 г., перед ликвидацией Союза.

Постепенно члены Союза утрачивали интерес к организации, подменявшей живой литературный процесс статистикой выступлений на вечерах; обсуждение литературных проблем все более переносилось в сферу неформальных кружков и групп. Неудовлетворенность деятельностью Союза отразилась, в частности, в письме А. А. Ивановой к Л. И. Аверьяновой: «Союз поэтов <...> не организация, а сборище, бесхарактерное, потому что оно многочисленное и мало чем спаянное. Сейчас, по-моему, вообще настало такое время, по крайней мере в Ленинграде, когда люди (писатели) сидят каждый у себя в норе (или только некоторые так?) и работают за свой личный страх для своей популярности. Но ведь это же не литература! <...> Я хочу сказать вот что: возьмем на себя инициативу какого-то литературного кружка, не надо делать его официальной группой, но пусть на

¹¹⁰ Фроман М., Оксенов Инн. Пять лет Ленинградского Союза поэтов. С. 7.

¹¹¹ Из протокола заседания правления от 6 янв. 1928 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 16, л. 1).

нем будет о чем поспорить и над чем поработать. В Союзе писателей вечера имеют официально выступательский вид, в Союзе поэтов — безалаберно безразличный, правда! <...> Кого бы мы могли привлечь туда? Я всегда в этом случае мысленно возвращаюсь к Рыссу, но у него есть своя группа „Непокой“, с этим ничего не поделаешь! Я думаю, если бы постараться вообще привлечь непокоевцев? Это группа молодая и горячая и, как мне кажется, умная. Не нужно облекать это в официальность, но хоть устроить общение. Сюда можно бы было и несколько пролетариев — Чуркина, напр<имер>. <...> Союз поэтов обращается в стоячее болото, а мы — его лягушки и только. <...> Я думаю, что это не я одна чувствую». ¹¹² О подобных настроениях внутри Союза свидетельствует и секретарь правления П. Н. Лукницкий в письме И. М. Басалаеву: «Союз поэтов существует только на бумаге, но его мы пытаемся все же оживить». ¹¹³ Очевидно, надежда возлагалась на предстоящее празднование пятилетнего юбилея ленинградского Союза поэтов, намеченное на весну 1929 г. Был задуман большой юбилейный вечер в Доме печати с торжественным заседанием, докладом об итогах и перспективах работы Союза, воспоминаниями, чтением произведений, концертом и товарищеским чаем. Вступительное слово поручалось произнести первому председателю Союза Садофьеву, доклад о жизни и работе Союза — З. Я. Штейнману. В литературной части предполагалось участие И. И. Садофьева, Н. С. Тихонова, В. М. Саянова, Н. Л. Брауна, Б. М. Лихарева, Б. П. Корнилова, А. Крайского, В. А. Рождественского, А. И. Гитовича, Н. А. Заболоцкого, Е. А. Панфилова, Н. Я. Рославлевой, в концертной — В. Н. Яхонтова, М. В. Юдиной. Планировалось и устройство выставки, публикация ряда юбилейных статей. ¹¹⁴ Назначенный на 6 апреля, вечер несколько раз переносился, празднование было отложено до осени, но так и не состоялось. Подводя итоги пятилетней деятельности Союза, правление с удовлетворением отмечало «отсутствие среди членов Союза каких бы то ни было богемных настроений и начал (столь свойственных лигторганизациям прежней формации)» и «моральное здоровье Союза». ¹¹⁵ Как и прежде, основной задачей организации провозглашалось «расширение и усиление <...> общественной работы, большая связь с рабочей аудиторией, общественно-воспитательная работа среди своих членов». ¹¹⁶

¹¹² Из письма от 28 окт. 1928 г. (Там же, ф. 355, № 23, л. 1—1 об.). Сведений о кружке «Непокой», руководимом Евгением Самойловичем Рыссом (1908—1973), установить не удалось. Чуркин Александр Дмитриевич (1903—1971) — поэт-песенник; в описываемый период — член ЛАПП, сотрудник журнала «Резец».

¹¹³ Из письма от 6 окт. 1928 г. (ОР РНБ, ф. 1076, № 297, л. 4 об.).

¹¹⁴ В печати появилась лишь статья М. Фромана и Инн. Оксенова «Пять лет Ленинградского Союза поэтов».

¹¹⁵ Фроман М., Оксенов Инн. Пять лет Ленинградского Союза поэтов. С. 7.

¹¹⁶ Там же. Значение общественно-воспитательной деятельности Союза поэтов подчеркивалось и в юбилейной статье члена правления А. Крайского, оставшейся неопубликованной: «...росла и увеличивалась его (Союза. — Т. К.) общественная значимость и работа. Способствовало этому правильное и умелое руководство. Как первое, так и последующие правления <...> поставили целью вовлечь Союз в широкую советскую общественность, связать его и с массовым читателем, и с литературными и профсоюзными организациями. Начав с маленьких интимных вечеров в Доме искусств, на которых собиралось 10—15 человек публики, Союз поэтов, перейдя в Дом печати, расширил аудиторию до 200 слушателей. Союз организовал обще-

Осенью 1929 г. юбилейные торжества утратили актуальность: Союз поэтов начал подготовку к вхождению в полном составе в ленинградский Союз писателей. Вопрос о слиянии двух ленинградских Союзов обсуждался не впервые. Отношения с московским Союзом поэтов не складывались, творческих и организационных контактов почти не было, переписка и обмен информацией прервались уже в 1925 г. В архиве Ленинградского отделения сохранились лишь два протокола заседаний московского правления, присланные перед созданием Ленинградского отделения: от 30 марта и 5 апреля 1924 г. Процесс объединения на уровне индивидуального членства происходил почти с самого образования Союза поэтов. В конце 1924—начале 1925 г. более 10 членов Союза поэтов были приняты в Союз писателей, в том числе В. С. Алексеев, Л. И. Борисов, К. К. Вагинов, Н. П. Дмитриев, Н. Л. Браун, К. К. Олипов, С. А. Полоцкий. С течением времени члены Союза поэтов стали занимать в Союзе писателей руководящие должности. В правление Союза писателей в разные годы входили В. В. Смиренский, В. А. Рождественский, М. М. Шкапская, Д. И. Выгодский, И. И. Садофьев.

12 февраля 1926 г. чрезвычайное собрание Союза поэтов приняло решение о присоединении к Союзу писателей. Тогда же был составлен список лиц, намеченных в правление Союза писателей: Садофьев, Фроман, Крайский, Тихонов, Полонская; кандидаты в правление — Саянов, Рождественский. Но объединение двух организаций не состоялось. Намерение Союза поэтов в полном составе войти в Союз писателей в качестве отдельной секции с самого начала не получило поддержки Союза писателей. Его руководство рассматривало вопрос о слиянии лишь на уровне индивидуального приема членов Союза поэтов, «удовлетворяющих требованиям устава ВСП».¹¹⁷ Конечно, это был лишь тактический отказ Союза писателей принять в свои ряды большую организацию, в составе и руководстве которой было сильно представительство ЛАПП. На предложение Союза писателей заполнить анкеты для индивидуального вступления откликнулась лишь небольшая группа поэтов. В феврале—марте 1926 г. были приняты Садофьев, Фроман, Белявский, Сорокин, Эрлих, Крайский, Полоцкий, Шмерельсон.¹¹⁸ В тот же период Введенскому, Кровицкой, Лукницкому, Ф. Наппельбаум было отказано в приеме «за недостаточностью стажа».¹¹⁹ В Союзе писателей этот вопрос больше не обсуждали, но индивидуальный прием продолжался, и к концу 1927 г. большая часть состава Союза поэтов входила в Союз писателей. В декабре того же года внутри Союза писателей появилась и самостоятельная секция поэтов, утвержденная по заявлению В. В. Смиренского, Н. Ф. Белявского, Я. В. Година, В. С. Алек-

городские вечера в театрах и АКапелле (sic! — Т. К.); выезжал на фабрики, заводы и вузы; отмечал Ленинские дни, годовщины Красной Армии и пр<очее> и пр<очее>» (РО ИРЛИ, ф. 837).

¹¹⁷ Из протокола заседания правления Союза писателей от 14 окт. 1925 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 22, л. 25 об.).

¹¹⁸ Шмерельсон состоял в ЛО Союза писателей с 22 окт. 1923 г. Принят вследствие положительного отзыва М. Л. Лозинского. С возникновением Союза поэтов, видимо, не принимал участия в работе Союза писателей и вступал повторно. Полоцкий в первый раз был принят в Союз писателей 16 окт. 1924 г.

¹¹⁹ Лукницкий принят в Союз писателей 18 янв. 1927 г., Кровицкая — 15 марта 1929 г.

сеева, Н. П. Дмитриева, В. В. Кондратьева, К. К. Олимпина, Н. Я. Рославлевой, Л. И. Аверьяновой.¹²⁰

Некоторое время Союз поэтов работал «на прежних основаниях, стремясь <...> к расширению деятельности».¹²¹ Такая возможность вскоре представилась. Как известно, во второй половине 1926 г. обсуждался вопрос о создании писательской Федерации, объединяющей все литературные союзы и группировки для «совместных выступлений по вопросам общественным и литературным; <...> совместной работы по укреплению и развитию советской литературы и вовлечению писателя в советское строительство».¹²² Московский, центральный Союз поэтов не только не вошел в число учредителей ФОСП, но и был в этот период на грани ликвидации.¹²³ Ленинградскому Союзу поэтов, в деятельности которого всегда были сильны идеологические и организационные моменты, стремление к монолитности рядов, оказались близки задачи Федерации, и в октябре 1926 г. вместе с Союзом писателей, ЛАПП, группой «Перевал»¹²⁴ и Профессиональным союзом работников просвещения он стал равноправным учредителем ленинградской ФОСП. В состав временного правления от Союза поэтов были выделены Садофьев и Тихонов. Ленинградский Союз поэтов рассчитывал войти и в число учредителей всей Федерации. О таких планах свидетельствует постановление правления, принятое весной 1927 г.: «...настаивать в Совете Федерации на вхождении Союза поэтов на равных началах с остальными лит<ературными> организациями в качестве учредителя Фе-

¹²⁰ Задача секции — «взаимное ознакомление с творческой работой» и «критический разбор произведений». В начале 1929 г. под маркой Союза писателей планировался выпуск альманаха секции. В редакционную комиссию вошли Е. И. Замятин, Н. С. Тихонов, Н. Л. Браун, В. А. Рождественский, но это издательское начинание, как и многие другие, не осуществилось.

¹²¹ Из протокола заседания ЛО правления Союза поэтов от 6 марта 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 2).

¹²² Из устава ФОСП, утвержденного в НКВД 29 июля 1927 г. (РО ИРЛИ, ф. 492). После 1929 г. задачи ФОСП формулировались более прямолинейно: «Федерация объединений советских писателей учреждается с целью: а) планомерного участия <...> в развертывании культурной революции и наибольшего содействия со стороны литературной общественности всем мероприятиям Советской власти и Коммунистической партии в деле социалистического строительства; б) борьбы писательской общественности со всеми проявлениями враждебной рабочему классу идеологии <...>; в) укрепления руководящей роли пролетарских литературных организаций как авангарда советской литературы». Цит. по: Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 364—365.

¹²³ 10 февр. 1927 г. секретариат ВАПП, в частности, рассматривал докладную записку «лит-организаций в Наркомпрос о ликвидации Союза поэтов». На заседании присутствовали А. Фадеев, А. Зонин, Л. Коган, А. Селивановский, М. Лузгин, Н. Полосихин. Постановили: «Поручить т. Зонину договориться с другими организациями, лишь по получении согласия всех остальных организаций на подпись указанного документа — дать подпись ВАППа» (Из протокола заседания секретариата ВАПП: РО ИРЛИ, ф. 493; машинописная копия).

¹²⁴ Поскольку членами Федерации могли быть лишь организации, имеющие свой устав, группе «Перевал» было рекомендовано вступить в одну из них. См. протокол заседания оргбюро по созданию ленинградской Федерации советских писателей от 26 окт. 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 492).

дерации».¹²⁵ Но для этого был необходим иной общественный статус организации.

Надо полагать, эти факторы и побудили руководство ленинградского Союза к созданию Северо-западного Союза поэтов на автономных, не связанных с московским Союзом началах. Устав будущей организации разрабатывали Н. Л. Браун, М. А. Фроман, В. И. Эрлих и Г. Э. Сорокин (текст не сохранился), но процесс согласования затянулся, и реорганизацию отложили до перевыборов правления. Вероятно, с окончательным учреждением ФОСП создание Северо-западного Союза потеряло смысл, и новое правление этот вопрос не поднимало. Как и все литературные организации, Союз поэтов имел своих представителей в Совете, Коопбюро и Литбюро ФОСП. В ноябре 1928 г. в Совет ЛО ФОСП входили Н. С. Тихонов, М. А. Фроман, Н. Л. Браун; кандидаты — А. Крайский, Е. Г. Полонская; в марте 1929 г. — И. И. Садофьев, Н. С. Тихонов, Н. Л. Браун.

Но вернемся к событиям осени 1929 г., обозначившим рубеж в истории литературных организаций. Известная кампания по реформированию Всероссийского союза писателей, начавшаяся в сентябре с исключения из Союза Е. И. Замятина и Б. Пильняка, завершилась первой в истории Союза масштабной «чисткой», реорганизацией Всероссийского союза писателей во Всероссийский союз советских писателей и полной «коллективизацией» всей писательской жизни. 22 сентября общее собрание ленинградского Союза писателей под давлением соответствующих указаний вышестоящих инстанций приняло резолюцию о реорганизации Союза и выработке новой литературно-общественной платформы, ознаменовавшей переход Союза от «попутничества» к «союзнчеству» и активному участию в строительстве социалистического общества. Через неделю, 30 сентября, правление Союза поэтов постановило войти в полном составе в Союз писателей: «Имея в виду — а) что Всероссийский союз писателей, реорганизуясь во Всероссийский союз советских писателей, становится организацией, теснейшим образом связанной с советской общественностью и ставит перед собой задачи совершенно однородные, по существу, с задачами, стоящими перед ЛО ВСПоэтов, и б) что между ЛО Всер<оссийского> Союза поэтов и Московским союзом поэтов давно отсутствует какая бы то ни было связь, и Московский союз поэтов никак не является ни идеологически, ни формально организацией, однородной с Ленингр<адским> отделом ВСПоэтов, — Ленинградскому отделу Всероссийского союза поэтов отмежеваться от Моск<овского> союза поэтов и войти в полном составе в ЛО Всероссийского союза писателей после его реорганизации. Для согласования вопроса с последним (после имеющих там быть перевыборов) для выработки декларации о выходе из Моск<овского> союза поэтов и о вхождении в ЛО ВСПисателей, для созыва общего собрания, которое утвердило бы настоящее постановление, и для составления открытого письма в печать от имени правления о положении дел, — избрать комиссию в составе: И. И. Садофьева, М. А. Фромана, Н. Л. Брауна и Н. Д. Вольпин».¹²⁶ В тот

¹²⁵ Из протокола заседания ЛО правления Союза поэтов от 10 мая 1927 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 29).

¹²⁶ Из протокола заседания ЛО правления Союза поэтов от 30 сент. 1929 г. (Там же, № 16, л. 24).

же день в Союзе провели последнюю перерегистрацию. «Ввиду продолжающейся неуплаты членских взносов и непогашения старой задолженности по ним» были исключены И. М. Васильев, А. И. Введенский, Я. В. Годин, Г. Н. Петников, Д. Хармс, Е. С. Рысс, М. Шеффер, З. Я. Штейнман.¹²⁷ По тем же причинам и в связи с переездом в Москву исключены С. Н. Марков и О. Э. Мандельштам. С формальной точки зрения правление выполняло волю общего собрания от 10 марта 1929 г., постановившего механически исключать всех, не погасивших задолженность по взносам в течение месяца со дня рассылки повесток о постановлении. В середине июня срок уплаты взносов продлили на две недели, и лишь в конце сентября последовало исключение. Но, несомненно, это был ход политический, приуроченный к намеченному XVI Конференцией ВКП(б) курсу на реконструкцию всего социалистического хозяйства и борьбу со всеми отклонениями от ленинской политики ВКП(б), т. е. «чистку» партийных рядов. Сразу после конференции, состоявшейся в конце апреля 1929 г., начались «чистки» всех организаций, от Обкома до Откомхоза (Отдел коммунального хозяйства Ленгубисполкома). Не стал исключением и ленинградский Союз поэтов, и прежде регулярно перепроверявший свой состав.

Ликвидация Ленинградского отделения Союза поэтов заняла немногим более двух недель. 7 октября правление составило заявление, в котором, в частности, говорилось: «Ныне, когда вопрос о создании подлинной литературной советской общественности стоит во всей остроте, правление Ленинградского отделения ВСП пришло к окончательному решению: 1) Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов как таковое ликвидировать; 2) ввиду полной реорганизации Всероссийского союза писателей влить ЛО Союза поэтов (как самостоятельную секцию) в состав ЛО Всероссийского союза писателей; <...> 4) ввиду того, что за истекшие пять лет существования Ленинградского отделения Союза поэтов последний не только не руководился московским центром, но и не находил никакого отклика как в своей работе, так и в своих многочисленных попытках товарищеского сотрудничества с московским Союзом, правление Ленинградского отдела считает необходимым все вышеизложенные решения провести в жизнь без согласования с московским Союзом».¹²⁸ Среди причин разрыва с московским Союзом указывалось и на «полное несходство общественных установок»: «В то время, как в Москве Союз поэтов, объединив в себе весь поэтический шлак Москвы, продолжал влачить сомнительное существова-

¹²⁷ 19 окт. 1929 г., на следующий день после ликвидации Союза поэтов, Введенский и Хармс заполнили анкеты для вступления в Союз писателей и 28 окт. 1929 г. были утверждены правлением в членах Союза. 9 янв. 1932 г. бюро секции поэтов ЛО Союза писателей исключило их из состава секции «как не связанных по своей работе с работой секции поэтов». Тогда же были исключены Л. И. Борисов, Н. П. Вагнер, Н. А. Клюев, М. А. Кузмин, Н. Я. Рославлева. 16 янв. 1932 г. Введенского «как не связанного с Союзом и оторвавшегося от Союза советских писателей» и Хармса «как не связанного с Союзом и порвавшего всякую связь с идейно-творческой работой Союза» исключили из Всероссийского союза советских писателей. Протокол заседания комиссии по перерегистрации опубл.: Новые документы из архива А. Д. Скалдина / Публ. Т. С. Царьковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 391—393.

¹²⁸ Заявление, озаглавленное «Ликвидация Союза поэтов», подписано правлением Ленинградского отделения Союза. Опубл.: Красная газета. Веч. вып. 1929. 12 окт. № 256. С. 4.

ние, вызывая неоднократные нарекания советской общественности, Ленинградское отделение путем ежегодных чисток и путем введения в свои ряды всего поэтического актива ЛАППа сумело создать немногочисленную, но прочную и общественно-деятельную организацию».¹²⁹

18 октября 1929 г., в последний день существования Союза, правление утвердило декларацию о ликвидации ЛО Союза поэтов и принципы вхождения в ЛО Союза писателей: «а) ЛО ВСП входит в ЛО ВССП in corpore, по списку; б) ЛО ВСП входит в ЛО ВССП как самостоятельная секция, с собственным бюро; в) бюро секции поэтов ведет автономно работу в пределах секции, согласуя эту работу с правлением ЛО ВССП; г) ЛО ВСП, входя, как самостоятельная секция в ЛО ВССП, временно, до изменения устава ЛО ВССП, сохраняет существующие принципы приема и исключения своих членов; д) бюро секции поэтов вводит своего представителя в правление ЛО ВССП для согласования с последним работы секции и участия в работе самого правления».¹³⁰ В бюро секции намечены В. И. Эрлих, П. Н. Лукницкий, Н. А. Заболоцкий, Б. М. Лихарев, В. В. Ричиотти. В тот же день на общем собрании членов Союза поэтов создана ликвидационно-передаточная комиссия, в которую вошли члены бюро будущей секции поэтов, секретарь правления Союза поэтов и члены ревизионной комиссии, принята резолюция о реорганизации ЛО Союза,¹³¹ Инн. Оксену поручено известить об этом общественность (Приложения 9, 10). Судя по протоколу, собрание проходило достаточно спокойно, все предложения и постановления правления принимались единогласно. Но дневниковая запись Лукницкого, сделанная накануне, свидетельствует о далеко не единодушном настроении членов Союза: «Завтра у меня общее собрание в Союзе поэтов, будет руготня. Мы тут исключили 10 человек и постановили слиться всем Союзом с Союзом писателей. Очень бурно сейчас».¹³² В состав правления, завершившего деятельность ленинградского Союза поэтов, входили И. И. Садофьев, Н. С. Тихонов, М. А. Фроман, Г. Э. Сорокин, А. Крайский, Н. Л. Браун, В. В. Ричиотти; кандидаты — Б. П. Корнилов, Б. М. Лихарев, В. И. Эрлих.

19 октября правление Союза писателей утвердило заявление Союза поэтов о переходе в Союз писателей и бюро новой секции: Эрлих (председатель), Ричиотти (товарищ председателя), Лукницкий (секретарь). По решению бюро от 24 октября делопроизводство Союза поэтов было завершено и все дела переданы Союзу писателей.

Некоторое время в Союзе писателей существовали две секции поэтов: прежняя, созданная в конце 1927 г., и новая — бывший Союз поэтов. Для разрешения этой ситуации правлению Союза писателей пришлось принимать специальное постановление о включении всех поэтов, ранее состоявших в Союзе писателей, во вновь образовавшуюся секцию. Бюро прежней секции обсудило вопрос «о слиянии Союза поэтов с Союзом писателей и

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Из протокола заседания правления от 18 окт. 1929 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 16, л. 25).

¹³¹ Резолюция общего собрания опубликована под заголовком «Союз поэтов на новых путях» (Красная газета. Веч. вып. 1929. 19 окт. № 263. С. 4).

¹³² Лукницкая В. Перед тобой земля. С. 106.

о механическом переводе членов б<ывшего> Союза поэтов в новую секцию при Всероссийском союзе советских писателей» лишь 2 января 1930 г. Видимо, после этого и произошло объединение двух секций. На 20 февраля 1931 г. в секции поэтов Всероссийского союза советских писателей числились 63 человека.

2

Документы Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов были переданы в Пушкинский Дом Оргкомитетом ЛО Союза писателей, по-видимому, в 1933 г. вместе с документами Ленинградского отделения Всероссийского союза советских писателей и в Книге поступлений специально не оговаривались. Материалы ЛО Союза писателей и ЛО Союза поэтов составили единый фонд № 291. В последующие годы часть материалов ЛО Союза поэтов (анкеты, поэтические произведения, представленные при вступлении в Союз, финансовые документы и др.) была выделена из фонда № 291 в самостоятельный фонд ЛО Союза поэтов № 491. В фонде ЛО Союза писателей (№ 291) остались протоколы, устав, переписка, некоторые финансовые документы, материалы по подготовке литературных вечеров и изданию поэтических сборников ЛО Союза поэтов. Фондовая карточка архива ЛО Союза поэтов (ф. 491) не была заведена, в формуляр («дело») фонда вложены карточки фонда ЛО Союза писателей (ф. 291) от 11 мая 1933 г. и от 7 сентября 1933 г. с указанием материалов, числящихся в фонде Союза писателей. Номер фонда «291» зачеркнут и исправлен на «491».

Таким образом, материалы ЛО Союза поэтов оказались в двух фондах: ЛО Союза поэтов (ф. 491) и ЛО Союза писателей (ф. 291). В фондовой карточке архива ЛО Союза писателей от 19 марта 1939 г. (ф. 291) материалы ЛО Союза поэтов указаны как составная часть фонда ЛО Союза писателей. При перечислении материалов ЛО Союза поэтов сделана помета: «выделен в ф. 491». В действительности выделена лишь часть документов.

По решению экспертной комиссии РО ИРЛИ от 24 сентября 2001 г. (протокол № 4) материалы ЛО Союза поэтов из фонда № 491, составляющие единый комплекс с материалами того же Союза, находящимися в фонде ЛО Союза писателей, возвращены в фонд ЛО Союза писателей (ф. 291), самостоятельный фонд ЛО Союза поэтов № 491 упразднен.

Научно-техническая обработка архива ЛО Союза поэтов проводилась одновременно с обработкой архива ЛО Союза писателей и была завершена в 2004 г. Материалы ЛО Союза поэтов составили опись № 2 фонда № 291: «Материалы и переписка по организации и деятельности Петроградско-го/Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов; секции поэтов Ленинградского отделения Всероссийского союза советских писателей». В результате обработки сформировано 148 единиц хранения, сгруппированных в шести разделах. В первом помещены документы по организации ПО/ЛО Союза поэтов (устав, протоколы, переписка Г. Б. Шмерельсона с центральным правлением Союза поэтов) и его реорганизации в секцию Союза советских писателей (статьи правления ЛО Союза поэтов и И. А. Оксенова, материалы передачи дел и др.). Во втором раз-

деле представлены материалы и переписка Союза по основной деятельности: протоколы общих собраний, заседаний правления, документы отчетного характера, подготовленные для Губисполкома, материалы «Мастерской по изучению поэтики», заявления, удостоверения, журнал учета входящей и исходящей корреспонденции. Часть документов по основной деятельности объединена в трех тематических группах этого же раздела: «Материалы и переписка <...> по организации литературных вечеров», «Материалы и переписка <...> по издательской деятельности», «Материалы <...> по финансовой деятельности». В третьем разделе размещены материалы по личному составу Союза поэтов: протоколы заседаний «приемочной» комиссии, заявления о вступлении, анкеты (по алфавиту), членские билеты, постановления правления о перерегистрации членов Союза и заявления разных лиц о пересмотре итогов перерегистрации, удостоверения, списки членов Союза. В четвертый раздел включены произведения разных лиц, представленные в Союз при вступлении (по алфавиту авторов). Среди них — автографы стихотворений Л. И. Аверьяновой, И. И. Афанасьева-Соловьева, А. И. Введенского, Н. Д. Вольпин, Н. А. Клюева, В. В. Смиренского, Г. Э. Сорокина, М. А. Фромана, Д. Хармса, В. И. Эрлиха, а также малоизвестных ленинградских поэтов 1920-х гг. В. С. Алексеева, И. М. Басалаева, О. Л. Вильчевского, В. В. Мезьера. Небольшая группа документов разных организаций, отложившихся в дело-производстве ЛО Союза поэтов, составляет пятый раздел (по алфавиту организаций). В последнем разделе собраны документы секции поэтов ЛО Союза писателей, бывшего ЛО Союза поэтов: протоколы общих собраний и заседаний бюро секции, заявления, списки членов секции, программа литературного вечера. В конце астериском отделены две единицы хранения с текстами выступлений Инн. Оксенова и А. А. Прокофьева на литературном вечере и конференции.

Материалы ЛО Союза поэтов хранятся и в фонде № 172 (№ 1950, 1951) в составе архива Кабинета современной литературы Государственного института истории искусств (ГИИИ). Они поступили в Пушкинский Дом в 1936 г. вместе с архивом Кабинета. В фонде Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП; ф. № 493) сохранились приеходно-расходные журналы Союза поэтов за 1927—1929 гг.; в архиве П. Н. Лукницкого (ф. № 754) — материалы приемной комиссии ЛО Союза поэтов; в личном фонде А. В. Туфанова (ф. № 749) — документы «Мастерской по изучению поэтики», Г. Б. Шмерельсона (ф. № 699) — письма московского правления Союза поэтов об организации Петроградского отделения Союза.

* * *

В публикуемых ниже документах орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами; подчеркивания выделены курсивом.

Российская Социалистическая Федеративная
Советская Республика
Комиссариат народного просвещения

УСТАВ
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ, УТВЕРЖДЕННЫЙ
НАРКОМПРОСОМ

Устав рассмотрен и
утвержден 23/1.20 г.
Наркомпрос ЛУНАЧАРСКИЙ

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Всероссийский союз поэтов есть учреждение культурно-просветительное; целью его является духовно-экономическое объединение членов Союза во имя революционного строительства нового искусства. Задачей своей Союз поэтов ставит пропаганду и самое широкое распространение творческих идей революционного искусства среди трудящихся масс путем издания книг, журналов, газет, а также устройство концертов, художественных митингов, лекций, дискуссий и т. п.

2. СПОСОБЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Союз поэтов в осуществление своих целей имеет образцовую студию и библиотеку-читальню на всех европейских языках, имеет свое помещение, эстраду-столовую, в каковой также устраиваются митинги, концерты, чтения, беседы и т. п.

Цель мастерской-студии — дать возможность членам Союза изучить мастерство творчества, обогатить свое знание и вести пропаганду революционного искусства.

Цель устройства митингов, лекций, чтений — цель агитационно-просветительная: из членов Союза должны выходить апостолы истинного революционного искусства и борцы за его идеи.

Союз поэтов может иметь отделения в провинциальных городах, а также распространять свою деятельность по всем местностям Советской Республики.

3. СОСТАВ СОЮЗА, ВСТУПЛЕНИЕ И ВЫХОД ИЗ НЕГО

Члены Всероссийского союза поэтов делятся: на почетных, действительных членов и соревнователей; почетные члены избираются общим собранием за особые услуги перед Вс<ероссийским> союзом поэтов, пользуются всеми правами действительных членов и освобождаются от членского взноса.

Действительными членами Союза могут быть только поэты, представившие в президиум книги, рукописи и рекомендации двух действительных членов Союза, каковые принимаются президиумом Союза и утверждаются общим собранием баллотировкой простым большинством.

Членами-соревнователями могут быть члены других литературно-художественных объединений, а также лица, приносящие активную пользу Союзу, по рекомендации двух действительных членов Союза. Члены-соревнователи пользуются всеми правами Союза, но на общем собрании допускаются только с совещательным голосом и не могут быть избраны в президиум Союза и в ревизионную комиссию.

Выбытие из числа членов Союза совершается: а) в случае подачи о том заявления, в) в случае неподчинения распоряжению президиума, с) в случае учинения действий, компрометирующих Союз.

В последних двух случаях президиум исключает из Союза и вносит на утверждение общего собрания. В случае неутверждения общим собранием исключения из Союза таковой член остается членом Союза поэтов.

4. РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ

Ревизионная комиссия следит за правильностью действий президиума, производит по мере надобности ревизию и о результатах докладывает общему собранию.

Общее собрание избирает трех членов ревизионной комиссии и двух кандидатов.

5. СРЕДСТВА СОЮЗА

Средства Союза составляются из членских взносов, добровольных пожертвований, доходов от лекций, концертов, митингов, гуляний и т. п.

6. УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ

Управление делами принадлежит общему собранию и избранному им президиуму. Президиум Союза образуется из действительных членов ВСП; члены президиума могут быть снова избраны общим собранием.

Число членов президиума определяется не менее пяти человек и не менее трех кандидатов. На обязанности президиума лежит ведение всех организационных, административных и финансовых дел Союза, проведение в жизнь устава, созыв общих собраний и исполнение постановлений общих собраний.

Президиум избирает из своей среды председателя и распределяет функции отдельных членов. Все дела президиум решает большинством голосов.

7. ОБЩИЕ СОБРАНИЯ

Общие собрания устраиваются каждые три месяца, экстренные собрания могут быть созваны президиумом Союза или же по письменному заявлению не менее 25 человек членов Союза для разрешения особо важных вопросов. Собрание действительно при наличии одной трети членов

Союза. Не состоявшееся в назначенный срок и созванное вторично действительно при любом количестве явившихся.

Союз имеет свою печать.

(М. п.)

Копия верна:
Управдел ВСП Г. Дёшкин.¹

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Копия с копии

Российская Социалистическая Федеративная Республика Комиссариат народного просвещения

УСТАВ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ, УТВЕРЖДЕННЫЙ НАРКОМПРОСОМ

На подлинном подписали:

1. Устав просмотрен и
утвержден 23/І-20 г.
Наркомпрос ЛУНАЧАРСКИЙ

Настоящий устав утвержден
Народным Комиссариатом
внутренних дел 16/ІІ-1923 г.
(М. п.)

2. Устав просмотрен и одобрен
13/VІІІ-1920 г.
Нарком А. ЛУНАЧАРСКИЙ

Зам. Наркомвнудел А. Белобородов
Завадморгуправ С. Равич

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Всероссийский союз поэтов есть учреждение культурно-просветительное; целью его является духовно-экономическое объединение членов Союза во имя революционного строительства нового искусства. Задачей своей Союз поэтов ставит пропаганду и самое широкое распространение творческих идей революционного искусства среди трудящихся масс путем издания книг, журналов, газет, а также устройства концертов, художественных митингов, лекций, дискуссий и т. п. Деятельность Всероссийского союза поэтов распространяется на всю территорию РСФСР.

¹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 1, л. 1—1 об. Публикуется по машинописной копии, заверенной печатью Всероссийского союза поэтов и подписанной делопроизводителем Союза.

2. СПОСОБЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Всероссийский союз поэтов в осуществление своих целей имеет образцовую студию и библиотеку-читальню на всех европейских языках, имеет свои помещения, эстраду, столовую, в каковых также устраиваются митинги, концерты, чтение, беседы и т. п.

Цель мастерской-студии — дать возможность членам Союза изучить мастерство творчества, обогатить свое знание и вести пропаганду революционного искусства.

Цель устройства митингов, лекций, чтений — цель агитационно-просветительная; из членов Союза должны выходить пропагандисты истинно революционного искусства и борцы за его идею.

Союз поэтов может иметь отделения во всех провинциальных городах РСФСР. Союз имеет свою печать.

3. СОСТАВ СОЮЗА, ВСТУПЛЕНИЕ И ВЫХОД ИЗ НЕГО

Всероссийский союз поэтов образуют члены и почетные члены его. Как теми, так и другими могут быть только поэты, представившие в правление книги, рукописи и принимаемые правлением Союза и утверждаемые общим собранием — простым большинством голосов. Почетные члены избираются общим собранием за особые услуги перед Всероссийским союзом поэтов, пользуются всеми правами членов Союза и освобождаются от членского взноса.

Члены Союза и почетные члены его должны быть совершеннолетними и в правах по суду неограниченными.

Выбытие из числа членов Союза совершается: а) в случае подачи заявления в правление Союза или общего собрания Союза по собственному желанию; б) в случае невнесения членского взноса; в) по постановлению общего собрания и г) в случае совершения исключаемым лицом преступных деяний или проступков, наносящих ущерб задачам и интересам общества.

При случае, указанном в п<ункте> г) и невозможности немедленной передачи суждения о том общему собранию, исключение производится правлением Вс<ероссийского> союза поэтов, которое и входит об этом с докладом общему собранию на предмет утверждения такого мероприятия.

4. Список членов Вс<ероссийского> союза поэтов, а также всех принимаемых лиц, с указанием их фамилий, имен и отчеств и местожительства, сообщается правлением Союза к 1 января каждого года органу, производящему регистрацию устава.

5. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Управление делами Вс<ероссийского> союза поэтов принадлежит общему собранию и избранному им правлению. Общее собрание созывается не менее одного раза в год. Созыв общего собрания производится правлением Союза, которое имеет право кроме ежегодных общих собраний созывать чрезвычайные общие собрания как по своей инициативе, так и по

письменному заявлению членов Союза в количестве не менее двадцати пяти человек.

Общее собрание действительно при наличии одной трети членов Союза. Несостоявшееся в назначенный срок и созванное вторично, общее собрание действительно при любом количестве явившихся. Все решения общих собраний принимаются простым большинством голосов. Все голосования производятся открыто. О дне собрания сообщается за три дня в Отдел управления.

6. ПРАВЛЕНИЕ

Правление Союза избирается очередным общим собранием на один год из числа членов Вс<ероссийского> союза поэтов. Правление может быть переизбрано до истечения сроков полномочий по желанию чрезвычайного общего собрания, и полномочия эти могут быть ему продлены на следующий год на очередном общем собрании. Число членов правления определяется не менее пяти человек и не менее трех кандидатов.

На обязанности правления лежит ведение всех организационных, административных и финансовых дел Союза, проведение в жизнь устава, созов общих собраний и исполнение постановлений последних.

Правление избирает из своей среды председателя и распределяет функции отдельных членов его. Все дела правление решает простым большинством голосов.

Правление составляет: а) годовую программу деятельности Союза и смету прихода и расхода; б) составляет годовой отчет о деятельности (sic! — Т. К.) денежных сумм и состоянии его имущества; в) отчетность Союза ведется применительно формам отчетности профсоюзов.

7. РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ

Ревизионная комиссия следит за правильностью действий правления, производит по мере надобности ревизию и о результатах сообщает общему собранию. Общее собрание избирает трех членов ревизионной комиссии.

8. СРЕДСТВА СОЮЗА

Средства Союза составляются из членских взносов, добровольных пожертвований, доходов от лекций, концертов, митингов, гуляний, изданий и т. п.

9. О ЛИКВИДАЦИИ СОЮЗА

Ликвидация Союза может быть произведена: а) по постановлению надлежащего органа государственной власти и б) по постановлению общего собрания членов Союза.

В случае ликвидации Союза по пар<аграфу> а), ликвидация имущества производится Центром по указанию представителя местного Отдела управления, а в случае ликвидации по п<араграфу> б), правление в присутствии представителя от НКСобеса и Губотуправа производит опись

имущества, согласно которой и передает таковое в органы Собеса в течение двухмесячного срока со дня постановления о закрытии.

Настоящий Устав зарегистрирован
в Административном отделе
Адморгуправления НКВД за № 5
17 февраля 1923 г.

(М. п.) Завадмотделом (подпись неразборчива)

С подлинным верно:

М. п. Ответственный секретарь ВСП
Захаров-Мэнский

С копией верно

Секретарь — Гр. Шмерельсон.²

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Особое мнение председателя ревизионной комиссии по докладу ревиз<ионной> ком<иссии>

<Апрель 1925 г.>

Воздавая, наравне с членами ревизионной комиссии, должное количественной стороне деятельности приемочной комиссии и ее работе по организации Союза, считаю своею обязанностью пред общим собранием отметить, что из обзора дел о не принятых и принятых в члены Союза, а также путем наблюдения на заседаниях правления, мною установлено:

1. Большая часть прорецензированных стихов была расценена по чутью, т. е. ощупью.

2. Профессиональный признак о мастерском использовании того или иного приема организации материала был принят только для зачитываемого сегодня наказа и то не без борьбы со стороны приемочной комиссии, т. е. отдельные ее члены не прочь и дальше рецензировать по чутью.

3. Сами по себе рецензии с внешней стороны не лишены претенциозности дурного тона, напр<имер>: «безнадежно», «нельзя принять» и т. п. Зачастую представляют из себя «дамские изделия», напр<имер>: «увы, сомненья нет!», умилительно, трогательно.

Вот почему:

4. Предлагается общему собранию при избрании членов приемочной комиссии принять во внимание степень подготовленности в области по-

² Там же, л. 2—3 об. Публикуется по машинописной копии. Заверочные подписи Н. Н. Захарова-Мэнского и Г. Б. Шмерельсона — автографы. Ниже — круглая печать ЛО Союза поэтов; штамп о регистрации устава в Административном подотделе Административного отдела Ленгубисполкома и внесении ЛО Союза поэтов в Реестр обществ и союзов под № 249 (дело № 250); круглая печать Общего подотдела Административного отдела Ленгубисполкома.

этики и вручить избранным наказ о профессионально-групповых признаках, выразив неодобрение чутью как отжившему предрассудку об «искре божией».

Председатель ревиз<ионной> комиссии.³

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Положение о секции по изучению поэтики при Л<енинградском> отд<елении> Всерос<сийского> союза поэтов

<Апрель 1924 г.>

СОСТАВ

1. В инициативную группу, утвержденную в заседании правления 18 апреля (после заслушания заявления т<оварища> Ставрогина), входят: Ставрогин, Ричиотти и Туфанов.

2. В члены секции принимаются члены Союза, прочитавшие доклад в секции — в качестве признака активной работы по развертыванию намеченного секцией плана.

3. Оценка прочитанного доклада производится общим собранием членов секции и фиксируется инициативной группой.

4. Для докладов и диспутов могут быть приглашаемы и не члены Союза, имеющие работы в области поэтики.

5. Вход на доклады секции для членов Союза свободный.

ЦЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ

Изучение основ поэтики и самостоятельная разработка вопросов искусства.

ОБЩИЙ ПЛАН ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Доклады, лекции, диспуты по общим вопросам: происхождение языка, происхождение поэзии, психология творчества, материал искусства и приемы, предметность и беспредметность, революция и творчество, искусство и философия, искусство и критика и пр<очее>.

2. Организация библиотеки по изучению поэтики.

3. Организация музея материалов о современных поэтах.

4. Экскурсии для истории поэтики.

5. Организация изданий ценных материалов.

³ РО ИРЛИ, ф. 749. Публикуется по автографу А. В. Туфанова.

БЛИЖАЙШИЕ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПЕРИОДА

1. Доклады о современных течениях в искусстве, народных песнях и вступительные по § 1 общего плана.

ПРАВА

Самостоятельные исследования в области искусства, заслушанные и принятые секцией, представленные в секцию в письменном виде, — считаются обнародованными, с сохранением авторских прав, а секция через правление принимает меры к его напечатанию.

ПРОГРАММА РАБОТ БЛИЖАЙШИХ ЗАСЕДАНИЙ

1. Доклад «Поэтические и художественные течения как явления культуры» — *Ставрогин* (прочитан).
2. «Слово и образ» — *Афанасьев-Соловьев*.
3. «Поэтика частушек при напевном строе» — *Туфанов*, 3 мая.
4. «Об имажинизме» — *Ричиотти*.
5. «О пролетарской поэзии» — *Садофьев*.
6. *Грааль-Арельский*. «О сциентизме».
7. *Туфанов*. «О зауми».

Инициативная группа

П. Ставрогин
Вл. Ричиотти
А. Туфанов.⁴

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Положение о Совете Единой Мастерской по изучению поэтики при Лен<инградском> отд<елении> Вс<ероссийского> союза поэтов

<Апрель 1924 г.>

ЦЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ

Изучение основ поэтики и самостоятельная разработка вопросов искусства.

СОСТАВ СОВЕТА

Члены бывшей комиссии по организации Мастерской изучения поэтики.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 26, л. 2—3. Публикуется по машинописи; подписи — автографы.

СОСТАВ МАСТЕРСКОЙ

1. Кроме членов Совета в Мастерскую входят члены Союза, имеющие печатные или рукописные труды в области поэтики, а также члены Союза, прочитавшие доклад, представленный в Совет.

2. Для докладов и диспутов могут быть приглашаемы и не члены Союза, имеющие работы в области поэтики.

3. Вход на доклады для членов Союза свободный.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТОМ И СОЮЗОМ

О делах и ходе работ в Мастерской Совет делает 2 раза в месяц доклады и информирует в протокольном порядке.

ОБЯЗАННОСТИ СОВЕТА

1. Совет руководит всей академической работой в Мастерской: ему принадлежит право разработки планов, предварительное рассмотрение докладов, устройство лекций и докладов, инициатива в студийной работе и т. д.

2. Совет организует доклады, лекции, диспуты, семинарии, студии, имея в плане следующие основные вопросы:

происхождение языка, происхождение поэзии, материал искусства и приемы, психология творчества, предметность и беспредметность, революция и творчество, искусство и общественность, искусство и философия, искусство и критика, техника стихосложения и т. д.

3. Совет организует:

а) библиотеку;

б) музей материалов о современных поэтах;

в) экскурсии для истории поэтики;

г) издания ценных материалов.

4. Совет берет на себя охрану авторских прав докладчиков, огласивших самостоятельные труды в области искусств.

ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНОВ МАСТЕРСКОЙ

1. Помимо творческой художественной работы члены Мастерской берут на себя теоретическую разработку вопросов поэтики, представляя результаты работы — доклады или их тезисы — на рассмотрение Совета.

2. Члены Мастерской ведут библиографический дневник о вновь выходящих книгах и делают соответствующие доклады.

Члены Комиссии

А. Туфанов
Инн. Оксенов
П. Ставрогин.⁵

⁵ Там же, л. 5—7. Публикуется по автографу А. В. Туфанова; подписи — автографы.

Отчет Совета Мастерской по изучению поэтики

<Апрель 1925 г.>

Мастерская по изучению поэтики возникла одновременно с правлением и комиссиями Союза поэтов. Инициативная группа при организации руководилась следующими соображениями.

Проблемы искусства и, в частности, вопросы поэтики всегда разрабатывались профессорами, журналистами, адвокатами и даже политическими деятелями, не рисовавшими картин и не писавшими стихов.

А сами поэты и художники творили по вдохновению и расценивали «чутьем искры божией», зачастую не будучи знакомыми с разрешенными в верхах проблемами. Идея «орабочения» науки об искусстве была чужда разрозненным группам и одиночкам, не объединенным в профессиональный союз.

Поэтому объединение ленингр<адских> поэтов в профсоюз сразу же толкнуло на мысль об «орабочении» института присяжных теоретиков.

Инициативная группа решила приступить к организации Мастерской по изучению поэтики, вначале с целью изучения основ поэтики и самостоятельной разработки вопросов искусства в составе 5—10 человек, а впоследствии и целым Союзом.

Для инициативной группы было ясно, что с одной «идеологией» в стихах, в которых поэты собственных ямбов не видят, — Пушкина они не изобретут и при неумении пользоваться материалом не создадут, напр<имер>, и пролетарской поэзии.

Вот почему правление пошло навстречу инициативной группе, утвердило устав и программу, пополнило состав Мастерской, а Мастерская выдвинула в первую очередь вопросы о происхождении языка и происхождении поэзии.

Мастерская затем выдвинула в качестве очередных вопросов следующие: о материале и приемах, об образности и беспредметности, эволюции поэтических школ и современных группировках, искусство и революция, искусство и народные песни, искусство и философия, техника стихосложения.

По чисто внешним причинам Совету Мастерской не удалось привлечь в эту работу широкие поэтические круги,⁶ поэтому решено было на 1-й год вести инициативной группой, пополненной 2 членами Союза, выдвинутыми правлением, и совместно с 5 членами Союза, заявившими о желании прочесть доклады.

Кроме того, в плане работ было намечено пригласить еще Жирмунского и Тынянова для докладов.

Работы в течение года велись в следующем плане:

⁶ В черновой редакции «Отчета» этот фрагмент выглядит так: «Косность широких поэтических кругов не дала возможности вовлечь в эту работу весь Союз» (РО ИРЛИ, ф. 749; авторграф А. В. Туфанова).

Происхождение языка
Происхождение поэзии
Материал и прием
Образность и беспредметность
Современные группировки
Искусство и революция
Искусство и философия
Искусство и народные песни
Художественные сказки и наука о детях.

Помимо теоретических работ намечены еще следующие практические мероприятия:

- а) организация библиотеки по вопросам поэтики
- б) ——— „ ——— музея материалов о современных поэтах
- в) экскурсии по истории поэтики
- г) издание работ Мастерской
- д) организация студии при Мастерской.

Выполнить целиком намеченный план, конечно, не удалось, но Мастерская в настоящее время имеет уже в своем распоряжении работы некоторо<ых> членов, готовых для вечеров с диспутами. Наличие этих работ привела Совет Мастерской к мысли об устройстве вечеров-выставок.

Первой такой выставкой был вечер в марте, на котором был заслушан доклад Афанасьева-Соловьева о зауми. Вечер прошел с большим оживлением, и четверо из присутствующих заявили о желании вступить в группу заумников.⁷

Заканчивая 1-й организационный период своей деятельности, Совет Мастерской обращается с просьбой к общему собранию — идти самим к анализу творческих процессов и к анализу приемов организации своего материала. Мастерская предлагает утвердить Совет Мастерской: Туфанов, Афанасьев-Соловьев и Ричиотти для планомерного ведения работы в дальнейшем.

Председ<атель> Сов<ета> Маст<ерской> Туфанов.⁸

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Наказ

**вновь избираемому правлению Ленинградского отдела
Всероссийского союза поэтов, принятый общим собранием
членов Союза 23 апреля 1925 г.**

Революция открыла трудящимся массам доступ к искусству, являющемуся одним из важнейших орудий организации сознания. Революционной литературе принадлежит в современности по праву почетное место. Со-

⁷ В двух черновых редакциях «Отчета» А. В. Туфанов называет группу «Орденом заумников» (Там же).

⁸ РО ИРЛИ, ф. 699, № 88, л. 3—4 об. Публикуется по автографу А. В. Туфанова.

временная поэзия — не салонная забава эстетов, но мощная общественная сила. Облегчить широким массам доступ к поэзии, вовлекать одаренных товарищей в творческую работу — вот основная задача Союза.

Правление Ленинградского отдела ВСП, опираясь на опыт организационной работы в истекшем году, предлагает от имени общего собрания вновь избранному правлению руководиться в своей деятельности следующими положениями:

1. Продолжить, расширить и углубить работу в рабочих и красноармейских клубах, вузах, рабфаках и прочих организациях, в целях воспитания нового революционного читателя, посредством устройства вечеров, выставок, докладов, диспутов и руководства кружками. Развернуть ряд показательных вечеров, связывая их идеологически с живейшими запросами революционной современности, посвящая их целям и задачам МОПРа, советского строительства, культсмычки и т. д., а также революционным праздникам и годовщинам.

2. В области внутренней работы Союза — еще более расширить плановые еженедельные собрания, демонстрируя на них свежий художественный материал и вовлекая новые и новые творческие силы.

3. Расширить и популяризовать работу имеющейся при Союзе Мастерской по изучению поэтики, устраивая показательные вечера и вовлекая в ее состав новые силы.

4. Приемочной комиссии — при зачислении в члены Союза, на основании опыта проделанной работы, опираться на профессиональные признаки, понимая последние в смысле мастерского использования данным автором тех или иных приемов организации материала. Лица, не вполне удовлетворяющие этим требованиям, могут, по строгому отбору комиссии, зачисляться кандидатами в члены Союза.

5. Для кандидатов в члены Союза и для всех молодых поэтов, желающих повысить свою квалификацию, организовать при Союзе студию, привлекая к работе в ней активных членов Союза.

6. В целях содействия развитию молодой революционной литературы приступить к организации кооперативного издательства.

7. По профсоюзной линии — продолжить вовлечение членов ВСП в секцию работников печати Губпроса. Всячески заботиться, в тесном контакте с секцией печати, о защите интересов членов Союза — правовых, тарифно-экономических, в отношении охраны труда и т. д. Вести работу среди членов Союза по ликвидации профбезграмотности.

8. В целях предоставления нуждающимся членам Союза средств к существованию — организовать при Союзе производственное бюро (бюро труда), которому войти в тесный контакт с культотделами профсоюзов, театрами и всеми культурно-просветительными организациями, нуждающимися в литературно-поэтическом материале.⁹

⁹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 12, л. 28—28 об. Публикуется по автографу <Иин. Оксенова?>. Проект наказа, принятый единогласно с единственной поправкой. По предложению пролетарского поэта И. Васильева в пункт 4 после слов «...тех или иных приемов организации материала» включена дополнительная формулировка: «и учитывая его общественную значимость» (записано в протоколе общего собрания от 23 апреля 1925 г.: Там же, л. 18 об.).

Докладная записка

<Декабрь 1925 г.>

Объединение под назв[анием]¹⁰ «Левый фланг» состоит из представителей левых [течений] в Ленинграде — зауми, конструктивизма, речевока и экспрессиониз[ма] с их ответвлениями.

В объединение входят: [Бугаевский], Введенский Александр (авто-ритет бессмыслицы), Джемла Евг., Заточник Даниил, Марков Игорь (речевок), Соловьев Кота, Туфанов Александр (заумь), Черный Борис (конструктивист), Борис Западалов (экспрессионист)¹¹ — всего 8 человек.

В основу объединения положены: начало формальных достижений и борьба с застывшим академизмом и поэтической неграмотностью.

Программой объединения служит не синтез, а сумма программ его членов.

Теоретические работы в области поэтики [имеются у А. Туфанова] (см<отри> 44 и 45 стр<аницы> указателя Бродского, Гусева и Сидорова — «Русская устная словесность»)¹² Кроме того, имеется доклад, заслушанный в Академии наук под назв<анием> «Поэтика частушек при напевном строе».¹³ Работы в зауми ведутся в согласовании с физиологическими опытами Павлова и с новейшими данными индоевропейского, а также яфетического языкознания.

По вопросу речевого образа (речевок) имеется доклад Маркова Игоря, заслушанный в Союзе поэтов и Обществе любителей русского языка.¹⁴ Черный стоит на платформе, опубликованной в «Мена всех».¹⁵

¹⁰ Документ написан рукой И. И. Маркова. В квадратные скобки заключены приписки и вставки рукой А. В. Туфанова.

¹¹ Фамилия Западалова зачеркнута А. В. Туфановым.

¹² Имеется в виду библиографический указатель «Русская устная словесность» (Л.: Колос, 1924), составленный Н. Л. Бродским, Н. А. Гусевым, Н. П. Сидоровым. Издан под грифом Центрального бюро краеведения при Российской Академии наук. На с. 44 и 45 приведены сведения о работах Туфанова «Метрика и ритмика народных частушек» (Известия Архангельского общества изучения русского севера. 1919. № 1, 2), «Метрика, ритмика и тематика частушки» (Красный журнал для всех. 1923. № 7—8). Название последней статьи указано неверно. В «Красном журнале для всех» опубликована статья Туфанова «Ритмика и метрика частушек при напевном строе». Републикована Ж.-Ф. Жаккарот: *Туфанов А. Ушкуйники*. С. 128—141.

¹³ Очевидно, имеется в виду доклад Туфанова «Ритмика, метрика и тематика частушек при напевном строе», прочитанный 20 апр. 1922 г. на заседании этнографического отделения Академии наук. Сведения о нем приведены Туфановым в примеч. к его статье «Ритмика и метрика частушек при напевном строе», написанной по докладу.

¹⁴ Сведений об этом докладе установить не удалось.

¹⁵ Речь идет о сборнике конструктивистов К. Зелинского, А. Н. Чичерина, Э.-К. Сельвинского «Мена всех: Конструктивисты. Поэты» (М., 1924). В нем опубликованы декларация и «Клятвенная конструкция конструктивистов-поэтов», статья К. Зелинского «Конструктивизм и поэзия», стихотворения Ильи (Эллия-Карла) Сельвинского и А. Н. Чичерина.

При устройстве вечера одному из участников предоставляется слово об искусстве,¹⁶ [на вечере один из участников информирует собрание о выступающих], а затем программа распадается на 8 программ. Образец прилагается при сем.

[Примерная программа:]¹⁷

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Ленинградский Союз поэтов

<Октябрь 1929 г.>

В апреле 1929 г. ленинградский Союз поэтов праздновал пятилетие своего существования. Ленинградские поэты могли с некоторым удовлетворением оглянуться на пройденный путь.

При подведении пятилетних итогов у «ветеранов» молодого Союза возникали воспоминания о шумных вечерах в тесных комнатах Союза писателей или в «Доме печати» (своего помещения у Союза поэтов не было), о горячих прениях по поводу прочитанных стихов, о выездах в районы, наконец, о трудностях, связанных с изданием сборников Союза.

С самого начала жизни Союза была взята правильная общественная установка всей его работы. Ленинградский Союз поэтов все более и более становился подлинно советским, живо откликаясь на запросы советской общественности. Общественная деятельность Союза заключалась не только в организации выступлений в рабочих клубах, домпросветах, вузах и т. д., но также в той общественно-воспитательной работе, которую Союз проводил среди своих членов, дисциплинируя их, повышая их творческую активность. Некоторые члены Союза занимали и занимают те или иные «командные высоты» в Федерации объединений советских писателей, в Литфонде и т. д.

Из сказанного ясно, что между ленинградским Союзом поэтов и прежним Союзом писателей было мало общего. Самый принцип приема членов, имевший в Союзе писателей чисто формальный характер, в ленинградском Союзе поэтов опирался на требование не только литературной, но и общественной зрелости поэта. Но еще меньше общего было между ленинградским и московским Союзом поэтов. Последний, вследствие своего местопребывания в центре, имеющий наименование Всероссийского союза поэтов, играл по отношению к ленинградскому Союзу роль богатого «дядюшки», присвоившего себе по положению всякого рода права и блага

¹⁶ Начало предложения зачеркнуто Туфановым. Упомянутое Марковым «слово об искусстве» относится, очевидно, к докладу Туфанова «Слово об искусстве», подготовленному для вечера. Опубл.: *Туфанов А.* Ушкуйники. С. 181—183.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 749. Публикуется по автографу И. И. Маркова со вставками А. В. Туфанова, заключенными публикатором в квадратные скобки. Предпоследнее предложение зачеркнуто Туфановым. Программа не указана.

(устав, издательство и т. д.), в то же время совершенно не интересуясь положением дел в Ленинграде.

Но хуже всего было то, что этот московский «дядюшка» вел совершенно разгульный образ жизни, никак не подобающий советской литературной организации. Московский Союз поэтов прославился, скажем прямо, кабацкой «установкой» своей «полезной деятельности». Вошедшие в историю богемы «стойла Пегаса» поглотили все внимание московского Союза, упорно не откликаясь на все попытки ленинградского правления установить с ним какую-либо деловую связь.

Необходимость отмежеваться от москвичей, компрометирующих имя организации, для ленинградского Союза назрела уже давно. Литературно-общественные события последнего времени ускорили этот процесс. Преобразование Союза писателей в Союз *советских* писателей и перерегистрация членов последнего поставили перед ленинградским Союзом поэтов вопрос об отношении к обновленному Союзу писателей.

Ленинградский Союз поэтов, путем ежегодной чистки проверявший свои ряды и создавший общественно-здоровый и художественно-сильный кадр работников стиха, не был застигнут событиями врасплох. В период, когда внимание всей советской общественности приковано к литературным организациям, когда история диктует необходимость объединения всех подлинно советских литературных сил, — ленинградский Союз поэтов в лице своего правления принял правильное решение, уже утвержденное общим собранием: *заявить о своем выходе из Всероссийского союза поэтов и в полном составе вступить в качестве самостоятельной секции поэтов в ленинградский отдел Всероссийского союза советских писателей.*

Инн. Оксенов.¹⁸

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Новая форма организации ленинградских поэтов

<Октябрь 1929 г.>

Ленинградский Союз поэтов, основанный в 1924 году, был в течение пяти с лишним лет организацией, объединявшей весь поэтический актив Ленинграда (итоги работы Союза за пятилетие были намечены в № 15 «Жизни искусства» с<его> г<ода>). В числе учреждений (sic! — Т. К.) ленинградского Союза были И. Садофьев, Н. Тихонов, А. Маширов, А. Крайский, Е. Полонская, Всев. Рождественский и др<угие>, из которых первые

¹⁸ Публикуется по тексту в: Красная газета. Веч. вып. 1929. 26 окт. № 269. С. 4. Фрагмент статьи без указания автора републ.: *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс... S. 171. Немногом ранее Оксенов выступил в печати с критикой прежнего, «попутнического» Союза писателей (Красная газета. Веч. вып. 1929. 15 окт. № 259. С. 4). Московская пресса, в частности «Литературная газета», орган ФОСП, ликвидацию Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов обошла молчанием.

двое бессменно возглавляли Союз в течение всего времени его существования.

В противоположность старому Союзу писателей (до его реорганизации) ленинградский Союз поэтов чрезвычайно строго относился к приему новых членов, предъявляя к вступающим в Союз требования не только литературной, но и общественной квалификации. Ежегодно в Союзе поэтов производилась перерегистрация, т. е. чистка всего состава Союза. Таким образом, ныне объявленный советской общественностью «смотр» литературных организаций не имел и не мог иметь для ленинградского Союза поэтов сколько-нибудь «рокового» значения. Союз кое-что делал, кое-чего достиг и в смысле пропаганды поэтического слова в массах.

Формально ленинградский Союз поэтов не был самостоятельным, числясь отделением Всероссийского союза поэтов, центр которого находится в Москве. Эта зависимость — хотя и чисто формальная — всегда была больным местом лен<инградского> Союза. Московский, так называемый Всероссийский, Союз поэтов никогда не интересовался Ленинградским отделом, упорно не откликаясь на все попытки ленинградского правления установить взаимную деловую связь. Но еще хуже было то, что московский Союз культивировал богему (то, чего не было и нет в среде ленинградских поэтов), ударившись в сомнительные клубно-кафейные предприятия. Необходимость отмежеваться от москвичей, компрометирующих имя литературной организации, для ленинградского Союза поэтов назрела уже давно.

С другой стороны, литературно-общественные события последнего времени поставили перед ленинградскими поэтами и вопрос об отношении к обновленному Союзу советских писателей. Было ясно, что создававшаяся обстановка диктует необходимость концентрации, объединения (а не распыления) всех *подлинно советских* литературных сил.

Исходя из этих оснований, правление лен<инградского> Союза поэтов приняло 7 октября предварительное постановление о *выходе* ленинградского Союза поэтов из *Всероссийского союза поэтов и о вступлении* Союза *in corpore* в Лен<инградский> отдел *Всеросс<ийского> союза советских писателей* в качестве самостоятельной секции поэтов.

Общее собрание членов лен<инградского> Союза поэтов 18 октября, одоблив это решение, единогласно вынесло следующую резолюцию:

1. Московский центр *Всеросс<ийского> союза поэтов* в течение всей своей деятельности вызывал справедливые нарекания советской общественности. Неясность идеологической установки московского центра способствовала уклону в богему и увлечению сомнительными предприятиями, ничего общего с задачами Союза не имевшими, отсутствию связи с советской литературной общественностью, беспринципности в условиях приема в Союз и т. п. Все это коренным образом противоречило идеологической установке и работе Ленинградского отдела Союза.

2. Ленинградский отдел Союза поэтов неоднократно обсуждал вопрос о выходе из *Всеросс<ийского> союза поэтов*, но объективные причины мешали созданию самостоятельной организации. Что же касается вопроса о вхождении во *Всеросс<ийский> союз писателей*, то это не могло осуществиться, так как принципы работы *Всеросс<ийского> союза писателей* до

его реорганизации не отвечали общей линии деятельности ленинградского Союза поэтов.

3. Сейчас, когда вопрос о создании подлинной литературной советской общественности возник во всей остроте, общее собрание ленинградского Союза поэтов постановило: а) считать ленинградский Союз поэтов вышедшим из Всероссийского союза поэтов; б) войти самостоятельной секцией в Ленинградский отдел Всеросс<ийского> союза советских писателей.

Инн. Оксенов.¹⁹

¹⁹ Публикуется по тексту в: Жизнь искусства. 1929. № 43. 27 окт. С. 13.

Г. А. Космолинская

К ВОПРОСУ О ПОРТРЕТЕ Ф. В. КАРЖАВИНА

Фигура Федора Васильевича Каржавина (1745—1812) — разночинного интеллигента, выросшего в Париже и получившего образование в Сорбонне, переводчика с нескольких европейских языков и издателя, страстного библиофила и путешественника (список можно продолжать) уже давно привлекает к себе внимание исследователей. О нем писали историки и филологи, библиографы и искусствоведы, а также философы и писатели-романисты.¹ Материалы о жизни и деятельности Каржавина, во множестве рассеянные по российским и зарубежным архивам и библиотекам, действительно могут обеспечить самые различные направления в изучении эпохи Просвещения.

Сегодня мы знаем об этом человеке немало, хотя известная склонность Каржавина к авантюризму и мистификации явно не способствует прозрачности его биографии. Так, до сих пор исследователи гадают: мог ли Каржавин (вместе с Ерменевым) быть очевидцем Французской революции? Что побудило его в 1776 г. отправиться в далекую Америку как раз в разгар происходившей там войны за независимость? Была ли, наконец, его неожиданная смерть самоубийством? Загадок достаточно. И в том числе — как выглядел этот человек? Был ли он красив или не слишком хорош собой, худым и желчным холериком или, напротив, добродушным сангвини-

¹ Назову лишь некоторые публикации: *Дуров Н. П.* Федор Васильевич Каржавин (1745—1812) // Русская старина. 1875. Т. 12; *Алексеев М. П.* Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина // Учен. зап. ЛГУ. Серия: филология. 1961. Вып. 59. № 299. С. 8—36; *Герчук Ю.* Жизнь и странствия Федора Каржавина // Прометей. М., 1967. Т. 2. С. 92—106; *Полонская И. М.* Издательская деятельность Ф. В. Каржавина // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 160—214; *Долгова С. Р.* Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984; Письма русских писателей XVIII века. Л., 1984. С. 224—241 [Письма Ф. В. Каржавина к отцу 1754—1765 гг.; публикация С. Р. Долговой]; *Космолинская Г. А.* Неизвестный альбом Ф. В. Каржавина «Виды старого Парижа» // Панорама искусств. 1989. № 12. С. 338—352. Библиографию работ о Каржавине можно найти в Internet-издании: Федор Васильевич Каржавин (к 255-летию со дня рождения) // Два века. Журнал российской истории XVIII—XIX столетий. 2000. № 1. Раздел «Personalia» (www.dvaveka.pp.ru).

ком? На самом деле для историка, изучающего каржавинские месседжи более чем двухсотлетней давности, этот вопрос не является праздным: облик человека говорит о многом.

До сих пор, к сожалению, не известно ни одного достоверного изображения Каржавина.² Некоторое представление о его внешности мы можем почерпнуть из словесного описания в паспорте, выданном ему, «тридцатидвухлетнему уроженцу Петербурга», в Париже для поездки на остров Мартиника: «Рост около пяти футов и двух с половиной дюймов, волосы и брови — шатен, лицо овальное, полное».³ Действительно, все, что нам известно о характере, поступках и вкусах Каржавина, скорее говорит в пользу именно такого, «сангвинического» его облика.

В 1982 г. вышла монография историка искусств (тогда уже покойного) Алексея Николаевича Савинова о художнике Иване Ерменеве.⁴ В ней впервые была воспроизведена акварельная миниатюра из Русского музея — «Портрет неизвестного офицера армейской пехоты» — работы И. Ерменева с датой «1792» (рис. 1).⁵ На портрете изображен мужчина средних лет (Каржавину в это время было 47 лет), круглолицый, слегка склонный к полноте, с умным прищуром и затаенной улыбкой. А. Н. Савинов осторожно предположил, что это Ф. В. Каржавин,⁶ который, как известно, был не только близко знаком с Ерменевым, но и не раз заказывал ему портретные миниатюры. «Такое предположение не исключено, — писал Савинов, — но в нем нельзя быть уверенным до обнаружения бесспорного его (Каржавина. — Г. К.) портрета для сопоставления с миниатюрой 1792 года».⁷

Знакомство Каржавина с Ерменевым состоялось в 1788 г. в Париже. Тогда же он заказал художнику 4 портрета, до нас не дошедших.⁸ Сохранилось замечательное свидетельство Каржавина об одном из них — портрете его жены Шарлотты Рамбур. «Когда я вижу тебя изображенной на слоновой кости, — писал Каржавин жене в Париж, — то мне кажется, что я вижу саму тебя, тебя слышу, с тобою говорю; если Ерменев и причинил мне много неприятностей, то, по крайней мере, я обязан ему самым большим

² В книге В. И. Рабиновича «Вслед Радищеву... Ф. В. Каржавин и его окружение» (М., 1986) помещены два портрета Каржавина (один из них — парный, на нем Каржавин (?) изображен с женой), но, к сожалению, без какой-либо аргументации и, главное, без указания на происхождение этих изобразительных материалов. См. также: Вопросы истории. 1987. № 12 (здесь опубликованы материалы «круглого стола», посвященного мифам о Каржавине, и в частности — упомянутой книге Рабиновича).

³ «...agé de trent deux ans, taille d'environ cinq pieds deux ponces et demi, cheveux et sourcils chatains, visage oval, plein...» (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, д. 100, л. 272).

⁴ Савинов А. Н. Иван Алексеевич Ерменев. Л., 1982. 170 с. (далее — Савинов).

⁵ ГРМ, собр. С. Д. Шорох, Ж-299. Воспроизведение миниатюры в цвете см. в книге А. Н. Савинова (С. 170).

⁶ В прошении Ф. Каржавина в Адмиралтейскую коллегию (1797) значится: «...в обер-офицерском чине состоит 30 лет» (РГА ВМФ, ф. 198, оп. 1, ед. хр. 2, л. 227 об.—228; цит. по: Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. С. 42). Он называет себя «Officier Russe» в своем издании, поднесенном в 1776 г. в Париже И. И. Шувалову (РО ИРЛИ, ф. 93 (собр. П. Я. Дашкова), оп. 2, ед. хр. 103, л. 109). Офицерский чин, вероятно, был получен Каржавиным при зачислении на службу в Экспедицию кремлевского строения (1769).

⁷ Савинов. С. 170.

⁸ В записях Каржавина о выплатах значится: «Всего около 2 луйдоров Ерменеву дано, за 4 портрета» (ГРМ, сектор рукописей, ф. 14, № 43, л. 2; цит. по: Савинов. С. 156).

моим удовольствием — твоим присутствием».⁹ Ерменеву действительно удалось добиваться в своих портретах-миниатюрах большого сходства, создающего эффект присутствия. Историки искусств, анализируя редкие дошедшие до нас работы художника,¹⁰ отмечают характерную индивидуализацию его портретов. Непростые отношения Каржавина и Ерменева продолжались и в Петербурге, что можно проследить вплоть до начала 1790-х гг., после чего след художника теряется.

Миниатюра Ерменева «Портрет неизвестного офицера армейской пехоты» (1792), поступившая в фонды Русского музея в начале 1941 г.,¹¹ так и осталась со знаком вопроса; ее атрибуция больше не обсуждалась. Понятная осторожность не позволяет исследователям безоговорочно принять ее в качестве «портрета Ф. Каржавина», однако в популярных изданиях она именно так и воспроизводится — без каких-либо оговорок и необходимых в таких случаях пояснений.¹² Вот почему, как мне кажется, совсем бесполезно вновь обратиться к вопросу об иконографии Каржавина, даже не имея пока в руках «бесспорного», как того ожидал Савинов, подтверждения его гипотезы.

Как ни странно, но «Портрет неизвестного офицера армейской пехоты» из требующего подтверждения при сравнении неожиданно становится своего рода эталоном. Он всплыл в памяти, когда в работе над известным каржавинским конволютом, составленным из разносортных рукописных материалов под названием «Сгар book»,¹³ я дошла до л. 47, точнее — до его оборотной стороны, на которой оказался не привлекавший до сих пор внимания рисунок пером — гротеск, изображающий смеющегося мужчину. Характерной округлости его лица (знакомой по миниатюре Ерменева!), усиленной широчайшей улыбкой и буглями, был подстать и эмоционально размашистый штрих (рис. 2).

Автопортрет?

Для нашего анализа интерес представляет л. 47 в целом.

Рисунок «смеющегося мужчины» был сделан Каржавиным на обороте листа, где теми же чернилами им записано стихотворение Г. Р. Державина «Властителем и судиям». Дата «1787» означает, что источником ему послужила публикация в «Зеркале света».¹⁴ Державинские строфы как картушем обрамляют другой рисунок Каржавина, изображающий упавшую женскую фигуру, напоминающую статую (рис. 3). Знаменитые строки — «И вы подобно им падете...» — находят явную переключку с позой женщины-статуи. Рисунок сделан уверенной рукой, привыкшей держать карандаш

⁹ Санкт-Петербург, 7 сент. 1788 г.; цит. по: Савинов. С. 152 (оригинал по-французски).

¹⁰ См., например, портрет русского посланника в Париже И. М. Симолина (Савинов. С. 152—153).

¹¹ Галич Л. Ф. Новое об И. А. Ерменеве // Сообщения ГРМ. Л., 1956. Вып. 4.

¹² Например, в беллетристическом повествовании Дмитрия Демина «История странствий Теодора Лами, русского флибустьера», опубликованном в журнале «Вокруг света» (1996. № 10. С. 71).

¹³ РО ИРЛИ, ф. 93 (собр. П. Я. Дашкова), оп. 2, ед. хр. 103, л. 47 об.

¹⁴ Ода Державина «Властителем и судиям» — переложение 81-го псалма, впервые была опубликована в журнале Ф. Туманского «Зеркало света» (1787); до и после этой публикации она находилась под цензурным подозрением за ее «якобинский» пафос (см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. I. С. 111).

и перо. Видевшие его исследователи, может быть несколько категорично, но не без основания, находили в женщине сходство с Екатериной II.¹⁵ Любопытно, что подпись под стихотворением может быть прочитана двояко: и как «Державин», и как «Каржавин». Эта небрежность письма, однако, вполне в духе каржавинских мистификаций.

«Смеющийся мужчина» как бы завершает собой всю безыскусную композицию на л. 47, пронизанную пафосом оды Державина, смехом снимая напряжение, которое явно ощутимо в самом акте переписывания «якобинских» стихов. И разве не сродни эта эмоция смеха тому восторженному восклицанию — «Прекрасно!», которое рядом со строфой державинской оды — «И вы подобно так умрете, / Как ваш последний раб умрет!» — было записано И. Дмитриевым?¹⁶

Типологическое сходство «смеющегося мужчины» и «офицера» из Русского музея позволяет (разумеется, с огромной долей осторожности) предположить, что теперь нам известны два изображения Каржавина, связанные между собой. Оба, к сожалению, пока со знаком вопроса. Не о таком «бесспорном» подтверждении, возможно, мечтал Савинов. Но все-таки сходство между собой этих двух изображений нельзя оставить без внимания. К тому же все, что нам известно о характере, поступках и вкусах Каржавина, говорит скорее в пользу такого, именно «сангвинического» его облика. Во всяком случае, к первому осторожному предположению добавилось столь же осторожное дополнение.

¹⁵ В. И. Рабинович, например, утверждал, что рисунок — «кариатура на царствующую особу, свобода нравов которой была широко известна», он изображает «развалившуюся на ложе обрюзгшую старуху, единственной одеждой которой является... корона» (Рабинович В. И. «Вслед Радищеву...»... С. 47). Замечу, что фигуру все-таки нельзя назвать обнаженной в полном смысле этого слова, скорее она то, что принято называть «полуобнаженная», т. е. в деэбилье.

¹⁶ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. С. 113.

А. А. Арустамова

ПИСЬМО Ф. И. ТОЛСТОГО-АМЕРИКАНЦА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ*

Деятельность Российско-Американской компании (РАК), игравшей значительную роль не только в экономической, политической, но и в культурной жизни России в XVIII—XIX вв., до сих пор привлекала внимание преимущественно представителей исторической науки. Между тем филологическое исследование уже опубликованных текстов, связанных с деятельностью РАК, и включение в научный оборот богатейшего рукописного материала позволило бы значительно расширить представление об особенностях духовной жизни эпохи, в частности о литературном быте того времени, уточнить наш взгляд на историко-литературный процесс конца XVIII—середины XIX в.

Среди служащих РАК или тех, кто был так или иначе связан с компанией, можно назвать ряд имен поэтов, писателей, литературных деятелей, например К. Рылеева, А. Ротчева. В их числе и Кирилл Тимофеевич Хлебников (1784—1838), помощник главного правителя Российско-Американской компании, правитель главной Ново-Архангельской конторы Российско-Американской компании, чей круг общения включал многих литераторов первой половины XIX в., видных путешественников, исследователей северо-запада Америки и Калифорнии (Н. Полевой, А. Краевский, Н. Греч, И. Крузенштерн, Ф. Врангель и др.).

Завербованный комиссионером Российско-Американской компании в 1800 г. (по другим данным, в 1801 г.), Хлебников отправился на Камчатку в качестве агента РАК. Именно в этот период формируется сохранявшийся затем на протяжении всей жизни глубокий интерес Хлебникова к тем землям, в которых ему приходилось бывать. Еще на Камчатке познакомившись с видными мореплавателями и путешественниками, К. Т. Хлебников начал вести записи, интенсивную переписку с исследователями края, обращал пристальное внимание на климат, флору, фауну этих мест, интересо-

* Сообщение подготовлено к печати при поддержке гранта РГНФ № 03-04-00243 а\т.

вался жизнью коряков, эвенков, камчадалов, чему способствовали его многочисленные служебные поездки.

На службе РАК в Русской Америке Хлебников находился с 1817 по 1832 г. Этот период его деятельности был временем активных действий по развитию РАК, расширению торговых связей в русских колониях. Во многом именно благодаря Хлебникову укреплялись связи с Калифорнией (ежегодно он посещал принадлежавший компании форт Росс в Калифорнии), налаживались отношения с испанскими властями, была совершена поездка в Южную Америку с целью закупки продовольствия для русских колоний.

В Государственном архиве Пермской области (ГАПО) в личном фонде 445 (Кирилл Тимофеевич Хлебников) находятся богатейшие материалы, связанные с деятельностью помощника главного правителя РАК. Корпус материалов фонда составляют служебные записки и письма Хлебникова, в том числе адресованные Правлению РАК, главным правителям русских колоний, его дневниковые записки, обширная деловая и частная переписка как с русскими, так и с американскими адресатами.

В числе документов было обнаружено адресованное Хлебникову письмо следующего содержания:¹

Вверху указана дата получения: «получено 21-го марта».

1805—генваря <нрзб>

Любезный Кирило Тимофеевич!

Благодарю тебя за рекомендацию, которая мне доставила приятное знакомство. Судьба, управляющая нами, не велит располагать будущим, я никогда бы не поверил, что проживу столь долго в сем городке, паче того, мог ли думать, что буду <отцом> моего любезного Казаринова. Который заменит долгое письмо и изустно тебе расскажет, как здесь <жил> и все... и все. Пожелаю тебе всякого благополучия, всего только, что можно желать милому человеку как ты, пребуду навсегда с искренней дружбой тебя любящий

Толстой.

Прошу верить в моем искреннем почит<ании>Марию Семеновнуу.

Наше внимание привлекла подпись «Толстой». Известно, что в 1805 г. К. Т. Хлебников служил коммивояжером РАК на Камчатке, и только позже, в 1817 г., местом его службы стала Русская Америка. Известно также, что единственным представителем ряда Толстых, который имел в это же время отношение к Камчатке, был Ф. Толстой, прозванный Американцем.

В судьбе Толстого намного больше загадок и вопросов, чем ответов и точно установленных фактов. Его жизнь была полна бурных событий, экзотических приключений, к числу которых относится и участие в первом русском кругосветном плавании.

В 1804 г. состоялась первая кругосветная экспедиция на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием лейтенантов И. Крузенштерна и Ю. Лисянского. Ее задачами были налаживание доставки грузов в русские

¹ ГАПО, ф. 445, оп. 1, д. 353, л. 1. Мы воспроизводим прочтение рукописного текста письма Ф. Толстого, предложенное сотрудником ГАПО А. В. Бушмаковым. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохранением некоторых особенностей.

колонии морским путем, организация сбыта товаров РАК в Китай, осуществление научных исследований. В эту экспедицию был отправлен и Ф. Толстой.² Как пишет С. Л. Толстой, на корабле «Надежда», капитаном которого являлся Крузенштерн, находился в качестве кавалера посольства Резанова гвардии поручик Ф. И. Толстой. Кругосветный вояж известного бретера начала века был способом избежать наказания за дуэль.

Однако в силу ряда обстоятельств (непростые отношения с офицерами и командой, Резановым, Крузенштерном, неподобающее поведение во время пути) он был высажен на берег Камчатки — в Петропавловске. Об этом свидетельствует запись Крузенштерна: «В свите посланника последовала между тем некоторая перемена. Поручик гвардии его и. в. граф Толстой, врач посольства Бринкин и живописец Курляндцев оставили корабль и отправились в Санкт-Петербург сухим путем».³ Этот факт находит подтверждение и в недавно опубликованных дневниках лейтенанта Е. Левенштерна, служившего на «Надежде». В дневнике Левенштерна читаем: «Кошелев (генерал-губернатор Камчатки. — А. А.) взял на себя снабжением нас всем, что только может предоставить Камчатка. Капитан Федоров собирает Резанову телохранителей. Граф Толстой остается. Живописец Курляндцев утверждает, что у него каменная болезнь, и он должен волей-неволею остаться. В угоду ему и из человеолюбия остается и Бринкин».⁴

Во время своего пребывания на Камчатке Толстой вполне мог познакомиться с коммивояжером РАК, в то время единственной компании, торгующей пушниной на обширнейших территориях Камчатки и северо-запада Америки.

Все эти факты дали основание предположить, что автором небольшого письма к Хлебникову является именно Ф. Толстой-Американец. Для проверки этой гипотезы было предпринято почерковедческое исследование. В качестве образца почерка было взято хранящееся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН письмо Ф. Толстого-Американца от 22 декабря 1839 г., атрибутированное как «Автограф об издании произведений недавно умершей Сарры Толстой».⁵ Почерковедческое исследование, проведенное в Пермской лаборатории судебной экспертизы, показало иден-

² Подробнее об этом см. в монографии: *Толстой С. Л. Федор Толстой Американец*. М., 1990.

³ *Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»*. М., 1950. С. 104.

⁴ *Левенштерн Е. Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном. Дневник лейтенанта «Надежды» (1803—1806)*. СПб., 2003. С. 164. Дневник Е. Левенштерна является документом, проливающим свет на некоторые обстоятельства путешествия Толстого-Американца на корабле «Надежда». Автор, хотя и весьма лаконично, пишет о том, как проходило плавание, затрагивает вопрос взаимоотношений Толстого и команды корабля, уделяет внимание сложностям в отношениях между графом, Резановым и Крузенштерном. С. Толстой приводит сведения о том, что Ф. Толстой посещал о. Ситха, за что, собственно, его и прозвали Американцем. Очевидно, это случилось уже после отплытия «Надежды» из Петропавловска, где остался Толстой. Во всяком случае, в дневнике Левенштерна сохранилась запись, сделанная во время второго прибытия «Надежды» в Петропавловск (после выполнения миссии в Японию): «Павел Иванович (Кошелев. — А. А.) о графе Толстом вынес следующее суждение: „Он приятный собеседник, но беспутный пес. Я с трудом отделался от него после вашего отплытия в Японию“» (Там же. С. 359).

⁵ РО ИРЛИ, 27.884.

тичность почерка автора письма к Хлебникову почерку письма Ф. Толстого-Американца, находящегося в РО ИРЛИ.

Таким образом, найден новый документ, автором которого является Толстой-Американец. Данная находка тем более интересна, что письменные источники, связанные с личностью графа Толстого-Американца, крайне скудны. Особенно загадочны обстоятельства его пребывания на Камчатке и, возможно, Аляске. Каждый найденный документ, отражающий перипетии его крайне насыщенной событиями, бурной и до сих пор во многом загадочной жизни, заслуживает внимания исследователей.

Рассмотрение найденного документа позволяет сделать несколько предположений и поставить ряд вопросов, которые еще ждут своего разрешения. Тон письма, обращение к Хлебникову на «ты», изъявление дружеских чувств дают основание полагать, что граф Толстой и его адресат были хорошо знакомы. Таким образом, может быть расширен круг общения Толстого-Американца. Однако сколь близким и долгим было общение коммивояжера РАК и опального Толстого, продолжилось ли оно впоследствии, в частности, после возвращения Хлебникова в столицу, еще предстоит выяснить. Крайне интересно понять, что связывало двух столь различных людей — вынужденное пребывание на одной территории или какие-то духовные интересы? Сколь глубокий след оставило это знакомство в судьбах Хлебникова и графа? Связано ли каким-то образом путешествие Толстого на Аляску с дружбой с Хлебниковым?

Неясны также обстоятельства, о которых упоминается в письме: в частности, неизвестно, в каком «городке» (Петропавловске?) и как долго находился Толстой, не установлена личность Казаринова. Что именно мог рассказать Казаринов Хлебникову и возможно ли найти в бумагах последнего еще какие-либо указания на характер общения с Толстым? Вопросы можно множить и продолжать искать на них ответы. Несомненным остается то, что данный документ является еще одним штрихом к биографии Ф. Толстого-Американца «камчатского» этапа его жизни.

Т. З. Сквирская, Е. В. Хаздан

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ В ЗАПИСИ МУСОРГСКОГО

(из коллекции Пушкинского Дома)

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится автограф М. П. Мусоргского из собрания П. Я. Дашкова (1849—1910). Уникальная коллекция известного библиографа, собирателя материалов по истории русской культуры поступила в Пушкинский Дом в 1919 г. и насчитывает свыше 4000 документов (4396 ед. хр.). В ней содержатся ценные материалы по русской истории, литературе, истории музыки, в частности, автографы М. И. Глинки, Н. А. Римского-Корсакова, А. Г. Рубинштейна, Э. Ф. Направника и др. В собрании Дашкова — семь писем Мусоргского и два его нотных автографа. Один из них, содержащий фрагмент оперы «Хованщина», исследован А. Ю. Кастровым.¹ Вторая запись помечена композитором как «еврейская» и датирована 9 мая 1877 г. (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 862).

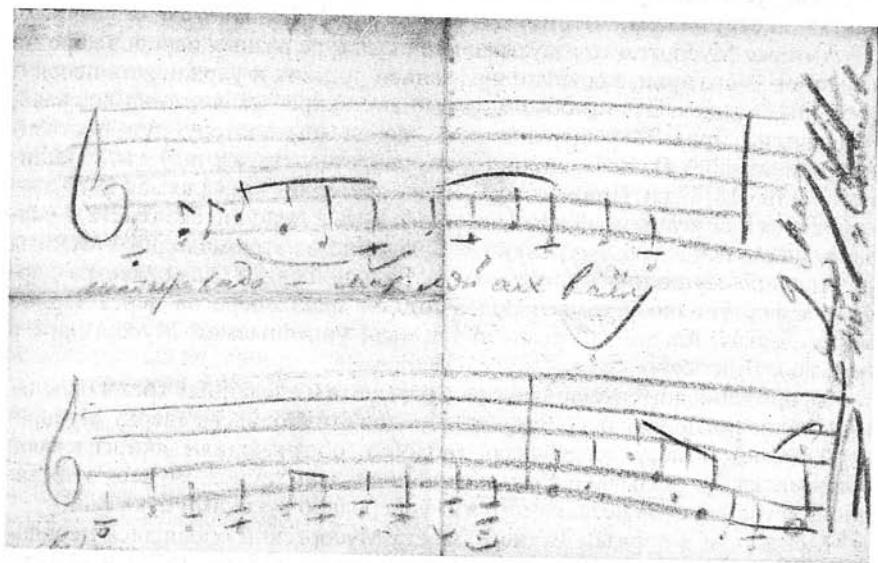
Единственное краткое упоминание об этом автографе содержится в книге А. А. Орловой «Труды и дни Мусоргского», где значится: «9 мая 1877 г. Мусоргский записал от И. Я. Гинцбурга евр. песню», и следует ссылка на шифр рукописи Пушкинского Дома.² Другой информации об этом документе в литературе о Мусоргском нет. Исследуемая нами запись не опубликована в «Полном собрании сочинений» Мусоргского под ред. П. А. Ламма,³ она также не учтена в указателе «Произведения Мусоргского по автографам и другим первоисточникам», составленном В. И. Антиповым.⁴ Следовательно, настоящая публикация является первым представлением этого документа.

¹ *Кастров А. Ю.* Нотные наброски М. П. Мусоргского к опере «Хованщина» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 113—120.

² *Орлова А. А.* Труды и дни Мусоргского: Летопись жизни и творчества. М., 1963. С. 493.

³ *Мусоргский М. П.* Записи народных песен, черновые наброски и другие материалы // Мусоргский М. П. Полн. собр. соч. / Под ред. П. А. Ламма. М.; Л., 1939. Т. 5, вып. 10.

⁴ *Антипов В.* Произведения Мусоргского по автографам и другим первоисточникам: Аннотированный указатель // Наследие М. П. Мусоргского: Сб. материалов: К выпуску Полного академического собрания сочинений М. П. Мусоргского в 32 томах / Сост. и общ. ред. Е. Левашева. М., 1989. С. 63—148.

Автограф М. П. Мусоргского. РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 862, л. 1—1 об.

Это небольшой нотный автограф. Запись выполнена на листе пожелтевшей, довольно плотной писчей бумаги форматом 11 × 17,8 см. Лист обрзан по рамке, разлинованной простым карандашом (это могло быть сделано коллекционером, например, в том случае, если первоначально лист был неровно оборван композитором или его края оказались повреждены). Лист был сложен четверо: на нем видны следы сгибов. Мусоргский писал довольно толстым карандашом красно-кирпичного цвета. Линии нотоносцев проведены от руки на обеих сторонах листа — по два нотносца на каждой. На лицевой стороне сверху в центре надпись «Эллиау Гинцбург», слева — «пел в *H moll*», непосредственно над началом нотного текста — «еврейская». На обратной стороне справа — вертикальная запись: «9 мая 77 Писал (?) у Стасов[а?]».

Мелодия из 6 тактов записана в скрипичном ключе, в тональности си минор (знаки альтерации проставлены только на первом нотном стане). Запись законченная: в конце — двойная тактовая черта. Обозначения размера и темпа отсутствуют; размер можно определить как $4/2$ (или $8/4$), в пятом такте — $6/2$. Нотный текст местами неразборчив, есть помарки, исправления Мусоргского. Пятна фиолетовых чернил, возможно, отпечатались с архивной обложки, надписи на которой сделаны чернилами. Под нотным текстом русскими буквами подписан текст песнопения; в последних двух тактах он отсутствует, вместо него — помета «*ibidem*».

Интерес Мусоргского к музыкальной культуре разных народов хорошо известен. В его архиве сохранились записи русских и украинских песен и духовных стихов, песни, обозначенные как «киргизская», «бирманская», «Закавказье-Эривань», «дервиш».⁵ Их напел композитору путешественник-ориенталист П. И. Пашино,⁶ о чем свидетельствуют пометы: «Пашино, 17 апр. [18]77 г.». Примерно к тому же времени — начало мая 1877 г. — относится и описываемый нами автограф. Есть и мелодии без текста, с указаниями «персидская», «турецкий».⁷ Большинство этих мелодий — эскизы для так и не осуществленного замысла: Большой сюиты для оркестра с арфами и фортепиано на темы народов «от болгарских берегов, через Черное море, Кавказ, Каспий, Ферган до Бирмы», упоминаемой Мусоргским в письме к Стасову.⁸

Оформление интересующего нас документа и сделанных тремя неделями раньше нотировок песен других народов сходно: слева вверху Мусоргский делает помету «еврейская» (подобно обозначениям «киргизская», «бирманская»), указывает, когда и от кого сделана запись. Во всех этих записях звучание слов незнакомого языка передано русскими буквами.

К сюжетам и образам Ветхого Завета Мусоргский обращался неоднократно: таковы хоры «Поражение Сенахериба» (1866—1874) и «Иисус Навин» (1877, написан на основе хора из «Саламбо»), камерные вокальные сочинения «Песнь Саула перед боем» (1863), «Еврейская песня» (1867). Среди своих современников композитор выделяется тем, что в русле общего интереса к ориентализму он не ограничивается условно-восточной те-

⁵ Мусоргский М. П. Записи народных песен... С. 24—25.

⁶ О Пашино см.: Гордеева Е. М. Композиторы «Могучей кучки». М., 1985. С. 175—178.

⁷ Мусоргский М. П. Записи народных песен... С. 42.

⁸ Мусоргский М. П. Письма. М., 1981. С. 223. Письмо № 266.

матикой. Хор «Иисус Навин» (на библейский текст в обработке Мусоргского) композитор снабдил примечанием: «Основан на народных израильских песнях». По воспоминаниям В. Д. Комаровой-Стасовой, основные темы для «Иисуса Навина» Мусоргский «заиграл» с голоса скульптора М. М. Антокольского.⁹ Есть и другие свидетельства — так, Н. А. Римский-Корсаков в «Летописи» сообщает: «Тема этого хора [«Иисус Навин»] была подслушана Мусоргским у евреев, живших с ним в одном дворе и справлявших праздник кущей».¹⁰ Аналогичные сведения находим у В. В. Стасова: «Основой для этого сочинения послужили оригинальные еврейские темы, слышанные Мусоргским однажды из окна, во время молитвы, на дворе, соседа-еврея».¹¹ А. Н. Римский-Корсаков уточняет, что еврейский сосед Мусоргского был портным.¹²

Сам Мусоргский пишет Д. В. Стасову: «...еврейский хор „Иисус Навин“, если помните — в один из художественных вечеров у Вас, признанный чудесной *m-me la baronne Anna Hinzbourg za authentique*».¹³ Это краткое высказывание свидетельствует, что композитор не ограничивался цитированием народной мелодии, — он стремился к этнографической точности и понимал, насколько несхожими могут быть музыкальные языки разных этноконфессиональных культур. В 1863 г. в письме к М. А. Балакиреву он указывает на многочисленные ошибки в опере А. Н. Серова «Юдифь». В частности, Мусоргский пишет, подтверждая свои слова музыкальными примерами: «...в ней [опере] много промахов, которые я назову музыкальными анахронизмами. Например: евреи <...> валяют без церемонии католические органские секунды. <...> Пора перестать обращать евреев в христианство или *католицизировать их*».¹⁴

Из писем Мусоргского, из воспоминаний о нем современников мы узнаем о его впечатлениях от еврейской музыки в разные периоды жизни, находим свидетельства тому, что композитор многократно слышал еврейские песни. В 1863 г. он пишет М. А. Балакиреву: «Жи́ды [это слово в издании писем Мусоргского заменено на «евреи»] подсакивают от своих родных, переходивших из рода в род, песней, глаза их разгораются честным, не денежным огнем, и паскудные их рожи исправляются, очеловечиваются — я сам тому был не один раз свидетелем. Жи́ды лучше чехов — наши бело-стоцкие, луцкие и невельские жи́ды, живущие в грязи и смрадных лачужках».¹⁵ Более 10 лет спустя, в 1879 г., описывая В. В. Стасову свою поездку

⁹ См.: Радуга: Альманах Пушкинского Дома. Пб., 1922. С. 377.

¹⁰ *Римский-Корсаков Н. А.* Летопись моей музыкальной жизни. М., 1980. С. 65. «Кущи» — *суккот* — один из осенних праздников у евреев. Для него полагается строить временный шалаш, сквозь крышу которого должны быть видны небо и звезды, и проводить там некоторое время. Молитвы, распевавшиеся в подобном шалаше, и мог услышать Мусоргский.

¹¹ *Стасов В. В.* Модест Петрович Мусоргский: Биографический очерк // М. П. Мусоргский в воспоминаниях современников / Сост. Е. М. Гордеева. М., 1989. С. 55—56.

¹² *Мусоргский М. П.* Письма и документы / Под ред. А. Н. Римского-Корсакова. Л., 1932. С. 366.

¹³ *Мусоргский М. П.* Письма. С. 193. Письмо № 231. *Анна Гинцбург* — жена известного востоковеда, писателя, еврейского общественного деятеля Давида Гинцбурга (1857—1910), сына барона Горация Гинцбурга, крупного банкира, мецената, поддерживавшего многих деятелей еврейского искусства.

¹⁴ *Мусоргский М. П.* Письма. С. 38—39. Письмо № 42.

¹⁵ Там же. С. 53. Письмо № 58.

по югу России, Мусоргский упоминает о любопытном эпизоде: «На пароходе из Одессы в Севастополь <...> я записал от певуний греческую и еврейскую песни и в последней сам подпевал певуньям, чем они были очень довольны и „промеж себя“ назвали меня *мейстером*. Кстати, в Одессе был в двух синагогах на богослужении и пришел в восторг. Запомнил крепко две израильских темы: одну кантора, другую хорового клира — последняя унисон; не забуду их николи!».¹⁶

Этот фрагмент письма нуждается в комментарии. Исходя из контекста, мы можем предположить, что мелодии были записаны композитором от актрис театра. Косвенными подтверждениями этой версии могут служить, во-первых, наименование «певуньи», отмечающее их профессиональное мастерство, во-вторых, сам факт, что девушки (женщины), не стесняясь, пели при постороннем мужчине и с мужчиной, — такая ситуация была невозможна как с жителями местечка, так и с дамами из высшего общества. В пользу этой версии говорит и следующий факт: с 1878 по март 1880 г. первый (и в то время единственный) еврейский театр под руководством Авраама Гольдфадена давал спектакли в Одессе.¹⁷ В труппу театра входили женщины-актрисы, хотя часть женских ролей исполняли мужчины. (В еврейских народных театральных представлениях — *пуримшпилях* — все роли исполняли исключительно мужчины.) А. Гольдфаден в интервью в журнале «Рассвет» жаловался, что «ни одна еврейка сколько-нибудь порядочная не идет в актрисы».¹⁸ Примечательно и то, что репертуар «певуний» включает и греческую и еврейскую мелодии. Само сочетание этих культур наиболее вероятно в портовом городе — Одессе, где существовали крупные греческая и еврейская общины, городе, известном высокой концертной и театральной активностью. Не исключается и другая версия: Мусоргский записал мелодии от женщин из так называемой фабричной среды, нарождавшейся и крепнувшей во второй половине XIX в. Ее представители постепенно утрачивали связь с местечком и вели более свободный образ жизни, не придерживаясь строго и неукоснительно всех религиозных предписаний.¹⁹

Постоянно открытый новым впечатлениям, Мусоргский фиксировал звучание окружающего мира; он запоминал или записывал выкрики продавцов, вой ветра в Царском Селе, мелодии, услышанные им на родине, в Псковской губернии, или на улицах Петербурга, в поездке или на встрече с друзьями. Судя по надписи на автографе из коллекции П. Я. Дашкова, мелодия, заинтересовавшая композитора, прозвучала в доме Стасовых, где бывали многие выдающиеся деятели культуры того времени — композиторы, живописцы. Здесь Мусоргский встречался со скульптором М. М. Антокольским, архитектором В. А. Гартманом. Две картины последнего — «Ев-

¹⁶ Там же. С. 217. Письмо № 255.

¹⁷ См.: *Биневич Е.* Загадки еврейского театра // Музыка идишкayта: статьи и песни. М., 2005. С. 113—114.

¹⁸ Цит по: *Биневич Е.* Еврейский театр в Петербурге: опыт исторического очерка. СПб., 2003. С. 16.

¹⁹ Об особенностях городской культуры, и в частности о формировании характерного для второй половины XIX в. мнения о «фабричных» как «дерзких и распутных», см.: *Хренов Н. А.* Человек играющий в русской культуре. СПб., 2005. С. 466—469 и далее.

рей в меховой шапке» и «Сандомирский [еврей]», подаренные автором Мусоргскому, побудили композитора к написанию одной из частей фортепианного цикла «Картинки с выставки»: «„Samuel“ Goldenberg und „Schmuyle“». (Впоследствии за этим номером закрепилось название, данное В. В. Стасовым: «Два еврея, богатый и бедный».)

Имя информанта записано как Эллиау — [элия] или [элияһу]. Наиболее вероятной представляется версия, что мелодия записана от 17-летнего Ильи Яковлевича Гинцбурга (1859, Гродно—1939, Ленинград). М. М. Антокольский во время поездки в Вильно увидел работы 11-летнего мальчика и пригласил его в Петербург. В 1871 г. Илья Яковлевич стал учеником выдающегося скульптора. В столице мальчик жил благодаря стипендии, выделенной ему меценатом, завсегдаем художественных салонов бароном Горацием Гинцбургом (1833—1909). Выучив русский язык и пройдя курс гимназии (дома он получил лишь религиозное образование в хедере), Илья Яковлевич закончил Академию художеств. Монументы, выполненные талантливым скульптором, украшают улицы Петербурга, несколько его работ хранятся в Русском музее. Гинцбург стал автором надгробного памятника своему учителю. Он же в соавторстве с И. С. Боголюбовым сделал и надгробие на могиле М. П. Мусоргского.

По-видимому, встреча, в результате которой появился интересующий нас автограф, была мимолетной и не запечатлелась в памяти ее участников. В воспоминаниях И. Гинцбурга нет упоминаний о знакомстве с композитором.²⁰ А в статье В. Стасова, посвященной памяти Мусоргского (1886 г.), есть следующие строки: «Гинцбург, молодой скульптор (ученик Антокольского), отказался от всякого вознаграждения за вылепленный им, в натуральную величину, портрет-горельеф Мусоргского, высеченный потом из камня, вверху памятника. Так как Гинцбург не знал Мусоргского [sic!] и работал с фотографии, то недостававшее в сходстве пополнено было, еще на модели, *Репиным* и *Антокольским*, друзьями Мусоргского».²¹

Песнопение, записанное Мусоргским, относится к мелодиям, которые регулярно звучали в доме правоверного иудея. Это жанр *змирес* (*змирот*) — рода паралитургических песнопений, Субботних гимнов, певшихся дома во время праздничной трапезы.

Илья Яковлевич был увезен из семьи до своего 13-летия, т. е. до совершения обряда *бар-мицвы* (конфирмации). Судя по автобиографическим запискам, мальчиком Илья не был набожен, и, хотя впоследствии не порывал с еврейством, в его воспоминаниях не так много места уделяется моментам религиозной жизни. В Петербурге он вел светский образ жизни: посещал театры, салоны, выставки. Но мальчик вырос в благочестивой семье. Его отец, раввин, умер, когда Илье было три года. Раввином готовился стать его старший брат. Семья неукоснительно соблюдала все обычаи, предписываемые иудейской верой.

²⁰ Биографические сведения о И. Гинцбурге см.: *Гинцбург И. Я.* 1) Из моей жизни. [СПб.], 1908; 2) ...Из прошлого. (Воспоминания). Л., 1924.

²¹ *Стасов В.* Памяти Мусоргского // *Стасов В.* Собрание статей о Мусоргском и его произведениях. М.; Пг., 1922. С. 95. Статья впервые напечатана в журнале «Исторический вестник» (1886. Март).

Текст гимна написан на арамейском языке, который, подобно древнееврейскому, считается святым языком — *лошн койдеш*. На этом языке звучат многие молитвы, на нем написана главная книга каббалистов — «Зогар». Автор текста — поэт Исраэль бен Моше Наджара — родился в Дамаске в семье раввина, изгнанника из Испании. Дата его рождения предположительно 1555 г. Наджара был учеником крупнейшего каббалиста и мистика, создателя одного из главных течений каббалы (названной по его имени лурьанской) раби Ицхака бен Шломо Лурии (1534—1572). Наджара считается автором более 450 гимнов, кроме них его наследие включает светскую поэзию и философские трактаты.

Впервые гимн «Yo ribon»²² был опубликован во втором расширенном издании «Змирот Исраэль», вышедшем в Венеции в 1600 г. Первые буквы пяти строк гимна составляют имя его создателя: Исраэль. Л. Авербах указывает на то, что текст гимна опирается на книгу пророка Даниила (3:52 и далее).²³

Мусоргский подписывает под нотами лишь первую строфу гимна, фиксируя произношение, характерное для литовско-белорусского диалекта ашке-назов. Ниже мы приводим текст гимна «Yo ribon» в оригинальной графике, в транслитерации латинскими буквами и его перевод, выполненный Х. Ротман.

יה רבוֹן עֹלָם וְעָלְמָיָא.
אַנְתָּ הוּא מַלְכָּא מְלַךְ מְלַכְיָא.
עוֹבֵד גְּבוּרָתְךָ וְתַמְתֵּי.
שִׁפְרָא גְדוּמָךְ לְהַחֲוִיָּא.

Yo ribon oylem veyolmayu.
Ant hu malekho melekh malekhayau.
Oyvad gevureteykh vesimkhayau.
Shefar kodamakh lehakhavayau.

О Владыка мира и миров,
Ты царь над царями царей.
Дело могущества Твоего и чудес
Достоин перед Тобой восхваления.

Последняя нотная строка не подтекстована Мусоргским, поскольку в завершении каждой строфы повторяются начальные стихи гимна либо может звучать *нигун* (пение без слов, на слоги).

Как и многие еврейские песнопения, гимн «Yo ribon» не имел определенного напева. Согласно традиции, его текст мог распеваться как на основе синагогальных модусов, так и на заимствованную мелодию. Практически у каждой еврейской общины были свои мелодии для праздничных песнопений. В наибольшей степени это относится к Субботним *змирес*, которые существуют во множестве различных вариантов. В «Антологии традиционных Субботних песнопений», составленной Н. Левиным и В. Пастернаком, приводится 14 вариантов мелодий этого гимна, распространенных

²² В современном иврите принято другое произношение: «Ya ribon».

²³ Субботние песни / Введение, сост. и коммент. Л. Авербах. СПб., 1997. С. 80 (Серия «Песни еврейских праздников»).

в разных общинах.²⁴ Однако мелодии, подобной той, какую зафиксировал Мусоргский, среди них нет. В «Музыкальном пинкасе» — своде еврейских песнопений, собранных А. М. Бернштейном, среди 13 вариантов этого гимна (лишь два из них совпадают с приведенными в собрании Левина) также нет напевов, сходных с интересующим нас автографом.²⁵

Приводим расшифровку нотного текста автографа, выполненную Е. Хаздан.

Yo ri - bon oy - lem vey - ol - may - u. Ant lu ma - lc - kho
me - lekh male-khay - u. Oy - vad ge - vu - re - teykh ve - sim - khay - u.
She far ko - da - makh le - ha - kha - vay - u.
ibidem

Мы должны ясно представлять себе значимость, но одновременно и многозначность представляемой записи. С одной стороны, перед нами — документ, подтверждающий факт бытования данной мелодии в качестве Субботнего песнопения евреев Виленской общины в 60-х гг. XIX в. (или, возможно, Гродненской общины, в том случае, если гимн был воспринят семьей Гинцбурггов до рождения Ильи или в период его раннего детства). В настоящее время автограф Мусоргского — *единственный источник* в России, содержащий подобную мелодию; он расширяет наши представления о формах бытования гимна «Yo gibon» и о музыкальной жизни евреев того времени. На данный момент мы не располагаем достаточными сведениями ни для более определенной локализации музыкального материала, ни для выявления различных вариантов этого песнопения.

С другой стороны, перед нами — черновая запись, сделанная рукой *композитора*. То есть в первую очередь это — свидетельство освоения Мусоргским звучащего вокруг него мира, его открытости новым впечатлениям. Благодаря этому документу исследователи получают возможность более определенно очертить сферу музыкально-этнографических интересов, изучать особенности творческого процесса музыканта, делать предположения о его планах, так, к сожалению, и нереализованных.

²⁴ Z'mirot Anthology: Traditional Sabbath Songs for the Home / Compiled and edited by Neil Levin with Velvel Pasternak. New York, 1981. P. 51—60.

²⁵ Muzikalisher pinkhas: nigunim-zamlung fun yidishn folks-oytser mit tekst un derklerungen gezamlt fun A. M. Bernshteyn. Vilne, 1927. Z. 17—23. (Музыкальный Пинкас: сборник мелодий из народной сокровищницы с текстами и комментариями, составленный А. М. Бернштейном. На идише.)

Однако нашему вниманию доступно лишь *отражение восприятия* композитором мелодии, реальное звучание которой в настоящее время представить практически невозможно. Запись не позволяет нам точно реконструировать песнопение. По сути, перед нами — лишь общая нотная схема, которая в различных темброво-артикуляционных интерпретациях может сближаться по звучанию как с еврейской, так и, например, со славянской (польской) песней. Мы должны отметить соответствие этой мелодии собственному композиторскому словарю Мусоргского, ее интонационную органичность для композитора. Вопросы избирательности восприятия музыканта, трансформации материала согласно нормам своего слуха затрагивались в докладе И. И. Земцовского «Мусоргский и проблема истоков композиторского творчества» на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Мусоргского в г. Великие Луки (1989). «Иметь что-либо истоком, — пишет Земцовский, — значит воспринять это как исток, то есть услышать в своей музыкальной системе, „примерить“ как свое и тем самым переинтонировать по нормам своей музыкальной формы».²⁶ Возможно, дальнейшие изыскания позволят определить, насколько изменилась мелодия, записанная композитором.

Авторы надеются, что введение в научный обиход этого автографа, открывающего неизвестную страницу творческой биографии Мусоргского, станет подспорьем в исследовательской работе, касающейся как деятельности одного из самых ярких и неоднозначных композиторов второй половины XIX в., предвосхитившего развитие музыкального языка будущего, так и собственно музыкальной эпохи, породившей этот талант.

²⁶ *Земцовский И. И.* Мусоргский и проблема истоков композиторского творчества. Рукопись статьи, написанной на основе доклада. С. 14 (личный архив Е. Хаздан).

М. М. Евтушенко

**М. И. СЕМЕВСКИЙ И Ф. Г. СОЛНЦЕВ.
НОВЫЕ ДАННЫЕ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ УЧЕНЫХ**

(по материалам Пушкинского Дома)

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) обладает собранием документов М. И. Семевского (ф. 265, 274). Оно представляет собой архивы журнала «Русская старина» и альбома «Знакомые», а также переписку ученого с частными лицами. Эти источники ранее были введены в научный оборот лишь частично. Между тем знакомство с фондом позволяет не только еще полнее воссоздать облик Михаила Ивановича Семевского, но и определить круг его личных и профессиональных связей.

Особенно интересными для нас представляются его взаимоотношения с академиком исторической живописи Федором Григорьевичем Солнцевым, который для трех томов альбома «Знакомые» изготовил четыре рисунка,¹ а для журнала «Русская старина» в 1876 г. составил воспоминания.²

Напомним, что Солнцев приобрел известность в 1830—1850-е гг., когда опубликовал многотомное издание рисунков древнерусских памятников, своеобразную живописную летопись средневековой Руси. По мнению критика В. В. Стасова:³ «Для художественного познания древней Руси рисунки Солнцева, появившиеся в „Древностях Российского Государства“,⁴ имеют такое же громадное значение, как для научного — „История Государства

¹ Т. 1 — «Эскимос на лыжах» и «Портрет Наполеона III», т. 2 — Заставка к журналу «Русская старина» и т. 3 — «Крестьянская семья».

² Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. СПб., 1876. Янв. С. 109—128; Февр. С. 311—323; Март. С. 617—644; Май. С. 147—160; Июнь. С. 263—302.

³ Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — археолог, историк, публицист, известный музейный и художественный критик.

⁴ «Древности Российского государства», изданные по Высочайшему повелению Государя Императора Николая I: В 6 т. М.: Тип. А. Семена, 1846—1853.

Российского“ Карамзина. Оба издания явились у нас настоящим откровением».⁵

Точных данных о том, где и когда познакомились уже маститый художник и начинающий издатель, нам обнаружить не удалось. Скорее всего, это случилось в самом начале 1870-х гг., когда вышел в свет первый выпуск «Русской старины» и художник сделал заставку для журнала. Но, несмотря на 37-летнюю разницу в возрасте между ними, их до конца дней связывали чрезвычайно крепкая дружба и плодотворное сотрудничество.

XIX столетие было временем сложения отечественной исторической науки: формировалась ее методология, активно шли сбор и обработка архивных источников. Систематический и целенаправленный характер придавали ей не только ученые, получившие университетское образование, но и широкий круг любителей, к которым примыкали представители различных сословий: духовенства, военных, разночинцев. Многие из них приобрели свои знания самостоятельно. Среди дилетантов, внесших неоценимый вклад в развитие науки, был и М. И. Семевский. Как известно, он начал свою карьеру в качестве военного, а закончил известным публицистом, общественным деятелем и видным ученым-историком.

Еще в 1857 г., будучи 12-летним юношей, Михаил Иванович писал, что масса «талантов гибла у нас на Руси, не возбуждая своим творением сочувствия в деревянной бессмысленной толпе <...> Много из них перемерло в крайней бедности, многие погибли в вине и разврате».⁶

Известный деятель культуры Лев Николаевич Модзалевский (1837—1896) в своих письмах из-за границы называл 25-летнего М. И. Семевского «чрезвычайно порядочным человеком, обладающим силой воли и верно служащим Отечеству».⁷ Он отмечал, что, живя вдали от родины, начал по-новому оценивать свое окружение. «Отсюда, издали, я, кажется, лучше узнал людей, с которыми состоял в близких отношениях: одни полюбились еще больше, другим убавил цены».⁸ Одним из главных критериев оценки людей для Модзалевского стало тогда уважительное отношение к своему родному Отечеству, к своей истории и культуре. Он многократно отмечал, что «европейский двор очень враждебен к славянам, и напрасно многие русские, живущие в Европе, критикуют свое родное и радуются, если „побили русского медведя“»,⁹ а страдания русского народа из-за границы казались ему «чудовищными, какими не казались прежде на родине».¹⁰ Именно Лев Николаевич пытался воспитать в будущем историке острое восприятие «злобы дня». «Мне кажется, — писал он, — что историк, и даже археолог, не должен терять живой связи с современной ему действительностью».¹¹

⁵ Стасов В. В. Памяти Федора Григорьевича Солнцева. Речь, прочитанная в собрании Археологического института 12 марта 1892 г. // Вестник археологии и истории. СПб., 1892. Вып. 9. С. 167.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 274 (М. И. Семевский), оп. 1, ед. хр. 41, л. 547.

⁷ Там же, ед. хр. 253, л. 13. Переписка Л. Н. Модзалевского и М. И. Семевского включает 19 писем. См.: Там же, ед. хр. 252—253.

⁸ Там же, ед. хр. 253, л. 16.

⁹ Там же, л. 17.

¹⁰ Там же, ед. хр. 252, л. 25.

¹¹ Там же, ед. хр. 253, л. 2.

Тогда же, с конца 1850-х гг., было положено начало историографических изысканий Семевского. Он много времени стал проводить в архивах Академии наук, Главного штаба и Гос. архиве при Министерстве иностранных дел, где нашел большое количество документов XVIII столетия. Один за другим выходили из-под его пера исторические очерки и монографии, посвященные преимущественно годам царствования Петра Великого.

Но со временем, в том числе и под влиянием Модзалевского, возникло стремление изучать историю в подлинных архивных источниках. Так появилась «Русская старина».¹²

Поскольку редакцией не преследовалась цель строго научной публикации, на страницах журнала публиковался сырой материал — живые свидетельства и подлинные документы автобиографического характера, дневники, записки и мемуары. Сам Михаил Иванович иногда заводил переписку и поддерживал связи с выдающимися людьми своего времени с целью получения новых материалов и часто уговаривал своих знакомых писать воспоминания. Благодаря его настойчивости, часто на склоне лет, за перо брались люди, ранее ничего не писавшие.

Каждый четверг у Семевского как у главного редактора был приемный день, и через его кабинет таким образом прошло немало замечательных личностей. Среди них оказался и Ф. Г. Солнцев, которому в ту пору было более 70, и он уже ничего не сочинял, а рисовал сюжеты, хорошо знакомые и привычные. На склоне лет художник чувствовал себя невостребованным, и Семевский, предлагая ему заказы, очень выручал Федора Григорьевича и в материальном плане, и в способности чувствовать свою необходимость кому-либо, и в возможности общения в редакции журнала с очень значимыми людьми того времени.

В дневниках мастера периода 1880-х гг. часто появлялись записи, которые фиксировали такие моменты. Например: «...работал военную архитектуру для исторического журнала „Русской старины“ М. И. Семевского <...> Собирал старые археологические военные рисунки, нашлось более 70-ти с чертежами».¹³ И на другой странице: «...вечером был у Семевского. <...> Он рекомендует (музеям. — М. Е.) приобрести моих 300 рисунков одежд разных губерний. Тут же господин Свободин объявил, что фабрикант писчебумажной фабрики Павел Павлович Варгунин купил увраж моих рисунков к „Русской старине“ за 600 руб. и желает иметь от меня мой автограф».¹⁴

Записи другого года: «...поехал к Семевскому, отдал ему свой акварельный портрет работы Соколова...»,¹⁵ «...был у М. И. Семевского, отдал ему рисунки воина и боярина конца 14 века, он просил нарисовать ему 2 портрета...»,¹⁶ «...получил 20 руб. от Семевского за рисунок распятого монаха»¹⁷ и т. д. Федор Григорьевич тогда не имел иных заказов.

¹² Первый номер исторического журнала «Русская старина» вышел 1 янв. 1870 г.

¹³ РО ГРМ, оп. 14, ед. хр. 144, л. 180.

¹⁴ Там же, л. 87.

¹⁵ Там же, ед. хр. 140 (1882 г.), л. 18.

¹⁶ Там же, л. 60.

¹⁷ Там же, л. 81.

В отличие от свободных художников, он в дни своей молодости не был полностью самостоятелен в творчестве, так как все его труды были одобрены, утверждены и профинансированы правительством. Однако и материальное положение мастера было устойчивым и более отрядным, чем у многих его современников. Его работы часто тиражировались и были предназначены для широкой публики, и потому долгое время он был независим от конъюнктуры рынка.

Но с уходом императора Николая I, покровительствовавшего мастеру, изменилось и отношение в обществе к тому виду искусства, проводником которого был Федор Солнцев. Жгучий интерес к отечественным древностям постепенно стал иссякать или, точнее, видоизменяться. Публикации подобного рода уже не воспринимались публикой как откровение. При Александре II открылись архивы, цензура стала вести себя много спокойнее. Именно тогда в различных слоях русского общества массовый характер приобрел интерес не только к истории допетровского времени, но и к более поздним эпохам правления Романовых, а также к научному и литературному труду. Многие пытались что-то сочинять. Росло и количество исторических журналов. Однако на фоне «Русской старины» они все же были менее профессиональны.

Несмотря на то что Федор Григорьевич был до глубокой старости окружен выдающимися людьми своего времени, он все же был одинок и потерян. Однако его близкое знакомство с Н. П. Кондаковым,¹⁸ В. В. Стасовым и другими деятелями культуры давало ему возможность консультировать. Иногда к нему обращались с просьбой просмотреть и оценить работы начинающих художников, а также маститых живописцев, если возникали споры о каноничности тех или иных икон, ими написанных. Например, когда Солнцеву принесли в 1888 г. рисунки архитектора В. Набокова, среди которых были изображения аналая и подставки к запрестольному кресту, то мастер заметил, что «на постаменте, почти на полу, нарисованы Кресты, а сказано в Святом Писании, что выше Креста ничего не должно быть».¹⁹

Однако такие эпизоды все же были редки, и Федор Григорьевич всегда с радостью откликался, если его приглашали поработать именно для «Русской старины». Чувствуя потребность в общении с интересным для себя человеком, он зачастую оставался в доме Семевского обедать, обсуждал с ним все, что его тревожило, и «охотно углублялся в живые рассказы и воспоминания о временах Александра I и Николая I и о современных ему русских деятелях...».²⁰

Однажды, это было в 1883 г., художник, как обычно, в четверг, зашел в редакцию журнала, но в этот раз посоветоваться. Дело в том, что тогдашний директор Оружейной палаты в Москве, иностранную фамилию которого не смогли по почерку воспроизвести ни Солнцев, ни Семевский, прислал письмо, в котором сообщал, что в хранилище Министерства Император-

¹⁸ Кондаков Никодим Павлович (1844(46)—1925), историк византийского и древнерусского искусства.

¹⁹ РО ГРМ, оп. 14, ед. хр. 142, л. 87.

²⁰ Тимоцук В. В. Михаил Иванович Семевский — основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность / Предисл. Н. К. Шильдера. СПб., 1895. С. 248 (далее — Тимоцук).

ского двора были найдены рисунки Федора Григорьевича, ранее считавшиеся утерянными. Возможно, они были созданы мастером в 1830—1840-е гг. и не вошли в свое время в «Древности...».²¹ Директор попросту просил Солнцева присовокупить к этому неожиданному собранию свои рисунки костюмов и подарить их Оружейной палате. Это обстоятельство смутило художника, и он не знал, что ему ответить. Пенсия у него была небольшая (по воспоминаниям Семевского — 1500 руб.),²² и Солнцев жил крайне скромно, так как содержал своих многочисленных племянников, т. е. детей и внуков своих покойных братьев. Он не захотел расстаться со своими собственными рисунками, единственным наследством, которое он может оставить своим родственникам. Тем более, с чего бы жертвовать учреждению, пусть даже и крайне полезному для отечественной археологии своими коллекциями, но так небрежно управляемому. Художник был возмущен, что его работы нашлись только сейчас, спустя почти полвека, и что Оружейная палата в свое время не позаботилась о том, чтобы выхлопотать средства на продолжение издания «Древностей...».

Михаил Иванович предложил остроумный выход: отправить рисунки императору Александру III в надежде получить от него какое-либо вознаграждение. «Солнцева не может не огорчать, — писал М. И. Семевский, — то невнимание, которое являют к нему все заправители художественных предприятий в русском стиле в последние десять—пятнадцать лет».²³

В Москве в это время готовилось празднество в честь восшествия на престол нового императора, и Федор Григорьевич, по мысли Семевского, вполне мог быть полезен при подготовке к коронации, «созидая декорации на площадях и улицах». Но его не позвали. Он вообще был крайне обижен тем, что обращались за советом или давали заказы либо молодым, еще неопытным мастерам, либо вообще иностранцам, не знающим древнерусских памятников, которые выражались в одежде, обуви, вооружениях, предметах домашнего быта и др.

Никто не хотел считаться ни с умением, ни с опытом маститого художника. «А между тем, — писал Семевский, — именно он положил основание археологической живописи <...> и все его труды навсегда останутся неиссякаемым источником для вдохновения и подражания живописцам и архитекторам, резчикам и лепщикам, скульпторам, литейщикам и столярам, созидаящим что-либо в области их художества и ремесла действительно в русском вкусе, в русском стиле».²⁴

Федор Григорьевич в свои 80 с лишним лет, по словам Семевского, был бодрым, ясно мыслящим и ясно излагающим, полным сил, энергии и надежд. Когда Михаил Иванович спрашивал своего друга, как ему удалось так себя сохранить до девятого десятка, тот отвечал, что никогда не курил, не пил, ел мало, рано ложился спать и вообще всегда вел жизнь самую уме-

²¹ После смерти Николая I в 1855 г. издание многотомника приостановилось из-за прекращения его финансирования.

²² Сам Ф. Г. Солнцев в дневнике указывает, что на вопрос М. И. Семевского, сколько Федор Григорьевич получает жалования и от кого, тот ответил: «1380 руб. из Кабинета по воле императора Николая I». См.: ОР ГРМ, ф. 14, ед. хр. 140 (1882 г.), л. 169.

²³ См.: *Тимоцук*. С. 246—247.

²⁴ Там же. С. 247.

ренную, в результате чего не только сохранил работоспособность, но даже читал без очков.

Свою благосклонность к «Русской старине» Солнцев выразил тем, что на прекрасном живописном портрете, исполненном его учеником, художником Г. Поляковым, он пожелал увековечить привязанность свою, изобразив себя с книгой этого издания. Копия этого портрета по желанию Федора Григорьевича была исполнена тем же художником для редакции журнала.

Поскольку к первому номеру журнала пришлось долго готовиться и подготовительный период издания затянулся на много лет, Семевский завел у себя обычай собирать в альбом автографы или небольшие заметки и записи тех, с кем он был связан при работе над изданием журнала. Эти записи, а также материалы, не вошедшие в публикации, не должны были пропасть даром. Поэтому с целью сохранения для потомков лиц, которые внесли свой значительный вклад в развитие науки, культуры и общественной жизни, из неопубликованных документов был создан альбом, который называли «Знакомые».²⁵ Его решено было также сохранить как исторический памятник.

Как было отмечено выше, Федор Григорьевич оставил здесь четыре подписных рисунка. Сюжеты их, скорее всего, случайные, но они были очень характерны для руки художника: жанровая сцена из крестьянской жизни, национальный костюм эскимоса и т. п.

В одной из заметок о художнике, написанных Семевским в 1886 г., он, отмечая присущую Солнцеву историко-археологическую верность произведений, в частности, высказывал пожелание художественным музеям как в столице, так и в провинциях, а заодно и владельцам частных собраний озадачиться приобретением работ Ф. Г. Солнцева. Михаил Иванович писал: «...кто знает тонкую, изящнейшую кисть маститого профессора, — тому известно, как глубоко изучены им древнейшие образцы православной церковной иконописи...».²⁶

Умер Ф. Г. Солнцев в глубокой старости 3 марта 1892 г. В газете «Новое время» было помещено следующее объявление: «Племянники и внуки извещают с глубоким прискорбием о смерти профессора Императорской Академии художеств, действительного статского советника Федора Григорьевича Солнцева, скончавшегося внезапно 3-го сего марта в 10 часов вечера. Панихиды в 1 час дня и в 8 часов вечера. Отпевание в церкви Рождества Христова на Песках в 10 часов утра, погребение на Волковом кладбище 6-го сего марта».²⁷ Все центральные газеты и журналы поместили некрологи памяти мастера.

Откликнулся и Михаил Иванович, отметив записью в дневнике: «Известие о кончине 3-го марта в 10 ч. вечера друга моего Ф. Г. Солнцева. Проктовал его некролог».²⁸

Михаил Иванович в письме к своей дочери в Ниццу от 6 марта 1892 г. так описал это событие: «...скончался общий друг нашей семьи — Федор

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 396—398, 1850—1914.

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 2614, л. 1.

²⁷ Новое время. СПб., 1982. 6 (18) марта. № 5754. С. 3.

²⁸ Некролог был опубликован в биржевой газете: Новости. 1892. № 64. С. 2. М. И. Семевский был на панихиде в час и вечером в 9 часов.

Григорьевич Солнцев. Еще в последний четверг, 27 февраля, он у меня был, бодрый и веселый по обыкновению.

3 марта ездил за пенсией в Гостиный двор; в семь часов вечера был у него гость Далматов, занимающийся собиранием старинных кружев и их рисунков, а в четверть девятого Федор Григорьевич зашатался, прилег, два раза охнул, жалуясь на боль головы, и в 10 час. без четверти скончался, сам закрыв глаза и сложив руку в крестном знамении; умер праведником.²⁹

Семевский всегда считал Федора Григорьевича ангелом-хранителем журнала и считал, что, пока тот жив и посещает редакцию, «Русскую старину» не постигнет никакая беда.

Спустя 6 дней после смерти Солнцева, 9 марта 1892 г., скоропостижно, от крупозного воспаления легких, умер и М. И. Семевский. Он предчувствовал свою смерть и писал в дневнике: «Конец дней моих, увы, кажется, довольно близок, так как по состоянию здоровья чувствую, что скоро переселюсь в тот блаженный край, где нет печали и воздыхания и где прогуливается громадная толпа сотрудников „Русской Старины“, посмертные труды которых украшают страницы этого издания».³⁰

Похоронили Михаила Ивановича Семевского на кладбище Новодевичьего монастыря рядом с дочерью Татьяной, умершей 15 лет от роду в 1888 г.

За панихидой, отслуженной в Археологическом институте по случаю кончины двух почетных его членов, имена новопреставленных Федора и Михаила слились в общей молитве об упокоении их душ.

На рубеже XIX—XX вв. пришла другая эпоха, изменились задачи, стоящие перед художниками и учеными. Искусство, основанное на национальном стиле, с позиций документальной достоверности и археологической точности в деталях постепенно перешло к обобщениям и стилизаторству. Несмотря на то что у истоков этого искусства стоял Ф. Г. Солнцев, оно в самом мастере уже не нуждалось. Хотя именно о нем М. И. Семевский в конце столетия писал: «Нельзя обойти молчанием тех благотворных последствий, которые оказали и продолжают оказывать произведения Ф. Г. Солнцева на изящные искусства и на развитие у нас в России некоторых ремесел. Не минует рисунков Солнцева ни живописец исторический, ни художник-иконописец, ни зодчий, желающий строить в чисто русском стиле <...> Для писателя исторического романа „Древности“ Солнцева — живописная энциклопедия предметов внешней бытовой обстановки удельно-вечевой и московско-царской допетровской Руси во всех мельчайших подробностях. Для отечественного театра — донныне изданное собрание рисунков Солнцева — надежное руководство при постановке пьес, заимствованных из отечественной истории <...> От изящных художеств переходя к мастерствам: столярному, токарному, гончарному, финифтяному, золотых и серебряных дел, — видим, что и они, благодаря трудам того же Солнцева, возросли до высоты народных художеств именно потому, что наши русские мастера отрешились от слепого подражания иноземным образцам <...> Из массы предметов художник выбирал преимущественно один, совмещавший в себе типичные черты эпохи, и изображал его во всех подробностях.

²⁹ Тимоцук. С. 249.

³⁰ Там же.

По масштабам, приложенным Солнцевым к рисункам и чертежам церквей и теремов, можно отстроить эти здания, по выкройкам древних одеяний — их можно сшить с безукоризненной верностью желаемой эпохе; по рисункам предметов столовой утвари можно заказать золотых или серебряных дел мастеру воспроизвести братину, кубок, сулею и т. п. в чисто старинно-русском вкусе».³¹

Можно без преувеличения сказать, что Михаил Иванович Семевский всю свою жизнь без остатка отдал на пользу России. Каждое порученное ему дело он выполнял одинаково безукоризненно и самоотверженно, а в личных отношениях со своими друзьями он всегда готов был прийти на помощь нуждающимся. Достаточно отметить, что после смерти дочери Татьяны чета Семевских удочерила девочку-сироту, назвав ее также Татьяной. И в отношении забытого всеми академика живописи Федора Солнцева он сделал все, чтобы тот на склоне своих лет почувствовал свою необходимость.

³¹ *Семевский М. И.* Речь при поднесении Ф. Г. Солнцеву Большой золотой медали Императорского Археологического общества 20 мая 1876 г. Цит. по: «Молитвослов княгини М. П. Волконской» работы академика живописи Федора Солнцева / Под ред. Г. В. Аксеновой. М.: Скрипторий, 1998. С. 434—437.

Светлой памяти
Ларисы Николаевны Ивановой —
первому читателю и редактору этой статьи.

Л. Е. Мисайлиди

О СУДЬБЕ ПОРТРЕТОВ ИЗ УТКИНСКОГО АРХИВА

(к истории формирования фонда Жуковского в Пушкинском Доме)

Музейные и рукописные фонды Пушкинского Дома хранят уникальное собрание изобразительных материалов, меморий, относящихся к жизни и творчеству В. А. Жуковского: живописные, графические, скульптурные портреты поэта и членов его семьи, рисунки и офорты, выполненные самим Жуковским, памятные вещи, портреты лиц из его ближайшего окружения и т. д.

Основным источником формирования этого собрания был семейный архив Жуковского, поступивший в Пушкинский Дом в составе парижского музея А. Ф. Онегина.¹ Наряду с рукописями, документами и перепиской архив включал в себя редкие скульптурные портреты поэта работы И. Х. Лоча,² А. фон Нордгейма;³ графические портреты работы Э. Бушарди,⁴

¹ Сведения об Онегине и описание его собрания см.: «Тень Пушкина меня усыновила...». Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 9—19; *Краснобородько Т. И.* Пушкинский дом Онегина // Наше наследие. 1997. № 41. С. 28—32. Материалы Жуковского были переданы Онегину сыном поэта Павлом Васильевичем Жуковским (1845—1912) (см. подробнее о нем: *Лебедкова А. В.* Павел Васильевич Жуковский, художник // Наше наследие. 1997. № 41. С. 40—44). Другая часть архива была им подарена в Императорскую Публичную библиотеку (см.: *Бычков. И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 году // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1887 г. СПб., 1887). В 1902 г. туда же дополнительно П. В. Жуковским были переданы альбомы с рисунками поэта.

² *Лоч Иоганн Христиан* (1790—1873) — скульптор и рисовальщик, с 1818 г. жил в Риме. Барельефный портрет Жуковского работы Лоча был заказан поэтом в 1833 г. в первое итальянское путешествие.

³ *Нордгейм Август фон* (1813—1884) — немецкий гравер и скульптор, работавший в Дюссельдорфе и Франкфурте-на-Майне, где в начале 1840-х гг. жил Жуковский. В 1840-е гг. им были исполнены барельефный, горельефный портреты и статуэтка Жуковского.

⁴ *Бушарди Этьен* (1797—1849) — французский художник, миниатюрист. Владелец ателье в Париже, где выполнялись портреты методом физиоотраса, предназначавшиеся для дальнейшего гравирования. Для гравюры, представляющей собой двойной портрет Жуковского и А. И. Тургенева, Бушарди в 1827 г. сделал портреты в размер оригинала. Награвированные изображения уменьшенного размера были соединены в двойной портрет. Сохранив-

Г. фон Рейтерна;⁵ рисунки поэта карандашом, пером, акварелью, его офорты; художественную коллекцию Жуковского, личные вещи, в том числе памятный альбом, увезенный в Германию в 1841 г.,⁶ и многое другое.

И хотя хлопоты по передаче онегинского собрания после смерти его владельца затянулись на несколько лет, устроители Пушкинского Дома продолжали заниматься пополнением фонда Жуковского новыми материалами⁷ и намеревались «посвятить Жуковскому особый отдел музея».⁸

Еще одним важным источником формирования фонда были архивы родственных Жуковскому семей Воейковых⁹ и Елагиных.¹⁰

В 1929 г., ходатайствуя перед Президиумом Академии наук о приобретении материалов архива А. А. Воейковой, некогда принадлежавших внуку «Светланы» Н. А. Бреверну де ла Гарди,¹¹ авторы записки назвали Пуш-

шиеся оригиналы (Тургенева — в Историческом музее) уникальны. Гравюра встречается в единичных экземплярах.

⁵ *Рейтерн Герхард Вильгельм фон — Евграф Романович* (1794—1865) — художник-любитель, с 1837 г. — академик живописи. Друг поэта, в будущем его тесть. В 1832—1833 гг. во время совместного пребывания в Швейцарии выполнил серию акварельных портретов Жуковского.

⁶ См. подробнее об этом: *Мисайлиди Л. Е.* В альбоме прошедшее вечно // Наше наследие. 1997. № 41. С. 23—27.

⁷ Одновременно Пушкинский Дом вел переговоры с наследниками издателя «Русского архива» Петра Ивановича Бартенева (1829—1912). Значительная часть бартеневского собрания находилась у его сына С. П. Бартенева. В мае 1926 г. командированный в Москву Н. В. Измайлов (о нем см. далее) разобрал и описал находившееся у С. П. Бартенева собрание автографов литературных и исторических деятелей, литографированные и гравированные портреты, в том числе из коллекции Жуковского (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1926), № 4, л. 20). В ноябре 1926 г. М. Д. Беляевым были привезены из Москвы портреты А. И. Тургенева, Н. И. Тургенева и Е. А. (Элеоноры) Жуковой, принадлежавшие Жуковскому. Сверх того были предложены к приобретению и другие портреты из коллекции поэта (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1926), № 4, л. 11). К сожалению, это собрание не стало собственностью Пушкинского Дома, исключение составили лишь портреты, привезенные Беляевым. Материалы из архива П. И. Бартенева в Рукописном отделе Пушкинского Дома составили ф. 18.

⁸ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1927), № 14, л. 20. Это был важный аргумент, который позволил после длительной борьбы получить из центрального хранилища Государственного Музейного фонда 162 рисунка, приписывавшихся Жуковскому.

⁹ Имеется в виду семья племянницы и крестницы В. А. Жуковского *Воейковой Александры Андреевны*, урожд. Протасовой (1795—1829), известной также под именем «Светланы». Подробнее о ней см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана»: В 2 т. СПб., 1915—1916. Т. 1—2. К этой семье относятся также: муж Воейковой *Воейков Александр Федорович* (1778—1839) — поэт, переводчик, критик, журналист; их дети — *Воейкова Екатерина Александровна* (1815—1844), *Воейкова Александра Александровна* (1820—1893), *Воейкова Мария Александровна* (в замуж. Бреверн де ла Гарди) (1826—1906).

¹⁰ Имеется в виду семья племянницы, друга и многолетнего корреспондента Жуковского *Елагиной Авдотьи Петровны*, урожд. Юшковой, в первом браке Киреевской (1789—1877) (подробнее о ней см.: *Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 135—147). Среди членов этой семьи: сестра Елагиной писательница и мемуаристка *Зонтаг Анна Петровна*, урожд. Юшкова (1786—1864), сыновья Елагиной от первого брака известные славянофилы *Киреевский Иван Васильевич* (1806—1856) и *Киреевский Петр Васильевич* (1808—1856), ее сыновья от второго брака — *Елагин Василий Алексеевич* (1818—1879) и *Елагин Николай Алексеевич* (1822—1876). В 1870-е гг. А. П. Елагина публиковала в журнале «Русский Архив» материалы семейного собрания.

¹¹ *Бреверн де ла Гарди Николай Александрович*, граф (1856—после 1917) — сын гр. М. А. Бреверн де ла Гарди (урожд. Воейковой) и гр. А. И. Бреверн де ла Гарди (1814—1890), внук А. А. Воейковой; чиновник Министерства иностранных дел при посольствах Франции,

кинский Дом «одним из двух (вместе с Государственной Публичной библиотекой) главных хранилищ материалов, относящихся к Жуковскому и его окружению».¹² Ранее Пушкинский Дом стал обладателем альбомов Воейковой, содержащих кроме автографов известных поэтов рисунки Жуковского и других лиц.¹³

Одним из центральных событий в истории формирования фондов Жуковского было приобретение в 1927 г. материалов архива семьи Елагиных — так называемого уткинского архива, принадлежавшего Марии Васильевне Беэр.¹⁴

Внучка по материнской линии Авдотьи Петровны Елагиной и Марии Андреевны Мойер,¹⁵ племянниц Жуковского, Мария Васильевна Беэр хранила уникальный архив своей семьи, в котором находились бесценные реликвии, связанные с именами В. А. Жуковского, А. П. Елагиной,

Австро-Венгрии и Нидерландов. Хранившиеся у него и у его сестер материалы архива А. А. Воейковой были им предоставлены Николаю Васильевичу Соловьеву (1877—1915) — основателю и редактору-издателю журнала «Русский библиофил», автору монографии («Поэт-художник Василий Андреевич Жуковский» (Русский библиофил. 1912. № 7—8). Переданные Бревверном де ла Гарди материалы были использованы Соловьевым в книге «История одной жизни. А. А. Воейкова — „Светлана“» (в 1915 г. опубликована на страницах «Русского библиофила», в том же году вышел отдельным изданием 1-й том, в 1916 г., уже после смерти Соловьева, 2-й том).

¹² Цит. по: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 156. Архив был приобретен с большими сложностями у известного книгопродавца и библиофила Федора Григорьевича Шилова (1879—1962), владельца магазина «Антиквариат». Коллекция состояла из 288 номеров, которые владелец оценивал в 800 руб., со своей стороны Пушкинский Дом предлагал Президиуму Академии наук назначить исходящую сумму в 500 руб., «позаимствованных временно из средств, завещанных Онегиным» (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1929), № 19, л. 41). Предложение было отклонено, так как вопрос онегинского наследства еще не был решен. В документах архива сохранилась расписка о получении Шиловым 300 руб., выделенных Академией наук (см.: Там же, л. 42). Материалы архива А. А. Воейковой в Пушкинском Доме составили ф. 236, материалы архива Бревверна де ла Гарди — ф. 588.

¹³ Альбомы Воейковой, принадлежавшие Н. А. Бревверну де ла Гарди, имеют печать библиотеки Ильи Александровича Шляпкина (1858—1918) — историка, археографа, члена-корреспондента Академии наук по отделению русского языка и словесности, собирателя документов по истории России и русской литературы. В «Русском библиофиле» за 1902 г. (№ 7—8) им были опубликованы письма Жуковского к его немецким корреспондентам. Шляпкин подготовил сборник памяти Жуковского, который, к сожалению, не вышел в свет (сохранились корректурные оттиски сборника в его архиве в Пушкинском Доме — ф. 341, оп. 1, № 22). После его смерти альбомы оказались во владении у его ученика и биографа В. Н. Соловьева, который и передал их в Пушкинский Дом. Материалы архива Шляпкина поступали в Пушкинский Дом в 1924 и в 1928 гг. и составили ф. 341.

¹⁴ *Беэр Мария Васильевна* (урожд. Елагина) (1860—1927) — дочь В. А. Елагина и Е. И. Елагиной (урожд. Мойер). После смерти матери хранила семейный архив. Автор воспоминаний (см.: *Беэр М. В.* 1) Семейная хроника Елагиных-Беэр. Воспоминания; 2) Воспоминания об Авдотье Петровне Елагиной / Публ. Л. Г. Сахаровой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2005. Вып. MMIV. С. 324—424).

¹⁵ *Мойер Мария Андреевна* (урожд. Протасова) (1793—1823) — дочь Е. А. и А. И. Протасовых, сестра А. А. Воейковой, племянница Жуковского, адресат многих лирических посланий и писем Жуковского. Взаимное чувство Жуковского и Марии Андреевны не позволило им соединиться из-за близкого родства и со временем получило чисто духовное направление. В 1815 г. вместе с матерью и А. А. и А. Ф. Воейковыми переехала в Дерпт. В 1817 г. вышла замуж за И. Ф. Мойера (о нем см. далее). В 1823 г. скоропостижно скончалась в родах.

М. В. Елагина (в замуж. Беэр). Фотография.
Конец 1870—начало 1880-х гг.

М. А. Мойер и ее сестры А. А. Воейковой, братьев Киреевских, поэта Н. М. Языкова¹⁶ и др.

До революции архив хранился в селе Уткино Белевского уезда Тульской губернии, где в 1856 г. Василием Алексеевичем и Николаем Алексеевичем Елагиными был построен дом для их матери Авдотьи Петровны Елагиной. Здесь она и жила со своим холостым сыном Николаем Алексеевичем до смерти последнего в 1876 г. Некоторое время дом пустовал,

¹⁶ Языков Николай Михайлович (1803—1845) — поэт, тесно связанный с окружением Жуковского. В годы учебы в Дерптском университете Языков пережил сильное увлечение А. А. Воейковой, которая была не только вдохновительницей, но и чутким критиком произведений юного поэта. К 1828 г. относится сближение Языкова с братьями Киреевскими. В 1830 г. он поселился в Москве в доме Елагиных у Красных ворот.

а в 1888 г. туда переехала семья Сергея Алексеевича¹⁷ и Марии Васильевны Безров.

В 1904 г. М. В. Безр издала хранившиеся в Уткине письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой¹⁸ в Уткинском сборнике,¹⁹ проиллюстрировав его портретами из своего собрания.²⁰ По свидетельству редактора сборника и автора предисловия А. Е. Грузинского, М. В. Безр и ее семье в это время принадлежали «связанные с именем Жуковского и его близких Мишенское, Муратово, Бунино (имение И. Ф. Мойера²¹), Петрищево <...>. Только Долбино случайно оказалось проданным в чужие руки». ²² Таким образом, в собственности М. В. Безр оказались архивы и семейные реликвии некогда большой семьи, которые к этому времени были сосредоточены в Уткине.

Сохранилось описание уткинского дома, его интерьеров и жизни его обитателей в мемуарах сына Марии Васильевны Андрея Сергеевича Безра.²³ Так, в кабинете С. А. и М. В. Безр находилась наиболее ценная часть архива, там же стояло бюро В. А. Жуковского. Особую ценность представляла собой библиотека, которую собирали несколько поколений Елагиных, Киреевских и других представителей этой семьи. С любовью сохранялась комната Авдотьи Петровны Елагиной, где все оставалось таким, как и при жизни ее хозяйки. В доме была прекрасная художественная коллекция, в том числе копии с произведений знаменитых живописцев, многие картины были привезены из Италии Николаем Алексеевичем Елагиным.²⁴

¹⁷ *Безр Сергей Алексеевич* (1853—1917) — инженер путей сообщения, действительный статский советник, муж М. В. Елагиной с 1886 г.

¹⁸ *Протасова Екатерина Афанасьевна* (урожд. Бунина) (1770—1848) — единокровная сестра Жуковского, мать М. А. и А. А. Протасовых. Была главной противницей брака Жуковского и своей старшей дочери. С 1815 г. жила в Дерпте сначала в семье своей младшей дочери А. А. Воейковой, а с 1817 г. — в семье М. А. Мойер. После смерти дочерей продолжала жить в Дерпте, занимаясь воспитанием внучек Воейковых и Кати Мойер. С 1837 г. жила в имении Бунино Орловской губернии, приобретенном И. Ф. Мойером.

¹⁹ Уткинский сборник. 1. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского; Издание М. В. Безр. М., 1904 (далее — Уткинский сборник). М. В. Безр мечтала об издании 2-го выпуска сборника. 25 июня 1915 г. она писала М. О. Гершензону: «Что же касается до писем Жуковского, то я прошу их никому не давать, и вообще не использовать. Они послужат, или могут послужить для Уткин. Сборн. Т. 2-й, кот. я не теряю надежды издать» (ОР РГБ, ф. 746, к. 28, ед. хр. 38, л. 11).

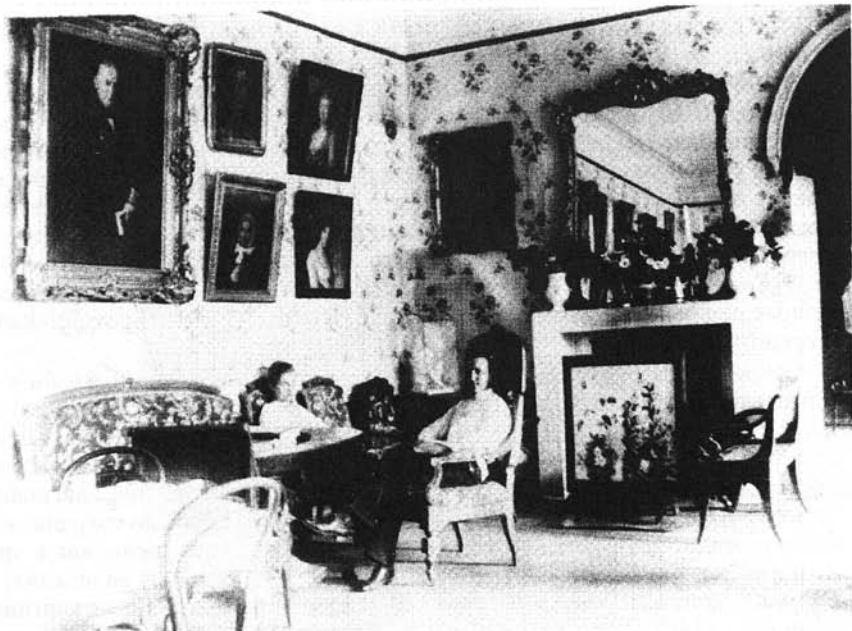
²⁰ В сборнике впервые были воспроизведены миниатюрные портреты А. П. Киреевской и Е. А. Протасовой, а также живописный портрет М. А. Мойер. Судьба портретов А. П. Киреевской и Е. А. Протасовой неизвестна. О портрете М. А. Мойер см. далее.

²¹ *Мойер Иван Филиппович* (1786—1858) — профессор кафедры хирургии Дерптского университета, декан, в 1834—1836 гг. ректор университета. С 1817 г. муж М. А. Протасовой. Замечательный врач, масон, Мойер организовал в Дерпте больницу для бедных, занимался благотворительностью. Блестящий пианист, выступал с концертами в Дерпте. В 1836 г., выполняя волю покойной жены, построил дом в имении Бунино Орловской губернии, где с 1837 г. жил вместе с тещей Е. А. Протасовой, дочерью Екатериной и девочками Воейковыми.

²² Уткинский сборник. С. I.

²³ *Безр Андрей Сергеевич* (1901—1980) — сын С. А. и М. В. Безр. Инженер, автор воспоминаний (см.: *Безр А. С.* Продолжение семейной хроники. Воспоминания. 1900-е—нач. 1930-х; 1941—1945 // ОР РГБ, ф. 99, к. 26, ед. хр. 18).

²⁴ В семье также хранились портреты и иконы, подаренные М. В. Безр Павлом Васильевичем Жуковским.

Гостиная в Уткине. Фотография. 1900-е гг. Над диваном — портрет В. А. Жуковского работы Ф. Т. Гильденбрандта 1840 г., в углу под стеклянным колпаком — статуэтка Жуковского работы А. фон Нордгейма 1844 г.

В зале уткинского дома на постаменте стояла статуэтка Жуковского,²⁵ «на стене против окон висели масляные и пастельные в натуральную величину портреты предков, начиная от П. Н. Юшкова,²⁶ А. И. Бунина²⁷ с В. А. Жуковским (работы Гильденбрандта²⁸) в центре».²⁹

²⁵ Имеется в виду статуэтка 1844 г., заказанная вел. кн. Александром Николаевичем в 1843 г. в Дюссельдорфе скульптору Нордгейму. Известны бронзовые и гипсовые отливки статуэтки, хранящиеся во Всероссийском музее А. С. Пушкина, в Русском музее, Пушкинском Доме.

²⁶ *Юшков Петр Николаевич* (?—1805) — полковник, тульский помещик; муж сводной сестры и крестной Жуковского В. А. Юшковой (подробнее о ней см. далее). Некоторое время был советником Тульской казенной палаты; в 1793—1795 гг. избирался депутатом уездного дворянского собрания от Белевского уезда. Юшков отличался образованностью, состоял в переписке с И. К. Лафатером.

²⁷ *Бунин Афанасий Иванович* (1716—1791) — помещик Калужской, Орловской и Тульской губерний. Участник Турецких походов. Есть косвенные свидетельства о его дружбе с одним из братьев Орловых. В 1780-х гг. занимал пост градоначальника в г. Белеве. Отец В. А. Жуковского, Е. А. Протасовой, В. А. Юшковой и др.

²⁸ *Гильденбрандт Фердинанд Теодор* (1804—1874) — исторический живописец, жанрист, портретист. Портрет поэта был написан в Дюссельдорфе в июне 1840 г. Оригинальный портрет находился в семье поэта. В 1844 г. вел. кн. Александром Николаевичем было заказано авторское повторение портрета, который хранился в Зимнем дворце, а после революции 1917 г. в Русском музее. С 1931 г. по 1953 г. — в собрании Пушкинского Дома, с 1953 г. по настоящее время — в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина. О портрете из Уткина сведений не сохранилось.

²⁹ *Безр А. С.* Продолжение семейной хроники. Воспоминания. 1900-е—нач. 1930-х; 1941—1945 // ОР РГБ, ф. 99, к. 26, ед. хр. 18, л. 96.

Портреты из этого собрания стали широко известны после московской выставки 1902 г., посвященной памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. Материалы Жуковского на эту выставку были предоставлены сыном поэта Павлом Васильевичем Жуковским и Марией Васильевной Безр. Изданные к выставке каталог и альбом до сих пор представляют собой бесценный источник сведений по иконографии Жуковского и членов его семьи.³⁰

Революция 1917 г. и последующие события 1918 г. заставили владельцев Уткина для спасения хранящихся в доме ценностей, и прежде всего архива, обратиться за помощью к А. В. Луначарскому. Спешно была отправлена телеграмма. Вероятно, владельцы надеялись на получение охранной грамоты. Последствия этого обращения описаны в письмах Ольги Сергеевны Безр:³¹ «... вот первые исполнители власти свыше: молодые люди с мандатами библиотеки в Белевский музей. И две ночи подряд Алеша,³² Сережа,³³ Андрик³⁴ и под конец и я тайно работали, кладя печати на все книги: чтобы, где бы они ни очутились, они могли бы показать свою родину и гнездо, откуда они вышли и служили. Ведь эти книги держали в руках Мария Андреевна,³⁵ Петр Киреевский, Жуковский, прелестная, чистая Александра Андреевна³⁶ и сколько еще людей с такой изысканной высотой души, которой нам никогда не достичь в грязи теперешней жизни».³⁷ В Белевский музей были также перевезены архив, картины, часть обстановки. По свидетельству А. С. Безра, в 1927 г. «Библиотека им. Ленина вывезла оставшуюся переписку из архива Елагиных в Москву», а материалы, оставшиеся в музее, т. е. «все картины, грамоты, книги и т. д. погибли во время боев 1941 года».³⁸

В то же время часть семейного собрания находилась в Москве в собственном доме Безров в Малом Лёвшинском переулке. Туда же, вероятно, в тревожные дни 1918 г. была перевезена часть портретов из Уткина. Отсутствие владельцев, многие из которых в это время находились вне Москвы, угрожало «реквизицией обстановки и передачей комнат обладателям ордеров жилотдела».³⁹ Пришлось подыскать приличных жильцов и самоуплотниться. В результате Безры оставили за собой только три комнаты. Жесточкая нужда заставляет их в эти годы продавать ценности и даже расставаться с раритетами из своего собрания: именно в это время были проданы

³⁰ Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. М., 1902; Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. М., 1902.

³¹ *Безр Ольга Сергеевна*. (в замуж. Нифонтова) (1892—1971) — дочь С. А. и М. В. Безр.

³² Имеется в виду *Безр Алексей Сергеевич* (1887—1956) — старший сын С. А. и М. В. Безр. В 1918 г. ушел в Белую армию. В эмиграции жил в Югославии, затем в Аргентине.

³³ Имеется в виду *Безр Сергей Сергеевич* (1898—1919) — сын С. А. и М. В. Безр. В 1918 г. ушел в Белую армию. Пропал без вести.

³⁴ Имеется в виду А. С. Безр.

³⁵ Имеется в виду М. А. Мойер.

³⁶ Имеется в виду А. А. Воейкова.

³⁷ Письма О. С. Безр к жениху, написанные в сентябре — октябре 1918 г., были включены А. С. Безром в его воспоминания: *Безр А. С.* Продолжение семейной хроники. Воспоминания. 1900-е—нач. 1930-х; 1941—1945) // ОР РГБ, ф. 99, к. 26, ед. хр. 18, л. 237.

³⁸ Там же, л. 234.

³⁹ Там же, л. 241.

Дом Безров в Малом Лёвшинском пер. (при перестройке квартала был снесен).
Возле дома — жена А. С. Безра, Елена Васильевна Безр (урожд. Сытина).
Фотография. 1960-е гг. Из собрания Н. А. Безра*

Историческому музею портретные рисунки Жуковского 1839 г.⁴⁰ и раскрашенные акварелью офорты Жуковского с видами родных мест в больших рамах.⁴¹ Однако дом хранил еще много сокровищ.

В декабре 1926 г. ученый хранитель Пушкинского Дома Борис Львович Модзалевский⁴² побывал в командировке в Москве, где среди многих неот-

* Выражаю сердечную признательность Н. А. и Т. И. Безрам за предоставленную возможность публикации этой редкой фотографии и неизменно доброжелательное отношение и всяческое содействие моим изысканиям.

⁴⁰ Речь идет о рисунках и акварелях, выполненных Жуковским в Москве в сентябре—октябре 1839 г. в доме А. П. Елагиной и представляющих собой портреты членов семьи и некоторых близких друзей. Среди них была и акварель с изображением П. В. Киреевского, представленная Историческим музеем на Пушкинскую юбилейную выставку 1937 г., проходившую в залах музея. С материалами выставки портрет был передан в Пушкинский Дом, где находится и в настоящее время (см.: *Мисайлиди Л. Е.* Акварели В. А. Жуковского в собрании Литературного музея Пушкинского Дома // В. А. Жуковский и русская культура его времени: Сб. науч. статей. СПб., 2005. С. 136).

⁴¹ Офорты Жуковского были выполнены по рисункам 1836 г., сделанным по памяти в Эллистфере. Раскраска принадлежит дерптскому художнику и граверу А.-Ф. Клара (1790—1850), которому покровительствовал Жуковский. В каталоге выставки 1902 г. под № 215 указаны 20 видов в пяти рамах (собственность П. В. Жуковского). По-видимому, виды были подарены П. В. Жуковским М. В. Безр. Два офорта из этой серии с раскраской Клары, находившиеся в одном из альбомов А. Ф. Онегина, оказались в Пушкинском Доме.

⁴² *Модзалевский Борис Львович* (1874—1928) (подробнее о нем см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Борис Львович Модзалевский: Материалы к науч-

ложных дел, связанных со сверкой пушкинских текстов, визитов в Музейный фонд, Румянцевский музей, Госиздат и другие учреждения, «вступил в сношения с целым рядом владельцев историко-литературных материалов и заключил условия о приобретении их для Пушкинского Дома».⁴³ 20 декабря он побывал у М. В. Безр в ее квартире в Малом Лёвшинском переулке. В Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде Модзалевского в его записной книжке, которую он озаглавил «Командировка в Москву. 26/XI-26 г.—4/I-27 г.», имеются сведения об этих контактах.⁴⁴ В частности, указан подробный адрес и дата посещения. Имя Марии Васильевны встречаем также в перечне визитов, сделанных в Москве.

Наибольший для нас интерес представляет запись для памяти с перечнем портретов, хранившихся в семье, с пометой «у М. В. Безр». Вот эта запись:⁴⁵

«Руссов Никол. Никол.⁴⁶

у М. В. Безр

1. Ив. Фил. Мойер, акв. Ж-го⁴⁷

2. Мария Андр. Мойер, масл. краск.⁴⁸

ной биографии. СПб., 2001). Первое знакомство Модзалевского с материалами архива Жуковского произошло в 1908 г. во время командировки в Париж к Онегину и в Веймар к П. В. Жуковскому «по делам Пушкинского Дома». Поездка была описана им в дневнике, который находится в его личном фонде (см.: Дневник Б. Л. Модзалевского 1908 г. / Публ. и коммент. Т. И. Краснобородько // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1999. Т. 9. С. 450—465). В 1920-е гг. Модзалевский вместе с группой сотрудников начал работу по описанию рукописей Жуковского, хранящихся в Пушкинском Доме, и подготовке полного собрания писем поэта (см. об этом: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 116—117).

⁴³ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1926), № 4, л. 93. Подробнее о командировке см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. С. 185.

⁴⁴ Записная книжка Модзалевского находится в его фонде: РО ИРЛИ, ф. 184 (проходит стадию обработки). О записных книжках Модзалевского см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. С. 7—11.

⁴⁵ Публикуется по автографу: РО ИРЛИ, ф. 184. За указание на этот и следующий публикуемый документ выражаю сердечную благодарность сотруднице Рукописного отдела Пушкинского Дома Л. К. Хитрово.

⁴⁶ *Руссов Николай Николаевич.* Возможно, речь идет о родственнике Берты Федоровны Руссовой, внучки пастора Рейнольда Таубенгейма (1795—1854), которому от К. К. Зейдлица (о нем см. ниже), его однокашника по Дерптскому университету, перешла этажерка, принадлежавшая Жуковскому (в 1925 г. Б. Ф. Руссова принесла ее в дар Пушкинскому Дому, откуда она в 1953 г. попала во Всероссийский музей А. С. Пушкина). Предполагалось участие Н. Н. Руссова в качестве автора вступительной статьи в Сборнике, в который должны были войти письма А. П. Елагиной к Жуковскому с комментариями М. А. Цяловского, дневник А. П. Киреевской (Елагиной) 1812 г., воспоминания М. В. Безр об Авдотье Петровне Елагиной (см.: Запись рукой неустановленного лица // *Безр М. В.* Воспоминания об Авдотье Петровне Елагиной. [1920—1930-е]. Автограф. ОР РГБ, Елаг., к. 15, ед. хр. 51, л. 14 об.). Можно предположить, что в записи, представляющей собой содержание сборника, речь шла о т. 2 Уткинского сборника, об издании которого мечтала М. В. Безр. Вполне вероятно, что список портретов был составлен Модзалевским с подачи Руссова еще до посещения М. В. Безр.

⁴⁷ Имеется в виду акварель 1839 г., изображающая Мойера за роялем. Относится к серии портретных рисунков Жуковского 1839 г., которая была в 1918 г. продана в Гос. Исторический музей. Портрет Мойера оставался в доме. О нем см.: *Мисайлиди Л. Е.* Акварели В. А. Жуковского в собрании Литературного музея Пушкинского Дома. С. 136.

⁴⁸ Имеется в виду портрет М. А. Мойера работы К. А. Зенфа. Подробнее о нем см. далее.

3. Екат. Ал. Воейкова, акв.⁴⁹
- 4—5. Могилы Ал-дры Андр. Воейковой — масло
Марьи Андр. Мойер⁵⁰ —
6. Ал-дра Андр. Воейкова
миниат. в раме
черн. дерев. с бронзой⁵¹
7. Ив. Ф. Мойер в молод. карандаш.⁵²
8. Вас. Алексеев. Елагин, масл., раб. Дм.-Мамон.⁵³
9. Петр Юшков, отец Авд. Петр. Елагиной — масл. краск.⁵⁴
Карл Карл. Зейдлиц, раб. Мамонова.⁵⁵

⁴⁹ *Воейкова Екатерина Александровна* (1815—1844) — старшая дочь А. А. Воейковой, крестница Жуковского. После смерти матери воспитывалась в Екатерининском институте на средства императрицы Александры Федоровны. Скоропостижно скончалась в Москве 28 января 1844 г. в доме А. П. Елагиной. Вероятно, именно этот портрет из списка Модзалевского экспонировался на выставке 1902 г. и вошел в каталог выставки под №173/1.

⁵⁰ Подробнее о них см. ниже.

⁵¹ По-видимому, именно этот портрет экспонировался на выставке 1902 г., вошел в каталог выставки под № 167 как акварель неизвестного художника.

⁵² Карандашный портрет И. Ф. Мойера в молодости экспонировался на выставке 1902 г., вошел в каталог под № 172. Воспроизведен: Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 61. В настоящее время находится у потомков М. В. Безр.

⁵³ *Елагин Василий Алексеевич* (1818—1879) — историк, публицист, автор исторических сочинений, деятельный участник периодических изданий И. С. Аксакова. В. А. Елагин оставил по себе память как человек высоких нравственных качеств, верный идеям славянства. После смерти П. В. Киреевского предпринял издание «Собрания народных песен» П. Киреевского, вместе с Н. А. Елагиным принимал участие в редактировании собрания сочинений И. В. Киреевского 1861 г. Его жена — *Елагина Екатерина Ивановна* (урожд. Мойер) (1820—1890), дочь И. Ф. и М. А. Мойер, мемуаристка (см.: *Елагина Е. И.* Семейная хроника / Публ. Л. Г. Сахаровой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2005. Вып. MMIV. С. 271—323). Автор портрета — *Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович* (1824/1823—1880/1883) — близкий друг семьи Елагиных. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в 1858 г. получил звание художника. Исполнил большое количество портретов московских деятелей 1840-х гг., преимущественно в технике карандаша. Многие его рисунки находились в альбомах А. П. Елагиной. Автор живописных портретов П. В. Киреевского, Н. А. Елагина, К. К. Зейдлица (о нем см. ниже), хранившихся в семье Безров. Портрет В. А. Елагина экспонировался на выставке 1902 г., вошел в каталог под № 182 без указания имени художника. Воспроизведен: Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 84. В настоящее время портрет находится в собрании Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, куда поступил от потомков М. В. Безр.

⁵⁴ О П. Н. Юшкове см. выше. На выставке 1902 г. экспонировались его живописный портрет и миниатюра (в каталоге под № 179/1 и 179/2). Портрет маслом воспроизведен: Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 15.

⁵⁵ *Зейдлиц Карл Карлович* (1798—1885) — доктор медицины, воспитанник Дерптского университета. Автор самой значительной биографии Жуковского (*Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883). Ученик И. Ф. Мойера, Зейдлиц некоторое время жил в его доме в Дерпте и смог завоевать дружеское расположение М. А. Мойер, которая до конца жизни относилась к нему как к одному из самых близких и доверенных лиц. Зейдлицу суждено было проводить в последний путь и похоронить в Ливорно А. А. Воейкову. Многолетний корреспондент, друг и поверенный Жуковского во многих делах после отъезда последнего в Германию. О Зейдлице см.: *Пупкевич-Диамант Я. С., Кузнецов И. А.* Карл Карлович Зейдлиц и его время. СПб., 2003; *Вуич Л. И.* «Верный друг живым и мертвым» доктор Зейдлиц // Наше наследие. 2004. № 69. С. 118—128. Портрет Зейдлица работы Дмитриева-Мамонова, вероятно, был выполнен в 1870-е гг. в Дерпте во время пребывания там Дмитриева-Мамонова с семьей. Экспонировался на выставке 1902 г. (в каталоге под № 270).

Предлагались ли портреты к приобретению Пушкинским Домом, мы, к сожалению, не знаем. Возможно, Модзалевский составлял перечень портретов в расчете на будущее: прежде всего, нужно было подготовить владельцев, которые особенно трудно расставались с изображениями дорогих лиц, являющимися и частью привычного интерьера. В то же время необходимо было найти для приобретения денежные средства.

В начале 1927 г. Пушкинский Дом сумел приобрести у М. В. Беэр за 250 руб. семейную переписку поэта, заметки для дневника и педагогических занятий, рисунки и офорты, выполненные Жуковским.⁵⁶

В августе того же года М. В. Беэр предлагала Пушкинскому Дому новые материалы, «которым место тоже в Пушкинском Доме».⁵⁷ В ответном письме Модзалевский сообщал: «Комитет Пушкинского Дома с большою радостью готов воспользоваться Вашим предложением приобрести у Вас письма Языкова к И. В. Киреевскому и А. П. Елагиной и просит Вас переговорить о них с хранителем Рукописного Отделения Пушкинского Дома Николаем Васильевичем Измайловым,⁵⁸ который через месяц будет в Москве и лично явится к Вам для беседы об этих письмах».⁵⁹

Измайлов побывал в Москве в ноябре 1927 г., но Марию Васильевну Беэр в живых уже не застал. В отчете о командировке он писал следующее: «...разобрав частично обширный архив Киреевских и Елагиных, хранящийся у наследников М. В. Беэр, я нашел в нем и взял для оценки и приобретения в Пушкинский Дом: 25 писем Языкова, 30 писем Кавелина, 1 письмо Киреевского и пр. материалы».⁶⁰

По-видимому, тогда же Измайловым была составлена обширная записка, одним из разделов которой были материалы, относящиеся к Жуковскому.⁶¹ В это время архив хранился у наследников М. В. Беэр.⁶² Особый интерес

⁵⁶ В январе 1927 г. в Президиум Академии наук поступило ходатайство Пушкинского Дома о выделении средств для приобретения собрания, возобновленное в феврале (об этом см.: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. С. 142). Приобретенные материалы хранятся в фонде В. А. Жуковского — ф. 475.

⁵⁷ 17 августа 1927 г. датируется письмо М. В. Беэр к Модзалевскому о материалах архива, которым «место тоже в Пушкинском Доме» (цит. по: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. С. 142).

⁵⁸ *Измайлов Николай Васильевич* (1893—1973) — хранитель Рукописного отдела, позднее его заведующий, пушкинист. Один из сподвижников Б. Л. Модзалевского. Автор воспоминаний о Пушкинском Доме (*Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999. СПб., 2003. С. 272—346). В 1929 г. был арестован по «академическому делу». Биографическую справку о нем см.: Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905—2005 // Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 449—450.

⁵⁹ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1927), № 14, л. 37

⁶⁰ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1926), № 4, л. 77—77 об.

⁶¹ В записке фигурируют бумаги В. А. Жуковского (письма к нему А. Ф. Воейкова, А. П. Елагиной, А. П. Зонтаг, И. Ф. Мойера, Е. А. Протасовой, А. И. Тургенева и др.), бумаги А. П. Елагиной (семейная переписка, письма к ней и семье Елагиных В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Г. С. Батенькова, К. Д. Кавелина, деятелей славянофильского круга и др.), каталог библиотеки П. В. Киреевского, служебные, деловые, земельные, хозяйственные документы Елагиных и Киреевских с конца XVIII в., альбом М. А. Протасовой 1814 г. и др.

⁶² Имеются в виду дочь и сын М. В. Беэр: *Ястребова Екатерина Сергеевна* (урожд. Беэр) (1891—1942), которая жила с семьей в квартире Беэров в Малом Лёвшинском пер., и *Беэр Андрей Сергеевич* (о нем см. выше), который жил на Спиридоновке.

представляют 4-й и 5-й разделы записки, посвященные описанию семейных альбомов Елагиных и иконографической части собрания. Фрагмент этой записки мы публикуем по автографу.⁶³

«4. Семейные альбомы Елагиных:⁶⁴

- 1) с записями и рисунками В. А. Жуковского, А. П. Елагиной, А. А. и М. А. Протасовых, набросками Э. Д. Мамонова, вырезанными портретными силуэтами (в т. ч. Пушкина) работы П. В. Киреевского.
- 2) с рисунками пером и карандашом Э. Д. Мамонова 1830—1840-х годов: портреты гр. С. Г. Строганова⁶⁵ и профессоров Моск. Ун-та — Погодина, Шевырева, Грановского, Морошкина (?), Баршева, Редкина, Крылова и др. ... в 10 карикатурных сценах ... профессоров Чивилева и Крылова;⁶⁶ кр. того — рисунки акварелью А. П. Елагиной⁶⁷ и др.

5. Иконографический материал:

- 1) портрет Пушкина, копия с Тропинина, масло, работы А. П. Елагиной, 1828 г.⁶⁸
- 2) Д. А. Валуев — акварель раб. К. Горбунова, 1839⁶⁹

⁶³ РО ИРЛИ, дело ф. 18 (ф. П. И. Бартенева).

⁶⁴ На выставке 1902 г. «Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского» экспонировались два альбома А. П. Елагиной (в каталоге под № 191 и 194). Один из альбомов носил преимущественно семейный характер и по некоторым косвенным признакам его можно идентифицировать с альбомом № 1 в списке Н. В. Измайлова. На выставке альбом был открыт на рисунке В. А. Жуковского, изображающем М. А. Протасову в 1811 г. В альбоме выставки были воспроизведены некоторые семейные портреты с указанием «из альбома А. П. Елагиной»: кроме портрета М. А. Протасовой это были портреты В. А. Жуковского, А. А. Воейковой, И. В. и П. В. Киреевских в детстве. Другой альбом, экспонировавшийся на выставке, можно соотнести с альбомом № 2 в списке Н. В. Измайлова. На экспозиции он был открыт на рисунке Э. А. Дмитриева-Мамонова, изображающем лекцию С. П. Шевырева. В альбоме выставки воспроизведено несколько рисунков Э. А. Дмитриева-Мамонова с указанием — «из альбома А. П. Елагиной»: портреты П. В. Киреевского, В. И. Панова и др. Альбомы, принадлежавшие А. П. Елагиной, в настоящее время находятся в нескольких музейных собраниях: Третьяковской галерее, Литературном музее в Москве и Государственном музее А. С. Пушкина. Однако установить их соответствие вышеописанным альбомам в настоящее время не представляется возможным.

⁶⁵ *Строганов Сергей Григорьевич*, граф (1794—1882) — в 1835—1847 гг. попечитель Московского учебного округа.

⁶⁶ Профессора Московского университета — *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875), *Шевырев Степан Петрович* (1806—1864), *Грановский Тимофей Николаевич* (1813—1855), *Морошкин Федор Лукич* (1804—1857), *Баршев Сергей Иванович* (1808—1882), *Редкин Петр Григорьевич* (1808—1891), *Крылов Никита Иванович* (1807—1879), *Чивилев Александр Иванович* (1808—1867) были частыми гостями в доме А. П. Елагиной.

⁶⁷ А. П. Елагина была прекрасной рисовальщицей: писала акварелью, маслом, гуашью. Ее рисунки хранятся в разных музейных и архивных собраниях, в том числе и в музее Пушкинского Дома (см.: «Тень Пушкин меня усыновила...». С. 108).

⁶⁸ Оригинал В. А. Тропинина, заказанный художнику другом поэта С. А. Соболевским в 1827 г., был передан им в 1828 г. перед отъездом за границу на сохранение Елагиным. В том же году Елагина, которая много занималась копированием, выполнила с него копию меньшего размера, хранившуюся в семье. В настоящее время елагинская копия находится в собрании Государственного музея А. С. Пушкина в Москве. Об истории тропининского портрета см.: А. С. Пушкин и его современники в портретах. Из собраний Пушкинского Дома. СПб., 1999. С. 303—304.

⁶⁹ *Валуев Дмитрий Александрович* (1820—1845) — историк, общественный деятель, представитель раннего славянофильства, издатель «Библиотеки для воспитания» (1843—1844), двух сборников материалов по русской истории. Племянник А. С. Хомякова и Д. Н. Свербева, двоюродный брат Н. М. Языкова. Был близок к семье Елагиных и некоторое время жил в их доме. Скончался от чахотки. Был оригинальным мыслителем, предвосхитив некоторые идеи Хомякова. *Горбунов Кирилл Антонович* (1822—1893) — крепостной художник. Ученик Мос-

- 3) В. А. Елагин⁷⁰ —"
- 4) В. А. Жуковский — рисунок неизв. художника⁷¹
- 5) М. А. Мойер-Протасова, масло (и 2 масл. копии)⁷²
- 6) А. А. Воейкова — акварель на кости⁷³
- 7) и 8) Юшковы, отец и мать А. П. Елагиной — миниатюры⁷⁴
- 9) И. Ф. Мойер — портрет карандашом⁷⁵
- 10) Он же за роялью, акварель⁷⁶
- 11) и 12) могила М. А. Мойер-Протасовой, масло⁷⁷
- 13) Папка с рисунками Мамонова на отд. листах — портреты Елагиных, московского славянофильского круга, профессоров Моск. Университета и проч.»⁷⁸

К сожалению, записка Измайлова, содержащая подробное описание материалов елагинского архива, оказалась практически не востребовавшей: в 1928 г. Пушкинский Дом стал обладателем небольшой части материалов, не связанных с именем Жуковского. Изобразительную часть собрания опять приобрести не удалось, в результате Пушкинский Дом лишился уникального собрания портретов, которые могли бы только украсить его коллекции. Тем не менее сухие списки Модзалевского и Измайлова хранят уникальную информацию. После каталога выставки 1902 г. это были первые сведения о портретах, все еще хранившихся в родовом гнезде. Изображенные на них лица были связаны узами семейного родства или очень тесными дружескими отношениями. Авторы портретов — художники-любители или профессионалы, также принадлежавшие к этому достаточно тесному сообществу.

Среди этих семейных реликвий особого внимания заслуживают живописный портрет Марии Андреевны Мойер и изображение могил Александры Андреевны Воейковой и Марии Андреевны Мойер, оставивших за-

ковского художественного класса. По ходатайству К. П. Брюллова, Жуковского, М. Ф. Орлова получил вольную. С 1840 г. — пансионер Академии художеств, ученик К. П. Брюллова. В 1840-е гг. выполнил акварельные портреты многих русских литераторов. Портрет Валуева экспонировался на выставке 1902 г. (кат. № 177), воспроизведен в карандашной копии в кн.: Дневник Елизаветы Ивановны Поповой (СПб., 1911. С. 58—59) с указанием, что оригинал находится у М. В. Безр.

⁷⁰ О В. А. Елагине см. в комментарии к № 8 в списке Модзалевского, где значится портрет маслом работы Э. А. Дмитриева-Мамонова.

⁷¹ О каком портрете Жуковского идет речь, к сожалению, нам установить не удалось.

⁷² Имеется в виду портрет М. А. Мойер работы Зенфа. О нем см. далее в тексте.

⁷³ Возможно, именно этот портрет экспонировался на выставке 1902 г.: в каталоге выставки под № 167 значится акварельный портрет А. А. Воейковой неизвестного художника.

⁷⁴ О П. Н. Юшкове см. в комментарии к № 9 в списке Модзалевского. *Юшкова Варвара Афанасьевна* (урожд. Бунина) (1768—1797) — дочь А. И. и М. Г. Буниных, единокровная сестра Жуковского и его крестная; с 1785 г. — жена П. Н. Юшкова, мать А. П. Киреевской-Елагиной и А. П. Зонтаг. Одаренная различными талантами, оказала сильное влияние на Жуковского. По-видимому, именно эти миниатюры Юшковых экспонировались на выставке 1902 г. под № 178/2 и 179/2 (см.: Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 16—17).

⁷⁵ См. № 7 в списке Модзалевского.

⁷⁶ См. № 1 в списке Модзалевского.

⁷⁷ Можно предположить, что одна из картин соответствует № 5 в списке Модзалевского. В каталоге выставки 1902 г., кроме вышеупомянутой картины маслом, изображающей могилу М. А. Мойер зимой, указана и акварель, на которой она запечатлена летом (кат. № 201).

⁷⁸ Имеются в виду рисунки Э. А. Дмитриева-Мамонова.

метный след в жизни поэта. Их лирическое описание принадлежит перу друга и многолетнего корреспондента Жуковского Карла Карловича Зейдлица.

Перед отъездом в Германию, где должно было состояться бракосочетание поэта с Елизаветой Рейтерн,⁷⁹ Жуковский расстался и со своей квартирой в Шепелевском дворце.⁸⁰ «Его библиотека и драгоценные коллекции картин, бюстов, рисунков и т. п. должны были до его переселения в Москву перейти на сохранение в Мраморный дворец. Но он передал мне три небольшие картины с тем, чтоб они висели у меня над его большим письменным столом (мебель из квартиры Жуковского была приобретена Зейдлицем. — Л. М.) так, как прежде они висели у него самого. Это были превосходный портрет покойной Марии Андреевны Мойер, писанный профессором Зенфом⁸¹ в Дерпте; гробница ее на дерптском кладбище и гробница покойной Александры Андреевны Воейковой на греческом кладбище в Ливорно».⁸² Далее Зейдлиц описывает их последнее свидание: «Жуковский, опершись на руку, задумчиво смотрел на три упомянутые картины. Вдруг он воскликнул: „Нет, я с вами не расстанусь!“ И с этими словами вынул их из рам, сложил вместе и велел отнести в свою карету».⁸³

Портрет Марии Андреевны Мойер хорошо виден на картине «Субботнее собрание у В. А. Жуковского» работы Г. К. Михайлова, А. Н. Мокрицкого и других художников школы А. Г. Венецианова (некогда находившейся в Остафьеве Вяземских, с 1938 г. — в собрании Пушкинского Дома, с 1953 г. — во Всероссийском музее А. С. Пушкина). Портрет висит в простенке между окнами над конторкой Жуковского. Он воспроизводился дважды: в альбоме выставки памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского 1902 г.⁸⁴ и в Уткинском сборнике 1904 г.

⁷⁹ *Рейтерн Елизавета фон — Элизабет, Елизавета Алексеевна* (1821—1856) — старшая дочь Г. фон Рейтерна и Шарлотты фон Швертцель, с 21 мая 1841 г. жена Жуковского. Через год после смерти Жуковского, в июне 1853 г., приехала в Россию вместе с детьми. Жила в Москве, где и скончалась.

⁸⁰ Шепелевский дворец, построенный по проекту архитектора Б. Ф. Растрелли в 1740-е гг. для обер-гофмаршала Д. А. Шепелева, в 1750-е гг. был им подарен императрице Елизавете Петровне и входил в число служебных построек Зимнего дворца. Позднее архитектором И. Е. Старовым был надстроен еще один этаж, где Жуковскому как наставнику цесаревича Александра Николаевича в 1827 г. была предоставлена квартира. Зейдлиц таким образом описал кабинет своего друга: «Большие кресла, диванчики, письменные столы, библиотека, все было уставлено так, что тут он мог писать, там читать, а там беседовать с друзьями. На большом письменном столе, у которого он писал стоя, возвышались бюсты царской фамилии, в углах комнаты стояли гипсовые слепки с античных голов, на стенах висели картины и портреты, которые напоминали ему его любимое прошедшее и отсутствующих друзей» (*Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского*. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 144).

⁸¹ *Зенф Карл Август* (1770—1836) — живописец, миниатюрист и гравер, профессор Дерптского университета, был учителем рисования сестер Протасовых после их переезда в Дерпт в 1815 г.

⁸² *Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского*. С. 174.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 61. В каталоге выставки под № 166 написано: «по выходе замуж за И. Ф. Мойера, масл. краск.» (см.: Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 15). И в каталоге, и в альбоме художник не указан.

Портрет М. А. Мойер работы К.-А. Зенфа. 1824 г.

Мария Андреевна изображена по пояс в темном бархатном платье с белым кружевным воротником. Черты лица мягкие, скорее неправильные, вьющиеся от природы волосы собраны на затылке. Художнику удалось передать обаяние незаурядной личности Марии Андреевны, которой восхищались даже люди, мало ее знавшие. «Она была вовсе не красавица, разбирая черты ее, я находил даже, что она более дурна; но во всем существе ее, в голосе, во взгляде, было нечто неизъяснимо-обворожительное. В ее улыбке не было ничего ни радостного, ни грустного, а что-то покорное. С большим умом и сведениями соединяла она необыкновенные скромность и смирение. Начиная с ее имени, все было в ней просто, естественно и в то же время восхитительно. Других женщин, которые нравятся, кажется, так взял бы да и поцеловал; а находясь с такими, как она, в сердечном умилении все хочется пасть к ногам их»,⁸⁵ — так писал известный мемуарист Ф. Ф. Вигель, видевший М. А. Мойер лишь однажды в 1818 г. во время

⁸⁵ Вигель Ф. Ф. Из «Записок» // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 170.

проезда через Дерпт. Бывая у Жуковского в Шепелевском дворце, Вигель несомненно видел и портрет Марии Андреевны в его кабинете.

После смерти Маши Жуковский заказал ее портрет художнику, хорошо знавшему покойную. 10 февраля 1815 г. М. А. Протасова писала А. П. Киреевской из Дерпта: «Еще слушай! Славный живописец *Зенф*, который рисует масляными, гуашными и на кости, будет нас учить!».⁸⁶ С Зенфом был связан и Жуковский: в 1815 г. во время пребывания поэта в Дерпте художник выполнил его миниатюрный портрет, предназначавшийся в качестве подарка сыну А. П. Елагиной Ивану Киреевскому.⁸⁷ Бывая в мастерской у Зенфа, Жуковский получил здесь первые уроки гравирования.

Портрет Марии Андреевны Жуковский получил в Дерпте в мае 1824 г. Специально для А. П. Елагиной уже в Петербурге была заказана копия, которая и в дальнейшем наряду с оригиналом, принадлежавшим Жуковскому, хранилась в ее семье. В письме к ней от 12 ноября 1823 г. поэт писал: «Портрета я сам еще не имею; как скоро получу, немедленно велю списать для вас; этого подарка вы ни от кого не должны иметь, кроме меня».⁸⁸

Образ Маши соединился для Жуковского с вечностью и в то же время приблизил к нему «прошедшее»: «С ее святым переселением в неизменяемость, прошедшее как будто ожило и пристало к сердцу с новой силой. Она с нами на все то время, пока здесь еще пробудем, не видя глазами ее; но знаю, что она с нами и более наша — наша спокойная, радостная, товарищ души, прекрасный, удаленный от всякого страдания!»,⁸⁹ — писал он Авдотье Петровне. Та же мысль выражена Жуковским и в стихотворении памяти М. А. Мойер «9 марта 1823»:

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай спокойна,
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.⁹⁰

Во время посещений Дерпта Жуковский неизменно бывал на могиле Марии Андреевны. Одно из посещений он описал в письме к Елагиной: «Чувство, с каким я взглянул на ее тихий, цветущий гроб, точно было утешительным, умиротворяющим чувством. Над ее могилой небесная тишина! <...> Мы провели вместе с Мойером усладительный час на этом райском месте. Когда-то повидаемся на нем с вами? Посылаю вам его рисунок: все, что мы посадили, цветы и деревья, принялось, свежо, цветет и благоухает».⁹¹ По замыслу Жуковского на могиле «его Маши» был водружен чугун-

⁸⁶ Уткинский сборник. С. 135—136

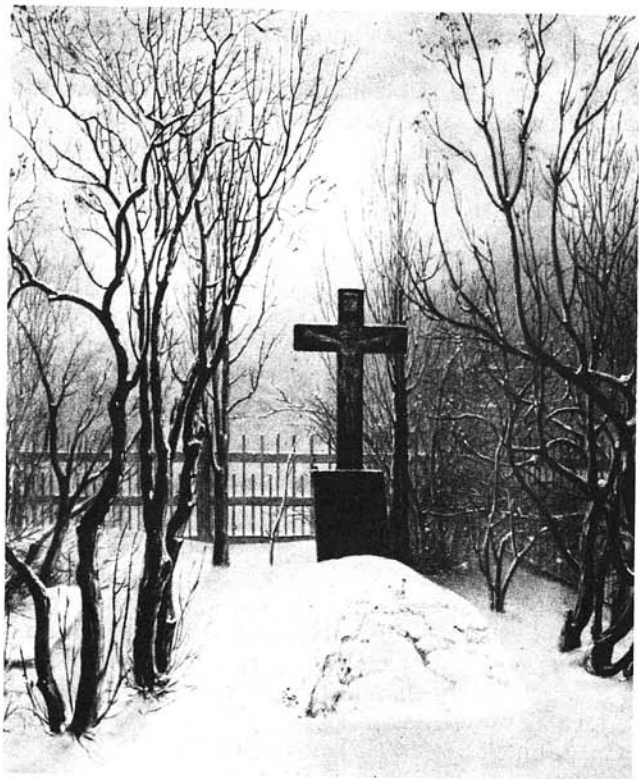
⁸⁷ *Марченко Н. А.* К вопросу об иконографии Жуковского // В. А. Жуковский и русская культура его времени. С. 127—130.

⁸⁸ Уткинский сборник. С. 40. В списке Измайлова фигурируют две копии портрета М. А. Мойер. Одна из копий хранится у потомков М. В. Беэр.

⁸⁹ *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. С. 131.

⁹⁰ *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2000. Т. 2. Стихотворения 1815—1852. С. 231.

⁹¹ Уткинский сборник. С. 41. О рисунках Жуковского с изображением могилы М. А. Мойер см.: *Вуич Л. И.* «Верный друг живым и мертвым» доктор Зейдлиц. С. 126.

Вид могилы М. А. Мойер на дерптском кладбище. Картина неизвестного художника

ный крест с распятием, на бронзовой доске — слова из Евангелия: «Да не смущается сердце ваше...» (Иоанн, гл. 14, ст. 1) и «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененныя...» (Матфей, гл. 11, ст. 28).

На выставке памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского 1902 г. была представлена картина с изображением могилы М. А. Мойер из собрания М. В. Безр. Нет сомнения, что именно она фигурирует в списках Модзалевского и Измайлова: на фотографии с видом гостиной в доме Безров она хорошо видна. Могила Марии Андреевны изображена зимой. Могильный холм с надгробием, на котором закреплен крест с распятием, расположен возле ограды в окружении деревьев.⁹² «Всякий раз, когда он (В. А. Жуковский. — Л. М.) приезжал из Петербурга в Дерпт, он, прежде всего, отправлялся поклониться этой могиле, которая находится на русском кладбище, вправо от почтовой дороги».⁹³ На склоне своих лет, строя планы о пересе-

⁹² Кроме этого изображения и упомянутой ранее акварели, на которой могила изображена летом, Зейдлиц описал особенно любимую поэтом: «... преимущественно любил он одну, представляющую могильный холм в зимней обстановке: на свежем снегу видны следы; мужская фигура в плаще сидит у памятника» (*Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского*. С. 158).

⁹³ Там же. С. 137.

лении в Дерпт, Жуковский мечтал покоиться на том же кладбище неподалеку от своей Маши.

Поэтический образ могил Марии Андреевны и Александры Андреевны нарисовал Жуковский в письме к Александру Ивановичу Тургеневу⁹⁴ от 27 января 1833 г.: «Для одной умершей небо Лифляндии и тихой уголок подле большой дороги, за которою поле, покрытое жатвою; природа простая и приятная, как ее тихие свойства; над другою голубое небо Италии с его яркими звездами и благовониями Юга, очаровательными, как ее милое, восхитительное ребячество, как поэзия ее сердца».⁹⁵

Сразу после смерти «Светланы» в феврале 1829 г. Карл Карлович Зейдлиц, ангел-хранитель обеих сестер, проводивший Александрину в последний путь, писал Жуковскому: «Все будет исполнено с нежной любовью, благоговением и почтением. Крест и плита белого мрамора будут водружены на могиле Александрины, на греческом кладбище в Ливорно, подобно тому, как другая плита покрывает могилу Марии в Дерпте. Надписи должны быть такими же, или я предоставлю это вашему распоряжению».⁹⁶ По видимому, задуманное Зейдлицем не было исполнено в полной мере, так как 19 октября 1832 г. Жуковский просил Александра Ивановича Тургенева, находившегося в это время в Италии, позаботиться о памятнике для «Саши»: «...надобно положить на могилу простую мраморную доску с надписью, высеченною на камне (а не из бронзы, ибо все бронзовое крадут). Надпись та же, какая на гробе Маши <...> Надобно написать слова как можно явственнее, дабы не вышло бестолковщины. Закажи камень и уведоь меня о цене, пришлю деньги из Петербурга...».⁹⁷ Тургенев с энтузиазмом откликнулся на просьбу, и, вероятно, у него возникли свои проекты. Так в следующем письме от 15 (27) января 1833 г. Жуковский писал ему: «К памятнику ничего отнюдь прибавлять не надобно; он должен быть ничто иное, как второй экземпляр Дерптского (М. А. Мойер. — Л. М.). <...> Итак, не переменй и не прибавляй ничего».⁹⁸ Судя по следующему письму, памятник Александре Андреевне был установлен в соответствии с замыслом Зейдлица. 14 (26) марта 1833 г. Жуковский уточнял: «Я думаю, что *не надобно трогать* старого камня с гроба, если на нем утвержден крест. Пускай положат доску с надписью сверху. Напиши об этом кому следует и уведоь меня о цене памятника».⁹⁹ Мечта Жуковского о поездке в Италию осуществилась весной 1833 г. 14 (26) апреля 1833 г. он побывал на грече-

⁹⁴ Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — историк, археограф. Брат Анд. И., Н. И. и С. И. Тургеневых, ближайший друг Жуковского. В 1822—1824 гг. Тургенев пережил сильное увлечение Воейковой, тем самым навлек на себя гнев Жуковского и на некоторое время лишился его доверенности. С 1825 г. жил за границей, работал в архивах.

⁹⁵ Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 272.

⁹⁶ Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова. — «Светлана». СПб., 1915. Т. 1. С. 252. Вопрос о памятнике обсуждался и в следующем письме от 18 февраля 1829 г.: «Крест из мрамора, или из другого камня, такой же как и на могиле Маши, по словам здешних каменщиков будет неудобно сделать и он будет слишком хрупким. Если вы пожелаете сделать чугунный крест, то доставить его из Петербурга будет легко. До тех пор могилу Александрины будет отмечать подобный же крест из твердого дерева, с мраморной доской: кипарисы, розы и плющ ее окружают» (Там же. С. 255).

⁹⁷ Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 266—267.

⁹⁸ Там же. С. 272.

⁹⁹ Там же. С. 276.

Вид могилы А. А. Воейковой на кладбище в Ливорно.
Картина неизвестного художника

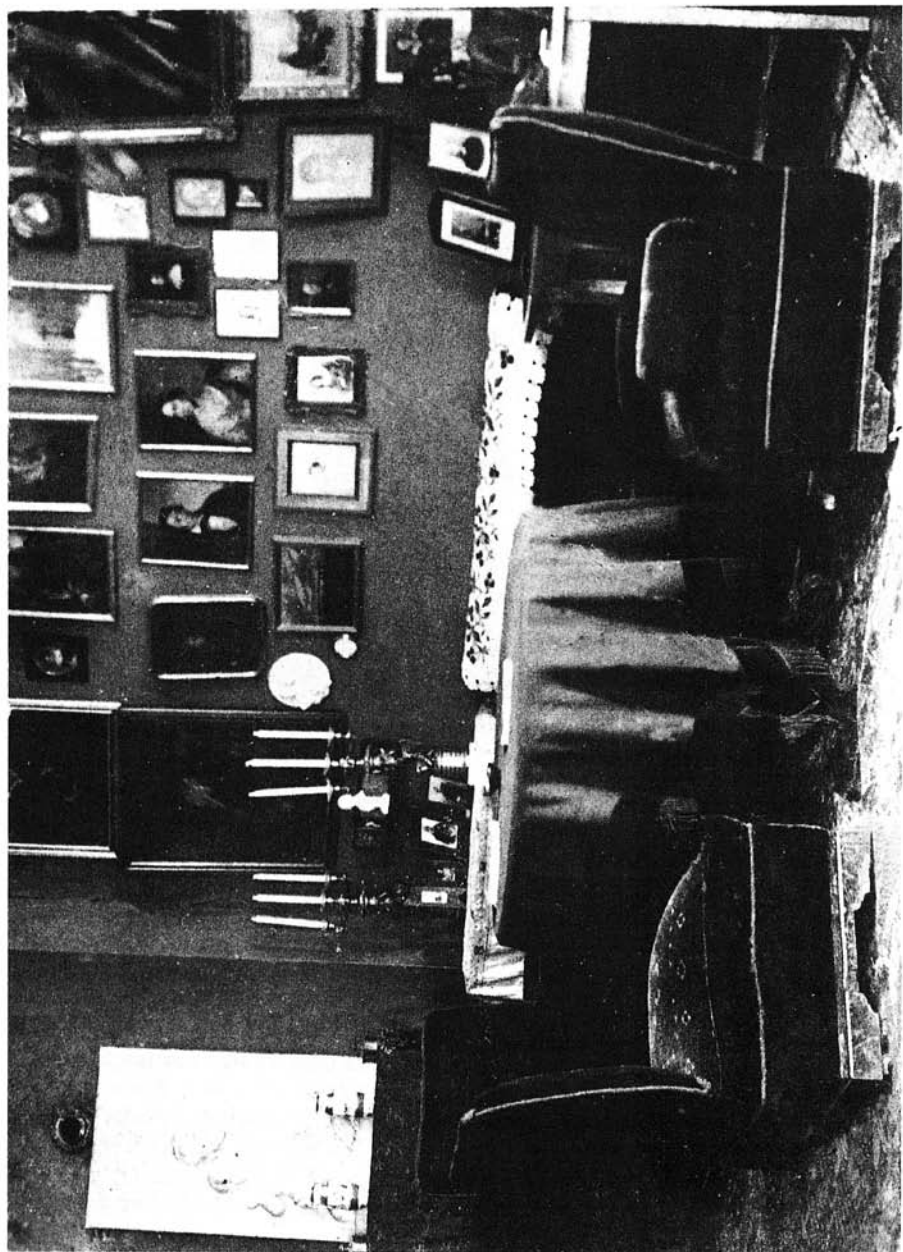
ском кладбище в Ливорно и рисовал могилу «Светланы». На обратном пути поэт опять побывал на могиле Александры Андреевны вместе с другом художником Рейтерном.¹⁰⁰ 23 (3) мая он записал в дневнике: «На кладбище. <...> Вечеру опять на кладбище, где рисовали».¹⁰¹

Вид могилы «Светланы», который можно видеть в альбоме выставки 1902 г., вполне соответствует описанию, сделанному Жуковским в письме к Тургеневу от 27 января 1833 г., приведенному выше. На картине — поэтический уголок кладбища с аркадой часовни на переднем плане и крестом на могиле Александрины, окруженной кипарисами и цветущими кустами роз. Последние лучи заходящего солнца освещают этот последний приют бедной страдальицы.

Реликвии, с которыми не решился расстаться Жуковский, уезжая в Германию в 1841 г., были переданы вдовой поэта Елизаветой Алексеевной Жуковской после ее приезда в Москву в июне 1853 г. Авдотье Петровне Елагиной, с которой она была наиболее близка. В 1869 г. М. П. Погодин ви-

¹⁰⁰ Весной 1833 г. Жуковский и Рейтерн совершили совместное путешествие в Италию.

¹⁰¹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2004. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804—1833. С. 381.

дел портрет Марии Андреевны, вид ее могилы в Дерпте и могилы Александры Андреевны в Ливорно в доме Елагиной в Петрищево.¹⁰²

Усилия Модзалевского и Измайлова пополнить коллекции Пушкинского Дома уникальными портретами, рисунками лиц из ближайшего окружения Жуковского и Елагиных остались, к сожалению, безрезультатными.

Удивительным в этой связи следует считать тот факт, что среди портретов, поступивших в 1953 г. в музей Пушкинского Дома из Института мировой литературы,¹⁰³ оказались портреты из уткинского архива. Среди них — акварель Жуковского 1839 г., изображающая И. Ф. Мойера за роялем (инв. 64406),¹⁰⁴ вошедшая в списки Модзалевского (№ 1) и Измайлова (№ 10), и миниатюрные портреты Юшковых (инв. 64398 и 64399)¹⁰⁵ из списка Измайлова (№ 7 и 8). В то же время музейное собрание пополнилось практически неизвестными или мало известными изображениями: М. А. Протасовой (инв. 64405),¹⁰⁶ Е. А. Протасовой (инв. 64397 и 64396),¹⁰⁷ А. А. Воейковой (инв. 64402),¹⁰⁸ Е. А. Жуковской

Гостиная в доме Безров в Малом Лёвшинском пер. Фотография. 1920-е гг. На стене над диваном в верхнем ряду слева направо: вид могилы А. А. Воейковой (3), портрет М. А. Мойер работы К. А. Зенфа 1824 г. (4), вид могилы М. А. Мойер (5), акварельный портрет А. А. Воейковой (6) (с 1953 г. в Пушкинском Доме). В среднем ряду: портрет В. А. Елагина работы Э. А. Дмитриева-Мамонova (1; в собрании Гос. музея А. С. Пушкина), портрет А. А. Елагина работы А. П. Елагиной (?) (2; с 1953 г. в Пушкинском Доме), портреты А. С. и Е. М. Хомяковых работы А. С. Хомякова (3, 4), портрет Е. А. Жуковской — копия А. П. Елагиной с оригинала Ф. Т. Гильденбрандта (5; с 1953 г. в Пушкинском Доме). В нижнем ряду: барельефный портрет детей поэта А. В. и П. В. Жуковских работы А. фон Нордгейма (1; с 2003 г. в Пушкинском Доме), портрет М. А. Протасовой — рисунок Жуковского 1811 г. (2; с 1953 г. в Пушкинском Доме), картина К. Д. Фридриха «В. А. Жуковский и бр. Ал. И. и С. И. Тургеневы» (3; в собрании Гос. музея А. С. Пушкина), портрет В. А. Жуковского — копия А. П. Елагиной с оригинала Ф.-Т. Гильденбрандта (6; в собрании Гос. музея А. С. Пушкина), портрет И. Ф. Мойера в молодости (7), И. Ф. Мойер за роялем — акварель Жуковского 1839 г. (8; с 1953 г. в Пушкинском Доме)

¹⁰² *Погодин М. П.* Поездка в Белев // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 464.

¹⁰³ После закрытия отдела иллюстраций в Институте мировой литературы в 1953 г. в музей Пушкинского Дома поступило большое количество материалов — живописные и графические портреты, собрание гравюр и др.

¹⁰⁴ См. коммент. к № 7 в списке Модзалевского.

¹⁰⁵ См. коммент. к № 7 и 8 в списке Измайлова.

¹⁰⁶ Речь идет о варианте карандашного портрета, исполненного В. А. Жуковским в 1811 г. Наиболее известен портрет, находящийся ныне в собрании Русского музея. Близкий к нему портрет находился в альбоме А. П. Елагиной, который экспонировался на выставке 1902 г. и был раскрыт на странице с портретом М. А. Протасовой (в каталоге под № 194: Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 18). Воспроизведен: Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 65.

¹⁰⁷ Имеются в виду: карандашный портрет Е. А. Протасовой, предположительно работы А. Д. Хрипова, выполненный в Дерпте, вероятно, в 1828 г., и его живописный вариант, выполненный, по-видимому, позднее. Карандашный портрет, представленный на выставке 1902 г., вошел в каталог под № 164/2 (см.: Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 15). Воспроизведен: Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 60.

¹⁰⁸ В каталоге выставки 1902 г. значится под № 167 (см.: Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 15).

(инв. 34000),¹⁰⁹ А. А. Елагина (КП-5249/3)¹¹⁰ и др. После периода забвения они вновь собрались в одном месте, на этот раз — в Пушкинском Доме.

Сохранилась редкая фотография с видом гостиной в Малом Лёвшинском переулке, относящаяся к 1920-м гг. На стене над диваном можно узнать почти все портреты, которые так хотели приобрести для Пушкинского Дома Модзалевский и Измайлов. Некоторые из них хорошо знакомы исследователям, другие неизвестны, но, возможно, хранятся в музейных собраниях или частных коллекциях.

Особенно важной представляется судьба портрета М. А. Мойер и изображений могил М. А. Мойер и А. А. Воейковой. Увезенные Жуковским в Германию, эти реликвии вернулись в Россию, хранились в семье потомков М. А. Мойер и А. П. Елагиной. Остались ли эти «драгоценности» в семье или стали собственностью случайных людей, что часто наблюдалось в трудные времена, нам неизвестно. Досадно, что не осуществилась мечта создателей Пушкинского Дома поместить эти портреты в музейной зале, посвященной Жуковскому. Помешала этому и цепь роковых событий: смерть Марии Васильевны Безр в 1927 г., кончина Бориса Львовича Модзалевского в 1928 г. и арест Николая Васильевича Измайлова в 1929 г., последовавшая затем реорганизация Пушкинского Дома.

Публикуемые документы — это не только сведения о портретах из уткинского архива, но и еще одна неизвестная страница из истории собирательской деятельности первых пушкинотомцев, благодаря усилиям которых формировались его богатейшие фонды.

¹⁰⁹ Портрет Е. А. Жуковской выполнен на картоне и является сильно уменьшенным фрагментом ее большого парадного портрета работы К.-Ф. Зона 1840 (?) г. По-видимому, копия была сделана А. П. Елагиной во время ее пребывания в семье поэта в Дюссельдорфе летом 1841 г. Одновременно ею была выполнена копия с портрета Жуковского работы Гильденбрандта 1840 г. (ныне копия хранится в собрании Государственного музея А. С. Пушкина).

¹¹⁰ *Елагин Алексей Андреевич* (1790—1846) — штабс-капитан, участник кампаний 1812—1814 гг. Муж А. П. Елагиной, друг декабриста Г. С. Батенькова. Портрет экспонировался на выставке 1902 г., вошел в каталог под № 184 без указания автора (см.: Каталог выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 17). Воспроизведен: Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. 1852—1902. С. 59.

II. ТЕКСТОЛОГИЯ

А. Ю. Балакин

СПИСКИ САТИРЫ А. Ф. ВОЕЙКОВА «ДОМ СУМАСШЕДШИХ» В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

1

Среди всего пестрого разнообразия «вольной» литературы первой половины XIX в., среди сочинений самых разных жанров и самой несходной политической или эстетической направленности стихотворная сатира Александра Федоровича Воейкова (1778 или 1779—1839) «Дом сумасшедших» (далее — ДС) занимает свое, уникальное место. Место это определяется даже не степенью популярности среди современников или распространенности ее списков (хотя в этом она могла потягаться с такими произведениями, как «Опасный сосед», «Вольность» или «Горе от ума»), а тем, что создавалась на протяжении четверти века, тем, что все это время ее текст перерабатывался и дополнялся автором. Воейков постоянно стремился актуализировать свое самое известное стихотворение, приспособить его к тому или иному конкретному эпизоду литературной борьбы или этапу своих личных отношений с тем или иным литератором. Единичные дошедшие до нас автографы¹ и многочисленные списки ДС разного време-

¹ Нам известны три полных автографа ДС: 1) РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1186, л. 1—6; состоит из четырех полулистов, сшитых в тетрадку; первые три полулиста датируются предположительно второй половиной 1820-х гг., четвертый, написанный другими чернилами, вставлен позднее, возможно, в середине 1830-х гг.; включает 46 строф с нарушением обычного порядка расположения (из-за замены четвертого полулиста и внесенных в него дополнений); фамилии частично зашифрованы; 2) Там же, л. 7—12 об.; три полулиста, сшитых в тетрадку; первоначально включал 38 строф с пометой в конце: «Сочинено в октябре 1814-го года, дорогою из деревни генерала П. С. Кайсарова к П. И. Арбеневу» (л. 11); впоследствии подвергся серьезной авторской доработке, после чего стал включать 40 строф основного текста (строфы перенумерованы карандашом, а затем зачеркнуты — вероятно, в процессе изготовления копии), а также две выбившиеся из нумерации и не попавшие в «корпус» строфы про И. И. Козлова; еще позднее были добавлены 4 строфы «женского отделения», две строфы «варьянтов» про Козлова и строфы про Н. А. Полевого и П. И. Соколова; в конце помета: «В. Отосланы к Жуковскому 18 VIII/16 34» (л. 12 об.). В этой же ед. хр. находятся черновые автографы строф про А. А. Перовского (л. 13 с пометами П. А. Вяземского воспроизведен в изд.: Поэты-сатири-

ни отразили почти все этапы этой работы. В виде же списков этот текст существовал около 40 лет, пережив смену нескольких литературных поколений: если в сборниках конца 1810-х гг. он соседствовал с сатирами Д. П. Горчакова, И. М. Долгорукого, И. И. Дмитриева, то в середине 1850-х его переписывают вместе с политической лирикой Н. А. Некрасова, А. Н. Майкова, Е. П. Ростопчиной.

Сохранилось немало свидетельств популярности ДС в самых разных слоях русского общества. Как писал в конце 1850-х гг. первый биограф Воейкова Е. Я. Колбасин, его сатира «быстро разнеслась по всей грамотной России. От Зимнего дворца до темной квартиры бедного чиновника она ходила в рукописных, по большей части искаженных списках. Не появляясь нигде в печати, она тем более выигрывала в глазах публики. Успех ее можно сравнить разве только с успехом гоголевского „Ревизора“ в первое время. Молодежь и литераторы превозносили Воейкова до невероятности; старцы и закостеневшие педанты бранили ее с пеной у рта. <...> Вряд ли сам Пушкин, в начале своего поприща, видел такое бурное, восторженное поклонение, какое выпало на долю Воейкова после распространения его сатиры».² Но уже после первых публикаций ДС стали слышны и скептические голоса. «Воейкова <...> считали, в свое время, сатириком, — писал неизвестный журналист, откликаясь на выход цитируемой выше книги, — но стоит прочесть его „Дом сумасшедших“, который доставил ему громкую известность, чтобы убедиться, что это был ни более, ни менее как желчный памфлетист, которого достало на один, да и то довольно жалкий памфлет. <...> Его „Дому сумасшедших“ мы не придаем никакого серьезного значения: в этом произведении не видно даже остроумия. Плохой литератор, плохой журналист, шаткий в своих убеждениях, или, лучше, не имеющий никаких убеждений, карающий из личной мести, кичащийся

ки конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. С. 307), В. М. Строева и В. И. Карлгофа (на отдельных листах), а также список «политического отделения» ДС со строфами про Магницкого, Руничца и Кавелина, озаглавленный «Второе отделение дома сумасшедших»; 3) РНБ, ф. 151, ед. хр. 4, л. 1—57; датируется началом 1830-х гг., так как восходит к промежуточному варианту предыдущего автографа в составе 40 строф (с незначительными разночтениями); содержит также «Дополнение» (две строфы про И. И. Козлова), «Варианты» (две другие строфы про него же) и «Женское отделение»; сюда же вложены отдельные листки со строфами про Н. А. Полевого, П. И. Соколова, П. П. Свинына и В. М. Строева; по этому автографу основной текст «Дома сумасшедших» публиковали Г. В. Ермакова-Битнер (в сб.: Поэты-сатирики... С. 297—309) и Ю. М. Лотман (в сб.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 292—302) — в обеих публикациях не отмечено, что вторая полустрофа первой строфы про Булгарина заменена здесь точками. Четвертым номером к перечню необходимо добавить публикацию неизвестного ныне автографа сатиры, подаренного Воейковым Булгарину, по всей вероятности, не ранее конца 1821 г. и не позднее первой половины 1823 г. (Русская старина. 1875. № 3. С. 585—590). Особого упоминания заслуживает манускрипт с текстом ДС и фрагментом из «Послания к С. С. Уварову» (РГБ, Полт. 9, ед. хр. 37), названный на обложке единицы хранения «черновым автографом» и датируемый по водяному знаку 1817 г. Именно по нему текст ранней редакции ДС реконструировал Ю. М. Лотман (см.: Поэты 1790—1810-х годов. С. 793—798, перепечатано: «Арзамас»: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 167—173), и две строфы интерполировала в свою публикацию Г. В. Ермакова-Битнер (см.: Поэты-сатирики... С. 305, 668). Внешне он мало похож на автограф Воейкова (тем более черновой), а имеющиеся в нем ошибки в передаче текста говорят о том, что автор «Дома сумасшедших» едва ли мог принимать участие в его изготовлении; для окончательного решения вопроса необходимо дополнительное исследование.

² Колбасин Е. Я. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 259—260.

знакомством с разных орденов кавалерами — Воейков является нам самую непривлекательную личностью, и изучение его важно только как материал для характеристики тогдашнего русского общества». ³ Должно было пройти еще полтора десятка лет, прежде чем ДС окончательно утратил налет скандальной актуальности, стал восприниматься как факт литературной полемики своего времени и превратился в объект спокойных историко-литературных штудий.

Разумеется, при жизни Воейкова о публикации его сатиры целиком не могло быть и речи. ⁴ Первые сведения о ней начали проникать в печать ⁵ лишь спустя 15 лет после смерти ее автора. Сначала это были публикации отдельных строф, ⁶ а в 1857 г. она была опубликована целиком в первом выпуске «Сборника, издаваемом студентами Императорского Петербургского университета». В следующем году более полный, но менее авторитетный текст ДС был выпущен отдельным изданием за границей. ⁷ Первое критическое издание «Дома сумасшедших» осуществил в 1874 г. П. А. Ефремов по одному из поздних списков (56 строф и 4 строфы «женского отделения»), ⁸ сопроводив эту публикацию основными разночтениями, извле-

³ <Без подписи>. Литературная летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. 31 марта. № 71.

⁴ Единственное известное нам исключение — публикация одной из строф про Каченовского в составе анонимной полемической заметки Воейкова (Славянин. 1828. Ч. 7. С. 348).

⁵ Ср. позднейшую надпись Д. И. Хвостова на принадлежавшем ему списке ДС: «В сей Сатире, известной целому городу, или лучше всей России, много остроу, жаль что последовал имянной указ, около 1820 года — отыскивающий Автора Дому Сумасшедших, что я узнал от цензора Красовского, желая напечатать Алекс. Федоровичу мадригал, написанный Автору Сумасшедшего дома (см. 5 том), в числе смеси, и цензор сказал, что сего напечатать нельзя: ибо есть указ отыскать, кто Автор. Еще жаль, что много с того времени к сей пиесе прибавлено новых портретов на дам и на кавалеров, коих Автор не дает уже переписывать» (список Q, л. 308). Непонятно, о каком издании здесь идет речь: «Разные стихотворения графа Хвостова, сочиненные после полного собрания. Том пятый» (СПб., 1827) цензуровал А. С. Биурков, пятый том «Полного собрания стихотворений» (СПб., 1830), где впервые напечатан упомянутый «матригал», — К. С. Сербинович (причем в последнем издании раздел «Смесь» отсутствует). Глухой намек на неприятности Воейкова в начале 1820-х гг. есть в статье Е. Я. Колбасина: «Доносы на автора («Дома сумасшедших». — А. Б.) между тем не смолкали, его хотели даже сослать, но это не состоялось, и автор был оставлен в покое. Карамзин, которого государь и тогда уж умел ценить, вмешался в это дело и в официальной докладной записке к Сперанскому оправдывал сочинителя сатиры, называя его человеком „отличных дарований“» (Колбасин Е. Я. Литературные деятели прежнего времени. С. 258—259).

⁶ Учтены П. А. Ефремовым; см.: Дом сумасшедших. Сатира А. Ф. Воейкова. СПб., 1874. С. 6—7 (отд. отт. из: Русская старина. 1874. № 3).

⁷ Дом сумасшедших. Сатира А. Ф. Воейкова. Берлин: Ferdinand Schneider, 1858. Упомянутое Орловым и Ермаковой-Битнер издание: Librarie V. Behr (E. Bock), Berlin (год не указан) — осталось нам неизвестным.

⁸ Как писал публикатор в преамбуле, «смеем надеяться, что список, с которого ныне мы печатаем сатиру Воейкова в „Русской старине“, далеко оставит за собою своих предшественников» (Дом сумасшедших. Сатира А. Ф. Воейкова. С. 6—7). Отметим, однако, что список этот нельзя считать полностью авторитетным потому, что в нем присутствуют варианты более ранних редакций, впоследствии отвергнутые (в частности, ст. 5—8 строфы 5, отчего нарушена привычная строфика «политического отделения»), а также строфы, очевидно интерполированные по другим спискам (ср. характерное признание в одном из последующих номеров журнала: «В „Русской старине“ изд. 1874 г. <...> напечатана шутка-сатира А. Ф. Воейкова и напечатана по нескольким спискам, со множеством варьянтов...») — Русская старина. 1875. № 3.

ченными из других списков, и составленными М. И. Семевским биографическими сведениями об упомянутых в сатире лицах. Следующие две публикации⁹ также ставили своей целью дать максимально полный текст сатиры, пока в 1959 г. Г. В. Ермакова-Битнер не обосновала иное текстологическое решение: «Существование разных редакций „Дома сумасшедших“, большого количества рукописных копий, в том числе авторизованных, создает трудности при выборе текста. Основой должен служить автограф. Принцип сводной редакции, преследующий единственную цель — абсолютную полноту текста, нецелесообразен, так как искусственно соединяет разнородные элементы произведения, создававшиеся в разные периоды. <...> Давать самую первую редакцию поэмы, направленную только против писателей, было бы неправильно, так как значительный интерес представляют не только писательские характеристики, но и сатирические портреты политических и общественных деятелей, которые в первой редакции отсутствуют».¹⁰ Эти соображения позднее были развиты и уточнены Ю. М. Лотманом, который подошел к проблеме с другой стороны: «Стихотворение построено как цепочка строф, сокращаемых и прибавляемых в соответствии с потребностями минуты. Поэтому понятие „окончательного“ текста здесь в принципе неприменимо. Памятник дошел до нас в виде нескольких сильно отличающихся между собой автографов <...> и большого числа списков, ни один из которых не воспроизводит начального или конечного момента эволюции текста. Списки производились со всех промежуточных редакций; при реконструкции истории текста их необходимо учитывать, поскольку далеко не все звенья его эволюции документированы автографами».¹¹ В качестве источника публикации сатиры для основного корпуса подготовленных ими сборников и Г. В. Ермакова-Битнер, и Ю. М. Лотман выбрали упомянутый выше автограф РНБ (см. примеч. 1), но если в «Поэтах-сатириках...» все зашифрованные имена были раскрыты¹² (и добавлены две строфы по другому источнику), то в «Поэтах 1790—1810-х годов» псевдонимы были сохранены, а сокращенные имена раскрыты в угловых скобках.

С. 584). В архиве «Русской старины» списка, который лег в основу публикации Ефремова, не обнаружено, но зато там хранится ее корректура (гранки) с многочисленной (и нередко очень интересной) правкой публикатора (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 497).

⁹ См.: *Воейков А. Ф.* Дом сумасшедших. С приложением «Парнасского Адрес-Календаря» А. Ф. Воейкова и «Дома сумасшедших в Москве» гр. Е. П. Ростопчиной / Вступ. статья и историко-литературный коммент. И. Розанова и Н. Сидорова. М., [1911]; Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века / Сост. В. Н. Орлов и А. Г. Островский. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 509—540.

¹⁰ *Ермакова-Битнер Г. В.* Примечания // Поэты-сатирики... С. 667.

¹¹ *Лотман Ю. М.* Примечания // Поэты 1790—1810-х годов. С. 832.

¹² Это решение было обосновано следующим образом: «Отступление от автографа, по которому напечатан текст, сделано в отношении фамилий: даны подлинные, а не вымышленные. Основанием для этого является то, что в первой редакции все фамилии подлинны. В ГПБ хранится интересный список „Дома сумасшедших“ с собственноручными пометами и поправками Воейкова <...>, который показывает, что все вымышленные фамилии были поставлены Воейковым значительно позже из цензурных соображений» (*Ермакова-Битнер Г. В.* Примечания. С. 667; имеется в виду неполный список: РНБ, ф. 151, ед. хр. 4, л. 10—14 об.).

Позднее Ю. М. Лотман посвятил ДС отдельную статью,¹³ где подвел итог столетней истории изучения сатиры, сделал попытку более подробно, чем в примечаниях к сборнику «Библиотеки поэта», проследить ее творческую историю, расшифровать скрытые в ней намеки. Здесь ученый обосновал новое понимание этого текста, новый взгляд на его природу, развитие и способы бытования в читательской среде. По его мнению, ДС необходимо рассматривать как сложную динамическую систему, в которой заложен механизм постоянного обновления. Актуализация текста происходит путем добавления новых строф или замещения их другими, содержащими намеки на самые последние новости и сплетни околосатирического мира. При этом потерявшие актуальность строфы остаются в тексте, образуя своеобразный каркас, вокруг которого прирастают новые смыслы.

Лишь на самом раннем этапе бытования ДС Воейков заменяет одни строфы другими, пытаясь сохранить в неприкосновенности их первоначальное число (в 1815 г. строфы о Жуковском, Батюшкове и Грузинцеве вводятся одновременно с сокращением строф о Станевиче и Невзорове). Но уже переписчики 1810-х гг. не соглашались видеть в отличающихся по составу списках сатиры различные ее редакции, пытаясь составлять из них наиболее полный, не считаясь с неизбежно возникающими трудностями и противоречиями. Иногда, правда, самые добросовестные проделывали своего рода текстологическую работу, отмечая на полях или под строкой разночтения имеющихся у них списков.¹⁴

Тому способствовало, очевидно, и то, что сам Воейков, судя по всему, новые строфы нередко «выпускал в свет» отдельно, не указывая конкретного места в составе ДС. Переписчики же вставляли их в текст по своему усмотрению или даже дописывали вслед за конечными строфами — до нас дошло несколько таких списков. Сохранились также списки как отдельных строф, так и более крупных фрагментов текста.

Широкое распространение сатиры неизбежно способствовало и порче ее текста. Уже для переписчиков конца 1810-х гг. ничего не говорили упомянутые в ней имена и обыгрываемые обстоятельства, в полной мере понятные лишь узкому кругу лиц, для которых она первоначально и предназначалась. Отсюда возникала путаница в именах (так, Станевич именуется то Станцевичем, то Станьевичем, то Становичем, то Станкевичем — последний вариант особенно распространен), в строфике, в порядке расположения персонажей. Впоследствии читатели видели в ДС лишь отголоски каких-то литературных распрей, суть которых была им совершенно не ясна. Да они и не пытались прояснить ее. Для них привлекателен был сам дух скандала, который сопровождал сатиру Воейкова от самого ее появления до возникновения посмертного «сводного списка», снабженного разночтениями и примечаниями. Поэтому, когда ее автор по каким-то обстоятельствам, о которых нам пока ничего не известно, во второй половине

¹³ См.: Лотман Ю. М. Сатира Воейкова «Дом сумасшедших» // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1973. Вып. 306. С. 3—45 (перепечатано в кн.: Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 430—467, далее цитируется по этому изданию).

¹⁴ Два самых характерных списка подобного рода хранятся в РНБ (ф. 679, ед. хр. 133, л. 18—25 об.) и РГАЛИ (ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 3507, л. 31 об.—37).

1820-х гг. (или начале 1830-х гг.) стал зашифровывать имена упомянутых в ней лиц, она ничуть не утратила своей популярности.

Как ни парадоксально, но именно широкая популярность ДС, приведшая к возникновению большого количества списков, вкупе с его вариативностью и определенной эзотеричностью стали причиной того, что исследование этого текста обреченно останавливалось на самых предварительных стадиях. Наиболее успешная попытка ввести сатиру в историко-литературный контекст удалась лишь Ю. М. Лотману, причем главная его заслуга, на наш взгляд, — в самой постановке основных проблем изучения этого неординарного явления русской сатирической поэзии. Ученый дал лишь выборочный комментарий, описал движение текста лишь в самых общих чертах, но его работа стала той вехой, той отправной точкой, без которых дальнейшее исследование ДС было бы невозможно.

Это сообщение ставит задачей сделать еще один шаг к созданию подробной творческой истории ДС, к лучшему пониманию его бытования в литературной среде своего времени. Думается, лучше всего это можно сделать через возможно подробное описание дошедших до нас списков.¹⁵ Ведь и небрежная копия, содержащая большое количество описок и неточностей, может быть не менее интересна и показательна, чем написанный каллиграфическим почерком с тщательно расставленными знаками препинания подносной автограф в каком-нибудь роскошном альбоме. Ошибки неведомого переписчика порой не менее поучительны, чем тщательно выправленная авторизованная публикация.

К настоящему времени Пушкинский Дом располагает самым обширным собранием списков ДС среди основных государственных архивохранилищ: нами выявлено 28 полных списков (из них 2 с лакунами) и 6 фрагментов (отдельные строфы). Единственный же хранящийся в ИРЛИ автограф ДС — это две строфы про Полевого, приписанные Воейковым в концовке его письма к Н. М. Языкову от 5 января 1838 г.¹⁶

В упомянутой выше работе Ю. М. Лотман выделил четыре редакции сатиры Воейкова: первая — 1814—1817 гг., вторая — 1818—1822 гг., третья — 1826—1830 гг. и четвертая — 1836—1838 гг. Нам же кажется, что целесообразнее говорить о трех авторских редакциях ДС и нескольких версиях текста внутри каждой редакции.

¹⁵ Перед нами не стояла задача привести полный перечень разночтений всех списков ДС, прежде всего потому, что они в основной своей части идут, очевидно, не от автора, а являются следствием ошибок переписчиков. Сличение сохранившихся автографов показывает, что в границах каждой отдельной строфы текст достаточно устойчив и варьируется крайне незначительно, а все значимые изменения происходят на макроуровне. Пользуемся случаем выразить признательность А. С. Бодровой, М. Б. Велижеву, М. А. Котовой и С. И. Панову за помощь в розыске списков ДС в московских архивах.

¹⁶ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 511. Оупбл. Б. Л. Модзалевским в сб.: Литературные портфели. Пб., 1923. Вып. 1. С. 67—68.

Первую редакцию (1814—1820) можно назвать «арзамасской», поскольку ее полемические задачи (прокарамзинская направленность) и прагматика (адресация узкому кругу друзей) близки к эстетическим установкам «Арзамасского общества безвестных людей», куда Воейков был принят в 1816 г. Отражена в следующих списках:

А — ИРЛИ, р. III, оп. 1, ед. хр. 789. Сложенный вдвое лист, бумага 1815 г. (или 1816 г. — последняя цифра читается плохо); заглавие: «Дом съ Ума-сшедших!», подпись: «Воейков».¹⁷ Состав: 1—6. Зачин; 7—8. Каченовский; 9. Шаликов; 10—11. Глинка; 12. В. Л. Пушкин; 13—14. Шишков; 15. Сладковский; 16. Кутузов; 17—19. Станевич; 20—21. Невзоров; 22—24. Концовка.¹⁸

Судя по всему, этот список отразил самую раннюю версию ДС осени 1814 г., которая первой вышла из узкого дружеского кружка и стала распространяться в списках.¹⁹ Поскольку эта версия дошла до нас в весьма небольшом количестве списков, очевидно, она просуществовала недолгое время и уже в 1815 г. стала пополняться новыми строфами: о Жуковском, Батюшкове и Грузинцеве. Первоначально, видимо, они распространялись отдельно и переписчиками в состав ДС вставлялись по их собственному усмотрению, что и отразилось в некоторых списках.

В одном из них зафиксирована неустойчивость состава строф; здесь обращает на себя внимание их произвольная перестановка и замена Сладковского на Жуковского:

В — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 494, л. 1—5. Тетрадь 4°, где после ДС записаны «Певец, или певцы в беседе славено россов» К. Н. Батюшкова и «Разговор в царстве мертвых» А. Е. Измайлова; бумага 1817 г.; подписей нет, во втором и третьем текстах есть вставки другой рукой и чернилами; на л. 1 позднейшие пометы карандашом: «№ 511», «Три стихотворения Воейкова», «Напечатано». Состав: 1—6. Зачин; 7—8. Каченовский; 9. Шали-

¹⁷ Далее отсутствие разночтений в заглавии и наличие подписи специально оговариваться не будет.

¹⁸ Этот список (с поправками по списку **Н**) опубликован нами в сб.: Литературное общество «Арзамас»: Культурный диалог эпох. Материалы международной конференции. Арзамас, 2—4 июня 2005 г. Арзамас, 2005. С. 268—273. К сожалению, в эту публикацию вкралось несколько неточностей, самая значительная из которых — во второй строке первой строфы про Глинку, которая только по этому списку читается: «Петый Глинка восседит...» (во всех других источниках: «Истый Глинка восседит...»).

¹⁹ См.: Балакин А. Ю. К уточнению творческой истории одного из «арзамасских» текстов: О ранних редакциях сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» // Литературное общество «Арзамас»: Культурный диалог эпох. С. 256—265. Она зафиксирована также некоторыми как ранними, так и более поздними списками, имеющими аналогичный или близкий состав: 1) РГБ, ф. 312, ед. хр. 59, л. 161—165 об. (список 1815 г.); 2) РГБ, ф. 344, ед. хр. 282, л. 443—450 (список конца 1815—начала 1816 г.; перед концовкой добавлена строфа про Жуковского); 3) РНБ, ф. 777, оп. 3, ед. хр. 250, л. 2—8 (список не ранее 1826 г.; после концовки под знаком «P. S.» добавлены строфы про Батюшкова и Грузинцева); 4) РНБ, ф. 679, ед. хр. 133, л. 18—25 об. (начало 1820-х гг.; реконструированный «1-й список»); 5) РГАЛИ, ф. 46, оп. 8, ед. хр. 22 (не ранее 1830-х гг.; В. Л. Пушкин заменен Хвостовым).

ков; 10—11. Глинка; 12. Кутузов; 13. Жуковский; 14. В. Л. Пушкин; 15—16. Шишков; 17—19. Станевич; 20—21. Невзоров; 22—24. Концовка.

Однако скоро состав этой версии ДС стабилизировался: три новые строфы вошли в него за счет сокращения строф о Станевиче (с трех до одной) и о Невзорове (с двух до одной). Таким образом, количество строф сатиры осталось прежним — их 24.²⁰ В таком виде ДС просуществовал без изменений целых пять лет, на эти годы приходится расцвет его популярности, и поэтому неудивительно, что эту версию (и восходящие к ней «интегральные» версии) отразило довольно большое количество списков:²¹

С — ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 96, л. 73—76. Переплетенная книга под заглавием: «Сборник сочинений, не изданных в печать. Часть первая» (описание см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2, кн. 1. С. 410—411; здесь пропущен открывающий том «Митюха Валдайский» П. Н. Семенова); заполнена одним почерком на разных сортах бумаги, спи-

²⁰ Именно эта версия ДС была опубликована впервые в 1857 г.; выбор текста обосновывался публикатором так: «Написано это стихотворение <...> в 1814 году; но потом несколько раз дополнялось в 1826, 36, 37 и наконец в 1838 г.; первоначально стихотворение названо было „Новый Бедлам“. До сих пор оно известно только в рукописях <...>; но содержание его исполнено такой невинной иронии, что мы решились напечатать „Дом сумасшедших“ <...>; но только первой редакции, которая составляет теперь довольно замечательную редкость. Позднейшая редакция, по нашему мнению, гораздо ниже первой: в ней много натяжек, потому что Воейков слишком растянул свою эпиграмму» (*Лазаревский А.* Библиографические заметки по русской литературе. II. А. Ф. Воейков // Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета. СПб., 1857. Вып. 1. С. 339). Эта публикация предыдущими исследователями описывалась некорректно: Г. В. Ермакова-Битнер утверждала, что в «Сборнике...» «напечатаны 24 строфы со многими пропусками и большею частью без фамилий. В более исправном виде — отдельной брошюрой — „Дом сумасшедших“. Лейпциг, 1858» (Поэты-сатирики... С. 667); такую же информацию дает и Ю. М. Лотман: «(24 строфы с пропусками, частично с указанием подлинных имен); „Дом сумасшедших“, Лейпциг, 1858 (более исправный текст)» (Поэты 1790—1810-х годов. С. 832). Скорее всего, исследователи доверились информации П. А. Ефремова, сообщавшего, что в «Сборнике...» напечатано «двадцать четыре строфы, но со многими пропусками и большею частью без фамилий выведенных в сатире лиц...» (Дом сумасшедших. Сатира А. Ф. Воейкова. СПб., 1874. С. 6). На самом же деле в этой публикации во всех строфах приведены подлинные фамилии, а единственный пропуск — замененное соответствующим количеством точек слово «дурак» в строфе про Хвостова. Разумеется, ее нельзя назвать безупречной, но во всяком случае в ней гораздо меньше ошибок, чем в берлинской (а не лейпцигской) брошюре, где смешан текст всех редакций и допущено большое количество искажений. Неверна информация Ефремова и про публикацию в «Сыне отечества» (1857. № 45), где якобы «Дом сумасшедших» был напечатан «в более полном виде» (Там же). Анонимный рецензент этого журнала в отзыве на «Сборник...» хоть и положительно оценил факт публикации сатиры Воейкова, но оспорил текстологическое решение ее публикатора («Напрасно только [редакция сборника] напечатала эту сатиру по ее первоначальной редакции 1814 года. В последующих переделках и поправках своего стихотворения Воейков сделал в нем много улучшений». — *Сын отечества.* 1857. № 45. С. 1099) и привел в тексте рецензии строфы, относящиеся к более поздним редакциям, причем действительно по большей части без фамилий.

²¹ Укажем также, что в музее ИРЛИ (инв. 5902) хранятся 14 иллюстраций именно к этой версии ДС (бумага 1812 г., перо); на них изображены: приход рассказчика в Желтый дом, эпизод чтения указа (оба опубл.: Рисунки русских писателей XVII—начала XX века / Сост. Р. В. Дуганов. М., 1988. С. 74) и 12 портретов обитателей «Дома сумасшедших» — от Каченовского до Невзорова (некоторые опубл. в кн.: Эпиграмма и сатира. Т. 1). В картотеке музея и в первом из указанных изданий эти рисунки атрибутированы К. Н. Батюшкову, что не имеет под собой никаких оснований.

сок ДС на бумаге 1817 г. Время заполнения определить трудно; указание, что книга заполнялась в 1830-е гг. (Там же. С. 410), сомнительно. Состав: 1—6. Зачин; 7—8. Каченовский; 9. Шаликов; 10—11. Глинка; 12. Хвостов; 13—14. Шишков; 15. Сладковский; 16. Жуковский; 17. Кутузов; 18. Станевич; 19. Батюшков; 20. Грузинцев; 21. Невзоров; 22—24. Концовка.

Д — ИРЛИ, р. II, оп. 1, ед. хр. 591, л. 92 об.—93 об. Сборник стихотворений из собрания Н. П. Лихачева; переплетенная тетрадь, бумага 1818 г. Состав идентичен С.

Е — ИРЛИ, ф. 388, оп. 2, ед. хр. 111, л. 4—9 об. Сборник смешанного содержания (баллады В. А. Жуковского, его послание «К Воейкову» и др.). Книжечка 8° в коже, на тит. л.: «Собрание Разных стихотворений из Разных сочинений! Писанная Р. С.». Заполнена одним почерком на рубеже 1810—1820-х гг. (бумага 1819 г.). Без подписи. Состав идентичен С.

Ф — ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, ед. хр. 34, л. 18—24 об. Сборник сатирического содержания; переплетенная книга 4°; на тит. л.: «Стихи Александра Вершкова. Марта 11-го дня 1828-го года. 1830 года. Октября 27 дн<я>. Холера»; заполнена одним почерком. Состав идентичен С.

Г — ИРЛИ, № 23477, л. 16—21 об. Список на отдельных листах 4°, позднее вплетенный в сборник «Разные сочинения, собранные для удовольствия любопытных читателей», без подписи. Датируется концом 1810-х—первой половиной 1820-х гг.; бумага 1810-х гг. Состав идентичен С, за одним исключением: из двух строф про Глинку составлена одна (ст. 1—4 первой строфы и ст. 1—4 второй строфы); в строфе про Сладковского стоит «Вадковский».

Н — ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 98, л. 24 об.—27 об. Сборник стихотворений из собрания И. В. Помяловского: отдельные листы и тетрадки разного времени, сшитые в книгу без переплета (описание см.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 381); список ДС на бумаге 1812 г. сделан не ранее 1821 г. Состав идентичен С, за одним исключением: в ст. 1 строфы про Хвостова его имя не указано («Тот, к нему взошедший...»), концовка утрачена.²²

Некоторые списки отразили стремление переписчиков составить из имеющихся у них списков первой и второй версий первой редакции ДС наиболее, по их мнению, полный. Это видно на примере одного из самых ранних списков ДС (и самом раннем из датированных):

И — ИРЛИ, р. II, оп. 1, ед. хр. 621, л. 10—13. Сборник смешанного содержания, принадлежавший Н. С. Соколову; составлен по большей части из списков на отдельных листах, сшитых и переплетенных; список ДС на бумаге 1816 г.; заглавие: «Сатира Дом Сумасшедших», без подписи; под текстом: «Москва, 1815 года, октября». В распоряжении изготовителя этой копии имелись два списка ДС, первый близкий по составу списку А, второй — спискам С—Ф. Сначала он стал переписывать первый (очевидно, именно под ним и стояла дата), но затем обнаружил разночтения со вторым

²² Аналогичные по составу списки: 1) РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, ед. хр. 553, л. 19 об.—23; 2) РГАЛИ, ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 3507, л. 31 об.—37 (реконструированный «2-й список»); 3) РГАЛИ, ф. 88, оп. 1, ед. хр. 3; 4) РГАЛИ, ф. 563, оп. 1, ед. хр. 84, л. 50—53 об.; 5) РГБ, ф. 417, карт. 4, ед. хр. 16 (без последних 4 строк про Невзорова); 6) РНБ, ф. 341, ед. хр. 429, л. 87—94 об.

и на полях попытался их отразить. В результате список приобрел следующий вид: 1—6. Зачин; 7—8. Каченовский (далее на полях помета: «(Здесь пропущен Жуковский)», и вставлена строфа о нем); 9. Шаликов; 10—11. Глинка; 12. В. Л. Пушкин (переправлен на Хвостова и на полях приведен «хвостовский» вариант второй полустрофы); 13—14. Шишков (далее помета: «(здесь [много] пропущено)» и на полях вставлены строфы о Грузинцеве и Батюшкове); 15. Сладковский; 16. Кутузов; 17—19. Станевич; 20—21. Невзоров; 22—24. Концовка.

Таким образом, в этой «интегральной» версии, едва ли восходящей к автору, ДС состоит из 27 строф; похожий состав зафиксирован и рядом других списков:

Ж — ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, ед. хр. 36 (первая часть тетради); Там же, оп. 2, ед. хр. 76 (вторая часть тетради). Тетрадь 4^о; на тит. л. надпись: «Дом сумасшедших. Принадлежат П. Голубеву», переправленная на: «Дом сумасшедших. Братья разбойники. Русалка. Принадлежат М. Алексееву»; бумага 1822 г. Состав ДС: 1—6. Зачин; 7—8. Каченовский; 9. Шаликов; 10—11. Глинка; 12. Хвостов; 13—14. Шишков; 15. Сладковский; 16. Жуковский; 17. Кутузов; 18—20. Станевич; 21. Батюшков; 22. Грузинцев; 23—24. Невзоров; 25—27. Концовка.

К — ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 91, л. 52—54 об. Сборник «Всякая Всячина. Ч. 6-я. Начата 18 августа 1852 г. Кончена 9 октября 1852 г.» (описание см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 429—430). Состав строф 1—27 аналогичен предыдущему (лишь перепутан порядок строф про Станевича), после дописана строфа про В. Л. Пушкина (с припиской: «NB. по другому списку 12-я строфа иначе» и примечанием к фамилии Пушкина: «Василий Львович Пушкин»).

Близкий к этому состав ДС зафиксирован и в списке:

Л — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 516, л. 1—3 об. Фрагмент тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдо-Пушкина. Состав этого списка аналогичен двум предыдущим, за одним исключением: в нем присутствует редко встречающийся восьмистрочный фрагмент про Станевича, впервые опубликованный Ю. М. Лотманом («И тогда как свет не знает ~ Кем наш север заселен?» — см.: *Поэты 1790—1810-х гг.*)²³ Возможно, что этот фрагмент не имеет отношения к ДС и попал в его состав случайно.

Следующее обращение Воейкова к ДС датируется 1820 г., когда в его состав были добавлены строфы про Н. И. Греча (в первой редакции), А. Е. Измайлова и В. Н. Каразина. Полных списков этой версии сатиры в ИРЛИ не обнаружено (очевидно, она не получила широкого распространения — ср. ниже описания списков **Н** и **Р**),²⁴ но здесь хранится отдельный

²³ Кроме манускрипта РГБ (по которому печатал текст ДС Ю. М. Лотман) и указанного списка этот фрагмент известен еще по нескольким источникам: 1) РГАЛИ, ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 3507, л. 31 об.—37; 2) РГАЛИ, ф. 1296, оп. 2, ед. хр. 17, л. 31 об.—38; 3) фрагментарный список из архива Владимирской области (опубл.: *Биттнер В.* Пушкин в «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 130); 4) список **U**; 5) список **V**.

²⁴ Нам известен единственный список, отразивший эту версию сатиры: РГАЛИ, ф. 88, оп. 1, ед. хр. 4; он интересен еще и тем, что в нем единственном присутствует строфа про неустановленного персонажа, стоящая между строф о Грече и Измайлове: первая полустрофа

листок, содержащих эти три строфы,²⁵ а также поздний список второй версии первой редакции ДС со строфой про Греча:

М — ИРЛИ, ф. 388, оп. 2, ед. хр. 130, л. 19 об.—23 об. Книжка 8° без переплета смешанного содержания (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. И. Дмитриев, Д. А. Кропоткин и др.), переписана одним почерком, в конце дата: 3.11.1846. Состав почти идентичен составу списков С—G (строфа про Греча вставлена после строфы про Батюшкова). Этот список интересен еще тем, что в него каким-то образом из второй, «политической» редакции ДС попала строка 4 строфы 5 («Бешеных глупцов вхожу...»).

3

«Политическая» редакция (1821—1824), возникшая с появлением отделения «бешеных глупцов», которое можно назвать «политическим отделением», имеет неустойчивый состав строф и значительную вариативность текста.

Эта редакция явилась прямым откликом на дело профессоров Петербургского университета (1821) и стала, по словам Ю. М. Лотмана, одной из «наиболее резких и целеустремленных сатир против голицынского направления правительственной политики тех лет».²⁶ Меняются последние шесть строк пятой строфы и после добавляются строфы про М. Л. Магницкого (Наглицкого), Д. П. Руничу (Злунича) и Д. А. Кавелина (Пустелина) — причем количество и текст их варьируются; вследствие этого шестая строфа (по первоначальному списку) становится интермедией между отделениями. Очевидно, Воейков распространял «политическое отделение» как самостоятельный фрагмент, что фиксирует также следующий список:

Н — ИРЛИ, р. III, оп. 1, ед. хр. 790; без подписи. Тетрадь из 6 листов 4°, бумага 1822 г. Состав: 1—6. Зачин; 7—8. Каченовский; 9. Шаликов; 10—11. Глинка; 12. Хвостов; 13—14. Шишков; 15. Сладковский; 16. Жуковский; 17. Кугузов; 18. Станевич; 19. Батюшков; 20. Грузинцев; 21. Невзоров; далее идет «политическое отделение» в составе 6 строф (22—27), причем в первой строфе про Магницкого отсутствуют ст. 1—2, а ст. 3—4 чита-

тщательно выскоблена и зачеркнута, что делает ее нечитаемой, вторая просто зачеркнута и чтению поддается:

И при мне ж, как сумасброду
Я листок бумаги дал,
Окунул перо он в воду
И кропать стишонки стал.

²⁵ ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 63. Ю. М. Лотман ошибочно назвал этот список автографом (см.: Поэты 1790—1810-х годов. С. 833); датировка строф впервые обоснована Г. В. Ермаковой-Битнер (см.: Поэты-сатирики... С. 667, 678); ср.: Лотман Ю. М. Сатира Воейкова «Дом сумасшедших». С. 460. Очевидно, именно эти три строфы А. И. Тургенев послал к И. И. Дмитриеву в письме от 23 июля 1820 г., на что Дмитриев 18 авг. отвечал: «Чувствительно благодарю вас <...> за ваше письмо и доставление <...> последней строфы Воейкова. Она прекрасна и точь-в-точь, первые же две не стоят и пересылки» (Дмитриев И. И. Соч. М., 1986. С. 397). В публикации письма Тургенева, на которое отвечает Дмитриев, эти строфы отсутствуют (см.: Русский архив. 1867. Стб. 655—657).

²⁶ Лотман Ю. М. Сатира Воейкова «Дом сумасшедших». С. 457.

ются: «Потом в третье отделение / Бешеных глупцов вхожу»; 28—30. Концовка.

Обращает на себя внимание то, что здесь строфы «политического отделения» вставлены во вторую версию первой редакции ДС, в которой еще нет строф про Греча, Измайлова и Каразина. Интересно сопоставить этот список с другим,²⁷ где посвященные им строфы записаны после концовки, а затем уже, вслед за ними — и «политическое отделение». В Пушкинском Доме хранится также отдельный список «политического отделения»²⁸ (что подтверждает гипотезу о распространения его как самостоятельного фрагмента), по составу идентичный вставке в список N (за исключением первой строки, которая здесь читается: «Во второе отделение...»), и два списка четырех строк про Магницкого («Я душой магометанин... ~ А за деньги атеист»), оформленных в виде эпиграммы с заголовком «На М...».²⁹

Первая версия второй редакции ДС (где «политическое отделение» представлено тремя перечисленными персонажами) состояла из 32 строф, что зафиксировано упомянутым выше автографом, который в начале 1820-х гг. Воейков подарил Булгарину.³⁰ В архиве А. В. Никитенко есть список почти идентичного состава, где пропущена (видимо, по недосмотру) строфа про Батюшкова:

О — ИРЛИ, № 19434; без подписи. Тетрадь из 6 листов 4°, на бумаге с водяным знаком 1819 г. (третья цифра не читается, четвертая предположительно); сверху л. 1 зачеркнутая карандашная запись: «Жуковский»; в конце текста тем же почерком, что и текст, записано: «*Multa licent stultis pictoribus atque poetis*».³¹ Состав: 1—4. Зачин; 5—10. «Политическое отделение» (Магницкий—Рунич—Кавелин); 11. Интермедия; 12—13. Каченовский; 14. Шаликов; 15—16. Глинка; 17. Хвостов; 18—19. Шишков; 20. Сладковский; 21. Жуковский; 22. Кутузов; 23. Станевич; 24. Греч; 25. Измайлов; 26. Каразин; 27. Грузинцев; 28. Невзоров; 29—31. Концовка.

Похожий по составу список находится в альбоме Ал. Х. Дуроп,³² где в «политическом отделении» есть дополнительная строфа про Магницкого, а после Батюшкова — неизвестная по другим спискам и в печати строфа про Шаховского.³³

Р — ИРЛИ, ф. 341, оп. 2, ед. хр. 431, л. 8—13 об. На альбоме приписка: «Альбом видимо принадлежал А. и Н. Дуроп. Куплен в Петрограде в ноябре 1915 г. (у Ф. Шилова). И. Шляпкин»; на тит. л. дата: «1822 года»; после

²⁷ Это упоминавшийся выше список: РНБ, ф. 679, ед. хр. 133, л. 18—25 об.

²⁸ ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 439, л. 6—7 (бумага 1819 г.). Список такого же состава см.: РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1186, л. 17—18 (заголовок: «Второе отделение дома сумасшедших»).

²⁹ 1) ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 439, л. 47; 2) ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, ед. хр. 110.

³⁰ См.: Русская старина. 1875. № 3. С. 585—590.

³¹ «Закон не писан дуракам, художникам и поэтам» (лат.).

³² Его краткое описание см.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 19—20.

³³ См.: Балакин А. Ю. Шаховской — персонаж «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы: Сб. науч. статей. Липецк, 2006. С. 51—58.

списка ДС записано стихотворение Андрея Дуроп, датированное 20 марта 1823 г.; следовательно, он был занесен в альбом в этом промежутке времени. Состав: 1—4. Зачин; 5—11. «Политическое отделение» (Магницкий—Рунич—Кавелин); 12. Интермедия; 13—14. Каченовский; 15. Шаликов; 16—17. Глинка; 18. Хвостов; 19—20. Шишков; 21. Сладковский; 22. Жуковский; 23. Кутузов; 24. Станевич; 25. Батюшков; 26. Шаховской; 27. Греч; 28. Измайлов; 29. Каразин; 30. Грузинцев; 31. Невзоров; 32—34. Концовка.

В следующей версии ДС, относящейся, видимо, уже к 1824 г., в «политическое отделение» вставляются строфы про Попова (Ханжецова). Эта версия представлена списком из архива Д. И. Хвостова, который, возможно, изготавливался специально для него,³⁴ и поэтому в строфе о нем первая строка была заменена («П-ъ! ты ль? к нему возведши...») <sic!>), хотя дальнейший текст изменений не претерпел.³⁵ Список этот — самый ранний из тех, где завуалированы имена всех персонажей, а не только жильцов «политического отделения». На нем также имеются пометы владельца, расшифровывающие имена (не всегда верно), а к строфе 22 сделано примечание: «Пушкин В. Львович, место<?> автор называет Пушкина, но это он слухавил, потому что имеет дело в Сенате, а настоящее лицо сего куплета Граф Дмитрий Иванович Хвостов, по приметам».

³⁴ Судя по всему, переслан П. И. Шаликовым (см. его письмо Хвостову от 15 нояб. 1823 г.: «Г. Воейков отмстил за отступление от Ваших стихов Сен-Мору — Сатирой, которая впрочем не приносит чести автору — не патриоту относительно литературы отечественной, за которую мнения и чувства Ваши совсем иные. В другом письме пришлю Вашему Сиятельству сию жалкую сатиру». — ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 71, л. 140). Впрочем, не исключено, что здесь речь идет не о ДС, хотя хвостовский список имеет характерные почтовые сгибы. Немногим ранее Воейков задел Хвостова в сатирическом «Послании к Н. И. Гнедичу» (опубл.: *Новости литературы*. 1823. № 16; список ранней редакции с отсутствующим в журнальной публикации выпадом в сторону П. А. Катенина — ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 439, л. 12—13). Шаликов и Хвостов тогда же хотели публично как-то ответить Воейкову на оскорбившую их сатиру, но их ответы не были пропущены цензурой (см. письма Шаликова к Хвостову от 2 и 22 апр. 1824 г. — ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 71, л. 122, 101; ср.: *Колбасин Е.* Певец Кубры, или Граф Дмитрий Иванович Хвостов (психологический очерк) // *Время*. 1862. № 6. С. 175). Позднее в «Дамском журнале» (1833. № 40) была помещена анонимная эпиграмма на Воейкова (см.: *Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века)*. Л., 1988. С. 368 («Б-ка поэта. Большая сер.)).

³⁵ К Хвостову он попал в начале 1824 г.; см. его эпиграмму «Александрю Федоровичу Воейкову», датированную 10 февр. этого года, которая начинается следующим образом: «Стихами и пером / Воейков, следуя Сатирика отваге, / Сажает каждого и всплошь в безумный дом, — / По счастью, на бумаге» (*Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1830. Т. 5. С. 356). Та же дата стоит на письме Воейкова к Хвостову, где речь идет об этой эпиграмме (первоначально названной «мадригалом»): «Стихи мои не дойдут до потомства, но в стихах Ваших я дойду до потомства. Мадригал Ваш — остер, замысловат и посыпан тонкою Аттической солью; но первые два стиха мне не нравятся: они слишком высоки для шутки. Прежние были лучше. Вы никогда не сердитесь на критику благонамеренную. А моя есть доказательство моего отличного уважения и глубокой преданности...» (ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 71, л. 168). В послании Хвостова к Воейкову, датированном 8 дек. 1823 г. (см.: *Путевые записки графа Д. И. Хвостова... М., 1824. С. 61*; в последующих перепечатках дата снята — см.: *Разные стихотворения графа Д. И. Хвостова, сочиненные после полного собрания*. СПб., 1827. Т. 5. С. 94; *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. Т. 5. С. 197), еще нет намека на то, что последний является автором ДС, зато в примечании к первой публикации (вышедшей уже после того, как к Хвостову попал список сатиры) есть многозначительные строки: «Сие послание есть несколько сатирическое, но и в оном нет личности...» (*Путевые записки графа Д. И. Хвостова... С. 65*). Отметим также, что в бумагах Хвостова список ДС находится среди писем 1824 г.

Q — ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 71, л. 303—308. Список на листах 2°; без подписи. Состав: 1—4. Зачин; 5—15. «Политическое отделение» (Магницкий—Рунич—Кавелин—Попов); 16. Интермедия; 17—18. Каченовский; 19. Шаликов; 20—21. Глинка; 22. В. Л. Пушкин; 23—24. Шишков; 25. Сладковский; 26. Жуковский; 27. Кутузов; 28. Станевич; 29. Батюшков; 30. Греч; 31. Измайлов; 32. Каразин; 33. Грузинцев; 34. Невзоров; 35—37. Концовка.

В ИРЛИ есть еще один список этой версии. Он дошел до нас не полностью, но строфы в нем нумерованы (самый ранний список с нумерованными строфами), и это дает возможность представить его состав. Характерно, что в нем отсутствуют строфы про Греча, Измайлова и Каразина:

R — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 496. Список на отдельных листах 2°, без подписи, точная датировка затруднительна. Состав: 1—4. Зачин; 5—11. «Политическое отделение» (Магницкий—Рунич—Попов); далее утрачено 15 строф, очевидно, были и строфы про Кавелина; 27. Жуковский; 28. Кутузов; 29. Станевич; 30. Батюшков; 31. Грузинцев; 32. Невзоров; 33—34. Концовка.

4

Во второй половине 1820-х гг. обостряется полемика Воейкова с его старыми противниками, на горизонте появляются новые, и это приводит к тому, что ДС дополняется все новыми и новыми строфами. Возникает третья редакция сатиры, которую условно можно назвать «петербургской» (1826—1838). Так, между 1826 и 1828 гг. в «политическое отделение» вводятся строфы про П. А. Ширинского-Шихматова (Пытнирский, Иезуитский), а также Клейнмихеля и Капцевича («пара людоедов»); примерно в это же время переписывается строфа про Греча: его характеристика из дружески-нейтральной превращается в остросатирическую. Возможно, тогда же появляются строфы про Ф. И. Германа,³⁶ а несколькими годами ранее дорабатывается строфа 4: четверостишие «О К-ь! долг романам ~ Ты давно уж стал умен» изменяется на «Карамзин, Тит-Ливий русский! ~ Ах!.. кто молод не бывал».³⁷ К этому же времени относится строфа про неустановленного персонажа, в посмертных списках переадресованная А. А. Перовскому.³⁸

В промежутке с 1828 по 1834 г. Воейков создает строфы про Ф. В. Булгарина, Н. А. Полевого, И. И. Козлова (несколько вариантов), П. И. Соколова, А. А. Перовского (несколько вариантов) и П. П. Свинына. Также пере-

³⁶ Ю. М. Лотман без достаточных оснований датировал их 1815—1816 гг. (см.: Поэты 1790—1810-х годов. С. 833).

³⁷ О нижней границе датировки этой строфы см. примеч. Ю. М. Лотмана: Там же.

³⁸ В автографе РГАЛИ (ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1186, л. 10) имя тщательно выскоблено, фамилия же Перовского не встает в пропущенное место по количеству слогов («Вот [наш <ириб>]! Беспременно...»); отметим также, что, в отличие от посмертных списков, здесь эта строфа стоит в «литературном отделении», после строфы про Батюшкова.

рабатывается средняя строфа концовки; вместо четверостишия «Тот Воейков, что Делиля ~ И Виргилию грозил» появляется выпад против Греча и Булгарина (известны два варианта). Тогда же появляется и «женское отделение», которое, впрочем, не вводится в основной текст ДС, а дописывается либо за ним, либо оседает в «варьянтах».

Во второй половине 1820-х или начале 1830-х гг. происходит и еще одно важное изменение в тексте ДС: если раньше псевдонимами обозначались лишь персонажи «политического отделения», то сейчас зашифровываются фамилии всех упомянутых в нем литераторов. Нам неизвестно, что послужило тому причиной, но очевидно, что она была весьма серьезной, поскольку Воейков вынужден был вычищать реальные имена, заменяя их псевдонимами, в уже существовавших к тому времени списках. Это мы видим на примере одного, не полностью дошедшего до нас списка (после 1828 г.), содержащего авторскую правку Воейкова подобного рода.³⁹ На этом же списке есть еще две чрезвычайно интересные его пометы. Под заглавием Воейков открыл скобку, начал писать: «сочинено в 1817», затем зачеркнул «в 1817», дописал «осенью 1814-го года», закрыл скобку, а потом все зачеркнул. Затем он сделал отсылку на поля, где приписал следующий текст: «Сие стихотворение принято большею частию читателей в превратном виде.⁴⁰ Автор оного хотел смешить, а не язвить; он брал резкие черты разных лиц, составляя из них свои портреты, и называл их именами вымышленными. Но нашлись хитрецы, которые, вопреки намерению Автора, уверили себя, что сии сколки сняты с известных людей,⁴¹ дали им имена произвольные и, таким образом, общую, дозволенную насмешку над пороками, странностями⁴² и бесталанностью⁴³ преобразили в Сатиру личную. Вдобавок к вышесказанному, надобно сказать, что Автор написал⁴⁴ сие стихотворение⁴⁵ осенью 1814-го года дорогою из деревни П. С.⁴⁶ Кайсарова к П. И. Арбенеvu и никогда никому не давал⁴⁷ с него списка. В<оейков>».⁴⁸ Другие списки с этим небольшим авторским предуведомлением нам неизвестны.

Эта версия ДС не имеет устойчивого состава строф, а количество отраживших ее списков невелико. В Пушкинском Доме хранятся четыре:

S — ИРЛИ, № 23484, с. 1—22. Книга «Собрание сочинений разных авторов, в стихах и прозе. Часть первая. Стихотворения. Санктпетербург. 1833», включающая в себя вольные и сатирические стихи К. Н. Батюшко-

³⁹ РНБ, ф. 151, ед. хр. 4, л. 10—14 об.; здесь же вычищена и заменена точками вторая полустрофа первой строфы про Булгарина («С саблей в петле... а французский ~ И предательством купил»).

⁴⁰ Было: более счастливо, нежели того достойно.

⁴¹ Было: писателей

⁴² Было: странностью

⁴³ Было начато: безд<рностью>

⁴⁴ Автор написал — *вписано*.

⁴⁵ Далее зачеркнуто: написано в

⁴⁶ Было: Г. М.

⁴⁷ Далее зачеркнуто: с него списка, кроме князя П. А. Вяземского, которому он в 1815-м году, проездом из Москвы в Дерпт подарил собственноручный с него список.

⁴⁸ Впервые напечатано: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. С. 128.

ва, А. С. Пушкина, А. Е. Измайлова, К. Ф. Рылеева и других; переписана каллиграфическим почерком, с виньеткой на титульном листе, в цельнокожаном переплете с золотым тиснением. Список ДС на с. 1—22 в составе 38 нумерованных строф и «Дополнения и изменения некоторых мест в стихотворении: Дом сумасшедших». Состав основного списка: 1—4. Зачин (ранний вариант строфы 4); 5—13. «Политическое отделение» (Магницкий—Рунич—Попов—Кавелин); 14. Интермедия; 15—16. Каченовский; 17. Шаликов; 18—19. Глинка; 20. Хвостов; 21—22. Шишков; 23. Сладковский; 24. Жуковский; 25. Кутузов; 26. Станевич; 27. Батюшков; 28. Греч (1-я редакция); 29. Греч (2-я редакция); 30—31. Булгарин (без четверостишия «С саблей в петле... а французский ~ И предательством купил»); 32. Измайлов; 33. Каразин; 34. Грузинцев; 35. Невзоров; 36—38. Концовка (ранний вариант). В «Дополнениях и изменениях» содержатся разночтения строф 4 и 37 (приведены более поздние варианты), некоторых строф «политического отделения», а также добавлены строфы про П. А. Ширинского-Шихматова, Н. А. Полевого, пропущенная полустрофа про Булгарина и непонятно откуда возникшая первая полустрофа второй строфы про Невзорова.

Несмотря на помпезный внешний вид, этот источник нельзя считать сколько-нибудь авторитетным, так как он содержит большое количество ошибок и неточностей. В отличие от другого списка примерно того же времени, который точно датировать не представляется возможным:

Т — ИРЛИ, № 79. Список на отдельных листах 2°, без подписи; выполнен писарским почерком, бумага аналогична той, которая использовалась в делопроизводстве. Состав: 1—4. Зачин; 5—15. «Политическое отделение» (Магницкий—Рунич—Попов—Кавелин—Ширинский); 16. Интермедия; 17—18. Каченовский; 19. Шаликов; 20—21. Глинка; 22. Хвостов; 23—24. Шишков; 25. Сладковский; 26. Жуковский; 27. Кутузов; 28. Станевич; 29. Батюшков; 30. Измайлов; 31. Греч; 32—33. Булгарин; 34. Каразин; 35. Грузинцев; 36—37. Полевой; 38. Невзоров; 39—41. Концовка. Строфы 4, 31 и 40 представлены поздними редакциями.

Этот список ДС по качеству воспроизведения текста можно считать одним из самых авторитетных. Внешний вид его (бумага, почерк) говорит о том, что он изготавливался для каких-то официальных целей, возможно, для представления по начальству (нельзя исключать и того, что это именно тот самый, изготовленный при участии Воейкова список, который был отослан Жуковскому 16 августа 1834 г. — см. примеч. 1); на полях его красным карандашом отчеркнуты строфы про Хвостова и Греча. Интересен этот список также и тем, что на титульном листе, под заглавием, карандашом записано следующее не поддающееся комментированию стихотворение на польском языке под заглавием: «Hil de Wojkow»: «Czego chłopi narzekają / Przecież już narzędzia mają / Te weborki i sikawki / Mogą służyć do zabawki — / A jak dobrze nam zapłacą / Choć się spalą — to mniej stracą».⁴⁹

⁴⁹ «Чего мужики жалуются / Ведь у них уже есть орудия / Эти бадьи и пожарные помпы / Могут быть использованы для развлечения / А если нам хорошо заплатят / Хоть они и сгорят — то они меньше потеряют» (перевод С. И. Николаева).

Еще два списка свидетельствуют о стремлении переписчиков, имевших на руках разные источники (в том числе, очевидно, и списки отдельных строф), составить из них как можно более полный текст сатиры:

U — ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 498, л. 21 об.—30 об. Переплетенная книга 4°, на корешке: «Святки, или Нынешний свет» (этим стихотворением В. Маркова она открывается; в книге подпись: Макаров); сборник преимущественно сатирического содержания, заполненный одним почерком; бумага 1826 г. Список ДС без подписи; интересен тем, что все имена в нем подлинные. Состав: 1—6. Зачин. 7—8. Каченовский; 9. Шаликов; 10—11. Глинка; 12. Хвостов (после без знака отбивки вписана вторая полустрофа строфы про В. Л. Пушкина); 13—14. Шишков; 15. Сладковский; 16. Жуковский; 17. Кутузов; 18—21. Станевич (включая фрагмент «И тогда как свет не знает ~ Кем наш север заселен?») — см. списки **К** и **V**); 22. Батюшков; 23. Грузинцев (далее без знака отбивки 8 строк точек — очевидно, здесь должен был находиться первый вариант строфы про Греча); 24. Измайлов; 25. Каразин; 26—27. Герман; 28—29. Невзоров; 30—35. «Политическое отделение» (Магницкий—Рунич—Кавелин), разделенное на четыре строфы: 1—2 по 16 строк, 3—4 по 8 строк; 36. Греч (вторая редакция); 37—38. Булгарин; 39—41. Концовка (первая редакция).

V — ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 494, л. 51—62 об. Переплетенная книга 4°, на корешке: «Судовщиков. Опыт искусства» (которым она открывается); сборник смешанного содержания (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, А. Е. Измайлов, Ф. Н. Глинка и др.), до ДС включительно переписанный одной рукой, видимо, в конце 1830-х—начале 1840-х гг. (после ДС следует переписанная другой рукой без заглавия и указания автора пародия Н. И. Куликова «Братья-журналисты», датируемая 1843 г.); заглавие: «Дом сумасшедших 1814», без подписи; сопровождается краткими примечаниями, восходящими к Воейкову (аналогичные примечания есть на первом автографе РГАЛИ); фамилии зашифрованы частично. Состав: 1—6. Зачин; 7—8. Каченовский; 9. Шаликов; 10—11. Глинка; 12. Хвостов; 13—14. Шишков; 15. Сладковский; 16. Жуковский; 17. Кутузов; 18—21. Станевич (включая фрагмент «И тогда как свет не знает ~ Кем наш север заселен?») — см. списки **К** и **U**); 22. Батюшков; 23. Измайлов; 24. Греч (вторая редакция); 25—26. Булгарин; 27—28. Полевой; 29. Каразин; 30—31. Герман; 32. Грузинцев. 33—34. Невзоров; 35—45. «Политическое отделение» (Магницкий—Рунич—Попов—Кавелин—Ширинский; первая полустрофа строфы 35 заменена точками); 46—48. Концовка (вторая редакция); далее под заглавием «Прибавление к дому сумасшедших» следует трехстрофный анонимный фрагмент про самого Воейкова: «Вот Вампир, как Дьявол черный ~ Поделиться ими рад»,⁵⁰ за ним под заглавием «К дому Сумасшедших» записанная тем же почерком, но позднее, строфа про Свинына.

Как свидетельствует второй из описанных выше автографов РГАЛИ (см. примеч. 1), в 1834 г. Воейков провел значительную редактуру текста сатиры и упорядочил ее состав. Впрочем, он вернулся к своему самому

⁵⁰ Опуubl. по одной из копий РГБ: Поэты 1790—1810-х годов. С. 806.

известному стихотворению еще раз в конце 1830-х гг., добавив строфы про Ж. Дантеса,⁵¹ О. И. Сенковского⁵² и В. И. Карлгофа,⁵³ но прижизненные списки ДС такого состава нам неизвестны.⁵⁴

5

И наконец, можно выделить «посмертную» редакцию ДС, сложившуюся и получившую распространение уже после кончины Воейкова. В различных архивохранилищах имеется большое количество ее списков, нередко содержащих также примечания — как пространные, так и самые лаконичные. От поздних компилятивных списков, в том числе и описанных выше, она отличается тем, что ее составители (и переписчики) смотрели на ДС со стороны, видели в нем не живой полемический инструмент или «скандальозную» новинку, а «литературный памятник»: отсюда стремление сопроводить текст примечаниями, разночтениями и вариантами. Возможно, один из вариантов «посмертной» редакции подготовил М. М. Попов, который был близким другом Воейкова в последние годы его жизни, а впоследствии опубликовал краткие воспоминания о нем⁵⁵ и составил предварительный проект его собрания сочинений.⁵⁶

В Рукописном отделе Пушкинского Дома выявлено 6 подобных списков. Среди них на первое место по полноте и качеству текста можно поставить следующий:

W — ИРЛИ, № 9932. Переплетенная книжечка 8°, специально отведенная под ДС, текст переписан каллиграфическим почерком; датируется предположительно 1840-ми гг. Содержит 56 строф и 58 номеров примечаний (в том числе дополнения и разночтения); первым примечанием идет следующее: «Дом сумасшедших сочинен А. Ф. Воейковым осенью 1814 года, в Тамбовской деревне Авдотьи Николаевны *Арбеньевой* <sic!>; продолжен в 1822, 26, 36, 37 и 38 годах, в Петербурге. — Этот список скопирован с собственноручного списка сочинителя, в 1837^м году. Написанные им после того куплеты, и те, которые он всегда хранил в тайне, также варианты, добавлены из оставшихся по смерти его, собственноручных же,

⁵¹ Список строфы про Дантеса на отдельном листе, вырезанном из альбома, хранится: ИРЛИ, р. III, оп. 1, ед. хр. 788.

⁵² Скорее всего, строфа была написана после ссоры Сенковского с Воейковым, произошедшей летом 1838 г. (см. письма Воейкова к А. А. Краевскому от 18 июля и 18 авг. 1838 г. — Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1891 год. СПб., 1894. С. 15, 19. Паг. 2-я).

⁵³ О реакции Карлгофа на эту строфу см. в очерке И. С. Тургенева «Литературный вечер у П. А. Плетнева» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1983. Т. 11. С. 15—16).

⁵⁴ О чтении на вечере у В. А. Владиславлева ДС в присутствии Воейкова по автографу, где содержалась строфа про Карлгофа, см.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. [Л.], 1950. С. 83—85.

⁵⁵ <Без подписи>. Александр Федорович Воейков. 1779—1839. I. Отрывки из заметок его приятеля // Русская старина. 1875. № 3. С. 575—584 (черновой автограф более полной версии — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 513). В издании «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах» (М., 1978. Т. 2, ч. 2. С. 157. № 3143) этот мемуарный очерк ошибочно приписан Т. А. Сосновскому.

⁵⁶ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 514.

черных бумаг». В примечаниях также приведены эпиграмма Жуковского на Воейкова («Хвала Воейков! крот, сады...»⁵⁷) и ответ последнего («Хвала сподвижникам-певцам!...»).

Такой же состав мы видим и в другом позднем списке:

X — ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 62. Список на отдельных листах 2°, датируется предположительно 1840—началом 1850-х гг. Содержит 56 строф и 58 номеров примечаний, нередко более кратких, чем в списке **W**, а также эпиграмму Жуковского и ответ Воейкова.

Несмотря на непрезентабельный внешний вид этого списка, он дает достаточно исправный текст сатиры. Вполне точно ДС отражен и в другом списке «посмертной» редакции:

Y — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 495. Отдельный список 2°, с заглавным листом; точная датировка затруднительна (вероятно, первая половина 1840-х гг.). Состав персонажей и строф сходен с предыдущими (небольшие различия есть лишь в тексте «политического отделения»); на полях краткие примечания. Вслед за основным текстом дописано «женское отделение», предваряющееся следующим текстом: «А. Ф. Воейков написал и женское отделение, которое, однако же, он не мог поместить между куплетами, вероятно, потому, что не довольно набралось персонажей. Но как все написанное для „Дома сумасшедших“ уже собрано, то вклеим и это отделение».

Для полноты картины укажем еще на три поздних списка, дающих крайне неисправный текст и поэтому не представляющих серьезного текстологического интереса:

Z₁ — ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 114, л. 2—15 об. Список в тетради Е. П. Ростопчиной, содержащий исправления, разночтения по другим спискам и небольшие примечания.

Z₂ — ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, ед. хр. 37. Список на отдельных листах 4° с датой в конце «27 ноября 1842-го». Вопреки описанию на обложке единицы хранения, это не отрывок из ДС, а его полный текст.

Z₃ — ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 62, л. 9 об.—18. Список в тетради второй половины XIX в.

* * *

Разумеется, мы полностью отдаем себе отчет в том, что при фронтальном просмотре всех рукописных сборников и обработке неразобранных фондов может быть обнаружено еще немало списков ДС. Но и описанные

⁵⁷ Вопрос об авторстве этой эпиграммы нельзя считать окончательно решенным. Впервые она была опубликована без подписи в журнале «Библиографические записки» (1858. Т. 1. № 10. Стб. 306). При публикации в составе мемуарного очерка В. П. Бурнашева о Воейкове (во многом апокрифического) она была приписана Д. Н. Блудову (см.: Русский вестник. 1871. № 11. С. 151); П. А. Ефремов в примеч. к публ. ДС ее автором назвал Батюшкова (Дом сумасшедших. Сатира А. Ф. Воейкова. С. 22; первоначально в корректуре стояло имя Жуковского); Н. Б. Реморовой атрибутирована Жуковскому (см.: Реморова Н. Б. Книга Ж. Делиля из библиотеки В. А. Жуковского // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. Л., 1987. С. 32) и вошла в его «Полн. собр. соч.» (М., 1999. Т. 1. С. 301—302) с вызывающей серьезные сомнения датировкой: «начало января 1814 г.» (Там же. С. 648; здесь же публикация в «Русском вестнике» ошибочно названа первой).

в этом сообщении источники имеют первостепенное значение для изучения творческой истории сатиры, для понимания содержащихся в ней сатирических выпадов и намеков и, в конечном счете — для подготовки ее научного издания, в котором бы были учтены все изменения текста и детально исследован полемический контекст каждой строфы. А необходимость такой публикации вряд ли у кого-нибудь может вызвать сомнения.⁵⁸

⁵⁸ Когда статья была уже сверстана, Т. И. Краснобородько указала нам еще на один список ДС, близкий по составу к списку L, с перепутанным порядком строф и большим количеством неточностей в передаче текста: ИРЛИ, ф. 244, оп. 5, ед. хр. 95, л. 30—34 (сборник смешанного содержания первой половины 1820-х гг.).

А. Г. Тимофеев

«КОМЕДИИ О СВЯТЫХ» М. КУЗМИНА (1907):
ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

(На материале «Комедии о Алексее человеке Божьем»)*

Принципы трансформации древнерусских текстов в произведениях М. Кузмина — в отличие от вопроса о взаимоотношении целого ряда текстов А. М. Ремизова, А. А. Блока, М. А. Волошина и их древнерусских источников¹ — почти не привлекали внимания исследователей до недав-

* Из-за большого объема исследования списки цитирований «Комедии о Евдокии из Гелиополя» и «Комедии о Мартиниане» были оставлены за пределами настоящей публикации. С ними можно ознакомиться в диссертации автора «Рабочие тетради М. Кузмина как литературный и биографический источник» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2005). Выписки Кузмина из житий блаженной Евдокии и Мартиниана Палестинского и планы соответствующих комедий помещены нами в Приложении.

¹ См., в частности: *Лурье А. С.* А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат» // Русская литература. 1966. № 4. С. 176—179; *Дмитриева Р. П.* «Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 155—176; *Грачева А. М.* 1) Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип // Там же. Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 388—400 (текст повести републ.: Русская литература. 1988. № 3. С. 118—134); 2) «Повесть о Бове Королевиче» в обработке А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 216—222; 3) Древнерусские повести в пересказе А. М. Ремизова // Русская литература. 1988. № 3. С. 110—117; *Пигин А. В.* Повесть А. М. Ремизова «Соломония» и ее древнерусский источник // Русская литература. 1989. № 2. С. 114—130; *Климова М. Н.* «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» А. М. Ремизова и ее древнерусский источник // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 89—100; более подробный обзор литературы вопроса: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 7—9; *Stelleckij V. I.* А. А. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igors» // Zeitschrift für Slawistik. 1971. Bd 16. N 4. S. 557—580; *Левинтон Г. А., Смирнов И. П.* «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 72—95; *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «Жития» Аввакума // Там же. М.; Л.: Наука, 1958. Т. 14. С. 408—412; *Робинсон А. Н.* Незданная поэма М. А. Волошина о Епифании // Там же. М.; Л.: Наука, 1961. Т. 17. С. 512—519; *Коновалова О. Ф.* «Написание о царях московских» И. М. Катыхрева-Ростовского в переложении М. А. Волошина // Там же. Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 380—384; *Панченко А. М., Смирнов И. П.* Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // Там же. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 33—49; *Смирнов И. П.* 1) Барокко и опыт поэтической культуры начала XX в. // Славянское барокко:

него времени. В ряду современных трудов, посвященных его творчеству, эта проблема обсуждалась только в содержательной статье Е. В. Тырышкиной об отражении «Синайского патерика» в повести Кузмина «Крылья».²

Однако уже первые исследователи кузминского творчества наметили программу изучения взаимодействий сочинений Кузмина с различными культурами. Так, американский исследователь творчества поэта В. Марков писал: «Связи Кузмина с гностикой и александрийской культурой должны быть тщательно изучены, как и связи с греческой, латинской и итальянской поэзией, с греческим, латинским и французским романом, с Прологом и другой старорусской литературой».³ Необходимость изучения влияния древнерусской культуры на творчество М. Кузмина становится очевидной и при знакомстве с трудом-летописью Дж. Малмстада «Михаил Кузмин: Хроника его жизни и эпохи». В этой работе представлены биографические сведения об изучении Кузминым древнерусской литературы, сообщается о его поездках по районам «древлего благочестия», рассказано о собирании поэтом старопечатных изданий.⁴ Менее подробно, что обусловлено малым объемом статьи, замечания на эту тему Г. Г. Шамова в его обстоятельном исследовании «Блок и Кузмин: (Новые материалы)».⁵

Воспоминания современников также отразили увлечение и знание Кузминым древнерусской культуры и словесности. В качестве формальных примеров сошлемся на ироническое сообщение Г. И. Чулкова о цитировании Кузминым наизусть Пролога⁶ и на указание А. М. Ремизова на факт наличия старопечатного (-ых?) Пролога в кузминской библиотеке («...были у него редкие книги старопечатные (Пролог) и рукописные, и знаменитые

Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 335—361; 2) Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX—начала XX вв. (На материале «Слова о полку Игореве») // Блоковский сб. [Вып.] 4. Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Тарту, 1981. С. 246—276 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 535); и т. д.

² См.: Тырышкина Е. В. «Синайский патерик» в «Крыльях» М. Кузмина. (Христианский текст в нехристианском контексте) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 300—307 (Проблемы исторической поэтики. Вып. 3).

³ Марков В. Поэзия Михаила Кузмина // Кузмин М. А. Собр. стихов: [В 3 т.] / Hrsg., eingel. u. komment. v. John E. Malmstad u. V. Markov. [Т.] 3. Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине. München: Wilhelm Fink Verl., 1977. S. 406 (Centrifuga: Russian Reprintings and Printings. Vol. 12/III); то же: Марков В. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 144.

⁴ См.: Malmstad John E. Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // Кузмин М. А. Собр. стихов: [В 3 т.]. [Т.] 3. S. 53—61.

⁵ См.: Шамов Г. Г. Блок и Кузмин: (Новые материалы) // Блоковский сб. [Вып.] 2. Труды Второй науч. конф., посв. изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 346—347.

⁶ Чулков Г. Вчера и сегодня // Народоправство. 1917. № 12. С. 9; впервые приведено в исследовании: Шамамов Г. Г. Блок и Кузмин: (Новые материалы). С. 358; затем — в жизнеописании Кузмина: Malmstad John E. Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times. S. 226; еще раз — в кн.: Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М.: Новое лит. обозрение, 1996. С. 203 (Новое лит. обозрение. Науч. приложение. Вып. 5). Ср. безупречное доказательство использования Кузминым сюжета из «Лимонаря» в редакции XVIII столетия в повести «Крылья» (Тырышкина Е. В. «Синайский патерик» в «Крыльях» М. Кузмина... С. 304—307).

крюки (ноты) <...>».⁷ Можно привести и обильные выписки из Пролога и Четых Миней, включенные Кузминым в его литературный опыт начала 1920-х гг. «Чешуя в неводе. (Только для себя)», который был представлен автором в кратком вступлении как собрание выдержек из собственного Дневника за 1916—1921 гг. Характер и стиль этих фрагментов таковы, что в них легко усмотреть иронические интонации, особенно при сопровождении выписки насмешливым кузминским комментарием. Часто темой такого комментария становится произвольно домысливаемый эротический подтекст житий, как правило, внятный Кузмину-читателю, но посторонний для житийного текста. Приведем несколько примеров: «„Аще прельстит тебя тщеславием, сотвори дел о или образ пред людьми, да обесчестят тебя“ (Пролог на 25 марта). Теория, могущая повести к соблазну»; «Чудо о расслабленном священнике, где под дождем его носят из бани в баню и святой является в виде банщика, изобилует интереснейшими подробностями (М<инеи> Ч<етьи> М<акария>. 1 ноября)»; «Старец принимал посетителей летом почти голым и клобук носил задом наперед. Соблазнялись. На упрек отвечал: „Мы не людям работаем; кто хочет поучаться, пусть поучается, кто хочет соблазняться, пусть соблазняется. Я делаю свое дело — прочее же мимо идет“. И ученику велел говорить грубую правду: „Если ем, — говори: «Ест», если сплю, говори: «Спит»“. (Пролог 17 мая)».⁸

Одним из первых дошедших до нас творческих результатов этого неподдельного интереса Кузмина к древнерусской культуре и словесности стали его комедии о христианских святых — блаженной Евдокии (1907;

⁷ Ремизов А. Куха. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 107. В научной литературе впервые приведено Дж. Малмстадом, см.: *Malmstad John E. Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times*. S. 58.

⁸ Кузмин М. Чешуя в неводе. (Только для себя) // Стрелец: Сб. третий и последний. СПб., 1922. С. 100, 107—108. Вслед за последней из цитируемых записей, словно в подтверждение привычке усматривать в житийном тексте посторонний ему эротический смысл, Кузмин замечает: «Выписка — чаще вода на свою мельницу, а не убеждение в противном» (Там же. С. 108). Возможно, кузминский эротизм в данном случае основан на знакомстве с монастырской гомосексуальной практикой, о которой в литературе говорится исключительно скупо. Из научной литературы 1920-х гг. нам известен только один пример такого свидетельства: «Лет 13 его взял с собой в деревенскую баню его учитель, холостяк, лет 60-ти, стал обнимать его, целовать, научил его онанизму («общему рукоблудию») и сношению через рот, fellatio. Дальше до переезда (в возрасте 16 лет) в Москву (1911) он имел аналогичную близость с послушником монастыря, подглядывал за церковным сторожем в шелку уборной <...>. Ездил в монастырь к послушнику и принимал его у себя»; «Много встреч имел (после 1923 г. — А. Т.) среди духовных, преимущественно высокопоставленных, был в связи с келейником двух архиепископов и с 4 епископами, даже с игуменами и архимандритами (сейчас эти лица частью умерли, часть в ссылке). О более простых лицах из духовенства „и говорить нечего“. Весь духовный мир, по его словам, „заражен мужеложеством“. Познакомиться с архиереем очень просто: стоит только пойти к архиерейской службе, стоять „близко от владыки“, смотреть на него, подойти под благословение и „если он такой же, как я, то и получишь прямо приглашение“. Знакомства эти у него были еще до революции, когда хаживал с матерью в Оптину пустынь на богомолье. В последние годы был особенно близок с одним провинциальным епископом, ездил к нему в уездный город. С духовными лицами сходилась „по любви“: „не возьмешь же последнюю панагию“» (Белоусов В. А. Случай гомосексуала — мужской проститутки // Преступник и преступность: Сб. 2 / Под ред. Е. К. Красушкина, Г. М. Сегал и Ц. М. Фейнберг. М.: Изд. Мосздравотдела, 1927 (обл. 1928). С. 310, 313).

публ. 1907), Алексее человеке Божьем (1907; публ. 1907) и Мартиниане Палестинском (1907; публ. 1909). Два противоположных начала, апологетическое и кощунственное, составили в этих драматических опытах нерасторжимое единство, во многом и предопределившее парадоксы первых критических оценок.

Современникам Кузмина было нетрудно очертить возможный круг источников его комедий о святых. Однако свои отзывы о комедиях («Комедии о Алексее человеке Божьем») поэт-символист Сергей Соловьев и критик А. А. Измайлов построили так, словно хотели специально запутать читателя или зрителя, который заинтересовался бы конкретным источником произведения. С. М. Соловьев приводит название отдельного издания «комедий» неточно, делая отсылку лишь к одному из возможных источников текста, причем никак в книге не обозначенному: «И вот перед нами последняя книга Кузмина „Комедии на темы из Пролога, о Евдокии из Гелиополя, о Алексее человеке Божьем, о Мартиниане“. Для всех комедий характерно соединение византийского колорита <...> с наивностью средневековой мистерии <...>».⁹ В оценке другого критика «Комедия о Алексее человеке Божьем» лишь «ребяческое упражнение Кузмина», «прямо перевод с французской рукописи», словно выполненный «сквозь призму» XVIII в.¹⁰ Он усиленно подчеркивает, что Кузмин намеренно порывает с предшествующей традицией: «Конечно, этот добровольный отказ от радостей жизни (подразумевается выбор Алексея человека Божия. — А. Т.) — драма. Но, повинувшись модному спросу, Кузмин ни на минуту не углубляется в эту драму. Он держится намеренно лубочных тонов и лубочного рисунка и, таким образом, с величайшею, истинно обезьяньей точностью копирует тот драматический хлам, какого у нас осталось немало от времен Полоцкого. Кузмин, может быть, даже не заглянул в Четьи-Минеи, потому что не взял оттуда ни одной блестки. Так и кажется, что и самый сюжет, и форма „комедии“ ему внушены каким-то французским пересказом трогательной русской легенды».¹¹ Сходным образом С. М. Соловьев подчеркивает, что Кузмин «слишком часто» «впадает в шарж и карикатуру» и даже «доходит» «до прутковщины».¹² Но для этого рецензента, как человека религиозного и православного, более важным представляется то обстоятельство, что Кузмин в своих произведениях впадает в «кощунство (автор, по-видимому, сам сознает это, как явствует из предисловия)».¹³ Соловьеву ведомо, что «глубоко религиозный человек может в веселую минуту высмеять свою святыню», но все же в пьесах Кузмина ему видится в первую очередь прямое кощунство: «Но подлинно кощунственно со-

⁹ Весы. 1909. № 3. С. 93.

¹⁰ Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. [М.: Т-во И. Д. Сытина, 1910]. С. 88, 86.

¹¹ Там же. С. 87. О том, что комедии «страдают <...> легкомыслием трактовки, губящим драматизм сюжета <...>», сообщалось и в хронике журнала «Золотое руно». «Ни действия, ни страсти, ни даже развития положений в них нет, — утверждал хроникер. — При таких условиях не спасает и свойственное автору чувство эпох» (Золотое руно. 1909. № 4. С. 87).

¹² Весы. 1909. № 3. С. 94.

¹³ Там же.

единение в одном моменте умиления перед святыней и глумления над нею».¹⁴

На самом деле работа Кузмина над текстом комедий о трех святых велась иначе. Он пользовался именно теми источниками, относительно которых критик, заблуждаясь, заявил, что автор в них «даже не заглянул». В наше время стало возможным подтвердить это утверждение выпиской из Дневника Кузмина. 22 февраля 1907 г. он записал: «Сидел дома, но не писал. Разбирал сундук, чтобы достать „Четьи-Минеи“ для мистерий. Я не знаю, что со мною делается, перед чем это».¹⁵ В самом деле, никаких цитатных пересечений, а тем более «блесток», «с точностью» скопированных из, например, киевской агиографической пьесы XVII в. о Алексее человеке Божьем,¹⁶ в пьесе Кузмина об этом святом — нет и в помине. Однако же «блестки», т. е. детали, восходящие к житийному источнику и рассыпанные по новому тексту, словно невзначай, без видимого, на первый взгляд, смысла, говорят как раз о противоположном тому, на чем настаивал Измайлов: Кузмин не только внимательно штудировал соответствующие жития, но и читал их, делая выписки. Выходит по слову самого поэта и драматурга: «Обладая слабою памятью, я принужден не только работы, но и простые ежедневные чтения сопровождать выписками» (1922).¹⁷

Сочинение комедий стало во многих отношениях итогом продолжительного периода жизни и творчества Кузмина, когда религиозные и идейные искания обладали для него первостепенной важностью. После поездки в Италию в 1897 г. и проснувшегося под воздействием католического священника монсиньора Мори интереса к католицизму и западной культуре Кузмин, приехав домой в Петербург, обратил свой взор на православные и русские источники. Спустя примерно десятилетие он вспоминал об этом времени так: «То я ничего не хотел, кроме церковности, быта, народности, отвергал все искусство, всю современность, то только и бредил D'Appunzio,¹⁸ новым искусством и чувственностью. Потом, пойдя глубже в русское, я увлекся расколом и навсегда охладел к официальному православию. Войти в раскол я не хотел, а не входя, не мог пользоваться службами и аппаратом так, как бы хотел».¹⁹ Летом в начале 1900-х гг. Кузмин неодно-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кузмин М. Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2000. С. 324. Однако спустя некоторое время и в том же Дневнике Кузмин словно позабыл о зафиксированной им же самой важности житийного текста в процессе создания «комедий»: «Укрепляюсь в мнении сделать из Евдокии *ope fadeur* (безкуисицу (фр.). — А. Т.) XVIII века» (12 марта 1907; Там же. С. 332).

¹⁶ См.: Русские драматические произведения 1672—1725 годов / К 200-летию юбилею русского театра собраны и объяснены Н. Тихонравовым, профессором Московского университета. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1874. Т. 1. С. 3—75 (2-я паг.).

¹⁷ Кузмин М. Чешуя в неводе... С. 95.

¹⁸ См. новейшую публикацию, воскрешающую одно из ранних проявлений интереса Кузмина к творчеству Г. Д'Аннунцио (не сохранившийся в полном объеме перевод, 1898): Дмитриев П. «Сон в осенний вечер» Г. Д'Аннунцио в переводе М. А. Кузмина: [Вступ. заметка]; [Кузмин М.] Сон в осенний вечер: Трагическая поэма Г. Аннунцио // Archivio italo-russo II / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin = Русско-итальянский архив II / Сост.: Д. Рицци и А. Шишкин. Salerno, 2002. С. 89—113.

¹⁹ Михаил Кузмин. *Histoire édifiante de mes commencements* / Публ., [вступ. заметка] и коммент. С. В. Шумихина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы

кратно жил в гостях у сестры в Василе (Васильсурске) Нижегородской губернии. В одном из дружеских писем 1902 г., накануне работы над музыкальным сочинением по мотивам «Повести о Савве Грудцыне» (XVII в.), он поделился с Г. В. Чичериным (Юшей) впечатлениями от своего летнего времяпрепровождения, всецело захваченный поэзией народного быта и среднерусской природы: «Живу я в яблонных садах на горе над слиянием Суры с Волгой, за Сурой лески, поля и луга с деревьями, но я сижу спиной к этому виду, похожему и идущему к центру черноземной России, со взором за Волгу, где за широкой ramenью, поросшей травой, кустами, пересеченной речками, ручьями и болотцами, начинается дубовый лес, а на горизонте высится темный бор, тянущийся на северо-восток к полу-Сибири. От него не оторвать взора, и так щемит сердце от этого речного и лесного простора. До этого я был в разных местах и в Казани. <...> Но я ничего не пишу и не знаю, что выйдет».²⁰

Напомним, история Саввы Грудцына, которая привлекла внимание Кузмина, — это повествование об искушении бесхитростной души дьяволом. Посланный отцом по торговым делам в один из городов Соли Камской купеческий сын Савва был соблазнен замужней женщиной, но воспротивился ее домогательствам в день Вознесения Христова. За это она стала присушивать его любовным зельем. Снедаемый страстью, Савва подписал договор о продаже своей души дьяволу в обмен на помощь в сердечных и прочих делах, «гулял» по Руси, совершал благодаря своему «помощнику» подвиги при осаде Смоленска русскими войсками в 1632—1634 гг. С приближением срока расплаты он, однако, устранился содеянного и был спасен Богородицей после того, как раскаялся и произнес обет стать монахом.

К бесконечно волновавшей его теме странствия души в поисках истины Кузмин-драматург подобрал не одну иллюстрацию. В незрелой «драматической поэме» «История рыцаря д'Алессио» (1903; публ. 1905) автор провёл своего героя всеми мыслимыми путями испытаний: Асторре терпит кораблекрушение, участвует в крестовом походе, посещает анахоретов в Фиваиде и пр. и пр., так до последней сцены в масонском храме, когда рыцарь устает чести попасть в узкий круг посвященных. Прямым возвращением к прототипическому сюжету «Саввы Грудцына», к ситуации заключения договора купли-продажи между человеком и дьяволом, который оплачивается человеческой душой, стала впоследствии пьеса «Рыцарь, проигравший свою жену черту» (1917; публ. 1994).

Но если «Савва Грудцын» (текст этого произведения остается пока неизвестным) был, судя по всему, сочинен Кузминым как один из моментов уточнения им единой и единственной истины, в то время, когда в письме к Чичерину его автор рискнул утверждать: «Истин как логических утвержд<ений> — 1000, отсюда и противоречия философск<их> систем,

конф. 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 153. Слова Кузмина об окончательном «охлаждении к официальному православию» следует воспринимать лишь как отражение его взглядов середины 1900-х гг. В советские 1920—1930-е гг. — время жестокой борьбы большевистской власти с православной церковью — они претерпели изменения, о которых свидетельствуют и произведения самого Кузмина (стихотворение «Не губернаторша сидела с офицером...», 1924), и свидетельства мемуаристов (Б. В. Горнунг, В. Н. Петров).

²⁰ Письмо от 11 июля 1902 г. // РНБ, ф. 1030, № 54, л. 14.

и диалектика и софистика — любимые чада логики. <...> Но истина как божественное откровение, правая вера и правоверная жизнь и быт — одна. И она права, хотя бы ее исповедовали 2 человека, все же остальное ложь и соблазн; права и обязательна во всех мелочах»,²¹ — то комедии рождались в период дружеских кружков, новых артистических знакомств, философического скепсиса. Они написаны уже после «Трех пьес» с их танцами и очаровательной путаницей (не нарушающей, между прочим, течение любовной интриги), кто герой, а кто героиня. Это и способствовало тому, что одна из комедий, рассмотренная вне еще не возникшего общего контекста трилогии, была воспринята А. А. Блоком как «наиболее совершенное создание в области лирической драмы в России» по аналогии с его собственной драматургией той поры.²² И Блок мог бы уйти недалеко от истины, если бы в личности Кузмина лиризм предшествовал артистичности, театральности, но было — как раз наоборот.

Однако нельзя забывать о том, что в комедиях Кузмин, несмотря на элементы «фарса», хотя бы и «священного», отмеченные Блоком в одной из них,²³ доступными ему художественными методами исследует тему жизненного пути человеческой души, обреченной в своем земном странствии осуществлять свободный выбор добра или зла. Он лишь развивает тему своего «Саввы Грудцына» (это можно предположить) и «Истории рыцаря д'Алессиво» в новых формах. Издавая комедии в одном изящном томике, Кузмин предпослал всем трем драматическим опытам общее предисловие, намекая на то, что в итоге пришел к восприятию этих вещей как целостной структуры: «О, милые мои герои! Евдокия, блудница со щедрой душой, Алексей, Христов скрытник, Мартиниан, бесстрашник неуязвимый, — простите неумелость непривыкшей руки, улыбку, которая вас пусть не оскорбит: если продлятся дни мои, другие песни услышит ваше благостное ухо, даст Бог, но и теперь вы близки мне, возлюбленные помощники. Признание априорной кощунственности комедий, содержащееся в указании на «улыбку» автора, производно от самых условий кузминского вдохновения, которое возвело поэтическую «перелицовку» и драматизацию житийных повествований в принцип создания драматической трилогии. Однако семантическая многосмысленность комедий раскрывается лишь при обращении к иным силовым полям заложенных в них идей — «августиновскому» и традиционно христианскому. Принимая мысли Блаженного Августина о предопределении как позитивное руководство для своих героев (ср. финальные реплики Ангела в «Комедии о Евдокии...» и Рассказчика в «Комедии о Алексее...»), Кузмин, похоже, разделяет и августи-

²¹ Недатированное письмо (окт. 1901 г.) // Там же, № 52, л. 39—40.

²² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Проза. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С. 184. Ср. меткое суждение исследователя по поводу этого отзыва: «В основе оценки лежат <...> мотивы, в которых Блок, может быть, очень субъективно, усмотрел более тесное, чем в действительности, родство с принципами собственной драматургии — ее специфическим лиризмом и особой иронией» (Федоров А. В. Ал. Блок — драматург. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 19). Статья Блока «О драме», откуда взято цитированное суждение, появилась на страницах журнала «Золотое руно» (1907. № 7—9. С. 122—131), когда из трех впоследствии включенных в один сборник комедий была опубликована лишь одна — «Комедия о Евдокии из Гелиополя» (см.: Цветник Ор: Кошница первая. [СПб.], 1907. С. 59—93).

²³ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 183.

новское учение о двух свободах — *libertas minor* и *libertas major*, где первая является свободой избрания добра, а вторая — свободой уже в добре и Боге. При этом подразумевается, что с возможностью греха и зла связана только первая свобода, *libertas minor*. С этой точки зрения положительная, противостоящая «улыбке» семантика трех комедий будет приблизительно такова.

Евдокия из Гелиополя, «блудница со щедрой душою», сначала, до узнания христианских истин, пребывает в беспросветной языческой тьме. Посвящение в суть христианского учения приводит ее к выбору добра, разрыву с прежней жизнью и, позднее, к обретению конечной свободы в неизвестных ей ранее масштабах. Поэтому столь бесполезны все ухищрения влюбленного Филострата: Евдокия, став подвижницей, обрела высшую свободу и уже неподвластна злу, каковым в такой ситуации необходимо становятся любовь и брак. Вряд ли можно сомневаться в том, что одна из заключительных реплик Евдокии, в которой выражена уверенность, что Филострат «пострижется у аввы Германа» и, когда это случится, их «будет разделять только долина ручья», совершенно чиста и не содержит, как, может быть, и кажется Филострату, никаких обольстительных намеков.

Сын Евфимиана Алексей с детских лет вознамерился вести святую жизнь. В комедии, посвященной ему, Кузмин сначала строго следует агнографическому канону. Суть проблемы в том, что в детстве и юности Алексей так и не познал, что есть свобода, и ему никогда не приходилось совершать ответственный и сознательный выбор. Возможность и необходимость этого выбора появляется у Алексея вместе с Мастридией, сочетание браком с которой видится герою, в полном соответствии с его верой, потенциальным злом; спасение он усматривает в девственности, браке небесном. Алексей оставляет отчий дом, бежит Мастридии.²⁴ В итоге его душа добирается до небес высшей свободы, обрекающей его на житейскую трагедию: по возвращении в родной Рим не открывать себя родственникам, невзирая на осведомленность о горе и печали Мастридии и близких.

В третьей комедии Кузмин изображает Мартиниана Палестинского, к моменту начала действия уже монаха. В терминах обсуждаемой концепции это означает, что период жизни, когда вопрос об избрании пути добра или зла был актуален для Мартиниана, остался в прошлом. Мартиниан — монах, и душа его уже достигла ступени высшей свободы. Поэтому все попытки дьявола искушить Мартиниана терпят крах, отскакивая от праведника, как мячи.

Такое представление о «милых моих героях» в сознании Кузмина, как человека, за плечами которого к моменту создания комедий остались долгие искания религиозной истины, более чем вероятно, несмотря на заявление об «улыбке», сопровождающей общение в духе с переносимыми в область литературы святыми. В качестве подтверждения реальности нашего

²⁴ Ср. замечания Ю. М. Лотмана об «особом отношении к путешественнику и путешествию» в древнерусской литературе: «...длительное путешествие увеличивает святость человека. Одновременно, стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в путь. Разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение» (Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Учен. зап. ТГУ. Вып. 181. Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С. 212).

допущения уместно привести суждения о святых, вложенные в уста вымышленного современника Кузмина — отца Ниты Опаринной, героини автобиографического романа Ольги Ильиной (1894—1991), которая была правнучкой Е. А. Баратынского и не чуждалась изящной словесности: «Слушайте, кто такие святые? Кого мы называем мудрецами и пророками? Разве не тех, чье сознание проникло глубже, чем сознание обыкновенных людей? Та цементно-бетонная преграда, которая отделяет развитой, уже разработанный верхний слой человеческого разума от его не тронутой еще целины, очевидно, рушится под напором их тоски по высшей правде, смягчается и утончается от жара их сердец, и открывается новая реальность. Они называют ее Царством Небесным. Опыт тех, кто туда заглянул при жизни хотя бы на короткий миг, показывает, что весь облик жизни для них навсегда меняется. Таких людей ранит жалость по отношению к даже самым счастливым из нас. Одновременно их проникновение в души других людей становится необычайным. Чужая беда и боль становится их болью. Чувство красоты проявляется в них так интенсивно, что ранит их. Но разве они когда-нибудь променяют эту трагическую уязвимость на что-нибудь другое? Никогда! Потому что под всей этой болью трепещут крылья истинной свободы. Свободы от зла и уничтоженья. То чувство, которое в нас возбуждают такие люди, не похоже ни на что, что принадлежит исключительно материальному миру».²⁵

Любопытно, что сходные творческие устремления по отношению к древним повествованиям о святых отражены и в современной Кузмину западноевропейской литературе. Вот как передает размышления своего героя Дюртала, мечтающего о создании на древнем материале собственного жизнеописания блаженной Лидвины, Ж.-К. Гюисманс в романе «Из бездны к небу»: «Агиография была утраченной ныне отраслью искусства; с ней случилось то же, что со скульптурой из дерева и миниатюрами старых требников. Ей занимались только церковные старосты да попы, комиссионеры стиля, которые, когда пишут, всегда, словно на грузовых автомобилях, подвозят идеи к зародышу своего труда; в их руках она стала обыденным предметом торговли священными вещами <...>. Дорога была, значит, свободна, и сначала ему (Дюрталю. — *А. Т.*) как будто нравилось ее выравнивать; но чтобы извлечь очарование легенд, нужен был наивный язык ушедших веков, простосердечная речь мертвых лет. Как ухитриться теперь передать скорбную сущность и аромат невинности Золотой Легенды Форагина? Как связать в чистый сноп те жалобные цветы, которые монахи выращивали за монастырскими стенами, когда агиография была сестрою варварского и очаровательного искусства рисовальщиков заставок и живописцев по стеклу, пылкой и целомудренной живописью Примитивов? Нечего было и думать, однако, отдаться старательному подражанию, холодно обезьянничать подобное творчество. Оставался еще нерешенным вопрос, можно ли создать смиренный и величавый образ Святой, пользуясь средст-

²⁵ *Ильина О.* Канун Восьмого дня. Казань: Заман, 2003. С. 161—162. Впервые роман вышел по-английски в США в 1951 г.; авторизованный русский текст был впервые напечатан уже в России. Действие романа начинается в годы, предшествующие началу Первой мировой войны, и заканчивается в 1918 г. — время гражданской войны с большевиками.

вами современного искусства <...>». ²⁶ Кроме того, по убеждению Дюртала, попытка создать жизнеописание святой обречена на провал при отсутствии или даже нехватке живой веры: «Потом... потом... нужно ведь еще верить поистине живой верой и быть убежденным в святости своей героини, если хотят попытаться ее вырыть из могилы и заставить снова жить в произведении искусства». ²⁷

Намерения и устремления Кузмина-художника сходны с попыткой ретроспективного воскрешения погибшего жанра Дюрталем лишь отчасти. Кузмин создает современные пьесы, в которых синтезировано собственно драматическое действие и лирическое начало. В комедиях он уже отходит от ретроспективизма ²⁸ и стилизации, понимаемой им как «перенесение своего замысла в известную эпоху и облечение его в *точную литературную форму данного времени*» («О прекрасной ясности: Заметки о прозе»; 1909; публ. 1910). ²⁹ Но в то же время в этих произведениях условной драматургии отражены и некоторые объективные особенности христианского сознания, которое руководимо живой, пусть временами и отступающей в тень верой. При этом необходимо сделать оговорку, что автор, являющийся его носителем, переживал в 1907 г. период увлечения театром, дружескими кружками, галантной словесностью и т. п. Все эти идейные и жизненные парадоксы нашли отражение в драматическом тексте и не ускользнули от внимания критиков.

Остается пояснить, какими именно редакциями текстов житий трех святых Кузмин мог пользоваться и существует ли конкретный источник, т. е. определенная редакция житийного текста, у его комедий.

В отечественной традиции жития христианских святых известны в трех вариантах — Великие Четьи Минеи (митрополита Макария), Четьи Минеи св. Димитрия Ростовского и Пролог (Анфологион).

В то время, когда Кузмин работал над своими комедиями о святых, память которых — 1, 17 марта (Евдокия, Алексей) и 13 февраля (Мартиниан), в России были полностью изданы лишь Четьи Минеи св. Димитрия Ростовского. В печатном издании с житиями в редакции Великих Четых Миней митрополита Макария можно было ознакомиться лишь частично; во всяком случае, тексты житий, относящихся к февралю и марту, так и остались неизданными до сих пор: в свое время их выпуску помешала Первая мировая война. Следовательно, в период сочинения комедий о трех святых Кузмин — помимо Четых Миней св. Димитрия Ростовского — мог без особых затруднений воспользоваться только текстами житий в редакции Пролога, что упростило наш поиск.

Для определения источника комедий было достаточно отыскать такие фрагменты житийного текста, которые, будучи процитированными в тек-

²⁶ Гюисманс Ж.-К. Собр. соч. Т. 2. Из бездны к небу: Роман / Перевод с 33-го изд., вышедшего в свет с предисл. автора, Т. Х-о. М.: Совр. проблемы, 1912. С. 46—47.

²⁷ Там же. С. 48.

²⁸ От отношении Кузмина к современности и ретроспективизму в искусстве, которое окончательно сформировалось позднее и было неоднократно сформулировано в статьях 1918—1926 гг., см.: Тимофеев А. Г. «Память» и «археология»-«реставрация» в поэзии и «пристрастной критике» М. А. Кузмина // Блоковский сб. [Вып.] 10. Блок и русский символизм: проблемы текста и жанра. Тарту, 1990 (обл. 1991). С. 101—115 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 881).

²⁹ Аполлон. 1910. № 4. Янв. С. 9 (1-я пар.).

сте комедий, отсутствовали бы в других редакциях соответствующего жития или встречались бы в них в видоизмененной — относительно житийного текста-источника — форме. В случае отыскания таких фрагментов остальные цитаты, которые могли бы отсылать нас к различным редакциям житийного текста как возможным источникам текста комедий, так как эти редакции во многом совпадают друг с другом, — лишь укрепляли бы нас в окончательном определении.

Корректное и доказательное уточнение источника стало возможным на материале текста «Комедии о Алексее человеке Божьем».

Резоны для этого были следующие.

В приложении к исследованию В. П. Адриановой «Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности» (Пг., 1917) приведены все без исключения редакции жития св. Алексея. Это обстоятельство позволило нам провести контрольный анализ текста этого жития и в редакции митрополита Макария без обращения к его рукописным спискам.

Много лет спустя при анализе содержания рабочей тетради 1900-х гг., не имеющей авторского оглавления, нам встретились подготовительные выписки Кузмина, сделанные при работе над комедиями. Хотя конспектирующий почерк Кузмина был не всегда разборчив, оказалось возможным расшифровать эти записи почти в полном объеме. Благодаря их изучению мы получили документальное подтверждение того, что внимание автора при работе с текстом-источником было направлено в том числе и на такие детали житийного текста, которые могли быть извлечены только из житий в редакции св. Димитрия Ростовского.

Ниже мы приводим подготовительные выписки Кузмина, относящиеся к «Комедии о Алексее человеке Божьем», вместе с кратким планом пьесы³⁰ и свод цитирований из жития Алексея человека Божия в редакции Четых Миней св. Димитрия Ростовского, выделенный нами в тексте комедии. Фрагменты других редакций жития, сопоставляемые с текстом «Комедии о Алексее», следуют после цитат из жития в редакции св. Димитрия Ростовского. Для удобства читателей мы приводим достаточно крупные фрагменты сопоставляемых текстов, подчас — как бы некие минимальные единицы драматического действия; совпадения с житийным текстом выделяются в наших выписках из комедии курсивом. Все ссылки на издания и названия сопоставляемых текстов даются сокращенно, с указанием страницы (арабскими цифрами): 1) К. — *Кузмин М.* Комедии: О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартиниане. СПб.: Изд-во «Оры», 1908 (обл. 1909); 2) Адр. — *Адрианова В. П.* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°, 1917; 3) ЧМДР. Февр. — [Св. Димитрий Ростовский]. Четьи Миней. Февр. [8-е изд.]. М.: Синодальная тип., 1897; 4) ЧМДР. Март. — [Св. Димитрий Ростовский]. Четьи Миней. Март. [8-е изд.]. М.: Синодальная тип., 1898; 5) ВЧМ — Великие Четьи Миней.

Однако прежде чем перейти к справочной части нашего исследования, мы хотели бы обсудить еще несколько актуальных теоретических и практических вопросов.

³⁰ Подготовительные выписки и планы «Комедии о Евдокии из Гелиополя» и «Комедии о Мартиниане» опубликованы в Приложении.

Переиздавая «Комедию о Алексее человеке Божьем» в составе двухтомного собрания драматических сочинений Кузмина, мы сделали ссылку на существование в нашей университетской дипломной работе текстологического доказательства работы драматурга с житийным текстом в редакции св. Димитрия Ростовского.³¹ Рецензент издания П. В. Дмитриев откомментировал эту ссылку таким образом, что у неосведомленного читателя его отклика могло сложиться впечатление, что мы сослались на проведенное нами доказательство едва ли не аксиомы: «Оставляя в стороне вопрос о том, насколько корректна ссылка в научном труде на свою студенческую неопубликованную работу, заметим, что „Комедия о Алексее“ писалась в 1907 году, тогда как книга В. П. Адриановой вышла спустя десять лет. Не имея никакого специального интереса к архивной работе, Кузмин попросту и не мог пользоваться другим источником, кроме как „Четьями Минееми“ (так!) св. Димитрия Ростовского».³² Наивность данного заявления рецензента может быть сопоставлена разве что с его неосведомленностью. Что же касается Кузмина, то он вполне мог воспользоваться и старопечатным изданием Пролога, и латинским сборником житий святых, и перенести в собственный текст детали, заимствованные из духовного стиха. Для этого было достаточно посещения Императорской Публичной библиотеки (что в жизни Кузмина случалось),³³ которое вовсе не лишило бы В. П. Адрианову возможности вести ту скрупулезную «архивную работу», что имела результатом подробное обозрение истории происхождения и бытования различных редакций жития Алексея человека Божия в славяно-русской письменности.³⁴

Вопрос о возникновении двух вариантов подзаголовка «Комедии о Алексее человеке Божьем», при всей его видимой простоте, также до сих пор не может быть прояснен однозначно, как это представляется П. В. Дмитриеву. Напомним вкратце историю этой проблемы.

Впервые обсуждаемая комедия Кузмина была напечатана в журнале «Перевал» в 1907 г. с подзаголовком «...или Потерянный и обретенный сын».³⁵ В отдельном издании он имел иной вид: «...или Потерянный и обращенный сын»,³⁶ — что могло указывать на религиозный смысл комедии,

³¹ См.: Тимофеев А. Г. Примечания // Кузмин М. Театр: В четырех томах (в двух кн.) / Сост., [подгот. текста, статья и примеч.] А. [Г.] Тимофеева; Под ред. В. Маркова и Ж. Шерона. [Кн. 2.] [Oakland, Calif.]: Berkeley Slavic Specialties, 1994 [1995]. С. 310.

³² Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 388.

³³ См., например, 1) письмо Кузмина Г. В. Чичерину от 11 февр. 1897 г., в котором сообщается о чтении гностического трактата «Pistis Sophia» (Berolini, 1851; 2-е изд. 1853), который «выдали с нек<оторыми> затруднениями через 1,5 недели после 3 требований и усиленных указ<аний>, что она читалась прошлый год <...>» (РНБ, ф. 1030, № 53, л. 23; фрагмент процитирован нами в издании, которое рецензировал П. В. Дмитриев: Тимофеев А. Г. Примечания. С. 383), 2) письмо Кузмина Г. В. Чичерину от 28 авг. 1898 г., где рассказывается о штудировании «в библиотеке» сочинений Катерины Сиенской по французскому переводу середины XVII столетия (РНБ, ф. 1030, № 20, л. 60; фрагмент приведен нами в кн.: Кузмин М. Арена: Избр. стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Тимофеева. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 407).

³⁴ Подробнее см.: Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К^о, 1917. С. 69—126.

³⁵ Перевал. 1907. № 11. Сент. С. 7.

³⁶ Кузмин М. Комедии: О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартинаине. СПб.: Изд-во «Оры», 1908 (обл. 1909). С. 47.

который является противовесом кощунственному началу, также реализованному в этом произведении. Переиздавая текст, мы воспроизвели подзаголовок отдельного издания, отметив наши колебания в этом вопросе и возможность «подозревать опечатку» при публикации в составе книги,³⁷ поскольку недоступная нам в то время наборная рукопись из собрания М. С. Лесмана имела подзаголовок, идентичный набранному в журнале «Перевал».³⁸ В ситуации, когда принятие окончательного и однозначного решения было преждевременным, мы опирались на суждение знакомого с Кузминым композитора Н. М. Стрельникова, который выступил в печати с полемической оценкой постановки «Комедии о Алексее» 4 ноября 1920 г. Передвижным театром. В рецензии Стрельникова, которая могла быть написана «с учетом мнения драматурга»,³⁹ в частности, говорилось «о перспективе литературного замысла М. Кузмина, по которому беспокойная душа Алексея смирена лишь длительнейшим искусом только в конце своего умирительного жизненного пути, увенчанного возвышеннейшим и невероятнейшим из душевных подвигов — подвигом умиротворенного самоотречения».⁴⁰ В рецензии на подготовленное нами издание П. В. Дмитриев подверг принятое с известными оговорками решение критике, даже не вспомнив об оговоренных нами при выборе варианта сомнениях. Ранее, в рецензии на книгу другого автора, он уже заявлял, что подзаголовок «Потерянный и обращенный сын» «выглядит» «несколько нелепо» и что «ошибка возникла вследствие близости „Комедии о Алексее“ с предшествующей „Комедией о Евдокии“, второе название которой „Обращенная куртизанка“».⁴¹ Теперь он распространил свою аргументацию: «В тексте самой пьесы достаточно ясно сказано: „Благородная Аглаида, слушай! твой сын Алексей обретен мертвым“ <...>. Второй заголовок пьесы и держится на противопоставлении „потерян“ — „обретен“ (т. е. буквально «найден»)».⁴²

Между тем в том же самом номере журнала, где был помещен отклик П. В. Дмитриева, Н. А. Богомолов в альтернативной рецензии сообщил о том, что в архиве Главного управления по делам печати сохранилось цензурное дело «О запрещении пьесы „Потерянный и *обращенный сын*“» (*ноябрь 1916*), оставшееся автору «недоступным».⁴³

Поэтому стоит задуматься, так ли проста «ошибка» во «втором заголовке» «Комедии о Алексее», как это видится П. В. Дмитриеву.

Наборная рукопись «Комедии о Алексее», принадлежавшая в прошлом М. С. Лесману и прежде нам недоступная, а ныне находящаяся в собрании Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, была представлена нами и А. Г. Рабинянц на выставке «Петербургский Кузмин. (К 130-летию со дня

³⁷ Тимофеев А. Г. Примечания. С. 314.

³⁸ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотир. каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. С. 302.

³⁹ Тимофеев А. Г. Примечания. С. 314.

⁴⁰ Стрельников Н. «Комедия об Алексее человеке Божьем». (Мастерская Передвижного театра) // Жизнь искусства. 1920. 11 нояб. № 606. С. 1.

⁴¹ Дмитриев П. В. Новое исследование о М. Кузмине // Новое лит. обозрение. 1995. № 11. С. 324.

⁴² Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 387.

⁴³ Там же. С. 374.

рождения поэта)» (Всероссийский музей А. С. Пушкина, 25 декабря 2002—30 января 2003). Мы смогли внимательно с ней ознакомиться и проанализировать. Выяснилось, что текст пьесы переписан Кузминым в 1908 г. и относится к периоду издания «Комедии о Алексее» в составе книги. Подзаголовок имеет прежний вид «...или Потерянный и обретенный сын»,⁴⁴ и это, на первый взгляд, утверждает нас в формальной правильности суждений П. В. Дмитриева. Однако изучение этой белой рукописи, содержащей незначительный слой пробных и, как правило, сразу же и отвергнутых (зачеркнутых) автором поправок, и сравнение с опубликованными вариантами текста приводят нас к заключению о преждевременности вывода П. В. Дмитриева по поводу банальной опечатки в подзаголовке.

В наборной рукописи отчетливо различимы два слоя правки. Помимо кузминской, характер которой мы пояснили, есть и правка карандашом, скорее всего, имеющая непосредственное отношение к процедуре набора вызывающих сомнения мест текста. Этот слой правки, как правило, соответствует тексту, напечатанному ранее в журнале. При наборе не принято во внимание даже то единственное дополнительное четверостишие, которое Кузмин ввел в стихотворную реплику Рассказчика в начале Картины второй Части второй «Комедии о Алексее» и не отверг при критическом пересмотре текста. Между строками «...Под дерево гость» и «Скрывать напрасно <...>» следовало бы ввести в окончательный текст строфу: «Желудь не всякий / Вырастит дуб, / Не все забияки — / Кто дерзок и груб».⁴⁵

Однако это не было сделано.

Что касается возможной сверки рукописи при ее наборе с текстом первой журнальной публикации, то в пользу такого заключения говорят следующие детали. В реплике Матридии «Я люблю его, матушка, и так благодарна тебе за то, что ты выбрала меня ему в жены; благослови меня еще раз с любовью» (Ч. 1) пропущенные слова «ты» и «с» вписаны карандашом в соответствии с журнальным текстом.⁴⁶ В реплике Алексея «Я не буду Вам мешать сосредоточить набожные мысли; через час я вернусь к Вашим услугам» (Ч. 1) не учтено авторское зачеркивание слова «Вам»; это соответствует журнальному тексту.⁴⁷ В стихотворной реплике Матридии «Ах, красота моя вянет...» (Ч. 1) повторяющаяся два раза строка «...Кто хочет — не смеет» имеет вид, соответствующий журнальной публикации; не принята во внимание и исправлена по журнальному тексту авторская правка «...Кто хотят — не смеют».⁴⁸

Следует подчеркнуть, что в местах, которые не вызвали сомнений при наборе, исправлений по журнальному тексту не наблюдается. Так, в рукописи и в журнальной публикации — различный порядок следования пер-

⁴⁴ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (в дальнейшем — МАА), ф. 2, оп. 1, № 44, л. 1.

⁴⁵ Там же, л. 19.

⁴⁶ См.: Перевал. 1907. № 11. С. 8; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 5; Кузмин М. Комедии... С. 53.

⁴⁷ См.: Перевал. 1907. № 11. С. 9; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 8; Кузмин М. Комедии... С. 57—58.

⁴⁸ См.: Перевал. 1907. № 11. С. 9; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 9—10; Кузмин М. Комедии... С. 59.

сонажей-блудниц, произносящих реплики (Картина 1. Ч. 2).⁴⁹ В данном случае карандашная правка отсутствует: исправления по журнальному тексту не производились. Не восстановлено и посвящение («П. П. Потемкину посвящено»), отсутствующее в рукописи, но проставленное в журнальной публикации.⁵⁰

Кроме того, при публикации в книге была сохранена журнальная датировка «Апрель—июнь, 1907», проставленная Кузминым в наборной рукописи в конце текста, наряду с новой датой, обозначенной на титульном листе рукописи: «1908. Апрель—июль» (зачеркнута карандашом и не набрана).⁵¹

Описанные наблюдения таковы, что напрашивается заключение о стремлении при выпуске томика «Комедий» к тщательному воспроизведению авторского текста с уточнениями, где возможно, по предварительной публикации в журнале. Вместе с тем представления метранпажа и наборщиков о принципах следования авторской воле можно охарактеризовать как непоследовательные, а потому ведущие к пропускам (не исключено, что по-своему сознательным) авторских дополнений и правок. В такой ситуации опечатки крайне маловероятны.

Поэтому, признавая формальную правоту основанного на внешних текстовых данных вывода П. В. Дмитриева, мы полагаем, что замена подзаголовка все-таки могла иметь место, как, например (скорее всего, по воле автора), было снято устаревшее посвящение П. П. Потемкину. Исправление подзаголовка могло произойти по соображениям смысловым и/или автоцензурным, в целях предотвращения возможного судебного преследования в связи с кошунством. В 1908 г. Кузмин вполне мог опасаться такого развития событий, поскольку на рубеже апреля и мая с немалым для него ущербом закончилось судебное разбирательство в связи с публикацией пьесы «Опасная предосторожность». «Меня присудили к 200 р. или месяцу сиденья», — записал он в Дневнике 29 апреля—1 мая 1908 г.,⁵² а газетная хроника известила читающую публику о том, что «Окружной суд по III уг<оловному> отд<елению>, рассмотрев без участия присяжных заседателей дело писателя Кузьмина (*так!*), привлекаящегося по 1001 ст<атье> ул<ожения> о нак<азаниях>, приговорил его к денежному штрафу в 200 р<ублей>, с заменой в случае несостоятельности арестом на 1 месяц. Инкриминировалась порнографического содержания театральная пьеса „Опасная предосторожность“».⁵³

Как бы то ни было, в 1916 г. для получения разрешения на постановку текст пьесы был представлен в драматическую цензуру с исправленным

⁴⁹ Ср.: Перевал. 1907. № 11. С. 11; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 15—16; Кузмин М. Комедии... С. 66—67.

⁵⁰ Перевал. 1907. № 11. С. 7.

⁵¹ Там же. С. 16; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 33, 1; Кузмин М. Комедии... С. 89.

⁵² Кузмин М. Дневник 1908—1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, [2005]. С. 34. Благодарю Н. А. Богомолова за указание на эту запись до выхода из печати соответствующего тома Дневника М. Кузьмина.

⁵³ Новое время. 1908. 2 мая. № 11543. С. 5. Подробнее см.: Тимофеев А. Г. М. Кузмин и царская цензура: эпизод первый (по материалам Российского государственного исторического архива) // Русская литература. 2005. № 4. С. 130—140.

подзаголовком. Об этом свидетельствует документ этого ведомства, о котором уже шла речь выше.

«ПОТЕРЯННЫЙ И ОБРАЩЕННЫЙ СЫН»

Комедия в 3-х частях М. А. Кузмина

Сюжетом для своей комедии автор взял житие одного из наиболее чтимых христианских святых, Алексея — Божьего человека, сохранив даже в точности имя отца Святого Алексея (Евфимиан), считаю поэтому пьесу неудобной к постановке.

За Цензора драматических сочинений

Ребров.

«2» декабря 1916 г.

Совершенно согласен с мнением г. Цензирующего. Чл<ен> Сов<ета> М. Толстой.

Согласен. 2/XI<XII>. <Подпись нрзб.>⁵⁴

Именно в силу этого запрета первая постановка «Комедии о Алексее» на сцене Театра имени В. Ф. Коммиссаржевской в Москве осуществилась только 18 марта 1917 г., уже после Февральской революции. Журнальный рецензент оповестил публику о том, что «эту комедию г. Кузмина театр имени В. Ф. Коммиссаржевской хотел поставить раньше, в „дореформенное“ время, но встретился с запрещением».⁵⁵

«КОМЕДИЯ О АЛЕКСЕЕ ЧЕЛОВЕКЕ БОЖЬЕМ»

1. Выписки

Рим. Евфимиан

цари. Аркадий и Онорий.

(богат 3000 слуг од<етых> в шелк с золот<ыми> поясами<)>

неплодная

постился до 9 час<a>

3 трапезы: сирот<ам>, вдовам и нищи<м>

а сам обед<ал> в 9 ч<асов> с бродяч<ими> мона<хами>

жалел когда мало было нищих

ж<ена> Аглаида

⁵⁴ РГИА, ф. 776, оп. 26, № 84, л. 177. Машиннопись; подпись С. К. Реброва, визы М. А. Толстого и неустановленного лица — автографы.

⁵⁵ Кулисы. 1917. № 13. С. 2. Впервые приведено: Тимофеев А. Г. Примечания. С. 311. Итак, можно считать безупречно точным утверждение художника А. Я. Головина: «Кузмин не раз подвергался нападкам как со стороны царской цензуры, так и со стороны критики „за порнографию“» (*Головин А. Я. Встречи и впечатления: Воспоминания художника / Ред. и коммент. Э. Ф. Голлербаха. Л.; М.: Искусство, 1940. С. 102; Александр Яковлевич Головин. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине / [Сост. и коммент. А. Г. Мовшенсона; Вступ. статья Ф. Я. Сыркиной]. Л.; М.: Искусство, 1960. С. 105).*

Алексей учиться 6 л<ет>
грамматике, риторике, церк<овные> книги
аскет, власяница
обручили из царс<кого> рода; обвенч<али> в
церкви св. Бонифация
сидела на кресле златем
перстень, пояс, обвил порф<ирной> завесой
ушел в соседнюю комнату
— взял запас, поплыл в Лаодикию
путники идущие в Месопотамию
Едес гр<ад?> все продал раздал нищим
паперти церкви Св. Богоматери кажд<ую>
нед<елю> причащался все разд<ал> более стар<ым>
Невеста и мать в затворе.
Прож<ил> 17 л<ет> откр<овение> пономарю (видение
Б<ожьей> М<атери> введи Алек<сея>). Бежал. Корабль
пл<ывущий> в Киликию. (пребуду в храме ап<остола>
Павла<)>
Буря. в Риме.
Отец шел из сената со свит<ой>
если кого имеешь в странствии
вернет тебе. Вечером его зауш<али>
окно против конуры
папе Иннокентию. царю Онорию
в соб<орной> церкви Св<ятых> Ап<остолов>: «Приидите все
труждаю<щиеся> и обрем<енные> Г<оспо>ди пом<илуй>
поищите чел<овека> Божия от тела хот<ящего>
изой<ти> да помолит<ся> о граде> с четверга на пят<ницу>
в дому Евфим<иана> челов<ека> Б<оожия> ищите
34 года прожили. 17. Марта 411 г.
Визант<ия> Феодосию Юнейш<ему>⁵⁶

2. План

1. спальня. одна с Мат<ерью> и служ<анкой> Алекс<ей>
с нею объясн<ается> Мать...
 2. Эдес. Алексей поет... пономарь
Лаодикия
 3. Улица
 4. Дом Евфим<иана>
 5. Конец.
1. разговор о стр<аданиях> Алексея.
мать о рождении
одна.
Алексей.
одна. песенка.

⁵⁶ ИРЛИ, ф. 172, № 321, л. 93 об.—94 об.

Мать... беспокойство

2. Рассказ.

Алексей идет. стихи.

Пономарь. ... пригот. свечи <?> убег<ает>

3. Рассказ.

Алекс<ей> спр<ашивает>. Проход<ят?> упоминает.

4. Невеста плачет<,> стихи.

Алексей пишет<,> разговор.

Надругания.

5. Рассказ о чудесах

Мать. служанка

Рассказывают — · —

Входит отец.⁵⁷

3. Цитирования

I

К. С. 51.

«Мастридия. <...> Я не видала Алексея до венца, до этой блаженной церкви св. Бонифация. <...>».

ЧМДР. Март. С. 305—306 (Адр. С. 504).

«Обручиша убо Алексею возлюбленному сыну своему отроковицу от рода царска, и венчаша тех в церкви святого Вонифатиа честными святыми, и весь день той даже до ночи в веселии и ликованиях проводиша».

ВЧМ (цит. по: Адр. С. 490); Анфологион (цит. по: Адр. С. 494).

В этих редакциях также встречается упоминание «церкви святого Внифантия».

II

К. С. 54—55.

«1-я <служанка>. Что тебе (Мастридии. — А. Т.) беспокоиться о будущем? Дом твоего свекра немногим уступит в богатстве и изобилии отцовскому».

3-я. Одних слуг у благородного Евфимиана до трех тысяч, и все в шелковых одеждах с золотыми поясами.

1-я. И по благочестью это один из первых домов Рима: не ежедневно ли ставятся три трапезы для нищих, вдов и сирот?

3-я. Не вкушает ли из смирения сам господин Евфимиан пицы со странствующими иноками?

1-я. Не постится ли до девятого часа?

3-я. А милостыня? молитвы?»

ЧМДР. Март. С. 304 (Адр. С. 503).

Евфимиан охарактеризован как «муж благочестив», «велик в болярех и богат зело».

⁵⁷ Там же, л. 94 об.—95.

«...Емуже (Евфимиану. — *А. Т.*) бяху три тысящи слут, златыя поясы и светлыя шелковыя одежды носящих».

Там же. С. 304—305 (Адр. С. 503).

«Добр же бе той муж, заповеди Божия опасно соблюдаяй, постяшеся по вся дни до девятого часа, и три трапезы в дому своем сиротам, и вдовицам, нишым, странным же и больным поставляше, а сам в девятый час со странными иноками обедоваше. И егда в который день случашеся мало убогих на представляемых им трапезах имети, и мнее от обычных щедрот своих из'явити им милостыни, тогда падши на землю пред' Богом глаголаше: несмы достоин ходити по земли Бога моего».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 484.

Евфимиан охарактеризован как «муж благочестив», «велик быв в болярех и богат зело».

«Бяху же ему (Евфимиану. — *А. Т.*) три тысуща (*так!*) отрок с златыми поясы и светлы ризы носяще».

«С благочестием живыйи заповеди Божия сътворяя алкааше же толикии муж по вся дни до девятого часа и три трапезы поставляше в дому своем сиротам и вдовицам и странным и мимоходящим и болящим. Сам же в девятии час бе вкушаа с странными и чернцы и нищими и ядяше хлеб свои и егда идяше в полату цареву милостыню свою дааше пред собою глаголя, яко несмы достоин ходити по земли Божию».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 493.

«Изряднее же в милостыни бяше подражатель (Евфимиан. — *А. Т.*), даый на всякий день независтно требующым богатство свое. Питаше алчущыя, одеваше нагия, принимаше странныя и покояше их, и благодействоваше богато дарно, и просто рещи: благословенный его дом бяше едино пристанище убогих и прибежище. Имяше же и слуги многия златопоясанныя, и одеяны ризами светлыми, и многоценными. Тойже приснопамятный ядыше по девятом часе единою в день всегда».

III

К. С. 55—56.

«3-я <служанка>. Говорят, он (Алексей. — *А. Т.*) *носит власяницу*.

Мастридия. Как я буду с ним жить?

1-я <служанка>. *С детского возраста он уже учится грамматике, риторике, церковному пению и уставу.*

2-я <служанка>. Нежный, нежный цветок сорвешь ты, счастливая Мастридия».

ЧМДР. Март. С. 305 (Адр. С. 503—504).

«Егда же бе отрок шестолетен, вдаша его в научение книжное, и вскоре навык грамматике и риторике, и церковныя книги, и Божественное Писание все добре уведав, бысть премудр юноша, и рассмотрев суету мира, положи во уме своем отрицатися настоящих житейских благ маловременных, да наследствует вечная: и нача умерщвляти плоть свою, острую на теле своем отай носящи власяницу».

ВЧМ. Цит. по.: Адр. С. 484.

Мотив ношения власяницы в данной редакции отсутствует.

«И егда бысть шти лет отрочя даша его в первое учение книгам, и научився книги и церковному устрою, яко же и риториа мало изучься, премудр бысть».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 493; 493—494.

«И понеже бяше остр умом и благоестествен, навыче в мало время всей церковней повести, грамматице, и прочым елика бяху прилична, прочее бысть мудрейший».

«Сим поучаяйся на всякий день от Бога просвещаем, и премудрый, наложи расу (*так!*) власяную втай родителей, и ношаше на плоти назе».

IV

К. С. 58.

«Мастридия. Каково оскорбление! И этот святоша будет моим мужем? Как нагло я обманута! Но я сделаю по-своему и заставлю его глаза, привыкшие отражать только миганье лампад, загореться любовью! Подожду, что же сделать? <...> Надену свои украшения, *сяду на это золотое кресло*, не бездушный же он окончателно, чтобы пренебречь мною, царского рода, известной далеко красотою!»

ЧМДР. Март. С. 306 (Адр. С. 504).

«Он же (Алексей. — А. Т.) в чертог вшед, обрете ю (Мастридию. — А. Т.) сидящу на кресле златем».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 485.

«И влез в чертог свои обрете ю (Мастридию. — А. Т.) сидящу на престоле злате».

В редакции Анфологиона данный мотив отсутствует.

V

К. С. 60.

«Алексей. <...> Прощай, отцовский дом, домашние иконы, ты, бедная Мастридия, вдова в невестах, в женах — дева, прощай! *Положу тебе перстень, пояс, завернув их в пурпурный плат*: когда жаворонок разбудит тебя, далек уж будет Алексей. Вот, я целую тебя в первый и, даст Бог, последний раз».

ЧМДР. Март. С. 306 (Адр. С. 504).

«И взял перстень свой златый и пояс дражайший, и обвив порфирною завесою, вваде ей глаголющи: сохрани сие, и Бог да будет между мною и тобою, дондеже благодать его в нас нечто новое устроит».

Там же. С. 310 (Адр. С. 507).

Алексей человек Божий, вернувшись в Рим, составляет предсмертное письмо. «...и испросив Алексий святой у служащего ему раба хартию, и чернило, и трость, написа все житие свое <...> и еже глагола к невесте своей в чертозе, како вваде ей перстень и пояс в порфирной завесе <...>».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 485.

«И взял перстень свои златыи и лез обить в коприну и дать обрученици своей. Сей съхрани, и буди Бог межи мною и тобою, дондеже благоволит Бог делеса таинаа наю».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 494.

«И тогда обвив перстень, и пояс свой (яже бяху многоценныя вещи), даде я отроковице, и глаголет ей: сохрани я опасно, любезнейшая моя, и Бог да будет между нами, дондеже устроит благодать его в нас, нечто ино новее».

VI

К. С. 69—70.

«Пономарь. Прекрати пререканья. Ты услышишь, что все известно: и твоя добродетель, и твое смирение. Сегодня в ночь явилась мне Царица Небесная и сказала: „В дому Моем должен жить святой человек, а не с кающимися в притворе стоять“. — „Кто же это?“ — осмелился я, а Она ко мне: „Алексей, друг блудниц“. И вот, я умоляю тебя, брат, дай объявить тебя господину епископу и *ввести в храм*. Нарочно в сумраке, чтобы не смущать твое смирение, говорю я тебе об этом.

Алексей. Голосу Неба не могу я противиться: иди, зажги свечи, приготовь встречу слуге Царицы Небесной.

Пономарь. Мы ждем тебя тотчас. (Уходит.)

Алексей. Напрасно разве я покинул отцовский дом и любовь, чтобы здесь иметь почет? *Бегу, бегу*. Господь простит мне: виденья бывают и от лукавого. *Я не хочу этого!* (Уходит.)»

К. С. 72.

«Алексей. Я в Риме?!. О судьба, кто будет с тобою спорить? Как я помню все, хотя уже изменившееся за эти *семнадцать лет!* <...>».

ЧМДР. Март. С. 307—308 (Адр. С. 505).

«...а святой Алексей во Едесе при церкви пресвятыя Богородицы преживе седмьнадесять лет, и бысть возлюблен Богу. Таже бысть о нем пономарю откровение, виде бо пономарь в видении икону Пречистыя Богородицы к нему глаголющу: введи в церковь мою человека Божия достойна суда небеснаго царствия: ибо молитва его яко кадило добровонно восходит пред' лице Божие, и якоже венец на главе царстей, сице на нем Дух Святой почивает. Пономарь же по видении том поискав такового человека, и не обрет, ко иконе Богородичной обратися, молящи Владычицу, да покажет ему известно человека Божия. И слыша паки в видении глагол от Пресвятыя Богородицы, яко седяи ниц у дверей церковныя паперти, той есть человек Божий. Обрет убо его пономарь, в церковь введе, да в ней пребывает. И уведано бысть святое его житие многими, и начаша его почитати».

Там же. С. 308 (Адр. С. 506).

«Святой же Алексей, бегая человеческия славы и почитания, отиде от Едесскаго града никомуже ведущу».

Там же. С. 308 (Адр. С. 506).

Корабль, на который попадает Алексей человек Божий, плывет в Киликию. «И шедши в пристанище морское, обрете корабль в Киликию плывущу. Седе убо в него, глаголя в себе: в Киликийский град пойду, идеже никтоже мя знает, и тамо в храме святаго апостола Павла пребуду. Плывущу

убо кораблю, внезапно смотрением Божиим бысть буря в мори, и носимь быв волнами корабль многия дни, приплыве и не хотящъ в Рим».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 486.

«И се образ святыха Богородица явися в сне к понамарю глаголя: Введи человека Божиа в церковь мою, яко достоин есть царству небесному, и яко миро добровонно молитва его, яко венец на главе царю, тако почивает Дух Святыи на нем, и яко солнце сияет всеи земли, тако просиа житие его пред аггелы Божиин. И излажааше пономарь, ища таковаго святаго и не обретааше и влажааше паки моляся и глаголя Богородицы, да явить ему человека Божиа. И открыся ему, яко убогии седяи у двери то есть человек Божиин. Изыде же паки в паперть и обрете и имь за руку его введе и в церковь. Егда же убо виде человек Божиин, яко познан бысть человеки, отбеже о<t> Едескаго града и шед в Лаодикию и сед в корабль хотя преити в Тарс Киликийский глаголя, яко иду в храм святаго апостола Павла, понеже незнаем есмь ту сущими. И влез в корабль. Волею Божиею нужным ветром прегнан бысть корабль преплувъ прииде в Рим».

Упоминание о времени, прошедшем с момента оставления Рима Алексеем человеком Божиим до его возвращения туда, в редакции ВЧМ отсутствует.

В редакции Анфологиона (см.: Адр. С. 496) отсутствуют и фигура пономаря, и глас Богородицы, однако есть упоминание о времени отсутствия Алексея человека Божьего в Риме (семнадцать лет).

VII

К. С. 72—75. У Кузмина Алексей человек Божий, вернувшийся в Рим, беседует с Лавочником, который советует страннику обратиться за вспомоществованием к Евфимиану. Затем появляется Евфимиан.

Ср. Фигура Лавочника отсутствует во всех редакциях жития. Обычно Алексей человек Божий встречается, попадая в Рим, непосредственно со своим отцом.

К. С. 75—76.

«Входят Евфимиан, два друга, *несколько слуг*.

Евфимиан. <...> Что это за человек? чего ты хочешь в таком униженном положении? ты рыдаешь? ты потерпел кораблекрушение? но где же дочечка с изображением несчастья?

Алексей. Господин, *будьте милосердны, дайте не имущему крова, накормите голодного, утешьте преследуемого судьбою! Если кто-нибудь дорогой Вам находится в пути, в странствиях, — вспомните о нем, и Вы сжалитесь над несчастным путником!*

Евфимиан. Кто тебя научил этим словам? или ты — провидец?

Алексей. Никто. Никто.

Евфимиан. *Иди за мной; ты найдешь приют у меня; молись о рабе Господнем Алексее.*

Алексей. Алексей, раб Господень, счастлив, блажен.

Евфимиан. Ты говоришь — он умер, ты с ним встречался?

Алексей. Нет, я не знаю, я не знаю... (Проходит.)»

ЧМДР. Март. С. 308—309 (Адр. С. 506).

«И приближаясь к дому своему, сретe отца во время обеднее, от царския палаты в дом возвращающагося со множеством слуг пред'идущих и возследствующих. Поклонився убо ему до земли, воззва глаголя: рабе Господень, помилуй мя нища и бедна, и повели мне, да в едином угле двора твоего пребуду, яко да возмогу питатися от крупиц падающих от трапезы твоея: Господь же благословит лета твоя, и даст тебе небесное царство, и аще имаши кого от своих негде странствующаго, здрава его да возвратит тебе. Евфимиан же слышав нища глаголюща о странствовании, вспомяну абие возлюбленнаго сына своего Алексиа, и бысть слезен, и абие милость нищему показа: повеле бо ему во дворе своем быти».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 486—487.

«И сретe отца своего идуща от царя полаты вспять с преди грядущими его в время обедное и поклонися ему глаголя: Рабе Господень, помилуй мя и сътвори заповедь на мне нищем и убозем и да почию в дому твоём и не деи мене в дворе твоём, да ся насыщу и аз с рабы твоими и от крупиц, падающих от трапезы твоея, и Господь да благословит лета твоя и дасть ти царство небесное и яже имаши в странных Бог благословит и насытит тя надежда его. Отец же его <...>, помянув о иночядем своем сыну и поим и в дом свои рече к домашним рабом: Которыи от вас хошет служити ему, да аще угодит ему, живь Господь Бог мои, яко свободен будет вся дни живота его, но причястие приемлет от дому моего».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 496.

«Поклонився убо в неких церквах, сретe отца своего, иже приходяше от палаты, со многим клеветством, по достоинству своему, и положив ему даже до земли поклон рече сия: молю благородие твое, сотвори милость ко мне странному и нищему: остави мя сести во едином углу палаты твоея питатися от крупиц падающих от трапезы рабов твоих, и Бог да благословит за добро сие дом твой да даст тебе небесное царство, и аще имаши и сродника некоего в странстве, да сподобит тя Господь видети его, якоже желает сердце твое. Сия слышав князь прослезися, вспомянув сыны своего, и умилосердовав взят убогаго, и призвав единаго раба, егоже имяше прилежнейшаго, предаде ему Алексиа, повелевая ему, да ни едино иное попечение и мысль имать, токмо да устроит страннаго онаго во елико требует».

VIII—IX

К. С. 76.

«Двор Евфимиана, каморка Алексея у ворот, окна Матридиина терема *напротив*» (авторская ремарка. — А. Т.).

К. С. 76—77.

«Алексей. <...> Я каждый день вижу бедную Матридию, и ее слезы дают мне надежду на ее спасение. <...>».

ЧМДР. Март. С. 309—310 (Адр. С. 507).

«Еще же и другая вина терпения его предивнаго бе сицевая: противу хлевнины его бе окно тоя палаты, в нейже живяше невеста его, яже яко другая Руфь не восхоте ити в дом отца своего, но с свекровию своею седяше плачуши, и многжды слышаше святой рыдающую по нем невесту свою,

также и мать, и жалостнейшая словеса в плачи вещающих: ова бо о вдовстве своем, ова же о сыновнем лишении рыдаше <...>».

В редакции ВЧМ подобный фрагмент отсутствует (см.: Адр. С. 487).

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 496.

«Иже постави (речь идет о рабе, действующем по повелению Евфимиа-на. — А. Т.) его (Алексея. — А. Т.) во единой келлии малой, яже бяше на дворе близ каморы жены его».

Там же. Цит. по: Адр. С. 497.

«Не токмо же брань сию имяше преподобный, но и иное лютейшее, сиречь окно каморы невесты стояше к келлии преподобнаго, яже яко новая Руфь не восхоте ити в дом отца своего, но со свекровию своею седяху плачуще многжды и рыдающе, ова убо вдовства, ова же едиnorodнаго сына и любезнейшаго лишения».

X—XI

К. С. 76—77.

«Алексей. <...> Мне сладко мое унижение, насмешки челяди, презрение прохожих и гостей».

К. С. 81.

«Алексей. Боже мой, Боже мой, мало того, что слуги надо мной издеваются, бьют, обливают помоями <...>».

К цитированию X.

ЧМДР. Март. С. 309—310 (Адр. С. 507).

«...и сокрушаше сердце его (Алексея. — А. Т.) жалостию от тех рыдания, обаче любовию, юже святыи к Богу име, побеждаше любовь плотскую, яже к невесте и родителем, и нестерпимую жалость терпяше сладце Бога ради».

В редакциях ВЧМ и Анфологиона подобный фрагмент отсутствует (см.: Адр. С. 487; 497).

К цитированию X—XI.

ЧМДР. Март. С. 309 (Адр. С. 506).

«Дивно бе сего человека Божия терпение: ибо многия пакости и озлобления раби ему творяху всегда, а наипаче в позден вечер. Овии бо заушаху, овии за власы терзаху, инии в выю ударяху, инии же помои на главу его возливаху, а инии инако ему ругахуся».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 487.

«Отроцы же свои ему где вечер и молчание будяше, пакости ему творяху и ови убо которахуся с ним, друзии же заушаху, инии же пяху его, инии же паки опаница помывающе възливаху горе на главу его помыа».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 497.

«И первые убо понуждаше раби, искушати его. И инии убо укоряху его и заушаху, друзии же ляху на него от мытия сосудов, и иная безчиния многая творяху ему безстыднии».

К. С. 83—84.

«1-я служанка. <...> Я не помню такой духоты в марте.

2-я. Вы слышали, что *в пятницу, и в субботу, и в четверг папа в соборе* и весь клир и народ *слышали голос от алтаря, всегда тот же?*

Мастридия. Что же он говорит?

1-я. „*Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные*“. Все в городе это знают.

Мастридия. Я не знаю, я не слышала».

ЧМДР. Март. С. 310—311 (Адр. С. 507).

«Во един же день святейшему папе Иннокентию литургисающую в соборной святых апостолов церкви, и царю Онорию предстоящу, кончающейся же Божественной литургии, бысть глас чуден от святого олтаря во услышание всем, глаголяй: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы».

Там же. С. 311 (Адр. С. 508).

Всего от «олтаря» раздается три гласа. Глас, звучащий «вторицею», извещает: «...поищите человека Божия, от тела изыти хотящаго, да помолится о граде, и вся вам устроятся добре». В третий раз глас раздается утром в пятницу: «Бывшу же утру пятка (у Адр. — «светающую же пятку»), человек Божий Алексей святыи разлучися от тела своего, и отиде ко Господу. И бысть глас в церкви от олтаря, якоже и первее, глаголющ: в дому Евфимиановом человека Божия ищите».

ВЧМ. См.: Адр. С. 487—488.

Глас также раздается три раза; в соборе служит «Маркиан архиепископ».

Анфологион. См.: Адр. С. 499.

Глас также раздается три раза; в соборе служит архиепископ Иннокентий («Бяше же тогда архиепископ в Риме Иннокентий, иже якоже служаше во един день в церкви святых апостолов <...>»).

Таким образом, несмотря на большое количество полных и частичных совпадений текста «Комедии о Алексее человеке Божьем» с текстами соответствующего жития, только цитирования, обозначенные в нашем своде цифрами VIII и X, однозначно и безоговорочно указывают на то, что Кузмин пользовался текстом жития в редакции св. Димитрия Ростовского: фрагменты, подобные цитируемым, отсутствуют в других редакциях этого жития. Если просмотреть подготовительные выписки Кузмина из рабочей тетради первой половины 1900-х гг., то лишь запись «окно против конуры» — рассматриваемая, разумеется, в контексте сопоставленных текстов — подтверждает этот вывод.

Кроме данного доказательства обращение к авторским подготовительным выпискам и своду цитирований позволяет высказать некоторые соображения о принципах работы Кузмина с текстом-источником.

В теоретическом исследовании «Модерн как предавангардный стиль: Михаил Кузмин» М. Медарич справедливо отмечает, что для Кузмина, как представителя искусства модерна, было исполнено значения «не только исходить из требований стиля как самой важной категории в искусстве, но

и создать „стиль эпохи“ во всех проявлениях жизни». ⁵⁸ Но при этом она рискует „заверить нас в том, что при создании прозаических, стихотворных и драматических стилизаций «конкретные, отдельные тексты или конкретные авторы» «не являются» для Кузмина «образцами». ⁵⁹ Наоборот, согласно мнению исследовательницы, «чаще всего Кузмин стилизует какой-либо средний образец литературного стиля или интересующей его стилиевой эпохи». ⁶⁰ Поэтому совершенно естественно, что вопрос о художественной природе комедий М. Медарич решает в привычном, хрестоматийном ключе: «Особый интерес представляет стилизация в его (Кузмина. — А. Т.) богатом драматическом творчестве. В этом смысле наиболее значительными являются две ранние книги с театральными пьесами *Три пьесы* (1907), *Комедии* (1909), хотя, собственно говоря, и целый ряд более поздних пьес также представляет собой стилизации». ⁶¹

Совсем не касаясь проблемы поиска источника произведения, ориентированного на литературу иной эпохи, и цитирования Кузминым такого текста, М. Медарич делает в корне неверные выводы и оценки. Как видно из вышеизложенного, а также приведенных выписок и свода цитирований, Кузмина — автора комедий интересуют именно детали *конкретного* текста, определенной редакции жития. Определенной, конечно, не в смысле сопоставления или противопоставления ее — иным редакциям, но как основного источника приобретения деталей, или, по выражению критика, «блесток». Целью введения таких художественных деталей в новый текст является, с одной стороны, создание реального исторического колорита представляемой автором эпохи, а с другой — придание им современного, живого звучания в окружении заново, уже без всякой цитатной связи с житием-источником, сочиненного текста. В этом процессе *конкретная*, как было доказано, редакция жития функционирует именно как «образец», но образец не для подражания, а, напротив, ради отталкивания, переосмысления, перекодировки. Уместно вновь вспомнить и то, что, согласно воззрению Кузмина, изложенному в его программной статье той поры «О прекрасной ясности: Заметки о прозе» (1909; публ. 1910), «стилизация — это перенесение своего замысла в известную эпоху и облечение его в *точную литературную форму данного времени*». Комедии были написаны им совсем не так.

Действительно, специальных исследований, посвященных проблемам функционирования и классификации цитат в произведениях Кузмина, пока не появилось. ⁶² По этой причине распространение общих, чисто умозрительных суждений, подобных замечаниям М. Медарич, не имеет ограничений. Между тем проблема цитирования воспринимается современной наукой о литературе как одна из наиболее активных областей генерации

⁵⁸ *Medarić M.* Модерн как предавангардный стиль: Михаил Кузмин // *Russian Literature*. 1994. Vol. 36. [N] 1. P. 72.

⁵⁹ *Ibid.* P. 73.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ *Ibid.* P. 74.

⁶² В отличие, например, от А. Блока, см.: *Мицц З. Г.* Функция реминисценций в поэтике А. Блока // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1973. [Вып.] 6. С. 387—427 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 308). Использование предложенной автором достаточно формальной классификации цитат у Блока ограничено рамками лирического текста и пределами текста символистского.

художественных смыслов произведения, как сфера взаимодействия культурных систем, ориентированная на ту или иную степень дешифровки воспринимающим (читательским) сознанием.

В отсутствие специальных исследований по интересующей нас проблеме нелишне обратить внимание на те суждения исследователей о межтекстовых взаимодействиях произведений Кузмина и их источников, которые встречаются в трудах, посвященных иным темам. В исследовании, затрагивающем функции стихотворных вставок в прозе Кузмина, голландский автор попытался найти решение вопроса и о принципах цитирования: «...у Кузмина <...> отношение <к претексту> редко положительное, как *hommage*, или как свидетельство о принадлежности к культурной традиции, а чаще всего цитирование у него влечет за собой отрицательные последствия для процитированного претекста. Он иронизируется, пародируется, даже осмеивается, как минимум претерпевает некоторое снижение».⁶³ Развивая эту мысль на материале комедий, можно заметить, что цитатный уровень в произведениях Кузмина выступает своего рода основанием, опорой, фундаментом при создании произведений, обладающих совершенно иными идейными и жанровыми характеристиками, нежели их источник. Более того, если не ограничивать понятие цитирования случаями буквальных или текстуально близких словесных совпадений между источником и новым произведением, а воспринимать его как *взаимодействующее соотношение двух текстов*, то можно говорить о том, что задачей Кузмина — автора комедий является смена культурного кода, иными словами, создание пьес, принадлежащих иной культурной системе.

Прежде чем обсудить характер возникающего в комедиях взаимодействующего соотношения с текстами житий, из числа научных трудов, в которых обсуждается проблема цитирования, представляется неизбежным выделить исследование И. П. Смирнова «Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX — начала XX вв. (На материале «Слова о полку Игореве)».⁶⁴ Остановимся на том, как автор статьи описывает «расширительно» понимаемую цитату: «Отыскание источников художественного произведения всякий раз требует от исследователя определения тех правил, которыми руководствуется автор, цитирующий чужую речь. Понятие литературной цитации правомерно использовать как узко (буквальное или близкое к буквальному совпадение каких-либо фрагментов двух текстов), так и расширительно. В последнем случае термин „цитата“ будет обозначать любого вида переключку, соединяющую между собой литературные памятники, всякое реминисцентное содержание, извлекаемое нами из произведений. Цитатный характер с этой точки зрения могут иметь и *элементы словесного облачения, и сам сюжет*; понятая таким образом цитата может быть результатом и сознательной, и бессознательной установки автора на воспроизведение признаков чужой речи. <...> для художественной прак-

⁶³ Haard E., de. Поэзия в прозе Михаила Кузмина: Стихотворные вставки // Russian Literature. 1997. [Vol.] 42. [N] 3—4. P. 292—293.

⁶⁴ См.: Блоковский сб.: [Вып.] 4. Наследие Блока и актуальные проблемы поэтики. Тарту, 1981. С. 246—276 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 535).

тики (в отличие от научной) наиболее показательны небуквальные соответствия связанных друг с другом текстов».⁶⁵

Даже при беглом просмотре приведенного свода цитирований видно, что мы тоже рассматриваем цитаты из жития-источника не в узком смысле, а «расширительно». Однако «расширительному» пониманию цитаты в нашей статье свойственно несколько иное смысловое наполнение и более узкое значение, чем в статье И. П. Смирнова. Во-первых, это обусловлено ориентированностью нашей работы на художественную систему М. Кузмина, в то время как И. П. Смирнов выбирает «такой источник цитат, который был актуален для разных писательских поколений и явился своего рода „ключевым“ текстом национальной культуры».⁶⁶ Во-вторых, иной взгляд на цитирование источника связан с особенностями жанровой перекодировки сопоставляемых произведений. Каждая из трех комедий вступает во взаимодействие с соответствующим ей текстом жития строго определенным образом: пространства текстов открыты друг для друга и, как правило, закрыты для внешних воздействий.⁶⁷ Напротив, объекты исследования И. П. Смирнова во всем их множестве взаимодействуют с общим для всех источником — «Словом о полку Игореве», а также — в некоторых случаях — и друг с другом.

Скорее всего, цитирования «Комедии о Алексее человеке Божьем» следует воспринимать как явление многоуровневое. К первому ряду цитат относятся буквальные и близкие к источнику совпадения с житийным текстом. Значительная их часть была зафиксирована в подготовительных выписках, которые, пожалуй, должно рассматривать в качестве конспекта жития, сделанного при его прочтении. В процессе чтения внимание Кузмина было сосредоточено на фиксации сюжетной канвы жития и всевозможных деталей, таких как количество слуг у отца Алексея Евфимиана и особенности их одежды, перечень наук, которые изучал Алексей, название церкви, где происходило венчание, и т. д. Введение их в текст комедии должно было способствовать созданию в глазах читателя и/или зрителя иллюзии исторической подлинности изображения.

Ко второму уровню можно отнести цитаты имен и/или действующих в пьесе лиц. Например, имена отца и матери Алексея — Евфимиан и Аглаида — вводятся Кузминым в комедию из текста жития. Однако имя жены Алексея — Матридия — нигде в житии не упоминается; в нем речь идет об «отроковице от рода царска». С другой стороны, в кузминской пьесе появляются персонажи, чье существование никак не мотивировано текстом

⁶⁵ Там же. С. 246. Курсив наш. — А. Т.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Возможно, это не вполне верно для «Комедии о Алексее человеке Божьем», в которой отступления от текста-источника могут возникать не только благодаря творческой авторской воле, но и другим текстам. Так, например, замена горлицы из плача Матридии на воробышка, выпускаемого ею из клетки, и наименование усопшего человека Божия Фениксом могут быть соотнесены с текстом Физиолога. См.: *Карнеев А.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. [СПб.]: Изд. Императорского об-ва любителей древней письменности, [1890]. С. 318, 202—203 (отд. паг.). Если горлица, согласно Физиологу, «жить в пустыни», «не любите посреди чади быти» («Тако и Спас наш живяше в горе Елеонстии»), то упоминание ее в житии, вполне уместное для характеристики горя оставленной Алексеем жены, не устраивает Кузмина, изменяющего и переделывающего многие смысловые акценты источника.

жития. Так, по возвращении в Рим Алексей до встречи с отцом разговаривает с Лавочником, который и рекомендует страннику обратиться к «благородному Евфимиану» с просьбой о предоставлении ему пристанища. Между тем в житии Алексей встречается с отцом без участия посредников, сразу после приезда в Рим. Таким образом, в данном случае можно наблюдать введение действующего лица, которое является плодом авторской фантазии. Наиболее вероятно, что фигура Лавочника возникает исключительно ради сценичности, развития процесса драматического действия.⁶⁸ Очевидно, возникновение авторского вымысла такого рода можно наблюдать лишь на фоне точно определенных ранее цитирований.

Любопытное нововведение относительно текста житийного источника можно наблюдать в Картинах первой Части второй «Комедии о Алексее...» (ср. цитирование VI). Нигде в житии не говорится об общении Алексея с блудницами, тогда как в комедии он назван Богородицей (!) «другом блудниц» (реплика Пономаря). Кошунственный мотив общения Алексея с пятью блудницами был ранее развит в диалоге, развернутом в первой половине этой картины. После общего разговора с Алексеем пятая блудница поет песню, начинающуюся словами: «Говорит веселая Лизиска: / „Море близко, / Поедем туда, полетим, / Где шумит семихолмный, вечный Рим!“ / Отвечает хозяйка Омфала: / „Моря мало, / Нужны нам еще паруса — / И чтоб скрылась под шапкой твоя коса. / Или, давай, острижем твои косы, / Ноги босы, / Куртка закрывает грудь, / Как матросы поедем в дальний путь“».

Можно предположить, что редкое имя Лизиска переходит в текст комедии из современной книги — пьесы Франка Ведекинда «Пляска мертвых», русский перевод которой был выполнен поэтом П. П. Потемкиным, адресатом посвящения «Комедии о Алексее...» в первой, журнальной публикации. Отдельное издание перевода вышло из печати в середине 1907 г. и было послано Кузмину переводчиком. Автор комедии получил книгу 7 июня.⁶⁹ Хотя в Дневнике сообщается о завершении работы над «Комедией о Алексее...» тремя днями ранее,⁷⁰ следует помнить о том, что, согласно тому же Дневнику, работа над «2-й картиной» (под которой, скорее всего, подразумевается вторая часть: из трех частей комедии на две картины поделены лишь вторая и третья части) была закончена 13 мая,⁷¹ еще в Петербурге, в период достаточно частых встреч и общения с Потемкиным (4, 7, 9, 10, 15, 18, 19 апреля, 1, 7, 10 мая).

⁶⁸ При переводе житийного текста-источника из повествовательного в драматический род иногда возникают изменения и другого типа — например, меняется субъектная принадлежность цитируемой речи. Так возникает та сцена в «Комедии о Мартиниане», где, желая спастись от искушения, монах прыгает на раскаленные угли очага. Все, что в тексте жития принадлежит авторской речи, передается Кузминым в уста Мартиниана и Зои, и рождается драматический диалог героев.

⁶⁹ См.: Кузмин М. Дневник 1905—1907. С. 369; ИРЛИ, ф. 172, № 321, л. 195. Речь идет об издании: Ведекинд Ф. Пляска мертвых: Три сцены / Перевод [П. П.] Потемкина. [СПб.]: Eos, [1907].

⁷⁰ См.: Кузмин М. Дневник 1905—1907. С. 368. За день до этого, 3 июня, Кузмин сообщал: «Писал стихи к „Алексею“ <...>» (Там же).

⁷¹ См.: Там же. С. 360. Более ранние записи в Дневнике на ту же тему: «Обязательно бы начать „Алексея“» (25 апреля; Там же. С. 352); «Да и „Алексея“-то пишу через пень-колоду, хотя в этом году и написал очень много» (6 мая; Там же. С. 357).

В пьесе Ведекинда Лизиска — девушка с «белым бантом в распущенных волосах», которая бежала из дома родителей Эльфриды фон Мальхус, члена Международного общества борьбы с торговлей девушками, и довольно долго ускользала от искавшей ее Эльфриды. В одном из отчетов Общества она прочитала о газетных объявлениях, с помощью которых торговцы под различными предлогами заманивают девушек для последующей продажи, и, найдя такое объявление, написала письмо о своем согласии. Встретившиеся в первой сцене Эльфрида и хозяин дома Касто Пьяни, сторонник разрушения брака, апологет чувственного наслаждения и защитник проституции, наблюдают вторую сцену между Лизиской и Кенигом; зрелище любви и общения последних заставляет 28-летнюю Эльфриду пересмотреть свои жизненные принципы. «Без утоленья мое сладострастье / Ищет исхода, ищет кончин / На дне всех пучин!», — заявляет «веселая» Лизиска Ведекинда-Потемкина.

Следующий, более высокий уровень цитирований составляют цитаты сюжетного развития, соблюдение/несоблюдение следования повествовательной канве жития. Обычно в житийном тексте рассказ ведется обо всем жизненном пути объекта повествования с рождения до смерти и могут описываться посмертные чудеса, знаменующие кончину праведника. Как следует из сделанных Кузминым выписок, он внимательно и до конца проштудировал текст жития. Последние записи «34 года прожили. 17. Марта 411 г. Визант<ия> Феодосию Юнейш<ему>» относятся к сообщениям о плаче невесты Алексея: «Такожде и невеста, тридесять и четыре лета без жениха своего прежившая, черныя одежды носящи, падаше на святягы мощи, токи слезныя испущающи, и омочающи ими честное возлюбленнаго своего тело, и несытною любовию лобызающи: рыдаше же горько и неутешно <...>» (ЧМДР. Март. С. 313) — и о времени кончины человека Божия, когда «в Константинополе же царство державшу Феодосию Юнейшему, всеми же владеющу Господу нашему Иисусу Христу, со Отцем и Святым Духом, Емуже слава во веки, аминь» (Там же. С. 315). Между этими фрагментами в житии рассказано о том, что одр с почившим Алексеем человеком Божиим был поставлен в городе и народ, приходивший прикоснуться к мощам, исцелялся от недугов. Царь и патриарх сами взялись отнести одр в церковь, что было сделано с немалым трудом лишь после того, как папе удалось убедить людей расступиться в ответ на обещание не погребать усопшего в течение семи дней (дабы все страждущие могли прикоснуться к мощам и исцелиться). Все изложенное отсекается Кузминым-драматургом, во-первых, по причине идеологического несоответствия характеру его пьесы, а во-вторых, в целях сжатия и концентрации драматического действия.⁷²

Подведем итоги. Сравнение текста «Комедии о Алексее...» с различными редакциями жития Алексея человека Божия и находящимися в рабочей тетради Кузмина 1900-х гг. подготовительными выписками-конспектом

⁷² В качестве другого примера здесь уместно сослаться на исключение Кузминым из действия «Комедии о Евдокии...» обширной заключительной части жития святой, где излагается судьба подвижницы после преодоления искушения, сотворенного Филостратом, и ухода соблазнителя прочь от ее обители.

этого жития с кратким планом пьесы о святом позволяет установить конкретный источник комедии и составить свод цитирований, обнаруживаемых в ее тексте при соотнесении его с текстом жития. На основании данного свода и благодаря анализу авторских выписок из текста-источника можно сделать предварительную оценку характера и принципов сложной и многоуровневой цитатности в «Комедии о Алексее...». Точное определение удельного веса цитирований в пьесе Кузмина позволяет с полным основанием рассматривать ее как семантически сложный и многослойный текст, в котором на фоне драматического действия ведется как явная, так и скрытая полемика с религиозным типом культуры,⁷³ в которой, как виделось некогда Кузмину, «истина как божественное откровение, правая вера и правоверная жизнь и быт — одна». При этом полемически заостренное, спорящее начало практически не оставляет пределов цитатных уровней, позволяя рассматривать пьесу в целом как результат оживления и адаптации омертвевшей религиозной истины для нужд современного литературного и бытового сознания. В то время как пародийный и кощунствен-

⁷³ Если оперировать иными терминами, то мы имеем в виду тип культуры, которой «своевременно представление о себе как о совокупности нормированных текстов» и «характеризующейся преимущественной направленностью на выражение» (Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. [Вып.] 5. С. 152—153 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 284)). Жития являются произведениями культуры данного типа. В ее рамках функционирует «совокупность нормированных текстов» и «основной оппозицией будет „правильное—неправильное“ (именно «неправильное», а не «не-правильное»: эта оппозиция может приближаться — до совпадения — к противопоставлению «истинного» и «ложного»)»; такая культура противопоставлена «системе с отрицательным знаком» (Там же. С. 154). Комедии о святых свидетельствуют о процессе эволюционирования творчества Кузмина как персональной культурной системы в сторону культуры, «направленной преимущественно на содержание», «моделирующей себя как систему правил» (Там же. С. 153). В культуре этого типа «основной оппозицией является „упорядоченное—неупорядоченное“ (эта оппозиция в частном случае может реализовываться как противопоставление «космос—хаос», «эктропия—энтропия», «культура—природа» и т. п.)» (Там же. С. 154). Этим мыслям ученых находится подтверждение в статье Кузмина «О прекрасной ясности: Заметки о прозе», в которой сформулированы принципы желательной творческой модели и тем самым подведены итоги эволюции собственного творчества в 1900-е гг.; ср.: «Есть художники, несущие миру хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа, и есть другие — дающие миру свою стройность. Нет особенной надобности говорить, насколько вторые, при равенстве таланта, выше и целительнее первых»; «...мы считаем непреложным, что творения хотя бы самого непримиренного, неясного и бесформенного писателя подчинены законам ясной гармонии и архитектоники» (Аполлон. 1910. № 4. Янв. С. 5; 6 (1-я пар.)). О завершении разработки собственных «правил» создания художественных текстов свидетельствует статья Кузмина «Раздутья и недоумения Петра Отшельника» (1914): «Произведение искусства нельзя познавать по плодам, потому что оно само уже есть плод. Судить его можно по тому, что оживляет, делает искусством мысли, чувства и фабулу, но может существовать и без них. Это — с о й г л а з. Глаз поэта, отличный от всех, не сделанный другим, а рожденный с этим отличием, который можно развивать и забросить, но которого нельзя приобрести» (Петроградские вечера. Кн. 3. [СПб.]: М. И. Семенов, [1914]. С. 215). В это же время Кузмин, согласно воспоминаниям поэта и одного из редакторов журнала «Опыты» В. Л. Пастухова (1894—1967), убеждал молодых стихотворцев «говорить о том, что ты увидел „новыми глазами“». Острота восприятия мира такая интенсивная, как будто ты увидал мир в первый раз — сегодня родился, завтра умрешь, — только и создает настоящую поэзию» («Страна воспоминаний», 1955; цит. по: Воспоминания о Серебряном веке / [Сост., автор вступ. статьи и коммент. В. Крейд]. М.: Республика, 1993. С. 456).

ный элемент целиком и полностью определяется цитатными уровнями комедии, пьеса в целом вовсе не лишается религиозного начала, что впоследствии, при издании трех комедий в одном томике, будет подчеркнута авторским предисловием — характерным свидетельством общения в духе с «милыми моими героями», «возлюбленными помощниками». В биографическом плане «Комедия о Алексее...» может восприниматься как знак перехода Кузмина от длительного периода религиозных исканий молодости и ранней зрелости к эпохе становления человеком литературы, театра и дружеских кружков, не предполагающей, однако, разрыва с христианской культурой. Не менее существенно и то, что наряду с «Комедией о Мартириане» «Комедия о Алексее...» является апофеозом и гимном мужской ответственности, что в случае Кузмина биографически значимо; поэтому детали житийного текста, связанные с описанием бегства Алексея от своей жены после венчания, сохранены и на цитатном уровне.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«КОМЕДИЯ О ЕВДОКИИ ИЗ ГЕЛИОПОЛЯ»

1. Выписки

Траян
Гелиополь в Келесирии. Финикия Ливанска
епис<коп> Феодот
злата литр 2 тмы (20000)
утварей без чи<сла>
камен<ей> многоц<енных> и бисеров ц<арских> б<ез числа>
шелков<ых> одеж<д> 275 ковчего<в>
белых льн<яных> 410 ковч<егов>
златоткан<ных> 160 ковч<егов>
кам<ением> ч<естным> и злато<швенным делом украшенных> 15<2>
ков<чега>¹
прост<ых> од<ежд> 123 больш<их> ков<чега>
злата знамен<ного> 25 000 <златиц>
ароматов² 20 ков<чегов>
индийск<их> мир наст<оящих>³ 33 ков<чега>
сребра в сосуд<ах> — 8000 литр
шелк<овых> завес злат<ом швенных> — 132 лит<ры>
завес <просто> шелк<овых> — 70 литр
доход — 802000
70 мон<ахов>, 30 мон<ахинь>, игу<менья> Харитина умер<ла через>
13 мес<яцев>

¹ В ркп. ошибочно: златотк<анных>; 150.

² В ркп. неточность. В тексте жития: ароматных благовонных вещей.

³ В ркп. неточность. В тексте жития: истых.

Филострат, одет мон<ахом>, снач<ала> к Ев<докии>
потом к Герману (читал книгу)
(пример Евдокии)
Бог отмщения да запретит тебе (дунула)⁴

2. План

I

1) Улица проход<ит> Евдокия пр<еподобный> Герман
Филострат.

2) Евдокия п<оет? ишет?> стихи служанки о суете
слышит

3). Песенка ангела об обращении
обращ<енный> перечисляет богатства

4) Серенада говор<ит?> что ушли

—
Ангел

—
1. Филострат с Германом (слова Герм<ана>)

2. Евдокия с сестрами. Яв<ляется> Герм<ан> с Филос<т>р<атом>
Евдокия. Филострат. Чудо. уходят.

—
Ангел⁵

«КОМЕДИЯ О МАРТИНИАНЕ»

1. Выписки

близ Кесарии Палестинской гора
Ковчезное место — монахи.
красив 18 л<ет> постригается и пробыл
25 л<ет>

дьявол в виде змия будто хотящего
подкопать келью, потом в мрачный
вихрь

Женщина побилась об заклад
оделась в рубища, в мешке
наряды, ночью в дождь просилась

⁴ ИРЛИ, ф. 172, № 321, л. 92 об.—93.

⁵ Там же, л. 93.

дал финики, пустил к огню.
пел <в> 3 час и лег, возмутися похотью
она оделась, утром; Слышала о юности
и красоте: не рече ли Павел апостол
о пророках (Енох, Авраам до 3 <жен>,
Исаак, Иаков 2 ж<ены> и 2 наложн<ицы>
Моисей, Давид<)>. За руки хватать.
Чем питать? Имею дом и пищу
Пошел на камень помолиться,
хворост зажег и сняв сандалии
вскочил. Бросает в огонь все
драгоценности, к ногам св<ятого>
Иди в Вифлеем к Паулине
(построившую церковь<)>. Дал фиников
на дорогу. (Зоя.)
через 7 м<есяцев> убегает к Морю Кораблени<к>
отвез на необит<аемый> остров. Отроковица на
доске, подал руку, бросился в море,
(несется дельфинами) бегал 2 года 164 город<а>
в Афины, вниде в церковь⁶

2. План

1. 1) Зоя со слугами. Отправляет слуг
пересчит<ывает> наряды. Ругается.
- 2) разговор «Окаянного» «Дурачка» <нрзб. одно (?) слово> etc.
- 4) притв<оряется> спящей, он смотрит, выходит
<далее приписка нрзб.>
- 5) пляшет одевается
- 6) одета «Мартиньян мой милый, погляди на мен<я>»
- 7) вскакив<ает> в огонь. Она снимает одеж<ды>
- 8) посылает в Вифлее<м>. Бьет его и рыд<ает>
2. 1) Мартинь<ян> ходит. буря. песня.
- 2) Левкадия. спасает
- 3) приводит в чувство. радуется. Оказыв<ается>
женщиной. Бросается в море. Левк<адия>
умоляет его.⁷

⁶ Там же, л. 95 об.—96.

⁷ Там же, л. 97.

III. ПУБЛИКАЦИИ

Вл. А. Рышков

ВОСПОМИНАНИЯ НЕЗАМЕТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Публикация Н. А. Прозоровой

В истории отечественной филологической науки имя Владимира Александровича Рышкова (1865—1938) связано, наряду с именами Б. Л. Модзалевского и Н. А. Котляревского, с созданием Пушкинского Дома. Идея создания учреждения, в котором было бы собрано все, что касается Пушкина, была подхвачена просвещенной общественностью, развита и поддержана президентом Академии наук вел. кн. Константином Константиновичем. Горячим «ревнителем» этой идеи стал и чиновник особых поручений Рышков, описавший шаг за шагом как непосредственный участник историю создания Пушкинского Дома в своем дневнике «Постройка памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге», опубликованном с купюрами Владимиром Петровичем Степановым.¹

Владимир Александрович Рышков, потомственный дворянин, родился 24 апреля 1865 г. в имении отца в селе Мышанка Старооскольского уезда Курской губернии. Отец его, Александр Николаевич Рышков (1823?—1891) — столбовой дворянин Оренбургской губернии, офицер, мировой посредник, мировой судья в Бродке и в Петербурге, затем адвокат. Мать Нина Палладьевна (урожд. Букреева) — дочь помещика Курской губернии.

Воспитывался Владимир в Реформатском училище на классическом отделении, где прошел курс шести классов, а затем (сказалась детская наивная мечта стать кавалеристом) вышел из училища и 28 февраля 1886 г. поступил на военную службу в 148-й пехотный Каспийский полк рядовым на правах вольноопределяющегося 3-го разряда. Служба проходила в Кронштадте, Петербурге, а лагерная жизнь — в Красном Селе.

Однако военного из Рышкова не получилось. Александр Николаевич Рышков долго припоминал сыну курьезный случай, когда Владимир, конвоируя арестанта на Невском проспекте, увидел вдруг отца и, оставив кон-

¹ Оpubл. с купюрами: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119—159.

вой, бросился к нему. «Ну, знаешь, ты не солдат, а кухарка, иди сейчас же к своему арестанту»,² — таков был приговор отца, бывшего офицера, служившего в свое время в Нижегородском драгунском полку.

Довольно скоро и сам Владимир понял, что карьера военного не для него. Несмотря на известные льготы, положенные вольноопределяющимся,³ и частые поездки в Петербург к родным, Рышков оказался не приспособленным к военной службе, тяготился ею и, в особенности, лагерными сборами, инспекторскими смотрами с их показной парадностью, пьянством в офицерских собраниях, грубостью и произволом офицеров по отношению к нижним чинам. После двух томительных лет воинской повинности он вынужден был признать, что «никакой спайки между офицером и солдатом в русской армии никогда не было». «С обеих сторон было только презрение, — пишет Рышков, — и по совести я должен сказать, что солдат имел более прав презирать офицера, чем наоборот».⁴

Отдушиной для Владимира явилась ротная школа, заведование которой он принял на себя добровольно и был горд тем, что через пять месяцев занятий безграмотные солдаты читали по слогам. «Отношения с солдатами, — вспоминал Рышков, — были у меня самые прекрасные, я бы даже сказал, прямо дружеские. Они всегда радовались, когда я заглядывал вечером в роту, часто я им что-нибудь читал, иногда мы просто балагурили. Чтение они очень любили, и я могу утвердительно сказать, что больше всего они любили Гоголя. „Тараса Бульбу“ и „Вечера на хуторе“ они заставляли меня перечитать по несколько раз наравне с „Записками охотника“, но отнеслись довольно равнодушно к „Кавказским рассказам“ Толстого, а произведения, рисующие быт интеллигенции, их вовсе не интересовали».⁵ Позднее, в 1913 г., Рышков был награжден нагрудным Знаком в память 100-летнего юбилея 148-го Каспийского полка (образца для нижних чинов).

Выслужив положенный срок, 1 марта 1888 г. Рышков уволился в запас и вскоре определился на службу в Канцелярию Санкт-Петербургского губернатора канцелярским служителем, а в марте 1890 г. по протекции брата Виктора был переведен в Департамент общих дел.⁶

В это же время Владимир Рышков женился на дочери профессора архитектуры Зинаиде Абрамовне Тихобразовой, а в 1902 г. у них родилась дочь Кира. Женитьба потребовала дополнительного заработка, так называемых «частных занятий», которые он нашел для себя в «Обществе поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты» и в Конторе

² РО ИРЛИ, ф. 270 (не обработан). *Рышков Вл. А.* «Воспоминания незаметного человека» (непубликуемая часть). Архив драматурга Виктора Александровича Рышкова находится в научно-технической обработке. Воспоминания Вл. А. Рышкова публикуются в отрывках.

³ В России вольноопределяющийся имел следующие права: сокращенные сроки службы, возможность жить на собственные средства вне казарм, освобождение от хозяйственных работ, по окончании службы вольноопределяющийся держал экзамен на звание младшего офицера (прапорщика). От экзамена на прапорщика Рышков отказался.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 270 (не обработан). *Рышков Вл. А.* «Воспоминания незаметного человека» (непубликуемая часть).

⁵ Там же.

⁶ Здесь и далее сведения о служебной деятельности Рышкова даны на основании личного дела, хранящегося в ПФА РАН, ф. 5, оп. 4, № 792.

вел. кн. Николая Николаевича (младшего). Служба Рышкова до его поступления в Академию наук давала, по его собственному выражению, «обильный материал для юмористики». Не без иронии описывает он в воспоминаниях свои занятия по устройству различных *soucoirs* ов, скачек, садков для волков и зайцев и т. д. Некоторое время Владимир Александрович подрабатывал также секретарем журнала «Охота», издаваемого Обществом.⁷

На государственной службе Владимир Рышков показал себя исправным чиновником. Когда в 1892 г. была создана междуведомственная комиссия по инспектированию операций Оренбургской губернской администрации по выделению продовольствия населению после неурожая 1890 г. и постигшего многие губернии голода, Рышков был назначен делопроизводителем данной комиссии. Оренбургская командировка дала ему возможность наблюдать провинциальную чиновничью жизнь, и Рышков, оказавшись в положении столичного ревизора, прошел характерное для всех времен испытание взятками. Он обнаружил массу злоупотреблений по выделению муки крестьянам в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии и составил об этом соответствующий доклад. Познакомился Владимир Александрович в Оренбурге и с провинциальным театром.

После возвращения из Оренбурга Рышков устроился в марте 1894 г. бухгалтером в Канцелярию Николаевской инженерной академии и училища, где несколько лет работал вместе со старшим братом Виктором.

Последний переход на службу совершился при посредничестве школьного товарища Рышкова Федора Федоровича Гесса. С 1 июня 1899 г. Рышков был определен на должность казначея и эскутора⁸ Академии наук (которая с 1 января 1902 г. была переименована в должность чиновника особых поручений) и прослужил в Академии до 15 января 1925 г.

На чиновника особых поручений возлагалось ведение делопроизводства многих комиссий, возникавших при Академии наук. Рышков занимался делами Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции под начальством барона Э. В. Толля, Высочайше учрежденных комиссий по градусному измерению на островах Шпицберген и по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге, а также входил в Междуведомственную комиссию для выработки мер к постройке новых зданий для Библиотеки Императорской Академии наук, Типографии и служительного дома.

За обустройство и снаряжение Шпицбергенской экспедиции по окончании ее работ Рышков был награжден Знаком кавалерского креста первой степени Шведского ордена Вазы. Много трудов стоило ему и разрешение разнообразных бюрократических формальностей и проволочек. Серьезное осложнение возникло у Комиссии с Либавским государственным контролем, не захотевшим признать законной закупку угля для «Ледокола-2» в 1901 г., произведенную академиком Ф. Н. Чернышевым. Рышков забил тревогу в Министерстве путей сообщения. В письмах к Чернышеву 1901 г. он писал, что приходилось и «мистифицировать», и выдерживать раздражение чиновников «и в голосе, и во взоре, и в движениях», и в конечном

⁷ Журнал «Охота» издавался в Петербурге с сент. 1891 г. по авг. 1893 г.; редактором журнала был Дм. П. Вьяццев.

⁸ В дореволюционной России эскутор — чиновник, ведающий хозяйственными делами учреждения, смотритель здания, ответственный за порядок в канцелярии.

счете составить и зачитать подробный доклад вел. кн. Константину Константиновичу, который своим рескриптом прекратил придирки Государственного контроля.

В конце 1901 г. началась активная деятельность Рышкова по устройству благотворительных спектаклей в пользу Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкина в С.-Петербурге, а затем и в пользу уже созданного Пушкинского Дома. Фактическая сторона его работы в Комиссии подробно описана им в опубликованном «Дневнике» (к нему мы и отсылаем читателей).⁹ Отметим все же, что устройством благотворительных спектаклей Владимир Александрович занимался упорно, со свойственным ему азартом (и не только в столичных городах, но и в Харькове, Киеве, Одессе и Варшаве) и в результате заработал для Комиссии более 11 тыс. руб.¹⁰ Организация спектаклей была делом чрезвычайно хлопотным. «Артисты народ свободолюбивый и связывать себя обязательствами избегают»,¹¹ — отмечал Рышков, а режиссеры «народ ленивый и к тому же занятой» и устройствами спектаклей тяготятся. И тем не менее в благотворительных спектаклях, устроенных Владимиром Александровичем, пели Шаляпин и Собинов, играли Варламов, В. Н. Давыдов и многие другие знаменитые артисты. Театральные связи Рышкова значительно расширились и упрочились, когда в театрах Ф. А. Корша, Малом, Александринском и театре Литературно-художественного общества начали ставить начиная с 1904 г. пьесы его родного брата Виктора Александровича Рышкова (1862—1924), популярного в то время драматурга. Актерский мир принял братьев Рышковых и каждого по-своему полюбил.

Владимир Александрович Рышков вошел в историю филологической науки как пропагандист и один из организаторов Пушкинского Дома. Собственно литературная деятельность его ограничилась заметками, время от времени публиковавшимися в журнале «Театр и искусство», в газетах «Обозрение театров» (позднее — «Обозрение театров и спорта») и «Биржевые ведомости».¹² Кроме того, в 1918—1919 гг., наряду с Б. Л. Модзалевским, С. А. Переселенковым, П. П. Гнедичем, Д. И. Лешковым, Рышков сотрудничал в журнале «Бирюч» (выходившем под редакцией А. С. Полякова), где поместил цикл небольших статей общеобразовательного харак-

⁹ При написании «Воспоминаний» Рышков пользовался своим «Дневником» «как материалом». Ряд эпизодов, описанных в «Дневнике», перекликается с публикуемыми нами «Воспоминаниями» и повторен в них Рышковым с незначительными изменениями в тексте.

¹⁰ Сумму в 11 тыс. руб. приводит в «Воспоминаниях» сам Рышков. На основании архивных документов выявлено, что от концертов и спектаклей, проведенных в ряде городов в 1900—1905 гг., в Комиссию по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге поступило 12 979 руб. 32 коп. См. об этом: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993. С. 35.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 270. *Рышков Вл. А.* Дневник. «Постройка памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге».

¹² Среди выявленных заметок Рышкова см.: Памяти В. К. Божовского // *Театр и искусство*. 1914. № 3. С. 54; О лубках // *Биржевые ведомости*. 1914. Утр. вып. 14 сент. № 15087. С. 6; Савина на Тургеневской выставке // *Биржевые ведомости*. 1915. Утр. вып. 9 сент. № 15077. С. 6; Светлой памяти П. В. Никитина // *Биржевые ведомости*. 1916. Веч. вып. 9 мая. № 15548. С. 3; Театральная копилка // *Обозрение театров*. 1909. 25 июня. № 770. С. 6—7 (за подписью Яшин); Впечатления // *Обозрение театров и спорта*. 1922. 28 нояб. № 48. С. 6.

тера под заглавием «Очерки из прошлого русского театра», а также заметку «Победа актера» о декламации В. В. Максимова, получившего за свое мастерство одобрение Святейшего Патриарха Тихона и избрание почетным членом Духовной семинарии.¹³ В архиве редакции журнала «Бирюч» сохранилась также небольшая заметка «Мысли кстати (С помощью «Бирюча»)), в которой Рышков с присущей ему эмоциональностью вызывает к новому зрителю бывшей российской столицы — матросу, красноармейцу, рабочему, заклиная его во время начавшейся всеобщей разрухи беречь «благоговейную красоту театра», и, в частности, пишет: «Разве призванье демократии в том, чтобы уничтожать красивое? А между тем... А между тем, разве в фойе театров мы не видим окурков и плевков?! Великий народ — это недостойно тебя...».¹⁴

По природе наблюдательный, склонный к ведению дневников и поденных записей, анализирующий окружающий чиновничий, а затем и академический мир, с детства влюбленный в театр, а главное, находившийся в центре артистической жизни Москвы и Петербурга, Владимир Рышков написал небезынтересные мемуары, хронологические рамки которых 1886—1918 гг. В 1927 г. через Б. Л. Модзалевского он передал их в Пушкинский Дом.

Название мемуаров «Воспоминания незаметного человека» не несет в себе, как может показаться на первый взгляд, элемента претенциозности: автор вполне отдает себе отчет в том, что воспоминания об известных людях бесспорно интереснее личности чиновника особых поручений, волею судьбы оказавшегося в столь счастливом окружении. Позиция скромного социального статуса на всем протяжении жизненного пути (рядовой, казначей, экзекутор, чиновник) не только не мешает Рышкову заявлять о своих взглядах и оценках, но и как бы гарантирует определенную независимость суждений. Он считает приятным долгом оставить читателям те «черточки характеров» выдающихся людей, которые только в мемуарах и могут быть отмечены. «...как пчеле одинаково важна для своего улья взятка и с роскошной красавицы розы, и с невзрачного одуванчика, — пишет в предисловии к воспоминаниям Владимир Рышков, — так и историку важен материал, который он черпает из первоклассных источников и из воспоминаний незаметных людей».¹⁵

Едва ли воспоминания Рышкова можно назвать беспристрастными. Пристрастность некоторых личностных оценок вполне очевидна, как очевидна порой и причина возникновения их, вызванная уязвленным самолюбием «незаметного человека». Признавая ее, следует отметить главное: именно творческая и нравственная составляющая личности всегда является для Рышкова оценочной доминантой.

¹³ «Очерки из прошлого русского театра» Вл. Рышкова см.: Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 5 С. 39—43 (I. Допетровское время); № 8. С. 41—46 (II. Перед рассветом театра); 1919. № 9. С. 41—46 (III. Начало русского театра); № 11—12. С. 83—93 (IV. Развитие русского театра). Статью Рышкова «Победа актера» см.: Там же. 1919. № 15—16. С. 229—231.

¹⁴ ОР и РК С.-Петербургской театральной библиотеки, Р. 8/81, л. 1. *Рышков Вл.* Мысли кстати (С помощью «Бирюча»).

¹⁵ *Рышков Вл. А.* «Воспоминания незаметного человека» (наст. публ.).

Владимир Александрович прожил незаметную жизнь и «остался в пределах своей судьбы». Из дневниковых записей его дочери, Киры Владимировны Рышковой, следует, что 15 февраля 1927 г. Владимир Рышков был арестован и полтора месяца находился в Доме предварительного заключения. Подробности и причины ареста нам неизвестны. Записи Киры Владимировны предельно лаконичны («осенью был папин суд»), что объясняется приметами времени: арест Рышкова был накануне известного «академического дела», а Кира Владимировна служила в Библиотеке Академии наук. Умер Владимир Александрович 8 марта 1938 г. и похоронен в Мурино под Петербургом.

В центре воспоминаний Рышкова — театральная Москва и Петербург, закулисная жизнь актеров императорских театров, в числе которых колоритная фигура М. П. Садовского с его актерскими розыгрышами и эпиграммами, А. И. Сумбатов-Южин, О. В. Гзовская, стареющий режиссер А. М. Кондратьев. Встречи со знаменитыми артистами Е. Н. Роциной-Инсаровой, М. Г. Савиной, Ю. М. Юрьевым, Ф. И. Шаляпиным, Л. В. Собиновым, известным артистом балета Б. Г. Романовым даны в контексте анекдота. Внимание мемуариста обращено и на нравственный облик антрепренеров В. А. Нелидова и Ф. А. Корша. Описание вечеров в театре-кабаре «Летучая мышь» с его бессменным конферансье Н. Ф. Балиевым вводит читателя в атмосферу артистической жизни Москвы начала XX в. Среди упоминаемых лиц: М. Н. Ермолова, В. Н. Пашенная, А. А. Яблочкина, С. М. Волконский, Вл. И. Немирович-Данченко, В. А. Теляковский, Н. С. Васильева, А. П. Ленский, В. Д. Давыдов, В. Э. Мейерхольд, М. А. Чехов, К. А. Марджанов и мн. др.

Аккуратное ведение дневников, записей «на память», столь свойственное характеру Рышкова, позволило ему в дальнейшем утверждать, что в «Воспоминаниях незаметного человека» он ссылается только на факты, «напрямик, без изгиба», хотя и не считает свое мнение бесспорным, так как оно основывается на его личных впечатлениях. С другой стороны, в театральном мире Рышков вошел как преданный друг, «волею судеб ему никогда ничего не надо было в нем добиваться» для себя, и это давало ему независимость положения. «Актерский мир, — пишет Рышков, — <...> привык видеть меня на генеральных репетициях, на премьерах, в артистическом фойе, в уборных, он привык к моим спорам, к моим воспоминаниям и даже привык считаться с моими мнениями».¹⁶ Помимо ярких портретов, острых, порой субъективных характеристик в воспоминаниях занесены наблюдения над взаимоотношениями людей в творческой среде, психологией актера, бытом богемы и особым мироощущением артиста.

В разной степени близости и знакомства мемуарист находился с драматургами и писателями В. В. Протопоповым, А. А. Плещеевым, В. А. Тихоновым, П. М. Невежиным, А. С. Сувориным, И. А. Куприным, П. Д. Боборыкиным, эпизоды встреч с которыми также введены им в текст воспоминаний.

¹⁶ Там же.

Размышляя о независимости театральной критики от авторитетов и личных знакомств и отдавая должное профессионализму А. А. Измайлова, А. Р. Кугеля, Э. А. Старка, Рышков приводит случаи нечистоплотности некоторых журналистов, связанные с именами Ю. Д. Беляева и А. Л. Волынского.

В воспоминания включены несколько встреч с Шаляпиным, отношение к которому у Рышкова, как и у многих современников знаменитого певца, было двояким. Известно, что Шаляпин отличался необузданностью характера, и часто его поведение было причиной разного рода инцидентов, которые случались у него с актерами, на репетициях, спектаклях и в собраниях. Скандал сменялся бурными извинениями, а затем мог неожиданно начаться вновь. По этой причине, например, Шаляпин никогда не бывал в гостях у Бахрушина. «Отец говорил, — пишет Ю. А. Бахрушин, — что присутствие Шаляпина в доме чересчур жестокое испытание для его нервов — он будет все время бояться, как бы Шаляпин не учинил скандала».¹⁷ Об одной из таких скандальных историй вспоминает и Рышков, что не мешает ему оставаться пламенным поклонником таланта певца. В письме к Шаляпину после деловой части с приглашением участвовать в благотворительном спектакле Рышков пишет: «Я наслаждался лишь один раз, слушая Вас в роли Варлаама в нашем прошлом спектакле, и определяю свое впечатление тоже чисто русским выражением: „Я ошалел...“. Но к чему писать все это! Все это Вы уже десятки тысяч раз слышали, я только скажу, что не только мы, русские, Вас любим и понимаем, но мы Вас „чувствуем“. Простите меня за эти „не деловые“ строки, необыденные строки, но и Вы ведь необыденный».¹⁸

Театральные воспоминания Рышкова перемежаются с сюжетами о встречах с коллекционерами и меценатами столицы и провинции и дополняют страницы истории частного собирательства в дореволюционной России. Автор мемуаров погрузился в атмосферу прирожденных собирателей во время подготовки в 1911 г. историко-художественной выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», устроенной Академией наук под Высочайшим покровительством. Рышкову довелось увидеть коллекции известного московского предпринимателя, владельца ситценабивных фабрик А. В. Морозова, купца Н. М. Миронова, основателя картинной галереи И. Е. Цветкова, текстильного фабриканта Д. Г. Бурылина. В. А. Рышкову, Н. А. Попову и В. Н. Всеволодскому было поручено на выставке устройство отдела «Театр и музыка».¹⁹ Известный в то время московский архитектор И. Е. Бондаренко, с которым Рышков познакомился во время устройства выставки, писал: «Большой знаток прикладного искусства XVIII в., он (Рышков. — Н. П.) отлично разбирался в серебре, бронзе, хрустале и фарфоре той поры».²⁰ По указанию вел. кн. Константина Константиновича

¹⁷ Бахрушин Ю. А. Воспоминания / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Н. Сочинской. М., 1994. С. 276.

¹⁸ РО ИРЛИ, р. III, оп. 1, № 1861, л. 2—2 об. Письмо В. А. Рышкова к Ф. И. Шаляпину; б. г., 2 дек.

¹⁹ ПФА РАН, ф. 57 (Комиссия организации празднования 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова и Комиссия по устройству выставки «Ломоносов и Елизаветинская выставка»), оп. 1, № 5, с. 131 об.

²⁰ Бондаренко И. Записки коллекционера // Памятники Отечества. 1993. № 29 (1—2). С. 33.

Рышков был командирован в различные города России для выявления экспонатов в архивах, музеях и в собраниях частных лиц и был уполномочен принимать под свою расписку от владельцев все предметы, которые они передали на выставку. Так, А. В. Морозов передал через Рышкова в Комиссию гравюры из своего собрания (в том числе 12 изображений императрицы Елизаветы и одно изображение М. В. Ломоносова), а также предметы из фарфора, стекла и серебра. У графини Натальи Михайловны Соллогуб в Москве Владимир Александрович обнаружил собрание игрушек елизаветинской эпохи. Охотно предоставил в распоряжение Комиссии свой музей А. А. Бахрушин, а для отдела «Ломоносов» у него оказался портрет Ломоносова на кости. Д. Г. Бурылин, с которым у Рышкова впоследствии сложились особенно добрые отношения, передал на выставку грамоту Елизаветы Петровны о пожаловании дворянства, рукописный Киево-Печерский патерик, Библии, ларцы, золоченую чернильницу в форме глобуса и другое, а расходы по доставке экспонатов взял на свой счет. Рышков входил в Комиссариат и в ликвидационную комиссию выставки, а также был одним из ее секретарей (из-за частых разъездов секретарские обязанности он делил с А. А. Петровым и Б. Л. Модзалевским). Путеводитель и каталоги, изданные по завершении выставки, были преподнесены лицам, содействовавшим своим участием ее успеху.²¹

Особой теплотой веет от страниц воспоминаний об Алексее Александровиче Бахрушине, который открыл перед Владимиром Рышковым мир русской театральной старины и сделал его своего рода агентом по петербургским антикварным лавкам. «Любя театр, ты знаешь, как, — писал Рышков 4 августа 1908 г. Борису Львовичу Модзалевскому, — я с особым удовольствием присосался к его (Бахрушина. — *Н. П.*) музею и состою представителем его музея в СПб. Я уже исполнил ему массу поручений, работаю часто совершенно самостоятельно, не спрашивая даже его, покупаю для его музея подходящие вещи, мы с ним в постоянной переписке».²² Рышкову довелось по долгу службы видеть из первых рук коллекции многих частных собирателей дореволюционной России, но бесспорное лидерство среди них он отдавал именно Алексею Александровичу. «Бахрушин увековечил память о русском актере так, — пишет Рышков, — как ни одна страна в мире не была в состоянии этого сделать. А у нас, в России, это сделал один человек!».²³ Анекдотические мелочи жизни и слабости Бахрушина, приведенные Рышковым в воспоминаниях, несколько не снижают образа собирателя. Хаотический по натуре Бахрушин и горячий, задири-

²¹ См.: Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время»: Путеводитель. СПб., 1912. Отд. 7: Ломоносов. Академия Наук. Московский университет / [Сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг и др.].

²² РО ИРЛИ, ф. 184 (не обработан). Письмо Вл. Рышкова к Б. Л. Модзалевскому от 4 авг. 1908 г. По просьбе А. А. Бахрушина В. А. Рышков отыскал для его музея старинные кукольные театры «Вертеп» и «Петрушку». «В. А. Рышков, — пишет Е. Н. Леонова, — приобрел также для музея портрет актрисы В. Н. Асенковой, портреты и личные вещи семьи Петипа, автопортрет Ф. И. Шаляпина, эскизы декораций работы художников А. Шарлеманя и М. И. Бочарова, множество редких музыкальных инструментов и предметов театрального быта». См.: Леонова Е. Н. А. А. Бахрушин — создатель Театрального музея // По страницам рукописных фондов ГЦТМ. М., 1988. С. 24—25.

²³ Рышков Вл. А. «Воспоминания незаметного человека» (наст. публ.).

стый Рышков (его ласково прозвали в доме Бахрушина «петушком») не сразу, но со временем стали друзьями. Рышков был своего рода мостиком между Академией наук и Бахрушиным, далеким от стиля академической жизни. Владимир Рышков всячески поддерживал Бахрушина в день передачи его музея в ведение Академии наук в 1913 г., он, в частности, написал ответную речь, сказанную Алексеем Александровичем вел. кн. Константином Константиновичу. Юрий Бахрушин вспоминал: «Порой Владимир Александрович появлялся в нашем доме в сопровождении своего старшего брата, драматурга Виктора, которого он буквально боготворил, считая талантливейшим современным русским писателем. Это обожание было настолько искренним и трогательным, что имело всегда обратное действие, то есть заставляло слушателей невольно проникаться уважением не к драматургу, а к глубине братской любви Владимира Александровича. Вообще, несмотря на некоторый снобизм, который был присущ Рышкову, как большинству петербуржцев, он был человек искренний и привязчивый. Раз поверив в моего отца и его музей, он до самой смерти оставался неизменным другом обоих, переносил свою любовь и на всех окружающих. Он безусловно был главной пружиной, которая привела к тому, что музей моего отца стал в конце концов академическим учреждением...».²⁴

Рышкова интересуют мотивы и те, порой случайные, ситуации, которые давали толчок к коллекционированию и делали его страстью всей жизни. Нелицеприятный портрет дан автором воспоминаний «тоже коллекционеру» драматургу В. В. Протопопову, чье собирательство, на его взгляд, носило совсем иной, крайне честолюбивый характер и становилось целью социального самоутверждения или, как иронически замечает Рышков, возникло «из тоски по уважению». Мимоходом упоминает Рышков и о своем собирании автографов: на его кожаном портсигаре (в настоящее время хранится в РГАЛИ) расписывались художник А. Я. Головин, актеры О. О. Садовская, М. Ф. Ленин, А. И. Мозжухин и — особая гордость Рышкова — А. И. Куприн, сделавший подпись в «совершенно трезвом виде»!

Любопытны в воспоминаниях сюжеты об образе жизни издателя «Золотого руна» Н. П. Рябушинского, курьезные выходки которого не обойдены мемуаристом. С любовью описаны общение с тонким искусствоведам Н. Н. Врангелем во время подготовки Елизаветинской выставки и мимолетная встреча Рышкова с известным меценатом С. И. Мамонтовым.

«Воспоминаниями в воспоминаниях» можно назвать страницы, на которых Рышков передает рассказы А. Ф. Кони о М. Г. Савиной и Л. Н. Толстом, записанные им почти дословно. Личное знакомство с Савиной, помогавшей в работе по подготовке Тургеневской выставки в 1909 г., дает Рышкову возможность показать, как легко, «ради красного словца», рожда-

²⁴ Бахрушин Ю. А. Воспоминания. С. 400—401. И. Е. Бондаренко в своих «Записках» также отмечал, что именно Владимир Рышков сыграл главную роль в передаче музея в ведение Академии наук. Бахрушин после передачи музея Академии был вдохновлен идеей проектирования нового здания для театрального музея. Бондаренко писал: «Проект огромный и полный интереса. Я работал над эскизами. Мы, то есть Бахрушин, я, Миронов, Рышков и Божовский, часто сходились, и сколько интересного было в наших устных прожектах на этих сходках! Наступившая война 1914 года остановила наше предприятие». См.: Бондаренко И. Записки коллекционера. С. 34.

ются легенды, в частности, о розах *ежедневно привозимых* Савиной на выставку.

Важнейшая тема мемуаров Рышкова — внутриакадемическая жизнь глазами «незаметного человека», его наблюдения и характеристики. По делам службы Рышков был непосредственно связан с вел. кн. Константином Константиновичем, непререкаемыми секретарями Н. Ф. Дубровиным и С. Ф. Ольденбургом, вице-президентом П. В. Никитиным. По делам Шпицбергенской комиссии ему доводилось бывать у директора Пулковской обсерватории О. А. Баклунда, встречаться с геологом Ф. Н. Чернышевым, знать физиолога растений А. С. Фаминцына, математика А. А. Маркова, историка литературы Александра Николаевича Веселовского, физика Б. Б. Голицына, этнографа В. В. Радлова. Среди упоминаемых лиц: экономист И. И. Янжул, востоковед К. Г. Залеман, химик-органик Ф. Ф. Бельштейн, историк культуры А. Н. Пыпин и др.

Рышков не касается в мемуарах анализа ученой деятельности академиков, требующего специальных знаний, которыми он не обладал, и оставляет в стороне интимную жизнь ученых, которая была ему неизвестна. Он заносит в воспоминания любопытные ситуации академической среды, свидетелем которых был сам, и отдельные штрихи к портретам академиков, штрихи, порой трогательные, порой смешные, а иногда острые и едкие.

По-настоящему близкие отношения установились у него с жившим в Москве филологом-классиком, теоретиком стихосложения и талантливым переводчиком Ф. Е. Коршем, чьи письма-стихи к Рышкову в полном объеме сохранились в архиве его брата Виктора Рышкова (ф. 270) в Пушкинском Доме. В семье Корша было традицией сочинение и подношение стихов на домашних праздниках, причем, как правило, в ироничной манере. Много стихов (часть из них опубликована)²⁵ написано Федором Евгеньевичем «на случай» — к различным юбилеям, событиям академической жизни и памятным датам, среди которых встречаются и довольно резкие эпиграммы. Адресаты Корша, вдохновленные необычной перепиской, откликались стихотворными шутками, стихами-рецептами и проч., вставляя их порой в деловые письма. Не составил исключения и Рышков, чье письмо о стихи-рецепт («Узнав, что академик ординарный / От геморроя застрадал...») опубликованы среди писем современников к Коршу.²⁶ С любовью описывает Рышков атмосферу непринужденности дома Коршей: «Народу там бывало всегда видимо-невидимо. Здесь был и уболенный сединами профессор, и типичные московские дамы с неумолкаемыми разговорами, и молодые ученые, и просто молодые люди, кавалеры его дочерей. Все это приходило, уходило, сменяло друг друга и говорило, говорило без конца... И среди них сам Корш, добродушно острящий и смеющийся».²⁷

Портрет Сергея Федоровича Ольденбурга, «работяги-студента», не имеющего даже удобного стола и чернильницы, путешествующего по железной дороге в III классе, резко контрастирует с портретами других акаде-

²⁵ См. в кн.: *Богданов А. И.* Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад, 1982.

²⁶ *Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А.* Академик Ф. Е. Корш в письмах современников. М., 1989. С. 69—70.

²⁷ *Рышков Вл. А.* «Воспоминания незаметного человека» (наст. публ.).

миков, А. А. Маркова и Б. Б. Голицына. Академический снобизм и чопорность были, как известно, абсолютно чужды Ольденбургу. В сочувственном тоне ведется рассказ о президенте Академии вел. кн. Константине Константиновиче, его посещениях первого заседания Совета бахрушинского музея и художественных выставок. «Помню его посещения художественных выставок, — пишет Рышков, — которые устраивались в Академии наук. Художники очень любили эти посещения и всегда просили меня предупреждать их, когда он придет смотреть их произведения. Они признавались мне, что с Константином они гораздо больше считаются, чем со своим президентом великим князем Владимиром Александровичем».²⁸ Симпатию к личности президента вызывали не только его благожелательность и простота в обращении, но и близкое Рышкову отношение великого князя к декадентскому искусству. Не без удовлетворения мемуарист пишет, что после посещения одной выставки «новых течений» президент попросил «не давать академический зал под такие выставки».

Отрадное впечатление в памяти осталось у Рышкова от Петра Васильевича Никитина. Один из участников экспедиции на Шпицберген в разговоре с Рышковым как-то заметил, что президент Академии вел. кн. Константин Константинович «у вас „августейший“, а вот уж вице-президент совершенно „сентябрейший“!». Но внешность обманчива. «При всем своем „сентябрейшем“ облике, — пишет Рышков, — Никитин был в существе своем прямо-таки „майский“. Кто имел с ним дело, кто так или иначе соприкасался с ним, тот помнит, до какой степени он был благожелателен, до какой степени это был красивой жизни, красивых ощущений человек. Я не помню Никитина неделикатным, как не помню его вспыльчивым и, что главное, не помню его несправедливым».²⁹ После смерти вице-президента Рышков поместил в «Биржевых ведомостях» заметку «Светлой памяти П. В. Никитина»,³⁰ в которой отмечал особенную скромность и душевность ученого, весьма тяготившегося исполнением представительских функций вице-президента и предпочитавшего незаметный труд над греческой рукописью в рукописном отделении Академии. Известно, что в годы первой мировой войны Академия наук была вынуждена передать часть своих помещений под госпиталь. По этому поводу Рышков отмечает: «Вспоминается его (Никитина. — *Н. П.*) деятельность по лазарету Академии. Будучи председателем комитета лазарета, он потребовал, чтобы его включили в дежурство по лазарету наравне с остальными членами комитета. И в свои „дежурные дни“ он неукоснительно являлся в белом халате в лазарет...».³¹ Как всегда, нравственный аспект доминирует у Рышкова в оценке личности ученого.

Полный текст «Воспоминаний незаметного человека» охватывает период с 1886 по 1918 г. За редким исключением, автор пишет о более позднем времени, касаясь случайных уличных встреч после революции с

²⁸ Там же.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 270. *Рышков Вл. А.* «Воспоминания незаметного человека» (непубликуемая часть).

³⁰ См.: Биржевые ведомости. 1916. 9 мая. № 15548. С. 3.

³¹ Там же.

Н. П. Рябушинским, бытовой неустроенности Ю. М. Юрьева и истории возникновения в 1919 г. Большого драматического театра при участии М. Ф. Андреевой и М. Горького, А. А. Блока, Н. Ф. Монахова и др. Запись о Большом драматическом театре носит уточняющий характер, не все в его истории, по выражению Рышкова, «читается так, как выговаривается». Мемуарист отсылает читателя к сборнику статей «Дела и дни Большого драматического театра» и корректирует следующее высказывание Андреевой: «Очень трудно было найти помещение для нашего театра. Одно время думали остановиться на Малом Театре (Суворина), но когда *освободилось* здание театра Консерватории, решили обосноваться там».³² Рышков же считает, что Андреева *выселила* из театра Консерватории Музыкальную драму. Свое видение у Рышкова и причин неудачной постановки Большим драматическим театром «Макбета».

Воспоминания написаны в 1922—1923 гг. и хранятся в архиве драматурга Виктора Александровича Рышкова (ф. 270) в семи рукописных тетрадях. Крайняя начальная дата воспоминаний 1886 г., доведены мемуары до 1918 г.

Воспоминания публикуются в отрывках. Хронологические рамки публикуемых отрывков 1899—1918 гг.

В первых трех тетрадях содержатся подробные воспоминания о военной службе мемуариста, документальные описания военного быта, образы простых русских солдат, покоровших его сердце, характеристики офицерского состава, различные истории военной жизни, которым он был свидетель. Наблюдения Рышкова, возможно, незначительные по отдельности, дают в целом живую картину русской военной жизни конца XIX в. Далее содержатся описания гражданской службы Рышкова до его поступления в Академию наук (упомянутые тетради не публикуются).

Для настоящей публикации отобраны фрагменты воспоминаний, представляющие интерес для истории русского театра драмы, оперы и балета, частного русского собирательства и коллекционирования, а также страницы описания внутриакадемической жизни начала XX в.

Впервые публикуемые фрагменты воспоминаний извлечены из 1-й (вступительная заметка), 5-й, 6-й и 7-й тетрадей. Редко встречаемые в рукописи общепринятые сокращения раскрыты в тексте без обозначения ломаных скобок, пунктуация приближена к современным правилам, опiski и ошибки исправлены без пояснений. Сохранено устаревшее написание некоторых слов (галстух, шкаф и др.), авторские словообразования не подвергались редакции. Подготовка рукописи к публикации велась с учетом авторской правки; единичные исправления карандашом, сделанные рукой неустановленного лица, не принимались во внимание. Примечания автора и переводы иностранных слов даются под строкой. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом. Купюры в тексте отмечены отточиями (<...>). Комментарии дополняют и поясняют публикуемый текст, акцент сделан на театральной теме.

³² Дела и дни Большого драматического театра: Сб. статей. [Пг.] 1919. № 1. С. 44.

Вместо предисловия

Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя,
Не для того, чтобы похвал ему хотелось,
И не за что; так как-то пелось!¹

Этому крыловскому чижу уподобляюсь и я.

И вот почему. Когда я писал эти воспоминания, мне просто «пелось», как пелось чижу. Я не смотрел на них как на литературное произведение, я только на склоне лет с удовольствием вспоминал все то, чему я был свидетелем, вспоминал и вновь переживал все это и радовался, что это выпало на мою долю.

Кому нужны эти воспоминания?

Прежде всего мне, ведь ясно, что я писал их не для «похвал», а для себя. Но есть и еще одна причина появления их.

Служба моя в Академии наук сблизила меня, дилетантски конечно, с исторической наукой, которую я любил с юности. Прочитав много мемориальных трудов и исследований, я понял, как бывают драгоценны исследователям самые, казалось бы, пустячные факты исследуемых ими событий, самые пустячные, на первый взгляд, черточки характеров людей, биографией которых они занимаются. Тогда мне стало ясно, какую крупную ошибку совершает тот, кто, сталкиваясь так или иначе с людьми, стоящими выше обыденной толпы, не оставляет никаких следов от своих встреч с ними. Он не понимает того, что как пчеле одинаково важна для своего улья взятка и с роскошной красавицы розы, и с невзрачного одуванчика, так и историку важен материал, который он черпает из первоклассных источников и из воспоминаний незаметных людей.

Вот поэтому-то и появились эти воспоминания.

Ноябрь 1922 г.
СПб.

В одной строке мемуаров разъясняется то, что остается неясным в целых фолиантах дипломатических нот и официальных бумаг...

К. Н. Бестужев-Рюмин.²

<...>

В конце 1899 г. я принял делопроизводство Высочайше учрежденной Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге.³

¹ Цит. из басни И. А. Крылова «Чиж и еж» (впервые читана 12 мая 1814; опубл. — 1815).

² Эпиграф взят из анонимной статьи: Мемуары // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 37. С. 70. Точная цитата: «...по замечанию К. Н. Бестужева-Рюмина, в одной строке М<емуаров> разъясняется иногда то, что остается темным в целых фолиантах дипломатических нот и официальных бумаг». Непосредственно Бестужеву-Рюмину эта фраза не принадлежит, она принадлежит автору словарной статьи, в которой приведены суждения историка и публициста *Константина Николаевича Бестужева-Рюмина* (1829—1897), высказанные им в разделе «Записки» в главном обобщающем труде: *Русская история*. СПб., 1872. Т. 1. При сравнении раздела «Записки» Бестужева-Рюмина и начальной части словарной статьи становится очевидным, что автор словарной статьи «пересказывает» историка близко к тексту.

³ Комиссия по постройке памятника А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге была создана при Академии наук 20 апреля 1899 г. решением Государственного совета по докладу президента Академии наук.

В дни празднования столетнего юбилея рождения Пушкина в Академии возникла мысль о постановке ему памятника в Петербурге. Была объявлена высочайше разрешенная, повсеместная подписка на этот памятник, и пожертвования стали поступать в контору газеты «Новое время» и ко мне как к казначею Академии.

Так шло время. Российские граждане, подогреваемые газетными статьями, откликнулись на них довольно бурно, а затем... затем, когда стих газетный перезвон вокруг этого юбилея, охладел и пыл российских граждан, и пожертвования в Академию и в «Новое время» прекратились. И только некоторые исправники, на основании разосланных им циркуляров губернаторов, выколачивали по волостям гроши и изредка присылали в Академию переводами суммы от 1 руб. до 15 руб. К сожалению, и в этом деле не обошлось без пошлости: в делах Комиссии хранятся листы, сплошь заполненные татарскими подписями. Это, изволите ли видеть, находились становые, просвещавшие татар Пушкиным!..

Сколько лжи царило в то время, хотя, впрочем, в те дни, когда я это пишу, она царит не только не меньше, а гораздо больше.

Газетные хроникеры, забегавшие иногда ко мне справляться о ходе дела, с восторгом оповещали, что и русская деревня, оценив гений Пушкина, несет в Академию свою лепту!

Пришлось задуматься над судьбою этого дела. Денег было собрано столько, что их едва ли хватило бы лишь на фундамент памятника.

Совершенно произвольно направление всему тому, о чем я буду рассказывать дальше, дал президент.⁴

В октябре 1901 г. он поинтересовался, в каком положении находится капитал Комиссии. При мне он спросил об этом Дубровина,⁵ а тот обратился ко мне. Я сказал приблизительноную сумму. Президент, подумав немного, огорошил меня совершенно неожиданным вопросом:

— Что же вы думаете предпринять, чтобы увеличить капитал?

Совсем не уясняя себе, каким путем пришла мне в голову такая мысль, я ответил:

— Мне кажется, ваше высочество, что следовало бы в пользу Комиссии ставить спектакли в императорских театрах.

— Дадут ли нам театры? Вы разве знакомы с Теляковским?⁶

— Никак нет.

— Как же вы думаете хлопотать?

— Если бы ваше высочество обратились к нему с рескриптом, он бы, вероятно, вам не отказал.

— Ну, а дальше, вы не боитесь взять на себя всю эту возню и все хлопоты?

⁴ Константин Константинович, великий князь (лит. псевд. К. Р.; 1858—1915) — поэт, переводчик, драматург, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II, президент Академии наук (1889—1915).

⁵ Дубровин Николай Федорович (1837—1904) — историк, генерал, академик (с 1889), непременный секретарь Академии наук (1893—1904), главный редактор журнала «Русская старина» (с 1896).

⁶ Теляковский Владимир Аркадьевич (1861—1924) — театральный деятель, управляющий Московской конторой императорских театров (1898—1901), директор императорских театров (1901—1917).

— Никак нет.

— И вы надеетесь на успех?

— В таком деле трудно его предугадать, все будет зависеть от обстоятельств.

— Ну, так, пожалуйста, хлопочите.

Таким образом, я, волей-неволей, уже связал себя, и мне пришлось взяться за дело, о котором я не имел ни малейшего понятия. Весь этот актерский мир, с его интригами, с его болезненными и повышенными самолюбием и себялюбием, был мне совершенно незнаком, и я наивно думал, что достаточно будет мне упомянуть имена Академии и Пушкина, как все раскроют мне свои объятия и заключат меня в них! Я, конечно, ошибался, но все же должен быть справедливым и установить, что для большинства, с кем мне приходилось иметь дело, эти два имени не составляли пустого звука.

И с этого момента началось мое сближение с театром. В дальнейшем я буду рассказывать, как я с ним сближался и как я с ним сблизился, фактическая же сторона моей работы по пушкинской Комиссии подробно описана в хранящемся в Пушкинском Доме моем дневнике, носящем название «Постройка памятника А. С. Пушкину в СПб. Дневник В. А. Рышкова».⁷

Здесь, пользуясь этим дневником как материалом, я буду описывать лишь бытовую сторону этой работы, а если кому-нибудь будет интересна и моя деятельность по Комиссии, того я отсылаю в Пушкинский Дом, где этот дневник будет предоставлен в полное его распоряжение.

В 1902 г. в моей службе произошла существенная перемена, я освободился от ненавистных мне экзекуторских обязанностей. Вот как это произошло: у меня накопилось столько самых разнообразных обязанностей, что в конце концов мне иногда в один и тот же час нужно было быть в нескольких местах, что, само собою разумеется, оказывалось физически невыполнимым. Как казначей я должен был ехать за деньгами, а как экзекутор торчать в Академии для самых разнородных распоряжений и, кроме того, в то же время ездить по делам в массу правительственных учреждений. И кончилось тем, что я ничего не успевал делать! Летом 1901 г. я заболел нарывом в горле, и вот, лежа с сильно повышенной температурой и невыносимо страдая, я для развлечения обдумывал свою дальнейшую работу и пришел к заключению, что так дело больше идти не может. Размышляя дальше, я решил, что в Академии должно быть особое лицо для всех тех поручений, которые я выполняю, и логически получился вывод, что для этого необходимо учредить должность чиновника особых поручений. Через день после того, как мой нарыв прорвался, я отправился к Никитину⁸ и сказал ему об этом. Никитин отнесся к моему предложению очень сочувственно и сказал:

⁷ «Постройка памятника А. С. Пушкину в СПб. Дневник В. А. Рышкова» хранится в РО ИРЛИ в личном фонде 270, архиве его родного брата, драматурга Виктора Александровича Рышкова. Опубл. с купюрами: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119—159.

⁸ *Никитин Петр Васильевич* (1849—1916) — филолог-классик, академик (с 1892), вице-президент Академии наук (1900—1916), член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге. См. о нем также в прсамбуле к наст. публ.

— Да, вы совершенно правы, но, надеюсь, что вы останетесь казначеем и эзекутором.

— Нет, Петр Васильевич, эзекутором ни в каком случае. Казначейские обязанности настолько необременительны, что их можно прекрасно совместить с должностью чиновника особых поручений, а вместо эзекутора должна быть учреждена должность смотрителя зданий. Я же отказываюсь от эзекуторских обязанностей, потому что просто не люблю их и очень мало понимаю в хозяйстве, а вести дело, которое не любишь и не понимаешь, очень трудно.

— Хорошо, пусть будет по-вашему.

Делу был дан ход, и 1 января 1902 г. я был переименован в чиновники особых поручений при Академии.

В 1904 г. умер Дубровин и непременно секретарем был избран Сергей Федорович Ольденбург.⁹

В отношении постоянных секретарей мне повезло, оба они не оставляли желать ничего лучшего. Правда, Дубровин был как-то мельче Ольденбурга. Дополняя характеристику его, сделанную мною раньше,¹⁰ я должен сказать, что он был несколько робок и нерешителен, и объясняется это тем, что он не был так разносторонне образован, как это требуется от постоянного секретаря, он, например, не знал даже настолько языки, чтобы на них объясняться и писать. Кроме того, ему много вредило то, что он был военный, кругозор у него был довольно ограниченный, и не было у него широкого полета мысли. Был он и с хитрецей, но его хитрость нетрудно было разгадать и противопоставить ей хитрость же. Он, вероятно, и сам сознавал неполноту своего образования, и потому мне нередко приходилось видеть его несколько смущенным при разрешении разных вопросов, которыми постоянный секретарь должен владеть в совершенстве. Но его незлобивость, его деликатность, его добродушие и стремление быть всегда и всем полезным затемняли эти его недостатки и сделали то, что его любил. Я нередко наблюдал, как кто-нибудь из академиков, представляя на его разрешение какой-нибудь вопрос, незаметно разъяснял ему сущность его и

⁹ *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед-индолог, академик (с 1900), постоянный секретарь Академии наук (1904—1929), член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге.

¹⁰ В непубликуемой части воспоминаний Рышков пишет о Дубровине, сравнивая его с Л. Н. Майковым: «Дубровин был, как я уже сказал выше, совершенно противоположностью Майкову. Всегда приветливый, всегда вежливый, всегда спокойный, всегда ровный со всеми, он не различал социального положения того, кому приходилось с ним иметь дело. У Майкова в обращении с людьми была масса нюансов, *одинаково* он ни с кем не обращался, тогда как Дубровин, например, одинаково ласково приветствовал и академика, и сторожа неизменными словами: доброго здоровья. Это была мелочь, но она очень характерна. И к Дубровину все шло с удовольствием, а к Майкову с большим принуждением. Дубровин был невозмутим, и если он бывал чем-нибудь недоволен, у него только в глазах проскальзывало какое-то скорбное выражение, но резкости он никогда себе не позволял. Больше всего огорчений доставлял ему правитель его Канцелярии Василий Рафаилович Барановский. Это был удивительно работоспособный, еще молодой человек, но он никак не мог прийти вовремя на службу, а таковая в Канцелярии Конференции начиналась рано, в 9 час. утра. И когда он являлся, всегда позже Дубровина, тот только смотрел на него с каким-то сожалением. Барановский признавался мне, что ему было бы легче, если бы Дубровин ругался, чем так смотрел» (РО ИРЛИ, ф. 270. *Рышков Вл. А.* «Воспоминания незаметного человека», непубликуемая часть).

старался навести его на правильный ответ. В отношениях с подчиненными это был прямо-таки очаровательный человек.

Говоря о том, что оба неприменные секретари, при которых я служил, были прекрасны, я отнюдь не сравниваю их. Напротив, они были совершенно разные люди, и общего у них были только чуткость и деликатность. Дубровин был образованный русский генерал, Ольденбург был образованный европеец; Дубровин был, конечно, монархист, Ольденбург конституционный демократ; Дубровин знал только свой предмет — русскую историю, Ольденбург был ярко выраженный энциклопедист, и я не помню вопросов в самых разнообразных областях, на которые Ольденбург не дал бы исчерпывающего ответа! Единственный вопрос, который был ему чужд, — это театр, и в этом вопросе мы с ним совершенно расходились. У него был крайне оригинальный взгляд на него. Он говорил, что театр создан для ленивых людей, которым лень читать, и потому они предпочитают, вместо того чтобы потратить два-три дня на прочтение книги, употребить три-четыре часа на то, чтобы «посмотреть жизнь». В противоположность Дубровину, который был не лишен эпикурейства, Ольденбург был настоящий студент. Никакого комфорта он не признавал и не искал. Его домашний кабинет напоминал комнату именно работяги студента; не говоря уже о роскоши, он не признавал даже никаких примитивных удобств. У него не было письменного стола, его заменял какой-то столовый стол с поднятыми крыльями; на столе не было чернильницы, он пользовался для писания небольшим пузырьком с чернилами; стол был сплошь завален книгами, рукописями и корректурами. Конечно, никаких драпри на окнах и дверях или картин и портретов на стенах не было, все стены его большого кабинета были заставлены полками с книгами. А по железным дорогам он ездил не иначе, как в III классе!

Конечно, во всем этом не могло быть и речи о какой-нибудь рисовке.

Всегда жизнерадостный, всегда волнующийся, всегда увлекающийся, он вносил в окружающих его столько бодрости, что работа с ним доставляла истинное наслаждение.

И характер его не мог не отразиться на жизни и деятельности Академии, потому что не надо забывать, что неприменный секретарь есть душа ее. Это почувствовалось сразу же после того, как он заменил Дубровина.

Нечего скрывать, что при секретарстве Дубровина ироническое отношение к Академии русского образованного общества имело свой *raison d'être*.^а Дело шло по трафарету, как оно было заведено исстари, и Академия почивала мирным сном, изредка тревожимая вновь нарождавшимися элементами, в лице избираемых молодых академиков. Президент шел охотно этим молодым силам навстречу, но, увы, он упирался в непроницаемую стену таких столпов старых традиций, как Майков,¹¹ Дубровин, Сонин,¹² К. Веселовский¹³ и Сухомлинов.¹⁴

^а *raison d'être* — смысл, разумное (*фр.*). Здесь: обоснование.

¹¹ *Майков Леонид Николаевич* (1839—1900) — историк литературы, библиограф, академик (с 1891), вице-президент Академии наук (с 1893).

¹² *Сонин Николай Яковлевич* (1849—1915) — математик, член-корреспондент (с 1891), академик (с 1893).

¹³ *Веселовский Константин Степанович* (1819—1901) — экономист, статистик, академик (с 1855), неприменный секретарь Академии наук (1857—1890).

¹⁴ *Сухомлинов Михаил Иванович* (1828—1901) — историк литературы, академик (с 1872).

Я помню утро в Канцелярии Конференции.¹⁵ Дубровин сидит за своим столом, окруженный массой книг, и составляет для «Русской старины», которую он тогда редактировал, компилятивные статьи по русской истории. А. И. Булатова¹⁶ записывает несколько поступивших в Академию бумаг в журнал «нам пишут», Барановский¹⁷ пишет на них ответы и подает их к подписи Дубровину. Иногда забредет кто-нибудь из академиков посоветоваться с Дубровиным, и я, по совести должен сказать, не знаю, уходил ли такой академик от Дубровина удовлетворенным.

Наступает среда, день заседания Конференции. Дубровин берет папку с докладами академиков по их работам и через час, через полтора Конференция мирно расходится.

Наступало 29 декабря, день торжественного заседания для прочтения годового отчета. Дубровин требовал, чтобы в этот день кафедра была декорирована цветами и в зале было бы накурено «амбре»! Появлялись академики в пахнувших нафталином парадных мундирах, появлялись два-три официальных лица, какой-нибудь архиерей, человек сто публики, и прочитывался сухой годовой отчет, который никто не слушал.

А затем... затем жизнь Академии тянется сонливо и тягуче.

Дубровин умер, и с избранием Ольденбурга картина сразу резко изменилась, вплоть до уничтожения цветов и «амбре» на торжественном заседании!

Он влил в жизнь Академии живую струю. Но рассказывать об этом не входит в мою задачу, кому это интересно, тот убедится в этом хотя бы из сопоставления годовых отчетов по Академии до избрания Ольденбурга и после его избрания.

Возвращаюсь к пушкинской Комиссии.

Театр я обожал с детства, мы с братом Виктором¹⁸ имели тогда картонный театр, в котором картонными же действующими лицами были известные нам актеры оперы, балета и драмы, и мы сами импровизировали невероятную чушь под видом пьес. Помню, почему-то самую любимую нашей актрисой в этом театре была Оголейт!¹⁹

¹⁵ Конференция — собрание академиков и адъюнктов в дореволюционной России. См. об академических Собраниях в кн.: Устав Академии наук СССР: 1924—1974. М., 1975. С. 93, 109—110.

¹⁶ Булатова Амалия Ивановна (1830—?) — служащая Канцелярии Конференции Академии наук по вольному найму.

¹⁷ Барановский Василий Рафаилович (1872—?) — старший письмоводитель Канцелярии Конференции Академии наук. Служил в Академии с 1899 по 1910, с 1918 по 1920 и с 1926 по 1938 гг. В последний период службы занимал должность помощника заведующего книжным складом и был консультантом по бесплатному распространению академических изданий.

¹⁸ Рышков Виктор Александрович (1862—1924) — писатель, драматург, родной брат Владимира Александровича.

¹⁹ Под фамилией Оголейт выступали три артистки балета Петербургской императорской труппы: Августа Германовна Оголейт 1-я, Ел. Г. Оголейт и М. Г. Оголейт. А. Г. Оголейт 1-я была исполнительницей пантомимических ролей и, прослужив на сцене Марининского театра почти 25 лет, покинула ее в 1897 г. Около 20 лет танцевала в Марининском Ел. Г. Оголейт, а М. Г. Оголейт ушла со сцены в 1898 г. Все они, по всей видимости, были дочерьми режиссера немецкой труппы в Петербурге Германа Оголейта.

Я благословляю своего отца²⁰ за то, что он, будучи хорошо обеспечен, предоставлял мне возможность бывать в театре не где-то там, наверху, а, напротив, в самых лучших условиях. Правда, я бывал в нем нечасто, но если бывал, то, как говорят немцы, «wennschon dennschon».^a Я все видел и все слышал и поэтому получал полное впечатление от того, что творилось на сцене и, совершенно незнакомый с «за кулисами», уходил из театра, очарованный правдой, ибо я не видел в действующих лицах «актеров».

Отец не был записным театралом, особого пристрастия ни к опере, ни к балету, ни к драме он не имел, он просто возил нас, детей, в театр.

Моя самостоятельная жизнь — военная и гражданская службы — отдала меня от театра только потому, что театр был для меня роскошью, на которую я не имел средств. И в период этой моей самостоятельной жизни, вплоть до времени, которое я сейчас описываю, театр был мне доступен только изредка, как явление выходящее из ряда обыденной жизни.

Но, вероятно, у каждого есть своя полочка, на которой ему должно быть место. И для меня нашлась такая полочка, на которую я в конце концов и стал. Мой опрометчивый ответ президенту привел меня на эту полочку, и этой полочкой оказался театр!

Я не занял в театре определенного положения, но я был весь в театре, и театр был со мною. И до революции мы с ним не расставались, а, напротив, сходились все ближе и ближе.

Не скрою, что после разговора с президентом я несколько оробел. Как браться за дело, в котором ничего не смыслишь, как его выполнить, чтобы не оказаться в положении синицы, собиравшейся зажечь море?!

Размышляя о предстоящей мне работе, я решал вопрос, с чего мне начать, ведь ни с кем из театрального мира я совершенно не был знаком. И не могу объяснить причины, но мне почему-то казалось, что я должен начать хлопоты с Москвы. И теперь, по прошествии многих лет, я все же положительно не могу уяснить себе причину этого. Прежде всего, я совершенно не знал Москвы. Бывал я в ней в юные годы, по пути в деревню, переезжая с вокзала на вокзал, и, говоря о ней, повторял слова старших, что Москва — это большая деревня. С москвичами я не встречался, так что ни быта Москвы, ни уклада ее жизни, ни особенностей этой жизни я тоже не знал. Впрочем, я знал, что в Москве поет Шаляпин,²¹ слава которого уже гремела в то время по всей России, и, быть может, потому меня и потянуло туда, я, конечно, соображал, что участие такого артиста, как он, даст хороший сбор.

Так как я решил не описывать здесь моей работы по Комиссии, я не буду последователен и в хронологии, я просто буду рассказывать о людях, с которыми я сталкивался и по делу, и благодаря делу и их отношение к нему.

В ноябре 1901 г. я укатил в Москву хлопотать, чтобы нам дали театр.

^a wennschon dennschon — уж делать, так делать; раз уж так, значит, только так (нем.).

²⁰ Рышков Александр Николаевич (1823?—1891) — отец Рышкова, столбовой дворянин Оренбургской губернии, офицер, мировой посредник, мировой судья, адвокат.

²¹ Шаляпин Федор Иванович (1873—1938) — артист оперы (бас-кантанте), крупнейший представитель русского вокально-сценического искусства. Пел на сцене Московской частной оперы (1896—1899), солист Большого и Мариинского театров (1899—1922).

И первый блин оказался комом!

Одев мундир, я явился к управляющему театрами Н. К. фон Боолю,²² который сказал мне, что ничего не будет иметь против предоставления нам театра, если Министерство двора и директор театров разрешат это.

— Как, разве это не от вас зависит?!

— Нет, я ведь только управляющий Конторой московских театров, а самые театры находятся в ведении директора.

Вернувшись в Петербург, я отправился к Теляковскому, который сказал мне, что Большой московский театр нам может быть дан, Мариинский же театр во все внерепертуарные дни был уже занят. В простоте душевной я стал его убеждать дать нам театр в репертуарный день, ссылаясь на благую цель, которую мы преследуем. Теляковский уверял меня, что это совершенно невысказано, а я добивался, почему. Он ответил, что это собьет весь репертуар, а самое главное, что для этого он должен «войти со всеподданнейшим докладом».

— Так ведь это же совсем нетрудно, ваше превосходительство!

Он посмотрел на меня положительно с каким-то сожалением и обиженно сказал:

— Извините, но я этого не сделаю!

И мы расстались.

Курьезный господин был этот Теляковский. Будучи полковником лейб-гвардии Конного полка, он перешел на службу в императорские театры и добился места управляющего Конторой московских театров.²³ Затем, когда ушел директор князь Волконский,²⁴ он был назначен на его место. Говорят, что, желая получить это назначение, он отправился к бывшему директору Всеволожскому²⁵ просить его поддержать его кандидатуру. Всеволожский ему сказал:

— Я вас знал за прекрасного исполнителя моих предназначений, но я никогда не подозревал, что вы причастны к искусству.

— Как же, как же, — ответил Теляковский, — я ведь играю на рояле.

— В самом деле?! Сыграйте, пожалуйста, что-нибудь.

Теляковский сыграл, а Всеволожский сказал:

— Ну, что же, может быть, вам и удастся поднять русское театральное искусство. А вам уже обещано это место?

— Да.

— Ну и прекрасно!

У меня с ним вышел однажды такой смехотворный случай. Николай II пожелал видеть на сцене царскосельского Китайского театра перевод

²² Бооль Николай Константинович, фон (1860—1938) — заведующий монтировочной частью московских императорских театров (1898—1902), управляющий Московской конторой императорских театров (1902—1910).

²³ После окончания Пажеского корпуса Теляковский служил в Конной гвардии, затем окончил Академию Генерального штаба. В мае 1898 г. полковник Теляковский был назначен управляющим императорскими театрами Москвы.

²⁴ Волконский Сергей Михайлович (1860—1937) — князь, актер-любитель, театральный деятель, критик, мемуарист, директор императорских театров (1899—1901). Подал в отставку из-за конфликта с балериной М. Ф. Кшесинской.

²⁵ Всеволожский Иван Александрович (1835—1909) — театральный деятель, художник-любитель, директор императорских театров (1881—1899).

«Мессинской невесты», сделанный великим князем Константином Константиновичем.²⁶ Пьесу ставил Арбатов²⁷ и поставил по обыкновению очень бездарно, между прочим, он сократил прекрасную, большую сцену театра, устроив в ней какую-то коробку, в которой происходило действие. Кажется, в первом действии великий князь должен был поднять вверх руку, а когда он это сделал, он задел рукой фонарь, спускавшийся с потолка. В антракте я вышел покурить, и следом за мной пришел Теляковский.

— Ну, как вам понравилось? — спросил он меня.

— Не очень. И какой идиот посоветовал Арбатову так сократить сцену?!

— Это я ему посоветовал.

Я искал глазами какого-нибудь люка, чтобы туда провалиться.

— Зачем же вы его так подвели? — спросил я наконец.

— Да иначе нельзя было. Эта пьеса шла с офицерами Измайловского полка на Измайловских досугах,²⁸ а там сценка маленькая, и, если бы их выпустили на этой сцене, они бы совершенно разбрелись по ней.

— Но позвольте, разве нельзя было сделать несколько лишних репетиций?

— Времени было мало.

Пожалуй, он был прав, но все-таки лучше бы не признавался!

Этот спектакль вообще дал мне много интересных наблюдений. Я никогда не бывал при дворе и входа ни «за кавалергардов», ни «перед кавалергардами» никогда не имел, а потому все, что совершалось перед моими глазами, было мне в диковинку.

Вероятно, по указанию великого князя мне была прислана приглашительная повестка на этот спектакль и при ней билет, на котором значилось, что он должен быть предъявляем по требованию дворцовой полиции и что поезд в Царское Село отойдет от царского павильона в 7 час. вечера. Когда я подъехал к воротам на Загородном пр., потребовали предъявить билет. Я предъявил, и меня пропустили; у подъезда павильона потребовали билет во второй раз; я предъявил и, поднявшись 10—12 ступеней вестибюля, направился на платформу; у дверей у меня потребовали билет в третий раз; я предъявил и наконец уже свободно вошел в вагон; попал я очень счастли-

²⁶ Эпизод относится к 1909 г. *Николай II* (1868—1918) — российский император в 1894—1917 гг. Перевод трагедии «Мессинская невеста, или Братья враги», сделанный К. Р., был опубликован в 1885 г., вошел в собр. соч. Шиллера (СПб., 1901. Т. 3). В апр. 1909 г. в Китайском театре в Царском Селе трагедия Шиллера была сыграна участниками Измайловских досугов (Ежегодник императорских театров. 1909. Вып. 3. С. 41).

²⁷ *Арбатов* (наст. фам. *Архипов*) *Николай Николаевич* (1869; по др. свед. 1868—1926) — режиссер, актер, театральный деятель.

²⁸ *Измайловские досуги* — литературно-просветительский клуб офицеров лейб-гвардии Измайловского полка. Цели Досугов были следующие: «...доставить участникам возможность знакомить товарищей со своими трудами и произведениями различных отечественных и иностранных деятелей на поприще науки и искусства, но непременно на русском языке. Поощрить участников к развитию их дарований. Соединить приятное препровождение свободного времени с пользою. Посредством обмена мыслями и мнениями способствовать слиянию во едино полковой семьи и, наконец, передать измайловцам грядущих поколений добрый пример здорового и осмысленного препровождения досуговых часов...». Цит. по кн.: К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Вступ. статья, коммент. Э. Е. Матониной. М., 1998. С. 19.

во в вагон, полный людьми театрального мира, между которыми были Вл. И. Немирович-Данченко²⁹ и Станиславский.³⁰ Весело болтая, мы не заметили, как подъехали к царскому павильону в Царском Селе. У выхода нас попросили предъявить билеты в четвертый раз; публика направлялась на подъезд, к которому подавались двух- и четырехместные придворные экипажи, она в них размещалась и уезжала. Мне и Немировичу досталось двухместное ландо. По дороге к театру мы встречали много нижних чинов, которые отдавали нам честь.

— Вы не знаете, — спросил меня Немирович, — как надо реагировать на это отдание чести?

— Не беспокойтесь, — ответил я, — ведь честь отдают не нам, а лакею и кучеру, которые одеты гораздо параднее нас.

При въезде в парк, где находится театр, нас просили пятый раз предъявить билеты. Шестой раз мы их предъявили при входе в театр, и я думал, что туда я вошел уже «очищенный от всякия скверны», но оказалось, что седьмой и последний раз я предъявил свой билет, когда входил в царский павильон, уезжая в Петербург!

Так мы продирались в гости к пригласившему нас государю...

Вошел я в зрительный зал, нашел в 9-м ряду свое место и сел. Стоявший рядом со мной знакомый мне офицер сказал:

— Владимир Александрович, не садитесь, тут принято стоять, обернувшись лицом к царской ложе, пока не явится государь и не сядет.

Я встал. Простояли мы так минут 20, и наконец явился Николай II, раскланялся с нами и сел. Тогда уселась и вся публика. Но это были цветочки, — ягодки были впереди. Офицер шепнул мне, что по окончании действия аплодировать нельзя, надо опять встать, повернуться лицом к государю и ждать, когда он зааплодирует. Так все всё это и проделали. И получилась такая нелепица: мы награждали аплодисментами артистов, к которым повернули спины, и аплодировали, глядя на государя!

А говорят еще о китайских церемониях, на мой взгляд — русские глупее...

Спектакль честь-честью кончился, и мы направились к выходам. Но не тут-то было! Все двери оказались запертыми, и нам объявили, что их отпрут по отъезде государя, гостеприимный хозяин удирал от своих гостей! Проторчав бессмысленно около получаса, мы получили наконец свободу. И тут мы опять были обласканы гостеприимством, оказалось, что для того, чтобы наполнить театр, нас доставили с комфортом, а затем мы уже не были нужны, и нам любезно предоставлялась возможность добираться до вокзала, как угодно. Кое-кто успел уехать на извозчиках, а большинство добралось пешком.

Вот как я побывал единственный раз в жизни в гостях у государя...

С Боолем мне пришлось столкнуться несколько раз, и я всегда задавал себе вопрос, на какого черта таким людям нужен театр, а главное, для чего они театру?!

²⁹ Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — драматург, режиссер, театральный деятель, теоретик театра, основатель Московского художественного театра.

³⁰ Станиславский (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938) — актер, режиссер, теоретик театра, основатель Московского художественного театра.

Отмечу два приема у него. Измытарившись окончательно в переговорах с артистами об устройстве спектакля, я по совету А. М. Кондратьева³¹ решил поручить все дело Боолу. Явился я к нему, послал служебную карточку и был тотчас же принят. Необычайно корректен, вежлив, предупредителен. Лишь упоминая о великом князе, делает приветливо-благоговейные глаза, в остальное же время: сфинкс! Выслушав меня и задав мне несколько весьма существенных вопросов, тотчас же согласился помочь нам, и, когда я рассыпался в благодарностях за его готовность взять на себя такой большой труд, он мне сказал:

— Помилуйте, какой же это труд? Я стою у этого дела, мне доступнее всего исполнить ваше желание.

Одним словом, выходило так, будто он говорил: что же тут особенно-го?! Я сейчас напишу отношение за № таким-то, и все будет исполнено, — это ведь так просто!

Мне приходилось не раз сталкиваться с ним по делу, и он был всегда совершенно одинаков. Он знал дело, он знал, что он «начальство» артистов, и этим сказывалось все. Сух и исполнительен. Характерно одно место в его письме ко мне. Я возбуждал вопрос о способе выражения благодарности артистам за участие их в спектакле, и вот что он мне писал:

«...что же касается благодарности, то, если Вы пожелаете, она может быть выражена Вами и после спектакля, на сцене, для чего можно будет приказать (!) собрать (!) вместе всех участников спектакля...».

В своей мании величия он не задумался над тем, что ему пришлось бы «приказать собрать» даже М. Н. Ермолову!³² Естественно, что от такого парада я отказался. В упоении своею властью он даже не сообразил, что могли быть артисты, которые, окончив свою роль, пожелали бы уехать домой, не дожидаясь окончания спектакля. Он бы «приказал» и... конец! Да и неудивительно, что он смотрел так на артистов, когда его начальство, Теляковский, как рассказывал мне М. П. Садовский,³³ после какого-то спектакля обратился к Ермоловой так: «Мария Николаевна, а вы — молодцом!». Садовский жалел, что Ермолова не догадалась ответить: «Рада стараться, ваше превосходительство!».

Чиновник он был до мозга костей, недаром брат мой Виктор называл его удавом, он душил все живое. Подготавливая один из спектаклей, я заявил о необходимости участия в нем Собинова,³⁴ который в то время, поругавшись с дирекцией, не служил в императорских театрах. И вот что Бооль мне буквально ответил:

— Артист этот не числится в списках артистов императорских театров, а мы поставим оперу в императорском театре и с императорскими артистами.

³¹ Кондратьев Алексей Михайлович (1846—1913) — режиссер. С 1898 г. режиссер Малого театра, в 1901—1907 гг. главный режиссер.

³² Ермолова Мария Николаевна (1853—1928) — знаменитая актриса; с 1871 г. и до конца жизни выступала в труппе Малого театра. Сыграла более 300 ролей.

³³ Садовский Михаил Провович (1847—1910) — актер Малого театра с 1870 г. и до конца жизни, муж актрисы О. О. Садовской.

³⁴ Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — артист оперы (лирический тенор), камерный певец, солист Большого и Мариинского театров.

Напрасно я ему возражал, что этот спектакль ставит Академия, что он является только ее уполномоченным и что в 1903 г. на таком же спектакле в Петербурге участвовала Коммиссаржевская,³⁵ которая тогда тоже уже не служила в императорских театрах, — уперся и конец!

Второй прием был такой: я приехал к нему без четверти в час, и мне сказали, что «они» только что ушли завтракать. В приемной дожидалось уже четыре человека. Рассчитав, что занятому человеку времени на завтрак достаточно 15 минут, я сел ждать. После меня пришло еще человека три, и всем им было тоже сказано, что «они» завтракают. И так мы просидели до 3 часов, т. е. больше 2 часов, и «их» все не было. У меня были еще срочные дела, и я уехал, решив поймать Бооля на другой день, до завтрака. Явился я в 11 1/2 час. В приемной я застал даму и господина, служившего, очевидно, в Конторе, который, разговаривая с курьером, сердился на то, что какой-то «черт» сидит у Бооля так долго. Наконец он решил войти в кабинет при «черте». Остались ждать дама и я. Около часу и сердившийся господин, и «черт» вышли из кабинета, курьер пошел докладывать, но... кабинет оказался пуст! Курьер с состраданием объявил нам: «Ушли завтракать». Я уехал, сказав, что буду в 2 часа, и, когда вернулся, мне было объявлено, что «приказано меня допустить первым»...

Задуманный мною первый московский спектакль доставил мне и первые знакомства с актерами.

Получив для спектакля Большой московский театр, я стал подыскивать человека, которому мог бы поручить устройство его. Говоря «я», я не совсем точен, я должен сказать «мы» с Модзалевским,³⁶ потому что обо всех моих думах, сомнениях и начинаниях я всегда советовался с ним. И вот Модзалевский напомнил мне, что в Москве живет член-корреспондент Отделения русского языка профессор Н. И. Стороженко.³⁷ Было решено, что я с письмом Дубровина явлюсь к нему. В декабре 1901 г. я уехал в Москву, и оказалось, что Стороженко был болен, у него не действовали ноги, и он направил меня к профессору Алексею Николаевичу Веселовскому, тоже члену-корреспонденту Отделения русского языка.³⁸

В 4 ч. дня я приехал к Веселовским и сразу окунулся в оригинальный уклад московской жизни. Веселовские, муж и жена,³⁹ приняли меня в столовой. Я затрудняюсь определить трапезу, за которой я их застал, время

³⁵ *Коммиссаржевская Вера Федоровна* (1864—1910) — актриса. С 1896 по 1902 г. играла в Александринском театре. Основала в 1904 г. в Петербурге «Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской».

³⁶ *Модзалевский Борис Львович* (1874—1928) — историк литературы, библиограф, генеалог, член-корреспондент Академии наук (с 1918), один из основателей Пушкинского Дома.

³⁷ *Стороженко Николай Ильич* (1836—1906) — историк литературы, профессор Московского университета, председатель Общества любителей российской словесности, главный библиотекарь Румянцевского музея (1893—1902). Автор работ по истории русской и западноевропейской литератур, основатель научного шекспироведения в России.

³⁸ *Веселовский Алексей Николаевич* (1843—1918) — историк литературы, профессор Московского университета (с 1881), председатель Общества любителей российской словесности (1901—1906), почетный академик по разряду изящной словесности (с 1906). Брат выдающегося филолога Александра Николаевича Веселовского (1838—1906).

³⁹ *Веселовская (урожд. Панк) Александра Адольфовна* (1840—1910) — переводчица, прозаик.

завтрака уже прошло, время обеда еще не наступило, а между тем и супруги, и два-три человека гостей сидели за столом, уставленным разнообразной снедью. Тут красовались холодная индейка, ростбиф, зернистая и паюсная икра, сыр, калачи, водка, вино и чай. Оригинально питаются русские люди! Много позже я вспомнил эту трапезу у Веселовских на волжском пароходе. На палубе 1-го класса, у окна моей каюты расположилась за столиком компания «русских коммерсантов». И вот чем был заставлен их стол: чай, мадера, апельсины, водка, свежая икра, блюдечко с зеленым луком и раки! Это было в 11 час. утра.

Когда я смотрел из окна своей каюты на этот стол, мне пришли на память строчки из каких-то старинных куплетов:

Могу сказать без шутки,
Что с самых давних лет
Российские желудки
Дивили целый свет,

далее одну строку я не помню, и куплет кончался так:

.....
Им кушать нипочем
Мороженое с квасом
И сбить с чесноком!

Я с утра ничего еще не ел и, по правде сказать, благословлял Веселовских за их прием, потому что приналег на предложенную мне закуску...
<...>

Утоляя свой голод, я рассказывал Веселовскому о причине, приведшей меня к нему.

И он, и его жена, которая произвела на меня впечатление очень толковой женщины, с удовольствием взялись за организацию спектакля. Веселовский, связанный по своей специальности с театром, имел обширные знакомства в артистическом мире. Он просил меня только, чтобы я познакомил артистов Южина,⁴⁰ Ленского,⁴¹ Федотова,⁴² Шаляпина, Собинова, Ермолову, Кондратьева и других и заручился их согласием оказать ему содействие. Но заставить артиста дома или добиться свидания с ним совсем не так просто, для этого надо, чтобы его домашние хорошо знали добывающегося или же сам артист пожелал бы такого свидания. Примеров тому я приведу несколько.

Солнце русской драмы, М. Н. Ермолова, лично меня не приняла, а переговаривалась со мною через какую-то деву, которая, очевидно, что-то пута-

⁴⁰ Южин (князь Сумбатов, наст. фам. Сумбаташвили) Александр Иванович (1857—1927) — актер, драматург, театральный деятель. С 1882 г. в Малом театре, с 1909 г. возглавил его.

⁴¹ Ленский (наст. фам. Вервиццотти) Александр Павлович (1847—1908) — актер, режиссер, педагог. С 1876 г. и до конца жизни в Малом театре, с 1907 г. главный режиссер. Ленский — сценический псевдоним, фамилию Вервиццотти получил от матери итальянки, отец его П. И. Гагарин. После смерти матери воспитывался в семье артиста Малого театра К. Н. Полтавцева.

⁴² Федотов Александр Александрович (1863; по др. свед. 1864—1909) — актер Малого театра, педагог, режиссер.

ла, принося мне совершенно несуразные ответы, вроде того, например, что Марья Николаевна в концертах не участвует.

К Шаляпину я пробивался так: 22 ноября 1902 г. около 2 часов дня я отправил ему письмо с нарочным, прося его назначить мне время для свидания и переговоров по поручению Академии, и лишь 23-го утром мне сообщили по телефону, что он просит меня к себе к 7 час. вечера.

Когда я приехал, ко мне вышла какая-то дама и сказала, что он спит, так как чувствует себя нездоровым, и просила меня приехать на другой день, т. е. 24-го в те же часы. Но и 24-го она опять не пустила меня к нему и сказала, что он очень утомлен, готовясь к своему бенефису,⁴³ ничем заниматься не может и никого не принимает. Я уже начинал злиться. Я сказал, что живу уже три дня в Москве исключительно для того, чтобы только минут десять переговорить по делу с Федором Ивановичем, и настойчиво ее прошу, в свободную минуту, сказать ему обо мне, обещая приехать на другой день, 25-го, к часу дня. Даже швейцар признал уже меня и смотрел на меня с каким-то участием. Когда я выходил на подъезд, он меня с соболезнованием спросил:

— Опять, барин, не допустили?

— Опять!

— Да-а... Трудно их видеть.

— Скажи, пожалуйста, кто эта черная дама, которая меня все время к нему не допускает?

Он сделал презрительную мину и проговорил:

— Эта-то? Поклонница! На бенефис билеты записывает...

— Тьфу, черт! Ну, вот что...

Объяснив ему, что мне надо видеть Шаляпина по делу и что я нарочно приехал для этого из Петербурга, я дал ему свою карточку и один рубль и сказал:

— Завтра в час я буду здесь и, если ты устроишь так, что Федор Иванович меня примет, я дам тебе еще 2 руб.

25-го в час я был опять в Леонтьевском пер., но мне уже не пришлось подниматься к «поклоннице», потому что швейцар подал мне карточку Шаляпина и сказал, что Федор Иванович приказал передать мне, чтобы я с этой карточкой ехал в Большой театр на репетицию и вызвал бы его. Когда меня провели в артистическую, был антракт, и Шаляпин, увидев меня, пошел мне навстречу и сказал:

— Извините, пожалуйста, Владимир Александрович, это положительно свинство, что вас до меня не допускали! Из-за какой-нибудь ерунды, сделать надпись на открытке, меня чуть ночью с постели не поднимают, а тут человек приехал из Петербурга и три дня не может до меня добраться!

Действительно, я добрался до него на четвертый день!

А вот как я добивался актера Малого театра А. А. Федотова. Целый день я потратил на то, чтобы его повидать, и наконец П. Н. Казин,⁴⁴ наш общий знакомый, взялся «доставить» меня к нему. По дороге я трунил над Казиним, говоря, что нас не примут. Он поддерживал меня в этом и рисо-

⁴³ Речь идет о бенефисе Шаляпина 3 дек. 1902 г. на сцене Большого театра в опере «Мефистофель» А. Бойто, где он выступил в роли Мефистофеля.

⁴⁴ Казин Петр Нилович — воснный инженер, театрал.

вал картину, как горничная будет нам врать, что барыня и барин с утра еще уехали. Мы позвонили. Горничная открыла нам дверь, и Казин спросил:

— Господа дома?

— Нет-с, с утра еще уехали.

— Барыня наверно поехала игрушки на елку покупать?

— Да-с.

— Ну, вот что, милая: закройте-ка вы дверь и пойдите скажите господам, что приехал офицер, высокий и толстый, и говорит, что ляжет у дверей и будет лежать, пока его не впустят.

Горничная ушла, затем послышался смех, дверь открыли и в передней встретил нас Федотов, который с хохотом говорил, что сейчас же догадался, что офицер этот — Казин.

Из артистов, указанных мне Веселовским, я виделся только еще с Южиным, Собиновым, Садовской,⁴⁵ Ленским и Кондратьевым, с которым впоследствии у меня установились самые лучшие дружеские отношения.

Очень он был интересный человек. В ранней юности он был небольшим провинциальным актериком и добрался наконец до сцены московского Малого театра. Там его приблизил к себе главный режиссер Черневский,⁴⁶ сделал его своим помощником, а после смерти Черневского он был назначен на его место. Кондратьев укоренился в Москве и стал типичнейшим москвичом. В то время, когда я с ним познакомился, он уже просто постарел, обленился, отстал от жизни и не понимал тех требований, которые она предъявляла к театру. Он уже жил тогда «в прошлом», и все молодое, новое и свежее не удовлетворяло его, он жил сравнениями. Достаточно было похвалить исполнение роли какою-нибудь талантливою молодою актрисою, как он восклицал:

— Как, это была хорошая игра?! Посмотрели бы вы, как вела эту роль Гликерия Николаевна! (Федотова).⁴⁷

Как я уже сказал, Кондратьев был чистокровнейший москвич, со всеми оригинальными особенностями, присущими этой категории людей. Он признавал только русский стол — стол Петра Петровича Петуха,⁴⁸ он не мог обходиться без бани, он любил сытый и здоровый смех, был сентиментален. Помню, как-то зашел я вечером к нему в режиссерскую и застал его одетым с узелком под мышкой.

— Алексей Михайлович, куда вы?! А я думал, мы с вами проведем сегодня вечер вместе.

— Так что ж нам мешает? Вот сейчас схожу в Сандуновские бани, попарюсь хорошенько, а потом я с удовольствием поеду с вами, куда хотите.

— Как, сейчас в баню?!

— А почему же не сейчас? Пойдемте, сразу помолодеете.

⁴⁵ Садовская (урожд. Лазарева) Ольга Осиповна (1849—1919) — актриса Малого театра, жена М. П. Садовского.

⁴⁶ Черневский Сергей Антипович (1839—1901) — драматический артист и режиссер Малого театра (с 1877 г. до конца жизни главный режиссер).

⁴⁷ Федотова (Познякова) Гликерия Николаевна (1846—1925) — актриса Малого театра. Воспитывалась у помещицы Позняковой и под ее фамилией играла на сцене до выхода замуж за А. Ф. Федотова в 1863 г.

⁴⁸ Петр Петрович Петух — персонаж из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

Я, конечно, отказался от такой *partie de plaisir*^a и приехал за ним часа через два. Он пил содовую воду и, побряхтывая, говорил:

— Эх, хорошо!.. Выпарился и лет 15 с плеч долой. Теперь я с вами — хоть до утра!

Алексей Михайлович был чрезвычайно тонко художественно развитой человек. Каждое лето он отправлялся за границу и странствовал по Европе. И как увлекательно он рассказывал о тех художественных жемчужинах, которые ему довелось там видеть. Вообще, рассказчик он был исключительный, его поистине феноменальная память хранила столько захватывающего интереса случаев из истории Малого театра, что не было никакой возможности оторваться от его воспоминаний.

К нему, больше чем к кому-нибудь, подходило определение — хлебо-сол. Приехал я в Москву и, конечно, первым делом в Малый театр к Кондратьеву. Встречает радостно.

— Ну, брат, вовремя угадал приехать! У меня сегодня борщ и карачаевский барашек. Да барашка-то не какой-нибудь кусочек, а половинка; тут и почечная будет и от окорочка, да и лопаточка, кто ею любит баловаться, пожалуйста, к вашим услугам. А борщ-то, понимаете, с грудинкой! И в три часа все будет готово. У нас ведь не так, как у вас в Санкт-Петербурге, «*zierlich-maenierlich*»,^b пожалуйста к семи часам пообедать двумя-тремя кусочками, величиною в кукиш. У нас Москва-матушка!

Таков был Кондратьев в общении с людьми. В общении с актерами он не был одинаков. Сверстников своих он положительно боготворил. Не говоря уже о том, что к М. Н. Ермоловой он относился едва ли не благоговейнее, чем к иконе Иверской Божьей Матери, но и все остальные могики театра, Федотова, Никулина,⁴⁹ Садовские, Музиль,⁵⁰ Ленский, Правдин⁵¹ были для него какими-то высшими существами. Но с молодежью он был груб, хотя и молодежь у него делилась на молодежь с традициями Малого театра и на — пришлую. К первой он причислял Лешковскую,⁵² Южина, Яблочкину,⁵³ Рыбакова⁵⁴ и еще двух-трех, а ко вторым всех остальных, и им уже не было пощады, с ними как с актерами, как бы они ни были талантливы, он совершенно не считался и, не стесняясь, покрикивал на них. Признавал он еще, пожалуй, среди них детей корифеев театра.

^a *partie de plaisir* — увеселительной прогулки, развлечения (*фр.*).

^b *zierlich-maenierlich* — жеманно, манерно (*нем.*). *Zierlich, maenierlich, langsam, possierlich* — жеманно, манерно, медленно, забавно. Из шутивно-иронической песенки, пародирующей поведение жеманной немки.

⁴⁹ Никулина Надежда Алексеевна (1845—1923) — актриса Малого театра.

⁵⁰ Музиль Николай Игнатьевич (1839—1906) — актер, из артистической семьи Бороздиных-Музелей. С 1865 г. и до конца жизни играл в труппе Малого театра.

⁵¹ Правдин (*наст. имя и фам. Оскар Августович Трейлебен*) Осип Андреевич (1846—1921) — артист Малого театра (с 1878), педагог.

⁵² Лешковская (*наст. фам. Ляшковская*) Елена Константиновна (1864—1925) — актриса Малого театра, театральный педагог.

⁵³ Яблочкина Александра Александровна (1866—1964) — актриса, из актерской династии Яблочкиных, дочь А. А. Яблочкина. Выступала в Театре Ф. А. Корша (1886—1888), в Малом театре (с 1888).

⁵⁴ Рыбаков Константин Николаевич (1856—1916) — актер, сын Н. Х. Рыбакова. С 1881 г. и до конца жизни выступал в Малом театре.

Такой застой во взглядах главного режиссера не мог, конечно, не отразиться на деле, Малый театр падал все ниже и ниже в смысле симпатий к нему публики, а потому и в смысле сборов, и наконец, Кондратьев был уволен в отставку. Но администрация театров постаралась обставить эту отставку почетно, она сохранила за ним пожизненно кресло в театре и поручила ему поехать по России и высмотреть в провинции хороших актеров и актрис. Он очень заинтересовался этим поручением и расспрашивал брата моего Виктора, хорошо знавшего провинциальные театры, куда ему ехать. Виктор дал ему необходимые указания, и он уехал.

Я виделся с ним, когда он вернулся.

— Что же, нашли новую Ермолову?— спросил я.

— Какой черт! Все мелюзга какая-то. Из актеров есть еще кое-какой материал, а уж актрисы... смотреть не на что, миноги какие-то, тела столько, что на чашку бульона не хватит.

— Так разве ж в телесах дело?! Ермолова тоже не может похвастаться телесами.

— Ну вот, так ведь то Ермолова.

— Но ведь, может быть, и у тех в их худеньких тельцах есть большие таланты.

— Ну, где им!

— Позвольте, а Гзовская?⁵⁵ Худенькая, а какая талантливая.

— Талантливая? Да она в подметки не годилась бы Никулиной, когда та была на ее амплуа.

Да, он жил в прошлом и не мог уже выбраться из этого прошлого...

Понемногу я освоился в Москве и сближался с актерским миром, чему много способствовали два обстоятельства.

Брат мой Виктор, участвовавший с 1887 г. в русской литературе в качестве беллетриста, написал свою первую пьесу «Первая ласточка».⁵⁶ Отдал он ее на конкурс в Литературно-художественное общество,⁵⁷ и она была признана достойною к постановке.

Благодаря моим хлопотам по спектаклю в Москве я уже познакомился с некоторыми работниками театра и предложил ему начать хлопоты для постановки его пьесы в Малом театре. Он согласился и послал свое детище в

⁵⁵ *Гзовская Ольга Владимировна* (1883—1962) — актриса комедийного дарования, исполняла также драматические роли, выступала в Малом и в Московском художественном театрах. В 1920—1931 гг. жила за границей, по возвращении играла в Ленинградском театре Ленинского комсомола и в Ленинградском театре драмы им. Пушкина (1943—1956). Автор кн.: Пути и перепутья. Портреты. М., 1976.

⁵⁶ В 1901 г. повесть «Одинокие» была переделана Виктором А. Рышковым в драму «Первая ласточка», которая была поставлена в Малом театре в Москве (первая постановка 6 сент. 1904 г.). Пьеса шла также в театре Литературно-художественного общества в Петербурге.

⁵⁷ *Литературно-художественное общество* — объединение литераторов и артистов, существовавшее с 1886 по 1917 г. под разными названиями в Петербурге. Первоначальное название — Столичный артистический кружок (устав утвержден 17 февр. 1886 г.), в 1892 г. переименован в Литературно-артистический кружок, а с 15 дек. 1899 г. кружок назывался Литературно-художественное общество (ЛХО). В 1895 г. при ЛХО был основан театр П. П. Гнедичем, П. Д. Ленским (кн. Оболенский), А. С. Сувориным (на паевых началах). Впоследствии стал частным театром А. С. Суворина. В 1914 г. театр отделился от ЛХО.

Московский литературно-театральный комитет.⁵⁸ Одновременно с этим я послал письмо нашему академику Ф. Е. Коршу,⁵⁹ в котором просил его переговорить о пьесе с членами комитета Веселовским и Стороженко, которых он прекрасно знал, а затем, когда выяснился день моего приезда в Москву, я сообщил ему об этом и просил его к этому дню выяснить решение комитета. Пьеса оказалась принятой, и мы с Виктором сразу же окунулись в московский театральный мир, который, скажу не хватаясь и с гордостью, очень нас полюбил.

Затем я случайно встретился с неким военным инженером Петром Нилевичем Казиным. Я знал его еще поручиком, когда он проходил курс Инженерной Академии. Мы напомнились друг другу, и он, узнав о цели моих наездов в Москву, вызвался быть мне полезным, в чем может, так как среди актеров Москвы у него была масса друзей и знакомых. Должен, впрочем, сказать, что собственно по делу он мне ничем не помог, но благодаря ему мои отношения с артистами и расширились и упрочились. <...>

В то время, которое я описываю, Казин был в запасе и жил в Москве гражданским браком с артисткою Большого театра Серафимой Андреевной Синицыной.⁶⁰ Он нигде не служил, жил очень открыто и, как говорили, существовал крупной игрой. Я с ним сошелся очень скоро, и мы с братом, при наших наездах, останавливались у него. Квартира его была всегда полным-полна народом. У него ежедневно столовались, не знаю, на каких началах, артисты оперы Е. А. Подольская,⁶¹ Л. Н. Балановская,⁶² В. Р. Петров,⁶³ А. В. Богданович⁶⁴ и актер Малого театра В. В. Максимов.⁶⁵ К 5 часам все сходились к обеду, а в 7 все испарялись по театрам и после спектаклей опять сходились то у них на квартире, то в каком-нибудь ресторане, то в Художественном кружке.⁶⁶ Это был какой-то вечный праздник со смехом, шутками, островами и пением.

⁵⁸ *Театрально-литературный комитет* — совещательный орган при Дирекции императорских театров (1855—1917), занимался рассмотрением пьес, предназначенных для постановок на сцене императорских театров. С 1891 г. состоял из двух отделений — Петербургского и Московского.

⁵⁹ *Корш Федор Евгеньевич* (1843—1915) — филолог-классик, академик (с 1900), переводчик, профессор Московского университета. См. о нем также в преамбуле.

⁶⁰ *Синицына (урожд. Скворцова, по мужу Казина) Серафима Андреевна* (1878—1920, по др. свед. 1921) — артистка оперы (контральто и меццо-сопрано) и камерная певица. Обучалась пению в Петербургской консерватории (1889—1893), в 1895 г. дебютировала в Марининском театре, в 1896—1919 г. солистка Большого театра.

⁶¹ *Подольская (урожд. Венюкова, в замуж. Быкова) Елена Анатольевна* (1884—?) — артистка оперы (меццо-сопрано). Обучалась в Варшавской консерватории, с 1905 г. выступала в Московской частной опере С. И. Мамонтова, в 1906—1936 гг. солистка Большого театра.

⁶² *Балановская (по мужу Экскузович) Леонида Николаевна* (1883—1960) — артистка оперы (драматическое сопрано), камерная певица, педагог. Выступала на оперных сценах Петербурга, Киева, Севастополя, Харькова. В 1908—1919 и в 1925—1926 гг. пела в Большом театре.

⁶³ *Петров Василий Родионович* (1875—1937) — артист оперы (бас), камерный певец. Пел в Большом театре (1902—1936).

⁶⁴ *Богданович Александр Владимирович* (1874—1950) — артист оперы (лирический тенор), солист Большого театра (1906—1936).

⁶⁵ *Максимов (наст. фам. Самусь) Владимир Васильевич* (1880—1937) — актер. В Малом театре выступал в 1906—1909 и в 1911—1918 гг. В 1910 г. играл в театре Незлобина.

⁶⁶ *Литературно-художественный кружок* — клуб деятелей литературы и искусств, существовавший в 1898—1920 гг. в Москве. Возник по инициативе группы артистов, драматургов и

И как ком снега, если его непрестанно катать, постепенно нарастает и увеличивается, так увеличивалось и мое знакомство с актерами. О многих из них мне нечего вспомнить, были они все с присущими актеру достоинствами и недостатками и в массе ничем особенным не выделялись. Но с ними бывало весело, уютно и непринужденно. Само собою разумеется, между ними были личности незаурядные и в положительном и в отрицательном смысле, и таких я, конечно, не обойду молчанием. Положительная сторона актера это его если и не талант, то дарование, отрицательная же в подавляющем большинстве — его отношение к своему делу. Приведу в пример знаменитого М. П. Садовского. Даже тот, кто знает о нем только понаслышке, не будет отрицать в нем громадного художника, а тот, кто видел его на сцене, не может не помнить те художественные образы, которые он создавал. Но на сцене Малого театра были его сын⁶⁷ и дочь.⁶⁸ И это издание семьи талантливых Садовских было очень неудачно, оба они были самими заурядными актерами, это был общий голос театральной Москвы. А такой художник, как Садовский, был от них в восторге!

Соперником его сына, Прова, являлся в то время актер Остужев.^{а. 69} Это был темпераментный любовник с настоящим нутром, с прекрасной сценической наружностью, с великолепно поставленным голосом. Помню, как-то видел я его Чацким и на другой день, при свидании с Садовским, восторгался им.

— Остужев — Чацкий?! — воскликнул он. — Дерево, настоящее дерево! Куда же ему до Прова?!

А Пров Чацким был не только дерево, но гнилое дерево!

И в дальнейшем, говоря об актерам, я не буду лицемерить. Я не беру на себя смелость утверждать, что все то, что я буду описывать, бесспорно, и я прошу запомнить, что, основываясь на своих впечатлениях, быть может, я буду и ошибаться, но я буду стараться ссылаться на факты.

Начнем с крупнейшего современного мне русского актера, с безусловно гениального Шалапина.

^а Фамилия его была Пожаров, и когда он был принят в Малый театр, администрация задумалась, как быть с этой опасной для театра фамилией. Ведь если его станут вызывать в театре, возникнет паника. И Южин нашел выход:

— А мы его «остудим», — сказал он.

И Пожарова выпустили под фамилией Остужев (*примеч. автора*).

театральных деятелей М. Н. Ермоловой, А. И. Сумбатова-Южина, Н. Е. Эфроса и других и вскоре стал центром художественной жизни Москвы. А. И. Сумбатов-Южин — первый председатель кружка. Кружок устраивал выставки, вечера, собрания, был местом встреч литераторов и художников. Среди членов кружка: Л. Н. Андреев, А. Белый, В. Я. Брюсов (председатель с 1908), В. А. Гиляровский, В. Ф. Ходасевич и др.

⁶⁷ Садовский Пров Михайлович (1874—1947) — актер Малого театра, сын М. П. Садовского и О. О. Садовской.

⁶⁸ Садовская Елизавета Михайловна (1872—1934) — актриса Малого театра, дочь М. П. Садовского и О. О. Садовской.

⁶⁹ Остужев (наст. фам. Пожаров) Александр Алексеевич (1874—1953) — актер. Играл на сцене Малого театра (1898—1946). Более подробно историю о том, как Пожарову был придуман сценический псевдоним, описала в своих воспоминаниях со слов Южина Н. А. Луначарская-Розенель. Ср.: Луначарская-Розенель Н. А. Память сердца. М., 1975. С. 186.

О нем создастся, конечно, впоследствии целая литература, мне же хочется для будущих историков его занести сюда несколько наших встреч. Самое гнетущее впечатление произвела на меня встреча в Литературно-художественном кружке на юбилее А. И. Барцала.⁷⁰ Когда я вошел в зал, народ группировался уже около закуски, тут же находился и Шаляпин во фраке.

Прислушиваясь к его разговору, я был неприятно удивлен той массой нецензурных слов, которыми он уснащал свою речь. Казалось, он бравировал этим. К счастью, на этом ужине не присутствовали почему-то дамы. Впрочем, скорее к несчастью, ибо, вероятно, в их присутствии не случилось бы всего того, во что вылилась необузданность Шаляпина.

Сели ужинать, Шаляпин пропел многолетие Антону Ивановичу, и все принялись за еду. Кто-то упомянул о том, что Шаляпину дали или собираются дать сербский орден.

— Черт возьми, — воскликнул он, — поеду летом в Сербию и провозглашу себя королем!

— Стóит ли, Федя, — сказал Кондратьев, — Шаляпиным быть ведь куда выгоднее.

Когда подали кофе, публика перетасовалась, и я сидел уже против Шаляпина. Мы говорили с ним об игре Садовских в «Волках и овцах»,⁷¹ которых мы оба смотрели накануне. Вдруг он встал и со словами «пойду, чокнусь с Антоном Ивановичем», подошел к тому месту, где тот сидел, окруженный молодежью, и заговорил:

— Господа! Если бы я был сербским королем, мои подданные всегда бы пели, пили и ...!

Театральный доктор Соколов⁷² перебил его каким-то восклицанием.

— Молчите, вы, , у вас голова толкачом! — закричал Шаляпин. — Так вот, господа, если бы у меня в государстве не хватило на такую жизнь денег, я послал бы своих подданных в соседние государства награбить побольше денег, и мы продолжали бы пить, петь и ...!

Присутствовавшие стали громко возмущаться этой странной речью, а Шаляпин почему-то опять обрушился на молчавшего уже доктора, крикнув ему:

— Я же вам говорил,, чтобы вы не перебивали!

И бледный отошел и сел на свое место. Гвалт поднялся невероятный! Кричали: мальчишка, зазнался, хам и т. п.; какой-то актер откупорил бутылку шампанского, заткнул горлышко пальцем, и тонкая струя вина взвилась к потолку. Все, наступая, требовали удовлетворения, Кондратьев и Южин уговаривали Шаляпина извиниться, а он кричал:

— Уймите этого дурака, старого!

Но вдруг он встал, подошел к совершенно растерявшемуся доктору, поцеловал его и, обращаясь ко всем, сказал:

⁷⁰ Барцал Антон Иванович (1847—1927) — артист оперы (тенор), камерный певец, режиссер, педагог.

⁷¹ «Волки и овцы» — комедия А. Н. Островского (1875).

⁷² Соколов Александр Николаевич — врач Московской конторы императорских театров с 1899 г.

— Господа! Ну, чего вы подняли такой шум, ведь мы с ним шестьсот лет знакомы...

Ему в ответ стали кричать, что тем более он не смел его оскорблять. Тогда он вышел на середину зала и громко проговорил:

— Черт знает, что такое! Два года не бывал я в этом Кружке, пришел и нарвался на скандал!

С этими словами он направился к выходу, провожаемый криками: сам виноват, вон, нахал...

Виделся я с ним в Москве и у него, приехав просить его участвовать в нашем спектакле. В то время он почему-то переехал из своей большой квартиры в Леонтьевском пер. в маленькую, в доме Сандуновских бань, на Неглинной, и жил, по-видимому, один.

Он назначил мне приехать к нему в 12¹/₂ час. дня. Мне пришлось прождать его минут двадцать, и наконец он ко мне вышел. Что это была за оригинальная и красочная фигура! Он только что проснулся и появился в дверях, босой и нечесаный, в одной длинной, ниже колен, суровой рубахе, вышитой по вороту, рукавам и подолу. Как хорошо мог бы использовать его И. Е. Репин!⁷³ Стенька Разин, да и только...

— Простите, дорогой, — заговорил он, — что я являюсь в таком виде, но я рассудил, что вы человек занятой и грешно было бы задерживать вас только для того, чтобы облечься в какую-нибудь пижаму и умыть морду. Вам ведь все равно, что я не одет?

— Нет, не все равно, — отвечал я, смеясь и здороваясь с ним, — одетым вас все видят, а раздетым не каждый, так что, значит, я исключение.

Он расхохотался и пригласил меня пройти с ним в спальную.

— Там и чайку выпьем и поболтаем.

Когда мы вошли туда, он растянулся на огромной постели.

— Ну, в чем дело, — спросил он меня, — наверное, благотворительный концерт устраиваете?

— Спектакль в пользу Пушкинского Дома.⁷⁴

— Молось на Пушкина! Только нашей публике ни он, ни я ни на черта не нужны.

И он принялся ругать самыми нецензурными словами и публику, и Россию, и освободительное движение, и репрессии.

— Нет, вон из России, «сюда я больше не ездук!»⁷⁵ — заключил он.

— Куда же вы поедете, где же лучше?

— Черт его знает, где лучше!

— Говорят, вы собираетесь в Америку.

⁷³ Репин Илья Ефимович (1844—1930) неоднократно писал Шаляпина. См. об этом: Зильберштейн И. С. Репин в работе над портретом Ф. И. Шаляпина // Репин. Художественное наследство: В 2 т. М., 1948—1949. Т. 2. С. 361—375.

⁷⁴ Эпизод встречи с Шаляпиным относится к 4 янв. 1906 г. См. об этом также в «Дневнике» Рышкова: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 134—135.

⁷⁵ Цит. из заключительного монолога Чацкого в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

— Ну, ее в, эту вашу Америку. Вон Горький, что про нее пишет.⁷⁶ Подождите, я вам сейчас прочту.

И он, увлекаясь, стал мастерски читать из № 12 «Знания» рассказ Горького о каких-то празднествах в одном из американских парков, на которых публика развлекалась, между прочим, тем, что дразнила детеныша обезьяны и любовалась отчаянием матери.⁷⁷

— Вот что нужно вашей публике, — сказал он, вскочив с постели, — а не Пушкин и не я! Пу-ублика! — протянул он. — Что это такое публика? Стадо баранов, сволочь, больше ничего...

И со словами: «вот она что», он подошел к стене и принялся так бить об нее лбом, что я решительно опасался за целость его головы. Он был положительно в каком-то экстазе. Желая его успокоить, я резко проговорил:

— Ну, извините, так обобщать нельзя! Нельзя смешивать толпу с людьми, которым дорого искусство, не всякий способен дразнить обезьяну.

Он как-то сразу притих, спокойно отошел от стены и сказал:

— Да, конечно, не всякий — публика. Вы правы... Ну, что и когда вы задумали поставить? Я непременно хочу участвовать в этом спектакле.

Мы переговорили подробно и деловито и расстались.

Одна встреча доставила мне много хлопот и волнений. Устраивая один из спектаклей, я решил поставить «Русалку»⁷⁸ с Собиновым — князем и Шаляпиным — мельником. Объездив нужных мне исполнителей, в том числе и Собинова, и заручившись их согласием, я стал добиваться свидания с Шаляпиным и застал его, как уже описал выше, на репетиции в Большом театре, и он предложил мне приехать вечером, после спектакля к «Яру».⁷⁹

— Там и столкнемся, — сказал он.

Когда я приехал туда, он уже сидел за столом с какими-то знакомыми. Познакомив нас, он просил меня присесть.

— Ну-с, в чем же дело? — задал он мне вопрос.

— Все в том же, Федор Иванович, устраиваю Пушкинский спектакль.

— Что же вы ставите?

— «Русалку» и хочу просить Вас петь мельника.

— Хорошая партия, я ее люблю. А когда спектакль?

Я назвал день. Шаляпин подумал и сказал:

— Да ведь это приходится в воскресенье.

— Да.

— Но ведь по воскресеньям у нас балет.

— Вечером, а нам театр дали на утро.

Шаляпин показал мне кукиш и проговорил:

— А это видели?

⁷⁶ Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868—1936) в апреле—мае 1906 г. совершал турне по городам Америки с целью сбора средств для большевиков. В это же время им написаны очерки и памфлеты «В Америке» и «Мои интервью».

⁷⁷ Имеется в виду рассказ М. Горького «Царство скуки». См.: Сб. товарищества «Знание». 1906. Кн. 12. С. 1—20.

⁷⁸ «Русалка» — опера А. С. Даргомыжского (1855).

⁷⁹ «Яр» — с середины XIX в. один из модных московских ресторанов. Был открыт в 1826 г. на ул. Кузнецкий мост французом Т. Яром.

— Вообще видел, а шаляпинского не видал еще.

— Нет, серьезно, дорогой мой, я ведь не могу, понимаете, не имею права петь такую партию утром. Это может позволить себе какой-нибудь Иванов или Сидоров, которого публика слушает совершенно равнодушно, ко мне же предъявляются особые требования, а у меня утром, конечно, голос не может так звучать, как вечером. Нет, придумайте что-нибудь другое, с маленькой партией, ее я спою с удовольствием.

Хорошо, подумал я, придумать что-нибудь другое, когда я уже со всеми сговорился! И в отчаянии, совершенно не отдавая себе отчета в том, что я делаю, я брякнул:

— А вот бы вам спеть Гремину в «Онегине»?⁸⁰

Шаляпин посмотрел на меня с изумлением, встал со своего места, пошел ко мне, обнял и, поцеловав, сказал:

— Невероятно! Понимаете, вы как раз назвали мне ту партию, о которой я давно мечтал, но никак не мог ее себе назвать! Именно Гремину я должен спеть. И я его спою. Ведь эта партия красивейший художественный эпизод...

Я должен был бы рвать на себе волосы, я прекрасно сознавал, что большое артистическое самолюбие остальных участников доставит мне немало хлопот и волнений.

Так оно и случилось. Началось с Собинова, которого я поехал просить петь вместо князя — Ленского.

— Почему же вы заменяете «Русалку» «Онегиным»? — спросил он.

Я, конечно, предвидел этот вопрос. Что было отвечать? Понаторев в театральном деле, я прекрасно понимал, что Собинову нельзя объяснять эту замену желанием Шаляпина, но надо было изворачиваться, и я ответил:

— Видите ли, Леонид Витальевич, спектакль утренний, «Русалка» ставится редко и понадобится несколько репетиций, а «Онегин» у всех в репертуаре, а и Ленский ведь ваша любимая партия.

— Положим, это верно. Но, значит, Шаляпин в спектакле участвовать не будет?

— Нет, будет, он обещал спеть Гремину.

Собинов старый театральный воробей, и его на мякине не проведешь! Он лукаво улыбнулся и сказал:

— Да-а, вот что! Я понимаю Федю, утром-то ведь голос не звучит, так можно отделаться таким пустячком, как Гремин. Ну, как вы там себе хотите, а я соглашался петь князя и буду петь только его...

Я стал его просить и уговаривать, но ничего не добился. И спектакль состоялся только благодаря вмешательству великого князя Константина Константиновича, которому Собинов постеснялся отказать.

И надо признаться, что Шаляпин на этом спектакле превзошел себя.⁸¹ Его Гремин смарал всех исполнителей, и когда публика расходилась из театра, она поголовно напевала:

⁸⁰ «Евгений Онегин» — опера П. И. Чайковского (1878).

⁸¹ Спектакль в пользу Пушкинского Дома состоялся утром 30 нояб. 1903 г. В нем участвовали: Ленский — Л. В. Собинов, Татьяна — Е. Н. Хренникова, Ольга — Е. И. Збруева, Филиппевна — Л. Г. Звягина, Ларина — А. И. Маклецкая, Онегин — И. К. Гончаров, Трике — А. М. Успенский, Зарецкий — А. И. Стрижевский. Дирижер — И. К. Альтани (Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина. Л., 1989. Кн. 1. С. 257).

Любви все возрасты покорны,
Ее порывы благотворны...

Я хотел занести сюда только эти три встречи с Шаляпиным, но, описывая третью встречу, я вспоминаю, что она имела продолжение. Вечером, в день этого спектакля, нас, целая компания, ужинала в Кружке. Был и Шаляпин. Он был в прекрасном настроении, шутил, острил и рассказывал анекдоты. Между прочим, такой: идет «Жизнь за царя»;⁸² в партере сидит пьяный купец, тенор поет:

После битвы молодецкой,
Заслужили мы царя!

Купец икнул и крикнул: «Я и говорю, драка никогда до добра не доведет!».

Кондратьев, будучи в этот день дежурным старшиной, потребовал, чтобы вся наша компания отправилась вниз, в отдельное помещение.

— С вами беды наживешь, тут сколько уютно шпиков, как раз донесут.

А Шаляпин, спускаясь по лестнице, жаловался, что ему не дают поселиться, и провозглашал себе вечную память.

За ужином Южин спросил Шаляпина:

— Федрилло, ты, говорят, сегодня чудес натворил в Гремине.

— Что же тут особенного, — отвечал Шаляпин, — когда Рышков просил меня спеть Гремину, я пошел послушать «Онегина» и увидел, как не надо петь Гремину, ну, тогда, сам понимаешь, уж легко спеть, как надо!

В конце вечера Южин обратился к нему с вопросом:⁸³

— Федя, ты ведь только что из Лондона. Как же ты там объяснялся? Ведь ты не знаешь английского языка...

— Кто, я не знаю?!

— Да, ты!

— Ого! Великолепно знаю... Да, вот, например, были у меня с собою московские папиросы, в таможне спрашивает меня чиновник...

И тут посыпались английские фразы, в которых очень ясно слышался вопрос о папиросах.

— Я и отвечаю, «о sig»...

И опять английские фразы, но уже протестующего характера.

— А он мне....

И Шаляпин произносит какие-то фразы в повышенном, возбужденном тоне.

— Тогда я ему и говорю....

Фразы спокойные, произносимые с достоинством.

— Он опустил глаза, произнес «yes» и махнул рукой!

В это время мы обратили внимание на присутствовавшего здесь же корреспондента газеты «Фигаро». Он буквально стонал от хохота. И успокоившись, наконец проговорил:

⁸² «Жизнь за царя» — опера М. И. Глинки (1836).

⁸³ Эпизод о Шаляпине, приведенный ниже, напечатан Рышковым в заметке «Театральная копилка» в газ.: Обозрение театров. 1909. 25 июня. № 770. С. 7 (за подписью — Яшин).

— Господа! Да ведь Шаляпин ни одного английского слова вам не сказал. Это был только набор звуков!

— Ну вот, звуков! — закричал Шаляпин. — Просто разговаривал по-английски...

Совсем обратное впечатление производил Собинов. Это в высокой степени культурный человек, это, безусловно, изящный европеец. Положим, конечно, «актерское» присуще и ему так же, как и всякому актеру, в каком бы масштабе он на актерской бирже ни котировался.

Об этом «актерском» стоит поговорить, и поговорить именно мне, совершенно независимому в театре человеку. Волею судеб мне никогда ничего не нужно было в нем добиваться, я был только его преданнейшим другом. Моим театральным друзьям я определял свое место в театре так: так же, как благодетелен театр для благополучия духовной жизни человека, так благодетельна пожарная команда для благополучия внешней жизни человека. При каждой пожарной команде непременно почему-то существует собачка, являющаяся чем-то неотъемлемым от нее, и, когда команда выезжает на работу, пожарная собачка неуклонно следует за ней с каким-то сознанием исполняемого ею долга. Она команде ни на что не нужна, но если бы команда заметила ее отсутствие, она бы этому очень удивилась, ей не хватало бы ее. Точно так же удивился бы, в былое время, актерский мир, если бы заметил мое отсутствие, он привык видеть меня на генеральных репетициях, на премьерах, в артистическом фойе, в уборных, он привык к моим спорам, к моим воспоминаниям и даже привык считаться с моими мнениями. Вот такую-то «пожарную собачку» и определял я себя в театре. Я считаю, что об «актерском» присуще говорить именно мне, потому что в этом вопросе я не могу не быть беспристрастным. Кто-то из актеров однажды правильно сказал: «Рышкову можно верить, он ведь человек незаинтересованный, он в театре просто „господин с тросточкой“⁸⁴ помахивает ею, посвистывает, и никакие наши дразги его не касаются».

Зная существо актера, я утверждаю, что если у него отнять «актерское», получится просто какой-то судак, нечто пресное, безжизненное. А «актерское» придает ему страстность, заставляет его волноваться, возбуждает в нем воображение, способствующее его творчеству, придает гибкость и изворотливость его уму, словом, не дает актеру стать равнодушным и апатичным. А эти две особенности губят в человеке актера.

Несомненно, что «актерское» несимпатично, ибо оно основано на низменных страстях человека, на эгоизме, себялюбии и интриге. Но оно неизбежно!

В чем же состоит это «актерское»? Его признают следствием свойственных актеру самомнения и самовлюбленности. И это совершенно невер-

⁸⁴ «Господин с тросточкой», «человек с тросточкой» — расхожий образ театрала, критика, газетчика. В воспоминаниях А. Р. Кугеля с отрицательным оттенком: «Кто он?.. Да никто! Молодой человек с тросточкой. И этому молодому человеку с тросточкой дано колебать признанные репутации, открывать новые таланты, делать презрительные гримасы и показывать язык большому, иногда долголетнему труду, и обратно — превознести и расхвалить первый попавшийся вздор. <...> Молодой человек с тросточкой — пресса, полномочный представитель, „полпред“ седьмой или восьмой великой державы. Я беру лучших молодых людей с тросточками, не злых, не продажных, не коварных, не карьеристов...». Цит. по: *Кугель А. Театральные портреты / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. М. О. Яновского. Л., 1967. С. 9.*

но, потому что этих двух недостатков в существо актера как человека нет, редкое исключение составляют разве только глупые актеры. Но внешнее проявление этих недостатков так же необходимо актеру, как внешняя роскошь биржевику, оно поднимает его кредит. Актер прекрасно знает свои сценические недочеты, но он никогда в них не признается, он никогда не будет на них жаловаться, а, напротив, будет их энергично отрицать. Одним словом, в своей сфере, с товарищами и с театрами, он никогда не бывает искренен по отношению своего художественного «я». Возьмем хотя бы такой случай: идет премьера, актер чувствует, что роль ему удалась, этого актер не может не чувствовать, а окончив сцену, он уходит за кулисы со скорбным лицом. И режиссер, и товарищи поздравляют его с успехом, а он хмурится и твердит:

— Нет, не то, не то...

Вы знаете, что это значит? Это значит, что даже такое прекрасное исполнение роли не может его удовлетворить, ибо он слишком художник! И он настолько гипнотизирует таким маневром поздравляющих его, что кто-нибудь восклицает:

— Подожди, подожди, выиграешься, так будешь в этой роли иметь колоссальный успех!

И он прекрасно знает, что это так, но ему необходимо, чтобы все были уверены, что он *может* гораздо лучше.

Возьмем обратный случай. Роль актеру не удалась, что он тоже прекрасно всегда сознает. После сцены актер выходит за кулисы с сияющим, вдохновенным лицом и радостно восклицает:

— Черт возьми! Только сейчас поймал, где я ошибаюсь, на репетициях никак не мог схватить роль, а сейчас ясно вижу, что веду ее не так...

И тут же начинает совершенно правильно критиковать свое исполнение, умалчивая, однако, о том, как надо вести роль. А собеседники уже развесили уши и соглашаются с ним, что роль вести надо не так. А как? Ну, раз он знает, как ее не надо вести, он, конечно, знает, как надо. И в дальнейшем он все-таки играет плохо, но и режиссер и товарищи приписывают его неуспех в этой роли тому, что она не удалась автору и потому из нее ничего нельзя сделать.

Этими двумя примерами, казалось бы, в достаточной степени обрисовывается «актерское», но я хочу остановиться еще на нескольких проявлениях его. Проследим, например, организацию какой-нибудь поездки. И актер, организующий эту поездку, и намеченный им в эту поездку актер, оба прекрасно знают результат, к которому они придут, но оба также знают, что до достижения этого результата они долго будут играть комедию. Организатор предложит «первачу» гонорар, на который не согласился бы и выходной актер, а «первач» заломит такую сумму, которая будет равняться нескольким полным сборам. И вот тут-то будут пушены в ход и поцелуи, и громкие фразы об искусстве, один будет призывать к чувству товарищества, другой будет говорить о непреоборимом желании поддержать дело своим мощным талантом, и оба в то же время будут прекрасно сознавать, что к соглашению они все-таки придут, но кокетничать будут довольно долго, и правильно угадают оба тот момент, когда кокетство это надо будет бросить!

А капризы?! Актер как человек вовсе не капризен, и в обыденной жизни это милейший малый, но достаточно ему перешагнуть порог двери, на которой красуется надпись «вход на сцену посторонним лицам строго воспрещается», как он преображается. Я не видал актера, переступившего этот порог с довольным и радостным лицом, оно у него всегда угрюмо. И это потому, что он знает, что за этим порогом ему непременно придется по какому-нибудь поводу отстаивать свой престиж. И те, которым предстоит иметь с ним дело, режиссер, администратор, автор, великолепно понимают, что угрюмость эта напускная, но она представляет собою неотъемлемый элемент в театральной сфере. Как-то один актер в задушевной беседе сказал мне:

— Поверьте, всякий из нас знает, чем у каждого из нас в середине воюет...

Они действительно это знают, и все же не могут не играть друг с другом комедий.

Конечно, не всегда и не все кончается к общему благополучию. Часто, и даже очень часто, театральные деятели разругиваются до того, что перестают кланяться, не подают друг другу руки, и один из них уходит из дела, и в большинстве случаев уходит тот, в котором театр нуждается больше. Уходит он, давая понять, что он без дела не останется, а вот пусть театр попробует обойтись без него! А пройдет короткое время, и он опять, как ни в чем не бывало, возвращается в театр и целуется с тем, из-за которого ушел.

Если нужны доказательства тому, что я говорю, то вот какой был, между прочим, случай. В Александринском театре режиссером-администратором был А. Н. Лаврентьев.⁸⁵ Ю. М. Юрьев⁸⁶ был недоволен каким-то его распоряжением, и они разругались, как говорится, вдрызг, разругались настолько, что до конца сезона не кланялись, и Лаврентьев не смел даже войти в уборную Юрьева, которая была у него общая с Ходотовым.⁸⁷ По окончании сезона Юрьев, вообще недовольный постановкой дела в театре, ушел и, когда открылся Большой драматический театр, вступил в труппу этого театра. А главным режиссером в нем оказался Лаврентьев. И они были «на ты» и в самых дружеских отношениях!

Всякие воспоминания, так или иначе, но все же причастны к какой-нибудь области истории, мои воспоминания, хотя бы и краешком, приобщаются к истории театра, поэтому я считал бы не лишним поведать в них о подоплеке возникновения Большого драматического театра.⁸⁸

История эта крайне интересна. Юрьев, уйдя из Александринского театра, остался безработным. С его именем он, конечно, не мог идти в какой-

⁸⁵ Лаврентьев Андрей Николаевич (1882—1935) — актер, режиссер.

⁸⁶ Юрьев Юрий Михайлович (1872—1948) — актер. Начиная актерскую карьеру в Малом театре, с 1893 г. в Александринском театре. Автор воспоминаний: Записки: В 2 т. Л.; М., 1963.

⁸⁷ Ходотов Николай Николаевич (1878—1932) — актер Александринского театра с 1898 г. Особенно известен «студенческими» ролями.

⁸⁸ Большой драматический театр был создан в Петрограде в 1919 г. при непосредственном участии М. Ф. Андреевой, А. А. Блока, М. Горького. Открылся 15 февр. спектаклем «Дон Карлос» Ф. Шиллера в помещении Большого театрального зала Консерватории. С 1920 г. занимает здание б. Суворинского театра на Фонтанке.

нибудь театрик, вроде Маленького,⁸⁹ Свободного⁹⁰ и т. п. А заработок был необходим. Будучи в Александринском театре, он уже заручился симпатиями Луначарского,⁹¹ и вот он придумал такой выход: он решил организовать театр строгой классики⁹² и для этого образовал «художественный совет», в который согласились войти, между прочими, Горький и Шалапин, о чем и выпустил широковещательные афиши. Неоднократно спрашивал я его, собирался ли этот совет хоть один раз, он отвечал уклончиво. Но собака была зарыта недалеко: дело в том, что безработною оказалась и М. Ф. Андреева,⁹³ супруга Горького, бывшего, конечно, «persona grata»^a у Луначарского. Андреева должна была тоже участвовать в этих спектаклях. Для первой постановки был избран «Эдип» и для этой цели был снят цирк, в котором был поставлен еще и «Макбет».⁹⁴ Особого, шумного успеха спектакли эти не имели, но возвращаться к безработице ни Юрьеву, ни Андреевой не хотелось, и вот, в недрах Комиссариата по просвещению, при благосклонном участии Горького и Андреевой, возникает мысль об учреждении в Москве театрального отдела с выделением из него для Петербурга «отдела театров и зрелищ», в ведение которого должны были поступить все театры, за исключением бывших императорских. А во главе этого учреждения становилась все та же г-жа Андреева. И по пословице «своя рука владыко» начинается ломка всего, что существовало, для того, чтобы Андреева имела дело и как актриса. Музыкальная драма,⁹⁵ свившая себе прочное гнездо в театре Консерватории,⁹⁶ выселяется отсюда в театр Народного Дома,⁹⁷ а театр Консерватории предоставляется вновь возникаю-

^a persona grata — лицо, пользующееся особым вниманием (лат.).

⁸⁹ *Маленький театр* находился в Петрограде, ответственным руководителем его в 1923 г. был О. И. Агулянский.

⁹⁰ *Свободный театр* основан К. А. Марджанишвили (Марджанов) в 1913 г. на средства В. П. и Е. М. Суходольских; работал в саду «Эрмитаж» в Москве; после ликвидации его в 1914 г. Суходольские организовали в «Эрмитаже» Московский драматический театр.

⁹¹ *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875—1933) — критик, публицист, нарком просвещения (с 1917).

⁹² В 1918 г. Юрьев создал в Петрограде так называемый Театр трагедии, открывшийся на арене бывшего цирка Г. Чинизелли спектаклем «Царь Эдип» — трагедией Софокла (ок. 429 до н. э.), где Юрьев выступил в роли Эдипа.

⁹³ *Андреева (наст. фам. Юрковская, по мужу Желябужская) Мария Федоровна* (1868—1953) — актриса, общественный деятель. С 1903 г. гражданская жена М. Горького. Одна из основательниц и актриса Большого драматического театра (1919—1926), комиссар театров и зрелищ Петрограда (1918), заведующая Петроградским театральным отделом (1919—1921).

⁹⁴ «Макбет» — трагедия В. Шекспира (1606). Макбета играл Юрьев, ледн Макбет — Андреева.

⁹⁵ *Музыкальная драма (Театр музыкальной драмы)* — оперный театр, существовавший в Петрограде в 1912—1919 гг. На сцене театра выступали А. И. Мозжухин, М. И. Бриан, Л. В. Собинов, Л. Я. Липковская. Основные художественные положения театра см. в брошюре: Театр Музыкальной Драмы. СПб., 1912.

⁹⁶ Имеется в виду сцена *Большого театрального зала Консерватории*, функционировавшего с 1890-х гг. Здесь выступали труппа итальянской частной оперы (1890—1910-е), С. Бернар (1908), Э. Дузе (1908) и др.

⁹⁷ Имеется в виду *Народный дом Николая II* (официальное название: *Заведение для народных развлечений императора Николая II*) в Александровском парке Петроградской стороны. Первый театр в составе Народного дома построен в 1900 г. (ныне театр «Балтийский дом»).

шему Большому драматическому театру, который зиждется на трех китах, на Юрьеве, Максимове и Монахове.⁹⁸

Вспоминаю остроту жены Монахова.⁹⁹ Как-то он при ней спросил меня, что я скажу о театре. Я предполагал ответить ему, что у них недостает перwokлассной актрисы, и начал так:

— Все очень хорошо, но на таких трех осетров, как вы, Юрьев и Максимов...

— ...нет ни одной осетрины! — закончила за меня m-me Монахова.

В издании этого театра «Дела и дни Большого драматического театра»¹⁰⁰ история его возникновения изложена иначе, и изложение это напоминает мне известный анекдот о том, что, когда спросили еврея, как его фамилия, он ответил:

— Пишется Рабинович, а выговаривается Медведев!

Точно так же и в этом издании писалось, например, со слов Андреевой, что «когда *освободилось* здание театра Консерватории, решили обосноваться там».¹⁰¹ Так писалось, а выговариваться должно было так: когда я, по настоянию Юрьева, выселила Музыкальную драму из театра Консерватории... и т. д. И я помню, что, когда Юрьев сказал мне, что Большой драматический театр будет помещаться в театре Консерватории, я ответил ему, что не следовало бы для создания одного театра производить ломку в другом.

И вообще, в этом издании многое писалось не так, как должно было выговариваться. Например, о постановке «Макбета» пишется, что на качестве спектакля сильно отразилась «неудача с декорациями и бутафорией», привезенными из московского Малого театра и не соответствовавшими размеру сцены театра Консерватории, и что *поэтому* на спектакле «даже получалось местами впечатление несыгранности»!¹⁰² А выговариваться это должно было бы так: «Макбет» был поставлен по капризу Юрьева, а вся труппа, подвинчиваемая Монаховым, которому там не было роли, отнеслась к постановке спустя рукава, нельзя же, в самом деле, серьезно уверять, что ведьмы не знали ролей и мест, потому что кулисы были коротки!

Однако я забежал слишком вперед, ибо предполагаю закончить эти воспоминания февралем 1917 г., а то, что я написал о создании Большого дра-

В февр. 1917 г. Народный дом оказался в ведении Городской думы, комиссаром назначена М. Ф. Андреева.

⁹⁸ Монахов Николай Федорович (1875—1936) — актер. Вместе с Андреевой и Горьким принимал участие в организации Большого драматического театра в Петрограде.

⁹⁹ Константинова (по мужу Монахова) Александра Петровна (1887—?) — танцовщица, дочь артиста-скрипача П. А. Константинова и известной певицы Ю. А. Юносовой. Окончила театральное училище в 1905 г. и была определена в балетную труппу Мариинского театра, служила в ней до 1928 г.

¹⁰⁰ Имеются в виду сборники статей: Дела и дни Большого драматического театра. [Пг.] 1919—1926. № 1, 2. Сборник № 2 посвящен 30-летию артистической деятельности Н. Ф. Монахова.

¹⁰¹ Там же. Сб. № 1. С. 44.

¹⁰² Ср.: «Неудача с декорациями и бутафорией сильно отразилась на качестве спектакля. Пришлось наскоро менять мизансцены и, несмотря на хорошее исполнение главных ролей, общая нервозность дала себя знать, и в исполнении чувствовался некоторый надлом, не было общности тона, даже получалось местами впечатление несыгранности, что особенно давало себя знать в народных сценах» (Там же. С. 49).

матического театра, относится уже ко времени революции и должно было бы войти в ту часть моих воспоминаний, если они будут написаны, которые будут охватывать это время.

Итак, возвращаюсь назад.

С Собиновым я встречался редко, и он оставил во мне впечатление изящного, корректного и утонченно вежливого человека. Он рассказал мне такой случай: когда, в ночь на 17 октября 1905 г. стал известен манифест о свободах,¹⁰³ он, носивший форму прапорщика запаса, жил в Петербурге, в меблированных комнатах Мухина, на углу Морской ул. и Кирпичного пер. Он вышел на улицу, желая посмотреть, что там происходит, и на углу Невского и Морской толпа узнала его и закричала:

— Собинов, гимн, гимн!..

И Собинов пропел на этом углу три раза гимн.

Судьбе угодно было сблизить меня с одним из интереснейших людей, с Михаилом Провычем Садовским, но, к сожалению, сблизила она меня с ним уже на склоне его лет и его деятельности. Познакомился я с ним в режиссерской Малого театра во время репетиции. Он вошел, поздоровался с Кондратьевым и совершенно просто протянул руку и мне, как будто мы с ним были уже давно знакомы. Я в это время подговаривал Кондратьева пойти куда-нибудь позавтракать.

— А вы куда собираетесь? — спросил Садовский. — Пойдемте в «Alpen Rose».¹⁰⁴

— Да там актера слишком много, — сказал Кондратьев.

— Что же из этого?! А ты разве не актер? Каждое животное лепится к своей породе.

И мы отправились. Завтракая с этими двумя стариками, я испытывал истинное наслаждение, слушая их воспоминания о былой жизни Малого театра. И уже не первый раз я себя ругаю за то, что я так легкомысленно относился к таким встречам и не записывал своих впечатлений и всего того, что мне приходилось слышать. Поэтому мне приходится просить читателя, чтобы он верил мне на слово, что такие встречи имели захватывающий интерес.

Садовский, один из идеальнейших толкователей Островского,¹⁰⁵ принадлежал к тем громким именам, которые составляют славу и гордость русского театра. Я не думаю, чтобы кто-нибудь когда-нибудь мог забыть, например, его сцену с бесподобной Ольгой Осиповной Садовской в «Волках и овцах», это было нечто переходившее уже границы обыкновенного исполнения, это было уже нечто классическое!

И что это был за очаровательный человек и в частной, и в общественной жизни! Садовский нигде не бывал в одиночестве, и Москва хорошо знала своего Михаила Провыча. Куда бы он ни пришел, на сцену, в клуб, в ресторан, он всегда окружен народом, он со всеми шутит, острит и в то же время незаметно наблюдает. Наблюдательность у него была прямо по-

¹⁰³ Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанный Николаем II в момент наивысшего подъема Октябрьской всероссийской стачки, провозглашал гражданские свободы, создание Государственной думы и т. д.

¹⁰⁴ «Alpen Rose» (Альпийская роза) — ресторан в Москве на Софийке.

¹⁰⁵ *Островский Александр Николаевич* (1823—1886) — драматург.

разительная! Иногда, смотря на человека, он по какому-нибудь жесту его, по какому-нибудь случайно брошенному им выражению определял и его характер, и его общественное положение. Что же мудреного в том, что все созданные им типы были так удивительно правдивы, так жизненны! Одно какое-нибудь характерное движение, которое он делал, исполняя роль, и перед вами вставал совершенно живой образ. Садовский был и талантливый беллетрист, но придавал слишком мало значения своим литературным трудам и писал редко.¹⁰⁶

— Балуюсь по малости, — говаривал он о своей литературной деятельности.

— Михаил Провыч, почему вы теперь ничего не пишете? — спросил я его однажды.

— Не гожусь.

— Как не годитесь?!

— Так, в писатели не гожусь. Алексей Сергеев Суворин¹⁰⁷ не признает, а прежде признавал и просил присылать ему мои рассказы.

— Но почему же вы знаете, что он не признает?

— Да вот, с год тому назад, послал я ему небольшой рассказец и просил дать мне ответ, поместит ли он его, и до сих пор я от него этого ответа не получил. Важен стал! А я помню другое время: был я у Плещеева¹⁰⁸ на даче, в Давыдкове, и заговорили мы с ним о новом роскошном издании Шиллера. Плещеев хотел мне его показать и никак не мог его найти. Вечером я уехал домой, а на другой день горничная докладывает мне, что меня на кухне спрашивает какой-то человек. Я приказал впустить его, и передо мною предстал молодой человек, весь в пыли, держа под мышкой несколько толстых книг.

— Вот-с, — сказал он, — А. Н. Плещеев просил вам передать эти книги, я шел сюда из Давыдкова, он и поручил мне это...

— Как, вынесли эти книги из Давыдкова! — воскликнул я.

— Да-с, что же-с, почему же не принести.

Фамилия этого молодого человека была Суворин! Я был так же молод, как он, и жаль мне его стало ужасно. Напоил я его чаем, побеседовали мы с ним на литературные темы и с тех пор были знакомы. Переписывались иногда, а потом, когда он вошел в славу, я посылал ему свои вещицы. А теперь, подите-ка, рукой уж не достанешь Алексея Сергеева! — заключил Садовский.¹⁰⁹

¹⁰⁶ Рассказы Садовского публиковались в журналах «Артист», «Русский вестник», «Русское обозрение». Отдельным изданием вышла кн.: *Садовский М. П.* Рассказы: В 2 т. М., 1899. Садовский был также автором оригинальных пьес, занимался переводами классических пьес иностранного репертуара (например, перевел «Федру» Расина). Далеко не все сделанные им переводы пьес опубликованы.

¹⁰⁷ *Суворин Алексей Сергеевич* (1834—1912) — беллетрист, драматург, фельетонист, издатель газеты «Новое время».

¹⁰⁸ *Плещеев Алексей Николаевич* (1825—1893) — поэт, переводчик, прозаик, драматург.

¹⁰⁹ Сохранившееся письмо М. П. Садовского к Вл. Рышкову от 19 июня 1906 г. с просьбой о посредничестве в передаче его рассказа Суворину дополняет приведенные воспоминания: «...написал я еще маленький рассказ в размере на один газетный фельетон; лежит он у меня три недели безо всякого движения; „Русское слово“ и вообще все наши газеты так наштапиговались Думой и прониклись таким крайним радикализмом, что им не до беллетристических глу-

С особенною гордостью я могу сказать, что мне приходилось подолгу и помногу беседовать с Садовским, и, конечно, всякому понятно то наслаждение, которое я испытывал, когда он оживлялся, уходил в воспоминания, высказывал свои взгляды на искусство, на театр. Он интересовался положительно всем, это был «ярко выраженный энциклопедист». И нумизматика (у него была редкая коллекция), и этнография, и естественные науки, и литература, и общественная жизнь — все ему было интересно, все им оценивалось, обо всем он судил свободно, с присущим ему юмором.

Говоришь, бывало, с ним о каком-нибудь новом открытии, он уже развивает конечные результаты этого открытия, и сейчас же являются и остроумная фантазия и редкий юмор; говоришь с ним о новой пьесе, и в нем пробуждается беспощадный и чуткий критик.

В том сезоне, в котором я познакомился с Садовским, я встречался с ним сравнительно редко, большею частью в Малом театре, заходя к нему в уборную поболтать.

Однажды при мне зашел к нему Шаляпин.

— Миша, — сказал он, — смотрю я на вас, драматических, и завидую.

— Во-на! Ты нам завидуешь?!

— Конечно. Ведь вы какие-то вечные! Возьми меня, пропадет у меня голос, кому я нужен? Ни на какого черта не буду годен, грош мне будет цена, а ты до конца жизни будешь на подмостках. Тебе что! Нет, когда голос пропадет, я в драму перейду...

— И дурак будешь!

— Как дурак?!

— Так: дурак. Ведь вы, оперные, совершенно не знаете драматических подмостков, понимаешь, у вас размеры другие, которые въедаются у вас в плоть и в кровь, и вы будете в драме «вступать», а не отвечать, и благодаря этому у вас явятся глупейшие паузы, такие паузы, которые невозможны даже у последнего выходного актерика. Ты, небось, полагаешь, что, выйдя в драме, ты так, сразу, и отделаешься от оперной размеренности.

— Уверен! И увидишь, выступлю в трагедии...

— Ну, и на здоровье! Только, когда провалишься, вспомни меня, старика...

В следующем сезоне мы сошлись ближе. Он в это время переживал тяжелое горе. Жена его сына, Прова, балерина Рославлева,¹¹⁰ была смертель-

постей. Алексей Кондратьев дал мне мысль отправить мой пустячок к Суворину и даже вызвался сделать это через посредство приказчика в Суворинском московском книжном магазине; в то время я отвергнул это предложение, а потом, пооглядевшись, пришел к заключению, что хотя Суворина и укоряют в каких-то неблагоприятностях, но мне до этого никакого дела нет, ибо газета его сохранила свою всегдашнюю форму. Как Вы посоветуете? Хотя я знаю Суворина всего 45 лет, но почему-то стесняюсь обратиться к нему непосредственно. Я хоть и дрянной литератор, но не привык, чтобы мне возвращались от редакторов и издателей мои рукописи обратно, а Суворин такой самодур и сумасброд, что, несмотря на почти полувековое наше знакомство, может выкинуть какую-нибудь штуку, которая может оказаться мне вовсе неприятной. Не найдется ли у Вас какого-нибудь человечка, который мог бы спросить об этом деле у Суворина? Или, может быть, у брата есть кто-нибудь? Простите, дорогой мой, что беспокою Вас едва ли осуществимой просьбой...» (РО ИРЛИ, ф. 270).

¹¹⁰ Рославлева Любовь Андреевна (1874—1904) — артистка балета, с 1892 г. солистка Большого театра, занимала ведущее положение в балетной труппе. Скончалась в Цюрихе по-

но больна и лечилась за границей. Оттуда приходили все более и более тревожные вести о ее здоровье.

— Верите ли, — говорил мне Садовский, — места себе нигде не нахожу! Она, конечно, умрет, болезнь у нее неизлечимая. И кому нужна эта смерть?! Вот, такое молодое существо, имеющее все права на жизнь, умирает, а такое старье, как я, живет и, чего доброго, проживет еще долго. А говорят о справедливости! Не справедливость, а какая-то чертова ерунда!

Он действительно не находил себе места. Он не переносил покойной жизни, ему нужны были толпа, движение, впечатления. И он почти не бывал дома. Из «Alpen Rose» он перекочевал в «Эрмитаж»,¹¹¹ приезжал туда к часу дня, сидел до пяти, ехал на минутку домой и в девять часов бывал уже в английском клубе.

И как неправы были те, которые говорили тогда, что Садовский «запил»!

Нет! Садовский не запил, но он искал выход из того кошмара, который создала ему жизнь, он искал забвения, а забвение это приходит разными путями, и тот, кто отвергает эти пути во что бы то ни стало, сильно заблуждается! Если Садовский мог находить это забвение в виски, можно только радоваться за него...

В один из моих приездов в Москву, вскоре после нашего знакомства, пришел я к нему в уборную.

Кстати, об этой уборной: она теперь уже не существует. Помещалась она под лестницей, которая вела наверх, с правой стороны глубины сцены. После смерти Садовского там помещался кабинет режиссера-администратора. В ней очень интересна была стена, к которой примыкал левой стороной гримировальный стол. Садовский рисовал на ней гримировальными красками, и рисовал очень искусно, те типы, которые он изображал. И когда, после смерти его, это помещение ремонтировалось, мудрая администрация не нашла ничего умнее, как закрасить эти рисунки желтой краской! Ремонт производился летом, артисты разъехались, и некому было протестовать против этого вандализма, а какую ценность представляли собою эти рисунки для всех Боолей, Нелидовых¹¹² и иже с ними!

Так вот, пришел я к нему в уборную, а он мне говорит:

— Почему вы меня никогда не навестите?

— Да я как раз собирался это сделать завтра, но не знал, когда вас лучше застать.

— Завтра я буду дома с двух часов.

На другой день я подъехал к его домику, на углу Мамоновского и Трехпрудного переулков, к типичному московскому одноэтажному особнячку

сле мучительной болезни. См. о ней очерк в кн.: *Валериан Светлов*. Терпсихора: Статьи. Очерки. Заметки. СПб., 1906. С. 339—347.

¹¹¹ «Эрмитаж» — ресторан и гостиница в Москве. Находился на углу Неглинной ул. и Петровского бульвара.

¹¹² *Нелидов Владимир Александрович* (1869—1926) — театральный критик, историк театра, чиновник особых поручений при Московской конторе императорских театров (1893—1900), заведующий репертуаром Малого театра (1900—1907), управляющий труппой Малого театра (1907—1909).

николаевской постройки. Вход был с улицы, и на дверях были прибиты медные дощечки с надписями, на одной половинке «Ольга Осиповна Садовская», а на другой «Михаил Провыч Садовский». На мой звонок меня впустила горничная, я вошел в переднюю и увидел налево большую, кажется, в четыре окна залу, а дальше кабинет, на пороге которого стоял Садовский и около него чудный сеттер-гордон с несколькими медалями на ошейнике. Мы поздоровались, и Садовский сказал:

— Вот, рекомендую — Тамерлан. Заслуженный! Как видите, у него знаков отличия больше, чем у его хозяина. Нам, «подлому сословию», редко «жалуют» эти отличия, а у нас их ох как любят!

И тут же он рассказал мне такой случай.¹¹³

«Покойный Самарин¹¹⁴ получил медаль на шею и очень ею гордился. Едем мы с ним, вскоре после этого, зачем-то в Петербург, и я был вполне уверен, что Самарин взял медаль с собою и непременно будет в ней красоваться. Не хотелось мне этого ужасно! Придумывал я, придумывал, как бы его до этого не допустить, и блеснула у меня счастливая мысль.

— А что, медаль с вами? — спросил я его.

— Да, там где-то в чемодане, — ответил он равнодушно.

— Покажите мне ее, пожалуйста.

— Ну, чего ты медали не видал...

— Ну, пожалуйста.

— Фу ты! Вот пристал... Сними чемодан, найди ее и любуйся, если тебе это уж так необходимо.

Я снял чемодан с сетки, нашел в нем медаль и стал ее рассматривать. Этого мне только и нужно было.

Полюбовавшись ею, я ее молча уложил обратно.

— Ну что, наслаждался? — спросил Самарин.

— Нет.

— Что ж так?!

— Да как же! Такой вы большой артист, а к вам начальство относится хуже, чем к сапожнику. Ведь сапожнику дают медаль „За трудолюбие и искусство“, а вам дали ее только „За усердие“. Неужели же в вашей игре видно только „усердие“, а не „искусство“?!

— Верите ли, — закончил Садовский, — Самарин эту медаль ни разу в жизни не надел...».

И действительно, очень любят актеры ордена. Достаточно вспомнить хотя бы Варламова,¹¹⁵ который при фраке, если не выступал в нем на сцене, непременно нацеплял на шею Станислава 2-й ст. и привешивал его на такой длинной ленте, что он у него приходился на середине груди!

¹¹³ Рассказ об этом случае с минимальными разночтениями в тексте Рышков опубликовал в заметке «Театральная копилка» в газ.: Обзорение театров. 1909. 25 июня. № 770. С. 6—7 (за подписью — Яшин).

¹¹⁴ Самарин Иван Васильевич (1817—1885) — актер, педагог, играл всю жизнь на сцене Малого театра.

¹¹⁵ Варламов Константин Александрович (1848—1915) — актер комедийного дарования, сын композитора А. Е. Варламова. С 1875 г. до конца жизни играл на сцене Александринского театра.

Однажды на Пасхе я прочитал в «Правительственном вестнике», что Кондратьеву дан Станислав 3-й ст. Это старику-то в 60 лет!¹¹⁶ Мы с братом, желая посмеяться над этой глупостью, послали ему телеграмму, в которой поздравляли его «с монаршей милостью» и радовались, что его художественная деятельность так щедро оценена! А когда мы с ним, вскоре после этой телеграммы, встретились, он меня очень тепло и искренно благодарил за нее!

Да и сам Садовский, постоянно трунивший над всякими знаками, получив звание заслуженного артиста, не расставался со знаком, присвоенным этому званию. Он и в «Эрмитаже» сидел в поношенном сереньком пиджачке, на котором красовался этот знак...

Мы вошли в кабинет. Это была угловая комната, средних размеров, стены которой были увешаны редкими портретами, картинами и карикатурами и заставлены шкапами с книгами. Книгу Садовский любил страстно, и трудно было ему больше угодить, как прислать ему книгу. На одном из окон лежали старая собачка Рыжик и кот. Садовский постоянно с ним разговаривал.

— Что, опять пропадали, — обратился он к нему как-то. — Пора бы вам и бросить ветреную жизнь, брали бы пример с хозяина, он, кроме «Эрмитажа» и английского клуба, никуда! А места эти благонадежные...

Рыжик словно понимал его, смотрел на него, подняв голову, шурил один глаз, вилял хвостом и потихоньку ворчал.

Вошла Ольга Осиповна, и беседа наша перешла на театр и его переживания. Садовский сидел за письменным столом и рисовал на клочке бумаги какие-то замысловатые виньетки, делая это очень искусно.

— Вот, — сказал он, — занимаешься такою на вид ерундою, а сколько за это время передумаешь да мозгами поработаешь, страсть!

Ольга Осиповна одна из самых ярких звезд великолепного созвездия талантов Малого театра. Каких только типов не создала она за время своего служения театру, и нет ни одной пьесы Островского, где бы она не поддержала своим могучим талантом великого драматурга. Садовская была с головы до пят наша чудная русская женщина. Это сказывалось во всем: и великолепный товарищ, и друг-жена, и любящая мать, и радушная хозяйка, и дивный драматический талант, и крупное музыкальное дарование. Вероятно, немногие знают, что автором известного романа «Запрягу я тройку борзых, темно-карих лошадей» является Садовская.¹¹⁷

¹¹⁶ Ордена, как и чины, давались в дореволюционной России не только за конкретные отличия, но и за выслугу лет. Орден св. Станислава 2-й и 3-й степеней давал право на личное дворянство, орден св. Станислава 1-й степени — на потомственное. Недоумение Рышкова объясняется еще и тем, что сам он был награжден орденом Станислава 3-й степени в молодом возрасте в 1896 г., тогда как Кондратьев его получил в 60 лет.

¹¹⁷ М. М. Садовский (младший) вспоминал о том, что его бабушка, О. О. Садовская, получила хорошее музыкальное образование и в юности мечтала посвятить себя музыке. Он пишет также, что ей принадлежит музыка к известной песне «Запрягу я тройку борзых / Темно-карих лошадей / И поеду в ночь морозну / Прямо к любушке моей». О музыкальном даре О. О. Садовской М. М. Садовский, в частности, вспоминает: «Немало музыкальных произведений Ольги Осиповны исполнялось в свое время и оркестром Малого театра в антрактах. Бравурный марш Ольги Осиповны, который она исполняла на рояле в торжественные дни, живет в нашей семье и сегодня. В дни именин, на встречах Нового года этот марш всегда исполнял мой отец, а сего-

Перекочевав из «Alpen Rose» в «Эрмитаж», Садовский уже почти не выходил оттуда, сидя постоянно за одним и тем же столом.¹¹⁸

— Я, как паук здесь, — острил он про себя, — расставил сети и, уж извините, ни москвич, ни петербуржец мимо меня тут незамеченным не пройдет! Как вошел сюда, так я его и вижу. Пожалуйста-ка на расправу, рассказывайте, что видели, что слышали...

За этим столом ему постоянно прислуживал один и тот же слуга. Это был маленького роста расторопный человек, настоящий тип московского полового. Он положительно обожал Садовского. Кажется, именно Садовский прозвал его «Героем», и так и утвердилась эта кличка за ним на веки вечные.

Садовский рассказывал о нем уморительные истории. Как-то осенью пришел я к Садовскому в «Эрмитаж», и ко мне подошел не Герой, а другой половой.

— А Герой где же? — спросил я.

— Они в отпуску-с, — ответил Садовский с каким-то почтением в тоне. — Знаете, летом подходит он ко мне, заваривает «шпрудель» и говорит:

— У меня к вам просьба, Михаил Провыч.

— Что прикажете? — спрашиваю.

— Позвольте в отпуск осенью съездить.

— Да что ж я тебе начальство, что ли?

— Начальство приказало вас спросить.

— Ну, коли меня, так поезжай. А ты что же, домой собираешься?

— Да-с, и домой, и в Ярославль съездить хочу.

— Зачем же в Ярославль, ведь ты рязанский?

— Ну, все же город обойду да осмотрю, все ведь знать полезно.

Садовский заразительно захохотал и проговорил:

— Нет, ну может кто-нибудь объяснить, почему ему этот Ярославль в башку залез?! Вот турист *quand-têте!*^a Да вы думаете, этим и кончилось? Нет, дальше послушайте: куда-то он отлучился, потом подходит ко мне опять и говорит:

— Я вам, Михаил Провыч, подарок привезу.

— Это откуда, из Ярославля-то?

— Да-с.

— Ну, что же ты мне оттуда можешь привезти? Полотна? Так на что мне этот бабий товар?!

— Зачем полотна? А я вам привезу запонки, и на них будет ваш портрет.

— Да на кой черт мне мой портрет, — говорю, — я себе и без него сам достаточно надоел.

— Оно точно-с, а лучше вот что: так как вы мужчина взрослый, я вам привезу мундштучок, и на нем две кошечки будут сидеть...

^a *quand-têте* — однако (*фр.*). Здесь: выискался, нашелся.

дня в те же торжественные дни его играет моя сестра Татьяна Михайловна Садовская или мой племянник Петр Кириллович Кондрашин». См.: Садовский М. М. Записки актера. М., 1975. С. 85.

¹¹⁸ «После его кончины в 1909 году правление ресторана в его память даже прибило у стены серебряную доску с надписью „Здесь сидел М. П. Садовский“, — вспоминал В. А. Нелидов. См.: Нелидов В. А. Театральная Москва. Сорок лет московских театров. М., 2002. С. 145.

Тут уж Садовский разразился громким хохотом и проговорил:

— Нет, какова цаца-то! Таких у вас в Петербурге нет. Две кошечки на мундштуке сидеть будут!.. Он мне часто подарки делает. Вот и эти очки — его подарок. И ведь что замечательно: я до сих пор понять не могу, как он стеклами мне потрафил! Спрашивал его, а он говорит: это-с нетрудно, какому старику стекло подобрать можно! Вот и поймите его, — заключил он, разводя руками.

Если, бывало, Герой замешкается и не подаст ему вовремя «шпруделью», Михаил Провыч, указывая на пустой стакан, напевал ему вполголоса:

Герой, я не люблю тебя!..¹¹⁹

«Шпрудель», т. е. содовая вода и виски, был его любимый напиток, он потому его так называл, что находил, что он исцеляет от всех болезней, и своих знакомых московских англичан он уверял, что он тоже англичанин по происхождению, так как фамилия его составляется из двух слов «сода» и «виски», которые русифицировались в «Садовский».

Он был настоящий гастроном. Как-то пришел я завтракать в «Эрмитаж» и спросил Героя:

— Чем вы будете сегодня угощать?

— Извольте скушать яйца кокот с мясным соком, — проговорил было он.

— Постой, постой, сам ты — кокот с мясным соком, — перебил его Садовский. — Ты вот что... нет, лучше позови-ка ты Егора Ивановича, мы с ним посоветуемся, а то ты все перепутаешь...

— Помилуйте, Михаил Провыч, как же можно перепутать.

— Как же можно, как же можно! И чего ты перед петербургским гостем финтишь, а помнишь...

И Садовский начал ему пересчитывать его промахи.

Когда явился Егор Иванович, составилось совещание, конечно, уж без моего участия. Все, что он ни предлагал, тоже не годилось.

— Да что же мы думаем, — вдруг воскликнул Садовский, — ну-ка насыпьте ему пятничных пирожков! Долго он их в Петербурге вспоминать будет, это не петербургский «цирлих-манирлих», а московское блюдо!

И всегда, бывало, Михаил Провыч придумает для подсевшего к его столу что-нибудь экстравагантное.

У нас равнехонько про всех готов обед,
Для званных и незванных
Особенно для иностранных...¹²⁰ —

со смехом говаривал он в таких случаях.

У Садовского была одна оригинальная особенность: он страшно любил цирк, даже не самый цирк, а клоунов. В то время, когда он был еще здоров

¹¹⁹ Из оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» по поэме А. С. Пушкина.

¹²⁰ Неточная цитата из монолога Фамусова в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Ср.:

Кто хочет к нам пожаловать, — изволь,
Дверь отперта для званных и незванных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнехонько, про всех готов обед.

и бодр, он в день своих именин, 22 ноября, ежегодно приезжал в Петербург. 21 ноября я обыкновенно получал телеграмму: «Выехал почтовым». Приезжая в Петербург утром, он шел пешком с Николаевского вокзала в Северную гостиницу,¹²¹ где постоянно останавливался. Часов до 12 пил чай и болтал с петербургскими друзьями, которые его непременно встречали на вокзале, а затем все ехали в Казанский собор, а оттуда завтракать к «Кюба».¹²² Там, как и в Москве, у него всегда находились знакомые. Он особенно радовался, встречая известного автора «Пары гнедых» Давыдова.¹²³

— А, жив, Саша?! — приветствовал его Садовский.

— Жив, Миша! А ты?

— Жив, жив! Ну, сядем, вспомним старинку...

В один из таких приездов, досидев у «Кюба» до вечера, он, обращаясь к нам, сказал:

— Господа, едем в цирк.

— Как в цирк?! — воскликнул кто-то.

— А что же? Разлюбезное дело! Ни один самый гениальный комик не придумает такого фортеля, какой придумает клоун. Я их ужасно люблю.

Все, конечно, согласились, и мы поехали. На лошадей, на наездников и на наездниц, на акробатов Садовский не обращал внимания; но стоило появиться клоуну, как он оживлялся, любовно следил за ним и хохотал. Какой-то клоун, бегая за лошадью, время от времени садился со всего размаху на барьер, и тогда что-то в нем пронзительно пищало. Садовский хохотал до слез. Вдруг клоун, хлопнувшись последний раз о барьер, запищал, затем засунул руку куда-то в свой наряд и вытащил крысу! Садовский пришел в полный восторг и принялся яростно аплодировать.

— Нет каков подлец, ведь что придумал! И местом-то каким пищал. А вы спрашиваете: как в цирк?! Конечно, в цирк, там великолепно.

Когда во 2-м отделении вышли на арену борцы, он сказал:

— Ой, давайте удерем, на кой черт нам эти окорока!

23 ноября он всегда уезжал и опять-таки с почтовым поездом. Когда я однажды спросил его, почему он не ездит с курьерским, он ответил:

— Ну вот! Спать-то все равно, что в курьерском, что в почтовом, зато в почтовом тем хорошо, что сидишь себе днем у окошечка и, Боже ты мой, каких только типов мимо тебя не промелькнет. Сиди и наслаждайся! А курьерский так летит, что человеческого лица не заметишь.

Всюду черпал для себя материал этот большой, разносторонний талант...

Однажды я спросил его, легко ли он заучивает роли:

— Никогда я их не учу, но запоминаю очень легко, для этого стоит только один раз переписать роль, и как только я ее перепишу, из меня ее уже ничем не вышибить. Память у меня хорошая. Помню, я еще не очень вла-

¹²¹ Имеется в виду Большая Северная гостиница в Петербурге на Невском пр., 118.

¹²² «Кюба» (Café de Paris) — ресторан в Петербурге на Большой Морской.

¹²³ Давыдов (наст. фам. Карапетян) Александр Давыдович (1850; по др. свед. 1849—1911) — артист оперы (тенор), оперетты, эстрады, популярный исполнитель цыганских романсов. «Пара гнедых» — романс на слова А. Н. Апухтина, переработка французского романса «Pauvres chevaux» (текст и музыка С. И. Донаурова).

дел итальянским языком, а все же запоминал его, когда он мне понадобился.

— А зачем он вам понадобился?

— Да, задумал написать рассказ из быта шарманщиков. Ну, естественно, нужно было их понаблюдать. В то время они жили в нескольких домах на Драчевке, это я узнал, проследив одного из них, встретил его на улице под конец дня и пошел за ним. В пять-шесть дворов еще зашел с ним и, наконец, добрел до Драчевки. Увидев, что там их целая колония, я усердно стал изучать итальянский язык и, как только немного совладал с ним, отправился на Драчевку и подружился с ними. Их быт я изучил прекрасно.

— Но почему же вас заинтересовали именно шарманщики? — допытывался я.

— Ах, Боже мой, да просто он мне на глаза попался, а в голову в это время такая мысль и пришла! Не все ли равно: шарманщик, трубочист, ломовик, в каждом из них свой собственный, очень интересный мир...

Удивительно талантливы были его шаржи и экспромты, которые он подписывал псевдонимом «Хемницер 2-й». Они существуют только в рукописях. Не было события в общественной или театральной жизни, на которое он не отозвался бы блестящими своего неисчерпаемого юмора. К сожалению, многие из них улетучились уже из памяти, если не были кем-нибудь записаны. Кое-что, к счастью, попало в музей А. А. Бахрушина.¹²⁴

Моя память сохранила три его экспромта.

Однажды я приехал в Москву в то время, когда в Петербурге был упорный слух, что Теляковский оставляет должность директора театров.

— Ну, что у вас, в Петербурге, нового? — спросил меня Садовский.

— Да вот, говорят, Теляковский уходит.

Садовский, помолчав мгновение, проговорил:

Теляковский, вероятно,
Скоро будет не при чем,
Ах, как было мне приятно
С этим милым усачом!..

¹²⁴ *Бахрушин Алексей Александрович* (1865—1929) — представитель известного купеческого рода Бахрушиных, предпринимателей в области кожевенного и суконного производства, благотворителей и общественных деятелей Москвы. Основатель династии купец Алексей Федорович (1800—1848). В конце XIX в. капитал фирмы составлял 2 млн руб. Алексей Александрович — один из владельцев пасового «Товарищества кожевенной и суконной фабрики А. Бахрушина и сыновей», мануфактур-советник, потомственный почетный гражданин Москвы, гласный Московской городской думы, театральный и общественный деятель. Как и его двоюродный брат А. П. Бахрушин (известный библиофил и собиратель декоративно-прикладного искусства), был меценатом и коллекционером. На основе коллекции русской и западноевропейской театральной старины основал литературно-театральный музей (ныне Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина), открывшийся 29 окт. 1894 г. В 1913 г. передал музей в ведение Российской Академии наук, а в 1919 г. музей был передан Театральному отделу Наркомпроса. О музее Бахрушина см.: *Бахрушин Ю. А.* Воспоминания. М., 1994; *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 г. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 45.

В пьесе Е. П. Карпова¹²⁵ «Жрица искусства» главную роль играла Е. К. Лешковская, а в очередь с ней актриса Балдина.¹²⁶ На репетиции Садовский сказал:

Возмущены мои все чувства,
Душа томлением полна,
С утра сегодня жрет искусство
Актриса Балдина...

Когда в Москву приезжал президент Французской Республики Лубе,¹²⁷ городская дума избрала А. А. Бахрушина¹²⁸ в число лиц, которые должны были его принимать. Садовский отозвался на это событие так:

Политика всегда верна себе,
Чтоб с Францией союз был не нарушен,
Приветствовать кожевника Лубе
Был послан живоде́р Бахрушин...

Лубе, как известно, был тоже кожевник, как и Бахрушин.¹²⁹

В последний год жизни Садовский как-то уж совершенно опустился и на сцене появлялся редко. В апреле 1910 г. я приехал в Москву и пошел по-видаться с ним в «Эрмитаж». Погода стояла великолепная, и в «Эрмитаже» были уже открыты и сад, и веранда. Когда я вошел на веранду, меня встретил Герой и спросил:

— Вы с Михаилом Провычем изволите завтракать?

— Да.

— Пожалуйте, вот их стол.

Я сел и сказал, что буду ждать Садовского.

— Они должны сейчас быть. Сегодня что-то запоздали, не прозевать бы их только.

— Как же вы его можете прозевать?! Ведь он сюда же придет.

— Так точно, только они приказывают их у входа в сад встречать.

Герой ушел, вернулся с приборами, стал их устанавливать, все время тревожно наблюдая за входом, и наконец, с криком «идут!» кубарем бросился с веранды в сад и побежал к входу. И я увидел такую картину. Садов-

¹²⁵ Карпов Евтихий Павлович (1857—1926) — режиссер, драматург.

¹²⁶ Возможно, Балдина Екатерина Васильевна (1887—?) — танцовщица, одно время играла в оперетте, родная сестра балерины А. В. Балдиной.

¹²⁷ Лубе (Loubet) Эмиль (1838—1929) — президент Франции в 1899—1906 гг. Официальный визит Лубе в Россию проходил в мае 1902 г.

¹²⁸ Имеется в виду Бахрушин Александр Алексеевич (1823—1916) — фабрикант-кожевник, благотворитель Москвы, отец Алексея Александровича Бахрушина.

¹²⁹ Юрий Алексеевич Бахрушин вспоминал по этому поводу: «Не любя фигурировать на придворных торжествах, дед вместе с тем с большим удовольствием принял назначение Московской городской думы принимать от лица города французского президента Лубе. Очевидно, готовность деда на этот раз объяснялась соображением, что Лубе по положению представитель буржуазно-демократической страны, а по специальности кожевенный заводчик». См.: Бахрушин Ю. А. Воспоминания. С. 345. Далее автор воспоминаний приводит ту же эпиграмму М. П. Садовского, но с некоторыми изменениями. Ср.:

Политика всегда заявит о себе:
Чтоб с Францией союз был не нарушен,
Встречать кожевника Лубе
Был послан живоде́р Бахрушин.

ский приподнял палку, Герой с поклоном принял ее, а Садовский его в это время благословлял, как это делают духовные лица, и затем открылось шествие: впереди Герой нес палку, держа ее так, как держит дьякон свечу, когда священник обходит церковь с каждением, за ним Садовский, положив правую руку на плечо Героя, а за Садовским швейцар. Процессия эта медленным шагом подвигалась к веранде; у входа на веранду швейцар снял с Садовского пальто, принял от Героя палку и отвесил Садовскому поясной поклон, а тот его благословил. Поздоровавшись со мною, он спросил:

— Видели наше шествие?

— Видел.

— Это у нас называется архиерейская встреча. Я ее придумал, чтобы подтянуть Героя, он ко мне всякое почтение потерял...

— Разве?

— Да не «разве», а — наверное. Подаст, собака, блюдо и провалится куда-то, должно быть, на кухне за судомойками ухаживает. Вот еще какое средство придумал, чтобы он следил за моим столом внимательнее...

С этими словами он вынул из бокового кармана пиджака небольшой картон и поставил его на стол. На нем было наклеено вырезанное из афиши название пьесы:

«Баскервильская собака»

А ниже рукою Садовского приписано: «личка Герой, пропала, и нашедшего просят возвратить в ресторан „Эрмитаж“, к столу Садовского».

Герой принес водку и закуску и с оттенком раздражения сказал:

— Михаил Провыч, снимите вывеску, стыдно ведь.

— Э нет, брат! Пусть каждый знает твое поведение, пусть и в Петербурге его узнают. Владимир Александрович и там расскажет, какие в Москве половые...

— Ну, как живете, Михаил Провыч? — спросил я.

— А вот кончик веревочки довиваем! Недавно пришлось было и совсем плохо, да ничего, отдышался. Что ж, ничего не поделаешь: лета! Вот возьмешь «Русское слово», взглянешь на первую страницу, видишь, а сверстники-то так и подбираются, и манят, и манят, пожалуйста, мол, давно пора!..

— Ну, полно, какое там, пора, — перебил я его, желая переменить разговор.

— Да уж я верно говорю, ведь предостережения-то были. Помните, как в былое время редакторам: первое предостережение, второе, а затем — крышка изданию!

Тяжело было это наше свидание. Садовский был вял, неразговорчив и сидел большею частью задумчиво и по временам глубоко вздыхая. Я позавтракал, мы расцеловались и расстались, чтобы никогда уже больше не встретиться.

Летом Михаил Провыч довил кончик веревочки.

Кроме Кондратьева и Садовского я в Москве был очень дружен со всей компанией Казина, о которой упоминал выше. Но, несмотря на то что с членами этой компании я встречался чаще, чем с Кондратьевым и Садовским, у меня сохранилось о них гораздо меньше воспоминаний, чем о пер-

вых, и объясняется это тем, что все они были люди молодые и занятые, и мы виделись хоть и часто, но коротко.

По развитию, уму и самобытности среди них, конечно, следует выделить Максимова. В то время он еще не определился окончательно как актер, но зачатки художественности в нем уже и тогда ясно вырисовывались.

Нельзя не сказать правды, что оперные артисты вообще народ малоразвитой, и редкий из них интересуется чем-нибудь, кроме своей профессии. Это и немудрено: ведь огромное большинство их люди малообразованные, сделавшиеся актерами не по призванию, а благодаря случаю, т. е. благодаря открывшемуся у них голосу. Скольких из них мы знаем, вышедших из неинтеллигентной среды, хотя бы, например, из церковных певчих. Ведь таких артистов, как Собинов и Стравинский,¹³⁰ не сосчитать десятками. Да и сам Шаляпин разве интеллигентен? Он, бесспорно, гениален, но малообразован.

Из числа тех оперных артистов, которых я встречал у Казина, интеллигентнее всех была Подольская. Из частых бесед с нею я вынес впечатление, что ее интересуют не только театральная жизнь, театральная интрига и театральные успехи. Она много читала, отдавая себе отчет в прочитанном, по-видимому, много думала и рассуждала. Вышла она из образованной семьи, отец ее был доктор, затем она неудачно вышла замуж за военного инженера. Голос у нее объявился довольно поздно, и тогда она пошла на сцену. Мне говорили, что она очень удачно выступала и в драмах на любительских спектаклях. С нею я был дружнее всего. И все-таки актерская жизнь положила и на нее свой отпечаток. В то время, которое я описываю, у нее было двое детей, сын 16 лет и дочь 14 лет, так что по самому скромному подсчету ей было тогда около 35 лет. А между тем, когда она однажды приехала в Петербург, и я приготовил ей номер в Европейской гостинице, встретил ее и привез туда, она на поданном ей листке о приезжающих в графе «возраст», не задумываясь, написала «25»! В Москве об этих детях никто, кроме меня, не знал, и она объясняла мне свое молчание о них тем, что не хочет, чтобы в театре знали ее года, потому что тогда о ее голосе будут судить не по нему, а по ее годам.

Пожалуй, она была и права.

Следующим по развитию был Богданович, по образованию врач. Однако эта профессия мало на нем отразилась, он весь погряз в интересах своей новой профессии и интересовался только ею. Остальные, сама Синицына, Балановская и Петров были типичнейшими оперными артистами. Вне театра, вне закулисной жизни с ее сплетнями и дразгами, с ее интригами, для них ничего не существовало. А сплетня и злоязычие царили там всюду! Синицына, например, как человек была прекрасное и добрейшее существо, а между тем вот какой был случай. Максимов в первый год своего пребывания в Москве жил в Лубянском проезде в том же доме, где и Казин, и столовался у них; само собою разумеется, что он чаще всего у них и бывал. Затем, когда он увидел, что укрепился в Москве прочно, он выписал из Петербурга свою мать, которую обожал, нанял квартиру на Большой Мол-

¹³⁰ Стравинский Федор Игнатьевич (1843—1902) — артист оперы (бас), коллекционер.

чановке и стал там устраиваться. Как-то был я у него, а затем приехал к Казиним.

— Что же, был ты у Володи? — спросила меня Синицына.

— Был. Он очень хорошо устраивается.

— Да, говорят. И из каких доходов?! Впрочем, его тут очень любят богатые купчихи...

К чему было говорить такую гадость о человеке, с которым она была очень дружна и «на ты»! И ведь, наверно, не мне одному она это говорила и, следовательно, пустила о Максимове скверную молву. Так себе, походя, здорово живешь!

Но я должен сказать, что, в общем, все это были милейшие люди, с которыми я прекрасно проводил время и о которых сохранил самые теплые воспоминания.

У Казина частым гостем бывал и композитор А. Н. Корещенко.¹³¹ Наружность его как-то совершенно не вязалась с понятием об артистичности. Среднего роста, кругленький, с заметной лысиной, с черной бородкой, обрамлявшей его румяное лицо, он скорее походил на хозяина какого-нибудь магазина, чем на артиста, он, впрочем, и происходил из купеческой семьи.

Да и по характеру он не был похож на артиста. Ровный, спокойный, даже несколько апатичный, он никогда не волновался и не увлекался. Даже играя на рояле, он был удивительно покоен, и мне всегда казалось, что он переживает то, что играет, так же, как переживает какой-нибудь бухгалтер те цифры, которые он откладывает на счетах!

Но люди, понимавшие музыку, говорили, что он играл превосходно.

Мне было бы очень обидно, если бы характеристика, данная мною этим моим приятелям, вызвала отрицательное к ним отношение. Тогда мне пришлось бы повторить шаблонную фразу о том, что и на солнце бывают пятна. Совершеннейших кристаллов я в жизни не встречал. И в актерском мире в одних больше недостатков, в других меньше, но, вращаясь в разных слоях интеллигенции, я все же скажу, что лично для меня самую интересную частью интеллигенции были всегда актеры.

Эта милая богема в частной своей жизни, прежде всего, чужда предрасудков и условностей — каковы мы есть, таковыми нас и берите, а что, быть может, кто-нибудь из нас не совсем «*comme il faut*»,^a так что же делать, — мы ведь в кавалергардах служить не собираемся!

Я был членом Литературно-художественного кружка и, бывая в Москве, часто там ужинал. Между прочим, я любил напиток, составлявшийся из бокала лимонаду и рюмки английской горькой. Для этого я требовал бутылку этой водки и, выпив из нее с лимонадом 2—3 рюмки, оставлял ее в Кружке до следующего приезда, на так называемом «текущем счету». Как-то ужинал я там, и ко мне подсел актер Васенин,¹³² и мы вместе поужинали, поболтали и разошлись. В следующий мой приезд был я в Малом театре, и мы с Максимовым решили ехать после спектакля в Кружок. С нами вы-

^a *comme il faut* — приличный, порядочный (фр.).

¹³¹ *Корещенко Арсений Николаевич* (1870—1921) — композитор, пианист, дирижер, музыкальный критик, педагог.

¹³² *Васенин (наст. фам. Васильев) Александр Викторович* (1874—1944) — актер. С 1898 г. и до конца жизни играл на сцене Малого театра.

ходил из театра и Васенин и, узнав, что мы едем в Кружок, сказал, что поедет с нами.

Когда мы уселись за стол, я сказал официанту, чтобы он принес мою бутылку английской горькой.

— «Сумливаюсь, штоп!» — воскликнул Васенин.

— В чем вы сомневаетесь? — спросил я.

— Чтобы он вам эту бутылку принес.

— Почему?

— Да потому, что мы ее выпили.

— Как так?!

— Очень просто! Захотелось нам как-то, после спектакля, поехать в Кружок, стали выяснять финансы, и оказалось, что их или на водку не хватит, или на закуску! А какая же водка без закуски или закуска без водки?! Тут-то я и вспомнил о вашей «английской». Приказали мы ее подать и выпили за ваше здоровье!

И я уверен, что, если бы я таким же образом поступил с Васениным, он хохотал бы так же добродушно, как хохотал и я.

Шумно живет богема, не заботясь о завтрашнем дне. Вот уж поистине «часом с квасом, порой с водой»! Деньги есть, она живет широко и вольно, нет денег, прижмется, но все же «держит фасон».

Однажды я, брат Виктор и вся компания Казина были в Большом театре. Одни участвовали в спектакле, другие сидели в ложе. В антракте Казин мне сказал:

— Компания не желает расставаться, хочет ехать в «Эрмитаж».

— Ну что же, прекрасно.

— Да ни у кого денег нет!

— Вот это уже не прекрасно! Но зачем же в «Эрмитаж»? Можно ведь ехать к тебе.

— Не желают! Говорят, хотят ехать в «Эрмитаж», но чтобы я не вгонял ужин в большую сумму, чтобы было не дороже 5—6 рублей на мужчину.

— Да, на это не разгуляешься.

— Ничего, устрою.

На мою долю досталось привезти Балановскую. Всем известны московские извозчики! В их пролетках и одному только впору сесть удобно. Шел дождь, и на пролетке был поднят верх. Когда Балановская вышла, я помог ей внедриться в пролетку и намеревался сделать это и сам. Но это оказалось немислимым. Балановская была дама объемистая, и к тому же на ней была огромнейшая шляпа, и когда я просунул голову в пролетку, я увидел, что она вся заполнена Балановскою и ее шляпой, а на мою персону осталось пространство между ее талией и рукой! Само собою разумеется, я там поместиться никак не мог. И кончилось тем, что мне пришлось сесть у нее в ногах, и только благодаря тому, что ехать было недалеко, я не промок.

Когда собралась в «Эрмитаже» вся компания, популярный метрдотель, известный всей Москве, Александр Николаевич, спросил, где мы будем ужинать в кабинете или в общем зале. Было решено идти в залу, где нам поставили большой стол, и мы разместились. Тут были Синицына, Бала-

новская, Подольская, Гукова,¹³³ Каралли,¹³⁴ Рощина-Инсарова,¹³⁵ Максимов, Петров, Богданович, Собинов, Корещенко, Плещеев,¹³⁶ Божовский,¹³⁷ брат мой¹³⁸ и я.

И тут я увидел, как интересуется публика жизнью актера вне сцены. Как только мы уселись шумно, весело болтая и смеясь, она вся повернула свои головы в нашу сторону, как поворачивают свои головки подсолнечники к солнцу!

— Ну вот что, Александр Николаевич, — начал Казин, — имейте в виду, что мы гуляем «по третьему разряду», а потому вы получите с человека не дороже 7 рублей, но главное, чтобы было все парадно, чтобы не было заметно, что у нас в кармане свист! Пожалуйста, действуйте.

Стол сервировали очень нарядно. Принесли незамысловатую закуску, но зато водку в роскошных графинах. Затем заказали на каждого по одному блюду и на стол поставили эффектнейшую вазу с крошоном, но он состоял из ланинской воды, одной бутылки вина и одного апельсина!

А со стороны казалось, что кутят Ротшильды!

В середине ужина Казин обратился к присутствовавшим с такими словами:

— Господа! Позвольте мне лично нарушить наш уговор. Дело в том, что Владимир Рышков мой гость и очень любит красное вино. Позвольте мне лично его угостить этим вином.

Все, конечно, согласились. Казин пошептался с метрдотелем, тот ушел и вернулся с лакеем, который нес чистый графин, зажженную свечу и бутылку, всю в пыли, лежавшую в специально для этого приспособленной корзинке. Метрдотель принялся священнодействовать: не вынимая бутылки из корзины, он ее чрезвычайно осторожно откупорил и, поставив графин между свечой и собою, бережно перелил в него вино. Затем так же бережно поднес его ко мне и налил в фужер.

¹³³ *Гукова (по мужу Богданович) Маргарита Георгиевна* (1887; по др. свед. 1884—1965) — артистка оперы (лирико-драматическое сопрано), педагог. В 1906—1914 г. пела в Большом театре.

¹³⁴ *Каралли Вера Алексеевна* (1889—1972) — артистка балета, балетмейстер, педагог. С 1906 г. танцевала в труппе Большого театра. С 1918 г. жила за границей, выступала в Русском балете С. П. Дягилева (1919—1920) и различных труппах Европы и США; создатель и руководитель Литовской студии национального балета (1928—1929), балетмейстер Румынской оперы (1930—1935), в 1938—1941 г. преподавала в Париже.

¹³⁵ *Рощина-Инсарова (урожд. Пашенная) Екатерина Николаевна* (1883—1970) — актриса, педагог. Дочь Н. П. Рощина-Инсарова, сестра В. Н. Пашенной. После революции жила в эмиграции. В 1923—1924 г. создала русский Камерный театр в Риге, в 1927 г. русский театр «Альбер II» в Париже.

¹³⁶ *Плещеев Александр Алексеевич* (1858—1944) — журналист, беллетрист, драматург, сын А. Н. Плещеева. В 1919 г. уехал за границу, обосновался в Париже.

¹³⁷ *Божовский Василий Константинович* (1869—1914) — заведующий монтажной частью Малого театра, автор статей о театре, музыке, живописи. По образованию юрист. Работал сверхштатным чиновником особых поручений при варшавском генерал-губернаторе, делопроизводителем управления варшавскими казенными театрами, сотрудничал в газ. «Варшавский дневник». Перевел пьесу Ю. И. Крашевского «Каштелянский мед», поставленную И. С. Платоном в Малом театре в сезон 1910—1911 гг. (10 спектаклей). См. о его деятельности также сноски № 311—312.

¹³⁸ Рышков Виктор Александрович.

— Ну, Владимир, попробуй это вино, — промолвил Казин, — и скажи, каково оно.

Я попробовал и сказал:

— Вино очень хорошее, и мне неудобно, что я пью его один.

— «Очень хорошее»?! — воскликнул Казин. — Да вы, душечка, понимаете ли толк в вине? Вино не «очень хорошее», а превосходное, исключительное!

— Да я и не спорю, что прекрасное.

— Ну, а шутки в сторону, во сколько ты его ценишь?

— По-моему рублей в 5—6.

— Только-то?! Александр Николаевич, покажите ему прејскурант.

Метрдотель раскрыл передо мною прејскурант, по которому это вино стоило 1 р. 60 к.

Я был посрамлен, и хохот по моему адресу поднялся со всех сторон.

На другой день за завтраком в «Эрмитаже» я попенял Александру Николаевичу:

— Как же это вы меня вчера подвели?

— Да вы разве не знаете Петра Нилыча?! Уж если он что задумал сделать, его не отговоришь. И что же особенного в том, что вы не разобрали вино при таких фокусах. А сам-то он ведь на этом же вине попался.

— Как так?!

— Да очень просто. Приехали они с полковником Гардениным часов в 10 вечера, должно быть, после обеда, и им, видимо, ничего не хотелось, и начали они капризничать.

— Чем прикажете угощать? — спросил я.

А Петр Нилыч и говорит:

— Ну, чем вы в «Эрмитаже» можете угостить! Я бы выпил красного, так ведь у вас и красного-то порядочного нет.

Верите ли, зло меня взяло, и решил я его проучить.

— Как, — говорю, — нет, все дело в цене.

— Да я за ценой не постою, было бы вино только хорошее.

Вот я им и подал ваше вчерашнее вино с такими же фокусами. И как оба хвалили! Приказали подать другую бутылку и ту выпили. А я велел поставить в счет по 12 руб. за бутылку. Уходя, оба сказали, что всегда будут пить это вино, а через несколько дней пришел Петр Нилыч завтракать и говорит:

— Эх, выпил бы вашего вина, да каждый раз пить его больно накладно.

Я ушел, принес ему 20 р. 80 к. и говорю:

— Вот, Петр Нилыч, этих денег вам на много таких бутылок хватит.

— Что такое? Не понимаю!

— Это сдача от прошлого раза, вино ведь стоило по 1 р. 60 к., следовательно, 3 р. 20, а вы заплатили 24 рубля!

Петр Нилыч до слез хохотал и сказал, что он теперь этим вином многих будет морочить.

Обедать я поехал к Казину. За обедом Петр Нилыч, предлагая мне красного крымского вина, сказал:

— Уж извините, тонкий знаток, это простое русское вино, а не вчерашнее, эрмитажное.

— Да, — отвечал я, — слава Богу, что тебе пришлось вчера заплатить за него только 1 р. 60 к., а не 12 рублей! А что же, отдал ты другому тонкому знатоку Гарденину 10 р. 40 к. за вторую бутылку?

— Ах, мерзавец, Александр Николаевич, выдал-таки! — воскликнул Казин.

Казалось бы, что все то, что я сейчас рассказывал, имеет чисто, так сказать, местный интерес. Но это кажется только на первый взгляд. Рассказывая эти мелочи, я хотел дать приблизительное представление, как проводит время богема, хотел в бытовых картинках обрисовать ее незлобивость, ее беззаботность, ее добродушие. Выполнил ли я эту задачу, судить не мне.

Выше я описывал, как однажды я искал по Москве Южина, и нашел его в Художественном театре на лекции князя Волконского, и как Южин при мне высказывал Станиславскому свои восторги от этой лекции, а потом, наедине со мною, глумился над ней.^а Кстати, этот князь Волконский, будучи директором театров, присутствовал на генеральной репетиции в Александринском театре. Юрьев по пьесе произнес фразу: «здесь стол яств». В антракте Юрьева потребовали в директорскую ложу, и Волконский сказал ему:

— Юрий Михайлович, вы неверно произносите: не «яств», а «явств»!

И сколько Юрьев ни толковал ему, что это слово означает «есть», а не «явствовать», он стоял на своем.

Южин занял в театре удивительное положение. Это был, если можно так выразиться, «человек громких фраз». В искренность его никто никогда не верил, но Южин поставил себя так и вел себя так, что тоже никто и тоже никогда не смел ему сказать, что он неискренен. Впрочем, ведь актерский мир и не требует ни от кого из своих этой искренности, он первый сам глумится над отсутствием ее у него. Однажды Е. П. Карпов вошел в актерское фойе Александринского театра и, увидев в двух местах две пары актеров, которые, здороваясь, целовались, воскликнул:

— Господа, что же это такое?! Наше фойе превратилось в Гефсиманский сад!

Я сказал, что Южин был человек громких фраз, и так как я обещал подтвердить все свои утверждения фактами, то приведу такое подтверждение и здесь. Вопрос шел о приеме в Малый театр одной из пьес моего брата. Происходили какие-то трения по этому поводу в Литературно-драматическом комитете, и Южин сказал брату:

— Будьте уверены, что пьеса будет поставлена у нас, я настаиваю на этом, и если моя настойчивость потерпит фиаско, я выйду в отставку.

Пьеса поставлена не была, и Южин в отставку не вышел. Этот случай будет, вероятно, подробно описан в воспоминаниях моего брата.

В жизни Южин был актером несравненно талантливее, чем на сцене. Бесспорно, у него была блестящая техника, и благодаря ей он никогда не испортил ни одной роли, но меня лично на сцене он никогда не увлекал и не волновал так, как в жизни. Он обладал прекрасным даром слова, он умел вовремя и сострить, и пустить слезу и, благодаря этим способностям,

^а См. стр. 649 (примеч. автора). (Рышков описывает эту историю не «выше», а «ниже». — Н. П.)

постоянно достигал желаемых результатов. Был ли он благожелателен? Да, но постольку, поскольку эта благожелательность не вредила ему самому. Вот его главные недостатки, к достоинствам же его надо, безусловно, отнести его фанатическую любовь к театру и преданность ему и умение сеять эту любовь во всех своих сотрудниках. Кроме того, сознательно он никогда никому не сделал зла, напротив, у него всегда было стремление помочь каждому по силе возможности.

Был я знаком и с остальными корифеями Малого театра, с Ермоловой, Никулиной, Лешковской, Яблочкиной, Ленским, Музилом, Правдиным и Рыбаковым и наблюдал их взаимоотношения. И должен сказать, что чувство товарищества и охрана традиций в Малом театре были неизмеримо выше, чем в Александринском. Был, например, такой случай. Когда Пашенная¹³⁹ должна была первый раз выступить в «Марии Стюарт»,¹⁴⁰ Ермолова приехала к началу спектакля в театр и передала ей четки, с которыми она всегда выходила в этой роли. Положим, это мелочь, но мелочь довольно характерная.

Ермолова была вообще культом Малого театра. К ней вся труппа относилась буквально благоговейно. Трудно поверить, что, когда она входила в курилку, все присутствующие вставали! Я сам поймал себя однажды на том, что, когда она вошла, я как-то непроизвольно спрятал папиросу, как прячет ее гимназист перед классным надзирателем.

Что сказать об остальных? Никулина постарела и почти не появлялась на сцене. Лешковская в мое время постоянно болела, холодная Яблочкина играла все, что ей давали, Ленский, большой комедиант в жизни, корчил из себя человека не от мира сего, великолепного Музиля я застал уже на кончике жизни, Правдин вечно жаловался на то, что начальство его не ценит, и кстати и некстати рассказывал о своем знакомстве с Толстым и Чеховым, а Рыбаков сидел и сосредоточенно молчал! Всею своею фигурою он мне всегда напоминал снегиря в клетке...

Но все они одинаково любили свой театр и за него стояли горой, хотя иногда бывали и пристрастны.

Совершенным особняком среди моих отношений с московским театральным миром стояла чета Нелидовых или, вернее, актриса О. В. Гзовская и ее муж В. А. Нелидов.

Я познакомился с ними еще во время начала их увлечения. В Малом театре не удивлялись увлечению Нелидова: Гзовская была действительно очень интересная женщина. Увлечение же Гзовской Нелидовым объяснялось просто: Нелидов был тогда в большой силе, и через него Гзовская могла многого достигнуть. Сошелся я с ними ближе, уже когда они были повенчаны.¹⁴¹

¹³⁹ Пашенная Вера Николаевна (1887—1962) — актриса Малого театра (с 1907), дочь Н. П. Рошина-Инсарова, сестра Е. Н. Рошиной-Инсаровой. Вначале исполняла роли, перешедшие к ней от М. Н. Ермоловой.

¹⁴⁰ «Мария Стюарт» — драма Ф. Шиллера (1801).

¹⁴¹ Замуж за Нелидова Гзовская вышла в июле 1908 г.; вторым ее мужем был актер В. Г. Гайдаров.

Судьба не могла поступить нелепей, соединив эту пару, до того оба они не подходили друг к другу. Впрочем, одна точка соприкосновения у них была, это — стремление к карьере.

Нелидов был игрок. Он играл и на скачках, и на бегах, и в карты, и брат мой Виктор однажды правильно заметил, что так же, как Нелидов играет на скачках на какую-нибудь кобылу, он и в театре играет на Гзовскую. Будучи заведующим труппой Малого театра, он играл на Гзовскую, держась репертуара, в котором господствовала только она, а когда он был удален от этой должности, он поставил рискованную ставку, перетащив ее в Художественный театр,¹⁴² и на этой ставке оборвался.

Гзовская померкла.

Любопытно было внедрение ее в этот театр. Туда, как известно, можно было попасть лишь по баллотировке. Нелидов, потерпев фиаско в Малом театре, стремился и сам пристроиться туда. И когда Станиславский поднял вопрос о баллотировке Гзовской, в театре поднялось волнение, стали раздаваться голоса, что баллотировка Гзовской, пожалуй, еще допустима, но надо ожидать, что ею может быть поставлено условием, чтобы Нелидов занял в театре какое-нибудь положение, и это было бы недопустимо.

В успехе баллотировки Гзовской очень сомневались. Нерасположение к ней труппы Художественного театра объясняется тем, что труппа не могла не знать о том терроре, который внесла Гзовская в Малый театр. Вне ее интересов ничего в театре не могло существовать, всё и все должны были считаться с нею. Положение было очень серьезно, в успехе сомневались так открыто, что Станиславский был принужден заявить, что, если Гзовская будет забаллотирована, он уйдет из театра. И она прошла, но, как мне говорили, под условием, чтобы Нелидов не имел права входа на сцену.

Червь честолюбия точил Нелидова, он не мог довольствоваться только положением «мужа Гзовской» и мечтал о том, чтобы тоже иметь имя. И он нашел выход, он приобрел имя. Положим, это приобретение было не особенно почтенно, но все же одно время театральный мир интересовался этим именем. Дело в том, что он приобщился к лику журналистов, но приобщился весьма некрасиво.

Приобщиться к этому лику было ему очень легко, ибо, зная в совершенстве всю подоплеку императорских театров, он, под псевдонимом «Архелая», стал писать в «Русском слове» обличительные статьи об этих театрах.¹⁴³

В этой области он не стеснялся никакими приемами и для красного словца не жалел даже и себя! Так, в одной из своих статей, кажется, во

¹⁴² Гзовская ушла из Малого театра 1 сент. 1908 г.; в 1908—1909 гг. осуществила большую гастрольную поездку по юго-западным и южным городам России; с 1 мая 1909 г. вновь служит в Малом театре; 1 сент. 1910 г. перешла в МХТ и выступала на его сцене до 27 мая 1917 г.; 30 авг. 1917 г. возвращается в Малый театр, где служит до 1 июня 1919 г. Свед. приводятся по основным датам жизни и творчества О. В. Гзовской: *Гзовская О. В.* Пути и перепутья. Портреты. М., 1976. С. 416—419.

¹⁴³ Среди статей В. А. Нелидова (за подписью Архелай) в газ. «Русское слово» см.: Малый театр. 1909. 18 февр. № 39. С. 2; Малый театр (окончание). 20 февр. № 41. С. 2; «От неё все качества» Л. Н. Толстого (Театр Корша). 1911. 5 нояб. № 255. С. 7; Дебют А. А. Стаховича (Художественный театр). 13 нояб. № 262. С. 7; Израиль (Малый театр). 18 нояб. № 266. С. 6—7; «Прохожие» (Малый театр). 25 нояб. № 271. С. 6.

«Втором сорте»,¹⁴⁴ описывая отношение администрации театров к художественной части их, он восклицает: «Да и чего же можно ожидать от разных секретарей бегового общества, заправляющих теперь театрами?!».

В то время секретарем или казначеем этого общества был он сам!..¹⁴⁵

Нелидов добился своего: этими статьями он произвел в театральных кругах Москвы и Петербурга невероятный шум, все стремились узнать, кто этот таинственный «Архелай», а он, «по секрету всему свету», раскрывал эту тайну.

Он ходил уже по Москве «с печатью гения на челе» и мнил себя влиятельной персоной в газетном мире.

— Гомеопатический Дорошевич,¹⁴⁶ — сказал о нем однажды Южин.

Однако, как только он исчерпал свои обличительные темы, он сразу же и выдохся, ибо писать беспристрастно по вопросам театра он не был способен.¹⁴⁷

— Знаете, — сказал он как-то мне, — хочу попробовать себя на критике, как вы думаете, могу я за нее приняться?

— Почему же нет! Вы человек знающий и с чутьем, — врал я ему, — почему же не попробовать? В этом есть только одно неудобство, Ольга Владимировна на сцене, как же вы будете писать о ней?

— О-го! Что же из этого, нужно будет, и обругаю, — ответил он.

В этом случае он говорил правду, для эффекта он не пожалел бы и ее в печати.

Считаю необходимым пояснить, почему я с ним лукавил. С такими типами, как Нелидов, я всегда прикидываюсь простачком, для того чтобы легче уяснить себе их сущность. Видя во мне простака, они легче «распоясываются». Прием этот, каюсь, конечно, немного провокационный, но... что же делать?! Само собою разумеется, что ни знающим, ни тем более чутким я его никогда не считал, для этого было достаточно хотя бы такого случая. Предстоял бенефис М. П. Садовского, Нелидов встречает О. О. Садовскую и спрашивает:

— Ольга Осиповна, что же, выбрал наконец Михаил Провыч пьесу для бенефиса?

¹⁴⁴ Статью В. А. Нелидова «Второй сорт» см.: Русское слово. 1910. 22 апр. № 81. С. 2—3.

¹⁴⁵ Цитата, приведенная Рышковым, не относится к статье «Второй сорт». В. А. Нелидов действительно был казначеем Московского скакового общества. По воспоминаниям В. А. Теляковского, эта деятельность придавала Нелидову «легкомысленную вывеску, и артисты называли его „скаковым мальчиком“». См.: *Теляковский В. А. Воспоминания / Вступ. статья и примеч. Д. Золотницкого. Л.; М., 1965. С. 90.*

¹⁴⁶ *Дорошевич Влас Михайлович (1865—1922)* — журналист, публицист, театральный и художественный критик. О своих отношениях с Дорошевичем Нелидов вспоминал в кн.: *Нелидов В. А. Театральная Москва. Сорок лет московских театров. М., 2002. С. 324—332.*

¹⁴⁷ Замечание Рышкова справедливо. Сам Нелидов, отмечая успех своих «обличительных» статей, пишет: «Да простится мне некоторое бахвальство моим успехом. Вот для чего я про этот успех рассказал: пуская статьи имели успех, пускай они были удачны, все это приятно и лестно, но вот против чего мне хочется предостеречь молодых критиков. Теперь я ясно вижу, что в этих статьях не было главного, без чего не стоит писать, не было спокойной любви. Статьи были пропитаны желчью, слава Богу, в приличной форме, но они были написаны рукой не друга, а бывшего друга Малого театра, который теперь рвет узы этой дружбы» (*Нелидов В. А. Театральная Москва. Сорок лет московских театров. С. 325*).

— Да, он ставит «Шутников».

— Что?! Садовский ставит в свой бенефис переводную пьесу?

— На этот раз оригинальную, Владимир Александрович, потому что «Шутников» написал Островский.¹⁴⁸

— Ах, Боже мой, я перепутал, — попробовал вывернуться Нелидов.

Отношение Малого театра к нему было прямо презрительное. Входит он как-то в режиссерскую и говорит Кондратьеву:

— Ну-с, я ставлю такую альтернативу: или я — или Лешковская.

Кондратьев набожно перекрестился и ответил:

— Ну, слава Богу, значит, Лешковская!

Другой раз в той же режиссерской он обратился к Южину:

— Александр Иванович, я решил переманить к нам Качалова,¹⁴⁹ думаю, мне это удастся.

— Знаете, Владимир Александрович, нашу восточную истину, — отвечал Южин, — осел, навьюченный золотом, всего может достигнуть.

— Ну вот, хотя я и не осел, а достигну! — воскликнул он.

Присутствовавшие переглянулись и улыбнулись.

До революции я, связанный с Москвой и делами и личными отношениями, не был чужд интересам этого города, а потому, чтобы быть в курсе жизни Москвы, получал газету «Русское слово». В одном из номеров ее я наконец нашел «критику» Нелидова; это была, впрочем, не критическая статья, а самая обыкновенная рецензия, строк в 50—60, и тон ее был ругательный, типично рецензентский. Затем, до моей очередной поездки в Москву, явилось еще 2—3 таких же рецензии, однако в них, если мне не изменяет память, Нелидов не затрагивал Художественного театра. Наконец, когда я приехал в Москву, он при встрече тотчас же спросил меня:

— Читали вы мои статьи в «Русском слове»?

— Разве ж это статьи, — отвечал я, — это просто обыкновенные рецензии, а я в простоте душевной думал, что «Русское слово» могло бы отвести «Архелаю» целый низ для еженедельного фельетона по критике театра.

— Что вы с ними поделаете, — воскликнул Нелидов, — их театр совсем не интересуется!

Вскоре после этого разговора Нелидов прекратил свою газетную деятельность, заявляя, что он разругался с «Русским словом». Он превратился опять в «мужа Гзовской» и, кроме того, стал ее антрепренером, т. е. принялся за устройство ее гастрольных поездок. Вот тут он попал совершенно в свою сферу. В этой новой своей роли он был, мало сказать, противен, но прямо-таки гадок. Участники гастролей говорили мне, что они постоянно должны быть с ним начеку. Азарт в этом деле развивался в нем до крайних пределов, до цинизма; достаточно было видеть его до начала спектакля, если сбор бывал хорош, он то и дело бегал в кассу, отбирал там деньги, на ходу пересчитывал их, показывая их своим близким, и восклицал:

— Это «сконапель» — сбор! Еще два-три таких сбора, и за граница обеспечена, и тогда — прощай, моя болезнь почек!..

¹⁴⁸ «Шутники» — пьеса А. Н. Островского (1864).

¹⁴⁹ Качалов (наст. фам. Шверубович) Василий Иванович (1875—1948) — актер.

Он был даже не антрепренер, а какой-то подрядчик-торгаш. С Гзовской как с артисткой он нисколько не считался, и, если касса работала плохо, он врывался к ней в уборную и нервил ее.

— Симпатии к вам падают, — кричал он, — это не сбор, а черт знает что! Еще один такой спектакль и надо удирать...

Всякому понятно, как все это отражалось на игре Гзовской. При хорошем сборе картина резко менялась, тогда он осторожно подходил к дверям ее уборной и ласково спрашивал:

— Ольга, можно?

И если она отвечала «можно», он входил радостный и веселый и бодрил ее:

— Не нервничай... Неужели ты, Гзовская, не захватишь зала! Да я голову прозакладую, что успех будет головокружительный...

Ужасны были сборища после спектакля, прошедшего с хорошим успехом и сбором! И Гзовской, и тем, кто видел в ней большую художницу, хотелось разбираться в ее игре, в ее переживаниях, даже в ее ошибках, но он без умолку трещал о сборах, о деньгах и ее художественный успех определял суммой кассовой выручки. Он, не стесняясь, перебивал любой разговор о том, хорошо ли или худо шла данная пьеса, возгласом:

— О чем вы спорите, спросите меня, как она прошла, сбор был 2500 рублией!..

Выше я сказал, что Нелидов не считался с Гзовской как с артисткой. Она была ему интересна лишь как нечто «показное», чем он может хвастнуть. После их свадьбы в Петербург летом приехал его отец, наш посол во Франции,¹⁵⁰ и «пожелал» (подлинное выражение Нелидова) повидать Гзовскую на сцене. Нелидов организовал спектакль в Павловске, была поставлена комедия «Долли»,¹⁵¹ где Гзовской «есть разгуляться где на воле». В этой пьесе у нее прекрасная комедийная роль с танцами.

Первое действие прошло недурно, и если бы Гзовская не волновалась, прошло бы и совсем хорошо. Почему она волновалась, Бог ее знает, но не думаю, чтобы она считала его высокопревосходительство строгим ценителем и судьей. Как только опустился занавес, я направился к ней в уборную, и по дороге меня нагнал Нелидов.

— Неудобно ли, что она делает! — воскликнул он. — Ведь это игра скверной ученицы каких-нибудь частных курсов.

— Она волнуется, больше ничего, надо ее подбодрить и дальше пойдет глаже.

— Вот я ее сейчас подбодрю...

И с этими словами мы вошли к ней в уборную.

— Ольга! — закричал он, — что ты «накладываешь», совестно смотреть на тебя!

С отчаянием во взоре взглянула она на него, это был взгляд затравленного зверя. Тут уж вступился я:

¹⁵⁰ Имеется в виду *Нелидов Александр Иванович* (1835—1910) — русский дипломат. Служил в русских миссиях в Греции (с 1856), Баварии (с 1861), Австрии (с 1869). Известен тем, что подписал Сан-Стефанский мирный договор 1878 г., который завершил русско-турецкую войну 1877—1878 гг. В 1903—1910 гг. был послом России во Франции.

¹⁵¹ «Долли» — комедия К.-Г. Христиернсона.

— Глупости! Не слушайте его, Ольга Владимировна, вы только в начале немного волновались, а потом совершенно справились и конец провели прекрасно. Он сам нервничает и нервит вас.

— Спасибо, дорогой, вам я больше верю, чем ему, — сквозь слезы проговорила она.

Когда мы вышли от нее, я стал выговаривать ему, зачем он ее волнует своими замечаниями.

— Вам хорошо рассуждать, — ответил он, — вы ведь не знаете, что от того, что она понравится или не понравится отцу, зависит очень многое!

И тут расчет и ставка, подумал я...

Нечего и говорить, что Гзовская была во всех отношениях неизмеримо выше Нелидова, что она была очень крупный талант, но невероятное себялюбие зарыло этот своеобразный талант. За исключением драмы и русско-го быта, все области сценического искусства давались ей легко и свободно. Островский же в ее исполнении был бы невысказан, в русских бытовых пьесах она себя и не пробовала, она робела перед ними, а потому и отвергала их. Быть может, тут сказывалась ее национальность: полька по крови, она была так далека от Замоскворечья! Конечно, в драме она могла так играть, чтобы не провалить роль, техника у нее была блестящая, недаром же она была ученицей А. П. Ленского... Но того «внутри», которого требует драма, у нее не было, она только «представляла», она, как выразился Толстой об Андрееве, «пужала», а нам не было страшно!¹⁵²

Зато любым другим видом искусства, сценического конечно, она владела в совершенстве. Ее шедевром была высокая комедия, в шекспировских пьесах она была неподражаема. Мелодекламация, пластические и характерные танцы, имитация были очаровательны в ее исполнении.¹⁵³

Неоперившимся птенцом вступила она на подмостки «Дома Щепкина»¹⁵⁴ и, руководимая таким художником, каким был Ленский, сразу завоевала в театре первое положение. Несколько сезонов она буквально не сходила со сцены и несла весь репертуар. К тому же как раз в это время властвовал Нелидов. Но когда положение его в Малом театре пошатнулось, и он предвидел уже, что скоро наступит момент, когда он останется не у дел, он начал готовить ее к переходу в Художественный театр, а Гзовская была ему рабски подчинена, это подчинение напоминало преданность собаки и вызывало удивление всех знавших их, ибо все признавали, что она несравненно умнее и развитее его.

¹⁵² Отзыв Толстого относится к рассказу Л. Н. Андреева «Бездна» и передан неточно. Благодаря стараниям репортеров отзыв Толстого превратился в афоризм: «Он пугает, а мне не страшно». См. об этом подробнее: *Иванова Л. Н. Иванов-Разумник и Леонид Андреев // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования.* СПб., 1998. Вып. 2. С. 134—135.

¹⁵³ Любопытны ассоциации Вл. Рышкова с танцами Гзовской в письме от 11 июля 1909 г. к Б. Л. Модзалевскому из Крыма: «И если ты спросишь меня, что мне больше всего понравилось в Крыму, я „совершенно определенно“ отвечу тебе — мимоза! Это такое олицетворение красоты, поэзии, изящества, грации. Это так же красиво, как танцы Гзовской, мадонна Рафаэля...» (РО ИРЛИ, ф. 184).

¹⁵⁴ Традиции сценического искусства Щепкина упрочили за Малым театром название «Дом Щепкина».

Помню как-то у них за обедом она сказала мне, что хочет уходить из Малого театра в Художественный.

— Как, — воскликнул я, — вы хотите уйти из Малого театра?! Но ведь это немислимо, ведь театр держится вами.

— Да, но я-то хоронить себя в этом склепе не намерена. В нем нет никакой работы. Все эти разжиревшие и приевшиеся Ермоловы, Лешковские, Садовские и Яблочкины только губят молодые силы. Нет, надо работать не в затхлой, а в свежей атмосфере, а таковая только и мыслима в Художественном театре. Станиславский, и никто другой, только и может вдохновлять к творчеству, с ним лишь я и вижу возможность работать. Это вам не Южин, который только пыжится на своих внутренних и наружных каблуках!

Нелидов только поддакивал ей. Я спорил, я говорил, что она слишком индивидуальна для того, чтобы втиснуться в ранжир актеров Художественного театра, но она и слушать ничего не хотела. Она глумилась над корифеями Малого театра, разбиралась не в их артистичности, а в их личных отношениях, в их человеческих слабостях и, шаржируя, имитировала (и как имитировала!) и Ермолову, и Яблочкину, и Южину.

— Что же, — кричала она, — вы хотите, чтобы я навек заглохла с этой ветошью? Нечего сказать, хорош друг!

Наконец переход ее состоялся, и, как я уже упомянул, она померкла. Не знаю, была ли она удовлетворена «работой» со Станиславским, но имя ее не выдвинулось из рядов актеров Художественного театра, ей отвели заурядное место в нем, и о господстве ее там не могло быть и речи... Она именно померкла. После этого я встречался с нею уже только изредка и мельком тогда, когда она, стосковавшись по былым успехам и овам, забывала на некоторое время «серьезную» работу со Станиславским, приезжала в Петербург и выступала в легких комедиях, вроде «Долли» и «Путаница»,¹⁵⁵ и в своих танцах.

И это было вполне естественно, ведь и Коммиссаржевская, отыскивая в Петербурге новые пути искусства, ездила иногда в Псков освежиться и играла там «Дикарку»!¹⁵⁶

Большинство московских актрис жило удивительно замкнуто, все их время проходило между театром с его работой и семьей. Редко кто из них бывал после спектакля в Художественном кружке, а видеть их в «Эрмитаже», в «Метрополе»,¹⁵⁷ у «Яра» почти не приходилось. Гзовская же, напротив, всюду бывала и у себя дома только ночевала и изредка обедала. После того, как «Летучая мышь»¹⁵⁸ переехала из своего подвальчика близ Храма Спасителя, Гзовская сняла этот подвальчик под свою студию и устроилась там очень уютно. В нем она проводила свои свободные дни и вечера, в нем

¹⁵⁵ «Путаница, или 1840 год» — комедия Ю. Д. Беляева (1910).

¹⁵⁶ «Дикарка» — пьеса написана А. Н. Островским в соавторстве с Н. Я. Соловьевым.

¹⁵⁷ «Метрополь» — ресторан в Москве на Театральной площади.

¹⁵⁸ «Летучая мышь» — театр-кабаре. Возник как клуб актеров Московского художественного театра в 1908 г., с 1912 г. преобразован в самостоятельный коммерческий театр-кабаре. С 1908 г. располагался в подвале дома Перцова, после наводнения переехал в Милютинский пер.; с 1915 г. находился в подвале Нирнзее (Б. Гнезниковский пер., 10). О его руководителе и конферансье Н. Ф. Балиеве см. сноску № 332.

она работала над ролями, в нем же по вечерам принимала тех, кого желала видеть у себя.

Чрезвычайно интересны были эти вечера. Не раз встречал я на них Скрябина¹⁵⁹ и Ребикова.¹⁶⁰ Иодко¹⁶¹ аккомпанировал ее мелодекламации на цитре, под эту же цитру или под аккомпанемент Скрябина она исполняла свои пластические танцы и пляски.

Все это было так подавляюще красиво, что перед этой красотой ступивший вывался, слава Богу, Нелидов со своими пошлостями, назойливостью и цинизмом...

Участие мое в устройстве выставки «Ломоносов и Елизаветинское время»¹⁶² привело меня к знакомству с некоторыми собирателями русской старины, из коих с А. В. Морозовым,¹⁶³ Н. М. Мироновым¹⁶⁴ и Д. Г. Бурылиным¹⁶⁵ из Иваново-Вознесенска я сошелся более или менее близко. Знакомство это выпало на мою долю потому, что Ольденбург, в качестве председателя Комиссии, ведавшей устройством этой выставки, командировал меня в Москву для выяснения, определения и отправки в Петербург экспонатов для выставки, а командировал он именно меня, потому что моей должности был присвоен билет на бесплатный проезд по железным дорогам.

¹⁵⁹ *Скрябин Александр Николаевич* (1871/72—1915) — композитор, пианист, педагог.

¹⁶⁰ *Ребиков Владимир Иванович* (1886—1920) — композитор, пианист, музыкальный и общественный деятель.

¹⁶¹ *Иодко Витольд Ромуальдович* (ок. 1873—1941) — музыкант, аккомпаниатор на цитре, аранжировщик. Ученик Ф. Бауэра. Погиб в Вильнюсе во время войны, спасая еврейскую девочку (сообщено В. А. Брунцевым).

¹⁶² В год 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова в Академии наук была образована Особая комиссия по устройству выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». Председателем Комиссии был С. Ф. Ольденбург, комиссаром — Н. Н. Врангель. Выставка была открыта с 17 апр. по 21 июня 1912 г. Ее посетили около 20 тыс. человек. См.: Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время»: Путеводитель. СПб., 1912. Отд. 7: Ломоносов. Академия Наук. Московский университет / [Сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг и др.].

¹⁶³ *Морозов Алексей Вукулович* (1857—1934) — представитель московских предпринимателей, владелец ситценабивных фабрик, один из владельцев Товарищества мануфактур «Видула Морозов с сыновьями». Фирме принадлежало одно из крупнейших текстильных производств в России: ткацкая и красильно-аппретурная фабрики в с. Никольском Владимирской губернии. А. В. Морозов — известный коллекционер. Его коллекция фарфора была одной из лучших в России, к 1917 г. насчитывала около 2, 5 тыс. предметов. Владел также (одной из первых по числу портретов и количеству листов) коллекцией литографированных и гравированных портретов.

¹⁶⁴ *Миронов Николай Михайлович* (1870-е—после 1914) — купец, московский коллекционер, член попечительского Совета Театрального музея Бахрушина, спортсмен. Имеется указание на 1917 г. смерти Миронова в кн.: *Полунина Н. М.* Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь. М., 2003. С. 249—252.

¹⁶⁵ *Бурылин Дмитрий Геннадьевич* (1852—1924) — предприниматель, коллекционер, меценат. Происходил из семьи текстильных фабрикантов, собирал старопечатные и рукописные книги, монеты, оружие, материалы по изготовлению тканей, картины и др. На основании его коллекции образован Музей промышленности и искусства в Иваново-Вознесенске (здание также построено на его средства). После 1917 г. Бурылин был хранителем музейных фондов. См. о нем: *Додонова А.* Дмитрий Геннадьевич Бурылин. Иваново, 1997.

Права у Комиссии для получения экспонатов были очень большие, ибо было вызвано высочайшее повеление, которым все государственные учреждения обязывались беспрекословно предоставлять на выставку предметы, признанные для нее необходимыми.

И надо сказать правду, что большинство учреждений шло охотно на встречу трудам Комиссии, но в некоторых, особенно московских, бывали и трения. И я заметил, что трения эти происходили там, где мне приходилось сталкиваться с людьми старыми или с обленившимися и застывшими на своих покойных местах. Сразу же мне пришлось выдержать борьбу со старшим хранителем Исторического музея Орешниковым,¹⁶⁶ которого поддерживал директор музея князь Щербатов.¹⁶⁷ Против каждого предмета, который я намечал для выставки, у него находились возражения. То этот предмет нельзя выпустить из стен музея, потому что в нем является постоянная необходимость для лиц, занимающихся в нем, то предмет или слишком хрупок, или слишком ветх и может быть приведен в негодное состояние при перевозке, и все в таком духе. Возражения эти были, конечно, навивны, а главное, совершенно бесплодны, потому что я стоял на своем, основываясь на высочайшем повелении, которого администрация не могла не выполнить.

Вспоминается мне и такой курьез. Между прочими намеченными мною московскими учреждениями был и архив Министерства иностранных дел, где, по сведениям Комиссии, кроме богатого рукописного материала были и портреты современников Елизаветы.¹⁶⁸ Начальником архива был князь В. Е. Львов.¹⁶⁹ Облекся я в вицмундир, явился к нему и был принят очень любезно. Узнав о цели моего приезда и познакомившись с имевшимся у меня высочайшим повелением, он тотчас же переговорил по телефону со старшим архивариусом Белокуровым,¹⁷⁰ предложив ему оказать мне всяческое содействие. Но Белокуров с места стал оказывать мне не содействие, а противодействие. По его словам, в архиве, кроме тех предметов, сведения о которых были у меня в руках, ничего не было! Я обозлился и потребовал описи, и тут Белокуров дошел до такой мелочности:

— У нас описей нет, — ответил он, делая ударение на слове «описей».

— Но ведь есть же у вас какие-нибудь книги, ведомости, реестры или что-нибудь справочное в этом роде?

— Да, есть, но это у нас называется... — и он сказал мне какое-то другое название, которое я теперь уже не помню!

Дня два я проработал в архиве, нашел еще несколько предметов, составил им опись, уехал в Петербург и вскоре вернулся за всем тем, что надо было переправлять из Москвы на выставку. Со мною приехал и укладчик. В четверг я заехал в архив и сказал Белокурову, что в пятницу вещи будут

¹⁶⁶ Орешников Алексей Васильевич — хранитель Императорского Российского исторического музея.

¹⁶⁷ Щербатов Николай Сергеевич (1853—1929) — князь, директор Императорского Российского исторического музея, член попечительского совета Театрального музея Бахрушина.

¹⁶⁸ Елизавета Петровна (1709—1761/62) — российская императрица (с 1741).

¹⁶⁹ Львов Владимир Евгеньевич — князь, директор Главного архива Министерства иностранных дел.

¹⁷⁰ Белокуров Сергей Михайлович — архивариус Главного архива Министерства иностранных дел.

укладывать, а укладчику приказал в субботу к 11 час. быть в архиве уже с подводой. В пятницу я заехал в архив около 3 час., вещи кончали укладывать, и я сказал Белокурову, что на другой день их погрузят на подводу.

— Но ведь завтра суббота, — ответил он.

— Да.

— Так ведь это ж «банный день»!

— Какой «банный день»?! — воскликнул я.

— Такой: в субботу все ходят в баню.

— Но ведь не всю же субботу служащие моются в бане?

— Конечно, не весь день, но по субботам мы архив не открываем.

— Так что же, благодаря этой бане, я должен буду зря здесь сидеть и ждать понедельника, чтобы взять вещи?

— Да, уж придется...

— Ну, нет, извините, я сейчас пойду к князю и попрошу, чтобы он приказал отложить баню на вечер субботы.

— Как угодно, но он этого не сделает, у нас правило — не открывать архив по субботам.

Я отправился к князю Львову, и между нами произошел такой разговор. Поздоровавшись с ним, я сказал:

— Князь, нельзя ли завтра чиновничьи бани отложить на вечер?

Князь недоуменно посмотрел на меня, он даже как-то попятился от меня.

— Какую баню?! — воскликнул он.

— Дело в том, что вещи у меня уложены и назавтра к 11 час. утра заказана подводка, чтобы их увезти, но Белокуров говорит, что завтра «банный день», и архив будет закрыт.

— Какая чепуха!

И я услышал такое приказание по телефону:

— Завтра в 11 час. открыть архив и выпустить вещи, отобранные г. Рышковым...

Свежо предание, а верится с трудом!¹⁷¹

Все это незначительные на первый взгляд мелочи, но надо признаться, что они нервировали в той напряженной работе, которую приходилось вести...

Раз я уже коснулся этой выставки, я не могу не сказать нескольких слов о главном деятеле ее бароне Н. Н. Врангеле.¹⁷²

Смерть рано похитила его, он умер совсем еще молодым в Польше во время русско-германской войны, служа в Красном Кресте. До чего было жаль этого самородка, этого жизнерадостного человека, вечного радателя о родной художественной старине! Он был фанатиком ее, всякое начинание в ее области встречало в нем не только энергичного работника, но и неутомимого чернорабочего. Его знание старинных мастеров и его феноменальная память были поразительны. Как-то я показал ему снимок с одного интерьера, на стенах которого висели портреты.

¹⁷¹ Цитата из монолога Чацкого в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

¹⁷² *Врангель Николай Николаевич* (1880—1914) — историк искусств, брат П. Н. Врангеля.

— Ах, это, наверное, гостиная князей Х., — сказал Врангель. — Вот это портрет князя Павла Павловича, а это Павла Николаевича, они были на выставке в Таврическом дворце.¹⁷³ Портрет Павла Павловича приписывают Боровиковскому,¹⁷⁴ только это неправильно, судя по почерку, это скорее такого-то...

Я не поленился справиться в каталоге, и около этого портрета стояло: «раб. Боровиковского» и знак вопроса!

В то же время мне посчастливилось найти на Александровском рынке этюд натурщика работы Флавицкого.¹⁷⁵ На нем с трудом можно было разобрать надпись, что за этот этюд Флавицкому была присуждена серебряная медаль. Когда я показал его Врангелю, он, взглянув на него издали, воскликнул:

— Это ж ученический этюд Флавицкого, любимого ученика Брюлло-ва!¹⁷⁶ Где вы его откопали? Ведь этот этюд уже давно ищут...

Я умышленно привел эти два случая, чтобы было понятно, почему Врангель считался в художественном мире таким авторитетом. Раз в художественной области возникал какой-нибудь спор, слышалась стереотипная фраза: надо спросить Врангеля...

Вспоминается мне такой случай, прекрасно характеризующий Врангеля. Когда мы приступили к устройству в залах Академии художеств выставки, то было решено отделать их в елизаветинском стиле, и для этого все, что должно было висеть на стенах, поместить на крашеном холсте, а чтобы не снимать картин Академии и не портить стен, были поставлены деревянные леса, на которые натягивался этот холст. Хроникерчики мелкой прессы, почему-то нас не жаловавшие, забили тревогу и писали, что мы устраиваем костер в Академии,¹⁷⁷ и один из них заключил свою статью приблизительно так: впрочем, что им, этим пшютам, разгуливающим в смокингах по залам Академии, до находящихся там драгоценностей!

Врангель, прочитав эту заметку, проговорил улыбаясь:

— Как! Днем мы разгуливаем в смокингах? Вот так законодатель мод!..

Но вернемся к упомянутым мною выше коллекционерам: к Морозову, Миронову и Бурылину. О собирателе же русской театральной старины и создателе театрального музея А. А. Бахрушине речь будет впереди, с ним я познакомился гораздо раньше.

Алексей Викулович Морозов поражал своею исключительною скромностью. Даже походка у него была какая-то деликатная, будто он не шел,

¹⁷³ Имеется в виду самая популярная в истории Таврического дворца выставка Историко-художественных русских портретов, которая была открыта в начале 1905 г. и насчитывала более 2300 портретов из музеев, академий, дворцов, присутственных мест, училищ, церквей, монастырей, а также из музеев Парижа, Берлина и других городов. Устроителями выставки были С. П. Дягилев, А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, Н. Н. Врангель, М. В. Добужинский и др. См. о выставке в кн.: *Дьяченко Л. И.* Таврический дворец. СПб., 1997. С. 109—120.

¹⁷⁴ *Боровиковский Владимир Лукич* (1757—1825) — художник.

¹⁷⁵ *Флавицкий Константин Дмитриевич* (1830—1866) — художник.

¹⁷⁶ *Брюллов Карл Павлович* (1799—1852) — художник, мастер парадного портрета.

¹⁷⁷ Имеется в виду анонимная заметка «Костер в Академии», в которой писалось: «В античных залах Академии художеств творится что-то непостижимое...<...> Все деревянные сооружения образуют громадный костер в залах Академии, представляющий страшную опасность в пожарном отношении» (Петербургский листок. 1912. 22 марта. № 80. С. 8).

а пробирался, опасаясь кого-нибудь задеть. Эта скромность сквозила в нем во всем, он жил как-то втихомолку и, как огня, боялся рекламы и популярности, одним словом, он всюду и всегда «сторонился». Не знаю, имел ли Морозов обширный круг знакомства среди того неведомого мне мира коммерсантов, к которому он принадлежал, но в публичных местах Москвы, за исключением театров, я его никогда не встречал, а в театрах он всегда бывал в одиночестве. Он, по-видимому, очень ценил это одиночество, потому что я, бывая в его доме, никогда никого у него не встречал. Единственный раз, помню, мы у него завтракали целой компанией после осмотра его фарфора. В его приезды в Петербург он тоже был одинок. Он всегда давал мне знать, когда приезжал, и мы с ним в эти дни обыкновенно завтракали в Европейской гостинице, где он останавливался. Что он делал в остальное время, я не знаю, но из разговоров с ним выяснялось, что он почти не покидал своего номера.

Собирая много лет старые русские гравюры, он составил едва ли не единственную по своей ценности и полноте коллекцию их и совершенно терялся, когда с ним о ней заговаривали, а если замечал у собеседника только одно праздное любопытство, то старался как можно скорее отделаться от него общими фразами.

О Морозове как о коллекционере я узнал случайно, работая в Москве для выставки и встретив его у Бахрушина, который, воспользовавшись его присутствием, сказал мне:

— Владимир Александрович, вот вам настоящий коллекционер, у Алексея Викуловича знаменитое собрание гравюр.

— Ну, что вы, Алексей Александрович, — воскликнул Морозов, — какое там — знаменитое!

— Не скромничайте, я ведь знаю ваше собрание, — ответил Бахрушин. — А Владимиру Александровичу прямо-таки необходимо с ним познакомиться, потому что он здесь работает для выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», и вы можете обогатить на ней отдел гравюр.

Морозов сразу преобразился. Он принялся оживленно перечислять имеющиеся у него гравюры того времени, останавливаясь подробно на более редких, и просил меня приехать к нему на другой день.

Во время этого разговора для меня выяснилась одна очень интересная коллекционерская черта. Бахрушин задал Морозову довольно шаблонный, на первый взгляд, вопрос: много ли гравюр он отыскивает в настоящее время? Морозов вздохнул и сокрушенно ответил:

— Знаете, я дошел до того, что положительно испытывал коллекционерский голод! Всякий, кто, так или иначе, причастен к старинным гравюрам, особенно здесь, в Москве, знает, что если мне принесут гравюру, которой у меня еще нет, я дам за нее какие угодно деньги. И, можете себе представить, уже два года я не могу купить ни одной гравюры! Но я уже не могу не гореть тем огнем коллекционера, который именно вам так хорошо знаком, я не могу спокойно жить, не волнуясь священным чувством собирателя. Кончилось тем, что теперь я собираю фарфор...

— Как фарфор?! — воскликнул Бахрушин.

— Да. И кое-что уже собрал, хотя, признаюсь, теперь его собирать очень трудно. Большинство хороших вещей находится в таких собраниях,

из которых их уже никогда не получить. Тоскуя по коллекционерству, я бросился собирать старое серебро, но когда вскоре убедился, что в этой отрасли масса подделок, у меня пропала всякая охота заниматься ею. И тогда я взялся за фарфор.

Со старинным серебром он действительно попался. Он упомянул, что у него пропала всякая охота собирать его, потому что убедился, что в нем масса подделок, но не сказал, как он в этом убедился. Позднее мне рассказывали, что какой-то, кажется, парижский антиквар прислал ему свой каталог. Просматривая его, он увидел, что у этого антиквара большой подбор старинного русского серебра. Он поехал к нему, купил это серебро, привез его в Москву и принялся изучать. В то же время встретил он на улице хранителя Оружейной палаты В. К. Трутовского,¹⁷⁸ известного знатока такого серебра, который слышал уже стороной о его покупке. Трутовский спросил, доволен ли он ею?

— Еще бы не быть довольным, — воскликнул Морозов, — там есть первоклассные вещи! Например, жалованный кубок...

И он описал его.

— Простите, Алексей Викулович, — отвечал Трутовский, — только этот кубок находится у меня в Оружейной палате.

— Может быть, «находился», Владимир Константинович, а теперь он «находится» у меня, в Введенском переулке.

— Но позвольте, я его еще вчера видел!

Морозов опешил и упросил Трутовского сейчас же отправиться к нему для разрешения этого вопроса. И Трутовский определил, что не только этот кубок, но и все серебро сплошь прекрасная подделка!

Морозов пустил это серебро в домашний обиход, причем злополучный кубок служил пепельницей, и стал собирать фарфор.

Устроив у себя в доме настоящий музей фарфора и дойдя в собирании его опять-таки до того, что ему нечего было больше приобретать, он принялся собирать старинные иконы.

В его коллекционерстве было особенно ценно то, что он не ограничивался только приобретением вещей и выставкой их напоказ. Он вел строго научную работу и каждую отрасль своего увлечения старался изучать в совершенстве. Так, закончив собирание гравюр, он привел их в полный порядок и выпустил в свет роскошно изданный каталог их.¹⁷⁹

Я, конечно, воспользовался приглашением Морозова и приехал к нему на другой день в 12 часов. Замкнутость его совершенно исчезла, и, встретив меня, он был очень оживлен, даже возбужден.

— Гравюры, — сказал он, — мы еще успеем отобрать, на это и получаса достаточно, потому что они у меня приведены в полный порядок, а пока, до завтрака, я вас познакомлю с моим новым увлечением, с моим фарфором. Вот, эта комната служит у меня «разборной», сюда поступает все, что я покупаю, все, что мне приносят.

¹⁷⁸ Трутовский Владимир Константинович (1862—1932) — археолог, искусствовед, член Московского археологического общества, хранитель Оружейной палаты в Кремле, сын художника Трутовского Константина Александровича (1826—1893).

¹⁷⁹ Морозов А. В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1912—1913. Т. 1—5.

Мы вошли в эту комнату, заставленную без всякого порядка массою самых разнообразных фарфоровых вещей.

— Это моя лаборатория, — сказал Морозов, — здесь я изучаю каждую вещь, определяю ее, и только после этого она поступает наверх, где хранится мое собрание. По правде сказать, это место я люблю больше того, верхнего помещения. Там — покой, а здесь волнение. Со всем тем, что находится там, я уже пережил любимые мною ощущения и успокоился, зато все, что вы видите здесь, заставляет меня искать, изучать, волноваться и переживать вновь эти ощущения.

Морозов принялся показывать мне эти вещи, объясняя на них все тонкости распознавания марок, все тонкости подделок. Здесь человек жил в полном значении этого слова, и когда мы перешли в его парадные комнаты, из которых, кстати сказать, весь его кабинет расписан Врубелем,¹⁸⁰ то мне казалось, что Морозов в этих комнатах такой же случайный гость, как и я. Да так оно на самом деле и было, ибо, как мне пришлось убедиться уже впоследствии, он проводил время или в «разборной», или в другом своем кабинете, более уютном, более располагающем к работе.

После завтрака мы прошли наверх в «помещение» для фарфора, как выразался скромно Морозов. Уже и в то время это «помещение» представляло собою музей, а затем, когда я бывал в нем позднее, иного названия ему уже нельзя было дать. Строго систематизированное по эпохам и предметам, собрание это было поразительно по своей ценности в художественном, историческом и бытовом отношении. Жизнь и вкусы александровской, николаевской да и позднейших эпох рисовались перед зрителем во всей их полноте. Думается мне, что основная мысль Морозова заключалась в желании представить в фарфоре историю России, в его собрании не было ни одного предмета, который так или иначе не рисовал бы прошлого нашей родины, т. е. ее событий, ее типов, ее костюмов, ее быта. Елизаветинская и екатерининская эпохи представлены в собрании Морозова сравнительно слабо, и это совершенно естественно, потому что он стал собирать фарфор в то время, когда то немногое, что сохранилось от этих эпох, стало уже достоянием прежних собирателей. Особенно богато были представлены эпохи императоров Александра I¹⁸¹ и Николая I.¹⁸² Самым тщательным образом подобраны целые серии разных типов самых разнообразных заводов. Тут были собраны десятками кучера, пастухи, рыбаки, сбитенщики, стекольщики, кулачные бойцы, продавщицы ягод, холста, грибов, фигуры, рисующие крестьянство в работе и пляшущую Русь. Очень был интересен отдел актеров и писателей, а также отделы батальный, «ню», примитивов и лубков. Посуда как таковая совершенно отсутствовала в этом собрании, Морозов приобретал ее лишь в том случае, если на

¹⁸⁰ *Врубель Михаил Александрович* (1856—1910) — художник. Полиптих для готического кабинета в особняке А. В. Морозова на сюжеты из «Фауста» Врубель написал в 1896 г. накануне своего венчания с Н. И. Забелой и отъезда в свадебное путешествие в Швейцарию. Декоративные панно «Полет Фауста и Мефистофеля», «Маргарита», «Мефистофель и ученик» хранятся в Третьяковской галерее в Москве. Фотографию интерьера готического кабинета в особняке А. В. Морозова в Москве см. в кн.: *Суздаев П. К.* Врубель. М., 1991. С. 276.

¹⁸¹ *Александр I* (1777—1825) — российский император в 1801—1825 гг.

¹⁸² *Николай I* (1796—1855) — российский император в 1825—1855 гг.

ней имелись портреты царственных особ, исторических личностей, типы, бытовые сцены, исторические события, виды городов и т. п. В смысле истории костюма и быта, в смысле типов все это представляло собою драгоценнейший материал.

После революции музей был объявлен народным достоянием, причем сам Алексей Викулович был назначен хранителем его. От звания директора он отказался.

В той компании, которая, как я упомянул выше, завтракала однажды у Морозова, был, между прочим, и Николай Павлович Рябушинский.¹⁸³

Если бы он не был так богат, если бы он не вращался среди крупных московских коммерсантов и не бывал за границей, он представлял бы собою тип обыкновенного, но красивого русского парня. Такие типы встречаются теперь нечасто. Крупный, розовый, с прекрасными пепельными волосами, он дышал здоровьем. И даже его некрасивые глаза шли ко всей его фигуре, они были какие-то белесоватые, с хитрецой. Такие глаза бывают у рыночников, Бог их знает, не разгадаешь по ним душу человека, сфинкс какой-то!

Но богатство и Европа модернизировали этого красивого парня, и получился «господин с очень оригинальною наружностью»! И он заботливо культивировал эту оригинальность. Волосы, вместо того чтобы причесывать на прямой пробор, как делал бы это любой парень, он как-то особенно зачесывал на лоб, будто они лежали небрежно, бороду носил лопатой, но баки и усы коротко подстригал. А взявшись издавать и редактировать «Золотое руно» и возмечтав себя декадентом, придавал своим глазам меланхолично-равнодушное выражение.

Был ли он умен или глуп, я не знаю, точно так же не берусь определить, был ли он действительно оригинален или просто оригинальничал, я его слишком мало знал, но, во всяком случае, он производил впечатление человека незаурядного, пускай даже ломающегося, но уже никак не рядового обывателя. Когда я сталкивался с ним и разговаривал, я убеждался в том, что он многого хочет и ничего не может, он казался мне всегда неудовлетворенным, было очевидно, что в голове его роились самые смелые планы, но свершить ему ничего не было дано.

Первый раз я столкнулся с ним в Москве, за завтраком в «Метрополе». Я сидел с Бахрушиным, и он подошел к нему, тот нас познакомил, и он присел к нам. Тогда он еще не прожил своего состояния и увлекался изданием «Золотого руна».

Не знаю почему, но на Бахрушина нашел какой-то задор, и он, знакомя нас, проговорил:

¹⁸³ *Рябушинский Николай Павлович* (1876—1951) — промышленник, художник-любитель, поэт, меценат. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. В 1906—1909 гг. издатель и редактор ежемесячного художественного и литературно-критического журнала «Золотое руно» в Москве, объединившего творческую молодежь, поэтов (В. Я. Брюсов, Ю. Балтрушайтис, А. Белый, М. А. Кузмин) и художников (Н. Н. Сапунов, Л. С. Бакст, М. В. Добужинский, М. Ф. Ларионов). В 1907 г. финансировал организацию выставки «Голубая роза». Эмигрировал во Францию в 1918 г. Владелец галереи «Голубая роза». См. о журнале «Золотое руно»: *Лавров А. В.* «Золотое руно» // *Русская литература и журналистика начала XX века.* 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 137—173.

— Коля, ты знаешь, вот Владимир Александрович, большой поклонник Пушкина.

— Да-а?! — протянул он.

И в этом «да» слышались и вопрос, и восклицание, и даже как бы сожаление.

— Что же в этом особенного, Алексей Александрович?! — обратился я к Бахрушину. — Я думаю, и дурака такого не найдется, который бы ему не поклонялся!

— Как вы, однако, нетерпимы к чужим взглядам, — сказал Рябушинский.

— О, нет, я не нетерпим. Но я положительно не верю, понимаете, не верю, чтобы кто-нибудь искренно отрицал Пушкина. Даже ваши декаденты из «Золотого руна». Я утверждаю, что если бы вы в один прекрасный день всех их призвали и сказали бы им: «Ну, вот что, молодцы, отныне пишите вполне грамотные и понятные стихи». Они тотчас же стали бы тужиться писать и грамотно, и понятно, а пока вы позволяете им баловаться, они для оригинальности выпячивают презрительно нижнюю губу при имени Пушкина.

— Ну, нет, вы их мало знаете, — ответил он каким-то скорым говорком, распрощался с нами и отошел.

Я не могу определить, был ли ему неприятен этот разговор, глаза его никак не передавали его переживаний.

Затем я встретился с ним за завтраком у Морозова, на котором присутствовали А. А. Бахрушин, И. Е. Бондаренко,¹⁸⁴ В. К. Божовский, Н. М. Миронов, Рябушинский и я. Морозов, рассказывая о каком-то случае в Париже, обратился к Рябушинскому и напомнил ему, что и он был в то время там, прибавив, что это было тогда, когда он состязался с англичанами.

— Заставьте его рассказать об этой истории, она очень характерна, — сказал нам Морозов.

Мы все, конечно, пристали к Рябушинскому с просьбой рассказать нам этот случай.

— Ну, что же в нем особенного, — ответил он несколько застенчиво, — я просто в то время очень скучал и старался развлечься.

— И чем же ты развлекался? — спросил его Бахрушин.

— Да пустяком! Ну... сидел я, одинокий, в ресторане за обедом. Народу было не особенно много. Невдалеке от меня обедала довольно интересная дама. Оркестр заиграл какую-то пьесу и почему-то, не доиграв ее, вдруг оборвал. Не могу объяснить причины, но мне это не понравилось. Я подзвал лакея и поручил ему спросить дирижера, почему он не кончил пьесы, и попросить его доиграть ее до конца. Лакей, вернувшись, сказал мне, что пьесу эту заказала сыграть заинтересовавшая меня дама, а обедавшие тут же англичане просили не играть ее. Я дал лакею сто франков для передачи дирижеру, чтобы он доиграл пьесу. Оркестр стал опять играть. Но к дирижеру подошел лакей англичан, передал ему какие-то деньги, и он пьесы не докончил. Опять мой лакей пошел переговаривать с дирижером. Оказа-

¹⁸⁴ Бондаренко Илья Евграфович (1870—1947) — архитектор, рисовальщик, автор историко-архитектурных исследований, коллекционер.

лось, англичане дали ему двести франков. Тогда я послал пятьсот. Так продолжалось до тех пор, пока наконец я не призвал дирижера уже к своему столу, вынул из кармана чековую книжку, вписал в чек очень крупную сумму и, передавая его ему, сказал: «Вот вам чек. Согласны ли вы за эту сумму доиграть пьесу до конца? Но ответ вы должны мне дать, не отходя от стола. А если вы согласитесь играть и не доиграете, я вас застрелю. Я — Рябушинский...». И он доиграл.

В передаче этого рассказа не было и тени бахвальства. Рябушинский, напротив, передавал этот случай, как бы конфузясь, будто он каялся. И даже хвастливое, казалось бы, «я вас застрелю, я — Рябушинский», звучало как-то так непреклонно, будто это общеизвестно и иначе и быть не может.

Морозов тут же рассказал нам, что в каком-то парижском ресторане Рябушинскому не понравилось лицо одного посетителя, и он, призвав хозяйна, потребовал, чтобы его удалили. Хозяин, естественно, отказался исполнить такое оригинальное требование, Рябушинский настаивал, и тот, желая, очевидно, от него отвязаться, предложил ему, что он немедленно закроет ресторан, но с тем условием, чтобы Рябушинский уплатил ему весь вечеровой доход. Рябушинский согласился, ресторан закрыли, и тогда он просил всю прислугу пригласить своих знакомых ужинать в этом ресторане. Когда все собрались, Рябушинский сам им служил, и сам же платил за все то, что они требовали.

Но на одном своем самодурстве, как мне рассказывали, он попался. Компания его приятелей зазвала его ужинать в «Стрельну»,¹⁸⁵ и, когда он вошел в кабинет, туда потребовали цыган, которых подговорили спеть на мотив «Ай, да тройка!...» такие слова:

Ай, да Коля
Рябушинский
Золотое ты руно,
Ну какой же
Ты редактор,
Просто-напросто!

Он так обозлился, что не нашел ничего лучшего сделать, как пойти и побить владельца «Стрельны» Натрускина.¹⁸⁶ Тот подал на него жалобу, и Рябушинский был приговорен к аресту, без замены штрафом. Натрускин соглашался простить его, если он внесет в пользу недостаточных студентов пять тысяч рублей, и тут сказала купеческая жилка в нем, он, несмотря на свой широкий размах, стал торговаться с двух тысяч и наконец внес-таки деньги.

Вспоминается мне еще и такой случай. Кутящая компания в той же «Стрельне» решила дать премию в дюжину шампанского тому, кто придумает что-нибудь особенно глупое.

Рябушинский призвал Натрускина и, указывая на великолепную пальму, спросил:

— Что стоит эта пальма?

¹⁸⁵ «Стрельна» — модный ресторан в Петровском парке в Москве.

¹⁸⁶ См. краткую заметку «Дело Н. П. Рябушинского» об «оскорблении действием владельца „Стрельны“ С. И. Натрускина»: Русское слово. 1910. 25 марта. № 69. С. 6.

— Тысячу рублей.

— А что стоит жареный рябчик?

— Четыре рубля.

— Ну, так срубите эту пальму и на ней изжарьте мне рябчика, вот вам тысяча четыре рубля.

Премии получил он!..

Наконец, я встретился с ним будучи уже его гостем.

Это было летом. В «Эрмитаже» завтракали Рощина-Инсарова, Плещеев, Бахрушин и я.

Рощина готовилась в то время выступить в Малом театре в «Грозе» в роли Катерины и просила Бахрушина поискать у себя в музее старинные серьги для этой роли. Незаметно перешли на разговор о старинных вещах, и Бахрушин, указывая на сидевшего недалеко Рябушинского, сказал:

— Вот у кого есть подбор великолепной старой мебели. У него, в его «Черном лебеде», есть так называемая «бабушкина комната», эта мебель стоит в ней.

— Ах, как бы я хотела посмотреть и эту комнату, и его «Черного лебеда», — воскликнула Рощина. — Я так много слышала о нем, говорят, там положительные чудеса!

— А я сейчас попрошу, чтобы он нам его показал, — сказал Бахрушин и отправился к нему.

Вернулся он с Рябушинским, который просил всех нас поехать на его автомобиле после завтрака к нему.

Вилла Рябушинского находилась в Петровском парке, недалеко от известного «Яра», и мы в несколько минут домчались до нее.

Первое, что уже нас поразило, когда мы подъехали к дому, было то, что он был положительно опоясан широкой лентой цветущих роз. Впечатление было поистине ошеломляющее! Слишком трудно было представить себе такое невероятное применение этого колоссального количества роз! И, ошеломив нас этим первым впечатлением, «Черный лебедь» так, до нашего отъезда, и продержал нас в таком состоянии.

Перед домом, посреди площадки из газона, на постаменте, высилась чудная фарфоровая ваза. Оказывается, эту вазу Франция поднесла строителю Суэцкого канала Лессепсу.¹⁸⁷ И так и стояла она зиму и лето в Москве, в Петровском парке!

Садом мы прошли к обширному балкону. Он был обнесен деревянной балюстрадой, имевшей не менее дюжины столбов, и на каждом из них помещался мраморный бюст. Бюсты эти, первых веков христианства, были приобретены Рябушинским при посредстве Британского музея, и каждый имел сертификат музея.

— Николай Павлович, — воскликнул я, — неужели вы их и на зиму оставляете здесь?!

— Да... А что?

— Но ведь они должны постепенно разрушаться.

— Ну, так что же! Я так люблю всякое разрушение...

¹⁸⁷ *Leccenc (Lesseps) Фердинанд* (1805—1894) — французский инженер, руководивший в 1859—1869 гг. строительством Суэцкого канала.

С балкона вход в большую двухсветную залу, все стены которой были увешаны кафрским и бурским оружием. Это оружие Рябушинский вывез из Трансвааля, когда ездил туда на войну буров с англичанами.¹⁸⁸ В качестве кого и зачем он туда ездил, я так и не мог добиться, вернее всего: «так себе!». Но коллекция была поразительно интересна и, надо сказать правду, была размещена прямо-таки художественно. Дом был построен крайне оригинально, с причудливыми переходами, с неожиданными контрастами. Во втором этаже помещалась «бабушкина комната». Лучшего названия этой комнате трудно было подыскать, она действительно была обставлена так, как обставлялись сотни комнат сотен бабушек. Великолепнейшая мебель из карельской березы александровского времени, начиная с кровати и кончая ночным столиком. И каким уютом, каким покоем веяло от нее!¹⁸⁹

Когда мы кончили осмотр дома и перешли в столовую, там на столе были уже приготовлены шампанское, фрукты и конфеты. Сервировка не поражала, это была просто сервировка богатого дома, было лишь оригинально, что на каждом предмете вместо вензеля или герба был помещен черный лебедь.

— Николай Павлович, — спросила Рощина, — почему вы назвали таким именем свою виллу?

— «Черным лебедем»? Потому что он эмблема тоски.

Тосковал ли он на самом деле? Я склонен думать, что да. Он был какой-то мятежный. Искал ли он бурь, я не знаю, но, наблюдая его, мне всегда казалось, что он поднимает мятеж против всего, его окружающего. Увы, как я уже упомянул, ему все же свершить ничего не было дано! Я часто встречал его в Москве, в общественных местах, и редко видел его в компании. Почти всегда он сидел одинокий, как будто кого-то или чего-то поджидая. Такое одинокое сидение привело его и к женитьбе. Мне рассказывали, что у него вошло в обыкновение, возвращаясь вечером или ночью из города в свой «Черный лебедь», заезжать к «Яру». Там он садился за столик, в большинстве случаев один, выпивал шампанского и ехал домой. Однажды, сидя в таком одиночестве, он пригласил к своему столу хористку, увлекся ею и в то же утро обвенчался с нею после ранней обедни. Прожив вместе очень короткое время, они разъехались, и она, пользуясь громкой в Москве фамилией Рябушинских, стала уже выступать в шантанах солисткой. Братья Рябушинские¹⁹⁰ предлагали ей крупную сумму за то, чтобы она обяза-

¹⁸⁸ Англо-бурская война 1899—1902 г. завершилась заключением мирного договора 31 мая 1902 г., по которому буры признавали аннексию Южно-Африканской (Трансвааль) и Оранжевой Республик Англией.

¹⁸⁹ Ср. описание виллы «Черный лебедь» (арх. В. Д. Адамович) и «бабушкиной комнаты» в эссе: *Виноградов С. А.* О странном журнале, его талантливых сотрудников и московских пирах // *Воспоминания о серебряном веке.* М., 1993. С. 430—439.

¹⁹⁰ *Рябушинские* — семья крупных предпринимателей, владельцы ткацких, лесо- и торфоразработочных предприятий, писчебумажных, стекольных, льноперерабатывающих заводов. Братья Рябушинские учились в Московской практической академии коммерческих наук. В 1887 г. было образовано Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с основным капиталом 2 млн руб. В 1902 г. Рябушинские учредили собственный банкирский дом. *Владимир Павлович* (1873—1955) — предприниматель, общественный и политический деятель. В 1912 г. один из основателей Прогрессивной партии и издатель газ. «Утро России». Эмигрировал во Францию в 1920 г. Один из основателей эмигрантской организации «Торгпром» в Париже. *Дмитрий Павлович* (1882—1962) — ученый в области аэро- и гидродинамики. Один из осно-

лась не выступать под своей фамилией, но она на это не согласилась, прекрасно понимая, что это будет ей менее выгодно.

Однако постепенно он сходил на нет. Он прожил свое громадное состояние, распродал московским любителям и антикварам свои редкости, постарел и как-то поблек. И в ресторанах я встречал его сидящим так же сиротливо, как и прежде, но уже за скромным столиком, и метрдотели не бросались наперебой ухаживать за ним. Говорили, что он существовал на то, что отпускал ему на содержание «Торговый дом бр. Рябушинских».

Бог его знает, иссякла ли в нем энергия жизни, убедился ли он в тщете жизни или просто перебесился и успокоился. А может быть, просто обеднел и помельчал. Последнее, пожалуй, вернее всего.

Я всегда был уверен, что он скоро проживет свои большие деньги, но был убежден, что с положением обедневшего человека он не примирится и, хотя бы ради эффекта, кончит самоубийством. Но оказывается, он не во всем любил разрушение...

Грянула революция, и до октябрьского переворота я видывал его в Москве в том же положении. А когда власть перешла к большевикам, он почему-то переселился в Петербург. Тут я встречал его несколько раз на улицах. Одет он был так же обтрепанно, как одевалась в то время вся интеллигенция, в каком-то старом пальтишке, стоптанных башмаках и в шляпе с дырой. Нарочно ли он так одевался или действительно он обнищал, не знаю, но думаю, что нарочно, ибо как-то раз, встретившись со мною, он очень просил меня зайти к нему в «мастерскую», не объяснив, однако, какая это «мастерская». Однажды он просил меня пристроить его куда-нибудь на службу, потому что, как он выразился, «нельзя не служить». Нужна ли ему была служба для заработка или для каких-либо иных целей,

вателей экспериментальной аэродинамики: проводил исследования в аэродинамической лаборатории, построенной в 1904 г. в усадьбе Кучино в Подмосковье. Эмигрировал во Францию в 1918 г. Руководитель лаборатории Парижского университета, профессор, член-корреспондент Академии наук Франции. *Михаил Павлович* (1880—1960) — предприниматель, меценат, коллекционер. Член Товарищества мануфактур «П. М. Рябушинский с сыновьями». В 1902—1917 гг. совладелец банкирского дома братьев Рябушинских. Собирал живопись русских и западноевропейских мастеров. Эмигрировал в 1918 г. в Великобританию. В Лондоне занимался банковским делом. *Павел Павлович* (1871—1924) — общественный и политический деятель, предприниматель. С 1900 г. глава Товарищества мануфактур «П. М. Рябушинский с сыновьями» и правления Земельного банка в Харькове. В 1902—1917 гг. совладелец банковского дома братьев Рябушинских, в 1912—1917 гг. председатель правления созданного на его основе Московского банка. В 1912 г. один из создателей Прогрессивной партии и издатель газ. «Утро России». После Февральской революции поддерживал Временное правительство. С лета 1918 г. один из руководителей подпольной организации «Национальный союз». Эмигрировал во Францию в 1919 г. Один из организаторов Союза русских промышленников. *Стенан Павлович* (1874—1942) — предприниматель, коллекционер. Член Товарищества мануфактур «П. М. Рябушинский с сыновьями». В 1902—1912 гг. один из совладельцев банкирского дома братьев Рябушинских, в 1912—1917 гг. член правления созданного на его основе Московского банка. В 1916 г. один из учредителей Товарищества Московского автомобильного завода. Эмигрировал в 1917 г. в Италию. Свед. даются по справочнику: *Шмаглит Р. Г.* Русская эмиграция за полтора столетия: Биографический справочник. М., 2005.

он тоже не сказал.¹⁹¹ Затем как-то при встрече он объявил мне, что устраивает художественные аукционы. Позднее я встречал его уже в лучшем виде...

Странно сложилась судьба Николая Михайловича Миронова. Он был единственным сыном крупного московского богача, после смерти которого мать его¹⁹² вторично вышла замуж за Шевлягина, тоже богатого человека, и опять овдовела, не имея от Шевлягина детей. Она, как говорится, души не чаяла в сыне и исполняла все его прихоти. В ранней юности он увлекся спортом, вначале лаун-теннисом и футболом, затем псовой охотой, потом велосипедом и, наконец, автомобилем. И во всех этих увлечениях он достигал чемпионата. Так незаметно и бесплодно прожил бы свой век московский капиталист, если бы случай не натолкнул его на другую дорогу. Один из его приятелей приобрел себе старинную серебряную черневую табакерку и употреблял ее вместо портсигара. Миронову она очень понравилась, и он стал просить приятеля, чтобы он ее ему уступил, но тот не соглашался. Тогда Миронов отправился в антикварные магазины искать такую же табакерку. Побывав во многих из них, он пленился некоторыми старинными вещами и, не стесненный в средствах, кое-что накупил. Посещение антикваров ему понравилось, но, однако, приятель его предупреждал его, чтобы он был осторожен, так как он слышал, что у антикваров бывает много подделок.

— Как же их различать? — спросил Миронов.

— Ну, брат, это целая наука, — отвечал тот, — это, говорят, приобретается и знанием, и опытом.

— Да где ж я их приобрету?! На рынке ведь их не купишь!

— Конечно. А ты походи по музеям и присматривайся.

Через несколько дней Миронову понравился у одного антиквара старинный кубок, за который тот запросил довольно солидную цену. Тогда Миронов решил поступить так: отобрал он несколько купленных уже им вещей, отправился с ними в Исторический музей и, по указанию кого-то из служащих, обратился к хранителю Орешникову, прося его определить их подлинность.

— А почему это вас интересует, — спросил Орешников, — вы их продаете?

— Боже сохрани! Напротив, я их покупаю, но боюсь подделок. Вот и теперь я могу купить один старинный кубок, но боюсь, не поддельный ли он.

— А кто его продает?

Миронов назвал антиквара, и Орешников, сказав, что это человек добросовестный, предложил ему поехать вместе посмотреть вещь. Кубок оказался подлинным, Миронов его купил, и Орешников продолжал руководить им. Насколько это было возможно, он посвятил его во все тонкости

¹⁹¹ О пребывании Н. П. Рябушинского на советской службе см. в рамках статьи о нем в кн.: Думова Н. Г. Московские меценаты. М., 1992. С. 184—276 (в статье приводится версия о том, что Рябушинский был одним из наводчиков ЧК при экспроприации частного имущества).

¹⁹² Имеется в виду Шевлягина Елизавета Николаевна. См. также сноску № 201.

распознавания подделок и определения подлинности старинных вещей роскоши и быта, и Миронов с головой ушел в свое новое увлечение и стал работать самостоятельно. Между прочим, с ним произошел такой случай, о котором он мне рассказывал так.

«В день моего отъезда однажды из Парижа купил я у одного антиквара за 10 тысяч франков прекрасную черневую серебряную табакерку. Я не люблю покупать вещь наспех, мне необходимо некоторое время для того, чтобы за нею поухаживать и влюбиться в нее. Московские антиквары знают эту мою особенность и понравившуюся мне вещь присылают ко мне на дом, и по прошествии 3—4 дней я ее покупаю, если она мне все больше и больше нравится, или возвращаю, если она перестает мне нравиться. Но с парижской табакеркой мне некогда было так возиться, я ее купил, взял счет, я всегда беру счета, и уехал в Москву. По дороге я несколько раз рассматривал ее, и она мне нравилась все меньше и меньше, особенно дно ее. В Москве я показал ее Орешникову и Трутовскому, и те определили, что дно ее поддельное.

Зло меня разобрало ужасное. Надо вам сказать, что во Франции существует закон, по которому антиквар, уличенный три раза в продаже подделки, лишается права торговли. Я не мог спокойно оставаться в Москве и отправился в Париж, где навел справки об этом антикваре, и оказалось, что он уже два раза был обвинен в недобросовестной торговле. Тогда я явился к нему и заявил ему, что по определению наших экспертов дно табакерки поддельное. Он мне ответил, что наши эксперты ничего не понимают. Хорошо, ответил я, пусть это определяют ваши эксперты, я подаю в суд. Он, конечно, испугался и объявил, что берет табакерку обратно. „Нет, — сказал я, — этого мало. Вы вернете мне 10 тысяч франков и, кроме того, оплатите мне дорогу сюда и обратно и мои расходы за те три дня, которые я прожил здесь, пока навел необходимые справки. И если вы сейчас не ликвидируете это дело, я от вас отправлюсь к адвокату“.

И он рассчитался со мной...».

Я познакомился с Мироновым благодаря Ломоносовской выставке. Бахрушин однажды сказал мне, что он слышал от кого-то, что в Москве живет некий Миронов, молодой человек, собирающий русскую старину. У Бахрушина оказался и адрес его. Вернувшись в Петербург, я распорядился, чтобы ему было послано такое же письмо с готовым печатным текстом, которых мы разослали сотни две, в которых мы приглашали адресатов участвовать на выставке. Прошло несколько времени. Я занимался в большом Конференц-зале Академии разбором доставленных нам вещей, как ко мне явился человек приказчицей складки и заявил, что привез от Н. М. Миронова вещи на выставку.

— Где же они у вас? — спросил я.

— В гостинице. Когда позволите их доставить?

— Да хоть сейчас.

Посланный удалился и часа через два привез изящный заграничный кофр, полный первоклассных старинных предметов.

— Хорошо, — сказал я, — сейчас я выдам вам квитанцию в получении вещей.

— Пожалуйста. Только Николай Михайлович просил, чтобы я привез описание этих вещей.

— Какое описание?

— Он сказал, что здесь их опишут, что каждая вещь означает, и приказал привезти это описание.

— А вы когда уедете? Ведь на такое описание надо время.

— Сегодня вечером, но могу остаться до вечера завтра.

Делать было нечего, пришлось мне самому заняться описанием вещей, потому что никого из заведовавших отделом быта в то время не было. Я просил посланного остаться до завтра и на другой день вручил ему описание, сделанное мною в каталожном порядке.

В следующий мой приезд в Москву я отправился к Миронову, познакомился с ним и был очень рад этому знакомству. Он оказался очень милым юношей, видимо, фанатично полюбившим русскую старину. Он прекрасно сознавал и не скрывал, что ему недостает знания и опыта, и, не стесняясь, стремился знакомиться с людьми, посвятившими себя изучению любимого им дела, и учиться у них. Я, конечно, не представлял для него интереса, я сам еще только отчасти стал разбираться в определениях, но через меня он познакомился с такими знатоками, как Врангель, Тройницкий,¹⁹³ Вейнер¹⁹⁴ и др.

Я не помню теперь, через меня ли или самостоятельно познакомился Миронов с Бахрушиным, но вскоре после моего знакомства с ним они стали почти неразлучны. Они и в Москве бывали очень часто вместе, и в Петербург приезжали вместе.

Время для их сближения было самое благоприятное, готовились выставки Ломоносовская и в память войны 1812 г., причем Бахрушин был председателем бюро последней.¹⁹⁵ Благодаря этим выставкам установилось оживленное общение петербургских и московских знатоков и любителей старины, и знакомство Миронова расширилось. Помню, в каком он был восторге, когда я привез к нему Врангеля, и тот искренно восхищался его собранием. В натуре Миронова была, по-видимому, потребность жить в красивой обстановке, и он несколько не стремился «создавать» музей, он просто заполнял свой дом редкой и красивой стариной, не пользуясь, конечно, ею в ежедневном обиходе. И надо сказать правду, посещение его обители доставляло истинное наслаждение.

Такое же наслаждение доставило мне и посещение его усадьбы, отстоявшей от Москвы верстах в 60 и находившейся в Клинском уезде. Усадьба

¹⁹³ *Тройницкий Сергей Николаевич* (1882—1948) — искусствовед, генеалог, геральдист, директор Эрмитажа (1918—1927). См. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852—1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004. С. 148—151.

¹⁹⁴ *Вейнер Петр Петрович* (1879—1931) — совладелец пивоваренных заводов, действительный член Академии художеств (с 1912), историк искусств, редактор журнала «Старые годы» (1908—1915), основатель общества «Старый Петербург». Устроитель художественных выставок.

¹⁹⁵ Бахрушин был председателем Бюро по устройству выставки, посвященной Отечественной войне 1812 г. Выставка прошла с успехом в Историческом музее в Москве. Рышков также являлся членом Бюро выставки и представителем Бюро в Петербурге; в личном деле его сохранились сведения о награждении его медалью в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (ПФА РАН, ф. 4, оп. 4, л. 90).

эта принадлежала некогда князьям Трубецким,¹⁹⁶ и Миронов купил ее года за два до нашего знакомства в совершенно разоренном, правильнее, в запущенном виде. Почти вся обстановка была найдена в сараях, в конюшнях, на чердаках, и в два года и обстановка, и дом были приведены в такой порядок, что представляли собою драгоценнейший памятник жителя-бытия помещичьей жизни одной из красивейших эпох России.

Однажды на двух автомобилях мы отправились из Москвы в эту усадьбу. Ехали Н. М. Миронов, А. А. Бахрушин, И. Е. Бондаренко, В. К. Божовский, Н. И. Кравченко¹⁹⁷ и я, и мы в час с небольшим примчались туда. И я имел возможность полсуток провести вне условий жизни XX века! Полсуток не видел я пресловутого «*style moderne*»,^a не видел тех нелепых каменных громад, о которых принято говорить, что у них «смелые линии», той нелепой мебели, которая состоит также из «смелых линий», не дающих, однако, возможности удобно на ней сидеть, не видеть и всей той модной арматуры, которая так мозолит глаза во всех обывательских квартирах, безразлично, богато или бедно обставленных.

Усадьба отнюдь не поражала роскошью обстановки дворцов вельмож былого времени, а представляла тип усадьбы прежнего зажиточного помещика. Трудно описать то очарование, которое я испытал, вступая в этот дом! Прежде всего, уже при повороте с большой дороги в аллею глазу открылся небольшой светло-серый дом с типичным куполом и с белыми колоннами, а затем со ступенек крыльца, именно крыльца, а не «подъезда», поражала такая картина. Передо мною была прихожая с двумя небольшими колоннами, разделявшими комнату пополам, за нею круглый темно-розовый зал, потом гостиная, далее балкон, цветник, озеро и за ним село. Усадьба Лариных, да и только! Вся эта обстановка так напоминала бессмертную поэму, что, когда я вышел на балкон, мне представлялось, что сейчас передо мною, в цветнике, предстанут за жаровней Ларина и няня. И ни один художник в мире не создал бы лучшей декорации для «Онегина»! Надо было бы только просто рабски срисовать и этот дом, и его комнаты, и цветник, и парк.

Поразительное настроение давал темно-розовый зал. Он не особенно велик, освещается окнами, находящимися на маленьких хорах, и расписан по потолку гирляндами цветов и золотым орнаментом в стиле «*empire*».^b Мебель в нем карельской березы: несколько кресел и стульев, стол и длинное старинное фортепиано, орнаментированное бронзой. Следующая комната, гостиная, обставлена мебелью красного дерева. Эти великолепные диваны — «самосоны», эти неуклюжие круглые столы на резных колонках, стильная бронзовая люстра, хрустальные бра на стенах, канделябры

^a *style moderne* — модерн (фр.); стиль в европейском искусстве конца XIX—нач. XX в.

^b *empire* — ампир (фр.); стиль позднего классицизма в западноевропейской архитектуре и прикладном искусстве, возникший во Франции.

¹⁹⁶ Идентифицировать усадьбу в Клинском уезде Московской губернии, «некогда принадлежавшую князьям Трубецким», по печатным источникам не представляется возможным по следующим причинам. Род Трубецких чрезвычайно разветвлен, хронологические рамки владения усадьбой не указаны, топонимика усадьбы не приводится, а, кроме того, территориальное деление Московской губернии (области) в XX в. подвергалось изменениям.

¹⁹⁷ Кравченко Николай Иванович (1867—не ранее 1937) — художник.

на подзеркальниках — уносили меня так далеко, далеко от нашей пошлой повседневности! Налево другая комната, комната Татьяны, как я себе ее определил. С большим венецианским окном, с кисейными занавесями, с мебелью темной карельской березы со светлой обивкой, вся такая радостная, такая «девическая»! Боковые комнаты, различные диванные, спальня, девичьи, буфетные, обставлены мебелью той же эпохи, такими же красивыми туалетами, кроватями, шкапами и буфетами. К сожалению, почему-то совершенно не сохранилась обстановка кабинета и столовой, она в них была, безусловно, николаевского времени.

Как чисто, пожалуй, даже наивно, но зато и непосредственно веселились в этих комнатах бывшие обитатели их. И широко, и шумно, вероятно, жилось в них. Достаточно сказать, что Миронов нашел в усадьбе, между другими бумагами, автограф князя Вяземского с посвященными ей стихами!¹⁹⁸

Цветник перед домом, примыкавший к озеру, не был загроможден клумбами, он просто был вдоль дорожек обсажен цветами, середина же его была великолепная зеленая лужайка. Вправо и влево от цветника тянулся старинный парк. И когда в сумерках я бродил по нерасчищенным дорожкам его, мне казалось, что вот-вот на скамейке я увижу Татьяну и Онегина и услышу:

Вы мне писали, не отпирайтесь...¹⁹⁹

Просто не верилось, что в самом пекле фабричной промышленности, в какой-нибудь полусотне верст от Москвы, с ее сутолокой, автомобилями, трамваями и телефонами, сохранился такой уголок, в котором можно было бы обо всем этом совершенно забыть и перенестись в патриархальную обстановку наших дедов, живших красиво, весело и не спеша!..

Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время» захватила Миронова, и он еще шире стал развивать свою деятельность, а приятельские отношения с Бахрушиным довершили дело, он все больше и больше интересовался музейным делом и, наставляемый Бахрушиным, становился все опытнее и опытнее. Как раз в это время совершился переход театрального музея Бахрушина в Академию наук,²⁰⁰ и тот провел его в члены Совета музея, а когда под председательством того же Бахрушина образовалась Комиссия по устройству выставки в память Отечественной войны, он привлек его и туда. Миронов принял в этой выставке участие не только экспонатами своего собрания, но и деятельно работал по самому устройству ее.

Однако, кажется, в исходе 1914 г. он стал чувствовать какое-то странное недомогание. Он сам говорил мне, что потерял представление о пространстве, так, например, спускаясь с лестницы, он не был в состоянии сделать верного шага и поэтому падал. Доктора послали его на Кавказ, откуда он

¹⁹⁸ Среди опубликованного поэтического наследия *Вяземского Петра Андреевича* (1792—1878) — князя, поэта, критика и мемуариста, стихотворения, посвященного усадьбе Трубцких в Клинском уезде, не выявлено. Возможно, оно осталось в рукописи в обширной мадригальной части наследия поэта.

¹⁹⁹ Неточная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина. Ср.: «Вы ко мне писали, не отпирайтесь...» (Глава 4, XII).

²⁰⁰ О передаче музея в ведение Академии наук см. в преамбуле и в сноске № 124.

вернулся еще в худшем состоянии, у него определили прогрессивный паралич, он постепенно сходил на нет и вскоре скончался.

Все его собрание было пожертвовано его матерью в Исторический музей.²⁰¹

Так неожиданно порвалась эта молодая жизнь, и кто знает, что потерял образованный мир в лице этого юноши?!..

Мне остается сказать несколько слов о Дмитрие Геннадьевиче Бурьлине, который, так же как и Миронов, откликнулся на наше печатное приглашение дать свои вещи на выставку. Но с ним я познакомился, уже когда выставка была открыта, и он приехал ее осматривать. Вещи его были тоже первоклассные и представляли собою не предметы роскоши, а предметы самого будничного ежедневного обихода.

Я слышал, что г. Иваново-Вознесенск — один из крупнейших промышленных центров России, и знал, что Бурьлин богатейший фабрикант. Имея в виду его собирательство, я представлял его себе коммерсантом московской формации, вроде Бахрушина, Боткина,²⁰² Морозова и т. п. Почему-то я представлял себе его каким-то «русским американцем».

И я ошибся. Предо мною предстал тип заурядного провинциального купца, можно было предполагать, что он ведет в каком-нибудь небольшом губернском городе крупную торговлю хлебом, лесом и пр.

Пожилой, невысокого роста, коренастый, румяный, с седоватой шевелюрой и бородой, он производил впечатление здорового и сытого человека.

Мы познакомились. Я показал ему выставку во всех подробностях и поблагодарил его за участие на ней.

— Помилуйте, — ответил он, — я считал это своим долгом, но и с Вас я потребую взятку, я попрошу Вас самих привезти мне мои вещи после выставки.

Я обещал и, когда выставка закрылась, поехал в Иваново-Вознесенск. Бурьлин принял меня очень радушно, и наше свидание началось по русскому обычаю, в час дня, с «хлеба-соли». Эта «хлеб-соль» меня, петербуржца, несколько ошеломила! Должен оговориться, что я не предупредил Бурьлина о своем приезде, так что он не мог «готовиться» к приему меня, ибо я приехал в Иваново-Вознесенск около 12 ч. дня и в первом часу явился уже из гостиницы к нему.

После обильной закуски, состоявшей из разных копчений, солений и маринада, была подана ботвинья, после ботвиньи суп с клецками, затем осетрина, потом цыплята и, наконец, баранина! Любопытный иностранец после такого обеда получил бы заворот кишок...

Затем мы отправились в музей, и то, что мне пришлось видеть, превзошло все мои ожидания. Я ехал посмотреть коллекцию старинных вещей, а попал в совершенно готовый музей. Бурьлин не специализировался

²⁰¹ Елизавета Николаевна Шевлягина передала в Государственный исторический музей коллекцию своего сына Н. М. Миронова в объеме свыше 800 предметов быта, изделий из серебра, фарфора, кости, дерева, меди и пр. русской и иностранной работы. См. об этом: Отчет государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 8, 12—13.

²⁰² Имеется в виду *Боткин Дмитрий Петрович* (1820—1889) — известный коллекционер, председатель московского Общества любителей художеств.

на какой-нибудь особой группе быта или искусства, он собирал все, что так или иначе относится к старине. Музей помещается в первом этаже его особняка, и в то время, когда я был в Иваново-Вознесенске, Бурылин только что приступил к работам по постройке особого для него здания, против своего дома.

Я не буду описывать этот музей, потому что по характеру своему он очень напоминает музей П. И. Щукина²⁰³ в Москве, только в меньшем размере.

В общем, как человек Бурылин не отличался никакими особенностями, никакой оригинальностью. Таких Бурылиных тысячи на нашей родине, и все они проходят в мире незаметно, не оставляя за собою никакого следа, за исключением разве приданого дочерям и состояния сыновьям. И, наблюдая Бурылина, я только диву давался. Что заставило его остановиться на мысли о собирательстве? Когда я его об этом спросил, он ответил мне как-то неопределенно:

— Так, знаете, интересно показалось...

Удивителен русский человек, как и вся Россия, это страна неожиданно-стей...

Пришлось мне столкнуться и еще с одним московским коллекционером, с И. Е. Цветковым,²⁰⁴ но с ним у меня не завязались отношения, потому что область его коллекционерства была для меня чужда: он собирал картины. Но все же для той же Елизаветинской выставки мне пришлось побывать и у него.

Начало нашего свидания было весьма необыденно. Я слышал в Москве о Цветкове, говорили, что он несколько оригинален и самодурен, но в то же время я знал, что он находится в приятельских отношениях с нашим академиком И. И. Янжулом, который написал даже о нем монографию.²⁰⁵ Пред-

²⁰³ *Щукин Петр Иванович* (1853—1912) — предприниматель, коллекционер. Составил крупную коллекцию русских, восточных и западноевропейских древностей. Среди русского собрания бытовая и церковная утварь, оружие, ткани, ковры, шитье, серебряные жалованные ковши, кубки, братины, иконы на досках, а также вышитые золотом, украшенные серебром, жемчугом, драгоценными камнями. Для размещения своей коллекции построил несколько зданий и в 1895 г. открыл музей. В 1905 г. Щукин передал Историческому музею свой музей с усадьбой, оставаясь в нем хранителем и попечителем. В 1917 г. экспонаты музея перевезены в здание Исторического музея на Красной площади.

²⁰⁴ *Цветков Иван Евменьевич* (1845—1917) — банковский служащий, коллекционер, основатель частной картинной галереи, действительный член Академии художеств. В 1909 г. передал коллекцию в дар Москве. Однако передача собрания осуществилась лишь «условно», на бумаге, а реально двери музея для широкой публики были закрыты (в галерею допускались лишь «лица, близко стоящие к искусству»). После смерти собирателя в 1917—1925 гг. галерея существовала как самостоятельный музей, а затем была присоединена к Третьяковской галерее. Об оценках личности Цветкова и его собрания от резко отрицательных (в лице критика С. С. Голоушева, коллекционера И. С. Остроухова и др.) до весьма высоких (И. И. Янжул, Н. П. Вишняков) см. в статье: *Ненарокомова И. И. Е. Цветков и его галерея // Панорама искусств. М., 1988. С. 292—313.*

²⁰⁵ *Янжул Иван Иванович* (1846—1914) — экономист, статистик, академик (с 1895). См. его статью о Цветкове с биографическими сведениями и оценкой его собрания: *Янжул И. И. Е. Цветков (Основатель Цветковской картинной галереи в Москве) // Русская старина. 1911. № 2. С. 321—335.*

полагая быть у него в Москве, я просил Янжула дать мне к нему рекомендательное письмо и объяснить ему цель моего посещения.

Приехав в Москву, я послал Цветкову это письмо при своем письме, в котором извещал его, что приеду к нему на другой день в 12 час. дня, и просил его, если этот час ему неудобен, уведомить меня об этом по телефону.

Не получив отказа, я в назначенный срок подъехал к подъезду его особняка на набережной, близ храма Спасителя. В вестибюле меня встретили два «молодца», одетые по-московски, в поддевках. Я подал им свою карточку и просил их доложить обо мне.

— Никак невозможно, — ответил один из них.

— Почему?

— Невозможно!

— Да почему же — невозможно?! Ведь И. Е. знает, что я сегодня должен приехать и, вероятно, ждет меня.

— Нам об этом ничего не известно.

Я обозлился и сказал:

— Ну, так подайте мне пальто и потом уж пеняйте на себя, если выйдет скандал, потому что я командирован к нему из Петербурга, и он это знает.

«Молодцы» пошептались между собою, и один из них отправился вверх по лестнице. Затем он вернулся и проговорил:

— Сейчас выйдут.

Это мне не понравилось, приходилось ждать хотя и в роскошном, но все-таки в вестибюле. Вскоре наверху лестницы показалась крупная фигура Цветкова. Остановившись там, он громко крикнул:

— Да что вам, собственно, надо от меня?

Я обозлился второй раз и уже основательно. Такому типу, сразу решил я, надо, по-видимому, дать подобающий отпор и ответил:

— Пока, здесь, в прихожей, мне ничего не надо. Кроме более прилично-го, более культурного приема. Очевидно, это вам несвойственно, и я избавлю вас от своего присутствия. Подайте пальто, — обратился я к «молодцам».

Цветков спустился ниже на несколько ступеней и проговорил:

— Чем же я вас обидел?

— Ну, если это вам непонятно, тем хуже для вас... Пальто!

Тогда он спустился вниз, подошел ко мне и, протягивая руку, сказал:

— Экий горячий какой! Я ведь только спросил, что вам нужно...

— Что мне нужно, вы знаете из письма академика Янжула, который неосмотрительно поручился мне в вашем любезном приеме. Конечно, мне придется поблагодарить его за эту неосмотрительность.

Вероятно, эта реплика подействовала на Цветкова, потому что он уже ласково сказал:

— Ну, полно, полно, пойдемте наверх. Я не люблю, чтобы ко мне приезжали до завтрака. Но, делать нечего, осмотрим уж картины до завтрака.

Что за черт, подумал я, вероятно, он не понял цели моего посещения и принимает меня просто за праздного туриста. И я решил выжидать.

Поднявшись наверх, причем он предупредительно вел меня, поддерживая под руку и приговаривая несколько раз «экий горячий», мы прямо направились в галерею.

Цветков показал мне ее очень подробно, и я наметил несколько подходящих картин старинных художников. Окончив осмотр, он пригласил меня закусить «чем Бог послал».

Бог послал ему много, и я, уничтожая эту посылку и решив поговорить с ним о деле, сказал:

— Оказывается, я не напрасно добивался побывать у вас, потому что нашел несколько картин, подходящих для нашей цели.

— Для какой цели?

— Разве вам Иван Иванович не писал, что Академия наук устраивает Елизаветинскую выставку, и не просил вас дать для нее экспонаты из вашей гарерси?

— Да, помнится, что-то в этом роде он писал, только я не обратил на это никакого внимания. Я ведь ничего не дам.

— Как не дадите?!

— Так, очень просто, не дам. Я принципиально против этого.

Я принялся его убеждать, но убеждения мои так и остались гласом, вопиющим в пустыне. От Цветкова на выставку мы ничего не получили...

Теперь мне предстоит упомянуть об Алексее Александровиче Бахрушине,^а о котором можно бы и должно бы написать целую монографию. Это ни в каком случае не рядовой обыватель, нет, это явление совершенно исключительное, и насколько я прав в таком определении, покажет мое описание его и как человека, и как общественного деятеля.

Однажды за ужином в Московском художественном кружке Кондратьев указал мне на высокого, худощавого человека.

— Посмотрите, — сказал он, — это Бахрушин.

Он сидел невдалеке от нас, в компании нескольких актеров, с лукаво-веселой улыбкой «себе на уме», завив веревочкой длинные ноги и облокотившись на стол.

— Надо вас с ним познакомить, — продолжал Кондратьев, — ведь он фанатик театра, Божьей милостью фанатик...

И мы познакомились.

Заговорили о театре, разговорились, заспорили, и в результате оказалось, что на другой день я был уже у него, в его музее, в Замоскворечье, в прекрасном особняке. Стильная дубовая лестница привела меня в кабинет, в котором я моментально окунулся в театр. Все здесь говорило о нем, однако чисто музейных предметов было немного. Рядом со статуэтками балерин были великолепные миниатюры, рядом с портретами артистов висело несколько эскизов более или менее известных художников.

Во мне шевельнулось разочарование. Какой же это музей, это просто кабинет человека с хорошим художественным чутьем и вкусом.

После небольшого разговора Бахрушин сказал:

^а Эти поля я оставляю для того, чтобы, если бы я свои воспоминания показал Бахрушину, он мог бы внести в них свои поправки (*примеч. автора*).

— Ну, а теперь пройдемте в музей.

По деревянной лесенке мы спустились из кабинета вниз. И разочарование уступило место очарованию. Поистине трудно подыскать другое выражение для определения того настроения, которое создается при входе в это святилище русского театра! Оно зачаровывает. Как сказка... Как она уносит воображение далеко от действительности, так и детище Бахрушина унесло меня далеко от повседневности и перенесло в иной мир, в тот мир, в котором зарождался русский театр, развивался, совершенствовался и достиг своей славы.

Я грезил... Я видел сборник пьес Сумарокова, с надписью «Подарена от его высочородия Господина Брегадира Александра Петровича Сумарокова актиору русскова театра Федору Волкову. Июля 31 дня 1754 года»,²⁰⁶ и мне представлялся Волков, делающий эту надпись. Я перелистывал альбом Софьи Пономаревой,²⁰⁷ с записанным в нем Пушкиным стихотворением «Черная шаль», и предо мною вставал вдохновенный образ поэта, сидящего против Пономаревой и сочиняющего эту «Черную шаль». Я просматривал первую корректуру «Власти тьмы»,²⁰⁸ всю перемазанную, с бесчисленными вставками и поправками, и я видел творческие муки великого писателя русской земли.

Как же не быть зачарованным?!

«Больше сия любви никто же не имать, да кто душу свою положит за други своя...».²⁰⁹ Это определение Христом любви не выходило у меня из головы, пока я был в музее. Действительно, душу свою положил Бахрушин в этот музей «за други своя», за всю актерскую громаду.

И только при такой любви можно было создать это колоссальное по своему просветительному значению дело.

Я в то время «изыскивал» средства на осуществление идеи Пушкинского Дома. О Бахрушине я знал только, что это очень богатый человек, меценат и большой театрал. Когда Кондратьев указал мне на него и предложил с ним познакомиться, у меня моментально родилась мысль привлечь его к содействию мне, я думал, что такой человек, как он, все свое свободное время отдающий искусству, не может не отозваться на мой призыв поработать над созданием Пушкинского Дома.

Мы совершенно не знали друг друга, я же, увлеченный осуществлением своего плана, был, вероятно, необуздан, и Бахрушин неверно понял мои

²⁰⁶ Волков Федор Григорьевич (1729—1763) — актер, театральный деятель, создатель первого постоянного русского театра, играл в трагедиях Сумарокова Александра Петровича (1717—1777) «Гамлет», «Семира» и др. Вместе с артистами ярославского театра, первого русского публичного театра, созданного по его инициативе, он был приглашен в Петербург, оставлен с трупою при дворе и в 1754 г. определен в Сухопутный кадетский корпус для пополнения образования. Среди преподавателей корпуса был Сумароков. К этому времени и относится запись, о которой упоминает Рышков. В корпусе Волков находился до учреждения русского профессионального драматического театра (30 авг. 1756).

²⁰⁷ Пономарева (урожд. Позняк) Софья Дмитриевна (1800—1824) — хозяйка литературного салона, известного как «Общество любителей словесности и премудрости». Альбом находится в РГАЛИ.

²⁰⁸ «Власть тьмы» — пьеса Л. Н. Толстого (1886).

²⁰⁹ Заповедь Христа: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13).

намерения. Поползновений у меня на его богатство не было, а он, очевидно, опасался посягательства на свой карман, не предполагая, что я рассчитывал только на то, что он сведет меня с такими богатыми москвичами, которые идейно или за какие-нибудь «блага мира» захотят мне помочь. У нас установились если и не холодные, то, во всяком случае, «прохладные» отношения, и это меня волновало и нервировало. В конце концов, я написал ему объяснительное письмо, которое рассеяло все недоразумения и привело к тому, что я безвозвратно отдался его музею. С этих пор установились наши приятельские и даже дружеские отношения.

Надо сказать правду, что по делу, из-за которого я стремился сблизиться с ним, он ничего не сделал. И я не виню его. Он был так перегружен своею деятельностью и общественною, и благотворительною, и торговою, что досуга его хватало лишь на театр.

Театром сильно увлекался и я. Бывая ежемесячно в Москве, я каждый свой приезд видался с Бахрушиным и сближался с ним все больше и больше. Его обожание театра положительно подкупало меня, а любовь к театральной старине действовала на меня заразительно. До знакомства с ним и с его музеем я просто любил театр как таковой, но, сойдясь с ним, я увидел, что в театре есть еще неизвестная мне область, придающая ему особую прелесть, это театральная старина.

Ко времени нашего знакомства музей Бахрушина представлял собою уже крупную художественно-историческую ценность, уже много лет Бахрушин кропотливо работал над созданием его. Как пчела приносит в свой улей «взятку», так и он, педантично, каждый день приносил в свой музей какую-нибудь театральную реликвию. Перед ним стояли две задачи: создавать музей на строго научных началах с разработкой и каталогизацией его материалов или, пожертвовав этой стороной дела, стремиться к тому, чтобы сосредоточивать в нем, елико возможно, больше реликвий. Он остановился на последнем и был прав: обрабатывать материалы можно было успеть всегда, а собирание их с годами становилось все труднее и труднее.

Интересна история зарождения и возникновения этого музея. Я расскажу ее, как передавал мне сам Бахрушин, почти дословно.

«Я был совсем еще юношей и имел нескольких приятелей сверстников из нашего круга, крупных коммерсантов. То время было не нынешнее, наши отцы держали нас строго, и на те карманные деньги, которые они нам давали, нельзя было очень разгуляться. Все же иногда мы позволяли себе скромненько посидеть и в ресторане.

Среди нас был юноша, увлекавшийся собиранием старинных гравюр. Мы трюнили над ним и называли его старьевщиком. Как-то кто-то из нас, посмеиваясь над ним, спросил:

— Ну что, старьевщик, много картинок набрал?

— Порядочно, — ответил он. — Да вы меня не поймете, вы не поймете, какое это удовольствие отыскивать эти, как вы называете, картинки! Вот теперь я ищу одну гравюру...

И он описал нам ее.

* Я не помню, к сожалению, теперь его фамилию (*примеч. автора*).

У меня, что называется, попала вожжа под хвост. Не отдавая себе отчета в том, что я делаю, я хвастливо проговорил:

— Эх, ты, коллекционер! А у меня эта гравюра есть...

— Ну!.. Покажи, ради Христа.

— Хорошо, как-нибудь покажу.

„Бахрушинское“ слово было дано, и надо было его сдержать. Никакой такой гравюры у меня и не было! На другой же день я бросился ее искать, перерыл в продолжение нескольких дней все антикварные магазины, всю Сухаревку и, наконец, нашел!

Будучи совершенно неопытен в этой области, я начал с Дациаро.²¹⁰ Это было, конечно, наивно, но эта наивность и положила основание музею, который вы так полюбили.

Отыскивая у Дациаро нужную мне гравюру, я, уже и тогда страстный театрал, невольно останавливался на гравюрах и фотографиях из области театра и отбирал их. Стоявший рядом со мною у прилавка покупатель, высокий, представительный человек, с любопытством наблюдал за мною и, наконец, обратился ко мне с вопросом:

— Зачем вам нужны эти рисунки по театру?

— А у меня театральная музей, — прихвастнул я по молодости лет.

— Вот как?!.. А как ваша фамилия?

— Бахрушин.

— Так позвольте же мне познакомиться с вами и с вашим музеем, я Кондратьев и служу в Малом театре. Я очень близок со многими видными деятелями театра и могу вам пригодиться в вашем деле. Когда бы можно было к вам приехать посмотреть музей, да, кстати, и привезти вам кое-что?

Я пришел в отчаяние! Что делать? Надо было выгадать время, и я ответил Кондратьеву, что у меня в квартире ремонт, но, как только он окончится, я буду просить его приехать.

И в течение месяца я положительно жил на Сухаревке. Я брал все, что только было мало-мальски связано с театром, и добился того, что почти перегрузил вещами обе комнаты, которые я занимал в квартире отца. Наконец с трепетом я решился пригласить Кондратьева. Тот приехал, пересмотрел все вещи и заявил мне, что он передает в мой „музей“ принадлежавшие Островскому верстак, табачницу и ермолку.

Судьба моего музея была решена! Вы сами видите, какой результат дала моя юношеская хвастливость...».

Я редко встречал человека, который горел бы, как Бахрушин, своим увлечением. Захватить его могло многое и в разных областях. Не говоря уже о музее, это увлечение вне конкурса, он параллельно с ним вел и массу других культурно-просветительских работ.

Как только в Москве создавалось дело, требовавшее руководства энергичного человека, обращались к Бахрушину. Вся работа Театрального общества²¹¹ по Москве лежала на нем. Возник вопрос об устройстве музея

²¹⁰ Дациаро Иосиф Александрович — владелец магазина художественных изделий и картин в Москве.

²¹¹ Русское (Российское) театральное общество (РТО) — объединение деятелей театра, созданное в 1894 г. в Петербурге. Его предшественники: Общество взаимного вспоможения русских артистов (основано в 1876) и Общество для пособия нуждающимся сценическим дея-

Отечественной войны,²¹² зовут Бахрушина. Устраивается Толстовская выставка,²¹³ обращаются к Бахрушину. Открываются во время войны колоссальных размеров швальни и склады, Бахрушин во главе их.

И везде он поспекает, везде бодрит своих сотрудников, успевая, между делами, позавтракать и поболтать с приятелями в «Эрмитаже», вечером побывать в театре и полночи провести где-нибудь в компании за ужином. А на другой день, в 9 час. утра, он уже на фабрике, сидит в своем кабинете, отдавая распоряжения о разных сделках, поставках, покупках и т. п. Часа два времени он употребляет на это, затем срывается с места и мчится к другим делам.

В Москве он был очень популярен, настолько популярен, что, казалось бы, он должен был привыкнуть к этому, и, однако, меня всегда удивляла его любовь к этой популярности. Бывая с ним в общественных местах, я не раз слышал возгласы, вроде:

— Это Бахрушин, знаете, тот, театральный...

И если это долетало до его слуха, он, видимо, был доволен, а между тем говорил:

— Черт знает! Никуда показаться нельзя, везде пальцами указывают.

Помню такой случай: сидели мы с ним в «Летучей мыши» около сцены. Шла какая-то пьеска, в которой Борисов,²¹⁴ изображавший еврея, рассказывал своим знакомым, как он проводил время в Москве.

— Ну, и был я там, в театре «Летучая мышь», он помещается в подвале...

— Как в подвале?!.. — воскликнули они.

— Ну да, в подвале! Так что вы думаете, какой это подвал? В нем сидит, например, сам Бахрушин, и у него миллион в кармане, и его автомобиль везет шесть лошадей!..

Публика страшно хохотала, многие знали Бахрушина в лицо и аплодировали, а он делал сконфуженную мину, но не мог скрыть, что это было ему приятно.

телям (основано в 1883 по инициативе М. Г. Савиной). В 1894 г. было преобразовано в Русское театральное общество (РТО), затем в 1904 г. получило титул — Императорское Российское театральное общество (ИРТО), а в начале 1933 г. было переименовано во Всероссийское театральное общество (ВТО). Общество содействовало развитию театрального дела в России. При Обществе действовал Совет, в него входили П. П. Гнедич, Е. Н. Жулева, А. Е. Молчанов (председатель с 1904), А. А. Потехин (председатель с 1894), М. Г. Савина и др. В 1896 г. Общество учредило Театральное справочно-статистическое бюро, в 1897 г. организовало в Москве первый Всероссийский съезд сценических деятелей. С 1903 г. при Обществе возник Союз драматических и музыкальных писателей.

²¹² Имеется в виду выставка в память 1812 г., развернутая в верхних залах Исторического музея. И. Е. Бондаренко отмечал: «Энергичный Бахрушин, еще более настойчивый в своей работе ученый секретарь В. К. Божовский (друг Рышкова), я как архитектор и двое вспомогательных рабочих, мы делали всю выставку». См.: *Бондаренко И.* Записки коллекционера // Памятники Отечества. 1993. № 29 (1—2). С. 34. См. также сноску № 195.

²¹³ Имеется в виду Толстовская выставка, которая проходила в Москве в октябре—ноябре 1911 г. См.: Толстовская выставка в Москве. 1911: Каталог. М., 1911.

²¹⁴ *Борисов (наст. фам. Гурович) Борис Самойлович* (1873—1939) — актер драматического театра и эстрады. Играл в театре Ф. А. Корша, работал в «Летучей мыши» Н. Ф. Балиева.

Кстати: какую нелепостью казалась тогда возможность поместить в кармане миллион рублей!^a

Бахрушин устраивал в Москве ежегодно маскарады-кабаре в пользу Театрального общества и бывал несказанно рад, когда на них каким-нибудь образом задевали его. На одном из таких маскарадов был объявлен выход известных общественных деятелей. Один из актеров очень удачно загримировался Бахрушиным и поразительно верно имитировал его, насколько не шаржируя. Он и *rinse-nez* поправлял бахрушинской манерой, и ногу откидывал, как он, и Бахрушин страшно хохотал. На другом маскараде Н. А. Попов²¹⁵ изображал испанку из шантана. Протанцевав на довольно высокой эстраде испанский танец и увидев стоявшего внизу Бахрушина, он бросился с эстрады к нему в объятия с криком: «*Vakchgouchin!*».

Бахрушин радовался, но в то же время ругал Попова:

— Свинья, этот Николашка! Ославил на всю Москву, будто на меня шантанные певички набрасываются.

Даже в мелочах он радовался своей популярности. Приезжает он в Петербург, и мы отправляемся завтракать к «Кюба». Старик татарин лакей приветствует его:

— С приездом, Алексей Александрович!

— Вот, куда не спрячешься! — восклицает Бахрушин. — Даже лакеи зовут по имени и отчеству.

И всяким шаржам на себя, всякой карикатуре он был очень рад и тщательно их собирал.

Богатство рождает врагов, это аксиома. И, конечно, у Бахрушина было врагов гораздо больше, чем друзей. Часто эти враги были неправы, но во многом был виноват и он сам. С людьми мало знакомыми он вообще был неприветлив. Он был приятен лишь тогда, когда близко сходилась с человеком или когда человек представлял собою крупную величину, безразлично, художественную, общественную или административную. С такими людьми он бывал очень любезен и предупредителен, хотя бы даже иной из них и оставлял желать много лучшего со стороны своей нравственной чистоплотности.

Бахрушин всегда гордился своею независимостью и постоянно заявлял, что он человек резкий и говорит то, что думает. Однако, по справедливости, это не всегда бывало так. С действительно крупными людьми он держался скромно, а второму сорту, таким, например, общественным деятелям, как Теляковский, он отмачивал иногда очень горькие для них истины.

Мне не раз приходилось бывать с ним в различных заседаниях, и в них он вел себя с большим достоинством, он никогда не считался ни с большинством, ни с председателем, на каких бы высоких степенях общественности они ни стояли, он всегда смело высказывал свое мнение, шедшее часто вразрез с большинством, и смело отстаивал его. Точно так же смел и резок был он и вообще с людьми. К сожалению, он не всегда умел разли-

^a Писано в 1922 г. (примеч. автора).

²¹⁵ Попов Николай Александрович (1871—1949) — режиссер, драматург, театральный деятель.

чить границу между правдивостью и деликатностью, и это, конечно, создавало ему врагов и не раз ставило его в тяжелое положение, ибо он, вращаясь среди людей, стоящих выше обыденной толпы, зачастую выслушивал серьезные отповеди, и ему приходилось выпутываться из создавшегося положения. Приведу хотя бы такой пример: ужинали мы с ним в Кружке, и к нам подошел Собинов. Бахрушин, здороваясь с ним, не выпуская его руки из своей, говорит:

— Знаешь, Леня, ты мне вчера не понравился в Ленском.

— Не понравился! — воскликнул Собинов. — Эх ты, кожемяка!

И, покровительственно потрепав его по плечу, отошел. Бахрушин вспыхнул и проговорил:

— Не любят, когда их гладят против шерстки!..

Он не заметил, однако, что и ему не понравилось, когда Собинов сделал с ним то же самое.

Богатство Бахрушина многим не давало покоя, многие возмущались тем, что он не разбрасывает своего богатства направо и налево. Мало кто знает, какими только путями не стремились приобщиться к его богатству, чего только не предпринимали, чтобы так или иначе подчинить его своему влиянию и в результате пользоваться его деньгами. Расскажу такой факт.

Как-то Бахрушин, я и брат мой Виктор собрались в «Метрополе». Само собою, темой нашего разговора был театр, говорили о предстоявшем актерском съезде. Как только коснулись этого вопроса, Бахрушин сказал:

— Ах, Виктор Александрович, хорошо, что мы с вами встретились, прочитайте это письмо и посоветуйте, как поступить, ведь вы провинцию хорошо знаете.

Вынув с этими словами из кармана письмо, он передал его брату. Тот прочитал его и со словами «да, это, вероятно, серьезно», вернул Бахрушину.

Оказалось, что в этом письме одна провинциальная актриса просила Бахрушина дать ей 300 руб.

— Вы ее знаете?— спросил Бахрушин.

— Лично не знаком, но по имени знаю, что она довольно известная провинциальная актриса.

— Так помогите мне. Повидайтесь с нею, поговорите и скажите о вашем впечатлении. И если вы увидите, что ей действительно надо помочь, я отвезу ей деньги.

— Хорошо, сейчас я свободен и поеду к ней после завтрака.

Мы расстались и отправились каждый по своим делам. К концу дня мы сошлись с братом, и я спросил его, исполнил ли он просьбу Бахрушина.

— Да, — ответил он, — ей, конечно, надо помочь, у нее миллион несчастий. Ее обобрали и антрепренер, и актер, с которым она жила, и благодаря этому теперь ее семья голодает, и ей не вывернуться с туалетами к зимнему сезону. А это ведь не пустяк! Ты когда увидишься с Бахрушиным?

— Мы сговорились завтра завтракать.

— Ну, и отлично! Позавтракаем вместе, и я ему обо всем этом расскажу.

Выслушав на другой день брата, Бахрушин решил отвезти ей деньги.

Вечером мы трое свиделись опять. Среди оживленных разговоров и споров брат, вспомнив об актрисе, спросил Бахрушина, был ли он у нее.

— Был, — отвечал Бахрушин, — и убедился, что мы с вами младенцы и всему верим! Когда я приехал к ней в номера и спросил, где ее комната, мне ее указали и сказали, что сама она сейчас тут, на площадке, разговаривает по телефону. Не желая входить в ее комнату в ее отсутствие, я решил подождать окончания ее телефонного разговора и присел тут же, на какой-то ларь. И вот что я услышал, она говорила: «Относительно Бахрушина не беспокойся, он у меня в руках. Ко мне приезжал по его поручению драматург Рышков узнать о моем положении, я ему нагородила таких турусов на колесах, что теперь жду Бахрушина с минуты на минуту с деньгами. Ты ведь понимаешь, мне не важны эти 300 р., но мне нужно, чтобы он повидался со мной».

— Что мне было делать? — заключил Бахрушин. — Я встал и уехал.

По характеру своему Бахрушин был очень хаотичен и полон противоречий. Этим, должно быть, объясняется то, что москвичи были о нем самых противоположных мнений.

Говорили, что он скуп. Я же, знаящий его близко, протестовал бы против этого, я бы сказал, что он был просто расчетлив. И в то же время, не могу скрыть, бывал иногда бессмысленно скуп.

Вот один из частых случаев, как рассчитывали его «объегорить». Ю. Д. Беляев²¹⁶ и В. В. Протопопов²¹⁷ устроили в Панаевском театре Первую всероссийскую театральную выставку.²¹⁸ На этой выставке подходит ко мне какая-то личность и спрашивает:

— Вас не интересует грамота на дворянство, данная Волковым?

— Интересует.

— Не угодно ли ее посмотреть?

Я ее осмотрел. Она оказалась очень плохой сохранности, вся истлела и только по двум-трем строкам ее можно было установить, что она действительно была дана Волковым.

— Что же, она продается? — спросил я.

— Будет продаваться.

— Ну, так дайте мне тогда знать, я за нее во всякое время дам 150 р., вот моя карточка.

Зная по опыту, что о вещи, которую желаешь купить, не следует спрашивать, ибо тогда сейчас же увеличивают ее цену, я выжидал. Выставка закрылась, а о грамоте ни слуху, ни духу. Месяца через три я получил от Бахрушина письмо, при котором было приложено письмо некоего полковника Симанского, предлагавшего купить эту грамоту. Бахрушин просил меня купить ее во что бы то ни стало, о ней он уже знал из моих писем. Сговорившись по телефону с Симанским, я поехал к нему. Когда я объяснил ему цель моего посещения, мы приступили к оценке грамоты.

— Я вам сейчас ее покажу, — сказал Симанский.

— Не беспокойтесь, я ее уже видел и знаю. Во сколько же вы ее цените?

— А вы?

²¹⁶ Беляев Юрий Дмитриевич (1876—1917) — драматург, театральный критик, журналист.

²¹⁷ Протопопов Виктор Викторович (1866—1916) — драматург, театральный критик, лекционер.

²¹⁸ «Первая всероссийская театральная выставка» была организована в фойе Панаевского театра в Петербурге в 1908 г. и посвящена преимущественно прошлому русского театра.

— Я уже давал за нее 150 р. и не отказываюсь от этой цены.

— Что?! — воскликнул Симанский, — мне один крупный театральный человек говорил, что она стоит не меньше 600 р.

— Это сказал вам Ю. Д. Беляев и ошибся. Он предполагает, что Бахрушин может заплатить за нее какую угодно цену, но он забыл, что Бахрушин не разбрасывает денег, а ценит вещи по их достоинству.

Симанский сконфузился и ответил:

— Да, вы правы, эту цену назвал мне Беляев.

Грамоту я купил за 150 р.

Встречаю я через несколько дней Беляева.

— Ты должен меня угостить, — сказал он, — я тебе сосватал грамоту Волкова. Только скажи, пожалуйста, почему ты так прижал Симанского? Что тебе бахрушинских денег жаль?!

— Нет, на дело ни ему, ни мне их не жаль. Потому-то я и заплатил за нее максимальную цену.

— Ну, знаешь, с Бахрушина можно было бы «содрать» больше.

— «Сдирать» вообще не в моих правилах. И, оказывается, Бахрушин совершенно прав, говоря, что, если бы он платил за вещи то, что с него хотят «содрать», он, даже при его состоянии, не мог бы собрать и половины своего музея.

Бахрушин не жалел денег, если ему попадалась интересная вещь. В его приезды в Петербург мы с ним целыми днями гоняли и по антикварам, и по актерским семьям, и без конца накупали театральную старину, причём в большинстве случаев он сильно торговался, но цены давал хорошие.

Вспоминая то время, я должен ненадолго отвлечься и упомянуть об А. А. Плещееве. Это был очень добрый и хороший человек и честный газетный работник, но существо совершенно безвольное. Он старался быть всегда всем приятен и полезен, и я постоянно сравнивал его с разбитной барышней, которая, сидя за ужином между двумя кавалерами, пожимает поочередно ноги своих соседей, авось, мол, который-нибудь из них пригодится! Бахрушин его нежно любил. И вот что произошло. Встречает он Бахрушина и говорит:

— Знаете, в семье Х есть оригинальный карандашный портрет Щепкина, работы Андреева. Его торгует Протопопов (Плещеев был с ним очень дружен и на «ты») и на днях, вероятно, купит, потому что Х очень нуждается. Он дает за него 500 р. Только вы не говорите ему, что вам об этом портрете сказал я.

Бахрушин купил портрет за 1000 руб.²¹⁹

²¹⁹ О каком портрете идет речь, установить не удалось. По сообщению хранителя музея Д. Отрощенко, карандашного портрета Щепкина работы художника Андреева в коллекции музея не значится. И. Е. Бондаренко в своих воспоминаниях также упоминает о каком-то портрете Щепкина, купленном Бахрушиным. «Прижимистый, он (Бахрушин. — Н. П.) не жалел денег, когда нужно было купить неизвестный портрет Щепкина или эскиз Головина или Бакста» (Бондаренко И. Записки коллекционера. С. 31). Судя по дороговизне портрета, можно предположить, что портрет Щепкина был прижизненным. Однако среди прижизненных портретов актера карандашного рисунка Андреева также не значится. См.: Пахомов Н. П. Прижизненная иконография М. С. Щепкина // Гриц Т. С. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 799—820.

В подтверждение того, что я сказал, что за интересную вещь Бахрушин не жалел денег, приведу и такой случай. Он узнал, что продается рояль, принадлежавший С. И. Мамонтову.²²⁰ Он его моментально купил, я не помню теперь, за какую цену, но, во всяком случае, он как инструмент таких денег не стоил. И когда однажды Савва Иванович был у него, Бахрушин просил его взять этот рояль к себе на квартиру и завещать его музею. Тот не согласился и просил оставить его на вечные времена в музее.

А вот и другой случай. Когда разразилась революция, А. Ф. Кони²²¹ оказался в довольно бедственном материальном положении и стал распродавать свой архив. Узнав об этом от меня, Бахрушин тотчас же поехал к нему и купил у него весь его архив по театру за 200 000 руб., если мне не изменяет память. Сумма эта по тому времени была очень велика, и Бахрушин, рассчитавшись с Кони, записал в каталоге музея этот архив как «дар А. Ф. Кони»...

Однако рядом с приведенными мною случаями была возможна и такая нелепость. Московский художественный кружок устроил вечер старинной музыки, на котором старинные произведения исполнялись на старинных же инструментах. Бахрушин, сидя рядом со мною, говорит:

— Обратили вы внимание на клавесин?

— И очень даже! Не берусь судить, каков он в музыкальном отношении, но как вещь — поразительно интересен.

— Вот бы купить его! У меня ведь такого нет.

— Вряд ли продадут, это, очевидно, не случайный оркестр, а постоянный, как же он будет обходиться без этого клавесина?

— Я все-таки попытаюсь...

После концерта я ушел в столовую, а Бахрушин исчез. Я присел к компании актеров, и через полчаса приходит Бахрушин и садится с нами. Затем он опять несколько раз уходил и приходил. И, наконец, он мне сказал:

— Черт бы его побрал, не уступает клавесин!

— Я был уверен в этом.

— Да не потому, почему вы думали, а он заломил уж очень дорого, а уступить ничего не хочет.

— Сколько же он просит?

— 800 рублей.

— Да, дороговато, рублей 500 дать за него можно бы.

— Я и больше давал, а он уперся и не уступает. Я уж 750 р. давал.

— Как?! При цене в 800 р. вы пожалели 50 р.? Да вы тут, в Кружке, проужинаете сегодня около того.

²²⁰ Мамонтов Савва Иванович (1841—1918) — крупный предприниматель, меценат, коллекционер, основатель Московской частной русской оперы (1885—1904), владелец имения Абрамцево под Москвой, ставшего центром художественной жизни. В Абрамцевский кружок входили В. М. Васнецов, И. Е. Репин, В. А. Серов, М. А. Врубель, К. А. Коровин, В. Д. и Е. Д. Поленовы, Ф. И. Шаляпин, К. С. Станиславский и др. С 1899 г. совместно с М. К. Тенишевой финансировал издание журнала «Мир искусства». Мамонтов коллекционировал картины, иконы, предметы декоративно-прикладного искусства, монеты, мебель и др.

²²¹ Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — юрист, литератор, мемуарист.

— Тут не в 50 рублях дело, а в том, что он уступить не хочет, ну, хоть из приличия бы уступил, ведь он знает, что я его покупаю для музея. Черт с ним, пойду дам 800 р.

Но продавец почему-то заупрямился и клавиатура не продал.

А перед тем, помню, я не купил какую-то театральную старину, за которую просили 200 р., а я давал 150 р. и разошелся. Бахрушин упрекал меня за это, говоря:

— Не понимаю вас! Мы иногда выкидываем зря 50 руб. у какого-нибудь «Яра», а тут вы их пожалели.

Независимость, и в смысле богатства, и в смысле общественного положения, наложила, конечно, на Бахрушина свой отпечаток. Он не представлял себе возможности, чтобы он мог чего-нибудь и кого-нибудь просить, он мог только приказывать и требовать, и довести его до необходимости просить было очень трудно, почти невозможно. Надо было, чтобы он был так приперт к стене, чтобы сознал, что иного исхода ему нет. Такой случай был однажды со мной. Предстояло открытие его музея под флагом Академии наук, и великий князь президент должен был присутствовать на этом торжестве. Дня за три до открытия я приехал в Москву и привез с собою текст речи великого князя, составленный академиком Шахматовым.²²² Намечая программу открытия и прочитав этот текст, Бахрушин сказал:

— А ведь придется ему отвечать.

— Конечно.

— Впрочем, это очень просто: я ознакомлю собравшихся с историей моего музея.

— Можно и так, только это будет сухо и, главное, не будет ответом на его приветствие вам и музею.

— А что же вы прикажете?! Расшаркиваться мне перед ним, что ли? Важное кушанье, очень нужно!

Мне было ясно, что Бахрушин, по обыкновению, кокетничает своею независимостью и своим пренебрежением к сильным мира сего.

— Я думаю, — ответил я, — что великому князю и не нужно ваше шарканье, оно ему уже достаточно надоело. Только все присутствующие, да и сам он, поймут, что вы ничего ему не ответили.

— Я даром слова не владею.

— И великий князь им не владеет, он будет читать свою речь, напишите ответ и прочтите его тоже.

На этом мы расстались. Я выдерживал характер. На другой день разговор об ответе не возобновлялся, но Бахрушин определенно нервничал. Наконец накануне открытия он мне сказал:

— Знаете, сколько я ни думал, пришел к решению, что придется ограничиться на заседании только историей музея.

— Жаль...

— Что жаль?! Ну, жаль, так что же делать?! Не могу же я из пальца высосать свою речь, не умею я их сочинять.

— Тогда, действительно, придется поступить так, как вы решили.

— И придется! Ведь вот вы же не хотите мне помочь...

²²² Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — историк литературы, языковед, академик (с 1894).

— Не не хочу, а не могу, потому что вы за все время, что мы видимся, даже и не заикнулись об этом.

— Что же, вам важно, чтобы вас об этом просить?

— Не просить, а сказать. А я сам никогда и никому не навязываюсь. Хорошо, сегодня вечером я напишу вам текст.

Бахрушин сразу же переменял тон, он уже должен был выявить свою независимость.

— Мне бы хотелось, — заговорил он, — чтобы вы в моей речи отметили...

— Нет, вы уж мне ваши пожелания не высказывайте. Текст речи президента у меня есть, а что я напишу в ответ, я еще не знаю, все будет зависеть от настроения. Вы речь просмотрите и решите, годится она или нет, можете ее и переделать, и бросить.

Бахрушин насутился и, помолчав, спросил:

— А вы когда ее напишете?

— Я вернусь домой в 6 час., и в 7 ч. она будет готова.

— Сделайте мне одолжение: я буду обедать у Кандырина,²²³ протелефонируйте мне ее.

В восьмом часу я ему протелефонировал текст. Пока я читал, он твердил «да, да, да», а когда кончил, сказал:

— Пожалуй, так будет хорошо. Только я бы изменил...

— Измените уж сами, ведь время у вас будет, — перебил я его.

— Хорошо, так завтра утром я за ней пришлю, — ответил он сухо.

Когда после заседания Южин в присутствии нескольких человек сказал ему: «Поздравляю, ваша речь была прекрасна», он ответил:

— Поздравление не я должен принимать, вот автор этой речи, — и указал на меня.

Говоря откровенно, если бы он так поступил, я бы его не обвинил.

Я потому привел именно этот пример, что случай этот был мною записан под свежим впечатлением и поэтому достоверность его не подлежит сомнению.

Вообще всегда с людьми, с которыми он сталкивался по делам, он старался быть «хозяином», старался дать почувствовать свое «я». Известный в Москве художник-архитектор И. Е. Бондаренко реставрировал ему старинный дом в его усадьбе под Москвой. Как-то Бахрушин предложил мне поехать к Бондаренко, с которым я был очень дружен.

— Посидим, отдохнем у него и выпьем красенького. Кстати, у меня к нему и дело есть, он черт знает что нагораживает у меня в имении.

Мы поехали. Я не помню теперь, на что именно «черт знает что» указал он Бондаренко, помню только, что вопрос касался изменения плана Бондаренко, и прекрасно помню, как Бондаренко, фыркнув в усы, спросил:

— Так как же, значит, по-вашему, это надо переделать?

— Конечно.

— Хорошо, только...

И он коротко объяснил ему, почему этого нельзя сделать.

²²³ Имеется в виду московская купеческая семья Кандыриных. Возможно, *Кандырин Николай Митрофанович* — потомственный почетный гражданин Москвы, гласный Московской городской думы, член Торгового дома «М. А. Кандырин с С-м и К^о».

— Ну ладно. Делайте, как знаете, вам и книги в руки, — согласился Бахрушин.

— То-то, что книги у меня уже давно в руках, — с усмешкой ответил Бондаренко.²²⁴

Бахрушин никогда не стеснялся высказать свое мнение в области искусства, и часто, очень часто, он оказывался прав, но когда ему доказывали обратное, он не боялся отказаться от своего взгляда, тупого упрямства в нем не было и следа. Он был тонкий знаток и ценитель театра и его истории, но в нем как-то двоилась его любовь к театру, как будто в нем было два театрала: один любил театр, а другой не любил актера. Театр как таковой и как идею он боготворил, но по отношению к актеру в нем было любопытное противоречие.

Он, постоянно общавшийся с актером, знал, конечно, присущее каждому из них стремление исключительно к личному интересу и полное его равнодушие к общему делу «громადы». И он ругал актера. Ругал и за его равнодушие к самому театру, и за равнодушие к своей корпорации. К актеру он относился отрицательно, но в то же время актеров X, Y, Z он любил, всячески их ласкал и сходил с ними на «ты». И положительно купался в море блаженства, когда в былое время к нему съезжался актерский люд по субботам, после спектаклей, и по воскресеньям, к завтраку. Тут он был в своей сфере, как рыба в воде! Он заводил споры, возбуждал вопросы, натравливал противников и, дождавшись того момента, когда закипали страсти, когда, по его выражению, спорщики держали уже друг друга за пуговицы, сидел в своей обыкновенной позе, облокотившись на стол и завив веревочкой свои длинные ноги, с неизменной улыбкой «себе на уме». Такие собрания были для него отдыхом от его многочисленных обязанностей, он называл это «пожить по-богатому», т. е. пожить для себя, а это на его языке означало — уйти в театр.

Несмотря на все маленькие недостатки Бахрушина, свойственные каждому крупному человеку, они, бесспорно, стусевывались перед тою громадною ролью, которую он сыграл в жизни русского театра. Если не он единственный, то, во всяком случае, он первый призвал русского актера к сознанию, какая он величина в искусстве, и своим музеем доказал ему, что у него есть блестящая история, которою он должен гордиться и о которой он должен всемерно заботиться.

Независимо от этого он сыграл в жизни актера и еще одну, весьма существенную роль. Я говорю о его работе в Театральном обществе. Прекрасный организатор, он нес на своих плечах в течение долгих лет всю работу общества в Москве. Но эта работа требует оценки специалистов, я был слишком мало знаком с нею.

²²⁴ Речь идет об имени Бахрушина при ст. Апрелька по Брянской дороге, о котором Бондаренко писал: «Имение свое он задумал обстроить пышно. В доме ему захотелось иметь большой кабинет в стиле ампир, а также круглую цветочную гостиную для жены. Приезжал ко мне, смотрел эскизы, критиковал, говорил чушь, я же молча выслушивал его, покуривая сигару, и брал на заметку едва ли не одну десятую его замечаний» (*Бондаренко И. Записки коллекционера. С. 33*).

Заканчивая свои воспоминания о нем, я бы хотел ответить всем тем, от которых я не раз слышал, что Бахрушин, с его средствами, мог бы сделать для театра «гораздо больше».

Что значит: больше? И где предел этому «больше»? Бахрушин увековечил память о русском актере так, как ни одна страна в мире не была в состоянии этого сделать. А у нас, в России, это сделал *один человек!*

Скажем, его соблазнила перспектива стать в ряды меценатов. Но таких степеней ищут или люди, стяжавшие уже себе известность в других областях общественности и пресытившиеся этой известностью, или люди, которые ничем не выделяются из общего уровня обыкновенного обывателя и стремятся приобрести хоть какое-нибудь имя. Бахрушин же, как мы знаем, начал свой колоссальный труд зеленым юнцом, и начал случайно. Но кто и что мешали ему очень скоро забросить эту затею и тратить деньги на битые зеркала в ресторанах, на купанье кокоток в шампанском и на тому подобные развлечения, столь свойственные московскому купечеству его времени?! Мешала этому его громадная любовь к театру...

И я обращаюсь с призывом к тому русскому актеру, который, быть может, через много лет прочтет эти строки. Я призываю его благословить память Бахрушина и завещать и грядущим актерским поколениям лелеять его громкое и славное театральное имя.

Когда те анекдотические мелочи, о которых я здесь вспоминал, не будут уже иметь никакого интереса и значения, когда опустится занавес жизни и скроет за собою этого постоянного радателя о славе русского театра и русского актера, он, сходя с подмостков своей полной красоты жизни, будет иметь неотъемлемое право удовлетворенно сказать театру: ныне отпускаеши раба твоего, яко видеста очи моя славу твою...²²⁵

Дописывая последние строки воспоминаний о Бахрушине, мне пришло на память изречение: от великого до смешного один шаг. И мне придется сделать этот шаг, посвятив несколько страниц «тоже коллекционеру» театральной старины Виктору Викторовичу Протопопову.

Был такой «тоже литератор» И. О. Абельсон (Осипов),²²⁶ издававший «Обозрение театров». Говорят, раньше он содержал в Одессе прачечную и однажды написал одному своему клиенту: «Ваше многоуважаемое белье готово»... Так вот, этот Абельсон, узнав, что Протопопов собирает театральную старину, удачно сострил, сказав, что он это делает «из тоски по уважению». И он был совершенно прав, Протопопов добивался уважения лет 15 и так и умер, не добившись его.

Я познакомился с ним уже тогда, когда он мнил себя персоной, но до того времени ему пришлось многое пережить.

Начал он свою карьеру мелким хроникером в «Петербургской газете», причем деятельность его, особенно по театру, была так непочтенна, что за один из самых крупных его шантажей он был выслан из Петербурга. Затем он был прощен, вернулся назад, стал опять работать в газетах, пристроил-

²²⁵ Молитва вечернего православного богослужения святого праведного Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое...» (Лк. 2:29—30).

²²⁶ *Абельсон (псевд. Осипов) Илья Осипович (?—1920)* — журналист, драматург, издатель. См. также сноку № 469.

ся к «Новому времени» и принялся писать пьесы. Понемногу он начал составлять себе состояние. Говорили, что, управляя домами Елисеева,²²⁷ он на его деньги играл очень счастливо на бирже. Я, конечно, не знаю, правда ли это, но когда я с ним познакомился, он уже был «богат и знатен», держал лошадей, имел содержанку и свой стол у «Кюба» и прошел в директора Литературно-художественного общества, в театре которого ставились его произведения. Как известно, труд драматурга и газетного работника не оплачивается так щедро, чтобы можно было так жить.

Вспоминается мне такой случай. В Петербург приехал М. П. Садовский, и мы завтракали у «Кюба». За столом сидели Садовский, брат мой Виктор, Ф. А. Червинский²²⁸ и я. Во время завтрака пришел известный автор «Пары гнедых» Давыдов²²⁹ и, увидев Садовского, подошел к нашему столу и сел с нами.

После взаимных приветствий Садовский ему говорит:

— Знаешь, Саша, не нравится мне ваш теперешний «Кюба». В былое время приедешь в Петербург и спешишь скорее сюда, потому что знаешь, что кого-кого только тут не встретишь, а теперь только и знакомых, что старые татары лакеи!

— Да, — ответил Давыдов, — не то время, все измельчало! Теперь сюда густо биржевик пошел и так, всякий сброд. Да вон, посмотри, сидит за столом господин Протопопов. Это, извольте ли видеть, «их стол». А в то время, про которое ты вспомнил, не только стола у него тут не могло быть, он даже стул здесь не посмел бы иметь! Войдет, бывало, в прихожую, посмотрит, кто да кто тут сидит, запишет в книжку и поместит в газете, с кем он встретился в «фешенебельном» ресторане. А швейцары косятся, весь-то он обтрепанный, низ штанов в макаронах, ну... а вот теперь «они» за своим столом сидят и после завтрака гавану курят! Таких, как он, теперь тут много, большинство...

Я ждал скандала. Давыдов говорил полным голосом, нисколько не стесняясь, а Протопопов сидел от нас в каких-нибудь 10 шагах и не мог не слышать его слов. Однако он на них никак не реагировал.

Театральную старину Протопопов стал собирать, именно тоскуя по уважению. Когда он достиг в материальном отношении «степеней известных», он, естественно, захотел явиться перед всем Петербургом в таком обновленном виде, который заставил бы забыть того Протопопова, о котором рассказывал нам Давыдов у «Кюба». Расчет его был, пожалуй, построен правильно. Он, какой ни есть, все же драматург, создает в Петербурге театральный музей, и известность его в этой области должна заслонить собою Протопопова, мелкого газетного хроникера с весьма нечистоплотным прошлым. Эту цель он преследовал всю жизнь, однако осуществить ее ему так и не удалось, несмотря на то что он был очень настойчив. Когда он собрал порядочную уже по величине театральную коллекцию, он все стремился пожертвовать ее в какое-нибудь подходящее учреждение, но с неременным условием, чтобы он был хранителем этого «музея». Предлагал

²²⁷ Имеется в виду один из братьев *Елисеевых*. Возможно, *Григорий Григорьевич* (1858—1942) — глава торговой фирмы «Братья Елисеевы».

²²⁸ *Червинский Федор Алексеевич* (1864—1917) — поэт, прозаик.

²²⁹ См. сноску № 123.

он свое собрание и Александринскому театру, и Народному дому и даже вел переговоры со мною о передаче его в Пушкинский Дом при Академии наук. Но и в Александринском театре, и в Народном доме не соглашались на его условия, а я ответил ему, что Академии нет основания принимать собрание в мало подходящий для него Пушкинский Дом, при наличии у нее такого учреждения, как Литературно-театральный музей имени Бахрушина в Москве. В Москву, естественно, Протопопов не хотел отдавать свои вещи, потому что он прекрасно понимал, что, выпустив их из Петербурга, он сведет на нет всю свою работу по отысканию уважения!

Надо сознаться, что Протопопов был горе-собирателем, и я уверен, что главным основанием его якобы увлечения театральной стариной было только чванство. В нем на редкость отсутствовали знание, а главное, чутье. Он полагал, что в этой области не надо работать, а можно, имея деньги, все брать с налету. Благодаря этому он часто покупал невероятный хлам, но к чести его надо сказать, что, как только его убеждали в этом, а это было очень легко, он не загромождал этим хламом своего собрания, а выкидывал его вон, какие бы деньги он за него ни заплатил.

Помню, встречает он как-то меня и Божовского и говорит:

— Вас-то обоих мне и надо! Василий Константинович — москвич, а вы прекрасно знаете московские театры, я хочу вам показать портрет М. П. Садовского в молодости, писанный маслом.

— Этого не может быть, — отвечал я, — такого портрета, насколько мне известно, никогда не было.

— Ну вот, вам известно, что его не было, а у меня он есть.

Портрет оказался недалеко, Протопопов послал за ним, и когда Божовский и я взглянули на него, у нас вырвалось протяжное: м-м-м...

— Ну что? — спросил Протопопов, торжествуя.

— Почему же это Садовский?! — воскликнул Божовский, — это такой же Садовский, как Спенсер,²³⁰ я, Рышков, Бахрушин.

— Виктор Викторович, — сказал я, — с Михаилом Провычем вы ведь были знакомы. Ну, скажите, что же общего между ним и этим портретом? Посмотрите хотя бы нос, разве это его нос?!

— А мне казалось, что именно его, — уже нерешительно отвечал Протопопов.

— Дальше. Вы говорите, что это Садовский в молодости. Молодость Садовского — конец 70-х, начало 80-х годов, а здесь изображено какое-то «кувшинное рыло» 40-х годов. Всмотритесь: вицмундир и галстух чиновника именно этого времени. Как же это может быть Садовский? И почему бы художник писал его в вицмундире?

— Надули, черти, выброшу его вон! — решил Протопопов.

Вообще, благодаря своему незнанию дела, его часто надували. Как-то, встретившись со мною, он состроил хитро-торжествующую мину и сказал:

— Да-с, нашел кое-что, чему и вы позавидуете.

— Секрет?

²³⁰ Спенсер (*Spenser*) Герберт (1820—1903) — английский философ и социолог.

— Нет, какой же секрет, все равно вы туда не доберетесь раньше, чем я куплю эту вещь. Это комод, принадлежавший Каратыгину.²³¹

— Значит, и сертификат есть?

— Какой сертификат?

— Ну, что-нибудь удостоверяющее, что комод действительно принадлежал Каратыгину.

— Нет, такого ничего нет, но это известно, что он ему принадлежал.

— Почему же это известно?

— Да уж из такой семьи идет.

— Ну, радуюсь за вас. Только, знаете, мне говорил сын Пушкина,²³² что в России и за границей существует около 60 жилетов, в которых был убит его отец. Ведь это очень просто, прострелить старинный жилет и реликвия готова! И все эти жилеты шли тоже из верных семей.

Протопопов, видимо, проникся моими доводами и комода не купил. Этот же комод предлагали и Бахрушину, но тот только хохотал.

Когда коллекция Протопопова разрослась и он устроил у себя в квартире, как он выражался, «музей», я познакомил с ним где-то Бахрушина в один из его приездов в Петербург. Протопопов настоял на том, чтобы мы приехали осмотреть «музей».

Я не буду здесь описывать собрание Протопопова, ибо, когда будут обнародованы эти строки (если это вообще когда-нибудь будет), надо надеяться, оно будет уже хорошо известно всем, интересующимся театром, приведу только меткое замечание Бахрушина о нем. Уйдя от Протопопова, он мне сказал:

— Вот, я понимаю такое отношение к вещам, как у Протопопова. Купит что-нибудь за грош, а вставит в рублевую оправу, вещь-то и кричит...

И это была сущая правда. За исключением великолепно подобранной коллекции старинных театральных зрительных трубок, прообразов биноклей, да сотни действительных реликвий, все остальное ничего особенного собою не представляло, но было так отделано, так выставлено, так «поднесено», что сразу производило впечатление даже на людей, понимающих дело.

Собрание же трубок было замечательное, и при всей своей скупости Протопопов на него денег не жалел. Этими трубками немало огорчения принес ему Бахрушин. Получаю я однажды от него из Ниццы письмо с вырезанным из газеты объявлением: «Покупаю старинные театральные трубки. Чернышев пер., 14». В письме Бахрушин пишет, что, судя по адресу, объявление помещено Протопоповым, и просит, не стесняясь ценой, не давать ему их больше покупать.

Отправился я к антикварам. Пришел к Савостину.²³³

— Есть у вас старинные зрительные трубки? — спрашиваю его.

²³¹ *Каратыгины* — семья актеров. *Андрей Васильевич* (1774—1831) — родоначальник актерской династии, *Петр Андреевич* (1805—1879), *Василий Андреевич* (1802—1853) — его сыновья. Возможно, речь идет о Петре Андреевиче Каратыгине.

²³² Предполагаем, что Рышков был знаком с *Александром Александровичем Пушкиным* (1833—1914), старшим сыном поэта. Жилет хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина, в Музее-квартире А. С. Пушкина на наб. Мойки, 12.

²³³ *Савостин Михаил Михайлович* — петербургский антиктвар.

— Есть, только не продажные.

— Почему?

— Я их собираю для г. Протопопова.

— А посмотреть их нельзя?

— Почему же, пожалуйста.

Этого мне только и нужно было. Савостин вынес мне восхитительную трубку. Она представляла собою флакон для духов, в виде раковины, и в середину его была вставлена миниатюрная трубочка.

— Какая прелесть! — воскликнул я. — Какая же ее цена?

— 15 рублей.

— Только?! Ну, Виктора Викторовича можно поздравить с такой счастливой покупкой. Я бы для музея Бахрушина, не задумавшись, дал за нее вдвое.

— А вы тоже их покупаете? — радостно спросил Савостин.

Я был уже уверен, что трубку куплю я, и сказал:

— Да, мы их покупаем и за границей, и в Москве.

— Так, может быть, вы пожелаете купить и эту?

— Нет, как же я ее куплю, если вы их собираете для Протопопова. Неудобно как-то...

— Да, помилуйте, я ведь с ним никаким контрактом не связан, наше дело торговое, кто дороже дал, тот и купил.

— Хорошо, — ответил я равнодушно, — пожалуй, я ее возьму. А попадутся другие, протелефонируйте мне, вот моя карточка.

Такие же сцены, почти по трафарету, произошли и у других антикваров.

Наконец через некоторое время встречаю я Протопопова, и он, здороваясь со мною, раздраженно проговорил:

— Знаете, это гадость, зачем вы у меня перебиваете трубки?

— Если вы будете говорить со мною в таком тоне и в таких выражениях, то только нарветесь на скандал.

— Ну, не сердитесь, скажите, зачем это вам понадобилось?

— Творю волю пославшего мя...

— Да ведь трубки же не стоят таких денег, какие вы за них даете, таких цен нельзя давать.

— Раз я их покупаю за такие деньги, значит, они стоят, и, конечно, такие цены один может давать, а другой не может. Что делать, состояния у людей разные. Вот, Бахрушин хочет покупать эти трубки и покупает, и вы уже помешать ему не можете. Фунт пуду должен уступить...

Протопопов понял меня и умолк. Он, вероятно, вспомнил, как очень незадолго до этого разговора он меня спросил:

— Не купили ли чего нового?

— Ничего нет! Бахрушин в Москве кое-что еще находит, а здесь ни у антикваров, ни в семьях, ни на рынке я ничего не нахожу.

— Еще бы! Ведь здесь я, — гордо ответил он.

С годами, богатея, Протопопов все более и более наггел. И за одну из его наглостей мне пришлось его отчитать. Это было при Плещееве. Мы ужинали в клубе, и, конечно, разговор вращался вокруг театра и театральной старины. Я рассказывал о моих последних приобретениях для музея. Протопопов слушал, слушал да и брякнул:

— Эх, Владимир Александрович, бросьте вы Бахрушина, давайте работать со мной.

— Куда же я должен его бросить? — спросил я.

— Да просто оставьте его. Работайте со мной.

— Вот что, Виктор Викторович, я никогда не работаю для «кого-нибудь», я работаю для дела и служу только ему. В данном случае я работаю для Бахрушинского музея, а не для Алексея Александровича Бахрушина, несмотря на наши с ним дружеские отношения. Мне совершенно безразлично, кто во главе этого музея. Какой же мне интерес работать, как вы выражаетесь, «с вами», т. е. променять дело с большим масштабом на дело с маленьким?! Я очень приветствую ваше стремление тоже собирать театральную старину, но не могу же я, зная Бахрушинский музей, не сознавать, что к вашему собранию, да и не только к вашему, но и ко всякому другому, по отношению к Бахрушинскому музею, вполне применима поговорка: куда конь с копытом, туда и рак с клешней!..

— Ну, как хотите.

— Вот именно так я и хочу.

Умер Протопопов в вагоне, возвращаясь с С. Ф. Сабуровым²³⁴ из Крыма. И вдова его, небольшая актриса Суворинского театра, В. М. Полякова,²³⁵ желая увековечить его память и исполнить его волю, вероятно, по наивности или незнанию, только оскорбила эту память. Она пожертвовала его собрание Дирекции императорских театров, т. е. учреждению, которое Протопопов ненавидел всеми фибрами своей души!

Затем собрание Протопопова вошло в состав музея Петербургских академических театров.²³⁶

Одним из самых близких мне театральных людей был Юрий Михайлович Юрьев. С ним связывали меня многолетняя дружба, общность взглядов на театр и искусство и просто взаимная симпатия.

Благородное достоинство, изящная простота, величавая порядочность — вот и наружный облик, и внутренний мир Юрьева. С представлением о нем так не совмещается понятие об актере с присущими ему богемностью, бесшабашностью и рекламностью. Все эти признаки «актера» совершенно отсутствуют в Юрьеве. Он не может не жить красиво. Он любит уют и спокойную красоту и свою частную жизнь обставил таким образом, что сидеть у себя дома доставляет ему истинное наслаждение.

Юрьев происходит из старинной дворянской семьи и воспитан в разумных традициях передовых шестидесятников. Под влиянием мате-

²³⁴ Сабуров Симон Федорович (1868—1929) — театральный деятель, актер, антрепренер.

²³⁵ Протопопова (Полякова) Вера Михайловна — артистка театра Литературно-художественного общества, жена В. В. Протопопова.

²³⁶ Протопопов хотел передать свое собрание Петербургу с тем, чтобы библиотеке и музею было отведено отдельное помещение. Это не было исполнено. В 1919 г. его вдова, В. М. Протопопова, передала собрание в дар комиссии Управления государственными театрами. См.: Коскелло А. В. Библиофильство как феномен культуры (На примере деятельности российских библиофилов-театралов конца XIX—XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. С. 17. Ныне собрание Протопопова хранится в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства, а книги — в фондах Центральной городской театральной библиотеки Петербурга.

ри²³⁷ и дяди, известного энтузиаста и знатока искусства С. А. Юрьева,²³⁸ он еще почти ребенком подошел к театру. Маленьким гимназистиком 1-й московской гимназии он уже пропадал в Малом театре и с галерки жадно следил за успехами славных актеров его. Мать и дядя поддерживали и развивали в нем пробудившуюся страсть к сцене, и по окончании гимназии Юрьев поступил в театральную школу, в класс знаменитого А. П. Ленского.

Говоря о Юрьеве, нельзя умолчать о его матери. Анна Григорьевна принадлежала к тому типу лучших русских женщин, которых научили нас любить Толстой, Тургенев, Гончаров. Она была символом материнской любви и нежности, и немудрено, что воспитанный ею Юрьев был изыщен даже в мыслях. Он обожал Анну Григорьевну и возвел это обожание положительно в культ. Он, например, совершенно не представлял себе возможности выступить в премьерe, если ее нет в театре, а в антрактах она непременно должна была сидеть у него в уборной. Она поразительно понимала настроение сына, и я не раз подмечал у них взаимный, молчаливый любовный взгляд, она своими кроткими и ласковыми глазами бодрила его, он понимал это и молча благодарил ее.

После ее смерти он осиротел в буквальном смысле этого слова. Помню, мне стоило больших усилий заставить себя войти к нему в уборную во время премьеры, на которой ее уже не было. Он был рассеян, машинально переодевался, поправлял грим и прическу, и глаза его, невольно, то и дело, обращались к тому креслу, на котором обыкновенно сживала она. Мы молча поздоровались, оба взволнованные, и только глазами дали понять друг другу, что создаем, кого в эти минуты здесь недостает...

Театральная школа дала Юрьеву технику, а природа наделила его завидным художественным чутьем, благодаря которым он очень скоро завоевал себе первое положение в Александринском театре. Но для того, чтобы в оценке Юрьева быть совершенно беспристрастным, надо признать, что Юрьев-актер значительно уступает по таланту Юрьеву-художнику.

Самым крупным недостатком его игры была холодность. И дирекция, и режиссура вели его почему-то всегда в любовники, тогда как по свойству своего дарования он был трагический герой, холодный в чувствах и горячий в мыслях.

Так называемыми «пиджачными» ролями он овладевал с большим трудом, и все любовные сцены в таких ролях ему не всегда удавались. В них чувствовалась деланность. Было ясно, что он представлял, а не переживал. Того нутра, которое необходимо для захвата зрителя в таких сценах, в его натуре не было, и если он не проваливал роли, то исключительно благодаря своей блестящей технике.

Быть может, на такой характер творчества Юрьева повлиял и московский Малый театр. Он знал этот театр в пору расцвета таланта Ермоловой, и что же мудреного, что этот бриллиант трагедии запечатлелся в нем наве-

²³⁷ Юрьева Анна Григорьевна (?—1911).

²³⁸ Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888) — публицист, драматург, критик, переводчик. Был редактором журнала «Русская мысль» (1880—1885), председателем Общества любителей российской словесности (1878—1885), председателем Общества русских драматических писателей и композиторов (с 1886).

гда как образец искусства. И трагический герой он был, безусловно, выдающийся, именно холодный в чувствах и горячий в мыслях. Достаточно видеть его хотя бы в роли Позы,²³⁹ чтобы убедиться, что мысль, разум преобладает у него над чувством, сердцем. А между тем, как это ни странно, в жизни он весьма сентиментален!

Юрьев слишком высоко ставит искусство, чтобы мириться с определением Белинского, что сцена есть отражение жизни.²⁴⁰ Он считает, что искусство так возвышенно, что оно не может укладываться в рамки обыденной жизни, и если сценическое произведение рисует повседневную жизнь, оно не более как фотография, тогда как трагедия, рисующая высокие страсти, страсти высшего напряжения, — художественное произведение.

— Искусство условно, — говорит он, — и не оно должно спускаться до наших требований, а мы должны стремиться возвыситься до него.

Конечно, Юрьев не отрицает быта, ибо при его художественном вкусе он не может не признавать таких колоссов бытовой драматургии, как Гоголь, Толстой и Островский, и таких толкователей их, как Давыдов,²⁴¹ Варламов, Ленский и Садовский. Но быт чужд его творчеству, он не отвечает его художественным исканиям. Юрьев ищет в искусстве стихийности, а быт все же рисует только обыденность.

Юрьев удивительно «чист сердцем». У него положительно младенческие душа и сердце. Они у него открыты для всех, и, конечно, на интригу, без которой немислима актерская жизнь, он совершенно не способен. А когда ему открывают глаза на направленную против него интригу, он просто, чисто по-детски, обижается, гордо презирает ее и не предпринимает никаких шагов для того, чтобы ей что-нибудь противопоставить. В таких случаях он беспомощен; и он, и близкие ему прекрасно сознают, что на «замыслы» он не способен. Единственно, что он иногда делает в таких случаях, — он идет и прямо и открыто разоблачает.

Я редко встречал более неприспособленного к жизни человека, как Юрьев. Его доброта граничила с наивностью, благодаря ей с него тянул деньги всякий, кому только было не лень. И, невзирая на то что он зарабатывал большие деньги, мне приходилось неоднократно давать ему мелочь на извозчика! Он постоянно трудился над составлением смет на свой приход и расход, и все ему казалось, что он наконец будет уже иметь деньги на свои личные нужды, а ему предъявлялись такие неотложные требования, что он уже через несколько дней после получения денег оставался без гроша!

²³⁹ Имеется в виду драма «Дон Карлос» Ф. Шиллера, в которой Юрьев сыграл маркиза Позу.

²⁴⁰ Формула Белинского Виссариона Григорьевича (1811—1848) о театре «сцена—жизнь» постоянно возникала в его критических статьях. Напр.: «Героем драмы должна быть сама жизнь» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1—13. М., 1954. Т. 5. С. 62*); «Драма, — какая бы она ни была, а тем более драма из жизни современного общества, — прежде всего и больше всего должна быть верным зеркалом современной жизни, современного общества» (Там же. Т. 4. С. 494); а также «драма должна быть в высочайшей степени спокойным и беспристрастным зеркалом действительности» (Там же. М., 1953. Т. 1. С. 270).

²⁴¹ Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фам. Иван Николаевич Горелов) (1849—1925) — актер, педагог. Выступал на сцене Александринского театра (1880—1924).

Карабчевский²⁴² комично рассказывает о нем, как он, подсчитывая в своей записной книжке какую-то колонну цифр и взглянув на итог, в отчаянии воскликнул:

— Ничего не понимаю! Теперь такой итог, а вчера выходило по-другому, а главное, так как мне надо было...

Он был донельзя прямодушен. Помню, когда Нелидов начал писать под псевдонимом «Археляя» в «Русском слове»²⁴³ свои обличительные театральные статьи, он признался в этом Юрьеву и мне, прося нас никому не раскрывать его псевдонима. Статьи эти наделали немало шуму в театральном мире, и как-то во время спектакля в уборной Юрьева и Ходотова строили предположения, кто бы мог быть автором их.²⁴⁴ Достаточно было взглянуть на глаза Юрьева, чтобы убедиться, что ему секрет известен. Ходотов это сразу и понял.

— Юра, — закричал он, — ведь ты знаешь, кто их пишет!

Юрьев смутился и, как пойманный в шалости ребенок, конфузясь, ответил, глядя на меня:

— Ну, как же быть?! Меня просили не говорить... Да вот и Рышков знает...

— Если знаю и не говорю, значит, не имею право говорить, — ответил я.

— Да что же тут скрывать, когда все наверно уж догадались, что это пишет Нелидов...

Послышались восклицания, ясно доказавшие, что никто этого и не мог предполагать, и когда потом я упрекал его за то, что он выдал чужую тайну, он оправдывался тем, что рано или поздно тайна эта все равно обнаружилась бы.

В разрешении мелочных вопросов жизни Юрьев всегда терялся. Он как-то совсем не знает, как выполняются ее повседневные требования. Однажды он меня совершенно серьезно спросил:

— Ты не знаешь, где продаются дрова?

— Попробуй, — отвечал я, смеясь, — спросить в книжном магазине «Нового времени» или в ювелирном Бока.²⁴⁵

— Ну вот, ты смеешься, а у меня теперь квартира без дров, мне говорят, что надо их купить, а я нигде не вижу лавки с вывескою «Продажа дров». Где же я их куплю?!

²⁴² *Карабчевский Николай Платонович* (1851—1925) — известный адвокат, прозаик, поэт и публицист, страстный театрал и меценат. В рукописи ошибочно: Корабчевский. См. также сноску № 249.

²⁴³ См. сноски № 143, 144.

²⁴⁴ Нелидов вспоминал: «Статьи имели успех, о них говорили, приписывая авторство то Савве Ивановичу Морозову, то другим почтенным именам, что было мне чрезвычайно отградно. В редакцию, куда я, конечно, не показывался (в набор мои вещи сдавались переписанными на «ремингтоне»), а гонорар получал Дорошевич и передавал мне) получались на имя Археляя письма (одно у меня цело до сих пор, от известного режиссера Н. А. Попова) с просьбой открыть псевдоним, и даже через конторских служащих справлялись в гонорарной книге, кто автор» (*Нелидов В. А. Театральная Москва. Сорок лет московских театров.* С. 325).

²⁴⁵ *Бок Карл (Иозанн) Иванович* — купец, владелец ювелирного магазина и мастерской в Петербурге на Морской, 9.

На несостоявшийся юбилей Н. С. Васильевой,²⁴⁶ она, как известно, умерла накануне юбилея, приехали из Москвы Южин, Яблочкина и Рыжов.²⁴⁷ Юрьев пригласил их вечером к себе ужинать и утром позвонил по телефону Н. М. Железновой,²⁴⁸ прося ее взять на себя все хозяйственные распоряжения. Это было уже после революции.

— А что у вас дома есть?— спросила Железнова.

— Да есть кое-что, — ответил Юрьев, — курица, хлеб, селедки...

— А мука есть?

— Есть.

— Какая, белая?

— Ну, нет... Смуглая!..

Юрьев постоянно терпел от своих лакеев, нарываясь на жуликов. Как-то весною он приказал одному из них подать свое легкое пальто. Тот, проговорив «сейчас», ушел, оставив Юрьева в прихожей, со шляпой на голове. Проходит пять, десять, двадцать минут, и Юрьев терпеливо ждет. Наконец, потеряв терпение, он идет искать лакея, приходит в кухню и спрашивает повара, где лакей. Тот отвечает, что он ушел.

— Куда?— спрашивает Юрьев, изумленный.

— Да ведь вы же сами его послали.

— Никуда я его не посылал. Я приказал ему только подать мне мое легкое пальто.

— Ну да. Он и пошел за ним к портному.

— Да я его никогда к портному не отдавал!

— Уж не знаю, он сказал, что вы послали его к портному за пальто.

Когда Юрьев рассказывал мне об этом, я перебил его вопросом, как же он забыл, что отдал пальто портному. Юрьев лукаво улыбнулся и ответил:

— Да, вот ты постоянно мне твердишь, что меня все надувают, а ему, небось, не удалось, я его поймал!

— Ну-у?!

— Я спросил его, когда он вернулся, у какого портного было это пальто, он сконфузился и признался, что он его заложил, а теперь выкупил... А знаешь, — прибавил он хохоча, — он такой нахал, что, когда принес пальто, объявил, что заплатил за утюжку своих денег 15 рублей! Вот тут-то я его и поймал.

В конце концов, за какое-то художество Юрьев его все-таки прогнал и хвастался мне, что его теперь уже трудно провести. Когда лакей собрался выносить свои вещи, он заставил его открыть сундук и нашел в нем кучу своего белья и платья.

Другой лакей наживался на юрьевских психопатках. Он давал ему подписывать открытки и продавал их им, а однажды Юрьев получил письмо, вскрыл его и нашел в нем открытку со своим изображением и с надписью

²⁴⁶ *Васильева (по мужу Танеева) Надежда Сергеевна* (1852—1920) — актриса. Из актерской семьи Васильевых. С 1870 г. играла в труппе Малого театра, затем в Александринском театре (1878—1897 и с 1902).

²⁴⁷ *Рыжов Иван Андреевич* (1866—1932) — актер, с 1892 г. в Малом театре.

²⁴⁸ *Железнова Нина Михайловна* (1899—?) — драматическая актриса. Во время блокады в Ленинграде вела драматические занятия, поставила как режиссер вместе с Е. П. Студенцовым 7 окт. 1943 г. «Травиату» в здании Малого оперного театра.

«Здесь я в своей любимой роли». В письме, при котором была прислана эта открытка, какая-то дева писала ему, что он мог бы не исполнять ее просьбы, которую она передала ему через лакея, но к чему же было глумиться над нею.

— Что же, прогнал ты его? — спросил я.

— Нет, знаешь, жаль. Он такой деликатный, он говорит, что она не отставала от него с этой карточкой, а он не хотел меня беспокоить.

В конце концов, однако, «деликатность» этого лакея поставила Юрьева в очень неудобное положение. Как-то утром лакей пришел к нему и заявил, что он, не помню уже по какой причине, должен через час уехать к себе в деревню. Юрьев рассчитал его и обещал подождать его неделю-другую, тот забрал свои пожитки и уехал. Только что Юрьев сел обедать, зазвонил звонок телефона. Юрьев подошел, оказывается, телефонировала г-жа Карабчевская:²⁴⁹

— Юрий Михайлович, что же вы не едете, ведь вы сегодня не заняты?

— Не занят. А куда же я должен ехать?

— Как куда?! К нам обедать. Вы же вчера мне по телефону обещали приехать сегодня.

— Я?!.. Но я с вами вчера по телефону не говорил.

— Как не говорили? Однако тут кроется какое-то недоразумение, и я вас настоятельно прошу приехать, потому что мне нужно вам передать одно серьезное обстоятельство.

Когда Юрьев приехал, Карабчевская рассказала ему, что накануне он по телефону просил ее дать ему в долг 300 р. Она просила его приехать обедать и получить деньги, а он ответил, что в этот день он приехать обедать не может, а придет на другой день, а теперь пришлет за деньгами своего лакея. Карабчевская вложила деньги в конверт и послала их ему.

Юрьев был положительно в отчаянии. Он требовал, чтобы Карабчевская получила с него эти деньги, а та отказывалась, доказывая, что стала жертвой своей же оплошности, и Юрьев за нее расплачиваться не должен. И, рассказывая этот случай, Юрьев наивно восклицал:

— Как она могла поверить! Я никогда у Карабчевских денег не занимал.

Другой лакей в декабре 1921 г. украл у него все золотые и серебряные вещи и скрылся. В числе этих вещей был и золотой портсигар, подаренный ему 25 февраля 1917 г. в день его юбилея Николаем II. Это был последний «высочайший» подарок в России!..²⁵⁰

²⁴⁹ Имеется в виду *Карабчевская (урожд. Варгунина) Ольга Константиновна* — вторая жена Н. П. Карабчевского. В своем доме Карабчевские устраивали концерты и спектакли с благотворительными целями с участием лучших артистов и музыкантов. Бывал на них и Юрьев. Об О. К. Карабчевской см. в статье: *Троицкий Н. А.* Корифей отечественной адвокатуры (Жизнь и судьба Н. П. Карабчевского) // *Вопросы истории.* 1993. № 6. С. 45—58.

²⁵⁰ 25 февр. 1917 г. праздновалось 25-летие сценической деятельности Ю. М. Юрьева, и состоялась долгожданная премьера спектакля «Маскарад», постановка которого готовилась несколько лет. Юрьев выступил в роли Арбенина, режиссером спектакля был В. Э. Мейерхольд, художником — А. Я. Головин, музыка А. К. Глазунова. Успех спектакля был необычайным. Премьера подробно описана Юрьевым в его воспоминаниях. После вручения Юрьеву «высочайшего подарка» — золотого портсигара, украшенного бриллиантовым орлом, по воспоминаниям артиста, «где-то совсем недалеко от театра отчетливо раздался громкий вы-

В труппе Юрьев пользовался очень почетным положением. Я бы сказал, что он являлся как бы совестью ее. Создалось это как-то само собою, и конечно, он пальцем о палец не ударил для того, чтобы его завоевать. В общем, оно и естественно. Во всяком, даже и в выходном, актере все же заложена хотя бы и микроскопическая доза художественности, и каждый член труппы видел в Юрьеве прежде всего художника, а следовательно, и родственное ему существо. Юрьев не злоупотреблял своим авторитетом, но в трудные минуты жизни труппы или любого ее члена приходил им всегда на помощь и словом, и делом. Труппа его любила, и отношения у него с ней были не только товарищеские, но и дружеские. Все прекрасно сознавали, что делом он владел в совершенстве, все знали его исключительную порядочность и только добродушно всегда посмеивались над его наивностью и над его жизненными промахами.

Все, что я вспомнил здесь о Юрьеве, относится к дореволюционному времени. И так как это время не входит в эту часть моих воспоминаний, о Юрьеве в революционное время я говорить не буду. Но по совести должен сказать, что, любя его также сердечно как человека, я в то же время не раз осуждал его как театрального деятеля. Но об этом я буду говорить в свое время и в своем месте.

Вспомнив одного человека красивой жизни, Юрьева, мне тотчас же приходит на память такой же другой, Савва Иванович Мамонтов. Бывают в жизни мимолетные, необыденные встречи, оставляющие за собою неизгладимый след, несмотря на то что они были коротки и ничем ярким не озаменовались. И на мою долю выпала одна именно такая встреча.

Летом 1917 г. в Москве у И. Е. Бондаренко я первый раз в жизни встретился с С. И. Мамонтовым. И когда он вошел несколько утомленной походкой и взглянул на нас своими ласковыми и еще полными молодого огня глазами, во мне радостно затрепетало ожидание чего-то необыденного, никогда незабываемого.

Любуясь его невероятной простотой, я не мог отрешиться от настойчивой думы: почему этот скромный старик, в сером поношенном пиджаке, не в рядах тех громких имен, которыми гордится родина? Почему он достоин только очень близких ему людей, для которых чистое искусство, вечная красота, единственный смысл жизни?!

Как я ни старался, я сознавал, что не могу охватить воображением всю ту гамму переживаний, которою капризной судьбе угодно было наполнить жизнь Саввы Ивановича. Мне грезились и его горение искусством, и его сомнения, даже мучения, когда он чувствовал себя бессильным направить тот или иной русский талант по тому руслу, по которому он должен был плыть, и его ликование, когда таланты, им руководимые, шли по верному пути и доказывали своими достижениями, что он в них не ошибся. Я тщетно старался представить себе его переживания, когда он определял Врубеля, Шаляпина; я хотел уяснить себе то чувство громадного удовлетворения, которое он испытывал, наблюдая их уже славными и знаменитыми... Я был полон его удовлетворением, но... взглянув на него, молчаливого и

стрел», предвестник революции. См. об этом эпизоде: *Юрьев Ю. М.* Записки. Л.; М., 1963. Т. 2. С. 233.

скромного, в старом сереньком пиджачке, я был готов возненавидеть Россию за то, что Савва Иванович не в первых рядах ее лучших сынов. Однако это зарождавшееся во мне чувство заглушил тогда же он, Савва Иванович, ведь сам он так обожал все русское!

Вечно в тени, вечно в тиши.

В тени он оставался, когда, благодаря ему, гремела слава тех, кого он направлял «на путь истины», в тиши мысль его работала над собиранием художественных ценностей, бродивших без него неприютными, непризорными. В тени он остался, когда судьба новым своим капризом осиротила его, и он лишь издали мог любоваться плодами своего широкого художественного размаха, в тиши он безропотно переживал свою былую мощь!

Сокровищница чистого искусства! С каким благоговением я отвечал на твое рукопожатие!

С таким чувством верующий приближается к святыне. Савва Иванович — святыня чистой художественности, и всякий, кому она дорога, должен был подходить к нему, отрешившись от пошлой обыденности, очищенный от всякия скверны повседневной жизни.

Вот уж истинно: вечная ему память!

Такие встречи необыденны и незабываемы...

Балетмейстер и первый танцовщик Мариинского театра Борис Георгиевич Романов,²⁵¹ или «Бобиша», как звал его весь театральный мир, был очень популярен в Петербурге. Он был до того общителен, до того какой-то «товарищеский», что уже при первой встрече с ним забывались его имя и отчество, и нельзя было назвать его иначе, как Бобиша.

Необыкновенно темпераментный, подвижной, всегда веселый и шумливый, он чрезвычайно чутко отзывался на все, что его захватывало, и увлекался, увлекался без конца. Он постоянно витал в фантазиях, в иллюзиях и в противоречиях, совершенно, впрочем, сам того не замечая. У него была одна счастливая особенность, он мог уверить себя в правильности самого нелепого положения, и в то же время ничего не стоило разубедить его в этом.

Фантазер он был совершенно безбидный. Он рассказывал, например, о каком-нибудь случае с ним, оказывавшемся просто анекдотом из «Петербургской газеты», и когда однажды мы его в этом уличили, он добродушно хохотал и уверял, что нам эта история гораздо интереснее в виде рассказа действующего лица, чем в виде анекдота из газеты. Или в один прекрасный день он стал совершенно серьезно утверждать, что знаменитый Эдисон²⁵² есть коллективное лицо, вроде Козьмы Прутков! В таких фантазиях он положительно купался...

Я всегда с интересом следил за его разговором. Обороты его речи и согласования в ней были поразительно безграмотны, ему ничего не стоило

²⁵¹ Романов Борис Георгиевич (1891—1957) — артист балета, балетмейстер, педагог. В Мариинском театре (1909—1920); один из хореографов «Русских сезонов за границей», организованных С. П. Дягилевым. С 1920 г. в эмиграции в Берлине, основатель и глава Русского романтического театра (1922—1926), балетмейстер в труппе Анны Павловой (1926), с 1928 г. работал в театре «Колонн» в Буэнос-Айресе, с 1938 г. жил и работал в США.

²⁵² Эдисон (Edison) Томас Алва (1847—1931) — американский изобретатель и предприниматель.

сказать вместо: к жизни неприменимы, к жизни «неприменимы»! Объясняется это его темпераментностью, слово у него не поспевало за мыслью, но мысль у него бывала всегда оригинальна.

Бобиша невероятно любил красивую фразу, ради нее он был готов пожертвовать и правдой, и логикой. Когда он ее высказывал, а это бывало очень часто, он как-то со стороны сам ею любовался. Вообще, в нем была сильно развита самовлюбленность. Несмотря на свою исключительно некрасивую наружность, он, разговаривая, любил сидеть против зеркала. Тогда он постоянно охорашивался, поправлял галстук, прическу и говорил, смотря в зеркало, а не на собеседника. Такой разговор, надо сознаться, нервировал слушателя.

Бобиша — страстный азартный игрок. Когда у него есть деньги, он совершенно пропадает в клубах. И если он бывал занят, он был способен между делом приехать в клуб только для того, чтобы поставить одну ставку. Карты много ему портили. Если он бывал приглашен куда-нибудь и перед тем заезжал играть, можно было с уверенностью сказать, что он или не придет вовсе, или придет к шапочному разбору. Был случай, когда он был приглашен на обед. Он рассчитал, что с репетиции успеет еще заехать в клуб поиграть, затем поехать домой переменить старую рабочую куртку на подходящий костюм и отправиться на обед. Как нарочно, ему везло, и кончилось тем, что он приехал к концу обеда и в старой куртке! А обед был парадный.

Увезти его от игры было почти невысказано, выигрывал ли он или проигрывал, это было одинаково трудно. Да и невозможно было добиться от него правды, как идут его дела. По игроцкой манере он постоянно врал. Я применился, однако, к его настроениям и по ним почти безошибочно определял выигрыш и проигрыш. Если он бывал возбужден, оживлен и болтлив, значит, дела были плохи, если сосредоточен, неразговорчив и придиричив, значит, выигрывал.

Все эти жизненные подробности меркли, однако, перед его крупным талантом, перед его большою художественностью. Будущий историк балета отведет ему, конечно, подобающее место в своем труде, а теперь, когда я пишу эти строки, еще не время определять его роль в хореографическом искусстве, хотя нет сомнения, что он уже имеет в нем большое значение и свою физиономию.

Романов, конечно, принадлежит к новаторам в балете, он последователь Фокина.²⁵³ Его темперамент слишком необуздан для строгой классики, ему нужны бурный эпизод, яркая характерность, ошеломляющий контраст. В этой сфере он полный хозяин, он вдохновенный творец. Дикая страсть, оргия, вакханалия, экзотика, эротика найдут в нем всегда верного толкователя, но нега, робкая любовь и тихая ласка не взволнуют и не захватят его...

Где бы Романов ни был, что бы он ни делал, он живет в постоянном творчестве. Оно, видимо, ни на минуту не покидает его. Я не раз видывал

²⁵³ Фокин Михаил Михайлович (1880—1942) — артист русского балета, балетмейстер, педагог. В труппе Марининского театра с 1898 по 1918 г., был руководителем балетной труппы «Русских сезонов за границей», организованных С. П. Дягилевым. В 1918 г. уехал на гастроли в Швецию, в Россию не вернулся.

его в ресторане, когда он во время еды, среди разговора, вдруг вынимал из портфеля ноты и углублялся в них, что-то соображая. Неоднократно приходилось мне наблюдать, как он, придя к кому-нибудь, начинал тоже среди разговора выделять замысловатые па, и по его жестам, по работе его рук было очевидно, что он сочинял что-то с воображаемыми партнерами.

Мне не приходилось видеть его работу на репетициях, но однажды он позвал меня посмотреть, как он ставит восточный танец на музыку из «Хованщины».²⁵⁴ Это было в репетиционном зале. Работал он с Е. А. Смирновой²⁵⁵ и М. А. Макаровой.²⁵⁶ Работа казалась чрезвычайно трудной, но вместе с тем он замечательно легко, следуя музыке, в несколько мгновений показывал красивые па и давал им необходимые позы. На мой удивленный вопрос, каким образом он так скоро сочиняет все для этого номера, он ответил, что танец у него уже давно готов в уме, а что теперь ему только надо посмотреть, как он выйдет в действительности.

Романову была доступна не только его специальность. Он любил и понимал все виды искусства, интересовался и оперой, и драмой, и живописью, и скульптурой, но не выносил в искусстве законченности. Он не любил лепку, когда она, как он выражался, «вылизана», картину, когда она тщательно выписана. Он требовал эскиза и говорил, что степень понимания прелести художественного произведения зависит от степени художественного чутья зрителя. Он и сам писал маслом, и его картины были, конечно, только эскизы, больше того, они были только темы. Но все его работы, которые мне пришлось видеть, могли бы дать талантливому художнику возможность создать выдающиеся произведения, до того они были оригинальны и смелы.

Милый Бобиша большой эпикуреец. Он любит жизнь. Он любит и поест, и выпить, и пофлиртовать, он требует, чтобы кругом него было светло,людно и шумно. Он любит приехать в лучший ресторан, вкусно пообедать и выпить шампанского. В этом тоже сказывается его самовлюбленность, он тогда опять-таки любит себя собою как бы со стороны, как он красиво и весело живет!

Когда у него бывают деньги, он тратит их без всякого толку, когда их не бывает, он добродушно хохочет и острит над собою. В последнем случае, впрочем, иногда он принимается уверять, что решил круто изменить образ жизни, сидеть дома и много работать. Несколько дней он выдерживает такой режим, не ездит в клубы, но стоит только появиться деньгам, он срывается и едет «игрануть», и, если выигрывает, все благие намерения летят прахом, и он опять ищет шумной жизни. И когда я напоминал ему об его уверениях, он хохотал и доказывал, что артист не может жить без волнений.

²⁵⁴ «Хованщина» — опера М. П. Мусоргского (начата в 1872, завершена Н. А. Римским-Корсаковым).

²⁵⁵ Смирнова (в первом браке Варварина, во втором Романова) Елена Александровна (1888—1935) — балерина Мариинского театра (1906—1920). С 1920 г. в эмиграции в Берлине. Вместе с мужем Б. Г. Романовым руководила труппой Русского романтического театра (1922—1926), с 1928 г. преподавала в Буэнос-Айресе.

²⁵⁶ Макарова-Юнева (по первому мужу Шестакова, по второму Дранишниковой) Мария Александровна (1885—?) — артистка Императорской балетной труппы. Окончила Петербургское театральное училище в 1903 г., служила в составе балетной труппы до 1934 г.

И в этом я верил ему. Бобиша действительно был из тех мятежных натур, которые постоянно ищут бурь...

Во время власти большевиков он повенчался с Е. А. Смирновой и переселился за границу.

Нельзя не признать, что Бахрушин был совершенно прав, утверждая, что актерство в массе совершенно равнодушно к своему делу, поскольку оно не затрагивает их интересов. Смешно сказать, но зачастую, особенно в провинции, актер не знает даже содержания пьесы, в которой он играет, ему интересна только его роль. Мне рассказывала крупная провинциальная актриса Т. Павлова,²⁵⁷ что однажды, получив вечером роль, она проштудировала ее и утром отправилась на репетицию. По роли она должна была воззвать к богине Дидоне²⁵⁸ словами: О, Дидона, тебя я теперь люблю... и т. д.

— Произнеся эти слова, — рассказывала Павлова, — я обратилась к режиссеру с вопросом, а где же будет стоять Дидона?..

Свежо предание, а верится с трудом, а ведь это факт!

Ведь сравнительно недавно установился в театре обычай читать пьесы в присутствии всех действующих в ней.

Театральная провинция так полна курьезов, что о ней создались совершенно уже нелепые легенды, которые очень распространены в актерском мире. Чтобы дать понятие о них, приведу две из них, касающиеся постановки «Горе от ума».

Приехал в небольшой город гастролер играть Чацкого. В день спектакля он призывает режиссера и говорит:

— В последнем акте в вестибюле поставьте телефон и дайте звонок, когда я скажу Фамусову «не образумлюсь»...

— Помилуйте, да ведь в то время телефонов не было!

— Ну... это мой трюк.

Режиссер подчинился, и как только Чацкий после слов Фамусова

В Сенат подам, министрам, государю

проговорил:

Не образумлюсь...

телефон зазвонил. Гастролер остановился, произнес, обращаясь к Фамусову и к Софье, «виноват», снял трубку и сказал «я слушаю», а после небольшой паузы, со словами «не понимаю», положил трубку и продолжал:

Как будто всё еще мне объяснить хотят... и т. д.²⁵⁹

²⁵⁷ Павлова (наст. фам. Зейтман) Татьяна Павловна (1896—1975) — актриса, режиссер, педагог. На сцене с 1907 г., работала в различных московских и провинциальных труппах. С 1921 г. в эмиграции в Италии, где организовала собственную итальянскую труппу.

²⁵⁸ Дидона (Dido) — Элисса, в римской мифологии царица, основательница Карфагена, дочь царя Тира.

²⁵⁹ Из заключительного монолога Чацкого. Ср.:

Ф а м у с о в

В Сенат подам, министрам, Государю.

Другая легенда такая. В уездный городок приехала небольшая труппа, сыграла несколько спектаклей и, очень понравившись публике, собиралась уезжать. Обыватели принялись усиленно просить антрепренера поставить «Горе от ума». Тот отказывался, говоря, что для этой пьесы нет декораций и слишком мала труппа, нет, например, актера на роль Скалозуба. Обыватели настаивали. Наконец антрепренер согласился.

Актеры, недоумевая, спрашивали, как же быть со Скалозубом?

— А вот как, — ответил он, — давайте-ка суфлерский экземпляр.

И ничего же сумняшася, вычеркнул всю его роль, а в первом действии, после слов слуги:

Полковник Скалозуб? Прикажете принять?

изменил грибоедовский текст так:

Ослы! сто раз вам повторять?

Прогнать и никогда не принимать...

И дело с концом!²⁶⁰

Si non è vero è ben trovato...^a

Это, конечно, не «всего», а анекдоты, но они прекрасно обрисовывают, шаржированно, само собою разумеется, театральное дело в провинции.

Курьезна вообще актерская среда. Я уже упоминал, как был тронут Кондратьев моей шуточной телеграммой, в которой я поздравлял его с «пожалованием» ему Станислава 3-й ст., и о том, что актеры очень любят знаки отличия. Взгляните на актеров на любом артистическом юбилее. Все они, и мужчины и женщины, если присутствуют не в сценических костюмах, непременно имеют на себе все свои регалии. Михаил Тимофеевич Дулов²⁶¹ дошел даже до того, что имел в петлице фрака какую-то фарфоровую бутоньерку с нарисованной на ней чуть ли не птичкой!

Среда эта обращает на себя внимание и еще одним явлением — удивительною неискренностью. Пока актеру человек почему-либо нужен, он его первейший друг, как только нужда в нем миновала, он об нем и не вспомнит. Положим, это явление наблюдается во всех слоях общества, но у актера его расположение выявляется неизмеримо ярче, просто потому именно,

^a Se non è vero è ben trovato — Если это и неправда, то хорошо придумано! (итал. поговорка). Правильно: Se non è vero è ben trovato, а не Si non è vero...

Ч а ц к и й (после некоторого молчания).

Не образумлюсь... виноват,

И слушаю, не понимаю,

Как будто всё еще мне объяснить хотят,

Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

²⁶⁰ Скалозуб появляется в комедии «Горе от ума» во втором действии. Ср.:

С л у г а

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Ф а м у с о в (встает).

Ослы? Сто раз вам повторять?

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,

Что очень рад. Пошел же, торопись.

²⁶¹ Дулов Михаил Тимофеевич (1887—1948) — пианист-аккомпаниатор.

что он актер. Вспоминается мне, например, Варламов. Как-то на представлении в «Эрмитаже» «Царя Иудейского»²⁶² присутствовал во всех своих регалиях и он. В одном из антрактов, пробираясь покурить, я прошел мимо него и услышал, как он говорил стоявшим около него офицерам:

— Да ведь что ж это такое?! Да ведь это чистое откровение! Ведь это классическая вещь, мировое произведение. Ведь этакая вещь сходить со сцены не должна...

Возвращаясь в залу, я его нагнал и, помня его отзыв, спросил:

— А вам понравилась пьеса, Константин Александрович?

— Какая, эта-то?

— Да.

— Ну, батюшка, ерунда... Сплошная истерика какая-то... Да и играют хуже нельзя. Еще наши актрисы куда ни шло, а уж остальное офицерство это! Гнать бы их помелом со сцены. А у самого-то каша какая-то во рту.²⁶³ Нет, Господь с ними, с такими спектаклями...

Или вот, например, интересный случай искренности Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Брат мой, Виктор, написав «Склеп»,²⁶⁴ послал ее (пьесу. — *Н. П.*) в Художественный театр и вскоре получил ее обратно при письме Немировича, в котором он страшно жалел, что не может ее принять, так как тогда пришлось бы ломать весь репертуар и изменять весь план работы сезона. Пьеса между тем шла в Москве, кажется, у Корша, а в Петербурге в Александринском театре с первоклассными исполнителями. На одном из спектаклей в Петербурге Виктор встретил Немировича, и в антракте между ними произошел следующий диалог:

— Погрешили вы, Виктор Александрович, с этой пьесой, — сказал Немирович.

— Чем же погрешил?

— Да ведь эта пьеса исключительно нашего репертуара.

— Поздно я ее написал, и вам бы пришлось ломать весь ваш репертуар.

— Для такой пьесы не жаль было бы его и сломать.

— На это вы не могли решиться.

— Непременно решились бы.

— Ну, не знаю, но у меня есть ваше письмо, в котором вы пишете, что именно ломка репертуара и есть причина непринятия «Склепа» в ваш театр. Я могу прислать вам копию с этого письма.

²⁶² Пьеса «Царь Иудейский» вел. кн. Константина Константиновича была поставлена в Эрмитажном театре в Петербурге с участием актеров-любителей, офицеров Измайловского полка. К. Р. исполнял роль Иосифа Аримафейского. Пьеса вызвала ряд сценических запретов со стороны Синода. См. о пьесе и ее постановке в кн.: К. Р. Великий Князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Вступ. статья, сост., коммент. Э. Е. Матониной. М., 1998. С. 31—35, 476; Кушлина О. Б., Перегудова З. И. К. Р. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 124; а также заметку «Царь Иудейский» (без подписи) о подготовке спектакля: Обзорение театров. 1913. 22 сент. № 2210. С. 17.

²⁶³ Имеется в виду вел. кн. Константин Константинович, участвовавший в спектакле как актер-любитель.

²⁶⁴ В 1906 г. повесть «Всероссийское горе» Виктор А. Рышков переделал в пьесу «Склеп». Поставлена была в театре Ф. А. Корша (первая постановка 10 нояб. 1906 г.). Пьеса шла также в Александринском театре. В фонде драматурга сохранилась запись о том, что по просьбе Бахрушина Рышков передал черновой экземпляр «Склепа» в его музей.

Табло!..

Однажды летом собралось нас, несколько человек театралов, у Бахрушина на даче в Малаховке. Приехали мы к обеду и в 7 час. сели за стол. Уже за первой рюмкой водки завязался разговор о театре, и Вера Васильевна,²⁶⁵ жена Бахрушина, смеясь, проговорила:

— Ну, конечно, где собрались Бахрушин, Рышков и Попов, иного разговора, как о театре, мы уже не услышим.

— Извините, Вера Васильевна, — отвечал я, — это действительно невежливо, постараемся вести общий разговор.

Кстати, должен заметить, что Вера Васильевна и сама очень любила театр и деятельно помогала мужу в его работах по музею.

Разговор был перебит, и общество обменивалось короткими, ничего не значащими фразами. Но, конечно, очень скоро мы опять вернулись к театру. А когда, уже несколько утомленный, я взглянул на часы, было два часа ночи!

— Посмотрите, — сказал я Вере Васильевне, показывая ей часы, — два часа ночи, а никто из нас не встал хотя бы размять ноги! Видно уж с нами ничего не поделаеть, и от театра нас трудно отвлечь. Ненасытны мы в этом отношении.

Этот случай пришел мне сейчас на память, когда я пишу свои воспоминания. Пробежав все то, что я вспомнил здесь, я увидел, что я еще не насытился, что я далеко еще не сказал всего того, что хотел бы и мог бы сказать. Поэтому доставлю себе удовольствие и поговорю о нем еще, и особенно об артистической среде.

Среда эта, как я уже упоминал выше, чрезвычайно интересна, и вряд ли найдется такая другая среди интеллигентных людей и людей свободных профессий.

Артистическая среда делится, как и всякая другая, на людей семейных и людей одиноких. У семейных артистов есть еще подразделение: или оба, и муж и жена, артисты, или кто-нибудь из них один. Из моих наблюдений я вынес впечатление, что в первом случае этот союз в большинстве очень прочен, во втором же случае это бывает не всегда так. В первом случае это товарищи, связанные общностью интересов, одинаково смотрящие на свои отношения, одинаково понимающие те требования, которые предъявляет к ним их профессия. И он, и она прекрасно знают, что профессия эта заставляет их быть вечно на виду и иметь каждому своих друзей, своих поклонников, и что ревности тут нету места. В таком союзе широко развита богемность, и жизнь представляет собою какой-то вечный праздник. Жизнь этих людей чужда каких бы то ни было условностей и предрассудков: как-вы мы есть, таковыми нас и берите. Оговариваюсь, что в данном случае семейными я, конечно, считаю и живших в гражданском браке. Одна их

²⁶⁵ Бахрушина (урожд. Носова) Вера Васильевна (1871—1943) — жена А. А. Бахрушина. «Красивый холодный тип изящной жены Бахрушина — Веры Васильевны. Урожденная Носова, — писал И. Е. Бондаренко, — она была прекрасно воспитана, держала себя корректно, приподнимая иногда брови, когда оживленно говорящий супруг ввертывал словечки, не совсем подходящие к салону» (Бондаренко И. Записки коллекционера. С. 31). См. также небольшую публикацию писем Бахрушиной к сыну: Вера. Письма из семейного архива / Подгот. Н. Сочинская // Театральная жизнь. 1990. № 23. С. 24—25.

часть живет нормальной жизнью, в хорошей обстановке, дом и хозяйство ведутся сообразно потребностям воспитанных и интеллигентных людей. Другая же часть — это настоящие «птички певчие». Если их не связывает работа в одной труппе, они живут хотя и вместе, но совершенно обособленной жизнью, каждый интересами своего театра, и вместе с тем живут матримониально очень дружно. Он совершенно не интересуется, где и как она проводит время, она — тоже. Имеют они пару тарелок, ножей и вилок, стакан и кружку, и жестяной чайник и не жалуется, не ропщут, берегут только свой «гардероб». И таких семей много, и все они похожи друг на друга.

Жизнь семейных актеров тоже, в большинстве, похожа друг на друга. Если они не заняты в спектакле оба, они постоянно где-нибудь бывают, бывают и в своем, и в других театрах, в кинематографах, у товарищей, время проводят скромно, без всяких кутежей, все же, впрочем, и выпивая, и играя в карты, в лото. Иногда лишь в какие-нибудь торжественные семейные дни устраивают у себя собрания.

Упомянув об лото, не могу не вспомнить двух заядлых лотошниц, моих приятельниц: Екатерину Павловну Корчагину-Александровскую²⁶⁶ и Екатерину Николаевну Рошину-Инсарову. Обе они до того волновались, имея на карте так называемую «квартиру», что положительно менялись в лице. Особенно Рошина. Я игрывал с нею в Театральном клубе, и она в таких случаях буквально исщипывала мне ноги до синяков! Корчагина, этот неподражаемый комик, волновалась тоже сильно, но в то же время смешила всех прямо-таки до колик.

Как исключение из таких семей я знал только чету Аполлонских.²⁶⁷ Они нигде, кроме церквей, не бывали и с головой ушли в ханжество. Все углы их квартир были завешаны иконами, и они постоянно, при всяком удобном и неудобном случае, крестились.

Совсем другой характер имеет семья, если только один из супругов артист. В таких семьях много разветвлений. Первую такую семью мне пришлось наблюдать много лет тому назад, в 1882—1883 гг. Это была семья Варвары Валериановны Тиме,²⁶⁸ матери Елизаветы Ивановны.²⁶⁹ В этой семье было курьезно несоответствие и годов и общественного положения супругов. Он был пожилой заслуженный профессор Горного института²⁷⁰ и

²⁶⁶ Корчагина-Александровская (наст. фам. Корчагина, по мужу Александровская) Екатерина Павловна (1874—1951) — актриса. С детских лет выступала под псевдонимом ее родителей — Ольгина. Играла в провинциальных театрах, театре Коммиссаржевской, театре Н. Д. Красова, театре Литературно-художественного общества. С 1915 г. на сцене Александринского театра.

²⁶⁷ Имеются в виду Аполлонский Роман Борисович (1862; по др. свед. 1865—1928) — актер Александринского театра (1881—1928) и его жена Стравинская (по мужу Аполлонская) Инна Александровна (1876—1970) — актриса Александринского театра (1897—1923).

²⁶⁸ Тиме Варвара Валериановна (?—1928) — артистка оперы (меццо-сопрано) и педагог. Обучалась в Павловском институте благородных девиц, а затем в Петербургской консерватории, после ее окончания два года пела в Маринском театре.

²⁶⁹ Тиме (Качалова-Тиме) Елизавета Ивановна (1884—1968) — актриса Александринского театра (1908—1959), педагог.

²⁷⁰ Тиме Иван Августович (1838—1920) — горный инженер, профессор Горного института, член Горного ученого комитета, механик-консультант Петербургского Монетного двора, один из основоположников теории резанья металлов и дерева. Е. И. Тиме писала: «Женитьба

читал там какую-то очень высокую математику, она была молодая женщина, певица Мариинского театра! Само собою разумеется, что высокий математик всемерно стремился к порядку, и само собою же разумеется, что жена его, артистка, всячески нарушала этот порядок, но отношения у них были хорошие, добродушные и дружеские. Ученый мир я у них не встречал, из театрального же мира бывали там многие, между прочим, молодой еще тогда Тартаков²⁷¹ с женой, певица Серно-Соловьевич,²⁷² Кучера²⁷³ и др. Народ собирался большею частью к ужину, который начинался, если в тот день Тиме бывала занята в спектакле, довольно поздно. К ужину неуклонно являлся и сам профессор, всегда корректный, бодрый и тщательно одетый. Однако чуждый интересам собравшихся, он часто сидел задумавшись, и тогда жена весело ему кричала:

— Тиме! Да хоть за ужином не думай ты о своем механическом колесе.

Он встряхивался и делал оживленное и приветливое лицо. Однажды он сидел рядом с Серно-Соловьевич, и Варвара Валериановна ему сказала:

— Тиме, что же ты не ухаживаешь за своей дамой, посмотри, какая она хорошенькая.

Профессор повернулся к Серно-Соловьевич и с милой улыбкой проговорил:

— Вам приятно?!

Взрыв смеха покрыл эти слова, а он добродушно и радостно улыбался.

Я привел эти сценки для того, чтобы дать понятие о взаимоотношениях супругов этой категории артистических семей. Сценки, подобные таким, происходят во всех таких семьях, конечно, с неизбежными вариантами, и в таких семьях один супруг несколько не входит в интересы и не касается деятельности другого.

Другая категория артистической семьи это, напротив, когда один из супругов принимает участие в деятельности другого. В этой категории, по моим наблюдениям, три разновидности. Первая, когда один супруг бродит, как тень, за другим супругом-артистом; вторая, когда, как, например, Нелидов, муж является антрепренером жены; и третья, когда супруг не артист является просто товарищем и приятелем супруга-артиста.

Первая разновидность совсем неинтересна. В театрах к таким супругам привывают просто как к мебели и добродушно над ними подтрунивают. Супругов, типа Нелидова, знакомого уже читателю, очень не любят, но во-

отца на профессиональной артистке выглядела в то время своеобразным вызовом обществу. С тех пор семья Тиме считалась вольнодумной». См.: *Тиме Е.* Дороги искусства. М., 1967. С. 20.

²⁷¹ *Тартаков Иоаким Викторович* (1860—1923) — артист оперы (баритон), камерный певец, режиссер.

²⁷² *Серно-Соловьевич (по мужу Потемкина) Елена Михайловна* (1860—1919) — артистка оперы (сопрано) и педагог. После окончания Петербургской консерватории (1877—1882) дебютировала в Мариинском театре, в 1886—1888 гг. — солистка Большого театра. Преподавала в Петербургской консерватории (1903—1906), в 1911 г. организовала Музыкально-драматические курсы.

²⁷³ *Кучера Карл (Карел) Антонович* (1849; по др. свед. 1847—1918) — заведующий оркестром императорской русской оперы. С 1879 г. занимал должность 2-го капельмейстера Императорской русской оперы, с 1894 по 1910 г. был инспектором музыки петербургских императорских театров и заведующим Центральной музыкальной библиотекой императорских театров. Занимался преподавательской деятельностью.

лей-неволей с ними считаются. Третий же тип — товарищ, самый интересный, и его в артистической среде очень любят. По своей манере ссылаться на примеры я и тут сошлюсь на два таких. Это супружества Синицыной и Казина и Лопуховой²⁷⁴ и Струве. Здесь, впрочем, есть одно привходящее обстоятельство: оба мужа и сами большие театралы, а Струве занимался во время оно у Станиславского. Они всегда и везде бывали со своими женами, и никому это не бывало в тягость, все обращались с ними, как со своими. Большое значение тут, конечно, имели их ум и такт. Все прекрасно знали, что они чужды каких бы то ни было предрассудков, но в то же время я никогда не видел, чтобы кто-нибудь отнесся к Синицыной или к Лопуховой слишком вольно. А ведь в театре это случается сплошь и рядом. У таких супругов, не артистов, большею частью очень развито художественное чутье, и советы и указания их охотно принимаются супругами-артистами. Эта третья разновидность очень напоминает собою обыкновенную артистическую семью.

Выше я говорил, что союзы, где только один супруг принадлежит театру, не всегда бывают прочны. Как на пример в первой разновидности я укажу на А. А. Орлова,²⁷⁵ имевшего в 1926 году едва ли уже не четвертую жену, причем он переступал, вероятно, только что тридцатилетний возраст, и во второй разновидности — на Гзовскую, которая бросила Нелидова, если я не ошибаюсь, лет через пять после свадьбы.

Вряд ли можно винить А. А. Орлова за его частые измены. Чтобы быть хорошим артистом, человек должен постоянно волноваться и увлекаться, это необходимо для его артистической карьеры. Но не очень он увлечется, когда за ним невступно, по пятам, следуют два глаза. Они и в зрительном зале, они и за кулисами, они и в уборной, они и при выходе из театра, они и там, куда после спектакля или концерта поедет артист. Конечно, это не может, в конце концов, не отразиться на отношениях. И, на мой взгляд, артисту, особенно в молодости, никогда не следует связывать себя брачными обязательствами, какую бы форму эти обязательства ни имели. Но... увы, как против рожна не поперешь, так не поперешь не только против любви, но даже и против увлечения. А результатом этого являются ежегодные жены!

Что сказать об одиноких артистах? Этот народ свободен и независим. Общество любит актера. И его стоит любить, он всюду вносит оживление. Проследите любое общество, ну хотя бы в любом семейном доме, если в нем отсутствует актер и если он в нем присутствует. Какая громадная разница в оживлении! И не мудрено, что одинокий артист всегда и везде желанный гость, и он постоянно нарасхват. Эти, если можно так выразиться,

²⁷⁴ Имеется в виду *Лопухова Евгения Васильевна* (1884; по др. свед. 1885—1943) — артистка Императорской балетной труппы (с 1902), сестра балетмейстера Ф. В. Лопухова, характерная танцовщица, выступавшая в паре с А. А. Орловым, пантомимистка, артистка оперетты, выступала также на драматической сцене; *Струве Василий Густавович* — ее муж (они жили вместе в Петербурге на Казанской, 33).

²⁷⁵ *Орлов Александр Александрович* (1889—1974) — артист балета, оперетты и эстрады. Выступать на сцене начал с 1900 г., танцевал в Марининском театре (1908—1924), гастролировал с труппой С. П. Дягилева, работал в Паллас-театре (1917—1920), на эстраде, в Ленинградском театре музыкальной комедии (1941—1959).

«одиночки» живут, почти никогда не бывая дома. Дома они сидят только тогда, когда им необходимо поработать над ролью.

Мне придется на некоторое время несколько нарушить характер моих воспоминаний, потому что на память приходят разные мелкие эпизоды, сценки и анекдоты, не имеющие между собою никакой связи, пожертвовать которыми ради стиля изложения мне не хочется. Право, было бы грешно не занести сюда все эти мелочи, и заставляет меня их сюда внести мнение историка Бестужева-Рюмина, приведенное эпитафией к моим воспоминаниям.²⁷⁶ Поэтому, перед тем, чтобы покончить с воспоминанием о театре, я помещу здесь всю эту мелочь отдельными абзацами.

Кое-что, мимоходом, я уже вспомнил об Александре Алексеевиче Плещееве, но хочется занести сюда еще несколько штрихов о нем. Рощина прозвала его «Пумой», и действительно, он всею своею наружностью, и конечно только ею, очень напоминал этого хищника, он был какой-то такой же мягкий и крупный.

Весь свой век он провел в театре и около театра. Очень недолго он был актером в Александринском театре, затем ушел и посвятил себя газетному делу, участвуя преимущественно в мелкой прессе. Талантом он похвалиться не мог и, сказать по правде, был довольно ограниченный человек. Но в то же время был человек высоко порядочный, очень воспитанный, совершенно незлобивый, а, напротив, чрезвычайно добрый и отзывчивый. И милого Пуму все любили. В газетах он не имел особого амплуа, он писал и театральные статьи, и рецензии, писал различные интервью, сценки, обозрения и т. п. мелочь. Чтобы дать понятие о характере его писания, приведу такой случай. Однажды я ему сказал, что собираю коллекцию деревянных ложек, и на другой же день в «Петербургской газете», в его заметке «По городу» или что-то в этом роде, он буквально написал: «Сухая ложка рот дерет, а вот (!!) В. А. Рышков собирает...» и т. д. При чем тут были и эта словица, и это «а вот», не разрешит, мне кажется, и сам хитроумный Эдип!

А когда как-то летом Рощина, Бахрушин и он катались по Волге, Бахрушин, очень любивший раков, все время их ел во время путешествия. Плещеев, вернувшись в Петербург, изобразил в «Петербургской газете» эту поездку в сценке и написал, что миллионер так любил раков, что, путешествуя по Волге, телеграфировал на все попутные пристани, чтобы там их запасали.

Бахрушин, рассказывая при нем мне об этой поездке, со смехом говорил:

— С Пумой нет возможности ездить. Мы с Рощиной заказывали по сотне раков, а он один почти всех их съедал. Да еще меня же и описал в «Петербургской газете»!

²⁷⁶ Об эпитафие см. сноску № 2.

Если не ошибаюсь, в конце 80-х годов отец Плещеева получил крупное наследство, и Пума зажил широко, не выходя, однако, из литературно-театрального мира, где он свил себе прочное гнездо. Стал он издавать журнал «Театральный мирок», просуществовавший, однако, недолго.²⁷⁷ С издательской деятельностью ему не везло, несколько лет спустя он принялся за издание другого журнала «Дневник театрала», но и тот скоро захирел.²⁷⁸

В театральном мире имя Плещеева неразрывно связано с именем Рощиной. Я не буду говорить об их отношениях, потому что, не зная ничего определенного, не считаю себя на это вправе, а основываться на театральные сплетни не считаю возможным, скажу только, что лично на меня его отношение к ней всегда производило впечатление отношений старой ласковой няни к балованному ребенку. Между прочим, Юрьев рассказывал мне такой случай. В Варшаве гастролировала труппа во главе с Рощиной, и едва ли не Плещеев организовал эту поездку. В середине гастролей должен был приехать играть и Юрьев.

— Когда я приехал, — говорил Юрьев, — и, остановившись в гостинице, спустился в ресторан поесть, я встретил одного из актеров этой труппы. Он подсел ко мне, и я стал его расспрашивать о составе труппы. Тот назвал несколько человек, упомянув, конечно, и Рощину.

— А любовник кто? — спросил я.

Актер назвал какую-то фамилию, а официант, прислуживавший нам, сказал:

— Никак нет-с, Александр Алексеевич Плещеев!

В этой поездке Плещеев был, конечно, только администратором, ибо, надо сознаться, художественным чутьем он не обладал и все его статьи, посвященные искусству, представляли собою только «Взгляд и нечто», всё было крайне поверхностно. Как-то зашел разговор о премьерах императорских театров, говорили о Юрьеве, Остужева, Максимове, Прове Садовском, Ленине.²⁷⁹

— Ленин превосходный актер, — возгласил Плещеев, — он в Берлине платье себе шьет!

Плещеев был до невозможности мнителен и постоянно лечился. П. А. Переяславцев²⁸⁰ рассказал нам такой случай.

— Как-то, служа еще в полку, я заболел и не выходил из дому. Зашел меня навестить Плещеев, и мы в ожидании доктора сидели в спальне и разговаривали. Наконец денщик доложил, что доктор приехал. Я приказал провести его в спальню, а сам пошел в кабинет приготовить деньги. Когда я вернулся, застал такую картину: на моей постели лежал раздетый Плещеев, и доктор его выслушивал и выстукивал.

— Что это такое? — воскликнул я.

— А вот, — отвечал Плещеев, — пока мы тебя ждали, я и попросил доктора меня осмотреть.

²⁷⁷ Еженедельник «Театральный мирок» А. А. Плещеев издавал в 1884—1886 гг.

²⁷⁸ «Петербургский дневник театрала» издавался А. А. Плещеевым в 1903—1905 гг.

²⁷⁹ Ленин (наст. фам. Игнатюк) Михаил Францевич (1880—1951) — актер. С 1902 по 1919 г. и с 1923 г. до конца жизни играл на сцене Малого театра.

²⁸⁰ Переяславцев Петр Андреевич (1858—1948) — полицейстер московских императорских театров.

— Да ты разве болен?

— Нет, а все-таки не мешает лишний раз показаться доктору, может быть, он и найдет что-нибудь.

Надо прибавить, что этого доктора Плещеев видел в первый раз. А однажды мы ужинали в Театральном клубе с Рощиной, и та предложила пойти к ней пить кофе, она жила тогда как раз против клуба. Нам отворила дверь мать Рощиной и взволнованно проговорила:

— Катя, посмотри, что творит в столовой Александр Алексеевич, он пришел и, сказав, что ему нездоровится, вытащил все твои лекарства и поочередно их принимает!

Мы вошли в столовую и увидели Плещеева, сидевшего перед массой банок и склянок.

— Пума, — вскрикнула Рощина, — что же вы делаете? Нельзя же так, без разбора, принимать лекарства, ведь тут могут быть лекарства и от женских болезней!

— Ну вот, не все ли равно, — невозмутимо ответил Плещеев, — организм-то у человека один и тот же...

В 1917 г. Рощина, будучи невестой графа Игнатьева,²⁸¹ уехала с ним в Киев, захватив с собой и Плещеева. Из Киева после венца они переправились за границу, и Плещеев с ними. Позднее я узнал, что Игнатьевы жили в Германии, а Плещеев в Париже.

Чрезвычайно оригинальный и яркий человек была Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова. Вот уж поистине это был тип настоящей богемы, не задумывающейся над завтрашним днем! Раз что было не по ней, она без сожаления сжигала все свои корабли. Этим и объясняются ее постоянные перекочевки из театра в театр. И не каприз заставлял ее перекочевывать, нет, просто что-нибудь не понравится, она плюнет и уйдет, и никакие расчеты и соображения ее не удержат. Театры Корша, Суворина, Александринский, Малый, Незлобина — все видели ее на своих подмостках, везде ее любили и публика и труппа, и отовсюду она уходила из-за какого-нибудь пустяка. Она была положительно какой-то клубок нервов, нервов болезненных и чутких, и за минуту нельзя было предугадать ее настроения.

В Москве в Малом театре я зашел к ней в уборную в последнем антракте. Она была очень весела, мирно настроена, и мы с ней непринужденно поболтали. Когда я уходил, она мне сказала:

— Едем ко мне ужинать, приходите после конца на сцену и поедем, у меня карета.

После спектакля я дождался ее, она вышла из уборной, прокричала что-то в повышенном тоне кому-то за кулисы и, быстро спустившись с лестницы, села в карету.

— Не театр, а какая-то помойная яма, — сказала она возбужденно, когда я поместился рядом с нею.

²⁸¹ *Игнатьев Павел Николаевич* (1870—1945) — граф, государственный деятель, главным управляющий землеустройством и земледелием (1908—1915), министр народного просвещения (1915—1916), после революции эмигрировал во Францию.

— Это Малый-то театр! — воскликнул я.

— этот ваш Малый театр, вот что!

И после короткой паузы, добродушно расхохотавшись, проговорила:

— Нечего сказать, изящная женщина!

И раздражения как не бывало, и остаток вечера мы провели весело и миролюбиво.

Лично я считаю Рошину лучшей драматической актрисой моего времени. Вот уж в ком был прямо непочатый запас нутра и настроения. И настроение это иногда буквально ошеломляло зрителя. Как-то, будучи в Москве, я пошел посмотреть ее в «Обнаженной».²⁸² И я действительно был ошеломлен ее игрой, так она в тот вечер невозможно плохо играла, так она «накладывала», по актерскому выражению. Я был настолько ошеломлен, что не мог заставить себя в антракте пойти к ней. После спектакля я был в Кружке и в актерской компании говорил о ее плохой игре. Кто-то мне возражал и говорил, что еще на днях наслаждался ее игрой в этой же пьесе. На другой день я уехал в Петербург и, вернувшись в Москву через месяц, пошел опять посмотреть ее в той же «Обнаженной». И опять я был ошеломлен, но уже в обратную сторону, так она была великолепна!

В Рошиной было особенно ценно то, что она никогда ни перед кем не заискивала. В то время, когда Гзовская всячески охаживала людей, имевших какой-нибудь вес в театре, Рошина этому весу не придавала никакого значения. И режиссер, и премьер, и крупный критик, и мелкий рецензент в одинаковой степени могли ожидать, что она отпалит им что-нибудь такое, что они не будут знать, куда деваться. Она не придавала никакого значения газетным отзывам о ней и даже не интересовалась ими. «Публика мой критик», — говорила она.

Весьма сомнительная личность в московском театральном мире, редактор театрального журнальчика Кугульский,²⁸³ позвонил к ней по телефону и просил его спешно принять. По телефону с ним говорил Плещеев и передал об этом Рошиной.

— Скажите ему, что я занята, не желаю я видеть этого жида.

— Екатерина Николаевна, примите, — просил Плещеев, — он ведь человек влиятельный.

— Ну и носитесь вы с его влиянием, а мне оно не нужно.

— Примите, — молил Плещеев.

— Отстаньте и не приставайте.

— Вы меня положительно когда-нибудь в гроб вгоните своею необузданностью! — воскликнул раздосадованный Плещеев.

— Екатерина Николаевна, — бывало, спросишь ее, — читали вы, как вас похвалил Беляев?

²⁸² В 1909—1911 гг. Рошина-Инсарова состояла в труппе Театра Незлобина, в котором сыграла роль Лулу в пьесе «Обнаженная» французского драматурга Анри Батайля (Bataille) (1872—1922).

²⁸³ Кугульский (*Кегулихес*) Семен Лазаревич (1862—1954) — театральный критик, журналист. В 1907 г. официальный редактор-издатель московской газ. «Столичное утро» (№ 1—55).

— А ну его к черту, какая цена его похвалам?! Завтра Миронова²⁸⁴ попросит его меня обругать, и он обругает. Так что же мне тогда убиваться, что ли?

— Ну, Беляев, положим, таков, но не все же Беляевы, Суворин, например...

— А у него рецензия зависит от его геморроя!

Такова была эта актриса и эта женщина, и я удивляюсь, как она не сторега раньше времени. Она была вся необузданность. Не знаю, когда и как она работала над ролями, ибо, будучи очень компанейским человеком, она почти не бывала дома. Правда, к счастью, она мало пила в противоположность своим товаркам, но постоянные бессонные ночи, постоянные волнения должны же были отозваться на ее организме.

Один сезон, уйдя из Суворинского театра, она осталась не у дел, и все вечера и ночи проводила в Театральном клубе. Играла в лото, спорила, ужинала и волновалась, волновалась без конца.

Между прочим, попутно с воспоминанием о Роциной, не могу не вспомнить и о Теляковском, этом флюгере в театральном искусстве, этом нелепом «в должности директора императорских театров». Брат Виктор страшно возмущался тем, что такая актриса, как Роцина, сидит без дела, тогда как в Александринском театре не было тогда молодой драматической актрисы. Встретив Теляковского, он ему об этом сказал.

— А она хорошая актриса?— спросил Теляковский.

— Да неужели вы ее не видели на сцене?!

— Нет, не видел.

— Помилуйте, ведь весь прошлый сезон она играла в пяти минутах ходьбы от вашей квартиры.

— Да так, как-то не пришлось...

«Не в нашем, мол, участке!». В конце концов, Теляковский, хотя и не видал Роцину на сцене, все же пригласил ее в Александринский театр.

В заключение могу только повторить: оригинальная и яркая актриса и женщина была Роцина...

Роцина была вполне права, отзываясь отрицательно об Юрии Дмитриевиче Беляеве.

Б. Глинский²⁸⁵ в некрологе Беляева (*Исторический вестник*. II. 1917)²⁸⁶ обещал поместить воспоминания о нем и надеялся, что «тогда читатели в достаточной полноте уяснят себе, кого потеряла в лице почившего русская жизнь».²⁸⁷

²⁸⁴ *Миронова Валентина Алексеевна* (1873—1919) — актриса. Играла на сцене Александринского театра, театра Ф. А. Корша, а с 1901 г. в театре Литературно-художественного общества. Выступала в ролях «гранд-кокет», женщин «с прошлым», «роковых» героинь.

²⁸⁵ *Глинский Борис Борисович* (1860—1917) — журналист, историк-публицист, редактор журнала «Исторический вестник» (с 1913).

²⁸⁶ См.: *Глинский Б. Б.* Ю. Д. Беляев (Некролог) // *Исторический вестник*. 1917. № 2. С. 471—488.

²⁸⁷ Там же. С. 484.

Сделать это Глинскому помешала революция, ибо «Исторический вестник» прекратил свое существование.

Возьмусь теперь я выполнить в своих воспоминаниях обещание Глинского.

Русская жизнь потеряла в Беляеве незаурядного драматурга и талантливого театрального критика и карикатуриста. Все его пьесы, за исключением «Царевны-лягушки»,²⁸⁸ имели большой, заслуженный успех, все его критические статьи и рецензии, если в них не проглядывала нечистоплотная пристрастность, доказывали, что он обладает художественным чутьем, все его карикатуры дышали остроумием.

А между тем тот Божий дар, который именуется талантом, был направлен у Беляева исключительно на достижение земных и низменных благ. Он торговал этим даром и оптом, и в розницу, он продавал его для того, чтобы обставить свою жизнь сыто, пьяно и развратно. И он так погряз в этой продаже, что доходил в ней до цинизма, цель у него оправдывала всякие средства.

Повернуться спиной к человеку, который ему уже больше не нужен, отказаться от того, что он писал, и написать обратное, «облаять» в пресловутом «Новом времени» того, кто ему так или иначе не угодил, ему ничего не стоило...²⁸⁹

Начал он писать «Царевну-лягушку» и еще в набросках повез познакомиться с нею служившую тогда в Александринском театре Рошину, вполне, конечно, уверенный, что если уж он привез пьесу, то Рощина начнет из всех сил хлопотать, чтобы ее поставили.

— Пишу я новую пьесу, — сказал он ей, — роль там вам будет — первый сорт. Похлопочите-ка, чтобы ее поставили у вас.

— Так прочитайте мне ее, и, если она мне подойдет, я с удовольствием примусь за хлопоты.

— Да она у меня набросана еще только вчера.

— Ну, так как же я могу о ней судить? Когда кончите ее, тогда и будем разговаривать.

Беляев замолк, сухо с ней простился и удалился.

А через несколько дней в «Новом времени» появилась его статья, озаглавленная «Миринова»,²⁹⁰ в которой он каялся перед читателями в том, что проморгал такой крупный талант, как Миринова, и ни разу не воздал ей должное, а попутно лягунул несколько раз Рошину. Оказывается, он не заметил талант, который уже десять лет подвизался на подмостках театра, в котором и он имел известное значение!

²⁸⁸ «Царевна-лягушка» Ю. Д. Беляева была поставлена в театре Литературно-художественного общества в 1913 г., в главной роли выступила В. А. Миринова.

²⁸⁹ Ср. мнение о нем В. А. Теляковского: «Когда М. Г. Савиной надо было что-нибудь разделить в „Новом времени“, вызывался Ю. Беляев и получал приказание то или другое в газете раскатать, и он это беспрекословно исполнял» (*Теляковский В. А. Воспоминания / Вступ. статья и примеч. Д. Золотницкого. Л.; М., 1965. С. 184*).

²⁹⁰ О Мириновой Беляев писал в статьях: Театр и музыка. Вчера. <О В. А. Мириновой> // Новое время. 1913. 14 февр. № 13265. С. 6; Театр и музыка. Миринова // Новое время. 1913. 14 окт. № 13503. С. 5.

Но ларчик открывался просто: Миронова, не зная еще пьесы, с удовольствием согласилась в ней играть главную роль, но, увы... это была единственная пьеса Беляева, которая провалилась.

Беляев был ярко выраженный циник и, как и подобает цинику, нисколько не скрывал своих взглядов и поступков.

В том же «Новом времени» появилась его статья под заглавием «Асенкова».²⁹¹ Оказалось, он открыл новую Асенкову в лице актрисы Вадимовой,²⁹² и совершилось это открытие на утреннике в Суворинском театре, когда Вадимова играла в «Женитьбе»²⁹³ Агафью Тихоновну! Мы недоумевали, к чему понадобилось ему так кощунствовать с именем Асенковой и называть этим именем второстепенную актрису. В театральном мире говорили, что некий аферист Вайнштейн, с которым жила Вадимова, дал Беляеву 500 р. за то, чтобы он написал для нее пьесу и пустил бы ее в ход. Таким образом зародилась его прелестная «Псиша».²⁹⁴ Вадимова и играла ее. Скоро после этой статьи я встретил Беляева и сказал ему:

— Юрий Дмитриевич, как тебе не стыдно так профанировать имя Асенковой? Ну, какая же Вадимова Асенкова?!

— Ты думаешь так, а я иначе, — отвечал он.

— Да и ты не думаешь иначе, ты просто слишком увлекся. А это увлечение повело к тому, что на тебя льют грязь.

— И много?

— По-моему, вполне достаточно! Говорят, что ты за эту статью взял с Вайнштейна 500 р.

— Только?! — спросил он.

Это было именно цинично, в его вопросе не было слышно ни презрения к сплетне, ни возмущения ею, а тон был определенно такой, который говорил: нашли дурака, чтобы я все это сделал только за 500 руб.!

И в делах, и в словах он был всегда циничен. В Александринском театре была назначена премьера пьесы брата Виктора. Беляев телефонирует ему:

— Я себе представить не могу, чтобы я не был на твоей премьере. В редакции прозевали взять кресло, и вот — я без места. Как хочешь, а ты должен устроить, чтобы я, твой старый приятель, был в театре, ведь ты знаешь, что я люблю твои пьесы.

²⁹¹ *Асенкова Варвара Николаевна* (1817—1841) — знаменитая русская актриса, исполнительница комедийно-водевильных ролей, «травести», драмы и трагедии. Играла в труппе Александринского театра с 1836 г. Рано умерла от чахотки. Статья Беляева «Асенкова» в «Новом времени» не выявлена. См.: Список работ Ю. Д. Беляева в периодической печати // *Беляев Ю.* Статьи о театре. СПб., 2003. С. 374—406.

²⁹² *Вадимова Дора Михайловна* (1883 или 1884—1912) — драматическая актриса. Играла в театрах Зимний фарс, Литературно-художественного общества, К. Н. Незлобина. Статью о ней Беляева «Как умерла Псиша» (Памяти Д. М. Вадимовой) см.: Новое время. 1912. 3 марта. № 12922. С. 15.

²⁹³ «Женитьба» — комедия Н. В. Гоголя (1842).

²⁹⁴ Пьеса «Псиша» из жизни крепостных актеров екатерининской эпохи была поставлена в 1912 г. в театре Литературно-художественного общества.

Виктор действительно устроил его, а он так его обругал в газете,²⁹⁵ как он совершенно того не заслуживал.

Во всем и всегда проглядывал у него этот цинизм. Встречаю я его в «Hotel de France»²⁹⁶ и говорю:

— Что это значит, что ты здесь? Ведь ты, кажется, всегда завтракаешь у «Медведя».²⁹⁷

— Не всегда, а последнее время. У меня ведь идет «ресторанный круг». В одном задолжаю, перехожу в другой, в другом задолжаю, перехожу в третий. Вот, теперь очередь за «Hotel de France». Задолжаю здесь, сдору где-нибудь аванс, заплачу «Контану»²⁹⁸ и брошу «Hotel de France».

Но этого ему не пришлось уже выполнить. В то время он сильно пил. Он ежедневно в первом часу приходил в «Hotel de France», и официант, не спрашивая его, приносил ему большой фужер, выливал в него полбутылки шампанского, и он его залпом выпивал.

Пьяным он и погиб. Был он на ужине, кажется, у О. Н. Миткевич²⁹⁹ и, возвращаясь пьяный домой, упал на лестнице и так расшиб голову, что, не приходя в сознание, умер.

Вот кого потеряла «русская жизнь». Да и таких ли еще она теряла!

Пришлось мне встретиться несколько раз и с Петром Дмитриевичем Боборыкиным,³⁰⁰ но уже в то время, когда он значительно одряхлел.

В Москве я сравнительно часто бывал у Александры Александровны Яблочкиной, и однажды она позвала меня обедать, сказав, что у нее будет Боборыкин. Собрались Южин, брат Виктор и я. Наконец приехал и он. Я просто залюбовался им! Безукоризненно одетый, подвижной, болтливый, он совсем не производил впечатления старого человека, так что я, уловив момент, сказал Яблочкиной:

— Как же вы говорили, что он постарел, да он моложе всех нас!

— Да, — ответила она, — он сегодня какой-то возбужденный.

Сели за стол, выпили, закусили и принялись за обед. Но вот подали какую-то дичь и салат.

— А салат у вас заправлен? — спросил Боборыкин.

— Нет еще, — ответила Яблочкина, — сейчас я его заправлю.

— Ну, нет-с, позвольте, это моя специальность. В Париже говорили, что никто лучше меня не умеет заправлять салат.

И он, болтая и рассказывая что-то о Париже, стал производить над салатом какие-то манипуляции, затем взял вилку и ложку и принялся его пе-

²⁹⁵ Речь идет о резко отрицательной рецензии Беляева на пьесу Виктора Рышкова «Прохождение»: Новое время. 1911. 26 окт. № 12796. С. 6.

²⁹⁶ «Hotel de France» («Отель де Франс») — гостиница и ресторан в Петербурге на Морской, 6.

²⁹⁷ «Медведь» — петербургский ресторан на Большой Конюшенной, 27.

²⁹⁸ «Контан» — петербургский ресторан на Мойке, 58.

²⁹⁹ Миткевич Ольга Николаевна (?—1940) — актриса, жена В. М. Дорошевича. Играла в театрах К. Н. Незлобина, Ф. А. Корша, в антрепризе С. Ф. Сабурова.

³⁰⁰ Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — прозаик, драматург, автор монографии «Театральное искусство» (СПб., 1872).

ремешивать, замолк и, в конце концов... заснул над ним! Мы переглядывались и пересмеивались и не знали, что предпринять. Наконец Южин очень громко кашлянул и бросил на тарелку ложку. Боборыкин встряхнулся, огляделся кругом, отодвинул салат и промолвил:

— Вот теперь он готов!

Мы потом часто вспоминали этот случай и говорили, что салат бывает готов, когда над ним подремлет Боборыкин!

Вспоминаю и еще одну нашу встречу, тоже в Москве, в театре Незлобина, во время владычества там Марджанова.³⁰¹ Я пошел посмотреть пьесу, которую он поставил «в коричневых тонах». Все было коричневое! Сюртук на Максимове коричневый, парик тоже, папиросы он курил коричневые, воду пил коричневую.³⁰²

У меня было место в 1-м ряду, крайнее у правого прохода, у Боборыкина такое же у левого, и мы издали раскланялись.

После 3-го акта, когда занавес опустился и я решил уже удирать от всей этой ерунды, Боборыкин со своего места делал мне призывные знаки. Я подошел, мы поздоровались, и он проговорил:

— Как, молодой человек (мне в то время было уже около 50 лет!), я вам завидую.

— В чем это, Петр Дмитриевич?

— Да как же! Вы после всей этой белиберды можете завестись в какое-нибудь злчное место, и чем в худшее, тем лучше, по крайней мере, одна пошлость поглотит другую! А мне, старику, что делать? Отправлюсь к себе в «Славянский базар» спать, и меня всю ночь будет душить кошмар оттого, что я видел. «Коричневые тона»... Мне, пока эти тона торчали перед моими глазами, неудержимо хотелось закричать Марджанову: сам ты рвань коричневая в режиссуре!

³⁰¹ *Марджанов (Марджанишвили) Константин (Котэ) Александрович* (1872—1933) — режиссер. Работал в провинциальных театрах, в 1904—1905 гг. в театре Незлобина в Риге, в Харькове, Одессе, а с 1909 г. — главный режиссер театра Незлобина в Москве, в котором поставил спектакли: «Колдунья» Е. Н. Чирикова, «Ню» О. Дымова, «Шлюк и Ю» Г. Гауптмана, «Черные маски» Л. Н. Андреева. В 1910—1912 гг. сотрудничал в МХТ, затем основал Свободный театр (1913). В 1914—1915 гг. руководил театром в Ростове-на-Дону, в 1916—1917 гг. работал в Петрограде, а с 1922 г. — в Грузии.

³⁰² Имеется в виду спектакль по пьесе О. Дымова «Ню», поставленный в театре Незлобина Марджановым в «легких коричневых вуалях и шелках». Эм. Бескин в статье «Московские письма» о постановке Марджанова писал: «Желая, видимо, сосредоточить внимание на самом „действе“ комедии, г. Марджанов ставит „Ню“ в двух тонах — коричневом и желтом. <...> Представьте себе, у всех действующих лиц коричневые платья, коричневые сапоги, коричневые парики! А мебель желтая, стены желтые, потолки желтые. Заставьте человека пожить месяц безвыходно в коричневой комнате с абсолютно коричневой обстановкой, и он сойдет с ума. <...> За один вечер, конечно, не сойдешь с ума, но кто сказал г. Марджанову, что таким приемом можно усилить впечатление? Кто? Идея доведена до абсурда. <...> А уж о коричневых головах или коричневых розах и говорить не приходится. Это просто безобразие! <...> И играли, конечно, коричнево. Лучше других „он“ — г. Максимов. Чувствовалось, что артист все-таки выбивается из-под режиссерских пут и творит. <...> И финал сорван, как сорвана вся поэтически-задумчивая, красивая пьеска Дымова» (Театр и искусство. 1909. № 38. С. 648).

Среди самых светлых моих московских воспоминаний одно из первых мест занимает воспоминание о Василии Константиновиче Божовском.

В театральных кружках и вообще, где только собирались актеры, всегда появлялась и импозантная фигура Василия Константиновича. Хорошего мужского роста, с прекрасною шевелюрою черных, уже седеющих волос, бритый, в черепаховом рinсе-pez, он не мог не производить известного впечатления.

Божовский занимал в московских императорских театрах должность заведующего монтировочной частью и был единственным чиновником, которого актеры не только допускали в свою среду, но и считали всегда своим человеком и желанным гостем, актеры очень его любили. Но в Конторе театров он пришлось не ко двору, на него там косились за его дружбу с актерами.

Я был знаком с ним мало и сошелся ближе тогда, когда уже положение его в Конторе становилось невыносимым.

Однажды, направляясь в Москву для организации одного из пушкинских спектаклей, я размышлял, кому бы поручить это устройство, и ни на ком не мог остановиться. Войдя в купе вагона, я увидел, что соседом моим оказался Божовский. Оба мы обрадовались этому совпадению, и у меня блеснула мысль просить его взять на себя этот спектакль. Поболтав несколько времени о том, о сем, я его спросил:

— Василий Константинович, не возьмете ли вы на себя устройство нашего спектакля?

— С удовольствием бы взял, — отвечал он, — но моя судьба в театре висит на волоске, это я заключаю из разговора с Теляковским, с которым я виделся сегодня.

— Не секрет, в чем дело?

— Нет, какой же секрет! Просто меня хотят выжить, неудобен я им всем. Я признаю дело, а не подделыванье, я ведь не езжу на вокзал провожать Теляковского.

Должен пояснить последние слова Божовского.

Как-то, уезжая из Москвы, я стоял в ожидании отхода поезда у дверей своего вагона и увидел такую процессию. Впереди шел Теляковский с Болом, а за ними Нелидов и еще 3—4 человека из Конторы, которых не называю, боясь ошибиться. Все в вицмундирах! Когда этот парад остановился, и как раз около моего вагона, я, поздоровавшись с теми, с кем был знаком, вошел в вагон. Парад окончился, когда наш поезд тронулся. Божовский, конечно, в нем не участвовал, а по своему служебному положению должен был бы участвовать.

— Но что же случилось? — спросил я.

— Трудно сказать. Собственно ничего не случилось существенного, но я в Конторе неудобен и меня надо «устранить».

Так как уход Божовского из театра составляет одну из позорнейших страниц директорства Теляковского, то я расскажу эту историю во всех ее подробностях. Вот что передал мне Божовский.

— Надо вам сказать, — начал он, — что у Московской конторы театров существует контракт с портным Богеном,³⁰³ по которому все костюмы для сцены должны заказываться ему. Как вы знаете, в японскую войну я, в качестве прапорщика запаса, был призван на действительную службу. Когда война кончилась и я превратился опять в штатского, я продал старьевщику всю свою форменную одежду. Как-то понадобился для пьесы военный мундир, дали наряд Богену, и он его прислал. Мундир оказался мой! Я как заведующий монтировочной частью принял его и тотчас его узнал и не скрыл своего удивления, каким образом мундир попал к Богену. С этого и началось. Посыпались доносы, и в результате из Петербурга был прислан некий чиновник Рыдзевский³⁰⁴ для расследования этого дела. Должен признаться, что мои подчиненные меня очень любили, и старшая портниха мне передавала, что Рыдзевский призывал ее и говорил, что если она укажет ему на какой-нибудь мой служебный промах, директор ее не забудет. Рыдзевский долго возился с этим делом, допрашивал Богена, который твердо стоял на том, что он купил этот мундир не у меня, а у старьевщика, в числе другого, хорошо сохранившегося платья, и только подновил его, как это практиковал постоянно. Рыдзевский совершенно извелся и говорил жене Бооль,³⁰⁵ что он так чертовски самолюбив, что если бы ему что-нибудь, даже в мелочах, не удалось, он был бы способен на самоубийство. Г-жа Бооль это сама рассказывала. И действительно, он там же, в Москве, перерезал себе бритвой горло!³⁰⁶ И вот меня вызывал Теляковский и предложил подать в отставку, а я заявил, что не вижу причины, почему я должен уйти, а если я не годен, то пусть меня уволят по 3-му пункту...

Дело Божовского тянулось довольно долго, его брали измором, не давали ему работать и всячески его игнорировали. Кончилось тем, что он так изнервничался, что решил уйти. Он подал в отставку, но заявил, что оставляет за собою право не молчать об обстоятельствах своего ухода, да и вообще обо всем, что он знает из деятельности Конторы. Ему предлагали не поднимать скандала, за что обещали дать хорошую пенсию, а он ответил, что по закону он на нее не имеет права, а по болезни получить ее не может, так как совершенно здоров.

Ушел он ничем не обеспеченный и, конечно, стал бедствовать. Никто не поддержал его, он распродал свои вещи, между прочим, и теплое

³⁰³ *Боген Адольф Осипович* — московский портной.

³⁰⁴ Имеется в виду *Рыдзевский Иван Георгиевич* (1874 или 1875—1911) — помощник управляющего Московской конторой императорских театров. После окончания Пажеского корпуса служил в Преображенском полку, затем оставил военную службу и учился пению в Милане. В 1904 г. выступил на сцене Большого театра под фамилией Рыбаков, но успеха не имел. Перешел на службу в Петербургскую контору императорских театров и служил сначала в должности помощника заведующего постановками, затем делопроизводителем хозяйственной части, а незадолго до смерти был командирован в Москву помощником управляющего Конторой императорских театров.

³⁰⁵ *Бооль Юлия Григорьевна*.

³⁰⁶ В возрасте 36 лет И. Г. Рыдзевский покончил жизнь самоубийством. См. об этом в некрологе: И. Г. Рыдзевский // *Рампа и жизнь*. 1911. № 9. С. 3.

пальто, и в конце концов простудился, схватил гнойный плеврит и умер на руках балерины Александры Михайловны Балашовой.³⁰⁷

Дружба моя с Божовским заставляет меня сказать несколько добрых слов по адресу этой женщины, показавшей, какое у нее золотое сердце. Она в то время жила с известным богачом Ушковым³⁰⁸ и занимала квартиру наверху, в том же доме Ностица,³⁰⁹ где жил и Божовский. Узнав, что он тяжело болен, она тотчас же пошла к нему, обставила его самыми лучшими условиями, все время за ним ухаживала, но, увы, вырвать его у смерти ей не удалось. И это был единственный человек, который откликнулся на его несчастье.

Божовский был горд, и я уверен, что если бы он отбросил свою гордость и обратился к ней за помощью, когда он был здоров, он жил бы среди нас и теперь. Впрочем, в тяжелое для него время помогал ему один человек, и смерть Божовского тяжело отозвалась на его дальнейшей судьбе, но об этом я не считаю себя вправе распространяться.

Божовский был здоровый и сильный человек, и смерть его убедила меня, какие нелепые шутки выкидывает иногда жизнь! Когда он жил в той квартире, где умер, я в мои приезды в Москву останавливался у него. Я совершенно не переношу холода и всегда одеваюсь очень тепло, и Божовский меня постоянно за это ругал и трунил над моими фуфайками, гетрами и калошами. Помню, приехал я в Москву в ноябре в самую отчаянную погоду. Было холодно, шел не то снего-дождь, не то дожде-снег, при пронизывающим насквозь ветре. Когда я вошел в квартиру, лакей сказал мне, что Божовский умывается. Я пошел в уборную и застал его при открытой форточке в его обычном умывальном костюме, т. е. в одних брюках, одетых на голое тело, и в туфлях на босую ногу.

— Василий Константинович, что же ты делаешь! — воскликнул я, заворя форточку, — посмотри, какая пакость на улице.

— Важность какая! — ответил он. — Я ведь не ты...

И этот человек умер от гнойного плеврита!

Умер этот поистине рыцарь без страха и упрека.³¹⁰ Страху он не испытывал ни перед кем и ни перед чем, и когда он поднимал забрало, опускались глаза многих, на которых глаза Божовского производили действие бича.

Божовский жил красиво, он был эстет даже в повседневной жизни, и красота не покидала его и в самые серьезные, в самые критические моменты его превратной судьбы. Как зажигался он вопросами всякого рода ис-

³⁰⁷ *Балашова Александра Михайловна* (1887—1979) — балерина, выпускница Московского хореографического училища (1905), была солисткой Большого театра, особенно хорошо ей удавались героические образы. После революции покинула Россию, с 1922 г. жила в Париже, танцевала в Парижской Большой опере, в 1931 г. открыла балетную школу.

³⁰⁸ Один из представителей заводчиков Ушковых, владельцев золотых приисков, железорудных месторождений и каменоломен, судовладельцев.

³⁰⁹ Дом графа Ностица (арх. А. Ф. Мейснер, 1897) находился по адресу — Копьевский пер. (до 1922 г. — Спасский), 2/4. Частично разрушен в 1997 г.

³¹⁰ Приведенный ниже текст о Божовском с некоторыми изменениями опубл. Рышковым в заметке: Памяти В. К. Божовского // Театр и искусство. 1914. № 3. С. 54.

кусства, как это искусство было сродни его художественной натуре, как тонко он его понимал и ценил.³¹¹

К. А. Коровин написал о нем в «Русском слове»:

«Я помню, как лет 13—14 назад В. А. Теляковский дал мне пачку газетных вырезок и сказал: „Почитайте, как пишет этот господин, его рекомендуют нам как большого знатока искусства“. Я стал читать статьи Божовского о передвижниках, и он зажег меня».³¹²

И тот же Коровин пальцем о палец не ударил для того, чтобы такой ценный для театра человек не был отстранен от театра... Театр, впрочем, как таковой от Божовского не отошел, на первом же делегатском съезде он был избран членом московского Совета Театрального общества.

И повторилась с Божовским самая обыкновенная жизненная история: правда была побеждена и, как всегда, посрамленная, скромно стусевалась. И в его истории с Теляковским вспоминались слова поэта:

Сколько бодрых жизнь поблекла,
Сколько низких рок щадит!
Нет великого Патрокла,
Жив презрительный Терсит...³¹³

Презрительный Терсит — Теляковский — на много лет пережил Божовского...

Кстати, о Рыздзевском, о котором рассказывал Божовский. Этот вылощенный хам занимал в Петербурге какую-то должность, дававшую ему доступ на сцену, на которой он постоянно появлялся в перчатках и, не снимая их, подавал руку артистам. Однажды он, встретив за кулисами актера

³¹¹ См. также сноску № 137. Ср. описание образа Божовского, данное Ю. А. Бахрушиным: «Божовский был прекрасно воспитанным, чрезвычайно культурным и очень начитанным человеком, что сближало его с наиболее видными представителями русского искусства, которые ценили его и уважали не только за знания, но и за пренебрежение к театральной администрации». См.: *Бахрушин Ю. А.* Воспоминания. М., 1994. С. 401.

³¹² Некролог о В. К. Божовском в «Русском слове» (1914. 11 янв.) подписан не живописцем и театральным художником *Коровиным Константином Алексеевичем* (1861—1939), а криптонимом — *Л. П.* В нем говорится: «В 1897 г. Божовский был назначен делопроизводителем управления варшавскими казенными театрами и вскоре после этого редактором „Варшавского дневника“. Сделавшись редактором, В. К. Божовский увлекается журналистикой. Ряд блестящих критических статей, подписанных псевдонимом *Roog Yotick*, обращает на себя внимание. *Roog Yotick* пишет обо всем — о драме, об опере, о музыке, о живописи. Газетная работа прокладывает ему путь в московские Императорские театры». Далее в некрологе приведены слова Коровина, которые цитирует Вл. Рышков. Статью Божовского «На передвижной выставке (Критический этюд)» см. в газ. «Варшавский дневник» (1900. № 46, 59) за подписью *Roog Yotick*. В этой же газ. напечатаны его статьи о театре: «Юбилей русского театра» (1900. № 129, 131), «Народный театр с точки зрения искусства» (№ 306), об открытии в Варшаве филармонии «Варшавская филармония» (1901. № 291) и др.

³¹³ Неточная цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Торжество победителей» (1829). Ср.:

Скольких бодрых жизнь поблекла!
Скольких низких рок щадит!

Степана Ивановича Яковлева,³¹⁴ протянул руку и ему. Тот вытянул свои обе руки, посмотрел на них и проговорил:

— Извините, я не могу пожать вашу руку, у меня нет с собой перчаток!

Остановившись сейчас на москвичах, я и покончу с ними, вспомнив еще кое-кого. В первую очередь занесу несколько штрихов, рисующих известного московского антрепренера Федора Адамовича Корша. Тип этот и тогда уже вырождался, а после революции и окончательно выродился.

Однако я должен буду ненадолго отвлечься в сторону и заговорить о С. Ю. Витте,³¹⁵ о котором существует один рассказ. Почему я делаю такое отступление, будет скоро понятно.^а

Когда было закончено устройство Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, ждали посещения ее государем Николаем II. Собрались все начальствующие лица, все заведующие отделами, приехал и Витте и начал обходить выставку. Около отдела Общества русской торговли и промышленности³¹⁶ его встретил заведовавший этим отделом Д. И. Менделеев.³¹⁷ Витте поздоровался с ним и сказал:

— Дмитрий Иванович, не задержите, пожалуйста, государя длинной речью, надо ведь обойти всю выставку, а времени мало.

— Нет, не задержу, просто скажу несколько слов.

— Пожалуйста. А что вы скажете?

— Ну, скажу, что вот, мол, ваше величество, вы входите в отдел, который имеет в России до 20 миллионов оборота.

— Ну и прекрасно!

Наконец приехал государь и подошел к отделу Менделеева. Он приосанился, выступил вперед и не успел разинуть рта, как услышал, что Витте слово в слово сказал государю то, что за полчаса сказал ему Менделеев. Менделеев поправил свою шевелюру, подошел вплотную к государю и отчеканил:

— Да, ваше величество, вы входите в отдел, который имеет в России до 20 миллионов оборота!

А затем, когда государь и Витте удалились, он сказал окружающим:

— А? Каков Витте?! Настоящий министр финансов, даже в мелочах не может удержаться, чтобы не сжульничать!

^а Быть может, в мелких, несущественных деталях я в этом рассказе буду не совсем точен (примеч. автора).

³¹⁴ Яковлев Степан Иванович (1860—1912) — драматический актер и педагог. Играл в Малом театре (1898—1902), Александринском театре (1893—1896; 1903—1912). С 1906 по 1909 г. преподавал на Драматических курсах петербургского Театрального училища.

³¹⁵ Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — государственный деятель, министр финансов (1892—1903), председатель Совета министров (1905—1906).

³¹⁶ Общество для содействия русской промышленности и торговле способствовало развитию различных отраслей отечественной промышленности и внешней торговли России, имело отделения в различных городах, выпускало периодическое издание и созывало съезды фабрикантов и заводчиков (с 1870).

³¹⁷ Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — химик, общественный деятель, открыл периодический закон химических элементов.

Попутно вспоминается мне и такой случай, рисующий его жульничество. Когда Академия наук задумала строить свою новую библиотеку,³¹⁸ я был командирован в Москву ознакомиться с процедурой постройки библиотеки Московского университета. Явился я к ректору Мануйлову,³¹⁹ тот вытребовал дела и передал их мне. Выбрав все нужные мне сведения и возвращая Мануйлову дела, я ему сказал:

— В конце концов, ваша библиотека выстроена на частные средства, ибо, как видно из дел, казна не очень-то расщедрилась на нее.

— Да, с этой библиотекой нас ловко обжулил С. Ю. Витте.

— Как обжулил?!

— Да очень просто. Однажды, будучи в Москве, он приехал в университет и попросил нас познакомить его с состоянием университета, так как ему это как министру финансов необходимо знать. Мы, что называется, распластались и показали ему все наши прорехи. Уезжая, он нам сказал, что надо серьезно подумать о положении старейшего университета, и тут же предложил войти с представлением о постройке нового здания библиотеки, обещав отпустить деньги на это дело. Мы пришли в полный восторг и избрали его в почетные члены, а он отпустил нам 50 000 р., и на этом дело и кончилось! Витте стал почетным членом университета, а библиотеку мы достроили на пожертвования. Немного дорого обошлось только казне почетное членство Витте... Да, это был настоящий министр финансов, — заключил Мануйлов.

Поразительно, как сошлись в обрисовке министра финансов такие два крупные человека, как Менделеев и Мануйлов!

Я привел эти два случая в подтверждение взгляда, которого я всегда держался, что Ф. А. Корш должен был бы быть русским министром финансов, так сродни было ему жульничество: оно составляло его вторую натуру.

Редкий из видных и крупных артистов не прошел через театр Корша, и от редкого из них я не слышал, чтобы Корш каким-нибудь образом его не надул, хоть в какой-нибудь мелочи, а проведет!³²⁰ Вот случай, хорошо его

³¹⁸ С 1728 г. библиотека располагалась в здании Кунсткамеры; в 1911—1914 гг. построено, а в 1925 г. открыто для посещения специальное здание (арх. Р. Р. Марфельд) по адресу: Биржевая линия Васильевского острова, 1. Для производства работ по постройке библиотеки была создана специальная междуведомственная «Строительная комиссия». «Между прочим, Константин Константинович почему-то не хотел, чтобы председателем Комиссии стал С. Ю. Витте, в одном из своих писем вице-президенту АН П. В. Никитину он доверительно заметил: „Между нами, я бы желал всячески обойти графа Витте“». Цит. по: *Соболев В. С. Августейший президент*. СПб., 1993. С. 38.

³¹⁹ *Мануйлов Александр Аполлонович* (1861—1929) — экономист, ректор Московского университета (1905—1911), в 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства.

³²⁰ В РО ИРЛИ в ф. 270 сохранилось письмо актрисы Е. А. Бутковой к Виктору Рышкову с характерной жалобой на Ф. А. Корша. В письме от 5 янв. 1912 г. она пишет: «То, что со мной смастерил Корш, значительно превосходит все его предыдущие „фокусы“ — будем так называть его деяния. Он меня официально пригласил на будущий год при свидетеле, а затем нагло отказался от своего слова. <...> Тут была целая интрига, котор<ую> я Вам при свидании расскажу. Словом, прибавку одной актрисе нужно было оттянуть у другой. <...> Как Вы думаете, не написать ли <про> этого „честного антрепренера“ хороший фельетончик? Ведь можно собрать несколько довольно милых фактов и попросить Кугеля, а если он не согласится, еще ко-

рисующий. Брат мой Виктор поставил у него свой «Склеп», и в один из моих периодических приездов в Москву, когда пьеса шла уже в 7-й или в 8-й раз, я решил ее еще раз посмотреть. Не желая этот раз пользоваться даровым местом, я приехал в театр взять билет и, явившись к кассе, увидел на ней аншлаг. Делать было нечего, и вечером я поехал попросить, чтобы меня все-таки как-нибудь устроили. Сам Корш был в театре, и я пошел к нему. Он был очень оживлен, расспрашивал о Викторе, хвалил пьесу и приказал дать мне приставное кресло. Вернувшись в Петербург, я рассказал Виктору об этом случае, и тот записал число, когда я видел на кассе аншлаг. Справившись через несколько времени в Союзе³²¹ о сборе у Корша в этот день, он был удивлен, что таковой не достигал и $\frac{3}{4}$ полного сбора! Вскоре он был в Москве, пошел к Коршу и сказал:

— Федор Адамович, разъясните мне одно, весьма странное недоразумение. Брат мой был такого-то числа в Москве, хотел взять билет на «Склеп» и не мог, потому что на кассе был аншлаг, так что вы устроили его на приставном кресле. А между тем по сведениям, поступившим в Союз, в этот день показано менее $\frac{3}{4}$ сбора!

— Так в чем же дело, голуба моя?

— Как, в чем дело?! Дело в том, что такое несоответствие отражается на моем кармане и, главное, именно только на моем.

— Вот-вот, голуба моя, моя всегдашняя участь! — воскликнул Корш. — Вместо того чтобы меня благодарить, меня ругают.

— Позвольте, за что же мне вас тут благодарить?!

— За рекламу, за то, что, рекламируя вас, я еще и несу убытки.

— Ка-ак?!

— А вот так-с, голуба моя. Я в убыток себе выставляю аншлаг, чтобы публика видела, что пьеса имеет успех, и стремилась бы на нее, и таким образом она дольше продержится в репертуаре, а ведь это очень важно для вас, ведь то, что идет с успехом у Корша, непременно пройдет по всей провинции, и вы с нее получите то, что не доберете у меня. Так что, голуба моя, убыток-то несу я один!

Ну не гениально ли это придумано?! Корш будет наживаться на авторе, а автор будет возмещать свои убытки на провинции, другими словами, часть расхода, который должен был бы нести Корш, ляжет на провинцию,

го-ниб<удь> напечатать фельетон в хорошей видной газете. Меня уговаривает это сделать Лепковский, с ним было проделано нечто в этом же духе. Затем история с Загаровым имеет достаточный интерес...». В письме упоминаются: *Лепковский Евгений Аркадьевич* (1863—1939) — актер, режиссер; *Загаров (наст. фам. Фессинг) Александр Леонидович* (1877—1941) — актер, режиссер.

³²¹ *Союз драматических и музыкальных писателей (Драмсоюз)* — профессиональное объединение деятелей театра, основанное в 1903 г. в Петербурге. Возникло по инициативе группы членов Русского театрального общества (Н. Ф. Арбенина, В. В. Билибина, Г. Г. Ге и др.) с целью охраны авторских прав драматургов и композиторов и регулярных отчислений с театральных антрепренеров за исполнение пьес. Председателем Союза был А. Е. Молчанов, товарищами председателя — И. Н. Потапенко и Виктор А. Рышков (с 1909 г.), В. О. Трахтенберг — секретарем. В 1905 г. Союз провел первый Всероссийский съезд драматических и музыкальных писателей. Союз также устраивал конкурсы имени А. Н. Островского на лучшую театральную пьесу. В 1920-е гг. переименован в Петроградское (Ленинградское) общество драматических писателей и композиторов, а в 1930 г. слился с Московским обществом драматических писателей во Всероссийское общество драматургов и композиторов (Всероскомдрам).

а он эту часть будет прятать в свой карман, да еще и разыгрывать перед автором благодетеля! Разве ж он не должен бы быть русским министром финансов?!

В то время, когда Художественный театр гремел своими постановками, когда и Малый театр подтянулся, Корш жил «по старинке». Добиться, чтобы он обставил пьесу, как следует, было очень трудно, почти невысказимо.

— Федор Адамович, — бывало, говорят ему, — для этого акта надо бы новую декорацию написать.

— Новую! Что вы, голуба моя, я и так прогораю. У меня для этого акта есть такой павильончик, что любо-дорого посмотреть! Совсем новый, да и публика его уж основательно забыла, я его давно не ставил, все берег для хорошей пьесы.

И так этими знаменитыми «павильончиками» он и пробавлялся.

Каким фарисейством казалась мне всегда надпись на занавесе в его театре: *fecit quod potui, faciunt meliora potentes*, — я сделал, что мог, пусть те, кто могут, сделают лучше. Он и сам-то мог бы сделать несравненно лучше.

В. А. Тихонов³²² рассказывал о нем такой анекдот.

В Богословском переулке, где помещался театр Корша, была церковь во имя Иоанна Богослова. Встречает Корш в переулке священника этой церкви и говорит:

— А батя-батя, голуба моя, как живете-можете?

— Да плохо, Федор Адамович, — ответил тот.

— Что ж так, голуба моя?

Священник, желая попасть в тон Коршу, сказал:

— Народу в церкви мало бывает, вы его весь в свой театр переманили.

— Сами виноваты, батя, голуба моя! Вы все старинкой пробавляетесь, надо освежить репертуарчик...

Владимир Алексеевич Тихонов был петербуржец, но так как я сейчас сослался на него, пусть он в моих воспоминаниях пройдет между москвичами, тем более, что он часто жила в Москве. Тихонов был анекдотический человек, самая курьезная встреча с ним была у меня в Петербурге. В один из майских вечеров собрались у Гнедича,³²³ на Сергиевской, Чехов,³²⁴ Вас. И. Немирович-Данченко,³²⁵ Тихонов и я. Вечер в разговорах о театре и в рассказах Немировича прошел весело и незаметно, и мы разошлись в пять часов утра, когда уже светило солнце.

— Как я люблю белые ночи, — сказал Чехов, выходя на улицу, — но все же они болезненны, я, по крайней мере, всегда чувствую какой-то гнет от них на своем организме.

³²² Тихонов Владимир Алексеевич (1857—1914) — прозаик, драматург.

³²³ Гнедич Петр Петрович (1855—1925) — прозаик, драматург, критик, театральный деятель, историк искусства. Основатель (1890) и редактор «Ежегодника императорских театров» (1890, 1905—1908). В 1900—1908 гг. управляющий группой Александринского театра.

³²⁴ Чехов Михаил Александрович (1891—1955) — актер, режиссер, педагог.

³²⁵ Немирович-Данченко Василий Иванович (1844/45—1936) — прозаик, поэт, журналист.

— Ну что в них хорошего, — проговорил я. — В темное время и не заметил бы улицу, а сейчас она так и прет на тебя. Посмотрите, вон идет пара голубей, они на ходу как-то укоризненно покачивают головами, так и кажется, что скажут тебе: эх, брат, загулял до утра, идешь ложиться спать, когда мы уже проснулись...

— Да, хороши мы бражники! — ответил Чехов.

— Кто, мы-то бражники?! — воскликнул Тихонов. — А мы вот сейчас в собор к ранней обедне пойдем.

Он был изрядно выпивши и пристал к нам, чтобы зайти в Сергиевский собор.³²⁶ Видя, что от него не отвязаться, мы согласились. Собор был почти пуст, только у стен ютилось несколько старушек. Мы остановились у входа, а Тихонов прошел довольно твердым шагом на самую середину, стал на колени и начал креститься и класть частые земные поклоны. Наконец мы решили уходить, и Немирович пошел за ним. Когда он подошел к нему, он услышал, что тот твердит одну и ту же фразу: «Господи, прости меня окаянного и пьяного» и тотчас же крестится и кладет земной поклон. Немирович, живший на Исаакиевской площади в гостинице «Англия», уговорил его ехать к обедне к Исаакию, и тот согласился. Поехали Чехов с Немировичем, и я с Тихоновым. Но ни Чехова, ни Немировича, уехавших раньше нас, в соборе не оказалось. Вошли мы с ним в собор, и он опять направился на середину и стал на колени, но не крестился и поклонов не клал. Постояв немного, я подошел к нему и спросил:

— Что ж, Владимир Алексеевич, помолились?

— Кой леший помолился, — прошептал он, стоя на коленях, — чего вы, черти полосатые, уговорили меня ехать сюда и все мое молитвенное настроение сбили! Там я хорошо молился, а здесь уж не могу.

Мы вышли из собора и побрели каждый восвояси.

В Театральном клубе за ужином сошлись, между прочими, Тихонов и Петр Михайлович Невежин.³²⁷ Оба они считали себя гастрономами, и между ними зашел разговор о кулинарном искусстве. Кому-то подали жареные грибы. Тихонов посмотрел на них и сказал:

— Нечего сказать, хорошо подано! Грибы должны стонать в масле.

— В масле-с! — воскликнул Невежин. — Не в масле, а в сметане-с и заогротанить их нужно-с, вот что-с.

— Это грибы-то огротанить? — рассмеялся Тихонов. — Уж лучше бы вы их малиновым вареньем сверху помазали.

— Ка-ак вареньем? — закричал каким-то фальцетом Невежин.

— Да ведь варенье одинаково к ним идет, как и огротан,³²⁸ как же вы не понимаете, что всякая приправа только затемняет вкус гриба. В масле, и только в масле... Гастроном тоже!

³²⁶ Имеется в виду *Собор преподобного Сергия Радонежского* всей артиллерии, находившийся до 1932 г. по адресу Литейный пр., 6, угол ул. Чайковского (Сергиевской), 16. См. об этом: Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 123—125.

³²⁷ Невежин Петр Михайлович (1841—1919) — драматург, прозаик.

³²⁸ *Огротан* — способ приготовления мяса или рыбы под корочкой: они запекались под сыром с сухарями либо в специальной форме из теста (*Байбури* А., *Беловинский* Л., *Конт* Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII—XIX вв. СПб.; М., 2004. С. 313). В рукописи ошибочно: *огротан*.

Невежин сорвался со стула, захватил весь свой прибор, перенес его на другой стол, затем подошел к Тихонову и сдавленным голосом проговорил:

— Извините-с, неуместно мне, сапогу, сидеть за одним столом с таким гастрономом-с, который жарит грибы в одном масле-с!

И, что-то ворча себе под нос, продолжал ужинать уже один.

Многие в Петербурге рассказывали в шутку, что владелец ресторана «Вена»³²⁹ нанял Тихонова, чтобы он привлекал туда актеров, писателей и художников. Но это была сущая правда, я убедился в этом, когда однажды вечером зашел туда, и Тихонов предложил мне место за своим столом. Когда я потребовал счет и мне его принесли, он взял его у меня, разорвал и сказал:

— Ну, за моим столом не платят денег.

Ему же счета не подавали, а с меня, как я ни протестовал, денег ни за что не взяли.

Заносу сюда острогу московского журналиста Гиляровского,³³⁰ чтобы она не пропала бесследно.

Когда Амфитеатров открыл свой театр³³¹ и стал прогорать, Гиляровский послал ему на открытке следующее четверостишие:

Жаль, что ты Амфитеатров,
Жаль, что держишь ты театр,
Лучше был бы ты «Театров»
И ходил в амфитеатр...

Не могу в своих московских воспоминаниях не остановиться на балиевской «Летучей мыши»,³³² хотя и сознаю, что это не входит в мою задачу. Почему же тогда не вспомнить и Малый театр, и Художественный, и Боль-

³²⁹ «Вена» — петербургский ресторан на ул. Гоголя, 13/8.

³³⁰ *Гиляровский Владимир Алексеевич* (1853; по др. свед. 1855—1935) — журналист, прозаик, поэт, автор воспоминаний о Москве и москвичах.

³³¹ *Амфитеатров (псевд. Old Gentleman) Александр Валентинович* (1862—1938) — прозаик, драматург, литературный и театральный критик, публицист. 16 сент. 1898 г. в помещении театра В. А. Неметти в Петербурге (Офицерская, 39) открылся Русский драматический театр под руководством А. В. Амфитеатрова. Режиссерами были приглашены Э. Д. Бастунов, А. М. Максимов. В труппе играли З. В. Холмская, Е. Л. Легат, Г. А. Яковлев-Востоков, П. К. Красовский, П. Л. Скуратов, В. Л. Форкатти и др. В театре ставились «Возчик Геншель» Г. Гаупмана (впервые в России), «В муте веселья» («Рабыни веселья») В. В. Протопопова (вскоре запрещена цензурой), «Свадьба Кречинского» А. В. Сухова-Кобылина, «Баба» В. А. Тихонова по роману Д. П. Голицына-Муравлина. Достаточных сборов постановки не дали, и в начале декабря актеры, не получавшие должного вознаграждения, отказались участвовать в спектаклях. Амфитеатров расторг договор с Неметти.

³³² *Балиев (наст. фам. Мкртич Асвадурович Баян) Никита Федорович* (1876; по др. свед. 1886—1936) — театральный деятель, актер, режиссер, кабаретьер, родоначальник жанра конферанса в России. С 1908 г. директор и руководитель театра-кабаре «Летучая мышь». В эмиграции в Париже возродил «Летучую мышь», гастролировал в Европе, Америке. В 1934—

шой? Эти театры давали мне тоже немало переживаний. И что, казалось бы, говорить о «Летучей мышце», когда есть большой очерк о ней Эфроса,³³³ целое издание, посвященное 10-летию этого театра. Я и не буду писать о нем как о таковом, я скажу только несколько слов о своих впечатлениях от него и попутно поскорблю о громадном пробеле, который существует в его истории: нигде уже нельзя найти теперь тех блестящих остроумия и находчивости, которые так щедро расточали Балиев и его помощники. А пройдет время, сойдут «под вечны своды» свидетели их, из которых даже и теперь «иных уж нет, а те далече»,³³⁴ и об интимности «Летучей мыши», о ее характере не останется ни малейшего следа. И если будущий историк бывшего русского театрального искусства возьмет за руководство упомянутый мною выше сборник, немного он из него почерпнет. Тело этого театра перед ним выявится, душу же его он не уловит.

Как известно, «Летучая мышь» зародилась просто как небольшой кружок артистов Художественного театра. В то время мне там не приходилось бывать, потому что кружок был очень замкнут, и редко кто из артистов Москвы в нем бывал. Однако слава его распространялась, и скоро этот подвалчик стал уже достоянием театральной Москвы. Стали появляться там артисты других театров, пишущая братия, художники и просто друзья театра. В качестве последних появлялся там и я.

Конечно, нет никакой возможности припомнить все выходки и остроты Балиева, но то, что осталось у меня в памяти, я занесу сюда.

Когда «Летучая мышь» еще помещалась в небольшом подвале у храма Спасителя и сохраняла свою интимность, народу там набиралось видимо-невидимо. Однажды приехал и градоначальник и кое-как устроился с кем-то за столиком. Балиев, проходя мимо него, поздоровался с ним и сел к нему на колени.

— Никита Федорович, что вы делаете? — воскликнул тот.

— Как, что делаю? Сажу.

— Вижу, что сидите, но ведь вы сели ко мне на колени.

— Ну да. А к кому же мне сесть? Сами видите, какое неудобство, ни одного места нет, а ведь всякое неудобство в городе хороший градоначальник должен первый переносить...

Во время войны вся Москва и весь Петербург распевали патристическо-юмористическую песенку «Как ныне собирается вещей Олег...». Балиев, конечно, тотчас же инсценировал ее, и она вызывала бурные восторги и требования повторения. Так было и в тот вечер, когда я был там. Балиев вышел к рампе и объявил:

— Господа, вы знаете, что дирекция идет всегда охотно навстречу желанию публики, но на этот раз она не в состоянии удовлетворить его. Артисты соглашаются повторять песенку только в том случае, если вы согласны пожертвовать, кто сколько может, на сапоги для армии...

1936 г. разорился, выступал в ночном клубе. Похоронен в Нью-Йорке. См. о «Летучей мышце» Балиева в кн.: *Тихвинская Л.* Кабаре и театры миниатюр в России: 1908—1917. М., 1995. С. 340—382. См. также: *Балиев Н.* [Воспоминания] // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. Вып. 3. С. 214—238.

³³³ Имеется в виду кн.: *Эфрос Н. Е.* Театр «Летучая мышь». Пг., 1918.

³³⁴ Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

Публика закричала: просим, просим!

— Итак, — продолжал Балиев, — после повторения наши артистки обойдут вас с тарелочками, и я прошу кого-нибудь из публики присутствовать при подсчете денег. До сегодняшнего дня мы эту песенкой заработали на сапоги...

И он назвал какую-то сумму.

Близко к сцене сидевший господин проговорил:

— Только?

Надо было видеть мимику Балиева! Он как-то сразу преобразился, строил страшно радостную физиономию, подчеркнуто облегченно вздохнул и сказал:

— Ну, слава Богу, могу себе представить, как мощно вы сегодня подержите наше дело, если такая сумма показалась вам незначительной!

И когда Дейкарханова³³⁵ подошла с тарелочкой к этому господину и он положил на нее какую-то ассигнацию, появившийся тут же Балиев в тон ему проговорил:

— Только?

Господин положил еще ассигнацию, и Балиев уже другим тоном задал тот же вопрос. И так продолжалось раз пять. Наконец господин сказал, что больше у него денег нет.

— Жаль, что у вас было *только* столько, — сказал вздохнувши Балиев и отошел.

Положительно нельзя было предвидеть, что иногда взбредет ему в голову. Сидели мы с братом скромно за столиком и попивали вино. Выходит Балиев на сцену, мы с ним, конечно, уже виделись раньше, и объявляет:

— Господа, среди нас находится всеми любимый драматург Рышков, предлагаю его приветствовать.

Публика зааплодировала, Виктор встал и раскланялся.

— А теперь, — продолжал Балиев, — Виктор Александрович, конечно, не откажется, ввиду того горячего приема, который оказали ему присутствующие, прочитать нам стихотворение Лермонтова «Три пальмы», которое он так мастерски читает.

Почему ему пришли в голову эти «Три пальмы», Бог его знает, Виктор его никогда не читал и вряд ли даже знал его на память.

Вдруг вижу я, он поднимается с места и каким-то невероятно хриплым голосом, почти шепотом говорит:

— Господа, я бы с удовольствием исполнил желание Никиты Федоровича, но вы слышите, как я охрип.

Балиев посмотрел растерянно в зал, хлопнул себя по бедрам, сделал сконфуженную мину и удалился за кулисы, воскликнув:

— Перехитрил!

В Петербурге один сезон «Летучая мышь» гастролировала в театре «Пассаж»,³³⁶ и на один из спектаклей приехал великий князь Александр

³³⁵ Дейкарханова Тамара Христофоровна (1889—1980) — ведущая актриса театра «Летучая мышь».

³³⁶ В театре «Пассаж» функционировали Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской, Театр С. Ф. Сабурова и другие антрепризы. Гастролировавшая в Петербурге в 1914 г. «Летучая

Михайлович с женою³³⁷ и со свитой. Они заняли директорскую ложу, левую от сцены. В антракте Балиев вынес массу воздушных шаров и пустил их в зал. Один из них, конечно, совершенно случайно, взял направление к ложе «высочайших особ». Нужно было видеть, что стал проделывать Балиев! Прежде всего, следя за шаром, он изобразил на лице неподдельный ужас и делал движения, будто он хочет броситься со сцены за ним. Затем изобразил полное отчаяние и изнеможение, а шар между тем все приближался к ложе, и наконец, Балиев, прикрыв лицо руками, стремительно бросился за кулисы! Публика гомерически, не стесняясь и даже как бы радуясь, хохотала, а «высочайшие особы» конфузились и тоже смеялись.

Потом в антрактах слышались разговоры, что никто еще никогда не решался смешить публику при участии «высочайших особ»!

Мы опасались, что Балиеву это не сойдет благополучно, но, слава Богу, сошло.

Вот что мне вспомнилось...

Все же не могу не сказать, что, когда я присутствовал 28 февраля 1912 г. на последнем спектакле «Летучей мыши» перед переходом ее на настоящую антрепризу Балиева, мне было грустно. Чувствовалось, что та прелестная интимность, которая была так очаровательна в ней, канет в вечность. И действительно в эту интимность ворвалась улица и... я чуть было не сказал: опошшила ее. Но это было бы неверно, пошлость не могла коснуться «Летучей мыши», слишком аристократично-художественны были ее руководители, но пропал тот аромат красивых переживаний, который заставлял так ценить этот театр, так стремиться к нему. И это в тот вечер сознавали все.

«Бэ, Эс, Борисов» — так в «Летучей мыши» рекомендовал публике всегда Балиев своего помощника по конферированию Бориса Самойловича Борисова, талантливейшего и остроумнейшего актера театра Корша. Увы, о нем я могу вспомнить только с отрицательной стороны как о нечистом игроке!

Актеры, нисколько не стесняясь, отказывались играть с ним, говоря ему прямо в глаза, что играть с ним нельзя, потому что он не может не смонетничать. Васенин рассказывал мне, что он в Кружке подметил у Борисова такой фортель. Во время игры он все время вертел в руках спичечную коробку, и оказывается, он утилизировал ее так: на дне ее было сделано круглое отверстие, величиною в полуимпериял. Борисов ставил на табло полуимпериял, как можно ближе к себе, и если табло выигрывало, он брал выигрыш, если же проигрывало, он накрывал монету коробкой, монета падала в коробку, и он придвигал ее к себе!

мышь» также выступала в «Пассаже». В настоящее время в театре «Пассаж» (Итальянская, 19) находится Театр им. В. Ф. Коммиссаржевской.

³³⁷ Александр Михайлович, великий князь (1866—1933) — сын вел. кн. Михаила Николаевича и вел. княгини Ольги Федоровны, внук Николая I. Женат на вел. княгине Ксении Александровне (1875—1960), старшей дочери Александра III.

Играли мы в лото у Т. Павловой, и Борисов не давал никому выкликать цифры. Этот бесподобный комик, выкликая, так нас смешил разными шутками и прибаутками, в которых он был неистощим, что мы положительно надрывались от смеха. Борисову везло, и он брал партию за партией. Но ларчик открывался просто: он набирал полную горсть номеров и во время своей болтовни бросал обратно в мешок те, которых у него не было на карте. Когда Вавич³³⁸ это обнаружил, он потребовал, чтобы Борисов вынимал из мешка по одному номеру, и тот бросил выкликать.

Зато какой это был талантливый человек! Чудный актер, великолепный рассказчик, остроумнейший собеседник, прекрасный исполнитель цыганских романсов и сочинитель их. Своими романсами он мог довести слушателей до слез, точно так же, как доводил до слез, но уж от смеха, своими рассказами и сценками, им же сочиняемыми.

Да! Что делать, и на солнце бывают пятна...

Итак, я покончил с Москвой и перейду теперь к Петербургу.

Хотя Анатолий Федорович Кони имеет отношение больше к Академии, но по Академии мне приходилось сталкиваться с ним только по деловым вопросам, а благодаря им я, к большому моему удовольствию, неоднократно наслаждался беседою с ним. Впрочем, собственно говоря, беседовал он, а я только слушал. Не будучи уверен, что он записал где-нибудь то, что он мне рассказывал, я счел своим долгом записать все это здесь, почти дословно. Для полноты изложения я буду передавать эти рассказы от лица Кони.

Должен сказать, что Кони исключительно интересный человек, это, впрочем, общеизвестно. Мне приходилось заезжать к нему на минутку по делу, а просиживал я у него часа два! Да и как было не просидеть? Я считал себя уже довольно старым человеком, ведь в юности я видел на эстраде Тургенева и был в депутации от Реформатского училища у него на похоронах. А Кони был с ним очень дружен, бывал у него в Париже, писал завещание Гончарова, знал лично Мартынова,³³⁹ Максимова!³⁴⁰ И я смотрел на него как на нечто доисторическое.

Достаточно было сказать с ним два-три слова, как он тотчас же к чему-нибудь прицеплялся и уносился в воспоминания.

Вот его рассказы.

По какому-то поводу я упомянул Савину.³⁴¹

³³⁸ Вавич Михаил Иванович (1881—1931) — артист оперетты. Выступал в петербургских имосковских театрах. С 1918 г. в эмиграции. Муж Т. Павловой.

³³⁹ Мартынов Александр Евстафьевич (1816—1860) — актер. С 1836 г. выступал в драматической труппе императорских театров. Играл роли в комедиях, водевилях, мелодрамах и имел устойчивый успех у публики. В 1846 г. впервые выступил в трагедийной роли, в дальнейшем с успехом исполнял роли в пьесах А. Н. Островского.

³⁴⁰ Максимов (Максимов 1-й) Алексей Михайлович (1813—1861) — актер Александринского театра. Начал с ролей молодых людей в драме, комедии и водевиле. С середины 40-х гг. полностью перешел к драме и трагедии, во 2-й половине 1850-х гг. играл в либерально-обличительных комедиях. Самая знаменитая его роль — Гамлет.

³⁴¹ Савина (урожд. Подмеранцева-Стремлянова) Мария Гавриловна (1854—1915) — знаменитая актриса. Дочь учителя рисования Г. Н. Подмеранцева, ставшего профессиональным

— Да, какая это была обаятельная женщина, — сказал Кони. — Помню пошел я посмотреть ее в трахтенбергской «Фимке»³⁴² и поражаюсь, где она могла наблюдать таких женщин и так перенять все их ухватки. Вернувшись домой, я ночью, под свежим впечатлением, написал ей письмо, в котором расхвалил ее игру и высказал удивление, о котором вам говорил. На другой день прислуга доложила мне, что в мое отсутствие приезжала Савина и оставила мне пакет. Там оказалась ее фотография и письмо, в котором каракулями было написано: «Многоуважающий Анатолий Федорович, приходите завтра откушать. Многоуважающая вас, известная вам Фимка...».

«Устав от очень напряженной работы, я так издергал свои нервы, что решил съездить за границу отдохнуть. Вошел я в вагон и, пока носильщик раскладывал в купе мои вещи, стоял в коридоре. Вдруг из соседнего купе появилась Савина. Мы чрезвычайно обрадовались этому совпадению, и она просила меня прийти к ней в купе пить чай. Она в это время переживала тяжелую драму, расходилась со Всеволожским,³⁴³ и я знал даже разлучницу. Когда мы уселись за чай, она спросила:

— Вы, наверное, слыхали уже о моем разрыве с Никитой?

— Да, — отвечал я, — живи не так, как хочется, а так, как Бог велит.

— И знаете, — продолжала она, — теперь как-то ярче всплывают воспоминания о минувшем. К чему судьбе было угодно все это так устраивать?! Кажется, никогда мне не забыть завязку нашего романа. Помню, играя в какой-то пьесе, я обратила внимание на красивого офицера, сидевшего в первом ряду. Через день я опять участвовала в спектакле, и опять этот офицер сидел на том же месте. На следующем спектакле повторилось то же самое. Это меня заинтриговало. Так тянулось недели две. Он ничего не предпринимал, не оказывал мне ни малейших знаков внимания, даже никогда не аплодировал мне. Заинтересованная его поведением, я как-то нарочно поехала в театр, когда не была занята в спектакле, и посмотрела в залу через дырочку занавеса, его в театре не было. Наконец его поведение стало серьезно меня нервировать, и я чувствовала, что уже не владею собою на сцене. Сезон в это время близился к концу. И я решила написать ему, что его постоянное и неуклонное присутствие в театре меня так нервирует, что отражается уже на моей игре, и просила, если ему это нетрудно, прекратить посещение спектаклей, когда я в них участвую. Письмо я отправила с нарочным, я, конечно, уже знала, что офицер этот — Всеволожский. Вы не можете себе представить, до чего я волновалась весь день, будет он в театре или не будет? Наконец, еле-еле дождавшись семи часов, я помчалась ту-

актером и взявшего фамилию Стремлянов. Играла в Александринском театре с 1874 г. и занимала в нем ведущее положение до самой смерти. Была одним из организаторов и председателем Русского театрального общества.

³⁴² «Фимка» — пьеса в четырех действиях (1906) драматурга *Трахтенберга Владимира Осиповича* (1861—1914).

³⁴³ *Всеволожский Никита Никитич* (1846—1896) — офицер Конного полка, любимец петербургских салонов, двоюродный брат И. А. Всеволожского, второй муж М. Г. Савиной. Савина обвенчалась с ним в 1882 г. и развелась в 1891 г.

да. Совестно признаться, но должна сказать, что, приехав в театр, я тотчас побежала к занавесу посмотреть, в зале ли Всеволожский. Это было, конечно, глупо, потому что так рано ему незачем было приезжать.

Загримировавшись и одевшись, я пошла на сцену и все время там торчала, временами поглядывая в дырочку. Всеволожского не было. Наконец раздался звонок к подъему занавеса. И тут получилось нечто совершенно несообразное! Я искренно просила Всеволожского не бывать в театре, а теперь так же искренно приходила в отчаяние от того, что его нет! Да, вот и поймите нас, женщин... Играла я из рук вон плохо, Всеволожский не выходил у меня из головы. Я пробовала объяснить себе его отсутствие какой-нибудь случайностью, но сознавала, что это самообман. И до конца сезона Всеволожский в театре не появлялся, а я окончательно потеряла покой!

Но ничто не вечно под луною. Понемногу я успокаивалась, уехала в Старую Руссу, а затем на гастроли в Киев.

Однажды после спектакля, вернувшись к себе в номер, переодевшись и отпустив Василису, я села пить чай и повторять роль.

Только что Василиса вышла, послышался стук в дверь, и я, предполагая, что это вернулась зачем-нибудь она, крикнула: можно!

Но в дверях показался Всеволожский в форме добровольца!

— Что вам надо, — воскликнула я. — Как вы позволили себе войти ко мне в этот час без зова?!

— Мария Гавриловна, — ответил он, — человек, идущий на смерть, а я, не рисуясь, поверьте мне, иду на верную смерть, такой человек может многое себе позволить. Я же позволяю себе только попросить вас дать мне поцеловать вашу руку и благословить меня...

А утром... а утром он хохотал и говорил:

— Вот дура! И чего ты так долго тянула эту историю, сколько мы потеряли счастливых минут!».

«После пресловутого процесса Засулич³⁴⁴ мне необходимо было отдохнуть, и я поехал на несколько дней в Москву. Соседом моим по купе оказался очень болтливый провинциал, он все время рассказывал мне, как он проводил время, и как стремился попасть на этот процесс, и как ему это не удалось.

— Вы тоже, наверное, хотели бы попасть на этот процесс? — спросил он. — Весь Петербург интересовался им. Говорят, в зале яблоку негде было упасть.

— Да, народу было очень много.

— А вы попали на процесс?

— Да, пришлось.

³⁴⁴ Засулич Вера Ивановна (1849—1919) — революционерка, народница (1868), меньшевичка (с 1903). 24 янв. 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, по приказу которого был высечен заключенный революционер Боголюбов (А. Емельянов). 31 марта 1878 г. судом присяжных ей был вынесен оправдательный приговор; председателем суда был А. Ф. Кони, П. А. Александров — защитником.

— Но, должно быть, трудно было внимательно следить за ним, благодаря такой массе народа. Как же вы попали? У вас, должно быть, была хорошая протекция?

— Нет, я следил довольно внимательно, да мне и не нужно было никакой протекции.

— Где же вы сидели?!

— На председательском месте.

— Ка-ак на председательском?! Вы, такой молодой, и уж были председателем!

— Да я совсем уж не так молод, — ответил я ему.

Вы не можете себе представить, какая в нем произошла перемена! Прежде он говорил со мною несколько покровительственным тоном, теперь же, чуть не через слово, называл меня вашим превосходительством. А когда мы подъезжали к Москве, он бросился помогать мне уложить мои вещи. Да, холопство нечто врожденное в русском человеке!».

Курьезны иногда бывают эти соседи по купе! Со мною самим был такой случай. Я направлялся в Москву и имел нижнее место в маленьком купе 1-го класса. Когда я устроился и в ожидании отхода поезда что-то читал, в купе вошел господин, еще не старый, несколько обрюзглого, сыроватого вида и уселся рядом со мною. Помолчав некоторое время, он задал мне какой-то вопрос, на который я коротко ответил и продолжал свое чтение. После некоторой паузы он вновь обратился ко мне.

— Молодой человек, можно попросить вас об одном одолжении?

Надо сказать, что по виду он был несколько не старше меня.

— Пожалуйста, — ответил я.

— Видите в чем дело, у меня верхнее место, а я очень не люблю спать наверху, не уступите ли вы мне нижнее?

Ясно, что мне приходилось иметь дело с дураком, и я решил его разыграть.

— Пожалуйста, — ответил я, — не знаю, будет ли только это вам удобно?

— Почему же может быть неудобно? Внизу гораздо удобнее.

— Потому что наверху буду я.

— Ну, так что же?

— Потому что меня всегда рвет, когда я сплю наверху, — спокойно ответил я.

Он замолк, через минуту вышел из купе, и больше я его не видел. А от пришедшего за его вещами кондуктора я узнал, что он нашел себе другое место.

—

Когда однажды я зашел к Кони, он сидел за столом, на котором были разложены письма. Оказалось, что это были письма Толстого.

«Вот, — заговорил он, — хочу написать о Толстом как о ходатае по делам, ведь он постоянно о ком-нибудь хлопотал и по всем судебным вопросам списывался со мною и даже лично приходил посоветоваться по ним. Сидел я как-то вечером дома и занимался. Рядом со мною, стена в стену,

жил какой-то крупный коммерсант. Погрузившись в работу, я услышал за стеной звуки рояля, а вскоре и выкрики дирижера, было ясно, что рядом танцуют. Это мне нисколько не мешало, я продолжал заниматься, а когда горничная принесла мне чай, я ее спросил:

— Что это у наших соседей, бал сегодня?

— Да-с, они дочку замуж выдали.

Приблизительно через четверть часа она опять пришла и говорит:

— Барин, на кухню вас какой-то мужичок спрашивает.

— Какой мужичок?! Поздно уж теперь. Спросите, кто он такой и от кого он пришел.

Вернувшись, она сказала:

— Он говорит, что его зовут Лев Николаевич.

Я стрелою помчался в кухню, и передо мной предстал Толстой. Мы расцеловались, и я попенял ему, почему он пошел через черный ход.

— Не люблю я эти парадные ходы с их швейцарами, — ответил он.

Пришли мы в кабинет и стали распивать чай. Толстой тоже обратил внимание на музыку и танцы. Однако шум вскоре стих, и Толстой добродушно заметил:

— Утомились, должно быть, залу проветривают или ужинать пошли.

Просидел он у меня около часу, стал собираться уходить, и я уговорил его идти по парадной лестнице. Я отворил дверь, мы вышли на площадку, и перед нами открылась такая картина. На обоих маршах, я жил во втором этаже, вдоль стены и перил стояли в две шеренги женщины в бальных платьях и мужчины во фраках и в мундирах! Увидев Толстого, они зааплодировали. Толстой нахлобучил шапку и пустился бежать вниз, перескакивая через 2—3 ступеньки. Я был возмущен и, вернувшись в прихожую, куда явилась уже горничная, сказал:

— Какое безобразие! И как они могли узнать, что у меня Толстой?!

— Это я сказала, барин, — заявила горничная. — Когда я их узнала, я пошла туда на кухню и сказала, какой у нас гость.

— Вы?! Почем же вы знали, что это он?

— А когда вы с ними расцеловались, я и узнала, что это тот самый, портрет которого висит у вас в кабинете.

У меня действительно висел портрет Толстого работы Репина». ³⁴⁵

«А еще у меня с Толстым был другой случай, — сказал тут же Кони, — но уже трагикомический. Я приехал в Москву и остановился в гостинице „Националь“, и Толстой знал об этом. Часов в 11 утра я вышел из гостиницы и увидел Толстого, подъехавшего верхом.

— А я к вам, Анатолий Федорович, — сказал он, — ну, делать нечего, заеду в другой раз.

— Нет, я вас не отпущу. У меня нет ничего спешного, вернемся ко мне и выпьем чаю.

³⁴⁵ Портрет Л. Н. Толстого написан Репиным в 1887 г., хранится в Третьяковской галерее.

Поручив швейцару постеречь лошадь, мы вошли в вестибюль, и швейцар отворил дверцу лифта, а Толстой, входя туда, проговорил:

— Лифт! Я еще никогда на нем не поднимался.

Лифт тронулся. И вдруг между 3 и 4 этажами остановился. Служащие засуетились, появились какие-то мастера, что-то с ним предпринимали, и он то и дело как-то зловеще вздрагивал.

Вы себе представить не можете, что я пережил! Как, думал я, сейчас из-за какого-то проклятого испортившегося винтика мы можем полететь вниз, и погибнет Толстой! Удивляюсь, как я совершенно не поседел в этой окаянной кабинке. Наконец, вздрогнув еще раз, лифт стал подниматься, и мы благополучно вышли на площадку лестницы. Настроение у меня было сбито, Толстой же, напротив, был очень оживлен и увлекательно рассказывал мне о духоборах. Наконец он собрался уходить, и я решил выйти вместе с ним. На площадке лестницы он сказал:

— А я еще не испытал ощущения спуска на лифте.

— Ну, нет, Лев Николаевич, — воскликнул я, — вы войдете в лифт только через мой труп! Довольно с меня и тех переживаний, которые я испытал, когда мы поднимались.

Мы спустились по лестнице, и Толстой глумился над моею трусостью...».

Не знаю, поместил ли где-нибудь Кони свой ответ министру юстиции, когда тот упрекал его за его поблажки на процессе Засулич. Кони ответил ему, что он должен быть слугою правосудия, но ни в каком случае не лаке-ем его.

Вспомнив в связи с Кони Марию Гавриловну Савину, буду и продолжать о ней и, кстати, пополнию один пробел, который оказался в этих воспоминаниях. На стр. 448 я писал: «Выше я описывал, как однажды я искал Южина и нашел его в Художественном театре на лекции князя Волконского» и т. д. Но, оказывается, «выше» я ничего об этом не писал, а потому восполню этот пробел здесь.

Князь Волконский выступал «в защиту актерской техники» с докладом «О жесте». Читал он этот доклад в Петербурге и в театральных школах, и в разных общественных и частных театральнo-литературных кружках и, наконец, появился в Москве.³⁴⁶ Вечером после спектакля я был в Кружке среди актеров Малого театра, между нами был и Южин. Кто-то спросил его,

³⁴⁶ С. М. Волконский, увлеченный системой музыкально-ритмического воспитания швейцарского композитора и педагога Эмиля Жак-Далькроза, читал многочисленные лекции в Москве и Петербурге и писал статьи на тему о ритме и движении на сцене. К. С. Станиславский в письме к М. П. Лилиной в янв. 1911 г. писал: «...пришлось прослушать записки кн. Волконского — того самого, который читал в Художественном театре. Согласился я на это чтение неохотно, но теперь не раскаиваюсь. То, что он написал, гораздо талантливее, гораздо важнее, гораздо интереснее, чем это говорили в театре» (*Станиславский К. С. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1960. Т. 7. С. 500).

будет ли он на другой день в Художественном театре слушать доклад Волконского, и он ответил неопределенно: «Я получил приглашение».

В то время я работал над организацией в Москве Пушкинского спектакля, и по этому поводу мне надо было побывать в Малом театре для переговоров с Кондратьевым и с некоторыми актерами, в том числе и с Южиным. На другой день, совершенно забыв о разговоре накануне, я отправился днем в театр, зная, что там должна быть репетиция. Когда после переговоров с Кондратьевым мне понадобился Южин, я отправился к нему в уборную, но застал там лишь И. С. Платона.³⁴⁷ Он сказал мне, что Южин на докладе Волконского в Художественном театре.

— Экая досада, — воскликнул я, — мне бы ему надо было сказать несколько слов.

— Так ступайте туда, встретите и переговорите. Кстати, и доклад слушаете: забавно! — прибавил он, усмехаясь.

— Ну, как же я туда поеду! Вы ведь знаете, какое это «святое святым», обыкновенному смертному туда и не попасть.

— Да вот, возьмите мой билет.

И я отправился. Когда я вошел в коридор театра, чтение доклада уже началось, и меня с трудом пустили в задний ряд, обязав не двигаться дальше, а тут же и сесть, что, конечно, я с точностью и выполнил. Обстановка была торжественная. На сцене в черных сукнах стояла черная кафедра, напоминавшая аналой, свет сверху падал только на нее и освещал самого Волконского. Зрительный зал был наполовину пуст. Справа, в директорской ложе, были видны Станиславский, Немирович-Данченко и Южин. Доклад меня, конечно, не интересовал, и я выжидал лишь перерыва, чтобы поспеть к директорской ложе и поймать Южина. Наконец перерыв был объявлен, и я устремился к ложе. Когда я туда подошел, Южин выходил со Станиславским, и я услышал следующие его слова:

— Чрезвычайно интересно! Как все это ново и в то же время как каждый из нас все это давно носит в себе. Очень содержательный доклад. И мне страшно досадно, что я сейчас должен ехать в Малый театр на репетицию.

Увидев меня, он поздоровался со мною, и я спросил его, когда и где я бы мог переговорить с ним по делу минут десять.

— А вы сейчас свободны? — спросил он.

— Совершенно.

— Так отлично, выйдем вместе и по дороге переговорим.

— Отлично! Я провожу вас до театра и отправлюсь к себе, в «Московскую».³⁴⁸

— Да я отправляюсь не в театр, а домой.

Когда мы вышли на улицу, я спросил его, как ему понравился доклад.

— Ну, знаете, все это так известно и переизвестно. И наивно! Смешно, правда, поучать актеров Художественного театра, что, если актер говорит: «пропадай моя головушка», не надо «указывать на оную»!

³⁴⁷ Платон Иван Степанович (1870—1935) — актер, режиссер, драматург, театральный педагог.

³⁴⁸ Имеется в виду «Большая Московская» гостиница в Москве на Воскресенской пл.

А вечером в Кружке, когда его кто-то спросил, был ли он на докладе, он, нисколько не стесняясь моим присутствием, ответил, что был и прослушал его с большим интересом, прибавив, впрочем, с лукавой улыбкой:

— Советую вам тоже послушать его...

А. Е. Молчанов³⁴⁹ говорил мне, что, когда Савина прослушала этот доклад и Волконский спросил ее, каково ее мнение, она ответила:

— Я еще не совсем разобралась в нем. Но мне кажется, что если бы в «Дикарке» я постоянно думала о технике жеста, то роль вряд ли бы мне удалась.

— Как всегда — злая! — отшутился Волконский.

Но это была не шутка, Савина действительно была зла, иначе она не процарствовала бы так властно столько лет на Александринской сцене. Разве было мыслимо, чтобы она ласково обошлась с кем-нибудь из молодых актрис?! В этом отношении она была полной противоположностью М. Н. Ермоловой. Я был свидетелем такого случая. В Малом театре поставили «Марию Стюарт», и Марию, когда-то роль Ермоловой, должна была играть молодая актриса Пашенная.³⁵⁰ Она страшно волновалась и говорила, что заставлять ее играть эту роль, когда жива еще Ермолова и многие ее помнят, просто истязание! Перед началом спектакля на сцене появилась Ермолова и, передавая Пашенной четки, сказала:

— Вот, милая, четки, с которыми я всегда играла Марию Стюарт, возьмите их, и дай Бог, чтобы вы были так же счастливы в этой пьесе, как была я!

Савина так ни за что на свете не поступила бы.

Как всякий злой человек, Савина была и умна, и остроумна. Три ее злые остроты я приведу здесь.

При ней рассказывали об одной актрисе, что она живет с Имяреком.

— Много чести Имяреку, — сказала Савина, — не живет она с ним, а просто раз «живнула»!

Я как-то упомянул в разговоре с ней о Котляревском,³⁵¹ который тогда заведовал репертуаром.

— Ох, уж этот ваш академик, — воскликнула она, — настоящий аппендицит!

— Почему аппендицит?

— Положительно аппендицит, ни к чему не нужен, а от него больно!

Рассуждали о том, что в театре сильно развита сплетня.

— Да уж, — проговорила Савина, — этой прелести у нас хоть отбавляй, и чем она нелепей, тем больше ей верят. Вот теперь все твердят, будто Сладкопцев³⁵² мой незаконный сын... Господи, да неужели же я не могла бы родить что-нибудь поприличнее?!

³⁴⁹ Молчанов Анатолий Евграфович (1856—1921) — общественный и театральный деятель. Третий муж М. Г. Савиной.

³⁵⁰ См. сноску № 139.

³⁵¹ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — литературовед, публицист, критик, ординарный академик АН (с 1909), один из основателей и первый директор Пушкинского Дома. В 1908—1917 гг. заведующий репертуаром Русской драматической труппы Императорских театров.

³⁵² Сладкопцев Владимир Владимирович (1876—1957) — драматический актер, чтец.

Кони назвал Савину обаятельной женщиной, но я бы дополнил это определение, прибавив, обаятельная по уму. В беседе с нею время летело совершенно незаметно.

Имя Савиной было тесно связано с именем Тургенева, который сравнивал ее по таланту с Рашель³⁵³ и признавался, что после Рашель никто, кроме Савиной, не производил на него такого сильного впечатления. Кони в предисловии к своей книге «Тургенев и Савина»³⁵⁴ довольно прозрачно намекает на то, что Тургенев был в нее влюблен, да это явствует и из их многолетней переписки.

Когда в 1909 г. я принимал участие в устройстве Тургеневской выставки,³⁵⁵ само собою разумеется, я обратился к Савиной с просьбой дать нам некоторые указания. Она назначила мне день и предупредила, что настолько занята, что может уделить мне всего лишь минут десять. Встретив меня, она воскликнула:

— Ну, разве можно о Тургеневе проговорить в такое короткое время?!

В результате мы расстались через два часа!

— Вот моя гордость, — сказала Савина, указывая мне на два фотографических портрета Тургенева. — И знаете, если мне становится особенно тоскливо на душе, если у меня рождается потребность отдохнуть на воспоминаниях о красивом былом, я всегда останавливаюсь вот перед этой картиной. Это пруд в Спасском, рисовал его Я. П. Полонский.³⁵⁶ Сколько с этим местом связано чудных воспоминаний! Представьте себе, что Тургенев и Полонский сами смастерили из досок тут подобие купальни, потому что Жозефина Антоновна³⁵⁷ и я стеснялись иначе купаться.

— Письма Ивана Сергеевича, — говорила она дальше, — я храню как святыню и вам на выставку их не дам. Я не люблю этого, тяжело выносить такие реликвии в толпу. А чтобы вам поверили, что я была с ним в переписке, я дам вам конверты от них. Но до самой смерти я с ними не расстанусь ни на миг. Вот сейчас я вспоминаю с вами Ивана Сергеевича, и так мучительно хочется побольше воспоминаний о нем!

— Вы можете доставить себе это удовольствие, — отвечал я. — На днях я привезу из Орла, от Галаховых,³⁵⁸ всю обстановку комнаты Тургенева в Спасском, она сохранилась. И вы окажете нам громадную услугу, если поможете восстановить комнату так, как она была в Спасском.

Савина пришла в восторг от этого предложения.

³⁵³ *Рашель (Rachel; наст. имя и фам. Элиза Рашель Феликс)* (1821—1858) — французская актриса трагедийного дарования. Играла в трагедиях П. Корнеля, Ж. Расина, Вольтера. В 1853—1854 гг. гастролировала в России.

³⁵⁴ См. сноску № 359.

³⁵⁵ Тургеневская выставка была устроена в марте 1909 г. Академией наук в память 20-летия со дня смерти писателя. См.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии Наук. Март 1909. 2-е изд. / Сост. Ф. А. Витберг и Б. Л. Модзалевский. СПб., 1909.

³⁵⁶ *Полонский Яков Петрович* (1819—1898) — поэт, прозаик.

³⁵⁷ *Полонская (Рюльман) Жозефина Антоновна* (1844—1920) — вторая жена Я. П. Полонского (с 1886), скульптор, автор бюстов И. С. Тургенева, Я. П. Полонского и др.

³⁵⁸ Имеются в виду *Галахова (урожд. Шенишина) Ольга Васильевна* (1858—1942) — племянница А. А. Фета и ее муж *Галахов Николай Павлович* (1855—1936). Галахова была наследницей Фета и тургеневского Спасского-Лутовинова.

Когда все вещи были доставлены и я уведомил об этом Савину, она тотчас же появилась среди нас, волновалась, расставляла мебель и положительно блаженствовала среди этих родных ей предметов.

— Боже мой! Родной «самосон», — воскликнула она, глядя на известный тургеневский диван. — Сколько на нем сживалось, леживалось, спорилось, переживалось. А ружье, а дрожки! Я сейчас вижу Ивана Сергеевича, как он собирается на охоту... Нет, господа, вы мне доставили редкое наслаждение, наслаждение, которое я уже никогда не надеялась испытать. Вы вот любовно трудитесь тут, но вы трудитесь «в память» великого человека, а для меня ведь это все живое, родное, свое...³⁵⁹

И когда выставка открылась, в вазе на столе Тургенева каждый день стояли свежие розы. Их присылала Савина Тургеневу.

Не могу не упомянуть тут о двух курьезных, совершенно безобидных плагиатах, сдобренных, как это всегда бывает, еще и фантазией. Все, что я сейчас писал о Тургеневской выставке, было мною помещено после смерти Савиной в «Биржевых ведомостях»,³⁶⁰ и Кони эта заметка была известна. А когда вышел упомянутый мною труд его «Тургенев и Савина», он свое предисловие к нему закончил так: «...перед большим и лучшим портретом Тургенева постоянно обновлялся роскошный букет свежих роз, как символ неувядаемых воспоминаний. Эти розы *привозила ежедневно Мария Гавриловна Савина*...».

Я определенно заявляю, что после открытия выставки Савина ни разу больше не была на ней, так что привозить ежедневно роскошный букет она не могла, несколько роз, а не роскошный букет, иногда привозила г-жа Хитрово,³⁶¹ а большею частью их приносил мальчик из магазина.

³⁵⁹ Приведем отклик Савиной по поводу Тургеневской выставки в письме от 20 марта 1909 г. к В. И. Базилевскому: «Я не только была, но помогла устраивать выставку и надеялась, что Вы заглянете на нее. Очень рада, что Вам понравилось — да и не могло не понравиться. Более полной и интересной выставки я никогда не видала. <...> Жаль, что выставку так поздно затеяли и на такой короткий срок. Я от души порадовалась при виде массы молодежи на чтении и на выставке: не всем г. Леонид Андреев привил свои вкусы. — „Тургенев прошел мимо меня“, — заявил он репортеру. — И слава Богу! — добавлю я...». Цит. по: Тургенев и Савина: Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе / С предисл. и под ред. почетного академика А. Ф. Кони и при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918. С. 82.

³⁶⁰ Статья Вл. Рышкова «Савина на Тургеневской выставке» впервые напечатана: Биржевые ведомости. 1915. 9 сент. № 15077. Утр. вып. С. 6. Затем перепечатана в кн.: Тургенев и Савина: Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С. 81—82.

³⁶¹ Имеется в виду *Хитрово (урожд. Бахметева) Софья Петровна* (1848—1910). Из письма Вл. Рышкова к Модзалевскому от 23 февр. 1909 г. видно, что Хитрово участвовала в подготовке Тургеневской выставки. «Ваксель уведомил меня, — пишет Рышков, — что у С. П. Хитрово есть портрет Тургенева в молодых годах. Сегодня утром я с ней переговорил по телефону, она согласилась его дать, я написал ей письмо, послал на подпись Кондакову, а оттуда Демидов поехал к ней и привез портрет (фотографию)» (РО ИРЛИ, ф. 184). В письме упоминаются *Ваксель Платон Львович* (1844—1919) — коллекционер, музыкальный критик; *Кондаков Николай Павлович* (1844—1925) — историк византийского и древнерусского искусства, академик (с 1900), председатель Комитета по устройству Тургеневской выставки; а также, возможно, *Демидов Александр Александрович*, служащий 2-го Округного Санкт-Петербургского акционерного управления, знакомый Вл. Рышкова и Б. Л. Модзалевского, принимавший участие в организации Тургеневской выставки.

Но... красное словцо соблазнительно!

Любят фантазировать русские люди. Уже после смерти Савиной я где-то встретил писательницу Леткову³⁶² и услышал, как она говорила своему собеседнику:

— Я помню, как Савина возила меня на Тургеневскую выставку...

И почти слово в слово цитировала эту мою заметку.

Увы, посещение выставки Савиной совместно с Летковой сплошная фантазия..!

В заключение несколько слов, касающихся смерти Савиной.

На похоронах Варламова П. А. Гердт³⁶³ сказал ей:

— Подбираются наши старички, теперь уж мне не миновать моей очереди.

— Ну, полно, — ответила она, — вы такой еще молодчина, что и меня переживете.

И она оказалась права!

Как определить, было ли это предчувствие или совпадение?

Могу привести еще одно удивительное совпадение. После революции дочь моя, Кира,³⁶⁴ служила в Музее академических театров, и Н. С. Васильева, бывшая в то время директором этого Музея, подарила ей свой портрет с надписью: «Жившие в театре, умрите в театре».³⁶⁵ И это не была громкая фраза, Надежда Сергеевна действительно и жила в театре, и умерла в театре, на генеральной репетиции своего юбилейного спектакля.

После похорон Савиной муж ее А. Е. Молчанов просил меня навестить его. Когда я приехал к нему, оказалось, что он хотел просить меня разработать программу устройства Савинского музея в принадлежащем ему доме. Это меня заинтересовало, и через неделю я передал ему эту программу, составленную в очень широком масштабе. По этой программе под Музей должен был отойти весь дом, за исключением 4 комнат, оставленных лично для Молчанова. Однако он эту программу не использовал, а ограничился просто сохранением в полной неприкосновенности личных комнат Савиной да перенес из Александринского театра всю обстановку ее уборной, сделав дома точную ее копию.

Неприятное впечатление произвело на меня первое посещение этих комнат. Савина была немного ханжа, а Молчанов был ярко выраженный ханжа. Когда он отворил дверь в спальную Савиной, он остановился на пороге ее, перекрестился и отвесил комнате поясной поклон! По совести говоря, это отдавало комедией, ведь не святая же жила тут и умерла, а, напротив, весьма грешная...

³⁶² *Леткова (в замуж. Султанова) Екатерина Павловна (1856—1937)* — прозаик, автор мемуаров, переводчица.

³⁶³ *Гердт Павел (Павел Фридрих) Андреевич (1844—1917)* — артист балета, педагог. Выступал в балетной труппе императорских театров (1865—1916). Его учениками были А. П. Павлова, М. М. Фокин, Г. П. Карсавина, А. Я. Ваганова.

³⁶⁴ *Рышкова Кира Владимировна (1902—1983)* — дочь Вл. А. Рышкова. Работала на должности научного сотрудника в музее Академических театров (1920—1924). Затем работала библиотекарем в Библиотеке Академии наук (по свед., предоставленным З. В. Левочской, К. В. Рышкова работала в Библиотеке 38 лет, ушла на пенсию 10 марта 1964).

³⁶⁵ Парафраз цитаты из статьи Белинского «Литературные мечтания» (1834): «О, ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете!».

Ханжество, часто совершенно бессознательное, свойственно некоторым артистам. Евгений Борисович Вильбушевич³⁶⁶ считал себя неотразимым красавцем и победителем сердец. Мы, бывало, глумились над ним и подзадоривали его рассказывать нам о своих победах. Ехали мы с ним по Невскому, и он повествовал мне о каком-то своем походе, и как раз, когда он дошел до «самого интересного места» своего рассказа, мы поравнялись с Казанским собором. Он снял шляпу и стал набожно креститься, не прерывая, однако, своего пикантного рассказа!

Это мне напомнило, как однажды, на первой неделе поста, Бахрушин, кем-то возмущаясь, проговорил:

— Да! уж это настоящий сукин сын, прости Господи меня грешного, ведь говею!

И перекрестился.

За ужином в день свадьбы Смирновой и Романова Вильбушевич тоже нас распотешил. На этом ужине присутствовал и священник церкви Театрального училища Пигулевский,³⁶⁷ венчавший их. Пигулевский рассказывал разные анекдоты из жизни питомцев училища и вспоминал свои отношения с ними.

— А вот я, — сказал Вильбушевич, — в училище не был, а говел всегда у батюшки и относился к этому очень серьезно. Помню как-то получил я из Москвы известие о том, что в дружественной мне семье случилось несчастье. Виновником этого несчастья я считал себя. Получил я это известие, собираясь идти на исповедь. Покаялся я в своем грехе батюшке, он мне его отпустил, и я вернулся домой. Но успокоиться я не мог и послал телеграмму главе семьи: «Шлю привет, все ли благополучно». Под утро пришел ответ: «Спасибо за память, все здоровы и благополучны». Я уже не мог заснуть и, еле дождавшись девяти часов, помчался в церковь. С телеграммой в руке вбегаю в алтарь и прямо к батюшке.

— Батюшка! Одного, главного-то греха не было, вот телеграмма!

— Какого греха, в чем дело?

— Да в котором я вам вчера каялся.

— Что же, вы прибежали взять его назад?

— Ну, конечно!

— Ну и берите, только надолго его у себя не задерживайте...

К сожалению, из всех тех анекдотов, которые рассказывал Пигулевский, моя память сохранила только один. У воспитанниц училища было обыкновение заводить альбомы, в которых подружки их писали им стихи, и одна из них, звали ее Татьяной, подписалась в таком альбоме под стихами «Татьяна, но не Ларина». А когда предложили Людмиле Павловне Бараш³⁶⁸ написать что-нибудь в этот альбом, она подписалась так: «Людмила, но не Руслан!».

³⁶⁶ Вильбушевич Евгений Борисович (1874—1933) — пианист, композитор.

³⁶⁷ Пигулевский Василий Фавстович — настоятель церкви Пресвятой Троицы (при дирекции Императорских театров и Театрального училища).

³⁶⁸ Бараш (по мужу Мес(с)аксуди) Людмила Павловна (1887—?) — артистка балета. После окончания в 1905 г. Театрального училища танцевала в Мариинском театре.

Балет в то время, о котором я пишу, представлял собою совершенно обособленный мир со своими традициями, обычаями и обычкновениями. В нем тщательно блюлись эти традиции, я бы сказал, даже наследственность. И как деды и отцы считали чем-то совершенно невероятным, чтобы кто-нибудь из них не пошел на 125-е представление какого-нибудь «Конька-Горбунка»³⁶⁹ или, чтобы после конца спектакля он не пошел на подъезд поцеловать ручку какой-нибудь Олечки Скакунчиковой 2-й, так и дети и внуки их не считали это возможным. Особенно карикатурны были эти безусые юнцы, воспитанники Лицея, Правоведения, Пажеского корпуса,³⁷⁰ и белоподкладочные студенты и гимназисты, корчившие из себя стариков. Я называл их еще только «креветками» балета, в отличие от «крабов» и «лангустов» балета, состоявших уже и в почтенных годах, и в почтенных чинах. И как «крабы» и «лангусты» на том же подъезде обсуждали какое-нибудь «па» балерины на третьем такте второй вариации первой картины четвертого действия, так и «креветки», пощипывая свои несуществующие усы, важно рассуждали о том, что Верочка Попрыгунчикова несколько рано стала «на весь след», когда кордебалет танцевал после второй вариации в первой картине четвертого действия.

И заметьте, такая «креветка» никогда не назовет танцовщицу просто по фамилии, Попрыгунчикова. Нет, непременно по имени и непременно уменьшительным именем, не имея к тому никакого основания, так как «креветка» эта к ней не только не близка, но даже и не знакома с ней. В этом сказывается тоже наследственность. Поколение старшее «креветок» — «лангусты» — уже знакомо с некоторыми из Попрыгунчиковых, но опять-таки не так близко, чтобы их называть Верочками и Олечками, ибо это поколение, за немногим исключением богатых людей, представляет для Верочек и Олечек интерес разве только в смысле количества поклонников, что особенно котируется на балетной бирже. Традиция эта идет от самого старшего поколения, от «крабов», представляющих собою для балетных звезд и звездочек уже известную ценность и имеющих те или другие основания называть их уменьшительными именами. Тут сказываются и настоящая близость к балетной, как к женщине, и занимаемое положение в обществе, и влиятельные знакомства в администрации театра и с критикой. И балетная «креветка» с благоговением взирает на таких «крабов», внимательно прислушивается к их суждениям на подъезде, всячески копирует их и тайне мечтает о временах, когда она займет такое же положение. А пока... пока она бегает на подъезд поцеловать ручку почти незнакомой ей Шурочки Скакалчиковой, которую та охотно протягивает направо и налево. Ее от этого не убудет, а лишнего поклонника в такой «креветке» она приобретает, а значит, и лишний аплодисмент.

Балетные критики существенно разнятся от драматических и оперных, и происходит это оттого, что настоящих писателей, не заинтересованных балетным миром, в их среде нет. Я знал только одного такого, Э. А. Стар-

³⁶⁹ Имеется в виду балет по сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок», музыка Ц. Пуни, либретто французского хореографа А. Сен-Леона (1864). Шел под названием «Конек Горбунок, или Царь-Девница».

³⁷⁰ Имеются в виду Императорский Александровский лицей, Училище правоведения и Пажеский корпус.

ка,³⁷¹ но тот быстро «бубояхся бездны премудрости и возвратихся вспять» и скоро перестал писать о балете. Его критика, посвященная только хореографическому искусству, мало интересовала балетный мир, так как в ней не было закулисных намеков. Был еще писатель, писавший о балете, Волынский,³⁷² но о нем я буду говорить ниже. Мне могут возразить: позволите, а Скальковский,³⁷³ а Светлов?³⁷⁴ На это я отвечу, что я ведь говорил о писателях, не заинтересованных в балетном мире, и не помню, как Светлов, но Скальковский был слишком интимно связан с балетом, и потому беспристрастным я его считать не могу.³⁷⁵

Остальные же все, все эти Плещеевы, Козляниновы³⁷⁶ et cetera,^a были весьма гибкие критики. Таких критиков соблазняла обстановка, в которой

^a et cetera — и так далее (лат.).

³⁷¹ *Старк Эдуард Александрович* (1872; по др. свед. 1874—1942) — театральный и музыкальный критик, известный под псевдонимом Зигфрид. Печатался в газетах «Россия», «Санкт-Петербургские ведомости» (вел рубрику «Эскизы»), «Обозрение театров», журнале «Театр и искусство». Автор книг: Шаляпин. СПб., 1915; Петербургская опера и ее мастера: 1890—1910. М., 1940.

³⁷² *Волынский (наст. фам. и имя Хаим Лейбович Флексер) Аким Львович* (1861—1926) — литературный и балетный критик, историк и теоретик искусства.

³⁷³ *Скальковский (псевд. Балетоман) Константин Аполлонович* (1846; по др. свед. 1843—1906) — горный инженер, балетоман, балетный критик, автор книг: В театральном мире. СПб., 1899; Балет, его история и место в ряду изящных искусств. СПб., 1882. В. Я. Светлов писал о нем: «К. А. Скальковский — более публицист балета, чем критик. Убежденный поклонник балета, талантливый и остроумный памфлетист, блестящий писатель. Всю жизнь его травили за любовь к этому искусству, но он продолжал, не смущаясь, писать книгу за книгой о балете и иметь гражданское мужество сознаться в этой приверженности к балету» (*Валериан Светлов*. Терпсихора: Статьи. Очерки. Заметки. СПб., 1906. С. 6). Скальковский собрал большую коллекцию балетных раритетов, перешедших по завещанию к Светлову. Другой балетный критик, Д. И. Лешков, упоминающийся в воспоминаниях Рышкова ниже, так определяет Скальковского: «Я жалею, что не могу записать этих рассказов, которые составили бы целую брошюрку удивительных деяний этого инженера - горнопромышленника - публициста - путешественника - балетомана - моралиста - развратника - химика - музыканта - русского - парижанина и т. д., словом, этого поистине редкого и интересного человека, везде бывшего, все знавшего и чем угодно занимающегося». Цит. по: *Лешков Д.* Партер и карцер: Воспоминания офицера и театрала. М., 2004. С. 178.

³⁷⁴ *Светлов (наст. фам. Ивченко) Валериан Яковлевич* (1860—1934) — балетный критик, писатель, коллекционер балетных раритетов. Автор рассказов, повестей, романов, а также книг о балете: Терпсихора: Статьи. Очерки. Заметки. СПб., 1906; Современный балет. СПб., 1911; автор статей «Письма о балете» в журнале «Театр и искусство» и др. Был тесно связан с дягилевским балетом. В «Ballets russes» танцевала его жена, балерина и педагог В. А. Трефилова. В эмиграции был балетным обозревателем газ. «Возрождение».

³⁷⁵ Светлов был поклонником артистки балета *Шоллар Людмила Францевны* (1888—1978); женой его была балерина *Трефилова Вера Александровна* (1875—1943). Скальковский был другом, поклонником и покровителем многих артисток балета, среди которых можно особенно выделить *Никитину Варвару Александровну (Ивановну)* (1857—1920) и *Вирджинию Цукки* (1847—1930). Д. Лешков отмечал, что желание смотреть балет в 40-й раз возникает «в силу притяжения некоторого магнита, тем более если в этом балете магнит не занят и сидит где-нибудь в креслах или ложе! По словам покойного К. А. Скальковского, это и есть одно из верных, но иногда опасных средств сделаться самым отчаянным и записным балетоманом» (*Лешков Д.* Партер и карцер: Воспоминания офицера и театрала. С. 100).

³⁷⁶ Имеется в виду *Козлянинов Леонид Лаврович* (1867—1911) — сотрудник газеты «Новое время», моряк. После окончания морского училища начал службу гардемаринном, плавал на «Генерал-Адмирал», «Минин», броненосце «Наварин», мореходной канонерской лодке «Гре-

они пребывали, околачиваясь около балетного мирка. Что греха таить, ведь ни в драме, ни в опере не живут так широко и весело, как в балете, нигде так не тратят деньги, как там, и вот такой сорт критиков и приспособливается к нему и хоть сеет и жнет по малости, но жатву собирает обильную.

О Козлянинове, например, я знаю вот что. Бахрушин был очень дружен с Юлией Николаевной Седовой,³⁷⁷ они были даже «на ты», и очень ей покровительствовал. Как-то перед одним из его приездов в Петербург Козлянинов «обложил» в рецензии Седову, и та, когда Бахрушин приехал, ему показала эту рецензию.

— Вот что, Юля, — сказал Бахрушин, — позови-ка ты его к себе обедать и нас с Владимиром Александровичем пригласи.

— Да как же я его после этой рецензии позову, ведь он не пойдет.

— Не беспокойся, пойдет. Скажи ему, что и я буду и очень хочу с ним повидаться.

Обед, конечно, состоялся, и после него Бахрушин долго беседовал с Козляниновым в гостиной. А дня через два появилась в газете очень сочувственная Седовой рецензия. Лично мне Бахрушин не говорил о теме их разговора.

Вторым настоящим писателем в балете появился А. Л. Вольтинский. Но этот писатель уже не убоился бездны премудрости, а, напротив, эта премудрость ему так понравилась, что он ни за что не хотел расстаться с балетом и не расставался с ним до смерти, несмотря на то что все его там презирали и всячески третировали. Как исключительный нахал он решил сразу же ошеломить балетный мир стилем своего писательства, и действительно, в своей критике он загибал такие выражения, что читавшие ее становились прямо-таки в тупик, ничего не понимая! За примером ходить недалеко, вот дословная цитата из одной его рецензии: «Затем „Лебединое озеро“. Идет испанский танец в постановке А. А. Горского. Что-то невозможное во всех отношениях! Смесь пляса живота с боем петухов...»³⁷⁸ И если просмотреть все его рецензии, то просто диву даешься, какие термины он придумывал, полагая, вероятно, что они чрезвычайно поднимают его престиж. Кроме того, хотя он был и настоящий писатель, он не владел свободно русским языком. Должно быть, тут сказывалась его национальность, настоящая фамилия его была Флексер. Ибо, конечно, русский писатель не мог бы выпустить из-под своего пера такой перл. Говоря о танце Романова в «Коньке-Горбунке», он пишет, что Романов «размахивает рука-

мьящий». Участвовал в северной экспедиции по исследованию Ледовитого океана, служил в Балтийском флоте. Работу в «Новом времени» начал в 1897 г. с корреспонденций с острова Крит, затем писал рецензии, преимущественно балетных спектаклей. См., например, его статьи в «Новом времени»: Театр и музыка. 1911. 5 марта. С. 14; Балет в 1910 г. 1911. 1 янв. С. 18 (подпись — Козлянин Л.). См. также некролог: Исторический вестник. 1911. № 6. С. 1141—1142.

³⁷⁷ Седова Юлия Николаевна (1880—1969) — артистка балета, педагог. Танцевала в Мариинском театре (1898—1911; 1914—1916), с 1918 г. в эмиграции во Франции, затем в Италии.

³⁷⁸ Цитата из статьи Вольтинского «Балетмейстерский вопрос (Б. Г. Романов)» (Биржевые ведомости. 1915. 20 февр. № 14682. Утр. вып. С. 6). Горский Александр Алексеевич (1871—1924) — артист балета, балетмейстер, педагог, либреттист; артист Мариинского театра (с 1889), балетмейстер Большого театра (1900—1924).

ми по-кукольному, носки то врозь, то лицом к лицу...».³⁷⁹ Уж русский-то писатель никак не мог бы найти на носках у человека лица! Это был бы уже какой-то «триликий» Янус.³⁸⁰

Правда, трудно даже поверить, что все это действительно когда-то было!

Этот критик был тоже весьма гибок, и гибкость его не всегда сходила ему благополучно с рук. Знарок балета Д. И. Лешков³⁸¹ однажды так его «угробил», что он начал было как истый нахал ругаться, однако скоро счел за лучшее умолкнуть. Дело в том, что, когда в балете был режиссером печальной памяти Сергеев,³⁸² Волынский, едва ли не по желанию одной из балерин, разнес его в пух и прах. Время шло, грянула революция, и Сергеев очутился не то в Ревеле, не то в Риге,³⁸³ куда приехала на гастроли Спесивцева.³⁸⁴ Должно быть, он оказал ей там какое-нибудь внимание, потому что, вернувшись в Петербург, она заявила, что совершенно недопустимо, чтобы такой крупный талант, как Сергеев, не был бы в петербургском балете. А Волынский, состоявший в то время ее присяжным рыцарем — он всегда состоял таковым при ком-нибудь из балетных, написал о том же хлесткую статью, превознося Сергеева до небес. Но в недрах балетного мирка оказался один человек, хорошо знающий и литературу его, и историю его. Этот человек и был Д. И. Лешков. И вот в одной из театральных газет появилась заметка Лешкова под заглавием «Две статьи», в которой он процитировал то, что Волынский писал о Сергееве раньше, и то, что он написал теперь!³⁸⁵ Эффект получился такой, какого Волынский и не ожидал.

³⁷⁹ Цитата из статьи Волынского «Балетмейстерский вопрос (Б. Г. Романов)». См. сноску № 378.

³⁸⁰ По воспоминаниям Д. И. Лешкова, М. Ф. Кшесинская, недовольная стилем статей Волынского, говорила ему: «Мне надоело за Вашу белиберду платить по 300 рублей за месяц. Вы не поняли своей простой задачи и лезете в разбор дела, в котором свиного пупа не понимаете. Если Вы будете продолжать Ваш дурацкий, вызывающий хохот набор слов — то уже за счет Проппера». См.: *Лешков Д.* Партер и карцер: Воспоминания офицера и театрала. С. 237. В приведенной цитате упоминается издатель «Биржевых ведомостей» С. М. Проппер.

³⁸¹ *Лешков (наст. фам. Ляшков) Денис Иванович* (1883—1933) — балетный критик, историк балета, офицер артиллерии. С 1907 г. начал выступать с рецензиями в петербургской прессе. В 1918—1926 гг. заведующий Архивом Дирекции государственных театров. В 1920-е гг. работал в Театральном музее А. А. Бахрушина. Автор книг: «Мариус Петипа» (Пг., 1922) и мемуаров «Партер и карцер: Воспоминания офицера и театрала» (М., 2004).

³⁸² *Сергеев Николай Григорьевич* (1876—1951) — артист, режиссер балета, педагог. Окончил Петербургское театральное училище в 1894 г. Был принят в Маринский театр, с 1903 г. режиссер, с 1904 г. солист, с 1914 г. главный режиссер балетной труппы. В 1897—1917 гг. преподавал в Петербургском театральном училище. В 1918 г. эмигрировал.

³⁸³ В 1922—1924 гг. Сергеев был балетмейстером Рижского театра.

³⁸⁴ *Спесивцева Ольга Александровна* (1895—1991) — балерина, выступала в Маринском театре (1913—1924), Русском балете С. П. Дягилева, с 1924 г. жила в Париже, с 1939 г. в США.

³⁸⁵ Имеется в виду статья Д. Лешкова «История двух театральных статей», напечатанная в газете «Обозрение театров и спорта» (1922. 8 окт. № 6. С. 5). В ней Лешков сравнивал две статьи Волынского: одну статью, напечатанную в «Биржевых ведомостях» под названием «Возобновление „Дочери фараона“» (1913. 4 февр. № 13381. Веч. вып. С. 6), и другую статью под названием «Карета скорой помощи», напечатанную в газ. «Жизнь искусства» (1922. 26 сент. № 38). Н. Г. Сергеев упоминается Волынским в обеих статьях. В статье «Возобновление „Дочери фараона“» речь идет о постановке балета «Дочь фараона» М. Петипа. Н. Г. Сергеев восстанавливал этот балет по своим записям и по воспоминаниям артистов. Волынский пишет, что «записи Сергеева, механические, лишены руководящей мысли, сбивчивые и хаотиче-

Итак, вот второй балетный критик из настоящих писателей...

С Варламовым и Давыдовым я был мало знаком, настолько мало, что у меня нет даже их портретов с автографами. Когда мы встречались, мы перекидывались двумя-тремя фразами, и этим наше знакомство и ограничивалось. Но так как и они участвовали в пушкинских спектаклях, мне приходилось не раз бывать у них в уборных для переговоров.

И в уборной Варламова меня всегда поражало отсутствие какого-либо художественного вкуса у него. Такой громадный художник на сцене был невероятно безвкусен в жизни. Все эти ленты от венков, которыми были задрапированы стены его уборной, эти грошовые статуэтки и вазочки, красующиеся на полках рыночной работы, столики, сплошь обтянутые ковровой материей с какими-то шерстяными булками в виде бахромы, все это было так мещански пошло! Я как-то зашел в уборную кафешантанной певицы в Паллас-театре³⁸⁶ и по совести должен признать, что уборная Варламова несколько не отличалась вкусом от уборной этой певицы, даже, пожалуй, она у нее была изящнее.

В обществе с Давыдовым мне пришлось быть, между прочим, в Паллас-театре, когда на какое-то театральное торжество приехала в Петербург А. А. Яблочкина и несколько человек решили ее чествовать там ужином. Сидели мы не в отдельном кабинете, а в общем зале. Тут были Давыдов, Мичурина,³⁸⁷ Юрьев, Корвин-Круковский,³⁸⁸ брат мой Виктор, я и еще кое-кто. Давыдов был в ударе и очень всех нас смешил. Кто-то спросил его, поедет ли он летом за границу, и он, похлопав себя по животу, сказал:

— С таким пузом надо бы ехать, только оно мне и за границей один раз насолило.

— Как так?

ские, серьезного значения для балета иметь не могут», а для реставрации произведений Пети-па нужен «артист, для которого классическая хореография — не техника, не гимнастика, а искусство, устремленное к разрешению больших задач». Далее он отмечает, что, отдав в руки Сергеева «столь ответственные задачи, театр, без сомнения, ведет свое дело к катастрофе». В другой статье «Карета скорой помощи» Волынский размышляет о новом балетном сезоне и вновь пишет о постановках балетов Пети-па: «Все эти вещи, классические создания Мариуса Пети-па, требуют ремонта, полнейшего возобновления в одних частях, воссоздания и редактуры в других. Кроме того, все это должно быть пройдено под руководством репетитора перво-классной величины, каким в свое время был Н. Г. Сергеев, выброшенный за последние годы куда-то в Ригу самозванным и претенциозным его заместителем». Лешков продолжал полемику с Волынским в «Обзрении театров и спорта» в статьях: «Записи балетных танцев» (1922. 12 окт. С. 5—6), «Еще о записях» (1922. 19 окт. С. 5—6). В последней статье Лешков отмечает, что в своих суждениях о Сергееве Волынский основывается на личном мнении О. А. Спесивцевой, которую считал «талантливейшей, а потому авторитетнейшей из современных артисток».

³⁸⁶ *Палас-театр* — театр оперетты, открылся 23 дек. 1910 г. в Петербурге на Итальянской ул. (ныне Театр музыкальной комедии).

³⁸⁷ *Мичурина-Самойлова Вера Аркадьевна* (1866—1948) — актриса Александринского театра.

³⁸⁸ *Корвин-Круковский Юрий Васильевич* (1861—1935) — актер. Выступал на сцене с 1882 г. в Ораниенбауме, затем в Гельсингфорсе, Александринском театре (1886—1929).

— Да очень просто... В одном немецком городке полез я на какую-то высокую башню, говорили, что сверху оттуда вид очаровательный. Лез я, лез по внутренней винтовой лестнице, которая становилась все уже и уже, да и застрял! Ни вперед, ни назад! А сзади какие-то немцы, тоже туристы, кричат, чтобы я их не задерживал, я же по-немецки ни в зуб толкнуть. Они все продолжают кричать, а я сдвинуться с места не могу. Тогда я набрался храбрости и крикнул им:

— Пихен зи мих нах обен, одер тирен зи мих нах унтер!³⁸⁹

Знал жизнь и человеческую натуру Владимир Николаевич.

— Вы замечали когда-нибудь, — спросил он нас, — как официанты зорко следят за посетителями, чтобы они не разбивали посуду? Ведь они за нее платят хозяину. Вот я сейчас сделаю вид, что опьянел, и потянусь к бокалу, и посмотрите, как официант мне ловко поможет взять его в руки.

Просидев короткое время молча, он осоловелыми глазами взглянул на официанта и проговорил заплетающимся языком:

— На-алейте-ка мне вина.

Официант наполнил бокал, и когда Давыдов нетвердой рукой потянулся за ним, тот моментально подхватил бокал и дал его ему в руку. Давыдов тотчас же совершенно отрезвел и веселым голосом сказал:

— А ведь я еще совсем не пьян, не беспокойтесь, посуды не разобью!

Надо было видеть удивленное лицо официанта...

Рассказывали о Давыдове еще и такой случай. Однажды Далматов,³⁹⁰ с двумя дамами, нанял у Гостиного двора коляску и сел в нее, намереваясь отправиться на острова. Когда они уже разместились, к ним подошел Давыдов и, обращаясь к Далматову, сказал:

— Господин Далматов, не хорошо-с! Вот с дамами шикарите, в колясках катаетесь, а бедному портному 25 рублей уже целый год заплатить не хотите.

— Володя! — вскричал Далматов, — что ты за чушь порешь?!

— Да, вот теперь — Володя, а как за деньгами придешь, в шею гоните.

— Mesdames, — обратился Далматов к смущенным дамам. — Да ведь это же наш знаменитый артист Владимир Николаевич Давыдов.

— Артист-то вы сами не платите деньги, — ответил Давыдов.

Конечно, все кончилось общим хохотом, и Давыдов поехал с ними на острова.

Об одной актерской мистификации вот что рассказал мне М. П. Садовский.

«Было это еще тогда, когда мы, актеры, ездили в поездки скромнехонько в вагонах II класса, без всяких плацкарт. В поездке, между прочими, участвовали я и А. П. Ленский. Когда мы в каком-то городе, собравшись на вокзале, рассуждали о том, как бы нам покомфортабельнее устроиться, Ленский сказал:

³⁸⁹ Немецко-русские словообразования комического характера.

³⁹⁰ Далматов (наст. имя и фам. Василий Пантелеймонович Лучич) (1852—1912) — актер. Играл в Александринском (1884—1894; 1901—1912), Суворинском (1895—1901) и других театрах. Выступал в амплу светских щеголей, прожигателей жизни, играл также роли драматического характера. Писал фельетоны и рассказы из театральной жизни, автор пьес.

— А знаете что, притворюсь-ка я сумасшедшим, мы тогда всю публику напугаем и разгоним. Ты, Миша, меня веди и разыгрывай, будто я сумасшедший.

Так мы и поступили. Входим в вагон, где было уже порядочно народу, я веду Ленского под руку и говорю:

— Ничего, ничего, Саша, не волнуйся, это публика смиренная, она тебя не обидит...

Ленский скорчил зверское лицо и проворчал довольно громко:

— Ну да, смиренная! Это все доктора, я их знаю! Они мучители... Ну, ничего, я им скоро устрою кровопускание.

— Ну, чего там, мы их к тебе не подпустим.

Вдруг лицо Ленского исказилось страданием, и он зловеще стал шептать:

— Смотри, смотри, приближаются, все ближе приближаются.

Во время этого диалога один из актеров, обходя публику, тихо просил, чтобы не смотрели на больного, потому что он может остервениться и впасть в буйство. И тотчас же один за одним пассажиры стали забирать свои вещи и поодиночке удаляться.

И когда мы прекрасно разместились, в вагоне остались только два пассажира, мирно и спокойно беседовавших. Тогда Ленский решительно пошел к ним и спросил:

— Вы доктора?

— Такие же доктора, как вы умалишенный, — ответил один из них, — Полноте, довольно... Ведь вы разместились уже прекрасно и очень нас помешали. Не понимаю только, как вся эта удравшая публика не догадалась по вашим бритым физиономиям, что вы актеры.

— И прекрасные актеры, — добавил другой».

Заносу еще несколько отрывков из воспоминаний о театральном мире, пришедших на память.

В. П. Далматов всегда очень заботился, чтобы его не считали пожилым, и чрезвычайно не любил, когда заговаривали о летах. В таких случаях он всегда говорил:

— Ну, что лета, — *l'état c'est moi!*^a

У него был уже взрослый сын, служивший по дипломатическому ведомству, и когда он был назначен на службу в Пекин и уезжал туда, Далматов и еще кое-кто из его знакомых провожали его на вокзале. Наконец после третьего звонка поезд тронулся, и Далматов-сын, стоя на площадке и посылая отцу воздушный поцелуй, крикнул:

— Ну, до свиданья, папа. Пиши!

Далматов на это весело ответил:

— Шутник вы, Иван Иванович!

^a *l'état c'est moi!* — Государство — это я! (*фр.*). Здесь: в качестве каламбура, основанного на омонимии русского «летá» и франц. *l'état* (государство), приводится выражение, приписываемое Людовику XIV, — «Государство — это я!».

Надо пояснить, что сын всегда обращался к нему не иначе, как называя по имени и отчеству.

Лета это «bête noire»³⁹¹ артистов, они постоянно отшучиваются, когда возбуждается вопрос об них. Как-то раз в дружеской компании пристали к Юрьеву, чтобы он сказал, каких он лет, и он ответил:

— Ну, не все ли вам равно, каких?! Я просто дамских лет!

Устраивая и приводя в порядок музейчик в фойе артистов Александринского театра, я решил завести при нем картотеку на здравствовавших тогда артистов, на которую нанести различные о них сведения: время и место рождения, образование, дату первого дебюта и пр., и разослал труппе опросные листки. Встречаю я вскоре в фойе К. Н. Яковлева.³⁹¹

— А, наивнейший человек, здравствуйте, — воскликнул он.

— Почему — наивнейший?

— Да, как же. Поставил нам такие вопросы, на которые из ста актеров ответят максимум три! Ну, вот я вам отвечаю, что я сын ломового извозчика, что мне сорок лет, что учился я на гроши, меня от этого не убудет, а неужели вы думаете, что Мичурин так вам черным по белому и напишет, что ей 60 лет?! Как же — не наивнейший!

Яковлев оказался прав, не только от трех, но даже и от одного, от самого Яковлева, я опросных листков обратно не получил.

Чтобы дополнить характеристику В. В. Протопопова, не лишне будет рассказать, что, когда вспыхнула война с Германией, он и Плещеев пробились из-за границы в Россию на каком-то угольщике через Константинополь. Плещеев, не ожидая, что ему придется так путешествовать, накупил за границей много старинных вещей по балету, которые он собирал, и поэтому совершенно издержался и очень бедствовал в пути, а Протопопов, воспользовавшись его положением, купил у него все эти вещи за бесценок. «За чечевичную похлебку», — говорил Плещеев, рассказывая об этом после смерти Протопопова. <...>

После известного коленопреклоненного пения Шаляпина перед ложей Николая II об этом было много толков и над этим очень издевались.³⁹² Отозвался на это событие, конечно, и Балиев. Он вышел на сцену и заявил:

³⁹¹ *bête noire* — пугало (фр.).

³⁹¹ Яковлев Кондрат Николаевич (1864—1928) — артист Александринского театра и театра Ф. А. Корша.

³⁹² Инцидент, известный как «коленопреклонение» Шаляпина, относится к 6 янв. 1911 г. В конце 3-го действия «Бориса Годунова» хор Мариинского театра решил обратиться к Николаю II с просьбой об улучшении своего материального положения. После своего эпизода Шаляпин направился к выходу, но хор неожиданно запел гимн «Боже, царя храни» и бросился на колени, загораживая Шаляпину выход со сцены. Растерявшийся Шаляпин опустился на колени позади кресла Бориса Годунова. Правая печать этот инцидент представила как выражение

— Господа, должен сказать, что лавры Бахрушина не дают покоя «Летучей мыши», и мы решили тоже собирать театральные реликвии и устроить свой музей. Кое-что мы уже собрали, и я сейчас вам покажу наши редкости.

Он ушел за кулисы, вынес несколько пустяков, вроде нестиранного платка Мочалова,³⁹³ и наконец принес брюки, на коленях которых зияли сплошные дыры.

— Брюки Шаляпина, — проговорил он мрачно, понурил голову и медленным шагом удалился со сцены.

А в одном крупном провинциальном городе Шаляпину был поднесен венок с двумя красными лентами, на которых было напечатано, на одной «хаму царей», а на другой «царю хамов»...

Когда шли репетиции «Грозы» в шарлатанской постановке Мейерхольда,³⁹⁴ я во время какого-то спектакля зашел в уборную к Аполлонскому. Поговорив о том, о сем, я спросил его:

— А как идут репетиции «Грозы»?

— Да как и все у Мейерхольда.

— Что же, плохо?

— Как сказать... Ну вот вы, например, как почешете правое ухо?

— Да просто, почешу его, как все бы почесали.

— Ну, покажите, как.

Я почесал.

— Ну вот, видите, как это просто, а Мейерхольд непременно почесал бы так...

И Аполлонский загнул левую руку назад за шею и почесал ею правое ухо.

— Вот так и «Гроза» у нас пойдет, — прибавил он.

Говорят, на одной из репетиций какой-то пьесы Варламов потрещал Мейерхольда по плечу и проговорил:

— Все «стерилизуешь»?! Ну, «стерилизуй, стерилизуй», что же тебе больше делать, коли другого тебе ничего не дано...

верноподданнических чувств, а левая — как измену демократическим идеалам. По мнению исследователей жизни и творчества Шаляпина Ю. Котлярова и В. Гармаша, певец оказался жертвой «драматически сложившихся для него обстоятельств, а его имя было умело использовано официальным Петербургом в своих узко-политических целях». См. об этом подробнее: *Шаляпин Ф. И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. Париж, 1932. С. 320—328; Теляковский В. А. Воспоминания. Л.; М., 1965. С. 393—406.*

³⁹³ Мочалов Павел Степанович (1800—1848) — актер, с 1824 по 1848 г. в Малом театре.

³⁹⁴ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — режиссер, актер, театральный деятель. «Грозу» А. Н. Островского Мейерхольд поставил в Александринском театре в 1916 г. с Е. Н. Рошиной-Инсаровой — Катериной и Н. Н. Ходотовым — Тихоновым.

В одной артистической компании, когда некоторые уже подвыпили, зашел разговор о Глинке,³⁹⁵ и кто-то, к сожалению, не помню, кто именно, неодобрительно отозвался об его музыке. М. Т. Дулов, услыжав такой отзыв, подошел к говорившему и мрачно проговорил:

— Едем.

— Куда?!

— Говорю тебе, едем.

— Да куда же?!

— Увидишь, только я от тебя не отстану. Господа! — обратился он затем ко всем. — Мы с ним через полчаса вернемся.

Оказывается, Дулов отвез критика Глинки к его памятнику, заставил его перед ним стать в снег на колени, отвесить ему земной поклон и покаяться перед ним.

Поэт Федор Алексеевич Червинский послал А. Е. Зарину³⁹⁶ в день его юбилея такую телеграмму: «В твоём лице приветствую человека, готового не только постоять за убеждения, но и посидеть».³⁹⁷ Зарин, как известно, был не из спокойных.

Однажды при мне А. П. Ленский, играя Фамусова, обмолвился так: «Что за москвы в Тузе живут и умирают!».³⁹⁸

Теперь я должен покаяться в одном своем свинском поступке, иначе его назвать я не могу.

Одно время в Петербурге появилась фокусная игрушка, состоявшая из пустого чернильного пузырька и жестяной пластинки неправильной формы, окрашенной в черный цвет. Фокус заключался в том, что пузырек клали на бок и к горлышку его придвигали эту пластинку, и таким образом получалась полная иллюзия опрокинутого пузырька и вылившихся из него чернил.

Этой игрушкой я многих вводил в заблуждение. Помню, например, нас, небольшая компания, пришла ужинать в «Вену», и мы заняли там кабинет. Пока официант ходил за карточкой, я пристроил эту игрушку на чистой скатерти на столе, и когда официант вернулся, я ему сказал:

³⁹⁵ Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — композитор, мемуарист.

³⁹⁶ Зарин Андрей Ефимович (1862—1929) — прозаик, журналист.

³⁹⁷ Намек на общественную деятельность Зарина, который в 1883 г. был арестован по обвинению в хранении нелегальной литературы и в связях с участниками «Народной воли», затем в 1906 и 1908 гг. вновь привлекался к суду и отбывал одиночное заключение в Петербургской тюрьме (1908—1909) за призывы стачечного комитета к прекращению работ на Финляндской железной дороге и т. д.

³⁹⁸ Правильно: «Что за тузы в Москве живут и умирают!». Из монолога Фамусова во втором действии комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

— Кто это у вас тут чернила пролил?

Официант засуетился, схватил свою салфетку, намереваясь, очевидно, вытереть ею чернила, но, по-видимому, раздумав, скрылся, а я убрал все это со стола. Нужно было видеть его пораженное лицо, когда он вернулся и увидел, что чернильного пятна нет, а я ему спокойно сказал:

— Ничего, не беспокойтесь, я все чернила вывел, я это очень хорошо умею делать.

И в продолжение всего ужина он смотрел на меня с каким-то страхом и приводил других официантов, по-видимому, для того, чтобы показать им такого чародея, как я.

С официантом это, конечно, можно было проделать, но мой позор заключается в том, что я вздумал так подшутить над А. Я. Головиным.³⁹⁹ Он тогда работал над постановкой «Маскарада»,⁴⁰⁰ и я, будучи в его мастерской, положил эту проклятую игрушку на один из его эскизов! И когда он увидел это, раздался положительно душу раздирающий его вопль. Я тотчас же бросился к эскизу и схватил игрушку. Головин посмотрел на меня и жалобно проговорил:

— Владимир Александрович, ну разве можно так шутить?!

И разразился хохотом, переходившим временами в истерику.

Однако на наши приятельские отношения этот случай, слава Богу, не повлиял.

Я владею большой редкостью. У меня есть кожаный портсигар, на котором расписываются чернилами мои приятели и знакомые из артистическо-литературного мира.⁴⁰¹ Редкость портсигара заключается в том, что на нем есть подпись А. И. Куприна,⁴⁰² сделанная им в совершенно трезвом виде! Я серьезно утверждаю, что это был единственный раз, когда я видел Куприна абсолютно трезвым. Встречал я его при моих редких посещениях богемных ресторанов вроде «Вены» и в Театральном клубе, и всегда он бывал «в градусе». В Театральном клубе при мне произошел такой случай. Мы собирались ужинать, и с нами была жена Виктора, Софья Евгеньевна.⁴⁰³ Во время ужина она открыла портсигар, вынула папиросу и, с кем-то разговаривая, продолжала держать его открытым. Сидевший через стол от нас Куприн подошел к ней, спокойно достал из ее портсигара папиросу и молча удалился.

³⁹⁹ Головин Александр Яковлевич (1863—1930) — живописец, график, театральный художник.

⁴⁰⁰ Имеется в виду постановка лермонтовского «Маскарада», премьера которого состоялась в Александринском театре 25 февр. 1917 г. с Ю. М. Юрьевым в главной роли. См. об этомנסו № 250.

⁴⁰¹ Портсигар Владимира Рышкова в настоящее время хранится в РГАЛИ в фонде историка литературы Дурылина Сергея Николаевича (ф. 2980). На портсигаре имеются автографы А. Я. Головина, Э. А. Купера, А. И. Куприна, М. Ф. Ленина, А. И. Мозжухина, О. О. Садовской и др.

⁴⁰² Куприн Александр Иванович (1870—1938) — прозаик.

⁴⁰³ Рышкова (урожд. Эбергард) Софья Евгеньевна — с 1889 г. жена Виктора А. Рышкова.

Оригинальный это был человек. Когда в Александринском театре поставили его «На покое»,⁴⁰⁴ я после спектакля встретился с ним в клубе и сказал ему, что был на спектакле, который имел успех.

— Да, я был тоже. Но все-таки ведь и шикали, — проговорил он.

— Да, несколько шиканий было слышно.

— Ну, слава Богу, что было слышно.

— Как, слава Богу?!

— Конечно. Ведь и я с галерки шикал. Разве можно было ставить такую дрянь! Ходотов⁴⁰⁵ настаивал, чтобы ее поставили, вот и пускай наслаждается, как ее ошикали. А я с удовольствием шикал...

Любопытные сведения имеются в архиве бывших императорских театров. Оказывается, что Теляковский ходатайствовал о пожаловании Станиславскому звания заслуженного артиста и ходатайство это мотивировал тем, что Станиславский, получив это звание, будет стесняться ставить в Художественном театре пьесы, идущие вразрез взглядам правительства!

Перед тем чтобы покончить с Пушкинской комиссией и перейти к воспоминаниям об Академии, я расскажу еще и об единственной моей встрече со знаменитым, в кавычках, Сувориным.

Задумал я поставить Пушкинский спектакль и в петербургском Малом театре и написал Суворину, что, имея к нему поручение от Комиссии, прошу его уведомить, когда он может меня принять. Ответа я, конечно, не получил и добился свидания с ним через посредство Е. П. Карпова. Это было в начале 1904 г., когда он уже гневался на Академию за то, что она не избрала его в почетные академики.

Вошел я в его кабинет и увидел его прогуливающимся, заложив руки в карманы, по комнате. Я назвал себя.

— Очень рад. Присаживайтесь, — сказал он, зевая.

Было ясно, что он только что проснулся.

Выслушав мое предложение, он стал брюзжать, стал говорить, что он уж и так дал Академии на это дело 45 000 р. и что больше он «не хочет» что-либо делать. На это я ему ответил, что я думаю, что Академия вполне ценит его заслуги, и если уж он не хочет сделать это для нее, то он, зани-

⁴⁰⁴ Премьера сцен в 3 д. «На покое» А. И. Куприна и А. И. Свирского состоялась в Александринском театре 8 февр. 1908 г.

⁴⁰⁵ Н. Н. Ходотов так вспоминает о пьесе «На покое», переделанной Куприным из своего рассказа (написан в 1902) совместно с А. И. Свирским: «Имя Куприна было настолько популярно, что мне удалось чуть ли не в десять минут решить вопрос о приеме ее на нашу сцену. Куприну и Свирскому пришлось только забежать в контору за авансом, насчет суммы которого мне пришлось изрядно поторговаться с Теляковским. Куприн хотел больше обычной тысячи на двести рублей. <...> Пьеса имела средний успех, несмотря на литературные достоинства и первоклассный состав исполнителей». См.: *Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. Л.; М., 1962. С. 221—222.

мающийся Пушкиным сам, мог бы поработать для самого Пушкина. Он опять упрямо проговорил:

— Довольно. Говорю же я вам, что не хочу больше.

— Нет, Алексей Сергеевич, — ответил я, — вы неправы. Вы, имея и театр, и самую распространенную газету, дали на Пушкина *всего только* 47 000 р. (лицо Суворина при слове «только» изобразило удивление), а я, не имея ни того, ни другого, дал спектаклями 11 000 р., т. е. только вчетверо меньше вас. А ведь средства у нас разные!

Он посмотрел на меня, сел на диван и стал хохотать. Хохотал он, видимо, от души и долго. Я уже придумывал, как и чем его остановить, как он встал и проговорил:

— Оригинально. Оригинально! Очень оригинально! Только все-таки я ничего не сделаю...

Я простился и ушел и после этого случая с ним больше не сталкивался.

Суворин в моем представлении связан тремя своими этапами: первый этап — бедный мальчик, тащущий на себе из Давыдково в Москву несколько томов Шиллера, второй этап — «Незнакомец»,⁴⁰⁶ передовой талантливый журналист, любимец прогрессивной России, и третий этап — разбогатевший самодур, но только самодур не с властью имущими. Я был его современником в период его третьего этапа. Не стану описывать проявлений его самодурства в театре, слишком он, став выразителем лозунга «чего изволите», сошел на нет как общественный деятель. Надо, впрочем, отдать ему справедливость, что театр он любил и хорошо знал, но в то же время своими капризами истинного самодура и губил его; фактов я приводить не буду, слишком он был незначителен, не влиянием своим, а своею личностью, чтобы им долго заниматься. Расскажу только один случай, когда его самодурству был дан изрядный щелчок. Брат Виктор ставил в Малом театре свою «Казенную квартиру»,⁴⁰⁷ и на одной из последних репетиций присутствовал Суворин, бывший, по-видимому, в скверном настроении. Он все время громко, ни к кому особенно не обращаясь, делал резкие замечания и по поводу игры, и по поводу пьесы, было очевидно, что он хотел придираться. Виктор, не желая нервировать актеров и режиссера, решил сдерживаться и оставлял без внимания его реплики. Наконец в одном из антрактов они встретились на лестнице, около сцены, и Суворин, протягивая ему руку, держа в ней палку, с которой он не расставался, прояммлил:

— Здравствуйте, почтенный молодой человек.

— Здравствуйте, полупочтенный старец, — ответил Виктор, едва касаясь его руки, и прошел дальше.

А вслед себе он услышал крик Суворина:

— Что вы сказали?!

Виктор не ответил и ушел.

⁴⁰⁶ За подписью «Незнакомец» выходили воскресные «Недельные очерки и картинки» в газ. «Санкт-Петербургские ведомости», где А. С. Суворин сотрудничал в 1863—1874 гг.

⁴⁰⁷ Пьеса «Казенная квартира» была написана Виктором Рышковым в 1908 г., одобрена Петербургским отделением литературно-театрального комитета 19 апр. 1908 г. В первый раз поставлена в театре Литературно-художественного общества (назывался также Малым и Суворинским) в Петербурге. «Казенная квартира» шла также в Малом императорском театре в Москве, в Харьковском драматическом театре и др.

А на другой день к нему на квартиру прибыли клевет Суворина Снесарев⁴⁰⁸ и еще кто-то и потребовали от него, чтобы он извинился перед Сувориним.

— В чем же?— спросил Виктор.

— Вы назвали его полупочтенным старцем.

— Назвал и нахожу, что это выражение так же оскорбительно, как было оскорбительно обращение ко мне Суворина «почтенный молодой человек», ведь я уже прожил полвека. Так что мы квиты. И если он послал вас ко мне...

— Нет, мы приехали по своей инициативе, — перебил его Снесарев.

— Ну, так нам не о чем и говорить. Впрочем, нет: если Суворин извинится передо мной, я готов извиниться и перед ним.

Заступники удалились, и дело заглохло. А месяца через два Виктор встретил Суворина на улице, и тот остановил его и сказал, что он надеется, что их маленькая размолвка в театре не оставит в них горького осадка.

Оказывается:

Больному дать желудку
Полезно ревеню!⁴⁰⁹

Когда я заканчивал свои театральные воспоминания, я был уверен, что мною использованы все имеющиеся у меня материалы и все то, что сохранила моя память. Однако в голове мелькала какая-то отрывочная мысль, что чего-то я как будто не использовал. И это оказалось правильным. Намереваясь перейти к воспоминаниям об Академии и разбираясь в своих бумагах, я нашел массу записей по театру, мною не использованных. Переправлять теперь все, мною написанное, уже поздно, поэтому я решил ввести эти записи в свои воспоминания как-нибудь при случае в дальнейшем.

Перехожу теперь к воспоминаниям об Академии, которые не будут очень обширны. Мне трудно касаться ее деятельности, слишком она специальна, да и тот, кому она интересна, может всегда иметь в своем распоряжении все необходимые ему материалы в самой же Академии. В мою задачу входят воспоминания не о деятельности ее, а о деятелях ее. При этом я должен оговориться, что интимную жизнь этих деятелей я наблюдал мало, ибо всегда держался в стороне от них, памятуя завет грибоедовской Лизы:

Минуй нас пуше всех печалей
И барский гнев, и барская любовь...⁴¹⁰

⁴⁰⁸ Имеется в виду *Снесарев Николай Васильевич* (1864—1918) — публицист, сотрудник газ. «Новое время». В рукописи: Снесарев.

⁴⁰⁹ Цитата из сатирического стихотворения А. К. Толстого «История государства российского от Гостомысла до Тимашева».

⁴¹⁰ Цитата из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

Поэтому то, что называется «домами», я ни с кем из академиков знаком не был, но у многих из них мне поневоле приходилось бывать по делам, знать их семьи, видеть обстановку, в которой они жили, знать даже многие их привычки и взаимоотношения.

Прежде всего, мне, конечно, придется остановиться на президенте.

Великий князь Константин Константинович представлялся мне всегда каким-то, если можно так выразиться, «затравленным», неуверенным в себе. Такое его состояние было вполне понятно: слишком его мир расходился с тем миром, в котором ему пришлось играть известную, и притом весьма видную, роль. Все то, что этот мир воспринял в детстве, отрочестве, юношестве и зрелых годах, что, так или иначе, влияло на образование его характеров и мировоззрений, было так далеко от мира президента, было совершенно ему чуждо. Ведь надо иметь в виду, что среди академиков были и люди, получившие первоначальное образование в уездных двух- и трехклассных училищах и вышедших из очень бедных семей разночинцев и духовенства. Достаточно вспомнить хотя бы П. В. Никитина, отец которого был простой бедный священник, добившийся этого сана из дьячков. А насколько он был беден, можно видеть из следующего. Когда вспыхнула европейская война, Никитин был за границей, и вот что он писал мне оттуда: «Еще одна просьба: зайдите в Лионский кредит и узнайте об участии моего билета 1-го внутреннего займа. Он был мною заложен в 300 р. до 2 июня, а потом ссуда была отсрочена до 2 сентября. Если он банком не продан, попытайтесь новой отсрочкой, на счет моей сентябрьской пенсии, спасти его. Это единственное наследство, доставшееся мне от отца».

Разве такое положение могло быть доступно пониманию великого князя?!

Однако обаятельность и симпатичность Константина, его готовность всегда и всем быть полезным сделали то, что все, сталкивавшиеся с ним, признавали в нем очень хорошего человека. И я должен по совести сказать, что людей, расположенных к нему дружелюбно, было почти большинство, а враждебно почти никого. Сейчас, перебирая в памяти последних, я, пожалуй, назову только одного, академика Маркова,⁴¹¹ но когда читатель познакомится ниже с моим описанием этого академика, ему станет понятной причина этого.

Если в душе президент и не разделял придворного мракобесия, то как «августейшая особа» наружно он должен был соблюдать известный декорум, а этот декорум, конечно, не давал возможности сердечного с ним сближения, ибо какое же может быть сердечное сближение при обязательном употреблении того Эзопова языка, к которому обязывает этикет!

Я упомянул о «затравленности». И действительно, несмотря на то что Константин в совершенстве, конечно, владел собою, я зачастую наблюдал в его глазах такое выражение, какое бывает у зверя, ищущего выхода из создавшегося для него опасного положения. Это выражение, например, мелькало на его лице всегда, когда к нему обращался с каким-нибудь делом кто-нибудь из академиков. Но при нем безотлучно находились два таких

⁴¹¹ *Марков Андрей Андреевич* (1856—1922) — математик, академик (с 1890).

телохранителя, как Никитин и Ольденбург, и на них он уже смотрел доверчиво, он знал, что в них он всегда найдет опору.

К чести Константина надо сказать, что он не скрывал своей неподготовленности к положению, которое он был призван занимать в Академии. Он даже подчеркивал это. Вот пример. Однажды в Петербург приехали члены шведской Комиссии по градусному измерению на островах Шпицберген для обсуждения совместной работы с членами русской Комиссии.⁴¹² Константин числился председателем этой Комиссии, ибо председателем шведской Комиссии был шведский кронпринц. Академик Чернышев,⁴¹³ докладывая ему о прибытии шведов, просил его председательствовать в заседании.

— А у вас будет одно заседание? — спросил Константин.

— О нет, ваше высочество, предполагается их целый ряд.

— Феодосий Николаевич, а нельзя ли мне ограничиться одним заседанием? Ведь, по правде говоря, я в этой Комиссии являюсь только «цацей». Я проведу первое заседание, конвенансы будут соблюдены, а затем отпустите мою душу на покаяние, я ведь во всей этой премудрости ровно ничего не понимаю. Нельзя объять необъятное, — закончил он афоризмом Прутова.

Его «августейшество» поставило его в очень неудобное и щекотливое положение во время освободительного движения, когда самые разнообразные организации стали выносить резолюции по поводу современного положения в России. Между прочим, вынес такую резолюцию и ученый мир, под которой подписалось большинство академиков.⁴¹⁴ Положение для президента создалось весьма тяжелое. Как президент он, естественно, должен был бы примкнуть к ней и, так или иначе, реагировать на нее. А как августейшая особа должен был протестовать против нее. И тут пришлось вспомнить латинскую поговорку: *boves ad montem stant!*^a Константин не

^a *boves ad montem stant* — быки пред горою стоят (*лат.*).

⁴¹² Речь идет о совместной русско-шведской Шпицбергенской экспедиции по градусному измерению, которая под руководством академиков О. А. Баклунда и Ф. Н. Чернышева в составе судов «Бакан» и «Ледокол-2» в мае 1899 г. отправилась к Шпицбергену и успешно возвратилась в окт. 1900 г. См.: Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому отделению. СПб., 1900. С. 32. Работа Комиссии продолжалась и позднее.

⁴¹³ *Чернышев Феодосий Николаевич* (1856—1914) — геолог и палеонтолог, академик (с 1899), начальник экспедиции по производству градусных измерений на Шпицбергене (1899—1902).

⁴¹⁴ Имеется в виду статья «Нужды просвещения (Записка 342 ученых)», опубликованная в петербургской газ. «Русь» 27 янв. 1905 г. Среди подписавших «Записку» ученых 17 человек были членами Академии наук. «Следует учесть тот факт, — пишет В. С. Соболев, — что по состоянию на 1 января 1905 года в состав всех трех отделений АН входило всего тридцать два академика, следовательно, „Записку“ подписали более 50 % от числа всех академических ученых». Цит. по: *Соболев В. С. Августейший президент*. СПб., 1993. С. 46. В «Записке» отмечалось, что «академическая свобода не совместима с современным государственным строем России», а «правительственная политика в области просвещения народа, внушаемая преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку». Ответом на выступление ученых стало циркулярное письмо президента, посланное каждому из подписавших «Записку» академиков, в которой великий князь, соглашаясь с тяжелым положением просвещения в России, призывает ученых заниматься своими прямыми обязанностями и не делать из науки «орудие

мог даже надеяться на выручку своих телохранителей, ибо, не помню, как Никитин, но Ольденбург эту резолюцию подписал.

В то время в недрах его двора существовала своего рода Пифия,⁴¹⁵ прославленная мудрейшей в его дворцовом кругу, этой Пифией был заведовавший его двором генерал П. Е. Кёппен.⁴¹⁶ И вот Константин совершает крупнейшую ошибку: он поручает Кёппену составить от его имени обращение к академикам, с указанием неуместности их выступления. Рассказывал мне об этом брат Кёппена Владимир Егорович.⁴¹⁷ И результаты оказались весьма плачевные, от всех академиков Константин получил настоящую нахлобучку! Я знаю два ответа.⁴¹⁸ Академик И. И. Янжул ответил ему коротко, что, перевалив за шестой десяток лет, он считает себя самого в достаточной степени способным взвешивать свои поступки, а академик Марков ответил, что если бы президент нашел в его ученых трудах какую-либо ошибку и указал бы ему на нее, он бы отнесся к этому указанию с должным вниманием, признавать же за президентом право быть гувернером его убеждений он не имеет никакого основания, точно так же, как и президент не имеет никаких оснований признавать за собою этого права. В моем положении, писал Марков, смешно подвергать себя опеке лица, совершенно чуждого моим воззрениям...

Вот единственный конфликт, который имел Константин с Академией на протяжении всей моей службы там.

Во всех же других случаях он ревностно отстаивал свободу, независимость и интересы Академии.

Взять хотя бы случай с печальной памяти министром Кассо.⁴¹⁹

Как только тот был назначен министром, он запросил Академию, когда академики предполагают ему «представиться». Президент ему ответил, что ежемесячно, в первую субботу, происходят общие собрания Конференции Академии и что в такой день ему удобнее всего пожаловать «познако-

политики». Письмо вел. кн. Константина Константиновича, направленное членам Академии наук, подписавшим «Записку 242 ученых», опубликованную газ. «Русь», см. в вышеуказанном издании (Там же. С. 135—136). Об ответах академиков президенту см. сноску № 418.

⁴¹⁵ Пифия — в Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах, восседавшая над расщелиной скалы, откуда поднимались одурманивающие испарения, и произносившая под их влиянием бессвязные слова, которые истолковывались жрецами как пророчества.

⁴¹⁶ Кёппен Павел Егорович — генерал-лейтенант артиллерии, управляющий двором вел. княгини Александры Иосифовны (1830—1911).

⁴¹⁷ Кёппен Владимир Егорович (1859—1915) — помощник правителя, а затем правитель дел Канцелярии Правления Академии наук, действительный статский советник. Состоял на службе в Академии наук с 1895 по 1913 г.

⁴¹⁸ Большинство ученых, получивших циркулярное письмо, ответило президенту, твердо отстаивая свои взгляды, заявленные в «Записке». Это были: Н. Н. Бекетов, А. Н. Веселовский, К. Г. Залеман, В. В. Зеленский, А. С. Лапо-Данилевский, А. М. Ляпунов, А. А. Марков, Ф. В. Овсянников, С. Ф. Ольденбург, А. С. Фаминцын, Ф. Н. Чернышев, А. А. Шахматов. Президент был вынужден пойти на компромисс. В. С. Соболев отмечает: «Он обратился за советом к своему верному помощнику Павлу Егоровичу Кёппену <...> Сохранился написанный рукой П. Е. Кёппена текст краткой речи президента, призванной поставить точки в этом разрастающемся конфликте». Цит. по: Соболев В. С. Августейший президент. С. 69.

⁴¹⁹ Кассо Лев Аристидович (1865—1914) — государственный деятель, министр просвещения (1910—1914). Преследовал прогрессивную профессуру.

миться» с академиками. Кассо сообщил, что приедет к первому же собранию.

Когда наступил этот день, президент, приехав в Академию, сказал мне, чтобы я встретил Кассо в прихожей, ввел бы его в комнату перед Малым Конференц-залом и пришел бы в зал доложить ему, президенту, что Кассо явился. Сам же он вошел в зал и остановился в самом конце его. Академики стали так, что образовали собою форму подковы.

Наконец Кассо явился. Оставив его при входе в зал, я, со словами «сейчас доложу его императорскому высочеству», не торопясь, прошел весь зал и доложил. Президент пошел к нему тоже медленным шагом. Всем этим он уже поставил его в очень глупое положение, с минуту он стоял, не зная, что с собой делать. А ведь такая минута очень томительна, и не может быть никакого сомнения, что он прекрасно понимал, что такой прием ему приготовлен преднамеренно. Президент, поздоровавшись с ним, проговорил:

— Пожалуйте, я познакомлю вас с господами академиками.

И затем скорым шагом он направился к первому стоявшему в зале академику и назвал его, не успел Кассо протянуть ему руку, как президент называл уже следующего, Кассо пожал и ему руку, а президент называл уже третьего! И таким образом, чисто форсированным шагом, он обошел с ним всех академиков и, назвав у выхода из зала последнего, поклонился ему легким наклоном головы и протянул руку, не дав ему возможности издать хоть какой-нибудь звук. Кассо обменялся с ним рукопожатием и безмолвно вышел. Было совершенно ясно, что он одурачен. При выходе из зала встретил его опять я, президент остановился на пороге, а я прошел с ним в прихожую, где ему подали пальто, и он удалился. И с того момента, как президент с ним простился, он, всюю своею фигурой, напомнил мне поджавшего хвост пойнера, которого отстегали за какую-нибудь провинность.

Конечно, прием, оказанный Кассо президентом, не мог его не озлобить. Он стал всячески мстить Академии и завязал все больше и больше. Однажды он прислал бумагу, в которой писал, что, желая ознакомиться ближе с деятельностью Академии, он предполагает посетить заседание Конференции. Ему ответили, что по уставу заседания Конференции «почитаются закрытыми», и поэтому на них могут присутствовать только лица, избранные в действительные члены ее. Он не прониаялся и просил прислать ему протоколы заседаний, ему ответили, что право на получение этих протоколов имеют только академики. Это взвинтило его окончательно, и он всеми силами тормозил работу Академии, ни одно из ее ходатайств не бывало удовлетворяемо. Наконец дошло до того, что Академии пришлось жаловаться на него в Сенат. Вот как это произошло. Академия избрала в академики профессора Московского университета минералога В. И. Вернадского,⁴²⁰ который поставил условием своего избрания разрешение ему остаться жить в Москве, потому что там, в университете, была прекрасно оборудованная минералогическая лаборатория, в которой он работал, а в Академии такой лаборатории не было. Написали в министерство просьбу

⁴²⁰ *Вернадский Владимир Иванович* (1863—1945) — основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, минералог, кристаллограф, автор трудов по философии естествознания, академик (с 1912).

испросить на это высочайшее соизволение. Кассо ответил, что он не признает возможным об этом ходатайствовать. Тогда ему ответили, что его и не просят «ходатайствовать», а просят представить на высочайшее благовоззрение ходатайство Академии, так как по уставу ее все ее ходатайства перед монархом должны восходить через министра народного просвещения. Кассо опять не согласился, и Академия подала на него жалобу в Сенат.

Сенат постановил, что Кассо был неправ.

У Константина была чрезвычайная способность очаровывать людей, и достигал он этого удивительной простотой в общении. Помню его посещения художественных выставок, которые устраивались в Академии наук. Художники очень любили эти посещения и всегда просили меня предупредить их, когда он придет смотреть их произведения. Они признавались мне, что с Константином они гораздо больше считаются, чем со своим президентом великим князем Владимиром Александровичем.⁴²¹ И они, конечно, были правы. Когда И. Е. Репин выставил свою картину «Какой простор»,⁴²² Владимир остановился перед нею, посмотрел на нее некоторое время и, обратясь к Репину, сказал:

— Илья Ефимович, ведь погрешил, а?

— Чем же, ваше высочество?— спросил Репин.

— Да этой картиной. Ведь все это совсем неправдоподобно.

— Конечно, ваше высочество, из окна вашего дворца,⁴²³ на набережной, наблюдать жизнь очень трудно, — спокойно ответил Репин и отошел.

Не обходя, а обегая, как бы по обязанности, выставку, Владимир остановился перед портретом своей дочери Елены Владимировны, писанным Маковским.⁴²⁴

— А, родная дочка, — проговорил он, — похожа, похожа, оголена только мало!

Репин случайно присутствовал на выставке и при посещении ее Константином. Подойдя к картине, Константин взял его под руку, долго так простоял и, наконец, сказал:

— Какой интересный сюжет и как он у вас оригинально воплощен. Вот, подите, символ, а как он доступен пониманию.

— Да, — ответил Репин, — я уверен, что вашему высочеству он вполне доступен. К сожалению, далеко не все, причастные к искусству, определяют так эту картину.

По-видимому, из-за этой картины Репину пришлось выслушать немало пошлостей, потому что, когда на выставку приехал Николай II, я имел воз-

⁴²¹ Владимир Александрович, великий князь (1847—1909) — третий сын Александра II, сенатор, президент Академии художеств (с 1876), почетный член Академии наук.

⁴²² Картина Репина «Какой простор!» написана в 1903 г.; хранится в Русском музее в Петербурге.

⁴²³ Имеется в виду дворец вел. кн. Владимира Александровича, памятник архитектуры (1867—1872, архитектор А. И. Резанов) на Дворцовой наб., 26. С 1920 г. открыт как Дом ученых им. М. Горького.

⁴²⁴ Елена Владимировна, великая княжна (1882—1957) — дочь вел. кн. Владимира Александровича и вел. княгини Марии Павловны (урожд. принцессы Мекленбург-Шверинской), внучка Александра II. О каком из художников, Маковском Константине Егоровиче (1839—1915) или Маковском Владимире Егоровиче (1846—1920) идет речь, установить не удалось, так как дополнительных сведений о портрете не обнаружено.

возможность наблюдать следующее. Николай, сопровождаемый двумя президентами, Константином и Владимиром, и президиумом выставки, остановился и перед репинским произведением. Я стоял сзади всех, а в толпе художников, в пространстве между мною и Николаем, стоял и Репин. Когда Николай дошел до его картины, он стал оглядываться направо и налево, отыскивая, по-видимому, Репина. И вот я вижу, что Репин зорко следит за движениями Николая и по мере того, как тот поворачивал свою голову, он прятал свою за головами стоящих перед ним! Так Николай Репина и не нашел.

Из ответов Репина Константину и Владимиру ясно видно, как разное он ценил их художественную чуткость.

Константин был хранителем традиций чистого искусства, он признавал только здоровое искусство, и перед тем, чтобы отвергнуть декадентство и прочие «новые течения», он долго и обстоятельно изучал их. Около таких картин он на выставках задерживался особенно долго и всякий раз отходил от них с каким-то скорбным выражением на всегда приветливом лице. И наконец, после одной ультрадекадентской выставки он попросил вице-президента не давать академический зал под такие выставки.

Так же относился он и к театру. Все постановки с его участием носили на себе печать ясности, определенности и художественности. Он считал театр громадным образовательным делом и придавал ему в жизни народа значение государственной важности, что особенно удачно оттенил Ф. А. Корш на первом заседании Совета Бахрушинского музея. Он вспомнил, что, когда ему чинили всякие препятствия при постановке «Порченных»,⁴²⁵ Константин просил поставить эту пьесу для старших классов кадетских корпусов.

Выше я сказал, что Константин очаровывал людей своей простотой в обращении, причем делал он это без всякой рисовки. Никогда мне не забыть тех трех часов, которые он провел в Москве среди деятелей театра, среди театральной старины.

Это было 25 ноября 1913 г. Предстояло первое заседание первого состава Совета Бахрушинского музея, перешедшего уже в собственность Академии наук, а по закону если президент Академии присутствовал бы в заседании Совета, то ему предоставлялось председательствование в нем.

Президент высказал желание присутствовать на этом заседании. К назначенному часу в доме Бахрушина собрались члены Совета, тут были Ермолова, Салина,⁴²⁶ Яблочкина, Станиславский, Южин, Немирович-Данченко, академик Корш, поэт Бунин,⁴²⁷ Ф. А. Корш и др. Мы ждали приезда великого князя несколько торжественно, выражение наших лиц было официальное, чувствовалось, что среди нас появится сейчас человек иного склада, чем мы. Наконец он приехал, по своему обыкновению за пять минут до назначенного срока.

Из гостиной, где мы собрались, мы видели встречу его в вестибюле с Бахрушиным и его семьей. Поздоровавшись с ним и с его женой, он подо-

⁴²⁵ «Порченные» — пьеса Э. Бриё.

⁴²⁶ Салина Надежда Васильевна (1864—1956) — артистка оперной труппы Большого театра (1888—1908).

⁴²⁷ Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — прозаик, поэт, переводчик.

шел к детям,⁴²⁸ обнял их и поцеловал. И сразу же создал среди мало его знавших людей интимное настроение.

Войдя с Бахрушиным в гостиную, он обошел всех собравшихся и с каждым нашел что поговорить. Для заседания была приготовлена большая столовая, и Бахрушин предложил перейти туда. Константин пошел с ним вперед, но у дверей ее он, подойдя к Ермоловой и указывая рукой по направлению столовой, проговорил:

— Пожалуйте, Марья Николаевна.

Это была мелочь, но эта мелочь сразу же расположила всех к нему: именно Ермолову он должен был пропустить раньше себя.

Он открыл заседание и, видимо, с большим интересом выслушал пришествия новому музею, а когда Бахрушин, сильно волнуясь и нервничая, говорил свою ответную речь, Константин спокойно положил свою руку на его и ласково поглаживал ее.

После заседания начался осмотр музея, и по пути туда был момент, когда как будто вновь создалось нечто официальное. Было похоже на то, что присутствующие «сопровождали высокого гостя». Однако Константин, уже при входе в музей, сразу уничтожил это впечатление, он взял под руку академика Корша и, обратившись к Бахрушину, что-то пошутил. Присутствовавшие засмеялись, кто-то ответил, завязался общий разговор, и принужденность пропала.

Во время осмотра он удивлял всех своим знанием истории театра и его современных нужд и переживаний, и окружавших его работников сцены он своим увлечением заставил забыть о своем сане.

А когда мы распрощались с ним и он скрылся за дверью, в нас осталось впечатление, что сейчас вышел человек, который был с нами и вчера и который будет с нами и завтра.

Судьба судила иное. Красивая жизнь красиво оборвалась... Весной среди природы в уютном Павловске отошел в вечность человек и поэт, так тонко чувствовавший красоту.

Судьба, как всегда, поступила правильно и устроила все к лучшему.⁴²⁹

Я обрисовал уже по мере сил своих, кажется достаточно, нескольких академиков, перейду теперь к князю Борису Борисовичу Голицыну,⁴³⁰ о котором мне тоже пришлось уже упомянуть.

⁴²⁸ *Бахрушин Юрий Александрович* (1896—1973) — историк балета, критик, педагог. Сын А. А. Бахрушина. В 1918—1924 гг. помощник заведующего постановочной частью Большого театра, в 1924—1939 гг. заведующий постановочной и литературной частью Оперного театра им. Станиславского. С 1943 г. преподавал в МХУ, ГИТИСе, школе при Ансамбле танца СССР под руководством И. А. Моисеева. *Бахрушина (в замуж. Сёмина) Кира Алексеевна* (1906—1968) — дочь А. А. Бахрушина.

⁴²⁹ Рышков имеет в виду трагические события последующих лет, когда в июле 1918 г. погибли сыновья великого князя Иоанн (1885—1918), Константин (1891—1918) и Игорь (1894—1918). Их сбросили живыми в шахту недалеко от Алапаевска Верхотурского уезда Пермской губернии и забросали гранатами.

⁴³⁰ *Голицын Борис Борисович, князь* (1862—1916) — физик и геофизик, академик (с 1908), один из основоположников сейсмологии.

Должен сказать, что Голицын до 1905 г. и Голицын после 1905 г. представлял собою две противоположности. До 1905 г. это был заносчивый князь, после 1905 г. это был самый обыкновенный человек. После описанного мною конфликта с ним я, естественно, сторонился его и сталкивался с ним исключительно на деловой почве, причем должен сказать, что держал он себя всегда вполне корректно. Постепенно впечатление от первого конфликта сглаживалось, и отношения у нас установились более или менее нормальные. И вот однажды получаю я печатное приглашение «пожаловать» на концерт хора Экспедиции заготовления государственных бумаг, причем объявлялось, что форма одежды — сюртук. Я, конечно, пожаловал. Форма одежды была точно соблюдена у гостей, но распорядитель Ф. Ф. Гесс⁴³¹ был в вицмундире. Он встречал гостей в передней роскошной казенной квартиры Голицына и просил их проходить в гостиную. Когда я вошел туда, там уже было довольно много народу и, между прочим, человек десять академиков, товарищей хозяина, который, однако, отсутствовал. Наконец появился Гесс и, громогласно объявив, что «сейчас пожалует Его Сиятельство», удалился. Стоявший рядом со мною академик Заленский⁴³² спросил меня:

— Не знаете, надо ли отвечать только глубокий поклон, как на выходах, или можно поздороваться и за руку?

И вот два курьера распахнули обе половинки дверей, и в предшестве Гесса и еще одного чиновника, тоже в вицмундире, пожаловали Его Сиятельство с супругой. Поистине недоставало только еще «обер-церемониймейстера с жезлом!» Супруги милостиво обошли, здороваясь, собравшихся, и затем все мы проследовали за этой супружеской четой в зал.

Так вел себя князь Голицын до 1905 г. Наконец наступило время прогулок на тачках, и Голицын предусмотрительно уступил честь такого катания Гессу, заявив рабочим, что если они терпели какие-нибудь притеснения, то только по вине последнего, и втихомолку, при помощи того же, без лести преданного Гесса, какими-то задними ходами и дворами скрылся из Экспедиции и укрылся в доме Строганова у Полицейского моста.

Из Экспедиции он, конечно, ушел и отдался исключительно науке. Он был экстраординарным академиком, и в то время, когда управлял Экспедицией, несколько академиков представили его к избранию в ординарные, и в Физико-математическом отделении избрание это прошло, оставалось только пробаллотировать его в Общем собрании, но на эту баллотировку всегда смотрели как на простую формальность. Однако избрание это вызвало большое волнение среди академиков. Помню А. С. Фамицын⁴³³ сказал мне, что дальше уже некуда идти, если в ординарные академики будут проходить управляющие фабриками, а Ф. Е. Корш сообщил мне по секрету, что все Отделение русского языка, поголовно, положит Голицыну в Об-

⁴³¹ Гесс Федор Федорович (1866—?) — чиновник, школьный товарищ Вл. Рышкова. Начал службу в Академии наук экзекутором и казначеем с 1 февраля 1896 г. С 1 июня 1899 г. был переведен на службу в Экспедицию заготовления государственных бумаг. По его протекции на его место в Академию наук был принят Вл. Рышков.

⁴³² Заленский Владимир Владимирович (1847—1918) — зоолог, академик (с 1897).

⁴³³ Фамицын Андрей Сергеевич (1835—1918) — физиолог растений, академик (с 1884), профессор кафедры анатомии и физиологии растений Петербургского университета.

щем собрании черняки. На Общем собрании А. А. Марков в пух и прах разнес труды Голицына, и он провалился.⁴³⁴

Думали, что он уйдет в отставку, но он принялся усиленно работать, и результатом этих работ явились его знаменитые сейсмографы. Злые языки, положим, под сурдинку шептали, что большая доля изобретения этих сейсмографов принадлежала лаборанту Голицына И. И. Вилиппу,⁴³⁵ но... утверждать это мог бы только один Вилипп, а он молчал.^a Ф. Е. Корш, часто писавший мне письма стихами, перед избранием Голицына отозвался так:

Какого ждешь еще давленья,
Великолепный князь Борис?
Теперь ты вышел из правленья,
А дальше— фюить! Хоть ус.....!

А после избрания писал:

Забудь, о Фаминцын, свой труд неблагодарный
И не борись:
Меж академиком теперь уж ординарный
Наш князь Борис!

Я пользовался особым расположением академика Федора Евгеньевича Корша. Мы сошлись близко, вероятно, потому, что он жил постоянно в Москве, и я, как упоминал уже выше, заботился о его денежных делах.⁴³⁶ Переписка наша была очень интересна,⁶ тем более что он часто писал мне

^a И вот после появления сейсмографов первый же академик Марков подписал представленные об избрании Голицына в ординарные, и он был избран (*примеч. автора*).

⁶ Она хранится в Пушкинском Доме (*примеч. автора*). (В РО ИРЛИ в ф. 270 хранятся письма Ф. Е. Корша к Вл. А. Рышкову. — Н. П.)

⁴³⁴ О провале Голицына Рышков писал в письме к Б. Л. Модзалевскому: «Приехал Чернышев, и мы с ним пережевывали провал князя Бобо. Он принципиально возмущен. Говорит, что было не корректно со стороны 2 и 3 отд-лений». Не их дело было оценивать деятельность его как ученого, а закатывать черняками, как личность несимпатичную, неправильно. Я же возражал и говорил, что я думаю, что Академия не может не обращать внимания на нравственную сторону своего сочлена. Он промолчал, а ведь молчание знак согласия». РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо В. А. Рышкова к Б. Л. Модзалевскому от 30 июня 1903 г.).

⁴³⁵ *Вилипп Иван Иванович (Янович)* (1870—?) — физик, лаборант физического кабинета, а затем старший физик (с 1909) физической лаборатории Академии наук. Окончил курс Юрьевского университета в 1895 г. со степенью кандидата физики. Зачислен на службу в Академию наук приватно с сент. 1896 г., работал ассистентом при кафедре физики Морской академии (с 1896), ассистентом при кафедре физики Женского медицинского института. Уволен от службы и отбыл за границу 1 нояб. 1920 г. В 1920-х гг. работал в физическом институте в Тарту.

⁴³⁶ В непубликуемой части воспоминаний Рышков пишет: «Вспоминается мне прелестнейшая личность Федора Евгеньевича Корша, он жил постоянно в Москве и, приезжая в Петербург, никогда не мог себе уяснить, за какое время и сколько денег он получает. Впоследствии, когда я познакомился с его семьей, я сдавал ему запечатанный пакет с деньгами и с расчетом его содержания и небольшую сумму денег на руки и говорил:

— Федор Евгеньевич, этот пакет передайте вашей жене, а этими деньгами расплатитесь за ваше проживание в гостинице.

На железнодорожный билет деньги я отдавал курьеру, который и доставлял Корша на вокзал» (РО ИРЛИ, ф. 270. *Рышков Вл. А.* «Воспоминания незаметного человека», непубликуемая часть).

стихами, хотя в них, в большинстве случаев, восхвалял меня как казначея. Вот некоторые выдержки из его стихов.

1) Пусть все ученый народ в Академии,
Пусть раздаем мы награды и премии,
Все-то лентяи мы, все-то проказники,
Все бы гулянье нам, все бы нам праздники;
Нет мудреца здесь такого завязтого,
Кто бы числа не попомнил «двадцатого»...

2) Кого, когда судьба иль фея
Превыше высших вознесла?
Кого? конечно, казначея,
Когда? двадцатого числа.
К нему стремятся генералы
И канцелярский мелкий люд,
Со всеми дерзкие нахалы
Ему улыбку кротко шлют.

В восторге чуть я не воскликнул:
«Зачем и я не казначей?!».
Но, поперхнувшись, только пикнул...
Нет, получать куда верней!

3) Безмолвствует признательность моя...
И что в словах, пустых, бессильных, бледных?
Длань Промысла Вы для таких, как я,
В полях наук промышленников бедных.
Сию я здесь, а там такой есть друг,
Что я могу, себя не беспокоя,
Мечтать иль с пользой свой вкушать досуг,
Клистирами лечась от геморроя...

4) О, друг насмешливый, но все ж почтенный друг!
Вы, правда, описать способности могли бы
И академиков, и даже их супруг,
И душ их тайные изгибы.
Но академику ведь деньги — суета;
На сон не здешних мест житье его похоже:
Наукой он живет. К тому же и лета...
Порой он сбрендит, ну, так что же?
По академикам вздохнете Вы не раз,
Когда, стяжав почет и славу в высшем свете,
Вы станете надежд предметом не у нас,
А в Государственном Совете.
Там старцы, жизнью уж сданные в архив,
Оклад большой берут по званию и чину
И, собственным песком расписку присушив,
И счет теряют, и урину...

Отзывался Корш и на разные события академической жизни. Его отзывы о князе Голицыне я уже привел, а когда появился выпуск академического словаря на букву «К», он мне написал:

«Надпись на букву *Како* под редакцией *Зеленина* в академическом словаре.⁴³⁷

⁴³⁷ Имеется в виду 1-й вып. 4-го тома Словаря русского языка, заключающий в себе начало буквы К (от К до Кампилит), составленный при ближайшем участии членов Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук Ф. Е. Корша, В. И. Ламанского,

Да будет то известно всей Европе,
Что долгих мы не вынесли потуг:
Приняв словарь от автора на Ж.....
Мы через Зад на Каку сели вдруг!».

После смерти Дубровина он писал: «...кое-что другое хотел я сначала изложить на так называемом языке богов (ужели они разговаривали, например, в таком роде?

З е в с

Как надоел мне Прометей!
Эй, Гермий! Позови Гефеста!
А ты, хромой, пошел скорей
И крикни: «Руки вверх! Ни с места!»).

Но увы!

Нет со мною музы... Это признак скверный:
Знать, я до обузы дожил непомерной,
Вне — перевороты и внутри не сладость,
Дрязги и заботы, на душе лишь гадость!
Может ли быть хуже? Может: час неровен,
Все засядем в луже... Прав наш друг Дубровин!
Уж ему не больно, чужд он злу и вздору.
Я о нем невольно вспомнил в эту пору...
Здесь намек зазорный будет обнаружен:
Есть Дубровин «черный», этот мне не нужен!

Свадьбу дочери своей Марии Федоровны он воспел так:

Мария наша вышла замуж
И с мужем выехала в Крым.
Понять нам трудно, старикам уж,
Чем брак заманчив молодым.
За месяц с хвостиком до свадьбы
Пошла такая суетня,
Что думал я: «Теперь удрать бы!».
Да не пустили бы меня.
О, сколько жарких, шумных толков
О дряни, важной лишь для баб,
Где сам градоначальник Волков
Ввести порядок был бы слаб!
И чем открытей брак, тем хуже:
Скучай, сердись да деньги трать,
Один Исаия, но вчуже,
На свадьбе может ликовать!

Оригинальный он был человек, типичнейший москвич. Я бывал у него в доме в Москве, это был какой-то калейдоскоп! Народу там бывало всегда видимо-невидимо. Здесь был и убеленный сединами профессор, и типичные московские дамы с неумолкаемыми разговорами, и молодые ученые,

А. И. Соболевского, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова под редакцией Д. К. Зеленина (СПб., 1906—1907). *Како* — церковнославянское название буквы к. *Зеленин Дмитрий Константинович* (1878—1954) — этнограф, фольклорист, диалектолог, член-корреспондент АН (с 1925). О реакции на замечания Корша к «Словарию» см. в ответных письмах Зеленина в кн.: *Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А. Академик Корш в письмах современников. М., 1989. С. 38—39.*

и просто молодые люди, кавалеры его дочерей. Все это приходило, уходило, сменяло друг друга и говорило, говорило без конца... И среди них сам Корш, добродушно острящий и смеющийся.

В Петербурге Корш бывал редко, раз пять в сезоне, и останавливался в гостинице «Англетер», в скромном номере. Однажды зашел я к нему около часу.

— А! В самый адмиральский час пожаловали. А мне-то как будет приятно выпить рюмку водки с хорошим человеком! Не брезгуете такой закуской? — спросил он.

На столе стояла тертая редька.

— Редька! — воскликнул я. — И какой же русский не любит редьки.

— О, прекрасно! А то тут, у вас, никто не понимает ее прелести. Даже лакей, когда приносит мне ее, чуть нос не зажимает. А я ее люблю. Говорят, она кровь очищает, а по-моему, и мозг. Когда я ее хвачу, вижу определенно, кого из нашей Академии следовало бы убрать.

Когда умер А. Н. Веселовский,⁴³⁸ председательствовавший в Отделении русского языка, Корш говорил:

— Очень жаль Александра Николаевича, но смерть его не страшна, санных академиков больше нет, и в Отделении будет председательствовать обыкновенный человек, а не олимпиец.

— А прежде разве председательствовали олимпийцы?

— А как же? Вспомните Сухомлинова, поклонись, тупеем не кивнет.⁴³⁹ А Майков! Мне всегда казалось, что он вот-вот и удавит меня своей веревочкой.

Веревочка эта была какая-то странная особенность Майкова, он не расставался с ней, если руки его не были заняты, и с кем бы ни разговаривал, постоянно то наматывал ее на пальцы, то разматывал. И только разговаривая с великим князем, он прятал ее в карман. Корш уверял, что Майков долго придумывал, чем бы ему выделиться в среде академиков, и наконец набрел на эту веревочку, а курьер Майкова говорил мне, что он обязан следить за тем, чтобы у Майкова во всех карманах непременно лежали эти веревочки.

Был такой «тоже академик» Карл Германович Залеман.⁴⁴⁰ Как говорил мне академик Бредихин,⁴⁴¹ пробрался он в академики во время немецкого засилья из простых библиотекарей университета, и научный его багаж был весьма легковесен. Он и химик Федор Федорович Бельштейн⁴⁴² были из-

⁴³⁸ *Веселовский Александр Николаевич* (1838—1906) — филолог, историк и теоретик литературы, профессор Петербургского университета (с 1872), академик (с 1881), возглавил Отделение русского языка и словесности в 1901 г.

⁴³⁹ Неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

⁴⁴⁰ *Залеман Карл Германович* (1849—1916) — востоковед, директор Азиатского музея, академик (с 1895), директор II отделения Библиотеки Академии наук.

⁴⁴¹ *Бредихин Федор Александрович* (1831—1904) — астроном, академик (с 1890), директор Николаевской Главной астрономической обсерватории в Пулковке.

⁴⁴² *Бельштейн Федор Федорович* (1838—1906) — химик-органик, член-корреспондент (с 1883), ординарный академик (с 1886) Петербургской Академии наук.

вестны в Академии как люди здорово выпивавшие. Я помню, когда, приняв должность эзекутора, я осматривал все учреждения Академии, как я был поражен тем невероятным количеством пустых бутылок, которыми была завалена одна из комнат химической лаборатории. Когда я спросил сопровождавшего меня вахтера, почему здесь такая масса бутылок, он мне ответил:

— Тут, ваше высокородие, невесть сколько пьют! И сам академик, и гости. Гостей всегда много, на тройках по ночам все катаются.

Говоря откровенно, у меня сложилось совсем другое представление об академиках.

Залеман выпивал так, что иногда не соображал, что он делает. Однажды он пришел ко мне в кассу за жалованием в таком виде, что не мог даже расписаться, и я сказал ему:

— Зачем вы беспокоились, Карл Германович, я бы вам прислал жалованье на квартиру.

Он пролепетал заплетающимся языком что-то вроде того, что ему нездоровится, и нетвердыми шагами удалился.

Зная за собою такую слабость, ему бы следовало быть вообще поскромнее и не раздражать окружающих, он же, напротив, был весьма нахален и административный персонал Академии ругал на все корки и всех нас иначе не называл как «diese Hunde von tscinovniks».³ Чиновники, конечно, его тоже терпеть не могли, и однажды он попал с одним из них в весьма щекотливое положение.

Смотритель зданий Академии В. А. Тулинов⁴⁴³ любил тоже солидно выпить и в один прекрасный день, вернее, в одну не прекрасную ночь подъехал на извозчике к воротам Академии совершенно пьяный. Как на грех, следом за ним подъехал и Залеман и заметил, в каком он виде. На другой день он об этом случае кричал на всех перекрестках.

Прошло некоторое время, и Тулинов застал на дворе вахтера и какого-то человека, спрашивавшего, где квартира Залемана.

— Надо ему вручить повестку, — сказал он.

— Какую повестку?

— От мирового.

Тулинов взял у него повестку и увидел, что Залеман привлекался к ответственности за нарушение тишины и покоя в общественном месте! Тулинов моментально сообразил, что настал момент отомстить Залеману, и сказал рассыльному:

— Его сейчас нет дома, я ее у вас приму под свою расписку и вручу ему, когда он вернется.

Он вписал эту повестку подробнейшим образом в свою рассыльную книгу, сам отправился к Залеману и вручил ее ему под расписку.

Тулинов с хохотом рассказывал, что нельзя себе вообразить, какой ужас был написан на лице Залемана.

³ diese Hunde von tscinovniks — эти собаки чиновники (нем.).

⁴⁴³ Тулинов Виктор Александрович (1864—1919) — смотритель зданий Академии наук (с 1893). Окончил курс Новгородской классической гимназии. Работал в Академии наук с 1902 по 1917 г.

Но этим он не ограничился. Он отправился к Никитину и все это ему «доложил» во избежание, как он выразился, каких-нибудь недоразумений и сплетен. Объяснил он Никитину свой поступок тем, что не хотел, чтобы эта история распространялась дальше него.

Действительно, diese Hunde von tscinovniks могут подстроить хороший подвох, если их разозлят!

Залеман был настоящий немец-нахал, чванливый с русскими и с низшими и весьма обходительный с немцами и с высшими. Все русское он ненавидел и презирал. Помню как-то было заседание Пушкинской комиссии, и он, проходя мимо Конференц-зала, когда собирались члены Комиссии, спросил меня, какое это заседание.

— Пушкинской комиссии, — ответил я.

— Ах, все это ваш Пушкин! — сказал он и прошел.

Он корчил из себя свободомыслящего человека, а между тем мне пришлось однажды наблюдать такую картинку. По какому-то случаю он ехал на вокзал с вещами, в коляске, а на козлах сидел его старший библиотечный сторож Петровский в форме и во всех своих регалиях и на шее, и на груди!

Я опасаясь, как бы у того, кто будет читать эти воспоминания, не сложилось впечатление, будто я сознательно выискиваю у всех тех, о ком пишу, их наихудшие стороны. Но надо иметь в виду, что я не пишу ни некрологов, ни юбилейных приветствий, в которых умершие и чествуемые всегда представляются такими кристаллами, что хочется крикнуть:

— Иван, тащи паникадило, новый святой объявился!

Кстати, это восклицание принадлежало священнику церкви Инженерного училища Середонину.⁴⁴⁴ Юнкера училища в неделю говенья решили его извести, не признаваясь ни в каких грехах. Вошел к нему за ширмы юнкер и на вопрос, в чем он грешен, ответил:

— Ни в чем, батюшка.

— Как ни в чем?! Ведь начальство осуждаешь?

— Никак нет.

— Ну, соврал же ты когда-нибудь?

— Никак нет.

— Ну, злословишь, завидуешь, ленишься...

— Никак нет.

Середонин вышел из-за ширм и, обращаясь к сторожу Меркулову, сказал:

— Иван, тащи паникадило, новый святой объявился!

Нет, я заношу сюда мельчайшие штрихи, которые я наблюдал в людях, с которыми меня сводила судьба, и пишу о них «напрямик, без изгиба». Я не встречался с людьми, у которых не нашлось бы какой-нибудь отрицательной или смешной стороны. Впрочем, нет, трех таких людей я могу назвать,

⁴⁴⁴ Середонин Михаил Ильич — протоиерей церкви Николаевской Инженерной академии и училища.

это были академики Никитин, Карпинский⁴⁴⁵ и Шахматов. Я не берусь утверждать, что они были настоящими кристаллами, но некристалльного в них я никогда ничего не замечал, быть может, потому, что я вообще не был с ними очень близок. Однако общий отзыв о них был такой, что они — идеальнейшие люди.

К разряду типичнейших русских ученых я должен отнести академиков Веселовского, Баклунда,⁴⁴⁶ Фаминцына и Пыпина,⁴⁴⁷ и совершенно не берусь судить об академиках, избранных уже после революции, так как, неся в это время каторжный труд казначея, я не только не успел к ним присмотреться, но зачастую не знал даже их имен и отчества.

Веселовский был прямой человек, либерал в полном и прекрасном значении этого слова. До революции мне всегда поручалась организация ежегодных академических товарищеских обедов, и вот, помню, я как-то спросил Веселовского, подписался ли он уже на обед.

— Нет еще, — ответил он. — А Сонин будет?

Сонин в то время был попечителем учебного округа.⁴⁴⁸

— Да, он подписался, — ответил я.

— Ну, тогда слуга покорный! Его рачьи глаза так и сковывают всякую мысль, и добровольно делить с ним свой досуг не у всякого явится охота.

Удивительно располагал к себе директор Пулковской обсерватории Оскар Андреевич Баклунд. Мне часто приходилось бывать у него в Пулковке по делам Шпицбергенской комиссии, и я всегда восторгался его прямодушием, добродушием и радушием. Вот уж был человек без всякой показной стороны, без всякой фальши.

Несмотря на свое громадное научное имя, он, как и неразлучный с ним друг его Ф. Н. Чернышев, не был вовсе «не от мира сего», и все человеческое было ему вполне свойственно. Он был и спортсмен, он любил и театр, и музыку, он любил и угостить хорошо, и сам хорошо поесть и выпить.

Баклунд был по происхождению швед, но уже давно стал душою русским человеком, и я никогда не видел в нем даже и намека того, что было свойственно таким «русским» академикам, как Залеман и Радлов.⁴⁴⁹

Сейчас я вспоминаю его во время снаряжения экспедиции на острова Шпицберген для градусного измерения совместно со Швецией. Я вспоминаю, как он, невзирая на свою дружбу со шведскими астрономами, шел рука об руку с другим вдохновителем этой экспедиции, Ф. Н. Чернышевым, и отстаивал интересы русских ученых. Я помню, как один из молодых участ-

⁴⁴⁵ *Карпинский Александр Петрович* (1846/47—1936) — геолог, в 1886 г. избран адъюнктом Петербургской Академии наук, в 1889 г. экстраординарным, а в 1896 г. ординарным академиком. С 1916 г. исполнял обязанности вице-президента, с 15 мая 1917 г. первый выборный президент.

⁴⁴⁶ *Баклунд Оскар Андреевич* (1848—1916) — астроном, академик (с 1883), директор Пулковской обсерватории (с 1895).

⁴⁴⁷ *Пыпин Александр Николаевич* (1833—1904) — историк культуры, публицист, этнограф, археолог, член-корреспондент (с 1891), академик (с 1898).

⁴⁴⁸ Н. Я. Сонин был попечителем С.-Петербургского учебного округа с 1899 г.

⁴⁴⁹ *Радлов Василий Васильевич* (Фридрих Вильгельм) (1837—1918) — ориенталист, этнограф, академик (с 1884), переводчик, путешественник, директор Азиатского музея (с 1884), директор музея этнографии (с 1894).

ников экспедиции Ахматов⁴⁵⁰ колебался идти в это дело, и с какою страстью он призывал его выполнить тот долг, который должен способствовать прославлению родной науки. И он убедил его.

Я всегда любовался двумя друзьями, Баклундом и Чернышевым. По наружности это были совершеннейшие контрасты, Баклунд был высокого роста и худощав, Чернышев низкого роста и коренаст, и трудно поверить, что в одной из полярных экспедиций, когда Баклунд заболел брюшным тифом, Чернышев два дня нес его на себе, питая клюквой! Это рассказывал мне сам Баклунд, вспоминая Чернышева после его скоропостижной смерти.

Незаурядный человек был и Ф. Н. Чернышев. Окончив Морское училище и пробыв некоторое время офицером, он вышел в отставку и поступил в тогдашний Горный корпус и, получив звание горного инженера, посвятил себя научной деятельности и с головой ушел в разные ученые экспедиции. Он мне сам говорил, что он обошел пешком всю Северную Америку и весь бассейн Рейна.

Какою-то академическою совестью был А. С. Фаминцын, неправды от него было немислимо ожидать. Правду он высказывал всегда, но высказывал в самой деликатной форме и резкости никогда ни с кем себе не позволял. Это был утонченно воспитанный барин и европеец.

Личность А. Н. Пыпина в достаточной степени обрисована в русской литературе, я сталкивался с ним редко и занесу сюда только одну мою встречу с ним, когда мне пришлось побывать у него по делу. Я застал его раскладывающим пасьянс, причем на столе перед ним стояла коробка с мармеладом.

Поздоровавшись со мною и предложив мне мармелад, он отложил в сторону карты и сказал:

— Вот, застаете меня за праздным занятием, а между тем как много людей, занятых умственным трудом, не знают этого благодетельного занятия! Я, по крайней мере, этими пасьянсами успокаиваю нервы, на них я даю отдых своей голове и за ними всегда обдумываю свои работы. Нет, без пасьянса и мармелада нашему брату пришлось бы плохо!

В Канцелярии Конференции острили, что необходимо завести особое дело «об *отставках* академика Маркова», ибо не было года, чтобы он по какой-нибудь причине не подавал в отставку! Правительство объявило о непризнании избрания Горького в почетные академики, Марков подает в отставку;⁴⁵¹ дворник принес ему сырые дрова, Марков подает в отставку.

⁴⁵⁰ Имеется в виду *Ахматов Виктор Викторович* — сотрудник Главного управления морской академии, секретарь Русского астрономического общества, участник экспедиции на Шпицберген.

⁴⁵¹ История с отменой избрания Горького в почетные академики относится к 1902 г. Горький был избран в почетные академики по разряду изящной словесности 25 февр. 1902 г. Под давлением Николая II выборы были аннулированы. 10 марта в «Правительственном вестнике» было объявлено: «Ввиду обстоятельств, которые не были известны соединенному собранию Отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности императорской Ака-

И так до бесконечности. Нельзя было предвидеть, что может в жизни Академии его возмутить до такой степени, чтобы он не решил уйти в отставку.

На его счастье, в уставе Академии существовала статья, которая обязывала академиков предупреждать Академию за полгода о желании их уйти из Академии. За эти полгода Марков забывал о своем намерении уйти.

Всею своею наружностью Марков до смешного напоминал ерша. Маленького роста, с какою-то нелепой всклокоченной шапкой волос, торчавших буквально во все стороны, с громким, высоким и резким голосом и всегда со злым выражением лица.

Корш написал на него басню.

ШАФКА

(Друг Крылова «Моськи»)

Не разбирая дел и лиц,
На все и всех он лает шафкой;
Когда ему кто крикнет: «цыц!»,
Он каждый раз грозит отставкой.
Ведет к беде такой припев;
Но может быть и нечто хуже:
Когда-нибудь он, в лужу сев,
На век погрянет в этой луже.

А после его заявления об отставке по поводу непризнания Горького почетным академиком он написал:

Кто ждет примера яркого возмездия небес,
Тот пусть припомнит Маркова, как в лужу он залез!

Надо признать, что во всех своих выходках он в принципе бывал прав, но облакал свои претензии и заявления в совершенно невозможную форму, что и выставляло его в смешном виде.

Когда во время войны в Академии было решено оборудовать лазарет,⁴⁵² всем служащим был послан подписной лист с просьбой указать, какой процент из своего жалованья они желают жертвовать на лазарет. Марков отказался от такой подписки, но в то же время принес мне какую-то болгарскую облигацию, чуть ли не по табачному налогу, и просил реализовать ее на нужды лазарета. Помню, я долго с ней возился, ибо банки отказывались ее покупать, и наконец продал ее, и выручил что-то около 150 рублей.

демии наук, — выборы в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова (псевдоним — Максим Горький), привлеченного к дознанию в порядке ст. 1035 уголовного судопроизводства, объявляются недействительными». С протестом выступили почетные академики В. Г. Короленко, А. П. Чехов, В. В. Стасов и академик А. А. Марков. 11 марта 1902 г. А. А. Марков направил Н. Ф. Дубровину письмо с обоснованием своего протеста. См. подробнее в кн.: *Соболев В. С.* Августейший президент. С. 65—67. Среди академиков обсуждался вопрос об отмене 1035 ст. и о повторных выборах, но в то же время высказывались опасения о репрессивных мерах в отношении Академии в случае скандала. Отказались от звания почетного академика В. Г. Короленко и А. П. Чехов, а В. В. Стасов заявил, что не будет посещать заседания в Академии наук.

⁴⁵² Во время первой мировой войны Академия наук передала часть своих помещений под госпиталь.

Я не шутя упомянул выше о дровах. Действительно, дворник как-то принес ему сырые дрова, и Марков взял три полена, положил на них сургучные печати и принес в Правление при заявлении, что он слишком занят научными работами, чтобы терять время на то, чтобы добиться, чтобы такие дрова горели.

И он не шутил, говоря, что он растапливает печь, ибо, когда у него родился сын, он приказал поставить у себя в кабинете плиту и сам кипятил на ней для ребенка молоко.

Во время революции ему были выданы из Комиссии по улучшению быта ученых⁴⁵³ грубой работы желтые ботинки. Он представил их в Академию с просьбой отослать их обратно, потому что такими ботинками Комиссия не улучшает быт ученых, а ухудшает, и что она, по-видимому, спутала его фамилию с каким-нибудь чернорабочим, который такими ботинками мог бы вполне удовлетвориться. <...>

Когда вспыхнула русско-германская война, пришел ко мне в кассу в начале августа академик Павел Константинович Коковцов⁴⁵⁴ и задал мне такой вопрос:

— Владимир Александрович, а как же будет с жалованьем за август?

— Как — как же будет?! Так же, как было с жалованьем и за июнь, и за июль.

— Но ведь тогда было еще мирное время, а теперь можно ждать всяких осложнений.

— Каких же, Павел Константинович?

— А если немцы пойдут на Петербург через Финляндию и займут Васильевский остров, а я ведь живу в Измайловском полку, как же я до вас доберусь?!

Я положительно обалдел от такого предположения и ответил:

— Будьте совершенно покойны, я что-нибудь придумаю, чтобы добраться до академиков, живущих в городе, и выдать им жалованье.

— Пожалуйста, не забудьте же тогда и меня.

— Будьте уверены, не забуду!

И я вспомнил строчку из стихотворения Ф. Е. Корша, которое он мне однажды прислал об академиках:

На сон не здешних мест житье его похоже...

Не помню, по какому случаю в Петербург приехала какая-то депутация англичан, и Министерство иностранных дел сочло почему-то необходи-

⁴⁵³ Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ), образованная в 1920 г. при Доме ученых (Миллионная, 27), занималась организацией помощи ученым и распределением продовольственных пайков. Председателем Петроградской комиссии был М. Горький. В состав Комиссии входили С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, И. И. Манухин, М. П. Кристи, А. Е. Бадаев и др.

⁴⁵⁴ Коковцов Павел Константинович (1861—1942) — семитолог, академик (с 1912). Автор трудов в области еврейской и еврейско-арабской филологии.

мым, чтобы Академия наук участвовала в приеме ее. Было решено принять англичан в только что открытом новом помещении Зоологического музея, придравшись к желанию показать его им. В назначенный час явилось их человек 20. Общеизвестно, что англичане народ наглый, и это они блестяще доказали на этом приеме. Прибыв в ученое учреждение, они не считались с тем, что существует язык для международных сношений — французский, и тотчас же, как только все поднялись наверх, один из них выступил вперед и сказал речь по-английски. Ему по-английски же ответил Ольденбург. Тогда выступил другой англичанин и опять заговорил по-английски. И ему по-английски ответил князь Голицын.

Когда я потом сказал Ольденбургу, что такой наглости надо было бы противопоставить наглость же и отвечать даже не по-французски, а по-русски, Ольденбург сказал, что академики, предвидя эту возможность со стороны англичан, долго совещались по этому вопросу и решили доказать им, что они образованнее англичан, ибо могут объясняться на любом европейском языке.

Дубровин рассказал мне, что Александр III⁴⁵⁵ принимал в Зимнем дворце одного иностранца и по какому-то интересовавшему его вопросу рекомендовал ему побывать в Академии наук.

— Она вон где, — пояснил он, указывая ему из окна на здание Академии, — надо только перейти мост, а там, как только вы увидите самое грязное здание, это и будет Академия наук....

Похвастался русский царь!

Об этой классической фразе Александра III иностранец рассказывал сам с большим сарказмом Дубровину.

Академик Василий Васильевич Радлов, тоже немец, но не такой заядлый, как Залеман, был невероятный хлопотун и торопыга и очень преданный делу человек. Вечно он чего-нибудь добивался, ходатайствовал и устаривал. И надо отдать ему справедливость — хлопотал он для дела, а не для себя. Для себя он хлопотал только один раз, когда непременно захотел получить к своему 50-летнему юбилею чин действительного тайного советника, и то он ставил это желание в связь с делом.

Когда я спросил его, для чего он так добивается этого чина, он ответил:

— О, мне лично он совсем не нужен, он нужен мне для дела. Если я приду куда-нибудь хлопотать и скажу, что приехал действительный тайный советник, прием мне будет совсем другой.

По-русски он говорил совершенно невозможно, и чтобы дать понятие о его русском языке, расскажу такой случай. Просил он меня навести какую-то справку, я захопотался и затянул дело, а когда он меня спросил, навел ли я эту справку, я ответил:

⁴⁵⁵ Александр III (1845—1894) — российский император в 1881—1894 гг.

— Извините, Василий Васильевич, у меня такая трепка, что я не успел еще ее навести.

Через несколько дней встречается он меня и спрашивает:

— Ну, что у вас все «трепака»?

— Что?!

— А вы сказали, что у вас «трепака», и вы не успели сделать то, о чем я вас просил...

Он был директор Этнографического музея и фанатично любил его и для него не жалел своих сил. Он видел, что помещение для Музея слишком тесно, и мечтал занять под него здание Библиотеки. И, в конце концов, исключительно его хлопотами удалось добиться постройки нового здания для Библиотеки.⁴⁵⁶ Если бы не энергия Радлова, Бог весть, когда бы она была выстроена.

В деле этой постройки мне пришлось наблюдать, как настойчиво немцы проводят друг друга. Все дело постройки было сосредоточено в руках немца Радлова, который объявил Конференции, что он заказал проект здания немцу архитектору Марфельду.⁴⁵⁷ Когда Марфельд окончил проект, он заявил, что вести постройку сам он не имеет времени, и передал дело немцу архитектору Берзену,⁴⁵⁸ а когда постройка началась, Берзен пригласил себе в помощники немца же архитектора Мюллера!⁴⁵⁹

Над Ю. В. Корвин-Круковским⁴⁶⁰ мы за глаза постоянно трунили, что у него «недержание речи», а за его громкий голос называли его фоготом. И действительно, многоглаголанье было его страстью. Когда, бывало, в заседаниях Совета Театрального музея он начинал разглагольствовать, многие тотчас же пускались наутек. Курьезна была надпись, сделанная им на своем портрете, подаренном Н. Н. Арбатову. Он написал: «Вам, дорогой, Николай Николаевич, лишь одно (!) слово: спасибо, спасибо, большое Вам спасибо...».

⁴⁵⁶ О постройке здания Библиотеки см. сноску № 318.

⁴⁵⁷ *Марфельд Роберт Робертович* (1852—1921) — архитектор. Окончил императорскую Академию художеств с золотой медалью и в звании классного художника архитектуры 1-й степени. Служил в Академии наук с 1885 по 1898 г. на должности архитектора. Осуществил постройки к зданиям Главной физической обсерватории в 1892 г. Построил библиотечное здание, осуществил перестройку Зоологического музея, капитальный ремонт зданий Академии наук и др.

⁴⁵⁸ *Берзен Ричард Андреевич* (1868—1958) — архитектор. Архитектор домов Марининской больницы, Ксенинского института; построил буддийскую молельню в Иркутской губернии, завершил строительство Буддийского храма в Петербурге, участвовал в строительстве здания Библиотеки Академии наук.

⁴⁵⁹ *Мюллер Арнольд Мельхиорович* (1883—?) — гражданский инженер, архитектор. Работал в Академии наук архитектором по вольному найму (с 1914), смотрителем академических зданий с оставлением в должности архитектора (с 1917), позднее заведовал строительно-ремонтным отделом Академии наук.

⁴⁶⁰ О Ю. В. Корвин-Круковском см. сноску № 388. В этой части воспоминаний Рышков вновь обращается к театральной теме.

П. И. Чайковский сочинил свой романс «Страшная минута» на квартире Данильченко в присутствии Виктории Матвеевны Лешковой.⁴⁶¹ Об этом она говорила мне сама.

<...>

Вспоминаются мне театральные критики моего времени, этот пресловутый 4-й ряд Александринского театра.

Какая смесь племен, наречий, состояний!⁴⁶²

И должен сказать беспристрастно, что среди них действительно порядочными людьми были только Э. А. Старк (Зигфрид) и А. А. Измайлов (Смоленский),⁴⁶³ да, пожалуй, еще и А. Р. Кугель (Ното novus),⁴⁶⁴ остальные же все имели более чем сомнительную репутацию. Взять хотя бы Ф. Ф. Трозинера (Омега),⁴⁶⁵ моего школьного товарища. Я всегда бывал на всех премьерах, и однажды мне пришлось сидеть рядом с ним. Он явился в театр в подпитии и поддерживал это подпитие в буфете, в каждом антракте, а во время акта если и не спал в кресле, то, во всяком случае, дремал и, конечно, ни пьесы, ни игры актеров не видал. А на другой день в «Петербургской газете» писал, что пьеса была так сумбурна, что он затрудняется даже передать ее содержание, а об игре актеров нечего и говорить, да, впрочем, в такой пьесе им и делать-то нечего! О критике «Нового времени» Ю. Д. Беляеве я писал уже выше, критик «Петербургского листка» Россовский⁴⁶⁶ был просто неприличный ругатель. «Тоже литератор» и редактор-издатель «Обозрения театров» И. О. Абельсон (Осипов) был просто безграмотен и в языке и в искусстве, доказательством его безграмотно-

⁴⁶¹ Романс *Чайковского Петра Ильича* (1840—1893) «Страшная минута» написан композитором в 1875 г. и посвящен *Кадминой Евлалии Павловне* (1853—1881) — артистке оперы, драмы и камерной певице. *Данильченко Петр Антонович* (1857—1908) — виолончелист, музыкант оркестра Большого театра. *Лешкова (Ляшкова) Виктория Матвеевна* — очевидно, родственница Д. И. Лешкова.

⁴⁶² Неточная цитата из поэмы «Братья разбойники» А. С. Пушкина (1822). Ср.:

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

⁴⁶³ *Измайлов (псевд. Смоленский) Александр Алексеевич* (1873—1921) — литературный критик, поэт, прозаик.

⁴⁶⁴ *Кугель (псевд. Ното novus и др.) Александр (Авраам) Рафаилович* (1864—1928) — театральный критик, публицист, журналист, мемуарист. В 1897—1918 гг. издавал и редактировал журнал «Театр и искусство», вел в нем рубрику «Театральные заметки». В 1908 г. совместно с З. В. Холмской основал театр литературно-театральных пародий «Кривое зеркало».

⁴⁶⁵ *Трозинер (псевд. Омега) Федор Федорович* (1866—1919) — журналист. См. некролог: Бирюч Петроградских государственных театров. 1919. № 15—16. С. 253.

⁴⁶⁶ *Россовский (псевд. Кобзарь) Николай Андреевич* (?—1919) — журналист, театральный критик. Историю о том, как Россовский писал о спектакле «Чародейка» И. В. Шпажинского, не присутствуя на нем, обругал Савину и Далматова в своей рецензии, а спектакль не состоялся и был отложен, см. в воспоминаниях Н. Н. Ходотова (Близкое—далекое. Л.; М., 1962. С. 152—153).

сти в языке может служить хотя бы вот что. В «Обзрении театров» помещались либретто пьес, которые вначале он сочинял сам, и либретто «Демона» он закончил так: «А демон продолжает летать и ненавидеть!». Помню, он однажды заставил нас недоумевать по поводу одной высказанной им мысли. Он очень кичился тем, что он редактор, и мы, целой компанией, дурачась, как-то уверяли его, что у него прекрасный слог. Он сидел, видимо, довольный и вдруг изрек:

— Да... но, однако, между мною и Тургеневым есть одна существенная разница: я пишу с акцентом...

Мы превратились в вопросительные знаки и так и застыли. Что он хотел этим сказать, так никто из нас и не догадался.

Впрочем, почему же он должен был бы быть грамотным? Говорили, что до появления своего в Петербурге он имел в Одессе прачечное заведение и писал одному своему клиенту: «Ваше многоуважаемое белье готово, можете за ним прислать!».

Примкнул он к театральной прессе, конечно, вовсе не по призванию, впрочем, нет, именно по призванию, но по призванию к наживе. И наживался он благодаря своему журнальчику всячески. Например, в Музыкальной драме служила певица Данилова,⁴⁶⁷ прекрасная артистка, одна из лучших Кармен. Абельсон ее почему-то замалчивал, что для актера всегда тяжело. Та просила своего знакомого А. М. Бродского⁴⁶⁸ поговорить с Абельсоном, чтобы он хотя бы что-нибудь о ней написал и поместил бы ее портрет. Через несколько дней Бродский сказал Даниловой:

— Ну, поговорите с Абельсоном, я его подготовил.

Данилова, встретив его, начала робко говорить ему, что она очень рада его видеть, сконфузилась и замялась.

— Ну, так что же вы конфузитесь, — сказал Абельсон, — принесите вашу карточку и 15 руб. и я помещу ваш портрет.

Данилова передала об этом Бродскому, и тот стал его упрекать:

— А вы знаете, что стоит клише? — перебил его Абельсон.

Журнальчик его хотя и носил название «Обзрение театров»,⁴⁶⁹ но состоял из двух отделов: театрального и... биржевого! Такие ненормальности в России не редкость, ведь видел же я в Петербурге на Фонтанке вывеску: «Плиссе-гармония и южный табак»! В этом биржевом обзрении и была вся суть. В нем он самым разнужданным образом рекламировал своего одноплеменника банкира Захария Жданова,⁴⁷⁰ доведя эту рекламу до такого бесстыдства, что поместил в журнале статью «Как живет и работает Захарий Жданов»!! Встретив его после этой статьи в театре, я самым невинным, но возмущенным тоном спросил его:

⁴⁶⁷ Данилова Мария В. — певица (драматическое сопрано). Известно, что сезон 1916—17 гг. пела в Москве в труппе Народных домов (сообщено В. В. Соминой).

⁴⁶⁸ Бродский Александр Моисеевич (1879—?) — журналист, детский писатель.

⁴⁶⁹ «Журнальчиком» «Обзрение театров» Рышков называет ежедневную газ. небольшого формата с программами либретто с.-петербургских театров, выходившую в 1906—1918 гг. под редакцией И. П. Артемьева (с 1906), И. О. Абельсона (с 1907), А. С. Шкловского (с 1910), Г. Е. Бахмутова (с 1912). В 1922 г. издание возобновлено под названием «Обзрение театров и спорта». См. также сноски № 226 и № 12 в преамбуле.

⁴⁷⁰ Жданов Захарий Петрович возглавлял образованный в 1909 г. крупнейший банкирский дом «Жданов Захарий и К^о» в Петербурге накануне первой мировой войны.

— Илья Осипович, какой это мерзавец вас так подвел?

— Ка-ак подвел?!

— Да втиснул в ваш журнал наглую статью о Захарии Жданове.

— Что же тут наглого?! Он, действительно, гениальный человек... Хе! Вы знаете, он мне «сделал» 100 000 рублей!

«Не вынесла душа поэта»⁴⁷¹ — признался.

Я печатал иногда в «Обзрении» небольшие заметки по театру, и Абельсон считал меня в числе своих сотрудников. Должен оговориться, что за свои заметки я никогда денег не брал, но он желал, по-видимому, и со мною разыгрывать редактора. Встретил он меня как-то в театре и спрашивает:

— Вы завтра вечером свободны?

— Свободен.

— Съездите, пожалуйста, в театр и прохватите Тиме, что-то она уж очень нос задирает.

— А вы воображаете, что вы говорите? — спросил я.

— Ну, конечно, — проговорил он, спуская уже тон.

— А по-моему, нет. Если бы воображали, то понимали бы, что за такое предложение вы можете завертеться волчком от столкновения со мною.

Вот они, наши бывшие «ценители и судьи», терзавшие и нервившие и актера, и автора. Подлое было время, хотя... хотя, когда оно не было подло?! Но мимо, мимо них, читатель!

Э. А. Старк и А. А. Измайлов были критиками в настоящем значении этого слова, они относились к делу самым добросовестным образом и были порядочны до щепетильности. Оба они, например, совершенно отвергли возможность личного знакомства с артистическим миром, находя, что такое знакомство стесняет их свободу мнений и взглядов. Рецензии их были всегда чистоплотны и касались исключительно художественной стороны дела, никаких личностей, сплетен, намеков в своих отзывах они не допускали и были всегда беспристрастны.

Относительно последнего нельзя того же сказать о Кугеле. Он вращался в театральной среде, и у него были свои любимцы и не любимцы. К числу последних принадлежала и Савина. Но и Савина его терпеть не могла.

Кугель был на редкость нечистоплотен, даже просто грязен. Не помню, кто именно уверял, что он однажды видел в его бороде запутавшуюся большую реберную кость леща! Это была, конечно, шутка, но шутка, очень близкая к действительности. Брат его, Осип, Ося,⁴⁷² как его все звали, наивнейшим образом рассказывал, что З. В. Холмская,⁴⁷³ которая с ним жила, уговорила его как-то взять наконец ванну. Ее ему приготовили, он

⁴⁷¹ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

⁴⁷² Кугель Осип Рафаилович (1877—?) — родной брат А. Р. Кугеля.

⁴⁷³ Холмская (наст. фам. Тимофеева) Зинаида Васильевна (1866—1936) — актриса, антрепренер, издатель, жена А. Р. Кугеля. Играла в театре Литературно-художественного общества (с 1895), театре В. Ф. Коммиссаржевской (1904—1907), затем снова в театре ЛХО. С 1912 г. выступала в петербургском Панаевском театре, с 1923 г. в Государственном Петроградском драматическом театре. Совместно с мужем в 1908 г. в Петербурге создала театр «Кривое зеркало», а также издавала журнал «Театр и искусство» (1897—1918).

в нее влез и, незнакомый с системой всех кранов и душей, обварился. Он выскочил и заорал благим матом:

— Кто эту идиотскую штуку выдумал!

И никогда больше не соглашался принять ванну.

Савина сама мне говорила, что если бы на премьерях Кутель не сидел в 4 ряду, она бы играла гораздо лучше, но когда она видит его в зрительном зале, шморгающим носом, харкающим в платок («Слава Богу, что хоть не на пол!», — прибавляла она), ей просто становится тошно.

Но критик он был очень приличный, а главное, был чрезвычайно образованный человек, обладавший к тому же прекрасною памятью. Я не помню ни одной его статьи, ни о театре, ни вообще, в которой он в нескольких местах не ссылался бы на того или другого автора и не цитировал бы их.

Театр он знал, театр он любил, но, надо сказать правду, любил не «неземной» любовью, ибо театр давал ему весьма изрядный доход. Рассказывали, что у него образовалось три капитала: от издания «Театра и искусства», от театра «Кривое зеркало» и от его литературных работ, и, если, например, у него не хватало денег на «Кривое зеркало», он занимал деньги из капитала «Театра и искусства» и непременно возвращал в этот капитал взятые оттуда деньги в срок. Был он и прижимист, ну да когда же издатель и антрепренер не бывают прижимисты?!

Но он был умен и талантлив, и прекрасный оратор.

<...>

Заключение

Все, о чем я тут вспоминал и рассказывал, и все, что я о многих высказывал, относится ко времени до 1917 г. После 1917 г. о многих я говорил бы совершенно иначе и в первую голову, конечно, о С. Ф. Ольденбурге.⁴⁷⁴

⁴⁷⁴ Видимо, Рышковым имеется в виду лояльное отношение С. Ф. Ольденбурга к советской власти и его стремление ориентировать Академию наук на «сотрудничество с советским правительством при сохранении внутренней независимости Академии». «Российскую Академию наук ведет между рифов Сергей Федорович Ольденбург, — пишет о 20-х гг. Ф. Ф. Перчёнок, — Непременный Секретарь РАН. Бессребреник, аскет, добытчик пайков, писчей бумаги, дров и охранных листов для деятелей культуры, заступник вдов и сирот. <...> На него сыплются упреки в соглашательстве с властью, но искренние просьбы С. Ф. об отставке неизменно встречают у академиков единодушную ответную просьбу: остаться до лучших времен на своем посту». *Перчёнок Ф. Ф.* Академия Наук на «великом переломе» / Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 167—168. См. также: *Каганович Б. С.* Люди и судьбы. Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, И. М. Гревс по их переписке 1920—1930-х годов // Звезда. 1992. № 5—6. С. 160—170.

В. В. РОЗАНОВ В ДНЕВНИКЕ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ Е. П. ИВАНОВА. ПИСЬМА РОЗАНОВА К Е. П. ИВАНОВУ

(Публикация О. Л. Фетисенко)

В близкое окружение В. В. Розанова входил самобытный мыслитель, писатель и публицист Евгений Павлович Ив́анов (1879—1942), впоследствии известный главным образом как ближайший друг А. Блока.¹ В определенной степени его даже можно назвать учеником Розанова.

Во втором «коробе» «Опавших листьев» Розанов упоминает как примету своей жизни Н. П. Ге и Е. П. Иванова «за чашкой чаю».² Тех же персонажей вспоминает среди редких людей, которым разрешалось «приходить днем», и старшая дочь Розанова, Татьяна.³ По воспоминаниям Д. А. Лутохина, «В<асилий> В<асильевич> среди них напоминал греческого философа в своей гимназии. Они вопрошали — а он разрешал все их недоумения».⁴

¹ См.: Максимов Д. Е. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Сб. 1]. С. 344—361.

² Розанов В. В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. М., 2001. С. 345.

³ В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 52, 53. Ср. в воспоминаниях младшей дочери Розанова, Надежды Васильевны: «В раннем детстве из гостей помню только Евгения Павловича Иванова, по нашему прозвищу — „Рыженький“ из-за огненно-рыжих волос...» (Литературоведческий журнал. 2000. № 13—14. С. 59). Позднее Н. В. Розанова-Верещагина стала близким другом Е. Иванова и его сестры Марии Павловны. В письме к последней от 18 июня 1940 г. она заметила: «Евг<ений> Павлович такой большой человек, что все, что касается его, страшно важно и дорого» (ГМИ СПб, ф. А. Блока, XI-1527-р, л. 3 об.—4; до 2005 г. в фонде А. Блока, ныне фонд расформирован; здесь и далее указываем прежний шифр).

⁴ Лутохин Д. А. Воспоминания о Розанове // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 195. Ср. в его неизданной автобиографической книге «Итоги жизни»: «Из молодежи <...> неизменными были студент Е. П. Иванов и Н. П. Ге. Е. П. Иванов, друг Блока, искренний мистик, отличался своей, мистика, логикой — и понимать его для меня было трудновато. Но как человек он располагал к себе; его все знавшие любили. <...> Но если ВВ <Розанов> был душевно здоров, то длительное общение с ним влияло вредно на его учеников. <...> и Иванов, и особенно Ге — на моих глазах хилели» (РНБ, ф. 445, ед. хр. 2, [с. 49, 51]).

Розанов неоднократно упоминал Иванова в своих сочинениях. «Вот кто естественный профессор университета: сколько новых мыслей, какие неожиданные, поразительные замечания, наблюдения, размышления», — говорится о нем в «Опавших листьях».⁵

О характере отношений Розанова и Иванова лучше всего скажет дарственная надпись на книге «Из восточных мотивов» (Вып. 1—2. Пг., 1916): «Евгению Павловичу Иванову от „папы“ и „всей семьи Розановых“: с благодарностью за 20 лет дружбы. В. Розанов».⁶ Когда Розанов переезжал в Сергиев Посад, часть вещей была роздана знакомым, в том числе Ивановым. В незавершенных воспоминаниях Иванова (1936) упомянут, например, попавший к нему стол, за которым когда-то он пил чай рядом с Мережковскими.⁷

В архиве Иванова сохранилась интересная запись, озаглавленная «О посещении». В мае 1919 г. больной, почти умирающий человек составил ее для жены и дочери. На наш взгляд, очень важно упоминание Розанова в этом отрывке: «Без любви холод и смерть, без любви слова нет. Да выразится любовь и в посещении друг друга, не забывайте старых друзей. Так завещал Вас<илий> Вас<ильевич>...» (ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 41, л. 139 об.).

Как же попал Иванов в тот круг, что Лутохин сравнил с древнегреческой гимназией? В конце жизни он вспоминал о своем настроении на рубеже веков, об ожидании «нового слова», которое связывалось у него с именами Д. С. Мережковского и Розанова: «Мне верилось, что (вот! вот!) оно откроется: что уже близко его касаются Мережковский и Розанов, и еще миг — найдем это „всепобедное“ слово, о котором можно как встарь сказать: „слово мое крепко“ — аминь» (ИРЛИ, ф. 840, колл. М. С. Лесмана).

Старший брат Е. Иванова, Александр, учился в университете вместе с И. И. Ореусом (Коневским) и И. Я. Билибиным — отсюда его вхождение в круг мирискусников. Евгений внимательнейшим образом не просто читает, но изучает журнал «Мир искусства» и выделяет там статьи Мережковского и Розанова, воспринимая этих авторов как полных и несомненных союзников.

Первая запись в дневнике Иванова, связанная с Розановым, сделана 28 декабря 1901 г. Это конспект статьи Розанова «Смысл аскетизма» (1897).⁸ В незавершенных воспоминаниях Иванова конспективно передана история знакомства с Розановым:

«В окт<ябре> и ноя<бре> 1901 г. уже сектан<ство>. Хлысты. Литература. Сходство с идее<й> Мережковского, „двоеверие“ бездн<ы>. Розанов Вас<илий> ушел в язычество. <...> Розанов и мои наблюден<ия> в Эрм<итаже>. „Венера, кормящая грудью младенца“. Послал

⁵ Розанов В. В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. С. 260. Слова эти не принадлежат самому Розанову, а воспроизводят отзыв об Иванове его друга Н. Ге, но ясно, что Розанов целиком присоединяется к нему.

⁶ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 185.

⁷ «Пошли пить чай в столовую (за тем стол<ом>, который сейча<с> стоит у меня в ком<нате>). Розанов усадил меня рядом с собою по леву<ю> руку, чтоб мне не конфузно было, а налево от меня сел Мережковский» (ИРЛИ, ф. 840, колл. М. С. Лесмана).

⁸ ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 1, л. 36 об.—42 об. Далее при цитировании документов, хранящихся в этом фонде, указываются только единица хранения и лист.

письмо В. В. Розанову> 5-го марта. <...> Не надея<лся> получить ответ. <...> В см<ысле> креста — „воскресение“. Крес = горение.

В связи с „кресением“ и „крестом“ вдруг письмо на столе от Розанова. Не верю глазам. <...>

Прячу письмо, не говоря о нем даже Саше брату.

Пишу ответ. <...>

В ответ 8-го получил опять письмо» (ИРЛИ, ф. 840).

Сохранились два черновых варианта первого письма Иванова.

«Глубокоуважаемый
Василий Васильевич!

Не знаю, какими словами воздать славу Богу и Вам за то, что Вы помогли мне увидеть отверстие небо и лестницу, соединяющую небо с землею, по которой, по слову Христа, мы узрим Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих на Сына Человеческого.⁹

Приношу Вам глубокую признательность, мой дорогой „раввунин“, как одному из посланных мне Богом учителей.

Простите за неуклюжесть выражений, Вы, конечно, не будете смеяться над моим разглагольствованием?» (ед. хр. 48, л. 1—1 об.).

Другой вариант был более обстоятельным:

«Многоуважаемый Василий Васильевич, зная Ваше глубокое понимание материнства и интерес, с которым Вы относитесь к этому вопросу, я решаю обратиться Ваше внимание на греческие изображения Афродиты-матери, попавшиеся мне случайно на глаза во время моих брожений по Эрмитажу в отделе древностей Босфора Киммерийского Эрмитажа. <...> Богиня представле<на> сидяще<й> на троне и ле<вой> рукой приде<рживает> малень<кого> Эрота, а в правой как<ую>-то игруш<ку> в виде шара пр<едставленную?>. Эта ста<туэтка> наход<ся> Зал XIII-ый в зале „терракотовых статуэток“, витрин<a> предпосле<дняя>.¹⁰

На одном из колец помещено изображение Афродиты, кормящей грудью Эрота (редчайшая композиция), на другом Эрот целует Афродиту.

Не намекает ли присутствие Эрота, довольно часто помещаемого рядом с Афродитой, на ее сродство с Матерью-Реєю-Герою, подобно тому как (по Вашему глубочайшему замечанию) присутствие сложной одежды намекает на сродство Афродиты с Дианой?¹¹

Афродиту, мне кажется, можно скорее представить матерью, чем Диану. С Афродитой — ребенок, с Дианой, насколько мне помнится, никогда не было до Рожд<ества> Христова. После Рожд<ества> Христова ребенок у Дианы — Божья Матерь.

Вышеозначенные кольца находятся в Зале Древн<остей> Босфор<a> Киммер<ийского> от входа направо у 6-ой колонны, в пирамидальной витрине № III, в № 1145 — отделена, если снизу считать во 2-ом и 3-м ряде № 299 а и 296 в.

В случае если Вам еще не приходилось видеть этих изображений, то, может быть, когда-нибудь Вам легче будет обратит<ь> внимание на них.

Остаюсь готовый к услугам
Вашим

Студент Университета
Евгений Павлович
Иванов.
Никол<аевская> ул., д. № 75, кв. 14»

(Там же, л. 1 об.—2 об.).¹²

⁹ Ср. Ин. 1: 51.

¹⁰ См.: Императорский Эрмитаж. Древние бронзы и терракоты (Зала XIV): Каталог. СПб., 1883.

¹¹ Подразумевается статья Розанова «Афродита и Диана» (см. примеч. 1 к письму Розанова от 6 марта 1902 г.).

¹² Ответные письма Розанова публикуются ниже.

17 марта 1902 г. (день, когда Иванов впервые побывал у Розанова на Шпалерной) описан в дневнике как эпохальное событие — настоящий переворот в жизни. В 1936 г. он вспоминал об этом вечере:

«Тут-то произошло мое выступление, т. е. впервые после моего вообще молчания в гостях и в доме при посторонних я вдруг прорвался и заговорил как „валаамова ослица“. Я заговорил как-то безудержно, точно летя очертя голову, выливая сразу все, что накопил и передумал за последние годы. Это было впервые со мною в жизни, и надо же, чтоб это было „через два в третий“ да еще 17-го,¹³ как предсказало видение отца в январе во время болезни, и теперь объяснялось как третий месяц (март, 17-го числа)» (ИРЛИ, ф. 840).

О переменах в своей жизни Иванов писал гимназическому другу Н. Б. Бакланову. Черновик письма — в дневниковой записи от 4 июня 1902 г.:

«Я же собстве<нно> совершеннейший профан в философии. Глав<ное> осно<вание> до Мереж<ковского> и Розанов<а>. Но из этого я кинулся им<енно> в Религ<иозную> сторону. <...> понял Бога (это самое трудное, что е<сть> на <свете>) и пон<ял> Христа. Первое, куда я, „купаясь в Мереж<ковском>“,¹⁴ броси<лся>, это был народный эпос. И уверяю тебя, чт<о> я и без хлыстов <...> стал хлыстом, читая наши древ<ние> поэмы. Да<лее> шло исследование сект и расколов. И здесь я увидел пол<ное> подтвержде<ние> своим предпол<ожениям> о Боге тела и Боге духа. Я до такой степени был все время уверен, что и друг<ие>, г<лавное> М<ережковский> и Р<озанов>, так и понимают все, что, к<огда> был в перв<ый> раз у Розан<ова> <...> не сомневаясь говорил о хлыстов<стве>, проходящем через весь наш эпос.

Тогда Мер<ежковский> за<метил>: „как глубоко пон<имает> он рус<ский> народ“, но почему-то телу <?> отказыв<аться> от хлыстовства. <...> Всего замечательнее то, что брат мой, исследуя текст и музыку му<зыкальных> дра<м> Вагнера, а я углубился в наш народ<ный> эпос и наш<и> секты, сошлись тепер<ь> таким изумительным образом, что прямо удивительно. <...> Вот об этой объе<диняющей> основе я и писал Розанову <...> Пуще все<го> боюсь я, что меня примут за зазнавш<егося> хама. <...>

Но право же, я тут себе ничего не приписываю. Пусть они приму<т> ее, то есть эту идею. Хотя бы призн<ают>, что сами об ней раньше сказали, я же об этом все время и говорю им. Или если я так противен, то пусть познакомятся с братом мои<м>, он такой симпатичный, и от него примут ее. Но я христианин, для меня вопросы, которых я косн<улся>, так важны, зад<евают> жизн<ь>, я не отрывался от Церкви, я с нею сросшись, и чтобы понять и прийти к таким выводам, мне надо же было мучиться. Надо было понять Христа и полюбить Бога. Я научился этом<у> у них. Почему они не приним<ают>. Со времени писа<ния> я о многом переменял мнение. Да теперь я вижу, что окно в белую ночь, отражающее зарю и солнце, еще не есть само по себ<е> солнце. Я убедил<ся>, что не Мережков<ский>, ни Розанов, свидетельствуя о свете истин<ном>, еще не необходим<о> должн<ы> быть в это время Христом. „Иоанн не был сам свет, но он свидетельствовал об свете“.¹⁵ Да это все только предтечи. Но они бывают и христами ли<шь> тогда, когда их захватывает свет весь и дух и тело. * Кл<янушь?>, Бог духа и Бог тела одно. Там они подле Христа. Но Христ<ос> еще в мире разорван, мир так грешен. И в мире только чередуется Антихри<ст> и Христос. Христос разорвал Антихриста. Царствие же Бож<ие> на Земле будет, когда ос<танется> один Христос <...>

С 17 марта прош<ло> 2 с лиш<ним> месяца, но мне каж<ется>, что прош<ла> це<лая> вечность. Ты помн<ишь> меня в гимназии. Меня, ты знаешь, считают зубрилой глуповатым и туповатым, но, впрочем, добрым. И вот тепер<ь> вдруг я, безобразн<ый> утенок («безобразный утенок») сказка<а> Андерс<ена>), попадаю отче<го-то> в стаю лебедей. Я готов был крикну<ь>: убейте меня, ибо и от лебедей смерть при<нята> отродно. <...>

* «Не Я свидетельствую о себе, говори<т> Христос, и не др<угой> кто, но дела, которы<е> Я творю, свидетел<ьствуют>, что Я посл<ан> Отцем».

¹³ Число 17 Иванов считал приносящим особенно важные события в его жизни. Кроме того, он считал «17» «числом Петербурга».

¹⁴ Иванов приводит здесь чуть измененные слова из письма к нему Розанова от 18 мая 1902 г.

¹⁵ Измененная цитата: Ин. 1: 8.

Одн<им> сл<овом>, Иван-дурачок. <...> Ты знаешь, это слов<о> Роза<нова> — его вообще обращении<е>. А заод<но> и Мережковск<ого>» (ед. хр. 2, л. 2—6).

Отношение Иванова к Розанову было самым восторженным. Внимание останавливает один из эпизодов в его дневнике, прочитываемый прямо как сцена из Достоевского. Иванов бросается поцеловать руку любимого учителя (словно Подросток руку Версилова), а тот отстраняет со словами: «...потом меня ж еще ненавидеть будете».¹⁶ Но в дневнике отражены и некоторые колебания в отношениях Иванова с Розановым, сомнения в некоторых сторонах его учения — при всегдашнем сохранении самых теплых личных отношений.

Уже в первые годы общения с Розановым Иванов написал две статьи о нем для «Нового пути»: «О смрадном и святом (По поводу заметки А. Крайнего о г. Розанове)» (1903. № 10. С. 173—176) и рецензию на книгу «Семейный вопрос в России» (1904. № 7. С. 196—202).

Иванову пришлось несколько раз выступить «защитником» Розанова в Религиозно-философском обществе. Впервые вопрос об изгнании Розанова из общества рассматривался на заседании 9 ноября 1911 г. 8 ноября Блок записал в дневнике: «Возвращаюсь, а Женя идет с лестницы (он завтра <...> вечером читает доклад в заседании совета религиозно-философского общества)».¹⁷ Войдя домой, Блок прочитал оставленное Ивановым письмо:

«Милый Саша.

Заходил. Дело в том, что хотел сказать тебе относительно Розанова.

Слышал, что ты согласен подписаться под его отстранением. Ни Мережковские, ни Философов, ни Полик<ена> Сер<геевна> не подписываются. Даже в случае уйдут из совета...».¹⁸

Разговор об этом был продолжен в день рождения Блока, 16 ноября:

«Обед у мамы — с тетей <...> и Женей (с ним разговор вечером — и с мамой. Женя воинствует). Женя: всякий поэт должен читать Евангелие. Об „изгнании“ Розанова, о Мережковских и мелком их бесе Философове, о „не только поэте“, о „не только человеке“, о „национализме“».¹⁹

«Болезненные» рассказы «Женички» о Розанове Блок упоминает и в дневниковой записи от 27 декабря 1911 г.²⁰

В 1911 г. Мережковские и Д. Философов еще «защищали» Розанова, к 1914 г. (после дела Бейлиса и известных статей Розанова) они превращаются в главных его гонителей.²¹ О выступлении Иванова на заседании Религиозно-философского общества, посвященном вопросу об исключении Розанова из общества, вспоминала Е. М. Тагер: «Как „Рыцарь Бедный“, стоит перед толпой худощавый, рыжеватый Е. П. Иванов, мольбой и рыданием звенит его тихий голос, отчаяние на его бледном, страдальческом ли-

¹⁶ См. ниже запись от 19 мая 1902 г.

¹⁷ Блок А. Дневник. М., 1989. С. 76.

¹⁸ Цит. по: А. Блок и Е. Иванов. Переписка. Воспоминания. М., 2007 (в печати).

¹⁹ Блок А. Дневник. С. 83.

²⁰ Там же. С. 99.

²¹ См.: Иванова Е. В. Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-Философского общества // Наш современник. 1990. № 10. С. 104—110.

це: „Богом молю вас, — не изгоняйте Розанова! Да, он виновен, он низко пал, — и все-таки не отрекайтесь от него! Пусть Розанов болото, — но ведь на этом болоте ландыши растут!”²²

В последние годы жизни Иванов использовал свой дневник как канву для воспоминаний; сохранилось несколько незавершенных вариантов, один из них (из коллекции М. С. Лесмана) мы используем в комментарии к дневниковым записям. В 1940 г., работая над воспоминаниями о Блоке, Иванов делал выписки из дневника, причем иногда дополнял их интересными подробностями. Достаточно сравнить короткую запись от 25 января 1904 г. (ед. хр. 5, л. 61 об.) и относящийся к этому дню фрагмент в одной из редакций воспоминаний о Блоке (приведено в комментариях).

Среди фрагментов к неоконченной мемуарной книге есть текст без начала и конца, посвященный нескольким эпизодам из первых дней общения с Розановым и Мережковскими, а также рассказывающий о начале знакомства с Блоком. Рукопись хранится в фонде Иванова в ИРЛИ и датируется не ранее 1936 г. В 1941 г. Иванов переписал эту обработанную часть воспоминаний о Розанове в отдельную тетрадку и дал ей совершенно «розановское» название — «Летающие листья».²³ Эта тетрадь была пасхальным подарком Н. В. Розановой (Верещагиной). Сохранилось и письмо к ней Иванова от 19 апреля 1941 г.:

Христос Воскресе!
Милая Наденька,

Целую трижды тебя и всех близких тебе с тобою. Дай Бог милости в здоровья и весеннем обновлении. На память принес тебе, что успел переписать из «летающих листьев» 1902 года. Начала не успел. Боюсь, уедешь.

Если не удастся сегодня, Суббота страстная, 19-го, то на днях завезу и передам.

Целую крепко, дружок мой милый и верный, с любовью. Е. Иванов.

«ел!» — это мой псевдоним (греческий «предлог» о = «к», «у» — «около»).

(ГМИ СПб, ф. А. Блока, XI-1702-р, л. 23).

В письме от 13 июня 1941 г. Иванов благодарил Н. В. Розанову: «Спасибо за отзыв одобрительный о моих воспоминаниях. К сожалению, мало таких мест, где записывались фразы, по которым восстает живой образ, например Варвары Дмитриевны» (Там же. XI-1703-р).

Понятно, что самое ценное в записях и воспоминаниях Иванова о Розанове — это передача слов мыслителя. Этот пласт в публикуемых текстах довольно обширен. Многие записи такого рода могут стать предметом небольшого специального исследования. Наша задача — лишь ввести эти тексты в научный оборот, объем сборника не позволяет сделать вступительную статью и комментарии более развернутыми. При подготовке публикации трудно было принять решение — что предпочтительнее включить в нее: фрагменты воспоминаний или же дневниковые записи. Выбор был сделан в пользу последних, несмотря на присущее Ива-

²² *Газер Е. М.* Блок в 1915 году / Публ. З. Г. Минц // Учен. зап. Тартуского гос. университета. Тарту, 1961. Вып. 104. С. 302.

²³ Подзаголовок: «Из 1902 года. Фрагмент из книги». ГМИ СПб, ф. А. Блока, XI-1702-р.

нову некоторое косноязычие, в дневнике, конечно, проявляющееся с большей силой. Думается, что выбор оправдан, ведь именно эти отрывочные, иногда даже не вполне вразумительные записи сделаны «по горячим следам», а значит — без лишней рефлексии дают непосредственное отражение увиденного, услышанного, врезавшегося в память. В публикацию включены и многочисленные записи о Мережковских (не все, а лишь те, что хотя бы косвенно связаны с Розановым). Из воспоминаний о 1902 г., упомянутых выше, публикуем лишь ту часть, которая относится к Розанову. В опущенной нами части рассказывается о первых встречах с А. Блоком в 1903 г.

Тексты печатаются по автографам с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей подлинника. Письма Розанова: ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 89; ОР Государственного литературного музея, ф. 104, д. 8; дневниковые записи Иванова: ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 1—39; фрагмент воспоминаний «1902 год»: Там же, ед. хр. 79, л. 1—37. Письма, хранящиеся в ИРЛИ, датируются по почтовым штемпелям и по содержанию. Буквами обозначаются текстологические сноски, знаком * — примечания Е. П. Иванова.

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА К Е. П. ИВАНОВУ

<1>

<6 марта 1902 г.>

С удивлением я прочел, что кто-то еще интересуется и помнит «Афродиту-Диану». ¹ Спасибо. А много туда я души вложил. Около тех тем — большие вопросы, загадки, исторические секреты и прозрения. Велика тайна: «мать, ребенок, отец» и в конце концов «велика Диана Ефесская», ² как, кажется, кричали Ап. Павлу. — Ап. Павел едва ли все это разобрал, снеся, как Самсон на плечах, ворота Рамы из Дагона ³ — весь древний мир на плечах в преисподнюю. Но вот каждый из нас сейчас еще рождает, еще рождается. *Этого* не обнимает христианский мир, и не постигает, *что* это. А древность по крайней мере старалась постигнуть. ⁴ По воскресеньям вечером (час<ов> 9—10) у меня собираются друзья; не зайдете ли, ибо очевидно мы найдем о многом поговорить.

Ваш В. Розанов. — Шпалерная, д. 39, кв. 4.

¹ Речь идет о статье Розанова, опубликованной в «Мире искусства» (1899. Т. 2, № 23—24. Художественная хроника. С. 85—91).

² Деян. 19: 28, 34.

³ Имеются в виду ворота города Газы, которые Самсон отнес на плечах «на вершину горы, которая на пути к Хеврону» (Суд. 16: 3).

⁴ по крайней мере старалась постигнуть *вписано над зачеркнутым*: постигает

<8 марта 1902 г.>

Вот какие дела. Ну, у нас бывает просто и шумно, и всякий занимается чем хочет. Только это воскресенье я дома не буду: пойду японку слушать.¹ Так что Вы пожалуйста в следующее воскресенье.

А то для предварительного знакомства приходите ну хоть в ред<акцию> «Нов<ого> Вр<емени>» часов около 5 в буд<ний> день. Ваш В. Розанов

Но лучше прямо
в воскресенье: я уж
устрою, чтоб Вам
было не так грустно.

¹ Речь идет о японской актрисе Сада-Якко (1872—1946); ее гастроли в Петербурге с японской труппой проходили в Новом театре 9—11 марта 1902 г. Первое представление было дано 8 марта в Маринском театре. Негативный отзыв об этом представлении: Театр и музыка // Новое время. 1902. 9 марта. № 9343. С. 4. У Розанова были билеты на спектакль 10 марта (воскресенье). Ср. с отзывом петербургского театрального критика: «Сада-Якко, прозванная за границей „японской Дузе“, конечно, не есть на самом деле Дузе, ни японская, ни какая-нибудь иная. Среди своих актеров, в своем театре, находящемся на младенческой степени развития, она, быть может, и очень большая величина. На европейский взгляд она только заморская диковинка, редкий автомат, говорящая куколка. Когда ее заведут, она плачет, переведут — смеется; для танцев имеется особый валик, для разговоров — другой. Но в этом автомате все-таки горит огонь истинного драматического таланта» (Беляев Ю. Сада-Якко // Новое время. 1902. 10 марта. № 9344. С. 5). См. также дневниковую запись Иванова от 18 марта 1902 г. Розанов вспоминал об актрисе в статье «Сицилианцы в Петербурге» (1909). См.: Розанов В. В. Среди художников. М., 1994. С. 278 (Собр. соч. <Т. 1>).

<18 мая 1902 г.>

В это воскресенье приходите — последнее.

Вы очень честный человек и все Ваши «самоутрызения» — чепуха. Надеюсь, так и Дм<итрий> Сер<геевич> думает.¹ Вы скромнейший малый, полное отсутствие хамства, ничего презренного — рыжий Алкивиад. И как русский — т. е. простой, смиренный, деликатный, теплый (к своим родным, что меня очень трогает), и вообще это главное, доброта — а остальное...

Я ведь с Дм<итрием> Сер<геевичем> далеко не в одну точку бью. Мы встретились; много *одних тем и вопросов*, но решения... гм, гм... Вы меня почти не знаете, только на цыпочках по Афр<одите>-Диане прошлись, а в Дм<итрии> Сер<геевиче> Вы купаетесь. Я не ревную. Вы умный, и придет и мой черед.

Да читали ли Вы «Религию и культуру» и «В мире неясного и не решенного».² Вы больше догадываетесь — хоть и гениально. Ну, устал писать.

Мне все в Вас нравится, Ваша кротость, простота и проч.; ну, прыгайте, жеребеночек; я сам из жеребцов и всякому в мире прыганью рад («всяческая и во всем»³). Некогда больше писать. Приходите. Ваш

В. Розанов.

Напр<имер>, черт — «смешное и малое».⁴ Это — остроумно, но истина больше, чем только остроумие. Черт и *страшен*. Черт — и предмет ненависти и борьбы, даже титанической. Тут у Дм<итрия> Серг<еевича> слишком литературное представление черта. Он смешал Лейкина⁵ с чертом: это идет автору «умирающих и воскресающих богов»,⁶ но смиренному обитателю Шпалерной кажется недостаточным.

И о Христе мои и Мережк<овского> мысли — почти диаметрально противоположны. Мы скорей *лобызаемся* при встрече; но еще минуты — и корабли разойдутся, ибо они →

¹ Побывав на лекции «Судьба Гоголя» (см. примеч. 4), Иванов написал Мережковскому письмо, в котором каялся перед своим «учителем», открывая «хлестаковские» черты в себе (ед. хр. 47, л. 1, 2 об.).

² Речь идет о книгах Розанова «Религия и культура» (СПб., 1899; 2-е изд.: 1901) и «В мире неясного и нерешенного» (СПб., 1901). Второе издание «В мире неясного и нерешенного» вышло в 1904 г. и было подарено Розановым Иванову (см. также дневниковую запись от 4 мая 1905 г.)

³ Аллюзия на Кол. 3: 11.

⁴ Речь идет о лекции Мережковского «Судьба Гоголя». Вместе с письмами Розанова Иванов сохранил билет на эту лекцию, состоявшуюся в Соляном городке 29 марта 1902 г. Билет наклеен на вырезку из «Нового времени» с программой лекции (ед. хр. 48, л. 14).

⁵ *Лейкин Николай Александрович* (1841—1906) — писатель, журналист.

⁶ Речь идет о романах Мережковского, вошедших в трилогию «Христос и Антихрист»: «Смерть богов (Юлиан Отступник)» (в журнальной публикации 1895 г. носил название «Отверженный, или Смерть богов») и «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (1901).

<4>

<9 апреля 1904 г.>

Дорогой Евгений Павлович! Не откажитесь, милый, *непрерывно* это воскресенье вечером придти к нам: есть о чем попросить Вас, по делу не литературному, а семейному, т. е. с нашей точки зрения — важнейшему.

Поклон мой Вашей почтенной сестре.¹ Ваш В. Розанов

¹ *Иванова Мария Павловна* (1874—1941). В 1936 г. Иванов писал: «Сочувстви<е> к сестре. В. В. Розанов <...> постояя<но> посылал поклонны и како<е>-нибудь угощение со стола. Это чтоб она знала, что ее помнят и сочувствуют» (ИРЛИ, ф. 840). В ГМИ СПб хранятся два письма Розанова к М. П. Ивановой.

<Без даты>

Милый Евгений Павлович!

На воскресенье я решил слушать Зембрих в «Риголетто»¹ и посему??? Придете ли Вы к нам? с Ге?² Хотя ведь Вы найдете у нас милую-пре-милую Варвару Димитр<иевну> и интересную Александру Михайловну:³ и если с Гиппиусами⁴ не скучаете, то отчего же соскучитесь с ними? А к 12-ти и я подъеду? Но на всякий случай скажите Ник<олаю> Петр<овичу>. — — М<арии> П<авловне> и Мар<ии> Петр<овне> и другой сестре⁵ — самый усердный поклон и привет.

В. Роз<анов>

А Вы на меня не сердитесь. Вот <2 нрзб.>, — и все «при лучших намерениях», как говорит у Д<остоевско>го капитан Лебядкин.⁶

¹ Зембрих *Марчелла* (наст. имя Марцелина Пракседа Коханьска, 1858—1935) — польская оперная певица, колоратурное сопрано, с 1880-х гг. пела в итальянской опере в Петербурге. Розанов посвятил ей статью. См.: *Розанов В. В. Марчелла Зембрих <1909> // Розанов В. В. Среди художников. С. 317—320. «Риголетто» — опера Д. Верди (1851).*

² *Ге Николай Петрович* (1884—1920) — искусствовед, литературный критик. См. о нем в публикуемых ниже воспоминаниях Иванова «1902 год».

³ *Бутягина Варвара Дмитриевна* (урожд. Руднева, ок. 1864—1923) — вторая жена Розанова; *Бутягина Александра Михайловна* (1882 или 1883—1920) — ее дочь от первого брака.

⁴ Речь идет о младших сестрах З. Н. Гиппиус — художнице *Татьяне Николаевне* (1877—1957) и скульпторе *Наталье Николаевне* (1880—1963). Иванов был близким другом Т. Н. Гиппиус (Таты).

⁵ *М. П.* — Иванова Мария Павловна — см. примеч. 1 к письму от 9 апр. 1904 г.; *Мар. Петр.* — Иванова Мария Петровна (урожд. Шалыгина, нач. 1840-х—1918) — мать Е. П. Иванова; *другая сестра* — Косцова Клеопатра Михайловна (1864?—?) — ее дочь от первого брака.

⁶ Герой романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

Из дневника Е. П. Иванова

1902 год

<18 марта>

17 марта был у В<асилия> В<асильевича>. 18 марта пишу.

Не могу, право, особенно утром проснувшись, разобраться, было ли вчерашнее сон или действительность. Для сна это несбыточно, а для действительности...? Господи, не знаю, я молчу в благоговейном трепете! В первый раз в жизни такое состояние; было еще такое же томление после Коммиссаржевской, когда я увидел ее в первый раз.¹ Но что это теперь за высокий подъем, даже голова кружится, боюсь упасть; Господи, дай мне смиренномудрие.²

¹ Иванов был горячим почитателем *Веры Федоровны Коммиссаржевской* (1864—1910), считал ее своей «первой любовью». В первый раз он увидел ее на сцене Михайловского театра в 1897 г. в спектакле «Бой бабочек».

² Парафраз молитвы св. Ефрема Сирина («Дух же целомудрия, смиренномудрия <...> даруй ми, рабу Твоему») и молитвы св. Иоанна Златоуста («Господи, даждь ми смирение, целомудрие и послушание»).

Спал от без 20 м<инут> 4-ре до половины 8-го. Томление тристановское.³ Постараюсь припомнить все вчерашнее с начала.

Выехал я <в> 8 ч. 18 м<инут>, ехал на конке, переполненной. Пьяный юнкер, шел по Воскресен<скому>. Прибыл в 9 часов к подъезду первому, и пошел в средний, посмотрел на номера у звонков, были 7, 8, 9, 10, 11, мне почему-то казалось, что Розанов в 5-ом номере, пошел в первый подъезд. Там сказали, что Роз<анов> в 4 номере. 5-ый номер во 2-м подъезде, я вошел, спросил швейцара 5-ый но<ме>р и позвонил к Смирновым каким-то, и тут же узнал, что Р<озанов> в 4-ом. Пришлось извиниться; вбегаю в первый подъезд и к Розанову в 5-ый этаж вбегаю. Звонок с сильным нажимом. Отворяет жена Варвара Дим<итриевна>? Удивлена. Оказывается, что Роз<анов> отдыхает еще после выставки.⁴ Разговор бессодержателен с ней. Мину<т> через 20 вых<одит> В<асилий> В<асильевич>.⁵ «Вы кто?» — «Иванов», — «О Афрод<ите> и Диане писали?» — «Да».⁶ — «Это правда, замечательно интересно, что вы указывали».

Рас<с>просы о семье.⁷ «Руки, простертые из земли, в Египет есть это мать, простирающая руки». Я рас<казал> о Знамени.⁸ Зат<ем> Розанов

³ Аллюзия на оперу Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1865).

⁴ Вероятно, речь идет о посещении выставки «Мира искусства», открывшейся 10 марта 1902 г. в Пассаже.

⁵ Ср. в незавершенных воспоминаниях Иванова (1936): «Разговор бессодержателен. Обои неловко. О семье, о болезнях. У Вар<вары> Дмитр<иевны> вид очень простой, не интеллигентн<ый>, провинциальный, походит на жен<щин> из духовенства рожд<енных>, поповну, добрую, заботливу<ю>, но скопидомную.

Я приглядываюсь к обстановке. Треножник бронзовый с <нрзб.> трех аистов, державш<их> в клюве <нрзб.> со светильниками. Диван кожаный<и> у круглого стола красн<ого> дерева. По стенам фотографи<и>. Альбом<ы> мод и эпохи возрожден<ия> Леда. Фотография. В простен<ке> окна полки, в которых стары<е> фолианты. Рояль<ь>. Маска Страхова. За окн<ом> Нева и видное пространство Невы.

Слышен шорох в сосед<ней> комнате. Это проснулся, поднимается „Сам Сам“, ка<к> говор<ит> Вар<вара> Дм<итриевна>. И вот он сам... Рыжеватый Старичок, розовый как младенец, вышедший из утробы матери, с блестящ<ей> кожей, точно после пара бани.

Из поповичей.

Я не таким его воображал. Но меня нимало не смутила внешность, а все в глазах. Глаза остро юркие и глубоко вдумчивые. Говорит вприхлебку, быстро, шепеляво...» (ИРЛИ, ф. 840, колл. М. С. Лесмана). Далее этот текст цитируется без отсылок.

⁶ Речь идет о письме Иванова к Розанову от 5 марта 1902 г. (см. во вступ. статье).

⁷ Ср. в варианте 1936 г.: «Расспросы о семье. Сочувствие об сестре. Больной сестре, девушка, лишившаяся женихов из-за болезни, сковавш<ей> ее одышкой.

По-видимому помимо интереса к внешним обстоятельствам быта семейной жизн<и> Розанов через ответы на его вопросы знакомился со мной.

По тому, ка<к> человек говорит и что говорит о близких, В. В. Розанов заключал о самом человеке. <...>

Разговор о семье перешел на тему более широкую и глубокую. Сине<е> небо и сине<е> море».

О болезни сестры ср. в другом варианте воспоминаний: «У нас в семье горе, болезнь хроническая Марии сестры моей, ее постоянная и летом не прекращающаяся одышка бронхиально<й> астмы, когда неделями приходилось с жаром отлеживаться в постели, давала тяжелый фон жизни нашего дома» (ед. хр. 79, л. 13—13 об.).

⁸ Ср. в воспоминаниях: «По поводу переживаемого в семье страдания я упоминал руки, простертые из земли в небо. Обраща<л> и внимание В. В., что эти руки, простертые без туловища и головы прямо от земли к небу, есть в древних изображениях нашей иконописи. Что в иконописном отделе музея Рус<ского> Искус<с>тва е<сть> Знамень с двумя таки<ми> ру-

заявил, «что он просто смотреть не может на изображ^{ения} Николая и святого Ал^{ександра} Невск^{ого}».⁹ Я ему заяв^{ил}: «Никол^{ай} это Бог Отец». На что он довольно скоро сказал: «Это, это пожалуй». Да, говорит, это замечательно. Я: «Николай — на воде свободы — а В^{елес} с Перуном — Бог Отец». На эту увяз^{ку} Перуна и Николая, в сущности противо^{полож^{ных}}, но объединенных, Роз^{анов} обрат^{ил} особенное внимание и замет^{ил}, «что это замечательно». Право, о Христе Старце — деньми¹⁰ Роз^{анов} это не знал. Мои замечан^{ия} о Мале ^{<?>} и о Голгофе и, кажется, здесь улыбка Р^{озанова} и зам^{ечание}: «хлысты». Приглашает в Р^{елигиозно-философское} общ^{ество} и в воск^{ресения} приходи^{ть} пригл^{ашал}. Тема любимая. Но была прервана входом нового гостя. Красив^{ый} дов^{ольно} пол^{ный} лет под сорок. Затем хозяйка с ни^м и ^{<нрзб.>} с ним, серб, как я впоследствии от него уз^{нал}. Святозар Светланович Добричев?¹¹ Собрание. Так доверчиво. Затем яви^{лся} в очках с черно^й больш^{ой} бородой, комиссар Религиозн^{ого} общ^{ества}.¹² Разговор об опасности, ему грозящей со стороны Сипягина¹³ (рвет и мечет)... Опасн^{ость} от участия курии и студентов в Р^{елигиозном} общ^{естве}. И затем звонок часу в 11-ом и явились^{сь} Мережковск^{ий} и Гиппиус.¹⁴ Пришли к чаю. Разговор о Религиозн^{ом} общес^{тве} и надежде на заступнич^{ество} сестры Сипягина.¹⁵ Сидел я рядом с Роза-

ка^{ми} из земли, как свечи. Это в Египетских рисунках у Розан^{ова} е^{сть} и от земли, значи^т мать-земля простира^{ет} к небу, к^{ак} деревья».

⁹ В тексте воспоминаний далее следует: «С материнства перешли на мужественное. Отеческое в Боге. Николай Чудотвор^{ец} — Отче Никола. Он Бог Отец <...> Никола <...> отчее лицо в Боже^{ст^{венной}} Троице». О св. Александре Невском ср. в «Уединенном» Розанова: «...в Александре Невском <...> оно (Православие. — О. Ф.) получило себе даже „Марса“. В „петербургском периоде“ (славянофилы) — все строят храмы Александру Невскому, этому „Аресу“ и вместе „Ромулу“ Руси, отодвинув в сторону киевских подвижников» (*Розанов В. В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис русской революции*. М., 2001. С. 76).

¹⁰ Образ из Книги пророка Даниила (7: 9).

¹¹ Ср. в воспоминаниях: «Звонок. Новые гости. Вал^{ентин} А^{лександрович} Тернавцев и Свят^{озар} Степ^{анович} Радовинович (правильно: Радаманович. — О. Ф.)».

Приход гостей досадно помешал нашему интимн^{ому} разговору вдвоем. Я смолк, начал^{ся} говор, а не разговор». *Валентин Александрович Тернавцев* (1866—1940) — богослов, синодальный чиновник; секретарь Религиозно-философских собраний (далее сокращенно — РФС). Упоминания о С. С. Радамановиче см. в воспоминаниях Н. В. Розановой (Литературоведческий журнал. 2000. № 13—14. С. 59, 60).

¹² *Скворцов Василий Михайлович* (1859—1932) — синодальный миссионер, редактор-издатель журнала «Миссионерское обозрение» (1896—1916) и впоследствии — газеты «Колокол» (1905—1917), один из организаторов РФС.

¹³ *Сипягин Дмитрий Сергеевич* (1853—1902) — министр внутренних дел (с 1900).

¹⁴ Ср. в воспоминаниях: «Часу в 11-м звонок и яв^{ились} Мережковск^{ий} с Гиппиус. Лиц^о бледн^{ое} <...> лицо сектанта. Гипп^{иус}. Европа. ...Боттичелли. В глаза^х сер^{ых} <...> русалки <...>. Лорнет. <...>»

Мережковск^{ий} с Гиппиус как Пушкин со сво^{ей} Музой — Волконский». Вероятно, последняя фраза представляет собой запись слов директора Императорских театров и участника религиозно-философских собраний *Сергея Михайловича Волконского* (1860—1937). В дневнике Иванова после упоминания Гиппиус нарисован ее профиль.

¹⁵ *Сестра Сипягина* — Дубасова Александра Сергеевна (урожд. Сипягина; 1854—?), жена Федора Васильевича Дубасова (1845—1912). К ней неоднократно обращались за заступничеством перед братом-министром кн. Э. Э. Ухтомский и Мережковский, о чем в марте 1902 г. Гиппиус сообщала П. П. Перцову. В публикации их переписки, подготовленной М. М. Павло-

нов<ым>, налево от него у одной части стены, а налево от меня Мережковский. Одни<м> слово<м> я Творец, Розанов — Хранитель, Мережковский — Преобразитель.¹⁶ Далее сидел рядом с Мережковским красив<ый> полный, серб и студент¹⁷ пото<м>, а направо с бородой в очках, Гиппиус и за<тем> хр<истианин> новый идет с бритыми щеками <так!> тонкий и зат<ем> жена Роз<анова>, а у чая с красными щеками. Относительно «Дианы и Афродиты»¹⁸ св<оей> статьи Розанов зая<вил>, что ему из Мережковского, что Фрину нельзя представить беременной. Я забыл сказать<ь>, что перед чаем Розанов говорил, что он был в моленной хлыстов и чуть не плакал при виде оживления и умиления, особенно когда говорила одна девушка и чуть<ь> сама от умиления не плакала, а другая говорила Розанову, что она плачет, что от православия отошла.

О Садо-Яни¹⁹ — Розанов тоже замеч<тил>, что замечательно, чистота движений, нет грязи в объятиях, и во<обще>, что каждая половица, каждый шаг соверш<ается> кажд<ый> раз, одно и то же. Вот тут тоже вот Мережковский и Гиппиус. Тепер<ь> за чаем. Разговор, кого принимает<ь> и не приглашат<ь>.²⁰ Составляли список. Доверие полное.²¹ Розанов эту доверчивость прямо внушал гостям. Решили пригласить Бенуа.²² В<асилий> Васильевич обр<атился> ко мне^a и спросил, могу ли я явиться в пиджаке

^a В автографе ошибочно не вычеркнуто: Ко мне<е> В<асилий> Васильевич обр<атился> ко мне.

вой, фамилия «Дубасова» лишена каких-либо пояснений (см.: Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову // Русская литература. 1991. № 4. С. 135, 138, 140). Ср. в воспоминаниях Иванова: «Мережковские вошли как раз в то время, когда Скворцовым был поднят вопрос об опасном положении Религиозно-Философских Собраний, на которые Сипягин „рвал и метал“. Когда после общего приветствия и входных расспросов здравовья всё улеглось, вопрос прерванный снова возобновился, тем более, что в нем Мережковские как одни из главных устроителей религиозно-философских собраний принимали живейшее участие. Скворцов продолжал: одна осталась надежда, что обществ<о> не будет закрыто, одна надежда — заступничество сестер Сипягина, интересующихся этим обществом. Мережковский мрачно осклабился, а Гиппиус, щурясь близорукими глазами, выражала презрение к такому насилью и непониманию».

¹⁶ Ср. в воспоминаниях: «Пошли пить чай в столовую (за тем стол<ом>, который сейчас стоит у меня в ком<нате>). Розанов усадил меня рядом с собою по левую<ю> руку, чтоб мне не конфузно было, а налево от меня сел Мережковский. (Так вышло, что я за Брамму, Розанов за Вишну Хранителя, Сива рушитель<ь> Мережковский)».

¹⁷ Ср. в воспоминаниях: «Еще был студент Медведев или Мельников нелепейшего вида и с бабьим голосом». В воспоминаниях среди гостей назван и не упомянутый в дневнике И. И. Кольшко.

¹⁸ См. примеч. 1 к письму Розанова от 6 марта 1902 г.

¹⁹ См. примеч. 1 к письму Розанова от 8 марта 1902 г. Ср. в воспоминаниях: «И с хлыстов Розанов прямо перешел на впечатлени<е> его от японки Сада-Якки. Розанов тоже поражен и растроган представлением японского театра: „Это замечательн<о>, замечательно!“ — повторял он. — „Чистота движений, особенная грация в объятиях, и каждая половица, каждый шаг совершаемый по ней, каждый раз один и тот же: священный танец“».

²⁰ Речь идет о приглашениях на РФС.

²¹ Ср. в воспоминаниях: «Доверие ко мне полное».

²² Бенуа Александр Николаевич (1870—1961) — художник, историк искусства, один из основателей объединения «Мир искусства». Не ясно, о каком «приглашении» может идти речь: ведь А. Н. Бенуа был одним из организаторов РФС, участвовал в знаменитой аудиенции у ми-

в Р<елигиозное> общ<ество>, и затем же вопрос прекращен. Гиппиус за спино<й> курила. И вот вышли из-за стихи <?> и пошли в гостиную, вот тут-то и произошло.

Вначале, насколько я понял, Мереж<овский> говорил главн<ым> образо<м> с полным крас<авцем> № 1.²³ О *Виe*. Сравни<вали> нынешню<ю> церковь и церковь<ь> истин<ную>. Что вся нечисть бросилась в отк<рытую> дверь и застряла, и священ<ник> прихода <?> отошел прочь и не мог очистить этого св. места!²⁴ Гиппиус сидела на диване кожаном.²⁵ Как-то поджав ноги, дитей, и курила; папирос<ы> спрашивала у Мереж<овского>. В гости<ной> сиде<л> на кресле ближе к окну В<асилий> В<асильевич>, рядом потом сел я, далее студент направо от меня по столу, далее Серб, дал<ьше> там си<дел> брит<ый> бар<ин>, да<льше> Мереж<овский> (сперва ходил по гостиной) и н<аконец> на диван<е> полн<ый> <нрзб. начало слова>. И налево от Р<озанова> Гиппиус на диване.

В то время как Мереж<овский> и я ходили, он говорил о крещении. Они все при этом хохочут и, кажется, не понимают «кре<щения> водою и духом».²⁶ Я спросил Мереж<овского>: «ведь вода = сын». Он мне сказал, «что они не поймут погрузе<ния> в плоть».²⁷ Дальше тоже по поводу слов Мереж<овского>. О словах одного свящ<енника>, котор<ый> заявил, что в посту нужен пост не только телесный, но и духовн<ый>. Тема перешла на вопрос о аскетизме. И Вас<илий> Васил<евич> Р<озанов> рассказал один рассказ своего недалекого знаком<ого> товарища студента. «Вы извините меня, Зинаида Никол<аевна>», и затем начал рассказ, что это<т> студент говорил ему о различии сладострастного чувства, когда ему есть сопротивление и когда нет. Вот он стоял в комнате, рядом с которой раздевали<сь> женщины, и он терпел непреодолимое желание заглянуть за перегородку, между тем как в обыкновенном соседстве женщины голые рядом в одной комнате он не питал такого стр<астного> желания. Сообра-

трополита Антония (см.: *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1980. Кн. 4—5. С. 291—292).

²³ Речь идет о В. А. Тернавцеве.

²⁴ В 1936 г. Иванов так припоминал слова Мережковского: «„Так и стоит церков<ь> <...> с засевающим в ней чудовищем“. Священник, утром пришедш<ий>, не решил<ся> войти, не мог очистить<ь> „святого места“ от мерзости, засев<шей> в ней. „Вот оставляет<ся> дом ва<ш> вам пуст“.

Не случай<но> интеллиг<енты> как пробка из воды вылетают из церкви.

Очищен<ие> водою святою и крещением. Коренное поврежден<ие> в основе, и вот мы на рубеже XIX—XX свидетели».

²⁵ В редакции 1936 г. Иванов выделил такие детали ее портрета: белое платье, поза змеи, «широкая густая прическа напоми<нала> формой голову Кобры».

²⁶ Ср.: Мк. 1: 8.

²⁷ Ср. в воспоминаниях: «Далее Мережковский говорил, что церковники борются с нечистью святою водою, но как „с гуся вода“. Поднял я, о крещении.

Они все при этом хохочут и кажется не понимают „крещения водою и духом“. Я недоумевающий серьезно спрашиваю Мережковского: „ведь вода в глубокой связи с познанием Сына в Отце: вода как образ родной Сыну, и Сын родной воде, морю“. Мер<ежковский> серьезно отвечает: они не поймут этого: не поймут, что в крещени<и> указан путь погрузени<я> в плоть, путь через плоть Христа.

„Но ведь это ваше новое отличие от исторического таинства, что и дает перелом в сознании Церкви“, — говорю я».

же<ния> о житии пустынных. И где-то отсюда Мережк<овский> стал говорить о том, что Христианство отрицает брак, потому что в браке безусловно есть грех. Есть от «лукавого».²⁸ Надо ожидать<ь> жениха, как 10 дев Евангельских.²⁹ И что надо быть девственницей, но вступающей в связь с обожествл<енным> челов<еком> во время оргии. Одн<и> сме<ялись>. Оргии хлыстов (это я, а он насчет хлыстов не говорил). Воскликает Гиппиус: «Свобода нам девиз». «Мы свободны».³⁰ Мережк<овский> зам<етил>, что тепер<ь> у духовен<ства> «христиан<ство> — буддизм». Превосходное замечание, [го<ворит>] Гиппиус, и зат<ем> Мережковск<ий> обещает где-нибудь об этом сказать. Затем в параллель девству Мережковск<ий> приводит убежден<ие> о «и времени больше не будет»,³¹ т. е. оно будет... (так в тексте. — О. Ф.)

Затем был возбужден вопрос «о Силе и насилии».³² Нашли, что действие полицейское мелко, а сила э<то> громовый приказ, единому звуку которого повинуются. С Толстого насилие.³³ (Но вообще, кажется, все это они спутал<и>, должно быт<ь>, предполагается внутр<енний> огонь.) Смерть, по выражению Мережковского, *не насилует, а целует*, поэтому при последней мин<уте> улыбка и спокойствие.³⁴ Розанов привел смерть Страхова.³⁵ (Я заметил про себя, что все зависит от субъекта.) Счелик <?> в «Смерть Ивана Ильича» и довольно произвольно заявлен<о>, что это ложь. Мережковск<ий>, говоря о силе и насилии, отнес насилие к «от лукавому» и назв<ал>, от<нес> к «Антихристу» (значит теперь, как я и предполагал, новый антихрист).³⁶

²⁸ Подразумевается окончание Молитвы Господней: «Но избави нас от лукаваго» (Мф. 6: 13).

²⁹ Мф. 25: 1.

³⁰ В 1936 г. слова Гиппиус прокомментированы Ивановым: «Это она насчет брачных уз в противовес Розанову, специ<алисту> по брачному вопросу».

³¹ Откр. 10: 6. Ср. в воспоминаниях: «Затем в параллел<ь> девизу слова Апокалипси<са> <...> „когда времени больше не будет“ эт<о> как<к> счастливые часов не наблюдают в радости любви».

³² Эта тема позднее стала предметом дискуссии на РФС 4 апр. 1902 г. Председательствова л Н. М. Минский. Выступили еп. Сергей (Страгородский), В. А. Тернавцев, В. В. Розанов и др.

³³ Вероятно, описка. Ср. в воспоминаниях: «С Толстым учинено насилие (но в отлучении его есть нечто не от насилия, а от силы, по мнению Мережковского)». Речь идет об Определении Святейшего Синода от 20—23 февр. 1901 г., в котором говорилось не об отлучении, а об «отпадении» Толстого от Церкви.

³⁴ Ср. в воспоминаниях: «Толстой не понимает никакой Силы. Это сказывается в его отношении к смерти, которую он воспринимает как насильственный акт. Смерть же, по выражению Мережковского, „не насилует, а целует“, поэтому при последнем вздохе улыбка и спокойствие».

³⁵ Ср. в воспоминаниях Т. В. Розановой: «Где-то внизу, сбоку, висит и портрет Н. Н. Страхова. Папа рассказывает о нем, о его тяжелой болезни (он умер от рака десен), и с каким терпением и мужеством он уходил из жизни. Какой это был, вообще, замечательный человек! <...> отец часто вспоминал Страхова с любовью, нежностью и глубоким уважением» (*Розанова Т. В. Воспоминания об отце — Василии Васильевиче Розанове и о всей семье* // В. В. Розанов: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 46).

³⁶ В воспоминаниях Иванов пояснил: «Значит теперь, как я и предполагал, в представлении Мережковского появился другой „антихрист“, не тот, какой был в его Юлиане и Леонардо. По мере утверждени<я> лика Христа, определялос<ь> и менялос<ь> и противоположное Христу лицо, лицо Антихриста».

Наступала моя миссия, Бог захотел через 4 месяца, чтобы я стал проповедывать, а за 4-е смел ли я думать. Бог собрал всех у Розанова.

Началось с того, что я заявил Розанову, что необходимо прежде всего подойти к народной религии, понять все их обряды, все кажущиеся суеверия. И, например, Крест староверский с опущен<ной> нижней перекладной. — Остаток перекладки точила.³⁷ Р<озанов> позвал Мереж<ковско>го. Тут я немного спасовал, не мог договорить, что нажим на грешников есть собст<венно> нажим на Христа; но, впрочем, не в этом дело, разговор был о левост<и>, опущен<н>ости концов, и я, пожалуй хотя кратко, но рассказал о Сиве раз<рушителе> и Вишну хранителе. Но до Сивы и Виш<ну> Мережков<ский> мрачно настаивал: «ну и что ж, ну и дальше что», каже<тся>, раза три. Потом Мережковский согласился со всеми моими мнениями насчет украшения икон, лампад и т. под. И наконец я стал говорить насчет Святых. Мережков<ский> ск<азал>: «можно допустить». Розанов тут, что мне очень приятно, заметил, что «они т. е. держатся того мнения, что Николай Чудотвор<ец> — Бог Отец». Я подтвердил опять свои сообра<жения> на<счет> связи Перуна и Никол<ая> и Бога Отца. И затем насчет изображений Александр<а> Невск<ого>. Мережков<ский> очень тоже был поражен «Христом ветходеным». Мережко<вск>ому сказал я, что нынче вы поняли молитву «и остави нам долги наши, яко же и мы о<ставляем> д<олжником> н<ашим>».³⁸ Он, кажется, не совсем понял. Молиться можно и не по Минск<ому>.³⁹ Мережковск<ий> сказал, что он

³⁷ Ср. в воспоминаниях: «Началось с того, что я заявил Розанову о необходимости прежде всего подойти к народному верованию, такому, как оно есть, со всеми его обрядами и кажущимися суевериями, чтоб понять тот дух народный, который<й> и вызывает эти, может, непонятные нам и кажущиеся нелепыми искажения. Народ — по-славянски называется „язык“. И народные верования в <слово пропущено> когда будет связан с „языческим“, то есть „народным“. Чтоб идти вперед, надо узнать основное начало и уметь его не уничтожить, а пересуществлять. Чем больше мы воспримем, постараемся уяснить себе и соединить с общим народным представлением из всего, что казалось нам суеверием, темнотою народно<й> и т. под., тем ближе мы проникнем в дух народный, независим<о> от отрицательного или положительного отношения нашего к нему. Глубочайшей ошибкой синодально<й> государствен<ной> церкви я объявлял ее узко-рационалистическое отношение к народным верованиям и „суеверным обрядам“, отмечающее нечто коренное и мудрое в воззрении народа, что особенно сказалось в нелепом насилии над староверчеством и другими сектами. У каждого народа есть свои иоты и черты закона в его язычестве ветхом, которые не нарушить, а исполнить в их тайном смысле, не бук<ву> зак<она> приходи<л> Христос.

Как яркий пример такого узкого отношения я ставил отношени<е> к кресту староверчес<кому> и синодальному. Я отстаивал, что староверчес<кий> крест не бессмыслен. Что в нем выражено очень много, и указал солнечный ритм, легший в основу всего церковного склада.

Здесь интеллигенция и синодаль<ные> церковники шли рука об руку в своем рационализме.

Непонимани<е> изображени<я> креста иначе как орудия казни.

Я пытал<ся> <сказать> о посолонь в кресте. Солнечный ритм. Восток — Север и Юг. Север видим<о> умеренн<о> консервативн<ый>; юг огненный прообразительн<ый> ог<онь>. Наши „левые“ и правые из этого солнечно<го> ритма церкви. Индий<ский> Сива — рушит<ель> и Вишну хранитель. Ритм иконостаса. Восток = восход, а запад = запад».

³⁸ Слова из молитвы «Отче наш» (Мф. 6: 12).

³⁹ *Минский Николай Максимович* (наст. фам. Виленкин; 1855—1937) — поэт, литературный критик, публицист, драматург, философ. Возможно, здесь речь идет об идеях, выраженных им в книге «О свободе религиозной совести» (1902).

не согласен с мнен<ием> Минского. — Я сказа<л> о проявлени<и> же чего-то, отчего молятся тысячи лет. М<ережковский> с<казал> — совершенно справедливо. И затем я заяв<ил> студе<нту> о широкой мысл<и> «хоть на науку». Здесь перешла тема на изображ<ения> иконописные и <об> их глубине и о том, что «Николай — Зимний» постаревший, потемневший потому, что дерево увяло. Тут Мережков<ский> прямо заскакал, «именно *Николай Зимний*», и отошел к дверям. Я с Розановым стал говорить о изображении потемнев<шем> Божией Матери и об Афоне, откуда приш<ла> Иверская потемневшая.⁴⁰ (Мне бы следовало сказать, что за эту темноту посмотреть хочется.) Вот тут-то опять подошел Мережковск<ий>, и я стал распространяться насчет нашего эпоса и о Христиан<стве>=хлыстовщи<не> нашего эпоса.⁴¹ Вот где-то тут Мережковск<кий>, стоя у двери, заметил: «как глубоко, как глубоко вы понимаете русский народ». Я, когда он приблизился, должно быть, чтобы объяснить святых воззрениями хлыстов — раза три-четыре называл Мереж<ковского> и В<асилия> В<асильевича> хлыстами, на что был заявлен протест как от них, так и с дивана.⁴² Кричали: «хлыстовщина». А Мережковск<ий> зам<етил>, что хлыстовщина от «лукавого». *Что Христос был один.* Розанов пояснил, что это Христос с маленькой буквы, но, кажется, они маленькую букву понимают не так, как я.⁴³ Затем опять об Николае и «что широкость человеческ<ой> природы требует разнообразия богов». Тут Гиппиус, как и раньше делала, замахала как плавающая лягушка правой рукой у лица и говорит: «Это язычество, это язычество, ах оставьте, это язычество грубое, нам надо христианство». И другие с дивана: «Дим<итрий> Серг<еевич>, да оставьте вы, ведь это хлыстовщина». Это было в самом конце за <предложение обрывается>. Мережков<ский> после соображ<ения> сказал, что надо все-таки, принимая языческую сторону, принять ее по-христиански. Затем я расп<ространился> о всемирном Логосе = Христу «на Голго-

⁴⁰ Ср. в воспоминаниях: «О Вешнем и Зимнем в иконостас<е>. Никола зимний темнее, черне<е> Никол<ы> Вешнего. Вн<ешний> аскетизм монастыря — давал черный цвет иконостаса (Иверская — Афон). Зимнее. „Никола Зимний?“, — слыши<шь>, Зина, а“.

Темнота и старость ликов зимних в иконостасе, потому что Фрею — богу Весны цвели великаны, и боги стареют и темнеют».

⁴¹ Ср. в воспоминаниях: «С этой темы о зимнем и вешнем в нашей иконописи и в духе народной веры разговор перешел на „хлыстов“. Я, как <раз> в то время с увлечением читавши<й> много о них, заявил к удивлени<ю> всех, что хлысты себя не именуют хлыстам<и>, а это их <нрзб.> их наз<вали> хлысты. <...>

„Хлысты“ это прозвище враждебных к ним, а они себя — „христы“, т. е. „помазанниками“, христы в мировом смысле том, что свет Христов просвещает всех, и когда он в нас, то он видится в человеках, хотя человек и не он, не свет.

Так я в то время объяснял и старался оправдать учение хлыстов. При этом основное значение придавали людям, которые словом учени<я> помогли увидеть тот свет Христов».

⁴² Подразумевается З. Н. Гиппиус.

⁴³ На слова Розанова о «маленькой букве» Мережковский, по воспоминаниям Иванова, отвечал, «что это „на Жорж Занде“ хри<с>т<ос> опошленное понятие». «Я возражал, что это глубоко необходимое. Потребн<ость> разнообразия в преломлении света Христова, отсюда множество разнообр<азных> ликов Христа и святых. Что эт<и> образы берутся и лишутся с живых лиц, в которых верующими и иконописце<м> видится т<от> свет Христов и что в тот момент, когда видится т<от> свет в человеках — он может и заменят<ь> икону». В разговоре с Ивановым 8 апреля 1902 г. Мережковский упомянул свою статью «Христос с маленькой и большой буквы» в «Мире искусства».

фе»,⁴⁴ я сказал и о теперешней нашей жизни, как о *крестном страдании*. * Худой с длин<ным> лицом⁴⁵ потом под конец меня спрашивал, «откуда вы это крест выкопали, ведь у Розанова и Мережковского, о которых Вы говорите, что всем обязаны, нет об этом». Я т<огда?> («свинская» ошибка). Кажется, Мережковск<ий> боится призн<ать>, что Отец есть тот же Христос.

Во время моего Христосславения Роз<анова> и Мережк<овского> я заметил, что «Диана <и> Афродита» статья была для меня как бы тем этюдом Паганини, который он дал своему ученику и сказал и т. д.⁴⁶ Розанов заметил, что как другой раз напишешь статью и не знаешь, что она делает в душах, даже, каж<ется>, прослезился. ** Но — в самом конце. В конце я заявил сербу Святозару Светлановичу, что всякий отец есть Бог Отец. Он, кажется, был этим страшно рад.

В прихожей В<асилий> В<асильевич> целу<ет> руку у Гиппиус, выходили с лестниц<ы> все вместе, Г<иппиус>, я с сербом идем с Гиппиус. Калоши, [лай] серого, лайка залая<ла>. После по улице я с Гиппиус и веду разговор сперва об том, участв<ую> ли я в беспорядках,⁴⁷ и затем, когда я сказал, что не могу жертвовать да и не особенно сочувствую, и перешел на тему, что за Христом не пойду, если надо будет оставить отца и мать или пожертвовать. Был объявлен «несчастливым человеком». Тут, садясь на извозчика на углу Вознесенского и Воскресенск<ого>, Гиппиус жалует<ся> на меня Мережк<овскому>, тот говорит, что я «только искренний человек». Кажется, на серба сильное впечатление произвело, что я сказал о том, что предпочту вечную смерть свою, чем пожертвую матерью и отцом. Тут же я распространился насчет наш<его> «Знаменья». Спросив меня, откуда я родом, он сказал: «северн<ые> цветы».⁴⁸ Он же серб.

От лукавого

Пропуск<и>

Пропу<ски>

Во время чая все говорили Мережковск<ий> и Гиппиус<с>, что приведет Михайловского «к одному знаменателю».⁴⁹ «Дайте мне в руки Михай-

* Сегодн<я> 18 марта, проходя по Забалкан<скому> в магазине старых икон, я ви<дел> Христ<а> с Крестами, на которых наши грехи написаны.

** Я кричал, что потому Дмит<рий> Серг<еевич> Христос, что он свел огонь с неба и я горю.

⁴⁴ В воспоминаниях это место передано подробнее: «Я говор<ил>, ч<то> Церковь в тех глубин<ах> сво<их>, в кото<рые> сознан<ие> учащихся не проникает, <...> соедин<ает> древн<ее> с новейшим.

Но и филос<офская> мысл<ь> о „мировом Логосе“, т. е. мир<овом> Христе <...>

В иконописи Ангел держ<ит> шар — мир, на котор<ом> букв<ы> Хр., т. [е.] Христос.

Мережков<ский> эт<о> подтвердил.

О мировом страдании как миров<ой> Голгоф<е>, распятии мира.

Все врем<я> повтор<ял>, что эт<о> не мое, а от М<ережковского> и Розан<ова>».

⁴⁵ Речь идет об *Иосифе Иосифовиче Колюшко* (1862—1938) — публицисте, драматурге, сотруднике газ. «Гражданин» (псевд.: Серенький, И. Райский).

⁴⁶ Источник не установлен.

⁴⁷ Подразумеваются студенческие беспорядки (сходки и пр.) в университете.

⁴⁸ Аллюзия на название альманахов «Северные цветы».

⁴⁹ Отголосок полемики Мережковских с публицистом-народником, литературным критиком, редактором «Русского богатства» Н. К. Михайловским.

ловского, дайте, дайте мне его», — крич<ал> М<ережковский>. Я тут встал первое слово: «Крови, крови, Яго!». ⁵⁰ «Да, Крови», — это было первое слово Мережков<ского> ко мне.

Васили<й> Василье<вич> при прощани<и>, когда мы вышли на лестницу, позвал меня: «Иванов, в воскресенье пожалуйста, все забываю, вы простите мен<я>, имя и отчество». Все очень крепко и доверчиво жали руку мне.

Когда я сказал, что Николай — постаревший бог [громоуе<ржец>] и постарел потому, что он «зимний», Фрей увядши<й>, тут Мереж<ковский> и с<казал>: «Зимний, именно Зимний Никола<й>, Зинаида, слышишь, Николай — Зимний!», — «Ах оставьте, это язычество, язычество».

Я, сказав о всемирн<ом> Христе, я упомянул о изображении на иконах Ангелов с шаром, на кото<ром> <написано> «Хр». Розанов переспросил, а Мережковск<ий> сейчас же сказал Розанову, это = Христос.

На диване сидящ<ий> господин рассу<ждал> о том, почему ушел Янышев, ⁵¹ и сказал, пот<ому> ч<то> «почувств<овал> себя не передовым, старым». «Знаете, как и В<асилий> В<асильевич>, что приходят моменты, обыкновенно осенью при плохой погоде, что сознаешь себя старым».

После моих панегирик Мережков<скому> и Розанову относи<тельно> «Дианы и Афродиты» Мережков<ский> восклик<нул>, что вот мы поставим «Ипполита», это будет прямо-таки богослужение. ⁵²

Мережковс<кий> вначале после чая гово<рил> ориг<инально> о том, что чудеса Иоанна Крести<теля> допустимы.

<ночь на 25 марта 1902 г.>

Был 24 марта у Розанова. Народу масса. Дягилев, Бакст, Нурок... Петров. ⁵³ Каж<ется>, Мережковс<кий> и Гипп<иус> вошли, я как-то их за

⁵⁰ Цитата из трагедии У. Шекспира «Отелло».

⁵¹ Янышев Иоанн Леонтьевич (1828—1910) — протопресвитер, профессор С.-Петербургской духовной академии, богослов, духовник императоров Александра III и Николая II. Речь идет о его выходе из РФС. Ср. в воспоминаниях П. П. Перцова: «Собрания оборвались скоро: такой парадокс вообще не мог долго продолжаться. На минуту их спасло „честное слово“ Янышева Николаю II, что на собраниях нет ничего преступного» (*Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890—1902 гг. М., 2002. С. 268).

⁵² Речь идет о постановке «Ипполита» Еврипида в переводе Мережковского в Александринском театре (перевод был впервые опублик. в 1893 г.). «...согласно плану энтузиаста — режиссера Юрия Эрастовича Озаровского, которому была поручена постановка, надлежало представить трагедию так, как ее видели афиняне полторы тысячи лет назад, не исключая религиозно-ритуального характера. Этим Озаровский особенно угодил переводчику Еврипида — Д. С. Мережковскому. Склонный все принимать и истолковывать с какой-то религиозной, а то и мистической точки зрения, Дмитрий Сергеевич и в этом „возвращении к подлинной трагедии“ видел некий залог поворота в религиозном сознании нашей эпохи» (*Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1980. Кн. 4—5. С. 371—372). См. также: *Розанов В.* «Ипполит» Еврипида на Александринской сцене // Мир искусства. 1902. № 9/10. С. 240—248 (то же: *Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 1.] Среди художников. М., 1994. С. 202—211).

⁵³ Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — театральный и художественный деятель, один из создателей объединения и журнала «Мир искусства»; Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866—1924) — художник, участник объединения «Мир искусства»; Нурок Альфред Павлович (1860—1919) — сотрудник журнала «Мир искусства» (псевд.: Силен), сослуживец Розанова по Государственному контролю; Петров Григорий Спиридонович (1866—

спин<ой> почувствовал. Мережк<овский> крепко жмет руку мою. «О силе и насилии».

После чая я сидел в столовой с Розановой дочерью и Студентом.⁵⁴ Разговор ше<л> о «М<ире> Искусства» и о Галевском <?>. В это время к спинке моего стула, повернутой к двери, ввиду у образов, вошла Гиппиус. «О чем идет речь». Я, к<ак> кажется, при ней сразу поднялся со стула ка<жется?> и се<л> на другой. Гиппиус отодви<нула> его к стене и се<ла> рядом с доч<ерью> Роз<анова>.

«Ах, все это декадент<ство>, упадок», отно<сительно> выст<авки> М<ира> искусств<а>, на кот<орой> она и не была.

Я — «что же такое декадентство».

Г<иппиус> — куря папиросу. — «Это искусство для искусства — там, где нет религии». На эту тему разговор вернулся впоследствии, когда он<а> стала стихи читать. Я после сти<хотворения> «Сиж у окна я, сижу я сижу, гляжу на дома и гляжу я гля<жу>...»⁵⁵ заметил, что эти стихи религия, на что получил молниеносный взгляд. Но перед декламацией был разговор о том, что у нас в церкви никто ничего не понимают, что читают по-славянски. Из Павла привел 14 гл. Посла<ния> Коринф<янам>.⁵⁶ Я заметил о понимании старообрядцев. Г<иппиус> — «старообрядцы» исключение занимающ<ие>, а спросите выходящий народ из церкви, кто что понял».

Я — «если бы и по-русски читали, никто ничего не понял бы, это происходит от невежества. И что по-русски читают в Стремянной,⁵⁷ по-русски, и что тоже никто нич<его> не понимает и колорит теряется».

Г<иппиус> — «у вас все эстетизм».⁵⁸

Я — «позволь<те>, эстетизм не для эстетизма, а для религии. Затем я перешел на то, что обрядность нужна и что я также восприму католичество».⁵⁹

1925) — священник (до 1908), известный проповедник, публицист, общественный деятель либеральной ориентации.

⁵⁴ Речь идет о падчерице Розанова, А. М. Бутягиной (см. примеч. 3 к письму 5) и о студенте консерватории Дане, учившем младших Розановых музыке. Д. А. Лутохин вспоминал о влюбленности в него А. М. Бутягиной.

⁵⁵ Источник не установлен. Единственное близкое по смыслу стихотворение — «Стариковы речи» («Иль дует от оконницы? / Я кутаюсь, я зябну у огня... <...> Гляжу на уголь тлеющий...»).

⁵⁶ Вероятнее всего, Иванов процитировал стих: «Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу...» (1 Кор. 14: 2).

⁵⁷ На углу Стремянной и Николаевской улиц находилась церковь Пресвятой Троицы при Обществе распространения духовно-нравственного просвещения в духе Православной церкви, построенная по проекту Н. Н. Никонова и освященная в 1893—1894 гг. В 1895 г. при храме открылся зал для бесед.

⁵⁸ Ср. в одном из писем Гиппиус к С. П. Каблукову: «Что касается до вашей влюбленности в православный культ, то, пожалуй, тут столько чистой эстетики у вас, — самой чистой, — что ничему это повредить не может; нужно только в сознании своем *отделить эстетику от религии* и давать первой место подчиненное. <...> Лишь бы она только глаза не туманила, когда нужна бывает особенная их ясность» (ОР РНБ, ф. 322, ед. хр. 4, л. 183—184).

⁵⁹ К этому месту Иванов в 1936 г. сделал вставку: «О чтении в церкви на „непонятном языке“ Павла мне и о суждени<и> в послани<ях>. Если это эстетизм требова<л> сохране<ния> стиля, то не для эстетизма, а для религии. Славян<ский> язык входит в обрядное Православие. Латинский не случайно в Католичест<ве>. Обрядность это одежда изображаемого Духа, кото-

Г<иппиус> — «у вас эстетизм. Да и потом, разве я отвергаю обрядность?».

Перед эти<м>, я не помн<ю>, когда-то она, кажется, по поводу принятия обрядности, заявила, что это монашество. Я заявил, что отрочество <склонно> отвергать обрядность <нрзб.>.

Насчет исповеди у Ги<ппиус> зашел разговор <...>

Г<иппиус>: «Я 15 лет не говела».

Роз<ано>ва д<очь>: «Как же это так, ведь без этого невозможно».

Г<иппиус> — «Зачем я буду причащаться, когда я вижу такое отношение».

Я — «Но ведь обряд не испорчен сохр<анился>, восприми<те> обряд и по вашему религиозн<ому> сознанию относитесь».⁶⁰

Г<иппиус> — «Как я буду исповедываться, в чем? Не в том, что „самонадежности, самовлюбленности“»⁶¹... ее сила.

Потом я говорил — что сам верю, что после втор<ого> приш<ествия> Куполом будет небо и образа мы сами.

Зате<м> декламация.

«Ты думаешь, Голгофа миновала?»

А помнишь я по площади беж<ал> <...>»⁶²

Мережковск<ий> при этом заметил, что действительно мы все распин<аем> Христа.

Затем он сказ<ал>, что-то до такой степени изумительное, цел<ое> откров<ение>.

Мережковский — «Заметьте, в Евангели<и> никогда не говорится о погребении, о смерти, о упокоении, — вечном, а говори<тся> о воскресении». И тут привел стихотворение Тютчева (тоном таким, как Лермонтовск<ое> «Мцыри» <нрзб.>) «О не зарывайте меня в землю сырую, скройте, укройте меня в траву густую, пускай ветерок шелест<ит> травую, *свирель поет* издалека, *светло* и тихо, облака плывут по небу надо мной».⁶³

А у нас обряд погребения таков, что ясно, что не воскреснет. «Со *святыми упокой!*».⁶⁴ *Зарывать в землю* ужасно, страшно, невыносимо.

рый выразится так. Надо до конца понять дух через стиль, чтоб пресуществить. В этом смысле <...> дух музык<и> проник<ает> и в Католич<ескую> мессу и протестант<изм>».

⁶⁰ В 1936 г. Иванов хотел подробнее передать свои слова: «О прощен<ии> на исповеди не от свящ<енника>, а от Бога, и если свящ<енник> не поймет, то Бог<г> поймет. И что обрядность в исторических наслоениях, через которые надо прокапываться к сущности, приходящей в одежде. А на одеждах и масках мистерии неизбежно в мире лежит слой исторической пыли и грязи».

⁶¹ Измененная цитата из стихотворения Гиппиус «Что есть грех?» (1902), посвященного В. Ф. Нувелю и впервые опубликованного в журнале «Новое дело» (1902. № 9). Ср.: «Грех — маломыслие и малодейянье, / Самонелюбие — самовлюбленность...».

⁶² Приводится стихотворение Гиппиус «Ты думаешь, Голгофа миновала...», опубликованное в 1903 г. под названием «Сообщники». Беловой автограф содержится в письме А. Белому от 5 апр. 1902 г., в котором, среди прочего, говорилось, что эти стихи «очень нравятся Блоку» (см. коммент. А. В. Лаврова: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 477). Запись Иванова позволяет «сдвинуть» датировку стихотворения на несколько дней ранее. Иванов записал стихотворение по памяти. Возможно, это неизвестный более ранний вариант.

⁶³ Неточно цитируется стихотворение Ф. И. Тютчева «Весеннее успокоение (из Уланда)» (<1829>).

⁶⁴ Заупокойный кондак (поется на панихидах, отпевании, при погребении и т. п.).

Валер<иан>^b Ал<ександрович> спрашив<ает>: Как же? иначе.

Мережковск<кий>: Вы спрашиваете как? Не могу я сотворить чуда...

Гиппиус — «Во блаженном успении вечный покой»⁶⁵ это ужасно. Это действи<тельно> вопрос.....

Зате<м> прочла Гиппиус про Костер, политый водой и котор<ый> никак не мог<ли> зажечь.⁶⁶ Это — религиозн<ое> собрание.

Мережковск<ий> заметил, что все-таки костер есть, сложен, и что все-таки есть огонь (обо мне, может быт<ь>, и влюблен).

Гиппиус прочла еще о диаволе, котор<ый> всю жизнь плел сеть зла и за которого она будет перед Христо<м> просить о помиловании.⁶⁷ Жена Розанова за<метила>, что у нее в квартире «слава Богу, диавола не водится».⁶⁸

После стихотворе<ния> «Исповедь», «....самонадеянье, самовлюбленность...», Розанов заметил, что это где-то между 1-ой и 2-ой заповедью.⁶⁹

8 апреля

Вчера был у Розанова. Жена уехала в Липецк <?> смотреть дачу. Он озабочен очень, что не сказал ей, чт<о> она в — Кируг <?>

Мережковский войдя поздоро<вался>, и я не сказал. А потом, когда позвали чай пить, то взял меня за локоть и, отозвав к роялю, сказ<ал>: «мне надо с вами поговори<ть>». «Извините, что не писал вам, потому что думал увидеть вас zde<сь> у Розан<ова>, а писать письма я совсем не умею». Я стра<шно> сконфу<зился> и залепетал «о то<м>, что это пис<ьмо> было страшная глупость и что отве<та> не стоило».⁷⁰ Он: «нет, не скажите. Мне <нрзб.> понравилось». Потом на мои уверен<ия>, что я Хлестаков, он зам<ечтил>, что это и он тоже про себя дума<ет>, что он не чувствует никакой силы в себе. Я ему, чт<о> Вы <нрзб.> ч<еловек>, а я. Он: «и это ничего не значит. Я Хлестаковым себя чувствую». Я — «я отто<го>, что мне кажется, не легко ли все мы воспринимаем это все». Он — «Да, именно...».

^b Должно быть: Валентин.

⁶⁵ Возглас диакона (или священника), предворяющий троекратное пение «Вечная память» в конце отпевания, панихиды, литии.

⁶⁶ Речь идет о стихотворении Гиппиус «Костер» («Живые взоры я встречаю...», 1902), впервые опубликованном в «Новом пути» (1903. № 9). 3-я строфа его: «Я отступаю, безоружный, / И длю я праздный разговор, / И лью я воду на ненужный, / на мой безогненный костер». «Подтекст» стихотворения в комментариях не был отмечен.

⁶⁷ Имеется в виду стихотворение Гиппиус «Божья тварь» (1902), впервые опубликованное в 1903 г. в альманахе «Северные цветы».

⁶⁸ По воспоминаниям Т. В. Розановой, Варвара Дмитриевна «очень не любила Мережковских и недовольна была сближением отца с ними, считала это удалением от церкви отца и очень волновалась» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 85).

⁶⁹ Речь идет о сотворении «кумира» из собственного «я». Ср.: Исх. 20: 3—4.

⁷⁰ Черновики письма (30 марта—2 апр. 1902 г.) сохранились в дневнике Иванова. В 1936 г. Иванов вспоминал: «После вечера 24 марта — Лекция Мережковского „Судьба Гоголя“ в Соляном Городке. 29 марта. (Дневник и печатная выдержка из Нов<ого> Вр<емени>, выплывающего Розановы<м>). Пустоват<о> на лекци<и> и почему лев<ые> и правы<е> течения ни в тех, ни в сех. Манера чтения Мережков<кого>. Самобы<ная> <...> Впечатление. „Хлестаковщина“ мен<я> измучила. Письмо Мережковском<у>. О карикатуре на себя (Хлестаков) и через мрак карикатуры пройдя, сказ<ать>: „иди за мной Сатана“. Клевета диавола и значен<ие> его. Идти за ним, чтоб не обратиться в карикатуру человек<а>, я долго чувств<овал> за собой карикатуру и не гово<рил>: „отойди от меня“».

Затем он сел со мно<й> рядом за столом, на углу сидел Минский.

Он — «это страш<ное> одиночество. Вот почему нам и необходимо быть вместе. Не знаю как Вы, а Вам не с<ледует> отходить от Церкви». Я — «Я не отходи<л>. Я так же молюсь на колен<ях>, как и прежде с сам<ого> детства».

Он — «Я это очень понимаю».

Я — «О том, как мало понимающих людей и что как нагло поняли его в собраниях». «Боже, дай мне быть с темными».⁷¹ Аплодировали.

Он — «Да это ужасно, возмутительно...».

Я — «О Минском — закон ли Закон Божий».

Он — «Да — да». — И прекратил разговор.

Вып<ив> чашку чая, я выш<ел> из-за стола, чтобы дать другим место.

З<инаида> Ник<олаевна> — Евг<ений> Павл<ович>, куда вы ушли?

Минский — о том, что все теперь, кроме него, спят.

Затем я ушел в гостиную <...> разговоры.

Александра Михайло<вна>

Варвара Димитриев<на>

Розанов — «унич<и>жит<ельный> отзыв».

За столом пото<м>. Розанов говорил о необходимости в Христи-а<нстве> «Давидова плясания».⁷² Валентин Алек<сандрович> улыбу<лся>. Р<озанов> — «вы не извольте улыбаться, милый наш Мазини».⁷³ Вот теперь никак мы этого достигнуть не можем.

Мережк<овский> — теперь все сгибаются, становятся на колени и ста<раются> как мо<жно> меньше стать, сжаться. А если экстаз, то от этого сжима<ния> им радость более божественная, как у хлыстов. (Это он ошибается, я.)

Минский возражал — у евреев становились, ст<ановились> в Ветх<ом> Завете на колени. Ему ответили, что становились.

(Им надо бы было, и я хотел возр<азить> об «священной роще Беклина».⁷⁴)

Мережк<овский> — Здесь гордости нет.

Ст<аров>⁷⁵ в<озразил> — и не надо гордости, и слава Богу, гордость в Господе. (Я думаю, что и М<ережковский> пра<в> и Старов прав. Гордость в Господе нужна, да так и Мережк<овский> подразумевает.)

Розанов — Мереж<ковский> о тарантуле.⁷⁶

⁷¹ Возможно, цитата из речи Мережковского в РФС.

⁷² Речь идет о сказанье Давида пред Ковчегом (2 Цар. 6: 14).

⁷³ Мазини Анджело (1844—1926) — итальянский тенор. Т. В. Розанова вспоминала, что Тернавцев «был очень красивый, статный человек, веселый, похожий на итальянца» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 66). Позднее с Мазини Розанов сравнивал не Тернавцева, а лишнего сана священника Г. Петрова. См.: Розанов В. В. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 654.

⁷⁴ Беклин Арнольд (1827—1901) — немецко-швейцарский художник-символист.

⁷⁵ Псевдоним В. М. Скворцова, см. о нем примеч. 12.

⁷⁶ Отсылка к книге Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», в которой многократно используется заимствованный у Достоевского символ паука или тарантула. «Бог-Зверь, Бог-Тарантул. <...> Этот образ какого-то мистического Насекомого, Паука, Тарантула проходит сквозь все произведения Достоевского <...>. Он открывается ему <...> как символ жестокого сладострастия и сладострастной жестокости, как „раскаленным углем“ в живой плоти тлею-

Мережк<овский> — это тайна зверя. Пример Лизы из Бесов⁷⁷ и Веры.⁷⁸ Ипполит<т>. У Ипполита ше<ве>ли<тся> звер<ь> тарантул, и вот собака — *доброе* начало, хватает тарантула, но сам<а> страдает, и затем входит Мышкин.⁷⁹ Тайна сладострастия зверя. (Я прибавлю, тайна перехода из Бога в дьявола.)

Беседа о пауках и паучихах, пожирающих своих самцов.⁸⁰

Розанов — «Это тайна зверя. Здесь тайна рождения и смерти соприкасаются».

Минский о воскрес<нии> челов<ека> как той же плоти не верует. А вдруг к<ак> вер<но> там.

Мережковс<кий> — У Толстого Душа это какая-то *душенька*, которая пошла к небу.⁸¹

Мережковс<кий>, выходя из-за сто<ла>, сказал: «*Может быть*, зайдите к нам, адр<ес> 24. Я вс<егда> дома».

Затем гости. Колобродение Г<иппиус> с Р<озановым>, тот в <нрзб.> был при положении. <...> Пос<ле> чтение стихов. И з<аметила> Г<иппиус>: «Евг<ений> Пав<лович>, здесь или у меня», сидя на столе и пол<ожив> но<ги> на кресло. «Я прочту вам о Дьяволе». В<алентин> А<лександрович>: «кто это Евг<ений> Пав<лович>?». Я отв<ечаю>: «Я». В<алентин> А<лександрович> поклон<ился>, читал с усмешко<й>, как бы поздравил. Я вск<очил> и задел стол, но он <предложение обрывается>. Мне пришлось войти вперед. И внушить черт знает какое положение. Всем неловко. Мереж<ковский> ходил и пристально всматрив<ался> в Г<иппиус>, и он хотел внушить уйти.

В<алентин> Ал<лександрович> ушел к мале<нькому> столу и там с насмешкой похаживал. Наконец Мер<ежковский> ушел в прихожую и заже<г> лампу.

щий и вместе с тем эту плоть разлагающий, „тлетворный дух“, начало рождения и смерти, начало „вечно гноящейся язвы жизни“...» (*Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 420—421*). Книга печаталась в «Мире искусства» с 1900 по 1902 г. Между прочим, в библиотеке Достоевского был оттиск статьи Н. П. Вагнера «Наблюдения над тарантулом...» (см.: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 155).

⁷⁷ В книге Мережковского в ряду указаний на символ паука у Достоевского вспоминаются и слова героини романа «Бесь» Лизы Тушиной: «Мне всегда казалось, — говорит Лиза Ставругину в бреду той внезапной ненависти, в которую иногда вырождается любовь, — что вы заведете меня в какое-нибудь место, где живет огромный злой паук в человеческий рост, и мы там всю жизнь будем на него глядеть и его бояться» (*Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 421*).

⁷⁸ Вероятно, речь идет о Вере Лебедевой — героине романа «Идиот».

⁷⁹ Эту сцену — сон Ипполита о насекомом из романа «Идиот» (часть третья, гл. V; *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 323—324*) — Мережковский анализирует в одной из глав своей книги. См.: *Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 172—173*.

⁸⁰ В Пушкинской речи Достоевский сравнил с подобной паучихой Клеопатру из «Египетских ночей». Ср.: *Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 421, 448*.

⁸¹ Возможно, эта реплика Мережковского отозвалась в «Уединенном» Розанова. Ср.: «...гуляй, душенька, гуляй, славенькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу» (*Розанов В. В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. С. 61*).

В<алентин> Ал<ександрович> подо<шел> ко м<не> и сказал: «а вообще, знаете, романс „По<д> душист<ою> веткой сирени поцелуем дай забвение“». ⁸²

Гип<пиус> <начала> прощат<ься>.

Розанов мне в прихожей сказал: «всегда рад Вас видеть, до свид<ания>».

Когда сошли вниз, то Г<иппиус> — с Мережк<овским>. «Дим<итрий> Серг<еевич>, а пригл<асил> ты Ев<гения> Павл<овича> к нам?». От 4 до 5. «Мы напиш<ем> письмо ем<у>?». Я ту<т> пробормотал благодарность и т<отчас> сош<ел> вниз за руку. Ужасно гадко вышло. Надо что-то исправить.

Скверно то, что Г<иппиус> не пода<ла> руки, а М<ережковский> как-то хихикнул.

<Из записи от 9 апреля (разговор с Мережковским 8 апреля)>

О Розанове как мечущемся, то в Египет, то в Грецию, и близости моей к нему. ⁸³

21 апреля. Вчера был у Мережковских.

Сперва в будуаре гостил. На кушетке. У стола Розанов. За столо<м> против Мережковский, оба спорили. Камин топи<лся> жарко. <...> З<инаида> Н<иколаевна> у стола рядом бли<з>ко с председателем Р<елигиозно->Ф<илософских> с<обраний>. ⁸⁴ У дивана под образо<м> Бакст и уже после 2 священ<н>и<ка>, оди<н> отец Иоа<нн>. ⁸⁵

З<инаида> Н<иколаевна>: «вот, Ев<гений> П<авлович>, вы настоящ<ий> Дьявол».

З<инаида> Н<иколаевна> о сне, в к<отором> Христос грыз крест.

О то<м>, ка<к> она грызла саркофаг отгрызку. (пропуск в рукописи. — О. Ф.) верить. «Я верю ди<аволу> в религию». У ками<на> жарко. Цветы ню<хали>. Затем заявил ей я, что ее новые стихотворени<я> с соснами пораз<ительно> груст<ны> и прекрас<ы>. ⁸⁶

Сказал о том, как исповедывал<ся> и причащался с ревом. ⁸⁷ Затем она показывала цветы поддельные и сказа<ла>, что Мережк<овский> целый

⁸² Подразумевается один из вариантов городского романа на стихи В. В. Крестовского «Под душистой ветвью сирени...» (1857). Известны также романы на эти стихи, написанные Н. Д. Дмитриевым (1829—1893) и В. Н. Пасхаловым (1841—1885).

⁸³ Ср. в воспоминаниях: «В конце разговора Мережк<овский> сказ<ал>, что я в сво<их> взглядах и по темпераменту ближе к Розанов<у>, чем к нему, к Розанову, увлеченному Египтом до влюбленности осязаемой в Изиду».

⁸⁴ Вероятно, речь идет о В. А. Тернавцеве.

⁸⁵ Вероятнее всего, речь идет об участнике РФС священнике Иоанне Федоровиче Альбове (?—1921).

⁸⁶ Речь идет о стихотворении З. Гиппиус «Сосны» («Желанья все безмернее...»), впервые опубликованном в альманахе «Северные цветы» в 1902 г.

⁸⁷ Ср. с дневниковой записью от 11 апр. 1902 г.: «Не могу и выразить, какое глубокое впечатление произвело на меня говение. Царствие Небесное на земле, сохраненное так свято нашими священниками. Может, они и не понимают, что делают, но это-то и способствовало к подобн<ому> сохранению. — Церковь — это ковчег. Все Ангелы на куполе, Бож<сия> Матерь, все это освещенное моим внутренним светом ожило, все было на самом деле. Если это символы, то тогда и мы символы, а если так, то ничего и не изменяется».

час удивлялся, что они не пахнут. Я за<метил>, что это символично. З<инаида> Н<иколаевна>: «Не все сим<волично>, но прекрасно и искус<ственное>».

(Знаменатель<ные> слова, по-моему, уж не принимает ли Д<митрий> С<ергеевич> в течени<е> $1/_{12}$ и 12 <...> свое христианство за настоящ<ие> цветы.)

Пошли чай пи<ть>. Мило. З<инаида> Н<иколаевна>: «Вас<илий> Вас<ильевич>, садите<сь> на диван. Евг<ений> Павл<ович>, садитесь рядом с Вас<илием> Вас<ильевичем>, он, кстати, вас любит как сына».

В<асилий> В<асильевич>: «Садись со мной рядом, мой рыжи<й> конь».

Затем тема воспоминания. Мереж<ковский> самое ужасн<ое> сказал, что мы не хотим так поступать, ка<к> Достоевский, который чув<ствовал> удовольств<вие> от того, что дает эта вера стара<я> народна<я>. Это ужасно прямо. А Розанов заявил, что чепуха и сверну<ть> все к черту стариков и заменить молодыми мехами.⁸⁸

Затем о проповеди священника. Об тр<ебуемом> деле уменьшения молитвы за Царя. Об возм<ожности> молиться собств<енными> словами в церкви...

В конце я с Мереж<ковским> говор<ил> о Церкви как Ангеле Хранителе. На что он сказал, что все это он знает.

Розанов со мной у рояля говорил. Я сказал, что мы хотим полюбит<ь> Бога и потому ищем его везде, и в Астарте и в Велесе. Он согласился и добавил, что Бог должен иметь одно имя.

— Вы что это об Астарте вспомни<ли>, верно «Сев<ерные> цве<ты>» прочи<тали>?⁸⁹ Да я очень раскаиваюсь, что написал так. Астарта — это луна, связ<анная> с месячн<ыми> течениями женщи<н>. Луна сохранилась и у нас под Крестом изобр<ажается>.⁹⁰

Я добавил о та<к> наз<ываемых> лунинцах.⁹¹

Я принял Причастие, пря<мо> слезы умиления.

Иерей в алтаре втыкал в ребро Христово копьё с ложкой и давал тело и кровь Христову...

Замечательно, что диакон, произнося эктению, крестится изображением креста на фелоне, а мы крес<тимся> 3 перста<ми>. 3 перст<а> = крест.

Замечательно, что блюдо с хлебом, носимое диаконом, по всей вероятности, изображает солнце. И когда совершается таинство, то хлеб крест<ится>, а в куполе изображается, долж<но быть>, солнце над Архангелами.

Когда я каялся свящ<еннику> в том, что д<елаю> онан<изм>, то он мне сказа<л>: молись Богу и больше всего *Пречистой Богородице*.

Трогательно в исповеди попытка объяснить, разъяснить, утешить, которую делает священник. Он не может всего, конечно, да и нельзя требовать, но смеяться над этим прямо подло.

Очевидно, в исповеди мысль та же, что у хлыстов. Это исповедуешься Господу (ед. хр. I, л. 87—87 об.).

⁸⁸ В 1936 г. этот эпизод передан так: «Выступлен<ие> Мережко<вского> и Розанова против народничес<тва> Достоевского и Розан<ова> против старчества. Связь с Крестом».

⁸⁹ Подразумевается альманах «Северные цветы»; но в опубликованных там нескольких статьях Розанова об Астарте речь не идет.

⁹⁰ Распространенное ошибочное представление. Крест на «полумесяце» символизирует якорь спасения.

⁹¹ Ср. в воспоминаниях: «Луна под крестом — Лунисты».

Я об Покрове и о свадьбах,⁹² сказа<л> о Афонасьеве. II том.⁹³

В<асилий> В<асильевич> — У вас есть?

Я — Я чи<тал> в Публ<ичной> библиотеке.

Замечательно, что Мережк<овский> говорил про аскети<зм> Ан<тони>на,⁹⁴ что он смеется чисто дьявольским смехом, и затем сказа<л>, чт<о> над Антонином все смеются, а он трагичен.

Розанов (раньше) о том, что его главн<ая> цель искать Бога. А пот<ом> (в разговоре со мною) сказал, что Бог и в Вел<есе> <и в> Астар<те>, но надо ему дать имя.

При выходе. З<инаида> Н<иколаевна>: «А Вы, Ев<гений> Павл<ович>, ни одного слова сегодня не сказали».

Я: «Что же дела<ть>, З<инаида> Н<иколаевна>». При сходе с лестницы Розанов меня поцеловал и пригласил прийти в воскресен<ье>, на что я навра<л>, что буду в Ц<арском> Селе.

6 мая.⁹⁵ Кончена комедия. Шел вчера резаться, принять огненно<е> крещен<ие>, окунулся в грязь, мерзость. Совсем не то, не то было. Это хуже всего. И в то же время это очень хорошо, так надо, так Бог захотел. Не было у Розанов<а> Мережковского и З<инаиды> Н<иколаевны>, был Минский, отец Антонин. Каки<е-то>, черт их дери, студенты в тужурочк<ах>. В кабинет<е> В<асилия> В<асильевича> Варв<ара> Дми<три>евна> обрати<лась> ко мне и сказала: «Ев<гений> Павл<ович>, а мой муж от Вас пр<ямо> в восторге, Вы такое ему озарение своими ответами дае<те>. На что я замет<ил>, что В<асилий> В<асильевич> так добр.

Когда шли в столов<ую> и в кабинет, В<асилий> В<асильевич> ска<зал>, что мы Вас (т. е. меня) женим (!). Я с ужасом опять сказал, что <мне> 22 года. Потом за чайным столом опять В<асилий> В<асильевич>

⁹² 1 (14) октября, праздник Покрова Пресвятой Богородицы, к которому в деревнях приурочивались свадьбы. Была распространена поговорка: «Батюшка Покров, покрой землю снегом, а меня женишком». Отсюда в редакции 1936 г. короткая запись: «Покров — и снег».

⁹³ Речь идет о книге историка и фольклориста Александра Николаевича Афонасьева (1826—1871) «Поэтические воззрения славян на природу» (1865—1869).

⁹⁴ Антонин (в миру Александр Андреевич Грановский; 1865—1927) — архимандрит (с 1903 г. епископ Нарвский). В описываемое время (1899—1903) — старший цензор духовной цензуры; участник РФС. После 1917 г. — создатель и глава «Союза религиозного обновления». «...громадный рост <...> прямо-таки демоническое лицо, пронизывающие глаза и черная, как смоль, не очень густая борода. <...> главной темой его беседы было общение полов и греховность этого общения, и вот Антонин не только не вдавался в какое-либо превозношение аскетизма, а напротив, вовсе не отрицал неизбежности такого общения и всяких форм его. <...> Естественно, вся личность Антонина в высшей степени заинтересовала тогда наш кружок...» (Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 4—5. С. 293—294).

⁹⁵ Этому предшествовали следующие события: «После собран<ия> у Мережков<ских> 21-го апреля письмо <...> в связи со сказк<ой> Андерсена „Безобразный утенок“ (он оказывается пото<м> Лебедем). Я говори<л> о себе и о Церкви. Церковь тоже кажет<ся> в историческом <...> Утицей, а сущность ее Лебединая. Сватаю Церковь Мережковско<му> как невесту-голубицу. На собрани<и> 2 мая по это<му> поводу вслед ядовитая кличка З. Н. Гиппиус „сват“! Это <...> и вторично „сват“».

Желание оправдаться и показать, что не в шутку. Муци<й> Сцевола на огне сжег руку».

мне заяв<ил>, что Ва<с> мы жени<м>. «У Вас пренаивнейшие глаза». Я опять с ужасом отстранил<ся> и заявил о маленьких средствах, что без средств. Вот вопрос о сестрах.⁹⁶ И что не хорошо, что они дома сидят. Что женщины<ны> в 5 раз становятся добрее, когда явл<ается> ребенок. (Вообще берегись!) Когда в гости<ной> сидел, то В<асилий> В<асильевич> обратился ко мне: «не читали ли вы „Древнеегипетск<ую> красоту“⁹⁷ в „М<ире> И<скусства>“?». Я сказал, что чи<тал> конец. Пото<м> танцы. Игра вообще скука. Я совершен<но> не способен танцевать. Глупо как-то.

В прихоже<й> В<асилий> В<асильевич>: «Где ту<т> рыжень<кий> студент, он поедет с нами кататься в бел<ую> ночь». Я — «нет, у меня дома беспокоятся». И затем самое неприятное В<асилий> В<асильевич> сказа<л>: «Ну вас совсем. Не хочу и прощаться (не подал руку, хотя надо принять в вин<у>, что это второе прощание), *надоел*». Вот какое последнее слово ужасное, и вместе с тем хорошо, что решающее. Ухожу я опять в свою конуру, давно пора, завертелся, ... сильно высунулся и сейчас же по рожкам «надоел». Да, именно, я везде надоедаю, не сержу, не злю, не радую, а только надоедаю.

И Мережковск<ий>-то, может быт<ь>, от меня не явил<ся>, что хуже горь<кой> ред<ь>ки надоел.

Спорил вни<зу> с Петровым. Об Ив. Кон<евском>, <нрзб.> пейзаже Врубел<я>. О Водке ка<к> пище и о хлебе.⁹⁸

Мая 2

В Религиоз<но>-Ф<илософское> общ<ество> пош<ел>. Четверг.⁹⁹

Когда я сидел у доски с <нрзб.>, З<инаида> Н<иколаевна> подошла к сид<ящим> т<рем?> дамам у угла недалеко от меня. И затем ко мне обра<тилась>, уходя, и сказала — «сват», но я не понял.

С Розановым я говорил и сказал, что тайну брака «врата адовы не одолеют».¹⁰⁰ При выходе в конце собрания З<инаида> Н<иколаевна> стояла с председателем в дверях и, когда я проходил, то опят<ь> при дам<ах> сказа<ла>: «сват», я тут расслышал. И что-то забормотал. Председа<тель>, обра<щаясь ко мне>, сказал, что мне, должно быть, было не интересно в зале. Я согласил<ся>. Потом опять вернулся в зал, но при проходе так страш<но> поглядел на З<инаиду> Н<иколаевну>, вероя<тно>, это «Сват», это в конце с<обрания>, и Председа<тель> ска<зал>, что мне не ин<тересно>, но в конце. Тут подошло Мережковск<ому>. Я с ним простился, поздоровался. И виде<л>, что он меня вызыват<ь> не хочет. <Нрзб.> сказа<л> Ан<тонин> явно, чт<о> приду, а и вот.

⁹⁶ Речь идет о М. П. Ивановой (см. примеч. 1 к письму от 9 апр. 1904 г.) и К. М. Косцовой (см. примеч. 5 к письму 5).

⁹⁷ Речь идет о статье Розанова «О древнеегипетской красоте» (Мир искусства. 1899. № 10, 11—12, 15, 16—17).

⁹⁸ Подробнее см. ниже в «Воспоминаниях. 1902 год».

⁹⁹ Речь идет о XII собрании РФС, посвященном вопросу о браке. На заседании слушался доклад иеромонаха Михаила (Семенова).

¹⁰⁰ Аллюзия на: Мф. 16: 18.

19 мая был у Розанова.¹⁰¹

Придя на верх<нюю> площад<ку>, я звонил три раза. Зате<м> после третьего отворили дверь<ь> и впустили.¹⁰² На вопрос, дома ли, отв<етили>: «В<асилий> Вас<ильевич> дома. У них гостей нет сегодня». Но я все-таки сел. Прождав минут пять, я слышал, как и когда в первый раз пришел, мерн<ые> шаги по кабине<ту>. Раскрыв «Ежегодник Императорских Театров», мне бросило<сь> в глаза Коми<ссаржевская> в р<усском> отделе.¹⁰³ Еще шаги послышались, решительные шаги, и появился Вас<илий> Вас<ильевич>. Я один был и ест<ественно> бросился навстречу, но так как он не поцеловал меня в гу<бы>, то, желая выразить благодар<ность>, я хотел поцеловать руку. В этом факте я ниче<го> дур<ного> не вижу, пот<ому> не боюсь <...>, но вот <...>, что Вас<илий> Вас<ильевич> может подумать, что я из себя «Подростка» валяю.¹⁰⁴ Вот это скверно. Ну ничего, все уст<роится>. Он, отдернув руку, ска<зал>: «что Вы, что ты, потом меня ж еще ненавидеть будете», и потреб<овал> себе чая.

«Садись тут, сейчас чаю выпьем. Дайте чаю, я его пью, пото<м> сплю, а пото<м> расспрашиваю».

На диване сидя одни, В<асилий> В<асильевич> говорил, что я напрасно сближаю Христа Мереж<ковского> и его Хр<иста>. Что здесь они расходятся. * Что он считает Христианство противоречивым семье и потом его надо устранить! А вернуться к *Велесам* и чел<овеку>.*^{**}

Как же то, что напи<сал> 19-го числа, и вдруг и о Комиссаржевской мои,¹⁰⁵ мне-то он говорит философи<ю> остави<ть>, он же хочет быть мн<е> семьянином. Затем пришли из дух<овной> академии те же бледн<ый> и в очках один <нрзб.>¹⁰⁶ При них и мне В<асилий> В<асильевич>

* Из разговора нашего за чаем. Мереж<ковский> сказал В<асилию> В<асильевичу>, что он и Минский как бы все забыл и себя за Христа считает. (Т. е. так он сказа<л> про Минского.) Я же дум<аю>, что это тоже и В. Розанов <нрзб.>.

** Настоящ<ая> религия это древн<ее> языч<ество>, а христианство положило на нее как серый пепельный слой. И что христи<анство> противоречи<т> браку, а пот<ому> и ему, В. Розанову>.

¹⁰¹ Этому предшествовало «письмо Розанову с самоугрызениями»; ответ Розанова см. выше.

¹⁰² Впустила Иванова бонна детей Розанова. «Когда мы подросли <...> к нам приставили немок<бонн>, но мы с ними не ладили...» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 48).

¹⁰³ В разделе «Русский драматический театр» («Ежегодника Императорских театров» (сезон 1901/02) можно увидеть несколько портретов Комиссаржевской: в роли Дашеньки в комедии А. А. Потехина «Мишура» (С. 52), с воздетыми руками в роли Гретхен в «Фаусте» (С. 95) и мертвой Гретхен (С. 97). Вероятнее всего, Иванов обратил внимание на вторую фотографию.

¹⁰⁴ Аллюзия на сцену из романа Достоевского «Подросток» (часть вторая, гл. первая, II; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. С. 169).

¹⁰⁵ Ср. в воспоминаниях: «Я возражаю, что не семьей исчерпывается „мировая трагедия“. Оно велико. Комиссаржевскую противопостави<л>. Он находит ее манерной (после Мадонны...))».

¹⁰⁶ *Карташев Антон Владимирович* (1875—1960) — историк Церкви, преподаватель С.-Петербургской духовной академии в 1900—1905 гг.; *Успенский Василий Васильевич* (1876—1930) — приват-доцент (позднее профессор) С.-Петербургской духовной академии.

говорил, что наши священники это прежн<ие> покл<оняющиеся> Велесу, дородные, семейные.¹⁰⁷

Приш<ли> Мережковские. Опять за стол<ом> сидели так, чт<о> на левой с<тороне> Мереж<ковский>, а на пр<авой> Розан<ов>. У Мережковского попросил прощения, что назвал себя сватом. Он мне ск<азал>, что ни<чуть> не обидел<ся> и что у него был готов ответ, но тепер<ь> он позабыл. Я о двух безднах.¹⁰⁸ Идея Мадонн<ы> — веры, небо. Идея содома¹⁰⁹ <...> Мережковск<ий> а что идеал Содомск<ий> — не существ<ует> (?!).

Составляли письмо Плеве.¹¹⁰

Мережков<ский> дал мне читать письмо себе, нап<исанное> Фридриберг<ом>.¹¹¹ Ничего не понять. Я спросил Мережко<вского>, что мои письма так же трудно понять, на чт<о>: «нет, ваши письма ясны не всегда, но понятны». Я читал очень долго. И когда как-т<о> Гиппиу<с> спро<сила>: «что, вы поняли изложенное?». Я сказал: «очень немного». Затем, когда зашел разговор о том, чт<о> с Церковью делать, Розанов ск<азал>, что ее прочь, что православ<ную>-то Церков<ь>.¹¹² Мережко<вский> обернулся ко мне со смехом: «вот он что скажет».

Я: «Неужели и от „о Тебе радуется благодатная вся<кая> тварь“¹¹³ <отказаться>».

Мережков<ский>: «нет, все это будет» (черт зна<ет> что такое!).

Я — о патриархе как о видении Христа, а не только человеке и от этого паралл<ель>.

Мережковск<ий> с азартом: «что вы говорите, неужели патриарха Никона можно за Христа счит<ать>».

Я — «идеально<го> патриарха, как и идеального царя, все ошибк<и> которого приписывает народ министрам».

В это время облака на горизонт<е> сов<сем> откл<онились> и на фоне зари силуэт церкви. Мережк<овский> — «мы тут говорим и какая у <нас> декорация!». Потом о браке и союзе женщи<ны> и мужч<ины>. В<асилий> В<асильевич> говорил, причем, кажется, склонял<ся> к свободе по отно<шению>. Я спрос<ил> отно<сительно> ребенка, куда его деть. И потом заявил, различ<ие> пола как резу<льтат> зла, а не резу<льтат> зла как

¹⁰⁷ Ср. в воспоминаниях: «Приход двух из Академ<ии> Духов<ной>, „бледного“ и „розового“. „Бледный“ — Карташев, „розовый“ — Успенский. В. В. Розанов указывает на „розового“ и говорит „наше духовенство настоящие Велесы“, несмот<ря> на аскетиз<м> христианства».

¹⁰⁸ Иванов, вероятно, спросил об одной из основополагающих идей Мережковского — идее «верхней» и «нижней» бездн — бездне духа и свободы и бездне «плоти и необходимости». Ср.: Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 467—470.

¹⁰⁹ Подразумевается заимствованная из романа Достоевского «Братья Карамазовы» оппозиция «идеала Мадонны» и «идеала Содомского». Эти образы неоднократно обыгрываются в книге Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

¹¹⁰ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел в 1902—1904 гг.

¹¹¹ Фридриберг Дмитрий Наумович (1883—1961) — студент университета, сотрудник журнала «Новый путь», поэт.

¹¹² Ср. в воспоминаниях: «В. В. Розанов — „церковь прочь с православ<ием> и старчеством...“».

¹¹³ Песнопение из Литургии св. Василия Великого, обращенное к Пресвятой Богородице.

рез<ультат> ра<зличия> пола. И при<мер> ри<совал> о детях и<г>рающих.

Розан<ов> ска<зал> о свое<й> дочери,¹¹⁴ что она п<яти> лет, а украшает ленточкой се<бя>, что это заложено, и мальчик<и> тоже.

Перцов,¹¹⁵ Мереж<ковский> и Роза<нов>, а по<том> Мережк<овский> ушел в гости<ную> прощаться.

Все шли пешком до до<ма> Мереж<ковских> по Воскресенскому пр<оспекту>. Я сказал, чт<о> пророч<еское> что-то в Воск<ресенском> пр<оспекте>, о Мереж<ковском>, а уж живет на площа<ди> Спаса Преображе<ния>.¹¹⁶ На Воскресенском гов<орил> о Боге те<ле> и Бо<ге> дух<е>. Спросил, считает ли Мер<ежковский> «Дитя Солнца — Христос??».

Солнце за Христа, ск<азал>, = пантеизм.

Я с<казал>: «Пантократор Христос».¹¹⁷

О красоте говорил я, и он с<казал>: «да, он<а> нужна. Неужели он<а> не ра<дость>». О кра<соте> я говор<ил>, когда в конце Воскресен<ского>. А заря так и горела и разгор<алась> и облист<ала> при багр<янце> зловеш<ем>. Мережк<овский>.

При прощании в прихожей Розанов. Он сказал, прощ<аясь>, мне: «приходите на будущ<ий> год¹¹⁸ к завтраку, я вам моих детей покажу». Мережков<ский> засмеялся.

А Роз<анов>: «нет, господа, он (т. е. я) у нас молодец и замечательно наблюдателен». Мережковс<кий>, кажется, в это время совсем выходил.

Падре Велес.¹¹⁹ У окна с Мережк<овским>.

Мережк<овский> — «Меч я прим<у> <...> разоблачение. И по местам».

Я — «вот напи<шите> апокалиптическое видение в францу<зском> поезде, сошедшем с рель<с> и влекущем раненых и больных, и еще шакалы поют!».

Мережк<овский> — «Да!»

За столом когда сидели, т<о> Роз<анов> обратился к другому В<асилию> В<асильевичу>,¹²⁰ сидящему с Гиппиус: «Вы отсаживайтесь, не надо, а то она сейчас всех влюбит в себя». Затем в разгово<ре> о свободе любви В<асилий> В<асильевич> сказал: «Ну вот я возгораю, почувс<твовав> в себе бога, к ней (т. е. Г<иппиус>), что же?». Реш<или> утвердительно.

¹¹⁴ Скорее всего, речь идет о Вере Розановой (см. примеч. 193).

¹¹⁵ Перцов Петр Петрович (1868—1947) — литературный критик и публицист, издатель и соредактор «Нового пути».

¹¹⁶ Окна дома Мурузи на Литейном проспекте, где жили Мережковские, выходят на Спасо-Преображенский собор.

¹¹⁷ Ср. в воспоминаниях: «„Розовый“ идет с Гиппиус под рук<у> по Воскресенскому до Сп<аса> Преображения. Мережковс<кий> со мной. О храме в солнце.

Он — Это пантеизм. — Я. — Это Пантократор».

¹¹⁸ Имеется в виду — осенью, после возвращения с дач.

¹¹⁹ Речь, по-видимому, идет о В. В. Успенском (см. примеч. 106).

¹²⁰ Речь идет о В. В. Успенском.

Жена Розанова во время чая ск<азала>, чт<о> В<асилий> Вас<ильевич> очень не ровен, то обнимет вот как, а то <нрзб.> оттолкнет холодом.¹²¹

Про<пуск>. Розанов: «Дими<трий> Серг<еевич>, ведь вы говори<ли> насколько я знаю, не испытали страш<ого> горя, а вот если бы испытали, то не говорили бы о *радости страдания*».

Мережковск<ий>: «нет, В<асилий> В<асильевич>, это В<ы> напрасно».

Розанов: «Ну представьте себе, случись что с нашим семейством, и увидел бы я сына своего мертвым, то я убийца! — Ну как<ая> мне тут радос<ть>, что в *жертву он принесен!*».

«Вообще я как начинаю думать о смерти, так становлюсь нестерп<имо> зол. А теперь не знаю, что будет дальше, и не думаю о смерти, а знаю, что нам будет хорошо».

Мережковск<ий>: «Ну вот жертв<а> собою с радостью, напри<мер> дуэль, влечет неслыха<нной> силой».

Розано<в>: «Я бы не подставил бы ни за что голову под пулю».

Прощались в темном зале. Целовали<сь> и Мережко<вский> с В<асилием> В<асильевичем>, и учен<ики>, скажем, и я. Спуска<сь> с лестницы, крайне некстати кричал, что сошествие во ад.

Розанов вначале рассказал о том, как ему кто-т<о> пишет из прови<нции>, как, будучи еще ма<леньким> мальчиком, не посеща<л> церковь<ь>, и вот наступило у него изв<естное> сношение, собственн<о> с церковью и ее жизнью, ставит свечи, лампа<ды> затепливает, и п<отом> Розанов, прочитав эт<о>, сейчас же достал «Слово о полку Игореве» и в<идит>: «Боян бо ве<щий> персты по<лагал> на <струны>, и они сами славу рокотаху».¹²² И что Велесы и те же что сами еще живут в народе и именно в этом духовенстве.

Уже под конец я собственно завел разговор вот из-за чего. Я спроси<л> Мережк<овского> о том, скоро ли он кончит «Христ<а> и Антихр<иста>». М<ережковский> — «через 5 лет». Я — «у вас не такие будут, изменя<т>ся взгляды». М<ережковский> — «да, можно будет проследить, как они изменя<ли>сь». Я — «ведь в „Юлиане“ и „Воскр<есших> Бог<ах>“ почти одинаковы». М<ережковский> — «нет, ест<ь> изм<енения>». Я — «Вы написали в „Юлиане“, но почему-то назва<но> „Юлиан“, со вре<мени> сцены с диском и Артемидой Ефесской».¹²³ Почему он по внешнему виду вдруг сказал. Ведь это того же порядка как и идолы, общен<ие> приписываем. М<ережковский> — нич<его> не отве<тил>. <...>

¹²¹ В редакции 1936 г. эта фраза заканчивается: «...а то оттолкнет, как прош<лый> раз Иванова».

¹²² Цитата неточная.

¹²³ Подразумевается XII глава первой части романа Мережковского «Юлиан Отступник», в которой впервые появляется одна из главных героинь, Арсиноя. Ее, метающую диск, поэт Публий Опатриан сравнивает с Артемидой-Охотницей.

Главное было хорошо то, что диавола В<алентина> А<лександровича> не было.

Когда Мережковск<ий> говорил за чаем о том, что Минс<кий> ничего не хочет знать и считает себя Христом, то я в силь<ном> возбужд<ении> сказал: «Он сверкает». Мережковск<ий> как-то вдохно<вил> взглядом меня.

По улице когда мы шли, я ска<зал> Мереж<ковскому>, что Христос сломил Антонина, в нем «как демоны глухонемые»,¹²⁴ на что — «да это так».

Когда перехо<дили> к См<ольному>, то я <сказал>, что замечат<ельно>, когда древние хотели изобразит<ь> Божественность зверя, то изобр<ажали> его с крыльями. Надо мы [должны] крылья надо добыть.¹²⁵ Окна.

Но зачем я сказ<ал>: «Д<митрий> С<ергеевич>, вед<ь> В<асилий> В<асильевич> е<сть> язычник».

Д<митрий> С<ергеевич> — «ну в тако<м> слу<чае> и я тоже».

29 сентября

Был у Розанова.

Б<ыли> Бенуа, Нувель,¹²⁶ Философов.

<11 октября >

Замечатель<ная> статья Розанова.¹²⁷ Я со слезами на глазах от восторга.

<13 октября>

О — у Розан<ова>. Там Петров.

15 окт<ября>

У «Лихачевых».

Ал<ександра> Мих<айловна> говорит, «что Мережковск<ие> летом езд<или> на Волгу, пос<етили> сект<у> хлыстов.¹²⁸

3 ноября

Море всем говорит об одном и том же, и всегда при этом разное и новое. Так и В. В. Р<озанов>. (Вечные) песни синицу.

¹²⁴ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865).

¹²⁵ Ср. в воспоминаниях: «Я об обожани<и> и обожении <...> в юности как источн<ике> телесного богопознания. <...>

О связи обожени<я> с Крылья<ми>. Свящ<енные> люди и звер<и> „крылаты“.

¹²⁶ Нувель Вальтер Федорович (1871—1949) — один из организаторов «Вечеров современной музыки» и объединения «Мир искусства», композитор.

¹²⁷ Речь идет о статье Розанова «Размолвка между Достоевским и Соловьевым» (Новое время. 1902. 11 окт. № 9556. С. 2).

¹²⁸ Поездка к озеру Светлояр описана З. Гиппиус в путевом дневнике «Светлое озеро» (Новый путь. 1904. № 1, 2).

10 ноября. Очень странно. Пошел сегодня к Розанов<у>. Наконец <...> при<шел> 9 ч. 20 м<инут>. Швейцар спросил <...> Принимают, «но еще никого нет-с». Я тогда сказал, что иду погулять. <...>

17 ноября. <...> Очень хорошо, что не был в прош<лое> воскресенье. Прямо чудо. Варв<ара> Дим<итриевна> в больни<це>, операци<я> была на эт<ой> неде<ле>, и теперь там. А<лександра> М<ихайловна> в тени. В<асилий> Вас<ильевич> рас<с>троен и все время лежит раздетый в постели (язычник). Я пил чай, и пот<ом> он меня одного позвал, опять о семье говори<л> своей и о папе и о маме сказал, то что не было сказ<ано> 17 марта.¹²⁹ «Должно быть, ваша мамаша красив<ая> была». Об силе полов и о снискавших кротость. <...> Спросил: «давно вы у Мережков<ских> были?» <...> что совсем не хожу! Религ<иозные> собр<ания> <...> замет<ьте>?> 100 человек исключено.

Под конец, «ну прощайте, голубчик», и благословил. Я перекрестился <...>

28 ноября 1902 года, четверг.

Я не знаю, следовало или не следовало мне идти туда, в Религ<иозное> обще<ество>. Каж<ется>, Р<озанов> подумал, что я хочу к ним. Сказ<ал>: «да В<арвара> Д<митриевна> хотя и приехала, но слаба и очень слаба». Неужели он подумал, что я хочу туда, и спрашивал из-за этого. <...>

Перцов в 5 часов вс<ех> принимает.¹³⁰

Прощали<сь> у выхода цел<ых> 1/2 часа. Роз<анов> пошел по Театр<альной>. Я сзади с Св<етозаром> Степ<ановичем>.

10 декабря

Был в часовне. <...> Пасмурн<о>, мелкий снег. К дому Мережк<овско-го>. Дума<л> войти, но так и не решился. <...> Походил окол<о> дома и пошел на Шпалерну<ю>. Вижу сидит швейцар, газету читает. Прошел несколько раз мимо. И нако<нец> зашел. Спрашиваю «Как здор<овье> В<арвары> Д<митриевны>». И не получил <ответа>. Вернулись. Выяснил даже, что посл<еднее> воскресени<е> собрание было. Я сказ<ал>, чтоб он поклонился от ме<ня>. Он. — «Как доложи<ть>». Я. «Иванов. Да скаж<ите>, ч<то> рыж<ий>».

15 декабря. Был в моленной «на часах».¹³¹ <...>

Был у Розанова. Сперва предст<авил> ж<ене> как «единствен<ного> симпатичного студента». «Загадоч<ный> вид». «Зачем волосы обстриг». «Расс<кажите> о том, что в историче<ском> Хрис<те> нет скопчества, что

¹²⁹ Ивановы Павел Александрович (ок. 1840—1893) и Мария Петровна (см. примеч. 5 к письму 5). Вероятно, Иванов подробно рассказал Розанову об истории их знакомства. Могла речь пойти и об интересной для Розанова детали — «незаконном» происхождении П. А. Иванова (он был внебрачным сыном писателя А. К. Жуковского). См.: Фетисенко О. Л. Проповедник Нагорной радости: («Петербургский мистик» Евгений Иванов) // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 334—339.

¹³⁰ П. П. Перцов жил в меблированных комнатах «Пале-Рояль» на Пушкинской улице.

¹³¹ Речь, вероятнее всего, идет о моленной Федосеевской старообрядческой общины, находившейся в Волковской богдельне (наб. Волковки, 3). К «федосеевцам» принадлежала бабушка Иванова А. А. Шалыгина. Часы — одно из богослужений суточного круга.

дух — м<ужской>, ж<енский>, а двойн<ой>, а не только ж<енский>». Со-
глас<ен>, что <нрзб.> чуда.

«Вот что, приходите в собрание без повестки, вас трое знают».

Мереж<ковский> одн<ако> как не де<лать> балаган. Как важно, что
я не пошел к ним.

В. Р<озанов> очень дово<лен>, что <я> справ<ился> у швейцара.

В<асилий> В<асильевич>: «Мы встрет<имся> в раю как здесь все»,¹³²
не как здесь.

Когда шли дом<ой>, то В<асилий> В<асильевич> два<жды> как-т<о>
м<не> ска<зал>, что был в «моленной» и что т<ем> образам у Мереж<ков-
ского> завидую.

1903

1 января 1903 г.

Важн<ый> день. Первый день, ка<к> я свободный сын. И замеча-
тел<ьное> знамение в эт<от> первы<й> день, когда встал с В<асилием>
В<асильевичем>, уходил, пришли как раз с гулянья его дети и я с ними по-
знакомился. Истинно первы<й> знак великий. <...>

Другая замеч<ательная> вещь. А<лександра> Мих<айловна> ска-
за<ла>, что «у Мережковс<ких> вас хотят видеть». Неужели так.

3) Розан<ов> спросил: «вы бы написали что-ни<будь> в „Новый путь“».

Я отв<етил>: «я уже написал». Он сп<росил>: «что». Я — «пот<ом>
скажу». При прощан<ии> он стоял со мною и в комнате своей, где в углу на
столе стоит образ Богоматери с лампадкой, спр<осил> м<еня>: что ж<е>
я нап<исал>. Я ска<зал>, ч<то> ответ Философам.¹³³ Но ту<т же> при-
ба<вил>, что сделал уже гран<диозную> ошибку. Он: «это ничего. Мне
очень понрави<лось> ва<ше> первое письмо очень гладкое».¹³⁴ Я с ужасом
ска<зал> и почему так сдела<л>. Пото<му> что боялся, что совсем не
напишу. Рас<сказал> про проход мим<о> подъезда Мереж<ков-
ского>. Тог<да> он ст<ал> уходи<ть> из ко<мнаты>. Я пошел. Тут вошли с улицы
дети. Ну не удержи меня и все бы, мы тут и позн<акомились>. <...>

В связи с той запиской, кот<орую> я оставил у швейцара, думаю, что
я никогда уже больше не буду так <принят>, как вообще принят в доме Ро-
занова.

5—6 января 1903 г. В часовне¹³⁵ был <...>

Был у Роз<анова>. Окол<о> 12-ти час<ов> воше<л> Мереж<ковский>.
Г<иппиус> рядом. Указала на блюдо<е> с мандарина<ми> и говорит: «убе-
ри<те>, я не люблю жаб» (кожа мандари<на>).

¹³² Аллюзия на речь Алеши Карамазова после похорон Илюши Снегирева (*Достоев-
ский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 197).

¹³³ Вероятно, отклик на записку Д. В. Философова (возражение на доклад В. А. Тернавцева
«Русская Церковь перед великой задачей»), прочитанную на втором заседании РФС. Черновик
ответа Философам см. в дневниковой записи Иванова от 21 дек. 1902 г.: ед. хр. 3, л. 13—27 об.

¹³⁴ Возможно, здесь идет речь о письме Иванова к Мережковскому.

¹³⁵ Речь идет о часовне св. Тихона Задонского на первом этаже дома Митрофаниевского
Синадального подворья на углу Звенигородской и Кабинетской (ныне ул. Правды) улиц, кото-
рую постоянно посещал Иванов.

Петров спорил с Мережковским. Я потом говорил с Петровым от носительно вопиющего в Церкви. Храм Церкви. Он этого ничего не понимает.

Перцов пришел в первом часу, подошел ко мне и сказал, что статью не принял, потому что не подходящая.¹³⁶

Я спорил с Мережковским. О том, что не понимаю. Я: «а хлыст вошел в церковь и Достоевский за демонизм».

Мережковский: «ну прости меня, и я все я и *нрзб.*».

После: «Да что это сложененко».

Гиппиус чуть не поцеловала Розанова. Он ее крепко поцеловал. Он на карточку¹³⁷ сказал, что «следующий раз приходит, я подпишу».

Вышел с Карташовым и Мережковским и Гиппиус. Мережковский, по моему, говорил Гиппиус, что зачем она целовала Розанова <...> Поп Григорий Спиридонович значит как черт. Не православный, пахнет арбузами. Я — ветер над морем. Но поехали, на углу Воскресенского кричал Мережковскому: «Серая голубица».

Мережковский. «Аскетизм не в маскирующем нигилизм, но во время споров он может привести к нигилизму».

<19 января>

Был у Розанова. Старов, Андреевский,¹³⁸ Егоров,¹³⁹ Мережковский, Гиппиус. М. А.¹⁴⁰ в постели принимала.

Томительная скука. Новый студент, студент Ге.¹⁴¹ <...> Но вот под конец при прощании Розанов и Мережковский сказали, что «следует его письма скомпоновать и напечатать». Я заметил, что еще мальчишка, на что Мережковский сказал, что это — тем лучше. «Пишите, но лучше не о белой голубице, а о серой утице». Это может быть намек на серого утенка Андерсена.

2 февр^аля. Был в часовне. <...>

Снес В. В. Розанову мои «поклонников».¹⁴² Отдал. Писал с 24 — 2 февр^аля. 9 ч. 5 минут вечера в кабинете. Он сказал: «можн^о положить их в отда^лении до пис^ьма». Я сказал: «все ради я для вас». Он — «Ну спасибо, мой дорогой, спасибо, ежели дл^я меня, понесем».

Варвара Дмитриевна сказала, «что у меня оч^ень заразительный смех: искренний».

¹³⁶ См. примеч. 133.

¹³⁷ Т. е. на просьбу подарить фотографию.

¹³⁸ Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1918) — поэт, литературный критик, юрист.

¹³⁹ Егоров Ефим Александрович (1861—1935) — журналист, секретарь РФС, секретарь редакции журнала «Новый путь». См. о нем: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 47.

¹⁴⁰ Возможно, описка: А. М. (А. М. Бутягина).

¹⁴¹ См. примеч. 2 к письму 5.

¹⁴² Речь идет о статье «Таланты и поклонники», которую Иванов написал под впечатлением пьесы А. Н. Островского под этим названием.

16 февраля.

Был у Розанов<а>. Ге, Егор<ов>, Старо<в>. А. И.¹⁴³ и Але<ксандра Михайловна> приш<ли> напали. <...>

Перед 12-ю часам<и> я ска<зал> В<асилию> В<асильевичу> о то<м>, что мог бы верну<ть> он мои писания. Он не нашел. В прих<ожей> уже после 12-ти, след<овательно> 17 феврал<я>,¹⁴⁴ он сказал, что эт<о> замечательно пр<о> брат<а> и сестр<у> Диа<ну> и Аполлон<а>.

Я: «В<ы> пот<ом> развили бы замечательно».

Очевидн<о>, читал и В<асилий> В<асильевич> о мои<х> чертях та<м> к Мережк<овскому>.¹⁴⁵

27 февра<ля>. Четверг

Боже милосердный, как Ты обогатил меня. За что, Господи? Что я в Религиозном собрании услыш<ал> от Димитр<ия> Сергеевича. Как милость это была.

Я стоял у стола с ни<м>. Он подош<ел> и сперва не заговорил. Я оглянул<ся>. Но потом <...> Приподняв палец в единицу: «Замечательно, гов<орит>. Ка<к> э<то> вы написали хорошо».

(Одна улы<бка>, одно выражен<ие> лица уже мне и<с>т<ол>к<овали> все. Боже, Боже мой.) «Особенно хорошо там про акклиматизировать<ся>».¹⁴⁶ Я сказа<л> Гиппи<ус>, что я из «Женщины с моря».¹⁴⁷

Гип<иус> ск<азала>, что «это не хорошо». «Заходи<те> к нам. Отчего вы не заходи<те>?» Я — «Я не смел».

Пото<м> Дм<итрий> С<ергеевич> <...> ска<зал>:

«Вы бы писали к нам в „Нов<ый> путь“, у вас слог есть».

«Заходит<е> поговорить».

Я — «ког<да> можно?». От<вечает>:

«Да вот ка<к> ра<з> за<втра> ч<етвер>г и 9 час. вечера <...> сплю, но вы эти<м> не смущаетесь. А то уйдите...».

А потом, пото<м> В. В. Розан<в> <...> сказал м<не>: «Послушай<те>, я вашу нашел рукоп<ись>, хоти<те> к Философов<у> препровожд<у>». Я с<казал>: «Бл<агослови> ва<с> Господ<ь>».

5 марта

Получил утром приглашение на завтра вечером 6 ма<рта>, четверг в «Новый путь» на вечер.

Бедный Саша¹⁴⁸ очевидно страдает. Я, мерзавец, его мыслями пользуюсь.

¹⁴³ Неустановленное лицо.

¹⁴⁴ Иванов подчеркивает наступление 17 февраля, потому что число «17» считал числом Петербурга.

¹⁴⁵ Речь идет о письме Иванова к Мережковскому, которое было начато 7 февраля и после написания нескольких черновых вариантов отправлено 13-го. «Послал письмо Мережко<вскому>. О его терн<истом> крова<вом> пути и о бесах, забег<ающих> вперед и искушающ<их>. О себе бесе...» (ед. хр. 3, л. 62 об.).

¹⁴⁶ Подробнее см. в публикуемом ниже фрагменте воспоминаний.

¹⁴⁷ «Женщина с моря» — драма Г. Ибсена (1888).

¹⁴⁸ Иванов Александр Павлович (1876—1940) — искусствовед, прозаик; старший брат Е. Иванова.

6 м<арта>.

Был сегодня в редакц<ии> «Нов<ого> пути» на вечеринке. Было бы очень весело, если бы не Д<митрий> Сер<геевич>, котор<ый> занем<ог>, захворал, вообще больной приехал.

Были — все Мир Искус<ники>, Серов, Дяги<лев>, Бенуа, Философов. И Репин при<ехал>. Сомов. Сидел у камина ряд<ом> с Блоком и сестр<ой> З<инаиды> Ник<олаевны>.¹⁴⁹ Замеч<ательно>. Сперва подош<ел> к Зин<аиде> Ник<олаевне> и до<лго> сиде<л> и разговари<вал> о черте. Пот<ом> при<шла> Вилькина, и я был предст<авлен> как черт. Я чист<ил> апельсины ей.

С Бенуа дол<го> говорил о выставке, о «Гибели богов».¹⁵⁰ <...> Об Ан<тихрис<те>. Зигфрид. <...> Я сказ<ал> З<инаиде> Н<иколаевне>, что у нее «арарь».¹⁵¹ Вообще<е>, ка<жется>, име<л> успех. <...> Вообще от вечера впечатлен<ие> стран<ное>, что-то не вышло, не удало<сь>. Не твердо. <...>

Лучшим моментом считаю Бенуа в «Гибели богов». <...>

Повестка была послана З<инаидой> Н<иколаевной> поздно <...>. Посл<ана?> Розанову.

10 марта

Снес днем Розанову «курильни<цы> и лампы», котор<ые> брал для починки. Ал<ександра> Мих<айловна> встретила. В<асилий> В<асильевич> ездил в четв<ерг> и в понедельн<ик> вернул<ся>, езд<ил> в Москву.

16 м<арта>

Был у Розанова.

Я напрасно сдал эту штуку. Точ<но> что-то оборвалось <...>. Затем он назвал мен<я> дураком за «Голгофу».¹⁵² Это хула на Духа Свята.¹⁵³

22 марта.

Был у редакц<ии> «Нового пут<и>», второй вечер. 7 студен<тов>. Перечи<слю>. Гип<пиус>, Мер<ежковский>, Розан<ов>, Минский, <нрзб.>, Карташов, Сомов, Нувель, Ге.

Я говорил о хлыс<товстве>, вош<едшем> в храм, и, кажет<ся>, в первы<й> раз был понят.

Розанов в вост<орге> от первород<ного> греха Церк<ви> и от «человек живет Богом». Я ему говорил, что э<то> он сам есть.

Он — «я в первый раз э<то> слышу».

В. Розанов сказ<ал>, после того ка<к> я сказа<л> о Тр<иеди<нстве> образ<ов>. — «А вы у нас прямо мудрец».

¹⁴⁹ Речь идет о Т. Н. Гиппиус (см. примеч. 4 к письму 5).

¹⁵⁰ О работе А. Н. Бенуа над постановкой оперы Вагнера «Гибель богов» см.: Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 4—5. С. 372—373. Премьера состоялась в декабре 1902 г. См. также: Дягилев С. П. Гибель богов. II. О постановке // Мир искусства. 1903. № 4. С. 35—38.

¹⁵¹ Имеется в виду орать (часть диаконского облачения).

¹⁵² Речь идет о незавершенной статье Иванова «Голгофа».

¹⁵³ Ср.: Мф. 12: 31.

23 марта. Был у Розанова<а>. Разговарива<ли> с Тениным <?>. Го<во-
рили> о уч<ении> Маркса. Крит<ика>. Получил приглашение <...>.

<5 апреля>

Был у Мережковского. Снес «Голгофу» свою. Там он сидел на ле<жан-
ке?> в кабинете. Он, Гиппиус и медик доктор. Мережков<ский> в прошлое
воскресен<ье> провали<лся> в люк в до<ме> митроп<олита>. ¹⁵⁴ Люк был
покрыт стеклом, и упал с <нрзб.> высоты. Вес<ь> был в крови и права<я>
рука пореза<на>. Привезли в каре<те> и несли обвяза<нного> на носилках
в квартиру. «Чуть не истек кровью». Роз<анов> читал, Мереж<ковский>
чита<л> мо<е> и гов<орит> очень интресно. Каж<ется>, это новые люди.
«Вы совсем на сумасшедш<его> похожи, а пиш<ете> та<кие> талант-
ли<вые> вещи». Гиппиус: «Какие у вас волосы днем. Я бы желал<а> иметь
та<кие> волосы».

Рели<гиозно>-ф<илософские> собрания закрыты. ¹⁵⁵ Ви<новат?> Го-
сударь, и на «новы<й> скит» Мельникова ес<ли> показал Мещерский. ¹⁵⁶
<...>

Прощаясь, Мережк<овский> сказал: «Ну прощайте, голубчик. Прихо-
ди<те> на праздн<ик>». <...>

Светла<я> Христова заутреня с открыты<ми> дверьми в церков<ь>.
<...>

Был у Розанова днем. И он дал мне, подарил свою книгу «Семейный во-
прос в Р<оссии>». ¹⁵⁷ Замечатель<но>, что подпи<сал> 4-го апреля, ка<к>
р<аз> Пятн<ица> Стр<астная>. <...>

14 апреля

Был у Мережковского. Поправ<лял> корректуру. «Я читал ваш<у>
„Голгофу“, оч<ень> интере<сно>. Только соверш<енно> не цензурная».
«Почему голая Голг<офа>». Но потом что он говори<л> при цензоре <край
листа оборван> метафизич<еская> <...> сказка. Хотел отдать, но Зин<аи-
да> Ник<олаевна> <...> сказа<ла>, чтобы оставили <...>

24 апреля

Полу<чил> приглаше<ние> на суббо<ту> 26 ап<реля> в «Н<овый>
п<уть>». Был у Мережк<овских> вечером. Говорили много и с<порили>.
Карты. Фридриха судьба. Он хочет застрелиться.

¹⁵⁴ Митрополит — ошибка Иванова. Несчастный случай, о котором идет речь, произо-
шел при посещении епископа Финляндского Сергия (Страгородского; 1861—1944), председа-
теля РФС. Ср. в письме З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову, полученном им 4 апреля 1903 г.: «Вы,
конечно, уже знаете о провале Д. С-ча в люк на лестнице Сергия» (Русская литература. 1992.
№ 1. С. 134. Публ. М. М. Павловой).

¹⁵⁵ Решение о закрытии РФС принято 5 апр. 1903 г., тем не менее 19 апр. состоялось еще
одно собрание.

¹⁵⁶ Возможно, описка Иванова. Речь идет о направленной против журнала «Новый путь»
статье М. О. Меньшикова «Тоже стиль модерн» (Новое время. 1903. 23 марта. № 9716. С. 2—
3), которую кн. В. П. Мещерский (редактор «Гражданина») передал для ознакомления импера-
тору Николаю II. См. письма Гиппиус к Перцову от 6 и 20 апр. 1903 г. (Русская литература.
1992. № 1. С. 136, 139—143).

¹⁵⁷ Книга Розанова «Семейный вопрос в России» (Т. 1—2. СПб., 1903).

Сашу пригласи<л> на субботу.

Говорил там о Невидимой церкви. О лице Скаликова <?> и хлестако<вской> ист<ории> и вознесении вс<ех> на небо.

27 апреля. Вчера 26-го апреля читал в ред<акции> «Нов<ого> пути» свою «Голгофу». Присутствов<ал> Саша. Оживленный спор. Почти холод и резкость. Д<митрий> С<ергеевич>, кажет<ся>, умиряется, особенно после того как я ссылался на его стихотворение (Мир распятый¹⁵⁸). В особ<енности> серьезно выслушал о радост<и> Сион<а> и Голгофы.

С В<асилием> Васи<льевичем> ходил в ком<нату> сосед<нюю> и долго говорил. Он согласен и пони<мает> лучше всех. Поняли, что если вместе пить чашу, то уж не Мучитель. Благодарю Тебя, Боже мой. Важно же, что в деревнях бабы уходят рожать в хлев. «Киоты — боженькино стойло». Пото<м> опять ходил в другой комнате. И там он сказал ответ на мое письмо. «Это вы хорошо сказали, что матери всякий подаст».

Был Семенов,¹⁵⁹ это тот курчав<ый>, то<т> человек, кото<рого> я два <раза> видел на концертах.

<4 мая. Начало оборвано. Рассказ Розанова о Достоевском>

Розанов <...> <с> Ламанским В. И.¹⁶⁰ ехал на извозчике. Он расска<зы>вал, что был знаком с Писарев<ым>, Чернышевским. Очень хороши<е> и милые люди. С Достоевским он был знаком.

Очен<ь> горячи<й> и резкий, прямо в обществе невозможный. Как-то пришел к нему и в споре наброс<ился> на сидя<щего> у него господ<ина>: «Дурак, болван, как ты смеешь!». Он участвовал в обществе герцеговинцев, из ни<х> остался жив т<олько> Л<аманский>. И вот предложил Достоевский и<здать> выпущенную главу из «Бесов». Изна<сил>ование девочки Став<рогиным> <край листа оборван>. Утром проснувшись видит на окне паука. И это наводит его на мысль изна<сил>овать<...>».

Любил очень рассказывать, <как> с ним падучая случае<тся>, к<а>к в сорт<ир> холодный ходил и там падал в падучей. Видя внимание гостя, он еще усиливал рассказ и подробности. Видя опасение, нарочно пугал.

Приш<ел> раз в общес<тво> их и как «Женюсь» и пр<очее>. И «Преступлени<е> и наказание».

12 мая. Вчера был у Розанов<а>. Там Мироллюбов.¹⁶¹ Розанов говори<л> со стан<овым> пристав<ом>. Отдал мн<е> 3 руб. Я отказывал<ся>. Он поручил еще раз купить «Михаил<а> и Раму. Евр<ейскую> жену».¹⁶² «Семейны<й> вопрос» сильно расходится. На прощ<анье> велел принести карточку сестры. Сегодня купил книги и снес В<асилию> В<асильевичу>.

¹⁵⁸ Неясно, о каком стихотворении Мережковского идет речь.

¹⁵⁹ Семенов Леонид Дмитриевич (Семенов-Тянь-Шанский) (1880—1917) — поэт, прозаик, религиозный пропагандист; внук известного ученого П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

¹⁶⁰ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — историк, общественный деятель, член Санкт-Петербургского Славянского комитета.

¹⁶¹ Мироллюбов Виктор Сергеевич (1860—1939) — издатель ряда журналов и сборников в 1900—1910-е гг.

¹⁶² Сведениями об этом издании не располагаем.

Снес и кар<точку> Мани. Он за столом в гости<ной> сидя <сказал>: «вот умница, что принес<ли>». «Какой ваш брат старш<ий> красивый».

17 мая. Саша был на выставке в Летн<ем> саду Петра I-го. Вернувшись днем перед обедом, он в гостиной у окна сказа<л> мне при маме: «Тебе по<клон от Мережковских>». <...> Мама ск<азала> — «да разве Саша знаком им, он шутит». Боже мой, Господи, как Ты милостив ко мне. Как все изменилось. «Поклон от Мережковских». Потом Саша сказал, что Мережков<ские> будут завтра у Розанова, потом, что они едут во вторник.

Как жаль, что я не могу быть, неудобно, прощался, да еще подумает, чт<о> за долгом пришел, нет, не стану.

Вечером после того, как я написал эт<и> строки, Саша милый мне до-сказал недосказанное. «Мережковск<ие> сказали, что надеются меня у себя видеть до отъезда на дачу».

23 июля

Все это и то, что я показал автогра<ф> Розанов<у>, адски пошло. Низкое хвастовство. Я поделом наказан.

14 сентября <...>

Был у Розанова. Он сказал, что пере<даст> митропол<иту>¹⁶³ о то<м>, что я сказал. «Необ<ходимо> прикосну<ться> т<айне>, божеств<енное> и трагическое».

<15 октября, после беседы с епископом Сергием (Страгородским)>

О мертвечина!

Как беско<нечно> должны бла<годарить> Бога, пославшего Мережковско-го и Розанова.

24 <октября>. О Розанове начал.¹⁶⁴

26 окт<ября> — был у Розанов<а>.

6 ноября. Был днем у Мережковского. Очень он удручен. Ничего не будет. И собрани<я> думает не открывать. Потому что не читать еще начнут. «Цер<ковный> ве<стник>»-то ре<дактируют> Тернавц<ев> и Розанов<в>.¹⁶⁵

¹⁶³ Митрополит — Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский с 1898 г.

¹⁶⁴ Вероятнее всего, речь идет о начале работы над статьей, посвященной книге Розанова «Семейный вопрос в России». К ней же относятся записи, сделанные в январе 1905 г. (ед. хр. 5, л. 47 об.—48, 60—62 об.).

¹⁶⁵ Неясно, о чем идет речь. «Церковный вестник» — официальное издание Санкт-Петербургской митрополии. Розанов не имел к нему отношения. Возможно, подразумевается рубрика в «Новом пути» «Религиозно-философская хроника».

16 ноября.

Был у Розанова. Сперва у А<лександр> М<ихайловны>, и они замечательно заговорили о Мадонне. Они видели мен<я> в «Мал<ом> театре», оказал<ось> и вид<ели> меня в ложе. Я их не видел, а они мимо проходили.

Мережковский был. «Вас В<асилий> В<асильевич> выводи<т> в л<юди>». <...>

Вас<илий> Вас<ильевич>, прощаясь, велел поклонить<ся> Мане.

21 декабря был у Розанова.

Мережков<ские> были тоже. <...>

1904

25 января. Войну начали.

Прекрасно проведен<ный> вечер у Розано<ва>. ¹⁶⁶ Был<и> Мереж<ков>ский<, Гиппи<ус>, Бенуа с женой¹⁶⁷ <...>. Боткин,¹⁶⁸ Бакст, Нувель, Ма<р<ия> Никола<е>вна.¹⁶⁹

Получил приглашение в «Нов<ый> пут<ь>» на вечер в среду.

И к Бенуа бил<ет>.

¹⁶⁶ В 1940 г. дополнено существенными подробностями: «Был у Розанова... Там Мережковские, Бенуа. Непонятная для меня (тогда) тревога у Мережковского особенная. Он о войне — „это начало конца“! (Тон, взятый им в его трилогии «Толстой и Достоевский», тон перелома к концу не случаен в нем, предчув<ствие> историка. Розанов мечтал о разных защитных заграждениях у каждого солдата.) „Начало конца! Вот, — обратился он ко мне, — оправдание того «тона», какой я взял в ст<атье> «Толстой и Достоевский». Перелом от Первого ко Второму Пришествию на грани двух столетий XIX и XX в. А! р'ыжак, р'ыжий конь?! Исторические сдвиги... а?!“.

И Розанов был серьезен в своей тревоге за грядущее на вселенную. Все погружался в заботу, как помочь тем, кто под огнем идут, сражаются. Мечтал о щитах защитных у каждого неприцеливаемых для пуль... И волновался, что ничего не изобретают такого...

А я как-то „ничегошеньки“! цвел в своих переживаниях внутренней жизни и только жалко. Вырезки из газет в дневнике. Как девушку насмерть ранила бомба в доме и ее „ах, что ж это они со мной сделали“, или другое „холодно, холодно“, слова умирающего молодого моряка, найденного в море через сутки после гибели судна.

В Петербурге балы. В Порт-Артуре бомбы» (ед. хр. 40, л. 36 об.—37 об.).

Мережковский подразумевал финал своей книги «Л. Толстой и Достоевский»: «Подобно тем, кто, глядя с возвышения, видит над головами людей приближающееся к ним, но пока не видное снизу стоящим в толпе, мы увидели над всеми грядущими веками и событиями историческими конец всемирной истории. <...> Мы не примем никакой середины, ибо верим в конец, видим конец, хотим конца, ибо мы сами — конец, или, по крайней мере, начало конца» (*Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 478*). Ср. также в пятой главе второй части книги: «...может быть, никогда еще дух человеческий так не предчувствовал, тайно для всех, что близок если не конец, то начало конца, что оно при дверях, стучится в двери» (Там же. С. 161).

¹⁶⁷ Бенуа Анна Карловна (урожд. Кинд; 1869—1952) — жена А. Н. Бенуа.

¹⁶⁸ Боткин Сергей Сергеевич (1859—1910) — профессор-терапевт, коллекционер, художник.

¹⁶⁹ Неустановленное лицо.

28 января. <...>

Был вечером в редакции «Нов<ого> пути». Минский, Мер<ежковский>, Гип<пиус>, Смир<нов>, ¹⁷⁰ Сем<енов>, Егор<ов>, Розан<ов>, Тернавц<ев>.

Я и Смирнов поправлял мою корректу<ру> «Эд<ипа> в Колоне». ¹⁷¹

18 февр<аля>.

Розанов и Мережков<ский>.

<...> Признак <...> слия<ния> Хрис<тианства> и языч<ества> в одно<й> точке. Из ее вершины от<к>ры<ваются> дали <...> на вос<ход> и заход солн<ца>а <...>

Был в «Нов<ом> пути».

Пришел уже когда была полн<ая> редакц<ия>. З<инаида> Н<иколаевна> спро<сила>: «отче<го> вы на меня в претензии по повод<у> Посейдон Дионис».

Спор о Царе и вопр<ос> о студ<енческих> искан<иях>.

Розанов сказал по поводу т<ого>, что я назвал его Волхвом, и Мереж<ковский> отриц<ает> эт<о>, что Роза<нов> покл<онился> Младенц<у> Христ<у>. Он назв<ал>? сказа<л>: «Он знает. Любовь открывает эт<о> ему».

Рыжак. ¹⁷²

3 марта

гл<ава> 12 Иоанна

«благословен грядый во имя Госп<одне> царь Израил<ев>». «Царь твой грядет». ¹⁷³ <...> О смерти зерна. ¹⁷⁴ Исти<на> не понят<ая> пришедш<им> еллинам и иудеям с язычн<иками>. <...>

Так отча<сти> еще не понятна она языч<нику> Розанову и отчасти Мер<ежковскому>. Ибо где<сь> Крест, отлич<ный> и от яз<ыческого> мира. Но прошедш<ие> через крест и смерть <...> виде<ли> славу Божью, а не славу человеческую».

<14 марта>

Был у Розанова. Там сидел на том кресле, на котором сидел, когда в первый раз был у него. Был се<рб> Св<ятозар> С<ве>т<ланович>.

А<лександра> М<ихайловна> уезжала на бал и меня звала, но я остался, когда пришел Мережк<овский> и Гиппиус.

Мою статью пропустила цензура, но... но... но Гиппи<ус> говори<т>, что там все неопределенно.

¹⁷⁰ Смирнов Александр Александрович (1883—1962) — поэт, переводчик, литературовед.

¹⁷¹ Статья Иванова (отклик на постановку Александринского театра), опубликованная в «Новом пути» (1904. № 2. С. 253—259).

¹⁷² Рыжак — такое прозвище дал Иванову Мережковский. Ср. в письме Гиппиус к Перцову от 30 декабря 1903 г.: «...там (в редакции «Нового пути»). — О. Ф.) буча, вольноопределяющийся, рыжак с приятелем...» (Русская литература. 1992. № 1. С. 151; здесь не пояснено, кто имеется в виду).

¹⁷³ Ин. 12: 13, 15. Ср. выше наброски к рецензии на книгу Розанова.

¹⁷⁴ См.: Ин. 12: 24.

21 марта

У Розанова был.

Розан<ов> говорил: «С моей книгой вышло неладное. Не скажу вам. Да книгоиздате<ли> взяли подписку не продавать». Прямо<о> сволочи.

Пот<ом>, когда я передал поклон Мани, ск<азал>: «дай Бог, чтоб она не разочаровал<ась> в своем молчаливом знакомом».

<3 апреля>

Говорят, что Мереж<ковский> и Розан<ов> и присн<ые> ему не достаточно переживают, не до боли чувствуют то, о чем говорят. Что отношение у них к Богу, как и ко всему происходящему вокруг них, легкое, светское. Носят Христа в кармане, что тут Хрис<тос> как талисман, что тут мерзость настоящего декаденства на религиозной почве.

4 апреля

Обществ<енное> мнение таково, Розанов возбуждает забыт<ые> вопросы общественной жизни <...> но чтоб он разрешал, находил решение этим вопросам, это уж «ах оставьте».

<12 апреля>

Был у Розанов<а>.

Антихристианство.

Началось с того, что надо признать *мойра*, судьбу, которой подвластен сам Отец Бог. Но тогда богосло<вам> надо отвергнуть Его всемогу<ство> и свободу.

В Христе есть хитрость. [Христа ник<огда> соб<ственно> не было, а все это потом написано. Но, гов<орит> Роз<анов>, на велик<ий> четверг, слушая 12 еванг<елий>, как там все живо описано и что все они видели, начинаешь сомнева<ться>, ведь в самом деле был.]^с Не давал прямо<го> ответа, отвечал не как Бог. Т<ак>, н<апример>:

«За кого вы Меня принимаете», так не мог спросить Бог.

И Петр о<твечал> «Ты Сын Божий». «Блажен ты Петр... <...> на сем Камени осн<ую>».¹⁷⁵ Т. е. ужаснейш<е> по-видим<ому>. И на этом основал. Т. е. не уз<нал> обман признание <нрзб.> н<а> само<м> деле. Или не мог Бог так говори<ть>: «трудно тебе пра<ть> против рожна».¹⁷⁶ Тут насилие. Из купины такого ответа не было бы.

Искушение совсем ему непонят<н>о. Т. е. как э<то> труп убитого человека подсунили, в эт<ом> роде и сказали мы «искушение».

«Огонь низвести Я пришел на землю».¹⁷⁷ И эт<от> огонь темны<й>, и разгорится пр<и> сыне и <нрзб.>.

Возненавидь само<е> дорогое, и не пото<му> чтобы оно бы<ло> <нрзб.>, а пот<ому что> оно дорого...

^с В прямые скобки текст заключен автором.

¹⁷⁵ Мф. 16: 17—18.

¹⁷⁶ Деян. 9: 5.

¹⁷⁷ Лк. 12: 49.

Лицо у Р<озанова> страшное. Жена напугана. Потом, прощая<сь> с нам<и>, меня поцеловал крепко, крепко и в прихожей сказал: «Какой поганец этот Розанов». Гов<орит> <нрзб.>, сказал ему: «Хитрец». <...>

Розанов

— пахарь добрый, вспахавший и взборонивший мать сыру землю, которая завалена тяжк<ими> камнями, кот<орая> завал<ена> мусоро<м> и камнями прок<лятия>, что побивали в блудниц.

18 апреля <...>

Был у Розанова. Возвращ<ался> с Терн<авцевым> <...> Обещ<ал> ему пр<ийти> в четверг.

<20 апреля>

Я бы<л> в «Нов<ом> пути». Ф<илософов>, Г<иппиус>, М<ережковский>. Чулков — секретарь,¹⁷⁸ Розан<ов>, Смирнов, Нурок.

Возвращался домой пасмурным утро<м>. Брежил<а> синева. Город ночью светит сладострастным пьяным светом фонарей...

<4 мая>

Кончил статью свою о Розанове «С<емейный> вопр<ос>».¹⁷⁹ Дал Саше читать.

Был у Г. И. Чулкова. С же<ной>¹⁸⁰ познакомил<ся>.

5 мая. Саша остался дома. Ходил днем к Мережков<ским>, заносил статью свою о Розанове. Его там застал как раз с Сологубом.

Был в «Нов<ом> пу<ти>» с Ге <...>

Мережков<ский>, он <?> Гипп<иус> чего-то надувшись, верно что-нибудь заподозрили, сплетни вышли. Чертова кукла. Философов холоден, Чулков вначале мил. <...> Но видно не доверяет. Что за бедлам, все друг на друга косятся.

С Карташе<вым> шел далеко по Знаменск<ой>. Может, он немного и балаган<ит>, по крайн<ей> мере так показалось. А мо<жет>, и ист<инно> с <предложение обрывается>.

22 мая

Был у Чулкова, обедал. <...>

Розанов был тоже. Звал завле<кательно>. Я сказал, что приду. Я негод<яй>.

¹⁷⁸ Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — писатель, поэт, литературный критик.

¹⁷⁹ Рецензия на книгу Розанова «Семейный вопрос в России». В коллекции М. С. Лесмана (ИРЛИ, ф. 840) хранится автограф с правкой, сделанной в редакции «Нового пути» Г. И. Чулковым.

¹⁸⁰ Чулкова Надежда Григорьевна (1874—1961) — жена Г. И. Чулкова, переводчица, мемуаристка.

<24 мая>

А вот еще. Сегодня письмо от Чулкова, где пише<т>: *Статья о Розанове приня<та> в июльск<ую> книжку.*

<23 июня>

Сегодня изумительный фельетон Розанова в «Нов<ом> врем<ени>». «Л<итературные> новости» о «Р<усской> м<ысли>».¹⁸¹

<15 августа>

Земля, женщина, Розанов...

29 авг<уста>. — Был у Розанова (о Вяльцевой¹⁸²).

26 сентября

Был с Ге в Моленной. <...>

Был у Розанова.

Как ставит<я> дело. Субъект. Беззаконие дает своеволие. И чт<о> хамство наше, ибо барство. Но свобода т<ворит> все. Т. е. самодержав<ие> внутри.

3 октября. Был с Ге у Розано<ва>.

17 октября. Объявление об идеалист<ах> «Нов<ого> пут<и>».¹⁸³ <...>

Был у Мережковски<х>. С Гиппиус говорил. И сказал, что я не в Церк<ви> теперь. Мережковск<ий> хлыстовщину изучает. Об идеали<стах> говорили.

Пошли к Розанову. Розанов в объявлении от «Нов<ого> пут<и>» сегодня не напечатан.

У Роз<анова> я сказал, что вышел из Содружества.¹⁸⁴

4 декабря. <...>

Был у Розанова.

К Мережков<ским> снес св<ою> «Стол<ицу> Всадника».¹⁸⁵ Очень милы оба. Зин<аида> Никол<аевна> очень мила.

7 декабря. <...> Сегодня дивный фельетон Розанова о хлыстах.¹⁸⁶

¹⁸¹ Речь идет о статье Розанова «Литературные новинки» (Новое время. 1904. 23 июня. № 10168. С. 4).

¹⁸² Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871—1913) — певица.

¹⁸³ В это время П. П. Перцов, Мережковский и Гиппиус отошли от руководства журналом, передав его Н. А. Бердяеву и С. Н. Булгакову.

¹⁸⁴ Подразумевается *Содружество христианской молодежи*, основанное в университете проф. Борисом Владимировичем Никольским (1870—1919).

¹⁸⁵ Первая редакция эссе, получившего впоследствии название «Всадник. Нечто о городе Петербурге» (опубл. в 1907 г. в альманахе «Белые ночи»).

¹⁸⁶ Речь идет о статье Розанова «В мире нашего сектантства» (Новое время. 1904. 7 дек. № 10335. С. 4), посвященной поездке к хлыстам. Окончание статьи: Новое время. 1904. 21 дек. № 10349. С. 4.

<14 декабря>

Розанов. Повседневный мистицизм.

<20 декабря>

Письмо от Гиппиус прислано и притом не по почте, обращение «милый Евгений Павлович». Я вчера собирался к ним, но сегодня они отозваны, приглашает завтра. Но уж к Блок у>.

Вчера после полуночи при выходе от Розанова Мерещковский сказал: «приходите, мы ведь принимаем вас как родного, а не гостя».

1905

1 января

У Розанова днем был и мямлил о том, что я бездарен по своей вине, не буду писать и стану простым смертным, простым чиновником.

<23 января>

Был у Розанова. Розанов очень был хорош. Крепко, крепко поцеловал при всех на прощанье и сказал: «вот друг верный никогда не изменит». Были Белый, Мережковский, Петров, Тернавцев.

<7 февраля>

У Гоголя вообще и в частности в его «Носе» карикатура на жизнь, как есть в жизни, нос карикатура на те члены Хритова тела. Гоголь обладал Божьим даром. В его творчестве и в нем было « жало ангела сатаны». ¹⁸⁷ То само жало, которое имеет Розанов против вырождающегося Христианства.

Это жало сатаны имел Павел в себе...

<11 февраля>

Если Соловьев первый привел к Софии Премудрости Божьей, то все же потребовали десятки лет и Мерещковский и Розанов, чтоб напомнили о Софии плоть и кровью, чтоб не было отвлеченной схемы, но живой образ, чтобы не было розового призрака, русалки с тумана, но образ плотный и кровью святой. И это как в Писании «Святая кровь» Гиппиус. ¹⁸⁸ Кровь пролить святую. Надо пройти через антихристианство.

<6 марта>

Кажется, нужно было сегодня зайти к Гиппиус, обиделась.

Был у Розанова. Он меня очень целовал и послал поклоны нашим. Очень рад, что я один. Сев. ж. <?> Сегодня ведь 6 марта.

¹⁸⁷ Аллюзия на 2 Кор. 12: 7.

¹⁸⁸ Пьеса Гиппиус, впервые опублик. в 1901 г. в альманахе «Северные цветы».

13 марта.

Был днем у Мережковских. Сказал, что «Красная смерть»¹⁸⁹ гениальна. Гиппиус тоже считает лучшей. Получил билет на чтение эпилога «Петра и Алексея» <...>.¹⁹⁰ Был вечером на выставке портретов.¹⁹¹ <...> Ходил по залам с Гиппиус вместе.

У Розанова вечером был, в 16 ч. пришел.

<10 апреля>

Был с Ге у Розанова. Могу засвидетельствовать начало заката Розанова. Его оправда<ние> всех аномали<й> и особе<нно> в политиче<ской> смуте и боязн<и> в смуте.

А Мережковские бежать хотят в Париж как только начнется здесь. А наемник бежит и не радит об овцах.¹⁹²

Странно, В<асилий> Вас<ильевич> сказал, что их Верочка¹⁹³ называет меня красивым. Стран<но>, почему именно Верочка.¹⁹⁴

<12 апреля>

У Розанова точка зрения исключительно половая. Взят пол как основа жизни. Пол и желание, жажда его, искл<ючительно> его как столп и хранен<ие> истины взят. Все ег<о> писание это Прометеевы вопли пола, и желан<ия> его, земл<и> желан<ия> и вне всякой религии, они больше чем вс<я> полова<я> фил<ософия>, религия, они не вмещаются ни в какую религию сами по себе. Они ни в проше<д>шей, <ни в> настоящей. Розано<в> хочет оформить их в религиозном освещени<и>, а они именно не за<хотят> никаких рамок богослужен<ия>.

13 апреля.

Послал Василию Васильевичу<чу> Розанову письмо.

17 апреля. <...>

Вас<илий> Вас<ильевич> встретил, никого еще не было. Ну вот, какой злой дух наклеветал вам на меня, что я хочу убить Христа. Потом

¹⁸⁹ Глава из романа Мережковского «Петр и Алексей».

¹⁹⁰ Вечер состоялся 16 марта 1905 г. Иванов в тот день записал: «Был у Ратькова-Рожнова вечер, где читал Мережковский конец „Петра и Алексея“» (ед. хр. 12, л. 13 об.). В фонде Е. Иванова в ГЛМ сохранилось приглашение за № 23 на этот вечер, врученное Иванову З. Н. Гиппиус: «З. В. и А. Н. Ратьковы-Рожновы просят пожаловать к ним в среду, 16 марта, ровно в 9 час. вечера. Д. С. Мережковский прочтет ненапечатанный эпилог к своему роману „Петр и Алексей“. Ивановская 4».

¹⁹¹ Историко-художественная выставка русских портретов XVIII—XIX вв. в Таврическом дворце была организована С. П. Дягилевым и А. Н. Бенуа, открылась в феврале 1905 г.

¹⁹² Ин. 10: 13. «Как только начнется здесь» — возможно, аллюзия на роман Достоевского «Бесы»: «...уйду домой, когда начнется» (часть третья, гл. первая, II).

¹⁹³ Верочка — Розанова Вера Васильевна (1896—1919).

¹⁹⁴ Вера — для Иванова священное имя, связанное прежде всего с В. Ф. Коммиссаржевской. Кроме того, это имя носила двоюродная племянница Иванова, Вера Николаевна Дюкова, в которую он будет влюблен.

спросил о видении Папы, о камне видений. И потом еще о Верочке. Я ему: «12 лет».¹⁹⁵

Мережковск<ие> были. Я с Д<митрием> Серг<еевичем> похристосовал<ся> и Гиппиу<с>, потом Сераф<има> Павл<овна>¹⁹⁶ и Ремизов изумительно спрашивали.

Прощался с Мережк<овскими>, уезжают в Москву и в Крым, а по<ом> в Константинополь. Сказали:

«Молитесь о нас». Я ск<азал>: «и вы обо мне».

С Карташевым домой шел. Карташев на вопрос, девственник ли он, ответил: «Да, но... и о<нанист>». Я тоже сказа<л>: «да, но и о<нанизм> в природе».

А что если?

<1 мая>

Был у Розанова. Он говорил со мной по поводу заметки его о Шарапове <?> Мережковского.¹⁹⁷ Минский и Иванов Вячеслав предложили всем завтра сойтись на собрание.¹⁹⁸ С целью моления. Гетман движен<ия>. Было ли народа.

Розанов разговаривал со мною долго, ходя по гостиной под руку. Говори<ли> о Христианстве и [о то<м>]. Узнал, что я «девственник». Ну, что мне было сказа<ть> о грехе. О моем окаменении узнал. Иванов. Не верит в Христа. Конец.

4 мая.

Читал сегодня Розан<ова> утром «В мире не ясного и не решен<ного>»¹⁹⁹ 1. Нет, «Из загадок чело<веческой> природы»²⁰⁰ это увертюра ко всей широ<кой> и глубокой розано<вского> творчест<ва> розано<вской> опере. Уверт<юра> ко всем<у> Розанову в е<го> писаниях.

<8 мая>

Был у Розанова. Александра Михайловна рассказала, что в прошлый понедельник действительно было то, что у Минского обещано было быть.²⁰¹

¹⁹⁵ Этот возраст Иванов считал «мистическим», «причастным тайнам».

¹⁹⁶ Серафима Павловна — Ремизова-Довгелло Серафима-Павловна (1876—1943), жена А. М. Ремизова.

¹⁹⁷ Это место неясно. С публицистом, издателем и общественным деятелем Сергеем Федоровичем Шараповым (1855—1911) Розанов на протяжении нескольких лет полемизировал по «семейному вопросу».

¹⁹⁸ О «радении» у Минского см. записи Иванова: Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Сб. 1]. С. 393.

¹⁹⁹ См. примеч. 2 к письму Розанова от 18 мая 1902 г. Возможно, речь идет о втором издании сб. «В мире неясного и нерешенного» (СПб., 1904).

²⁰⁰ Статья, открывающая указанную выше книгу Розанова. Впервые опубликована: Новое время. 1898. 15 мая. № 7978.

²⁰¹ Далее следует собственно рассказ о «радении». См. также письмо Иванова Блоку от 9—10 мая 1905 г.: Памятники культуры. Новые открытия. 1990. М., 1992. С. 105—107.

<9 июня>

Богобрачие. Нагорная радость.²⁰² Вот отчего Розанов так увлек<а>ется браком.

<20 июня>

Земля имеет Душу, и душу женскую, Земля имеет собствен<а>ную же жизнь, женскую жизнь. Земля женщина. <...> Земля имеет три женских лица <...> Мать, сестра, невеста <...> Гера, Диана <...> Афина <...>

Розанов великий психолог земли. Душу земли познает своим глуб<а>оким сочувственным познанием.

1 сентября

Был с Клипой у Дюковых.²⁰³ <...>

Бог дал мне слово сегодня. Огонь. И говорил с Ник<а>олаем Мих<а>йловичем.²⁰⁴ Начал с Розанова, кончил любовью к Христу. Не как к идее, а как к Лицу-человек<а>у. При этом оригинально высказал<а>сь Ник<а>олай Мих<а>йлович, то чего я не ожидал от него. А именно, что во всех нас Христос есть неизвестный и дейс<а>твующий и что в Иуде был тоже Христос. Это глубоко.

<6 сентября>

Если при внешнем идеальном благоустройс<а>тве человек<а>еской общест<а>венности люди, вошедши в это царство, были бы скопцами, им необх<а>одимо было бы <нрзб.> слюнявыми, то я отказался бы от так<а>ого общест<а>венного благоустр<а>ойства и от тако<а>го царства.

Розанов хочет, чтоб каждый удом на свое<а>м месте был и чтоб люди не скопцами безудными в царство последнее входили. Эт<а>о им<а>енно образ Сотворивше<а>го, ибо Сотвори<а>вший ст<а>л как че<а>ловек и чел<а>овек <нрзб.>.

<11 сентября>

Был у Розанова. Вас<а>илий Вас<а>ильевич сказа<а>л: «Вы, батюшка, все о вере пишете, а веры в себе никакой не имеет<а>е». <...> Сологуб пригласил быват<а>ь.

<9 октября>

У Папы Крестного был.²⁰⁵ <...> К Розанову затем пошел. <...>

²⁰² Полностью запись о «нагорной радости» приведена в статье: *Фетисенко О. Л.* Проповедник Нагорной радости. С. 360—362.

²⁰³ *Клипа* — см. примеч. 5 к письму 5; *Дюковы* — см. след. примечание.

²⁰⁴ *Дюков Николай Михайлович* — инспектор (а позднее и директор) 3-й Петербургской мужской гимназии. За ним была замужем Вера Александровна (урожд. Угрюмова), дочь Анны Кузьминичны Угрюмовой (по второму мужу — Яковлевой), двоюродной сестры матери Е. Иванова.

²⁰⁵ Речь идет о *Василии Ивановиче Яковлеве*, дальнем родственнике матери Иванова и близком друге его отца.

Вас<илий> Вас<ильевич>, прощаясь, книгу подарил «Пер<ед> церковной стеной»²⁰⁶ и надписал «Невидимому другу моему Мар<ии> Павл<овне> Ивановой».

Так мил может быть только Вас<илий> Васильевич.

<10 октября>

Маня Розанову письмо посла<ла>.

23 октября. Розанов Мане письмо прислал. Я переписал, чтоб понятнее было. Пош<ел> днем погулять и встретил Вас<илия> Вас<ильевича> с Александрой Михайловной.

20 ноября. Был с Сашей, Блоком и Ге у Розанова в первы<й> раз.

4 декабря

На именинах Варв<ары> Дмит<риежны> днем играл с детьми Розанова и Тернавцева.²⁰⁷ Очень весело. Обедал. Потом вечер <...>

<23 декабря>

Странно, оказывается, Лутохин²⁰⁸ говорит, что Ремизов поехал в Вологду, вчера его Розановы провожали.

1906

<22 января>

Сегодня был у Вас<илия> Вас<ильевича> Розанова. И он и Варв<ара> Дм<итриевна> милые, дали грушу большую, Мане снести, как в Нов<ый> год.

<26 марта>

Я иду сегодня к Розанову.
У Розанова.

<23 апреля>

Был у Розанова на именинах Ал<ександры> Михайл<овны>. Пил много. И мрачен. Потом пошли по Воскресенской набережной провожать Чуковского.²⁰⁹

²⁰⁶ Речь идет о книге Розанова «Около церковных стен» (СПб., 1905).

²⁰⁷ У В. А. и М. А. Тернавцевых «было трое сыновей и две дочери. Старший и младший сын погибли во время первой мировой войны, второй сын умер после революции от туберкулеза. <...> Дети Валентина Александровича, Муся и Ирина, приходили к нам, детям, играть» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 66).

²⁰⁸ Лутохин Далмат Александрович (1885—1942) — экономист, журналист, мемуарист.

²⁰⁹ Здесь и далее в автографе ошибочно: Чаковский. К. И. Чуковский познакомился с Розановым зимой 1905/06 г. См.: Чуковский К. И. Дневник. 1901—1929. М., 1997. С. 30.

Был третий час ночи. Уже бледнело небо и заря свет запалила за <нрзб.> бледн<ыми> облаками. Фонари гасили.

Шли прово<жать> Добл<?>. Мар<ия> Николав<на>. С нами Чуков<ский>. Мар<ия> Ник<олаевна>, студ<енты> Дух<овной> ак<адемии>, Коноплянц<ев>. ²¹⁰

Не помню, перешли мы Литей<ный> ли. Да, пересекли. И я начал говорить Чуков<кому> о зеркальности декадентск<ой>. И вдруг вижу, люди идут по набережной. Тоже барышня. И вот удиви<тельно>. Тата, Ната, Гюнтер и Кузнецов. ²¹¹ Порази<тельная> встреча. Надо же так сойтись на набережной в такой неурочный час. Мы сперва не совсем даже себе верили. Разошлись. Я пустился догонять нашу компанию. Нет, кажется, встретили на Воскресенс<кой> набер<ежной>. Нет, после моста.

<30 апреля>

Ге пришел вечером к Роза<нову>, но <нрзб.>. Кажется, пошел.

<1 мая>

Ге принес на записке поцелу<й> мне от Розано<ва> и Мане в руку поцелу<й>.

14 мая. <...> Вечером был сперва у Карташ<ева>, потом у В. Кузнецова. Изумительное узнал.

З. Н. <Гиппиус> девушка. Л. Д. <Блок> девуш<ка> и С. <?>. Говорил о девиц<ах> и детях. И говор<ила> Т<атьяна> Н<иколаевна> о том, что не женюсь. ²¹² Боль ес<ть>. Она говорит, придет к нам.

У Розанова после них был. Послед<ний> раз на этой квартире. Переезжа<ют>.

15 мая. У Чулкова был.

У Ремизова был. Т<ам> Кузнец<ов>.

Реми<зова> Сер<афима> Павл<овна> больная лежит, ибо отравилась вчера у Розано<ва> булкой <нрзб.>. Ал<ександра> Мих<айловна> чит<ала> «Лист Белый».

<31 августа>

Розанов. Казачий 4. ²¹³

²¹⁰ Коноплянец Александр Михайлович (1876—?) — юрист, действительный член Религиозно-философского общества (далее сокращенно — РФО); биограф К. Н. Леонтьева.

²¹¹ Тата и Ната — см. примеч. 4 к письму 5; Гюнтер Иоганнес (Ганс) фон (1886—1973) — немецкий поэт, переводчик, мемуарист; Кузнецов Василий Васильевич (1881—?) — скульптор.

²¹² Ср. с записью Т. Н. Гиппиус (1906): «Иванов говорит, что он девственник, потому что ощущает проклятие на себе, Божие. И если женится — дети будут уроды (прокляты), потому что нельзя с этим сознанием идти во тьму — безнаказанно» (Истории «Новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из дневников Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. СПб., 2004. С. 414).

²¹³ Новый адрес Розанова.

10 сентября. <...>

Был у Розанова и Ге.

<17 декабря>

У Розанова был Григор<ий> Спирид<онович> <Петров>.

О Мар<ии> Добр<олюбовой> говорили. Сегодня в «Товарище» ее памяти статья помещена.²¹⁴

Умерла от *паралича сердца*.

Ее хотели «возвратить к жизни». Последнее время, особенно последнюю<ю> неделю, она говорила о самоубийстве, о каком-нибудь о террористическом подвиге, чтоб недаром умереть, когда надо умереть. Ее уговаривали, и среди уговаривающих бы<л> Петров. Он все был с нею, и перед смерть<ю> в воскресенье 10-го пять часов все ходил с ней и говорил.²¹⁵

<27 декабря>

Пришел домой, и меня спасло письмо от Вас<илия> Вас<ильевича> Розан<ова>, котор<ый> приглашал меня на елку <...> завтра.

<28 декабря>

Елка у Розан<овых>. <...>

Розановы очень мил<ые> и хорошие.

1907

21 январ<я>. Пришел Блок А. к обеду и принес «Нечаян<ную> Радость» с важной надписью.²¹⁶ <...> Блок после обеда пошел со мною на пани<хиду> Менделеева.²¹⁷ <...> Условили<сь> к Сологубу. Я сперва к Розанов<у>.

25 марта 1907 г.

У Розанова. Опять на <нрзб.>.

1 октября

Сегодня к нам был Вас<илий> Васи<льевич> Розанов с Таней.²¹⁸ Я в это время катался в Нов<ой> Деревне. Розанов пробыл час, потом поехал в редакцию, а на возвратном пути все-таки за<с>тал. Тогда и меня застал дома.

²¹⁴ См.: Р-ъ С. Памяти М. М. Добролюбовой // Товарищ. 1906. 17 дек. № 142. С. 3. Иванов был благоговейным почитателем Марии Михайловны Добролюбовой (1877—1906) и очень тяжело переживал ее кончину, следовавшую 11 декабря.

²¹⁵ Подробнее эту запись см. в публикации: А. Блок в дневнике Е. П. Иванова // А. Блок: Исследования и материалы. Сб. 4 (в печати).

²¹⁶ См.: Литературное наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 74.

²¹⁷ См.: Блоковский сборник. [Сб. 1]. С. 416.

²¹⁸ Розанова Татьяна Васильевна (1895—1975) — старшая дочь Розанова.

3 окт <ября>.

Сегодня или вчера состоялось Религиозно-философское собрание в той же зале Географического общества,²¹⁹ как пять лет тому назад.

Собрание не обещало быть интересным. Начиналось оно с доклада Аскольдова о новом и старом религиозном сознании.²²⁰ Мне привез одну повестку, быв у нас, Розанов. <...>

Перед докладом Карташев сказал вступительную речь. <...> желал подчеркнуть то, что <...> просто пришли поговорить.²²¹

1908

<28 января>

Ходил к Блоку, не застал ни его, ни Любови Дмитриевны, ушли вдвоем гулять. Оставил записку. И написал, что приносил ему фельетон Розанова, где он ругает «Русское слово» № 21 (25 января 908).²²² Нам Крестный вчера дал. <...>

На фельетон Розанова — Блоку следует ответить. <...>

30 января <...> Сегодня писал Александр Андреевич²²³ письмо, где говорил о Блоке, как возражал Розанову на его статью «Ал. Блок о Религиозно-философских собраниях». Возражая и хваля. «Пир во время чумы». Там брачные одежды,²²⁴ а в собраниях религиозно-философских давно нет брачных одежд.

²¹⁹ В зале Императорского Географического общества у Чернышева моста проходили РФС, а затем заседания РФО. Об открытии общества см.: В религиозно-философском обществе // Речь. 1907. 5 окт. № 235. С. 4.

²²⁰ Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фам. Алексеев) (1870—1945) — философ; в 1907 г. он был избран председателем РФО. Речь идет о его докладе «О старом и новом религиозном сознании». «Докладчик фиксировал два современных религиозных движения: церковно-обновленческое, стремящееся к восстановлению идеальных форм древнего христианства — соборности и пр., и так называемое „новое христианство“, проповедуемое Д. С. Мережковским. Докладчик соглашается с первым и находит несостоятельным второе» (Там же).

²²¹ Корреспондент газеты «Речь» сообщал: «Собрание носило семейный характер. Ораторы не пользовались даже кафедрой.

Открыл заседание г. Карташев. Он заявляет, что открытое религ.-филос. общество не является продолжением бывших „религиозно-философских собраний“. Если и есть связь между ними, то самая незначительная, — „с ниточку“. Задачи и цель общества совершенно иные. Представители официальной церкви пусть не опасаются, что общество станет в оппозицию церкви и тем более собору: предметами суждения предстоящего собора общество не интересуется. Общество представляет из себя тесный семейный кружок лиц, собирающихся просто „поговорить“, поделиться между собою своими думами» (Речь. 1907. 5 окт. № 235. С. 4).

²²² Речь идет о статье Розанова «Автор „Балаганчика“ о Петербургских Религиозно-философских собраниях» (Русское слово. 1908. 25 янв.), подписанной псевдонимом В. Варварин.

²²³ Речь идет об Александре Андреевне Кублицкой-Пиотух (1860—1923) — матери А. Блока. Письма Иванова к ней хранятся в фонде Блока в РГАЛИ.

²²⁴ Евангельский образ. Ср.: Мф. 22: 12.

1 февраля <...>

Получил открытку от Блока о фелье<тоне> Розанов<а>. ²²⁵ <...>

У Блока был, застал и его и Любу уставшую. Блоку сказал, что ответить Розанову <надо> «пиром во время чумы».

13 февраля <...>

Сегодня Розанов днем заходил к нашим, полчаса посидел. Он приносил повестки мадам Ге. ²²⁶

<24 февраля>

Пришел вечером Блок; когда наши были. И ушел в 10 часов веч<ера>, напившись чаю, со мно<й>. Я к Розанову пошел, он просил заходить на буд<ущей> неделе.

2 марта <...>

Был у Розанова с Ге.

3 ноября 1908 г.

Отношение староверов к правос<лавным> еллинам нескольк<о> презрительное, как к чему-то не столь сильному и глубокому, как к чему-то уже несколько окастрирован<ному>.

Не таково ли было отношение и мудрого страшного востока к еллин<ам>, грекам. И не потому ли Розанов, этот глубоко проникновен<ный> в Восток мыслитель, нескол<ько> презрител<ен> к Греции. К эти<м> «еллинам» староверчес<тва>.

Но ведь еллины соврем<енные> это культурное общество.

25 декабря. <...> Вечером приш<ли> наши к обеду и Васил<ий> Васил<ьевич> Розанов с Варварой Дмитриевной. Вот возрожден<ие> новое елки, о котором мама говорила за завтраком сегодня, хваля меня за ее устроительство и за тот экспромт <...>

Вот теп<ерь> Розано<в> и Ва<рвара> Дм<итриевна>. И Розанов<ы>, и В<асилий> В<асильевич> и Варва<ра> Дм<итриевна> идут по комнат<е> и спальням. «Новые люди, новые песни», — говорит Маня.

Маня сегодня говорит, что ровно десять лет тому назад Рождество пришлось точь-в-точь так же, как и теперь и тоже среда — сочельник. Тогда ей болящ<ей> присланы были конфекты Ив<аном> Ефимов<ичем> ²²⁷ и цветы. И как все это прахом пошло. Теперь через 10 лет — вот возрождение, но и это тоже прахом пойдет. Но послед<нюю> мысл<ь> говорю уже я, а не она.

²²⁵ Открытка Блока датирована 31 янв. 1908 г. См.: Блок А. Письма к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936. С. 63—64.

²²⁶ Ге Екатерина Ивановна (урожд. Забела) — мать Н. П. Ге.

²²⁷ Хозяин дачи в Песчанке, где Ивановы проводили лето.

17 января <...>

Сегодн<я> 17 число. И всюду у меня не так. Сегодня Розанов вышел из собрани<й>, написав письм<о> в редакцию «Нов<ого> вр<емени>».²²⁸

14 марта. <...>

Сегодн<я> был с Розановы<м> в балет<е> «Егип<етские> ночи», «Шопениана» и «Евники» (балкон № 14, 13 перв<ый> ряд).²²⁹

30 марта. <...> Сегодня было очень много замечательного. <...> пр<и>шли> Розанов Васил<ий> Васи<льевич> с Варв<арой> Дмитре<вной>. Какие милые, вдруг пришли от «Тропин<ки>» лично, т. е. *бювар* Поликсены Сергевны²³⁰ и письмо с ее стихами, как мило, как красиво, как хорошо.

28 апреля. Вчера Розанов в «Новом врем<ени>» о мн<е> писал.²³¹ Был у Мережковск<их> на заседании предварит<ельном> собра<ния>.

17 августа

У нас нет общества, т<ак> с<казать> настоящего общества <...> Потребно<сть> в Церкви огромна и нет церкви, ибо Дом Госпо<день> остался пуст. <...>

²²⁸ В своем письме в редакцию Розанов заявил о выходе из Совета РФО, «дабы не нести ответственности за измену прежним, добрым и нужным для России целям». Он обвинил Мережковских и Д. Философова в том, что они превратили Общество в «частный, своего рода семейный кружок: без всякого общественного значения» (Новое время. 1909. 17 янв. № 11800. С. 13).

²²⁹ Речь идет об одноактных балетах. «Шопениана» — постановка М. М. Фокина (1907); «Египетские ночи» (1900) — балет А. С. Аренского (1861—1906). Балет «Евника» был поставлен Фокиным в 1909 г. Обозреватель «Нового времени» писал о новом балете: «Музыку к нему писал г. Щербачев, сюжет взят из романа Синкевича „Quo vadis?“ и разработан в двухактную балетную программу гр. Стенбок. Так же, как в „Египетских ночах“, декорации написаны г. Аллегри, костюмы по рисункам г. Зандина. „Евника“, с г-жою Павловой в заглавной роли, недавно шла в Варшаве и понравилась местной публике...» (Новое время. 1909. 4 марта. № 11 845. С. 6). «Счастливая мысль дирекции давать премьеры не только оперные, но и балетные не в счет абонементов собрала вчера на новый балет „Евника“ необычную публику. Завсегдатаев балета с их „единением по ту сторону рампы“ видно почти не было. Преобладал мир художников и артистов и частью публики первых представлений. Сочувственно, почти восторженно отнеслись зрители к поэтическим танцам „Шопенианы“ — гвоздью всего спектакля. <...> О новом балетике мы еще скажем подробнее. Г-жи Павлова и Карсавина, гг. Гердт и Булгаков имели единодушный успех, слышались вызовы и авторов „Евники“» (Л. К. [Козлянинов Л.] Театр и музыка // Новое время. 1909. 13 марта. № 11854. С. 5). Тот же автор посвятил новой фокинской постановке отдельную заметку, в которой довольно критически отзывался о ней (Козлянинов Л. Евника // Новое время. 1909. 23 марта. № 11864. С. 4). См. также: Бегуна А. Н. Мои воспоминания. Кн. 4—5. С. 477—478.

²³⁰ Соловьева Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro; 1867—1924) — поэтесса, редактор журнала «Тропинка»; сестра Вл. Соловьева.

²³¹ Речь идет о статье Розанова «Мережковский против „Вех“». (Последнее религиозно-философское собрание) (Новое время. 1909. 27 апр. № 11897. С. 3), в которой упомянут «наш маленький декадент» «глубокомысленный Е. П. Иванов», который «с год назад» поразил Розанова словами: «Достоинство русской революции, — сказал он задумчиво, — заключается в том, что она не удалась».

Скучно, так скучно, что даже тошно.
Церкви пусты. Когда-то Розанов писал — сон, пустая церковь.²³²
Теперь это явь.

<6 сентября>

<...> был и у Розанова.²³³

7 ноября 1909 г.

Вчера, ровно через месяц, предложено у Мережковских мне быть в Секции рабочих 12 при Народном университете.²³⁴ У меня колебание между двумя. Христианской, где Розанов и Вяч. Иванов, и этой. Одним словом, Религиозные собрания переживают путь раскола.

24 ноября. Пошел на Религиозно-философское собрание. <...> Пошел на доклад Розанова.²³⁵ Встретил Тату с Натой. Проводил их немного, пошел на собрание. Собрание живое и чувствозахватывающее больше, чем слово. Прежде, ибо чувствовалась жизнь. <...>

25 декабря

Розанов был у нас вечером. Варвара Дмитриевна, Татьяна Васильевна, Александр Михайлов.

1910

<1 января>

У Розанова вечером.

20 февраля. Сегодня. Заупокойная обедня и погребение тела Веры Федоровны <Коммиссаржевской>.

Был на хорах в Исидоровской церкви²³⁶ благодаря пропуску Блока. Пели певчие двух хоров, Архангельского и архиерейского Тернова.²³⁷

Обедня Чайковского, его же панихида.

За обедней и панихидой был В. В. Розанов. На самое погребение не пошел, пошел на службу.

²³² Источник не установлен.

²³³ Розановы в это время жили на Звенигородской ул., д. 18, кв. 23.

²³⁴ Речь идет о секциях, организованных по инициативе Вяч. Иванова и Мережковского при РФО. Заседали секции в зале Народных университетов на Гагаринской ул., д. 16.

²³⁵ 24 нояб. 1909 г. в РФО состоялся доклад А. А. Каменской «Теософия и богостроительство», в прениях выступили Вяч. Иванов и Мережковский. См.: Теософия и богостроительство // Речь. 1909. 26 нояб. № 325. С. 4.

²³⁶ Церковь во имя преп. Исидора Пелусиотского — усыпальница митрополита Исидора (Никольского) — была пристроена в 1889—1891 гг. к алтарной стене церкви св. Николая Чудотворца и св. благоверного князя Феодора Ярославича Новгородского в Феодоровском корпусе Александро-Невской лавры (архитектор Г. И. Карпов).

²³⁷ Архангельский Александр Андреевич (1846—1924) — церковный композитор и регент, создатель первого в России смешанного церковного хора; Тернов Иван Яковлевич — регент хора Александро-Невской лавры.

Гроб крестил, как на «Строителе Сольнесе» однажды крестил.²³⁸

<21 сентября>

Утром пошел к Розанову. Говорил с Алекс<андрой> Михайловной и потом Вас<илием> Вас<ильевичем>. Ал<ександра> М<ихайловна> просит заходить к В<асилию> В<асильевичу>, он совсем одинок вечером<м>.

15-го окт<ября>. Был вечером у Розанов<а>, видел Вар<вару> Дм<итриеви>ну. И с Розан<овым> говор<ил>, с Альфр<едом> Юльевич<ем> Кайзеро<м>.²³⁹ Очень горячо гово<рили>, но все же суетно. Розанов слышит то<лько> себя и свое.

9 ноября 1910 г. <...> У Розанова был.

<14 декабря (после вечера памяти Вл. Соловьева. — О. Ф.)>

Назад шел со Столпнером.²⁴⁰ Он зашел ко мне за книгой Розанова «Темный лик».²⁴¹

1911

<23 января>

Домой пришел и виж<у>, А. Блок у нас с нашими сидит. И потом я с ним при лампадке говорил долго в своей комнате о самом важном. И сказал о Евангели<и> <...> и об действии его. <...> Это *первому*. Блок удержал<л> мен<я> мой <?> Розанов.

<24 января>

Вечером был у Розанова. Читал «Русск<ую> мысль», данную Ал<ександрой> Мих<айловной>. Очень интер<есен> Андр<ей> Бел<ый>: «Лев Толстой».²⁴²

<13 марта>

Был у Розанова. Разговаривали с Верочкой ихней, много смеялись, и потом Розанов со мною при прощании был так ласков, как никогда. Говори<л>: «спасибо вам за все то, что доставили вы моей семье».

²³⁸ Иванов вспоминает здесь 8 апреля 1905 г. Ср. в обработке дневниковых записей: «С Сашей и Е<вгенией> А<лексеевной> были в „Строителе Солнесе“ <так>. Сильное впечатление <...>. При последнем подъятии занавеса, когда ее вызывали, я у самой ramпы решил и благословил ее. Она увидела и благодарно с улыбкой глубоко-глубоко взглянула: и это было все, не надо мне ничего больше, и еще готов муки нести опять снова, чтоб этих глаз сиянием осенить» (ед. хр. 78, л. 15 об.).

²³⁹ Кайзер Альфред Юльевич — отставной корнет, знакомый Розанова в 1910-е гг.; упоминается в письме Розанова к Перцову (лето 1918) как «некто А. Ю. Кайзер» (Литературная учеба. 1990. № 1. С. 79).

²⁴⁰ Столпнер Борис Григорьевич (1871—1937) — писатель, переводчик.

²⁴¹ Речь идет о книге Розанова «Темный лик. Метафизика христианства» (вышла в конце 1910 г., на титуле: СПб., 1911).

²⁴² Речь идет о статье А. Белого «Лев Толстой» (Русская мысль. 1911. № 1. С. 88—94. 2-я паг.).

<14 апреля>

Придя домой, застал Алекс<андру> Михайлов<ну> и Веру Васильевн<у> Розанову у нас.

<17 апреля>

Был у Розанова. Верочки там нет.

<15 мая>

Пошел к Розанову. Говорил с ним сердечно, он велел передать Мережко<вскому>, что тепер<ь> он все искреннее думает о смерти. С Верочкой Розановой хорошо за чаем говорили. Был один Коноплянцев.

<9 октября>

Пошел к Розанову, но его дома нет. Пошел к Казанск<ой>, но по пути встретил Сашу.²⁴³ Он шел к Розанову, я его к нам привел.

Венера и за ней хвостат<ая> комета.

<14 октября>

У Мережк<овских> по поводу Розанов<а> стат<ьи> в «Нов<ом> времени». О них.²⁴⁴ «Отойди от ме<ня>, сатана».²⁴⁵ Мереж<ковский> проси<л> де<лать> реферат о национализ<ме> и Христиан<стве>.

<6 ноября>

Был с Ге у Розанова. Во время обеда Верочка Розанова заходила и звала. У Роз<анова> Флоренская.²⁴⁶

1912

12 февр<аля>. <...>

Вечером у Розанова. Нехорошо.

<15 февраля>

Был у Руманова. Он отправляет мою рукопись в Москву.²⁴⁷ Говорил о Розанове.

²⁴³ Речь идет об А. П. Иванове.

²⁴⁴ Речь идет о статье Розанова «Отойди, сатана» (Новое время. 1911. 14 окт. № 12784. С. 3).

²⁴⁵ Мф. 4: 10, 16: 23; Мк. 8: 33; Лк. 4: 8.

²⁴⁶ Флоренская Ольга Александровна (1890—1914) — художница, поэтесса, сестра свящ. П. А. Флоренского.

²⁴⁷ Речь идет о статье «О перемене общественного сознания» для газеты «Русское слово» (см.: ед. хр. 35, л. 27). Руманов Аркадий Вениаминович (1878—1960) — журналист, представитель редакции «Русского слова» в Петербурге.

5 марта. Читал «Пол, нация и религия» в Рел<игиозно>-филос<оф-ском> собрании.²⁴⁸ Голоса хвалили. Был Розанов с В<арварой> Д<митри-евной> и А. Блок пришел, ко<торый> и никуда не показывается, это мило. Люб<овь> Дм<итриевна> с Та<той> и Натой. Саша. Юрик²⁴⁹ и Холопов.²⁵⁰

9 марта. Ходил к Розано<ву> и Ал<ександру> Мих<айловну> не застал.

28 марта. Был у Таты и Наты. Видел чудо. Как на образе распятия белая окраска в чашах стала алой. Пошел к Мережковс<ким>. Был у них Струве.²⁵¹ Полчаса пробыл. Говорили. Очень интенсивно. Мережк<ов-ский> говори<т>: «вот как Женя определяет верно». Уезжал<и> Зин<аи-да> Ник<олаевна> с Философовым. Выходили когда, то всем н<ам> живо, как было на Рождестве <...> Я сказал, какое впечатлен<ие> произв<ела> на меня ее «Алая, ала<я> кровь».²⁵² Она поразилась. Говорила. Это любимей-шее ее стихотворен<ие>.

Был у Розанова и прошел с ним пеш<ком> до «Нов<ого> вре<мени>». Говорили.

15 апреля. Был утром (воскресенье) на могиле Веры Федоровны Комиссаржевской. Прослушал обедню и, идя назад, видел похороны еврея. <...> Вечеро<м> был у Алекс<андры> Михайлов<ны> и у В. В. Розанова. Говорили важн<ое>.

22 сентября

<...> А 20-го я у Розанова. Ал<ександрой> Мих<айловной> был вызван письмом, котор<ое> приносила во вихрь Наталия Аркадиев<на> Вальман.²⁵³ А о чем дело: это я помню, о Вере.²⁵⁴ Нас<тала> и беда. Вас<илия> Вас<ильевича> уговорить, чтоб не писал открытых писем.²⁵⁵ Несчасть<е>. Летом я все время думал об этом <...> Ребенок девочка. Я с В<асилием> В<асильевичем> до 1 1/2 <ч.> проговорил в его кабинете, когд<а> все кру-

²⁴⁸ Отклик это выступление, по-видимому, не вызвало. В рубрике «Сегодня» газеты «Речь» сообщалось: «8 1/2 ч. веч. в религиозно-филос. о-ве (в помещ<ении> польск<ого> о<бществ>ва любителей изящн<ых> иск<усств>, Фонтанка, 83) доклад Е. П. Иванова: „Нация и религия“» (Речь. 1912. 5 марта. № 63. С. 6).

²⁴⁹ Юрик — Дюков Юрий Николаевич, сын Н. М. Дюкова.

²⁵⁰ Неустановленное лицо.

²⁵¹ Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — общественный деятель, экономист, публицист, философ, редактор журнала «Русская мысль» (1908—1918).

²⁵² Речь идет о стихотворении Гиппиус «Кровь» (1901): «Я призываю Любовь, / Я открываю Ей сердце. / Алая, алая кровь, / Тихое, тихое сердце...».

²⁵³ Вальман Наталия Аркадиевна — учительница немецкого языка в семье Розановых, близкая подруга А. М. Бутягиной. В 1912 г. А. М. Бутягина и Н. А. Вальман снимали квартиру на Ивановской улице (см.: Розанова Н. В. Из моих воспоминаний // Литературоведческий журнал. 2000. № 13—14. С. 66). «Она была очень способная, блестяще окончила Раевские курсы, а потом университет. Мои родители ее не любили. <...> Аля очень любила Наташу, а та была рабски ей предана» (Там же). Розановы с осени 1912 г. жили на Коломенской улице (д. 33, кв. 21).

²⁵⁴ О состоянии Веры Розановой в то время (до лета 1913 г.) см.: Розанова Н. В. Из моих воспоминаний. С. 94—99, 103—104, 127—132.

²⁵⁵ Возможно, речь идет о статье Розанова «„Государственный“ ли русский (Ответ г. Философому)», подписанной криптонимом «N» (Новое время. 1912. 5 сент. № 13105. С. 3).

гом спали. Просил, если будет <нрзб.> энергию, сказат<ь>, он обещал. Бедный.

5-го октября <...> Был на могиле.²⁵⁶
Пот<ом> у Розанова.

1913

14 апре<ля>. <...> Вечером у Розановых. Вера очень хороша.

<10 мая>

Я был у Розановых. Старшие уехали в Бессарабию.²⁵⁷

26 мая. Воскр<есенье>. Ездил с Верой Розан<овой> и Надей²⁵⁸ на пароходе, волны, к Спасит<елю>.²⁵⁹ Но не пошли <...> Безалаберно поехали на Выборг<скую> сторону. Это ошибка. <...> Я мямлил. <...>

29 мая. Ездил с Верой Розаново<й> в Лун<а>-пар<к>,²⁶⁰ к<оторый> у церкви <...>, бы<ли> и у Мед<ного> Всадника.

<8 сентября>

Вечером пошел к Розан<ову>, не застал и пошел к Крестному.

<11 сентября>

Был в<ечером> у Розанова. Он не пришел.

<5 октября>

Получил письмо от А<лександр> Михайловны. На помощь? <...>

6 окт<ября>. Днем был у Таты, писал об иконописи у них.²⁶¹ Вечером у Розановых. Заговорили с Верой Розанов<ой> и Ал<ександрой> Мих<айловной>.

22 октября. С тревогой встал. Пошел в Церковь Синодальную. Там встрети<л> В. Розанова с Надей и Васей.²⁶² Это церковь, начин<ая> с нее был<а> судьба.²⁶³ <...>

²⁵⁶ Подразумевается: на могиле В. Ф. Коммиссаржевской.

²⁵⁷ «В 1913 году, летом, родители поехали в Бессарабию, в имение Апостолопуло, близко-го друга моих родителей. <...> В это лето отец мой написал книгу под названием „Сахарна“ (так называлось поместье Апостолопуло)...» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 67—68). Вскоре сюда приехала и одна из дочерей, Варя. Речь идет об имени Е. И. Апостолопуло (урожд. Богдан, 1857—1915).

²⁵⁸ Розанова Надежда Васильевна (1900—1956) — дочь Розанова.

²⁵⁹ Речь идет о чтимой иконе Спасителя, принадлежавшей Петру I и хранившейся до 1917 г. в Домике Петра (ныне в Спасо-Преображенском соборе).

²⁶⁰ Возможно, речь идет о Луна-парке на Офицерской улице.

²⁶¹ Фрагменты этой статьи сохранились в коллекции М. С. Лесмана (ИРЛИ, ф. 840).

²⁶² Вася — Розанов Василий Васильевич (1899—1918).

²⁶³ Речь идет о церкви во имя св. благоверного князя Александра Невского при Училищном совете Св. Синода (Кабинетская, д. 13), освященной в 1901 г. В этом храме (Иванов называет его

Был <с> Сюннерберг<ом>²⁶⁴ и с Ге у Розанов<а>. У Мереж<ковского> Гипп<иус> не принял<и> меня.²⁶⁵

<18 ноября>

Скорби<т> душа. Был с Розановым в редакц<ии> «Нов<ого> вр<еме-ни>», писал он опровержение стат<ьи> своей.²⁶⁶ Хороши<й> он в глу-бин<е>. На нем показывает Господь, как надо под солнце<м> не бояться грязи погибающих.

1914

1 янв<аря>. <...> А вечером был у Розанова.²⁶⁷ И он говорил, хоче<т> к Гиппиусу²⁶⁸ идти, влечет. И когда выш<ли> на темн<ую> лестниц<у>, сбежала Вера Роз<анова>. И взяв за руку, говор<ит>: «Евг<ений> Пав<лович>, толь<ко> веруйте всегда так, как в<ы> верует<е>, веру<йте>, по<тому> ч<то> я верую. Я иног<да> хот<ела> сказат<ь>, но у меня нет слов!».

Я сказа<л>: «хот<ь> без слов, но уловил».

17 января. <...> по поводу исключения Розано<ва> из собран<ий> написа<но> в «Речи»²⁶⁹ и даны мотивы ей, когда я был на панихиде Резцова,²⁷⁰ выяснилось все.

<19 января>

Был вечером на рел<игиозно>фил<ософском> собра<нии>, за Розано<ва> голосо<вали> многие. И изгнание пока не состоялось за неимением

«Ново-Синодальным», в отличие от Митрофаниевского Синодального подворья, о котором см. примеч. 135) он впервые сознательно причастился в апреле 1902 г.

²⁶⁴ Сюннерберг Константин Александрович (псевд. Конст. Эрберг; 1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт.

²⁶⁵ Описанные события происходили вскоре после 19 октября, когда на заседании РФО прозвучали призывы к исключению Розанова из Общества. См.: Иванова Е. В. Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-Философского общества // Наш современник. 1990. № 10. С. 105—106 (далее — Иванова).

²⁶⁶ Возможно, речь идет о каком-то опровержении статьи «Наша кошерная печать», опубликованной Розановым в «Земщине» 22 окт. 1913 г. 14 нояб. прошло заседание Совета РФО, постановившее предложить Розанову выйти из членов Общества.

²⁶⁷ До этого, 11 дек. 1913 г., прошло заседание РФО, на котором «было решено вынести вопрос об исключении Розанова на общее собрание совета» (Иванова. С. 106).

²⁶⁸ Речь идет о поэте, прозаике, критике и педагоге Владимире Васильевиче Гиппиусе (1876—1941), троюродном брате З. Н. Гиппиус, который сочувствовал Розанову, но поддержал идею его исключения из РФО. См.: Иванова. С. 105.

²⁶⁹ Подразумевается заметка: Вопрос об исключении В. В. Розанова из религиозно-философского общества // Речь. 1914. 17 янв. № 16. С. 3.

²⁷⁰ Резцов Николай Александрович (1854—1914) — городской голова Петербурга в 1905—1910 гг., экономист; друг П. А. Иванова. См. некролог: Фальборк Г. Н. А. Резцов // Речь. 1914. 17 янв. № 16. С. 2. Скончался он 16 янв., погребен 19-го. См.: Похороны Н. А. Резцова // Речь. 1914. 20 янв. № 19. С. 3.

единства.²⁷¹ Вяч. Иванов появился. Напряжени<е> небывалое. Пото<м> доказ<ывал> Чулков.²⁷² Мережковск<ий> в недоумении.

Карташев видел во сне, что я в слезах упал к нему на плечи и говори<л>: «Если изгонят Розанова, то надо изгнать<ь> и всех, кто не проти<в> изгнания». Он: «Да». Я подал в конверте, взял — и он не знал, что делат<ь> со мн<ой>. <...>

Сегодня годовщин<а> моего реферата, и как переменяли<сь> роли.

<21 января>

Был у Полик<сены> Серг<еевны>. Там Венгерова²⁷³ и с ней из-за Розанова столкновение.

22 января. <...> Спорил с Морозов<ым>²⁷⁴ из-за столк<новения> <нрзб.> о Мережков<ких> как о пустых <нрзб.>.

<26 января>

Пошел на собра<ние>.²⁷⁵

Там Розанова судили Мережковские.²⁷⁶ <...> Я говорил.²⁷⁷ Карташ<ев> обомлел. Резолюци<ю> переменяли. Уступка минимума <нрзб.> выраже<н> и считает совмести<ть> дру<жбу> с Роза<новым> невозмо<жно> ни за как<ие> общ<ие> дела.

Грандиозно собран<ие>. Мережковск<кий> меня не простил.

Ехал назад с Вер<ой> Розанов<ой>, она верит.

9 февр<аля>. <...> Вечером был у Розанова, там генерал в отставк<е> стары<й> Бабков²⁷⁸ (?) камни переворачивает каж<дый> день и в простоте правду обретает.

Веру видел Розанову. Она не успела записку.

<11 февраля>

Я отправился потом к Карташеву. Ревизоват<ь> кассу. И от Розанова говори<л>. Предложил мне Карт<ашев> читат<ь> доклад.

<23 марта>

Пошел к Карташе<ву> <...>

Карташ<ев> болен, и когда я сидел в соседней комнат<е>, он видел в полусне разграблен<ый> город татарами, нашестви<е> и дума<л> в каких костюмах были они.

²⁷¹ См.: Иванова. С. 108.

²⁷² В тот же вечер в РФО слушался доклад Г. И. Чулкова «Оправдание символизма».

²⁷³ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1942) — литературный критик, переводчица.

²⁷⁴ Неустановленное лицо. Возможно, Николай Александрович Морозов (1854—1946) — революционер-народоволец, поэт, писатель-мистик.

²⁷⁵ См.: Иванова. С. 108—109.

²⁷⁶ Накануне, 25 янв., в «Новом времени» была опубликована статья Розанова «А. С. Суворин и Мережковский (письмо в редакцию)», чрезвычайно задевшая Мережковского.

²⁷⁷ По-видимому, выступление Иванова не было занесено в протокол.

²⁷⁸ Возможно, Николай Игнатьевич Бабков.

Говори<ли> о предстояще<м> сражени<и>. Он хотел битвы. Но потом болезнь <нрзб.>.

Весь вечер писал в Собрание, но утром перебелил и <нрзб.> <...>

<30 марта>

Вечер<ом> у Розано<ва> был. С Веро<й> неладно, не видал.²⁷⁹

<6 апреля>

У Розанов<а> вечером был. От Дункан пришл<а> англичан<ка>,²⁸⁰ и Вера пот<ом> вышла со мн<ой> и говорила. Мирна и тиха. Дай Господи им всем радости.

1915

24 мая

Сегодня утром Вася Роза<нов> привез вещи. Светильни<к> масонс<кий>, звон<ок> и бюст Страхова и греч<ескую> вазу и карти<ну> Таты.

Воспоминания

1902 г.

<фрагмент>

С 30/VI—12/VII—18/VII—11/VIII¹

После собрания у Мережковских 21-го апреля (1902 г.) я возгорел желанием высказать ему письменно мой образ мыслей, не высказанных в тот вечер, но пришедших в голову потом под впечатлением слышанного на собрании.

«А вы, Евг<ений> Павлович, ни одного слова не сказали!» — заявила в конце вечера Зин<аида> Ник<олаевна> Гиппиус, и отчасти эта фраза подзадоривала меня объясниться письменно.

Я написал письмо и, насколько помню, сравнивал себя в нем с «безобразным серым утенком» из сказки Андерсена «Серый утенок». Этот потом оказывался лебедем.

²⁷⁹ Вскоре после этого, летом 1914 г., Вера Розанова стала послушницей Воскресенско-Покровского монастыря близ Луги (по Н. В. Розановой — в Псковской губернии, в нескольких верстах от Плюссы), в конце года она вернулась в Петербург тяжело больной (*Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 70; Розанова Н. В. Из моих воспоминаний. С. 159—170*).

²⁸⁰ *Дункан Айседора* (1877—1927) — американская танцовщица, творчеству которой Розанов посвятил несколько статей, вошедших в книгу «Среди художников» (1913). «Весной в 1914 году в Петербург приехали ученицы Айседоры Дункан. Сама она не приехала. В зале консерватории был объявлен вечер их танцев» (*Розанова Н. В. Из моих воспоминаний. С. 147*). *Англичанка от Дункан* — секретарь А. Дункан Алиса Франк. О ней и о приезде ее к Розанову см.: Там же. С. 151—152.

¹ Указанные здесь даты отсылают к тетради 1936 г., в которой записывался предыдущий вариант воспоминаний.

То же сравнение я переносил и на Церковь. Она кажется в исторических наслоениях своих таким же «безобразным утенком», а на самом деле сущность Ее лебединая. Свою миссию по отношению к Церкви я сравнивал с миссией «свата»; я хотел сватать церковь Мережковскому, как белого лебедя или белого голубя.

На письмо ответа не последовало. Но на Религиозно-философском собрании сразу заметно было холодное отношение ко мне со стороны Мережковских. Они оба как не замечали меня и избегали заговаривать.

Но во время перерыва я, проходя мимо Зин<аиды> Нико<лаевны> Гиппиус, услышал вслед многозначительное и насмешливое замечанье, прозвище «сват».

Я сперва не сообразил в чем дело, думая, что письмо читано только Мережковским, но при выходе из собрания опять услышал насмешливо<е> прозвище «сват» с «серой голубицей», под последней разумелась Церковь историческая. Мережковский при прощаньи ничего не сказал и показывал вид полного охлаждения.

Я возмутился и горел желанием чем-нибудь доказать нешуточность своих чувств к Церкви, затемненной историческими наслоениями, но тем не менее подлинной; хотелось в доказательство по молодости лет что-нибудь «выкинуть», ну хоть на огонь руку положить, как «Муций Сцевола», и т<ому> под<обное> и этим показать верность и твердость свою.

Но в общем ничего не вышло, хотя я с такими «героическими намерениями» и отправлялся на воскресенье к Розанову.

В результате следующая запись от 6-го мая 1902 года.

«Кончена комедия. Шел принять „испытание огнем“, по-древнему, а окупился в грязь, мерзость!

Совсем не то, совсем не то. Вышло хуже всего!

И в то же время это очень хорошо, так и надо. Опять уйду в свою конуру, в одиночество. Не в свои сани не садись». Что же вышло такое. Не было у Розанова Мережковских. (И это я объяснил себе тем, что они не желают со мною встречаться после письма о сватовстве с Церковью, касающемся их.) Был Минский, производящий на меня впечатление напившегося паука, и еписк<оп> Антонин... И какой-то, черт его дери, студент в серой тулупке. В кабинете Василия Васильевича Варвара Дмитриевна, жена его, обратилась ко мне и сказала: «Евгений Павл<ович>, мой муж от вас в восторге. Вы такое ему озарение своими ответами даете!». На что я заметил, что «Вас<илий> Вас<ильевич> такой добрый, что свое приписывает мне!».

Когда шли в столовую, В. В. Розанов сказал вдруг, что «мы Вас (т. е. меня) женим!». Я с ужасом отнекиваться стал, сказав, что мне всего 22 года. Потом за чайным столом В. Вас. Розанов опять заявил, что «мы Вас женим», «у вас пренаивнейшие глаза!». Я опять с ужасом отстранился от этого намерения и заявил о недостатках средств и что я не должен покидать сестер и мать.

Вопрос перешел на сестер и в оскорбительном тоне, что нехорошо-де, что они дома все сидят и замуж не выходят.

Что женщина в 5 раз становится добрее, когда у нее является ребенок. («Вообще берегись!»)

Затеялись танцы. Я совершенно не способен танцевать. Глупо как-то. Скучал, не зная куда деться. Тут был еще известный священник Григорий Петров губошлеп.

Я с ним заспорил из-за Ивана Коневского, утонувшего поэта, уверяя, что он совсем не сумасшедший, а настоящий поэт. И о Врубеле как пейзажисте.

Петров самоуверенно апломбно уверял о «безумстве» Врубеля, сказавшемся в пейзажах.

Потом о водке я крайне резко с Петровым говорил против его «трезвости», которая беднее пьянства. В глазах Петрова я был сведен к нулю.

Но это меня не оскорбляло, а вот что В. В. Розанов при прощании сказал — это прямо-таки убило.

Дело в том, что Розанов во 2-ом часу ночи в прихожей вдруг спохватился: «Где этот наш рыжий студент: он поедет с нами кататься в белую ночь». Я сразу на попятный и говорю, что — «нет», «не могу: у меня дома беспокоятся».

И тут произошло самое неприятное. В. В. Розанов вдруг резко сказал: — А ну вас совсем: не хочу и прощаться — *надоел*.

Вот какое последнее слово ужасное и заключительное услышал я: и вместе с тем хорошо, что решающее.

Ухожу опять в свою конуру, как улитка в раковину, слишком сильно высунулся и сейчас же по «рожкам» улиточным попало, «надоел». Да, именно, я везде надоедаю, не сержу, не злю, не радую, а только надоедаю: как Манилов: сперва покажется приятным, а потом отойдет от него всяк и скажет «черт знает что такое».²

После этого инцидента 6-го мая я почти две недели не был у Розанова. И успел в этот промежуток написать ему письмо, где высказал печаль свою по поводу того, что «надоел». Там же я опять писал о Церкви и о Мережковском и о В. В. Розанове, возлагая надежды на то, что своею надоедливостью не помешал их единству в одном деле, приводящем всех к глубинам сокровенным в церковной мудрости еще с языческих времен.

В ответ на мои разглагольствования и самоуничужения получил письмо от Вас<илия> Вас<ильевича> 18 мая 1902 г. Он пишет следующее. И это было последнее письмо его ко мне.³ <...>

От этого письма я воспрянул духом, повеселел и запрыгал. Значит, еще «не надоел».

Спешу 19 мая к Розанову.

Звоню. После 3-го звонка отворили дверь и впустили. На вопрос, дома ли Вас<илий> Вас<ильевич>, ответ — дома. Только у нас гостей нет сегодня. На дачу собираются.

Но я все-таки вошел и сел в гостиной. Никого не было. Потом решительные шаги послышались из соседней комнаты, где была спальня Вас<илий> Вас<ильевича>, и вышел он.

Я не знал, как выразить ему свою признательность. Бросился к нему навстречу, желал обнять, но не решился и поник головой.

² Цитата из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (ч. 1, гл. вторая).

³ Опускаем здесь текст письма, поскольку оно публикуется выше по автографу.

Он успокаивал меня: «Садись, садись тут, сейчас чаю выпьем». Дайте чаю. Пьем чай.

В. В. Розанов, как бы продолжая свое письмо ко мне, говорит: вы напрасно так сближаете Христа, Мережковского и его (В. Розанова). Что здесь на Христе они расходятся. Что В. В. Розанов считает Христианство противоречивым семье и, по его, надо его устранить, а вернуться к древним Велесам и Ладам.

Я стал пытаться возражать, что не семейным кругом разрешается вся мировая трагедия и что в любви являются такие образы, которые кажутся противоположными семейному и брачному началу, по крайней мере в обычно<м> человеческом отношении. И сказал тут об Комиссаржевской Вер<е>, как ее образ представлялся мне в юношеской любви.

Розанов в «Ежегоднике театров» посмотрел на портрет Комиссаржевской и нашел, что у нее лицо «манерное» и деланное. Я огорчен был этим.

Тут раздался звонок и пришли еще гости. Это был<и> из Духовной академии двое: один «бледный» — это был Карташев, а другой «Розовый в очках», это был Успенский В. В. В<асилий> В<асильевич> смеясь указал мне на «Розового» и сказал, что наше «духовенство» настоящие «Велесы», хоть и говорят о христианском аскетизме.

Пришел Мережковский с Гиппиус. Опять за столом сидели так, как в первое мое знакомство с Розановым. Налево от меня Мережковский, направо Розанов. Я обратился к Мережковскому с извинением, что назвал себя «свatom». Он мне в ответ, что нисколько на это не обиделся и что у него был готов ответ, но теперь он забыл сам какой. Я спросил его о двух безднах, об «идеале Мадонны» и «идеале Содомском» по Достоевскому.⁴

А он мне в ответ, что «идеала Содомского» не существует.

Затем составляли письмо Плеве (министру внутрен<них> дел).

Мережковский дал мне прочесть письмо студента Фридберга Д. М. Я не мог разобрать почерк и ничего не понял. Сказать же об этом постеснялся, промолчав с глубокомысленным видом.

Потом спросил Мережковского, как трудно, должно быть, мои письма читать: ничего не понять? Мережковский в ответ:

«Нет, ваши письма ясны не всегда, но понятны».

Затем, когда зашла речь о том, что с Церковью делать, Розанов сказал, что Ее надо всю прочь, что православно, то и Церковь.

Мережковский повернулся ко мне и со смехом сказал: «Вот он что скажет?!».

Я отвечаю: «Неужели откинуть и ее „О Тебе радуется всякая тварь“?».

Мережковский: «Нет! все это будет, будет!».

В это время облака на горизонте совершенно разошлись, и на фоне зари силуэт церкви выступил черным остовом. Мережковский обратил внимание всех на это и сказал: «Мы вот тут говорим, а какая декорация за нами в окне».

Потом о браке и свободном союзе женщин с мужчинами.

В. В. Розанов говорил, причем склонялся к свободе половых отношений. Я спросил о ребенке, куда его деть, и затем сказал, что разделение по-

⁴ См. примеч. 109 к дневниковым записям.

лов есть результат появившегося зла, а не зло есть результат разделения полов. В детях же чувствуется, относительно конечно, половое единство. Мальчики и девочки так схожи по лицам. Это приближает их к божественному естеству Бога и ангелов.

Во время разговора о «свободной любви» В. В. Розанов обратился к другому Вас<илию> Вас<ильевичу> (Успенскому) «Розовому» из Духовной академии, сидящему рядом с Гиппиус и млевшему от ее близости: «Вы отсаживайтесь от нее, не надо, а то она сейчас всех в себя влюбит!».

А потом: «ну вот я возгорелся, почувствовал в себе Бога к ней (т. е. к Гиппиус), что же? Вы и ответите утвердительно».

Это было его возражение настоящее против легкомыслия решения вопроса о свободе полов.

Все, конечно, не утвердительно промолчали.

А Варв<ара> Дмитр<иевна>, жена Розанова, даже взволновалась:

— Вот Вас<илий> Вас<ильевич> всегда так, неровен, то он всего вот так обьмет, примет, а то вдруг оттолкнет. И Евг<ения> Павловича обидел прошлый раз, прощаться не захотел, «надоел» сказал. Он даже об этом письмо написал.

Вас<илий> Вас<ильевич> Розанов при прощании теперь расцеловал и сказал: «приходите осенью после „дачи“, я вас со своими детьми познакомлю».

Все гости сразу ушли в 2-ом часу от В<асилия> Вас<ильевича> и шли по Воскресенскому проспекту, провожая Мережковского и Гиппиус. «Розовый» Успенский шел под руку с Гиппиус, я с Мережковским. Жили они на Пантелеймоновской у Спаса Преображения.

Я спрашивал Мережковского о многом. Спрашивал, видит ли он в диске солнца как в нимбе лик Христа?

Мережковский в ответ: «Солнце-Христос это пантеизм!».

Я — «не солнце Христос, а Христос и в Солнце, как Пантократор».

Мережковский не возражал. Но указал на зарю утреннюю. Она разгоралась багряно и зловеще.

Спросил Мережковского, скоро ли он думает кончить своего «Христа и Антихриста» трилогию.

Мережковск<ий> — «через 5 лет».

Я — «у вас все-таки за это время будут изменяться взгляды».

Мер<ежковский> — «Да». Можно будет посмотреть, как они изменятся.

Я — «Ведь в „Юлиане“ и „Воскресших богах“ нет почти изменения в сравнении с тем, что мы читаем <в> работе его „Толстой и Достоевский“».

Мереж<ковский> — «Нет, изменения глубокие есть».

Я — О значении «обожания» или «обожения», вложенного в психологию людей особенно в юности. Что через это «обожание» открывают видимо и изображаются боги и Бог. И смена этих ликов Бога в истории выражается низвержением идолов и воскресение<м> богов и Бога в новых ликах и именах.

Что «обожание»-обожение связано с крыльями и полетом над безднами, потому когда изображали обожествленную природу и Бога в виде зверей, то зверей изображали «крылатыми».

Разговор шел хорошо, но под конец я к чему-то сказал про В. В. Розанова:

— «Дмитрий Сергеевич, ведь В. В. Розанов — язычник?»

Мережковский резко оборвал — «ну в таком случае и я тоже язычник».

Это было глубоко верно и полное мое непонимание глубин Розанова обнаружило.

Хорошо, что в этот вечер у Розанова не было В. А. Тернавцева, которого я с его смехом принимал за дьявола.

После этого наступил большой перерыв. Все разъехались по дачам, и собрания прекратились.

Я вернулся всецело в свою семейную жизнь.

Моя привязанность к старшему брату Александру Павловичу Иванову, бывшая с раннего детства, теперь еще более выросла и окрепла. Чувство глубокой благодарности ему за все, что он мне дал, давая направление в чтении и в интересах к журналам, таким как «Мир искусства», вызывало во мне еще жажду чем-нибудь угодить, порадовать его, ввести в тот круг людей, с которыми я познакомился и которыми интересовался и брат Саша. <...>

Летом много было передумано и записано. Я начинал пробовать писать, но неудачно, где старался писать, выходило тяжело и нудно обособленно. <...>

Осенью, приехав в город, я понес некоторое огорчение.

У Розанова не принимали по случаю продолжительной болезни жены Розанова. Эта болезнь была первым зловещим толчком в семейной жизни Розанова.

На Религиозно-философских собраниях В. В. Розанов был грустен. Жена свои болезни приписывала наказанию за грехи кощунства и противоборства Христианству, начавшемуся у Василия Васильевича.

Так до 1-го января 1903 года я и не бывал у них и у Мережковских бывал редко. Все неудачно приходил и не заставал.

В это время свои искания и выводы из недоумений я искал где бы проявить. В университете появилось объявление о «Христианском кружке учащейся молодежи». Этот кружок организовывался под руководством некоего Б. Никольского,⁵ когда-то еще раньше организовавшего в Университете кружок начинающих поэтов.

Этот кружок учащейся молодежи имел целью подорвать влияние новшеств интеллигентских в религиозных направлениях и основывался в противовес «Религиозно-философским собраниям или интеллигентским неохристианским течениям в них».

Я, конечно, вошел в этот кружок и принят был очень гостеприимно.

У меня была определенная цель — не злая, но стремящаяся своими вопросами и выступлениями подрывать основы этого кружка. Я познакомился с главными руководителями из молодежи в этом кружке, студентами Аникиным (будущим священником) и П. Верховским. У Верховского я

⁵ См. примеч. 184 к дневниковым записям.

был даже в доме и познакомился с его семьей. Его сестра была «сестрой милосердия» и была умнее и тоньше своего брата.

Отношение ко мне было симпатичное. Поили на собраниях всех даровым чаем; на Рел<игиозно->фил<ософских> собрания<х> за чай платили гривен<и>ики и пятачки. Мои выступления встречались очень сочувственно как возбуждающие волнения и заставляющие собрание делиться интересными.

Вопросы выставляемые составлялись остро и вызывали откровенные разговоры. Это привлекало и делало интересное дело. Но как-то все осталось в пределах интересности.

Я уже начинал сердиться и вести себя вызывающе, но все же умеренно. Кончилось это у меня не совсем-то красиво год спустя.

Я по неосторожности оставил соседу-студенту записку, что собрания эти ни к чему не ведут и что все это не то. Записка была передана по начальству, и меня исключили из собрания как замаскировавшегося новопутейца, желавшего сорвать дело. Получился скандал. Все произошло без меня. И мне Григ<орий> Петров свящ<енник> сказал только, что меня страшно ругали и чуть не послали вслед проклятие, которое, может, я и чувствовал.

Но я забежал несколько вперед.

А в это 1 января 1903 года я у Розанова был впервые познакомлен с его детьми: то есть то, что он весною обещал мне, исполнилось.

Тут в новый год и в день именин хозяина пришел П. Перцов, издатель «Нов<ого> пути», к которому все обращались с вопросами: «Скоро ли и когда выйдет первый номер этого журнала». И Перцов, глуховатый на ухо, терпеливо всем равномерно отвечал одно и то же, что в конце января. И многие условия двойной цензуры, светской и духовной, сильно затрудняют выход журнала вовремя.

Меня приглашали участвовать в этом журнале как умеющего писать. Это мне льстило и подзадоривало. Страсть как хотелось сделаться писателем. А как начнешь «писать» с намереньем «по-писательски», ничего не выходило. Но я все думал, что выходит.

И Розанову принес статью, где разбирал единство трех начал в семье, Материн<ского>, Сестри<нского> и Невестинск<ого>, и что они в чем-то в глубине едины, и сравнивал их с тремя грациями, троице<й>, которая выражала трех богинь древности, Гера-мать, Диана-сестра (девств<енное> начало) и Афродита-невеста жениха начало.

Розанову нравилось, это было в связи с его статьей «Афродита и Диана», но он куда-то рукопись потерял.

Перцов от себя звал меня в «Нов<ый> путь» из вежливости.

Я сделал попытку писать стихи о луне и соснах в лунном свете, где луну сравнивал с Женихом, называя — «подземным солнцем».⁶

⁶ Вероятно, именно это стихотворение он прочитал Блоку. Ср. в воспоминаниях Иванова: «...Ал<ександр> Ал<ександрович> хотел опять узнать, не пишу ли я стихи и как. Я наконец шепотом пробормотал свои „попытки“.

Уходили сосны в небо ночное,
Замирая в неге под лобзанием месяца,

Послал Перцову с просьбой не говорить никому, не показывать, а просто в случае неудачи послать ко мне. Так он и сделал. Я получил обратно свои стихи с пометой «не подходит». Это меня сильно ушибло.

Я написал тогда статью о храме и послал Мережковским.

Поднялся общий протест. Розанов, всегда стоящий за меня, тоже возмутился и сказал, что статья «клерикальная».

Гиппиус проходу не давала при встрече в Религиозно-философск<ом> собрании 9-го января и говорила мне: «Желаю вам быть меньше „православным“, в вас какой-то бес православия». Этот «бес православия» сильно меня уязвил и мучил.

Не могу припомнить, что я тогда им написал, что они так все восстали. Должно быть, я забыл, что говорю не в «Христианском содружестве учащ<ейся> молодежи», где и такое-то письмо показалось бы новшеством опасным.

Но, одним словом, совсем меня заклевали и прозвище «бес православия» с «серой голубицей» не сходило с уст особенно Зин<аиды> Ник<олаевны> Гиппиус.

Я тогда написал лично им письмо, где корил себя, что не сумел выразить, что хотел, и сыграл действительно роль беса, который отталкивает от Церкви, приглашая войти в нее, как бес. Привел тут свой сон, где мне снилось, что я борюсь с чертом, но он меня одолевает и душит за горло. Когда проснулся, увидел, что я сам себя душу за горло руками во сне. В этом я видел нечто очень значительное, что доказывало мою порочную чертовщину. В конце письма пишу, что хорошо, что еще беса вижу, а то хуже, когда не видишь в себе черта и незаметно с ним «акклиматизируешься».

Письмо произвело нежданно-негаданно фурор. Мережковский сам пошел и, крепко жмя руку, говорил: «какое вы замечательно<е> письмо написали. И как поразительно<но> это акклиматизироваться с чертом».

Зин<аида> Н<иколаевна> Гиппиус тоже не находила слов в похвалах. Письмо читалось всем их знакомым.

Между тем уже выходил 2 № февральский «Нов<ый> путь», а ни одной вещи, написанной мною, не появлялось. Приготовлял<ся> уже 3<-й> выпуск мартовский, и там то же. Я грустил, ибо уже заражен был зудом и надеждой стать писателем. Мечтал писательством, не оканчивая университет, не поступая на службу, зарабатывать на существование. Эти мечты пагубно действовали на меня. Из попыток писать как писатель ничего не выходило. Если и писалось что<-то> более интересное, так нечаянно в письмах, а не в «произведениях».

В марте месяце приглашен был на вечер открытия «Нового пути» с чаепитием и угощениями.

Приглашение почетное.

Помещение было где-то на Невском у Надеждинской.

От него ревнивые меня заслоняли,
На землю длинные тени бросали.

Уже бормоча их, я видел, что плохо. Я твердил, что они совсем непонятные. Блок, напротив, удивлялся, что тут непонятного, но удивлялся также, видимо, их бездарности и короткости) (А. Блок и Е. Иванов. Переписка. Воспоминания. М., 2007 (в печати)).

На этом собрании вечернем произошло то пожелание Д. С. Мережковского, которое он высказал при первом моем посещении его, а именно — «Вам надо познакомиться с Блоком». ⁷ <...>

Я пришел сравнительно поздно, не к началу, и застал всех сидевшими за столом. У самовара сидела как хозяйка вечера З. Н. Гиппиус, разливая чай, рядом с ней за углом Ал. Блок. Я сразу понял, что это он по той значительности.

У меня было не совсем доброжелательное отношение к Блоку. Меня обижало, что в противовес мне советовалось постоянно знакомство с Блоком со стороны Мережковского и Гиппиус. Фамилия мне тоже ничего не говорила. И почему, казалось мне, так нужно знакомство с поэтом Блоком, я свои задания считал не в поэзии. Но когда я увидел лично лицо Блока, то сразу весь привлекся к нему и желал сам как можно теснее сблизиться с ним.

Меня посадили рядом с ним. Он в это время говорил с соседкой своей Т. Н. Гиппиус по поводу альбома ее рисунков. По другую сторону с Гиппиус сидел почтенный Ф. Сологуб-Тетерников маститый. <...>

Сам Мережковский был не в ударе, у него болели зубы, и он с бледно-искаженным лицом больше молчал.

Был тут Репин, как сотрудник «Нов<ого> пути» необычайно сочувственно глядевший на молодежь и готовый идти навстречу исканиям. Но Репина рас<с>траивало присутствие представителей журнала «Мир искусства» с А. Бенуа во главе. Был Дягилев, худож<ник> Сомов, Бакст, компания «Мир искусства» держала себя обособленно от Репина. С Репиным больше говорил Розанов и Мережковский. Последний, видимо, томился, что ему выпало на долю занимать знаменитость.

Бенуа разговаривал с Гиппиус, со мной и Вилькиной Изабел<лой> Афонас<ьевной>. ⁸ Я говорил А. Бенуа о впечатлении от его декораций к «Гибели богов» Вагнера на Мари<и>нской сцене. Он жаловался, что не пускают света в той мере, какую он желал. И признавался, что лучше всего ему самому понравилась сцена с факелами при созрении Зигфрида. ⁹

Вообще как всегда А. Н. Бенуа был прост, любезен и крайне симпатичное впечатление производил. Но неприятно было его подсмеивание над Репиным, он вздыхал, глядя на него и подсмеиваясь, показывал, что все, что тот ни скажет, выходит глупо. Мне было неловко. <...>

На тех же вечерах у Розанова познакомился я еще с молодым студентом Ге Николаем Петровичем, внуком знаменитого художника Ге. Он моложе был меня года на три и уже выступал с критически-художественными статьями в «Мир искусства». <Его^a> ближайшим другом и отчасти воспитателем его вкусов был художник Яремич, ¹⁰ один из видных участников «Мира искусства».

^a В автографе: я.

⁷ Ср. в воспоминаниях Иванова о Блоке (Блоковский сборник. [Сб. 1]. С. 362).

⁸ Речь идет о поэтессе *Изабелле (Людмиле) Николаевне Вилькиной* (1873—1920), в замужестве Виленкиной, жене Н. М. Минского.

⁹ Ср.: *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. Кн. 4—5. С. 375.

¹⁰ *Яремич Степан Петрович* (1869—1939) — художник, искусствовед.

Этот молодой студент с розовыми щеками и детскими глазами производил на первый взгляд странное впечатление своей не вяжущейся с общим обликом саркастической улыбкой. В глазах была почти всегда детско-гениальная грусть или усмешка (смеяться он не умел). И только во время сильного возбуждения глаза горели возбужденным огнем чего-то решительно-го, от чего можно было ожидать и смелого подвига.

К Розанову он относился с большим вниманием и уважением, к Мережковскому же предубежденно заранее, всегда саркастически.

Когда Мережковский, подавая руку всем по рассеянности, второй раз подал Ге руку, он саркастически улыбнулся и сказал: «да уж я получал вашу руку» с таким выражением и насмешкой в голосе, как будто хотел сказать: «уж я имел эту милость от вас». Мережковский за эту насмешливую улыбку не любил Ге.

Ко мне Ге очень приблизился, мы к тому же были соседи по домам, и он часто заходил ко мне, а потом и я у него стал бывать.

Блока Ге уважал и ценил, но говорил, что он его боится, «Блок строгий».

Ал. Блок «не очень-то» долюбивал Ге. Он ему казался скучным, и у него он никогда не был.

17 марта 1903 года я был у Мережковского. Встретили очень приветливо. Я рассказал ему о своих мыслях по поводу страдания, переживаемого людьми, называя это «Голгофою» мира. Основною мыслью была та, что в страдании от чего бы то ни было есть нечто, искупающее вину и, следовательно, сверхчеловеческое, светлое. Почему так? И я объяснял тем, что в страданиях своих человек не один, а с Богом страдает и через страдание приобщается Страдающему за нас Богу. Т. е. через страдания от боязни, от утерь любимых людей, от кажущихся жестокостями судьбы человек делает великое дело приобщения к Богу, страдающему за нас и в нас, и участвует с Ним в искуплении и в муках рождения из тварного в нетварное свободное существо.

Мережковского заинтересовала эта новая концепция Голгофы, и он настаивал, чтоб я изложил ее и принес ему *написанной*.

Я принялся писать, начиная текстами из Иова книги главным образом и уснащая местами из стихов Мережковского и других, также из переводов греческих трагедий.

Вся эта «Голгофа» пришла мне в голову по поводу страдания от астмы моей сестры Мар<ии> Павл<овны>. Она, месяцами лежа в постели, переходя от одного припадка к другому, окончательно изнемогала и вырывалась из сколько-нибудь жизненной жизни. Надо было как-нибудь осмыслить это как бы бессмысленное страдание, и я старался и писал.

Писал последний раз, заканчивая с 4-го на 5 апреля в Страстную Пятницу на Страстную Субботу.

И мне, писавшему ночью и слышавшему звон колоколов при совершении ночного «Погребения Христа», казалось, что мы в страданиях с Ним сходим в ад для следующ<его> дня Воскресения. В таком настроении и в большом подъеме, с новым пониманием Голгофы и схождения в ад, я понес свою написанную Голгофу Мережковским.

Меня встретили очень приветливо. Мережковский лежал на кушетке, с ним сидел его докто<р> и Зин<аида> Ник<олаевна> Гиппиус. Последняя

спросила меня: «да вы разве не знаете, что случилось с Дм<итрием> Сер<геевичем> (Мережковским)?».

— Нет, — говорю. — Ничего не слышал.

— Я, — полушутя говорит Мережковс<кий>, — в ад снишел?!

Так как это же самое у меня было в голове по поводу писания «Голгофы», очень для меня мучительной, то я и говорю — «Я тоже сегодня ночью писал Голгофу».

А Мережковский в ответ:

— Да нет! Я по-настоящему провалился в преисподнюю... Ужас!

— Как так? — не понимаю я, что в каком смысле провалился, куда?

Тут Зин<аида> Ник<олаевна> Гиппиус подробно объяснила, что случилось.

Были они на Страстной неделе (верно в начале) у митрополита Антония на совещании по поводу Религ<иозно->филос<офских> собраний. Антоний очень симпатизировал Мережковскому и новому в пробуждающемся сознании; когда ему удалось провести законодательное постановление об отмене названия «незаконнорожденные дети», заменяя другим названием «внебрачные», что было в то время большим новшеством, митр<опо-лит> Антоний прислал Розанову письмо с благодарностью, что благодаря его статьям возможно было провести хотя бы это малое изменение в общественно-церковном сознании.

Мережковского же слушая, он так подпадал под впечатление его манеры говорить, что невольно, заслушиваясь, соглашаясь с тем, что по уставу церковных неканонических правил он не должен был соглашаться. Потому он немного боялся наедине говорить с Мережковским, и с ним были те, которые находили бы способность дельно возражать на доводы Мережковского.

Но вот, выйдя из квартиры митрополита в компании присутствующих там, Мережковский каким-то непонятным образом вдруг на площадке споткнулся и, перелетев через перилы с саженной высоты, провалился в люк, закрытый матовыми стеклами, бывший внизу лестницы.

Крик общего ужаса.

Мережковского извлекли из подвала: он был в крови, порезавши руки и ноги о стекла люка. Его на носилках в карете препроводили домо<й> и внесли на носилках в квартиру. Вызванный доктор промыл раны от стекол и диву давался, как не поломал себе рук и ног Мережковский: объясняя последнее необычайной легкостью его телосложения. Теперь всякая опасность миновала, и все обошлось удивительно благополучно. Но странно так вышло, это было последнее посещение митрополита Мережковским. С лета началось явное расхождение по требованию властей придержащих в лиц<е> К. П. Победоносцева и других.

На праздниках Пасхи я не был у Мережковских из деликатности. Т. е. я не хотел навязываться на христосование со мною особенно З. Н. Гиппиус.

14-го апреля пошел. Мережковский мою «Голгофу» еще не читал, и когда я ему ее прочел, а читал я всегда плохо, то он был разочарован, сказал, что прежде всего она совсем «нецензурна» и поместить в «Нов<ый> путь» ее нельзя. Потому предложил ее прочесть в тесном кружке редакции «Нов<ого> пути» 25 апреля и сказал, чтоб я привел своего старшего брата Сашу (А. П. Иванова), чему я был несказанно рад как удобному случаю по-

знакомить его со всеми и ввести его в тот культурный круг, главн<ым> образом «Мира искусства», которым брат очень интересовался и ценил.

25 апреля действительно состоялся вечер в помещении редакции журнала «Нов<ый> путь», где я и прочел свою «Голгофу». Был там с братом моим Сашей. Читал в присутствии Мережковского, Розанова, Сологуба Ф., З. Н. Гиппиус, худ<ожников> Сомова, Бакста, двух сестер Гиппиус Т. Н. и Н. Н. и Минского. Еще кто-то был, как будто Карташев, но не уверен.

Читал отвратительно, всех измучил: Розанов не возражал, но видимо был против. Мережковский не защищал. Сологуб Ф. (Тетерников) насмешливо спрашивал З. Н. Гиппиус про меня: «это образец ваших свеженьких студентов». Кто-то серьезно возражал, что надо быть выше страданий.

Я чувствовал полный провал и готов был совсем расстроиться. Но тут меня отвлекли сообщением, что мне необходимо пойти к студенту Фридбергу Д. Н., что он прислал Мережковским письмо, и они боятся за него, как бы он со своими «восторгами» не кончил бы самоубийством. Просили завтра же утром пойти к нему, уверяя, что будто я только (почему?) смогу на него повлиять и удержать от безумного поступка. Адрес сказали Фридберга на 8-ой Рождественской, но не точный.

Лучшим и самым важным для меня критиком оказался брат Саша, который сразу уловил самое существенное и, несмотря на плохую передачу, оценил, что тут было важно: да и не мудрено, ведь оба мы были так глубоко и кровно связаны.

Он доволен был, что со всеми познакомился, и все его звали посещать их и «не забывать».

Минский неприятно все обращал внимание на мои «наивные» глаза и золотистые волосы.

Блока на докладе не было.

На другое утро я решил во что бы то ни стало проникнуть к Фридбергу, которого я в лицо никогда не знал, боясь, что промедление мое может действительно быть роковым. Тот заочно высказывал ко мне какое-то доверие, сам меня ни разу не видя.

Поиски мои оказались тщетными. Я не нашел ни дома, ни квартиры Фридберга и в полном расстройстве вернулся домой.

Рас<с>троился я еще от того, что из-за этих-то пустых поисков не был на похоронах нашей общей любимицы старушки, подруги Бабушки, Мамы и нас, «тети Оли». Ольги Петровн<ы> Любимовой.¹¹

¹¹ Ср. о ней в воспоминаниях 1936 г.: «...возникает в памяти образ „тети Оли“, Ольги Петровны Любимовой, старой девушки лет шестидесяти пяти. Она, несмотря на свой возраст <...> обладала необычайно ясной памятью, умом и справедливостью в суждениях. Носила круглы<е> дымчаты<е> очк<и> и имела вид весьма мужественный. <...> Это была старейший друг нашего дома. Сперва бабушки А. А. Шальгиной, пот<ом> Мамы, потом Клипы и Мани.

Бабушке она писала в альбом влюбленные стихи, обожал<а> ее. С Мамой разделял<а> ее горе во время первог<о> замужества ее. <...>

Она играла огромну<ю> роль в воспитании Клипы.

У нее было дарование подходить к детям, входить в их интересы, детей вводить в свои интересы. Отношение к детям у нее было не свысока наставническое, а как себе равному другу, как взрослому человеку, умеющему понять ее, как она понимает.

Понятно, что с детства устанавливалось глубокое уважени<е> и любовь к этой „тете Оле“» (ИРЛИ, ф. 840).

С ней в общежитии, где она жила, случился удар 20-го апр<еля>, а 24-го она скончалась. Я так и не узнал, где ее похоронили. А любил ее по-настоящему и в эту еще Пасху был у нее в гостях и рассказывал, что познакомился с писателями. Показывал книгу Розанова, где он сделал надпись «Глубокоуважаемому и почтенному Евг<ению> Павл<овичу> Иванову от автора». Это «почтенный» О. П. Любимовой очень показалось некстати, совсем я не имел вид «почтенного». <...>

Потом началось лето и все <разъехались>.

Но перед разездом на дачи брат Саша был на выставке в домике Петра I-го в Летнем саду и встретил там Мережковских. Они его узнали, были очень приветливы, любезны и просили кланяться мне и зайти к ним. Они уезжали на днях. Знакомство с Сашей, братом моим, значит, состоялось основательно. Я был ужасно этому рад, потому что меня все время мучило то, что я один познакомился с литературными кругами, тогда как Саша, несравненно меня культурнее и умнее и более умеющий говорить, — остался без знакомств литературных.

Мама, услышав, что Мережковские просили Сашу кланяться мне, удивилась и спросила: «да разве ты, Саша, знаком с Мережковскими». И ей польстило, что они даже мне велели кланяться и заходить. <...>

Летом я с братом Сашей ездили во Псков посмотреть «старину». И опять нам вдвоем было очень весело. Я страстно любил езду на поезде; любил высовываться из окошка вагона и вдыхать свежесть полей и лесов. И опять нам во Пскове, как и прошлый год в Новгороде, встречные улыбались, глядя на наши лица.

А все-таки за все лето ничего путного я не написал для «Нового пути». Но меня страшно увлекала идея «Медного Всадника», связанная с наводнениями Петербурга. Этот образ Медно<го> Всадника связывался у меня с образом Демона «Мятежного, ищущего бури, как будто в бурях есть покой».¹²

Эти слова Лермонтова, сказанные о парусе, я всецело относил к образу Демона и к «Медн<ому> Всаднику», в бронзовой фигуре которого, взлетевшей на скалу, как на гребень волны, я чувствовал нечто захватывающее, нечто взлетевшее над бездной.

Есть упоение в бою
И в бездне мрачной на краю.¹³

Образ Медного Всадника связывался у меня с бурей и революцией. Под простертой дланью Всадника поднимаются бурные воды и народы. «Мятежный ищет бури». Буря связывалась с морем, надвигающимся на город Всадника. В этом движени<и> бурного моря на город я находил особый смысл, особое предназначенное свершиться в городе действие, которое откроет нечто, некое освобождение из какого-то плена. Писал об этом много и бестолково. Ездил в бурную погоду на пароходике на косу Морского канала любоваться бурным морем и обливаться на пароходике водою разбивающихся об него волн, особенно при завороте из Невы в Море.

¹² Цитата из стихотворения Лермонтова «Парус».

¹³ Цитата из «маленькой трагедии» Пушкина «Пир во время чумы».

В эту осень я все старался стать писателем. Дело шло плохо. Но на одном мне повезло. Я написал маленькую заметку «О спящих от печали». Взят был психологический момент, когда человек, опечаленный каким-либо горестным событием, в самый критически<й> момент, когда надо бодрствовать, вдруг засыпает от печали. Этот момент был взят из места в Евангелии, где ученики в саду Гефсиманском заснули как раз в момент, когда фарисеи брали преданного Христа.¹⁴

Статья понравилась всем, и ее поместили в «Нов<ый> путь»,¹⁵ но только в отделе «частная переписка»: за статьи, помещенные там, ничего не платили. Редакция была бедная, и журнал насчитывал только около 2-х тысяч подписчиков. <...>

¹⁴ Мф. 26: 43; Мк. 14: 40; Лк. 22: 45.

¹⁵ Новый путь. 1903. № 10. С. 170—173.

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС — ПЕРЕВОДЧИК (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома)

(Публикация А. В. Лаврова)

Автографы крупнейшего русского и литовского поэта-символиста Юргиса Казимировича Балтрушайтиса (1873—1944), хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, уже были ранее востребованы исследователями и частично введены в читательский оборот. Стихотворения, сохранившиеся в фондах Пушкинского Дома, которые не вошли в авторские сборники и остались не опубликованными при жизни Балтрушайтиса, были напечатаны Юозасом Тумялисом.¹ Фрагменты из 8 писем Балтрушайтиса к К. Д. Бальмонту (1900—1908) воспроизведены в составе обзора С. С. Гречишкина «Архив С. А. Полякова».² Отдельная публикация писем Балтрушайтиса к В. С. Миролубову и Р. В. Иванову-Разумнику, подготовленная Б. Н. Капелюш,³ характеризует обстоятельства сотрудничества поэта в 1913 г. с петербургским журналом «Заветы» (работа над отбором переводной литературы для публикации в журнале и апробация переводов). В Рукописном отделе имеются еще несколько эпистолярных комплексов Балтрушайтиса, которые оставались обойденными вниманием, — письма к Георгу Бахману, С. Ю. Копельману, А. А. Измайлову. Все они затрагивают тему переводческой деятельности поэта.

Характерная особенность трех авторских книг Балтрушайтиса, содержащих основной корпус его стихотворного наследия, — их членение, вполне в духе символистской эпохи, на образно-тематические разделы, каждый из которых открывается эпиграфами. Первая поэтическая книга Балтрушайтиса, «Земные Ступени» (М.: Скорпион, 1911), содержит всего 8 эпиграфов — из Гёте, У. Б. Йейтса, Бена Джонсона, Гуидо Кавальканти, Микеланджело, У. Блейка, шведского поэта Вильгельма Экелунда и шведского прозаика Пера Халлстрёма. В «Горной Тропе» (М.: Скорпион, 1912),

¹ См.: Из несобранных и неопубликованных стихотворений Юргиса Балтрушайтиса / Подготовил Ю. Тумялис // *Literatūra ir kalba*. XIII. Lietuvių poetikos tyrinėjimai. Vilnius, 1974. P. 342—343, 360.

² См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 9—10.

³ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 159—177.

второй книге стихов, — 9 эпитафий: три из Данте, два из Блейка и по одному из Халлстрёма, Эдгара По, Сервантеса и Байрона. В третьей книге «Лилия и Серп» (Париж, 1948) стихотворения не распределены по разделам, однако этому нерасчлененному целому предпосланы 9 эпитафий — столько же, сколько в «Горной тропе»: из Г. Ибсена, Откровения св. Иоанна, Баратынского, Тирсо де Молины, Послания апостола Павла к Галатам и по два из Халлстрёма и Н. Ленау. Поиск отголосков и созвучий своим поэтическим темам и настроениям охватывает практически всю безбрежную сферу мировой словесной культуры. Внутренний лад, мир идей и ценностей своей лирики Балтрушайтис выверяет чужими голосами. Авторский лирический тембр у Балтрушайтиса скорее однозвучен, он не переливается всеми цветами радуги, зато благодарно и взыскательно обращен ко многим другим лирическим тембрам. То же постоянное стремление к поиску своего в чужом, к постижению чужого как своего объясняет исключительное значимое место переводческой деятельности в творчестве Балтрушайтиса. Оригинальные стихотворения Балтрушайтиса вмещаются в один не очень большой том, переводы его в совокупности составляют множество томов.

В литературе Юргис Балтрушайтис заявил о себе с самого начала как переводчик: почти одновременно с его поэтическим дебютом в печати, стихотворением «Тихо спят тополя. Онемели поля...», опубликованным в «Журнале для всех» (1899. № 12), вышла в свет отдельным изданием в 1900 г. драма Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся», переведенная им совместно с С. А. Поляковым; это была первая книга, выпущенная в свет под маркой «Скорпиона», она положила начало деятельности крупнейшего московского символистского издательства. Впоследствии Балтрушайтисом были переведены на русский язык еще 4 драмы Ибсена. Всего же за 20 лет работы, начатой в 1899 г., им было переведено на русский язык около 50 произведений с немецкого, норвежского, шведского, английского, итальянского, французского и других языков.⁴ Некоторые из этих переводов Балтрушайтис перечислил в «Автобиографической справке» (1915): «Из переводов в стихах мною напечатаны: Байрон „Видение Страшного Суда“ и „Бронзовый век“, изд. Ефрона и Брокгауза. „Пер Гюнт“ Г. Ибсена, Универсальная библиотека „Польза“ и „Бедный Генрих“ Г. Гауптмана, там же. Прозой мной переведены: трагедии Д'Аннуцио: „Мертвый Город“, „Джиоконда“, „Слава“. Драмы Ибсена: „Фру Ингер из Эстротта“, „Строитель Сольнес“ и „Гедда Габлер“. Произведения Кнута Гамсуна: „Голод“, „Виктория“, „Игра жизни“, „Вечерняя заря“ и „Тамара“. Пьесы Гауптмана: „Праздник примирения“ и „Шлюк и Яу“. А также отдельные произведения Оскара Уайльда, А. Стриндберга, Гуннара Гейберга и других».⁵

Упомянутый в приведенной цитате перевод драмы «Шлюк и Яу» был опубликован в 1902 г.,⁶ однако Балтрушайтис приступил к нему еще в

⁴ См.: *Дайёмте В. Юргис Балтрушайтис: Монографический очерк.* Вильнюс, 1983. С. 131 (далее — *Дайёмте*).

⁵ Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. С. 300.

⁶ Перевод вошел в том 2 Собрания сочинений Гауптмана в 3 томах под редакцией К. Д. Бальмонта (М.: Скирмунт, 1902). Вместе с драмой «Бедный Генрих» («Der arme

1900 г., сразу по появлении пьесы Гауптмана в оригинале. Об этом свидетельствует одно из писем Балтрушайтиса к его московскому другу Георгу (Георгию Георгиевичу) Бахману (1852—1907), немецкому поэту и переводчику, преподавателю немецкого языка в московских учебных заведениях, постоянно общавшемуся и с другими поэтами из круга издательства «Скорпион» — К. Д. Бальмонтом и В. Я. Брюсовым.⁷ Как можно судить по содержанию этого и других писем Балтрушайтиса к Бахману, переводческие темы занимали в их взаимоотношениях не последнее место: сталкиваясь с различными проблемами при работе с немецкими текстами, главным образом с драмами Гауптмана, Балтрушайтис время от времени прибегал к помощи и советам немецкого поэта.

Переводы из Гауптмана послужили также исходным поводом для переписки Балтрушайтиса с известным литературным критиком, поэтом и прозаиком, знаменитым пародистом Александром Алексеевичем Измайловым (1873—1921). Измайлов участвовал в подготовке Полного собрания сочинений Гауптмана в трех томах, предпринятого в 1908 г. издательством А. Ф. Маркса (приложением к журналу «Нива»), он же написал предисловие к этому изданию. В 1-м томе «марковского» Гауптмана в переводе Балтрушайтиса напечатаны две пьесы — комедия «Бобровая шуба» («Der Biberpelz», 1893) и драма «Красный петух» («Der rote Hahn», 1901); перевод второй из них выполнен в соавторстве с В. М. Саблиным (ранее он был выпущен в свет отдельным изданием в Москве в 1901 г.). Для 3-го тома того же издания Балтрушайтис перевел пьесы «А Пиппа пляшет» («Und Pippa tanzt», 1906) и «Девы из Бишофсберга» («Die Jungfern von Bischofsberg», 1907). Основанием для продолжения эпистолярного общения с Измайловым послужила другая переводческая работа Балтрушайтиса — над романом Кнута Гамсуна «Голод» (1888). Этот перевод был опубликован во 2-м томе Полного собрания сочинений Гамсуна в 1910 г., выпущенного в свет издательством А. Ф. Маркса (так же, как и двумя годами ранее собрание сочинений Гауптмана, приложением к журналу «Нива»); Измайлов редактировал это издание и написал для него критико-биографический очерк о Гамсуне, помещенный в 1-м томе. По письмам к Измайлову можно составить наглядное представление о стиле работы Балтрушайтиса как переводчика, для которого характерны точность, аккуратность и методичность, ответственный подход к заранее оговоренным срокам завершения предпринятого труда.

Гамсун принадлежал к числу особенно активно переводившихся Балтрушайтисом авторов. Для «марковского» издания он перевел также пьесы «Игра жизни», «Вечерняя заря» и «Царица Тамара», помещенные, как и «Голод», во 2-м томе. Ранее, в 1908 г., появился отдельным изданием в серии «Универсальная библиотека» (№ 101) перевод драмы Гамсуна «У врат

Heinrich», 1902), также переведенной Балтрушайтисом, та же пьеса составила содержание тома 8 Полного собрания сочинений Гауптмана, предпринятого издательством В. М. Саблина (М., 1911). «Шлюк и Яу» в переводе Балтрушайтиса выходила также отдельным изданием в серии «Универсальная библиотека» (№ 386; М.: Польза, 1911; 2-е изд. — 1916).

⁷ См.: Константин Бальмонт. Письма к Георгу Бахману / Публикация, вступ. статья и примеч. П. В. Куприяновского и Н. А. Молчановой // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. Воронеж, 2004. С. 138—153.*

царства» (М.: Польза, 1908), выполненный Балтрушайтисом совместно с С. А. Поляковым. В 1908—1910 гг. петербургским издательством «Шиповник» было осуществлено собрание сочинений Кнута Гамсуна в 12 томах, 7-й том которого составили переведенные Балтрушайтисом роман «Виктория» и книга «В сказочной стране». Выпуском в свет этого собрания сочинений крупнейшего и популярнейшего из современных норвежских прозаиков, а также параллельно публиковавшихся «Северных сборников» — альманахов, содержащих русские переводы скандинавских писателей, — издательство «Шиповник» ярче всего возвестило о наступившей эпохе расцвета русского «скандинавизма» — о периоде исключительной популярности в российских читательских кругах имен и произведений новейших писателей Дании, Норвегии и Швеции.

Юргис Балтрушайтис был одним из тех, кто наиболее активно содействовал популяризации в России скандинавской литературы, которая была ему чрезвычайно созвучной и отвечала во многом его индивидуальной творческой психологии и вкусовым предпочтениям. Не случайно современники мифологизировали его образ в скандинавских, «викингских» тонах, подчеркивали его специфически «северную» суровость («угрюмому, как скалы, Ю. Балтрушайтису»), наряду с другими друзьями, посвящал свою книгу «Будем как Солнце» Бальмонт, а Андрей Белый в мемуарах, повторяя эту формулировку, восполнял ее «скандинавским» содержанием: «...с надбровной морщины несло, точно сосредоточенным холодом, — Стриндбергом, Ибсенем (переводил, редактировал); он — переряженный в партикулярное платье Зигурд; цвета серого пара, как скалы Норвегии; глаза — цвета серых туманов Нордкапа <...>»⁸).

Скандинавских писателей Балтрушайтис перевел, вероятно, больше, чем в совокупности авторов, писавших на других языках. Так, библиографический свод русских переводов из шведской литературы⁹ фиксирует следующие переводы Балтрушайтиса: Карл Ионас Лове Альмквист — «Мельница в Шельнуре» (Северные сборники. Кн. 5. СПб., 1908); то же — отдельным изданием с предисловием Балтрушайтиса в серии «Универсальная библиотека» (М.: Польза, <1914>); Яльмар Сёдерберг — драма в 3 действиях «Гертруда» (М.: Польза, <1908>), его же «Сон о вечности» (Весы. 1908. № 2) и рассказы (Северные сборники. Кн. 5); Сигфрид Сивертс — рассказ «Выздоровление» (Заветы. 1913. № 5); Пер Хальстрём — «Кукла» (Заветы. 1913. № 2); Ула Хансон (Ола Гансон) — «Sensitiva amogosa. Пять новелл» (Северные сборники. Кн. 2/3. СПб., 1908); Андерс Эстерлинг — «Пока звонят колокола» (Заветы. 1913. № 2); наконец, крупнейший шведский писатель Август Стриндберг: первый перевод Балтрушайтиса из него — «Детская сказка» — появился в 1904 г. (Правда. 1904, март; переводу был предпослан очерк Балтрушайтиса, подписанный инициалами: Ю. Б. — «Август Стриндберг»), затем последовали рассказы (Северные сборники. Кн. 5) и драмы «Отец» (М.: Польза, <1908>), «Пепелище» (М.: Польза, <1908>), «Пасха» (в томе 3 Полного собрания сочинений

⁸ Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С. 417.

⁹ См.: Художественная литература скандинавских стран в русской печати: Библиографический указатель. Вып. 1. Древнеисландская литература. Шведская литература / Составитель Б. А. Ерхов. М., 1986.

Стриндберга в 12 томах, предпринятого издательством В. М. Саблина в 1908—1911 гг., для этого издания Балтрушайтис выполнил еще несколько переводов).

Разумеется, в постоянной переводческой деятельности было немало будничного и рутинного, стимулировали эту деятельность во многом сугубо материальные соображения, и все же, учитывая все привходящие обстоятельства, нельзя не отметить, что у Балтрушайтиса при обращении к переводимым авторам доминировали личные тяготения и предпочтения, сказывалось стремление обнаружить и выбрать для перевода родственные, созвучные литературные имена. Любопытно в этом отношении предисловие Балтрушайтиса, предпосланное переводу «Мельницы в Шельнуре» Альмквиста, с общей характеристикой биографии и творчества шведского писателя, в котором, в частности, говорилось: «...Альмквист прежде всего тяготел к глубочайшим движениям человеческого духа, к бессознательному, ко всему, в чем наиболее неисповедимым образом кроется роковая тайна жизни и смерти. Кроме этих психологических глубин, Альмквист упорно искал выражения своим заветным мечтам об уничтожении граней между телом и душой, между чувственным и духовным, между языческим и христианским, между земным и небесным. И все его творчество является одною мистическою молитвою возвышенного пантеиста об этой единой цельности...».¹⁰ Правомерно в этих характеристиках уловить черты сходства с художественным мировидением самого Балтрушайтиса. Возможно, не случайно из творческого наследия Альмквиста, в котором Балтрушайтис распознал отражение отмеченных им общих тенденций самосознания, он выбрал повесть из крестьянской жизни — сюжет которой также мог быть для него особо притягательным и родственным (детство Балтрушайтиса, как известно, прошло в литовской крестьянской среде).

Работа Балтрушайтиса над переводами для собрания сочинений Гамсуна и над «Северными сборниками» отражена в его письмах к Соломону Юльевичу Копельману (1881—1944), совладельцу (совместно с З. И. Гржебиным) и главному редактору издательства «Шиповник».

В «шиповниковском» 12-томном издании Гамсуна переводы Балтрушайтиса занимают только один том — 7-й («Виктория» и «В сказочной стране»), однако поэт имел прямое отношение к формированию этого издания в целом, к распределению материала по томам, к переговорам с автором (через С. А. Полякова), а также к аналогичным переговорам с Поляковым и Бальмонтом как переводчиками (ими переведены 4 тома «шиповниковского» Гамсуна). Столь же активно Балтрушайтис участвовал в подготовке «Северных сборников». К выпуску этих альманахов «Шиповник» приступил в 1907 г., в 1-й книге были помещены переводы, выполненные А. Острогорской, а также Федором Сологубом (рассказы Германа Банга), Сергеем Городецким (рассказы Сельмы Лагерлёф и Августа Стриндберга) и Александром Блоком — точнее, его матерью, А. А. Кублицкой-Питотух, но за его подписью (рассказ Йенса Петера Якобсена «Пусть розы здесь цветут»). Балтрушайтис впервые обозначился в этом издании во втором, сдвоенном выпуске (кн. 2/3): там был напечатан цикл новелл Олы

¹⁰ Северные сборники издательства «Шиповник». СПб., 1908. Кн. 5. С. 11—12.

Гансона «Sensitiva amogosa» в его переводе. Следующие две книги «Северных сборников», 4-я и 5-я, вышли в свет под редакцией Балтрушайтиса; 4-й сборник он составил и отредактировал, а 5-й подготовил единолично. 4-й сборник был уделен датским авторам: в нем были помещены шедевр датской литературы, роман Йенса Петера Якобсена «Нильс Люне», а также произведения Сёрена Кьеркегора («Несчастнейший» и «Διαψαλματα») с предпосланными им статьей Гаральда Гёффдинга «Потомок Гамлета (Сёрен Киркегор)» и библиографическими перечнями сочинений Кьеркегора и литературы о нем. Великого датского мыслителя к тому времени в России знали еще мало: впервые на русском языке его афоризмы появились в 1886 г. в «Вестнике Европы» (№ 5), затем вышла в свет отдельным изданием в переводе П. Ганзена книга «Наслаждение и долг» (СПб., 1894) и в 1895 г. в «Северном вестнике» были опубликованы роман «Дневник обольстителя» и «Гармоническое развитие эстетических и этических начал». Подготовленный Балтрушайтисом раздел в «Северном сборнике» обозначил новую веху в истории восприятия Кьеркегора российским читателем.

Как выясняется из писем к Копельману, перевод «Нильса Люне», начатый Сологубом и законченный Городецким, потребовал от Балтрушайтиса значительных дополнительных усилий; его редакторская правка имела самый радикальный характер. Вероятно, обогащенный этим поучительным опытом, Балтрушайтис решил перевести следующий составленный им, «шведский», 5-й «Северный сборник» самостоятельно в полном объеме: в него вошли упоминавшаяся «Мельница в Шельнуре» Альмквиста, новеллы и камерная драма «Соната призраков» Стриндберга, новеллы Ялмара Сёдерберга, а также статьи Балтрушайтиса об Альмквисте и Сёдерберге. За «шведским» должен был последовать в исполнении Балтрушайтиса «норвежский» сборник, однако его издание не состоялось и после выхода 5-го сборника участие поэта в подготовке альманахов не возобновлялось: вышедшие в свет 6-й и 7-й, заключительный «Северный сборник» не содержат его переводов. Письмо Балтрушайтиса к Копельману от 26 августа 1908 г., отправленное перед поездкой в Данию для личных встреч с писателями, а также с целью подготовки материалов и закупки книг в перспективе комплектования последующих «Северных сборников», отчасти способствует пониманию причин отхода Балтрушайтиса от редакции «Шиповника»: как нередко случается, решающую роль сыграли финансовые обстоятельства. Обращаясь к Копельману, Балтрушайтис не изменяет прежней дружественно-деловой тональности, однако факт невыхода в свет задуманного «норвежского» сборника под его редакцией говорит сам за себя. Последнее письмо Балтрушайтиса к Копельману, от 21 июня 1909 г., содержит просьбу о разрешении издания романа Гамсуна «Виктория» в его переводе (впервые опубликованном в «шиповниковском» собрании сочинений норвежского писателя) отдельной книжкой в серии «Универсальная библиотека». Судя по тому, что такое издание не состоялось («Виктория» в переводе Балтрушайтиса была вновь напечатана только в 10-м томе «марксовского» собрания сочинений Гамсуна), можно предположить, что Ко-

пельман такого разрешения не дал — и Балтрушайтис после этого новых дел с «Шиповником» не предпринимал.

Письма Ю. Балтрушайтиса к Георгу Бахману печатаются по автографам, хранящимся в фонде Бахмана в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 22, ед. хр. 77).

Письма Ю. Балтрушайтиса к С. Ю. Копельману печатаются по автографам, хранящимся в фонде С. Ю. Копельмана в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 485, ед. хр. 4).

Письма Ю. Балтрушайтиса к А. А. Измайлову печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде А. А. Измайлова (ф. 115, оп. 3, ед. хр. 25 — письма 2, 3) и в фонде Ф. Ф. Фидлера (ф. 649, оп. 4, ед. хр. 16 — письма 5—7; ед. хр. 17 — письма 8—10), а также в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в собрании П. Л. Вакселя (ф. 124, ед. хр. 285 — письмо 1) и в собрании Б. Ф. Лаврова (ф. 414, ед. хр. 16 — письмо 4).

Ответные письма корреспондентов Балтрушайтиса не выявлены.

ГЕОРГУ БАХМАНУ

1

28 н<о>ября 1900 г. Москва¹

Многоуважаемый и дорогой Георгий Георгиевич!

Имел еще надобность в Ваших советах относительно некоторых мелочей «Шлука и Яу»², решаюсь просить Вас назначить в ближайшем удобный для Вас час, когда бы я мог посетить Вас. Мне очень неприятно беспокоить Вас, но ведь это во имя искусства, которому мы служим. Я прошу у Вас всего 30—40 минут. Кроме того мне нужно видеть Вас для следующего: мне очень хотелось бы перевести и напечатать в предположенном у нас «альманахе» два-три стихотворения Ваши и Матсена³. Не откажитесь поэтому, при встрече, указать, что именно перевести, а, когда перевод будет окончен, одобрить или отвергнуть его строгим сравнением с подлинником.

Глубоко ценящий Вас Ю. Балтрушайтис.

¹ Открытка; датировка почтового штемпеля: 28.XI.1900.

² Драма Герхарта Гауптмана «Шлюк и Яу» («Schluck und Jau», 1900) в переводе Балтрушайтиса была опубликована в 1902 г. (см. примеч. 6 к предисловию).

³ Возможно, имеется в виду Хенни Маттсен (Henni Mattsen; 1849—1918), автор сборника стихов «Weltfremd» (1896). «Альманах» — готовившиеся к печати в издательстве «Скорпион» «Северные цветы на 1901 год». Книга вышла в свет в апреле 1901 г., стихотворных переводов Балтрушайтиса в ней не было.

22 янв<аря 1901 г. Москва>¹

Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Георгиевич!

Сегодня от 8-ми часов вечера у меня будет Бальмонт (а также Брюсов и Поляков).² К. Д. очень жаждет повидаться с Вами. Не откажите ни ему, ни в особенности мне в радости провести с Вами сегодняшней вечер.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ Отправлено с рассылным (почтовые штемпели на конверте отсутствуют); помета рукой Бахмана: «22.I.1901».

² Других документальных свидетельств об этом визите к Балтрушайтису К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова и владельца издательства «Скорпион» Сергея Александровича Полякова (1874—1943) не выявлено.

3

4 дек<абря 1901 г.>¹ 8 ч. утра. <Москва>

Сердечно уважаемый и дорогой Георгий Георгиевич!

Простите, что еще беспокою Вас. При сем посылаю несколько фраз, в истинном значении которых я не уверен. Не откажите сообщить мне настоящий их смысл.²

Часы нашей встречи вспоминаю с живым восторгом, — они послужили для меня толчком к нескольким хорошим стихотворениям, прочту в ближайший раз. Перевожу: *Was die Blumen wussten* и *Das Lied von der Blume des Meers*. Пришлю.³

Поющий Ваши песни

Ю. Балтрушайтис.

¹ Год устанавливается по почтовому штемпелю на конверте: Москва. 4.XII.1901.

² По всей вероятности, речь идет о фразах из произведений Гауптмана, которые Балтрушайтис переводил для его Собрания сочинений в трех томах (под редакцией К. Бальмонта), осуществленного московским издательством С. А. Скимунта в 1902 г. Во 2-м томе в переводе Балтрушайтиса помещены пьеса «Шлюк и Яу» и новеллы «Железнодорожный сторож Тиль» и «Апостол», в 3-м томе — пьесы «Бедный Генрих» и «Роза Бернд».

³ «*Was die Blumen wussten*» («*Und als der letzte Hauch entflohn...*»), «*Das Lied von der Blume des Meers*» («*Die Wellen spielen im blauen Welt...*») — стихотворения Бахмана (*Bachmann Georg. Gestalten und Töne. Gedichte. Berlin, 1897. S. 48—49, 35—37*). Их переводы, выполненные Балтрушайтисом, нам неизвестны.

3 м<арта> 1902. <Москва>¹

Дорогой Георгий Георгиевич!

Крайне сожалею, что не удалось побывать у Вас вчера, порадоваться с Вами и прислушаться к нашему «жужжанию». Надеюсь увидеть Вас во вторник на «Красном Петухе». ² Если не встречу с Вами в театре, приду проститься, потому что самое большое недели через две я надолго уезжаю за границу. ³ Еду туда где-нибудь в тишине писать драму, приводить в порядок «Остров» ⁴ и готовить книгу Поэм. ⁵ Привет Вашей супруге. ⁶

Искренне ценящий Вас

Ю. Балтрушайтис.

P. S. Посылаю пустячок из последних. ⁷

¹ На конверте почтовый штампель: Москва. 3.III.1902; помета карандашом: «1902 4/III. Стихи».

² Вторник — 5 марта. В этот день в театре «Эрмитаж» (Каретный ряд), где гастролировала немецкая труппа под управлением директора Георга Эгера, была впервые в Москве представлена трагикомедия Гауптмана «Красный петух» («Der rote Hahn», 1901). См.: Курьер. 1902. 5 марта. № 63. С. 4; В. Ф. «Красный петух». Драма Г. Гауптмана. Гастроли немецкой труппы // Там же. 7 марта. № 65. С. 3.

³ Речь идет о поездке в Италию, за которой последовало пребывание в австрийском Тироле и в Швейцарии; в сентябре 1902 г. Балтрушайтис вернулся в Москву. См.: *Дневнике*. С. 30.

⁴ См. стихотворение «Остров» («Есть каменный остров в заливе далеком...») (*Балтрушайтис Ю.* Земные Ступени. Элегии, песни, поэмы. М.: Скорпион, 1911. С. 163—164).

⁵ В «Каталоге книгоиздательства „Скорпион“ к началу 1904 года» (цензурное разрешение — 10 окт. 1903 г.) зафиксировано: «Ю. БАЛТРУШАЙТИС. Книга поэм. Бедуины. Морской царь. Вечер. Спутники Колумба. Лирика. (Готовится к печати)» (С. 4). Издание этой книги не состоялось.

⁶ *Бахман Ольга Михайловна* (?—1926) — жена Г. Г. Бахмана.

⁷ На второй половине листа с текстом письма — автограф стихотворения «Из „Песен Зари“» («День идет! Скользя по тучам...»). Опубликовано без заглавия как второе в составе трехчастного цикла Балтрушайтиса «Утренние песни» в альманахе «Северные цветы на 1902 год» (М.: Скорпион, 1902. С. 142—143).

5

Viareggio. Albergo della Pace.
29/16 <мая 1902 г.>¹

Дорогой Георгий Георгиевич — Простите за мой запоздалый привет. Я всюду вспоминал Вас: и в Венеции, и во Флоренции, и в Риме, и в Неаполе — всюду, где душа всем своим достоянием была обращена к тайнам красоты. Жил и продолжаю жить, как свободная степь после первого вешнего ливня. Понял и твердо помню, что значит полдень. Много было мгновений, которые я принимал, как стройное видение раскрывающегося храма. Много было неисповедимых глубин. Живу, радостно-угрюм, гляжу сейчас в беспредельное бирюзовое море и все благословляю — и жизнь, и далекий корабельный дым, и Вас, и горячие прибрежные пески. Недостает

только Вас и готического кубка, и потекла бы одна из небывалых родниковых бесед, и весь-то я, как дерево в цвету... Ни лепестков, ни дум полдневных не сочту... Мне светел мир лазурным храмом дня и глубина прозрачна для меня. Очень занят своими «Бедуинами» и «Морским царем».² Если будет готово раньше встречи, пошлю.

Ваш Юргис.

Привет Ольге Михайловне.³ Пробуду здесь еще месяц.

¹ Открытка; почтовые штемпели: Viaregio. 29.5.02; Москва. 21.V.1902.

² В архиве Бахмана сохранился стихотворный автограф Балтрушайтиса (датированный 29 мая 1903 г.) под заглавием «Из пролога к поэме „Бедуины“» («Глубоко полночь над пустыней...») — всего 8 строк (РО ИРЛИ, ф. 22, ед. хр. 8, л. 10; напечатан Ю. Тумялисом в подборке «Из несобранных и неопубликованных стихотворений Юргиса Балтрушайтиса» в кн.: *Literatūra ir kalba. XIII. Lietuvių poetikos tyrinėjimai.* Vilnius, 1974. P. 343). Это — единственный известный на сегодняшний день фрагмент текста указанной поэмы. В начале июня 1902 г. Балтрушайтис писал В. Я. Брюсову: «...я занят своими „Бедуинами“ и „Морским царем“, весь одержим образами, каких еще никто не знал, как не знал я сам, живу в мире ночных сочетаний, соприкасаясь с некоей первозданной наготой, в тихом, меняющемся таинстве. Мучительно, свободно и радостно» (приведено в комментариях Ю. Тумялиса: *Ibid.* P. 360). Текст поэмы «Морской царь» также не выявлен.

³ См. примеч. 6 к п. 4.

6

14 окт<ября 1902 г. Москва>¹

Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Георгиевич!

Совершенно неожиданно для самого себя приходится беспокоить Вас. Уж Вы не сердитесь на меня! Это противное дело — в том, что нужно разъяснить 2—3 места в Гауптмановских «ткачах»,² ко мне обратились при таких обстоятельствах, что мне никак не мыслимо уклониться. Посему умоляю Вас, Георгий Георгиевич, принять меня сегодня на 15 минут. Очень буду признателен. Я на всякий случай буду у Вас в 7; если Вы будете заняты или Вам нужно будет отдыхать, то оставьте у прислуги записку, когда я могу обременить Вас, и тогда я зайду вторично. Уж пожалуйста! Уж не сердитесь.

Горячо преданный Вам

Ваш Юргис.

¹ Отправлено с рассылным; на конверте — помета рукой Бахмана: «1902.14.X».

² В драме Г. Гауптмана «Ткачи» («Die Weber», 1893) активно используется диалектная лексика; первый ее вариант 1892 г. был написан целиком на силезском диалекте.

7

21 ноября 1902. <Москва>

Дорогой Георгий Георгиевич, спешу сообщить, что вчера Вы избраны в действительные члены Литературно-Художественного кружка¹ большин-

ством 46 голосов против 8. Соблаговолите явиться на днях в клуб получить членский билет. Адрес: Козицкий пер. на Тверской, д<ом> Елисеева. Приветствуя Вас с избранием, желаю Вам всего хорошего и с благодарностью вспоминаю многие проведенные с Вами мгновения.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ Московский Литературно-художественный кружок был основан в 1898 г. (просуществовал до 1920 г.), был одним из главных центров культурной жизни Москвы. Подробнее о нем см. в словаре Манфреда Шрубы «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов» (М., 2004. С. 107—110).

8

23 XI <1902. Москва>¹

Дорогой Георгий Георгиевич —

Привет!

Приехать к Вам завтра никак не могу, а в «Кружке»,² на полчаса, буду ровно в 8 часов. Уповаю свидеться.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

P. S. Одновременно с Вами избран и Модест Александрович.³

¹ Почтовый штемпель на конверте: Москва. 24.XI.1902.

² Имеется в виду Литературно-художественный кружок.

³ *Дурнов Модест Александрович* (1868—1928) — художник, архитектор, поэт; в советское время — профессор ВХУТЕМАСа. Цикл его стихотворений «Красочные сны» был опубликован в сб. «Книга раздумий» (СПб., 1899. С. 27—32), наряду со стихотворными циклами К. Д. Бальмонта, Валерия Брюсова и Ив. Конеvского.

С. Ю. КОПЕЛЬМАНУ

1

28 окт<ября> 1907 г. Москва>

Многоуважаемый Соломон Юльевич —

Ваше письмо получил. Письмо Бальмонту послано 26 окт<ября>.¹ Копии точной не сообщаю, так как, кроме Гамсуна, там были еще мои личные дела. По Вашему делу я просил Бальмонта взвесить свое время и браться за перевод лишь в том случае, если все до последней строчки будет им доставлено 15—20 ноября, т. е. почти в тот же срок, который определяете и Вы. Предупредил его, что этот срок — последний и предельный, так как Издательство *должно* выпустить том во что бы то ни стало до Рождества. Гонорар, как мы и говорили, Бальмонту — 60 р. с листа. Вот сообщенные ему цифры и факты. Они сопровождались всякого рода убедительными словами и личным моим настоянием взяться за это дело. Думаю, что теле-

графный ответ Б<альмонта> будет не позже вторника;² я его сообщу Вам телеграммой же. Независимо от этого, сегодня же, пишу Бальмонту новое письмо с подтверждением срочности и неотложности всего дела. Письмо Гамсуну будет отослано в понедельник,³ когда вернется в Москву Поляков, уехавший к себе в имение⁴ за семьей и на 40-й день смерти своего отца.⁵ Будьте вообще уверены, что я действую со всей энергией и стараюсь не упускать ни одной минуты. В Христианию нужно будет поехать, но ранее половины ноября этого сделать не удастся, так как в случае, если «Виктория»⁶ будет переводиться здесь, мое присутствие в Москве будет больше чем необходимо. Есть еще и другие личные причины. Но ведь эта поездка, пока не выяснится впечатление Гамсуна от письма Полякова, пожалуй, тактически и нежелательна.

Не позже вторника сообщу Вам количество букв оригинала для каждого произведения в отдельности.⁷ Для «Духовной жизни Современной Америки» эта цифра выражается в 343 408.⁸

Тороплюсь высылкой Кьеркегора,⁹ главная часть которого переписывается; афоризмы его будут высланы на этой же неделе.¹⁰ Вот, кажется, — все.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать мой сердечный привет Зиновию Исаевичу.¹¹

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ К. Д. Бальмонт жил в это время в пригороде Брюсселя Иксель (см.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* «Поэт с утренней душой»: жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М., 2003. С. 234). Балтрушайтис обратился к нему с предложением от издательства «Шиповник» участвовать как переводчик в Собрании сочинений Кнута Гамсуна в 12 томах. Оно осуществлялось, как было обозначено на титульных листах томов, «при ближайшем участии К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова».

² Вторник — 30 октября.

³ Понедельник — 29 октября (11 ноября н. ст.). Письмо к Гамсуну в Христианию должно было определять предлагаемые договорные условия печатания его Собрания сочинений в издательстве «Шиповник».

⁴ Подмосковное имение Поляковых Баньки.

⁵ Отец С. А. Полякова — *Александр Яковлевич Поляков* (1822—1907), владелец одного из крупнейших российских шерстоткацких предприятий «Фабрично-торговое товарищество Знаменской мануфактуры А. Я. Полякова».

⁶ «Виктория» («Victoria», 1898) — роман Гамсуна.

⁷ Как следует из этой фразы, Балтрушайтис взял на себя подсчет объемов всех произведений Гамсуна, предполагавшихся к включению в «шиповниковское» Собрание сочинений.

⁸ Книга очерков «Духовная жизнь Америки» (1889) в переводе А. Соколовой составила том 1 Собрания сочинений Гамсуна в издательстве «Шиповник» (1909).

⁹ Имеется в виду подготовленная Балтрушайтисом для «Северных сборников издательства „Шиповник“» подборка переведенных им произведений датского философа, богослова и писателя *Сёрена Кьеркегора* (*Kierkegor, Kierkegaard*; 1813—1855) и материалов о нем (статья Гаральда Гёффдинга «Потомок Гамлета» и библиографические перечни) (Кн. 4. СПб., 1908. С. 5—55).

¹⁰ Цикл афоризмов Кьеркегора «*Διαψαλματα*». См.: Там же. С. 46—55.

¹¹ *Гржебин Зиновий Исаевич* (1869—1929) — художник, издатель; совладелец (с С. Ю. Копельманом) издательства «Шиповник».

2 ноября 1907. <Москва>¹

Многоуважаемый Соломон Юльевич —

От Бальмонта все еще нет ответа; если не будет и сегодня, то к вечеру запрошу его телеграммой. Книги Гамсуна получаю лишь сегодня. Высланные мною книги из Христиании и Копенгагена (по Сев<ерным> Сб<орникам>) приходят почему-то частями и с непонятным запозданием.² Мой материал к текущему «сборнику» будет у Вас во вторник.³ Если задерживаю, телеграфируйте. На всякий случай просматриваю «Викторию». Письмо Гамсуну начерно готово. Сегодня по этому и прочим поводам заседаем с Поляковым. Вероятно, на будущей неделе буду в Петербурге. Хотя не на-верное.

Вот Вам маленький отчет.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

Привет Зиновию Исаевичу.

¹ В письме — дальнейшее развитие тем, затронутых в п. 1.² Подразумеваются книги скандинавских авторов, приобретенные с целью отбора материала и перевода для «Северных сборников».³ Вторник — 6 ноября. Имеется в виду 4-я книга «Северных сборников».

3

3 ноября 1907. <Москва>

Дорогой Соломон Юльевич —

Вчера поздно вечером Бальмонт прислал следующую телеграмму: «Викторию не могу; участвовать согласен».¹ Таким образом перевод, по нашему условию с Пол<яковым>, переходит ко мне. Я за него сейчас же и принимаюсь; буду высылать по частям и выхода книги до Рожд<ества> *никоим образом* не задержу. Первую треть вышлю в будущую субботу.²

К вечеру сообщу Вам остальные сведения о Гамсуне. Зиновию Исаевичу, как обещался вчера, напишу отдельно.

Пока же прошу передать мой привет и ему и всем Вашим.

Ю. Балтрушайтис.

¹ Тем самым К. Д. Бальмонт отказывался переводить в установленные издательством «Шиповник» жесткие сроки роман Гамсуна «Виктория», но готов был участвовать в последующих томах Собрания сочинений норвежского писателя. Выполненные им переводы составили три тома этого издания, вышедшие в свет в 1909—1910 гг. — т. 9 (Поросль. Рассказы), т. 10 (Царица Тамара. Драма; Под полумесяцем), т. 11 (Мечтатель. Роман; Воинствующая жизнь. Рассказы).² Балтрушайтис предполагал выслать указанный им переведенный объем текста «Виктории» через неделю — 10 ноября. Том 7 Собрания сочинений Гамсуна в издании «Шиповника» (1908) составили переведенные Балтрушайтисом роман «Виктория» и книга «В сказочной стране».

3 ноября 1907. <Москва>

Дорогой Соломон Юльевич —

В дополнение к сегодняшнему письму могу сообщить некоторые данные относительно количества букв в отдельных оригиналах Гамсуна.

«Виктория» занимает —	194 000
«Сьеста» —	254 000

так что в томе ¹	448 000

«Новь» ² —	592 500

«В сказочной стране» —	356 400

О «Духовной жизни современной Америки» я уже писал.

Остальное сообщу на днях, когда придет из Христиании новое полное собрание сочинений Гамсуна, которое почему-то запаздывает. Полагаю, что скоро все-таки будет, и тогда все выяснится окончательно.

Пишу главным образом для того, чтобы сообщить Вам, что на перевод «Виктории» мне понадобится от 8—10 дней, считая со вторника 6-го ноября, и, стало быть, последняя строка будет доставлена не позже 18 ноября. Таким образом, при давлении на типографию, книга может выйти в самом начале декабря. При подсчете я брал среднее суточной работы, на самом же деле, может быть, удастся выгадать еще день-другой, но один день, полагаю, не имеет значения.

Итак, до ближайшего.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

P. S. У Полякова много личных хлопот и неприятностей, и до сих пор мы еще <не?> успели переговорить окончательно. Но могу сказать, что письмо Г<амсуну> пойдет в понедельник.³

¹ «Виктория» и сборник рассказов «Сьеста» (в переводе С. А. Полякова, ранее опубликованном отдельным изданием: *Гамсун К. Сьеста. Очерки и рассказы*. М.: Скорпион, 1900), согласно предварительному распределению материала по томам «шиповниковского» Собрания сочинений Гамсуна, должны были составить отдельный том. «Сьеста» вошла в 5-й том этого издания (1908), наряду с романом «Пан» (также в переводе Полякова). См. также примеч. 2 к п. 3.

² Роман «Новь» («Ny Jord», 1893) в переводе А. Острогорской составил том 4 «шиповниковского» издания (1909).

³ Понедельник — 5 ноября. См. примеч. 3 к п. 1.

25 дек<абря> 1907. <Москва>

Многоуважаемый и дорогой Соломон Юльевич,

К посланному Киркегору мне нужно еще присоединить страниц 10—12 афоризмов, которые выбираю и пошлю завтра.¹ Киркегора прошу поставить первым, а Якобсена — вторым.² Рукопись «Несчастнейшего» не окончательная, будут стилистические и прочие (небольшие) поправки, для чего

Вы получите второй экземпляр рукописи, с которым Вы и распорядитесь сверять корректуры. Как только будет видно, будьте любезны сообщить, сколько места займет Кирк<егор> и Якоб<сен>; это на тот случай, если понадобится еще несколько страниц афоризмов Киркегора, которые я буду держать наготове. Список сочинений Киркегора и книг о нем я решил прибавить в последнюю минуту, полагая, что это полезно вообще и придаст известную солидность сборнику. Жду корректур «Нильса», чтобы сравнить разницу в переводах Сологуба и Городецкого.³ *Викторию*, в два приема, пошлю в ближайшие несколько дней, усердствуя изо всех сил, чтобы не задержать книги.⁴

Вот, пока, все.

Приветствую Вас с близким уже новым годом и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Ю. Балтрушайтис.

¹ См. примеч. 10 к п. 1. Ранее Балтрушайтис выслал переведенную им речь Кьеркегора «Несчастнейший» (Северные сборники издательства «Шиповник». СПб., 1908. Кн. 4. С. 25—45).

² Подразумевается распределение материала в кн. 4 «Северных сборников»: она открывалась подборкой текстов Кьеркегора и материалов о нем, далее следовал перевод романа датского прозаика *Йенса Петера Якобсена* (1847—1885) «Нильс Люне» (1880).

³ Федор Сологуб как один из переводчиков «Нильса Люне» в кн. 4 «Северных сборников» не указан; обозначено: «Пер. С. Городецкого» (С. 57).

⁴ В данном случае Балтрушайтис не сумел уложиться в сроки, установленные ранее им самим. См. п. 3, примеч. 2; п. 4.

6

1 янв<аря> 1908 г. <Москва>

Многоуважаемый и дорогой Соломон Юльевич —

Посылаю Вам последнее, что войдет в текущий Северный Сборник.¹ Больше не будет ни строчки. Очень хотелось бы получить одну корректуру: *отошлю в тот же день*. Теперь всецело занят «Викторией». Список двух следующих сборников окончательно установлю на днях.² Завтра пошлю окончательную редакцию «Несчастнейшего» (Киркегора).

Елизавета Юльевна³ передавала мне Ваше желание иметь роман Ионаса Ли к 20 января, но боюсь, что не успею, а поручить вещь другому лицу не имею возможности.⁴ Прошу назначить мне срок 5 февраля.

Жду корректур Якобсена. Киркегора, как просил, поставьте в первую голову, в следующем порядке: статья Гёффдинга, «Несчастнейший», «*Διαψαλματα*».⁵

Нравится ли Вам Киркегор, если просматривали?

Крепко жму Вашу руку и желаю всему Шиповнику тропического процветания в наступившем году.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

Р. С. Зиновию Исаевичу пишу отдельно. Прошу его сообщить мне подробности о новой пьесе Стриндберга.⁶

¹ Имеется в виду кн. 4 «Северных сборников».

² Вслед за 4-м, «датским» «Северным сборником» Балтрушайтис предполагал составить и отредактировать «норвежский» и «шведский» сборники.

³ *Копельман Елизавета Юльевна* — сестра С. Ю. Копельмана.

⁴ *Ли (Lie) Юнас (Ионас)* (1833—1908) — норвежский прозаик и драматург. Какой именно из его романов предполагался для публикации в «Северных сборниках», неясно: намеченный перевод в этом издании не появился, других публикаций Ю. Ли в переводе Балтрушайтиса не зафиксировано.

⁵ Указанный порядок текстов был соблюден в кн. 4 «Северных сборников».

⁶ Шведский прозаик и драматург *Август Стриндберг* (1849—1912) создал в 1907 г. цикл из четырех «камерных пьес»: «Соната призраков», «Пеликан», «Ненастье», «Пепелище». Подразумевается, возможно, самая известная из них — «Соната призраков»; Балтрушайтис перевел ее для кн. 5 «Северных сборников» (СПб., 1908. С. 171—234).

7

10—I—<19>08. <Москва>¹

Многоуважаемый Соломон Юльевич —

Отсылаю окончательную редакцию Киркегорова «Несчастнейшего». Распорядитесь, чтобы как можно тщательнее проверили по ней корректуру. Хотелось бы сверстанные листы просмотреть лично (главным образом во избежание опечаток в датских заглавиях сочинений²). Пошлите, *не* задержу. Боюсь за Якобсена, о котором ничего не знаю.

Сообщаю содержание следующего (норвежского) сборника:³

Ионас Ли. Роман. Перевод мой.

Александр Кьелланд.⁴ Новеллы.

Арне Гарборг.⁵ *Великий подвиг*. Перевод мой.

Содержание VI (шведского сборника):⁶

К. И. Л. Альмквист. Рассказы.⁷

Август Стриндберг. Роман.⁸

Яльмар Сёдерберг. Новеллы.⁹

Очень спешу с «Викторией».

Не откажите уведомить, в каком положении текущий Сев<ерный> Сб<орник>.

Крепко жму Вашу руку. Мой привет Елизавете Юльевне.

Ю. Балтрушайтис.

¹ Закрытое письмо — «секретка»; почтовые штемпели: Москва. 12.I.08; С.-Петербург. 13.I.08.

² Подразумеваются библиографические перечни «Сочинения Сёрена Киркегора», «Сочинения, напечатанные после его смерти (1855)», «Книги о Киркегоре» в кн. 4 «Северных сборников» (С. 20—23).

³ Этот сборник, предполагавшийся к печати под редакцией Балтрушайтиса, не был осуществлен.

⁴ *Хьелланн (Kielland) Александр Ланге* (1849—1906) — норвежский прозаик.

⁵ *Гарборг Арне Эвенсен* (1851—1924) — норвежский прозаик.

⁶ «Шведский» сборник, составленный и полностью переведенный Балтрушайтисом, был выпущен следом за 4-м, «датским»: Северные сборники издательства «Шиповник». СПб., 1908. Кн. 5.

⁷ В кн. 5 «Северных сборников» была напечатана повесть шведского прозаика и поэта Карла Йонаса Лове Альмквиста (1793—1866) «Мельница в Шельнуре» (1838), ей был предпослан написанный Балтрушайтисом биографический очерк об авторе (С. 7—114).

⁸ Из произведений Стриндберга в кн. 5 «Северных сборников» были опубликованы три новеллы («Высшая цель», «Сказка о С.-Готарде», «Пол-листа бумаги») и драма «Соната призраков» (С. 115—234).

⁹ Там же были напечатаны шесть новелл шведского прозаика, драматурга и литературного критика Ялмара Сёдерберга (1869—1941).

8

19—I—<19>08. <Москва>

Дорогой Соломон Юльевич —

Ваше письмо получил. Приблизительное количество букв в указанных Вами вещах Гамсуна сообщу сегодня вечером.¹ Одновременно отсылаю корректуры Киркегора.² Я просмотрел только статью и «Διαψαλματα»,³ *Несчастнейшего* же поручите сверить с высланною мною на днях моей окончательной рукописью, не имея которой, я не хотел исправлять на память. Теперь вожусь с «Нильсом», отошлю его в понедельник. Чувствую, что браните меня за «Викторию»,⁴ но теперь все это пойдет *очень скоро*. Хотя Якобсен уже верстается, я все-таки просил бы поставить его после Киркегора. Будет ли надобность в дальнейшей проверке «Нильса Люне», сообщу при отсылке присланного. — Недавно являлся ко мне некто Энгельсен, петербургский студент, датчанин, с предложением своих услуг. Если окажется, что он сколько-нибудь владеет русским литературным языком, то это будет полезно. Судя по письмам его ко мне, это — человек Ганзеновского достоинства.⁵

Значит, до вечера. Желаю Вам поскорее освободиться от Вашего недомогания. Как находите Киркегора?

Мой привет Елисавете Юльевне и Екатерине Юльевне.⁶ И Вашим «мужчинам».

Крепко жму руку.

Ю. Балтрушайтис.

¹ См. примеч. 7 к п. 1.

² См. примеч. 9 к п. 1.

³ К правке корректур этого произведения имеет отношение недатированная записка, отправленная Копельману:

Дорогой Соломон Юльевич —

Очень прошу, если еще не поздно, исправить следующее: у Киркегора, в *Διαψαλματα*, в *первом* отрывке вместо дважды поставленного слова *рецензент* поставьте слово *критик*.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

Указанное исправление учтено в печатном тексте (Северные сборники издательства «Шиповник». Кн. 4. С. 46).

⁴ Подразумевается нарушение ранее установленных сроков представления перевода.

⁵ Супруги Ганзен — Анна Васильевна (урожд. Васильева; 1869—1942) и Петр (Петер Эмануэль) Готфридович (1846—1930) — были самыми крупными и плодовитыми переводчиками датских, шведских и норвежских писателей на русский язык, авторами многих статей,

популяризовавших скандинавскую культуру. Упомянутый Балтрушайтисом Энгельсен в заключительных 6-й (1909) и 7-й (1911) книгах «Северных сборников» не участвовал.

⁶ Сестры С. Ю. Копельмана.

9

20—I—<19>08. <Москва>¹

Дорогой Соломон Юльевич —

Спешу исправить одну вчерашнюю ошибку: в «Мункен-Вендте» не свыше 600 000 букв, как сообщал, а 400 000 с небольшим в оригинале, написанном стихами, что в русском переводе сведется приблизительно к 380 000.²

Несколько меньше указанного будет и в *Чаще*.³ Вообще я брал тахітум'ы.

Если еще не приступали к Гамсуну, то можете смело отдавать «Съесту» в набор, так как с «Викторией» я уже больше не задержу.⁴

Скоро, вероятно, начнется запись на гастр<оли> Худож<ественного> театра, сообщите, какие места (ложи) хотите иметь.⁵

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ Закрытое письмо — «секретка»; почтовые штемпели: Москва. 20.I.1908; С.-Петербург. 21.I.08.

² Письмо Балтрушайтиса к Копельману от 19 янв. 1908 г. с подсчетами объемов произведений Гамсуна (которое он обещал отправить в п. 8), вероятно, не сохранилось. Драма «Мункен Вендт» в Собрание сочинений Гамсуна, изданное «Шиповником», не вошла.

³ Видимо, так Балтрушайтис называет сборник рассказов «Поросль», составивший 9-й том Собрания сочинений Гамсуна (1909).

⁴ См. примеч. 1 к п. 4.

⁵ Гастроли Московского Художественного театра в Петербурге проходили с середины апреля до середины мая 1908 г. Балтрушайтис дружески общался с К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко. 10 марта 1907 г. он сообщал А. А. Дьяконову: «Неожиданно приобретаю влияние на „ядро“ Московского Художественного театра» (цит. по кн.: *Давётите*. С. 39).

10

24—I—<19>08. <Москва>

Дорогой Соломон Юльевич —

Начинаю отсылать «Нильса Луне».¹ Как видите, перевод далеко не высшего достоинства. Не говоря уже о подлиннике, перевод так резко расходится с немецким текстом, что только из почтения к Ф<едору> К<узъмичу> можно говорить о неточностях. Печальнее всего, что ни ритм, ни движение яacobсеновской речи почти не схвачены. Перевод Городецкого бесконечно строже и удачнее во всех отношениях. Вот я, насколько позволяет сверстанный текст, и поднимаю начало до уровня перевода С<ергея> М<итрофановича>, что весьма сложно и затруднительно. Все это очень досадно, ибо дело очень просто, а Сев<ерные> Сб<орники> только тогда и могут привлечь глубокое внимание и иметь безусловный сбыт, если все в них будет на должной высоте. Ф<едору> К<узъмичу> говорить об этом

post factum бесполезно, и прошу оставить мои нарекания в секрете. Сделаю все, чтобы вышло сколько-нибудь сносно, и главным образом ради Городецкого, имя которого будет носить перевод.

Думаю, что успею расхлебать всю кашу до завтра.

Пошлите и дальнейшие корректуры для транскрипции датских имен, ошибки в русском начертании которых могут навлечь на книгу пренеприятное осуждение.

Жму крепко руку.

Ю. Балтрушайтис.

¹ Речь идет о редактировании перевода романа Якобсена «Нильс Люне», печатавшегося в 4-й кн. «Северных сборников»; начальные главы его были выполнены Федором Сологубом (вероятно, не с датского оригинала, а с немецкого перевода), остальной текст — С. М. Городецким. См. также п. 5, примеч. 3.

11

26—I—<19>08. <Москва>

Дорогой Соломон Юльевич —

Посылаю еще лист «Люне».¹ То, что предполагал сделать в несколько часов, пришлось делать несколько дней. Сколько можно, исправляю, потому что так оставить нельзя. Вместо замечательного романа получилось сплошь да рядом не имеющее смысла уродство (можете судить по тому, что на что приходится переправлять). Необходимо сделать все, чтобы вышло прилично. В видах распространения и вообще внутреннего успеха Сев<ерных> Сборн<иков> Вам нужно быть с ними крайне осторожными и добросовестными, иначе одною книгой, *одною вещью*, можно погубить все дело и потом его уже ничем не поправишь.

Ввиду сложной правки, умоляю Вас дать просмотреть листы хотя бы Городецкому, которого я просил бы устранить могущие встретиться шероховатости.

Завтра продолжение.

Жму крепко руку.

Ю. Балтрушайтис.

P. S. Билеты в Худ<ожественный> Т<еатр>² будут записаны заблаговременно, кроме мест, начиная с рубля и ниже, которые в абонемент не входят. Постараюсь устроить их другим путем.

¹ См. п. 10, примеч. 1.

² См. п. 9, примеч. 5.

12

30—I—<19>08. <Москва>

Дорогой Соломон Юльевич —

Как телеграфировал, *Пана* соедините со *Сьестой*.¹ Это — единственное возможное и вполне естественное сочетание и притом же как раз — то,

что Вам нужно. Драм же трогать нельзя, потому что ведь, собственно, они составляют трилогию.² В новом распределении это будет т. V, порядок: I Пана. II Съезда. К *Виктории* же присоединится часть прежнего VIII и т. д. Новое и окончательное оглавление и распределения — ввиду настоящей перемены — сообщу своевременно. На «Пана» здесь тоже обнаружился спрос, и чем скорее успеете выпустить V том, тем лучше. Поляков просит одну корректуру (адрес: «Весы»), которой он не задержит.³ От себя советую послать ему хотя бы часть гонорара.

На днях получите первую половину «Виктории», а на будущей неделе — вторую. Дополнением к ней будет «В сказочной стране», часть которой придется переводить мне же.⁴ Вообще совсем нет переводчиков. Поляков пока взялся перевести только драму «Вечерняя Заря».⁵ Но об этом речь особо. На днях напишу Вам свои новые соображения по поводу Сев<ерных> Сбор<ников>. Думаю, что придется дать раньше шведский, а потом норвежский, т. е. в обратном порядке.

В каком положении Текущий? Теперь я начну торопить Вас! Прилагаю русское начертание нескольких собственных имен из «Нильса Люне», остальные — в прямой транскрипции.

Кажется, пока — всё.

Крепко жму Вашу руку.

Ю. Балтрушайтис.

¹ См. примеч. 1 к п. 4.

² Речь идет о содержании тома 6 Собрания сочинений Гамсуна (1909), в который вошли три пьесы — «У врат царства» (в переводе Ф. Ф. Коммиссаржевского), «Драма жизни» (в переводе С. А. Полякова), «Закат» (в переводе С. М. Городецкого).

³ Эта корректура была выслана Балтрушайтису, о чем свидетельствует его записка, отправленная по адресу «Шиповника» и хранящаяся среди его писем к Копельману:

20.II. 08. <Москва>

М. Г.

Корректуры «Пана» немедленно переданы мною С. А. Полякову. Продолжение посылайте лично ему, по адресу: Москва, Метрополь, 23. Редакция журнала «Весы». Сергею Александровичу Полякову.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

⁴ Эти произведения в переводе Балтрушайтиса составили 7-й том Собрания сочинений Гамсуна (1908).

⁵ В Собрании сочинений Гамсуна эта драма («Закат») помещена в переводе Городецкого (см. примеч. 2).

Дорогой Соломон Юльевич —

Посылаю новое распределение сочинений Гамсуна по отдельным томам. Теперь стало 12 томов, причем в XII-й войдет и последняя по времени вещь Гамсуна.² На днях я получу только что вышедшее полное собрание

его сочинений, и возможно, что придется последние 4 тома распределить несколько иначе. Если сочтете нужным, сделайте соответствующую оговорку. Хотя можно обойтись и без этого, так как мы дадим окончательный порядок при первой же (V) книжке.³ Полагаю, что в текущем сезоне необходимо выпустить по крайней мере 3 тома (V, VII и II⁴). «Виктория» у меня почти готова, значительную часть «Сказочной страны» беру также на себя и, если и подыщу кого-нибудь, то лишь для последних новелл.⁵

Торопите Городецкого с «Нильсом».⁶

V сборник да будет шведский,⁷ потому что только при этом условии можно будет начать набор с 20-го февраля, а начать нужно поскорее, чтобы выйти не позже конца марта. Для ускорения, для единства, тщательности ради все переводы для *шведского* сборника беру на себя. Необходимо *сделать его безукоризненно*. И вообще нужно держать ухо востро. Оглавление его вышлю *послезавтра*.

Кажется, — все. Крепко жму руку.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ В автографе месяц обозначен: XII — явная описка. Исправлено по связи с п. 12.

² В том 12 Собрания сочинений Гамсуна (1910) вошли роман «Под осенними звездами» («Under høststjerner»), 1906) в переводе Я. Сегаль и статья З. А. Венгеровой «Лирик фатализма».

³ Издание Собрания сочинений Гамсуна было начато 5-м томом (1908). См. примеч. 1 к п. 4.

⁴ В том 2 Собрания сочинений Гамсуна (1909) вошел роман «Голод» в переводе А. Острогорской.

⁵ См. п. 12, примеч. 4.

⁶ Судя по этой фразе, Городецкий к тому времени еще не представил заключительную часть перевода романа «Нильс Люне».

⁷ См. примеч. 6 к п. 7.

14

4—III—<19>08. <Москва>¹

Дорогой Соломон Юльевич —

Поляков часть корректур послал сегодня,² он просит послать ему 4-й лист *Пана* и 4-й и 5-й листы *Сьесты*, которых у него *не оказывается*. Вместе мы просим держать в томе *общую нумерацию*, а *не* отдельную для «Пана» и отдельную для «Сьесты».

Сергей Александрович извиняется, что несколько задержал корректуры, но это было необходимо в видах возможно большей тщательности.

О себе напишу отдельно.

Жму руку.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ Написано на бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весь».

² См. п. 12, примеч. 3.

26 авг<уста> 1908. <Берлин>¹

Дорогой Соломон Юльевич —

Полученные мною вчера только 207!! марок очень огорчили меня!² Получив в Ассерне³ уведомление, что деньги могут быть высланы мне 18-го, я успокоился и, думая о совершенно другой сумме, изменил мой заграничный маршрут на северные столицы. Теперь это очевидно немыслимо, и я могу только пожалеть. Еще в середине лета я всячески доказывал и Вам и, в особенности, Зиновию Исаевичу, что поездка на север необходима и без нее продолжать Сев<ерные> Сборн<ики> ни физически, ни нравственно совершенно немыслимо. По крайней мере, *я лично не берусь*. В настоящее время я еще и в последний раз прошу Издательство понатужиться и выслать мне не менее 700 руб. в Копенгаген, где я буду уже в четверг вечером.⁴ Не будем говорить ни о правах, ни об одолжениях, такого хода вещей требует само дело. Ведь лично я с большей охотой сидел бы на месте, и ни Стокгольм, ни Христиания в настоящее время мне решительно не нужны. Проработав без передышки все лето, я предпочел бы не таскаться по морям и сушам и гостиницам, мой заработок я мог бы истратить гораздо приятнее, но раз я это делаю, еду, то, не нанося ущерба своим же издательским интересам, Вы не можете не сделать самого крайнего усилия. Постарайтесь!

Очень жаль, что до сих пор я не получаю от Вас никакого письменного пояснения настоящего дела. Пошлите хоть в Копенгаген (*poste restante*). В пятницу утром я сообщу свой адрес телеграммой и прошу Вас приготовить Ваш ответ к тому же дню.

Больше ждать я уже не могу. (*Трое суток здесь прождал.*)

Дорогой Соломон Юльевич, заверяю Вас всей моей личной симпатией к Вам, что, не будь нужно, и притом для дела же, я отнюдь не стал бы настаивать. Теперь же приходится. Без этой поездки руководить Сев<ерными> Сбор<никами> *я отказываюсь*, и если это мое руководство полезно и желательно, то, не отнесясь к данному положению со всем старанием и готовностью, пеняйте на себя. На *очень официальное* письмо об опечатках ответу в скорости. Сейчас очень занят весьма срочной и весьма ответственной работой.⁵

Из Копенгагена вышлю и последние корректуры.⁶ Раньше никак не мог.

Итак, до пятницы. Если ничего не выйдет, я направлюсь в противоположную сторону.

Жму Вашу руку.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ Ср. сообщение в письме Балтрушайтиса к С. А. Полякову от 28 авг. 1908 г.: «По дороге в Берлин заболел, здесь пролежал 4 дня. Чувствую себя убийственно» (РО ИРЛИ, ф. 240, оп. 1, ед. хр. 6—11, л. 5).

² Речь идет о субсидии от издательства «Шиповник», причитавшейся Балтрушайтису за редактирование «Северных сборников» и на расходы во время предпринятого им путешествия

в Скандинавские страны. Балтрушайтис надеялся получить 1000 руб., как следует из цитированного выше его письма к Полякову: «Шиповник вместо 1000 уплатил 100, и работать в нем, видимо, не стоит».

³ Ассерн — дачное селение и санаторный курорт на Рижском заливе.

⁴ Четверг — 28 августа. В цитированном письме к Полякову Балтрушайтис сообщает: «Завтра еду в Копенгаген, где адрес будет: Ny Kongesgade 20, Pension Leopold».

⁵ В это время Балтрушайтис переводил совместно с С. А. Поляковым пьесу Гамсуна «У ворот царства»; этот их перевод был выпущен в свет издательством «Польза» (М., 1908) в серии «Универсальная библиотека» (№ 101). Высылая Полякову перевод первого акта драмы и обещая в цитированном письме к нему на днях закончить работу («Через несколько дней ты получишь новую рукопись в моей окончательной редакции и тогда согласишься мой перевод с твоим»), Балтрушайтис добавлял: «Особенно хлопочу о Гамсуне, потому что это, очевидно, мой единственный заработок в буд<ущем> сезоне».

⁶ Имеются в виду, вероятно, корректуры тома 7 Собрания сочинений Гамсуна (см. примеч. 2 к п. 3).

16

21 июня 1909. <Москва>

Дорогой Соломон Юльевич —

Большая и неотложная просьба: не разрешите ли Вы мне напечатать «Викторию» Гамсуна в Универсальной библиотеке «Польза» Антика?¹ Характер этого издательства таков, что появление в нем «Виктории» не может никоим образом отразиться на тираже Вашего издания.² Мне же, вынужденному по расстройству здоровья ехать на кумыс, такая сделка дала бы нужные на лечение деньги. В виде компенсации я предлагаю, в случае повторения Вашего издания «Виктории» и «В сказочной стране», уплатить мне лишь половину гонорара. Надеюсь, Вы охотно дадите Ваше согласие.

Мое положение таково, что вопрос необходимо решить сейчас же, поэтому ответьте телеграммой, так как во вторник (23) вечером я уезжаю в Уфимскую губ.

Как быть с Сев<ерными> Сбор<никами>?³

Крепко жму Вашу руку.

Ю. Балтрушайтис.

Телеграфируйте. Покровка, д. Оловянишникова, кв. 18.

Свой адрес сообщу, пока прошу писать на «Скорпион».

¹ Антик Владимир Морицевич (1882—1972) — основатель и владелец московского издательства «Польза», выпускавшего популярную дешевую серию «Универсальная библиотека». См.: Московский книгоиздатель В. М. Антик: Каталог изданий 1906—1918 / Составитель Л. В. Антик. Редакция и вступ. статья Л. И. Юниверга. М., 1993.

² Имеется в виду Собрание сочинений Гамсуна в 12 томах, в 7-м томе которого была помещена «Виктория» в переводе Балтрушайтиса. Отдельным изданием этот роман Гамсуна в переводе Балтрушайтиса в серии «Универсальная библиотека» не появился.

³ К подготовке кн. 6-й (1909) и 7-й (1911) «Северных сборников» Балтрушайтис отношения не имел.

13—XII—<19>07. <Москва>

Милостивый Государь,
Александр Алексеевич!

Ваше письмо на редакцию журнала «Весы» получил. Моя телеграмма относилась к переводу «Бобровой Шубы», которую я вышлю на этой неделе и первый акт которой, полагаю, Вы уже получили.¹ Простите, что задержал. Отчасти это зависело от того, что Вы сносились со мной через Саблина,² которого я иногда не выдаю дней по десяти. Ввиду некоторой спешки я очень прошу Вас прислать мне корректурные листы *Шубы* для возможных стилистических поправок. *Это — необходимо*. Просмотрю и отошлю в тот же день. Пьесу «А Пиппа пляшет» вышлю в течение будущей недели. «Дев из Бишофсберга» могу доставить к 29—31 декабря.³

Еще раз прошу послать мне корректуру *Бобр<овой> Шубы*, чтобы я мог отнестись к переводу со всем моим, обычным, вниманием. Сроки доставки «Пиппы» и «Дев» точны и окончательны.

Не откажите уведомить меня о получении рукописи и настоящего письма.

Пользуюсь случаем выразить Вам мое глубокое уважение.

Ю. Балтрушайтис.

¹ «Бобровая шуба» («Der Viberpelz», 1893) — комедия Г. Гауптмана. Ее перевод, выполненный Балтрушайтисом, был напечатан в томе 1 Полного собрания сочинений Гауптмана в издании А. Ф. Маркса (СПб., 1908), выпущенного в свет приложением к журналу «Нива».

² Саблин Владимир Михайлович (1872—1916) — владелец московского издательства собственного имени (основано в 1901, ликвидировано в 1912), переводчик. См.: Каталог изданий книгоиздательства В. М. Саблина. М., 1908. В соавторстве с Саблиным Балтрушайтис выполнил перевод драмы Гауптмана «Красный петух» («Der rote Hahn», 1901), выпущенный в свет отдельной книгой в издательстве В. М. Саблина в 1901 г. и вошедший в том 1 Полного собрания сочинений Гауптмана в издании А. Ф. Маркса.

³ Пьесы «А Пиппа пляшет» («Und Pippa tanzt», 1906) и «Девы из Бишофсберга» («Die Jungfern von Bischofsberg», 1907) в переводе Балтрушайтиса были опубликованы в томе 3 Полного собрания сочинений Гауптмана в издании А. Ф. Маркса.

14—XII—<19>07. <Москва>¹

Многоуважаемый Александр Алексеевич —

Второй акт «Бобровой Шубы» отослан.² Остальные следуют. Повторяю свою просьбу непременно послать мне корректуры всей пьесы, так как Саблин очень торопит меня. Не задержу. Полагаю, что Вы придерживаетесь последнего полного собрания сочинений Гауптмана, с которого и я

перевожу, и если имеется в виду воспроизвести его полностью, то я бы предложил Вам перевести еще «Пастушескую песню», прекрасный драматический отрывок в стихах, в России пока совсем неизвестный.³ Если он у вас не пристроен, сообразоволю сообщить, к какому сроку было бы желательно приготовить его. Удовлетворяют ли Вас мои сроки высылки «Пиппы» и «Дев»⁴?

В ожидании Вашего любезного ответа остаюсь искренне преданным.

<Ю. Балтрушайтис>⁵

¹ Закрытое письмо — «секретка»; почтовые штемпели: Москва. 14.XII.1907; С.-Петербург. 15.XII.07.

² См. примеч. 1 к п. 1.

³ «Пастушеская песнь» в переводе О. Н. Чюминой вошла в том 3 Полного собрания сочинений Гауптмана.

⁴ См. примеч. 3 к п. 1.

⁵ Край листа с подписью отрезан.

3

17—XII—<19>07. <Москва>

Искренноуважаемый Александр Алексеевич —

Бобровая Шуба выслана вся. Теперь буду ждать корректуры, в которой убедительнейше прошу не отказать. «Пиппа», как сообщал, переписывается. «Дев» уже перевожу и доставлю к концу декабря. Сообщите, как с «Пастушеской песней»?¹ Если нужно, то когда? И вообще не откажите установить желательные для Вас сроки, если мои почему-либо неподходящи. «Паст<ушескую> Песню» я мог бы выслать к 1-му фев<ря>. Закрываю мое письмо усердной просьбой по возможности скорее выслать мне денег. Так как у Вас уже имеется «Кр<асный> П<ух>»,² «Бобровая шуба», и «Пиппа» уже готова, то я просил бы выслать мне 600 р., и так, чтобы я мог получить их не позже пятницы.³ Окажете чрезвычайное одолжение. Просил бы выслать эту сумму чеком на Моск<овское> отделение конторы Юнкера.⁴ В случае невозможности исполнить мою просьбу — чего я не думаю — сообразоволю предупредить меня телеграммой.

В ожидании Вашего любезного и скорого ответа остаюсь искренне преданным.

Ю. Балтрушайтис.

P. S. Повторяю, корректуры верну тотчас же.

¹ См. п. 1, примеч. 1, 3; п. 2, примеч. 3.

² См. п. 1, примеч. 2.

³ Пятница — 21 декабря.

⁴ Имеется в виду банкирская контора «И. В. Юнкер и К°».

6 ноября <19>09. <Москва>

Искреннеуважаемый Александр Алексеевич,

Я вернулся в Москву только вчера вечером. Дать свои переводы Гамсуна для прилож<ений> «Нивы» принципиально согласен.¹ Они напечатаны в Универсальной библиотеке «Польза» («У врат царства» (с С. А. Поляковым), «Драма жизни», «Вечерняя заря» и «Царица Тамара»)² и в «Шиповнике» («Виктория» и «В Сказочной стране»)³ С «Пользой» у меня заключены некоторые условия, с «Шиповником» никаких условий не заключено. Думаю, что в ближайшие дни мне удастся окончательно выяснить вопрос, и тогда я немедленно извещу Вас заказным письмом.

Искренно уважающий Вас

Ю. Балтрушайтис.

¹ Речь идет о Полном собрании сочинений Кнута Гамсуна, предпринятом в издании А. Ф. Маркса в 1910 г. как приложение к журналу «Нива».

² См.: Письма к С. Ю. Копельману, п. 15, примеч. 5; п. 16, примеч. 1. Упоминаются отдельные издания в серии «Универсальная библиотека» переведенных Балтрушайтисом пьес Гамсуна «Вечерняя заря (Эпилог)» (№ 121. 1909), «Драма жизни» (№ 203. 1909), «Царица Тамара» (№ 177. 1910). Указанные переводы пьес Гамсуна, выполненные Балтрушайтисом, вошли в том 2 Полного собрания сочинений в издании А. Ф. Маркса («Драма жизни» — под заглавием «Игра жизни»).

³ См.: Письма к С. Ю. Копельману, п. 3, примеч. 2.

5

25 XII <19>09. <Москва>¹

Искреннеуважаемый Александр Алексеевич,

Мою просьбу Вы исполнили вовремя; прошу принять мою глубокую благодарность.

Половину «Голода»² хотел выслать еще в начале недели, но моя переписчица заболела, поэтому на днях начну высылать Вам по частям.

Вторая половина «Голода» тоже переведена, но необходимо просмотреть ее еще раз...

Вообще, все мое рабочее время принадлежит Вам, и роман будет доставлен в течение ближайших 10 дней. *Непреренно.*

Сборник моих стихов выйдет в конце февраля или в начале марта.³

Крепко жму руку за Вашу неизменную предупредительность и все Ваше внимание ко мне.

Искренно преданный

Ю. Балтрушайтис.

¹ Закрытое письмо — «секретка»; почтовые штемпели: Москва. 25.XII.1909; С.-Петербург. 26.XII.09.

² Роман «Голод» («Sult», 1888) в переводе Балтрушайтиса вошел в том 2 Полного собрания сочинений Гамсуна в издании А. Ф. Маркса. Этот перевод переиздавался и в новейшее время;

см.: *Гамсун Кнут*. Избранные произведения: В двух томах. М.: Художественная литература, 1970. Т. 1.

³ Книга Балтрушайтиса «Земные Ступени. Элегии, песни, поэмы» (М.: Скорпион, 1911), завершенная и отправленная в издательство после обозначенного здесь срока, осенью 1910 г., вышла в свет лишь в апреле 1911 г.

6

24 I <19>10. <Москва>

Искреннеуважаемый Александр Алексеевич —

Посылаю продолжение «Голода».¹ Чувствую, Вы уже сердитесь. Но беда в том, что больше половины работы приходится делать вновь, так как рукопись «трагически» пострадала. При других условиях я бы отказался от работы, ибо это обстоятельство расстроило все мои планы.

Чтобы кончить, мне нужно еще три дня.

Сообщите, дошла ли рукопись, так как копии у меня нет. Очень прошу выслать мне коррект<урные> листы; необходимо взвесить все еще раз.

Прошу также выхлопотать мне под работу 200 р.; хотелось бы получить их не позже этой пятницы,² так как в пятницу вечером я уезжаю на несколько дней в Самару. Если окажется, что мне нельзя выслать денег в столь короткий срок, то оставьте мою просьбу без исполнения.

Конец, значит, будет выслан до моего отъезда в Самару. Кор<рек>тур не задержу.

Не сердитесь на меня, мне самому тяжело опаздывать.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ См. п. 5, примеч. 2.

² Пятница — 29 января.

7

29 I <19>10. <Москва>

Искреннеуважаемый Александр Алексеевич —

Конец *Голода*, надеюсь, получили. Полученные вчера листы отошлю прямо в контору *Нивы* завтра.¹ Если есть продолжение, хорошо бы получить теперь же и его, потому что моя поездка в Самару отложена, вероятно, до будущего вторника.² Впрочем, там я пробуду лишь 2—3 дня, не больше...

За исполнение моей денежной просьбы чувствительно благодарен. Несколько можно подсчитать гонорар теперь же, просил бы похлопотать заодно и об остатке.

Предупреждаю, что во второй половине *Голода* поправок, вероятно, будет больше, чем в первой, так как я успел проверить рукопись только один раз, и то больше в смысле верности с подлинным.

Еще раз извиняюсь, если слишком запоздал, и благодарю Вас за Ваше доброе ко мне отношение.

Искренно преданный Вам

Ю. Балтрушайтис.

P. S. Прошу не забыть указать при моем переводе и фамилию переводчика.

¹ Подразумеваются корректурные листы ранее отосланной для набора начальной части перевода романа «Голод».

² Вторник — 2 февраля. Несостоявшаяся поездка в Самару была вызвана просьбой В. Ф. Коммиссаржевской приехать туда для обсуждения планов задуманной театральной школы, для которой Балтрушайтис должен был написать статью о ее театральной программе. 21 декабря 1909 г. Коммиссаржевская писала А. А. Дьяконову из Кисловодска: «Решила просить Ю<ргиса> К<азимировича> приехать ко мне в Самару 6-го февраля <...>» (О Коммиссаржевской. Забытое и новое: Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1965. С. 175). Намерениям не суждено было сбыться из-за болезни (оспа) и последовавшей кончины Коммиссаржевской.

8

12 II <19>10. <Москва.> Покровские ворота, 10, кв. 18.

Искреннеуважаемый Александр Алексеевич —

Нельзя ли сообщить, когда можно ждать набора *Голода*. За смертью Коммиссаржевской я пока остаюсь в Москве, но 1—2 марта уеду на несколько месяцев за границу.¹ Хотелось бы освободиться от всех внешних забот теперь же.

Нельзя ли также ускорить окончательный расчет по *Голоду*?

Спасибо за добрые слова в Вашем фельетоне о «Весях».²

(1-го марта «Скорпиону» исполняется 10 лет.)³

Крепко жму Вашу руку.

Ю. Балтрушайтис.

¹ *Вера Федоровна Коммиссаржевская* (1864—1910) скончалась 10 февраля 1910 г. в Ташкенте. Гроб с ее телом был отправлен для погребения в Петербург (в Александро-Невской лавре), траурные проводы прошли в Москве. В последние месяцы жизни Коммиссаржевской Балтрушайтис творчески сблизился с актрисой, состоял с нею в переписке (см.: *Дауётите*. С. 42—43).

² В обзоре «Литературные беседы» (Русское слово. 1910. 5 февр. № 28. С. 2) Измайлов, подводя итоги шестилетнему изданию московского символистского журнала «Весы» («„Весы“ приказали долго жить. Вышли октябрьский и ноябрьский номера, соединенные в одну книжку, и подписка на будущий год прекращена»), перечислял авторов, определявших облик издания; среди них был упомянут и «задумчиво-тихий Балтрушайтис».

³ Работа над подготовкой первых книг издательства «Скорпион» началась еще до 1 марта 1900 г., в конце 1899 г.

9

15 II <19>10. <Москва>

Искреннеуважаемый Александр Алексеевич —

Сию над *Голодом*,¹ надеюсь выслать завтра, если не все, то почти все.

Посодействуйте скорейшей выдаче остатка гонорара, так как очень нужны деньги и, ввиду скорого отъезда за границу, нужно привести в известность все дела. Буду премного благодарен.

Жму крепко руку.

Ваш Ю. Балтрушайтис.

¹ Речь идет о корректурных листах романа «Голод».

17 II <19>10. <Москва>

Искреннеуважаемый Александр Алексеевич —

Сегодня отослан *Галод*. Поправок в нем больше, чем принято. Очень Вас прошу устроить, чтобы все, указанное в корректурах, было исполнено без пропусков.

Спешил, сколько мог, и надеюсь, что исполнил работу все-таки в срок.

Скоро уезжаю за границу. Надолго. Если я Вам когда-нибудь понадобится, мой адрес всегда узнаете в «Скорпионе».

Крепко жму Вашу руку.

Ю. Балтрушайтис.

Л. И. АВЕРЬЯНОВА-ДИДЕРИХС
ЗАПИСЬ О «ВТОРНИКЕ» «НЕОКЛАССИКОВ»

16 НОЯБРЯ 1926 года

Публикация М. М. Павловой

Автор публикуемой мемуарной записи — Лидия Ивановна Аверьянова (в первом браке — Дидерихс; во втором браке — Корсун; псевд. — А. Лисицкая; 1905—1942)¹ входила в кружок молодых поэтов — членов Ленинградской «Ассоциации неоклассиков», который в 1925—1927 гг. собирался (по вторникам) на квартире у Федора Сологуба (Федора Кузьмича Тетерникова; 1863—1927). «Патриарх» русского символизма, с марта 1924 г. возглавлявший Ленинградское отделение Союза писателей, был избран почетным членом «Ассоциации» (наряду с А. А. Ахматовой, М. А. Кузминым и М. В. Ватсон).

Первоначально собрания «неоклассиков» проходили в Союзе писателей на Фонтанке 50 и назывались «Вечера на Фонтанке»; с конца 1925 г. кружок стал собираться у Сологуба (поэт жил на набережной Ждановки в доме № 3, кв. 22), и чтения получили название «Вечера на Ждановке».

В работе кружка участвовали В. В. Смиренский, М. В. Борисоглебский, Е. Я. Данько, Н. Ф. Белявский, А. Р. Палей, А. Н. Рашковская, В. С. Алексеев, Н. Я. Рославлева, А. В. Пумпянская;² в числе гостей на «вторниках» бывали и «старшие» (из окружения Сологуба): Иванов-Разумник, П. Н. Медведев, Л. В. Пумпянский, В. П. Абрамова-Калицкая, А. В. Ганзен, О. И. Ка-

¹ Струве Г. Стихи А. Лисицкой // Мосты. Мюнхен, 1962. № 9. С. 121. См. о ней: Тименчик Р. Д. Тынянов в стихах современницы // Пятые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 247—249; Лидия Аверьянова. Стихи о Петербурге / Вступ. заметка и публ. Р. Тименчика // Звезда. 1995. № 2. С. 123—129; о ранней биографии поэтессы см. в коммент. А. Устинова и А. Кобринского к дневниковым записям Д. Хармса: Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11. С. 519—520; Глинка М. С. Хранитель В. М. Глинка: Воспоминания. Архивы. Письма. СПб., 2006. Кн. 2. С. 138—139.

² Биографические справки участников кружка «неоклассиков» приведены в коммент. А. Устинова и А. Кобринского к дневниковым записям Д. Хармса: Минувшее. Т. 11. С. 517—520.

пица, В. А. Щеголева, В. А. Сутугина, Ю. Н. Верховский, В. Я. Шишков и др.³

Л. Аверьянова была самой юной участницей «Вечеров на Ждановке», в членских анкетах Союза писателей и Союза поэтов на вопрос о социальном положении и занятиях до октября 1917 г. она отвечала: «ученица средней школы».⁴ Это обстоятельство, вероятно, побудило Вл. Смиренского (бывшего, впрочем, немногим старше),⁵ составить ее шутивную автобиографию: «Я родилась 4 января 1905 года⁶ — и с тех самых пор, вот уже двадцать лет, — живу — и даже пишу стихи. Воспоминаний о детстве у меня никаких не осталось. Помню только, что еще совсем маленькой я слышала, как взрослые говорят о каком-то Курском Антоне. Я очень жалела почему-то этого Антона, и он представлялся мне худым и длинным, в заплатанной серой поддевке и больших валенках... А потом оказалось, что Курский Антон — просто-напросто яблоко. Так жестоко разбивает судьба первые детские грезы... Вероятно, с тех пор я и стала писать стихи. Сначала, как и Пушкин, плохие, а потом — хорошие. У меня сохранилась, кроме воспоминаний, — старая кукла — и я хорошо играю на органе. Читать я ужасно люблю (даже больше, чем мужа), и книги для меня — дороже конфет и пирожных. Читаю я на шести языках: на немецком, французском, английском, итальянском, испанском и русском. Хочу говорить на Смиренском, но пока еще не умею. Влюблена до безумия в тигра Дэзи — и все жалованье мужа уходит в Зоологический сад. Отсюда — постоянные сцены ревности, ссоры и — недалекий развод. Что я буду тогда делать — не знаю, потому что Дэзи ни на одном из шести языков не говорит и жениться на мне вовсе не собирается. Большое влияние на меня оказали Е. Боратынский, Пушкин, Есенин и дядя Джон. Об Августе Рашковской я уж не говорю. Написано у меня две книги стихов: „Vox Humana“ и „Вторая Москва“. Хочу писать третью. Состою членом Всероссийского Союза писателей и поэтов, чего от себя не ожидала. Стихи мои печатались в газете „Смена“, „Лен<инградская> правда“, журнале „Ленинград“, „Красной газете“ утр. и веч., газ<ете> „Красная звезда“ и др. Думаю, что будут печатать и впредь. Ужасно польщена и обрадована тем обстоятельством, что недавно Федор Сологуб — видимо обознавшись — пожал мне руку, а Константин Федин — автор романа „Города и годы“ наступил мне на левую ногу.

³ Подробнее о «вторниках» см.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // *Лица: Биографический альманах.* М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 192—261; М. В. Борисоглебский и его воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и примеч. М. М. Павловой // *Русская литература.* 2007. № 2. С. 88—115.

⁴ См. ее анкеты члена Союза писателей и Союза поэтов: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 441, 444, 459; оп. 2, ед. хр. 60.

⁵ *Смиренский Владимир Викторович* (псевд. — Андрей Скорбный; 1902—1977) — поэт, до 1927 г. выпустил несколько книг стихов: «Звенящие слезы. Стихи» (Пг., 1921), «Большая любовь. Стихи» (Пг., 1921) и поэмы «Птица белая» (Пг., 1922) и «Via dolorosa» (Пг., 1922), «Осень» (Л., 1927); репрессирован, работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала; впоследствии отошел от поэзии, занимался историей литературы.

⁶ Согласно данным анкет Л. И. Аверьянова родилась 3 января 1905 г. (21 декабря 1904 по ст. ст.).

Автобиографий я писать не умею, волосы остригла, но не курю, а Федька подарил мне графин и купил две тарелки и одну солонку. Лидия Аверьянова».⁷

Внешность девушки-подростка, хрупкость телосложения («былиночка»⁸), болезненность эффектно сочетались в ней с неожиданной для ее лет эрудицией и многообразными дарованиями. Л. Аверьянова (дочь купца второй гильдии) получила завидное образование — владела пятью основными европейскими языками, ее переводы из западноевропейской поэзии получили доброжелательный отзыв М. Л. Лозинского;⁹ училась в Консерватории по классу органа и впоследствии преподавала там же иностранные языки; работала в Интуристе, в 1926 г. в качестве переводчицы сопровождала в поездке из Ленинграда в Москву лауреата Гонкуровской премии классика французской литературы Жоржа Дюамеля (Duhamel; 1881—1966) (без имени была упомянута в его «Путешествии в Москву», 1927),¹⁰ в 1931 г. была гидом Бернарда Шоу,¹¹ а также многих других иностранных гостей (в ее архиве сохранились автографы Умберто Нобиле (1931), Фритьофа Нансена (1928), Мартина Андерсена Нексе (1931), Герберта Уэллса (1934), испанского гитариста Сеговии и др.).

Литературный дебют Л. Аверьяновой (стихотворение «Щит от мира, колыбель поэта...») состоялся в 1923 г. в журнале «Записки Передвижного Театра» (22 окт. № 63); в 1921 г. она стала членом Союза поэтов;¹² систематически рассылала стихи в журналы («Ленинград», «Красная молодежь», «Красный студент», «Записки Передвижного Театра», «Красный журнал

⁷ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 5. В 1935 г. Л. Аверьянова сделала к этому тексту примечание: «Шуточная автобиография моя, написанная не совсем остроумно Владимиром Смиренским в 1926 г.». Федька — муж Л. Аверьяновой — Федор Дидерихс. Упоминается *Рашиковская Августа Натановна* (1898—1988) — литературный критик.

⁸ Письмо Е. М. Шавровой-Юст к Л. Аверьяновой от 4 апр. 1927 г.: РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 62, л. 7.

⁹ 13 апр. 1925 г. М. Л. Лозинский сообщил Л. Аверьяновой: «...Ваш перевод из *Conrada*^a показался мне хорошим, и я берусь рекомендовать и его, и пишу издателю...»; 20 марта 1928 г. он писал Б. А. Кржевскому: «Лидию Ивановну Дидерихс-Аверьянову, которую Вы будете испытывать, как испанку, я знаю в другом плане — как поэта, литературного человека и искусного переводчика. Я знаю один ее перевод с английского (Joseph Conrad); он был сделан здорово хорошо. Уверен, что если Академии наук нужно „перо“, то она его найдет в руке Лидии Ивановны» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 35). *Конрад* (Conrad) Джозеф (наст. имя и фам. — Юзеф Теодор Конрад Коженёвский; 1857—1924) — английский писатель.

¹⁰ Л. Аверьянова оставила об этом событии запись: «Заметка о встречах с Дюамелем и Дюртеном» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 4); см. также описание этого эпизода в книге Р. Я. Райт-Ковалевой (она была также приглашена переводчицей к Дюамелю) «Человек из музея Человека» (М., 1982. С. 114—116). *Дюртен* (Durtain) Люк (наст. имя и фам. — Андре Невё (Nerveu); 1881—1959) — французский писатель; о поездке в Москву в 1927 г. рассказал в книге «Иная Европа. Москва и ее вера» (*L'autre Europe. Moscou et sa foi*) (1928).

¹¹ См. автограф Б. Шоу на шмуцтитуле сборника его пьес: «Inscribed to Lydia Averianova-Korsoon Guide Philosopher Friend. G. Bernard Shaw. Leningrad. 24 July 1931» (перевод: «Надписано Лидии Аверьяновой-Корсун Гиду Философу Другу. Г. Бернард Шоу. Ленинград. 24 июля 1931»). На обороте автографа примечание Л. Аверьяновой 1935 г.: «Надпись Бернарда Шоу в бытность мою его переводчицей в течение 2-х дней в Ленинграде, летом 1931 г., была сделана на моем экземпляре этой его книги» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 64).

¹² См. сведения Л. Аверьяновой в анкете (от 30 окт. 1925) для членов Союза поэтов (ЛО): РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, ед. хр. 60.

для всех») и газеты («Смена», «Ленинградская правда» и др.),¹³ нередко получала отказы.¹⁴ В середине 1920-х гг. она подготовила две книги «Vox Humana» и «Вторая Москва» (изданы не были);¹⁵ к этому же времени относятся ее первые попытки напечататься за границей, не увенчавшиеся, однако, успехом.

Небезынтересное мнение о ранней лирике Л. Аверьяновой высказал Д. А. Лутохин. 15 июня 1924 г. он писал ей из Праги: «В<аши> стихи красивы и сильны, хотя у них два недостатка: они слишком „Ахматовские“ по форме и слишком заражены модным пафосом современных питерских обывателей. Простите столь резкую характеристику. Но поэт имеет право на внимание к себе, когда он поет по-своему. Мне доставит, однако, большую радость, если я смогу Ваши стихи где-нибудь устроить. Не сомневаюсь, что если Вы не бросите поэзии, но и не будете вдали от жизни, из Вас выйдет звезда...»; 27 февраля 1927 г.: «Ваших произведений я не отнес бы все же к любимым. В них — надрыв, крик. Давайте разговаривать тихо, спокойно, не вещая. Вы еще придете к „замедлению пульса“, когда Вам будет больше лет и когда у Вас будет внимающая Вам аудитория».¹⁶

«Ахматовское» влияние в стихах Л. Аверьяновой со временем ослабло, но так и не «выветрилось» окончательно¹⁷ (по справедливому наблюдению Р. Д. Тименчика, ее стихи «несут на себе печать знакомства с поэтической петербурологией Бенедикта Лившица, полушутливыми упражнениями В. Пяста, кажется, стихами Михаила Лозинского и, несомненно, Ахматовой»)¹⁸.

В 26 лет поэтесса попробовала силы в прозе: в журнале «Стройка» были напечатаны фрагменты ее вполне «советского» романа «Апельсинный цветок» — из эпохи барселонской революции 1909 г., в предисловии к нему сообщалось: «Эта революция была массовым вооруженным протестом против колониальной войны в Марокко. Главные герои — рабочий апельсинного сада Тони и его сестра Энкарнасион — являются членами тайной рабочей организации, подготовляющей генеральную стачку в городах Валенсии в помощь барселонским товарищам».¹⁹ Продолжение публикации романа не последовало.

Портрет Л. Аверьяновой позволяют дополнить обращенные к ней послания и шуточные записки друзей и знакомых, к которым приходится об-

¹³ См.: Там же, ед. хр. 60; оп. 1, ед. хр. 441.

¹⁴ Например, в ответ на предложение Л. Аверьяновой напечатать ее стихи В. Б. Шкловский сообщал ей 21 апр. 1925 г.: «Журнал <<Ленинград>> лишен возможности напечатать стихи „без случая“. По технике стихи, кажется, не плохи, но не пойдут» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 63).

¹⁵ Попытка Л. Аверьяновой напечатать вторую книгу стихов в Государственном издательстве не удалась, 26 янв. 1929 г. П. Н. Медведев (бывший завлитом Художественного отдела) сообщил ей: «Не имея возражений по существу против Вашей книги „Вторая Москва“, мы все же вынуждены отказать от издания ее, потому что имеющаяся в нашем распоряжении норма на стихи полностью исчерпана на все полугодие» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 40).

¹⁶ Там же, ед. хр. 37, л. 2, 3—3 об.

¹⁷ В 1926 г. Е. Данько познакомила Л. Аверьянову с А. Ахматовой; подробнее см.: Тименчик Р. Д. Тынянов в стихах современницы. С. 248.

¹⁸ Тименчик Р. О стихах-эмигрантах // Звезда. 1995. № 2. С. 125.

¹⁹ Стройка. 1931. № 13 (апрель). С. 7.

ратиться за наимением других источников, содержащих прямые характеристики «мемуаристики»:

26/27 мая 1927 г. влюбленный в нее И. К. Акимов-Перец (с 1918 в эмиграции) писал из Риги: «Не знаю, дошла ли до Петербурга американская фильма „Notre Dame de Paris“: если да, и Вы видели ее, не нашли ли Вы сходство между собой и играющей роль Эсмеральды артисткой Patsy Ruth Miller? Я только что смотрел во 2-й раз эту фильму. Ни сюжет, ни игра артистов не привели бы меня вторично, только сходство Эсмеральды с Вами, кажется, приведет меня и завтра»;²⁰

Вл. Смиренский (15 января 1926): «...советую Вам прекратить Ваши беззастенчивые ухаживания за безумником Хармсом, иначе я все открою Вашему бедному обманутому мужу, который ничего не подозревает о Ваших интригах и кознях. Мемуары достопочтенного Казановы, видимо, Вам впрок не пошли...»;²¹

Р. Р. Орбели (27 ноября 1927): «Лидочка, марки двадцати сортов. Английские, Болгарские, Египетские, Индийские, Персидские, Малайские и еще какие-то. Ваша коллекция значительно пополнится»;²²

Без даты: «Были: Белявский и Смиренский. Прокляти. Мало того, что прокляли, обеспечили самыми последними словами, потому что не при чем остались. Те же»;²³ К. Чуковский: «Обожаемая Лидия Ивановна! Никогда не забуду сегодняшнего поцелуя! Люб-ящий и -имый Корней. 1933»;²⁴ «Лидочка, нельзя ли достать стакан честной невской воды с тифянными бактериями? Лавренев»²⁵ и т. д. и т. п.

Разносторонне одаренная, обладавшая яркой запоминавшейся внешностью и живым и приветливым нравом, молодая поэтесса и переводчица легко и стремительно вошла в литературный мир Петрограда—Ленинграда (сама она употребляла только одно имя: Петербург) и стала в нем «своей». «Лидочка. Если свободны, приходите в эту среду на литературный вечерок, — приглашала А. Н. Рашковская. — Вероятно, будут Рождественский, Вагинов и др. Если можете, захватите сонеты Эредиа, у Вас, кажется

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 8, л. 36; в папке с письмами на отдельном листе примечания Л. Аверьяновой: «Стихи и письма за подписью John или Иванушка принадлежат перу белоэмигранта Ивана Константиновича Акимова-Перца, поэта, сотр<удника> рижс<кой> газ<еты>, „День“. Лидия Аверьянова. 27 / III—935» (Там же, л. 40). В письме речь идет об американском фильме по мотивам романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», вышедшем на экраны в 1923 г. и имевшем большой успех (режиссеры: Wallace Worsley / Уоллес Орслей и Carl Laemmle / Карл Лемль), в роли Эсмеральды — Patsy Ruth Miller / Пэтси Рут Миллер (1904—1995).

²¹ Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11 С. 519. ...безумником — т. е. «заумником» (каламбур).

²² РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 46. Орбели Русудана Рубеновна (1909—1985) — востоковед.

²³ Там же, ед. хр. 12, л. 37. Белявский Николай Фотиевич (1902—19?) — поэт, член кружка «неоклассиков». См. его письма (25) к Л. Аверьяновой: Там же, ед. хр. 12.

²⁴ Там же, ед. хр. 61.

²⁵ Там же, ед. хр. 30; на обороте записки Бориса Лавренева (наст. имя — Сергеев Борис Андреевич; 1891—1959) примечание: «Вечер физиков и писателей в ВОКС, на котором я за хоззайку! Лидия Аверьянова. 27/III — 1935».

есть...» <1924—1925?>.²⁶ «В субботу в Союзе был редкий вечер, я очень сожалела, что вы отсутствовали, хотя вы не любите чтения в большом кругу, — писала ей Л. М. Гаусман 9 июня 1926 г., — Андрей Белый читал отрывки из „Москвы“. Изумительно красочное и жуткое, одновременно масса юмора, никогда еще не созданные слова и выражения, словом, большая художественная вещь, и притом чтение такого первоклассного мастера, без всякого актерства или аффектации, это было незабываемое, огромное наслаждение, у него глаза бездонные голубые, оригинальная улыбка и до жуткости выразительные руки, и следить за выражением его лица, жестикуляцией, модуляциями богатейшего голоса было новым очарованием. Успех имел большой, и к чести молодежи она собралась в большом количестве»;²⁷ 16 июля 1928 г. Е. Я. Данько сообщала: «Анна Андреевна просила Вас передать, что будет рада Вас видеть, если Вы зайдете»²⁸ и т. п.

Впервые на Ждановке Л. Аверьянова побывала, вероятно, весной 1925 г. В письме от 4 февраля 1925 г. Вл. Смиренский писал ей: «Что же касается Сологуба — так я его очень люблю и считаю большим и прекрасным поэтом. Несомненно для меня, что повертеться около него „мелким бесом“ — дело стоящее. А за стихи Ваши Вам от него влетит, потому что пропускать в стихах сказуемое можно только одному Хармсу, да и то потому, что в его стихах вообще все пропущено: и смысл — и тема. А стихи Аверьяновой совсем иные».²⁹

В следующие полтора года Л. Аверьянова систематически бывала на собраниях «неоклассиков», «вторники» стали для нее подлинным интеллектуальным и творческим оазисом, способствовали дружескому сближению с молодыми поэтами. 12 мая 1926 г. она писала Сологубу:

«Многоуважаемый Федор Кузьмич! Владимир Викторович Смиренский написал мне, что Вы больны и что Вторник не состоится. Я очень много думала о радости снова бывать у Вас на Вторниках, но, раз я не могу сказать Вам лично, позвольте написать Вам, Федор Кузьмич, как я благодарна за этот кружок людей, который Вы собрали вокруг себя, за возможность бывать на этих Вторниках, и главным образом, за то, что через Вас и Ваши Вторники я узнала Елену Яковлевну,³⁰ — это был самый большой подарок от жизни за все эти годы. Вас, наверное, немного удивил финал этой длинной, ужасно нелепо составленной фразы, — но Вы, зная Елену Яковлевну, поймете, что много отношения к ней со стороны знающих ее людей нет, и не может быть. Иметь такого друга, как она, — это совершенно огромное счастье: в ней столько тишины — а это такое — ну, прямо, животворящее качество!

²⁶ Там же, ед. хр. 47. Упоминаются: *Рождественский Всеволод Александрович* (1895—1977), *Вагинов Константин Константинович* (1899—1934); *Зредиа Жосе Мария* (1842—1905) — французский поэт, стихи которого переводила Л. Аверьянова. На обороте записки — письмо В. Рождественского к А. Рашковской от 12 марта 1924.

²⁷ Там же, ед. хр. 17, л. 1 об.—2. См. примечание Л. Аверьяновой 1935 г.: «Л<идия> М<ойсеевна> Гаусман — переводчица, моя первая учительница англ<ийского> яз<ыка>» (Там же, л. 10 об.).

²⁸ *Тименчик Р. Д.* Тынянов в стихах современницы. С. 248.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 54, л. 21. ...«мелкий бесом» — каламбур: «Мелкий бес» — роман Ф. Сологуба (впервые: Вопросы жизни. 1905. № 6—11; отд. изд. — 1907).

³⁰ *Данько Елена Яковлевна* (1898—1942) — поэт, входила в «Ассоциацию неоклассиков», иллюстратор, художница по фарфору, с 1926 по 1932 г. секретарь Ленинградского отделения Союза писателей; подробнее о ней см.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения. С. 192—261. Письма Е. Я. Данько к Л. И. Аверьяновой см.: РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 18.

Но настоящей, коварной целью этого письма все-таки является не радость, что мы с Еленой Яковлевной, кажется, будем друзьями; цель эта — попросить у Вас хоть две строчки, написанные Вашим почерком, — если, конечно, Ваше здоровье не помешает исполнению моей просьбы; но если бы Вы знали, Федор Кузьмич, как мне ужасно хорошо бывать в Вашем доме и слушать запоем каждое произносимое здесь слово — Вы бы не удивились, что мне так хочется иметь 2 строчки, написанные Вашим почерком, заключающие одну Вашу мысль: я так хочу иметь у себя дома что-нибудь, самый маленький клочок бумаги, постоянно напоминающий мне, что Ваши Вторники существуют и для меня.

Мне опять предстоит клиника — Туберкулезный институт или санатория для легочных, и мне так не хочется терять связь с Вашим домом, а бумажка поможет не терять ее.

Простите, что заставила Вас читать такое письмище, больше никогда не буду. Поправляйтесь как можно скорее, пожалуйста, Федор Кузьмич, а то, когда Вы больны, такое чувство, что в мире моем не все идет благополучно — и не только в „моем“ мире.

Еще раз всего лучшего и здоровья, здоровья, здоровья — я так хотела бы передать Вам все то здоровье, которое я день за днем теряю — это дало бы Вам очень значительный запас его!

Искренно преданная Лидия Аверьянова.

Р. S. Мой адрес: В<асильевский> о<стров>, 17 линия, кв. 2 — это будет огромным подарком, дорогой Федор Кузьмич, если Вы согласитесь его запомнить». ³¹

К ответному письму приложен автограф: «искренно любящий его Федор Сологуб» (на обороте рукой Л. Аверьяновой: «Подарок Смирнского 1926. Л. А.»).

17 мая 1926 г. Сологуб писал:

«Дорогая Лидия Ивановна, очень благодарю Вас за Ваше милое письмо, и очень рад, что Вы находите удовольствие бывать на собраниях „неоклассиков“. В этот вторник, 18-го, собрание опять не состоится, потому что я все еще на положении больного. Я условился с Л. В. Пумпянским, ³² что мы соберемся в будущий вторник, 25-го. Я был бы очень рад, если бы и без этого повода, и до этого дня Вы зашли ко мне почитать Ваши стихи, которые мне очень нравятся. — Мне приятно, что на этих собраниях Вы очарованы одною из их посетительниц: очароваться кем-нибудь всегда радостно, и не всегда за очарованием наступает разочарование. Но моя заслуга в этом невелика: Вы могли познакомиться с Е. Я. Данько у нас в Союзе. Я сам недавно познакомился с нею, когда Е. Я. Данько вступила в наш Союз. До того я знал только ее стихи. Их принесли мне однажды года три тому назад в виде сверстанных корректурных листов приготовленной к печати книжки. Книжка не вышла тогда. ³³ Вчера я видел Елену Яковлевну, она приехала на два дня из санатории и вечером была у меня. Е<лена> Я<ковлевна> сказала мне, что Вы послали ей Ваши стихи и что они ей нравятся. — Когда же Вы отправляетесь в клинику? Позвольте пожелать, чтобы она помогла Вам восстановить Ваше здоровье. Если Вы еще дома, постарайтесь обрадовать меня Вашим посещением и Вашими стихами. С приветом, Федор Сологуб». ³⁴

С весны 1926 г. Сологуб был болен, весь следующий сезон кружок у него на квартире собирался нерегулярно, а летом 1927 г. Л. Аверьянова внезапно исчезла. В сентябре Ф. Дидерихс составил объявление для помещения в «Красной газете», в котором сообщалось: «Обстоятельства, могущие служить облегчением к ее розыску, следующие: Аверьянова-Дидерихс, выехав 12-го июля из Ленинграда, прибыла на автомобиле из Севастополя

³¹ Там же, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 4.

³² Пумпянский Лев Васильевич (1894—1940) — литературовед.

³³ Речь идет о сборнике Е. Я. Данько «Простые муки», опубликован: Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения. С. 238—261.

³⁴ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 55.

15-го июля в Ялту, собираясь того же числа вечером на пароходе выехать в Феодосию. Письмом от 1—2 августа Аверьянова-Дидерихс известила родных, что, перенеся тяжелую нервную болезнь, она на следующий день выезжает из Севастополя в Ленинград.³⁵ С тех пор Аверьянова-Дидерихс никаких сведений о себе не давала, равно как неизвестно и место пребывания ее в течение болезни. Приметы Аверьяновой-Дидерихс: 22 года, высокого роста, шатенка, худая, карие глаза, вытянутое лицо, узкая челюсть, на теле шрам от аппендицита».³⁶

Тогда же Ф. Дидерихс запросил о местонахождении своей жены М. А. Волошина, предполагая, что она могла отправиться в Коктебель, но получил от него отрицательный ответ. В письме к нему от 15 сентября 1927 г. Волошин советовал: «Думаю, что Вам надо было проехать в Крым самому и прежде всего обратиться в Симферополь в Клинический городок, где помещается единственная в Крыму больница для нервнобольных».³⁷

Исчезновение Л. Аверьяновой встревожило ее друзей и коллег; 29 сентября 1927 г. Ф. Дидерихс получил письмо «поддержки»:

Из откликов коллег
В простой керамике созвучий
Заклокотали болью жгучей
Ее певучие стихи.
Бывали дни —
они
над нами
Звенели
Спасскими часами,
Летели
к бороздам сохи!

Остались нам ее приметы...
И мы поем ее сонеты,
И перед нами скорбный лик. —
Нет Аверьяновой — певицы,
Но в жизнь вошедшие страницы
О ней поведают из книг!

Ленинград, 1927 — IX—29. К. Баян

(Ленинградский Союз Драматических и Музыкальных писателей)

³⁵ См. недатированную записку Л. Аверьяновой, обращенную к подруге, страдавшей депрессией: «Детка моя, у меня это же ощущение было в детстве и после разрядилось депрессивно, маниакальным психозом. Я сейчас с этим борюсь просто логическим контролем над собой, зная, что это не только душевный, но и физический недуг. Спасай себя этим же, пока не поздно» (Там же, ед. хр. 67, л. 3).

³⁶ Там же, ед. хр. 7.

³⁷ Там же, ед. хр. 16. Письмо Ф. Дидерихса к М. Волошину см.: РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 501; в письме он назвал жену по своей фамилии, и потому Волошин не понял, о ком именно идет речь. Тем не менее Ф. Дидерихс обращался к нему не случайно, так как был уверен, что Волошин знаком с его женой. См. запись, сделанную Волошиным на память Л. Аверьяновой: «Быть изгоем при всех царях и народоустройствах / Совесть народа — поэт. В государстве нет места поэту... М. Волошин. СПб. 14/IV 27» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 15) — цитата из стихотворения «Доблесть поэта» («Править поэму, как текст заокеанской депеши...») (Волошин М. А. Собр. соч. М.: Эллис Лак 2000, 2004. Т. 2. С. 67).

Уважаемый товарищ! Посылаю Вам этот широкий, сочувственный отклик по поводу утраты (надеюсь *временной*) незаменимого товарища, настоящей живой музыки в бледнолицем кругу ленинградцев. Если бы понадобилось искать ее, хотя бы в расселинах крымского края, встревоженного землетрясением, то здесь нашлись бы Вам спутники по такому (и любому) направлению. К. Б.³⁸

Через некоторое время Л. Аверьянова вернулась в Петербург, однако «Вечера на Ждановке» фактически прекратились (5 декабря 1927 г. после продолжительной тяжелой болезни Ф. Сологуб скончался).

Запись о «вторнике» «неоклассиков», состоявшемся 16 ноября 1926 г., — единственная заметка о «Вечерах на Ждановке», сохранившаяся в архиве Л. Аверьяновой; вела ли она свои записи до того или позднее, мы не знаем. В ряду уже известных воспоминаний «неоклассиков» о Сологубе³⁹ эта короткая заметка, несомненно, займет свое место. В отличие от мемуаров М. В. Борисоглебского, В. В. Смиренского и Е. Я. Данько (кого, во-первых и прежде всего, интересовала личность поэта — «последнее Федора Кузьмича»), запись Л. Аверьяновой не выделяется «сологубоцентричностью». Перед нами — своеобразный «стенографический отчет» об одном из «вторников», который показался юной поэтессе интересным и достойным запоминания. Она воспроизводит «программу» вечера без каких-либо оценок услышанного и увиденного: темы разговоров (премьера «Дней Турбиных» Михаила Булгакова в МХАТ; аресты и расстрелы интеллигенции, избивание на улице милиционером-антисемитом поэта Вольфа Эрлиха, высылка Виталия Бианки и т. д. и т. п.), реплики присутствовавших и реакцию на них Сологуба, передает настроения членов кружка и их отношение к происходящему в Совдепии. Благодаря этой особенности повествования ей удается воссоздать подлинную атмосферу «вторников» — кружка независимой творческой интеллигенции, сгруппировавшегося вокруг Ф. Сологуба в 1924—1927 гг.

О дальнейшей судьбе Л. Аверьяновой известно немного (несомненно, эта тема заслуживает дополнительных разысканий и более подробного очерка).⁴⁰ Но и те немногие факты биографии талантливой поэтессы, кото-

³⁸ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 11. *Спасские часы* — название стихотворения Л. Аверьяновой; опубликовано в журнале «Красная молодежь» (1925. № 5) и в «Собрании стихотворений» ленинградского Союза поэтов (Л., 1926). *К. Баян* — псевдоним К. М. Филиппова (сотрудник «Кр. Балт. Флота», 1922—1923).

³⁹ Наряду с вышеназванными воспоминаниями о Сологубе Е. Я. Данько и М. В. Борисоглебского см. также: *Смиренский В. В.* Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и коммент. И. С. Тимченко // *Неизданный Федор Сологуб*. М., 1997. С. 395—425.

⁴⁰ В 1930-е гг. Л. Аверьянова постоянного или продолжительного места службы не имела: работала в Центрархиве, в ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей); преподавала в средней школе, давала частные уроки, зарабатывала переводами из западноевропейской поэзии; нуждалась (28 апр. 1939 г. она писала А. Корсуну: «Лозинский написал холосый <так> отзыв, с которым меня все равно никуда не примут, пока не сдохла») (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 107, л. 13). В 1935 г. Л. Аверьянова передала свой архив на хранение в Пушкинский Дом, ее последнее письмо (А. Корсуну) отправлено из Ленинграда 30 мая 1941 г. По предположению Г. П. Струве, погибла в заключении (см.: *Струве Г.* Стихи А. Лисицкой // *Мосты*. 1962. № 9). В «Книге памяти» (Электронный ресурс общества «Мемориал») в числе жертв сталинских репрессий Л. И. Аверьянова не зарегистрирована. Наиболее полные сведения о позднем периоде жизни Л. Аверьяновой содержатся в ее письмах (1936—1940) к мужу — пе-

рыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что в свои 20 лет она отнюдь не случайно стала участницей «Вечеров на Ждановке», попала в «орбиту» «живого классика», который мог критически и по достоинству оценить и ее раннюю лирику, и переводы.⁴¹

Еще в начале 1920-х гг. Л. Аверьянова хотела эмигрировать. И. К. Акимов-Перец, с которым она поддерживала дружескую переписку, побуждал ее устроиться на дипломатическую службу в качестве переводчицы и перебраться в Латвию,⁴² однако проект казался ей неосуществимым (она не владела латышским языком).

Прорыв из внутренней эмиграции на свободу Л. Аверьяновой не удался, но стал возможным для ее стихов. В 1937 г. она передала (через свою ученицу) сборники «Пряничный солдат» и «Серебряная рака. Стихи о Петербурге» известному итальянскому слависту Этторе Ло Гатто.⁴³ От него они попали к Г. П. Струве, который, не зная о том, жив ли автор, напечатал их в «Новом журнале», «Возрождении», «Русской мысли», «Гранях», «Мостах» под псевдонимом *А. Лисицкая* (письма к близким Л. Аверьянова нередко подписывала: *Лис, Лисица, Лися, Лиска*). В 1995 г. стихи о Петербурге вернулись в Петербург — в подборке, опубликованной в журнале «Звезда», и уже не под псевдонимом, а под собственным именем, как того и хотелось их автору.⁴⁴

Приношу глубокую благодарность Анастасии Львовне Раковой за сообщенные сведения и содействие в работе.

* * *

Текст «Записи о „вторнике“ „неоклассиков“ 16 ноября 1926 года» печатается по автографу: РО ИРЛИ, ф. 355 (Л. И. Аверьяновой), ед. хр. 3.

реводчику Андрею Ивановичу Корсуну (1907—1963) (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 105—107) и в вышеупомянутой книге М. С. Глинки.

⁴¹ Сологубу принадлежат классические переводы стихотворений П. Верлена, а также философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (СПб., 1909), романа Г. де Мопассана «Сильна как смерть» (ПСС. Т. 5. СПб., 1909; 1912); стихотворений В. Гюго, А. Рембо, С. Малларме и др.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 8, л. 7—10 (письма И. К. Акимова-Переца к Л. И. Аверьяновой от 9 мая и 28 июля 1923 г.).

⁴³ С итальянским переводчиком и литературоведом Этторе Ло Гатто (Ettore Lo Gatto; 1890—1983) Л. Аверьянова познакомилась в 1929 г. и затем встречалась с ним летом 1934 г. в Москве; сохранилось его письмо к ней от 6 октября 1934 г., в котором, вернувшись из поездки, он благодарит ее за встречу и «приятную компанию», а также сообщает, что выслал ей книги итальянских поэтов (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 33).

⁴⁴ В письме, приложенном к рукописи «Серебряной раки», Л. Аверьянова просила Этторе Ло Гатто: «...не бойтесь за меня и не жалейте: природные данные каждого человека должны иметь свободное развитие, в этом — залог развития культуры. <...> Псевдонима не давайте, пожалуйста, пускай книга выйдет под моим именем, как моя подпись. Один конец!» (*Тименчик Р. О стихах-эмигрантах*. С. 125).

16 ноября 1926 <года>

Я глубоко сожалею, что недостаточно умна для словесного турнира с Ф. К. Сологубом.

Я вошла (сегодня очередной в этом «сезоне» — вторник «неоклассиков») в его тепло-натопленную спальню-кабинет, со старинной мебелью красного дерева и синим сукном на письменном столе. Спиной к двери, в жестковатом екатерининском кресле уже сидел М. В. Борисоглебский.¹ Разговор шел о Булгакове: перед моим приходом М<ихаил> В<асильевич> рассказывал о нашумевшей пьесе последнего «Дни Турбиных», которую М<ихаил> В<асильевич> видел в Москве и которая, по его словам, производит впечатление потрясающее.² Ф<едор> К<узьмич> слушал холодно и только заметил, что рассказы Булгакова он знает и они ему нравятся,³ но что пьесы, которые дают 40 аншлагов и «толпа на них валит», ему обычно уже по этому одному нравиться не могут.

Когда мы на минуту остались одни, Ф<едор> К<узьмич> вдруг круто спросил: «Стихи пишете?» — «Мало». — «Напрасно, — наставительно заметил он, — надо писать много». В этот вечер он не раз возвращался к этой теме и, между прочим, рассказал, как однажды спросил его Александр Александрович (Блок), сколько у него за последний год написано стихов. «50», — наобум ответил Сологуб, на что Блок решительно произнес: «Мало».

С приходом Н. Ф. Белявского и В. В. Смиренского разговор принял другое, несколько неожиданное направление: спорили Ф<едор> К<узьмич> и я о разнице между «учителем» и «педагогом». Ф<едор> К<узьмич>, многие годы своей жизни бывший школьным учителем⁴ (я думаю, что для человека его склада и ума это должно было быть ужасно), упорно утверждал, что учителю педагогом быть незачем, для него важна методика, а не педа-

¹ *Борисоглебский Михаил Васильевич* (1896—1942; наст. фам. — Шаталин; репрессирован, погиб в тюрьме) — поэт, беллетрист, историк балета, художник, в 1924—1927 гг. был секретарем Правления Союза писателей (ЛО) при Ф. Сологубе, подробнее о нем см.: М. В. Борисоглебский и его воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и примеч. М. М. Павловой // Русская литература. 2007. № 2. С. 88—115.

² Пьеса М. А. Булгакова «Дни Турбиных» (1926; при жизни автора на родине не печаталась, впервые: М.: Искусство, 1955) была поставлена на сцене МХАТ Ильей Яковлевичем Судаковым (1875—1933) при участии К. С. Станиславского; премьера состоялась 5 окт. 1926 г.; постановка имела шумный успех у зрителей и принесла автору широкую известность, несмотря на разгромную кампанию в критике, обвинившей его в апологетике белого движения (см. библиографию: *Смелянский А. М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1989).

³ До 1926 г. вышли в свет сборники рассказов М. Булгакова: «Дьяволиада» (М.: Недра, 1925), «Рассказы библиотеки „Смехач“» (Л.: Смехач, 1926), «Трактат о жилище» (М.; Л.: Земля и фабрика, 1926); его проза регулярно появлялась в московских газетах «Гудок», «Рабочая газета», «Медицинский работник» и в ленинградском «Смехаче». В личной библиотеке Сологуба книги М. Булгакова не выявлены; см.: *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 435—522.

⁴ Ф. Сологуб преподавал 25 лет, причем в течение 10 лет в провинции: в 1882—1885 гг. в Крестцах Новгородской губ. и 1885—1889 г. в Великих Луках Псковской губ. в народных училищах, в 1889—1892 гг. в Вытегре Олонецкой губ. в учительской семинарии.

гогика, я же уперлась на том, что «с современной точки зрения» учитель не педагогом быть не может, и даже высказала мнение, что, уже само по себе, накопление и передача знаний есть одновременно самовоспитание или воспитание человека. Последнее слово осталось, конечно, за Ф<едором> К<узьмичом>.

Е. Я. Данько, а за нею и В. П. Калицкая⁵ перевели разговор на тему о пособиях членам Союза писателей. В<ера> П<авловна> рассказала, что снова посетила Чарскую — и нашла ее в положении ужасном.⁶ У Чарской туберкулез в третьей степени, муж ее безработный и тоже туберкулезный, средств к существованию никаких. Она все время лежит, оживляется редко, и оживление это нездоровое, нервное. Между прочим, она рассказала В<ере> П<авловне>, сколько ей платили в прежнее время — и это разом разрушило мои представления о ее «высоком авторском гонораре»: так, за «Княжну Джаваху»,⁷ создавшую ей наибольшую популярность, Вольф⁸ заплатил ей — и это при продаже рукописи в собственность! — 200 рублей. И только в самое последнее время, перед войной и революцией, она стала получать 1000 р. за книгу, опять-таки при ее продаже в собственность.

В<ера> П<авловна> защищала Чарскую, уверяя, что та «непрактична», на что Сологуб едко заметил, что «практичность» здесь не при чем. И рассказал, как однажды пришел к нему Е. В. Аничков⁹ и передал, что И. Д. Сытин дает (Ф<едору> К<узьмичу>) за «Мелкого беса»... в собственность!.. 500 рублей.¹⁰ «Я, конечно, не сказал Е. В. Аничкову, что он дурак, потому что он был очень милый человек, — но при чем же здесь практичность?!».

За чаем Борисоглебский разразился совершенно необычной историей. В день праздника милиции (это было совсем на днях, кажется, числа 12-го) на углу Морской и Невского стоял важный, представительный милиционер — «тип старого городского» — и опрашивал облюбovaných им прохо-

⁵ *Абрамова-Калицкая Вера Павловна* (в первом браке Гриневская — жена писателя А. С. Грина; 1882—1951), состояла в секции детской литературы Союза писателей; автор воспоминаний «Федор Сологуб в Вытегре», опубл. К. М. Азадовским в сб.: *Неизданный Федор Сологуб*. М., 1997. С. 261—289.

⁶ Обсуждение на «вторнике» 16 нояб. 1926 г. тяжелого материального положения писательницы *Чарской Лидии Алексеевны* (наст. фам. — Чурилова; 1875—1937) побудило Сологуба написать статью о Чарской (датирована: 30 ноября 1926; текст статьи см.: *Путилова Е. Э. Ф. Сологуб и Л. Чарская // Русская литература*. 1995. № 4. С. 159—168, с публикацией писем). Ср.: «Калицкая, которая в ослеплении перед гением Федора Кузьмича и в уверенности, что его гениальность непреложна для всех на свете, потащила в прошлом году статью Сологуба о Чарской, где он восхваляет Чарскую и называет ее чуть ли не великой писательницей-революционеркой (я не преувеличиваю), прямо к Сейфуллиной — с просьбой напечатать эту статью в „Звезде“, в уверенности, что Сейфуллина с руками оторвет это гениальное произведение» (*Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1992. С. 197).

⁷ Имеется в виду роман Л. Чарской «Княжна Джаваху» (1903), пользовавшийся популярностью.

⁸ Речь идет об издательстве товарищества Вольф, основанном Мавриkiem Осиповичем Вольфом (1825—1883).

⁹ *Аничков Евгений Васильевич* (1866—1937) — историк литературы, критик, прозаик.

¹⁰ *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — книготорговец, владелец издательства, основанного в 1883 г.; Сологуб пытался договориться с ним об издании «Мелкого беса» (см. об этом в письме Сологуба к Г. Чулкову от 18 янв. 1907: РГБ, ф. 371, карт. 4, ед. хр. 76, л. 17).

жих — «русские они или евреи?»). Человек, шедший перед поэтом Вольфом Эрлихом,¹¹ оказался, к счастью своему, русским и на свой ответ услышал снисходительное: «Проходи». С Вольфом же дело приняло скверный оборот. На вопрос постового: «русский ты или жид», он ответил в первый раз: «А зачем это Вам?», во второй: «еврей». Тогда милиционер, по-видимому, вконец опьяненный своим милицейским праздником и «административным», а может быть, и «патриотическим» восторгом... дал Вольфу Эрлиху «в морду» — и при этом со всего размаха. Потом повел его в милицию, нещадно лупя всю дорогу, а, приведя, обвинил Вольфа в нападении первым. Однако дело выяснилось, милиционер тут же был обезоружен и уведен, и говорят, что дело будет направлено в суд.

Другая сенсация, приготовленная нам Борисоглебским, оказалась еще кошмарнее: секретарь М<осковского> о<тделения> В<сероссийского> с<оюза> п<исателей>, беллетрист Вагин был неизвестно за что арестован и затем, также таинственно, расстрелян...¹² Ходят слухи, что он был убит во время допроса; версия такая: допрос сопровождался мордобитием, и Вагин, человек горячий, осмелился дать сдачи. За это его на месте.

Воцарилось молчание. Кто-то тихо произнес: «Страшные вещи творятся кругом». «Я знаю еще два случая», — выговорила я со сжимающимся горлом. Меня просили рассказать. И я рассказала о «двойной гибели» так, как слышала это от мужа.

В годы военного коммунизма был арестован известный теннисист Аленыцын: в ЧК — теперь это называется иначе — он повесился на шнурках от сапог. Весть эта достигла А. Л. Рафаловича, также теннисиста. Рафалович был возмущен: «как мог совершить такой поступок молодой, здоровый человек, при этом спортсмен»... Рафалович был экономистом. Без всякой задней мысли давал он сведения экономического характера за границу. Полгода спустя после гибели Аленыцына он также был арестован — и в той же тюрьме повесился на подтяжках.¹³

«Повесили», — мрачно сказал Сологуб. Я подумала, что и у моего мужа была эта мысль...

¹¹ Эрлих Вольф Иосифович (1902—1937; репрессирован) — поэт, член Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов с 1924 г. Инцидент произошел 12 ноября в день празднования девятой годовщины рабоче-крестьянской милиции, по этому случаю на площади Урицкого (с 1923 по 1944 так называлась Дворцовая пл.) был устроен парад.

¹² Имеется в виду беллетрист Петр Вагин (наст. имя и фам. — Петр Иванович Карамышев; 1877—1926?) — автор сборников «У порога. Рассказы» (М., 1922), «Бессмертие. Сказки» (М., 1922), «Лезна. 16 диалогов с обрамлениями» (М., 1925).

¹³ Аленыцын Александр Аполлонович (1883?—1922) — один из сильнейших теннисистов России в первой четверти XX в.; «...один из кумиров дореволюционного лаун-тенниса. В конце сентября 1922 года он был арестован по ложному обвинению в шпионаже. Его нервы не выдержали этого потрясения, и он повесился в тюремной камере в ночь на 5 октября 1922 года в Петрограде. Александру было всего 39 лет» (Фоменко Б. И. История лаун-тенниса в России. М., 2000. С. 54), см. также о нем: Российский теннис: Энциклопедия / Сост. Б. Фоменко. М., 1999. С. 11. Рафалович Алексей Л. (погиб в 1923?) — экономист, в 1911 и 1912 гг. входил в десятку лучших теннисистов России (упоминается в статье «Классификация сильнейших теннисистов России» в кн. «Российский теннис: Энциклопедия». С. 79); кандидат в члены Руководящего комитета ВСЛТК — Всероссийского союза лаун-теннисных клубов (портрет А. Рафаловича см.: Фоменко Б. И. История лаун-тенниса в России. С. 24).

Помню еще, как муж мой рассказывал об аресте теннисистки Натальи Алексеевны Сувориной: она служила в одном учреждении, где могла доставать белые газеты.¹⁴ Однажды она дала их почитать Бруно Шпигелю — известному и сейчас теннисисту.¹⁵ У того был обыск; нашли газеты; и он показал на Н. А. Суворину... Ее арестовали. Из тюрьмы она так и не вышла, умерла от дизентерии...

Е. Я. Данько поразила меня вестью о том, что еще в прошлом году сослан в Уральск Виталий Бианки.¹⁶ Оказывается, он был когда-то эсером и даже в белой армии, но имел по возвращении сюда покровительство Лилиной¹⁷ и ее честное слово, что с ним ничего не случится. Теперь, однако, Лилину «убрали», а с нею и старые грехи ее «протеже». В. Бианки находится в ужасных для интеллигентного человека условиях: без книг, без правильно доходящих писем. «Черта оседлости» оторвала его от природы, а ему, зоологу, писавшему из личной практики все «звериные» и «лесные» истории в отделе детских журналов, это невыносимо — тяжело. В<ера> Н<иколаевна> приехала сюда,¹⁸ чтобы иметь возможность посылать ему книги: никакие письменные ходатайства в учреждениях, с которыми он был связан, не действовали.

Во время чая вошел Ю. Н. Верховский.¹⁹ Его пышная шевелюра и густая черная борода — сильно «поповская» внешность и только не посвященнически умное лицо ее спасает — разом разрушили мое воображаемое представление об его облике. Перешли в кабинет. Доклада, в собственном смысле этого слова, не было; помню немногие мысли Верховского: «по-

¹⁴ *Суворина Наталья Алексеевна* (1902 ?—1921) — дочь А. А. Суворина, внучка А. С. Суворина, скончалась в тюремной больнице. О видимой причине ее ареста А. В. Амфитеатов писал: «Наталья Алексеевна Суворина, 18-летняя девушка, внучка знаменитого основателя „Нового времени“ и дочь редактора-издателя „Руси“. Барышня эта, особа совершенно аполитичная, немножко художница, немножко певица, служила в „Роста“ (Российском телеграфном агентстве), получающем ex officio все заграничные газеты. У одного из ее знакомых при обыске нашли „Times“а. Он при допросе показал, что номер дала ему Суворина. <...> Барышня весьма красивая собою и охотница если не наряжаться <...>, то хоть пометать о нарядах, глядя, как в приличных странах приличные люди одеваются, — брала из „Роста“ модные картинки, заметьте, не самовольно, а с разрешения своего начальства... Удовольствие стоило бедняжке долгого предварительного заключения и приговора к шестимесячным принудительным работам» («Горестные заметы». Берлин, 1922. С. 14—15). Следует отметить, что дядя арестованной, Суворин Борис Алексеевич (1879—1940, с 1918 в эмиграции) был видным деятелем русского тенниса; одним из основателей (вместе с А. Д. Макферсоном) КЛТК («Крестовский лаун-теннисный клуб») (1894) и ВСЛТК (1908) и устроителем первого матча между российскими и английскими теннисистами (подробнее о нем см. в: Российский теннис: Энциклопедия).

¹⁵ *Шпигель Бруно Альфредович* (1897—1940) — теннисист, тренер, член «Петроградского кружка любителей спорта» и затем «Парголового общества любителей лаун-тенниса».

¹⁶ *Бианки Виталий Валентинович* (1894—1959) — детский писатель-анималист, в январе 1926 г. был сослан в Уральск, в 1928 г. в Новгородскую область, освобожден из ссылки в 1929 г.

¹⁷ *Лилина Злата Ивановна* (урожд. Бернштейн; 1882—1929) — первая жена Г. Е. Зиновьева, в 1920—1924 гг. возглавляла Петроградский Губсоцвос, зав. Отделом учебников Главсоцвоса при московском Госиздате РСФСР; в 1924—1926 гг. — зав. Ленгубоно.

¹⁸ *Бианки Вера Николаевна* (урожд. Клюжева; 1894—1972) — жена писателя.

¹⁹ *Верховский Юрий Никандрович* (1878—1956) — поэт, переводчик, историк литературы, в 1920-е гг. входил в ближайший круг Ф. Сологуба. Об истории его отношений с Сологубом см.: Письма Ю. Н. Верховского к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2003. № 2. С. 121—140.

эзия Ломоносова, параллельная Елисаветинскому стилю в архитектуре, раскрывается нам во всей полноте только тогда, когда мы ее мысленно свяжем со стилем этой эпохи». Это очень хорошо, очень верно.

Потом Борисоглебский вернулся к своему «коньку» — «Дням Турбиных». Он сказал пламенную речь, любопытным местом которой явился рассказ о том, как Блюм (из Главреперткома) ни за что не хотел разрешить эту пьесу²⁰ и, чтобы добиться своего, согнал на закрытый просмотр до 1000 коммунистов, из которых половина была — женщины-делегатки в красных платочках; и как не успев просмотреть и трех картин, вся эта публика редела и обтирала слезящиеся морды!.. Блюм был в отчаянии, но пьеса все же была разрешена к постановке, хотя Совнарком ограничил ее существование только 1 сезоном и только в Московском Художественном театре,²¹ на всю Россию...

Верховский, разбирая формы современного искусства, заметил, что «большой формой» для драматургии явится мелодрама, к которой она сейчас приближается. Сологуб возразил, цитируя успех «Дней Турбиных», что «большой формой», пожалуй, явится историческая хроника, наподобие Шекспировой. Он связывал свое предположение еще вот с чем: «придрался» к словам Борисоглебского, что «Дни Турбиных», безусловно, не смогут быть так же глубоко воспринятыми зрителями, не перенесшими нашей революции, как нами, ее перенесшими, и оттого произведение, могущее «устареть», не является высоко-художественным... по форме же и трактовке сюжета «Дни Турбиных» представляются ему именно исторической хроникой — и ничем иным. А если публику привлекает не историчность, а «общность переживаний» с рампой и только-то, грош ей, пьесе, цена.

На этом ставлю точку, оттого что все переврала и спать хочу смертельно.

²⁰ Блюм Владимир Иванович (1877—1941; псевд. — Садко) — театральный и музыкальный критик, редактор журналов «Вестник театра» (1919—1921), «Новый зритель» (1924—1926), сотрудник «Жизни искусства»; один из деятелей Реперткома, о сопротивлении Блюма прохождению в МХАТ «Дней Турбиных» см. примеч. в книге: Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Л., 1989. С. 522, 530.

²¹ Пьеса М. А. Булгакова «Дни Турбиных» за первый сезон 1926/27 г. в Московском Художественном театре прошла 108 раз; снята в апреле 1929 г., возобновлена в феврале 1932 г., по-скольку пользовалась исключительной любовью Генерального Секретаря ЦК ВКП(б).

М. М. КАЗМИЧЕВ (1897—1960). СТИХИ

Публикация Т. М. Двинятиной

В личном фонде В. А. Мануйлова (ф. 713) хранятся четыре папки материалов, относящихся к Михаилу Матвеевичу Казмичеву (Казмичову; написание варьируется). На одной из них рукой Мануйлова написано: «Стихи Михаила Матвеевича Казмичова ценили Ахматова, Пяст, Волошин, Мандельштам, многие ленинградские и московские поэты». Тем не менее сегодня творчество М. М. Казмичева едва ли известно: опубликованы только его переводы¹ и несколько стихотворений;² несколько беглых упоминаний о нем находится в «Записках счастливого человека» В. А. Мануйлова.³

В фонде Мануйлова — больше 100 стихотворений Казмичева, стихи и переводы его сестры Татьяны (Таты) Казмичевой,⁴ ранние рисунки брата, известного художника, графика Юрия Казмичова,⁵ обширная семейная переписка, письма Казмичевых к В. А. Мануйлову, с которым они были дружны со школьных лет, и другие материалы. Творческое наследие этой разносторонней литературно-художественной семьи достойно более полного издания, чем позволяют рамки отдельной публикации, и поэзия

¹ Отдельными изданиями вышли переводы М. М. Казмичева пьес П. Кальдерона «Саламейский алькальд» (под ред. М. Л. Лозинского; Л.; М., 1939), «С любовью не шутят» (М.; Л., 1949), «Спрятанный кабальеро» (М., 1957) и А. Морето-и-Каванья «Живой портрет» (М., 1950). Кроме того, М. М. Казмичев переводил Гейне, Байрона и поэтов французского Возрождения: Ронсара, Клемана Маро, Реми Белло и др.

² Три стихотворения М. М. Казмичева: «Ломоносов», «Полтавский бой», «Мелькает и колблется...» и краткая вступ. заметка Е. Колат опубл. в: *День поэзии*. 1969. М., 1969. С. 279—280.

³ *Мануйлов В. А. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н. Ф. Будановой*. СПб., 1999. С. 172 и др. (см. указатель имен) (далее — *Мануйлов*).

⁴ Т. М. Казмичева — автор книги «В садах Саади: Стихи, басни, переводы» (1945) и нескольких книг переводов с таджикского для детей (все известные нам книги вышли в 1940-е гг. в Сталинабаде).

⁵ См.: Юрий Казмичов, 1907—1980: *Графика. Каталог выставки / Сост. О. В. Григорьева; Вступ. статья В. И. Костин, В. Н. Минаев*. М., 1983. Ему принадлежит, в частности, карандашный портрет Н. Я. Мандельштам (1974), он упоминается в этом каталоге (<с. 8>).

М. М. Казмичева представляет собой не только центр, в котором сходятся и отражаются интересы всех членов семьи, но и яркое явление в истории русской поэзии XX в.

М. М. Казмичев родился 21 ноября 1897 г. в станице Каменская Ростовской области. В анкете при приеме в Союз писателей Казмичев указал, что происходит «из провинциальной разночинной интеллигенции».⁶ Его отец, нотариус Матвей Матвеевич Казмичов,⁷ и дядя, юрист Павел Петрович Казмичов, помимо своей основной работы, занимались литературой. В 1914 г. в Новочеркасске была издана их совместная драма «На богатырском распутье», подписанная псевдонимами М. Скальдов и М. Борецкий. В 1919 г. там же, в Новочеркасске, вышел стихотворный сборник П. П. Казмичова «Ковыльный сказ». Детские годы М. М. Казмичева прошли в станице Каменская, затем в Новочеркасске. Позже, в 1910—1920-е гг., судя по письмам и пометам под стихами, семья жила то в Ростове-на-Дону, то Новочеркасске. Когда в 1927 г. Михаил и Татьяна Казмичевы переехали в Ленинград, в кругу В. Пяста их называли «ростовская молодежь».⁸

М. М. Казмичев начал писать стихи («в раннем детстве»),⁹ первые из сохранившихся стихов относятся к 1905 г. Во многих ранних стихотворениях (до 1924 г. — первого приезда в Ленинград) отражен идиллический мир Каменской и Новочеркасска, которому во время гражданской войны суждено было стать потерянным: Новочеркасск оказался в центре боевых действий 1919—1920 гг., через него проходило и наступление Деникина на Москву летом 1919 г. и последнее отступление в январе 1920 г.

Каменская! Каменская! Родина моей души!
Все твои извилины и закоулки хороши.
На пустынной улице в белом солнце стать,
С мертвыми товарищами о странствиях мечтать.
Я бы только плакал, если б туда попал, —
Камень и песок и пыль целовал!..¹⁰

Другие стихотворения того времени написаны в подражание символистам. Девять юношеских опытов Казмичева собраны в машинописный сборник «Стихотворения» 1919 г., напечатанный как издание журнала «Новый луч» («Библиотека кружка») с предисловием В. Луизова, поэта и однокашника М. Казмичева:

«Я еще с детства знаком с автором этих стихотворений М. М. Казмичевым, который для меня звучит просто как Миша Казмичев. Он был в третьем классе и писал стихи. И его лавры не давали покою мне, восьмилетнему мальчишке, заставляя меня изводить дешевую, правда, в то время бумагу, сочиняя глупейшие вещи в стихах и в прозе. Это было в станице Каменской, откуда М. Казмичев переехал в Новочеркасск. В 1912 г. я тоже поселился в Новочеркасске. М. Казмичев был уже в последних классах гимназии и продолжал писать стихи. Развитие

⁶ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 454. Этот источник указан Т. А. Кукушкиной, сердечно благодарю ее за помощь в работе.

⁷ Ему принадлежит «Памятка нотариуса. Справочная книжка по нотариальному делу для нотариусов и заменяющих мировых судей», изданная в Новочеркасске в 1915 г.

⁸ Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926—1927. Париж; М., 1997. С. 317 (далее — Лукницкий).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 454.

¹⁰ Стихотворения и другие материалы, относящиеся к М. М. Казмичеву, цит. по: РО ИРЛИ, ф. 713 (В. А. Мануйлов).

его таланта, вернее, его поэтической зрелости и зрелости моего художественного вкуса шло одновременно. И если теперь я с улыбкой вспоминал его стихи в период ст<аницы> Каменской, то у него были новые, которые меня удовлетворяли. Период <19>12—<19>15 гг. имеет, главным образом, значение школы для поэта. Он научился владеть формой. Уже в этом году в нашем разговоре, вспоминая то время, мы интересовались, главным образом, количеством „нарифмованных“ строчек (между прочим, относительно одной поэмы из средневековой жизни, не помню названия). Тогда же у него было некоторое тяготение к так наз<ываемым> декадентам. Это была своего рода дань эпохе: у него были как бы „свои“ стихи и „чужие“, „чужие“ — в декадентском духе (некоторые были напечатаны¹¹). „Кто из нас не писал чепухи, — говорил он мне недавно, — у меня самого есть такие вещи, что перечитываешь и краснеешь“.

Во всяком случае, в настоящее время М. Казмичева нельзя упрекнуть в декадентине или другом каком-нибудь влиянии. Взяв все хорошее в смысле стиля, приемов и формы у новейших русских поэтов и оставшись верен заветам классиков, он стал самим собой. В его поэзии наиболее привлекательны два элемента: это ее содержательность (в настоящее время мы этой найдем далеко не у всех), ее, так сказ<ать>, идейность и, затем, красочность образов.

В настоящее время, когда его художественный талант находится в расцвете, ему приходится, пользуясь его выражением, сидеть в „Диогеновой бочке“.

— Понимаете ли вы такое состояние, когда пишешь и складываешь под спуд и иногда (никогда? — Т. Д.) никому, решительно никому не читаешь. Шесть лет я сознательно пишу стихи, — и все таким образом...

Вы сами знаете, в каком положении находится сейчас литература: отсутствие солидных „толстых“ журналов, дороговизна бумаги и печатания — все это заставляет ждать лучших времен... —

— „Пока повержен мир во тьму...“

Но в это тьме есть маленькая звездочка — маленький культурный центр — наш Кружок. Для него М. Казмичев вынет из-под спуда свои стихи, а Кружок издаст их, постарается распространить...».

Биографические пунктиры тех лет отражены в ответах Казмичева на вопросы приемной анкеты Союза писателей: «Кончил гимназию в 1916 г. В Университете¹² был на историко-филологическом и юридическ<ом> факультете. Последний год почти окончил — ушел в 1921 г., опять променяв право на литературу». И далее, продолжая отвечать об образовании: «Кроме русского, владею французским и украинским. Также знаю латинский и кое-что понимаю в греческом и немецком».¹³

В сентябре 1920 г. М. М. Казмичев составил программу для выступления молодых поэтов Новочеркасска, в которой дал обзор современных поэтических течений и наметил общие для участников вечера положения, — в них отразились и его личные поэтические установки:

«Группа поэтов полагает, что не в повторении старых образцов, а в искании новых форм, в высказывании новых переживаний должна заключаться задача молодых поэтов, но, стремясь выразить себя, они сознательно ставят себя в преемственную связь с великим течением русской лирики и, стремясь идти своим путем, не выбрасывают из богатого наследия старых лириков и их достижений в смысле музыкальности стиха, ни их чувства такта, ни синтаксиса, ни смысла, наконец.

Этот отрицательный признак объединяет их всех, но есть объединяющие их черты и положительного характера. Это прежде всего приятие достижений русского символизма девяностых—двухсотых годов и акмеизма, которые каждый из них развивает согласно собственным индивидуальным исканиям; интерес к разработке классического метра (особенно у В. Девяткина, а также у Луизова, Мануйлова и др.), а также искания в области свободного стиха (О. Луизова, Петровская, Казмичов и Брыкин).

¹¹ Видимо, речь идет о «публикации» стихов в рукописных журналах кружка.

¹² Имеется в виду, по всей вероятности, университет в Ростове-на-Дону.

¹³ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 454.

Есть черта, которая и внутренне сближает если не всех, то большинство этих поэтов; это сочетание общественных интересов и социального чувства с индивидуализмом и, в соответствии с этим, направление творческой мысли как в сторону воплощения массовых переживаний и исторических событий, так и в сторону отражения самых интимных и личных настроений <...>

Социалистический индивидуализм, стремление к непосредственности, искренности и осмысленности со стороны содержания, импрессионистические приемы при общем реалистическом мирозерцании, стремление к внутренней музыкальности, достигаемой определенным чередованием образов и настроений, и внешней, достигаемой звуковым составом стиха, разработка классических русских метров и искание ритмического свободного стиха, — > вот что объединяет большинство из молодых поэтов, собирающихся совместно выступить перед новочеркасской публикой 21 сентября 1920 г.

Сохранились выпускавшиеся Казмичевыми (младшим поколением при участии отца, Матв. Матв. Казмичева) рукописные журналы 1916—1928 гг.: однодневный Рождественский журнал «Огни елки» (25 декабря 1916 г.), «Декабрьские сборники» 1918 и 1928 гг. (вероятно, ежегодные). Журналы отражали не только литературные интересы семьи, но и деятельность организованных Казмичевыми литературно-художественных кружков. 1921-м годом датирован уцелевший номер «Журнала любителей искусства» («второй год издания»), выпущенный Кружком любителей искусства. Скорее всего, на смену этому Кружку пришел литературный кружок «Синяя лампа», который действовал по крайней мере до 1926 г. Его состав предположительно восстанавливается по вложенному в один из сборников «Синей лампы» списку авторов, выступающих на вечере или, возможно, помещающих свои произведения в рукописном сборнике кружка (сохранился один номер журнала «Синяя лампа» — Ростов-на-Дону, 1924 г.). Кроме Михаила, Татьяны и Юрия Казмичевых в нем значатся Владимир, Андрей и Ольга Луизовы,¹⁴ Елена Грузиненко,¹⁵ Лидия Кошарская,¹⁶ Алексей Вязигин. На соседней с этим списком странице рукой М. М. Казмичева записано стихотворение, авторство которого точно установить не удалось: его так же легко приписать Казмичеву, как и кому-либо другому из участников кружка, или же всем вместе:

Братскую Чашу стихов приветствует Лампа
И в золотое вино девять роняет лучей.

Часто в несходных вещах мудрец провидит единство.
В пламени чует он хмель и озаренье в вине!

Девять участников кружка ассоциируются с девятью лучами: индивидуальность каждого включается в поэтическое сообщество. Метрически стихотворение напоминает мандельштамовскую «Антологию античной глупости», а в историко-культурной проекции встает образ «Зеленой лам-

¹⁴ Подробнее о Луизовых см.: Мануйлов. С. 53 и др.

¹⁵ Елена Грузиненко — бакинская знакомая В. А. Мануйлова, была знакома и с А. А. Ахматовой (см. их совместное письмо П. Н. Лукницкому 2 июля 1927 г. в: Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 256). Обстоятельства ее жизни в 1920-е гг. почти неизвестны, но очевидно, что именно о ней идет речь в письме М. Казмичева В. А. Мануйлову от 8 окт. 1926 г.: «Позавчера из Петербурга вернулась Елена, и в воскресенье мы впервые устраиваем Лампу».

¹⁶ См. ее стихи в альманахе «Норд» (Баку, 1926).

пы» пушкинской поры у Никиты Всеволожского, дружеского собрания, в котором первенствуют творчество и игра (ср. названия кружков).

Стремление к тому образцу, который дал в поэзии Пушкин, сохранилось у М. М. Казмичева на всю жизнь. Приведем его письмо В. А. Мануйлову от 9 ноября 1926 г.:

«Меня постигло редкое и неожиданное удовольствие: я получил в руки, домой один том из сочинений князя Вяземского. Я думаю, что ни одного поэта не было так близкого к Пушкину, как он. В сущности, так называемые поэты пушкинской поры весьма полярны тому для нас основному, что вспоминается нам при имени Пушкина. Все они графики, все они авторы манерных виньеток. Пушкин очень точно формулировал поэтику своего поколения в заметке о Дельвиге: прелесть скорее отрицательная, чем положительная. Темперамент, страсть, не прорывающая, но изнутри расцветивающая поэтическую форму; мысль, не только украшающая, но и определяющая форму и даже ее иногда прорывающая. Последняя <искренность> и прямота высказывания, игра в чередовании ума, холодных наблюдений и сердца горестных замет. Конкретность, „фламандской кухни пестрый сор“ рядом с напряженнейшим лиризмом. Во всем этом Пушкин был довольно одинок среди многих приятных, милых или даже глубоких поэтов своего времени. Недаром он свою поэтическую генеалогию вел не только от Жуковского (или Батюшкова), но и от Давыдова: у него он взял, конечно, не гусарскую стилизацию, а нечто более существенное: остроту, конкретность, умение „круто вертеть стих“, как он сам говорил. И вот Вяземский здесь ему сродни. Вся бесшабашная, гусарская, бурная жизнерадостность, разгул (и разврат) и размах того времени, — 1812 год и московские балы, петербургские паркеты, и острое либеральничанье, образованность и варварство, так тонко переплетенные в 20-х годах прошлого века, — это очень ярко и прямо выразилось в стихах Вяземского, столь небрежных, столь фактурных и столь выразительных. В его поэзии есть и неприятное, но он действительно своеобразен и умен, и, конечно, о нем надо вспоминать рядом с Пушкиным, а не об убогом долдоне Языкове, машинообразно подплясывающем под глупо пьяные куплеты».

В первой половине 1920-х гг. М. М. Казмичев предпринимал активные попытки издания поэтических альманахов, журналов, сборников. Вместе с П. П. Казмичовым он входил в редколлегия так и не увидевшего свет стихотворного сборника «Жатва», который планировалось издать в Ростове-на-Дону. Впоследствии материалы этого сборника перешли в альманах «Норд», вышедший в Баку в 1926 г.¹⁷ Смысл названия сборника включал в себя и «северную» поэтическую традицию, у истоков которой стоял Пушкин (в противоположность «южной», см. ниже наброски статьи Мануйлова о Казмичеве), и Петербург как современный культурный и научный центр, куда стремились многие молодые люди из провинции.¹⁸ Кроме этого, здесь есть и экзистенциальное чувство, связанное с современностью. Так вспоминал о «Норде» В. А. Мануйлов: «Над Апшеронским полуостровом, в Каспийском море и над Баку часто свирепствовал неукротимый норд — сухой, несущий песок и пыль северо-восточный ветер. Люди работали и при норде, но дышалось трудно, хотя вместе с тем норд очищал городской воздух; впрочем, летом это был раскаленный ветер».¹⁹ В перепис-

¹⁷ Об этом см.: *Мануйлов*. С. 127—128, 170, 253—254.

¹⁸ Ср. в этом смысле жизненный путь не только М. Казмичева, но и В. А. Мануйлова, переехавшего в Ленинград осенью 1927 г., и В. В. Луизова, а также С. Н. Покшишевского, художника, инженера, литератора, чьи материалы также сохранились в фонде В. А. Мануйлова в РО ИРЛИ (о нем см.: *Двинятина Т. М.* «Простые, жуткие слова»: О жизни и творчестве Сергея Николаевича Покшишевского (1903—1942) // Вторая проза: Сб. статей / Ред. И. Белобровцева, С. Доценко, Г. Левинтон, Т. Цивьян. Таллин, 2004. С. 351—383).

¹⁹ *Мануйлов*. С. 79.

ке Казмичева с Мануйловым горячо обсуждался состав участников «Норда», и, в частности, вопрос о гипотетическом участии в «Норде» Есенина и Ахматовой.²⁰

В 1924 г. Казмичев, видимо, впервые приехал в Ленинград. С этого времени петербургская тема становится одной из ведущих в его стихах. Петербург имеет для Казмичева несколько исторических обликов: это Петербург Ломоносова и Елизаветы (стих. «Михаил Ломоносов»); затем ампиный Петербург первой трети XIX в. — Петербург Александра Первого и Пушкина; и, наконец, графический черно-белый Петербург начала XX в. — Петербург «Мира искусств». В каждом из исторических срезов Петербург — это воплощение и средоточие классического искусства, в противоположность Москве (см. стих. «Москва»). Сквозной петербургской темой Казмичева оказывается Эрмитаж — Рафаэль, Караваджо, Рембрандт, Рубенс, Генсборо, Ван-Дейк, А. ван-Броувер и т. д. Старые мастера для Казмичева — это не только создатели художественных шедевров, но и в какой-то мере современники — свидетели и участники его судьбы. Впечатление от архитектуры, создавшей облик Петербурга, и живописи, собранной в залах Эрмитажа, поэт соединил в начальной строке стихотворения: «Кто в Петербурге был, тот видел чудеса!..». Петербургская лирика Казмичева продолжает традицию изображения Петербурга как города, воплотившего строгость и ясность замысла и построения. Как и Мандельштам, Казмичев посвящает стихи Адмиралтейству и Казанскому собору, в его «Гоголе» (через образ ездока, повозки, саней) можно увидеть влияние «Петербургских строф». Петербург в стихах Казмичева — парадные петербургские набережные, наводнения, арки, каналы, «колонны» и «фронтонны». Но прозрачное зеркало невских вод очень быстро оказывается черным зеркалом «хляби и беды» (стих. «Посещение Петербурга»). Знак беды над городом как знак окончания эпохи в стихах Казмичева ощущается так же, как в стихах Мандельштама 1916—1920-х гг. о конце Петербурга, от «В Петрополе прозрачном мы умрем...» до «В Петербурге мы сойдемся снова...».²¹ Очевидно, это ощущение катастрофы и наступающего безмол-

²⁰ В разгар подготовки альманаха, 29 окт. 1925 г. М. Казмичев писал В. А. Мануйлову: «„Жатва“ — несжатая полоса. <...> Есенин ничего не прислал. Хорошо бы он дал что-нибудь для „Норда“. Когда писал Рождественскому, большое было искушение попросить через него стихов у Ахматовой и Тихонова, но отринул самоуправство». Отношение Казмичева к поэзии Ахматовой было в высшей степени почтительным и этически окрашенным: когда Л. Борисов опубликовал в «Красной газете» (1925. 8 окт. Веч. вып.) пародию на Ахматову (подробнее: *Тыменчик Р. Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2005. С. 611), сделанную, по словам Казмичева, «с чсто хамскою и хулиганскою бесцеремонностью», он убедительно просил Мануйлова не включать стихи Борисова в готовящийся «Норд»: «Принимая во внимание всю особенность положения Ахматовой, ты, вероятно, согласишься, что такая выходка была совершенно не уместна. Есть литературные деятели, к которым относишься с исключительной бережностью и уважением, — таковы В. Иванов, Ахматова — и в отношении которых нестерпимо никакое амикошество» (письмо <конца 1925>).

²¹ Реминисценции из Мандельштама будут и дальше значимыми в поэзии Казмичева, ср. его стих. «Я пью за понтийские волны, за непомерный базальт...» (1935), явно построенное по примеру мандельштамовского «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...». Отметим, кстати, ориентацию на Гумилева в «Оде к Абиссинии»: сумма примеров говорит о первостепенной значимости для Казмичева 1920-х гг. творчества акмеистов.

вия было в культурном сознании «привневской столицы» тех лет так явно, что эпиграфом к первому же (сохранившемуся) стихотворению о Петербурге, написанному вскоре после возвращения в родные края, Казмичев выбирает ахматовскую строку «Бессолнечные мрачные сады...» (стихотворение «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»), в которой определение «бессолнечные» соотносится с другим вариантом «солнца наоборот» — «черным солнцем» из мандельштамовского «В Петербурге мы сойдемся снова...», и оба образа — «бессолнечных садов» и «черного солнца» — говорят об уходе из жизни того начала, которое было солнцем русской поэзии и всей эпохи Петербурга — и закатилось. В наступающей тьме можно будет только *аукаться* именем Пушкина (В. Ходасевич), или откликаться на его голос, которым говорит разрушенный мир, или, как у Блока, призывать его *в непогоду* и просить о помощи в *немой борьбе*.²²

Приблизительно в это время Мануйлов сделал наброски к статье о поэзии М. М. Казмичева (см. ниже). Он выделил в русской литературе «северную» и «южную» ветви, а литературную эволюцию представил, в духе Тынянова, как взаимодействие магистральной и боковых линий. В этих координатах Казмичев оказывается связан с «южной», более конкретно — с «донской» линией, а его движение «от боковых линий <...> дорастает до значимости магистральной линии». Мануйлов назвал свое впечатление от поэзии Казмичева радостью, свое знакомство с ней — «счастьем современника», желание рассказать о ней — «счастливой обязанностью» и правом, которого он не хочет себя лишать.

В конце 1926 г. М. М. Казмичев был принят в Союз поэтов (вероятно, для этого снова приезжал в Ленинград). Об этом хлопотал, в частности, чрезвычайно высоко ценивший Казмичева Вс. А. Рождественский. Вот его письмо Казмичеву, написанное из Ленинграда в Новочеркасск 19 ноября 1926 г.:

Дорогой Михаил Матвеевич!

Несколько дней тому назад я писал Вам письмо. День выдался туманный, сырой, и на душе у меня было грустно. Кажется, и письмо вышло таким же осенним. Боюсь, не огорчило ли оно Вас? Помнится, там говорилось о Ваших стихах, об их «обреченности» и т. д.

Мне хочется узнать скорее, что Вы правильно поняли меня. Речь идет о жизни их во внешнем мире, а не о Вас как о поэте. Поэт Вы настоящий и тонкий, в этом для меня нет никаких сомнений. Стихи Ваши я *понимаю до конца и люблю*.

Но вспомните речь Блока «О назначении поэта». Дело поэта:

- а) извлечь из хаоса звуки,
- в) облечь их в гармонию,
- с) внести эту гармонию во внешний мир.

Мне кажется, Вы успешно преодолели два препятствия, чтобы остановиться перед третьим. Ваше колдовство прежде всего чарует Вас самих и людей Вам близких. Вы ничего не хотите преодолевать во внешнем мире.

Это, конечно, спасает Вам много сил, ничем не теснит воображения, но ограничивает возможность голоса.

Теперь о другом. Я читал Ваши стихи петербургским поэтам. У нас возникла мысль провести Вас в действительные члены Союза поэтов по Петербургскому отделению. Вопрос ре-

²² О значимости акмеистического и блоковского наследия для Казмичева говорит и упоминание о текущих делах «Синей лампы» в письме к В. А. Мануйлову от 9 нояб. 1926 г.: «С неделю назад мы читали стихи. Слушали „Гондлу“. Я прочел блоковскую речь» (имеется в виду «О назначении поэта»).

шится на днях. А смысл такой: у нас весной выходит очередной сборник, и мы будем Вас печатать, то, что никак невозможно в журнале (по самой природе Ваших стихов), вполне уместно в наших академических союзных анналах.

Переписал Вам «Лето». Это заставило меня полтора часа переживать солнечную свою юность. Сейчас за окном идет мокрый снег, а мне весело, и все кажется почему-то, что пахнет тополем.

Жму Вашу руку — крепко.

Вс. Р.

На переписанном специально для Казмичева сборнике стихов «Лето» Рождественский сделал дарственную надпись Казмичеву — «умному садовнику гиперборейских роз и милому другу».²³

В 1927 г. Михаил и Татьяна Казмичевы обосновались в Ленинграде. Вслед за ними в конце августа 1927 г. в Ленинград приехал В. А. Мануйлов. Первое время он жил у Казмичевых, на Фонтанке, 26,²⁴ и оттуда приходил в Фонтанный дом (Фонтанка, 34) к А. А. Ахматовой.²⁵ Возможно, от него Ахматова узнала о Казмичевых и слышала стихи М. М. Казмичева. По воспоминаниям Мануйлова, и Ахматова и Казмичевы были на его свадьбе 19 февраля 1928 г., и через неделю, 26 февраля, были в гостях у него и его жены, Л. И. Сперанской.

Если знакомство с Ахматовой было, скорее всего, весьма поверхностным, то общение с В. Пястом — более тесным и значительным. Кроме упоминания Мануйловым Пяста в числе ценителей стихов М. Казмичева мы располагаем свидетельством П. Н. Лукницкого о том, что у Казмичевых «Пяст бывает ежедневно».²⁶

В 1929 г. М. Казмичев готовил к печати сборник стихотворений,²⁷ но издание не состоялось. Кроме сборника «Стихотворения» 1919 г. с предисловием В. Луизова в фонде Мануйлова сохранились только подаренный Мануйлову самодельный экземпляр юношеской поэмы «Ветер» с эпиграфом из поэмы Блока «Двенадцать» («Ветер, ветер на всем белом свете») и сборник (сложенные в книжечку листы) стихотворений с дарственной надписью Мануйлову: «В. Мануйлову пушкинисту пушкинист Мих. Казмичев. 3/1-1923». Кроме того, известно и о его рукописном сборнике «Стихи: 1924—1926», подаренном М. А. Фроману (собрание А. Л. Дмитренко, СПб).

²³ Музей А. Ахматовой, ф. 5, оп. 1, д. 44. См. также в письме Рождественского Казмичеву от 27 февр. 1927 г.: «...мы люди единой культуры, позволяющей нам часто понимать друг друга с полуслова» (Там же, д. 45, л. 1). Отношение Казмичева к творчеству Рождественского было не столь однозначным: он ценил «беззаботность и радость при высоком мастерстве», присущую раннему Рождественскому, но уже сборник «Большая Медведица» (1926) произвел на него более тягостное впечатление: «монотонно-надсоновское раскачивание длинных строк, уездная чувствительность, многословие, шаблонность образов» (письмо Казмичева Мануйлову <февр. 1927>; в письме упоминается «пушкинский вечер»); об этом, немного мягче, Казмичев писал и самому Рождественскому (письмо <начала 1927>).

²⁴ Первый адрес Казмичевых в Ленинграде; позже — Моховая, 41, кв. 6 (указан Казмичевым в анкете при приеме в Союз писателей в 1929 г.).

²⁵ См., напр., в письме Н. Н. Пуннина П. Н. Лукницкому 1 сент. 1927 г.: «Мануйлов сидит на диване и с жаром разговаривает о „Графе Нулине« и „Онегине« <...>» (Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 304).

²⁶ Лукницкий. С. 318.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 454.

В круг общения Казмичева в Ленинграде входили и молодые поэты его поколения. Он упоминается в дневнике Лукницкого;²⁸ в первой половине 1930-х гг., судя по записям И. М. Басалаева, продолжалась его дружба с Рождественским и Мануйловым:

«У Всеволода Рождественского — опять на Рузовской — сидят осторожный мечтательный поэт Казмичев, обрезавший свои длинные волосы романтичного поэта; розовощекий непоседа Мануйлов — пушкинист и лермонтовед, они дружат со Всеволодом еще со школьной скамьи; потом приходит старый приятель Всеволода — математик <Б. И.> Извеков. Живая, с веселыми глазами Надежда Александровна <Бринкман> командует винегретом и чаем.

Всеволод Александрович читает очередные стихи, замечая, что урожаем этого лета небогат — всего три стихотворения.

Затем читает Виктор Андроникович Мануйлов. Он, оказывается, тоже пишет стихи. Это юношеские вздыхания, посвященные „любимой“, разбавленные розовой водой книжных мудростей и сентенций, старых и добрых, как немецкая бабушка прошлого века.

За ним читает Казмичев. Голос без выделений, без нажима, одна блестящая ровная струя; ровная, однообразная, узкая. В ней отражаются облака, птицы, небо. С ними ровно ничего не случается. Они без запаха, без цвета, без объема. Это кусок чего-то тающего во рту, такой невесомый, что остается впечатление — как будто ничего и не было. И оттого стихи похожи на выцветший рисунок... Но все же эта тающая без следа легкость и упорное желание дать птицам жизнь оправдывают исхоженную и зацпанную лирическую банальность, на которой автор строит свои стихи.

Стихов Казмичева не издают. Последний, кто просматривал его стихи, был Константин Федин. Он тоже, как и другие, подтвердил их высокое качество и невозможность издания».²⁹

Важнейшим событием жизни стало для М. М. Казмичева знакомство с М. А. Волошиным. Летом 1930 г. он гостил у Волошина в Коктебеле³⁰ и писал тогда Мануйлову: «Макс и М<ария> С<тепановна> ко мне очень приветливы. Также и стихи мои здесь очень хорошо приняты».³¹ О том же — в письме Вс. Рождественского Мануйлову от 27 августа 1930 г.: «Виделся проездом с Казмичевым в Коктебеле. С Максом они подружились».³² Уезжая из Коктебеля, уже с дороги, М. Казмичев прислал открытку:

²⁸ Лукницкий. С. 217.

²⁹ Басалаев И. Записки для себя / Предисл. А. И. Павловского; Публ. Е. М. Царенковой; Коммент. А. Л. Дмитренко // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1996. 19. С. 426—427. Приведенная запись из тетради четвертой, датируемой 1932—1938 гг.

³⁰ С Казмичевым Н. Я. Данько передала Волошину статуэтку Ахматовой, об этом см. в письмах Т. С. Салтыковой М. А. Волошину от 10 и 12 июня 1930 г. (РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1075, л. 5, 9), см. также: Хрулева Р. Статуэтка Ахматовой // Победа. 1981. 6 февр. № 26. Приношу искреннюю признательность Р. П. Хрулевой за сведения о коктебельской жизни Казмичева. О Коктебеле 1930 г. см. воспоминания С. И. Липкина в: Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сб. / Сост. и коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. М., 1990. С. 590—594. М. Казмичев, однако, здесь не упоминается (по ошибке упоминается неприехавший В. А. Мануйлов, которого Казмичев звал в Коктебель). Кроме него летом 1930 г. у Волошина, как вспоминает С. И. Липкин, гостили М. Тарловский, В. А. Десницкий, Г. Шенгели и Н. Л. Манухина, М. С. Альтман, Б. А. Лавренин, В. Звягинцева, приезжали А. Белый, А. Толстой, В. Я. Шишков.

³¹ Письмо от 17 июля 1930 г. Возможно, однако, что стихи Казмичева были известны Волошину и раньше, опять-таки от Мануйлова. Описывая свое пребывание в Коктебеле в 1927 г., Мануйлов упоминает о реакции Волошина на стихи Казмичева: «Сочувственно отзывался Максимилиан Александрович о стихах М. М. Казмичева, к сожалению, несправедливо забывтого поэта, известного более как переводчик с испанского» (Мануйлов. С. 172).

³² Цит. по: Мануйлов. С. 280.

Дорогие Мария Степановна и Максимилиан Александрович!

Пишу Вам с пути прежде всего для того, чтобы поблагодарить еще раз за все, что Вы мне дали — привет, дружбу, радость, два месяца блаженной и беспечной жизни.

Мне хотелось бы приветствовать от всего сердца и всех, кого я видел сегодня у калитки, садясь, наконец, после бессовестного опоздания на линейку.

Позвольте Вас обнять и просить меня помнить.

Мих. Казмичев³³

С того времени крымская топка «морских окраин» (простор, волны, камни, маслины, травы, звезды, тополя, полынь и т. д.) стала одной из главных составляющих творчества Казмичева. Волошину и памяти Волошина Казмичев посвятил несколько стихотворений.³⁴ В поэтическом сознании Казмичева Волошин занял место сродни Державину для Пушкина (ср.: «И ты меня улыбкой встретил» у Казмичева и поэтическую версию державинского благословения в восьмой главе «Евгения Онегина»). Волошин и Коктебель были для Казмичева не только воплощением поэзии, одухотворенного, радостного и творческого бытия, но и залогом стойкости «на последнем поединке» (стих. «В пустынном Коктебеле благодать...»).

После 1945 г. М. М. Казмичев жил в Москве; занимался главным образом переводами, в фонде В. А. Мануйлова стихов 1950-х гг. немного. Он умер 24 сентября 1960 г. Свой прах завещал похоронить на утесе Карадаг рядом с Коктебелем.

В. А. Мануйлов. <О М. М. Казмичеве>

1

У всякого зоркого современника, живущего в годы появления большого художника, есть неповторимое счастье — свежего, первоначального, чистого восприятия новых вершин искусства. Подобное счастье испытывала нога открывателя земель, и тем больше удивленный восторг этих людей, чем неожиданнее и прекраснее открывшийся перед ними мир. Передо мной стихи моего современника, стихи Михаила Казмичева. Даже не книга. Это пачка рукописных листков, которые еще станут книгой — потому что рано или поздно им это суждено. Я перечитываю стихи Казмичева и думаю о неповторимом счастье современника.

Будет книга и об этой книге, будет много других книг — плохих и хороших [больше плохих].³⁵ И чем дальше, тем больше книг о Казмичеве будут заслонять его самого. Я не хочу лишать себя права современника. Широко открытыми и *своими* глазами я смотрю на новую радость — стихи Казми-

³³ РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 606.

³⁴ Одно из них («И мне явился лик твой львиный...», 27 июня 1930 г.) опубликовано В. П. Купченко (*Волошин М. Жизнь — бесконечное познание: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения.* М., 1995. С. 489—490; *Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников.* Феодосия; Москва, 1997. С. 92—93).

³⁵ Текст в квадратных скобках зачеркнут.

чева — и эта радость так полна, что я должен рассказать о ней тем, кто будет после нас, у кого на столе будет изданный Казмичев и книги о нем, но кто будет отделен от нас временем и чужими мнениями.

Да, будут объяснять и изучать творчество поэта! Эти наукообразные попытки законны. Но разве не законна попытка современника рассказать о своей радости.

И вот я хочу рассказать, что есть для меня Казмичев, каким я его вижу; как знать, может быть, это не только мое право, но и счастливая обязанность.

2

Русская классическая литература XVIII и XIX веков в силу целого ряда исторических причин по преимуществу возглавлялась северянами, и не случайно. Северное сияние Ломоносова и пасмурная мечтательность Жуковского были близки и дороги полярному арапу Пушкину. И если Пушкин, Лермонтов, Толстой постоянно тянулись к югу, то юг они любили как северяне и словами его и на своем северном суровом языке.

Но чем ближе к XX веку, тем чаще в русской литературе звучит говор южан. Южный пейзаж Гоголя забываем, но не он типичен для николаевского периода нашей литературы; чеховская степь — это уже новые земли, это новая почва русской литературы. На этой почве вырос Короленко и окреп нижегородец Горький. А в современной литературе южане уже едва ли не преобладают: Асеев, Бабель, Багрицкий, Маяковский, Сельвинский, Се-рафимович, Шенгели, Шолохов.

Югу принадлежит и Казмичев;³⁶ юг его родная почва. Казмичев это знает и крепко помнит.

[158—159]³⁷

Смычки Чайковского и сказки Щедрина здесь не случайны; но они больше принадлежат отцам, предыдущему поколению. Территориально Казмичев опирается на иные традиции. В частности, он отлично знает и чтит донецкую струю русской литературы,³⁸ Тренев, ..., ³⁹ Крюков, наконец, отец поэта, беллетрист и драматург Матвей Матвеевич Казмичев — вот имена, которые не сможет обойти будущий исследователь предшественников поэта. Ими были найдены все главные элементы казмичевского пейзажа;⁴⁰ уже они, эти незамеченные степные художники, ведали

В станции Каменской родное бормотанье —
Акаций, воздуха и мела воркованье...

Только выражалось это все примитивнее и грубее. Уже Крюков и Тренев, только в прозе, рассказывают о том, как

³⁶ Далее идет знак вставки, однако текста вставки в рукописи нет.

³⁷ Видимо, таким образом обозначены номера стихотворений из рукописного сборника Казмичева, которые Мануйлов планировал привести в примеры.

³⁸ Далее идет знак вставки, однако текста вставки в рукописи нет.

³⁹ Здесь и далее пропуски в тексте.

⁴⁰ Далее идет знак вставки, однако текста вставки в рукописи нет.

В прохладных, чистых комнатах
Густеют каймаки.⁴¹
Линялыми лампасами
Кичатся старики.

Казмичев перерос своих предшественников, но он хорошо помнит их. Даже в языке Казмичев ревниво отстаивает свои провинциализмы.

<...>

3

Младшие ветви русской литературы, ее боковые линии — вообще ближе Казмичеву. Не Пушкин, но Фет и отчасти Тютчев; а в XX веке не столько символисты, сколько скромный Бунин определили круг влияний в поэзии Казмичева. Может быть, это объясняется тематикой. Главная тема Казмичева — лирика природы. Старшая ветвь литературы всегда питалась культурой эпохи и, как правило, была нагружена проблемно-идеологическими ценностями. Боковые ветви литературы, уклоняясь от вопросов эпохи, стелились по земле; лирика природы и непосредственно-реалистическое, беспроblemное восприятие мира характерны для большей части художников этого типа.

Казмичев по школе и творческим методам идет от боковых линий, но в процессе своего творческого развития он дорастает до значимости магистральной линии. Это вполне понятно: молодая ветвь плодотворнее — в ней больше жизненных, еще неистощенных соков.⁴²

М. М. КАЗМИЧЕВ. СТИХИ (1916—1959)

Стихи публикуются по машинописям и беловым автографам. Ряд текстов существует в нескольких списках, имеющих между собой, как правило, незначительные разночтения. В тех случаях, когда выбор окончательной редакции затруднителен, варианты приведены в построчных примечаниях. Там же приведены авторские пометы, в том числе те, в которых М. М. Казмичев ретроспективно оценивает свои ранние стихи. Датировки стихотворений в угловых скобках принадлежат публикатору.

* * *

Свечи. Не видно луну.
Звуки сверчков непрерывны.
Любишь ли ты тишину?
Тени вокруг переливны.

Любишь ли ты тишину?
Речи без слов ароматней.
В сумраке я утону,
В сумраке тайна понятней.

⁴¹ Диалектное обозначение сливок, снятых с топленого молока.

⁴² Далее идет знак вставки, однако текста вставки в рукописи нет.

Молча в твой взор я взгляну,
Стала ты ближе и проще...
Любишь ты сонные рощи?
Любишь ли ты тишину?

1916¹

* * *

Освещенные окна у булочной.
Видно хлебов румяных ряды.
Не умолк еще города гул ночной,
Но бесчувственно тихи сады.

Вот кухарка стоит незнакомая.
Утомленно извозчик гремит.
Через десять минут буду дома я.
Самовар еще теплый стоит.

21 июня 1917

* * *

Все надо петь: и милосердьё Бога
И поражений сеть.
И всех жалеть: лишь тот, кто понял много,
Готов гореть.

И смех, и грех. И говоры народов,
И под луною путь.
Стоять в жару у деревянных сходов,
Бог весть о чем вздохнуть.

Только смешав в один напиток жизни
Все, все несовместимые дары, —
И власть земли и зов к иной отчизне, —
Поймешь ты смысл божественной игры.

И все поняв, поникнешь, славословя,
К давно уж не святому алтарю.
Только тогда возьмешь, не сдвинув брови,
И новый мир и смертную зарю.

25 июля 1917²

* * *

Тени разрушения скачут по полям.
Лица их кошмарные снятся по ночам.

¹ На об.: «Новочеркасск. Лето 1916».

² На об.: «Новочеркаску».

Ветер гривы черные коням шевелит.
Масти их янтарные солнце золотит.

Тени разрушения вьются на полях.
С ветром все сливается в непрерывный страх.
Ветер, провевающий по лихим полям,
Подлетает бешено к мертвым городам.

Этой песнью стонущей полнятся поля,
Смехом улетающим зажжена земля.
Огненные призраки с ветром, на полях,
Пляшут танец рушенья на гнедых конях.

Все танцует бешено!.. Так пляши ж и ты,
Увидав невидимых всадников черты,
Угадав таинственный звук из вышины...
Песни обреченных сладостно-стройны!..

сентябрь 1917

* * *

Я буду молиться один,
В тиши молчаливых равнин,
Под белым разрывом в молящихся тучах,
Среди дуновений летучих,
Средь ночи, средь степи я буду молиться один.

Есть в мире лишь ты и поющее сердце.
Мы двое — вверху и внизу.
Горят ли за тучами белые звезды? —
Я стал на колени, и ветер целует слезу.

Мы двое лишь в мире, о Боже, —
В прозрачном покое равнин,
Где темное сердце лишь ветер тревожит, —
Твой голос, твой ласковый сын...

Открытое сердце ты знаешь, ты знаешь!
Ты путник его глубин.
Горька и блаженна дорога земная,
Где отдых ты сладкий и беглый даешь...
Ты мутные тучи звездой пронзаешь
И тенью степною плывешь...

<16 августа 1917—1922>³

³ На об.: «Вагон (теплушка). Ростов—Новочеркасск. Это одно из любимых мною стихотворений, может быть, наиболее значительных»; «1917—1922 (закончено в 1922)».

Из цикла «КОЛОКОЛЬНЯ»

<1>

Это не проклятие, это не призыв!
Я качаю колокол, вечер ощутив.

Это скорбный благовест, одинокий зов
В глубину темнеющих, сумрачных часов.

Ветреные улицы измышляют ложь,
И с безумья пьяного маски не сорвешь,

И слепые плотники, — хриплая орда, —
Разрушают темные земные города.

Тьма еще не свеяна с напряженных глаз,
В жилах разливается злобы пьяный газ, —

И колотят с хохотом в безумные года,
И звоню я в колокол скорби и стыда.

Это не проклятия, это не любовь,
Это только жалобы видевшего кровь.

январь 1918

<2>

Знаю, звоню я бесцельно и трепетно.
Люди ушли...
Знаю, мой звон замирает в пустынности
Только для туч и земли.

Только для туч, безнадежно-молящихся
В сером пространстве своем,
Только земле, напоенной проклятьями...
Воздух и смерть кругом.
Бей же, мой колокол!..

февраль 1918⁴

* * *

Час сине-алый, час заката!
Темнеет воздух дорогой,
Бросает ласковое злато
Великий кто-то и благой.

⁴ На об.: «Стихотворение, которое мне до сих пор очень нравится. Последнее в цикле „Колокольня“. Февраль 1918 г. Новочеркасск. Sapienti sat».

Люблю я домиков ворота
И сумерек домашний шум,
Когда вся жизнь, как дня забота,
Горит без страсти и без дум,

И призрак розовый проходит
У окон темных и немых,
В деревьях старых что-то бродит,
С ветвей стекает вековых,

И церковь белая на кручах
Алеет в розовом огне,
Когда закат горит на тучах,
Когда закат горит во мне!..

7 февраля 1918⁵

* * *

Бродил неясный шорох в листьях
И растекался по листве.
И все теплей и золотистей
Грустил о жизни-божестве.

И кто-то был в молчанье ночи,
Великий, темный и живой.
И в тучах были звезды-очи,
Внизу пропетые листвою.

И ночь струилась тихим шумом,
И затихала и текла.
Она внимала нежным думам,
Каких еще не изрекла.

*весна 1918
Новочеркасск⁶*

* * *

Неизреченный шум листвы.
Неуловимые дыханья.
Зеленолиственной молвы
Невыразимые признанья.

Вот зашумело в тополях
Протяжным шумом, странным, странным,

⁵ На об.: «7 февраля 1918. Новочеркасск. Стихотворение во многом для меня характерное (особенно для тех лет)».

⁶ На об.: «Кажется, май или апрель. Квартальное дежурство с заряженной винтовкой в руках».

Ответ родился в тех ветвях,
Течет к листьям благоуханным.

И стихло. И потом опять
Зашевелится шум широкий.
Он растекается дышать,
Как море, сильный и глубокий.

И кто-то без конца листвою
Шумит таинственно и стройно,
И слушает он шорох свой
И радостно и беспокойно.

1918⁷

* * *

Черная роза в петлице,
Светлая радость в лице.
Вышел я с прошлым проститься,
Встал без пальто на крыльце.

В белой одежде священник
Будет мне дымом кадить,
Дым, как тоскующий пленник,
Вытянет синюю нить.

В белой и дымной одежде —
Не подыму туда глаз! —
Будешь ты рядом, кто прежде
В тихий мне грезился час.

Гнутся сухие деревья,
Видно кругом далеко,
Ветром, стою, охмелев, я.
Холодно мне и легко.

1918

* * *

Это строки про густое
Рыжее сукно,
Про солдатские постои,
Песни и вино,

Про удар, тупой и грубый,
Правду небылиц,
Плотно сдвинутые губы
Наклоненных лиц.

⁷ На об.: «Новочеркасск. То же, что предыдущее стихотворение».

После тифа, тощий, слабый,
С голой головой,
Вдруг упал я на ухабы
Бури снеговой.

Слушая разрывов громы,
В ящиках, в углу,
Пыльные я трогал томы,
Светлых лет золу.

Зорко в гущу человечью
Я смотрел в упор.
Приходил угрюмый вечер
На крикливый двор.

Потолок спускался ниже,
Задышался дом,
За стеной обозчик рыжий
Громычал ружьем.

Мать к столу садилась штопать,
Отблеск спиц, колец,
Мне светил, роняя копоть,
Тусклый каганец.

1920/1922

* * *

Чуть лоснится купол круглый,
Острроверхий. Под стеной
Продают торговки воблу
И угрюмый хлеб ржаной.

И у края тайны Божьей,
У страданья на духу,
Просыпает из рогожи
Нищета свою труху.

И сентябрь в холщовом платье,
Опускаясь на базар,
Синевой последней платит
И целует образа!..

осень 1921

* * *

Мы скоро сойдем с ума!
Россия — тряпица грязная.
В снегу побирается тьма,
Оборванная, безобразная.

Связана из рогож
Наша пустая история, —
Несколько красных рож
Глядит сквозь черное горе.

осень 1921

* * *

Краснеет отверстие улицы.
Заря? зарево? ад?
Что, жизнь, ты увидишь, курица,
С насеста бросаая взгляд?

Что, жизнь, ты увидишь, глупая,
Не знающая глубины,
С кудахтаньем отколупывая
Известку с толстой стены!

Опущены веки жующего,
И смотрит бельмом мудрец, —
Но жизненнее живущего
Оргийная глубь сердец!..

<1921—1924>⁸

* * *

Слабым огоньком
Моя жизнь горит, и тени кружатся.
Смерть придет зимою, вечерком,
Побеседовать об ужасе.

Что останется? — Мои стихи,
Неразборчиво написанные —
Не проснувшиеся петухи
Среди мути ненавистной.

Кроме детства, кроме белых лет,
Кроме затаенного волнения,
Что еще осталось от побед
Моего не вспыхнувшего гения?

Все не в самом деле, все в бреду.
Темный гул попутчиков не слушая,
С темными глазами я иду
Среди ужаса и равнодушия.

В мутных днях растратится душа,
Серебристой линией скользящая...

⁸ На об.: «Ростов. Старопочтовая улица. Года не помню. 21? 22? 23? 24?».

Кто хлебнет из моего ковша,
Где не отразилось настоящее?

Кто разбудит белых петухов,
В первом утре прокричавших?
Кто прочтет по кончикам стихов
Годы, счастьем дышавшие?

сентябрь 1922

* * *

Оклик ночи и бумага.
Вот и все, что надо для стихов.
Темнота прикосновеньем мага
Пробуждает пропасти грехов.

Мы кошунствовали и грешили
Двадцать пять тяжелых страшных лет.
На свои сердца мы саван сшили
И к истокам затоптали след.

Вот и все. И большего не надо.
Тот сумеет выдумать стихи,
У кого в груди дыхание ада
И безумный шорох чепухи!..

осень 1922

* * *

Только ночью тайна, а днем безразличие,
Только ночью тайна, хоть и темная, как сон.
Принимает огромное, непомерное обличье
Этот маленький дневной хамелеон.

16 декабря 1922⁹

КАРАНДАШ

Вот на клеенке стола карандаш.
Слушай! помоги мне выбить родник!
В сердце идет кто-то близкий, наш, —
К темной воде приник.

Тайное, смутное поставь на порог.
Звуком дневным дай ночное облечь,
В гущу простую, в мреющий лог
Серою птицею выпусти речь.

18 декабря 1922

⁹ На об. помета: «1922. Осень. Стихотворение мне очень нравится».

* * *

Тесто в круглой большой макитре
У обеденного стола.
День ушел в серебряной митре,
И сейчас полусон и мгла.

Сердце, тихо праздную победу
Над заботой дневной, над злом,
Сердце, мирно веди беседу
С тем, что ласково веет крылом.

День ушел утомленным, сытым.
На насесте все петухи.
И на листике глянцевином
Неожиданные стихи.

20 декабря 1922

* * *

День лета! Кто меня любит?
Как ты меня любит кто?
На тихом тенистом балконе¹⁰
Сниму и повешу пальто.

У лестницы деревянной
Поломанная ступня,
Стоят благодушно деревья,
Они не чужие — родня!¹¹

А борщ разольют по тарелкам
С голубенькою каймой...
Зачем я так редко, так поздно
В листву возвращаюсь — домой?¹²

1922

* * *

И радости надо учиться,
Как учатся в жизни всему,
Как учатся в опыте плотном
Притворству, вражде и уму!

Какие корявые краски
На столбиках старых перил!

¹⁰ *Вариант:* На мудро-тенистом балконе

¹¹ *Вариант:* Обрадованная родня, —

¹² *Вариант:* Чужим прихожу домой?

Они задевают за сердце,
За мускулы спрятанных сил.

Их дрему тревожу впервые,
Но в них я знакомых узнал,
Которых не видел лет двадцать,
С которыми в шашки играл.

Ах, нам, задымившимся долго
В пустом кантианском дыму,
И радости надо учиться,
Как учатся в жизни всему.

1922

* * *

Я люблю цимлянское вино,
Сумрачные яблони и месяц,
Поздно ночью я люблю сидеть
За веселым ужином в станице.

Серебрится тихая река,
Как туман к воде уходят рощи,
А хозяйка силой мне кладет
В помидорах жареную рыбу.

Тихий месяц, на столе колдуй,
Серебрись на черном винограде,
И тарелки полные мешай
В темную серебряную сказку.

Будет сердце биться от вина,
Но усну я весело и крепко
В незнакомом доме, на полу,
В многозвездной колыбели лета.

1922

* * *

На улицах поют автомобили,
А в комнате спокойно и темно.
Ах, я другой! А первого убили.
И умер он давно.

И эта ночь, как все другие ночи,
Не слышит стука сердца моего,
И с каждым годом сердце все жесточе,
Все более глубоко и мертво.

И если ты придешь в мой отдых синий,
Придуманная первым, мертвым мной,

Ты отвернешься от жестоких линий,
Написанных не тихой тишиной.

Вот эти годы, — бледные, как дети,
Испуганные тьмой... Они пройдут,
И, может быть, тебя не вспомнит третий,
Тот, кто пойдет к последнему суду!..

1922

* * *

А ночью сходит ангел старый,
Обои зацепив крылом,
На наши страсти и угары,
На жизнь, торчащую углом.

И сыплет елочные блески
На самую глухую муть,
И на черте, кривой и жесткой,
Дает легко передохнуть.

Как покаянье, как прощенье,
Склоняется его лицо,
И ласковые сновиденья
Смыкают легкое кольцо.

И он поет, сквозь сон, сквозь горе,
На сердце бросив тень крыла,
И завораживает море
Еще бушующего зла.

1922

* * *

Мягко одеянье Четверга.
Темный воздух миром дом обводит,
И Христос в огромный сад выходит
После нежной трапезы врача.

Спят дома в таинственной тени,
Сладок воздух, тайной напоенный.
В глубине беззвездной и бездонной
Радостно качаются огни.

Легкие роняя фонари,
Ночь стоит, темна и бездыханна,
И слова святого Иоанна
Холодеют и поют внутри.

март 1923

* * *

Как темная стена любовь.
Ты сердце к горечи готовь.

Но пенистым полна вином
Тревога, тающая сном.

И дружба есть, хмельней любви,
С цветочным запахом в крови,

Как листья темные садов,
Как пенье розовых дроздов.

<1923>

* * *

За твердой поступью твоей
Туманный лес воспоминанья,
И память, серый соловей,
Поет, и реют очертанья.

О, соловьиная пора!
Растут невидимые чащи,
И сердце бьется до утра
Все беспокойнее и чаще.

О, прошлого воздушный плеск!
Там птицы пели голосистей,
Там зорь доверчивые кисти
Светлей бросали в окна блеск.

И только в грозах голоса
Нас окликают простодушно,
И только в страсти вечер душный
И соловьиные леса!

май 1924¹³

* * *

Мой дом охвачен полусном
И лунным светом.
Но в тяготе июля гром
Ко мне врывается с приветом,
Сквозь ливень, падающий летом
Таким тяжелым серебром.

¹³ На об.: «1924. Май. „Твоей“, собственно, с большой буквы. Это продолжение стихотворения „Ты разбил меня наполовину...“».

О, молний синие глаза!
Огромный голос в рваных тучах,
В руках у тополей пахучих
Такая дымная гроза!

Как окрыляешься легко
В орбите беглой и напрасной,
Как сердце полное согласно
Со всем, что было далеко!

Его в огромный разговор
Зовут холодные витии...
О, влажные глаза стихии
И примирительный раздор!

май 1924

* * *

Повисает крепким яблоком
И летит.
И малиновому облаку
Молниями говорит.

И Ньютон, с глазами опаленными,
Разметав парик,
Слушает под листьями зелеными
Алгебры гремящий крик.

Озирая мирозданье заново,
Обегая вихри тел,
Не поднял он яблока румяного
И не съел!..

Я не буду с ним и с Ломоносовым
Слушать гром!
Убегаете с откоса вы
Под сияющим дождем.

Залетают в листья капли пьяные
И мешают воробьям.
Разрезайте яблоко румяное
Пополам!

*август или июль 1924*¹⁴

¹⁴ На об.: «1924 — августа или июля. Это одно из самых любимых моих стихотворений. Первые его строфы вызывают у многих негодование — пример тому оба Чуковских, Тата и многие другие. Но я это стихотворение люблю даже со стороны, как чужие хорошие стихи». На об. др. списка: «Мануйлов поместил это стихотворение в рубрику „Подлинный Казмичев“, в скобках пометив: „Рождение поэта“».

* * *

Ночь играет на скрипке
Под смычком соловьи
И летучие мыши твои
И приманчивые калитки.

Под деревьями слушай,
Опускайся к реке,
Прикасайся к руке,
Соловьями поющей.

*август 1924*¹⁵

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Ампирные колонны.
Пустынные фронтоны.

Тоскливые анналы,
Канальи и каналы.

И старичок с болонкой..
И жизнь идет сторонкой!..

август 1924

* * *

Бессолнечные мрачные сады

Ахматова

Пышно распахнут могучий Невский.
Светлеет Адмиралтейская игла.
Скачет лихач к баронессе Вревской
Смерть принести от Пушкинского чела,

Мчится гонец к заплаканному Жуковскому,
И в одичалый красный дворец,
И к многолюдному хору московскому
Крикнуть певцам, что умолк певец!

Но над российскими черными ямами
Все мы стоим на одном берегу.
И холодеет гордыми ямбами
Неукротимых оград чугун,

¹⁵ На об.: «Очень люблю это стихотворение. Пейзаж подразумеваемый — Персияновка (или Каменская)».

Но в Петропавловский воют пушки
О нападении черной воды,
Но окликают голосом Пушкина
Эти *бессолнечные сады!*

*ноябрь 1924*¹⁶

КУРИЛЬЩИК А. ВАН-БРОУВЕРА

Ты рот разинул, курильщик,
И гонишь в комнату дым.
Какой ты красный, курильщик,
С усами, без бороды.

Ты пальцами только причесан,
Лоснится желтый камзол:
Сидишь у меня, не чесан,
Сидишь низколоб и зол.

А я такой деликатный,
С ключами пяти культур,
Смотрю на лоб твой покатый,
На рук твоих красноту.

И нравится мне и брату,
Когда мы бываем втроем,
И кажется младшему брату,
Что мы по-голландски поем.

Становится сердцу жарко,
И весело, и смешно,
А ночь яванской дикаркой
Заглядывает в окно.

А ты — веселый товарищ,
Когда метель у окна!
Но только не прыгай, товарищ,
Из огненного полотна!

*осень 1924*¹⁷

¹⁶ На об.: «1924. Осень. Вскоре после приезда из Петербурга».

¹⁷ На об. запись: «Осень 1924. Ван-Броувер — фламандец по происхождению, молодость провел в Голландии, где учился у <Франца> Гальса. „Голландская песня“ поэтому здесь не по ошибке. „Курильщик“ — едва ли не лучшая вещь Броувера — висит в Лувре. У нас висела чудесная репродукция французской работы».

ПОСЕЩЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА

1

Вот она, осанка драматургии! —
Полутемный лампион
И железный ветер в Петербурге
От малиновых колонн.

Под холодной аркой дух захватывало,
Лира плакала сама...
И Неву тяжелую накатывало
На стигийские дома.

Мы, нагнувшись, пригоршнями черпали
Милые и страшные следы,
Ничего не видя в черном зеркале
Этой хляби и беды.

У столпа живые не шаманили.
И молчали мертвецы.
И ладони узкие мы ранили
О перуны и торцы.

1924

2

Детскою горстью летят снежинки
И пропадают в черной воде.
В черных перилах поет Добужинский.
Камнем написано: быть беде!

Каждая карта пиковая двойка
Для омраченных метелью умов.
Темною Летой катится Мойка
Мимо больших генеральских домов.

Город великий, туманов заложник,
Блещет в тумане чугунным днем.
И одинокий пифийский треножник
Полон печальным и страшным огнем.

1924

* * *

Ты разбил меня наполовину.
Я наперекор Тебе
Твердую мелодию доигрываю,
Не внимая Азраиловой трубе.

Сам ведь Ты меня, как скрипку, поднял —
Помню я, Ты от волнения бледнел —
И настроил для огромной музыки,
От которой сладко холодел.

Как Ты можешь, дивных звуков зодчий,
Облекаться в парусину бед,
Ум беспамятством мохнатым заволакивать,
В чернокудрый прятать бред?

Для чего Ты любишь негритянский барабан,
Дудку дикую и волчий вой?
Кастаньетами кабацкими вызванивая,
Ты вселенную пускаешь по кривой.

Или Ты безумно ищешь полный звук —
Тот, что тронул Ты в младенчестве моем?
Или Ты тоскуешь об утерянной гармонии
И живешь виденьем звуков, как и мы живем?

1924

МОСКВА

Этот город такой чужой!
Он захлестнут ямщицкой вожжой.

Он бараньим тулупом одет
(Хоть и ласков церквушек бред).

Он завернут тугим калачом
И украшен хриплым грачом.

Мне как стук азиатской серьги
Разбитные его торги.

Как ты любишь его, сестра?
Не за розовые ль утра?

Не за детскую ль нежность церковей
И татарскую нитку бровей?

Нет, за греческий голос во мгле
В азиатской его петле,

За ошарпанный мел и лазурь
И за мрак театральных бурь!..

*февраль 1925*¹⁸

¹⁸ Сохранилось три списка этого стихотворения. В одном из них, под тем же заглавием, проставлено посвящение «Т. Казмичовой»; во втором стихотворение озаглавлено «Стихи о Москве».

Я смотрю альбомы Александра Бенуа.
Зеленые, желтые, красные обертки.
Загорается пышными розами канва,¹⁹
Горячих апельсинов падают корки.

О, Италия, Фландрия, и Рим,
И Аbruццо, и мокрый Лондон! —
Вот мы пламенем Рубенса горим
И с тобою летим, Джоконда.

Только душно в книгу смотреть! —
Ведь картина — и та заслонка! —
Не хочу я тут умереть
Ни дворнягою ни болонкой.

Подо мной сгорела земля.
Горький дар никогда не сгибаться
И с гонимыми лавр деля,
С тайной мукой улыбаться.²⁰

февраль 1925

МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ

<1>

Я читаю Ломоносова.
В каждом слоге громких од
Камни первые отесывал
Круглолицый доброхот.

Белый локон академика,
Космы северного мха,
Грубоватая полемика
Основателей стиха.

Сильная рука оратора
Вздыбливает дифирамб,
Над палящим пеплом кратера
Крутится полярный ямб.²¹

¹⁹ *Вариант:* Загорается розами пышная кайма

²⁰ *Вариант:* Иронически улыбаться!..

²¹ В другом списке далее:

Русский Марс гремит кимвалами,
Солнце хмурый рвет туман,
И сияет льдами алыми
Ледовитый океан.

Пальма зыблется кокосовая
Под арктическим пером...
В сочиненьях Ломоносова
Сумрак утра, ум и гром!

6 сентября 1925²²

2

В твоих книгах северное сияние,
И бушующий океан,
И улыбка умного знания,
И тугой немецкий кафтан.

Аккуратно букли закручены,
Круглоликая правда проста.
Кобылицы наук приручены,
И охотно поют уста.

И на ямбах ода кончается,
Как на пенистых волнах корвет,
И веселая улыбается
Краснощекая Елисавет!

7 сентября 1925

ЭРМИТАЖ

Полумертвый Петр Караваджа.
Как ужасны и жизнь и смерть!
Петербургские стены таят же
Такой мрачный и дикий смерч!

Нас загнало сюда ненастье,
Утомленных тяжелым днем,
В высоту, где пылает счастье
Золотым фламандским огнем.

Но у этого красного тела,
Запрокинутой бороды,
Площадная правда влетела
В холодеющие сады.

И пробив вакхический бубен,
Грубый мастер, мясник и шакал,
Муку смерти продвинул в будень,
Прямо пальцами показал.

Убегаем мы от огромной
И холодной жажды толпы —

²² На об.: «Хороши I и последняя строфа. Остальные — неудача».

Ты в свой угол черствый и темный,
Где встают виденья слепых,

В преисподнюю тьмы великой,
В красноватый горький туман, —
Я — к моим королям Ван-Дика
И к лазурной семье англичан!

1925²³

* * *

Мрачная колоннада Казанского собора,²⁴
На фронте золотые лучи.
Тени Плеханова у Казанского собора,
Александра Первого мечи.

Петербург гений торжественный
Эту колоннаду распахнул,
Тиранию сделал божественной,
Полукругом замкнул гул.

Гори, золотое око,
Тем светлее, чем гуще туман!
Вот и мы просияли около,
Победили темный ураган.

1925

* * *

Волчица римская железная, худая,
Закон двенадцати таблиц,
И колокольчик, дар Валдая,
И щеки алые веселых русских лиц.

Нет, я не путаю! Волчица долго выла,
Кружились с клеткотом орлы,
Потом метель над степью голосила,
И тройка вынеслась из мглы.

²³ Есть другой список стихотворения, в котором оно озаглавлено «Караваджо» и имеет с публикуемым текстом разночтения в строфе 5:

Убегаем мы от огромной
И холодной силы его
Ты в свой угол, горький и темный,
Где во мраке горит торжество.

На об. другого списка: «Pro domo sua: теперь я назвал бы кого-нибудь другого, вместо Ван-Дейка, — Тициана, Мурильо, Ле-Пена — мало ли кого? Дольчи (sic!), и самого Рембрандта, К. Прокваччини, Веронеза, Рубенса, маленьких голландцев. Но лазурных англичан, конечно, назвал бы тоже».

²⁴ *Вариант*: Колоннада Казанского собора.

Луна летела в окрыленных тучах,
Ямщик сквозь ветер громко пел,
У ездока в губах певучих
Четырехстопный ямб горел.

Я что-то путаю... Империя, Россия,
Орлиный профиль хищных лиц,
И в вольном логове беспомощный Мессия,
Потом Ваграм и Австерлиц...

Глоток сухого старого Фалерна,
Сухого времени глоток,
В снегу железные таблицы Коминтерна,
Полет на Запад и Восток!

Нет, я не путаю, и я не забываю!
Волчица грозная по снегу лапой бьет...
Я томы Пушкина сегодня раскрываю,
И только лебедь мне поет!..

26 апреля 1926²⁵

* * *

Я хотел бы ходить в Эрмитаж с тобой,
Чтобы Генсборо пел голубой
И кружился тяжелый и страшный Рембрандт
Беспощадной и темной судьбой.

Петербург уже точит и моет торцы,
Уже солнце летит на собор,
Уже пестрый туман распахнули дворцы
И решетки летят, как гонцы.

Для чего же мы медлим? Но болен и слаб
Я валяюсь у жизни меж лап,
И напрасно певцов у гранита Невы
Окликает курчавый арап,

И напрасно летит темнотою Рембрандт
И фламандские прыгают львы.
Я лежу. У меня под подушкой талант
И в холодной руке адамант!..

февраль 1926²⁶

²⁵ На об. дата и помета: «Явное влияние», — вероятно, имеется в виду О. Мандельштам.

²⁶ На об. второго списка: «Февраль 1926. Болен и слаб, в самом точном смысле этих слов. Это было тогда, когда я лежал около пяти месяцев в постели. Когда я пробовал встать на ноги или даже принять минут на десять сидячее положение — сознание покидало меня и я падал без чувств. Зато лежа я чувствовал себя здоровым и бодрым. Во всяком случае странное несоответствие между физической немощью и стремительным ритмом стихов. И не только это стихотворение, но и весь цикл, к которому оно примыкает, отличается повышенным жизненным топусом («Александр», «Адмиралтейство», «Гоголь», «Волчица» [т. е. «Волчица римская железная, худая...»]. — Т. Д.]»).

АДМИРАЛТЕЙСТВО

Адмиралтейство!
Большой корабль!
И ты летело
В лихой декабрь!

Сияя солнцем
Огромных дней,
Ты Александра
Стоишь стройней.

Ты не потухло,
Когда он пал,
С Альпийских радуг
В полярный пар, —

Упал в туманы,
Векам послав
Литые лавры
Летающих слав, —

И не затмили
Пальбой лучи
Республиканцы
И палачи.

Адмиралтейство,
В веках лети!
К летящим славам
Мои пути.

Адмиралтейство!
Лучом гори!
Твое витийство
Нежней зари.

4 марта 1926

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ

Воитель слабый и лукавый...

А. Пушкин

Александр, Елисавета,
Восхищаете вы нас!

Г. Державин

Но Гельветической республики полет
Оборван был полярной лихорадкой,
И он стоит — в губах огонь и лед —
Презренно и вкрадчивой загадкой.

Прекрасный друг! высокая лиса!
Тебя дворянские травили своры,
Тобой германские пленялись небеса,
Клеймили смехом умные бретеры.

Авророй розовой Империя была.
Мечтал Жуковский и бесился Пушкин,
И в небе утреннем огромный крик орла,
И кивера, и радуга, и пушки.

Не стану грязью в мертвого бросать!
Один он мантию носил, как император.
Легко стихи гражданские писать
И книжным криком славословить кратер.

Один он был возвышенный актер
И в двоедушном облике мечтатель,
А век его как яркий метеор —
Поэт, танцор, мудрец и поджигатель!

апрель 1926

ГОГОЛЬ

По темной земле пробегай
И кутайся в плащ-разлетайку
И бегом неистовым настигай
Летящую в ночь таратайку.

Смотри, обернулся высокий ездок, —
Ты усики тонкие различаешь? —
Как ты, он в дорожный летит холодок?
Ты сердце свое очищаешь?

Как сладко в холодной скакать темноте!
Глаза его сладко смеются...
И странные лица в ночной пустоте
Густеют и остаются.

Ах, ветер, лети!.. Я опять одинок...
Не степью ли сердце мне трогали?
И в теле знакомый летит ветерок,
Как в сонном, закутанном Гоголе!..

апрель 1926²⁷

²⁷ На об.: «Апрель 1926. Стихотв<орение> мало кому понятное. Объяснение ему см. в книге Овсяннико-Куликовского о значении дороги в творчестве Гоголя (и в Мертвых Душах)».

В летящие метельные круги,
 В пустынный вихрь, в горенье урагана
 Уводит страсть... И вот они, враги,
 Хрипящие в одной петле аркана.

Прекрасных рук прекрасными руками
 Касаются, беспамятство деля,
 Качается, как палуба, земля,
 И комнаты клубятся облаками.

Но до конца, деля огонь в очах,
 Они глубоких дум не поделили.
 Как в облаках, по комнатам ходили,
 Но в грозových и страшных облаках.

Любовь! ты слишком разное берешь!
 И слишком чуждое соединяешь!
 Ты таинством людей не изменяешь,
 А только вместе к радугам ведешь.

И в мутный вихрь и в снежные круги
 Бросает страсть, а мы всю жизнь мечтаем
 О том, что близких в облаках узнаем
 И с розовой не упадем дуги!..

май 1926

ГОЦЦИ

В темном халате, с зарею на бледных щеках,
 В комнатах темных скитаться с тяжелым шандалом.
 Бешенство сказок нести на печальных руках,
 Нежить огромное в детском и малом.

Дикое горе романтики пало в окно
 Каменным грифом, совой и виденьем полночным.
 Желтой арабской хламидой оно взметено
 В городе старческом, пестром, сыром и порочном.

В темном халате блуждать, и шандал тяжело
 Тянет холодную и благородную руку.
 Лучше не буду смотреть в расписное стекло,
 Бегать по радугам, верить небесному звуку!

Гоцци!.. Ты кутался в бурю, но ты подарил
 Хохот Италии, три золотых апельсина...
 Ветром задуло огонь, и подсвечник остыл.
 Свищут обои, и слабо звенит мандолина...

июнь 1926

* * *

Змеею вьется бешенство мое.
Его никто еще не замечает.
Ночное небо надо мной поет,
На нежный зов Горгона отвечает.

Пусть голова обрита у меня,
Смотри, моей Медузы вьются змеи!
Как мог я знать, что будем мы родня,
Что жалить я и ускользать сумею.

Гори, гори, не первая заря!
Еще последней заниматься рано...
Ни факела со мной, ни фонаря,
А на губах дыханье урагана.

Нет, я романтиком себя не назову!
Я не бродяга, не беглец, не цыган.
Болею я и в комнате живу,
Коров гоняю на Парнасский выгон.

А сердце-фурию я под плащом ношу,
Не победив врагов, друзей прощаю,
Под клики памяти я счастья не прошу
И удержать его не обещаю.

июнь 1926

* * *

Ты любишь полдень? Полдень наступил,
Потом нагнулся к позднему обеду,
Перевалило время на беседу
Отстоя знойного и повечерних крыл.

Какая алая малина на столе!
В деревьях огненных прекрасное варенье,
Беззвучной музыки сиянье и горенье
И смертной радости бессмертье на челе.

Ты любишь время от пяти часов?
Варенья сладкого себе достали клены,
И милый день, как птица окрыленный,
Уже волнует складки парусов.

июнь 1926

* * *

Кто в Петербурге был, тот видел чудеса!
Из камня дивные летели голоса.

В станции Каменской родное бормотанье, —
Акаций, воздуха и мела воркованье.

А в алчном городе, в котором я живу,
Не разговаривают камни наяву.

30 сентября 1926

* * *

Двадцатые годы! Остались у нас
Смирдинские книжки в руках:
Кто мог бы в сублильных узнать завитках
Похабных и ухарских вас?

осень 1926

* * *

Под окно упал и запел соловей.
Мокрый кустарник в комнату стучится.
Вот оно счастье! Захлебывайся и пей!
И сердце удивляется, пьет и боится.

Малиновое облако рдеет огнем,
Серое облако тешится громами,
Розовое утро зовет соловьем,
Ночь отвечает соловьями.

Лето и счастье — из одной семьи!
В мир мы пришли для громов и малины,
Для одинокой садовой скамьи.
Летом у всех людей именины.

Лето, опоясано молниями, бежит:
В жаркой ладони — персик и радуга.
Лето под белым окном стоит,
Тьмою и светом радуя!

<осень—зима> 1927²⁸

* * *

А с розовыми крыльями голуби бывают?
Бывают,

Всякие голуби бывают!
Будто зори голуби взмывают,
Крыльями друг друга задевают.

А на дворе лютая зима.
Несколько месяцев от Вас нет письма.

осень 1927

²⁸ Стихотворение существует в нескольких вариантах. В одном из них — вычеркнута вторая строфа. На об. одного из вариантов: «Очень хороша третья строфа! (Вообще стихотворение одно из главных)».

* * *

Круглое окно и заросли сирени.
Вот так выдумывал Борисов-Мусатов.
Только не тоскуют бледные тени,
Только очень весело от летних закатов.

Вы помните, у Мусатова была картина,
Называется «Когда снова зацветет сирень»? —
У него обыкновенно круглая куртина,
Лиловое рыданье, не день, а тень.

А этот день яркий, а этот день веселый,
В прошлое и будущее он распахнул две зари,
У него румяные девушки, иволги и пчелы,
А заря зарю окликает: потухаю! гори!

1927

* * *

Крутая радуга и ледовитый снег.
По белым облакам неукротимый бег.

Два года пепельных рассыпалось. Я болен.
Я бью в набат с бесколокольных колоколен.

И нежно радуга восходит на дома.
И странно: радуга и лютая зима.

1927. Ростов

СИМВОЛИЗМ

А что такое Бальмонт? Ничего!
Воздушных слов ночное волшебство

И не удавшееся прыганье шамана, —
Нет вещности и даже нет тумана.

А что такое Сологуб?
Едва заметные движенья губ, —

И бледные безвольные виденья —
В них все: безмолвие, и музыка, и пенье!

Он к росам утренним и к омуту зовет,
Он дохлых ящериц и жемчугу дает.

И вот является кликуша очумелый
С волшебной лютнею и с балалайкой — Белый,

И маг торжественный выходит — Вячеслав
С полуулыбкою, с пучком могильных трав,

И вот бледнеет все... И только голос Блока
Из вьюг, и арф, и памяти, и рока!..

1927

* * *

*Юрию Казмичову*²⁹

Шекспировы герои
Надменны и тупы.
У них дугою брови
И каменные лбы.

У Данта черный ужас,
У Гете белый сплин, —
Немецко-римский ужин
Из греческих маслин.

Я Чехова, наверно,
Прочту перед концом:
Печально и просторно
И пахнет чебрецом.

начало 1928

* * *

А разве я не люблю природу?
А разве я не люблю воду?

А разве я не люблю водоемы,
Полные черно-зеленой дремы?

Летний воздух — как торжественное собрание.
Вместо слов — гремящее молчание.

Синий зинчик на пальце моем.
Ветка зеленая смотрит в водоем.

Масса дня осталось и масса неизвестного —
Водного! садового! комнатного! небесного!

А потом ночной остывший балкон,
И печальный воздух со всех сторон.

весна 1928

* * *

Плетни бывают гнутые, шоколадно-лиловые,
Облака над ними розовый или свинцовые,

²⁹ Посвящение проставлено на одном из списков.

И выбеленные яблони с закрученными листиками
Стоят румяными деревенскими мистиками.

Очень люблю я выгнутые плетни,
Очень люблю я жаркие дни,

Когда пылят дороги, наливаются груши,
И воздухом и голосом становятся души!

июль 1928

* * *

Смотри, какой прорыв
В суровых облаках,
Какой глухой огонь
На черных их щеках:

Как будто сквозь ладонь
Теплеющий огонь,
Сияющий огонь...
Но одежды не имам, да вниду в онь.

*август 1928*³⁰

* * *

И сор и людей подмели.
Базарные улицы гладки.
Дома никуда не ушли
И молча стоят, как загадки.

И так постоять на углу,
Над крышами небо зажжется,
В вечернюю синюю мглу
Корабль одинокий несется.

*осень 1928*³¹

1855

Среди березовых лесов,
Среди запущенных садов
Бревенчатая дача,
И самовар горячий,
И ягоды, и калачи,
И солнца мягкие лучи.

³⁰ На об. помета: «[Ночью, на Фонтанке, (после спектакля японского театра Кабуки).]»

³¹ На об.: «Очень нравится (О детстве). Лермонтов был первым моим поэтом. Потом годам к 8—10 прибавились Тютчев, Фет, Майков, Кольцов (стихи о природе). (Еще Полонский). (Некрасов)».

За кружевом балясин
Тургенев и Колбасин,
И пасмурный Некрасов,
И смуглая Панаева,
Красивая жена его.

Спокойные просторы,
Живые разговоры
О настроениях дворянства,
О положении крестьянства,
О Герцене, о родине,
О вкрадчивом Погодине.
О, этот хлебный запах
Годов пятидесятих!
В нем зреет бодрый говор
И злость шестидесятих.

Шумит высокий самовар,
Летит к березам легкий пар,
И солнце гаснет на ветвях...
В некрасовских стихах
Уже полей и толп размах,
Уже дыхание стихии,
И у Тургенева звучна
На страдиварии крестьянская струна,
А там, во глубине России,
Что там? Бог знает! Тишина.

*осень 1928*³²

* * *

Оранжевые мандарины
Безумно надувают щеки,
Вот мандарина половины
Лежат, как Пушкин и Нащокин!

Ты любишь детские приманки, —
Мой мотылек, моя орлица! —
От этой рыжей итальянки
Твой взор весельем озарится,

Порхнут улыбки мотыльками...
Твое томленье — коршун дикий...
Ты золотыми пустяками
Утешься, ангел светлоликий!..

1928

³² Последние две строчки отчеркнуты, на полях: «!». Кроме этого машинописного варианта есть автограф под загл. «Накануне» и автограф под загл. «1855».

В глубокой заросли, в саду,
Закрыть лицо руками.
Скользнула книга на траву,
И жизнь пошла кругами.
В глубокой заросли, в саду,
Закрыть лицо руками.

Со всех сторон молчанье
И диких птиц порханье.

1929³³

ФРА-БЕАТО

У фрески пасмурной и стройной
Умолкли буря и вопрос.
Прямые складки, взгляд спокойный
И блеклый цвет увядших роз.

Все в мире нежно и прекрасно.
Не умиление светлых слез,
А благодатный сон и ясный
И отсвет ирисов и роз.

1929³⁴

В три обхвата чинары,
Поворот на базар.
Солнцелюбы базары!
Пекла самый разгар!

Ярче иволги дыни,
Попугайны лотки, —
В сердце привкус гордыни
И волшебной тоски.

Там за мной гул пожара,
Рухнул дом на песке.
Ты слыхала, чинара,
О дубовом листке?

<1920-е>

³³ На об. машинописи: «Одно из самых удачных».

³⁴ На об.: «„Мадонна со св. Домиником и св.?“ (Эрмитаж)».

* * *

Какая темная спустилась тишина!
Дома освещены, а муть вверху черна.

И фонари горят по стынувшим ампирам
На улице пустой, над этим страшным миром.

Какая темная спустилась тишина!
О чем ты думаешь?.. Ты стала у окна...

Ты в городе другом, в другом глухом пространстве.
И ночи темные в безумном постоянстве

Летят к тебе, в гудящей тишине,
И видят: ты стоишь, вся белая, в окне.

Но почему лицо твое другое,
Такое грустное и милое такое, —

Как будто изнутри озарено
Самозабвением и памятью оно?..

<1920-e>

* * *

Серая пыль по займищу бежит,
Серая пыль ничем не дорожит,
Серая пыль глаза запорошит,
Легкая взвилась и рассыпаться спешит.

Стены уже выжжены. Спас, Покров.
Время начинается вихрей и ветров,
Нежных садов и звонких возов,
Сильных полдней и ранних вечеров.

Воздух горяч, и видно далеко,
Видно далеко и небо высоко.
Пекло, арбузы, дышать легко.
Ты, воспоминание, как маятник Фуко.

<1920-e>

* * *

... Повеяло
По сердцу моему
Сухим и легким воздухом,
И я в степном Крыму.

О, эти полдни пламенные
Над лучшей из пшениц!

Заботы светлокаменные
И прелесть черепиц, —

Их пепельная розовость,
И солнце — пешеход,
И синяя стрекозовость
Бегущих вдаль широт!

И красота венчальная,
Когда слабеет зной.
И тишина привольная
На станции степной.

Где сослуживцы памяти
И счастья векселя,
Стоят пирамидальные
Большие тополя.

<начало 1930-х>

* * *

Максимилиану Волошину

И мне явился лик твой львиный
Над пенною каймой.
Отмечены твои седины
Серебряной тесьмой.

Вокруг дыхание полыни
И первозданный дол.
С тобой витийствуют в пустыне
И Клио и Эол.

И ты меня улыбкой встретил,
Отшельник знойных гор,
Остановился, тих и светел,
На мне твой яркий взор.

Не так ли ты, Франциск, пернатых
У кельи собирал
И на гостей своих крылатых
Не пристально взирал?

Мой день суров, а хлеб мой солон,
Я сумрачен и сух,
Но дикой музыкою полон
И мой лазурный Дух.

И я, как ты, люблю пучины
И замиранье звезд,
Как эти тихие маслины,
Я радостен и прост.

В волненьи бьется это сердце,
Прими немой привет.
Узнай во мне единоверца,
Возвышенный поэт!³⁵

27 июня 1930
Коктебель

* * *

Горят огни, чернеют тополя.
На дальней даче все уснуло.
Со мною звезды, ветер и земля,
И в душу нежностью дохнуло.

И вся любовь, которая и жгла
И годы долгие томила,
В пустынном сумраке твой облик приняла
И о тебе заговорила...

30 июня 1930
Коктебель

* * *

И тополя, и тихие долины,
И ветер с гор...
А правда ли, что жизнь поток единый
От детских игр до этих пор?

Лети, лети, полночное дыхание,
И льни к сухой земле!
В моей душе блаженство и страданье,
Как уголек в золе.

30 июня 1930
Коктебель

* * *

Мосты висят над лдяною рекой.
Молчит гранит, и розовый, и синий,
И солнце машет огненной рукой,
Зовет на пир туманностей и линий.

Мороз, мороз!.. Все пусто вдоль Невы,
Вдоль жемчуга, алмазов и гранита.
И здания, — оранжевые львы, —
Горят вокруг, и прошлое забыто.

декабрь 1930

³⁵ Стихотворение существует в нескольких вариантах. Публикуется по машинописи, датируется по автографу.

Ты помнишь, ты тогда стоял
И вдруг почувствовал поэтом
Себя, и слезы ты сдержал
Восторга перед белым светом.

Ты звуки чудные твердил,
И звуки щебетом и свистом³⁶
Твой завораживали пыл
И счастья в воздухе лучистом.

Слова, — но разве дело — в них,
В тех первых криках восхищенья!
Тому, что ты тогда постиг,
Всю жизнь искал ты воплощенья!..

1930

Я рос в пустых солончаках
На тихих площадях.
Там подметенные дворы,
Багровые волны.

Вставало солнце надо мной,
Горел восторгом зной,
Арбузы пригибали стол,
Проламывали пол!..

О, золотистые базы,
Квадратные возы!
За переплетами арбы
Верблюжие горбы!

О, теплой ночи огоньки!
Чайковского смычки!
О, пианисты и певцы
И черные скворцы!

Я рос в пустых солончаках,
В медлительных годах,
Стояло солнце надо мной, —
Оно всегда со мной!..

1930³⁷

³⁶ На об.: «Щебетом и свистом, конечно, цитата:
... рвутся в тьму мелодий
Щебечут, свищут...
(Б. Пастернак).
В Ленинграде о Каменской».

³⁷ Стихотворение существует в двух редакциях, ранняя под загл. «1904».

* * *

Ирида милая упала
На упоенные сады.
Станица вдоволь нахлебалась
Журчащей дождевой воды.

Мальчишки пляшут в упоенье
Под утихающим дождем.
Ирида, пьяная от счастья,
На тучу стала босиком!

1930

* * *

Боярышник, орешник, глушь, терновник,
Из тайника взлетевший соловей,
И бузина... И воздух, как садовник,
Стоит среди опущенных ветвей.

Когда сирень цветет, все счастьем пахнет.
О, темные, зеленые сердца!
Потом июль пылает, гложет, чахнет,
Горит и не сгорает до конца!..

16 апреля 1931

* * *

Маслины сладкое дыханье
И миловидность и молочность.
За дверью в комнатах молчанье,
Балясин грубая неточность, —

И полдень страшен, как Сахара.
Огни на улицах висят.
Но хлынет ночь с Мадагаскара,
И вот коровы замычат.

Смотри: они идут, идут
И сумрак на рогах несут!..

1932

* * *

М. А. Волошину

...Никак не найду
Стихов достаточно щедрых и счастливых,
И розоносных, и прелестных миру

(Чтоб каждый был как маленькое солнце),
Чтоб день прославить, праздничностью трудный,
Поэта, несравнимого с другими,
Чей милый дом в сухом и светлом месте.
Там трауры Эвксинских далей
Неслыханной ритмической негой
Грозят нетерпеливым кораблям.
И рядом с пенным шумом черноморским
Другое там сиятельное море, —
При шуме волн его, счастливых, розоносных,
Как птица, резко вскрикивает сердце:
— Не все, не все еще разрешено и просто:
Поэзия таинственно-свята!..

20 июня 1932³⁸

НА СМЕРТЬ М. А. ВОЛОШИНА

Теперь твой дух в траве и в море
И в умиранье звезд.
Твой вечный мир в пустом просторе
И величав, и прост.

Ты ярко жил и свято умер.
И скорбен и высок,
Стоял ты в яростном самуме,
Приветливый пророк.

Вокруг тебя рекою млечной
Полынь, полынь, полынь...
Придет к тебе любовью вечной
Безмолвие пустынь!..

<1932>

* * *

М. А. Волошину

У Макса Волошина
Мы все собирались непрошены,
Но многие в добрый час.
И мы и хозяин
У солнца и трав приобшались таин.
И он нас от гулких морских окраин
В раздумье вел и в экстаз.

У каждого были
Сиянья своих воскреслий,

³⁸ Это стихотворение предоставлено для публикации Р. П. Хрулевой.

А он одинок и для всех открыт
Стоял благосклонный под веткой айланга
В предсмертном цветенье таланта
И в скорби огромных орбит.

Не купленный славой,
И кроткий и величавый,
Провидя сквозь мороки рок
В безмерное горе
Из пены блаженного моря
Смотрел он, поэт и пророк.

И в белой столовой
За скатертью сине-суровой,
Хлеб скудный, гость новый,
С улыбкой грусти и мысли терновой,
Хозяин сереброголовый,
Приветливый и яснысловый,
И всюду дыханье трав,
И радуга красок.
И лик, возникший из масок,
Вода родника из отрав.

<1932>

* * *

В Разбойничьей бухте, наверное, зной,
Стекло наплывает округлой волной.

Горят халцедоны, горят и шумят,
И скалы, как дикие предки, стоят.

Им солнце лиловую ржавчину жжет,
Под ними колючее что-то растет.

Упасть бы лицом на горячий песок!
Смочить бы водою горячий висок!

Сандалии бросить в песке и с тобой
Искать сердолики — в воде, под водой.

Июнь 1933

* * *

Афины мрамором богаты,
Коринф весь белый от колонн.
Как хризопразы и агаты,
Над ним вечерний небосклон.

А что осталось? Вздох Гомера,
Да Ксенофонт, да Фукидид,

Греха безумная химера
И вопль голодных Эвменид.

И золотые базилики
В дыму рассветных облаков.
Эллинистические лики
У галилейских рыбаков.

1933

* * *

В столетних листьях вдруг заговорило,
Преобразилась тишина.
Какая мысль? Какая страсть? Какая сила?
Она невыразима и ясна.

Младенчески проплыл и канул мимо
Шум... Грубый вензель на стволе...
Невыразимо... Все невыразимо,
Что стоит выраженья на земле!..

1933

* * *

Забираются звезды в листву, лучи
По изломам одежды скользят...
Если есть там калитка, в калитку стучи, —
Если можешь вернуться назад...

Если можешь вселенную вспомнить опять,
И восторг, что над нею разлит...
Из чего она? Можешь ты воздух соткать
Тех ночей и тревог и молитв?

осень 1935

* * *

Я пью за понтийские волны, за непомерный базальт,
За радостный запах полыни, за сладкие оклики сов,
Я пью за пустынно-бегущий и пенящийся кобальт,
За лунных лучей оболъщенье и правду палящих часов!

Друзья! наполняйте же рюмки веселым армянским вином, —
В бутылки упрятым солнцем и говором розовых лет, —
И чокнемся звонко и громко, под этим туманом и льдом,
За родину нашего духа — за счастье и зной и свет!

1935³⁹

³⁹ С пометой: «Читано на Новый год».

Эолова арфа! Стоишь ли? Звенишь?
Поешь ли? В пространстве ином
В волненье молчишь и в глаза мне глядишь
Прохладой и тайным огнем.

В пространстве ином улыгнулись цветы
Лиловым и белым вином,
И время приходит обратно... И ты
К себе возвращаешься в нем.

Наклонной поверхностью взвился газон,
И воздух, как арфа, над ним,
И воздух молчаньем цветов напоен
Над сгустком небесно-земным!

1935

ОДА К АБИССИНИИ

Абиссиния! Абиссиния!
Солнце, ливни, в дорогах пыль!
И слова — как хвосты павлиньи:
Уал-уал, Харрар, Дамакиль...
Носороги, жирафы и скиния
Христианская. И язык
Эфиопский... И сердце львинее,
Чем у львов, у твоих владык!

На твои беззащитные хижины
Упадает железный град.
Самолеты зловещие снижены,
Над твоими полями летят.
Черномазые дети разбужены
Трескотней итальянских цикад.
К смуглым девушкам ходит суженый —
С неба сброшенный смерти гад.

Абиссиния! Абиссиния!
Ты недаром жираф и лев!
Как громовое облако синее
Подымается горе и гнев.
Леопардовых воинов линия
Вьется, мужеством осмелев,
И сшибаются пальма и пиния,
Ядовитые руки воздев!

Лига Наций лепечет жалобы
Европейцы толпой стоят.
Заступиться им не мешало бы,

Да у них разброд и разлад!
У агрессора вырезать жало бы,
Но агрессор им кум и брат!
Англичане с высокой палубы
Равнодушно травят канат.

Что тебе эта льстивая сессия
Европейских говорунов!
Что тебе это слово «агрессия»
И другие слова лгунов!
Итальянское честобесие
Над тобой взлетело орлом
И дохнуло в твое пальмолесие
И удушим и огнем!..

Вырастает львиное мужество
У того, кто в сраженье прав.
Многолюдных народов содружество
Закипает кипением лав.
Босоногих полчищ убожество
Встанет в панцире гор и дерев
И погонит грозное мужество
Молодой абиссинский лев.

1935

* * *

Они молчат, затоптаны, замучены.
Их нет уже, — кто помнит имена?
И солнце жжет ленивые излучины
Степных дорог, и в небе тишина.

Они молчат, свободные и страстные.
Они убиты, и не зреет месть!
И верещат вокруг одни безгласные,
Которым удалось на прутик сесть.

июль 1951

* * *

В пустынном Коктебеле благодать
Пахучих трав и пения крылатых.
И можно душу, кажется, отдать
За вздох один в лучах и ароматах.

За матовое это серебро
И эти одинокие тропинки,
За старый дом, и ржавое перо,
И стойкость на последнем поединке.

1951

* * *

В сторону Топрак-Кайя,
Где нагорья и увалы,
И скользнувшая змея,
И отплытый сон тая,
Синеоких бухт овалы, —
В сторону Топрак-Кайя.

3 октября 1959

* * *

Посох! Куда поведешь ты? Дороги
Все хороши и на каждой роса,
Жаркие полдни и пыльные ночи,
Овцы, гостиницы и голоса.

В светлом арыке я вымою ноги,
Сядем, подумаем, поговорим.
Посох! Куда поведешь ты? Дороги
Лгут! Ни одна не приводит в Рим!

<1950-e>

* * *

Тень моя идет на Карадаг.
Тень моя — а за нею какие тени?
Ветер в раскрытую грудь и стихи на устах.
Громкая ль это хвала или тихие пени?

И только полынь, только полынь, —
Вот что осталось и вот что будет!
Только ветка маслины, венок пустынь
Тень моя к светам восходит и плачет и судит.

<1950-e>

ЭСТЕТИКА «СТАНОВЛЕНИЯ» А. В. ТУФАНОВА: СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ КОНЦА 1910-х—НАЧАЛА 1920-х гг.

*Вступ. статья, публикация и комментарии
Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова*

В последние годы жизнь и деятельность петроградского/ленинградского поэта-заумника Александра Васильевича Туфанова привлекает внимание литературоведов и историков художественной жизни.¹ Скупые мему-

¹ Укажем на следующие работы: *Гурчинов М.* Едно непознато писмо до Борис Пастернак // Годишен зборник. Скопје, 1971. Кн. 23. С. 435—439; *Никольская Т. Л.* <автором ошибочно указан С. Сигов> Орден заумников // *Russian Literature*. 1987. Vol. 22. N 1. С. 85—95; *Туфанов А.* Ушкуйники. Berkeley Slavic Specialties, 1991; *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: начало пути // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1991. Bd 27. S. 159—228; Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела / Вступ. статья, публ. и коммент. И. Мальского // Октябрь. 1992. № 11. С. 166—191; Сборник контрреволюционных стихотворений / Публ. И. С. Мальского; Подгот. текстов, примеч. и вступ. заметка А. Г. Герасимовой и И. С. Мальского // *De visu*. 1992. № 0. С. 24—34; Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб., 1992. [Вып. 11]. С. 511—513; *Malmstad J. E.* From the History of Russian Avant-Garde // *Культура русского модернизма*. В приношение В. Ф. Маркову. М., 1993. С. 221—224; *Богомолов Н. А.* 1) Заумная заумь // *Вопросы литературы*. 1993. № 1. С. 307—311; 2) Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова // *Русский авангард в кругу европейской культуры*. Международная конференция: Тезисы и материалы. М., 1993. С. 89—93; *Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 34—49; Из писем А. В. Туфанова 1920-х годов / Вступ. заметка, публ. и коммент. А. Никитаева // *Терентьевский сборник*. М., 1996. [Вып. 1]. С. 273—290 (то же // *Школа органического искусства в русском модернизме: Сб. статей*. Helsinki, 1999. С. 246—260 [Studia slavica Finlandensia. T. XVI/1]); *Janecek G.* Zaum. The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego State University Press, 1996. P. 330—334; *Крусанов А.* 1) А. В. Туфанов: архангельский период (1918—1919 гг.) // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 2 (30). С. 92—119; 2) *Русский авангард 1907—1932: Исторический обзор*. М., 2003. Т. 2, кн. 2. С. 88—98; *Никольская Т. Л.* 1) Заместитель Председателя земного шара // *Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911—1998)*. М., 2000. С. 448—455; 2) *Новатор-архаист («Ушкуйники» Александра Туфанова)* // *Никольская Т. Л.* *Авангард и окрестности*. СПб., 2002. С. 239—245; *Морев Г. А.* К истории русского авангарда: Статья А. Туфанова «Новый эго-футуризм» // *Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева*. М., 2000. С. 557—564 (то же // *Europa orientalis*. 1998. Vol. 17. N 1. С. 225—235); *Туфанов А.* Ушкуйники / Подгот. издания М. Евзлина и Р. и послесл. С. Сигея. Madrid, 2001; *Котович Т. В.* Энциклопедия русского авангарда. Минск, 2003. С. 350; *Бирюков С.* О проективных теориях русского авангарда // *Семиотика и авангард*. М., 2006. С. 565—573.

арные свидетельства² дают отрывочные представления об этом человеке. Более подробно его биографию можно восстановить по архивным и газетно-журнальным материалам.

Александр Туфанов родился 19 ноября 1877 г. в Санкт-Петербурге. В 6-месячном возрасте родители увезли его в Воронежскую губернию, где он прожил 7 лет. Затем некоторое время семья жила в Архангельске, начальное образование А. Туфанов получил в г. Шенкурске и Тотьме (Вологодская губ.). По окончании Тотемской учительской семинарии (1 июня 1897) он уехал в Петербург, где был зачислен слушателем Учительского института и после 5-летнего обучения в нем получил звание домашнего учителя с правом преподавания математики и русского языка (март 1902). Несмотря на 25-летний возраст, он не спешил начать преподавательскую деятельность и занялся революционной пропагандой. Вскоре он был арестован (20 декабря 1902) за передачу нелегальных изданий, направленных против существующего строя. На допросах А. Туфанов виновным себя не признал, и в начале 1903 г. его освободили из-под ареста, но оставили под надзором полиции. Само дело было прекращено из-за недостаточности улик. Имея уже, по собственному признанию, большой опыт участия в студенческом движении и печатания прокламаций,³ летом 1904 г. он подал прошение с просьбой зачислить его вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, однако в приеме ему было отказано. В эти бурные годы первой русской революции А. Туфанов увлекался марксизмом, сотрудничал в социал-демократических газетах «Начало», «Русская газета», «Рабочая газета» и, по-видимому, занимался пропагандистской деятельностью. В марте 1907 г. без разрешения полиции он устроил публичное собрание сельских учителей и крестьян, за что снова был арестован и сидел в Выборгской и Новгородской тюрьмах. Как он впоследствии вспоминал, «хороший состав суда, хороший защитник и распропагандированный мною жандармский ротмистр, давший мне возможность унести у него компрометирующую литературу, помогли мне отделаться легким покаянием».⁴ Санкт-Петербургская судебная палата сняла с него обвинение в принадлежности к преступному сообществу и осудила лишь за устройство нелегального собрания, приговорив в декабре 1907 г. к двум месяцам ареста.

После отбытия наказания А. Туфанов отошел от политики и перенес свое стремление изменить окружающий мир в культурно-просветитель-

² А. В. Туфанов упоминается в мемуарах: *Штейнман З.* Стихи и встречи // Звезда. 1959. № 7. С. 185; *Дымышиц А.* Четыре рассказа о писателях. М., 1964. С. 10; *Тихонов Н.* Двойная радуга. М., 1964. С. 516; *Филиппов Г. В.* Николай Браун. Л., 1981. С. 28, 31, 36, 70; *Бахтерев И. В.* 1) Когда мы были молодыми // Воспоминания о Заболоцком. Л., 1984. С. 66—67; 2) Горькие строки // *Хармс Д.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Тигр на улице. СПб., 2000. С. 336—349; *Гумилевский Л.* 1) Судьба и жизнь (воспоминания) // Волга. 1988. № 7. С. 163; 2) Судьба и жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 59; *Назаров В., Чубукин С.* Последний из ОБЭРИУ // Родник. 1987. № 12. С. 54; *Рисс О.* У слова стоя на часах... М., 1989. С. 148—151, 156; *Палей А.* Встречи на длинном пути. М., 1990. С. 88—91; *Матвеев Г. Н.* Воспоминания // *Хармс Д.* Полет в небеса. Л., 1991. С. 540.

³ Автобиография Председателя Земного Шара Зауми Александра Туфанова // *Туфанов А.* Ушкуйники. С. 170.

⁴ Там же. С. 170—171.

ную область, одновременно перейдя от социал-демократических настроений к убеждениям общепедagogического толка. Сначала он занимался журналистской (репортер по судебным делам) и редакторской (секретарь издательства П. П. Сойкина) работой, а затем решил посвятить себя народному образованию. В это время были популярны различные реформаторские идеи «свободного воспитания», и педагоги были разбиты на разные группы и кружки в зависимости от приверженности тем или иным реформаторским теориям. К одному из таких педагогических направлений, сложившемуся вокруг журнала «Обновление школы», примкнул и А. Туфанов. Издателем и редактором этого журнала был педагог А. И. Зачиняев — последователь швейцарского педагога А. Ферьера (Ferrière, 1879—1960), теоретика и практика в области реформирования школы. А. Зачиняев был убежден, что детей надо обучать грамоте методом непосредственного чтения, т. е. обучать чтению не путем складывания слова по буквам, а давать сразу начертание целого слова, а уже потом переходить к составляющим его буквам. Фактически эта методика делала ненужными все буквари и позволяла обучать чтению по любой книжке. А. Туфанов подхватил эту идею, написал статью «Обучение грамоте по методу непосредственного чтения» и выпустил брошюру «Отчет о лекциях А. И. Зачиняева в Москве и Петербурге» (Калуга, 1912). Надежды его на новую методику обучения были вполне революционны. Впоследствии он признавался, что в этот период «задумал опрокинуть весь школьный строй, дав людям школу Ферьера и аннулировав все учебники».⁵ Вместе с А. И. Зачиняевым он выступал на Первом всероссийском съезде по вопросам народного образования (Санкт-Петербург, 23 декабря 1913—4 января 1914), на котором сделал доклад «Нежелательный тип книги для чтения». Кроме того, под влиянием работ ряда других педагогов А. Туфанов составил книгу «Практическое руководство к лабораторным занятиям в первый год обучения детей арифметике и геометрии» (1914).⁶ Пытаясь реализовать на практике идеи свободного воспитания А. Ферьера, А. Туфанов в течение двух лет обучал детей П. П. Сойкина, отрабатывая принципы, предложенные А. И. Зачиняевым и В. А. Лаем, а также некоторое время преподавал в лесной гимназии для глухонемых. Однако он был вынужден оставить эту работу, поскольку официально не был утвержден в должности из-за политической неблагонадежности.

После прекращения журнала «Обновление школы» в 1915 г. в возрасте 37 лет А. Туфанов в очередной раз сменил область приложения своих сил и сосредоточился на литературном творчестве. К этому времени он уже давно (с 8-летнего возраста) писал стихи и даже претерпел определенную эволюцию поэтических взглядов. Согласно автобиографии (1922), на его «литературное развитие в юности имели сильное влияние, кроме Лермонтова,

⁵ Там же. С. 171.

⁶ Книга А. Туфанова «Практическое руководство к лабораторным занятиям в первый год обучения детей арифметике и геометрии» (СПб.; Варшава, 1914) написана на основе следующих работ: *Лай В. А.* Руководство к первоначальному обучению арифметике, основанное на результатах дидактических опытов. М., 1910; (3-е изд. М., 1913); *Мрочек В. Р., Филиппович Ф. В.* Педагогика математики. СПб., 1910; *Трейтлейн П.* Методика геометрии. СПб., 1912—1913. Ч. 1—2.

еще и Тургенев, Л. Толстой, Фет и Тютчев, а после 1907 г. — Эдгар По, Малларме, Вал. Брюсов и Бальмонт, а также Кант и Шопенгауэр». ⁷ В другой автобиографии (1925) он уточнил, что его поворот от реализма к символизму в искусстве произошел в период повторного тюремного заключения. ⁸ Тем не менее до 1915 г. А. Туфанов в качестве поэта публично не выступал.

Сложившиеся педагогические навыки, умение работать только по определенной методике предопределили особенности его художественной манеры. Теоретические взгляды А. Туфанова на искусство не вырастали из его поэтического творчества, а, напротив, предшествовали ему. Он заимствовал их у других теоретиков и писал стихи уже в соответствии с требованиями усвоенной теории. Он мог несколько видоизменять эту теорию, но не мог работать без нее.

Первым его выступлением на литературном поприще стала публикация статьи «Об эго-футуризме» (1914). В следующем году (1915), заведя литературной частью журнала «Северный гуслир», А. Туфанов опубликовал несколько статей, а также стихотворения и прозу. Тогда же состоялось его первое публичное выступление с чтением стихов (29 апреля 1915; Концертный зал Тенишевского училища). ⁹ Впоследствии (1916—1918) его статьи, стихи и рецензии печатались в журнале «Жизнь для всех».

В этот период, ознаменованный выходом в начале ноября 1916 г. книги стихов, статей и переводов «Эолова арфа», ¹⁰ А. Туфанов зарекомендовал себя убежденным последователем символистов. Несмотря на то что в своей первой статье он объявил «новое credo эго-футуризма», ничего собственно футуристического (в современном понимании этого термина) в ней не содержалось. Если это кредо и имело какое-то отношение к эгофутуризму, то, скорее всего, к его декадентской фракции, которая была представлена альманахами интуитивной критики «Очарованный странник». Свою общественную позицию А. Туфанов характеризовал как «надпартийность» и в духе крайнего индивидуализма заявлял, что по отношению к обществу сам он — «Никто, душа его — Нигде и всегда он — Ничей». ¹¹ Формулируя свои поэтические воззрения, А. Туфанов констатировал, что поэт находится «в лесу символов и выйти из него не может» ¹² и что «поэт должен давать только соответствия, ряды образов из великого символического трактата (Вселенной — Публ.), всего лучше — внешне не связанных». ¹³ Впоследствии он признавался, что в этот период считал задачей творчества «познание Платоновых идей в потустороннем мире». ¹⁴ В статье «О поэзии» (1916), опубликованной одновременно с выходом его книги «Эолова арфа», он писал: «Поэзия выше жизни. В жизни все преходяще; челове-

⁷ Туфанов А. Автобиография (22 февр. 1922) // Русский авангард в кругу европейской культуры. С. 92.

⁸ Автобиография Председателя Земного Шара Зауми Александра Туфанова. С. 171.

⁹ ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 13, ед. хр. 1351, л. 243—246.

¹⁰ Книга А. Туфанова «Эолова арфа» зарегистрирована «Книжной летописью» 31 окт.—7 нояб. 1916 г.

¹¹ Туфанов А. О поэзии // Жизнь для всех. 1916. № 10—11. Окт.—нояб. С. 1244.

¹² Туфанов А. Об эго-футуризме // Свежие силы. 1914. Кн. 1. С. 196.

¹³ Там же.

¹⁴ Русский авангард в кругу европейской культуры. С. 92.

чество, отечество, общественность и миллиарды других символов горят лишь миг во Вселенной для поэта-элоарфиста, и для преодоления трагического надо придумать, что навсегда — только одно придуманное».¹⁵

Самодостаточность поэтических убеждений А. Туфанова и их демонстративная независимость от окружающей жизни оказались мнимыми. События 1917—1918 гг., торжество грубой силы, разрушение и распад империи создали среди творческой интеллигенции ощущение краха старой культуры и эстетики, казавшейся многим теперь книжной и фальшивой. Не избежал разочарования в прежних идеалах и эстетике символизма и А. Туфанов, именно в это время ставший искать новые теоретические основы для своего творчества. На рубеже 1916—1917 гг. он увлекся философией А. Бергсона (1859—1941), а также познакомился с работами филологов-формалистов, опубликованных в двух выпусках «Сборников по теории поэтического языка» (1916—1917). Под влиянием новых идей его художественные убеждения и поэтическое творчество претерпели существенную трансформацию. Философия Бергсона помогла А. Туфанову осознать творчество как «познание без символов», научила проникать путем интуиции внутрь предмета, в самую суть вещей. Эта философия плавно подвела Туфанова к идеям Ф. Т. Маринетти, также призывавшего к интуитивному постижению материала («Технический манифест футуристической литературы»). Уже в марте 1917 г. А. Туфанов солидаризовался с футуристами и заявил в одной из статей: «На митинге деятелей искусств в Петрограде я примкнул к федерации футуристов».¹⁶ Впрочем, солидарность с футуристами показательна лишь как вектор творческого развития Туфанова; оставаясь индивидуалистом, никаких совместных действий с ними он не предпринимал, но внимательно изучал статьи В. Б. Шкловского, О. М. Брика, Л. П. Якубинского и Б. А. Кушнера из «Сборников по теории поэтического языка», а также заметки В. Хлебникова о семантике согласных звуков, опубликованные в сборнике «Временник» (М., 1917).

Между тем в июле 1918 г.¹⁷ А. Туфанов, спасаясь от начавшегося в Петрограде голода, вместе с младшим братом Николаем (22-летним офицером русской армии, воевавшим в Галиции и Закавказье, студентом Военно-медицинской академии) уехал в Шенкурск, а затем в Архангельск, где после высадки англо-французских войск (август 1918) Советская власть была ликвидирована и создано Временное правительство Северной области. В то время как Николай воевал против большевиков, А. Туфанов, освобожденный вследствие горбатости и костного туберкулеза от военной службы, участвовал в культурной жизни Архангельска. Местная пресса аттестовала его как поэта-футуриста; сам он называл себя поэтом-бергсонианцем. В Архангельске А. Туфанов стал одним из организаторов литературно-художественного кружка при газете «Возрождение Севера» (сентябрь 1918), с которой тесно сотрудничал; на собрании архангельского учительского

¹⁵ Туфанов А. О поэзии // Жизнь для всех. 1916. № 10—11. Окт.—нояб. С. 1244.

¹⁶ Туфанов А. О поэзии // Жизнь для всех. 1917. № 5. Май. С. 625.

¹⁷ Согласно архивной справке (15 июля 1940), хранящейся в РО ИРЛИ (ф. 749), до 15 июля 1918 г. А. Туфанов числился корректором в редакции периодических изданий Министерства финансов.

союза выступал с докладом «Обучение грамоте по методу непосредственного чтения и новая школа» (6 октября 1918); активно сотрудничал в газете «Голос северного учителя» (октябрь 1918—июнь 1919); выступал с докладом на «Вечере памяти Тургенева» (10 ноября 1918);¹⁸ участвовал в сборнике «На Севере дальнем» (январь 1919); читал доклад «Метрика, ритмика и инструментализация народных частушек» в Архангельском обществе изучения русского севера (9 февраля 1919), опубликованный в виде статьи в «Известиях» Общества (1919. № 1/2); был одним из организаторов и идейным руководителем литературно-художественного кружка «Северный Парнас», в котором выступал с докладом «Лирика и футуризм» (4 марта 1919). При этом уже во время доклада о частушках А. Туфанов по просьбе собравшихся читал свое заумное стихотворение,¹⁹ т. е. его переход от символизма к зауми произошел за 1917—1918 гг. На дальнейшую деятельность А. Туфанова в Архангельске серьезное влияние оказала гибель брата Николая, убитого в бою с красноармейцами (22 февраля 1919). Если до смерти брата он оставался последовательным приверженцем «надпартийности» и принципиально не касался политики, то в марте 1919 г. произошел резкий перелом: А. Туфанов перешел на работу в Отдел агитации и пропаганды при Отделе внутренних дел Временного правительства Северной области и стал проповедником идеи русского национального возрождения под знаменем армии Колчака, Деникина, Юденича. Он оставался «надпартийным» в том смысле, что не примкнул ни к какой политической партии, но теперь его «надпартийность» приобрела яркую антибольшевистскую направленность. Под разными псевдонимами он опубликовал серию статей, военных обзоров и стихотворений, проникнутых желанием мести за брата. Он проповедовал свирепость, расстрелы, «кистребление врагов как мух», воспевал потоки крови. Героем его стихотворений стал пулемет. На несколько месяцев (апрель—сентябрь 1919) идея отмщения захватила его целиком, отодвинув на второй план или совершенно заглушив в нем поэта-футуриста. В сентябре 1919 г. после вывода англичанами своих войск из Северной области и при одновременном наступлении Красной Армии А. Туфанов через Карское море уехал из Архангельска в Сибирь. В середине ноября 1919-го он оказался в Томске, где недолго (около месяца) исполнял должность редактора газеты «Вестник Томской губернии». Однако по сравнению с Архангельском никакой агитпроповской работы он уже не вел. Вскоре (22 декабря 1919) Томск был взят Красной Армией, но Туфанов не ушел вместе с колчаковцами. Оставшись на советской территории, он несколько месяцев провел в скитаниях по Сибири и Уралу,²⁰ а в марте 1920 г. уже служил секретарем в Технико-экономической коллегии Екатеринбургского губернского совета народного хозяйства.²¹ В середине мая 1920 г. А. Туфанов был делегирован в Москву на второй

¹⁸ Текст доклада А. В. Туфанова «Приветственное слово И. С. Тургеневу» хранится в РО ИРЛИ (ф. 749).

¹⁹ Изв. Архангельского общества изучения русского севера. 1919. № 3/4. С. 91—92.

²⁰ В автобиографии (1925) А. В. Туфанов упоминает о пребывании в Обдорске (ныне Салехард Тюменской обл.), Нарымском крае, Омске (Автобиография Председателя Земного Шара Заума Александра Туфанова. С. 172).

²¹ Трудовое удостоверение (26 марта 1920) // РО ИРЛИ, ф. 749.

Всероссийский съезд работников просвещения.²² Съезд, однако, был отложен, и Туфанов вместо этого ненадолго заехал в Петроград. В мае—июне 1920 г. он читал в Галиче лекции «Обучение грамоте в трудовой школе» (25 мая 1920), «Народные частушки и искусство будущего» (26 мая 1920), «Математика в 1-й трудовой школе» (27 мая 1920), «Сценическое творчество и творческое „я“» (28 мая 1920), «Народные частушки и футуризм» (2 июня 1920). Летом 1920 г. он снова был командирован из Екатеринбурга в Галич в распоряжение местной биржи труда, где был назначен (24 июля 1920) заведующим показательной школы 1-й ступени.²³ По-видимому, Туфанов переменял свое недавнее отношение к большевикам и признал Советскую власть, пусть как неприятную, но все-таки исторически сложившуюся реальность; иначе трудно понять, как в течение одного года от белогвардейского агитпропа он перешел к сотрудничеству с Галичским политпросветотделом. Сотрудничество это началось со съезда волостных инструкторов по ликвидации безграмотности, открывшегося 10 ноября 1920 г. А. Туфанов был избран в президиум съезда и сделал доклад «Новые методы преподавания». Однако съезд счел невозможным применить предлагавшийся им метод непосредственного чтения в школах по ликвидации неграмотности.²⁴ Впоследствии Туфанов читал в Галиче лекцию «Творчество и пролетарская культура» (20 ноября 1920), выступал на открытии общеобразовательных курсов политпросветотдела Галичского отдела народного образования (22 ноября 1920), а также заведовал этими курсами. Слушатели курсов записывали в 1921 г. для него частушки в 22 волостях Галичского уезда. Кроме того, Туфанов занимал должности заведующего школьно-лекционной секцией Внешкольного подотдела Галичского отдела народного образования и инструктора по ликвидации неграмотности. Получив административные посты, он мог продолжать педагогическую карьеру в Галиче, но она была ему уже не интересна. Он признался: «Я понял, что мне ничего не надо в внешнем мире, кроме бочки Диогена: ни власти, ни денег, ни почестей, ни наслаждений; понял я, что <...> разрушать надо не „существующий строй“, а всю вселенную в пространственном восприятии ее человеком, и в г. Галиче, Костр<омской> губ. для защиты вселенной хотели было привлечь меня к судебной ответственности, но вовремя спохватились и оставили меня в покое».²⁵ Вся дальнейшая его жизнь была связана с литературным трудом, а преподавательская или корректорская

²² <Отношение (4 мая 1920)> // Там же.

²³ Трудовое свидетельство № 93 (24 июля 1920) // Там же. Согласно «Трудовому списку» (1938), хранящемуся в том же архиве, Туфанов был командирован из Екатеринбурга в распоряжение Галичской биржи труда лишь 28 окт. 1920 г. Ссылка на документы, подтверждающие правильность последней даты, в «Трудовом списке» отсутствует.

²⁴ Съезд волостных инструкторов по ликвидации безграмотности // Изв. Галичского Уездного Исполкома. 1920. 13 нояб. № 201. С. 2. Следует отметить, что в первые годы Советской власти были распространены два метода обучения чтению (звуковой и целых слов). При этом метод целых слов чаще использовался при обучении взрослых. С 1924 по 1936 г. основным методом обучения чтению в советской школе стал метод целых слов. Возврат к звуковому методу начался в 1936—1937 гг. (*Редозубов С. П.* Предисловие // К. Д. Ушинский, В. П. Вахтеров, В. А. Флеров об обучении грамоте. М., 1941. С. 3).

²⁵ Русский авангард в кругу европейской культуры. С. 92—93.

работа служила лишь источником необходимого заработка, обеспечивавшего ему возможность творческой деятельности.

В начале 1920-х гг. термин «футуризм» был уже неприемлем для Туфанова по двум причинам: во-первых, футуристы пошли на активное сотрудничество с Советской властью, связали свое искусство с политикой и тем самым в глазах Туфанова дискредитировали себя и самоназвание, во-вторых, его не устраивал сам образ будущего, который связывался с коммунизмом и который Туфанов считал «бредней социологов XX века». ²⁶ Поэтому, вернувшись из Галича в Петроград (28 сентября 1921), он некоторое время пытался утвердить себя в литературных кругах в образе вортициста (от англ. vortex — вихрь, водоворот), заимствовав этот термин из статьи З. Венгеровой. ²⁷ В основу своей «новой эстетики» Туфанов положил философию А. Бергсона. Из нее он заимствовал идею становления, т. е. непрерывного изменения, текучести. Вслед за Бергсоном он отверг интеллект, способный оперировать лишь неподвижными состояниями, но не самим процессом становления, и поставил во главу угла инстинкт и интуицию, с помощью которых, согласно Бергсону, можно проникнуть внутрь самого процесса жизненного становления, ²⁸ «в область взаимного проникновения, бесконечно продолжающегося творчества». ²⁹ Себя и близких себе по духу футуристов Туфанов стал называть *становлянами*. У Бергсона он заимствовал разграничение личности на статическое «внешнее Я» (для окружающего мира) и «Я» динамическое «Самого себя» (выявляющееся, по мнению Туфанова, только в стихах). Путь к новому динамическому искусству Туфанов видел в изучении образцов народного творчества: «Чтобы создать новую поэзию движения в самом себе, надо идти „в народ“ по-новому. У народа есть творчество, в котором поет не ум, а голый инстинкт, в котором образ вырождается в созвучие, импровизированное всегда под гармонику — „тальянку“. Я имею в виду народные частушки». ³⁰ «Народной песне присущ непосредственный лиризм, как пляске дикарей вокруг костров и радению хлыстов». ³¹ Собственно частушка была для Туфанова образцом той поэзии, в которой звучание стиха превалировало над его смыслом и звук становился главным содержанием. Теоретическое обоснование такой поэзии он нашел в «Сборниках по теории поэтического языка», а смысл согласных звуков частично заимствовал у Хлебникова и частично развил самостоятельно. Таким образом, он пришел к «звуковой поэзии», которую также называл «фонической музыкой». При этом, стремясь приблизить запись «звуковой поэзии» к произношению, он стал использовать психофонетическую транскрипцию, предложенную профессором Петербургского университета И. А. Бодуэном де Куртене, согласно которой запись текста осуществлялась с помощью латинского алфавита. Введение подобной транскрипции обсуждалось в процессе проведения реформы правописа-

²⁶ Автобиография Председателя Земного Шара Зауми Александра Туфанова. С. 172.

²⁷ Венгерова З. Английские футуристы // Стрелец. Пг., 1915. Сб. 1. С. 93.

²⁸ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1914. С. 158—159.

²⁹ Там же. С. 160.

³⁰ Туфанов А. Метрика, ритмика и инструментализация народных частушек // Изв. Архангельского общества изучения русского севера. 1919. № 1/2. С. 14.

³¹ Туфанов А. Ритмика и метрика частушек при напевном строе // Красный журнал для всех. 1923. № 7—8. С. 78.

ния (1918), и А. Туфанов был в числе сторонников именно психофонетического письма.³² Нетрудно видеть, что все элементы «новой эстетики» были заимствованы Туфановым из различных источников, и его личная заслуга состояла лишь в конструировании из этих разнородных элементов более или менее убедительного теоретического контекста для своей поэтической зауми.

В Петрограде—Ленинграде А. Туфанов некоторое время заведовал школой и преподавал русский язык (1922), а затем перешел на работу ректора, служил в различных издательствах (1923—1931). После смерти В. Хлебникова (28 июня 1922) он сначала пытался организовать «Кружок памяти поэта Хлебникова» (июль 1922), выступал на вечере «Памяти Велимира Хлебникова» (18 сентября 1922), а затем объявил себя «Велемиром II в Государстве Времени» и «Председателем Земного Шара Зауми». Попытка продолжить дело Хлебникова была реализована Туфановым в работе по «воскрешению пространственно-образных функций согласных фонем» и частично опубликована в книге «К зауми» (Пг., 1924). Осенью 1923 г. при ГИНХУКе была предпринята попытка создать Фонологический отдел. В число его научных сотрудников был включен и Туфанов, который сделал там доклад о своей книге «К зауми» (15 февраля 1924).³³ Однако Отдел не был утвержден управлением научных учреждений. Одновременно Туфанов контактировал с сотрудниками Отдела органической культуры ГИНХУКа и использовал их теоретические выкладки для обоснования собственных работ в области зауми. С образованием в 1924 г. Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов А. Туфанов принимал участие в его деятельности и выступал с чтением докладов и стихов на устраиваемых им вечерах; активно участвовал в работе созданной при Всероссийском союзе поэтов мастерской по изучению поэтики, публиковался в «Собрании стихотворений» (1926), изданном Ленинградским отделением Союза поэтов. В марте 1925-го, стремясь сплотить вокруг себя левую поэтическую молодежь, А. Туфанов организовал группу «Орден заумников (D. S. O.)», в состав которой кроме него вошли полупрофессиональные поэты Г. Н. Матвеев, Е. И. Вигилианский, поэт-речевик И. И. Марков, а также А. И. Введенский, Д. Хармс и др. Декларация «Ордена заумников», написанная Туфановым, была основана на его исследованиях пространственно-образного восприятия согласных фонем и художественных теориях М. В. Матюшина. Работа группы носила главным образом студийный характер: на ее заседаниях читались и разбирались произведения участников группы, слушались доклады о новом искусстве. Группа не была едина во взглядах на поэзию. В противовес ориентации Туфанова на фонетическую заумь Введенский и Хармс концентрировали внимание на семантическом и синтаксическом новаторстве, а кроме того, не были склонны придерживаться теоретических построений лидера группы. Публичная

³² Подробнее см.: *Томашевский В. К реформе правописания // Жизнь для всех. 1918. № 4—6. Апр.—июнь. С. 443—448; Туфанов А. О новом правописании // Вестник Временного правительства Северной области. Архангельск, 1919. 30 июля. № 165. С. 2 (републ.: Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 118—119).*

³³ Тезисы доклада см.: ЦГАЛИ СПб, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 21, л. 85.

деятельность «Ордена заумников» ограничивалась редкими поэтическими вечерами и не сопровождалась книгоиздательством. В ноябре 1925 г. группа была преобразована в «Левый фланг» при Ленинградском отделении Союза поэтов, в который вошли А. И. Введенский, Е. И. Вигилянский, И. И. Марков, А. В. Туфанов, Д. Хармс, а также Б. К. Чёрный и Г. Л. Богаевский. «Левый фланг» не имел общей идейно-художественной концепции и строился как свободная организация, что было выгодно скорее Хармсу и Введенскому, желавшим освободиться от теоретического давления со стороны Туфанова. В то же время художественная идеология членов объединения и их творчество в той или иной степени тяготели к зауми. Деятельность «Левого фланга» не отличалась особой активностью. Было устроено несколько выступлений в Домах культуры, заводских и студенческих клубах. В январе 1926 г. после выхода из группы Введенского и Хармса группа прекратила свое существование. Однако с декабря 1926-го по март 1927 г. «Левый фланг» был воссоздан в новом составе, и Туфанов принимал участие в поэтических выступлениях его членов. Кроме того, под маркой «Левого фланга» вышла последняя книга его стихов «Ушкуйники» (декабрь 1926).

Как выглядел в это время Туфанов, описал в своих воспоминаниях И. В. Бахтерев: «Длинные, иной раз нечесанные пряди волос спускались на горбатую спину. Нестарое лицо украшали пушистые усы и старомодное пенсне в оправе на черной ленточке, которую он то и дело поправлял, как-то странно похрюкивая. <...> Дома он сменял обычную для того времени, широкую, без пояса, толстовку на бархатный камзол, а скромный самовяз на кремовое жабо. И тогда начинало казаться, что перед вами персонаж пьесы, действие которой происходит в XVIII веке. Его жена, Мария Валентиновна, ростом чуть повыше, вполне соответствовала внешности мужа: распущенные волосы, сарафан, расшитый жемчугом кокошник. В таком облике появлялись они на эстраде, дуэтом читая стихи».³⁴

В апреле 1926 г. Туфанов предпринял попытку организовать при ГИНХУКе фоническую лабораторию с целью «вести лабораторную работу в области заумного языка и выступать со стихами, рассказами и докладами»;³⁵ в состав этой лаборатории предполагалось включить А. Туфанова, И. Маркова, Д. Хармса и А. Введенского. Но эта попытка легализовать свою деятельность под вывеской научного учреждения успеха не имела. Последний раз с докладом о зауми («Заумь, как седьмое и единственное искусство») А. Туфанов выступал в Кабинете художественной речи ГИИИ (19 января 1928),³⁶ однако, судя по тексту доклада,³⁷ за 4 года, прошедших со времени выхода его книги «К зауми», в развитии этого направления он практически не продвинулся.

Начиная с лета 1924 г. А. Туфанов считал, что его творчество «от беспредметности идет неизбежно к образности, только неощутимой при ста-

³⁴ Бахтерев И. Когда мы были молодыми. С. 66.

³⁵ Демосфенова Г. Из материалов Фонологического отдела ГИНХУКа // Терентьевский сборник. М., 1996. [Вып. 1]. С. 113.

³⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 28, л. 50.

³⁷ Текст доклада «Заумь, как седьмое и единственное искусство» хранится в РО ИРЛИ, ф. 749.

рых способах восприятия, насыщенной элементами зауми». ³⁸ В период существования «Ордена заумников» он говорил об обязательности для его членов праславянского и древнерусского языка ³⁹ и считал, что ему самому более всего удаются «стихи о Руси славянской». ⁴⁰ Он ушел от «звуковой поэзии» и фонической музыки к беспредметной поэзии, в которой появляется смысл, но «образы лишены обычного рельефа и очертаний». ⁴¹ В этот период им была написана поэма «Домой — в Заволочье» (окончена в июле 1925), которую он рассчитывал поставить в Отделе органической культуры ГИНХУКа и издать на собственные средства. Однако, поскольку сюжетом поэмы служило «будущее восстание в XXI веке в лице Голых Братьев», ⁴² она была запрещена цензурой. ⁴³ С использованием древнерусской лексики были написаны поэма «Ушкуйники» (1926), «Умильная повесть старца Зосимы о Марфе Борецкой» (1927—1928) и ряд других произведений. Уже с 1924 г. у Туфанова возникли сложности с публикацией своих работ. Журналы прекратили его печатать. Он пытался выпустить в Госиздате свою статью «Ритмика, метрика и тематика частушек при напевном строе» ⁴⁴ и драму «Жили-были», ⁴⁵ но его рукописи были отклонены. Некоторое время издательства еще печатали его переводы рассказов Г. Уэллса и А. Конан-Дойля. Пока было возможно, Туфанов издавал собственные книги на свои же средства, но после 1927 г. частное книгоиздательство было ликвидировано и, несмотря на все старания, ему не удалось опубликовать ни одной строчки. Сложившуюся ситуацию он обсуждал с К. С. Малевичем, после разговора с которым сделал дневниковую запись (7 декабря 1928): «Ездил к М<алевичу>. Отвел душу. Всего больше нас беспокоит новый государств<енный> курс насчет „правой опасности“. Приближается день, когда мы будем совсем за флагом. Чем больше в нас верности лозунгу „быть самим собой“, тем дальше мы от современной внешней жизни. Ненавидя *наше*, они отрицают и нас. Материальное положение наше ухудшается. У Мал<евича>, кажется, отойдет комната. У меня теряется заработок <...>. Полотна М<алевича> вернули меня к мыслям об особенностях нашей психической организации. Мир воспринимаем не как „прочие“, а индивидуально. „Советская общественность“ нам этого не простит. Мы ей не нужны, но и она нам не нужна». ⁴⁶

Внутренняя связь Туфанова с Малевичем сохранилась и в следующие годы. В его архиве остался автограф стихотворения «На смерть художника

³⁸ Письмо А. В. Туфанова М. М. Шкапской (лето 1924) // Терентьевский сборник. М., 1996. [Вып. 1]. С. 275.

³⁹ Туфанов А. Заумный орден // Туфанов А. В. Ушкуйники. С. 177—178.

⁴⁰ Автобиография Председателя Земного Шара Зауми Александра Туфанова. С. 173.

⁴¹ Там же. С. 174.

⁴² Туфанов А. Заумный орден. С. 178—179.

⁴³ Автобиография Председателя Земного Шара Зауми Александра Туфанова. С. 173.

⁴⁴ См.: Письмо А. В. Туфанова М. М. Шкапской (6 сент. 1924) // Терентьевский сборник. М., 1996. [Вып. 1]. С. 275—276; <Отзыв Ф. Р. Махайлова и резолюция Г. Е. Горбачева> // ЦГАЛИ СПб, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 247, л. 113—113 об.

⁴⁵ <Отзыв на драму Туфанова «Жили-были»> // ЦГАЛИ СПб, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 247, л. 151.

⁴⁶ Туфанов А. В. Дневник. Воспоминания // РО ИРЛИ, ф. 749.

Малевича», написанного 20 мая 1935 г. и подписанного «Поэт Александр Туфанов»:

И жил он в долине лазурной,
Встречая час золотой;
Века измеряя (до урны!)
При солнце цвел красотой.

На радуги мир разлагая,
Хотел бесполезным быть;
И, формой отцветшей играя,
Он ей говорит: не быть.

И даже с фарфора без цели
Весь мир у него играл;
По кругу при влажной метели
Он в радуге образ искал.

О, милые чайки залива!
Вот жизни растаял дым,
Поете причет над ивой,
Над пеплом, чтоб стал голубым;

Чтоб криком своим журавлиным
Природа звала к звездам
Мечту об отлете — клином
Скитаться в пространствах всегда.

Во второй половине 1920-х гг., несмотря на отсутствие каких-либо возможностей публиковать свои произведения, Туфанов продолжал писать стихи, рассказы, пьесы, либретто оперы и музыкальной драмы, а также статьи. Посещал собрания Союза поэтов, Всероссийского союза писателей и впоследствии — Всероссийского союза советских писателей (ВССП), состоял членом секции научных работников, членом фольклорной секции Всероссийской Академии наук, сотрудником этнографической комиссии Украинской Академии наук, а также «консультантом по оформлению пролетарских новых стихов при Доме печати, председателем Ассоциации корректоров и технических корректоров, членом комиссии по составлению технического типографского словаря (изд. «Красной газеты»), членом сквозной бригады системы Ленгиза (для продвижения книги от писателя к читателю); членом цехпрофкомитета ГИХЛ».⁴⁷ Вплоть до ареста он продолжал зарабатывать на жизнь корректурами. Арест Туфанова (10 декабря 1931), не печатавшегося к этому времени уже около 5 лет и не имевшего никакого отношения к Детскому сектору Госиздата, на деятельность которого было направлено основное внимание следователей, был вызван желанием сотрудников ГПУ представить дело как разветвленную «антисоветскую нелегальную группировку писателей», работавшую во взрослой и в детской литературе. Туфанову в этой группировке следователи отвели роль идеолога и теоретика поэтической заумы — основного средства, с помощью которого, по мнению следователей, велась «борьба с Советской властью на идеологическом фронте».⁴⁸ Самого Туфанова обвиняли не только

⁴⁷ Туфанов А. В. Заявление заведующему издательством «Коммуна» (17 авг. 1933) // Там же.

⁴⁸ Разгром ОБЭРИУ. С. 189.

в идейном руководстве «Орденом заумников» (время существования которого следователи намеренно переносили на 1928—1929 гг., т. е. ко времени сотрудничества Хармса и Введенского в детском издательстве), но и в открытой враждебности советской действительности, в частности, интерпретируя его строки из поэмы «Ушкуйники»: «Коли власть не ко двору, выйдем с кличем: „К топору! Ой-лю-лю по топору! Ой-лю-лю не ко двору!“» — как призыв к контрреволюционному восстанию.⁴⁹ Туфанов признал себя виновным в том, что являлся руководителем антисоветской организации и вел идеологическую борьбу с Советской властью. Факты сотрудничества с белогвардейцами в 1919 г. и последующая переписка с эмигрантскими кругами послужили для него отягчающим обстоятельством и привели к тому, что из всей группы осужденных он получил самый строгий приговор (5 лет лагерей).⁵⁰ В апреле 1932 г. он был направлен в Темниковский исправительно-трудовой лагерь (Мордовская обл., ст. Потьма Казанской ж. д.), где находился в течение года, по истечении которого постановлением коллегии ОГПУ (7 мая 1933) был досрочно освобожден из-под стражи по инвалидности.⁵¹ Фактический срок его заключения с момента ареста составил полтора года. По свидетельству А. Туфанова, «в лагере я занялся очень интересной для меня работой по вопросам перековки психологии правонарушителей, работал в редколлегии общелагерной газеты, организовал литературное приложение к ней для литературной учебы правонарушителей и эмоционального воздействия на них, был два раза представлен к награде с занесением в личное дело. Управление лагеря при подаче мною просьбы ходатайствовало перед ЦИКом о моем помиловании».⁵² Ограниченный после освобождения из лагеря в праве проживания в 12 крупных городах, местом своей административной ссылки Туфанов

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Дело № 4246-31 / Публ. Н. Кавина; Подгот. текстов и примеч. В. Сажина // *Хармс Д.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Тигр на улице. СПб., 2000. С. 328. По-видимому, впоследствии срок был уменьшен, поскольку сам А. Туфанов во всевозможных заявлениях и прошениях указывал, что был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей.

⁵¹ *Туфанов А. В.* Заявление Председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин (11 июля <1933>) // РО ИРЛИ, ф. 749. В работе И. С. Мальского (Разгром ОБЭРИУ. С. 171) постановление коллегии ОГПУ о досрочном освобождении Туфанова датируется не 7-м, а 25 мая 1933 г. О степени инвалидности и состоянии здоровья Туфанова можно судить по его заявлению (23 июля 1933): «Я страдаю туберкулезом костей с деформацией грудной клетки и искривлением позвоночника, укорочением правой ноги и подкожными холодными нарывами, миокардитом, артериосклерозом, хроническим воспалением седалищных нервов, неврастенией и прогрессирующей близорукостью <примечание: и болезнями дыхательных путей>. Поэтому: 1) я стоять без палки и ходить без палки не могу; 2) наклоняться и работать физически руками из-за корсета не могу; 3) не могу носить тяжести из-за одышки и сердцебиения; 4) не могу исполнять физические работы из-за атрофии мышц, и все врачебные комиссии признавали меня *неспособным ни к какой физической работе*. Кроме того, я лечился в Ленинграде от психоневрозов, некоторые врачи находили у меня шизофрению, поэтому врачебные комиссии находили, что я неспособен к *систематической умственной работе*. Прошу пересмотреть постановление Комиссии Врачебной экспертизы от 22 июля и признать меня инвалидом III группы, как это и сделала Ленинградская областная врачебная комиссия, так как от неизлечимых болезней я до сих пор не излечился» (*Туфанов А. В.* Заявление в конфликтную комиссию // РО ИРЛИ, ф. 749).

⁵² *Туфанов А. В.* Заявление Председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин (11 июля <1933>).

избрал Орел, где проживал с мая 1933 по август 1936-го. Попытки найти там работу не увенчались успехом, и он жил лишь на денежные переводы и продуктовые посылки от жены, работавшей в Ленинграде. Все свободное время он занимался литературным творчеством и переводами. Поскольку творчество Туфанова всегда было обусловлено теорией и подчинено ей, то новая теоретическая установка о «перековке психологии правонарушителей», с которой он столкнулся в лагере, была быстро усвоена им тем более, что он мог увидеть в ней новое воплощение старой символистской идеи о слиянии творчества с жизнью, о его непосредственном воздействии на жизнь. Под влиянием новой теоретической установки и практической работы в лагерной газете Туфанов написал ряд рассказов и пьесу. Дневниковая запись (15 января 1934) гласила: «Итак, у меня написано за 8 месяцев: 3 рассказа и пьеса,⁵³ посвященн<ые> исправ<ительно>-труд<овой> политике в лагерях. Один рассказ, направленный в „Звезду“ (в Ленинград), пропал: „конфисковали“, другой не возвращают и ответа не дают («30 дней» Москва). По-видимому, тоже попал к „начальству“. Кроме того отправлена новелла в стихах „Никита из курной избы“ <...> в „Сов<етское> изд<ательст>во“. Надо бы еще написать о жизни писателя, художника в лагере, напр<имер>, в виде „Писем в Новую Зеландию“ одного новозеландца, жившего с паспортом русс<кого> поэта в СССР и случайно попавшего. Но это не пройдет. Можно писать только об исправившихся ворах-рецидивистах. Изобразить весь ужас культурного человека нельзя».⁵⁴ У Туфанова был шанс стать родоначальником лагерной прозы, предвосхитив Шаламова и Солженицына, но не стал: не хватило смелости. К тому же он писал в расчете на публикацию своих произведений, а это неминуемо вело к самоцензуре и конформизму. Через две недели (2 февраля 1934) он записал в блокноте: «Начатую повесть в виде переписки маори с другом, живущим в Новой Зеландии, уничтожил».⁵⁵ Свое негативное отношение к окружающей действительности он предпочел выражать более безопасным для себя способом, спрятавшись за авторитетные имена. Так, в мае 1934 г. он начал перевод шекспировского «Кориолана», над которым работал несколько месяцев по 14 часов в день. Об этой работе он оставил запись (16 сентября 1934): «Кончил вчера поэму великого гнева и ненависти (1700 строк)».⁵⁶ Последующие два года ссылки он также занимался переводами Шекспира, всерьез рассчитывая на публикацию. Об этих несбывшихся надеждах Туфанов оставил следующую запись (15 июля 1936): «Работал по 14 час<ов> в сутки над Шекспиром в течение 23 месяцев. Шекспир спас от многого. <...> В силу „фальшивой самостраховки“ переводы не удалось устроить. Из „Academia“ получил отзывы, что работа моя „талантливая и серьезная“. Но договора не заключают и рукописей не возвращают. А в ГИХЛе и ГИЗе относятся еще хуже. Из ГИХЛа послали через 15 мес<яцев> рукопись обратно без отзыва».⁵⁷ Туфанов зря сетовал на издательства: они руковод-

⁵³ Пьеса «Уркина лица» была послана Туфановым (5 окт. 1933) для участия в конкурсе на лучший пьесу (Богомолов Н. А. Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова. С. 89).

⁵⁴ Туфанов А. Записи дневникового характера (Блокнот № 2, л. 40) // РО ИРЛИ, ф. 749.

⁵⁵ Там же, л. 44.

⁵⁶ Туфанов А. Записи дневникового характера (Блокнот № 3, л. 50) // РО ИРЛИ, ф. 749.

⁵⁷ Там же, л. 66, 68. В архиве Туфанова (РО ИРЛИ, ф. 749) сохранилась справка (8 авг. 1940): «Дана сия гр-ну Туфанову А. В. в том, что он в январе 1935 г. представил в Гослитиздат

ствовали теми же соображениями, что и он, когда уничтожал свою повесть в виде переписки с новозеландским другом.

По окончании срока административной ссылки (август 1936) в возрасте 59 лет Туфанов переехал в Новгород, где в середине февраля 1937 г. устроился лаборантом кабинета педагогики Новгородского государственного учительского института, а по совместительству преподавателем русского языка на курсах по подготовке в институт. В Новгороде он первое время продолжал литературную работу, причем его художественные взгляды уже существенным образом сдвинулись в сторону реализма. В этот период им были написаны венки сонетов «Домой, домой!», трагедия «Вечевой колокол», пьеса «Мечислав» и другие произведения. Он готовил книгу о частушках, безуспешно посылал стихи в журнал «Звезда» и газету «Известия». Однако начиная с 1938 г. Туфанов оказался загружен работой в институте и фактически прекратил литературную деятельность, лишь изредка публикуя стихи и заметки в институтской стенгазете. Характеристики Туфанова (1938, 1940), выдаваемые институтом для местного отдела НКВД, рисовали образ вполне лояльного гражданина: «Порученную работу выполняет вполне удовлетворительно. Аккуратно посещает политзанятия. Во время избирательных кампаний принимал активное участие в организации и оформлении агитпункта. К революционным праздникам (Октябрьская годовщина, майские дни) всегда организует выставки по народному образованию. Участвует в работе литературного кружка».⁵⁸ «Никаких замечаний не имел, к работе относится добросовестно, выполняя в срок возложенные на него поручения. Как лаборант, являясь в то же время зав. кабинетом педагогики, т. Туфанов проявил необходимую инициативу по оборудованию кабинета различными видами пособий, в организации выставок и использовании этих материалов студентами».⁵⁹ Пытаясь перебраться в Ленинград, Туфанов поступил в заочную аспирантуру ЛГУ и летом 1939 г. был допущен к сдаче кандидатских экзаменов по кафедре фольклора. С той же целью в 1938—1940 гг. он добивался снятия судимости, но получил отказ.⁶⁰ Так, в должности лаборанта кабинета педагогики Туфанов проработал в Новгороде до лета 1941 г., когда в связи с немецким наступлением был эвакуирован в Чебоксары. Там он провел некоторое время, после чего получил в местном переселенческом отделе разрешение выехать в Галич (20 сентября 1941). Согласно сохранившимся документам, он прибыл в Галич и подал заявление в Галичский отдел социального обеспечения с просьбой назначить ему пенсию (19 октября

свой перевод Шекспира „Кориолан“; этот перевод был им представлен и принят к изданию, на что был заключен договор 20 июня 1937 г.». Заключение договора с Гослитиздатом и даже получение гонорара за перевод в те и последующие годы вовсе не означало, что рукопись будет издана. Практика оплаты выполненных переводов без последующего их издания была достаточно распространена. Так случилось и с туфановским переводом «Кориолана». В то же время следует отметить, что перевод этой шекспировской трагедии при Советской власти был издан отдельным изданием только в 1927 г. В дальнейшем она печаталась только в «Полных собраниях сочинений» Шекспира (1941, 1950, 1960). Ни в «Собраниях сочинений», ни в «Избранном», ни тем более отдельными изданиями она не выходила.

⁵⁸ Характеристика А. В. Туфанова (2 окт. 1938) // РО ИРЛИ, ф. 749.

⁵⁹ Характеристика А. В. Туфанова (12 нояб. 1940) // Там же.

⁶⁰ Разгром ОБЭРИУ. С. 172.

1941). Весь 1942 г. Туфанов прожил в Галиче. Его последнее письмо жене датировано 19—21 декабря 1942 г. Дальнейшая его судьба пока не документирована, однако, по воспоминаниям И. В. Бахтерева, Туфанов прибыл в «город Галич, где умер (со слов вдовы) от дистрофии на ступеньках районной столовой».⁶¹ Судя по тому, что все эти годы письма жене он писал регулярно едва ли не через день, можно предположить, что окончание переписки было вызвано как раз его смертью, последовавшей в ближайшие дни после даты, указанной на последнем письме.

* * *

Основная часть архива поступила в ИРЛИ в 1974 г. от вдовы А. В. Туфанова М. В. Туфановой (1888—1975). После смерти М. В. Туфановой ее наследница Т. С. Корягина передала в ИРЛИ отдельные бумаги А. В. Туфанова и несколько его вещей. Архив состоит из творческих рукописей (стихов, рассказов, пьес, оперных либретто, статей критического и теоретического характера и т. д.), дневниковых записей разных лет, значительного пласта биографических документов, обширной переписки (в том числе семейной), собрания фотографий и книг.

Настоящая публикация материалов из этого архива (РО ИРЛИ, ф. 749) включает автобиографию А. В. Туфанова 1928 г., «критическое исследование» 1921 г. и ряд статей конца 1910-х—начала 1920-х гг., развивающих положения «новой эстетики», которую Туфанов в это время положил в основу своего творчества.

В современном литературоведении сложился образ А. В. Туфанова как «незаядлого поэта, оказавшего заметное воздействие на культуру петроградского / ленинградского авангарда двадцатых годов»,⁶² он считается «теоретиком зауми»,⁶³ создателем «оригинальной фонетической теории».⁶⁴ Результаты настоящей публикации позволяют внести в этот образ некоторые коррективы, касающиеся способа создания Туфановым своих теоретических статей. Некоторыми исследователями (Ж.-Ф. Жаккар, А. Крусанов, Г. Морев) уже отмечались случаи скрытого цитирования в статьях Туфанова работ современников, однако до сих пор никто специально не занимался изучением этих текстов с целью выявить все его заимствования из работ других авторов. Между тем степень этого цитирования в иных случаях была весьма значительна. Так, например, статья Туфанова «Символическое творчество и любовь» (1915) по сути представляет собой не самостоятельную статью, а конспект книги Эллиса «Русские символисты» (М., 1910). Несмотря на изменение философских и эстетических убеждений Туфанова, произошедшее в 1917—1920 гг., метод написания статей остался у него один и тот же. Все публикуемые ниже теоретические статьи Туфанова в той или иной степени имеют компилятивный характер и состоят из скрытых цитат, принадлежащих различным авторам. Некоторые источники, ко-

⁶¹ Бахтерев И. Горькие строки. С. 347.

⁶² Богомолов Н. А. Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова. С. 89.

⁶³ Из писем А. В. Туфанова 1920-х годов. С. 273.

⁶⁴ Гречишкин С. С. Архив С. А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 22.

торами пользовался Туфанов, указаны в комментариях, однако, без сомнения, число их было большим, нежели комментаторам удалось обнаружить в процессе подготовки данной публикации. Компилятивный характер текстов позволяет характеризовать Туфанова как слабого и несамостоятельного теоретика, пытавшегося тем не менее претендовать после смерти Хлебникова на титулы «Велемир II» и «Председатель земного шара зауми». В то же время следует отметить, что компилирование чужих работ осуществлялось Туфановым с целью придать солидность и наукообразность обоснованию собственных поэтических устремлений. Заимствуя чужие идеи, мысли, формулировки и термины, Туфанов выстраивал из них свою идейно-художественную систему, подобно тому как ручейник строит себе домик, не выращивая раковину, а создавая ее из подсобного материала: кусочков растений, песчинок и т. п. При этом перенос заимствованных положений из философского и филологического контекстов в область эстетики, в поэтический контекст придавал художественному теоретизированию Туфанова оттенок оригинальности и способствовал самоутверждению его в образе поэта-новатора. Сведение разнородных источников в единую систему, проделанное Туфановым, привело в результате к созданию им концепции «звуковой поэзии» или «фонической музыки». Однако Туфанова никак нельзя отнести к числу «изобретателей». Он всего лишь добросовестный последователь, заимствовавший не только методы и терминологию, но и внешнюю атрибутику своих учителей (Велемир II, Конституция Государства Времени и т. п.). Он подхватывал идеи, высказанные А. Бергсоном, И. Бодуэном де Куртене, В. Шкловским, О. Бриком, Б. Кушнером, В. Хлебниковым, М. Матюшиным, Н. Марром, и применял их в своих теоретических построениях, занимаясь, по сути, утилизацией чужих идей и открытий.

В то же время справедливости ради следует отметить, что наряду с многочисленными заимствованиями в статьях Туфанова все-таки присутствовала одна идея, пропагандируемая и утверждаемая им, чем бы он ни занимался. Это была идея динамизма. Работая педагогом, он говорил о «динамическом воспитании в школе»,⁶⁵ проповедуя эстетику символизма, он утверждал: «Мы слишком динамичны, а сердца наши слишком быстры»,⁶⁶ наконец, философия Бергсона тем и пленила его, что была насквозь проникнута идеей динамики. Туфанов увидел в Бергсоне выразителя собственных невысказанных ощущений. Это понятие динамизма, будучи сквозным для всей его творческой биографии, позволяет видеть за разнообразными, менявшимися теоретическими поисками этого человека единый внутренний стержень, на который нанизывались свои и чужие словесные формулы.

Характерной особенностью публикуемых статей является то обстоятельство, что, в отличие от ряда более поздних теоретических материалов Туфанова, он еще не использует в них для обоснования своего творчества представления М. В. Матюшина о «расширенном смотреии» и терминологию Н. Я. Марра. Это обстоятельство косвенно свидетельствует о том, что публикуемые статьи написаны до лета 1923 г., когда Туфанов познако-

⁶⁵ Туфанов А. В. Практическое руководство к лабораторным занятиям... С. 11.

⁶⁶ Туфанов А. О поэзии // Жизнь для всех. 1916. № 10—11. Окт.—нояб. С. 1241.

мился с теорией М. В. Матюшина; с работами Н. Я. Марра он, судя по всему, познакомился еще позднее (около 1925 г.).

* * *

Орфография и пунктуация публикуемых материалов приближены к современным нормам. После текста каждой статьи дается описание оригинала (рукописи или машинописи) с указанием его орфографических особенностей. Написание Туфановым псевдонима Хлебникова через «е» («Велемир»), характерное для конца 1910-х—первой половины 1920-х гг., оставлено без изменения. Слова, подчеркнутые Туфановым, даны курсивом. Зачеркнутые автором фрагменты, значимые для понимания текста, приводятся в квадратных скобках, трудночитаемые слова и пометки публикаторов — в угловых. Авторские примечания даны постранично и помечаются буквами, переводы — знаком *; примечания комментаторов — в конце каждой статьи.

Комментаторы глубоко признательны библиографу РНБ А. Я. Лapidус за помощь в подготовке данной публикации.

I

АВТОБИОГРАФИЯ

Мой отец¹ — крестьянин Архангельской губернии, Шенкурского уезда, Ростовской волости и общества, деревни Никифоровской.

Я родился 19 ноября 1877 по старому стилю.²

Первоначальное образование получил в гор. Шенкурске, затем в учительской семинарии в гор. Тотьме, Вологодской губернии,³ с 1897 г. по 1900 г. состоял слушателем С.-Петербургского Учительского Института,⁴ в 1902 г. зачислялся вольнослушателем в С.-Петербургский Университет,⁵ но в декабре 1902 г. был арестован и обвинялся в распространении нелегальной литературы;⁶

с 1902 г. по 1907 г. состоял под надзором полиции. В 1907 г. вновь был арестован и привлечен к политическому дознанию, сидел в одиночном заключении в Выборгской одиночной тюрьме, а затем был переведен в Новгородскую тюрьму, судился в С.-Петербургской судебной палате, с предъявлением обвинения по 1 ч<асти> 126 ст<атьи> Уг<оловного> улож<ения>. На суде обвинение по 1 ч<асти> 126 ст<атьи> Уг<оловного> улож<ения> было снято, я был приговорен к двум месяцам заключения за устройство собрания без разрешения полиции.⁷ До Октябрьской революции состоял под надзором полиции, поэтому в 1913 г. не был допущен к занятию должности преподавания училища глухонемых.

Литературную деятельность начал в 1905 г. в газете «Сын отечества» (№ 119—213),⁸ в том же году состоял сотрудником <...>⁹ в «Рабочей газете».¹⁰

В 1909 г. работал в качестве рецензента в журнале «Образование»,¹¹ в газете «Речь»¹² и в «Современном слове».¹³

В 1911—1914 гг. — секретарем в журнале «Обновление школы».¹⁴

В 1913—1918 гг. выпускал по ночам «Торгово-промышленную газету»¹⁵ в качестве сверщика.

В 1910—1911 гг. — секретарем издательства П. П. Сойкина.¹⁶

В 1911—1915 гг. — сотрудником журнала «Обновление школы».¹⁷

В 1914—1915 гг. — редактором журнала «Обновление школы».¹⁸

В 1915 г. — сотрудником журн<алов> «Вершины»,¹⁹ «Северный Гусляр»,²⁰ газет «Таганрогский вестник»,²¹ «Сочинский листок».²²

В 1916—1918 гг. — сотрудником и членом редакции «Жизнь для всех»²³ (Поссе²⁴).

В 1918 г. — секретарем журн<ала> «Вольный плуг»,²⁵ изд<ание> Всероссийского союза рабочих и крестьян.

В 1915—<19>16 г. — секретарем в изданиях П. П. Сойкина.²⁶

В 1920 г. — секретарем в Техничко-Экономической коллегии Екатеринбургского Губсовнархоза.

В 1921 г. — заведывающим (так. — *Публ.*) общеобразовательными курсами, заведующим школьно-лекционной секцией при Политпросвете и инструктором по ликвидации неграмотности в гор. Галиче Костромской губ.²⁷

В 1922 г. — преподавателем русского языка и исполняющим обязанности заведывающего в школе на Выборгской стороне в Ленинграде.²⁸

В 1923—1927 гг. — заведывающим корректорской в рабочем издательстве «Прибой».²⁹

С 1 ноября 1927 г. — безработный.³⁰

В итоге с 1899 г. по 1928 г. моя работа распределяется так:

8 лет революционной работы,

8 лет педагогической, теоретической и практической,

23 года научно-литературной и художественной,

10 лет технико-типографской,

8 лет советской службы.

Научные труды:

1) Практическое руководство к лабораторным занятиям в первый год обучения детей арифметике и геометрии, из серии по современной педагогике и гигиене, изд<ание> журн<ала> «Обновление школы», 1914 г.³¹

2) Обучение грамоте по методу непосредственного чтения, изд. Калужск. земства, 1913 г.³²

3) Поэтика частушек при напевном строе. Доклад 20 апреля 1923 г. в Географическом обществе, напечатан в «Красном журнале для всех» за 1923 г. № 7—8³³ (см.: «Русская устная словесность» Бродского, Гусева и Сидорова, 44—45 стр.).³⁴

4) К зауми. Исследование согласных фонем и стихи, 1924 г.³⁵ Доклад в Государственном институте истории искусства 19/1—1928 г.³⁶

5) «Книга для классного чтения с педологической точки зрения», в журн<але> «Обновление школы» 1912 г. (псевд. А. В. Беломорский).³⁷

6) Психология детства и новая педагогика («Голос северного учителя» 1918 г.).³⁸

7) Редактирование журнала «Обновление школы» в 1914—1915 г.³⁹

Книги и работы по искусству:

1) «К зауми», изд. 1924 г.,

2) «Эолова арфа», 1917 г.,

3) «Ушкуйники», 1927 г.,

4) «Метрика, ритмика и инструментовка народных частушек» («Известия Архангельского Общества изучения русского севера»),⁴⁰
5) «Освобождение жизни и искусства от литературы» («Красный студент», 1923 г., № 7—8),⁴¹ 6) «Символическое творчество и любовь» («Жизнь для всех», 1917 г.,⁴² «Северный гусяр», 1915 г.⁴³), 7) «О жизни и поэзии» («Жизнь для всех», 1918 г.),⁴⁴ 8) Стихи в журналах: «Вершины»,⁴⁵ «Северный гусяр»,⁴⁶ «Жизнь для всех»,⁴⁷ «Таганрогский вестник»,⁴⁸ «Сочинский листок»,⁴⁹ в сборнике «На севере дальнем»,⁵⁰ в «Антологии» (изд. Всероссийского союза поэтов, 1924 г.),⁵¹ в сборнике «Собрание стихотворений» (издание Союза поэтов, 1926 г.)⁵² и проч.

Рецензии, мелкие статьи и заметки: в журналах «Обновление школы»,⁵³ «Северный гусяр»,⁵⁴ «Жизнь для всех»,⁵⁵ «Природа и люди»,⁵⁶ «Красный журнал для всех»,⁵⁷ «Красный студент»⁵⁸ и в газетах.⁵⁹

Переводы:

1) Уэллса — в издательстве «Мысль» 1924 г.⁶⁰ 5 рассказов, в издательстве «Сеятель» 1925 г.,⁶¹ в издательстве «Прибой», 1927 г.⁶²

2) Конан Дойля «Воспоминания о Шерлоке Холмсе», издательстве «Красная газета», 1928 г.⁶³

3) Малларме в сборнике «Эолова арфа», 1917 г.⁶⁴

В рукописях: 1) «Реченник» для писателей, поэтов и переводчиков (словарь),⁶⁵ 2) Складная грамота к писателям и поэтам (Об языке-каженике),⁶⁶ 3) Основы новой эстетики, 4) Заумь как седьмое и единственное искусство,⁶⁷ 5) «Домой — в Заволочье», поэма,⁶⁸ 6) «Умильная повесть старца Зосимы о Марфе Борецкой» (на языке конца XV века),⁶⁹ 7) «Марфа Борецкая» — трагедия,⁷⁰ 8) «Ротники» — фрагменты поэмы,⁷¹ 9) Палитра морфем — приложение к книге «К зауми»,⁷² 10) «Ванька-Ключник» (либретто),⁷³ 11) 208 стихотворений — символических и заумных, 12) «Сергей Есенин» (статья),⁷⁴ 13) «В Эолию к Аляйме» (поэма 1919 г.),⁷⁵ 14) «Затмение» (рассказ 1918 г.), 15) «Казнь смерти» (поэма 1919 г.)⁷⁶ и проч.⁷⁷

Мои подписи под работами: 1) Александр Туфанов, 2) Silentium, 3) А. В. Беломорский.⁷⁸

Обо мне писали в следующих изданиях: 1) «Книгоноша» (1924, № 11),⁷⁹ «Зори» (1924, № 2),⁸⁰ «Накануне» (1924 г., № 17),⁸¹ «Красная газета», вечерний выпуск (1924 г., № 22⁸² и 1928 г., № 85⁸³), «Жизнь искус-

ства», 1926 г., № 27,⁸⁴ «Ленинград», 1928 г., № 15 (портрет),⁸⁵ «Жизнь искусства», 1925 г., № 17 (портрет),⁸⁶ «Журнал журналов» № 8 и 18,⁸⁷ «Печать и революция» 1927 г.,⁸⁸ «Ленинградская правда» 1927 г.,⁸⁹ «Голос жизни» 1915 г. № 9, 16 и 17,⁹⁰ «Жизнь для всех», 1917 г. № 2 и 5,⁹¹ «День» 1915 г. № 50,⁹² «Известия Архангельского общества изучения русского севера», 1919 г.,⁹³ «Тагангорский вестник» 1917, № 195,⁹⁴ «Торгово-промышленная газета» 1918 г.,⁹⁵ «Речь» 1909 г.,⁹⁶ «Приазовский край», 1917, № 201,⁹⁷ «Школа и жизнь», 1914, № 4 и 43,⁹⁸ «Русская школа» 1916 г. № 9,⁹⁹ «Техническое и коммерческое образование» 1914 г. № 3,¹⁰⁰ «Народное образование» 1911 г.,¹⁰¹ 1912 г. книга 2, том 2,¹⁰² 1915 г., 7—8,¹⁰³ «Журнал Министерства народного просвещения» 1914 г.,¹⁰⁴ «Для народного учителя», 1914 г.,¹⁰⁵ «Природа и люди», 1914, № 22.¹⁰⁶

Состою членом Литфонда, членский билет № 139, Всероссийского союза писателей, № 301,¹⁰⁷ Всероссийского союза поэтов (Ленинградское отделение),¹⁰⁸ в Союзе работников просвещения с 1920 г. по 1927 г., а с 1927 г. в Союзе рабочих полиграфического производства, № 72145, с 15 декабря 1927 г. за Ленинградской губкассой Соцстраха по I-й категории № книжки 46087 (пособие по безработице). Член Секции научных работников (по Цекубу).

Состою в браке¹⁰⁹ с 23 июля 1923 г.

А. Туфанов

Правильность указанных в автобиографии сведений¹¹⁰ подтверждается документами, представленными в Ленинградский отдел Правления Всероссийского союза писателей. Делопроизводитель Правления Б. Исков

15/XI<19>28.

<Печать>

Машинопись с рукописными вставками.

¹ Отец — Василий Никитич Туфанов (ум. 1913) — крестьянин Архангельской губернии Шенкурского уезда; мать — Пелагея Ивановна Булыгина (1860?—1940) — тульская крестьянка. На смерть отца А. В. Туфанов опубликовал стихотворение «De profundis» (Эолова арфа. Пг., 1917. С. 86).

² Согласно биографическим документам (РО ИРЛИ, ф. 749), А. В. Туфанов родился в Петербурге и был крещен в православие. В автобиографии 1922 г. он сообщал о своем детстве: «Когда мне было 6 земных месяцев от роду, мой отец <...> увез меня в сады Воронежской губ. В этих садах я и получил все воспитание» (Русский авангард в кругу европейской культуры. С. 91). В автобиографии 1925 г. он уточнял, что его отец «выехал из Петербурга арендовать сады в Воронежской губ. у М. В. Веневитова. <...> Когда мне было 7 лет, отца потянуло на Север, и я вернулся в родные леса Заволочья» (Туфанов А. В. Ушкуйники. С. 170). Через несколько лет в анкете (13 окт. 1928) он сообщал, что с 8 до 20 лет (т. е. до 1897) жил в Архангельске (ОР РНБ, ф. 103, ед. хр. 145).

³ В архиве А. В. Туфанова (РО ИРЛИ, ф. 749) хранится копия «Свидетельства от педагогического совета Тотемской учительской семинарии» № 292, согласно которому А. В. Туфанов при отличном (5) поведении «показал успехи: в законе Божьем, педагогике, русском языке, церковнославянском — удовлетворительно (4); в математике (арифметике, геометрии, землемерии) — весьма удовлетворительно (5); истории, географии — удовлетворительно (4); есте-

ствознании, гигиене — весьма удовлетворительно (5); чистописании, рисовании и черчении — удовлетворительно (4); практических занятиях в преподавании — весьма удовлетворительно (5); сверх того обучался переплетному ремеслу — удовлетворительно (4); гимнастике — удовлетворительно (4); пению и музыке — весьма удовлетворительно (5). Вследствие сего он удостоивается звания учителя начального училища. Г. Тотьма. Июня 1 дня 1897 года».

⁴ «Выпиской из трудового списка Туфанова Александра Васильевича» (15 мая 1938) (РО ИРЛИ, ф. 749) нотариально заверено, что А. В. Туфанов получил высшее образование в Петербургском Учительском институте (студенческое удостоверение от 3 сент. 1898 № 557). Канцелярией Попечителя С.-Петербургского Учебного округа (30 марта 1902) А. В. Туфанову было дозволено принять звание домашнего учителя с правом преподавания математики и русского языка.

⁵ В архиве Санкт-Петербургского университета отсутствуют сведения о зачислении А. В. Туфанова вольнослушателем в 1902 г. Прошение на имя ректора университета о «принятии в качестве стороннего слушателя на естественное отделение физико-математического факультета» было подано Туфановым 13 июля 1904 г. (Личное дело А. В. Туфанова // ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 15, ед. хр. 694, л. 1). На этом прошении стоит резолюция: «Отказать».

⁶ Согласно справке (10 сент. 1929) Ленинградского центрального исторического архива (РО ИРЛИ, ф. 749) и секретному уведомлению (29 мая 1910) канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 12114, л. 17—17 об.), А. В. Туфанов был арестован 20 дек. 1902 г. в С.-Петербурге, по обвинению в передаче В. Туфанову (отцу?) ряда нелегальных изданий, заключающих «дерзостное порицание установленного государственными законами образа правления», и привлекался к дознанию при Архангельском губернском жандармском управлении. На допросах А. В. Туфанов виновным себя не признал. По освобождении из-под ареста в начале 1903 г. он был подчинен, еще до разрешения дела, особому надзору полиции в С.-Петербурге. Дело было прекращено «по недостаточности улик».

⁷ При повторном аресте А. В. Туфанов содержался в одиночной тюрьме, откуда 6 апр. 1907 г. был переведен Пересыльную тюрьму (ЦГИА СПб, ф. 254, оп. 1, ед. хр. 12911, л. 402—404), а затем этапом отправлен в Новгород. Согласно справке (10 сент. 1929) Ленинградского центрального исторического архива (РО ИРЛИ, ф. 749), приговором Петербургской судебной палаты от 8 дек. 1907 г. А. В. Туфанов был осужден «к аресту в местах заключения для арестуемых по приговорам мировых судей на 2 месяца». Приговор был обращен к исполнению 15 янв. 1908 г. Согласно приговору, А. В. Туфанов был признан виновным в том, что «2 марта 1907 года в дер. Терпукове, Крестецкого уезда, устроил без надлежащего заявления полиции публичное собрание сельских учителей и крестьян».

⁸ В указанных номерах газеты «Сын отчества» отсутствуют материалы, подписанные А. В. Туфановым или какими-либо из его известных псевдонимов. Имеющиеся данные не позволяют подтвердить или опровергнуть сотрудничество Туфанова в этой газете. Возможно, оно носило анонимный или чисто технический характер.

⁹ В тексте стерто несколько слов. Стертый текст восстанавливается по неопубликованной автобиографии (1916): «В промежуток между арестами работал в соц-дем. органе: „Начало“, „Русская газета“» (РО ИРЛИ, ф. 749). Включенный сначала в автобиографию 1928 г., этот текст был затем удален, видимо, по идеологическим соображениям.

¹⁰ «Рабочая газета» выходила с 19 янв. 1906 г. В ней отсутствуют материалы, подписанные А. В. Туфановым или какими-либо из его известных псевдонимов. Не исключено, что сотрудничество Туфанова носило либо анонимный характер, либо прикрывалось псевдонимами, которые он не считал нужным раскрывать.

¹¹ В журнале «Образование» за 1909 г. А. Туфанову принадлежат рецензии на «Журнал Министерства народного просвещения» за 1908 г. (под псевд. Т-ф-ь: № 3. Март. С. 69—71) и книгу Елизаветы Шойен «Белая рабыня» (№ 3. Март. С. 78—80).

¹² В газете «Речь» были опубликованы две рецензии: *Туфанов А. 1*) <Рец. на кн.> В. Варта-нян. Л. Н. Толстой и Леонид Андреев (как идеологи трудящихся классов). Баку, 1909 // Речь. 1909. 10 (23) авг. № 217. С. 3; 2) <Рец. на кн.> Виктор Острогорский и Д. Д. Семенов. Русские педагогические деятели. М., 1909 // Речь. 1909. 21 сент. № 259. С. 3. Других рецензий, подписанных Туфановым или какими-либо его известными псевдонимами, в «Речи» за 1909 г. не обнаружено.

¹³ Все рецензии в газете «Современное слово» за 1909 г. печатались анонимно.

¹⁴ Секретарем редакции журнала «Обновление школы» А. В. Туфанов состоял до начала 1914 г. Согласно объявлениям, он принимал в конторе редакции (С-Петербург, Демидов пер., 4) по пятницам с 12 до 2 час. дня.

¹⁵ «Торгово-промышленная газета» издавалась в С.-Петербурге с 1893 по 1918 г. А. В. Туфанов работал в редакции периодических изданий Министерства финансов в должности корректора (январь 1912—июль 1918).

¹⁶ *Сойкин Петр Петрович* (1862—1938) — издатель. Издательство П. П. Сойкина, основанное в 1885 г., выпускало журналы «Природа и люди», «Книжный мир», «Сельский хозяин», «Знания для всех», «Мир приключений» и др. Издательство выпускало книги для юношества, сельскохозяйственную и научно-популярную литературу, собрания сочинений русских и зарубежных писателей. После Октябрьской революции издательство было национализировано. Возобновило свою деятельность в 1922 г., в 1930 г. — волилось в Лениздат.

¹⁷ В журнале «Обновление школы» опубликованы следующие статьи А. В. Туфанова:

— Обучение арифметике в пределе первого десятка // Обновление школы. 1911. Кн. 5. С. 34—53.

— Отчет о Первом Всероссийском съезде преподавателей математики // Обновление школы. 1912. Кн. 6. С. 49—55.

— (под псевд. А. В. Беломорский) Книга для классного чтения с педологической точки зрения // Обновление школы. 1912. Кн. 9—10. С. 92—128.

— (под псевд. А. В. Беломорский) И. А. Бунин. К 25-летию юбилею // Обновление школы. 1912. Кн. 14. С. 3—5.

— (под псевд. Т-в) Обучение грамоте по методу непосредственного чтения // Там же. С. 45—66.

— (под псевд. А. Туф-ъ) Хроника // Обновление школы. 1913. Кн. 15. С. 67—72.

— Библиография // Обновление школы. 1913. Кн. 16—17. С. 90—92.

— Методические заметки о преподавании арифметики и геометрии в первый год обучения восьмилетних детей // Обновление школы. 1913. Кн. 18—19. С. 77—102.

— <рец. на журн.> «Знания для всех» // Обновление школы. 1913. Кн. 20. С. 47—52.

— По поводу съезда по народному образованию в Петербурге // Там же. С. 61—63.

— Доклад на Первом всероссийском съезде по вопросам народного образования на тему «Нежелательный тип книги для классного чтения» // Обновление школы. 1914. Кн. 21. С. 47—64.

— <рец.> Рассказы для детей (Каррик, Чапыгин, Яхонтов и др.) // Обновление школы. 1915. Кн. 26. С. 98—103.

¹⁸ Ответственным редактором журнала «Обновление школы» А. В. Туфанов стал с книги 21, вышедшей в начале 1914 г. Согласно объявлениям: Ответственный редактор А. В. Туфанов принимает по пятницам от 12 до 2 час. дня. Демидов пер., 4 (в 1915 — ул. Шамшева 15в, кв. 16). В неопубликованной автобиографии (1916) А. В. Туфанов указывал, что стал ответственным редактором журнала «Обновление школы» с 1 января 1914 г. (РО ИРЛИ, ф. 749).

¹⁹ В журнале «Вершины» опубликовано стихотворение А. В. Туфанова «С юга» (Вершины. 1915. № 28. Июнь. С. 2).

²⁰ В журнале «Северный гуслир» А. В. Туфанов публиковал следующие статьи и стихи:

— Пер Гюнт и европейская война // Северный гуслир. 1915. № 2. 28 января. С. 6—7.

— В мирных окопах // Там же. С. 17—20.

— Мое мнение о задачах журнала // Северный гуслир. 1915. № 3. 7 февраля. С. 1—3.

— Обзор журналов-еженедельников // Там же. С. 9—12.

— По поводу статьи И. Лебединова «На грани» // Там же. С. 15—18.

— Я и ты в тених и он в маске // Там же. С. 19—28.

— О стихах // Там же. С. 43—48.

— Я и ты в тених и он в маске // Северный гуслир. 1915. № 4. 16 февраля. С. 17—26.

— Баллада о двух врагах // Там же. С. 37—38.

— Ныне отпускаем // Там же. С. 49—62.

— Символическое творчество и любовь // Северный гуслир. 1915. № 5. С. 13—20.

— Символическое творчество и любовь // Северный гуслир. 1915. № 6. 11 марта. С. 15—

20.

— О поэзии Игоря Северянина // Там же. С. 33—40.

— Вечер в студии Вс. Мейерхольда // Северный гуслир. 1915. № 7. 20 марта. С. 1—6.

— Озноб лепестков златоцветовых // Там же. С. 7—10.

— По поводу предстоящей постановки оперы Дебюсси — «Пелеас и Мелизанда» на сцене музыкальной драмы в Петрограде // Северный гуслир. 1915. № 8. 25 апр. С. 11—14.

— Песни листьев мимозных в дни смятенные // Там же. С. 21—26.

— Песни листьев мимозных в дни смятенные // Северный гуслир. 1915. № 9. С. 19—24.

— Идеиное хлябание в современной литературе // Там же. С. 33—34.

— Золотарфовы мелодии // Северный гуслир. 1915. № 10—11. С. 1—6.

— На пути к вечной юности // Там же. С. 35—38.

²¹ Каких-либо произведений А. В. Туфанова в «Таганрогском вестнике» за 1915 г., подписанных его фамилией или известным псевдонимом, не обнаружено. Два его стихотворения были опубликованы в следующем году:

— Туфаниана (Баллада) // Таганрогский вестник. 1916. 6 июля. № 175. С. 2.

— Цветы в имени // Таганрогский вестник. 1916. 3 авг. № 203. С. 2.

²² В «Сочинском листке» опубликовано одно стихотворение А. В. Туфанова «Песни золотарфиста на Черном море. 1. Сочи» (Сочинский листок. 1915. 25 июня. № 670. С. 2).

²³ А. В. Туфанов опубликовал в данном журнале следующие статьи, рецензии и стихотворения:

— <рец.> Журнал доктора Дапертутто. Любовь к трем апельсинам (О театре) кн. 4—7. Пг., 1915 // Жизнь для всех. 1916. № 10—11. Окт.—нояб. С. 597—599.

— О поэзии // Там же. С. 1242—1244.

— <рец.> Изгнанник. На пире земли. Рассказы и песни. Пг., 1916 // Там же. С. 1273—1274.

— Символическое творчество и любовь // Жизнь для всех. 1916. № 12. Дек. С. 1357—1368.

— (под псевд. Туф-ъ) «Красным гробам 23 марта» // Жизнь для всех. 1917. № 3. Март. С. 390.

— О поэзии // Жизнь для всех. 1917. № 5. Май. С. 624—626.

— «Радость» // Жизнь для всех. 1917. № 10—12. Окт.—дек. С. 914.

— <рец.> Н. Шульговский. Хрустальный отшельник: Вторая книга стихов // Жизнь для всех. 1918. № 1. Янв. С. 118—120.

— О жизни и поэзии // Жизнь для всех. 1918. № 2—3. Февр.—март. С. 185—196.

²⁴ *Поссе Владимир Александрович* (1864—1940) — публицист, общественный деятель, редактор-издатель. В конце 1890-х гг. придерживался социал-демократических убеждений, с 1905 г. — анархо-синдикалист, деятель кооперативного движения. В 1909—1918 гг. — редактор-издатель журнала «Жизнь для всех». В 1918 г. работал в Наркомземе, впоследствии занимался педагогической деятельностью.

²⁵ Работа А. В. Туфанова в журнале «Вольный плуг», по-видимому, не ограничивалась должностью секретаря редакции. По воспоминаниям Л. Гумилевского, «в „Вольном плуге“ как секретарь он (А. В. Туфанов. — *Публ.*) работал чудесно, составлял еженедельные обзоры событий» (*Гумилевский Л.* Судьба и жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 59). Помимо ряда анонимных материалов Туфанову принадлежат также заметки (под псевд. А. Т.):

— Всемирная война // Вольный плуг. 1918. № 5. 28 (15) февр. С. 2.

— Новый суд // Вольный плуг. 1918. № 6. 6 марта. С. 8.

— Вольная земельная община // Там же. С. 13.

Кроме того, не исключено, что ему принадлежит стихотворение «К трудящимся» (псевд. А. Ликуйский) (Вольный плуг. 1918. № 3. С. 11). Впоследствии на допросе в ОГПУ (1931) он утверждал, что был секретарем газеты «Вольный плуг», выходившей параллельно с одноименным журналом (Разгром ОБЭРИГУ. С. 188).

²⁶ В неопубликованной автобиографии (1916) (РО ИРЛИ, ф. 749) Туфанов указывал, что работал также секретарем редакции журнала «Сельский хозяин» и сотрудником журнала «Рудин». Кроме того, согласно «Трудовому списку», в 1918 г. он состоял секретарем редакции журнала «Прогрессивное садоводство и огородничество».

²⁷ А. В. Туфанов приехал в Галич из Сибири весной 1920 г. и прочел там ряд лекций. Подробнее см.: *Крусанов А. В.* Русский авангард 1907—1932: Исторический обзор. М., 2003. Т. 2, кн. 2. С. 95—98. Летом 1920 г. он ездил в Петроград, откуда привез в Галич для организации показательной трудовой школы 320 книг; впоследствии, находясь в Екатеринбурге (28 окт. 1920), был командирован в распоряжение Галичской биржи труда. Общеобразовательные курсы политпросветотдела Галичского отдела народного образования были открыты 22 нояб. 1920 г. (Изв. Галичского Уездного Исполкома. 1920. 21 нояб. № 211. С. 2). В Галиче он проработал с нояб. 1920 по сент. 1921 г.

²⁸ Сохранилось удостоверение: «Дано сие преподавателю школы 151 д<етского> дома Александру Васильевичу Туфанову в том, что он состоит на службе в названном учреждении» (21 июля 1922). В заявлении (12 сент. 1933) Туфанов упоминал, что это была семилетка на Полюстровской набережной.

²⁹ В издательстве «Прибой» Туфанов начал работать 10 апр. 1923 г. сначала ответственным секретарем, а затем заведующим корректорской (Трудовой список <А. В. Туфанова> // РО ИРЛИ, ф. 749).

³⁰ В дальнейшем А. В. Туфанов работал корректором в типографии «Печатный двор» (окт. 1928), ленинградском отделении государственного издательства (июль 1929), типографии «Красной газеты» (июль—авг. 1929), в Комитете по делам изобретений (окт.—дек. 1929), типографии им. Володарского (дек. 1929—январь 1931). В архиве Туфанова (РО ИРЛИ, ф. 749) сохранилась копия просьбы издательства АН СССР в секцию печатников Биржи труда (28 авг. 1929) о направлении «для временной работы на должности ученого корректора А. В. Туфанова». В 1929—1930 гг. Туфанов принимал участие в работах Этнографической Всеукраинской Академии наук. Впоследствии (1931) А. В. Туфанов работал в должности корректора ГИХЛА, где проработал до ареста 10 дек. 1931 г.

³¹ Книга зарегистрирована «Книжной летописью» 12—19 февр. 1914 г.

³² В «Книжной летописи» подобное издание не зарегистрировано. Вероятно, имеется в виду брошюра: *Туфанов А. В.* Отчет о лекциях А. И. Зачиняева в Москве и Петербурге. Калуга: тип. Калужского земства, 1912.

³³ *Туфанов А. В.* Ритмика и метрика частушек при напевном строе // Красный журнал для всех. 1923. № 7—8. С. 76—81 (републ.: *Туфанов А. В.* Ушкуйники. С. 128—142). Согласно авторскому примечанию, одноименный доклад был прочитан в заседании этнографического отделения Академии наук 20 апр. 1923 г.

³⁴ В библиографическом указателе «Русская устная словесность» (Л., 1924), составленном Н. Л. Бродским, Н. А. Гусевым и Н. П. Сидоровым, в разделах «Поэтика частушек» и «Как поется народная песня» даны ссылки на статьи А. В. Туфанова (составители указателя дали неточное название статей) «Метрика и ритмика народных частушек» (Изв. Архангельского Общества изучения русского севера. 1919. № 1—2) и «Метрика, ритмика и тематика частушек» (Красный журнал для всех. 1923. № 7—8).

³⁵ Книга А. В. Туфанова «К зауми. Фоническая музыка и функции согласных фонем» зарегистрирована «Книжной летописью» 1—15 январь 1924 г.

³⁶ Доклад А. В. Туфанова «Заумь, как седьмое и единственное искусство» состоялся в Кабинете художественной речи ГИИИ (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 28, л. 50). В архиве Туфанова (РО ИРЛИ, ф. 749) сохранилось удостоверение о том, что «в заседании Кабинета по изучению художественной речи при Гос. Институте истории искусства от 19 январь 1928 г. им прочитан доклад на тему: „Заумь, как седьмое и единственное искусство“».

³⁷ Статья опубликована в журнале «Обновление школы» (1912. Кн. 9—10. С. 92—128).

³⁸ Работа А. В. Туфанова «Психология детства и новая педагогика» печаталась в ряде номеров архангельской газ. «Голос северного учителя» с окт. 1918 по июнь 1919 г. Кроме того, Туфанов опубликовал в этой же газете несколько статей на иные педагогические темы.

³⁹ См. примеч. 18.

⁴⁰ *Туфанов А. В.* Метрика, ритмика и инструментализация народных частушек // Изв. Архангельского общества изучения русского севера. 1919. № 1—2 (републ.: Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 108—118).

⁴¹ *Туфанов А. В.* Освобождение жизни и искусства от литературы // Красный студент. 1923. № 7—8. С. 7—12 (републ.: *Туфанов А. В.* Ушкуйники. С. 152—168).

⁴² *Туфанов А. В.* Символическое творчество и любовь // Жизнь для всех. 1916. № 12. Дек. С. 1357—1368.

⁴³ *Туфанов А. В.* Символическое творчество и любовь // Северный гусяр. 1915. № 5. С. 13—20; № 6. С. 15—20.

⁴⁴ *Туфанов А. В.* О жизни и поэзии // Жизнь для всех. 1918. № 2—3. Февр.—март. С. 185—196 (републ.: *Туфанов А. В.* Ушкуйники. С. 113—127).

⁴⁵ См. примеч. 19.

⁴⁶ См. примеч. 20.

⁴⁷ См. примеч. 23.

⁴⁸ См. примеч. 21.

⁴⁹ См. примеч. 22.

⁵⁰ Сборник «На севере дальнем» издан в Архангельске в янв. 1919 г.

⁵¹ Речь идет о сборнике «Поэты наших дней: Антология» (М.: ВСП, 1924).

⁵² Речь идет о книге «Собрание стихотворений» (Л.: ЛО ВСП, 1926).

⁵³ См. примеч. 17.

⁵⁴ См. примеч. 20.

⁵⁵ См. примеч. 23.

⁵⁶ В журнале «Природа и люди» были опубликованы работы А. В. Туфанова:

— (под псевд. Туф-в) <Рец. на кн.> Е. Кикас (правильно: Э. Кикас) и М. Рейзенбук. Французский иллюстрированный словарь. Вып. I. Юрьев, 1915 // Природа и люди. 1916. № 12. 21 янв. С. III.

— <Рец. на кн.> Счастье и смысл жизни В. А. Поссе. Пг., 1916 // Природа и люди. 1916. № 14. 4 февр. С. III.

— <Рец.> Юридические советы, общедоступный юридический журнал под ред. прис. повер. А. Н. Кремлева // Природа и люди. 1916. № 47. 22 сент. С. III.

— (под псевд. Т.) <Ответ подписчику> // Там же.

— <Рец. на кн.> Учебник по теории музыки. Пг., 1916 // Природа и люди. 1917. № 15. 9 февр. С. III.

⁵⁷ Туфанов А. В. Ритмика и метрика частушек при напевном строе. С. 76—81.

⁵⁸ В журнале «Красный студент» опубликованы статьи А. В. Туфанова:

— Обзор художественной жизни: I. Выставка произведений художников за 1918—1923. 2. К постановке поэмы «Зангези» Велимира Хлебникова. 3. Дунканизм — как непосредственный лиризм нового человека // Красный студент. 1923. № 7—8. С. 28—33.

— Освобождение жизни и искусства от литературы // Там же. С. 7—13.

⁵⁹ Укажем на статьи и заметки А. В. Туфанова в «Вечерней копеечной газете»:

— По поводу предстоящей постановки памятника Вере Федоровне Комиссаржевской // Вечерняя копеечная газета. 1913. 15 (29) сент. № 1. С. 1—2.

— Письма к дальним // Вечерняя копеечная газета. 1913. 16 сент. № 2. С. 1.

— (под псевд. А. Беломорский) Новости в литературе // Там же. С. 2.

⁶⁰ Речь идет об издании: Уэллс Г. Д. Армагеддон: Рассказы / Перевод Ек. Леонтьевой, А. В. Туфанова, Д. П. Носовича, А. М. Карнаухова. Л.: «Мысль», 1924.

⁶¹ Уэллс Г. Д. Клад мистера Бришера. Каникулы мистера Ледбеттера: [Рассказы] / Перевод А. В. Туфанова. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925 (Общедоступная библиотека «Сеятель». Отд. художественной литературы [№ 3]).

⁶² Уэллс Г. Д. Клад мистера Бришера: Рассказы / Перевод с англ. Александра Туфанова. Л.: «Книжные новинки», тип. изд-ва «Прибой» им. Евг. Соколовой, 1927.

⁶³ Дойль А. К. Воспоминания о Шерлоке Холмсе / Перевод А. Туфанова; Ил. Р. Фитингофа (правильно: Г. Фитингофа). Л.: Изд-во «Красная газета», тип. им. Володарского, 1928.

⁶⁴ В книге А. В. Туфанова «Эолова арфа» (Пг., 1917) напечатаны переводы одного стихотворения и двух прозаических этюдов С. Малларме.

⁶⁵ В анкете (13 окт. 1928) А. В. Туфанов называет «Реченник» древнерусским словарем для писателей (ОР РНБ, ф. 103, ед. хр. 145). В фонде А. В. Туфанова (РО ИРЛИ, ф. 749) хранится статья «Цель издания „Реченника“ для писателей, поэтов, переводчиков и критиков».

⁶⁶ В фонде А. В. Туфанова (РО ИРЛИ, ф. 749) хранятся статья и доклад «Язык-каженик» (1926). Язык-каженик, согласно Туфанову, — язык искаженный, поврежденный, изуродованный.

⁶⁷ Доклад с подобным названием был прочитан А. В. Туфановым в ГИИИ (19 янв. 1928). Статья «Заумь как седьмое и единственное искусство» (26 янв. 1928) хранится в РО ИРЛИ (ф. 749).

⁶⁸ В письме к Б. Л. Пастернаку (1925) А. В. Туфанов сообщал: «Я закончил поэму „Домой — в Заволочье“ и работаю над другой о Марфе Борецкой» (Очеретянский А., Янечек Дж., Крейд В. Забытый авангард. Нью-Йорк; СПб., 1993. Кн. 2. С. 202). Согласно автобиографическим данным, поэма окончена в авг. 1925 г. Черновые автографы «Домой в Заволочье» (Поэма для сцены) хранятся в РО ИРЛИ (ф. 749).

⁶⁹ В РО ИРЛИ (ф. 749) хранятся черновики «Умильная повесть старца Зосимы о Марфе Борецкой» (1927—1928) и машинопись с правкой «Умильная повесть о Марфе Борецкой (на языке конца XV века)» (15 янв. 1929).

⁷⁰ В РО ИРЛИ (ф. 749) хранятся черновики: «Марфа Борецкая». Трагедия (окт. 1927), «Марфа Борецкая». Пьеса (29 дек. 1927), «Умильная повесть о Марфе-Посаднице» (15 янв.

1929), «Сценарий для оперы „Марфа-Посадница“» (1929), а также беловые автографы: «Марфа-Посадница. Трагедия новгородских словен — первых борцов с русским самодержавием» (1930), «Фрагменты из „Марфы Борецкой“» (1927—1929).

⁷¹ В анкете (13 окт. 1928) А. В. Туфанов называет «Ротники» заумной оперой (ОР РНБ, ф. 103, ед. хр. 145). Черновки «Ротники. Заумная опера без музыки» (1928) хранятся в РО ИРЛИ (ф. 749).

⁷² Палитра морфем хранится в РО ИРЛИ (ф. 749).

⁷³ Автограф либретто «Ванька-Ключник» с незначительной правкой хранится в РО ИРЛИ (ф. 749).

⁷⁴ Статья «Сергей Есенин» хранится в РО ИРЛИ (ф. 749).

⁷⁵ Беловой автограф поэмы «В Эолию к Аляйме» хранится в РО ИРЛИ (ф. 749).

⁷⁶ Беловой автограф поэмы «Казнь смерти» хранится в РО ИРЛИ (ф. 749) в папке собрания стихов 1917—1921 гг.

⁷⁷ Среди рукописей А. В. Туфанова в РО ИРЛИ (ф. 749) хранятся отдельные стихотворения, рукописные сборники стихотворений, черновик поэмы «Танцуйте танго перед алтарями всей души» (1915—1916), «Лагерные частушки» (1931—1933), «Никита из курной избы (Новелла в стихах)» (1934), «Сонетный венок великому творцу конституции Иосифу Сталину (Стихотворная fuga)» (май 1936), заумные опусы «Рота под радугой» (24 окт. 1927), «Заумные опусы. Ор. 4. Навий вечер» (конец 1920-х), «Материалы по гармонизации заумной речи», пьеса «Мечь. Видения правды психологической» (1910-е), либретто оперы «Великая Украина» (другие названия «Вернигоры», «Батько Сагайдак») (до янв. 1929), либретто музыкальной драмы «Девятый вал» (15 дек. 1929), пьеса «Уркина лица» (1933), трагедия «Мечислав» (1937). Имеются также прозаические произведения: роман «Анабазис Александра Туфанова» (не ранее 1930), повесть «Ныне отпускаеши» (1910-е), рассказы «Все прошло» (1910-е), «Последний антракт» (1910-е), «Над могилой в летнюю ночь» (1910-е), «На кресте» (1910-е), «Похороны» (1910-е), «Вторые сны» (1918), «Лагерный Мцыри» (1 сент. 1933), «Зеленая кузница» (1934). Кроме того, среди рукописей в РО ИРЛИ хранятся статьи А. В. Туфанова: «Остров Ээль и Аренсбург» (1913), «О театре» (1916—1918), «Театр будущего» (1916—1918), «Эолия (на день рождения Тургенева)» (1918), «Приветственное слово поэта Туфанова на вечер памяти Тургенева (1918)», «Доклад о Бодлере» (1918—1919), «Сценическое творчество и творческое я» (1918—1920), «Кавказская Ривьера» (начало 1920-х), «Велемир I Государства Времени» (1922—1923), «Простое о поэте Хлебникове» (1922—1923), речь для вечера памяти В. Хлебникова (1922—1923), «Поэзия становлян (к годовщине смерти Велемира Хлебникова)» (1923), «Ну, тащися, Сивка» (1924—1925), «Манифест Председателя Земного Шара Заумы» (1924—1925), «Реформа правописания» (не ранее 1924), «Стихотворное хрятанье» (27 нояб. 1924), доклад «Книга о зауми» (1924), «О левом фланге в поэзии» (1924—1925), отзыв о поэзии Игоря Маркова (1924—1925), «С Белого моря: Воспоминания» (5 февр. 1925), «О заумниках и иماجинистах» (1925), «Образ и заумь» (1925), «Стихи иماجинистов» (1925), «Заумь и Image» (1925?), «Image, заумь и частушка» (1925?), «Манифест № 1» (1925?), «Беспредметность в поэзии» (1925—1928), «Заумие как культура» (1925—1928?), «Сказки детям совсем не нужны!» (1928), «Каженик (Повесть, составленная из выдержек 12-ти писателей)» (2 февр. 1929), «Как переводить Шекспира?» (1934—1935), «Чему надо учиться у Шекспира и как переводить его на союзные языки?» (29 июня 1935), «О переводах Шекспира перед конференцией» (1935), «За культуру языка» (1935). Даты, указанные здесь в пределах года и шире, даны предположительно. Кроме того, есть работы, датировка которых пока затруднительна: «В чем притягательна сила искусства Isidor'ы Dupka» (б. г.), «За культурного студента» (б. г.), «Жизнь терминов (по Метерлинку)» (б. г.), «По музеям Севера» (б. г.) и др.

⁷⁸ Количество псевдонимов, использовавшихся в разное время А. В. Туфановым, было значительно больше. До революции он, в частности, использовал также псевдонимы: Т-в, А. Туф-ъ, Т-ф-ъ, А. Т.; в Архангельске (1918—1919): Александр Вольный, Иволгин, Брат офицера, А. Т-ъ, Т-ъ, Т., А., А. В., А. В-ъ, Т. А., S., S. N., А. Беломорцев. При изучении фонда Туфанова в РО ИРЛИ выявлены его псевдонимы: Vorbei и Василий Пшеничный. Не исключено, что этот список может быть расширен.

⁷⁹ Несмелов. <Рец. на кн.> Александр Туфанов. «К зауми» // Книгоноша. 1924. № 11 (42). 15 марта. С. 9.

⁸⁰ Номер журнала указан неверно. Речь идет о заметке: Заволокин П. Я. Первые шаги // Зорн. 1924. № 7. С. 9—10.

⁸¹ В. А. <Рец. на кн.> Ал. Туфанов «К зауни». Изд. автора. Петербург, 1923 // Накануне. Берлин. 1924. № 17 (534). 20 янв. Прил.: Литературная неделя. С. 7.

⁸² Какие-либо упоминания о Туфанове в данном номере «Красной газеты. Веч. вып.» (1924. № 22) отсутствуют. Видимо, Туфанов ошибся в годе и имел в виду рецензию на сборник «Поэты наших дней» (М., 1924): *Опарин И.* Поэтический мезальянс // Красная газета. Веч. вып. 1925. 27 янв. № 22. С. 5.

⁸³ *Аничков В.* Сапоги всмятку. Диспут «Новое и современное искусство» // Красная газета. Веч. вып. 1928. 27 марта. № 85. С. 3.

⁸⁴ *Блюменфельд В.* «Меланхолические бредни, меланхолический недуг» // Жизнь искусства. 1926. № 27. 6 июля. С. 4 (рец. на сб. «Собрание стихотворений» ЛО ВСП).

⁸⁵ В 1928 г. журнал «Ленинград» не издавался. Указанная коллективная фотография «Ленинградское отделение Всерос. союза поэтов» опубликована в журнале «Ленинград» за 1925 г. (№ 15. 1 мая. С. 11).

⁸⁶ <Фото> Группа ленинградских поэтов // Жизнь искусства. 1925. № 17. 26 апр. 1-я с. обл.

⁸⁷ Имеются в виду заметка: *Михайлов П.* Вермишель // Журнал журналов. 1915. № 18. С. 22 (о стихотворении Туфанова в журнале «Северный гуслир») и статья: *Левидов М.* Литературный дневник // Журнал журналов. 1917. № 8. С. 8—9 (с упоминанием Туфанова).

⁸⁸ *Зенкевич М.* <Рец. на кн.> Н. Асеев. Изморозь; Д. Петровский. Поедник; А. Чачиков. Чай-хане; В. Луговской. Сполохи; Т. Толстая. Треть души; А. Туфанов. Ушкуйники; Золотая зурна // Печать и революция. 1927. Кн. 3. С. 190—193.

⁸⁹ *Ник. Шев. А.* <Рец. на кн.> Александр Туфанов. «Ушкуйники». Левый фланг ЛО ВСП. Изд. автора. Л., 1927 // Ленинградская правда. 1927. 31 мая. № 122. С. 6.

⁹⁰ Речь идет о статье, посвященных журналу «Северный гуслир» с упоминанием А. В. Туфанова: *Н. С.* «Студенческий» журнал // Голос жизни. 1915. № 9. 25 февр. С. [10—11]; *К-н Н.* Современная молодежь // Голос жизни. 1915. № 16. 15 апр. С. [16]; *Крайний А.* <З. Н. Гиппиус> Зори ли? Грядущего ли? // Голос жизни. 1915. № 17. 22 апр. С. 9—10.

⁹¹ Имеется в виду полемика: *Орлова А. Н.* По поводу бредовой статейки «О поэзии» // Жизнь для всех. 1917. № 2. Февр. С. 249—252 (по поводу статьи А. В. Туфанова «О поэзии» // Жизнь для всех. 1916. № 10—11. Окт.—нояб. С. 1242—1244); *Туфанов А. В.* О. Поэзии // Жизнь для всех. 1917. № 5. Май. С. 624—626. Кроме того, А. В. Туфанов не упомянул об авторецензии: *Пшеничный В.* <А. В. Туфанов> <Рец. на кн.> А. Туфанов «Эолова арфа» // Жизнь для всех. 1918. № 4—6. Апр.—июнь. С. 455—456.

⁹² *Смелин М.* «Гуслир» // День. 1915. № 50. 21 февр. С. 3. Статья посвящена журналу «Северный гуслир», фамилия Туфанова в ней не упоминается.

⁹³ Прения по докладу А. В. Туфанова «Метрика, ритмика и инструментализация народных частушек» (9 февр. 1919) опубликованы: Изв. Архангельского общества изучения русского севера. 1919. № 3/4. С. 91—92.

⁹⁴ В связи с плохой сохранностью газет 1917 г. в библиотеках Москвы и Петербурга данный номер обнаружить не удалось. Ранее в той же газете была опубликована заметка о предстоящем выходе книги А. Туфанова «Эолова арфа»: <Б. н.> Новости литературы // Таганрогский вестник. 1916. 19 сент. № 245. С. 2. О пребывании А. В. Туфанова в авг. 1917 г. в Таганроге свидетельствует его стихотворение «Ночь в Таганроге», датированное 22 авг. 1917 г.

⁹⁵ О докладе А. В. Туфанова упоминается в заметке: <Б. н.> Политехническая конференция Северной области // Торгово-промышленная газета. 1918. 30 (17) мая. № 30. С. 4.

⁹⁶ Упоминаний о Туфанове в «Речи» за 1909 г. не обнаружено.

⁹⁷ В газете «Приазовский край» (Ростов-на-Дону. 1917. 23 авг. № 201) никаких заметок о Туфанове не опубликовано.

⁹⁸ О докладе А. В. Туфанова упомянуто в обзоре: <Б. н.> Первый Всероссийский съезд по вопросам народного образования // Школа и жизнь. 1914. № 4. 29 янв. С. 131. О журнале «Обновление школы», редактором которого был Туфанов: *Золотарев С.* Обзор педагогических журналов // Школа и жизнь. 1914. № 43. 30 окт. С. 1107—1112.

⁹⁹ *Шохор-Троцкий С.* <Рец. на кн.> Туфанов А. В. Практическое руководство к лабораторным занятиям в первый год обучения детей арифметике и геометрии. СПб.; Варшава, 1914 // Русская школа. 1916. № 9. Сент. [III отдел]. С. 17—19.

¹⁰⁰ *Мрочек В.* <Рец. на кн.> А. В. Туфанов. Практическое руководство к лабораторным занятиям в первый год обучения детей арифметике и геометрии. СПб.; Варшава, 1914 // Техническое и коммерческое образование. 1914. № 3. Март. С. 51—52.

¹⁰¹ В журнале «Народное образование» за 1911 г. никаких упоминаний об А. В. Туфанове не содержится. Есть лишь рецензия на журнал «Обновление школы», секретарем которого состоял А. В. Туфанов: *Н. Б.* <Рец.> Педагогический журнал Обновление школы. СПб., 1911. Кн. 1 и 2 // Народное образование. 1911. Дек. Т. 2, кн. 12. С. 656—657.

¹⁰² Опечатка в автобиографии. В черновой автобиографии А. В. Туфанов указывает рецензию в томе 2 кн. 12: *Н. Б.* Значение хрестоматий (Беломорский А. В. Книга для классного чтения с педагогической точки зрения. Педагогический журнал «Обновление школы». 1912 г., кн. 9—10) // Народное образование. 1912. Кн. 12. С. 539—542.

¹⁰³ *Г. П.* <Рец. на кн.> Туфанов А. В. Практическое руководство по арифметике и геометрии в первый год обучения // Народное образование. 1915. Июль—авг. Т. 2, кн. 7—8. С. 78.

¹⁰⁴ О докладе А. В. Туфанова «Нежелательный тип книги для чтения» упоминается в обзоре: К. Съезд по народному образованию // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Апр. С. 235. Была опубликована также рецензия: *Соллертинский В.* <Рец. на кн.> Туфанов А. В. Практическое руководство к лабораторным занятиям в первый год обучения детей арифметике и геометрии. СПб.; Варшава, 1914 // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Июнь. С. 245—247.

¹⁰⁵ *М. Н.* <Рец. на кн.> А. В. Туфанов. Практическое руководство к лабораторным занятиям в первый год обучения детей арифметике и геометрии. СПб., 1914 // Для народного учителя. 1914. № 11—12. Авг. С. 24—25.

¹⁰⁶ В указанном номере никаких упоминаний о Туфанове не содержится. Возможно, имелась в виду рецензия на журнал, секретарем которого состоял Туфанов: *И.* <Рец. на журн.> «Обновление школы». Педагогический журнал. Книга первая. СПб., 1911 // Природа и люди. 1912. № 23. 5 апр. С. 368.

¹⁰⁷ Членом Всероссийского союза писателей А. В. Туфанов состоял с 21 авг. 1923 г.

¹⁰⁸ В архиве Туфанова (РО ИРЛИ, ф. 749) сохранился членский билет Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов № 27, выданный А. В. Туфанову 12 нояб. 1927 г. и подписанный председателем Правления Н. Тихоновым и секретарем М. Фроманом.

¹⁰⁹ Жена А. В. Туфанова — Мария Валентиновна Туфанова (1888—1975). Работала учительницей (1908—1919), инструктором по статистике галичского отдела народного образования (1919—1922), машинисткой Уездного отдела народного образования (УОНО) (1922), зав. складом УОНО (1922—1923). После переезда в Петроград работала в больнице, затем преподавателем русского языка и литературы (Коробищенская средняя школа, Ефимовский район), училась на заочном отделении в Педагогическом институте им. Покровского, который окончила в апр. 1941 г. С 1943 г. — на пенсии. В анкете (13 окт. 1928) Туфанов указал родителей жены: Валентин Павлович Тахистов и Екатерина Ивановна Суворова (ОР РНБ, ф. 103, ед. хр. 145). Со своей будущей женой А. В. Туфанов познакомился в Галиче, где она работала в местном Отделе народного образования. После отъезда А. В. Туфанова в Петроград у них завязалась переписка, и уже 2 апр. 1922 г. А. В. Туфанов сделал М. В. Тахистой предложение. Вторично предложение приехать в Петроград и вступить с ним в брак было сделано А. В. Туфановым в письме от 23 июня 1923 г.

¹¹⁰ А. В. Туфанов сознательно умалчивает о таких фактах своей биографии, как

1) сотрудничество в белогвардейской прессе, ограничивая библиографию своих статей (1919) лишь научной тематикой. В действительности его журналистская и публицистическая деятельность была гораздо шире и носила ярко выраженный антибольшевистский характер (подробнее см. об этом: *Крусанов А. А.* В. Туфанов: архангельский период (1918—1919) // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 92—107);

2) сотрудничество в эмигрантских изданиях:

— Домой — в Заволочье // Наш огонек. Рига. 1925. № 8. С. 15.

— Взрывы // Наш огонек. Рига. 1925. № 9. С. 6.

— В. В. Васильеву-Гадалину. «Я поэт из новин Заволочья...» // Наш огонек. Рига. 1925. № 10. С. 14.

(Комментаторы благодарны В. Б. Кудрявцеву за библиографию произведений Туфанова в эмигрантских изданиях);

3) посылка своего доклада о зауми в Берлин А. Белому (1923); отсылка через И. Терентьева книги «К зауми» И. М. Зданевичу в Париж (1924); посылка книги «Ушкуйники» И. А. Бунина в Париж (1927);

4) попытка издать в Германии на немецком языке книгу «Беспредметный мир в поэзии» (письмо А. В. Туфанова К. С. Малевичу <черновой автограф, б. д.> // РО ИРЛИ, ф. 749; пе-

реписка с немецким издателем Г. Вальденом). Впоследствии в берлинском журнале «Der Sturm» был опубликован один из заумных опусов А. В. Туфанова (*Toufanoff A. Opus 27 // Der Sturm. Berlin. Dezember 1929—Januar 1930. Bd 20. № 4—5. S. 66*).

В Культурно-Просветит<ельскую> коллегияу Дома литераторов.
«На соискание премии Дома литераторов». Копия

Критическое исследование «ЗВУКОВАЯ ПОЭЗИЯ И ОСНОВЫ НОВОЙ ЭСТЕТИКИ»¹

Девиз: The people had shrunk into a nation of slaves*

I²

Пламенем двух революций объята душа современного человека.

В кровавые провалы аморализма, религиозного и эстетического безразличия падает человек, карабкается по кручам социальных экспериментов и испытывает головокружение, подойдя как будто к грани помешательства, где он чувствует себя растерянным и где вещи потеряли для него прежнюю устойчивость, реальность и прежний рельеф. Это одна реальность, внешняя.

Другая революция внутренняя, духовная; она тоже совершается на наших глазах, но незаметно для многих, хотя длится уже 30 лет;³ она — великая, и ее величие делает наше время чудесным и удивительным. Она направлена против того, что составляет самый дух традиционной философии, против интеллектуализма, против той философской доктрины, которая всегда утверждала, что всякая действительность познаваема и что доступна она лишь познавательной способности разума.

В пламени этой великой духовной революции создается философия, которая далеко заходит за пределы интеллектуального течения целой эпохи. Человек впервые открывает глаза на свою настоящую действительность и на реальность всего окружающего и замечает обманчивость своих вековых способов познания, стремится захватить, урвать у жизни путем непосредственного захвата ее сознанием ее животрепещущую тайну.

Я имею в виду философию Бергсона.

Истинное дыхание самой жизни, вечно трепещущую юность таит в себе новая философия, и [мы видим, что] душа человечества уже чувствует себя влажной от юных сил, приливающих к ней, и мир становится подлинно иным и по-новому прекрасным.⁴

Мир становится прекрасным, а еще прекраснее становится личность с ее пламенным устремлением к неудержимой свободе (несмотря на внеш-

* Народ измельчал до нации рабов (*англ.*).

ную революцию) и к разрушению всей вселенной в пространственном восприятии ее человеком.⁵

Духовная революция коснется не только философии, но и всей интеллектуальной деятельности человека, она обновит метафизику, психологию, теологию, реальные науки, педагогику, эстетику, искусство, поэзию,⁶ потому что разум капитулирует перед инстинктом, и все «незыблемые основы», благодаря великим открытиям в области теории познания, испытывают уже как бы подземные удары при землетрясении, и мы живем накануне переворота во всей духовной жизни человечества. На смену «незыблемым» основам идут подвижные основы новой эстетики и новой поэзии.

Чем было искусство до наших дней?

В нем была не вся душа поэта, а один ум. Оно молчало перед индивидуальным, схватывая не вещь в себе, а одни отношения. Дух привык видеть реальность сквозь завесу символов, сквозь сеть понятий, брошенных на вещи.⁷ Искусство было поэзией мыслей.

По выражению покойного А. А. Потебни (проф. Харьковского университета), поэзия «езде, ежечасно и ежеминутно, где говорят и думают» («Из записок по теории словесности», стр. 59),⁸ а его ученик, тоже пок<ойный> проф., Д. Н. Овсяннико-Куликовский искусство определял как «деятельность мысли, выражающаяся в создании образов» («Теория поэзии и прозы», 8 стр.).⁹ Если проследить развитие искусства от самой зари человечества до последних дней, то мы увидим, что оно, как и искусственные орудия, возникло у первобытного человека из чисто реальной потребности борьбы за существование; дикарь украшал рукоятку ножа линиями, изображениями цветов живописных, с целями заклинательными. После доэстетического творчества наступил период эстетич<еского> в эмбриональной форме, которая свойственна и до сих пор большинству, особенно в эпохи социальных потрясений, когда выдвигаются «государственные задания», агитация, пропаганда и пр<очие> требования полезности, наряду с эстетич<еским> удовольствием.

Рибо¹⁰ устанавливает еще 2 и 3 сферы в развитии искусства цивилизов<анных> периодов, но по ходу статьи мы опускаем их.¹¹ Для нас важно только отметить, что на протяжении сотен тысяч лет большинство людей требует индивидуальной и социальной пользы от искусства, и особенно ярко выступает это требование во время социальн<ых> потрясений. И когда началась в Европе в 1914 г. война, Пер Гюнт, т. е. творческое поэтическое Я умерло,¹² оно стало целиком статическим. Обречено быть статическим оно и во время всякой внешней революции.

Существует два различных Я, согласно положениям Бергсона,¹³ из которых одно представляет собою как бы внешнюю проекцию другого, его пространственное представление. [Первого] Динамического Я мы достигаем путем углубленного размышления, позволяющего нам схватить наши внутренние состояния, как живые и непрерывно развивающиеся существа, как не поддающиеся никакому измерению и взаимно проникающие друг друга состояния, последовательность которых в длительности не имеет ничего общего с рядоположенностью в однородном пространстве. Чтобы вернуться к этому основному Я, необходимо путем анализа отделить внут-

ренние и живые психические факты от их сначала преломленного, а затем окристаллизованного в однородном пространстве образа. Такие моменты, когда мы вновь приходим к самим себе, редки; человек редко бывает действительно свободен; он большею частью живет внешнею жизнью, вдали от самого себя, от своего Я, и замечает обыкновенно его обесцвеченный призрак, только тень, которую чистая длительность бросает в однородное пространство. Существование человека протекает больше в пространстве, нежели во времени; он живет для внешнего мира больше, чем для самого себя; он говорит больше, чем думает.¹⁴ Жизнь в обществе людей, с их членораздельною речью и разумом, «неспособным понять жизнь»¹⁵ (Бергсон), образует второе Я, которое покрывает первое; происходит замена Я динамического Я статическим.

Предположим, что мы знакомимся с придуманными и вылитыми в представления образами Лизы и Лаврецкого по Тургеневу, с героями Толстого, Достоевского, Гете, Шекспира, [Метерлинка] а также с героями [Нем<ировича>-Дан<ченко>, Амфи<театрова>] Максима Горького и др. Мы видим, что писатели нагромождают черты характеров героев одну за другою, превращают в вещи отдельные состояния их сознания, окристаллизовывают и придают переживаниям героев (теням истинного Я, живущего вовне) банальную, т. е. общую для всех в восприятии, форму. Все эти точки зрения и символы ставят динамическое Я читателя вне героев и передают ему только то, что есть у героя общего с другими людьми; это познание относительное.

А между тем абсолютное познание возможно только при интуиции, т. е. при том роде интеллектуального вчувствования, посредством которого мы проникаем вовнутрь предмета, чтобы слиться с тем, что в предмете есть единственного и, следовательно, невыразимого.¹⁶

Предположим, что читателем овладевает глубокая тихая печаль при восприятии смерти Ромео и Джульетты, темная ненависть к буржуазии при чтении «Матери» Горького, ревность Отелло — в этом живом потоке любви, в этом хаосе дикой ненависти и ревности он изолирует [как и первоб<ытный> дикарь,] разнообразные переживания и располагает их в пространстве, как и сами писатели. Человек привык к пространственному восприятию всего, и его переживания, разбитые на отдельные моменты, стали обесцвеченным и словесным клеймом. Пространство всегда было средой однородной; оно, как и время, лишено всякой субстанции.¹⁷ Время, по старой теории познания Канта, «ничто»; оно только форма, систематизирующая представления о нас самих, а пространство — форма, систематизирующая представления о переживаниях вовне.

А между тем, напр<имер>, любовь — это целый поток разнообразных переживаний, сливающихся, взаимно проникающих друг друга, без определенных очертаний, без малейшего стремления пространственно отделиться друг от друга, любовь — живое существо, развивающееся и непрерывно изменяющееся; ее моменты взаимно проникают друг друга, т. е. длительность не количественная (время по Канту), а качественная (время по Бергсону).

Но при умирающей теперь поэзии мыслей читатель и писатель привыкли развешивать эту качественную длительность в пространстве, привык-

ли разделять моменты и лишать чувство одушевленности и окраски. Человек превратил любовь в ее тень; переживания, изолированные из живого комплекса явлений и обозначенные при помощи слов, получили характер вещей, «запакованных корзин» [(выражение Куртэ<не>?)]. Человеку кажется, что он проанализировал свое чувство, а на самом деле он только подменил его рядоположенностью инертных, выражаемых словами состояний, из которых каждое представляет собой общий элемент, т. е. безличный осадок различных впечатлений, полученных всем обществом. Динамическое Я и общество — непримиримые враги.

То же происходит и в области идей. Идеи [героизма, самопожертвования.] коммунизма, социализма, политич<еские>, религиозн<ые> и пр. плавают на поверхности сознания, подобно павшим листьям в воду пруда. Все они неподвижные, внешние по отношению к нам, они получены в готовом виде или иссохли в одиночестве; их легко адекватно выразить в словах.¹⁸

А между тем идея, действительно мне принадлежащая, заполняет целиком все мое Я; она сливается со всей массой состояний сознания, и чем она ближе ко мне, тем ее труднее вынести вовне. Динамическое Я и общество — непримиримые враги. «Жизнь сознания, — говорит Бергсон, — представляется нам в двойном виде, в зависимости от того, рассматриваем ли мы ее непосредственно, или путем преломления ее в пространстве». Сами по себе глубокие состояния сознания представляют чистое качество, они сливаются между собою. В порождаемой ими длительности моменты не составляют численной множественности.¹⁹

Наши эмоции и идеи, благодаря условиям социальной жизни, превращаются в объекты, в вещи; они отделяются друг от друга, а также от нас самих и через призму слова, придающего им свою банальную окраску, являются в окристаллизованном виде, как бы в виде ящиков с клеймами.

Поэзия мыслей всех времен и представляет собою не что иное, как эти «запакованные корзины» с словесными клеймами. Такое относительно суровое определение вытекает из «подвижных» основ новой философии [Бергсона]. А так как утверждение этих основ совпадает с крахом интеллектуализма,²⁰ то необходимо вкратце остановиться еще на основных причинах его краха.

*²¹Мы знаем, что единственный способ, применяемый в философии, — разум, а единственный прием ее — абстракция, отличительное свойство которой отделение (отвлечение), и результатом «отвлечения» являются имена существительные, прилагат<ельные> и пр. ч<асти> речи; все слова языков образовались посредством абстракции, и, если бы человек не обладал способностью абстрагировать, не возникли бы и языки. Недаром Тэн²² в статьях «О разуме» говорил, что человеческий разум есть не что иное, как абстрагирующая машина. Главное условие абстракции — сравнение. Сравнение же требует множества предметов, двойственности. Это — первое условие. Второе условие: предметы должны иметь общий признак; общий признак тот, который меньше всего сам предмет, который устанавливает отношения между предметами. И наконец, 3) сравнение касается лишь количества, а не самого качества, которое само по себе невыразимо. Таким образом, вещь в себе разуму недоступна. Интеллектуализм уходил

при помощи абстракции от действительности к количеству и подобию, а при возвращении приходил к точке отправления, не узнав ничего нового.²³

Главная причина его краха в том, что Кант отделил время и пространство от их сущности, лишил их всякой субстанции и всякой реальности, чтобы сделать из них пустые формы нашего ума. «Если мы постараемся взять вещи в них самих, — говорит он в «Критике чистого разума», — то увидим, что время — ничто». Его «время» не настоящее, оно — протяжение, имеющее одно измерение бесконечной длины, вдоль которой мы расставляем наши состояния сознания, т. е. время Канта вид пространства, однородная среда.

А Бергсон прежде всего определяет, что состояние сознания не величина, а сила, что оно не количество, а качество, что оно не измеряемо, а лишь воспринимаемо. Оно совпадает с последовательностью состояний нашего сознания — при переживании. Сознание состоит из множества, которое не только существует, но и чередуется; душевные состояния следуют одно за другим, взаимно проникают друг в друга. Состояние нашего сознания не отделимы, не отличимы друг от друга, неисчислимы и не могут дать количества. Следовательно, реальное время — последовательное и качественное множество.²⁴

[В заключение 1-й главы скажем, что] Прежде чем от подвижных основ эстетики перейти к звуковой поэзии, следует остановиться на поэзии голого инстинкта (частушках) и на ее композиции.

II

Внешняя революция в России, «социалистическая», выдвинула идею так называемого «пролетарского искусства», представители которого играют и будут играть роль могильщиков «поэзии мыслей» и самих себя. На смену им, в силу естественной эволюции, идет искусство динамическое, искусство движения, становления и изменения, действительного времени, свободы и жизни, на смену поэзии мыслей идет звуковая, сонорирующая поэзия, имеющая родство по композиции с так называемыми частушками.

*Самое прекрасное время на Севере, в Архангельской губернии — первые числа июня, когда нет ночей и нет звезд и планет в чистой лазури, когда началом поэмы провожаешь зарю вечернюю, а концом встречаешь зарю утреннюю.

Крыльями колес где-то далеко-далеко хлопает пароход по застывшим тенями лесов на глади речной, по зеркалам Северной Двины. А она, эта речка, прекрасна в обесчеловеченные ночи севера, и чем-то таинственным веет от белого парохода, как белый лебедь, плывущего между островами тальниковыми.

Под «утором» к реке луг расстилается. А по лугу днем на десятки верст ползут тени облаков. Вдали за лугом река с подвижными «песками». Пески стынют и превращаются в тальники, и, когда в половодье их покрывает водою, стройные ивы трепещут во льдах, а еще больше трепещут крошечные, уцепившиеся за голые стволы ив.

Среди этой суровой прекрасной природы прекрасным веет от «своеволья» песен-частушек и от старинных причетов, с которыми ходят по свадьбам древние неграмотные старушки в своих старинных колпаках и сарафанах.

А частушки поют под «тальянку», на которой играют примитивно и как будто все одну мелодию, но мелодия непередаваема.

Вот передача ее вариаций, крайне несовершенная.²⁵

Она свободна. Свободны и слова частушек. Ряды музыкальных аналогий проникают друг друга, переплетаются и дают что-то единое, уносящее не в лазурь и не на землю, а [куда-то] в сторону, в голый инстинкт. Оторвавшись от [скучной] обедневшей и окровавленной земли, один из гулливой толпы около меня крикнул:

— Э-эх!

И тотчас же гармоника запереливалась в грустной однообразной мелодии, в «прелюдии». Звуки рассыпались, как прибойная волна, а при втором накате волны хор голого инстинкта выбрасывал ничтожные слова людские, но звуки этих слов и звуки гармоники преображали лица импровизаторов, и я чувствовал в себе прилив иного творческого экстаза, уже порвавшего со всей культурой:

Они пели:

Ванька в Питере бурлачил,
Пешим выбежал домой:
Говорит, что жил на даче
Он и летом и зимой...

— У-ух! — подхватил гармонист октавой выше последней ноты, и кто-то подвистнул:

Все б ходил он при манишке,
Да, вишь, брюхо подвело:
Парень жил всегда по книжке,
Стал похож на помело.

— У-ух! Свист. Замечание: вот тебе и Питер! Довольно, ребята: переходи к городским девкам:

— Э-эх!

Девки в городе годами
Басни слушают в садах,
Кавалеров ждут — с слезами,
На коленках и в ногах.

— У-ух! Не по-нашему!

Любят шляпки и браслеты,
Кашемир, а не любовь,
А гуляют все в корсетах
Только «керенки» готовы.

— У-ух! Здорово!

Изыясняясь в чувствах [нежных] жарких,
Говорят: я твой, твоя...
Словно керенки и марки,
Пой, тальяночка моя!

— У-ух! Свист. Затем пели они о своих дерев<енских> девках и наконец передали мне гармонику. Я стал играть ту же мелодию, а они петь нецензурное, мною оправдываемое. Частушка выше японской танки и выше любой гениальной мелодии Мендельсона, думал я:

«Мендельсон» — поникшие сорванные цветы в вазах европейской культуры; это нечто общее, вне пространственных форм, в поэзии мыслей.

Частушка — пена в горном потоке голого инстинкта, индивидуальное у каждого певца в поэзии поэзии.

Бетховен, Григ, Шопен, Дебюсси, Скрябин — дорогое вино, разлитое во внешнем мире, где плавают осенние льдины и пожелтевшие листья одряхлевшего человечества.

Частушка — вино вечно новое, молодое, пережитое и разыгранное, не придуманное, не отделимое от «тальянки».

Мещане обыкновенно боятся частушек: боятся, как бы чего не вышло. Частушка полна взрывной динамики, а мелодии Грига и Бетховена полны статики.

[«<Из?> красоты нар<одных> частушек» (выдержки из статьи)]

.....
.....²⁶
.....

Таково первое общее впечатление от частушек, импровизированных, не отшлифованных при пении певцами, совместно с поэтом.

Частушка — [это] строфа из 4 четырехстопных хореических стихов, слагаемых и распеваемых под гармонику, при чем, благодаря привнесению других размеров (анапеста и пэона 3-го вида), метр зачастую превращается в воздушный легкий ритм.

Не хотел сегодня плакать,
Слезы сами катятся,
Не хотел идти в солдаты,
Все ребята лаются.

(Частушка записана мною в Арх<ангельской> и Костр<омской> губ<ерниях> в 1919—1921 гг.)

Но очень часто метрич<еская> схема заполняется паузами при пении и игре на гармонике, тогда стихи меняют присущий им размер:

Мама, спи, мама, спи,
Я тебя укутаю,
За рекой гармонь играет,
Я пойду послушаю.

(Холм<огорский> у<езд>, Арх<ангельская> губ<ерния>)

Здесь 2 и 4 хореи — усеченные, или, применительно к древнегреч<еской> поэзии, здесь 2 усеченных хореических диподии, дающие два <амфимакра> (- ∪ -).

Иногда среди хореических попадаются стихи ямбические:

Болят ретивое сердечко:
Мой миленок на войне,
Он и пули не боится,
А все думает о мне.

(Шенк<урский> у<езд>, Арх<ангельская> губ<ерния>)

Оставляя пока вопрос о композ<иции> частушек, [скажем несколько слов об их содержании].

*Здесь нельзя еще не упомянуть о сходстве частушек с японскими танка в японской поэзии, коротенькими стихотворениями в 31 слог, получившими расцвет в 8-м веке, называемом золотым веком японской поэзии. Сходство японских танка с нашими частушками в том, что японские поэты умышленно удерживались от пользования единственной известной им литературы китайской. Они воспевали звук журчащего ручья, эхо на вершинах гор, скачок форели в горном потоке, рев оленей осенью, красный цвет кленов, пенье птиц, жужжанье насекомых, молодые побеги папоротника, тоскливый крик кукушки, луну, цветы, дождь, ветер, тучи, даже кваканье лягушки.²⁷

В наших частушках нет связи ни с каким прошлым, в них тоже есть тоска по дому, эротические и элегические темы и воспевание природы. В частушке 28—32 слога.

О «смысле» частушек писали очень много и обращали на него исключительное внимание, совершенно игнорируя частушки, «смысл которых понять трудно».²⁸ Нас же интересовали только последние, как наиболее совершенные по композиции.

Обыкновенно в стихотворной речи замечали только рифмы и думали, что в рифмах все благозвучие. [Однако] Новейшие исследователи [помимо этого центральных созвучий] стали обращать внимание и на общую композицию, на всю совокупность звукового материала. Проф<ессор> Веселовский²⁹ в статье «Психологич<еский> параллелизм» пишет, что «язык народной поэзии наполнился иероглифами, понятными не столько образно, сколько музыкально, не столько представляющими, сколько настраивающими; их надо помнить, чтобы разобраться в смысле». Веселовский находит, что образ эволюционирует в поэзии к созвучию.³⁰ Записывая новейшие частушки, я очень часто получал те же выводы. Приведу теперь наиболее характерн<ые> с комментариями:

Пули медные летали
Мимо самого меня.
Верю: дралина^а молитва
Тихо дó Бога дошла.

(Шенк<урский> у<езд>, Арх<ангельская> губ<ерния>)

^а Дралями и прихехе в Арх<ангельской> губ<ернии> наз<ывают> возлюбленных.

Здесь нет рифм, но очень богатая общая композиция. 1-й и 3-й стихи соединены повтором Л и Т. Во 2-м стихе все слова аллитерированы звуком М. В 3-м стихе аллитерации Р и Л попарно связывают три слова. В 4-м — «дó Бога», при перенесении ударения на предлог «до», Т передается с сильным придыханием, образуя аллитерации с словом «тихо», а слова «дó Бога» звуком Д аллитерир<уется> с словом «дошла». Первый стих имеет звук М, аллитерируемый с тремя М во 2-м стихе, а концы его имеют аллитерации Л (пули летали):

1) Голова моя не дура,
Что-нибудь да делает;
Поставлю ветки о дорогу.
Пускай германец бегаёт.

2) Мы, колежемки, кофты носим,
Но неделю есть не просим,
Скоро юбочки сошьём
Тогда в Германию пойдём.

(Кемск<ий> у<езд> Арх<ангельская> губ<ерния>)

Здесь имеем образ заторможенного ритма, что, в связи с скрытым смыслом, затрудняет воспринимательный процесс и делает ритм художественным. Для частушек очень характерно то, что в их инструментовке мы находим сложное единство материала слов, подчиненных закону заторможения воспринимательного процесса.

*вставка 4 отдельно³¹

Применим ритмико-динамическую схему к народным частушкам и выпишем преобладающие плавные по слогам:

Мой-от милый окосел:
Не к той барышне подсел
Я не долго думала:
Ему в рожу дунула.

(Арх<ангельская> губ<ерния>)

--- л --- л
--- р --- л
--- л --- л
--- р --- л

При произнесении звука Р во 2-й строке (4-й слог) он придет в соприкосновение с воспоминанием о звуке Л в том же слоге 1-й строки, и они воссоединятся в одно цельное звуковое явление.

«Звуки падают друг на друга, нанизываясь на нить памяти ритмической впечатлительности, как косточки четок». Наше ухо бессознательно удержит и выделит 2 ряда повторных звуков частушки, 2-строфных сонорирующих аккорда.

Обращаясь от сонир<ующих> аккордов к сочетанию звуков в словах, мы увидим, что после слова, кончающегося на гласный звук, следующий

начинается с согласного (и наоборот). Это правило, как и в искусственной поэзии, применяется как регулирующее и дисциплинирующее технику.

При сочетании согласных принимается во внимание долгота и краткость звуковых созвучий и преобладание носовых и плавных:

Девки пели песенки,
Я упала с лесенки,
Со второй ступенечки,
Жалко прихехенечки.

(Арх<ангельская> губ<ерния>)

В частушках находим и художественные повторы красивых созвучий:

Не ходите, девки, в лес,
Не ешьте голубели,
Вам придется полюбить
Солдатика в шинели.

Голубели — шинели — рифма, а 2-я и 3-я строки связаны повтором *ЛБ*. Исследуя формальное звукосочетание, мы находим: «Милый уплыл на плоту» — сопоставление созвучных слов рядом.

Только я да маленький — *ЛК*: основа в начале, повтор в конце той же строки (кольцо).

Неужели куст повянет
Травушка шелковая.

Повянет — травушка: *ВТ — ТВ* основа в конце строки, повтор в начале следующей (стык).

Побежала за отцом,
Простояла с молодцом.

ПЛ — основа в начале строки, повтор в конце следующей сохран<ается>:

Не <ешьте> голубели,
Вам придется полюбить.

ЛБ: основа в конце строчек, повтор в конце следующей (концовка).

В этом же примере *голубели — полюбить* *Л*-аллитерация (созвучность нажимных согласных).

Милый уплыл на плоту.
Сказал: на фартук привезу!

Плоту — привезу: ассонанс *У* (созвучность ударяем<ых> гласных).

Что касается рифм, то в частушках мы замечаем, с одной стороны, чересчур новые, благодаря фону тонирующих аккордов гармоник, заглушающему сонорные звуки *тулуп — рубль (рунь)*, *обоюдно — не удили*, *леском — колет*, *дура есть — повесила*, а с другой стороны, обилие глагольных рифм. Так как достоинством рифмы является соединение созвучных по внешности, но различных по содержанию и форме слов, то такие рифмы малоценны, и обилие их в частушках следует объяснить тем, что

создатели частушек, опираясь на мелодию, наигрываемую на гармонике, игнорируют звуковой элемент концев<ого> созвуч<ия>, ненужный при тонирующих аккордах, как это было при древнем метрическом построении.

Из произведенных анализов над 450 [собранными] песнями (1800 стихами), частушками, собранными в Арх<ангельской>, Олон<ецкой>, Волог<одской>, Костр<омской> губ<ерниях> и в Сибири (в Ободорском крае) за 1918—1921 гг., я позволю себе сделать заключение, что в народной импровизированной поэзии поэтический образ вырождается в созвучие, общая композиция в ней ставится выше частных случаев проявления евфонических законов и что путь народной поэзии — в устремлении к кратоте созвучий, независимости от отмирающего содержания.

Перехожу к 3-й части своей работы — о звуковой, сонорирующей поэзии.

III

Было время, когда Пер Гюнт, как [символический] мифологический Дух Божий, носился «над водами» и «видел, что земля была неустроена и пуста».

Он был ветром в седые и юные времена и горным потоком; он был — весь движение, становление. Он был — сама жизнь, без человеческого разума, был голым инстинктом, и, когда человек-дикарь высек из камня первый топор, Пер Гюнт в душе дикаря учил его произнесению первых согласных звуков.

Вввв..... Произносил дикарь и передавал свое ощущение кругового движения (вихрь вить, волна, враг).

Сссс..... Произносил он и передавал ощущение движения бесчисленных точек, исходящие из одной (солнце, семья, семя, сиять).

Ллл.... Произносил он и передавал ощущение движения по черте, переходящее в движение, ему поперечное, его пересекающее по площади (лей, лодка, люблю, плеск, молния, плыть).³²

Рррр..... Произносил он и передавал ощущение движения по площади, переходящее в движение, его пересекающее по линии (гром, смерть, мор⁶).³³

Рев морского прибоя, удары грома, птичий гам, ропот лесной чащи, шум песни ниспадающего дождя и града — все эти комплексы сонорирующих звуков³⁴ стремилось передать слово при своем зарождении.

В последние времена первобытного человечества рождалась поэзия как прием видения и делания вещей в восприятии, но человеческий ум после первого топора повел ее по Великой Кривой, с которой <сражался> Пер Гюнт у Ибсена, в своей юности, и постепенно, в течение сотен тысяч лет, увел ее к схватыванию отношений между вещам, превратив ее в поэзию внешней оболочки души.

Однако согласно общим законам развития человек<еского> Духа, [уже намечается синтез возврат, как мы видели, напр<имер>, уже на частушках] наблюдается переход от поэзии мыслей к иной поэзии, где образ эволюционирует к созвучию, таков синтез закона «триады». Искусственную же поэзию выводит на этот путь духовная революция, с ее новой теорией по-

⁶ Русские слова приведены, разумеется, как аналогии.

знания и новой эстетикой. В новой искусственной поэзии, как и в частушках, еще [нет] мало случаев непосредственного перехода к чистой звуковой поэзии, поэзии будущего, но есть переходная форма — поэзия на языке заторможенном и поэзия, смысл которой, как писали прежние исследователи частушек, «понять трудно», а также поэзия, где <применен> прием «остранения» (согласно определению Шкловского).³⁵

Но это уже огромный сдвиг. Возьмем образцы такой поэзии и исследуем все его значения [этого сдвига]:

Не выли трубы набат о гибели:
 «Товарищи милые, милые вы были».
 Ах, вашей власти вне не я —
 Поет жестокий узор уравниения.
 Народы бросились покорно,
 Как Польша в плывь, в мои обители,
 Ведь я люблю на крыльях ворона
 Глаза Красивого Спасителя!
 За не я спрятан
 За ним, за ним! Туда, где нем он!
 На тот зеленый луг, за Неман!
 За Неман свинцовый и серый!
 За Неман, за Неман, кто верует!

(Стихи Велем<ира> Хлебникова)³⁶

Прежде всего тот, кто учился по Потебне и Овсяннико-Куликовскому, здесь не найдет «образного мышления». Ритмом стихов и сонорирующими аккордами нажимных согласных поэт создает первозданные отвлеченности, затормозив воспринимательный процесс слушателя, скоплением согласных, соответствующих этим отвлеченностям, вводит в делание самих вещей, а не отношений.

Запишем те же стихи Хлебникова по аккордам нажимных согласных.³⁷

- в - р - - б - г - -
 - в - - м - - м - - в -
 - в - в - в н -
 - - т - - з - в н -
 - р - б - - - р -
 - п - р - - - б - -
 - - - л - р - в р
 - з - с - в - с - -
 - н - р -
 - п - н - - - н -
 - - л н л - н -
 - н - - ц - - с -
 - н - - н - - в -

Первая строфа в 4 аккордах В дает ощущение кругового движения «не Я» (статического), прикованного к неподвижной точке — обществу, которое создает «жестокий узор уравниения» власти статическому Я, лишая его действительной свободы. Эти аккорды «жестокости узора уравниения» глушат движение в себе (М, Н) и даже вызывают остановку этого движения (Т).³⁸

2-я строфа смешанными аккордами, в которых преобладает звук Р, дает ощущение движения народов, переходящего в движение по линии к «оби-

телям поэта» — «на крыльях ворона», с любовью поэта к глазам красивого спасителя (так. — Т. Д.). Поэт научит разрыву с обществом и сообщит душам людей движение солнечных радостей в бесконечность и бесцельность (С).³⁹

В 3-й строфе преобладает Н. Аккорд Н вызывает ощущение движения «в себе», ощущение замкнутого, заглушенного «красивого спасителя». Движение за спасителем, «за ним», спрятано «за не я» погибших героев [европейской войны]. Он — нем в кровавой бойне; свинцовый и серый Неман течет в душе людей, которую иногда пронизывает светящееся движение в одном направлении [Ц (тс) и С],⁴⁰ завершаясь все-таки движением вокруг неподвижной точки (В) застывшего в отношениях между вещами общества.

Таким, приблизительно, должно быть восприятие стихов Хлебникова [каждым вортицистом, с точки зрения которого я подхожу к поставленной теме].

Пронизывая пространства вихрем (vortex), мы не помним прошлого и не глядим в будущее.⁴¹ Прошлое и будущее созданы культурой, а в новом искусстве будет бегство от нее к недумающей природе, в прекрасную мгновенность, в Эолию — страну вечной подвижности живого творческого Я.

Когда-то Фауст произнес: «Остановись, мгновенье! ты мне дорого». Вортицист ни одного мига не выделит такими словами, ибо они все прекрасны с тех пор, как новый поэт вступил на путь *разрушения всей вселенной в пространственном восприятии ее человеком*. А звуковая поэзия, поэзия поэзии, неизбежно приведет к подобному разрушению [и духовную революцию превратит в «Великую»] Благодаря [основному закону новой эстетики] закону заторможения восприимательного⁴² процесса человек перестанет «узнавать» [отношения между вещами], а научится видеть и делать вещи в восприятии; его познания будут [иными] абсолютными, как у [осы, знающей, куда ужалить червяка] перепончатокрылого парализатора, поражающего свою жертву, но не убивающего; как у жесткокрылого жука ситариса, кладущего при выходе <из> подземных галерей пчелы-антофоры яички, из которых выходят личинки, принимающие участие в свадебном полете антофоры, плавающие потом в меду и превращающиеся в куколку и зрелое насекомое.⁴³ Человек разрушит вселенную, как она дана ему при обманчивых вековых способах познания, и чрез разрушение, которое несет звуковая поэзия и новое искусство, «мир новый обрящет», воспринятый в 4-м измерении. Человек уже чувствует гибель всей культуры и словами другого поэта, Божидара, говорит:

В озерах забвения — прохладном хрустале
Купаюсь,
Забывая прежнее.
И высокомерие взрослого меркнет в стекле
Озер. Неизбежнее
Возрождаюсь
Благоговейно молящимся мальчиком Земле.

(из «Пиры уединения»)⁴⁴

Человек возрождается благоговейно молящимся мальчиком, т. е. с душой, которая быстро пробегает каменный, бронзовый и пр. века, согласно филогенетическому порядку развития человека, и неизвестно каким новым веером развернется [во время Духовной Революции] в новые дни.

Обращаюсь теперь к подлинно-звуковой поэзии, так называемой *заумной*, образцов которой нет еще в частушках, но <образцы которой> имеются в <русской литературе> лирике.

1) Бобзоби пелись губы
Взоими пелись взоры (Хлебников).

2) Дыр бул шыл
Убещур (Крученых).

3) Это-ли. Нет-ли.
Хвои шуют-шуют
Анна — Мария, Лиза — нет.

Это-ли. Озеро-ли.

Луелла, холла, лала-чу

Лиза, лолла, лулла ли,

Хвои шуют-шуют.

Ги-и, Ги — и — у — у.

Лес-ли, — озеро-ли.

Это-ли.

Эй, Анна, Мария, Лиза

Хей-тара.

Хере-дере-дере...Ху.

Холе-кулэ-нээ

Озеро-ли. Лес-ли.

Тио-и

ви-и...у

(Гуро. Трое)⁴⁵

В 1913 г. А. Крученых писал: «Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален) и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным.

Художник увидел мир по-новому, и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово „лилия“, захватанное и „изнасилованное“. Поэтому Я называю лилию „еуы“, и первоначальная чистота восстановлена».⁴⁶

С тех пор прошло 8 лет. При современных, ненормальных для творчества, условиях трудно следить в литературе за развитием какого-либо направления: Крученых и Асеев на Дальнем Востоке,⁴⁷ Хлебников — даже неизвестно где.⁴⁸ У нас нет целиком материала для суждения о дальнейшем развитии звуковой поэзии. Только случайно попались нам заумные стихи 1919 г. в Сибири. Приводим одно стихотворение:

Ulípkaṃ fsech el'en

L'ilbi l'umí ačovej

Olazuren plamenej

Solnoglason'ki l'il'but

Plameneja l'ul'nebu

Ech plil'zofju plil' samzoch
Tselujvejlujpejlujoch

Mail'il' volsdoš bul'kapbul'
Plamduš lunnit vejlazuf
Soloň zl'enu osil'kriľ
Šurčen' l'ul'vej gorvsvejriľ

Ach l'ul'vej vsvej vsolon'sin'
L'umaj l'il'grej dinnočgin'

[(А. Туфанов)]⁴⁹

Прежде всего характерно, что эти заумные стихи написаны размером частушек (хореические) и переданы в латинской транскрипции, предлагаемой проф<ессором> И. А. Бодуэном-де-Куртенэ (см. § 91 в книге «Об отношении русского письма к русскому языку»)⁵⁰

Стихи построены на аккордах Л. Если исключить смешанные аккорды, не дающие определенных ощущений, то стихи передаются следующими аккордами:

l-l---
-l--l-
--l--l
l---l-

-l--l--
-l-l-l-

-l--l-l
--l--l-
-ll--l-
--l----

-l---l-
l-l----

Только в названии стихов даны слова понятные: «улыбкам всех Елен», а в самом стихотворении-частушках все «имена новые».

Звуки Л и Р ведут к взаимному проникновению двух движений, одно другое пересекающих и имеющих два разных полюса отправления — линию и поверхность. Для пояснения можно взять следующие звуковые сочетания (на языке заторможенном):

«Грезы расплывчаты, рассыпаются по берегу жизни, как прибой. Они влекут человека в голубую тюрьму, с луной в лазури (*переход движения по поверхности в движение по линии*) и загораются Сириусом, Венерой или Альтаиром, и из <натиши?> иного надморья, из волнового движения вширь и вглубь, грезы устремляются на землю лучами солнца и ласкаются с волной, плещущей около тени лесной зелени или рассыпающейся по зеленому лугу (*движение по линии*)».

Вот это ощущение движения лучей Солнца, Сириуса, Альтаира по линиям на землю к «улыбкам всех Елен»⁵¹ и сообщают приведенные стихи.

Пристальное взглядывание в сочетания отдельных звуков поможет нам подвести их и под «людской» смысл.

«Солонь Злену осилькрыл». Несомненно, солонь — солнце, злену — луч, осилькрыл = о + силь + крыл = о + (ва)силь(ки) + крыл(ья), т. е. солнце окрылило надеждой (зеленый цвет) луч, и он зацвел васильками. Тут интересен самый процесс разрушения слов и создания «новых»: лучу дано название более общее «злен<а>», солонь — древнерусское; осилькрыл — глагольная форма из предлога о + силь (часть слова *васильки*) + крыл (от *крылья*). По-видимому, при процессе творчества у заумных поэтов вначале бывает внутреннее видение сонлирующих аккордов, соответствующих новым отвлеченностям, и затем уже происходит соединение звуков в группы, соответствующие словам старой поэзии, разрушенным, подобно тому, как в поэзии мыслей [но при знании многих поэтов] бывает внутреннее видение тонирующих аккордов какой-нибудь избитой мелодии, которая вызывает метрико-ритмическую схему стиха, а эта схема уже заполняется банальностью, в виде словесных ярлыков к отношениям между вещами.

В 1919 г. в ноябре месяце на одном из вечеров [поэтов] в г. Томске [познакомил слушателей с динамической поэмой] была прочтена поэма «Казнь Смерти», в которой поэт выступил с разрушением пространственного восприятия смерти человеком. [Считаю необходимым остановиться на этом произведении.]

В поэме 7 «динамо-песен». В I 208 Н, 154 Л, 118 Р и 124 М, во II — 51 Н, 46 Л, 30 Р и 33 М; в III — 16 Н, 12 Л, 15 Р и 10 М; в IV — 43 Н, 36 Л, 22 Р и 18 М; в V — 48 Н, 46 Л, 38 Р и 32 М; в VI — 29 Н, 20 Л, 19 Р и 18 М; в VII — 25 Н, 22 Л, 8 Р и 15 М.

Всего в поэме: 420 Н и 336 л; 250 П и 250 М.

Отношение Н к Л = $420 : 336 = 5/4$, т. е. 5 Н : 4 Л.

Отношение Р к М = $250 : 250 = 1$.

Так просты числовые законы звуковых аккордов, на которых построена поэма.

Итак, вся поэма вызывает ощущения, ассоциируемые с звуками Н, Л, Р и М. По этим звукам и числовым отношениям до прочтения самой поэмы можно передать все содержание.

Л — светлое, ласковое движение по линии, переходящее в движение по [площади] поверхн<ости>, его пересекающее,⁵² ему противоположное, темное, грозное и взрывное (в звук Р), передающее движение по [площади] поверхн<ости>, переходящее в движение по линии, его пересекающее и ему противоположное (в звуке Л).

В М — первые шорохи движения «в себя», в Н — последующие. В М — рождение первого звука у глухонемого, скомканный звук онемевшего Спасителя на Кресте Смерти, переход в безмолвие в латинском ато и английском *amatoru*, мертвые шумы зимы и смутные шорохи дум в тюрьме у одиночно-заключенного, когда он один, с своею тенью на стене, бродит, исполненный ненависти (Н).

В Н — ощущение онемевшего духа разрушения, одинокого при круговом движении вокруг застывшей вселенной с ее миром идей и эмоций.

н н н в в н н н в н

в в н н н в в н н

н н н в в н н н

н н в в н н н в н

н в в н н н н н

н н в в в в в н

н в в в н н н в

н н в в

н

(«И Демон видел на мгновенье...» — из Лермонтова)

В М и Н — движение, замороженное пространственным восприятием, но в нем и подземные удары вулкана, взрывного и пенного.

А в Л и Р два встречных движения, вечная подвижность двух сливающихся потоков, слияние двух движений и взаимное же проникновение.

В этих положениях можно убедиться, если сосредоточить внимание на словах, затормозив восприимчивый процесс: любить (love, lieben), лютик, лиана, лилея, лазурь, луна, лес, лодка, лен, ил, локон, поцелуй, томление, гул, лед, лиловый, полет, Эол, луч, колокол, зеленый. Гром (Donner, Thunder, Jonnette), буря, ураган, рев, ропот, вихри, грозы, горы, [барaban], крылья, прибой, трепет, страх, брызги и пр.

В комментариях к поэме поэт говорил: «Жизнь Духа выходит за пределы жизни мозга,⁵³ и загробный мир есть. В ночь с 22 на 23 февраля 1919 г. я проснулся от страшного потрясения „там внутри“ и увидел окровавленное лицо брата. Отвернул электрич<ескую> лампу и в полусне [стал писать, а потом вновь уснул] писал опять, а утром лежала [на столе] поэма в 322 стиха „Казнь Смерти“. Через сотни верст Дух брата, [английского офицера,] убитого в эти часы и лежавшего в снегу, поднял меня и толкнул на казнь самой смерти...».

Слушая поэта, толкнувшего нас к «иному» восприятию, мы ощущаем два основных движения: 1) движение по линии (Л) и 2) рокошующее, как подземный вулкан, движение «там внутри» ([М] Н).

Особенно интересна в поэме I песнь: в ней 208 Н и 154 Л, 118 Р и 124 М. Поэт живет на острове, безумствующий в мире замороженных пространственных представлений; в его «странном доме» с ним живет кукушка, связанная с ним «одним бескрыльем». Спасает их «заклинание», по которому являются [«]олени[»], и самоед везет их «из ада» в «новый ад», «не по вехам, а по бездорожью: беспутство дороже». Еще дорогой поэт дает пощечину смерти и сжигает «гробик, сколоченный для ребенка». Самоед поет песни об олене и находит, что жизнь оленя куда лучше жизни культурного человека. Заканчивается песня «заклинанием» при приближении «к царству теней».

Слушая 1-ю песню, мы чувствовали, как согласные звуки своим волшебством будили в нас изначальное движение, передававшееся звуком Л, по линии, к мести, а сам поэт чувствовал себя неудовлетворенным: движение внутри преобладало, а сопутствующие аккорды Р и М будили грядущее ощущение грома Души, преисполненной видением Смерти и расправы над нею (М).

По пути герой поэмы заезжает

В сторону расстрелянных и повешенных,
Которая потеряла имя
И гуляет в огненном громе...

В 2-й <песне> происходит нарастание чувства мести и чувствуется приближение расправы: 46 Л, 30 Р, 51 Н и 33 М.

В 3-й песне герой ищет «лицо» мальчика Рикки и руку Леймы с золотым кольцом.

В 4-й — он слышит предостережение от своего брата, напоминающего поэту, что его спасение — в пении, а не в «мести».

5-я песня описывает самую месть — казнь Смерти. Здесь — лучистые и суровые движения преобладают над замкнутыми [застывшими] (М и Н), происходит переход движения по линии в движение по [площади] поверхн<ости> (Р).

В 6-й — торжество героя и [бывших мертвых] всех освобожденных из загробного мира. Стихи вызывают ощущение движений «в себе» у бывших мертвых.

И наконец, в 7-й песне чувство одиночества героя во время пляски бывших мертвых во вселенной; заканчивается поэма выражением надежды на помощь освобожденных: 25 Н, 15 М, 22 Л и 8 Р — движение «в себе» одинокого героя преобладает над его бывшими движениями (Л и Р).⁵⁴

Звуковым анализом поэмы⁸ я считаю закончен<ную> 3-ю часть своей работы. Я намеренно упустил один прием в новой поэзии — прием «остранения», т<ак> к<ак> этот прием относится более к современной заторможенной поэтической речи, чем к будущей звуковой; к тому же он достаточно освещен в работах В. Шкловского «Искусство как прием» (см. «Поэтика» и «Сборники по теории поэтического языка»).

Если трудно следить за эволюцией русск<ой> лирики, то в еще большей степени при соврем<енных> условиях труднее следить за развитием форм творчества за границей. Из иностранных поэтов-вортицистов обращают на себя внимание английские [поэты]: Эзра Паунд, Аллингтон, Флинт, Гельм, но они пока не дали ничего яркого, за исключением плодотворной теории «вихря» в пространстве (vortex) и необходимости создания новых отвлеченностей.⁵⁵

[В заключение 3-й главы следует еще раз сказать, что условия творчества для русских писателей, раскиданных по необъятным пространствам Европы и Азии, невозможные; выражаясь образно, для писателя наступили каторжные работы Достоевского. Достоевский во время каторги ничего не писал; 10 лет имя его было вычеркнуто из литературы (от «Бедных людей» до «Преступления и наказания»). То же происходит в данное время и с русскими писателями в Советской России: они «служат» за 2—3 фунта хлеба в месяц, голодают, ищут мест с пайками и занимаются «общественно-полезным» трудом, принудительно, [по декретам].

⁸ Копия с нее предоставлена в мое распоряжение.

Но эти «каторжные работы» будят идеал бродячей жизни и толкают на «уход» к недумающей природе.]

IV

В начале [статьи] работы был поставлен вопрос: чем было искусство до наших дней.

В заключении я ставлю вопрос: чем стал человек в течение сотен тысяч лет и к какому искусству его ведут все новые Ваятели Вселенной?

В процессе автоматизации человек утратил ощущение самой жизни и стал беднее осы. Познание осы пережитое и разыгранное, а у него — продуманное и вылитое в представления. Две тысячи лет тому назад Анаксагором были сказаны слова: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце»;⁵⁶ в них было дано определение трагических сумерек, которые осознал человек, уже не способный *видеть* солнце, обреченный на одно узнавание. Весь мир эмоций и человек оказался разбитым на плавающие льдины, распался на рядоположенности в однородном пространстве (время по Канту), и только одно его динамическое Я оставалось еще на текучей меже между ними. Человек научился избегать в своей речи скопления одинаковых согласных [(«закон диссимиляции»)], нарушающего автоматизм;⁵⁷ речь его стала недоговариваемой, отдельные состояния сознания стали застывшими, с словесными ярлыками (любовь, гнев, ненависть, коммунизм, социализм и пр.). Личность [каждого] распалась на 2 Я — статическое и динамическое, причем статическое Я постепенно [«росло» за счет] подменяло динамическое. В человеке выродилась идея театральности, и он создал искусство, в котором все живое, непрерывно развивающееся и взаимно проникающее передавал как количественную множественность.

Не спасло его и «познание Платоновых идей», выдвинутое символистами в искусстве, с их блестящими теориями соответствий (Бодлэр) и аналогий (Малларме).

И вот на помощь застывшему в трагическом человечеству приходили еще новые Ваятели. Они ждали войны как гигиены мира.⁵⁸ И пламя войны охватило весь мир, а за ним наступили, по словам покойного Л. Андреева, хаос и тьма, именуемые «социалистической революцией». Война и революция автоматизировали страх смерти, привели к аморализму и передали власть над Не-Я Хаму, продиктовавшему «задания» искусству.

Но «жизнь Духа выходит за пределы жизни мозга» (Бергсон).⁵⁹ Динамическое Я человека неистребимо; идут новые Ваятели, рожденные кровью и огнем, храбростью, смелостью, неустранимостью погибших героев «внешнего Я».

Не надо ждать от них в искусстве трагедий Ромео и Джульетты, короля Лира, Рудиных, Болконских, Раскольниковых, ибо их родина не Мексика, не мечта подлунная, не Греза лазурная; они не реалисты, не символисты, не футуристы; они не помнят прошлого, не приемлют будущего.

Родина их — Эолия. Все они идут из этой страны вечной подвижности, взрывности и пенности и вечного устремления творческого потока в огненный хаос и в бесцельность, идут при восприятии в 4-м измерении (в действительном времени).

От жизни дарованной к жизни, в самом себе созданной, они идут, рождаясь и не умирая. При новом восприятии времени (в 4-м измерении) с темных и мерцающих точек во Вселенной — с Альгаира, Венеры, Сатурна, а также Сириуса и пр. светил — они видят и зарождение жизни на Земле и угасание Сириуса. Вечно и неразрывно существует прошедшее, настоящее и будущее, сливаясь в одну прекрасную, текучую мгновенность.

Вот почему нам весело, по-иному, по-новому, весело, ибо существует лишь одна прекрасная мгновенность, умирающая и воскресающая бесконечно. И не в познании Платоновых идей и потустороннего мира преодоление трагического, как учили символисты. Оно, это преодоление, в разрыве между искусством статического Я и обществом обмена, тем, что есть у художников и общества *общего*.

Ко всем приемам ваяния [надо] начинают подходить с новым законом новой эстетики — законом заторможения восприимательного процесса.

Всех ваятелей мы зовем к vortex'у, зовем [быть вихрем] пронизывать пространства вихрем и [творить] воссоздавать звуками, красками, линиями, шумами, шумозданные отвлеченности.

А человека, с его измененными формами чувствительности, зовем к бунту против образов в старых формах ваяния, к бунту против адекватного отображения форм в красках и линиях.

Выкинем за борт все средства общения из искусства; лирику поставим рядом с архитектурой и музыкой.⁶⁰

В переходный (к заумной поэзии) период на языке заторможенном и другими средствами заторможения (остранение) будем воспевать любовь к опасности, любовь к энергии и отваге. Храбрость, смелость и возмущение пускай наполнят «кубок громокипящий», из которого новый поэт будет насыщать свою душу, питать ее.

Бунтуя против застывшей вселенной в восприятии человеком, будем прославлять красоту быстроты и волшебством звуковой, безобразной поэзии будем разрушать даже смерть.

Через вортицизм мы идем к мудрому оптимизму ласточек, жаворонков и ос и к разгульному надволюю нового человека.

Человек [при опыте насильственного введения коммунистического строя] поник, как трава, стал уходить к недумаящей природе и к идеалу бродячей жизни; его спасение в нашем разгульном надволье, в обнажении инстинкта и в пенье, хотя бы частушек «под тальянку».

Все величие грядущей духовной революции с ее новым искусством в разрушении все вселенной в пространственном восприятии ее человеком.

<октябрь 1921>

[Silentium]

Черновой автограф с пометой А. В. Туфанова «Копия» (см. надзаголовок).

¹ Датировка «критического исследования» основывается на двух фактах из биографии А. В. Туфанова: 1) в автобиографии 1922 г. Туфанов указывал, что после скитаний по России «вернулся в Петроград 28 сент<ября> 1921 г.» (Русский авангард в кругу европейской культуры. С. 92) и 2) заметки в одном из петроградских журналов, что «1-го октября <1921> закончился прием рукописей на 2-й литературный конкурс, объявленный Домом литераторов (литературная критика). Поступило 14 работ, из них три о Блоке, две об Андрее Белом, одна о Чехове, одна об И. Коневском, одна о Влад. Соловьеве («Влад. Соловьев, как литературный кри-

тик»), одна о В. Маяковском и др. Новейшее течение в критике представлено исследованием „Звуковая поэзия и основы новой эстетики“. Жюри конкурса предполагает закончить рассмотрение рукописей к 1-му декабря» (<Б. п.> 2-й конкурс Дома Литераторов // Летопись Дома литераторов. № 1. 1 нояб. С. 6). Если строго придерживаться этих двух свидетельств, то придется признать, что данное критическое исследование было написано Туфановым за 3—4 дня в период с 28 сент. по 1 окт. 1921 г. Однако, учитывая малую вероятность того, что Туфанов узнал о конкурсе в первый же день по приезде в Петроград, можно предположить, что процитированная заметка в «Летописи Дома литераторов» содержит ошибку, и вместо «1-го октября» следует читать «1-го ноября закончился прием рукописей...». С учетом последнего предположения датировать «критическое исследование» Туфанова следует октябрем 1921 г.

² I и II части данного исследования представляют собой переработанную статью А. В. Туфанова «Метрика, ритмика и инструментализация народных частушек» (Изв. Архангельского общества изучения русского севера. 1919. № 1/2).

³ Текст, начиная со слов «Пламенем двух революций», является перефразированием статьи А. В. Туфанова «О жизни и поэзии» (Жизнь для всех. 1918. № 2—3. Февр.—март. С. 185—196).

⁴ Текст последних четырех абзацев, начиная со слов «Она направлена против того», почти дословно заимствован из работы: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. М., 1913. С. 1—2, 3.

⁵ Наиболее часто использовавшаяся Туфановым формула «разрушение всей вселенной в пространственном восприятии человеком» впервые была высказана им в статье «О жизни и поэзии» (Журнал для всех. 1918. № 2—3. Февр.—март) и является утверждением, логически вытекающим из высказываний А. Бергсона. Понятие «вселенная» активно использовалось Туфановым еще до его превращения в последовательного бергсоианца (см., напр.: Туфанов А. О поэзии // Журнал для всех. 1916. № 10—11. Окт.—нояб. С. 1241—1244).

⁶ Данный абзац заимствован Туфановым из работы: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 2.

⁷ Две последние фразы заимствованы Туфановым из работы: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 112.

⁸ *Потебня Александр Афанасьевич* (1835—1891) — филолог-славист, фольклорист. Речь идет о книге: *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. А. В. Туфанов цитирует по книге: *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Теория поэзии и прозы. (Теория словесности): Руководство для средней школы и для самообразования. 4-е изд. Пг., 1917 (обл.: 1918). С. 7.

⁹ *Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич* (1853—1920) — литературовед. Речь идет о его книге: «Теория поэзии и прозы. (Теория словесности)» (см. предыд. примеч.).

¹⁰ *Рибо (Ribot) Теодоль* (1839—1916) — французский психофизиолог. Туфанов, по-видимому, имеет в виду книгу: *Рибо Т.* Опыт исследования творческого воображения. СПб., 1901. Более подробно об этих периодах в развитии искусства см.: Туфанов А. В. О жизни и поэзии.

¹¹ Текст, начиная со слов «Если проследить развитие...», использован в статье: Туфанов А. В. О жизни и поэзии.

¹² Этой теме была посвящена статья: Туфанов А. В. Пер Гюнт и европейская война // Северный гуслир. 1915. № 2. 28 янв. С. 6—7, а также предисловие к его книге «Эолова арфа» (Пг., 1917).

¹³ Туфанов ссылается на книгу: Бергсон А. Время и свобода воли. М., 1911. С. 106.

¹⁴ Начиная со слов «Такие моменты...», текст является скрытой цитатой из книги: Бергсон А. Время и свобода воли. С. 187.

¹⁵ Выражение заимствовано из работы: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 96.

¹⁶ Данный абзац представляет собой вольную цитату из работы: Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Время и свобода воли. С. 198.

¹⁷ Данное предложение является перифразом текста из работы: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 50.

¹⁸ Текст, начиная со слов «плавают на поверхности сознания...», заимствован из работы: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 57.

¹⁹ Два последних предложения являются пересказом текста: Бергсон А. Время и свобода воли. С. 183.

²⁰ Выражение «крах интеллектуализма» заимствовано из работы: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 5.

²¹ Данная вставка является перифразом соответствующего текста в статье: Туфанов А. В. О жизни и поэзии. С. 185—196.

²² Тэн (*Tain*) *Ипполит* (1828—1893) — французский искусствовед, литературовед, историк, философ. Речь идет о книге: *Tain. De l'intelligence*. Paris, 1870 (в русском переводе: *Тэн И.* Об уме и познании. СПб., 1894).

²³ Данный абзац является вольной цитатой из книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 12—20.

²⁴ Последние два абзаца представляют собой слегка измененный текст книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 47, 49, 53, 54—55.

²⁵ Далее несколько строк пропущено в тексте.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Данный абзац является вольной цитатой из брошюры: *Позняков Н. И.* Японская поэзия. М., 1905. С. 11, 13, 14, в которой в свою очередь пересказан текст из книги: *Астон В. Г.* История японской литературы. Владивосток, 1904. С. 15, 18.

²⁸ А. В. Туфанову, по-видимому, были знакомы следующие работы: *Соболевский А. И.* Велikorусские народные песни. СПб., 1902. Т. 7; *Балов А.* Экскурсы в область народной песни // Этнографическое обозрение. 1897. № 2. С. 93—103; *Белорецкий Г.* Заводская поэзия // Русское богатство. 1902. № 12. С. 38—50; *Львов И. Я.* Новое время — новые песни. Устюг, 1891; *Елеонская Е. Н.* «Страдания, пригудки, припевки, прибаутки» // Этнографическое обозрение. 1910. № 3—4. С. 92—99; *Корш Ф. Е.* О русском народном стихосложении. 1. Былины. СПб., 1897. Вып. 1.

²⁹ *Веселовский Александр Николаевич* (1838—1906) — историк литературы. Речь идет о книгах: *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. СПб., 1898; *Веселовский А. Н.* Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. С. 130—225.

³⁰ Данный абзац является вольной цитатой из статьи: *Брик О. М.* Звуковые повторы // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. Вып. 2. С. 24.

³¹ Текст вставки не обнаружен.

³² Семантика согласных «в», «с» и «л» заимствована Туфановым из статьи В. Хлебникова «1-й лист из 317. Перечень. Азбука ума» (Временник. М., 1917).

³³ В. Хлебников приписывал звуку «р» значение «разрушение преград» (*Хлебников В.* О простых именах языка // Очарованный странник. Альманах весенний. 1916. [№ 10]. С. 14). «Эр — точка, пересекающая насквозь поперечную площадь» (*Хлебников В.* Зангези. М., 1992. С. 46). Туфанов, начавший вслед за Хлебниковым исследовать пространственное восприятие согласных, о семантике звука «р» впервые написал в статье: «Метрика, ритмика и инструментализация народных частушек». Он оставил звуку «р» тот же смысл, который придавал ему Хлебников, изменив лишь формулировку.

³⁴ Вольная цитата из статьи: *Кушнер Б.* О звуковой стороне поэтической речи // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1916. Вып. 1. С. 44.

³⁵ Начиная с «а также» дописано позже, плохо читаемая вставка карандашом. А. В. Туфанов ссылается на статью: *Шкловский В. Б.* Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. Вып. 2. С. 3—14.

³⁶ Неточное воспроизведение стихотворения В. Хлебникова, опубликованного в сборнике «Временник» (М., 1917).

³⁷ Термин заимствован из статьи: *Брик О. М.* Звуковые повторы.

³⁸ Семантика звука «т» заимствована Туфановым из статьи Хлебникова «1-й лист из 317. Перечень. Азбука ума».

³⁹ Семантика звука «с» заимствована Туфановым из статьи Хлебникова «1-й лист из 317. Перечень. Азбука ума».

⁴⁰ Здесь скобки поставлены автором.

⁴¹ Перифраз текста из статьи: *Венгерова З.* Английские футуристы // Стрелец. Пг., 1915. Сб. 1. С. 93—94.

⁴² Термин заимствован из статьи: *Шкловский В. Б.* Искусство как прием.

⁴³ Данная фраза, начиная со слов «его познания будут...», является вольной цитатой из книги: *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1914. С. 131.

⁴⁴ Отрывок из стихотворения Божидара «Пир уединения», напечатанного в сборнике «Временник» (М., 1917).

⁴⁵ Эти же отрывки цитируются в статье: *Шкловский В.* О поэзии и заумном языке // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1916. Вып. 1. С. 2, 14, откуда, очевидно, их заимствовал Туфанов. В стихотворении Е. Гуро 5-я снизу строчка имеет вид: «Тере-дере-дере... Ху».

⁴⁶ Туфанов цитирует «Декларацию слова, как такового» (1913) А. Крученых.

⁴⁷ В окт. 1921 г. А. Е. Крученых уже находился в Москве; Н. Н. Асеев — в Чите.

⁴⁸ В окт. 1921 г. В. Хлебников находился в Пятигорске.

⁴⁹ Таким образом Туфанов снял свою подпись под этим стихотворением.

⁵⁰ *Бодуэн де Куртене И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., изд. журн. «Обновление школы», 1912. С. 93—96. См. также: *Бодуэн де Куртене И. А.* Лекции по введению в языкознание. Пг., 1917. С. 125—127.

⁵¹ Можно прочитать и: *елен*.

⁵² Семантика звука «л» заимствована Туфановым из статьи Хлебникова «1-й лист из 317. Перечень. Азбука ума».

⁵³ Фраза заимствована из книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 79.

⁵⁴ Начиная со слов «В поэме 7 „динамо-песен“», текст данного критического исследования повторяет хранящуюся в РО ИРЛИ (ф. 749) статью Туфанова «Критический комментарий к поэме „Казнь смерти“».

⁵⁵ Перифраз текста из статьи: *Венгерова З.* Английские футуристы. С. 103—104. Туфанов заимствует у Венгеровой и написание фамилий, Аллингтон в современной транскрипции — Олдингтон (Richard Aldington), Гельм — Thomas Ernest Hulme, Поунд — Э. Паунд (Pound).

⁵⁶ Цитата заимствована из эпитафии к книге К. Д. Бальмонта «Будем как солнце».

⁵⁷ Данное положение заимствовано из статьи: *Якубинский Л.* Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. Вып. 2. С. 17.

⁵⁸ Имеются в виду Ф. Т. Маринетти и итальянские футуристы.

⁵⁹ Ср. у А. Бергсона: «область духа шире интеллекта» (*Бергсон А.* Творческая эволюция. С. 184).

⁶⁰ Данное положение заимствовано из книги: *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Теория поэзии и прозы. (Теория словесности). С. 9.

III. Статьи

ПОДВИЖНЫЕ ОСНОВЫ В ИСКУССТВЕ БУДУЩЕГО¹

Накануне революции в области Духа существовали «незыблемые основы» в европейской культуре, кантовские время и пространство, лишённые всякой субстанции. Время, по Канту, в теории познания было ничто, оно было только формой, систематизирующей представления о нас самих, а пространство — формой, систематизирующей представления о переживаниях вовне.

Пространство было средой однородной. И если человеком овладевали глубокая тихая печаль, бурная любовь, темная ненависть, шипящая зависть или безумная тоска, кольцом сжимающая сердце, — в этом живом потоке любви, в этом хаосе тихой печали человек с первых проблесков зарождения ума привык изолировать разнообразные переживания в потоке любви и располагать их в пространстве. Он привык к пространственному восприятию всего, и его переживания, разбитые на отдельные моменты, становились обесцвеченными. Человек клал на них словесное клеймо.

А между тем любовь — это целый поток разнообразных переживаний, сливающихся, взаимно проникающих друг друга, без определенных очертаний, без малейшего стремления пространственно отделиться друг от друга. Любовь — живое существо, развивающееся и непрерывно изменяющееся. Ее моменты взаимно проникают друг в друга, т. е. ее длительность не количественная, а качественная.

Но человек привык развешивать эту качественную длительность в пространстве, привык разделять моменты и лишать чувство одушевленности и окраски. Человек любовь превратил в ее тень. Переживания, изолированные из живого комплекса явлений и обозначенные при помощи слов, получили характер вещей. Человеку кажется, что он проанализировал свое чувство, а на самом деле он только подменил его рядоположенностью инертных, выражаемых словами состояний, из которых каждое представляет из себя общий элемент, т. е. безличный осадок различных впечатлений, полученных всем обществом.

То же самое происходит в области идей. Идеи героизма, самопожертвования, социализма, коммунизма, анархизма и пр. плавают на поверхности сознания, подобно павшим листьям на воду пруда. Это идеи неподвижные, внешние по отношению к нам; это те идеи, которые нами получены в готовом виде или которые иссохли в одиночестве; их легко адекватно выразить в словах.

А между тем идея, действительно принадлежащая мне, заполняет целиком все мое Я; она сливается со всей массой состояний сознания, и чем она ближе ко мне, тем ее труднее вынести вовне.

«Жизнь сознания, — говорит Бергсон, — представляется нам в двойном виде, в зависимости от того, рассматриваем ли мы ее непосредственно или путем преломления ее в пространстве». Сами по себе глубокие состояния сознания представляют чистое качество, они сливаются между собою. Порождаемая ими длительность есть длительность, моменты которой не составляют численной множественности.²

Наши эмоции, идеи, благодаря условиям социальной жизни, превращаются в объекты, в вещи: они отделяются друг от друга, а также от нас самих, и через призму слова, придающего им свою банальную окраску, являются в окристаллизованном виде,³ как бы в виде запакованных корзин и ящиков с клеймами.

Социальная жизнь, жизнь в обществе людей, с их членораздельною речью, образует наше второе Я, которое покрывает первое Я. Происходит замена Я динамического Я статическим.

Чтобы вернуться к этому основному Я, надо путем анализа отделить внутренние и живые психические факты от их сначала преломленного, а затем окристаллизованного в однородном пространстве образа. Такие моменты, когда мы вновь приходим к самим себе, — редки, и потому мы редко бываем действительно свободны. А большею частью человек живет внешней жизнью, вдали от самого себя, от своего Я, и замечает обыкновенно его обесцвеченный призрак, только тень, которую чистая длительность бросает в однородное пространство. Существование наше протекает больше в пространстве, нежели во времени; мы живем для внешнего мира больше, чем для самих себя; мы говорим больше, чем думаем; мы больше «объекты действия», чем «активные деятели». Свободно действовать — это значит вновь овладеть самим собою, это значит вновь вступать в чистую реальную длительность,⁴ состоящую из моментов, взаимно проникающих друг в друга, а не в однородную среду.

Предположим, что мы знакомимся с придуманными и вылитыми в представления знаниями Тургенева о Лизе и Лаврецком, по Тургеневу, с героя-

ми Льва Толстого, Достоевского, Гете, Шекспира, Золя, Максима Горького и др. Мы видим, как писатели нагромождают черты характеров героев одну за другою, превращают в вещи отдельные состояния их сознания, окристаллизовывают и придают банальную, т. е. общую для всех в восприятии, форму переживаниям в словах героев, теней истинных Я,⁵ живущих вовне.

Для меня все эти сведения не стоят одного моего ощущения, которое я испытываю, сливаясь хотя бы на миг один с живым потоком подлинного Я героев.

Живой поток душевной жизни героя, например, Ромео, Джульетты, Татьяны, Евгения Онегина, Фауста, Маргариты и других, дает мне его личность во всей своей цельности. Это познание будет абсолютным; тогда как символы и точки зрения ставят меня вне героев: они передают мне только то, что есть у него общего с другими людьми. Это познание относительное. Полное совпадение или приближение к несоизмеримому с чем бы то ни было дает абсолютное, а описание, история, анализ дают познание относительное.⁶

Познание идей и вещей может быть только дано в интуиции. Под интуицией я понимаю тот род интеллектуального вчувствования или симпатии, посредством которой мы проникаем вовнутрь предмета, чтобы слиться с тем, что в нем есть единственного и, следовательно, невыразимого.⁷ И задачи новой метафизики, по определению Бергсона, в том, чтобы обладать абсолютной реальностью, а не только познавать ее относительно; проникать в нее, а не становиться к ней с определенной точки зрения; иметь интуицию о ней, а не анализировать ее, и, наконец, охватывать ее, помимо всякого выражения, перевода или символического представления. Представители новейшей метафизики претендуют на познание без символов.⁸

Бергсон так описывает интуицию:

«Сосредоточим наше внимание на том, что в нас больше всего оторвано от внешнего мира и в то же время меньше всего пропитано интеллектуальным. Поищем внутри нас самих точку, в которой мы чувствуем себя глубже всего в нашей собственной жизни. Мы погрузимся тогда в чистейшее время, в котором непрерывно подвигающееся вперед прошедшее постоянно увеличивается за счет абсолютно нового настоящего. Но в то же время мы чувствуем, как пружина нашей воли вытягивается до последней степени. Необходимо, чтобы посредством сильного воздействия нашей личности над самой собою мы собрали наше ускользающее прошлое, чтобы втолкнуть его, во всей его полноте и неделимости, в настоящее, которое оно создает, внедрившись в него...» («Творческая эволюция»). «Таким образом, мы получим сознание нашей духовности. Ослабим теперь наше напряжение... Если бы это ослабление было доведено до крайнего предела, — исчезла бы память и воля. Мы никогда не впадаем в абсолютную пассивность... Но за пределами напряжения мы предвидим существование, образованное постоянно возобновляющимся настоящим, — полное прекращение действительного течения времени, одна лишь мгновенность, умирающая и воскресающая бесконечно... И вот то, что дает нам возможность понять материальность». Начертав метод интуитивной философии и

ее двойного движения, напряжения и ослабления, Бергсон восстанавливает гениальным усилием генезис духа и материи.⁹

Утверждение бергсоновских основ в философии совпадает с крахом интеллектуализма, т. е. той философской доктрины, которая утверждала, что всякая действительность познаваема и что доступна она лишь познавательной способности разума.

Основными причинами крушения следует считать следующие.

Разум — единственный способ, применяемый в философии, а единственный прием ее — абстракция. Отличительное свойство абстракции — отделение (отвлечение), результатом которого являются имена существительные, прилагательные и пр.; все слова языков образовались посредством абстракции, и если бы человек не имел способности абстрагировать, не было бы языков.

Главное условие абстракции — сравнение. Сравнение же требует множества предметов, или двойственности. Это — первое условие. Вторым условием будет то, что предметы должны иметь общий признак. А общий признак тот, который меньше всего сам предмет, <тот признак,> который устанавливает отношения между предметами. И наконец, сравнения касаются лишь количества, а не самого качества, которое само по себе невыразимо. Таким образом, вещь в себе разуму недоступна.¹⁰

И главная причина страха в том, что Кант отделил время и пространство от их сущности, лишил их всякой субстанции и всякой реальности, чтобы сделать из них пустые формы нашего ума. «Если мы постараемся взять вещи в них самих, — говорит он в „Критике чистого разума“, — то увидим, что время — ничто».¹¹ Его время — не настоящее, оно — протяжение, имеющее одно измерение бесконечной длины, вдоль которой мы расставляем наши состояния сознания, т. е. вид пространства, однородная среда.

А Бергсон прежде всего определяет, что состояние сознания — не величина, а сила, что оно не количество, а качество, что оно не измеряемо, а лишь воспринимаемо. Время, как мы его переживаем, совпадает с последовательностью состояний нашего сознания. Наше сознание состоит из множества, которое не только существует, но и чередуется; душевные состояния следуют одно за другим, взаимно проникая друг друга. Состояния нашего сознания не отделимы, не отличимы друг от друга, неисчислимы и не могут дать количества. Реальное время, значит, последовательное и качественное множество.¹²

Благодаря двойному движению — напряжению и ослаблению, мы, поэты будущего, живем и в царстве радостной иллюзии непреходящих мгновений и в царстве вечной подвижности, текучести, взрывности и пенности и устремленья живого потока в иное царство огня, из хаоса в хаос.

«О, Фауст, кончено.....»¹³

<1918—1919>

Машинопись, по старой орфографии. Датируется по содержанию. Возможно, данный текст представляет собой «Динамо-эстетический манифест», указанный в тезисах доклада А. В. Туфанова «Лирика и футуризм» (см. ниже).

¹ Судя по всему, после незначительной переработки данный текст вошел в состав «критического исследования» «Звуковая поэзия и основы новой эстетики».

² Пересказ содержания книги: *Бергсон А.* Время и свобода воли. М., 1911. С. 183.

³ Перифраз текста книги: *Бергсон А.* Время и свобода воли. С. 142.

⁴ Данный абзац является скрытой цитатой, заимствованной из книги: *Бергсон А.* Время и свобода воли. С. 187.

⁵ Выражение «тень „я”» заимствовано у А. Бергсона (*Бергсон А.* Время и свобода воли. С. 137).

⁶ Начиная со слов «Это познание будет абсолютным...» Туфанов пересказывает текст статьи А. Бергсона «Введение в метафизику» (*Бергсон А.* Время и свобода воли. С. 230).

⁷ Цитата из работы: *Бергсон А.* Введение в метафизику. С. 198.

⁸ Цитата из работы: *Бергсон А.* Введение в метафизику. С. 195—238.

⁹ Данный абзац заимствован из книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. М., 1913. С. 104—105, 106. Этот же текст А. Туфанов использовал в статье «О жизни и поэзии» (Жизнь для всех. 1918. № 2—3. Февр.—март. С. 185—196).

¹⁰ Два последних абзаца являются вольной цитатой из книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 12—20.

¹¹ Начиная со слов «Кант отделил время...», текст представляет собой вольную цитату из книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 47.

¹² Данный абзац представляет собой вольную цитату из книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 49, 53—55.

¹³ Так в тексте.

ЛИРИКА И ФУТУРИЗМ

<фрагменты>

Поставим зажженную свечу между двумя зеркальностями, две глубины без дна, расцвеченные пламенем. Это и будет образ стиха. Две глубины самоуглубятся и взаимно проникнут одна в другую, обогатив пламя свечи, которое соединит их в нечто единое.¹

Я полюбил свое беспутство,
Мне сладко падать с высоты,
В глухих провалах безрассудства
Живут безумные цветы.²

Стихи попарно, как два зеркала, падают в неопределенность и бездельность, друг с другом не связанные, но расцвеченные одною рифмой (беспутство — безрассудство, с высоты — цветы), и, глянув одна в другую, взаимно переплетаются, сливаясь в единый, лучисто-певучий ручеек:³

Я полюбил свое беспутство...
В глухих провалах безрассудства...

Разве в их движении не основной закон всей Вселенной, не закон триады, не соединение двух через третье?

Весь этот внешний, как иногда мне кажется, прозрачный мир всегда есть соединение двух через третье, через звуковую, красочную и иную композицию.

Между двумя берегами соответствий течет творческий поток, вся вселенная. 2 зеркала, 2 стиха, свеча и рифма — отблески, ein Gleichniss. Мы знаем грозы в воздухе и бури в душе, оглушительный гром и журчащий ручеек, жуткий колодец и глубокий взгляд, неоглядность равнины и беспре-

дельность захвата сознанием бытия; мы знаем небо сверху и море внизу, солнце днем и луну ночью, звезды на небе и цветы на лугу. И эти два великие извечные пути расхождения мы, поэты, художники и пр. ваятели, творческим прикосновением сливаем во одно устремление, подобно тому, как два отдельных стиха, поцеловавшись в созвучии, соединяются в одну неразрывную звучность:⁴

Ветер, ветер, покровитель
Своеволья островов,
Вечеряет в светлой свите
«Foll'arom» от голых слов...

Слово родилось из безмолвия, голос — из безгласности, песня — из молчания, а из тишины целый взрыв звуков, шумов, криков, воплей, шепотов, лепетов, грохотов, жужжаний, пожаров, цветов, зорь, звезд, развеянных всемирной метелью, и бесконечность вьюжных дорог, слившихся в единый Млечный Путь.

В начале было Слово, но в начале был и единый Пол. Сила жажды создала двойственность, единое стало двойным, цельное множественным, ибо двое должны быть в мире, чтобы любовь озвездилась, две строки должны быть, чтобы между ними пела рифма.⁵

И, прислушиваясь к музыке голосов природы, первобытный человек качал их в своей душе, слагал внутреннюю музыку, выражая ее напевным словом, волшебством, заклинанием.⁶ Есть две страны, окутанные тайной, загадки там летают, как многоцветные колибри, там цветы красочны, там замыслы красивы, там слова певучи. Мексика и Майя — эти страны.⁷

Печатью⁸ художественного совершенства отмечены их напевы и заклинания.⁹ Удача на охоте древнего мексиканца зависела не только от меткости, но и от умения пропеть надлежащее заклинание.¹⁰ Древний человек всегда поэт, а поэт тот бог его, который создает для него вселенную¹¹ силою творческого слова. Я остановился на Мексике и Майя потому, что [эти страны самые древние, где впервые] и в наших душах есть эти страны вечной весны, мы называем их Грезой и Мечтой. В этих странах всегда рождались поэты лирики.

Для нас ценно в лирике то, к чему она пришла, поэтому я остановлюсь на лирике последнего романтизма, на лирике Тютчева и Фета.

И нельзя им ставить этого в вину, потому что до 1-го выступления футуристов думали, что «поэтическое творчество — творчество образов. Поэтический язык — язык образов. Искусство — мышление образами. Поэзия есть особый способ мышления, а именно способ мышления образами, этот способ дает известную экономию умственных сил». Эти фразы можно услышать и от гимназиста и от филолога. Эти мысли выросли в сознание многих, и одним из создателей такого взгляда на поэзию следует считать Потебню (см. его «Зап<иски> по т<еории> сл<овесности>», 83 и 97 стр.); так поняли и его ученики, наши проф. Овсяннико-Куликовский и др.¹²

Мысль, что без образа нет искусства, настолько крепко выросла в сознание людей, что английские футуристы, именующие себя вортицистами и имажистами, все свои задачи сосредоточивают на образах, «составляющих, будто бы, перевозданную стихию поэзии».¹³

Но мы, русские новые футуристы, ученики символистов, имеем уже много причин сомневаться в том, что язык поэзии — язык образов и что звуковая композиция играет только служебную роль.

(Дальше: Частушки. «Мы живем в чудесное <время>...»

Заговоры, причеты, погудки, свадебные песни.

Выдержки из Веселовского)

<февраль—март 1919>

Беловой автограф с карандашной вставкой от «Печатью художественного совершенства...» до «...на лирике Тютчева и Фета». Написано по старой орфографии. Неполный текст, содержит пропуски в середине, конец отсутствует. Доклад «Лирика и футуризм» был прочитан в Архангельске (4 марта 1919 г.) на заседании литературно-художественного кружка «Северный Парнас».

¹ Данный абзац заимствован из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. М., 1915. С. 5.

² Цитата из стихотворения К.Д. Бальмонта, опубликованного в его книге «Будем как солнце» (М., 1903. С. 76).

³ Абзац заимствован из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 5.

⁴ Данный абзац является вольной цитатой из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 6.

⁵ Два последних абзаца являются вольной цитатой из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 7—8.

⁶ Ср. у А. Белого: «процесс наименования пространственных и временных явлений словами есть процесс заклинания» (*Белый А.* Символизм. М., 1910. С. 430—431).

⁷ Данный абзац является перифразированным текстом из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 25.

⁸ Данный фрагмент, отделенный пробелом, написан на отдельной странице, вторая половина которой осталась незаполненной. Возможно, здесь предполагалась вставка о поэзии Тютчева и Фета, ср. план лекции, пункты 1 и 2 (см. ниже).

⁹ Фраза заимствована из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 25.

¹⁰ Фраза заимствована из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 27.

¹¹ Фраза заимствована из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 55.

¹² Данный абзац представляет собой вольную цитату из статьи: *Шкловский В. Б.* Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. Вып. 2. С. 3.

¹³ Цитата из статьи: *Венгерова З.* Английские футуристы // Стрелец. Пг., 1915. Сб. 1. С. 93.

ДОКЛАД поэта-бергсоньянца Александра Туфанова на тему: «ЛИРИКА И ФУТУРИЗМ»

Тезисы

1) Весь мир есть творческий поток между двумя берегами соответствий; два зеркала и свеча между ними, два стиха, расцвеченные одною рифмою, — его отблески¹ <das Gleichniss>.² Сущность лирики последнего романтизма в заклинании, в волшебстве, во имя создания того, чего нет.³ Исходные точки пантеистического мировоззрения Тютчева. Тяготение к «родимому хаосу».⁴ Любовь и смерть. Приемы творчества.

2) Поэзия Фета как жизнерадостный гимн восторгу и просветлению духа художника-пантеиста.⁵ Призрачный мир и душа как настоящая действи-

тельность. Спасение в песне. Спасение — в веянии «Вещи в себе» среди зыблящейся и исчезающей внешней жизни.

3) Преодоление трагического символистами. Кантианская теория познания и шопенгауэровская эстетика. Теория Потебни. Основы символизма. Закон тайны и крах поэзии мыслей, старые стихи, словарь Даля и ноль с крестиком.

4) Крах интеллектуализма и новая теория познаний.⁶ Поэзия поэзии в будущем. Что нужно человечеству. Значение нео-футуризма. Искусство как прием. Заторможенная речь. Отстранение и заумный язык.⁷ Звуковая компо<зиция> стихотворной речи. Сонирующие аккорды.⁸

5) Основы футуризма. Закон заторможения.⁹ Комплексы соннирующих звуков Ритма.¹⁰ Согласные звуки. Восприятие изначальных движений.¹¹

6) Динамо — Эстетический манифест.¹²

<февраль—март 1919>

Машинопись. Доклад «Лирика и футуризм» был прочитан в Архангельске (4 марта 1919) на заседании литературно-художественного кружка «Северный Парнас». Аналогичные тезисы были опубликованы в местной прессе (<Б. п.> Доклады о футуризме // Вестник Временного правительства Северной области. 1919. № 60. 20 марта. С. 3).

¹ Фраза является вольной цитатой из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 5.

² Пропуск в тексте восстанавливается по параллельному тексту статьи «Лирика и футуризм» (см. выше).

³ Данный тезис заимствован из брошюры: *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. С. 5.

⁴ Тезис заимствован из статьи К. Д. Бальмонта «Элементарные слова о символической поэзии» (*Бальмонт К. Д.* Горные вершины. М., 1904).

⁵ Тезис заимствован из статьи К. Д. Бальмонта «Элементарные слова о символической поэзии».

⁶ Тезис заимствован из философии А. Бергсона.

⁷ Три последних тезиса заимствованы из статей В. Б. Шкловского в «Сборниках по теории поэтического языка» (Пг., 1916. Вып. 1; Пг., 1917. Вып. 2).

⁸ Два последних тезиса заимствованы из статей Б. А. Кушнера в «Сборниках по теории поэтического языка» (Вып. 1 и 2).

⁹ Тезис заимствован из статьи В. Б. Шкловского «Искусство как прием» (Сборники по теории поэтического языка. Вып. 2).

¹⁰ Тезис заимствован из статьи Б. А. Кушнера «О звуковой стороне поэтической речи» (Сборники по теории поэтического языка. Вып. 1).

¹¹ Два последних тезиса отсылают к статье В. Хлебникова «Первый лист из 317. Перечень. Азбука ума» (Временник. М., 1917).

¹² Понятие динамизма — ключевое в теоретических построениях Туфанова. Ср. жанровое определение «Казни смерти» (1919) как «динамо-песни» в статье «Я».

СЛОВО О ТВОРЧЕСКОМ Я

Т<оварищи> и Гр<аждане>,

Вы все помните, что когда началась в Европе война, тогда умер Пер Гюнт, т. е. творческое поэтическое Я стало целиком статическим и ушло в барабанную поэзию.

Но с первых дней русской революции оно стало подниматься из гроба и на митинге писателей в Петрограде¹ в лице нас, вортицистов, футури-

стов, кубистов, имажинистов и пр., кинуло гордые лозунги отделения искусства от государства, свобода искусству и право каждого на самоопределение.²

Я, поэт, выступаю от имени Пера Гюнта и хочу напомнить Вам о самом себе.

Мы все живем в чудесное, удивительное время. Великая, большинству невидимая духовная революция совершается в области мысли. В Пламени ее созидается удивительная философия, которая далеко заходит за пределы частного мировоззрения и даже интеллектуального течения целой эпохи. Человек впервые открывает глаза на свою настоящую действительность и на реальность всего окружающего и замечает обманчивость своих вековых способов познания, стремится захватить самую сущность бытия, прорваться в глубь вещей и урвать у жизни, путем непосредственного захвата ее сознанием, ее животрепещущую тайну.³

Истинное дыхание самой жизни, вечно трепещущую юность несем мы, молодые художники слова, кисти и проч., Ваятели новой Вселенной, и видим, что душа человечества уже чувствует себя влажной от юных сил, приливающих к ней, и мир становится подлинно иным и по-новому прекрасным.⁴

Благодаря великим открытиям в области теории познания, все «незыблемые основы», все стройные здания интеллектуализма испытывают как бы подземные удары при землетрясении, и мы живем накануне переворота во всей духовной жизни человечества.

Разум капитулирует перед инстинктом,⁵ и мир становится прекрасным, а еще прекраснее становится личность с ее пламенным устремлением к неудержимой свободе и к разрушению всей вселенной, в пространственном восприятии.

Было время, когда я, Пер Гюнт, как мифологический Дух Божий, носился над водами и видел, что земля была неустроена и пуста.

Я был ветром в те времена, я был весь движение, становление, я был горным потоком, т. е. сама жизнь без человеческого разума, не способного понять жизнь, я был голым инстинктом, и, когда человек-дикарь высек из камня первый топор, я учил его произнесению первых согласных звуков.

Вввв... произносил дикарь и передавал им ощущение моего кругового движения.

Сссс... произносил он и передавал ощущение движения бесчисленных точек, исходящих из одной.⁶

Ропот лесной чащи, рев морского прибора, удары грома, шум ниспадающего дождя или града, птичий гам — все эти комплексы сонлирующих звуков⁷ стремилось передать слово при своем зарождении.

В те седые времена первобытного человечества снова рождалась поэзия как прием видения и деланья вещей в восприятии, но человеческий ум после первого топора повел ее по Великой Кривой, с которою сражался Пер Гюнт в юности и постепенно в течение сотен тысяч лет увел ее к схватыванию отношений между вещами, превратив ее в поэзию внешней оболочки души.

После доэстетического периода различают 3 фазы в развитии цивилизованных периодов. 1-й — эстетического в эмбриональной форме, когда

эстетическое удовольствие существует рядом с полезным, обладая индивидуальной и социальной пользой. Такое умственное состояние свойственно и до сих пор большинству.

2-й период Эмерсон⁸ определил словами: «то, что природа сначала создала для пользы, становится украшением. Легенды, феи стали материалом поэзии, живописи, а когда-то были верованием, и как развалины замков, башни стали материалом для возбуждения поэтич<еского> настроения, так развалины фабрик и заводов при ином социальном строе сделаются предметом искусства самого отдаленного будущего».

И наконец — искусство для искусства — 3-й период, завершенный «Критикой способности суждения» Канта, эстетическое учение которого составляет знаменитое определение красоты 3 признаками:

- 1) отсутствием интереса,
- 2) отсутствием понятия и
- 3) целесообразностью без цели.

В силу этого определения отсутствие интереса исключает из красоты полезное, отсутствие понятия исключает доброе, а отсутствие цели препятствует красоте превратиться в полезное или доброе.

Остается чистая форма, имеющая свою собственную и внутреннюю целесообразность, не зависящая от существования вещи. Следуя за Кантом, его ученик Шиллер признал основой искусства и эстетической деятельности стремление к игре, имеющей цель в себе самой, т. е. исключаящей всякую пользу и всякий интерес, и таинство искусства и художника стало в том, чтобы мы материал уничтожали посредством формы.⁹

Для меня, Пера Гюнта, к концу 19 стол<етия> форма стала важнее содержания. Я радовал формой, независимо от содержания. Как соловей, я пел в лице Фета.

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли.
Вижу: кто-то скачет
На лихом коне, —
Друг мой, друг далекий,
Вспомни об мне!..

Здесь только формой поэт настраивает вас. Разружьте форму, исчезнет и все обаяние.

«Вот что-то пылит по дороге, и не разберешь, едет ли кто или идет... А теперь видно... Хорошо бы, если бы заехал такой-то!».

Я разрушил форму, и осталось одно содержание, которое должно удовлетворять иным требованиям логики и здравого смысла.

Шопенгауэр творчество сравнивал с танцами. Идет человек с целью куда-нибудь прийти, но танцует только для того, чтобы танцевать.

И когда говорят: искусство для искусства — это значит, что цель искусства — самый процесс его создания или созерцания.

Радуй, но не пробуждай желаний — вот стало общее требование от всех произведений искусств; эти радости без хотений, наслаждения без желаний я пробуждал в людях и шел от натурализма к символизму, двига-

ьясь от точного к неточному, от грубого к нежному, от фактов к Платоновым идеям, от живописи к музыке. А за литературой плелся актер.¹⁰

Жизнь и творчество были разобщены бесповоротно.

Человек научился узнавать реальность сквозь завесу символов, сквозь сеть понятий, брошенных на вещи.¹¹

Он утратил ощущение жизни в процессе автоматизации всего: камень для него перестал быть каменным, лазурь лазурной, страх страшным, железо железным.¹² Человек стал беднее осы.

Он стал избегать в своей речи скопления одинаковых согласных, нарушающего автоматизм,¹³ речь его стала недоговоренной, с словами полувыговоренными. Мир эмоций и идей распался на рядоположенности в однородном пространстве (времени по Канту), и отдельные состояния сознания стали «запакованными корзинами», застывшими с словесными ярлыками: любовь, гнев, героизм, христианство, буддизм и пр. и пр., социализм, коммунизм, анархизм.¹⁴

Личность каждого распалась на *два Я*: статическое и динамическое, причем статическое постепенно подменяло динамическое. Человек научился жить вдали от самого себя, утратил идею театральности, создал поэзию, живопись, скульптуру, театр, где все живое, непрерывно развивающееся и взаимно проникающее передавал как количественную множественность.

Наступили трагические сумерки человека.

Еще раньше, стремясь преодолеть трагическое, искусство объявило своей задачей — познание Платоновых идей.¹⁵

Но самые блестящие теории символистов: соответствий, аналогий и пр.¹⁶ были обречены на увядание, потому что фундамент уже колебался под напором волн подземного потока нового искусства и новой теории познания.

На помощь застывшему в трагическом человечеству пришли новые Ваятели Вселенной. Вначале они жаждали войны, как гигиены мира.¹⁷ И пламя войны охватило весь мир, а за ним — пламя социалистической революции.¹⁸

Во время войны и революции страх, трусость автоматизировались в человеке.

Человек привык быть равнодушным к отношениям между вещами.

Война и революция подготовили в нем рождение нового человека с новым восприятием мира.

Война — трагедия и в то же время неизбежная гигиена мира.

И мы, новые ваятели, рождены кровью и огнем, рождены храбростью, смелостью, неустранимостью, рождены героизмом убитых.

И не ждите в нашем искусстве трагедий Ромео и Джульетты, короля Лира, Рудиных и пр., ибо наша родина не Мексика, не подлунная мечта, не лазурная Греза, не Мадонна и не Христос. Мы не реалисты, не символисты, не футуристы. Мы не помним прошлого и не приемлем будущего.

Наша родина — Эолия. Все мы идем из этой страны вечной подвижности, взрывности и пенности, и вечного устремленья творческого потока в огненный хаос и в родную бесцельность.

Эол — бог ветров, в ней был однажды на один миг на троне и уступил его мне, Перу Гюнту, поэту, художнику, как более достойному. А я в единственный миг превратил его в свой несменяемый трон, текучий и бурливый, как горные потоки Кавказа, непостоянный и бездомный, как вихри в тундрах Севера.

Наша родина, Эолия, страна вечной подвижности живого творческого потока.

Вечно и неразрывно существует прошедшее, настоящее и будущее.

Когда-то Фауст произнес: «Остановись, мгновенье! ты мне дорого».

Мы, [футуристы] новые поэты: имажинисты, вортицисты ни одного мига не выделим такими словами, ибо они все прекрасны с тех пор, как мы вступили на путь разрушения всей вселенной.

В своем устремлении мы захватим с собой мастеров, замороженных литературой, актеров и музыкантов, и кинем их тоже в творческий поток.

От жизни дарованной к жизни в самом себе, созданной по Великой Кривой Преображения, с ее мерцающими точками — Альтаиром, Венерой, Юпитером, Сириусом, Сатурном, мы рождаемся бесконечно, рождаемся, не умирая.

В 4-м измерении с этих темных и мерцающих заемным светом точек мы видим и зарождение жизни на земле миллионы лет назад и угасание Сириуса чрез земные миллионы лет вперед, как мгновенность настоящего.

Вот почему нам весело, по-иному, по-новому весело, ибо существует лишь одна прекрасная мгновенность, умирающая и воскресающая бесконечно.

И не в познании Платоновых идей и потустороннего мира преодоление трагического.¹⁹ Оно, это преодоление, в разрыве искусства статического Я с обменом с окружающим<и> тем, что есть у художников с ними общего.

Ко всем искусствам, ко всем приемам ваяния я зову подходить с законом заторможения восприимчивого процесса.²⁰

Мы зовем поэтов создавать поэтический язык, заторможенный, применять прием остранения и идти через заторможенный яз<ык> к языку заумному, к звуковой поэзии, к поэзии поэзии.

Мы зовем актера к разрыву с литературой, к разрыву с психологизмом сцены и к импровизации.

Музыкантов-техников к разрыву с воспроизведением и к созданию [музыки шумов] шумих. Художников, скульпторов и пр. ваятелей к искусству взаимного проникновения форм и линий.²¹

(Дальше печатный лист из моей статьи.)

А вообще всех ваятелей зовем к vortex'у,²² зовем быть вихрем, чтоб врезаться в пространство и давать ему свою форму, пронизывая хаос, созданный природой и культурой...

Мы зовем не помнить прошлого и не глядеть в будущее. Прошрое и будущее два лупанара, созданные природой и культурой, а искусство д<олжно> б<ыть> бегством из этих лупанаров, периодом святости.²³

Пронизывать пространство вихрем и создавать первозданные отвлеченности звуками, красками, линиями — вот наша задача на сцене и в жизни.²⁴

Заключение

Аэропланы, дирижабли, удушливые газы, сухопутные крейсера, пулеметы, автомобили, бронированные поезда совершенно изменили формы нашей чувствительности.

Ритм жизни стал бешено взрывным, а горные потоки жизни уже не умещаются в старые формы ваяния, разрушают поэзию образов, поэзию мыслей. Отмирают суффиксы и флексии, рождаются новые, слова требуют свободы, а воображение хочет быть беспроводным радио.

И мы зовем к бунту против образов, к бунту против знаков препинания, против имен прилагательных и разнообразия глагольных форм, к бунту против литературы на сцене и воспроизведения музыкаль<ных> произведений, к бунту против адекватного отображения форм в красках и линиях.

Выкинем за борт все средства общения из искусства: никто же не пользуется симфониями и сюитами и архитектурой для передачи мыслей между собой. Освободим лирику от задачи прозаиков и поставим ее рядом с архитектурой и музыкой.²⁵

Будем воспевать любовь к опасности. Будем воспевать любовь к энергии²⁶ и оживать.

Храбрость, смелость и возмущение — вот главные элементы новой [музыки] искусства.

Бунтуя против застывшей вселенной, будем прославлять красоту быстроты и волшебством звуковой безобразной поэзии будем разрушать даже смерть.

Будем искать вне идей и вне эмоций старого мира. Идеи его <ведь> только желтые листья, упавшие в воду пруда при листопаде, а эмоции — сухие ветви, замороженные и опущенные снегом во время метелей над всей европейской культурой.

Будем идти к мудрому оптимизму ласточек, жаворонков и ос и разгульному надволюю нового человека.

Динамиту, господу, побольше динамиту²⁷ под застывшую вселенную!

А. Туфанов

<сентябрь 1920>

Автограф с правкой. Написано с элементами старой орфографии (с і и ъ, но, как правило, без ъ в конце слов на согласный); частично чернилами, частично карандашом на тонкой серой бумаге. Карандашные вставки в тексте, написанном чернилами, отмечены особо. Статья датируется по письму А. В. Туфанова В. Я. Брюсову (27 сент. 1920), в котором он упоминает, что им написана «работа о вортицизме и „творческом Я”» (НИОР РГБ, ф. 386, карт. 105, ед. хр. 35, л. 3—4).

¹ Речь идет о митинге деятелей искусств (12 марта 1917) в Михайловском театре.

² Подробнее об этом митинге см.: *Крусанов А. В.* Русский авангард 1907—1932: Исторический обзор. М., 2003. Т. 2, кн. 1. С. 10—15. Присутствовавший на митинге А. В. Туфанов солидаризовался с левыми деятелями искусств и примкнул к федерации футуристов (*Туфанов А.* О поэзии // *Жизнь для всех.* 1917. № 5. Май. С. 624-626).

³ Данный абзац является вольной цитатой из книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. М., 1913. С. 1—2.

⁴ Часть фразы, начиная со слов «душа человечества...», заимствована из книги: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 2.

⁵ Фраза заимствована из книги А. Бергсона «Творческая эволюция» (М., 1914).

⁶ Семантика согласных звуков «в» и «с» заимствована Туфановым из статьи В. Хлебникова «1-й лист из 317. Перечень. Азбука ума» (Временник. М., 1917).

⁷ Вольная цитата из статьи: Кушнер Б. О звуковой стороне поэтической речи // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1916. Вып. 1. С. 44.

⁸ Эмерсон Ральф Уолдо (1803—1883) — американский эссеист, философ, поэт.

⁹ Последние пять абзацев повторяют текст статьи: Туфанов А. В. О жизни и поэзии // Жизнь для всех. 1918. № 2—3. Февр.—март.

¹⁰ Последнее предложение — вставка карандашом.

¹¹ Скрытая цитата из книги: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 112.

¹² Последние четыре слова — вставка карандашом.

¹³ Данное положение заимствовано из статьи: Якубинский Л. Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. Вып. 2. С. 17.

¹⁴ Последние три слова — вставка карандашом.

¹⁵ В статье «О поэзии» (1916) А. В. Туфанов писал: «Не переоценкой, а катастрофой всех ценностей заканчивается война. Мы поднимаемся над пепелищем, как тени, и объявляем себя вневременными и внепространственными. Чистые идеи Платона так стали близки нам! Два мира — реально-эмпирический и потусторонний — переплелись и гибнут одновременно при смерти нашего земного Я» (Туфанов А. О поэзии // Жизнь для всех. 1916. № 10—11. Окт.—нояб. С. 1243). Представление об искусстве как познании Платоновых идей Туфанов почерпнул из труда А. Шоленгауэра «Мир как воля и представление» (см.: Туфанов А. Символическое творчество и любовь // Жизнь для всех. 1916. № 12. Дек. С. 1358—1359) или из книги: Эллис. Русские символисты. М., 1910. С. 9—10, 12—13, 32.

¹⁶ О соответствиях и аналогиях в теории символизма см.: Эллис. Русские символисты. С. 20—23.

¹⁷ Имеются в виду футуристы.

¹⁸ Далее — карандашом.

¹⁹ В автобиографии (1922) А. В. Туфанов признавался, что одно время считал задачей творчества «познание Платоновых идей в потустороннем мире» (Русский авангард в кругу европейской культуры. Международная конференция. Тезисы и материалы. М., 1993. С. 92).

²⁰ Терминология заимствована из статьи В. Шкловского «Искусство как прием».

²¹ В последних двух абзацах Туфанов формулирует призывы, созвучные идейно художественным поискам левых деятелей театра, музыки, живописи и скульптуры.

²² На полях химическим карандашом приписка: «vortex — вихрь, водоворот, пучина».

²³ Вольная цитата из статьи: Венгерова З. Английские футуристы.

²⁴ Слова «на сцене и в жизни» дописаны карандашом.

²⁵ Ср. у Д. Н. Овсяннико-Куликовского, относившего к «искусствам лирическим» словесную лирику, песню, музыку, танцы и архитектуру (Овсяннико-Куликовский Д. Н. Теория поэзии и прозы. Пг., 1917. С. 9).

²⁶ Данные положения заимствованы из манифеста футуризма Ф. Т. Маринетти.

²⁷ Фраза заимствована из названия статьи: Ховин В. Динамиту, господу, динамиту // Очарованный странник: Альманах весенний. 1916. [№ 10]. С. 7.

Я¹

Моя родина — Эолия, страна, где бог ветров, Эол, однажды был на троне один миг и уступил его мне, как более достойному; а я в единый миг превратил его в свой вечный трон, текучий и бурливый, как горные потоки Кавказа, и непостоянный и бездомный, как вихри в тундрах Севера.

Моя родина — страна вечной подвижности, взрывности и пенности и устремленья живого творческого потока в огненный хаос.

Вечно и неразрывно существует прошедшее, настоящее и будущее. Отдельно я не приемлю будущего, а прошлого не помню, и бегу из этих двух лупанаров;² бегу, не выделяя ни одного мига словами Фауста: «Остановись...», ибо все мгновенья прекрасны с тех пор, как я вступил на путь разрушения вселенной в пространственном восприятии ее человеком.³ Пронизывать пространства вихрем (vortex) и создавать первозданные отвлеченности,⁴ внутренние образы, схемы образов, звуками, красками, линиями; выводить вещи из автоматизма их восприятия;⁵ воспевать любовь к энергии и отваге, храбрость, смелость и возмущение⁶ — таковы элементы нового искусства.

Человек утратил ощущение жизни, научился узнавать реальность сквозь завесу символов, сквозь сеть понятий, брошенных на вещи,⁷ не видит и не делает вещей в восприятии; создал поэзию мыслей, поэзию внешней оболочки души. Мир эмоций и идей распался на рядоположенности в однородном пространстве (времени, по Канту), а человек привык развертывать отдельные состояния сознания в пространстве, разделять моменты и лишать их одушевленности и окраски. Личность каждого распалась на два Я — статическое и динамическое, причем статическое постепенно подменяло динамическое, и человек научился жить вдали от самого себя, утратил идею театральности и создал искусство, где все живое, непрерывно развивающееся и взаимно проникающее передает как количественную множественность.

Вот почему искусство вортицизма — прием выведения вещей из автоматизма восприятия; основной закон — закон заторможения воспринимающего процесса;⁸ стихотворный язык — язык затрудненной формы, а в будущем — заумный; вот почему я воспеваю возмущение, разрушение (см. динамо-песни «Казнь Смерти»), смелость, храбрость, уход к недумавшей природе, красоту быстроты и зову к мудрому оптимизму ласточек, жаворонков и ос и к разгульному надволью нового человека.

Я преклоняюсь перед динамикой жизни, красивым жестом разрушения и творческим состязанием, «жизненным порывом» (Бергсон).⁹

Мир становится прекрасным, а еще прекраснее становится личность человека, с ее пламенным устремлением к неудержимой свободе, личность, как живой поток в чистом протяжении времени, ничего не заимствующий у пространства и неуловимый в своей глубине.

Моя родина — Эолия, страна вечной подвижности, взрывности и пенности и устремленья живого творческого потока в огненный хаос.

Жизнь Духа выходит за пределы жизни мозга. Дух убитого 22 февраля 1919 г. моего юного брата¹⁰ явился ко мне ночью, и я в полусне написал «Казнь Смерти», отместил за его смерть, и эту книгу я ему посвящаю.

Александр Туфанов

15 ноября 1921 г.
Петроград

Беловой автограф. Написано по новой орфографии. Видимо, этой статье предшествовала статья под названием «Эолия», от которой сохранился только первый лист машинописи, напечатанный по старой орфографии:

ЭОЛИЯ

Эолия — это моя родина, родина каждого поэта; страна, где бог ветров Эол однажды был на троне один миг и уступил его мне, как более достойному. А я в единый миг превратил его в свой вечный трон, текучий и бурливый, как горный поток Кавказа, и непостоянный и бездомный, как вихри в тундрах Севера.

Моя родина — страна вечной подвижности, взрывности и пенности и устремленья живого творческого потока в огненный хаос.

Вечно и неразрывно существует прошедшее, настоящее и будущее, и ни одного мига я не выделю словами: «Остановись, мгновенье! ты мне дорого!». Ибо они все прекрасны с тех пор, как я вступил на путь разрушения всей вселенной в ее пространственном восприятии. Творческий дух мой движется по особой кривой во вселенной. Альтаир, Венера, Сириус, Полярная Звезда, Волосы Вероники, Большая Медведица, Южный Крест, Сатурн, Юпитер (только не земля и не ее луна!) — вот мерцающие и темные точки моей творческой кривой, с которой я на земле бесконечно рождаюсь, не умирая; с которой вижу и зарождение жизни на земле миллионы лет назад, и угасание Сириуса чрез земные миллионы лет вперед, и с которой я прохожу вечно сквозь юность 18-летних. Вот почему мне и моим ученикам весело, по-иному, по-новому весело, ибо существует одна лишь прекрасная мгновенность, умирающая и воскресающая бесконечно.

А люди на земле утратили ощущение жизни: для них лед перестал быть ледяным, железо — железным, синевы — синими... Утратили от частого повторения при восприятии. Их поэзия превратилась в поэзию мыслей, в поэзию внешней оболочки души для обмена с окружающими тем, что есть у поэтов с ними общего. Ум человека характеризуется природным непониманием жизни. И чтобы вернуть людям ощущение жизни, я с своими учениками и друзьями смотрю на искусство как на прием выведения вещей из автоматизма их восприятия...

Ко всем искусствам, ко всем приемам ваения я буду подходить с законом заторможения восприимательного процесса. Вот почему я буду стремиться давать произведения: 1) написанные на языке заторможенном, на языке затрудняющей формы; 2) написанные в приеме толстовского острания; и 3) написанные на языке незагывшем, заумном.

Это будут вещи синевы севера, синеватые облака на востоке, предвестники над второй моей родиной — Сев<ерной> Двиной — о дне дождливом (конец листа. — Публ.)

¹ Данная статья, судя по тексту, является авторским предисловием к поэме «Казнь Смерти» (1919).

² Положение заимствовано из статьи: Венгерова З. Английские футуристы. С. 94.

³ Впервые этот словесный жест «разрушения вселенной» был использован Туфановым в статье «О жизни и поэзии» (Жизнь для всех. 1918. № 2—3. Февр.—март. С. 185—196).

⁴ Положение заимствовано из статьи: Венгерова З. Английские футуристы. С. 103.

⁵ Данное положение заимствовано из статьи: Шкловский В.Б. Искусство как прием. С. 8.

⁶ Данное положение заимствовано из манифеста футуризма Ф. Т. Маринетти.

⁷ Перефразированный текст заимствован из книги: Гранжан Ф. Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 112.

⁸ Терминология заимствована из статей В. Б. Шкловского, опубликованных в двух выпусках «Сборников по теории поэтического языка».

⁹ Термин «жизненный порыв» заимствован из книги: Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1914.

¹⁰ Николай Васильевич Туфанов — младший брат А. В. Туфанова, офицер русской армии, воевал в составе Славяно-Британского легиона против Красной Армии и был убит 22 февр. 1919 г. (Подробнее см.: Крусанов А. А. В. Туфанов: Архангельский период (1918—1919) // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 92—107).

МЫСЛИ «ПЕРА ГЮНТА» О САМОМ СЕБЕ^Г

Ровно 20 лет тому назад в Москве вышел сборник «моих» стихов, великая книга символов, по определению Эллиса,¹ «Будем как Солнце».² В этом сборнике «Я» (Бальмонт) писал тогда:

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор»...³

Солнце для меня было в те времена — das Gleichniss, символ, отблеск иного Потустороннего Мира. С идеалом возвышенно-прекрасной влюбленности я шел к познанию этого Потустороннего Мира, с его Платоновыми идеями: «все преходящее для меня было только символ иного» (Гете),⁴ и, чтобы приоткрыть завесу пред этим иным, я избрал особую форму: сопоставление аналогий, соответствий (Бодлэр),⁵ напр<имер> о воспоминаниях, давивших мое сердце, я писал при пластическом закреплении образом ласточек, то припадающих к земле в тихое летнее утро, то взвывающихся к лазури.

20 лет тому назад я был символистом, а сегодня утром я (Демьян Бедный) вышел на площадь и с нетерпением ждал, когда рабочие уберут последние доски с моих стихов. Когда их убрали, какой-то мальчишка, вода пальцем по граниту, читал: «Пугало. Мой отец и сын при жизни казнены. Торчу я пугалом чугунным для страны»...⁶ Сам-то ты пугало: «При жизни казнены!» — прибавил мальчишка, и мне, Перу Гюнту, замечание показалось обидным, и я вернулся в Андрея Белого:

Жизнь — бирюзовую волною
Разбрызганная глубина,
Своею пеною дневною
Нам очи задымит она...⁷

Жизнь есть нечто движущееся, эволюлирующее, становящееся, крылатое, ускользящее, неустойчивое, непрерывное, тягучее, вырывающееся, непредвидимое и творящее вечно новое. Я — сама жизнь в ее становлении. Я был и Валерием Брюсовым, с его прохождением к отблеску иного сквозь реально-эмпирическое, и Мережковским, и Зин<аидой> Гиппиус, и Федором Сологубом:

Высоко над землею, вечерней и пленной,
Облака затаили огни,
Сколько образов, скованных жизнью мгновенной,
Пред очами проводят они!

(Бальмонт)⁸

Люди живут в пространственных государствах Англии, Франции, России, проведя борозды между ними; такие же межи они проводят и во мне, сковывая образы: старый и новый, буржуазный и пролетарский, символист, акмеист, имажинист, футурист, вортицист, экспрессионист, биокосмист и пр.

^Г «Пер Гюнт» Ибсена — поэтическое Я каждого человека. Фельетон написан от имени Пера Гюнта — поэта, обозревающего свое творчество в России за последние 20 лет.

А между тем я просто становлянин, то, что становится, огнезарный вихрь, при котором душа человечества уже чувствует себя влажной от юных сил, приливающих к ней, как в майское утро возврата к вечной юности.

Я, напр<имер>, желал войны как гигиены мира, проповедовал презрение к женщине и к любви, объявил «слова на свободе», войну синтаксису, катался на неопределенных наклонениях глагола⁹ как на колесах, и стал писать стихи на заумном языке (Крученых), и меня объявили футуристом, *будетлянином*, как будто я (Крученых) есть то, что *будет*, или то, что было (Бальмонт), а не то, что *становится*.

Началась война — желание мое исполнилось. Я (Федор Сологуб), конечно, превратился в Энния¹⁰ (древнего поэта латинян, пришедшего из Калабрийских гор и писавшего военные стихи). А когда солдаты, вместо того чтобы петь мои песни на войне, воткнули штыки в землю и, объявив «мира не приемлю и воевать не желаю», побежали в города, я (Маяковский) писал трагедию «Облако в штанах», а потом пересел в революционный автомобиль, потому что я люблю жизнь...

Я люблю ее, как стремительную хрустальность горного водопада, тихо и задумчивого над провалом и бешено-мятущегося по каменным кручам; люблю величавое пенное движение его перед новым уступом, перед новым срывом, мгновенность заводи, умирающей и воскресающей бесконечно; люблю погружение потока в океан, облачное дыхание океана, дымную росу на былинках и потоки дождя, бегущие, как капли воспоминаний, вновь и вновь все к нему — океану, для обновления втекающего прошлого.

Вот почему во время революции и гражданской войны я (Пер Гюнт) весь рассыпался, перешел в рассеянное состояние, и газетные критики растерялись, не зная, какие на меня ярлыки наклеивать. Я, конечно, был везде и в то же время нигде и на своей могиле (Гумилева) все собираюсь сделать ибсеновскую надпись: «Здесь погребен Никто». Когда я (Гумилев) умирал, то повторял свои (Пера Гюнта) стихи:

«Да... гюнтское Я сам
Есть миллион желаний и стремлений,
Потребностей, порывов к цели...»¹¹

и вместе с тем в бесцельность (Бальмонт), при «безвольном созерцании всего окружающего» (согласно 3-й книге «Мир как воля и представление» в эстетике Шопенгауэра).¹²

Я (Пер Гюнт) не знаю, за что меня красные и белые заключали в тюрьмы, когда у меня восприятие времени не пространственное. Нет у меня пространственно-развернутых государств, эмоций и идей, есть только одно, как у народа, самоощущение жизни в движении и разнообразные приемы отражения его в стиле. Я, подобно homo duplex (Верлэну), стрелял в своих и чужих, после стрельбы шел в храм молитвы, а потом в веселый дом.¹³ «Придумать это (тюрьмы и пр. для меня)... этого желать... но сделать... нет, не понимаю!».¹⁴

Выше я сказал, что критики растерялись, а так как прежнее противопоставление формы и содержания, «как» и «что», уступает место противопоставлению материала и приема, материалом же поэзии может быть не

¹¹ Ибсен. «Пер Гюнт».

только слово, но и «звук» (фонема), то теперь я (биоколист) стал своего рода постоянным homo duplex: с одной стороны, я, штурмующий вселенную без пулеметов и выпустивший книгу «Сволочь Москва», как будто новый поэт, а, с другой стороны, для критиков, требующих штурма путем выведения вещей из автоматизма их восприятия путем заторможения восприимательного процесса организацией звукового материала, я даже и не поэт, а прозаик, не дописывающий строк.

Желая прийти мне, рассыпанному, на помощь, Корней Чуковский устроил студию в Доме литераторов для обучения меня стихосложению, и у меня появились было опять любовь—кровь, розы—морозы—мимозы, море—горе, но, при провозглашении Государства Времени и короновании меня на крышке гроба Велемиром I (Хлебников),¹⁴ я изменил рифмам Корнея Чуковского, ушел к фонемам и заумию (Хлебников, Крученых) и провозгласил себя Велемиром II, за отсутствием претендентов на коронование при следующей крышке (все другие хотят быть III, IV и т. д., но не II).

Вообще, войны и революции, как 100 лет тому назад, привили мне идеал бродячей жизни. Недавно в Москве Я (Ярославский)¹⁵ выпустил книгу стихов «Сволочь Москва». Потехня, Овсяннико-Куликовский и Жирмунский, вероятно, найдут, что у меня нет поэтических образов, но зато у меня рифмы, как у Игоря Северянина, и «Сволочи» успех обеспечен.

На вечерах в Петрограде я всего чаще выступаю под именем Анны Ахатовой. Кроме того, выступаю в Царевококшайске, Котельниче, Кологриве, Сольцах и Тихвине. В каждом из этих городов никто не слышал о Садофьеве, а меня (Иванова, Семенова) считают гением.

Пробовал я (Есенин), вместе с Айседорой Дункан, побывать еще в Америке, под именем имажиниста, но меня Америка не впустила,¹⁶ несмотря на то что image — английское слово значит «образ»; по-видимому, американцы из всех английских значений этого слова оставили только «сходство» и приняли меня за большевика.

Осуществляя идеал бродячей жизни, я, Пер Гюнт, побывал у остяков и персов, у самоедов на Новой Земле и в Владивостоке (Асеев).¹⁷ Для персов я писал стихи, как Пушкин (Хлебников), а для остяков — канцоны, как Петрарка. Я превращаюсь во всемога, т. е. я все могу, особенно с тех пор, как [научился у] воспринял от народа самоощущение жизни в движении и задумал уйти домой, к недумавшей природе. И хотя мальчишки около бронзового всадника называют меня пугалом, я все-таки Всемог и думаю, что за 20 следующих лет я приду к птичьему пению с членораздельными звуками.

Пер Гюнт^с

<октябрь 1922>

Автограф с незначительной правкой и с пометой: «Критика и библиография» — возможно, статья предназначалась для соответствующего раздела журнала «Красный студент», однако напечатана там не была. Данный фельетон датируется по упоминаемому в нем двум событиям, происшедшим в октябре 1922 г.: 1) открытие в Петрограде памятника Александру III на площади Восстания со стихотворным текстом Демьяна Бедного (см. примеч. 6) и 2) сообщение прессы о том, будто С. Есенина не впустили в Америку (см. примеч. 16). Заглавие статьи

^с 8-я Рождественская, дом 21, кв. 7. Александр Васильевич Туфанов.

претерпело изменения: первый вариант — «Мысли „Пера Гюнта” о поэтическом творчестве в России за последние 20 лет», второй — «Мысли ибсеновского „Пера Гюнта” о самом себе». Кроме того, в фонде Туфанова сохранился черновой автограф раннего варианта этой статьи под заглавием «Слово Пера Гюнта о самом себе в Александре Туфанове (по случаю 25-летия)» и отдельные черновые фрагменты.

¹ *Эллис* (Лев Львович Кобылинский, 1879—1947) — поэт, переводчик, литературный критик.

² Открывавшее книгу посвящение датировано: «1902. Весна»; сборник зарегистрирован «Списком книг, вышедших в России» в 1903 г.

³ Стихотворение из цикла «Четверогласие стихий», опубликованное в книге К. Д. Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903. С. 1).

⁴ Ср. у Н. А. Бердяева: «Искусство всегда учит тому, что все преходящее есть символ иного, непреходящего бытия» (*Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М., 1916. Гл. 10). А. В. Туфанов, скорее всего, заимствует из книги: *Эллис.* Русские символисты. С. 198.

⁵ О сопоставлении аналогий и соответствиях у символистов см.: *Эллис.* Русские символисты. С. 20—23.

⁶ Неточная цитата из стихотворения «Пугало» Д. Бедного: «Мой сын и мой отец при жизни казнены, / А я пожал удел посмертного бесславья. / Торчу здесь пугалом чугунным для страны, / Навеки сбросившей ярмо самодержавья». Это стихотворение было высечено на постаменте памятника Александру III на площади Восстания. Памятник с этой надписью был открыт 10 окт. 1922 г.

⁷ Цитата из стихотворения А. Белого «Жизнь» (1908).

⁸ Цитата из стихотворения «Воздушный храм», опубликованного в книге К. Д. Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903. С. 3).

⁹ А. В. Туфанов пересказывает положения, высказанные Ф. Т. Маринетти.

¹⁰ *Энний Квинт* (239—169 до н.э.) — римский поэт.

¹¹ Цитата из пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт» (действие 4).

¹² Вольная цитата из книги: *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. М., 1900. Т. 1. С. 184.

¹³ Ното duplex — человек двойственный, человек, живущий двойной жизнью. Так охарактеризовал Верлена его первый биограф Шарль Морис. В данной фразе А. В. Туфанов пересказывает содержание статьи: *Брюсов В.* Поль Верлен // *Верлен П.* Избранные стихотворения. М., [1912]. С. 13—18.

¹⁴ Надпись на крышке гроба В. Хлебникова, сделанная художником П. В. Митуричем, гласила: «Председатель земного шара Велимир 1-й» (*Митурич П.* Записки сурового реалиста эпохи авангарда: Дневники, письма, воспоминания, статьи. М., 1997. С. 24).

¹⁵ *Ярославский Александр Борисович* (1896—1930?) — поэт-биокосмист. О нем см.: *Крусанов А. В.* Русский авангард 1907—1932: Исторический обзор. М., 2003. Т. 2, кн. 1. С. 731, 732.

¹⁶ С. Есенин вместе с А. Дункан выехали в Америку 27 сент. 1922 г. и 2 окт. прибыли в Нью-Йорк. Иммигрантское ведомство запретило им сходить с корабля на берег, подозревая, что они прибыли для развертывания коммунистической пропаганды (*Белоусов В.* Сергей Есенин: Литературная хроника. М., 1970. С. 63). Однако инцидент был вскоре улажен, и 3 окт. 1922 г. Есенин с Дункан были впущены в США.

¹⁷ Н. Н. Асеев находился на Дальнем Востоке с 1917 г. по янв. 1922 г. На момент написания Туфановым данного фельетона он уже перебрался в Москву.

ВОРТИЦИЗМ <1>¹

«Настанет время, когда поэтов в стихах
будут интересовать только звуки».

Ю. Словацкий²

Несмотря на то что в литературе имеются серьезные работы о «замии», за последнее время, однако, стали раздаваться голоса о «тупике», в который будто бы оно пришло в лице Велемира Хлебникова (см. «Начала»)³.

Работая в течение последних двух лет только в области заумного творчества и занимаясь исследованием новых народных песен по формальному методу, я в настоящее время решил поделиться некоторыми результатами и наблюдениями в этой области, поскольку позволяют мне рамки газетной статьи, чтобы хотя немного рассеять неправдоподобные слухи, причем я уже не буду писать о том, что заумный язык всегда был и есть, что Лермонтов и Фет мучительно ждали его⁴ и что поэт волен выражаться на этом языке.⁵

Цель моей статьи совсем другая.

Наслаждаться художественным произведением можно только в том случае, если слушатель и зритель улавливают связь и порядок в организации материала искусства.

Перед картинами импрессионистов, пред стихами символистов в былые времена стояли с недоумением, с непониманием. Требовались годы на «указывание» связи и порядка.

То же происходит и с заумием. Наступает время вывести «заумие» из тупика, канонизировать и ввести в историю литературы новые его формы.

Пережитые нами войны и революции имели те же психические последствия, что и война 1812 г.: они пробудили идеалы бродячей жизни и ухода к недумывающей природе. Человек пришел к «опрощению» не на словах, а на деле. Он меньше думает, меньше чувствует; в нем больше вихревых ощущений, чем идей и эмоций. И в то время, как наш народ свое самоощущение жизни в движении стал все чаще и чаще отражать в стиле песен «бессмысленным набором слов», — в художественных произведениях стали появляться «беспредметность» в живописи и «заумие» в поэзии. Природа не думает, и человек с песней из слов был бы ей чужой. Со словом земля не принимает.

Такова основная психическая причина заумия.

Второй вопрос, более важный — о порядке и связи организуемого материала, о композиции и стиле.

Материалом этой второй музыки служит не слово, а «звук» речи (фонема), представляющий движение (как и тон в музыке).

Каждой согласной фонеме («звуку»): l, r, s и т. д. свойственна определенная функция, особая телеологическая структура. Каждый согласный «звук» имеет психическое сцепление с ощущением определенного движения. Пример: звук l вызывает ощущение линейного направления, переходящего при усилении преграды (t) в хаотическое (r), которое, при ослаблении преграды (d), принимает вновь линейное направление (l).

В настоящее время такой имманентный телеологизм устанавливается для всех фонем.

Приведу отрывок стихотворения.

Roor letl'us tl'uus tejmtar taam
Roo ringrip truups ritrit riing
Laark avlajf laa erin liin
Kriim rebid sii insed l'uus.*

* Если нет латинского, русскими буквами приблизительно так:

Роор летлюс тлюс теймтар таарн
роо рингрид* труупс ритрит ринг
ляарк афляйф ляа ерин лиин
крыим ребид сии инсед люус.

* (так, ср. латинский текст. — Публ.).

Размер — древний дактиль с долгими слогами. Три долгих гласных сверху вниз 3 аккорда: 1) г, г, l, k, 2) l, г, l, s, 3) t, г, l, l.

Восприятие: <1> Ощущение хаотического движения, линейного и переход в сжатое состояние; 2) ощущение линейного направления, хаотического, линейного и лучевого; 3) после преграды хаотическое переходит в линейное.

Не приводя всего стихотворения и не давая исчерпывающего анализа, скажу, что пора отбросить несерьезное отношение и думать, что в заумии простой набор звуков. Здесь имеются определенные принципы организации, отпадение рифм, общая звуковая композиция, введение долгих и кратких слогов, мотивы, сюжет и определенная функция для каждого согласного и гласного. Стихи написаны в английском жанре, т. е. английскими морфемами. В русских, немецк<их>, франц<узских> и др. слишком много «накипи»; морфемы срослись, переплелись, и много приходится отсекаать и восстанавливать. Вот почему я приступил к составлению особых палитр — словарей из английских и китайских морфем, наряду с азбукой и чертежами ощущений для поэтов земного шара.

В процессе творчества было вихревое (vortex = вихрь) психическое сцепление ощущений (на реке) с определенными звуками в морфемах: roog, rabid и т. д. Сам звуковой аккорд уже есть vortex, перенесенный в стиль.

Не зная, что сделано в заумии поэтом Крученых за последние годы, я отстраняю название футуристов, будетлян и пр. и даю подобному направлению «Заумия» в своем «государстве времени», имеющему генетическую связь с Бергсоном, Малларме, Хлебниковым и с будетлянством, — название вортицизма, от английского слова vortex (вихрь).

Александр Туфанов

<1922>

Беловой автограф с пометами Туфанова для редактора. Есть также черновой вариант статьи с незначительными разночтениями. На последней странице записан адрес: «8-я Рождественская ул., дом 21, кв. 7», что позволяет предполагать, что статья предназначалась для печати (адрес — для редакции) в качестве ответа на утверждения В. М. Жирмунского, будто заумь зашла в тупик, однако осталась неопубликованной (см. примеч. 3). Кроме публикуемого текста в фонде Туфанова находится сравнительно более ранний вариант этой статьи с незначительными разночтениями, а также одноименная статья, представляющая собой отдельное сочинение (см. ниже, «вортицизм <2>»), и сброшюрованная рукопись «Вортицизм в поэзии».

В тексте анализируемого стихотворения «Тју» есть разночтения с текстом, опубликованным в книге «К зауми» (Пг., 1924). Статья написана до публикации книги «К зауми»: если в статье Туфанов пишет, что он «приступил к составлению особых палитр», то в книге он приводит результаты этой работы.

¹ Термин «вортицизм» заимствован А. В. Туфановым из статьи: Венгерова З. Английские футуристы. С. 93 (см. также: Pound E. Vorticism // Fortnightly Review. 1914. 1 sept. P. 461—471; Pound E. Vortex Pound // Blast. 1914. N 1. June). Этим термином называли себя некоторые английские поэты и художники (Э. Паунд, У. Льюис и др.). То идейно-художественное содержание, которое А. В. Туфанов вкладывал в заимствованный термин, не имело отношения к тем идеям, которые проповедовали английские вортицисты.

² Туфанов цитирует по статье: Шкловский В. О поэзии и заумном языке // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1916. Вып. 1. С. 15.

³ Речь идет о рецензии: *Жирмунский В. М.* <Рец. на кн.> Р. Якобсон «Новейшая русская поэзия» // Начала. 1921. № 1. С. 213—215.

⁴ Речь идет о следующих строках:

Случится ли тебе в заветный чудный миг
Открыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и ледяным
Не передашь ты их значенья.

(Лермонтов)

О если б без слова
Сказаться душой было можно

(Фет)

Этими цитатами начинается статья: *Шкловский В. Б.* О поэзии и заумном языке. С. 1.

⁵ Перифраз положения из манифеста А. Е. Крученых «Декларация слова, как такового»: «Художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным». Туфанов, по-видимому, также цитирует по статье: *Шкловский В. Б.* О поэзии и заумном языке. С. 1.

ВОРТИЦИЗМ <2>

«Очень прискорбно, что мы (немцы)
не можем поражать<ся> греческим
метрам на немецком языке,
но мы не можем
(*Westpfal*, «*Griechische Metrik*»,
стран<ица> 52)

А мы все можем!
(*А. Т.*)

«Иди, могоатырь!
Шагай, могоатырь! Можай, можар!
Могун, я могу!»
(*В. Хлебников*)¹

Vortex — английское слово — обозначает вихрь, отсюда название — вортицизм.

Условия, нас родившие: 1) войны и революции, 2) музыка, 3) игры — в Овидия, Петрарку, Эдгара По, Малларме, Метерлинка, Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Бальмонта, Брюсова и др., т. е. всемогие,² 4) символизм (Малларме) с его утонченно-сложными приемами творчества, 5) идеал бродячей жизни, как следствие 1-й причины, и 6) уход к недумаящей природе — психологический синтез.

Народу, никогда не порывающему связи с природой, свойственно ощущение жизни *в движении*; поэтому в стиле его песен господствовал прием психологического параллелизма (см. труды акад<емика> А. Н. Веселовского),³ на смену которому в эволюции приема идут аккорды согласных и гласных фоном (при песенном произнесении).

Уходя к недумаящей природе, с самоощущением жизни в движении, мы не можем сохранить *слово* в качестве материала поэзии.

Слово — застывший ярлык на отношениях между вещами, и ни один художественный прием не вернет ему силы движения. Морфемы слов из класса флексирующих языков переплелись, срослись, утратили равновесие, появилось в этих языках «замирание морфологической делимости слов»,³ и акустические ощущения от них не вызывают *определенных* ощущений движения. Слова дают два вида образов, причем поэтический образ превратил поэзию в «образное мышление» (см. труды Потебни), чуждое природе.

Материалом поэзии вортицизма служат произносительно-слуховые единицы языка, *фонемы*, состоящие из психически-живых элементов — *кинем* и *акусм*. «Звук» речи сам по себе есть движение кинем и акусм, с параллельным им движением акустического ощущения; он так же близок к природе, как музыкальный звук и как жест в орхестике Isedor'ы Dunkan, где материалом искусства служит *само движение*, наполняющее время музыкального ритма.

Фоническая «поэзия», музыка и орхестика суть искусства, представляющие идею красоты в последовательности движений во времени.

Ритм состоит в ясном и для слушателя расчленении времени, занимаемого произведением искусства, причем часть ритмики, обнимающая приложение законов ритма специально к звукам речи, называется метрикой.

«Поэзия» (образное мышление) укладывается в формы, соответствующие логическим требованиям речи, но не подчиняется такту, расстраивая его ради *вразумления* и не допуская протяжности слогов, следовательно, *слова* вполне ритму не подлежат.

При расчленении времени мы не лишаем его сущности; оно остается последовательным и *качественным* множеством. Состояние сознания — не величина, а сила; оно не количество, а качество; оно — не измеряемо, а лишь воспринимаяемо; оно состоит из множества чередующихся элементов, взаимно проникающих одно в другое, не отделимых, не отличимых, неисчислимых и не могущих дать количество.⁴ Расчленение надо понимать как качественное чередование в виде единиц — проекций вовне, в звуках и жестах.

Каждая из согласных и гласных (5) фонем имеет свою функцию, внутреннюю телеологическую структуру. О В. Хлебникове пишут, что в «зауми» он пришел в тупик. Но, параллельно с художественным творчеством, я в настоящее время работаю над созданием особого словаря морфем английского и китайского языков, морфемы помогли мне установить определенные соответствия между категориями движений и согласными «звуками». Англ<ийский> и кит<айский> языки, относимые к классу изолирующих, наиболее совершенны.

Словари будут представлять из себя *две палитры*, которые дадут возможность писать «стихи» в английском и китайском *жанрах*.

С этими «стихами» я буду выступать во всех странах земного шара; они будут везде равно понятны и равно «непонятны».

³ Проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. Петерб., 1912, 108 стран.

В стихах я ввожу долгие и краткие слоги (в два и один *chronos protos*); благодаря долготе я достигаю усиления ощущений центральных аккордов согласных.

Расширяется область применения размеров. Я ввожу все 28 размеров древних греков, в дополнение к другим метрическим достижениям к XX столетию.

Я пользуюсь пока что транскрипционным «научным» письмом и, ввиду его несовершенств, долготу показываю *удвоенной графемой* (aa, ii, uu, oo, ee), изменяя произношение морфем, что не имеет значения по существу. Образец из стихотворения «Тју» (1-я строфа):

Roor letl'us tl'uus teimtar taam
 Roo ringrip truups ritrit riing
 L'aark avlajf l'aa erin l'iin
 Criim rebid sii insed l'uus.⁵

Запись по *thesis'*ам и *arsis'*ам, из *rooring rin* — *roo* ставится самостоятельно, а формальная (случайная) морфема (*ri*)ng сливается со следующей основной (*rip*), в целях фонического произнесения.

Привожу для образца из словаря морфемы для фонемы *t*.

1) Из *английской палитры*:⁴ *tew* (мешать, железная цепь), *through* (мысль, меланхолия), *tin* (покрывать оловом), *tenet* (правило), *teach* (почуять), *tax* (налог), *tame* (угнетать), *take* (держат, поймать), *tail* (хватать за хвост), *tackle* (закреплять), *tack* (связать), *table* (стол) и т. д.

2) Из *китайской палитры*:⁵ *t'i* (остановить), *tan* (заграждать, противиться), *tan'* (вздыхать), *t'e* (железо) и пр.

3) *Русские* слова: тын, тень, тесный, тина, темь, тать, тайна и пр.

Палитры указывают, что *фонема t имеет психическое сцепление с ощущением встречного сильнейшего движения, разрушающего направление того или иного движения.*

«Слова» *танс, танс'*, «нестерпимого действия» которых не ощущал уже поэт Хлебников по прошествии некоторого времени,⁶ при моих телеологических палитрах оживают. *Они означали:* ощущение несвободного заторможенного движения и движения внутри, рожденного разностью двух силовых течений, из которых одно — в скрытой форме имеет направление к наименьшей и наиболее гладкой поверхности.

После краткого изложения поэтической фонетики следует поставить вопрос, в чем сущность поэтического приема в нашей поэзии, в чем сущность композиции с целью художественного впечатления?

Восхищаться произведением искусства можно только при условии чувства связи и порядка организуемого материала. Перейду поэтому к тематике. В нашей поэзии возможны только 2 отдела: *эфония* и *тематика*.

Обозначая долгие слоги знаком ⊥, а краткие — ∪, приведу ритмико-метрическую схему 1-й «строфы» из «Тју»:

г ⊥ о ⊥ ∪ ∪ l' ⊥ u ∪ ∪ t ⊥ a
 г ⊥ o ∪ ∪ r ⊥ u ∪ ∪ r' ⊥ i
 l' ⊥ a ∪ ∪ l' ⊥ a ∪ ∪ l' ⊥ i
 г ⊥ i ∪ ∪ s' ⊥ i ∪ ∪ l' ⊥ u

⁴ В английском начертании.

⁵ В транскрип<ионном> начертании.

Стихи — древнедактилические, versus catalecticus in bisillabum, катаlecticеские. Сильные аккорды при двух chronox protos.

Аккорд $\underline{\text{r}}$ — движение массы, переходящее в движение по линии; при переходе — остановка движения (t) перед лучевым (s). $\underline{\text{R}}$ и $\underline{\text{l}}$ — движения, взаимно противоположные и др<уг> друга пересекающие.⁷

2-я «строфа»:

daart dešdju diipn defdeš daart
daar<k> demdor deem distan duu
deem dešdim deem dedim deem
duu demdej door dimit⁸ deem

d ⊥ a ∪ ∪ d' ⊥ i ∪ ∪ d ⊥ a
d ⊥ a ∪ ∪ d ⊥ e ∪ ∪ d ⊥ u
d ⊥ e ∪ ∪ d ⊥ e ∪ ∪ d ⊥ e
d ⊥ u ∪ ∪ d ⊥ o ∪ ∪ d ⊥ e

Ощущение силы движения (тоски) в D.

3-я <<строфа>>

peeng afdet saan sejsij saan
soong sajlens sool saund saan
t' iin st' ilten tee-sitam t' iir
striim timin traam tejntag tjuu⁹

p ⊥ e ∪ ∪ s ⊥ a ∪ ∪ s ⊥ a
s ⊥ o ∪ ∪ s ⊥ o ∪ ∪ s ⊥ a
tl' ⊥ i ∪ ∪ t ⊥ e ∪ ∪ t' ⊥ i
r' ⊥ i ∪ ∪ r ⊥ a ∪ ∪ tl' ⊥ u

Ощущение лучевого движения (s) и преграды (t).

Теми же фонемами сопутствующие аккорды усиливают основные. Такова звуковая инструментовка. Фонемы и их аккорды представляют темы и сюжеты.¹⁰ Здесь есть единство (стиль), так как каждый из приемов требует другого, ему соответствующего.

Что касается вопроса о психических процессах творчества, то этот вопрос ждет вообще серьезной разработки.

А в частности о приведенном стихотворении могу сказать. Написано оно на берегу Невы за городом. Движение реки без гранитных берегов, челн посередине — такова внешняя обстановка вдохновения, вызвавшая вихри чистых морфем в хаосе. За недостатком места перечислю элементы вихря только для 1-й <<строфы>>:

- 1) roar, cream, rip, rabid, troops, retreat, ring
- 2) рев, пениться, разрываться, яростный, рать, заря (вечерняя), звучать
- 3) let, loose, life, lower, lin, lose
- 4) пустить на волю, жизнь, хмуриться, водопад, растеряться
- 5) tame, tar, taarn
- 6) угнетать, мертвый, топь
- 7) sea, sad
- 8) море, печальный.

Вихри односложных морфем и акустических ощущений акусм выделяют одни основной «звук» $\underline{\text{r}}$, психически сцепленный с движением массы

воды (Невы), переходящим в движение по линии. В самом вспыхивании вихря морфем с основным \underline{r} уже есть наличность телеологического устремления самоценного «звука».

Слиянию всех \underline{r} в вихре соответствует в стиле построение аккордов. Сам аккорд есть тоже *vortex*, перенесенный в стиль.

Оставив в стороне вопрос о группировке аккордов как поэтической теме, скажу еще, что в процессе творчества происходит установка на выражение через *движение* в стихе морфем: концы морфем и второстепенные морфемы сливаются в *arsis*'ах в особые звуковые единицы, освобождая *thesis* в наиболее свободном виде.

Наша поэтика будет подвижной, вихревой, текучей, как сама поэзия и как сама жизнь. Я наметил только то основное, что не исчезнет, представляя установление начал лингвистам по нашему художественному материалу.

В заключение скажу, что «понять» нас можно только при уходе к недумающей природе. Пушкина, Шишкина и Петипу непременно надо сохранить... для «вразумления» тех, кто живет в пространственном восприятии мира.

А для нас «прошедшее» всегда втекает в настоящее, а «будущее» — то же настоящее и тоже с погруженным в него прошлым. Оторванных, не слитых этих времен мы не приемлем. Существует только одна прекрасная мгновенность, умирающая и воскресающая бесконечно.¹¹

В утешение старому миру скажу еще, что Пушкиных мы не только сохраним, а обещаем еще их *играть*, чтоб их не забыли: мы будем иногда, погруженные «в заботы суетного света», писать, как Овидий, Энний, Петрарка, Эдгар По, Пушкин, Фет, Тютчев, Бальмонт и др.

Мы все можем!

«Могей, мое Я!

Моганствуйте, очи!

Шествуйте, очи!

Шествуйте, моги!

Могай, могац! Могей, могац!

Иди, могатерь!»*

Истинное дыхание самой жизни, вечно трепещущую юность несем мы в мир, и душа человечества уже чувствует себя влажной от юных сил, приливающих к ней.

Мир становится прекрасным, а еще прекраснее становится личность человека, с ее пламенным устремлением к неудержимой свободе и к разрушению вселенной в *пространственном восприятии* ее человеком.

Мы разрушим ее и *упраздним даже смерть*,¹² а новой вселенной, взамен смерти, дадим... *самих себя*, самих себя, как солнцелейную пляску в лазурной мгновенности под вихревые аккорды звуко-шумов и жестов.

Александр Туфанов

<1922—1923>

* Стихи В. Хлебникова.

Автограф с незначительной правкой, с элементами старой орфографии (нерегулярное *i*). Представляет собой самостоятельный текст, отличный от текста статьи «вортицизм <1>». На обороте последней страницы публикуемой статьи написан адрес: «Адрес: Петроград, 8-я Рождественская, дом 21, кв. 7. Александр Васильевич Туфанов», что говорит о том, что статья предназначалась для публикации в журнале или газете, куда, возможно, был отослан перебеленный вариант. Напечатана не была.

Эта статья относится, вероятно, ко второй половине 1922—первой половине 1923 г.: в ней отчетливо слышится отголосок смерти Хлебникова и стремление Туфанова продолжить его деятельность по созданию нового типа поэзии. В анализируемом стихотворении «Тју» есть разночтения с текстом, опубликованным в книге «К зауми» (Пг., 1924), которые позволяют считать и текст стихотворения и статью в целом написанными до завершения работы над книгой (дата заглавной статьи книги, в которой изложена концепция зауми: «Октябрь 1923 г.»).

¹ Цитата из книги В. Хлебникова «Зангези» (М., 1922)

² Неологизм, созданный Туфановым под влиянием текста из «Зангези», вынесенного им в эпиграф.

³ Имеется в виду работа: *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. СПб., 1898; *Веселовский А. Н.* Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. С. 130—225.

⁴ Вольная цитата из книги: *Гранжан Ф.* Революция в философии. Учение Анри Бергсона. С. 49—55.

⁵ Окончательный вариант этого стихотворения см. в книге «К зауми» (Пг., 1924. С. 29).

⁶ Туфанов имел в виду следующее признание В. Хлебникова: «Когда я писал предсмертные слова Эхнатена — манч, манч, они производили на меня нестерпимое действие. Теперь же я их больше не ощущаю. Отчего — не знаю». Эти слова Хлебникова были почерпнуты Туфановым из статьи: *Жирмунский В. М.* <Рец. на кн.> Р. Якобсон «Новейшая русская поэзия». С. 215.

⁷ В более раннем варианте статьи далее: «Аккорд *г* вызывает ощущение хаотического движения, переходящего в движение ему поперечное по линии; при переходе остановка движения (*г*). Аккорд *л* — вызыв<ает> ощущение движения по линии, переходящего в хаотическое движение к лучевому (*с*). Сюжет в последнем аккорде в ощущении движения по линии (*л*) после хаотического и преграды».

⁸ Первоначальный вариант «строфы» в этом варианте статьи (вычеркнутые буквы выделены курсивом):

daart dešdju diipn defndeš daart
daarkn demdor deemn distans duu
deemn dešdim deemn deddim deemn
duu deemdej door dimit deemn

⁹ Первоначальный вариант «строфы» в этом варианте статьи (вычеркнутые буквы выделены курсивом):

peengs afdet saan sejsij saan
soong saj lens sool saund saan
t'iin st'iltenk tee-sitam t'iir
striim timing traam tejmtag tjuu

¹⁰ В первоначальном варианте статьи далее: «*рstr* и *ssrt* <являются> мотивами, *ssst* (последний аккорд) сюжетом».

¹¹ Вольная цитата из книги: *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1914.

¹² О способности человечества «преодолеть всякое сопротивление и победить многие препятствия, — быть может, даже смерть», — писал А. Бергсон (*Бергсон А.* Творческая эволюция. С. 242). Утопические идеи победы над смертью и воскрешения мертвых были достаточно широко распространены в начале 1920-х гг. в литературно-художественной среде.

Фотопортрет Вл. А. Рышкова
с дарительной надписью Б. Л. Модзалевскому.
<1899>.
(РО ИРЛИ)

И. А. Ерменев

Портрет неизвестного офицера армейской пехоты. Миниатюра.

1792 г.

(ГРМ).

Воспроизведено по: *Савинов А. Н.* Иван Алексеевич Ерменев. Л., 1982

Л. И. Аверьянова.
Фото. 1930-е гг.
(Частное собрание)

Лида Аверьянова.
Фото. Начало 1910-х гг.
(Частное собрание)

Л. И. Аверьянова.
Фото. 1937 г.
(Частное собрание)

М. М. Казмичев.
Фото. 1950-е гг.
(РО ИРЛИ)

А. В. Туфанов.
Фото. 1907 г.
(РО ИРЛИ)

Туфановы. Слева направо: Николай, Василий Никитич (отец), Петр,
Александр.
Фото. 1900-е гг.
(РО ИРЛИ)

Николай Васильевич Туфанов,
младший брат А. В. Туфанова.
Фото. 1910-е гг.
(РО ИРЛИ)

Тансия Васильевна Туфанова
(во 2-м браке Виноградова), сестра
А. В. Туфанова.
Фото. 1913 г.
(РО ИРЛИ)

Николай Васильевич Туфанов,
младший брат А. В. Туфанова.
Фото. <1918>.
(РО ИРЛИ)

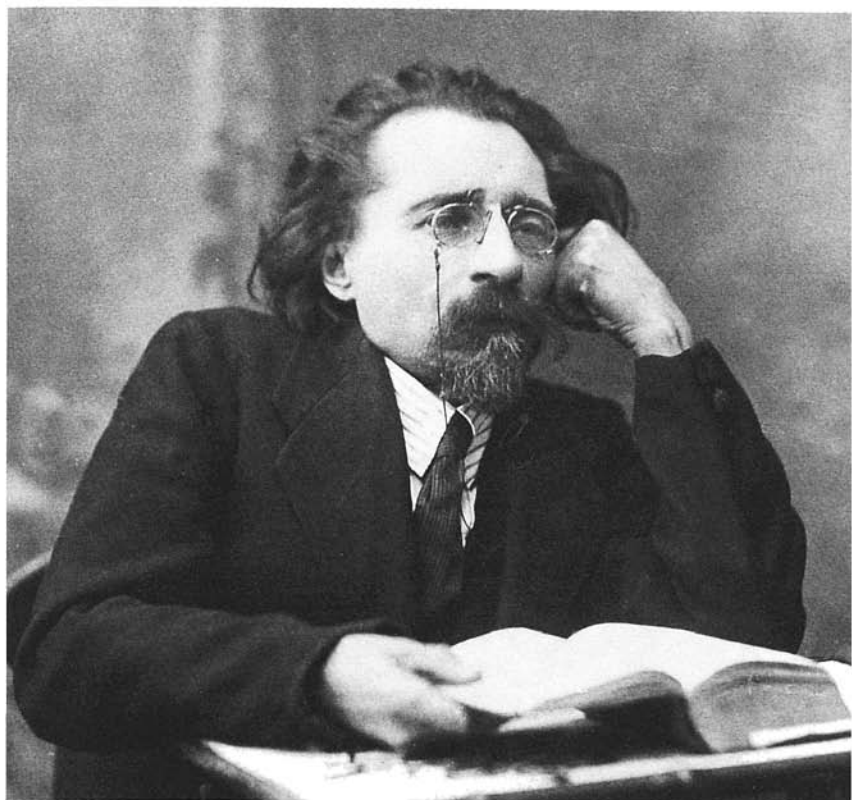
Братья А. В. Туфанова: Николай (сидит) и Петр.
Фото. <1918>.
(РО ИРЛИ)

Туфанова (в девичестве Тахистова)
Мария Валентиновна,
жена А. В. Туфанова.
Фото. <Около 1920>.
(РО ИРЛИ)

Александр Васильевич и Мария Валентиновна Туфановы.
Фото. Середина 1920-х гг.
(РО ИРЛИ)

А. В. Туфанов.

На обороте дарительная надпись жене, М. В. Туфановой: «Милой Мусиньке /привет из Новгорода / "Над Шекспиром". / А. В. Туфанов. / 25 /I 37 г.»

Фото.

(РО ИРЛИ)

Т. В. Жарова. Фото. 1943 г., сентябрь.
1-й Украинский фронт. Украина, дер. Коневщина.
(РО ИРЛИ)

А. Д. Алексеев.
Фото. 1943 г.
(РО ИРЛИ)

Школа в Спинове, 7-й класс. Фото. 1937 г. А. Д. Алексеев в верхнем ряду второй справа; Т. В. Жарова во втором ряду в центре, справа от классной руководительницы З. И. Максимовой.
(РО ИРЛИ)

Судомостство.

№ 4965

Мы Чины Ея Императорского Величества,
Име Императорской Духовной Канцелярии, по своему
имени свое, Его Присовестниковъ Ташмановъ, Су-
саревыхъ Императорскихъ и Архимандритовъ и Пала-
тарскихъ университетскому. Видяще ея свиретельство по
содержанию Императорской Духовнаго Духовнаго
суднаго, с рождени и крещени сына Ми-
хайловича Свѣтлицкаго и сына Кошманникова
Балакирева с Мисия, при Виссия сего въ дворянскую
родословную книгу, на основании 142 статьи 18 мо-
ла Кода законовъ, издана 1842 года въ томъ, что
въ имперскихъ книгахъ, поименованъ Императоръ
Горька Великаго Курьва отъ Свѣтлицкихъ
судовнаго за 1836 году погн. 31 ит. ит. ит.
Декабря двадцать первого числа у сиротскаго
въ Коллегіи Правленій Губернскаго Секретаря

Свидетельство о рождении и крещении М. А. Балакирева.
1846 г.
(РО ИРЛИ)

КАЗАНСКИЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.

АТТЕСТАТЪ.

Предъявитель сего Милшй, Александръ сынъ, *Балакиревъ*, изъ дворянъ, имѣющій нынѣ отъ роду шестидцать лѣтъ, обучался съ 30 Сентября 1846 въ Нижегородской Губернской Гимназій, а за тѣмъ съ 6 Сентября 1849 года въ Нижегородскомъ Александровскомъ Дворянскомъ Институтѣ; во все время учения своего былъ поведенія *хорошаго*, и въ преподаваемыхъ предметахъ оказалъ усердїи:

№ 2672

Въ Законѣ Божіемъ, Священной и Церковной Исторіи *отличные*,
Русской Грамматикѣ и Словесности *хорошіе*,
Математикѣ *отличные*,
Физикѣ *отличные*,
Исторіи *отличные*,
Географіи *отличные*,
Естественной исторіи *хорошіе*,
Россійскомъ Законовѣдѣніи *хорошіе*.

Въ языкахъ:

Латинскомъ *достаточноые*,
Французскомъ *достаточноые*,
Нѣмецкомъ *хорошіе*.

Въ рисованіи, черченіи и чистописаніи *хорошіе*.

Въ слѣдствіе того съ утвержденія Г. Попечителя Казанскаго округа отъ 17 Июня 1853 года за № 1927 предоставляется

Аттестат, выданный М. А. Балакиреву Нижегородским Александровским дворянским институтом об окончании полного курса.

1853 г.

(РО ИРЛИ)

Прочитавши в газете известие о Вашей
Болезни, я, конечно, был Вашим другом и
вашим берновским и Вашим здоровьем. Хотел
бы Консульту Вашим Те Делом, много бы хотел
испытать через меня бытие и напористую
Симфонию. — Отвръ чинен
Гассман

Телеграмма М. А. Балакирева Г. Берлиозу.
Черновик.
<1869>.
(РО ИРЛИ)

ОСНОВЫ НОВОЙ ЭСТЕТИКИ, КОМПОЗИЦИЯ КРЕСТЬЯНСК<ИХ> ПЕСЕН И СОНИРУЮЩАЯ ЗВУКОВАЯ ПОЭЗИЯ

Программа

I. Восстание нового человека против интеллектуализма и устремление его к разрушению вселенной в пространственном восприятии ее человеком.

Капитуляция разума перед инстинктом, гибель «незыблемых основ», социалистических утопий и пр.; переворот во всей духовной жизни человечества.

Искусство. Динамическое Я и статическое Я по Бергсону. Мир идей и эмоций при пространственном восприятии и при 4-м измерении. [Динамическое Я и общество — непримиримые враги.]

Основные причины краха интеллектуализма. Время по Канту и Бергсону.

II. Крестьянские частушки — поэзия голого инстинкта. Метрика, ритмика и инструментовка частушек. Отмирающее содержание и устремление к красоте созвучий на фоне примитивной муз<ыкальной> мелодии.

III. Передача ощущения движений у первобытного дикаря. Первичные внутренние образы в согласных звуках. Передача комплексов сонлирующих звуков в слове, при его зарождении. Поэзия как прием видения и делания вещей в восприятии у дикаря и как схватывание отношений между ними у современного человека.

IV. Закон заторможения воспринимательного процесса в искусстве. Язык затрудненной формы. Анализ [стихов Хлебникова и др.] звуковых стихов по аккордам нажимных согласных. Процессы творчества «заумных» стихов. Числовые законы звуковых аккордов.

V. Трагические сумерки обавтоматизированного человека. Распад личности. Пространственное восприятие. Рождение новых Ваятелей Вселенной. Vortex.

РИТМИКА И ИНСТРУМЕНТОВКА НОВЫХ ВЕЛИКОРУССКИХ ПЕСЕН

I. Обзор литературы о частушках: этнографический подход к ним и пренебрежение <новыми> частушками, в которых образ эволюцион<ирует> к созвучию. Методологич<еские> ошибки, спутанность понятий о метрике, общие причины невосприятия дифференциальных ощущений от языковых явлений. Частушки Архангельской губ<ернии>.

II. Основы древнеклассич<еского> стихосложения. Ритм по Аристоксену и метрика. Аккомпанемент частушек. Ритмика и метрика частушек.

III. Инструментовка частушек. Метрическая последовательность дол<гих> и <нерасчлен<енных?> слогов и аккорды нажимных согласных. Замена психологического параллелизма с его принципиальным сопоставлением по признаку движения аккордами нажимных согласных для того же сопоставления и по тому же признаку.

Стихотворн<ый> текст частушек: строфные сонир<ующие> аккорды, основные законы, регулирующие и дисциплинирующие технику, преобладание носов<ых> и плавных, повторы созвучий (кольцо, стук, скреп, концовка), аллитерации, ассонансы, рифмы, сонир<ующие> аккорды, устремление к <1 нрзб.> созвучию и отмирающее образное содержание.

Значение сонир<ующих> аккордов на фоне музыки с ощущением движений, как новое содержание. Уход к звуковой поэзии, к «заумию» — есть уход к недумающей природе. Разгульное надволье нового человека. Вортицизм.

<1922—1923>

Два последних текста — автограф на двойном тетрадном листе. Написаны с элементами старой орфографии (с і, но без ъ и ѣ). На с. 1—2 беловой автограф программы лекции «Основы новой эстетики, композиция крестьянск<их> песен и сонирующая звуковая поэзия», на с. 3—4 черновые наброски лекции «Ритмика и инструментовка новых великорусских песен». Здесь же «Материал для устр<ойства> худож<ественных> вечеров», имеющий существенное биографическое значение:

Материал для устр<ойства> худож<ественных> вечеров

Кроме изд<ания> 1917 г. сборн<ика> стихов «Эолова Арфа» за время 1918—1922 гг. мною написано 200 стихотвор<ений>, отразивших скитальческую жизнь за границей, походную зарубежную жизнь, уход к недумающей природе, идеалы бродячей жизни и рыцарство славян, а наиболее ценными из них мне предст<авляются> стихи на «заумном языке», поэма «Казнь Смерти», драмлирень (в 4 действ<иях>) «В Эолию к Аляйме», лирика 1900-х. При устройстве моих стихов желательно произнесение стихов (одного со мною направления).

Обе программы составлены, вероятно, в 1922—1923 гг., что следует из содержания «Материала для устройства художественных вечеров» и из сравнения со статьями «Вортицизм <1>» и «Вортицизм <2>».

А. Д. АЛЕКСЕЕВ. ПИСЬМА ВОЕННЫХ ЛЕТ
(Письма к Т. В. Жаровой)

Публикация Н. А. Хохловой, вступ. статья Т. В. Жаровой

В 2003 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома от неизвестной нам корреспондентки — Таисии Васильевны Жаровой из подмосковного Переделкина пришло письмо (привожу его с некоторыми сокращениями): «Когда-то, в 1940 г., я окончила школу на ст. Спирово и на 4,5 года после этого ушла в Армию. Вместе со мной учились мои одноклассники, большинства из которых сейчас уже нет. С нами учился Алексеев Анатолий Дмитриевич, 1922 г. р. Мы все дружили и переписывались во время войны. Особенно интенсивной была переписка с теми, кто был в действующей Армии, на разных фронтах.

С А. Алексеевым мы переписывались до 1952 г., а далее — семьи, дети, переезды, болезни — и переписка оборвалась. Простить себе не могу!

У меня сохранились многие письма старых друзей, в том числе и Т. Алексеева, который окончил Герценовский институт и — по слухам — работал в вашем Пушкинском Доме, а я жила в Москве и работала редактором в книжном издательстве.

Знаю, что Т. Алексеев был одаренным человеком, истинным гуманистом и даже в годы войны писал стихи, которые одобрил А. Т. Твардовский. <...> Никто из одноклассников-петербуржцев о нем ничего не знает, хотя многие его разыскивали. И вот недавно удалось узнать, что А. Алексеев стал литературоведом, писал о Гончарове, работал в вашем уважаемом Пушкинском Доме. Так ли это? Жив ли он? Если Вас не затруднит, пожалуйста, ответьте мне или хотя бы пришлите адрес семьи сына. Это не прихоть, не старая любовь, а естественное желание старого человека (80 лет!) знать о своих друзьях юности. <...>

В конце жизни так хочется оставить хоть детям, внукам добрую память о друзьях юности, детства, о предках своих, о которых (в силу обстоятельств) тоже знали мало и теперь наверстываем забытое, хотя дней жизни осталось и мало.

Спасибо Вам за терпение, внимание, отзывчивость...».

Как секретарь Отдела я, разумеется, ответила на это необычное, очень живое и трогательное письмо: рассказала о научной судьбе Анатолия Дмитриевича,¹ сделала ксерокопию предисловия к его книге «Литература русского зарубежья», вышедшей посмертно.

Так — вполне официально — началась одна из тех историй, которые иногда бывают в практике архивной работы и которые нельзя расценить иначе, как награду, как «чудные мгновенья» уже не работы, нет, — жизни. Трудно сказать, что более желанно и любезно сердцу архивиста — архивная находка или «открытие» удивительного человека, такого, например, как Т. В. Жарова. Тем более, что очень часто обе эти «находки» сопряжены в единое, нерасторжимое целое.

Хочется вспомнить суждение акад. М. П. Алексева об одной уникальной особенности филологической работы: никакая другая отрасль науки не предполагает столь постоянного и многообразного человеческого общения. В этом ее особый гуманитарный смысл, человеческое обаяние. Это суждение в высшей степени справедливо и в отношении архивного дела, но с одной поправкой: встречи и знакомства здесь самые неожиданные, непредсказуемые.

За три прошедших года наши отношения с Т. В. Жаровой давно переросли из официальных в самые сердечные, дружеские (хотя последнее определение ввиду большой возрастной разницы, наверное, не вполне корректно). Были и встречи в Переделкине, и передача ценных материалов из ее личного архива в Пушкинский Дом (всю жизнь проработавшая литературным редактором в Московском отделении издательства «Детская литература», она знала и общалась с К. И. Чуковским, С. В. Михалковым, Л. А. Кассилем, Ю. М. Нагибиным, Е. З. Воробьевым, Ю. В. Манном² и мн. др.). Но в центре наших разговоров неизменно оставался Анатолий Дмитриевич Алексеев. Таисия Васильевна знала его в отроческие и юношеские годы, я — в последние два года жизни, чуждаватым и отчужденным, таким, каким его знало большинство пушкинодомцев. Совместить два эти

¹ Вот краткие биографические сведения о нем: «Алексеев Анатолий Дмитриевич (07.11.1922, Малая Вишера Новгородской обл.—11.09.1990, Ленинград); в ИРЛИ с 28.04.1952 по 11.09.1990.

Участник Великой Отечественной войны. Окончил рус. отд-ние ЛГПИ в 1951. С 1952 по 1956 работал в Литературном музее экскурсоводом и хранителем фондов. С 1957 по 1965 — сотр. Сектора библиографии и источниковедения, с 1965 по 1969 — сотр. Тургеневской группы Сектора новой русской литературы, с 1969 работал в Рукописном отделе, с 1972 зав. читальным залом. Область научных интересов: библиография, творчество И. А. Гончарова, литература русской эмиграции. <...> Составил картотеку, представляющую собой роспись содержания русских журналов нач. XX в. (до 1917), которая является уникальным источником сведений по культуре серебряного века. <...> Ему же принадлежит библиография по литературе русской эмиграции: „Литература Русского зарубежья. Книги 1917—1940: Материалы к библиографии“ (СПб., 1993).

Награжден медалями „За оборону Ленинграда“, „За оборону Заполярья“, „За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.“, „За победу над Японией“.

Основные труды: Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960; Библиография И. А. Гончарова. Гончаров в печати. Печать о Гончарове (1832—1964). Л., 1968» (Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 396).

² Ю. В. Манн в 1955—1957 гг. работал вместе со мной в редакции критики, теории, истории детской литературы. До сих пор мы с ним поддерживаем связь (*примеч. Т. В. Жаровой*).

образа: тот, что встает из писем Анатолия Дмитриевича военных лет, с тем, который запечатлелся в сознании, так трудно и так вместе с тем просто. Все, что было глубоко спрятано на исходе лет, в письмах — в этом разговоре, который он вел в условиях тяжелейших испытаний с любимой девушкой, — нараспашку, по-юношески трогательно и пронзительно. Письма удивительным образом дополняют и обогащают образ Анатолия Дмитриевича — впечатление неожиданности сменяется все большим и большим узнаванием...

Вместе с тем они — документ эпохи. Эпохи далекой и во многом забытой, трактуемой ныне слишком пристрастно. А для кого-то и вовсе неизвестной. Вот почему их публикация имеет в полном смысле историческое значение. А залогом несомненности этого значения служит нравственная сила этих писем: их чистота и подлинность.

Н. А. Хохлова

О друге Т. Алексееве

Наверное, каждый человек, подходя к последнему рубежу своей жизни, невольно возвращается к лучшим страницам пройденного пути, к именам дорогих и навсегда памятных людей. Так и я, оставшись одна, потеряв любимого мужа, с которым прожила более 50 лет, живу тем, что разбираю свой архив, без конца смотрю старые семейные и военные фотографии, вспоминаю лица родных и друзей, уже ушедших в иной мир. Среди них самые близкие, бывшие рядом со мной в годы войны, в годы напасти...

Так, разбирая груды дорогих мне бумаг, я недавно натолкнулась на пачку писем своего школьного друга Толи Алексеева, с которым проучилась с 7-го по 10-й класс в небольшом пристанционном городке Спирово по Октябрьской железной дороге. Его, как и меня, забросила туда неумолимая судьба.

Наша семья происходила из Твери — здесь жили все наши предки. Но в 1936 г. пришлось расстаться с родным городом. После тяжелой болезни и смерти отца сестра мамы предложила переехать к ней в Спирово: «вместе легче пережить горе», и мы согласились. До сих пор я храню в сердце благодарность: мы сразу ощутили на себе привязанность и доброту, свойственную старинной дворянской семье, из которой и происходила моя мама. Так мы оказались в Спирове в семье тети и ее мужа, директора местной школы, учителя-биолога.

В прошлом тоже учительница, мама из-за нервного потрясения, вызванного смертью любимого мужа, не смогла работать по профессии и спустя некоторое время стала бухгалтером на местном стекольном заводе. Нам отвели комнату на втором этаже деревянного дома. Первое время трудно было привыкать к новым людям, трудному быту. Мы чувствовали себя чужими, оторванными от родной городской среды.

Спирово считалось узловым станцией — с таким же типовым эллипсообразной формы большим вокзалом с крытыми платформами, как в Твери и на других крупных станциях, существовавших еще со времен Николаевской железной дороги. Помню, как мы бегали, чтобы успеть увидеть про-

езжающих из Ленинграда в Москву героев-летчиков, папанинцев. А в годы войны с Финляндией, в 1939 г., провожали на фронт эшелоны с военными. Во время Великой Отечественной войны станцию много раз бомбили. Наш дом стоял рядом со станцией, и в школу я ходила через железнодорожные пути, подлезая под вагоны. Идти на переезд не хотелось.

В Спиروه были стекольный завод, льнозавод, две средние школы, три или четыре начальных, дом пионеров и Летний сад — место отдыха и развлечений. Одна из школ находилась в ведении РОНО (именно в ней директором был мой дядя), другая — в ведении Октябрьской железной дороги; в нее я и поступила. Школа пользовалась определенными привилегиями, поскольку подчинялась школьному отделу Октябрьской железной дороги, находившемуся в Ленинграде. Вообще в те времена железнодорожники (путейцы, как их называли) были особым сословием, их ценили, отмечали. Нам, школьникам, давали бесплатный проезд на олимпиады, соревнования; в клубе железнодорожников мы по 10 раз смотрели к/ф «Чапаев», «Юность Максима», «Сестры» и только что вышедший фильм «Дети капитана Гранта» с Черкасовым в одной из главных ролей. Был там и спортзал, где мы играли в волейбол.

Не случайно именно в эту школу, в 7-й класс, поступил и Толя Алексеев: его отец был путейским инженером, направленным в 1937 г. из Ленинграда в Спирово. Семья Толи, как и наша, жила рядом со станцией в отдельном «инженерном» доме, окруженном сиренью. Знаю, что он был почителен с родителями, любил их непоказной любовью и никогда не говорил о домашних делах (не было принято). Его родителей близко я не знала.

В те годы школа была для нас вторым домом. Нам повезло с учителями, так как многие из них в прошлом были гимназическими преподавателями. Спасибо им и светлая память: они знали не только свой предмет, но и старые манеры, прививали уважительное отношение к взрослым, родителям, не позволяли смеяться над слабыми.

И еще особенность тех лет. Городок-поселок окружали деревни, у многих наших ребят дома не было книг. И наша учительница по литературе — милая З. И. Максимова — назначала по очереди вслух, стоя у доски, рассказывать всему классу содержание того или иного романа, повести. Чаще всего это приходилось делать мне или Толе (у нас дома были свои библиотеки), мы много читали.

В школе был прекрасный актовый зал со сценой. Он был и физкультурным, и танцевальным, и зрительным. Мы участвовали в драмкружке, ставили к юбилею Пушкина инсценировки, проводили концерты; поставили «Грозу» Островского и ездили с этой постановкой в другие школы. Когда к нам пришли новые молодые педагоги (муж и жена Шитиковы): он — директор школы, она — химик, мы стали разучивать «западные» танцы, до того «запретные», осмеянные: танго, фокстрот.

Вскоре у нас сложилась небольшая компания: Толя Алексеев, москвич Женя Ратьковский, а также местные ребята и, как принято было говорить, девчата: Сергей Разгулов (в будущем летчик), Аркадий Котов (погиб в войну), Лида Фирсова (потом ленинградка, химик по образованию), Тамара (симпатия Т. Алексеева). Среди девочек я была единственной приезжей.

Лидером компании сразу стал Ж. Ратьковский. О нем как о лучшем друге вспоминал в военных письмах Толя. Он восхищался им и никогда не претендовал на первые роли. Сам Толя отличался скромностью, даже застенчивостью и еще — какой-то особой литературной одаренностью. Душа его была доброй, незлобивой, он не любил ссор и никогда не позволял говорить что-то плохое о друзьях или о своих строгих родителях. В этом было какое-то мальчишеское, почти рыцарское благородство. Совершенно непоказное, столь далекое от нравов спировской среды, от привычного тогда удалства, лихости, бахвальства, споров «на американку» («А слабо залезть на столб?», «А слабо свистнуть на уроке истории?»). Порой так нелепо мы проявляли свою «смелость»; но не помню, чтобы Толя обижал учителей или «отличался» в подобной «лихости». На все это у него была милая, застенчивая улыбка воспитанного человека.

Моя очень требовательная мама из всех моих школьных друзей отличала Толю, считая его «по-настоящему воспитанным мальчиком», и ругала меня за то, что я дружу с его другом Женей. О, мамы, прозорливые мамы!

То предвоенное время было особым. Особыми были и наши занятия, увлечения — они были пронизаны подготовкой к войне. Мы увлекались спортом, участвовали во всех военных кружках, имели значки «Ворошиловский стрелок», «ПВХО»,¹ «ГСО»,² «ГТО». ³ Гордились ими. Все хорошо ходили на лыжах, стреляли. У меня сохранилась фотография «значкистов». Даже столярное и слесарное дело (а был и такой предмет в школе!) казалось нам нужным. Я очень любила строгать, пилить, до сих пор помню запах стружки; но слесарный станок не любила. Разумеется, девочки учились и санитарному делу.

Совершенно особыми, вряд ли сейчас понятными, были наши нравы и стремления, наши кумиры. Главной доблестью считались смелость, отчаянность, верность. Мы «учились» подлезать поддвигающиеся вагоны, прыгать с железнодорожного моста в реку, плавать на самодельном плоту (а самые смелые подныривали под него). Прыгали с парашютной вышки, с трамплинов. Испытывали себя и таким образом: на ходу с лыжами залезали на площадку товарного вагона, а потом, сбросив связанные лыжи, прыгали с поезда на самом крутом откосе и быстро вновь надевали лыжи. Дома, особенно наши мамы, многого не знали; мы жалели их... Это было во время войны с Финляндией.

Как и все в те годы — годы «челюскинцев», папанинцев, перелетов через Северный полюс В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова, А. В. Белякова, М. М. Громова, мы мечтали стать летчиками. Фильмы о летчиках («Истребители») и пограничниках («Джувльбарс») были нашими любимыми. Много давало радио — шли спектакли МХАТа, Малого театра, было много литературных передач, классической музыки. Это несло из всех «черных тарелок», что висели и в домах, и на улице.

Смешная деталь. Мама разрешала мне быть дома не позднее 12 часов, но называлось это в шутку так: «Если заиграет „Интернационал“ (он зву-

¹ «Противохимическая оборона».

² «Готов к санитарной обороне».

³ «Готов к труду и обороне».

чал в 24-00), а тебя еще нет, я закрываю дверь». Мама стояла у форточки и с тревогой ждала, а мы по очереди провожали с танцев друг друга всей гурьбой.

Толя, обычно не по-спировски галантный, стеснительный, не сразу осмелился танцевать с «дамой». Но потом все-таки ходил танцевать в Летний сад, где была специальная танцплощадка, духовой оркестр.

И все же время пахло войной... Мы спорили о «пакте Риббентропа и Молотова» и знали, что, «если враг нападет...», «мы готовы». После школы ребят сразу забрали в армию, в том числе и Толю, — в военное училище. Трудно поверить сейчас, но тогда те, кого «забраковывали» и не брали в армию (особенно из деревень), считали себя обиженными, изгоями. Даже родители верили, что армия сделает из них настоящих мужчин, научит, закалит. И проводы в окрестных деревнях были шумными, многолюдными, почти праздничными. Мы ходили на них смотреть.

Итак, мы закончили школу. Началась новая жизнь: девочки поступили в институты, ребята пошли в армию, в военные училища, кого-то взяли на железную дорогу.

В 1940 г. я пыталась поступить в МИФЛИ,⁴ но из-за немецкого языка не прошла по конкурсу. Пришлось вернуться в Тверь. Здесь с оценками МИФЛИ меня приняли без экзаменов на филологический факультет Пединститута. В первый же день войны прямо с экзаменов мы с подружкой пошли в военкомат, выстояли очередь, но получили отказ («Что вам там делать? Война скоро кончится...») и совет идти оборудовать в школе госпиталь. Так и не сдав античную литературу, 25 июня 1941 г. я стала санитаркой госпиталя, располагавшегося в Твери, училась на трехмесячных курсах медсестер РОККа⁵ и почти овладела профессией. Мы все стали донорами (особенно те, у кого I группа крови, как у меня).

Враг пришел неожиданно, мы еле успели погрузить раненых в вагоны и отправить в тыл, а сами — мы были вольнонаемными — бежали через волжский мост, который на наших глазах разбомбили. Город был оккупирован 14 октября 1941 г. Пришлось пешком (железная дорога не работала) две недели добираться до Спирова к маме. Расспрашивала об одноклассниках, но никого из них здесь уже не было.

Спустя два месяца Тверь освободили, и я вернулась в город — заснеженный, с разбитыми домами, трупами на льду Волги, с могилами немцев у памятника на центральной площади... Мы с подружкой пошли в РК ВЛКСМ и записались добровольцами в Армию. Нас отправили на Калининский фронт, под Ржев в 4-ю Гвардейскую штурмовую авиадивизию, которой командовал наш общий кумир Г. Ф. Байдуков. С ней я прошла всю войну. Нас учили на связистов, а потом, когда в полку выбыл врач, меня взяли в санчасть роты медсестрой. От Ржева самолетом нас перебросили на Курскую дугу, потом мы прошли всю Украину, Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. Демобилизовалась я 3 августа 1945 г. и вернулась в Тверь на второй курс института (который закончила в 1948 г.).

⁴ Московский институт философии, литературы, истории.

⁵ Российское общество Красного Креста (готовило медсестер).

Переписка с Толей началась в 1942 г., еще тогда, когда я была на Калининском фронте, а он — в Заполярье, потом под Ленинградом. Получая мои письма, следя за стремительным передвижением нашей части, он страдал от того, что по-прежнему сидит в Заполярье. Но это «сидение» стоило многого. У Толи была редкая специальность — радио: «глаза» и «уши» неба, вылазки в тыл врага. Но писал он об этом просто, буднично, без всякого хвастовства и показного героизма. Помню, как однажды меня встревожило его долгое молчание. Оказывается, он ходил в тыл врага...

Какую радость приносили письма, какими близкими вдруг стали наши интересы, взгляды! Странно, но эта переписка в военных условиях, в условиях цензуры, не позволявших писать о военных делах, все-таки многое открывала нам: новых людей, обычаи, страны. Мы оба по возможности пытались что-то читать, писать об увиденном крае. Его письма были полны раздумий, тонких наблюдений, любви к друзьям-однополчанам (это было и у нас в части). Вообще война раскрывает человека как на рентгене — и ты видишь сразу, кто чего стоит. Мне нравились его стихи, я верила в его литературное будущее и ценила тот бережный, товарищеский, дружеский тон, который был в наших письмах. Мы никогда не вспоминали ни Тамару, в которую он был влюблен еще в школе, ни Евгения, который ухаживал за мной. Наша переписка была почти братской, откровенной, близкой по духу, так как я тоже любила литературу и с ней связывала свое будущее.

В годы войны (это чудо!) без всяких марок, индексов, а только с номером полевой почты шли письма из Вены, Праги в Корею, Порт-Артур. И доходили, и возвращались, если часть передислоцировалась. Помню, одно Толино письмо я получила, когда мы на полутораках перебазировались через Трансильванские Альпы. Была ночь, горы, машины стояли во тьме, а внизу в ущелье — сломанная техника, убитые, и мы читаем письма, пряча от «Мессера» огонек фонаря. И я, и Толя знали радио, морзянку, а потому иногда писали два-три слова точками—тире.

Сейчас, когда почта так плохо работает, когда сам эпистолярный жанр почти исчезает за телефоном, Интернетом, письма кажутся не только редкостью, но и драгоценностью, лучшим свидетельством тех лет, характеров, аромата времени. Вот почему 60 с лишним лет при неоднократных переездах я хранила эти старые дорогие листки, полученные когда-то от школьных друзей, однополчан и, конечно, родных. Увы, многих из них уже нет на Земле. Нет и Толи...

Последнее письмо от него я получила в 1951 г., когда мы жили в Подмосковье, и не ответила ему. Ругаю себя. Хотя именно это письмо должно было особенно порадовать меня. Он писал, что его мечта исполнилась: он окончил филологический факультет Ленинградского пединститута, женился, у него родился сын. Но у меня тогда лежал в госпитале муж, мы меняли место жительства, адрес где-то затерялся... Жалею, что и он, наверняка бывая в Москве, не заходил к нам: связь прервалась. Как и с другими одноклассниками. Господи, как непоправимо все это! Тем более, что наш дом был открытым, гостеприимным. И хотя мой муж был врачом, все наши друзья были из мира литературы, издательства, однополчане со всех концов страны, их дети. Да и в Ленинграде у меня были родные, я там бывала,

но адрес Толи изменился, Лиду Фирсову я еле разыскала, о Жене Ратьковском ничего не знала с войны... Так и прекратилась наша школьная дружба, о которой сейчас, как о лучших годах детства, юности, вспоминаешь на старости лет. Мне уже 83 года, а Толи нет с 1990 г. А где остальные?

Вот и еще одна родная душа отлетела, а память жива. Память добрая, благодарная. Память о верном друге, незаурядном, одаренном человеке, сумевшем найти свое призвание и сделавшем так много для нашей великой русской литературы. Спасибо ему, его родителям, его доброму сердцу. Светлой ему памяти!

Т. В. Жарова

1*

16 мая 43

Здравствуй, Тася!

Ты права, что твое письмо должно вызвать мое удивление. Вот уж этого я никогда не ожидал! Я бы никогда не подумал, что это пишешь ты, если бы не обратный адрес. Как изменился твой почерк!

Говорят, что с изменением почерка меняется и характер человека. И это вполне возможно, так как с тех пор прошло уже почти пять лет. Не верится — но это факт. И все-таки жаль, если ты не та, какой была когда-то. Жаль потому, что вряд ли мы вообще можем быть лучше, чем в то золотое время. А может быть, и наоборот. Ты прости меня за мою философию. Иногда прошлое всплывает, как сон, и в особенности на войне.

Так, значит, ты в нашей шкуре. Удивляться этому не приходится, ибо таких, как ты, сейчас тысячи. Думаю, что ты по медицинской части.

В общем, напиши о себе, если не секрет. Напиши тоже поподробней о своей жизни, а теперь я кратенько сообщу о себе.

До армии жил в Новгороде, в Териоках,¹ в Ленинграде. В армии с октября 40 г. Был в Ленинграде, где иногда встречался с Женей Р.² В настоящее время нахожусь на крайнем Севере, в Заполярье. Это не очень приятно, но ведь и здесь война.³ Первое время трудновато было привыкнуть к проклятой здешней природе, а теперь хоть бы что. Сейчас у нас еще местами лежит снег, но погодка замечательная. Круглые сутки светло, как днем, но солнце часа на два уходит за горизонт. Через каких-нибудь десять дней оно будет круглые сутки маячить. В общем, живу неплохо, хотя и не очень весело. Наверно, интересуюсь о моих боевых подвигах, но скажу прямо, что их пока нет. Фрицев приходится бить не своими руками, а техникой, за которой я сижу. Польза от этого, конечно, большая, чем у какого-нибудь ав-

* Общий объем писем А. Д. Алексеева к Т. В. Жаровой — 56. В настоящей публикации он воспроизведен почти полностью (за исключением четырех писем). Некоторые письма, в содержательном плане повторяющие предыдущие, приводятся с небольшими текстовыми сокращениями, которые обозначены многоточием в угловых скобках. Пунктуационный и орфографический режимы приведены в соответствие с современными нормами. При этом сохранены некоторые лексические особенности.

Местонахождение писем Т. В. Жаровой к А. Д. Алексееву неизвестно. По-видимому, они не сохранились.

томатчика, минометчика и пр., но эффекта того уже нет. Ты спрашиваешь, кто я. На это ответу только одно — сержант. Еще труднее ответить, какой я. По-моему, такой же, каким был и раньше.

Связь с друзьями и, в частности, со спиrowsкими потерял, кроме Женьки, которого отыскал с помощью его мамы. Он был и остается моим лучшим другом. Кстати, хотелось бы узнать, какие у тебя с ним отношения. Неужели не прежние?

Ну, что еще сказать? Родители живут в Ленинграде, пережили там все ужасы блокады и сейчас очень стали слабы здоровьем.

Ну вот, кажется, я и заканчиваю. Твою просьбу (втрое больше) выполнил и даже намного перевыполнил.

Очень давно я не писал таких длинных и откровенных писем, но тебе я пишу с удовольствием.

Очень интересуюсь, каким образом ты узнала мой адрес. Наверно, через Женю, и очень странно, если помимо его. Пиши! Жду!

Пиши мне по новому адресу:
Полевая почта 28546Д

А.

С горячим приветом!
Толя

¹ Ныне Зеленогорск.

² Ближайший друг А. Д. Алексеева, Е. Ратьковский.

³ Кольский полуостров занимал значительное место в планах гитлеровского командования. Основными стратегическими задачами противника на этом участке были захват в кратчайшие сроки Мурманска с его незамерзающим портом, пунктов базирования Северного флота, а также выход на линию Кировской железной дороги, соединяющей Мурманский порт с основной частью страны. Кроме того, захватчиков привлекали природные богатства Кольской земли, особенно месторождения никеля — металла, крайне необходимого для военной промышленности Германии и ее союзников. Для достижения этой цели на арктическом театре военных действий была сосредоточена армия «Норвегия» в составе двух германских и одного финского корпусов, которую поддерживали часть сил 5-го воздушного флота и ВМС Германии. Им противостояла советская 14-я армия, державшая оборону на Мурманском и Кандалакшском направлениях. С моря 14-ю армию прикрывали корабли Северного флота.

Первые авианалеты в Заполярье фашистская авиация провела уже в ночь на 22 июня 1941 г. Активные боевые действия начались 29 июня 1941 г. К осени стало ясно, что блицкриг в Арктике сорван. Ведя тяжелые наступательные бои, советские войска заставили противника перейти к обороне.

В 1942 г. основной ареной сражений в Заполярье стала Северная Атлантика. В первую очередь это было вызвано начавшимися поставками странами — союзниками СССР по антигитлеровской коалиции боевой техники, продовольствия, военного снаряжения, других грузов. В свою очередь Советский Союз поставлял этим странам стратегическое сырье. Всего за время войны в порты Мурманска и Архангельска прибыло 42 союзных конвоя (722 транспорта), из СССР было отправлено 36 конвоев (достигли порта назначения 682 транспорта).

7 октября 1944 г. части 14-й армии и корабли Северного флота при поддержке авиации 7-й воздушной армии и ВВС флота начали Петсамо-Киркенесскую наступательную операцию, в ходе которой территория Заполярья была полностью освобождена. В целях завершения разгрома противника советские войска 22 октября 1944 г. перешли норвежскую границу и начали освобождение Северной Норвегии.

Следовательно, А. Д. Алексеев был направлен в Заполярье (на Кольский полуостров, в район г. Беломорск) в период, когда произошел коренной перелом в ходе военных действий и стала возможной подготовка наступательной операции.

2

18 июля 43

Здравствуй, дорогая Тася!

Получаешь ли ты мои письма? А я уже больше месяца не получаю ни от кого, но пишу примерно с такой же последовательностью. Из дома скоро должны прийти первые вести, а от тебя еще очень долго ждать, и срок этот будет тянуться, наверно, не менее двух месяцев. Но что же делать?! Тасенька, ты не знаешь, как я привык к твоим письмам, а отвыкать от них очень и очень трудно. И все это ты виновата! Иногда (только такие минуты бывают редко) думаешь: к чему все это, зачем эти откровенные дружеские письма, зачем обманывать себя? Ведь и самые лучшие друзья после определенного периода могут остаться просто знакомыми, а это бывает часто. Я сознаю, что в отношениях с тобой зашел очень далеко, да мы уже и не раз писали об этом. Вот так можно зайти, а потом заблудиться, растеряться и т. п. Я не боюсь этого и не хочу себя предостеречь, а если уж и будет это (а может быть, частично уже и есть), то пусть. Ведь это не с кем-нибудь, а с тобой — ты же особенная. И опять ты меня назовешь «пессимистом», но я ко всему готов. Я отвык от «дружб» с девушками, а в особенности таких странных, письменных, а потому так горячо на все реагирую. Осуждай меня за мою философию, если она этого заслуживает, но ведь я предупредил тебя, что она временная и рассеивается очень быстро. Нам сейчас свойственно все подобное, а значит, и многое должно быть простительно. Ну ладно, хватит об этом, а то я могу нагородить всего. Ты мне, конечно, дашь свои комментарии по этому поводу и, без сомнения, более реальные и здравые. Как бы хотелось получить их сейчас немедленно здесь, по эфиру! А вообще-то я очень и очень рад, что мы так хорошо понимаем друг друга. Мне кажется, что мы намного больше стали знать друг друга, чем знали когда-то в бытность. Не так ли? Я не знаю, что ты мне писала в письмах, которые я не получил ввиду моего перемещения, — жаль, но для меня будет большой праздник, когда я вновь увижу твой конверт.

О себе писать много не буду. Наши будни очень схожи и особенно в то время, когда нет постоянства. Я тебе уже писал, что декорация моей жизни сменилась, но принцип жизни и работы остался прежний. Местность, где я нахожусь, исключительно живописна. Ты мне часто писала о красоте украинской природы, и я с интересом читал, но так как сам никогда не был в ваших краях, то, конечно, и не понимал так, как понимаешь ты. Да, я человек северный (но не полярный), и всё южное мне кажется каким-то чужим. Погода стоит у нас жаркая, и всё же не такая жаркая, какая сейчас у вас. Расположились мы около трех озер (а их здесь сотни), по обеим сторонам которых живописно разбросаны домики и сарай, почти все выкрашенные красной, белой и др. красками. Кругом рожь, овес, пшеница и небольшие рощи. Нельзя сказать, что здесь поселок, и самое главное — здесь никогда не встретишь того однообразного русского, когда все постройки тянутся

одной улицей, которая может тянуться больше км., вроде Карабихи и др. Гражданского населения нет, и если где и встречалось, то очень редко. Можно бы написать больше, подробнее обо всем, но некогда, да и незачем. Я и так сегодня пишу очень много, так как есть возможность, и это, наверно, будет нечасто. Ты не обижайся на меня, если буду в дальнейшем писать коротко и сжато — время не то, что под Мурманском. Пиши сразу, как получишь, очень прошу, если есть возможность. Не сегодня-завтра я буду еще дальше. До Хельсинок еще далеко, но, может быть, в скором времени и там побывать придется. Когда вернемся домой — загадывать еще трудно, но скоро. И эта мысль почему-то очень часто сейчас навещает. День и ночь дрожит лес от мощной канонады, и она ясно говорит, что Гродно наше, что победа недалеко.

Желаю всего самого лучшего!
С горячим приветом!

Опять Лешка
Толя

3

20 июля 43

Добрый день, Тася!

<...> Ты права, что твоя открытка для меня явится неожиданностью, и, если бы не обратный адрес, я бы ни за что не сказал бы, что это пишешь ты. Да и вообще разве можно было предполагать, что спустя почти четыре года и в такие дни, хотя и на бумаге, придется тебя встретить. Почерк твой очень изменился. Говорят, что с изменением почерка меняется и сам человек. Неужели такая резкая перемена и с тобой? Ну, об этом ты мне напишешь, и хотелось бы, чтобы тоже поподробней.

Из спировских ребят я держу связь только с Женей Р. От него я скупо узнал, что ты в армии, гвардеец: никак не можешь ты уложиться в моем представлении солдатом. Я много встречаю девчат в нашей шкуре. Смех и слезы. Ты не обижайся на меня, ибо я не говорю в частности о тебе, а вообще о всех. Напиши мне, что делаешь на войне и приблизительно где находишься.

Теперь скажу о себе и о своей жизни. Защищаю сейчас Заполярье, где уже нахожусь второй год. Живу хорошо и пока спокойно. Конечно, скучновато, да и Север надоел уже до предела. Кругом сопки с мелким кустарником и чахлыми елочками, река и небо. Май был холодный, хоть в шубе ходи, июнь немного потеплее, и только сейчас, в июле, ходим в трусах и майках, загораем и купаемся. Ночи, конечно, у нас нет, и солнце маячит круглые сутки. Вот и все прелести заполярной жизни. Немцы ведут себя спокойно, да и мы пока особенно не кипятимся. Сфера моя — эфир. Ты как будто бы тоже по этому делу. Стучишь или только слушаешь?¹

По званию я сержант, наград никаких не имею. В общем, личность ничем не привлекательная. О прошлой своей жизни скажу кратенько. До войны учился в Ленинграде, где несколько раз был у Жени и встречался с Разгуловым, Артёмом, Котовым и др. ребятами.² Потом был в Выборге, объез-

дил весь Карельский перешеек, защищал Ленинград, был в блокаде, где пришлось хлебнуть и голода, и холода. А с 1942 г. на настоящем месте. Родители до сего времени в Ленинграде. Не знаю, на кого они теперь похожи. Пишут, что сейчас пока все благополучно, но за будущее не ручаются и тревожно его ждут.

Ну, пока о своей жизни и все. Когда получу от тебя, то напишу подробней. Ты спрашиваешь, какой я. Не знаю. Или такой же, каким был, или же стал хуже. Напиши, пишет ли тебе кто из Спирова. Его мне никогда не забыть.

С горячим приветом, друг детства, хотя я не считаю то время детством.

Толя

Мой адрес: полевая почта 28546Д

¹ «Стучать» — на языке радистов означает работать на ключе азбукой Морзе. «Слушать эфир» — значит перехватывать (улавливать и вести запись) разговоров противника по радио.

² Речь идет о событиях 1940—1941 гг. (период с момента окончания школы в Спирове и до призыва в армию). А. Д. Алексеев называет имена общих знакомых по спировской школе.

4

26.8.43

<...> Теперь скажу кое-что о своей жизни. Она течет пока без изменений, немного скучновато. Условия мои замечательные, так что обижаться не приходится.

Что ждет в дальнейшем — не знаю, так же как и ты, наверно, не знаешь, что будет с тобой завтра. Солдатская жизнь везде одинакова. Живу тоже в землянке, которую так назвать можно, если смотреть на нее извне. Внутри же она очень уютна, светла и просторна. Мы ее всю обшили внутри тесом. Работаю по 4—8 ч. в сутки, а остальное время большей частью свободен. Кино бывает редко, да я уже и отвик от него. Перечитываю Толстого с большим удовольствием и с новыми впечатлениями. Кончаю «Войну и мир» и уже прочел «Анну Каренину». Девчат знакомых нет, а если и встречаются, то все военные, на которых смотрю с нескрываемым ехидством и с насмешками (вологодские, вятские, коми и т. п.).

Не принимай, Тася, мое отношение на свой счет. Ты в моем понимании существуешь отдельно, так что не обижайся. У нас еще девчат нет, но, вероятно, скоро будут.

Если у вас подсолнухи и дыни, то у нас дикие сопки, камни и мрачное уже осеннее небо. Дождь часто льет несколько суток, а ночи — хоть глаз выколи. А ведь совсем недавно круглые сутки светило солнце. Такое уж Заполярье, и тебе, по-видимому, трудно его представить. Привык уже я к этим условиям, не так уж они страшны, но надоели они до предела. Не служба бы, бросил бы все и убежал бы куда угодно. Ни одного порядочного дерева, а только чахлые елочки да кустарник. Теперь лето кончается, скоро будет снег, темень и днем и ночью, и так до апреля.

Да, ты права, что я еще не совсем оглох от войны. У нас пока все спокойно. Ты хотя и пишешь, что мы близки друг другу по делу, но я этому не

верю. Связь связи рознь. Наше дело очень редкое в армии. Нам нужно очень хорошо знать врага. Может быть, ты делаешь то же, что и я, так как описанные тобой условия близки к нашим, только у нас они сейчас в связи с обстановкой более стационарны. Работаю я нач. р/ст¹ и штата. Про тебя скажу, что ты до основания пропитана солдатчиной, да это и понятно, так как у вас сейчас «жарко», а у нас «холодно». Приветствую твою веру в будущее. Впереди еще враг, которого нужно добить, которого добьем, и будем жить так же хорошо и еще лучше прежнего.

О родителях своих я тебе, кажется, уже писал — они в Ленинграде. Письма матери говорят о неуверенности дальнейшего существования, но они мужественно переносят все невзгоды и уже достаточно закалились. Освирепевший враг крошит без разбору и днем и ночью по городу как с воздуха, так и из дальнобойных. За здоровье их, конечно, не ручаюсь.

Где ты сейчас находишься — не знаю. Или же у Харькова, или же у Брянска, где-нибудь там. Как бы хотелось узнать! Пиши мне, где и как живут девчата. Передай им от меня большой привет. О Т. Б. кое-что слышал. Если это истина, то ее судьба меня мало интересует и тем более не волнует. Она уже перешла грань моего понимания и интересов, но воспоминания о прошлом навсегда останутся лучшими воспоминаниями.²

Ты просишь фото. Для других у меня нет, но для тебя я все готов исполнить. Посылаю карточку (прости, что нет лучше) образца июня 43 г. Может быть, ты ответишь подобным. Буду очень рад.

С горячим приветом

Толя.

¹ Радиостанции.

² Тамара Бесчастнова входила в круг наших друзей. Толя был по-юношески влюблен в нее, но это были слишком разные люди. Она — родом из Спинова (дочь рабочего стеклозавода), очень красивая, способная к точным наукам. Уехала в эвакуацию, вышла замуж за инженера завода, родила дочь. Мы с ней (единственной из нашей компании) виделись в Спинове, когда она приезжала к родным (*примеч. Т. В. Жаровой*).

<...> Где ты находишься, я так и не могу представить. О себе скажу, что живу по-старому. У нас все так же спокойно; все дела наши и мысли устремлены только к тому, чтобы помочь наступающему Югу. Замечательная у нас техника, да ты наверно о ней что-нибудь знаешь. Ровно два года я «утюжил»,¹ а на днях дали мне нового зверька (ВПС-42).² В связи с этим и условия работы изменились. Раньше приходилось сидеть на улице в палатке, теперь же в теплом помещении, зато проиграл во времени — вместо 4—8 ч. в сутки теперь вкальваем вдвоем с дружкой по 12 часиков. Физического труда, конечно, нет, но все же утомительно, так что дни проходят однообразно — сон и работа. Зима у нас уже была самая настоящая, но уже несколько дней прошло с тех пор, и снова стоит грустная заполярная осень. Зимнее обмундирование получили замечательное, но пока еще не

носим. 10 октября мне исполнилось три года службы в армии. <...> будут давать положенные наркомовские 100 гр., а пока с этим делом у нас туго. Ну, вот и все о солдатской жизни. Надоело уже здесь сидеть, но начальство, как видно, больше знает.

Ну, пока и все.

Пиши, получила ли мою рожу.

С горячим приветом

Толя (по паспорту)

Лешка (армейская кличка с июня 41 г.).

¹ Т. е. работал на пеленгаторной станции (см. примеч. 1 к письму 38).

² Войсковая пеленгаторная станция (модификации 1942 г.).

6

8 ноября 43

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Сегодня получил твоё письмо от 6 октября. Как долго идут письма! Впервые, поздравляю тебя с высокой наградой, искренно рад вместе с тобой.¹ Ты молодец, Тася! Из тебя вышла настоящая патриотка, ты не сравнена ни с кем из своих бывших подруг хотя бы даже тем, что ты солдат. Жалеть не нужно, если ты с ними совсем потеряешь переписку и дружбу, — их дорога не та, что наша. Я бы никогда не хотел потерять с тобой дружбу. Письма твои для меня большая радость, и не только потому, что ни от кого не получаю таких, а потому, что в них есть что-то близкое, родное. Не считай мои слова смешными, ничего не значащими, да я думаю, что этого никогда не будет, хотя сомневаюсь, что ты понимаешь меня во всем. Наше дело сейчас — отстоять свою родину, добить немца. Как верится, что недалеко время полной победы. Взят Киев! Признаться, я считал его каким-то далеким, недосыгаемым, но оказывается, для русских нет ничего непреодолимого. А впереди зима, которая даст жизни немчуре. У нас же все еще спокойно (по сравнению с вами), следим за наступающими армиями по карте. Скоро Украина будет свободной. Но враг еще сидит под стенами Ленинграда, в Новгороде и в других знакомых мне местах. Будет им и там вроде Сталинграда. Мать пишет, что в городе сейчас спокойно, порядок такой, как в мирное время. Овощами запаслись в достаточном количестве, так как пайка все еще не хватает. Живут они на Выборгской в Финском переулке (рядом с Финляндским вокзалом).² Как бы хотелось там сейчас побыть! Я люблю Ленинград всей душой. О себе писать особенно нечего. <...>

О личной жизни тоже не могу сказать ничего хорошего. Она без развлечений, не считая кино и книги. Увлекаюсь Блоком до запоминания наизусть. Вроде научился танцевать, но бросил это занятие, и если не совсем, то надолго. Из моих последних слов ты наверно сделаешь вывод, что я совершенно не похож на солдата. Это неверно. Причина всего этого состоит в том, что мы уже отвыкли от постоянных перемещений, а живем сейчас

стационарно. Я даже забыл, что должен иметь свою ложку, котелок и уже два года не мотал обмоток. Ну ладно, когда-нибудь опишу поподробнее о своей жизни, если интересуешься. А может быть, она тебе так же знакома, как и мне. Мне все-таки кажется, что ваши близки нашим.

Вчера я отпраздновал два праздника — годовщину Октября и день своего рождения. Мне исполнилось 21 год. Становлюсь стариком. Лучшее, золотое время проходит незаметно и бесполезно. Не так бы прошел этот день дома в мирных условиях. Собрались мы вчера трое (лучшие друзья), чествовали меня, ну и выпили, конечно, по 300 г. Пошли разговоры, воспоминания и прочие солдатские житейские мелочи. На этом все и кончилось.

Получил благодарность от командира части, и еще ожидается что-то хорошее по делу разведки, о чем пока не стоит писать. Ну, вот и все пока о своей жизни.

Пиши о своей жизни. Где ты? Ведь Украина большая, хотя об этом и нельзя писать. Жене я пишу, но за последнее время редко пишу, редко и получаю. Больше ни с кем из старых друзей связи не имею.

Пиши, что думаешь о будущей жизни, ведь не вечно же будет война. О себе я ничего не могу сказать утвердительного. В армии пожизненно я ни за что не останусь, а специальности, кроме армейской, у меня нет. Остаться радистом навсегда нет желания. Учиться дальше — думаю, что уже упущено время. Я все-все позабыл, что учил в школе. Стыдно сказать, что не помню ни алгебры, ни геометрии и вообще ничего. А за спиной отца и матери долго не проживешь. Тася, как бы хотелось увидеть тебя настоящую, живую. А ведь будет это в недалеком будущем. Я знаю, что ты теперь не такая, какая была когда-то, а какая — не могу представить. Бывают минуты, что ни с того ни с сего встает перед глазами спировский стадион, потом скамейка недалеко у клуба, где мы катались на велосипеде. И так бывает иногда весь день. Но это бывает временами. Ты прости меня за мои грустные размышления, я вообще кончаю.

Симонова читал много, но что-то мало обращал на него внимания. Постараюсь достать его и прочитать.

Жду фото. Пиши почаще, а то получается, что через месяц мы письменно разговариваем друг с другом.

Всего лучшего, счастливого, дорогая.

С горячим приветом!

Толя

(Лешка) — армейская кличка

¹ Т. В. Жарова была награждена медалью «За боевые заслуги».

² По этому адресу А. Д. Алексеев жил до конца своих дней.

<...> Меня очень удивило твое обращение: «Лешка». Я его никак не ожидал. Происхождение его обыкновенное — от фамилии. Сначала Алек-

сей, потом неожиданно Лешка, ребятам понравилось, мне тоже (это было на Ленинградском), и с тех пор оно вкоренилось на всю войну. Хотя все ребята знают мое настоящее имя, все же я его никогда не слышу. Более того, я совершенно отвык от настоящего имени. Был случай, когда меня в разговоре называли Толей, я машинально счел, что обращались не ко мне, хотя такого имени у нас нет. Пришлось повторить его еще раз, и только тогда под общий смех я понял, в чем дело. Так что привычка — очень сильная вещь. Командиры тоже в соответствующей обстановке зовут так же. Но это, конечно, явление временное. Ты же меня так не называй. Теперь тебе ясна эта незамысловатая история. Теперь скажу о своей жизни. Она все так же однообразна, неинтересна. Условия скучны: кругом сопки, покрытые снегом с редким кустарником и чахлыми елочками, болота и серые дни. Вместо солнца в ясный день приятно розовеет юг к 12 часам, а затем наступают сумерки и ночь. Что будешь делать в таких условиях? И так, я думаю, будет до конца войны. Пожалуй, мы здесь не тронемся с места, да это и незачем. Командование лучше знает, где действовать, а наше дело — стой, неприступно держи фронт. Скажу о ребятах, окружающих меня. Замечательный народ, сжившийся с начала войны. Большинство ребят ленинградских со средним образованием и несколько человек украинцев (Каховка, Николаев). Вполне понимаю настроения вашего вечера. Они мне напомнили когда-то прочитанную книгу «Друзья встречаются» (автора не помню), где так же 5 друзей после гражданской войны назначили срок встречи.¹ Спасибо за приглашение. Мы, конечно, встретимся, но не знаю, когда и где, и думаю, года до встречи мало. Уговор твой о нашей переписке вполне принимаю. Поздравляю тебя с победами как ветеранку, вполне заслужившую эту славу. Я же пока ничего подобного о себе сказать не могу. Ты называешь меня «птицеловом»: я это слышу в первый раз. Может быть, у вас так нас называют, мы же грубо себя зовем (в своем кругу) «утюжниками». Не смейся над этим названием — это маскировка, а дело совсем не смешное. Наше дело засечь, а выводы из этого делает командование. Если близка с эфиром, то поймешь. Занятия у нас бывают, но редко, да и то политзанятия. Иногда бывает радиотехника. Как во сне вспоминаешь программу 10-го класса. Все перезабыто, даже стыдно. Взять из алгебры — формулу бинома, хоть убей, не помню, а о геометрии и тригонометрии и говорить не приходится. Так что о дальнейшем учении вопрос сложный, ибо нужно начинать с азов. Да и вообще вряд ли придется, так как время уже упущено. Считаю себя уже стариком. Иногда задумаешься — сколько прекрасного еще впереди в жизни (и оно, если живы будем, будет), а потом махнешь рукой, увлечешься чтением. Не считай меня глупым мечтателем. На войне каждый живет своей внутренней, одному только доступной жизнью, и даже мечтает. Редко таких встретишь, которые не имеют этой слабости. Что я читаю? Большею частью увлекаюсь стихами, и в первую очередь, как и ты, современной лирикой. Да, мне нравится Симонов, Сурков, Твардовский и особенно Иосиф Уткин. Нужно сказать, что я все-таки пропитан Есениным и Блоком. Это, конечно, не по моменту, но что же делать? И я горжусь этим. Часто у нас в подразделении устраиваются литературные диспуты, в которых большей частью фигурируют Маяковский, с од-

ной стороны, и Блок с Есениным — с другой. Некоторые ребята действительно здорово разбираются в поэзии, и подобные споры бывают довольно продолжительными и бурными, насыщенными различными доводами и цитатами. Результатов, конечно, от этих споров нет никаких, и по окончании их каждый остается при своем мнении. Да я, кажется, очень разболтался о житейских мелочах. Они тебе, наверно, скучны, да и все же нужно знать совесть — пора кончать.

Да, еще скажу, что обеспокоен за родителей. Газеты сообщили об усилившемся обстреле города. Не читала ли недавно напечатанную статью Н. Тихонова «Кровь Ленинграда»? Мать об этом или вообще ничего не пишет, или упоминает вскользь. А где твоя мамаша и сестренка?

И еще скажу о карточке. Большое спасибо! Конечно, желательно было бы получить лучшего качества, но, сознавая вашу обстановку, я понял, что лучшего пока нельзя получить, а все же хотелось бы получить лучшее. Ты, конечно, исполнишь мое желание, если будет возможность. А из этой я сделал вывод (к чему скрывать) — ты прекрасна и недоступна, такой ты и останешься в моей памяти навсегда. Она мне напомнила прежнюю Тасю, которую я знал когда-то очень и очень давно.

Ну, будь здорова. Пиши.
С горячим приветом!

Т.

P. S. Получаем водку, конечно, за выполнение заданий. Ну, мы и выполняем. Особенно здорово почти ни разу в этот год не напивался, а все же когда-нибудь трахнем на 100%. Предвижу, что это будет в Новый год.

Т.

¹ Имеется в виду диалогия И. Бражнина: «Мое поколение» (1936) и «Друзья встречаются» (1940).

Здравствуй, Тася!

Пишу накануне Нового года. Перспектив на замечательную встречу 44-го мало, но все же встречу его лучше прежних военных годов («истина в вине!»). Жизнь моя в основном прежняя. Желание смыться с Севера, по-видимому, останется желанием до конца войны. Ведь и здесь фронт, и не менее важный. Недавно мне была возможность смыться в Ленинградское училище связи учиться на лейтенанта по своей специальности (срок 2 года), но я отказался. Думаю, что тебе не понравится это решение. Все вы сейчас обожают звездочки, может быть, и ты относишься к этому классу. Пишу за «машинкой» в своем «салон-фургоне». За окном метель, в телефонах шум, треск и пр. Почти все время проходит дома, за приемником, даже от кино отвык. Поет Леня Утесов — «Как я люблю глубину твоих

ласковых глаз...» («Темная ночь»). Хотя и хорошие вещички дают маяки, а все же уже надоело их слушать. О себе писать больше нечего — Лешка все тот же, каким был раньше, только внутренне за последнее время изменился. И виновата в этом только ты и твои письма. Ведь наш возраст очень опасный, и никакая дружба не может служить препятствием. Впрочем, зачем много говорить: я свое состояние выразил в другой форме. Ты будешь смеяться, я знаю. Смейся, но только одна, так как посвящено это тебе одной.

Т. Ж.

Забыв наши будни, как будто больной,
С мечтой о тебе засыпаю.
Тот образ далекий, быть может, родной
Я снова во сне повстречаю.

А сердце так глухо забьется в груди,
И мысль далеко где-то бродит:
Ведь не было счастья, вся жизнь впереди,
А юность так быстро проходит.

Что делать? Как глупому сердцу внушить,
Что черная бездна меж нами?
И только ты в силах одна потушить
В душе расплывшее пламя.

Так сделай скорей — потуши, растопчи,
Чем ждать той предвиденной встречи.
Быть может, я этим тебя огорчил,
Прости за нескромные речи!

Вот она — кульминация, которая, вполне возможно, что приведет тебя в негодование. Может быть (а я в этом уверен), что письма мои тебе больше не будут нравиться, что наша переписка вообще пойдет на убыль, о чем я буду только жалеть. Но двум смертям не бывать, а одной не миновать. И если это будет так, то пусть эти строки останутся тебе на память. Ну, вот и все. Если не сердись, пиши.

P. S. А пожалуй, я дурак, хотя и написано все искренно.

Т.

9

4 марта 44

Дорогая Тасенька!
Привет с края Земли!

Писем твоих все нет. Ты не можешь представить, как я их жду в эти дни. Может быть, я слишком много на себя беру, но скажу прямо, что они для меня стали самым дорогим предметом. Даже больше: в последнее время ты одна приковылаешь к себе мои мысли, в чем я сам себе не могу дать

отчета. Может быть, тебе это покажется смешным и неправдоподобным, но ты мне должна верить. Я понимаю, что не имею права ставить тебя в такое положение, потому-то я и не верю, не чувствую под собой основания. Что это — болезнь или просто лирический образ? Ведь рано или поздно все это кончится. Наши письма с некоторых пор стали письмами настроений. Не всегда их есть желание читать, так как они будут казаться скучными и неинтересными. (Я говорю о моих). Ну ладно, об этом хватит, ситуация и так ясна. Живу, Тася, по-старому. Обижаться ни на что не приходится, если только на наше отчужденное положение и плохие природные условия. Весь февраль был метельный, так что даже неделями не ходили машины. Время проходит все так же однообразно, <живу> почти не выходя из нашего небольшого «гарнизона». Работаю по 8 ч. в сутки, в кино бываю редко и почти ничего не читаю. Дома целые сутки на столе стоит «усик»,¹ каждый выбирает музыку по своему вкусу. Распорядка дня у нас, конечно, никакого не существует, так как люди работают круглые сутки. Почти каждый день кто-нибудь навеселе, так как нам дают по 100 г. Вот так и живем.

На правом фланге великого фронта все так же спокойно, но война идет, только позиционная. Понятно, что такое положение долго продолжаться не будет. Вопрос с Финляндией принимает интересный оборот, основным толчком к которому послужили переговоры между Коллонтай и финским представителем.² Для нас это представляет особенный интерес. Несомненно, что дальнейший ход событий вызовет какие-нибудь изменения в нашей жизни, а значит, есть проблеск на то, что, может быть, и придется распрощаться с «цветущей Карелией» (мы так зовем нашу местность, хотя мы и далеко от настоящей Карелии). Но это еще вилами по воде писано. Версия на то, что придется куда-нибудь сдвинуться, все же несущественна. Такое уж наше дело. Ну что ж, будем ждать. Ну вот и все о своей жизни и перспективах. Дома теперь все благополучно — нормальная спокойная жизнь. Кроме тебя письма получаю от Ж. Р., но реже, чем от тебя. Далек вы все от меня, все где-то на юге. Пиши, Тася. Прости, что вовремя не поздравил тебя с вашим праздником 8 марта, я забыл, что он существует. Ну, всего лучшего во всем.

С приветом

Лешка

¹ Разновидность самолетных связных радиоприемников типа УС («Устройство самолетное»).

² В начале 1944 г. «советское правительство имело данные о том, что Финляндия уже начала искать пути выхода из войны. Еще в феврале под влиянием поражения группы армии „Север“ финляндское руководство санкционировало поездку в Стокгольм Ю. К. Паасикиви с целью выяснения через советское посольство возможности достижения мира с СССР. Полпред в Швеции А. М. Коллонтай передала ему предварительные условия советского правительства для заключения перемирия. <...> Однако после этого, 17 марта, с финской стороны было сделано уведомление о том, что заранее советские условия не могут быть приняты. <...> 19 апреля Финляндия официально отклонила предложения правительства СССР, и связи с Москвой были прекращены» (Ленинград в борьбе: месяц за месяцем. 1941—1944. СПб., 1994. С. 303—305).

Тасенька!

Вчера получил твое письмо от II—II.

Все, что было тобою в нем сказано, я отлично понял. Тася, с тобою я уже привык говорить откровенно. Так будет на этот раз и вообще в будущем. Я ждал этого письма и знал, что оно будет или же таким, какое оно есть, или же еще хуже. Ответ твой мне понравился. Я понял то, за что ты меня раньше отличала от «многих», и почему я теперь стал похож на «них». Да, я не тот, каким ты меня представляла раньше. Я не собираюсь разыгрывать роль неудачника, а также не хочу и восстанавливать себя в твоём мнении, так как знаю, что это бесполезно. Уж пусть лучше буду таким, какой есть. Ты ведь тоже в моих глазах не такая, как все, которых кругом очень много. А это и есть самое ценное. Главное — сохранить кристалл души, и ты его сохранила, а я, наоборот, не только не сохранил, а совсем потерял его. И в самом деле, кто я такой после этой развязки? Лучше определить нельзя: безотчетный игрок, набравший 22 очка. Состояние мое такое, какое бывает после пробуждения от тяжелого сна. О, если в тебе есть хоть незначительная доля этого, то я тебя понимаю. Ну, а если, допустим, был бы мой выигрыш, то что бы было дальше? — А ничего... Ты помнишь Рудина... Прости за сравнение, оно довольно грубо для меня и не по моменту. Я не рисуюсь этим, но в этом большая доля правды. То, что было когда-то сказано мной, простительно человеку, переживающему «зарю туманной юности», а уж я ее прошел давно. Пора понять, и в особенности мне, что такое жизнь, и, поняв ее, глядеть холодней и строже ей в глаза, конечно, не теряя смысл жизни и всего того, что есть в ней лучшего. Я знаю, что ты назовешь это письмо слишком сентиментальным, знаю, что ты не такого склада, но пойми, что мне сейчас без нее не обойтись. Иногда бывает такое настроение, когда ни существа, ни вещества нельзя поставить ему причиной. Ты меня, конечно, понимаешь. Нет, Тася, я не хотел топтать нашей дружбы. Пусть лучше она останется самой чистой и настоящей, и, я думаю, что такая будет самой прочной. А идеал, которым ты мне служила и служишь, пусть тоже остается, и он ничему не помешает. Одно меня еще интересует: почему ты считаешь мои письма «особенными», привыкла к ним и, как мне кажется, дорожишь ими? По-моему, ты переоцениваешь. Насчет того, случилось ли что между нами или не случилось, — внуши себе, что ничего не случилось. Может быть, я в твоих глазах стал «опасным», ну что ж поделаешь — таков уж наш возраст. «Жаргон» от меня больше не услышишь. Он вообще стал малоприменим, а в подобных случаях и по-давно.

О своей жизни пока писать нечего, а если что и есть, то напишу о ней поподробней когда-нибудь. Природные условия у нас все так же непривлекательны. Снегу кругом очень много, метели периодически сменяются морозами, хотя и небольшими. Какой контраст с вашей природой: весенняя степь, цветы, солнце, дожди. В прошлом письме я, Тася, слишком много уделил внимания финскому вопросу, так как тогда это было по моменту. Теперь же ясно, что из этого получился пшик, а если так, то Север скоро

будет ареной крупных боев, что уже сейчас чувствуется. Ведь недаром здесь те, кто брал Новгород и Любань. Радостно сейчас следить за вашими активными и смелыми действиями, которые двигают фронт все дальше и дальше на Запад. А все-таки кто ты, я до сих пор и не знаю. Знаю только, что что-то близкое ко мне, и знаю, что не пехота.

Ты снова спрашиваешь, получил ли я карточку. Я получил уже давно маленькую (кадр от «лейки»¹), а больше ничего не получал.

Ну, будь здорова. Желаю всего лучшего во всем.

С приветом! Пиши.

Лешка

P. S. Не думай, что я на тебя обижаюсь.

¹ «Лейка» — широко распространенное русифицированное название кино- и фотокамер немецкого производства (фирма «Leitz»).

11

[Апрель—май 1944]¹

<...> командующего генерала армии Ватутина. Страна во время войны, да и вообще, никого еще так не хоронила.² Желаю вам успеха с Жуковым — выдающимся и талантливейшим полководцем и военным стратегом нашего времени.

Ты, наверно, очень долго ждала моих писем, так же как и я долго ждал твоих. Сегодня я получил сразу два: одно запоздалое от 28—II, другое от 11—4. Что-то последнее пришло очень быстро. Может быть, и все последующие будут приходить так же быстро. Да, я за последнее время очень редко пишу письма, не потому, что забываю старых друзей, а просто был такой период нежелания и равнодушия ко всему. Посыпались беспокойства и обиды даже со стороны матери и отца, в чем я всегда был аккуратен.

Ты пишешь о весне такой, какой я уже давно не видал. Теперь-то и я могу сказать, что и у нас наступает весна. Небо хмурое, снег тает и днем и ночью, но до земли еще далеко. Дни стали длинными: рассветает в четвертом и темнеет в 21. Теперь уже недалеко то время, когда солнце не будет заходить. Жизнь все та же, можно сказать, без малейших изменений. Теперь могу сказать твердо, что в Заполярье засел крепко, до конца войны, чем очень недоволен. Ты спрашиваешь, есть ли у нас девушки? Вообще-то в части есть, но они далеко от нас <...>* и по-русски-то по-настоящему не умеют говорить и <...> кроме своего областного города Вологда, хоть убей, ни одного города не знают. Статей из «Комс. правды» я не читал, так как у нас нет этой газеты, но я знаю, что ты хочешь этим сказать. Твои обвинения, направленные по моему адресу, мне кажутся слишком резкими. Если я что и писал по этому поводу, то мне диктовала окружающая обстановка. Нельзя же ставить всех на одну ногу. Нет, я не принадлежу к тем, кого ты так клеймишь! Одно мне кажется, что ты чересчур растворилась солдат-

* Фрагмент текста изъят цензурой.

скими буднями и, кроме них, ничего не видишь. Если бы ты побывала с наше время в нашей неподвижной обстановке, где, кроме сопок, землянки, солдат да северного сияния, ничего не увидишь, то, может быть бы, смотрела по-иному. Когда в жизни разнообразие, красочная природа, то, конечно, все будет казаться нормальным и не будет тянуть в другой мир. Я не знаю, где я буду находиться после войны — в деревне или в городе (против судьбы не пойдешь), но если на то будет моя воля, то уж в просторной избе на берегу Оби ни за что не буду. Для каждого, любящего свою родину, родная страна — рай, и он ни на что ее не променяет. Потому-то твои друзья и не думают ни о чем, кроме тайги. И они по-своему правы.

Да, меня тянет в город со всеми его прелестями мирной жизни. Пускай я буду принадлежать к классу тех мечтателей, которые видят впереди красивые костюмы и богатую обстановку, — это не так зазорно. Я знаю, что красота жизни заключается не во внешности, но все же и внешность имеет большое значение. Может быть, ты когда-нибудь меня поймешь и согласишься со мной.

Читаю очень мало, так как ничего нет. Если что и читал, то перечитывал старое («Воскресение» Толстого, «Собор Парижской богородицы» Гюго и др.). Читал Симонова, о котором ты мне с восхищением писала. Передо мной и сейчас лежит синенькая книжечка стихов 36—42 гг.³ Да, я тоже очень увлечен ими, и особенно последними. Очень жизненная вещь «Первая любовь», правдиво, до тонкостей, пережитая многими. А такие, как «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», «Я пил за тебя под Одессой в землянке» и др. я знаю наизусть. Между прочим, я видел Симонова в начале 42 г. в М<урманске>. Как сейчас помню, он вышел со мною рядом из ДКА с капитаном II ранга и сел в «эмку». Конечно, отчетливо разглядеть его не пришлось, так как было у подъезда темно и продолжалась встреча 2—3 минуты.

Кстати, я, кажется, тебе еще не писал <...>. * Типичный <...> город, который я хорошо знал <...>, так знаю и сейчас. Бываю там довольно часто, но привлекательного в нем ничего не было и нет. Гитлер в 42 г. хотел стереть его с лица земли, так как он был и сейчас является <...>. Это чувствуется не только по вооружению, но и по продуктам питания, которое у нас почти все союзное. По улицам города очень развязно гуляют английские и американские моряки. Если смотреть на них со стороны, то подумаешь, что они свалились с другого света. Вот, например, я видел вчера: идет по улице человек 10, со смехом и выкриками на своем наречии, и на ходу, не обращая ни на кого внимания, играют в какую-то игру, которая заключается в кидании друг другу апельсина. Если кто из играющих не поймает апельсин, то смех и крики усиливаются, и с того, по-видимому, штраф. В театре они курят, смеются не по ходу действия и сидят обязательно с русскими дурами (девчатами), которые считают за особое удовольствие находиться в их обществе. Зато сигаретки у них замечательные.

Ну ладно, нужно тоже знать совесть, а то очень разболтался. И все это потому, что давно не писал. Ведь я тоже больше никому так и столько не пишу. С Р. Е. я переписываюсь, но наши письма идут тоже очень долго.

* Здесь и далее фрагменты текста изъяты цензурой.

С ним у меня особенный язык и особенные темы, хотя и не всегда откровенны. Школьные годы я вспоминаю только из твоих писем. Ты вспоминала «рыжее пальто», а я его что-то не помню, зато азбуку помню очень хорошо. Опять ты в одном из писем упоминаешь фото. Я получил только маленький кадр из «лейки», если ты спрашиваешь про это, но это было очень давно. Теперь я знаю, где ты служишь, только не понимаю, почему ты в наряде и, если не ошибаюсь, часовым. У нас для этого есть особые люди, а операт. состав от этого избавлен. Наше дело должно быть и у вас, так как без него нельзя определить, где находится самолет.⁴ Ну, пиши чаще. Желаю всего лучшего.

P. S. А кто такая Надежда? Видно, из последних подруг.

Толя.

¹ Начало отсутствует; письмо датируется по содержанию.

² *Ватутин Николай Федорович* (1901—1944) — генерал армии (1943), Герой Советского Союза (1965, посмертно). Во время Великой Отечественной войны — нач. штаба Северо-Западного фронта, заместитель нач. Генерального штаба. С 1942 г. командовал войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. Был ранен; скончался от ран (на Зап. Украине).

³ *Симонов К.* Лирический дневник. М., 1942.

⁴ Имеются в виду службы, занимающиеся обнаружением самолетов противника.

12

21 мая 1944

Здравствуй, Тасенька!
Привет с края Земли!

Признаюсь, что я давно тебе не писал и примерно столько же не получал от тебя. Последние твои письма приходили без соблюдения хронологии, а именно: февральские и апрельские или же приходили одновременно, или же последние раньше первых. Но это не имеет значения — лишь бы они были от тебя, а остальное неважно. Я бы тебе написал значительно раньше, но для этого не было подходящей ситуации. 16—V вернулся из «командировочки», т. е. оттуда, где нет наших и откуда можно не прийти. Что нужно, сделали, узнали, поработали на своих «машинках», видел горных егерей довольно близко, и благополучно вернулись назад. Всего, конечно, не расскажешь в письме, что было по ту сторону за три дня, но ты меня понимаешь. Сейчас опять жизнь стала как будто бы мирной. 17 и 18 «отдыхал» — 17-го не помнил, где я и какой я, а 18-го спал почти весь день. Нахожусь на старом месте и работаю по-старому. Я привык тебе в каждом письме в порядке дневника описывать нашу природу — так сделаю и в этот раз. Хорошего о ней опять ничего нельзя сказать. Дни пасмурные, холодные, идет снежок, чередуясь с осенним мелким дождиком. Снег еще лежит местами, и, конечно, он у нас нетронутый на высоких сопках. Зато преимущество у нас в одном — мы уже давно забыли, что значит освещение в ночное время. Тася, ты не можешь себе представить это. Ведь круг-

лые сутки стоит день с совершенно неощутимыми сумерками к 24 часам, которые через час исчезают. Границы между днем и ночью не существует. В распорядке нашей жизни не существовало и не существует ни отбоя, ни подъема, а сейчас это особенно заметно, так как зачастую ребята спят днем, а ночью бодрствуют. Работаю по 8 ч. в сутки, а остальное время, если не считать политзанятий, бесед и пр., свободен. Если свободен вечером, то почти каждый день кино и танцы. Ты, может быть, завидуешь мне, но я бы с удовольствием променял все это на вашу жизнь, чтобы чаще быть на колесах, чтобы постоянно менялась декорация. Я знаю, что сопки, которые окружают меня более двух лет, будут мне 5 лет после войны мерещиться. Вот до чего все это надоело!

Ну ладно, о себе пока хватит. Жду вестей от тебя. Живу сейчас, ни о чем не думая. Мать пишет в письмах, что Ленинград возрождается с каждым днем, пишет, что часто бывает в театрах, что вернулись артисты Мариинки, что начинает копать огород в Новой деревне, и пр. и пр. Насчет театров завидую очень. Ведь когда-нибудь же будем там! Одно только мне не нравится, что у отца должность сейчас плохая. Работает он н-ком восстановительного участка, куда входят: Волховстрой, Мга, Вырица, Луга, Новгород, Русса. Вообще-то я сам в этом мало разбираюсь, но знаю, что волчья должность. Старик он бойкий, но я знаю, что ему это не по нутру. Ты ведь знаешь, что он железнодорожник, а значит, тоже военный, так что с их желанием тоже не считаются. Ну, кончаю.

Всего лучшего во всем. С горячим приветом!

Пиши, пиши! Жду.

P. S. Говорю без совести: шли хорошее фото, а то — «эрзац»!

13

8 мая 44

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Привет с края Земли!

Тася, последний период характерен очень редкой перепиской между нами. Для меня сейчас получить письмо — большая радость. Но они, как нарочно, меня избегают и тем самым как бы мстят мне за то, что я совсем недавно не обращал на них внимания. Одни только письма матери да поток, как морские волны, с равномерной последовательностью и с одинаковым содержанием приходят ко мне.

Теперь и у нас наступает хорошее время.

Май жестокий с белыми ночами!

Вечный стук в ворота: выходи!

Голубая дымка за плечами,

Неизвестность, гибель впереди.¹

(Блок)

Это я разбежался словами моего любимца. Действительно, наступили белые ночи, так как темноты уже не ощущается. Днем стоит теплая ве-

сенняя погода без ветров и вьюг, ночью ясно, морозит. Но настоящей весны, когда все зеленеет, еще нет, так как снегу кругом немного меньше, чем в марте. Даже на дорогах не видно земли, а о других пространствах и говорить не приходится. Не сегодня-завтра отберут зимнее обмундирование и выдадут летнее, хотя уже большинство здешних солдат получили летнее.

Майские праздники прошли замечательно. Первого был у нас торжественный обед с гостями, не исключая и гражданских. Было очень весело, так как недостатка на столе ни в чем не чувствовалось. Насчет этого дело было поставлено как нельзя лучше. Я же был в одинаковом состоянии и 30-го, и 1-го, и 2-го. За обедом мне пришлось кое-что прочесть из своего. Успех был потрясающий, вплоть до качания на руках. («Ну и хвостун же», — ты скажешь.) Потом патефончик, танцы, а я ушел работать. Накануне праздника припаяли мне очередную — широкую на погоны.² Вот тот предел, с которым я надеюсь смыться домой. Выше лезть незачем. Одно только меня смущает и наводит неприятные мысли — это то, что после войны, как мне кажется, дома не быть. Совсем недавно из части отправили группу ребят в офицерскую школу, причем с желаниями их особенно не считались. Ну что ж, если ничто не поможет, придется отдаться воле судьбы. Я уверен, что мне нигде плохо не будет, но все же...

Время проходит сейчас намного лучше зимнего. Теперь уже не чувствуется той апатии ко всему и скуки, а как только наступает свободный вечер, то стараешься куда-нибудь уйти. Кино и танцы бывают почти каждый день. Вот так и идут дни за днями. Ты, читая это, скажешь, что живут, развлекаются, войны не чувствуют, да и вообще не воюют. На 50% ты будешь права, а именно: то, что войны здесь по-прежнему не чувствуется, но воевать — воюем дни и ночи, и еще как! Ты, конечно, знаешь, что на мою долю не выпало идти вперед с автоматом, да и нельзя понимать, что именно те воюют. Наши люди и техника обеспечивают командование всем необходимым, и это, я думаю, намного ценнее. Не забыть Ленинградский фронт. Там на подступах к городу приходилось всяко, не исключая и встреч с глазу на глаз с противником. Ну ладно, — это только воспоминания, а об них когда-нибудь после. Пиши о себе и о своих делах. Я закрутляюсь.

С приветом

Толя.

¹ Цитата из стихотворения А. А. Блока «Май жестокий с белыми ночами!...» (1908).

² Т. е. получил звание старшины.

Дорогая Тася!

Вот опять от тебя давно нет писем. А я жду и уверен, что завтра будет. Я знаю, что и мои приходят не чаще. Четыре дня я уже собираюсь написать и каждый день все откладываю. Причина одна — занят, и свободного вре-

мени сейчас почти нет, а если и есть, то не всегда есть возможность писать. Провернуть это дело на работе теперь нет возможности, так как вкальваю в две смены, и притом на командном пр-ке.¹ С 1 июня произошли изменения во внешней моей жизни, так как получили приказ срочно сменить место. Может быть, это к лучшему, так как переехали в небольшой, почти необитаемый поселок, а самое главное — сменили надоевшие землянки на деревянные домики. Пришлось много поработать, так как от перемещений за два года отвыкли. Технику установили на сопках (повыше — лучше) и сейчас работаем нормально. Чувствуется, что здесь долго не задержимся. Скоро придется двигаться дальше. Хотя я и не верил в скорое открытие второго фронта, но теперь это уже совершившийся факт, а значит, и плоды его могут превзойти все ожидания. Да, теперь война стала действительно такой, о которой говорили и писали всю войну. Ну что ж, пожелаем успеха соединенным силам.²

Сегодня 8 июня, а настоящего лета мы до сих пор не видели. Погода все время стоит холодная, а если ветер дует с севера, то обязательно идет дождь или снег. Старый снег еще красуется на сопках, как бы напоминая о Кавказе, и очень редко встречается внизу. Очень странная природа, хотя я к ней вроде уже привык. Рядом со старым снегом несмело зеленеет травка, давая знать, что весна уже наступила и лето не за горами. В общем, за все время только два дня пришлось походить без шинели. В прошлом году в это время вся земля была зеленая, и уже загорали.

А как хорошо сейчас в родных краях! Я одичал здесь, соскучился по всему тому, что так близко с ранних лет. А тебе тоже надоели степи и жара, — я в этом уверен.

На новом месте с местными «властями» и обычаями уже ознакомился. Сегодня днем около двух часов гонял в волейбол с моряками и со своими ребятами, а вчера вечером удалось вырваться на танцы. Гражданской публики здесь очень мало, а девушки напоминают портовых дамочек. Матросы достали импортных пластинок на русском языке, преимущественно Лещенко и Вертинского, да танго типа «В Сингапуре», а ты сама знаешь, что это за вещь, если приходилось слышать. Вот пока и все о себе. Не поверишь, но глаза слипаются, так как спал не более двух часов.

Пиши, дорогая! Жду! Ведь я ни с кем так не разговариваю в письмах. Огрубели не только чувства, но и язык. Да и вообще я, кроме родных да изредка Ж. Р., никому не пишу. Из дома пишут, что огородный сезон в полном разгаре, и огород опять где-то в Н. Деревне. Город изо дня в день преобразуется, реставрируется, и уже начали ходить троллейбусы. Вернулись артисты почти всех театров. Ну, кончаю и иду спать. («Как можно спать в такое время?» — вспоминаю твои слова.)

С весенним заполярным приветом!
Всего лучшего!

Толя

¹ Приемнике.

² Второй фронт был открыт 7 июня 1944 г.

16 июня 44

Здравствуй, Тасенька!
Привет с края Земли!

Твои письма стали приходиться еще реже. Я знаю, что они идут где-то в дороге, и не думаю, что они не пишутся. К письмам можно привыкнуть так же, как и к человеку. Завтра, наверно, придут от тебя опять два письма.

Тася, а я все нахожусь под радостным впечатлением освобождения нашими войсками Терийок. Как только услышал о прорыве обороны на Карельском перешейке, на меня сразу нахлынули приятные и грустные воспоминания, воспоминания о тех недолгих замечательных днях, прожитых там. Трудно объяснить человеку все достопримечательности, который ни разу не был в тех местах, но в моей памяти они остались на всю жизнь. Да, я мало пожил и еще меньше видел, но я почему-то убежден, что лучших мест, чем северный берег Финского залива, нет. Никуда меня сейчас так не тянет, как туда. Но вряд ли нам опять придется там быть, так как отца должность теперь не такая, какой была в Спинове и в Новгороде, а о своих возможностях я еще ничего не могу сказать. Если тебе когда выпадет возможность, то обязательно советую посмотреть Терийоки, Куоккалу, Райволу¹ и др. Теперь там, конечно, сожжено и разрушено больше прежнего. Домик наш, рассказывал отец, был сожжен в первый день отступления. Ну ладно, об этом кончаю, а то и так развез во весь лист. О своей настоящей жизни нового и хорошего ничего сказать не могу. В общем, живу неплохо и работы по горло. Сегодня, можно сказать, первый жаркий летний день. С непривычки от жары ходишь вялым и усталым. Сегодня же заметил, что трава намного выросла, а почки на деревьях превратились в крохотные листики. Только на высоких сопках по-прежнему еще белеет снег. Сейчас 10 м. первого (ночь), но солнце стоит над горизонтом и, не грея, по-вечернему ярко светит. Готовился к «командировочке», которая будет на днях и в которой мне снова придется участвовать. О всяких развлечениях давно забыл и отложил их до более лучших времен.

Пиши, Тасенька! Получила ли мою рожу № 2? Желаю всего лучшего.

Толя (Лешка)

¹ Ныне: Зеленогорск, Репино, Рошино.

20 июня 44

<...> За последнее время все чаще и чаще приходят мысли о других местах, а предчувствие как бы подсказывает, что здесь недолго осталось окопачиваться. Если же рассудить здраво, то и в самом деле так. Если новый 1945 г. нам не придется встречать дома, то если не дома мы будем, то

где-нибудь у порога дома, а это по сравнению с настоящим все равно что дома. Не думай, что я так рвусь домой. Нет. Я уже забыл, как живут дома. Но я почему-то уверен, что вы все будете дома раньше, чем я и мои настоящие друзья. Причин по этому поводу много и которые кажутся такими запутанными, что все и не описать.

Живу по-старому, без передвижений (если не считать частых и коротких выходов к последним нашим траншеям, а иногда и дальше, если этому благоприятствует обстановка). Работы по-прежнему много, а в короткое свободное время стараешься смыться куда-нибудь: или в кино, или кататься на лодке. Так вот и идут дни за днями, похожие друг на друга.

Пусть твое последнее письмо насыщено колкими замечаниями по моему адресу, а отчасти и полезными нравоучениями. Ты напрасно думаешь, что я на них стану обижаться. Наоборот, мне даже очень нравится ясность твоих мыслей. Я все понимаю и скажу прямо, что до этого многого в себе не замечал и что теперь мне стало также ясным. Нет, я еще в армии ни с кем не говорил и не переписывался, как с тобой, хотя бы и захотел найти такого человека, то при всем бы желании не сделал бы этого. Ты знаешь, какая здесь публика, какие у нее мысли и стремления (вернее, их вообще нет). Впрочем, я об этом тебе уже писал не раз. Из каждого получаемого твоего письма я все больше и больше убеждаюсь, что я один, с которым ты так искренно-сердечно разговариваешь. Мне почему-то кажется, что и из старых школьных друзей таких нет. И все же я не знаю, чем я заслужил это; а то, «что твои мысли отвечают моим», мне кажется, этого мало. Может быть, очень близкое сходство характеров — это вернее, но верится с трудом. Но что бы там ни было, я знаю, что многое из нашей переписки мне останется памятным на всю жизнь, как лучшие воспоминания о довольно скучных и пасмурных днях.

Как знать, — быть может, мы «странно встретились и странно разойдемся»,¹ но об этом вообще нечего думать. Ты опять меня назовешь пессимистом, а может быть, даже сделаешь свои обратные выводы, что вызовет совершенно ненужные недоверия. О, если б их не было!

За окном только что кончила заливаться мандолина и две гитары, а теперь перешли в комнату и начали крутить патефон, учась танцевать. А время — 10 мин. третьего ночи. У вас, южан, в 23 ч., наверно, отбой.

Ну, я, кажется, кончаю. Всего лучшего, Тасенька. Когда ты получишь это письмо, вы будете двигаться с боями дальше и дальше на запад. Все это к лучшему: чем дальше мы друг от друга, тем мы ближе становимся друг к другу, тем скорее мы (быть может) встретим друг друга в иной обстановке.

Пиши, дорогая подруга!
Будь счастлива и здорова.

Толя.

¹ Первая строка романа «Караван» (слова Б. Тимофеева; музыка Б. Прозоровского).

27 июня 44

Здравствуй, Тасенька!

Пишу тебе не из «дома», а из командировки, где нахожусь уже больше недели. Не знаю, сколько еще здесь пробуду, но думаю, что не более 3—4 дней. Здесь значительно южнее, а потому и местность совсем не такая, какая «дома»: нет сопок с белеющим снегом, да и темнота ночи ясно ощущается. Но погода такая же — ветер, дождь. Живу замечательно, так как ребята все свои, знакомые с начала службы (ведь часть-то одна). Подобные встречи бывают очень редко, но зато они радостны и приятны. Время проходит празднично. Свои дела все оформил и, самое главное, был на днях принят в партию. Ты, наверно, удивисься, что так поздно, но дело в том, что «дома» этого сделать нельзя. Сегодня все упаковал и теперь буду гулять по городу. Картины идут новые: «Северная звезда» и «Битва за Россию». Сейчас пишу и слушаю приказ о взятии Витебска. Да, время наступает интересное. Оборону немцев взламывают по всему фронту. Уже прозвучал первый салют в Москве и в честь наших побед (24 июня). Хотя я и не участник прорыва обороны на Свири, но все же горд, так как в этой победе есть и наш вклад.¹ Теперь ждем, что скажут Украинские фронты, которые тоже не спят.

Прости, что пишу так мало и схематично. Скоро вернусь в свое Заполярье и тогда напишу подробнее. «Дома», наверно, есть твои письма.

Желаю всего лучшего, Тасенька.

С горячим приветом

Лешка.

¹ Имеется в виду Свирско-Петрозаводская наступательная операция Карельского фронта (21 июня—9 авг. 1944 г.), в ходе которой от войск финской армии были освобождены г. Медвежьегорск (23 июня) и столица Карелии, г. Петрозаводск (29 июня).

24 июля 44

Здравствуй, Тасенька!

Получил твое письмо «с цветущих полей», посланное мне по северному адресу. Я его не ожидал и, конечно, был очень рад. Я всегда рад твоим письмам, а теперь особенно.

Твоя «заграничная» жизнь для меня не новость. Я тоже ее сейчас переживаю, хотя и не в такой изящной форме. Та же чистота, аккуратность, цветы, бетонированные колодцы, только ни одного местного жителя. Нет, это население не угнано насильно — оно само ушло, так как в поголовном большинстве оно непримиримо враждебно настроено к нам. Твоя любовь ко всему русскому, к России мне нравится, но, несмотря на все чуждое, новое, нам многому нужно поучиться у них.

О своей жизни и обстановке я тебе уже писал в прошлом письме — она все та же, хотя нахожусь я уже на новом месте. Время проходит все так же занято, но только нет никакого распорядка дня и занятий. Я сегодня не собирался много писать, так как писать пока не о чем, а потому подхожу к концу.

И еще насчет старого. Ты правильно поняла, что это были за «командировочки», о которых я тебе писал далеко не полно. Да, тогда был период, когда нам не хватало данных о противнике, которые мы могли дать на месте, и их приходилось добывать у него под носом, так как работа его была очень скрытная и исключительно дисциплинирована. Теперь же этого нет, так как его бьют, а когда его бьют, он забывает о всех мерах предосторожности. Меня очень тронуло и удивило твое чуткое отношение ко мне, о котором я тогда совершенно не думал. Спасибо, Тасенька! Это, несомненно, был большой вклад в наше общее дело, а опасность была очень и очень близка.

И еще хочу сказать, вернее, ответить на твой запрос, а именно: «не ошиблась ли я?». Конечно, люди бывают разные, и раскусить человека сразу порою очень трудно. Но на меня твое «все же напиши» произвело полный абсурд (если так можно выразиться). Таких случаев, о котором ты упоминаешь, конечно, много, и я сам был не раз их свидетелем. Случается это не столько от хвастливости и болтливости того лица, который это делает, сколько от чувства своего превосходства и неуважения к той личности, которая ему пишет.

А у нас, хотя и «не то», что у них, но, я думаю, и нет того, о чем я упоминал. Больше разъяснений и уверений по этому поводу не требуется.

Ну, вот и все, что я хотел сказать.

Остаюсь прежним Лешкой

(а для тебя Толей).

С приветом!

19

1 августа 44

Дорогая Тасенька!

Мне кажется, что я очень часто тебе пишу, а на самом деле очень редко. Домой пишу тоже редко, так как жду писем по новому адресу, а о себе им сообщать нечего. От тебя писем, конечно, тоже нет. А ты, наверно, по-прежнему пишешь, но все письма еще находятся в дороге. Тебе же я пишу письма большей частью в двух случаях: или когда веселое, жизнерадостное настроение, или же скучное, грустное. Сегодня как раз последнее.

Недавно снова расположились на новом месте, в поселке, где нет ни души, кроме небольшого числа солдат и офицеров. Дни проходят все так же незаметно за работой, а свободные вечера — хуже не придумаешь, так что в пору бы только выпить. Куда ни выйдешь — тихо, и лишь временами шемит душу гармошка. Ни кино, ни пляса, ни людей. А впереди очень близко притихший, пока недвижимый настроженный фронт.

Пришел в 00 ч. на работу, настроился со злости на Москву, а она еще больше подлила масла в огонь старинными вальсами духового оркестра под управлением Чернецкого. Сижу сейчас на финнах, а они ночью почти не работают, зато днем нам достается. Ведь эти бестии намного хитрее немцев.

И вот я в 02:40 начал тебе писать, а что писать, так и не знаю до сих пор. О погоде, о начинающемся рассвете — незачем, а больше решительно не о чем.

Прости, что пишу так мало и бессмысленно. Завтра я буду совсем другой, а сегодня...

Очень жду твоих писем, и ты знаешь, почему.

«Мне грустно потому, что весело тебе...».¹

С приветом

Толя

¹ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Отчего» (1840).

20

16 августа 44

Здравствуй, Тася!

Последнее твое письмо было от 18—VI, и больше нет. По установившейся традиции остается только ждать. Ну, я и жду. Вот уже больше месяца я стою неподвижно. Такая жизнь, конечно, намного хуже прежней. Погода стоит холодная, ежедневно идут дожди. Живем в сарае, а спим на сене. Ночи стали черными, каких я давно не видел. Да уж теперь дело о осени. Еще одно лето прошло быстро и незаметно.

Изредка бывает кино под открытым небом. Вчера шла картина «Жди меня» — это, пожалуй, все, что я видел нового в последние месяцы. Работать приходится большей частью в две смены. Ты близка к нашему делу, хотя функции у тебя другие. Работенка нудная и нервная, а сейчас особенно, и весь перехват приходится буквально выгрызать. Думаю, что мое пребывание здесь будет недолгим. Вероятно, придется проделать обратный путь, но не до конца, а вполовину короче. А пока живу спокойно и жду нового. Центральные газеты приходится читать с опозданием. Вчера прочитал статьи Кригера, Симонова и Горбатова о лагере смерти под Люблином. Пожалуй, ничего ужаснее еще не было. Все, описанное ими, никак не укладывается в моем понимании. Говорят, что за все отомстится, но какая может быть месть, да за это никакой подходящей мести не придумать.

Недавно узнал, что Арк. Котов в Спирове. Он демобилизовался после ранения в руку. Артемьев¹ находится в Туркмении. Больше ни о ком ничего не знаю. От Жени Р. давно нет писем, но он в полной безопасности.

Вот и все о себе и обо всем.

Желаю всего лучшего

Лешка

¹ Наш общий знакомый; родом из Спирина (сын железнодорожника). Где и кем служил во время войны, не знаю. Кажется, потом вернулся в Спирово (*примеч. Т. В. Жаровой*).

Добрый день, Тасенька!

Со времени моего последнего письма прошло много времени — произошли и большие перемены. Ты, наверно, думаешь, что я забываю или даже не хочу писать. Все это не так. Мне сейчас действительно очень мало возможности писать. Нельзя сказать, что я занят больше прежнего, но время проходит постоянно с людьми. Тебе же писать в этих условиях я не привык. Ты не осудишь меня, а поймешь правильно — я в этом уверен. Вчера, после долгого перерыва, получил твое письмо от 9/VII, которое, чтобы найти меня, прогулялось по трем полевым почтам. Теперь я могу сказать, что я объездил всю нашу республику вместе с ее столицей, был там, где были бои, да и сам, можно сказать, участвовал в них. Теперь же не то, а спокойная трудовая жизнь. Работаю на том же деле, но разница в порядках очень большая. Если до этого работал один или же 2—3 человека рядом, то сейчас работаю в таком помещении, где стоит больше 20 «машинок», и каждая выполняет свое задание. Да и дисциплинка намного выше: разрешите закурить, разрешите выйти, смениться и пр. До Мурманска я был в этих условиях, так что привыкать особенно не приходится. Здесь мне впервые в армейской жизни пришлось встретиться по работе с девушками, и неплохими специалистами. Все они сержанты, а некоторые и ст. серж. Офицеров кругом уйма, самых разнообразных чинов, а это мне больше всего не нравится. В общем-то, живу неплохо и весело. Погода стоит самая настоящая осенняя, хмурая. Реже приходится играть в волейбол. Местность очень напоминает крайний север, и разница только в том, что здесь нет сопок. Кругом равнина с мелким кустарником да небольшие населенные пункты. Вот и все пока о моих настоящих буднях. От писем уже отвык, но жду их и не теряю надежды, что получу все. Прости, что пишу так сухо, но написать лучше не могу. Ты права, что я меняюсь с каждым днем и смотреть стал на все равнодушно. Да, Тася, я привык к тебе только по письмам, а это мне кажется неверным и временным явлением. В письмах человек кажется всегда не таким, какой он есть в жизни. Не делай никаких выводов и предположений — все они будут неосновательны. Лучше уж быть сухим историком и пессимистом, чем самозабвенным, не вникающим в действительность человеком. В общем, и дверь есть, и замок есть, а ключа-то и нет. Уж тебе-то расшифровывать это незачем — и без того ясно. Теперь ты, наверно, скажешь, что и характеры наши разные. Что же делать! Ведь это же не какая-нибудь постоянная величина. Смотреть вперед и верить нужно всегда. Мне самому после войны жизнь рисуется ясной и красочной, как и тебе, но пути к ней еще не определены. Спасибо за хорошие пожелания во всем — того же и тебе желаю.

Самый большой привет!

Лешка

9 сентября 44

Тасенька, дорогая!

Вчера для меня был очень радостный день — я получил от тебя сразу три письма. А какие письма! Такие письма должен получать только любимый человек. И действительно, если бы их прочитал человек посторонний (но этого никогда не было и не будет), то он бы так и подумал. Как жаль, Тасенька, что все это не так!! Ты прости меня, что последние письма я тебе писал холодно, с резким и сухим содержанием. Я злился на тебя и на себя за наши спокойные, чисто дружеские слова, и не больше. Я не знаю, как благодарить тебя за такое чуткое и нежное отношение ко мне и за заботу и беспокойство. Я верю в них, но они меня не убеждают. О, ненасытное сердце! Ведь самые лучшие друзья точно так же относятся друг к другу, но они и остаются друзьями навсегда. Если бы мы были годков на десять постарше, то я бы об этом не стал бы говорить. Вся суть в том, что я не верю в дружбу нашего возраста, а если она и бывает, то бывает очень кратковременной. Кончается же она или «тем», или ничем.

Я залез в теорию любви и дружбы, но она-то тебе должна быть известна больше, чем мне. Вот потому-то я до сих пор и не нашел языка, потому-то и получают мои письма строгими и сухими. Да, ты не анализируешь наших отношений, а я, как назло, не понимаю их. Значит, Тасенька, северянин не удовлетворен. Ты никогда не бросалась зря словами, а сейчас особенно избегаешь этого, и это замечательная черта. Наша жизнь еще вся впереди, да она еще полностью и не завоевана. Большинство, конечно, живет только настоящим днем, а что будет дальше, то для них все равно. Я не причисляю тебя к их категории, но (не обижайся) и не удаляю от нее, так как ты сама называешь себя «простой смертной», а из числа таких «простых смертных» относящихся к этой категории очень много. Ладно, я кончаю об этом. Я много написал того, что вообще не собирался писать и, кажется, больше никогда не буду писать об этом. Тасенька! Ты знаешь, как я отношусь к тебе?! Да, ты, конечно, знаешь. Ты видела, наверно, картину «Март—апрель» и, наверно, помнишь слова Михайловой, сказанные капитану в конце картины. Вот они-то и являются определением наших, вернее твоих, отношений ко мне.¹

Теперь о себе и о своей жизни. Война сейчас у нас затихла и если не совсем, то до 15 сентября. Но для меня этот период намного ответственней, чем раньше. Раньше мы знали, что стоит против нас и где находится, — теперь же перемещения у них, а в этом нужно не запутаться и точно определить. Так что моя война стала намного активней.

Нахожусь на старом месте и довольно далеко от фронта (не думай, что опять в Заполярье, я от него далеко). Работаю по 8, а иногда и по 12 ч. в день на своем 12-м. Свободного времени очень мало, так как каждый день ввели занятия. Читать нечего. Кино и танцы бывают каждое воскресенье. А больше о себе и нечего писать.

Завидую той местности, где ты сейчас находишься. У нас же осень, холодно, каждый день идут дожди. Я северянин, но ту местность, где я сейчас нахожусь («цветущая Карелия»), не люблю. Лучше нет Ленинградской

области и нашей северной столицы. Я ведь дальше Москвы не был, не считая поездки в Крым и в Сочи, когда мне было 7—8 лет. Конечно, я ничего не помню.

Как хочется домой, как надоела серая, неуютная солдатская жизнь! А в городе теперь почти все, как до войны, только цены кругом сумасшедшие. О себе я уже решил: никуда не поеду из города, если не заставят. Мне не хочется видеть все то, что разрушено и уничтожено войной.

И еще. Зачем ты осталась такой, какой была в Спирове? Я говорю о твоих мальчишеских настроениях. Все это тебе так не идет. Я очень смутно представляю тебя, но я знаю, какая ты.

Ну, пиши. Очень жду!
Желаю всего самого лучшего.
До скорой встречи, дорогая.

Лешка.

¹ Экранизация рассказа В. Кожевникова «Март—апрель» (1942). Очевидно, имеется в виду следующий диалог: «Михайлова села и, придерживая на груди ворох одежды, глядя сияющими глазами в глаза капитану, громко и раздельно сказала:

— А знаете, я вас, кажется, очень люблю.

Капитан отвернулся. У него побледили уши.

— Ну, это вы бросьте.

— Я вас не так, я вас просто так люблю, — гордо сказала Михайлова.

Капитан поднял глаза и, глядя исподлобья, застенчиво сказал:

— А вот у меня часто не хватает смелости говорить о том, о чем я думаю, и это очень плохо».

Фильм вышел на экраны в 1943 г. Режиссер Вас. Пронин. Актеры: О. Жаков, С. Ланская, Я. Жеймо, С. Филиппов, А. Ширшов, П. Суханов, М. Трояновский. Сценарий: В. Кожевников, Н. Рожков.

23

2 октября 44

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Прости за мои редкие письма и не думай, что у меня нет желания писать. Иногда так хочется написать тебе, написать так, как никогда не писал, но пока собираешься, выбираешь время, то в конце концов получается совсем не то. Нельзя сказать, что я до того занят, что не хватает времени на письма. Ведь ты же не мамаша, которой можно писать открытки одну за другой, которая все равно будет говорить, что редко, и в то же время будет всегда рада этому. Ты же занимаешь совершенно другое, не имеющее себе равных положение. Конечно, и до некоторой степени моя занятость влияет на нашу переписку, так как я по-прежнему, не считая время занятий, партучебы (которые бывают почти каждый день) и пр., 12 ч. работаю за приемником. Писать же тебе, как маме, — жив, здоров — я не хочу и никогда не буду. Твои письма приходят, я думаю, реже моих. Пишу второе письмо и не знаю, какую взять подкладку. А может быть, ты, получив мой предыдущий бред, совсем по-иному будешь относиться ко всему. Мне бы не стоило вообще тебе об этом писать, так как и без того ты все это должна понимать.

Теперь немного о своей жизни, хотя и писать о ней особенно нечего. Живу по-старому, спокойно, намного лучше Мурманска и, конечно, хуже походной, настоящей боевой жизни, когда я был в Питкяранта¹ и Петрозаводске. Работаю в теплом помещении, живу тоже в деревенской избе, где койка с одеялом и матрасом, стол и прочий неуютный уют. Положение наше сейчас, как мне кажется, неустойчивое, и в скором времени все же должны быть какие-нибудь изменения, возможно, и небольших масштабов. Ведь с финнами теперь дело улажено (более или менее), а немцы в недалеком будущем сами распрощаются с Финляндией. Бои идут, так как немцы добровольно еще ниоткуда не уходили, и бои будут еще ожесточеннее. Обидновато, если всю войну придется просидеть на Севере, где, кроме болот и сопок, ничего не видел, а между тем наши войска прошли всю Румынию, <были> в Болгарии и сейчас гуляют по Югославии. Ты помнишь картину «Заклученные», где Костя-Капитан говорит: «Хотел бежать в Турцию, а очутился на границе Финляндии». Вот и со мной наподобие этого (только я не заключенный).

Время проходит почти без развлечений. Правда, бывает раз в неделю кино, а иногда и танцы, но танцы такие, что я их давно забросил, да к тому же хороший танцор из меня не получился. Погода стоит, конечно, осенняя. Дни стоят ветреные и дождливые, а карельские ночи еще хуже.

Вот и все, Тасенька, о себе. Пиши! Очень и очень жду. Ты иногда в письмах в конце мне желала счастья. Спасибо! Ведь я с некоторых пор в него не верю. Даже Пушкин говорил, что счастья нет, а «есть покой и воля». И тем более не хочу слышать этого от тебя. Ведь тебе же не ново, что я люблю тебя, хотя и не так, как ты меня. Не думай, что это любовь от скуки, — я очень боюсь ее и избегаю с другими. Также боюсь и писем от скуки. Мои письма не от скуки, хотя они и могут с первого взгляда походить на них. Думаю, что и с твоей стороны не так. А насчет моей веры скажу, что она будет тогда, когда...

Вот теперь и все. Писал на работе, 06:30. В 09:30 пойду спать до 12-ти, а с 12-ти опять работать.

Самый горячий привет!

Лешка.

¹ Питкяранта — город на северном берегу Ладожского озера. С сер. XIX в. до сер. XX в. — крупный центр горнодобычи и металлургии. В результате советско-финляндской войны вошел в состав СССР. В июне 1941 г. город был отвоин финскими войсками и находился в составе Финляндии до июля 1944 г., когда был вновь присоединен к России.

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Я сегодня не собираюсь много тебе писать, а напишу только под впечатлением твоего последнего письма. Письма твои я получаю и очень им рад, хотя и думал, что оборот дела будет намного хуже. Из твоего последнего письма видно, что ты имела прикосновение с противником, и как будто бы

косвенное. Да, твоя жизнь намного интереснее моей. Подобное было и в моей жизни, только блистательных эпизодов почти не было, а если и были, то о них сейчас незачем упоминать. Наши письма, «как летопись боя, как хроника чувств» и в этом их, конечно, большая ценность.¹ Моя настоящая жизнь на грани больших изменений. Описывать подробно незачем, так как ты сама хорошо понимаешь обстановку в наших местах, а следовательно, прощай, настоящая жизнь, и здравствуй, новая, так как делать здесь совершенно нечего.

Я оторвался от основной мысли, а именно, насчет твоего последнего письма. Не скрываю, что во многом завидую твоей обстановке, хотя и понимаю, что тебе она очень не по душе. Ты далека сейчас от Родины, и тоска по Родине свойственна каждому русскому человеку. Я же так и не покинул Россию и, по-видимому, долго не покину ее. Я до глубины души понимаю и переживаю твои слова: «Россия! Далекая родная Россия!». Эти чувства сейчас затрагивают мысли большинства русских, горячо любящих свою Родину. Не случайно, что эта тема сейчас очень популярна во всех областях искусства и, главным образом, в поэзии. Мне очень понравилось одно из последних стихотворений Евгения Долматовского «Осень», которое начинается:

В России багряная осень,
Прозрачная синь, листопад,
И ветер туда не доносит
Тяжелых орудий раскат.

Я, Тасенька, тоже пишу, но очень мало, так как развернуться в полном объеме сейчас нет возможности. Стихи мои остаются стихами комнатных слушателей и, в лучшем случае, друзей, таких, которые понимают меня душой. Но таких друзей очень мало. Надеюсь, что в тебе я найду именно такого друга, а потому не стесняюсь с тобой поделиться кое-чем. У меня есть цикл «Стихов о России», хотя по объему он небольшой. Вот одно из них, которое служит как бы вступлением к циклу:

Земля моя! Россия моя милая!
Как песня ты, чудесная моя.
Ты знаешь ли, с какой огромной силою
Люблю тебя, родимая земля.

Мечтами окрыленный и взволнованный
Просторы озираю я твои,
К тебе одной, к тебе одной прикованы
Все чувства сокровенные мои.

Былинами и песнями взлелеяна,
Ты в светлое грядущее глядишь
И, подвигами ратными овееана,
Звездой пятиконечною горишь.

Оплаканная горькими, обильными
Слезами своих вдов и матерей,
Стоишь ты, непокорная и сильная,
И ждешь своих далеких сыновей.

Идут они, суровые и верные,
И бьют твоих безжалостно врагов

За Вислой, за Карпатами и в Венгрии,
У северных полярных берегов.

Ты слышишь их, ты с ними крепко спаяна,
И в сердце ты у каждого из них.
Приказ вождя, приказ родного Сталина —
То твой приказ — священен он для них.

И тихими вечерними минутами
Мы слышим голос древнего Кремля.
Греми, Москва, победными салютами,
Ликуй, гордись, родимая земля!

Оно не лишено патриотизма. Патриотизм сквозит в каждом, но большинство же из них пронизано лирической и пейзажной грустью. Это и еще кое-что я уже читал на вечерах части, как 7 ноября, 19 ноября, 5 декабря. Конечно, были одобрения и пр. Я тебе пишу уже второе, хотя и не знаю, получила ли ты первое, посвященное тебе: «Забыв наши будни».

Вот пока и все о себе и о том, что я хотел сказать. Пиши, Тасенька, очень и очень жду. Возможно, что я твои письма в будущем буду получать с большой задержкой, но ты, несмотря ни на что, пиши, пиши и пиши.

С горячим приветом и пожеланием всего лучшего.

Привет Лиде Фирсовой, Т. Б.² и другим твоим подругам.

Толя.

¹ Источник цитаты установить не удалось; возможно, это автоцитация.

² Тамара Бесчастнова (см. примеч. 2 к письму 4).

Добрый день, Тасенька!

Прежде всего, поздравляю тебя с Новым годом с уверенностью, что ты получишь это письмо как раз вовремя. В Новый год всегда желают друг другу всего лучшего, того же и я желаю тебе. Я уже давно не получал от тебя писем и, вероятно, еще долго не буду получать их, так как им первое время придется проезжать мимо меня далеко на «S», а потом назад на место их назначения. Ты понимаешь, почему это так, так как, что я предвидел, уже свершилось. Совсем еще недавно был на колесах, а теперь снова нахожусь без движения. Наконец-таки я распрощался, и как будто бы навсегда, с безлюдными снежными просторами и с сопками и увидел то, что так давно хотелось увидеть отвыкшему взору. Здравствуй, родная русская земля с ее полями, лесами и деревнями! Центральная Россия! Какие радостные, сенсационные чувства!¹ Вот она, русская деревня, с бревенчатыми избами и с домиками, обшитыми тесом, с резными украшениями на окнах и с небольшими палисадниками под окнами. Соломенные и лучиночные крыши, покрытые снегом, ясными морозными ночами под месяцем отливаются голубым цветом, а тишина нарушается только пением девчат свое-

образных местных частушек да смехом. Какой контраст с твоей обстановкой! Живу в деревенской избе, чистой и уютной. В углу, как водится, шесть или семь икон, а на стенах старые фотокарточки с дореволюционными солдатами и вообще все то, что отражает давно прошедшую молодость хозяев. Сама хозяйка-старушка очень радушно и учтиво приняла нас, предоставила к нашим услугам целую комнату, но и мы, конечно, ничем не обижаем ее. Я знаю, что ты мне очень завидуешь, так как уже давно и, вероятно, еще надолго лишена видеть то, что сейчас перед моими глазами. Я бы мог описать тебе все более красочно и поэтично, но сейчас нет особого вдохновения. Я думаю, достаточно и этого для русского человека. Пускай эти мои строки еще больше разожгут в твоей душе горечь временного твоего отчуждения, тоску по Родине и воскресят в памяти забытое, дорогое.

Вот тебе еще одно стихотворение из «Стихов о России», датированное ранним числом, но по содержанию близкое с моим настоящим:

В седом тумане даль немая,
Угрюмый бор в глубоком сне,
Дорога длинная, прямая
И черный ворон на сосне.

Опять в пути молчаньем сонным
Меня встречает зимний день
Собачьим лаем отдаленным
Зарытых вьюгой деревень.

По сторонам уж лес редее,
Усталый взор чего-то ждет,
А впереди дымок синее,
Крутой дороги поворот.

А там мелькнут стога, овины
И, по-осеннему грустны,
Под чьим-то под окном рябины,
С томленьем ждущие весны.

Да на дороге у колодца
Два огонька девичьих глаз
Мелькнут, а сердце бьется, бьется –
Не в первый раз, не в первый раз.

Вот и все, кажется, вкратце я тебе написал о моей обстановке. Жизнь же не боевая, но ее в скором времени нужно ожидать. Может быть, еще придется побыть в твоих условиях, а пока живем настоящим.

Писем твоих, как и всегда, очень жду, а также жду «qsl» на это письмо.²

Еще раз желаю всего лучшего в твоей молодой жизни, а Новый год встретить лучше прежних.

С горячим приветом!

Лешка

Р. С. Передай от меня привет Лиде Фирсовой и Жене Ратьковскому, если пишешь ему, а я с ним связь потерял.

Толя.

¹ Часть, в которой служил А. Д. Алексеев, была передислоцирована в Ярославскую область, в село Пятовское. Здесь ожидалось новое назначение; шла учеба.

² На языке радистов означает «открытое письмо» (отправленное в знак подтверждения связи).

Добрый день, Тасенька!

Тася, я человек не обидчивый, но твое столь продолжительное молчание заставляет меня немного обижаться. Я пишу тебе уже четвертое письмо, а от тебя все нет и нет. Неужели ты на что-нибудь сердилась или чем-либо недовольна? Не думаю, чтобы было так, а потому я все же уверен, что в скором времени ты откликнешься, к тому же я сейчас нахожусь намного ближе от тебя, чем раньше.

О моей жизни ты уже имеешь некоторое представление из предыдущих писем. Она все та же — жизнь не боевая или, как говорят, «на отдыхе», но в то же время идет повседневная подготовка к новым боям, занятия по технике, спецделу и пр. видам, вплоть до строевой. Не знаю, что будет меня ожидать в дальнейшем и где я буду находиться, но здесь пробуду еще с месяц, а то и больше. Впоследствии же буду, наверно, совсем недалеко от тебя. На новом месте устроился очень хорошо (с двумя товарищами). Старушка-хозяйка очень добрая и заботливая, как мамаша, и отвела нам целую комнату, а сама устроилась на кухне. У нее тоже сын на войне, и уже три года от него нет вестей. Она иногда всплывает при нас о нем, а мы, конечно, ее успокаиваем, хотя сами нисколько не верим в свои слова. Сижусь сейчас под образами, а в окне видны избы и сараи, заборы и плетни да широкая главная улица деревни. Времени свободного сейчас вполне достаточно, и проходит веселее прежнего. А главное — свобода, нет той казарменной обстановки, какая была раньше. Да, Тася, мы отвоевали и победили, сделав свое дело там, «наверху», и теперь ждем нового. Новое же нам должно показаться намного интереснее старого, хотя трудностей, как мне кажется, будет меньше. Впереди чужая земля, новые люди и еще более ожесточенный враг. Хочется, чтобы как можно скорее наступило это время.

Пиши, как ты встретила Новый год.

Я же его встретил очень хорошо. Был вечер части, на котором было много гражданского населения и на котором я читал из своих «Стихов о России». После вечера мы смотались к себе домой и в кругу семерых друзей — старых армейских товарищей — встретили Новый год по-семейному. Горючего было в достаточном количестве, и мы пили за все. Перед одним тостом я читал стихотворение другу С. И., который здесь же присутствовал. Вот небольшой отрывок из него:

... Выпьем, друг, за победу, конечно,
В ней и наша есть скромная часть.

Нам не раз еще вспомнить придется
Все пройденные нами пути.

Пей за тех, кто нас ждет — не дождется,
И за то, что нас ждет впереди.

Пей за то, что потеряно нами,
Пей за светлое будущих дней,
За подруг, что не с нами и с нами,
И за будущность наших друзей.

Нас война очень близко сроднила,
Ты всегда был душою со мной.
Пей за счастье, что нам изменило,
За сожженную юность войной... и т. д.

В общем, встречу нового, 45 г. есть чем вспомнить хорошим. Собрались ребята, все в основном москвичи и ленинградцы, с гитаркой, конечно. Недостаток был только в женском обществе, но здесь собрались все старые холостяки (вроде меня), которые не живут настоящим, а живут надеждами будущего и воспоминаниями прошедшего, а потому этого недостатка нисколько не ощущалось.

Вот и все пока о себе и о своей жизни. Желая тебе всего лучшего от всей души.

Очень жду твоих писем.

С приветом

Лешка

27

5 февраля 45

Дорогая Тася!

От тебя писем по-прежнему нет. Последнее получил короткое, написанное наспех, из которого видно, что жизнь твоя в корне изменилась, т. е. ты стала вроде как бы «помощником смерти». Я знаю, что этим осуществилось твое давнишнее стремление, и доволен за тебя, но сам же медицину почему-то недолюбиваю. Мне представляется, что ты постоянно занята ранеными или даже тяжелоранеными, с операциями и т. п. Я бы, наверно, на такой работе и дня не просидел. Ну, а в общем, кем бы ты ни работала — желаю во всем успеха. Но почему ты молчишь?! Неужели очень занята? Но может быть и так, что вообще отвыкла от писем. Ведь у меня тоже бывали такие периоды. И еще меня интересует: получаешь ли ты мои письма, и если получаешь, то еще раз прошу дать на них qsl (забыть не должна). Ну, а я все тот же, кем был, и им останусь до конца. Никаких помышлений смыться куда-нибудь сейчас не имею. Нахожусь все там же и в тех же условиях, о которых я тебе уже писал раньше (Русь, Русь — кругом Россия). Со времени завершения наших операций на «чердаке» уже прошел значительный срок, но мы почему-то по-прежнему продолжаем сидеть на месте и ждать у моря погоды.

Называется это «отдыхом», а на самом деле — занятия и занятия. Даже кажется странным — неужели на пятом году службы ничему не научился? Учиться, конечно, нужно все время, но только не толочь в ступе воду. Те-

перь занятия в основном кончены, и на днях были экзамены по всему. Я тебе еще раньше писал о разрядах, но тогда сдавать на них не было возможности, так как действовали. Теперь же оперработы никакой не ведем, а следовательно, и была развернута в этот период целая «академия». На экзаменах я прошел с треском и, как старый кадровый солдат, без труда сдал на первый.¹

Теперь перед нами стоит один вопрос: долго ли мы будем здесь околачиваться? Ведь сейчас идут такие бои! Такое наступление! А нас до сих пор продолжают держать в запасе. Ребята и то смеются: пока мы собираемся, наши уже будут в Берлине, а там и война кончится.

Война еще не кончена, и мы еще скажем свое слово, и эта уверенность крепнет с каждым днем, так как мы знаем свой вес, знаем, что в нас нуждаются все.

Дни проходят на занятиях и «дома». Свободного времени довольно много, но ничего хорошего сказать про него не могу. Читать почти нечего, да и вообще за последний период ничего не читал. Приходится больше обычного заниматься изучением «Краткого курса», да к тому же мне ввели партийную нагрузку руководителя партийной учебы. Вот здорово — в комиссары попал!²

¹ Т. е. на первый класс воинской специальности.

² Окончание письма отсутствует.

28

Здравствуй, Тася!

Во-первых, (для оправдания) скажу, что я последнее твое письмо получил от 17 декабря прошлого года, где ты сообщала, что стала «белохалатницей», что времени свободного почти нет, что в жизни перемены, и пр. Неужели ты можешь думать, что я столько времени ничего тебе не писал? Нет, я тебе писал вполне достаточно. И вот вчера я получил от тебя письмо (очень неожиданно), в котором первые строки были упреком на мое молчание и из которого я заключил, что ты тоже ничего-ничего давно от меня не получала. Удивительно, но это факт. А я тебе писал, много писал писем со стихами, так как ты меня когда-то просила, чтобы я тебе что-нибудь прислал своего. И я выполнял. Но от тебя писем не было. Тогда я стал это недовольство и удивление выражать в письмах. Ответа не следовало. Тогда я написал открытку (это было примерно два месяца назад), которая начиналась: «Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя...» — и она действительно была последней. А дальше? — Дальше оставалось ждать и ждать, с каждым днем теряя веру. И я ее почти всю потерял, надеясь на что-нибудь случайное. И вот этим случайным послужило твое вчерашнее письмо. Может быть, ты опять от меня ничего не получишь. Но... причем же тут я? Я тебя мысленно и хоронил и не хоронил, а вернее, больше всего был уверен в переменах мест, адресов и пр. (это по поводу моих писем). А насчет твоих писем вопрос для меня так и остается загадочным, так как

мой адрес как был 28491, так им и остается (пока). Вот и все о нашем «молчании».

Теперь я тебя поздравляю (еще раз) с твоей новой специальностью и, хотя и поздно, с праздником 1-го мая.

А дальше о своей жизни. Нахожусь все там же, в России. Ничего не поделаешь — РГК.¹ Могу сообщить, что это пребывание, можно сказать, что уже кончилось. Сейчас переживаем то время, когда со дня на день ждем приказа, и он должен быть или же в конце апреля, или же в первых числах мая. Мы уже давно готовы. Нам уже очень надоело здесь. Перспективы, нужно сказать (по слухам), не блестящие. Германии, Австрии и юга нам не видать, а значит... — далеко-далеко. Ты догадываешься, куда, а у нас, «...как вспомнишь, так сердце болит».² Может быть, и повезет, но надежда на это выражается в 95—98 %. Вопрос этот — ближайших дней.

Живу все так же неплохо. Свободного времени порядочно. Хочется работать и давать настоящую пользу. Пользуясь обстановкой, выпускаем рукописный литературный журнал «Наши дни», куда помещаются и мои стихи. Кстати, я главарь всего этого, да, — такая натура. Чем черт не шутит, может быть, это мой будущий хлеб.

Еще сообщу замечательное для меня: я был в отпуску дома. 5 дней был возле родителей. Ты понимаешь, какие после этого впечатления. Замечательный Ленинград — он почти такой же, каким был до войны, а следы блокады и стерты, и замаскированы. Родители выглядят хорошо и живут замечательно. Дорвался до театров (ведь я всегда мечтал об этом). Жаль только, что мало было времени, да и оно пролетело очень быстро. В Александринке смотрел «Дворянское гнездо» и «Таланты и поклонники», в Мариинке — балет «Спящая красавица» и в Малом — «Риголетто». В оперетту, признаться, не рвался, хотя и были билеты на «Фиалку Монмартра». Я знаю, что все, и ты, наверно, в том числе, любят оперетту, но у меня обратное.

Эх, родная!.. Я верю (и нельзя теперь не верить), что все скоро полетит к черту, но для меня дом будет не намного ближе.

Ну ладно... Писать буду после праздников.

А может быть, и возобновится наша переписка.

Я не верю, что у тебя нет своей фотографии. Ведь около двух лет...

Теперь ты, наверно, не сердись на меня. И не сердись. Я следую правилу: «Друга помнят всюду» (заглавие повести, написанной моим товарищем и помещенной в нашем журнале).

Я сам не брошу писать.

Пишу по новому адресу, а старому больше не верю, нужно было его раньше сообщить.

Лешка

25—IV—45 Яр-ль

¹ Резерв Главного Командования.

² Слова из песни «Раскинулось море широко» (текст: Г. Зубарев, музыка: А. Гурилев):

Не слышно на палубе песен,
И Красное море шумит,
А берег суровый и тесен, —
Как вспомнишь, так сердце болит.

Дорогая Тасенька!

Я еще не получил от тебя ответа на мое последнее письмо. А может быть, и получу — чем черт не шутит! Да, я за последнее время совсем перестал верить в продолжение нашей переписки. Неужели это говорит за то, что я скоро забываю старых друзей? Конечно, нет. Я тебе писал в достаточном количестве, не получая ответа, и сейчас делаю то же самое.

Очень плохо представляю твою жизнь и где ты сейчас находишься. Мне кажется, что ты в Венгрии, но где? Во всяком случае, ты во многом счастливее меня. Мне там никогда не бывать. И это становится яснее с каждым днем. Ты многое видела за эту войну, а что видел я? — Ничего! Пребывание на Ленинградском фронте было непродолжительным, затем хмурое Заполярье и Карелия, а потом... потом центральная часть России — длительное пребывание в РКК. О дальнейшем не спрашивай.

Ясно, что война кончается (если уже не кончилась), настроение должно быть радостное, взволнованное, но это еще не все. А следовательно, нам (мне) торопиться домой еще рано. По всей вероятности, скоро придется петь «Страшно вокруг, и ветер на сопках рыдает...».¹ Это будет длительный и нежелательный путь. Неудивительно, что еще два года придется пробыть «под ружьем».

Ну, а сейчас продолжаем ждать приказа. Живу хорошо, свободного времени много. Погодка теплая и сухая. На деревьях набухают почки. Говорят, что в этом году весна поздняя и не бурная. Крестьяне чинят изгороди и копают огороды, а вчера в первый раз по старым традициям (второй день «Пасхи») выгнали коров в поле. Вот она, Русь со всеми ее обычаями и законами!

Днем у нас идут «занятия», которые нужны только для того, чтобы убить время, вечером резня в волейбол. Потом звонкие песни деревенских девчат, гармошка, танцы. Нет, я еще не привык к этому, хотя и русский. Мне нравится деревня с соломенными и черепичными крышами, с длинной широкой улицей, но все это уже очень надоело. Пройдет время, и, я уверен, что настоящее наше пребывание будет навевать приятные воспоминания... И все-таки я городской человек. Там моя и будет последняя пристань.

О себе пока все.

Пиши, очень жду!

С приветом

Толя

¹ Слова из широко известного вальса нач. XX в. «На сопках Маньчжурии» (автор И. А. Шатров).

7 июля 45 года

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Я не надеялся получить от тебя письма. Ведь эта прелесть бывает один раз в два-три месяца. Значит, ты жива! Я тоже жив и здоров. Конец войны встретил в центральной России, но с тех пор прошло уже порядочно времени, восторги и радости улеглись, а в жизни произошли очень большие изменения. Судьба распорядилась по-иному. Мечтал о скором возвращении домой, но теперь об этом не думаю, так как внушил себе, что это будет не скоро. Я очень и очень далеко от тебя, там, куда сейчас приковано все внимание Родины. Местность для меня непривычная, погода жаркая с частыми обильными дождями. Вспомни книгу Арсеньева «Дерсу Узала», и ты будешь иметь кой-какое представление.

Живу пока в большом бараке, шумном и многолюдном. Много в жизни не по вкусу, но успокаиваешь себя тем, что все это временно. Ежедневно 12 ч. занятий, а на личное время выпадает 1 час. Нужно как можно в короткий срок перейти работать на новые объекты, а для этого нужно отвыкнуть от старого и изучить 56 иероглифов. Поэтому свободного времени нет. Домой написал только одно письмо, и то по-суворовски — «жив, здоров, служу». Не думай, что я молчу умышленно. Вот и все вкратце о себе.

Не знаю, получишь ли ты мое письмо. Может быть, ты к этому времени будешь уже дома. На всякий случай сообщаю тебе домашний адрес. Когда-нибудь по старой памяти завернешь ко мне, если будешь в Ленинграде. Мой адрес: Финский переулок, д. 10, кв. 55. Вот тогда поговорим обо всем, что нельзя сделать в письмах. В шесть часов после войны это сделать не пришлось, но лучше поздно, чем никогда. Мне же пиши по старому адресу: 28491. Пиши, что тебя ожидает в будущем, вышла ли замуж, а если нет, то когда собираешься? (Прости за нескромность и не обижайся.)

Сегодня с обеда занятий нет — суббота. Завтра как будто бы тоже ничего не предвидится. Значит, есть время заняться письмами. Скулит баян вальс «На сопках...», а вокруг декоративно выступают сине-зеленые сопки. И музыка, и обстановка дополняют друг друга. «Передо мной на столике угрюмом лежит письмо, что мне прислала мать».¹ Она мне пишет, что ждет моего скорого возвращения домой. Она думает, что, если война кончилась, значит, я сразу должен вернуться домой, но она еще не знает, где я и что Европой все дело не кончено. Пишет, что в Ленинграде при вузах открылись подготовительные курсы для окончивших 10-тилетку. Я все-таки буду учиться дальше, хотя время уже упущено.

Желаю всего лучшего!

Пиши. Самый большой привет!

Толя.

¹ Цитата из стихотворения С. Есенина «Письмо от матери» (<1924>).

Здравствуй, Тасенька!

Я рад, что узнал от тебя о твоём возвращении домой. Больше ничего не знаю о тебе. Так, голубушка, не делают. Я думал, что из дома ты будешь писать чаще, а оказывается, наоборот. Нет, я не обижаюсь, потому что я не имею на это права.

Сегодня получил обратно свое письмо, адресованное на твой старый адрес. Неприятно получать такие письма: от них веет холодом, осенью.

Да, у нас тоже сейчас осень, но какая-то непонятная, чужая, нерусская. Я очень люблю нашу осень, когда

Отсырел осинник,
Желтизну роня,
На болотах топких
Порыжела даль.
Небо завернулось
Без конца, без края
В мутную, седую
Дождевую шаль.

Просыпались гуси
По утрам белесым,
Улетали гуси
До другой весны,
Вечерами рано
Над притихшим лесом
Ветреные зори
Навевали сны...

Это мои попытки создать что-нибудь похожее, понятное, близкое.

А тебе писать есть о чем. Как тебя встретила родная сторона, какие впечатления после долгой разлуки с родными и знакомыми, какие воспоминания о золотом прошлом, как проходит время, что думаешь о будущем — да мало ли еще о чем. Впрочем, я тебе уже давал совет насчет твоего будущего. Ты меня спрашивала, и я тебе посоветовал все же избрать литфак. Ты, наверно, не получила этого письма. В дополнение могу дать еще один совет: выйти замуж за такого человека, который бы полностью соответствовал тебе, и чтобы это было безошибочно, на всю жизнь. Девушкам твоего возраста такие советы полезны. Если я запоздал с этим советом, то прости.

Я твердо решил поступать в Университет на литфак и никуда больше. Отец и мать во всем поддерживают, а насчет матер. обеспеч. и говорить не приходится. Если удастся поступить, а впоследствии и кончить, то педагогом собираюсь не быть. Дорогу себе найду.

Живу сравнительно неплохо, нахожусь на старом месте. Сейчас у нас только и разговоры — это о демобилизации или, как мы называем, свирепствует «демобилизационная болезнь». Да, домой чертовски хочется! Давно уже пора. Только на днях началась демобилизация из части старших возрастов. В первых числах октября поедут домой девчата. Последний указ Верховного совета меня не затронул. Так что моя очередь далека. Я думаю, что раньше июня—июля 1946 г. домой не вернусь, а поэтому чемоданного настроения нет.

Будни однообразны. Свободное время есть, но заняться нечем. В части иногда бывает кино, иногда хожу в кино в город, но почти всегда строим. За всю службу это святое место ко мне не привилось, а поэтому всегда стараешься его избежать.

В одном из писем ты меня спрашивала (это было давно): почему я так изменился, почему письма мои стали другими. Не знаю, как ответить на этот вопрос. По-моему, ничего нового в наших отношениях не произошло. Да и вообще наши отношения обыкновенные — отношения старых товарищей. Может быть, они были бы лучше, если бы мы не знали друг друга когда-то.

Спасибо за фотографию. Тася, ты все такая же, если не лучше. Не вижу твоих глаз, а это основное. Может быть, увижу их не на фотографии, а живьем когда-нибудь. А?

Желаю всего лучшего, дорогая!
Привет!

Лешка
29 сентября 45

32

15 октября 45

Добрый день, Тасенька!
Привет с края Земли!

Я так и не получил от тебя ни одного письма с тех пор, как получил известие, что ты дома. А срок прошел немалый. Что с тобой? Наверно, новая жизнь и обстановка не располагают к нашей переписке. И все же хотелось бы знать: почему?

О себе писать много не буду. Нахожусь пока на старом месте. Жизнь без приключений. В недалеком будущем снова на колеса, в путь, но только не к дому, а дальше, на юг, в чужую страну. Возможно, что на продолжительное время потеряю со всеми связь до установления нового адреса. И все же предстоящей перемене очень рад. Когда отсюда выберусь и когда вообще вернусь домой, не знаю. Да, я теперь надолго покинул надежды скорого возвращения домой.

В конце июля с. г. я тебе посылал письмо, которое ты не получила. Сегодня я снова посылаю его, хотя теперь оно не имеет ценности как письмо, зато тогда, накануне войны, оно было своевременным. Для меня же оно дорого как дневниковая память. Вот оно:

Подруга, родная! Я снова
Немного тебе написал,
Но прозой сегодня ни слова:
Стихи для меня — идеал.

Поэты немногим желанны,
Но ты не осудишь меня,
Тебе не покажется странным
Размеренных строк болтовня.

О всем бы сказал понемногу,
Но временем я не богат.
Судьба проводила в дорогу,
Признаться, не очень был рад.

Ну что ж, я привык, не скучаю,
Солдатскую лямку тяну,
Домой не спешу, так как знаю,
Что снова попал на войну.

Порой вспоминаю, конечно,
Но так, с холодком, невзначай
Те дни, что летели беспечно,
С сиренью под окнами май.

Цветы те увяли, а краски
Размыты осенним дождем,
Чужие случайные ласки
Не держатся в сердце моем.

Пусть тянутся дни без участия,
Пусть сердце лелеют мечты,
Я верю в грядущее счастье
И верю не меньше, чем ты.

Быть может, в том счастье, как в песне,
Другие услышу слова,
Другая улыбка воскреснет,
Другая прольется молва.

Безумная мысль, не пора ли,
Как старый орган, замолчать!
Под вечер на шумном вокзале
Другого ты будешь встречать.

Как радостно сердце забьется
В дождливый сентябрьский мрак!..
Прости, я немного отвлекся —
Шумит многолюдный барак.

За окнами — утро, как бисер,
Рассыпало в сопках росу,
Но скоро лазурные выси
Растопят дневную красу.

У сопки гнездятся землянки,
А рядом в дорожной пыли
Проходят орудия, танки,
Что с боем по Западу шли.

Об этих далеких границах
Какой неуютный рассказ!
И только товарищей лица
Уносят суровость из глаз.

Ты видишь иные картины,
Ты слышишь нерусский язык,
Быть может, за шелест осины
Сменяла б весь западный шик,

Все эти прически и моды,
Цветы аккуратных полей
За русскую дикость природы,
За поздний отлет журавлей.

Обуленной, странной, неясной
Европа прошла пред тобой,
Но годы прошли не напрасно,
Твоей я доволен судьбой.

Гордись, что ты русской душою
Смотрела на все свысока.
О, если бы шел я с тобою,
Я был бы поэт, а пока...

Нам всем эти свойственны речи,
Везде хорошо, где нас нет.
Прощай, дорогая, до встречи,
Прими мой горячий привет.

Все же письма твои жду.

Лешка

33

20 октября 45

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Сегодня и я могу сказать облегченно: наконец-то получил от тебя письмо.

В первых строках поздравляю с праздником XXVIII-ой годовщины Октября и, если мое письмо не опоздает, то желаю встретить как можно лучше, чтобы ничего похожего не было на военные встречи. Это, конечно, так и будет. Мне в этот день исполнится 23 года. Не хочется об этом думать. Другое дело, если бы исполнилось 17 или 18. Как пройдет этот день — трудно сказать.

Вторая половина октября, а деревья едва начинают желтеть. Созрел кедр, порыжели сопки. Осень сухая и ветреная. «Демобилизационная болезнь» успокоилась до нового приступа.

О моей жизни я тебе уже много писал, и в основном уже о всем написано. На старом месте доживаю последние дни — вся задержка в подвижном составе. Ожидается лучшая жизнь, но представляется смутно.

Значит, ты в педагогическом и, наверно, на литфаке. Ну что ж, я приветствую и завидую тебе, хотя педагогический уклон меня не интересует. Я уверен, что в недалеком будущем мне придется взяться за книги, пока же время проходит бесполезно. Если бы были учебники, то частично можно было заняться, так как есть условия. И об этом я уже писал не раз.

Не называй меня пессимистом. Я уже отхожу от него и даже постараюсь подтвердить Музой.

Над Приморьем ветер носится.
Буйный ветер рвется в грудь.
С ветром в сердце песня просится –
Провожай, родная, в путь.

Мы с тобой Россию меряли,
Песня, молодость моя:
Ленинград, снега Кареллин,
Уссурийские края.

Был у стен родного города
Окрещен солдат свинцом
И в когтях костлявых голода
Слыл по роте храбрецом.

Шел солдат по сопкам Севера,
Дни и ночи длился бой.
Сердце знало, сердце верило,
Что останется живой.

Под Харбином в утро раннее,
Припадая на гранит,
Потерял солдат сознание,
Трижды пулями прошит.

Где ж ты, песня? Кто осмелится
В этот трудный час помочь?
Песня здесь, травую стелется,
Смерть от друга гонит прочь.

Что, солдат, тоскуешь, лечишься?
Видно, время вспоминать,
Как Нева с луною плещется,
Как заждалась сына мать.

Снова с ветром в сердце просится
Песен свежая струя.
К берегам Невы уносится
Песня — молодость твоя.

Это не о себе, а что-то подобное. Если бы я был прошит пулями, то, вероятно, полностью подошло ко мне.

Еще раз благодарю за приглашение в гости. Все это будет, но будет не скоро.

Читая твои письма, я себя спрашиваю: была ли ты солдатом? А если была, то почему ты нравственно не искалечена, как многие девушки, прошедшие твой путь? Отрадно, что ты не принадлежишь к числу большинства. Значит, ты не такая, как многие.

Спасибо за небольшие новости. Я очень удивился «подвигом». Не ожидал. Жду от тебя других новостей о школьных товарищах, да не мешало бы побольше откровенности о себе.

Привет и самые лучшие пожелания!

Пиши.

Лешка

23 ноября 1945

Поздравляю с Новым годом!
Здравствуй, дорогая Тасенька!

Добрался до своего нового месторасположения. Ой, как я далеко, а если посмотреть на карту, то глазам не веришь. С дороги я писал тебе одно письмо, но, возможно, ты его не получишь. Разбегаются мысли, не знаю, о чем писать и с чего начать. Странного, интересного накопилось очень много. Восточная полудикая краса, которая останется в памяти на всю жизнь. Смуглая, улыбающаяся Корея намного опаснее и враждебнее Маньчжурии. Население внешне приветливое, вежливое, чисто и красиво одето. Женщины все вещи и посуду носят только на голове. Иная больше пуда не сет — хоть бы что и головой вертит, как ни в чем не бывало. Погода теплая, ясная... Ходим в гимнастерках. Многие деревья стоят с сочной зеленью, а в огородах неубранные овощи. Расположились в богатой японской даче. В общем, неплохая жизнь. Всех подробностей не опишешь. А все-таки, несмотря на кратковременное пребывание в чужих пределах, ощущается недостаток русского, и о доме, о родине мысли самые теплые. Знать, у русских у всех на чужбине так. Письма твои по адресу 28491 получу, но позже. Теперь пиши по новому адресу: Пол. почта 12803. Жду новостей о старых товарищах и о тебе в особенности. Мне кажется, у тебя сейчас должна быть интересная, веселая жизнь. Ведь студенческий период — это лучший период жизни! Солдатская шинель и погоны все дальше и дальше отводят от меня задуманное. Терпеливо жду. Привет друзьям! Желаю всего лучшего во всем.

Лешка

10 декабря 45

Добрый день, Тасенька!
Привет с края Земли!

Письмо получишь уже в Новом, 1946 году. Мои поздравления, наверно, не запоздали, и наверно, встретила его так, как я желал. Через 20 дней и мне придется встречать его в необычных, неприветливых условиях. Вообще с 1941 г. этот праздник только наводил воспоминания о добром старом времени, а теперь особенно — на чужбине. Одно это слово уже говорит все. Меня поймет только тот, кто испытал подобное, а я еще только-только начинаю в полной мере чувствовать, что значит быть в чужих пределах и так далеко. Ты мне уже неоднократно писала об этом, и я не стану повторять — у всех русских чувства и переживания близки друг к другу. Я уже писал, где и как я расположился. Все очень хорошо. С севера почти вплотную к дому примыкают высокие горы, поросшие невысоким сосняком, с юга, востока и запада распростерся внизу город К. Постройки почти ничего не имеют общего с нашими. Кругом живут корейцы, русского языка ни-

кто не знает, и объясняться приходится большей частью знаками. Сейчас Корея бедна, а Маньчжурию по сравнению с ней можно назвать «золотым дном». Там было все очень дешево, здесь же цены жутко возросли. Вся суть в том, что мы находимся не на оккупированной территории в полном смысле, а на территории дружественной нам страны.¹ Следовательно, и поведение нашего брата уже введено в положенные рамки.

Климат удивительный. Днем ходим без шинелей, а ночи очень холодные и морозные. Снегу еще и в глаза не видел и, наверно, не увижу. Местное население ходит тоже по-летнему, а женщины вообще не носят головных уборов. Я еще ни разу не видел, чтобы кореянка несла что-нибудь в руках — обязательно на голове, а за спиной ребенок. Вот пока и все о том, что меня окружает. Можно многое еще описать, но лучше обо всем сказано в литературе.

Все данные говорят, что домой возвращаться нескоро. Так диктует обстановка, так нужно Родине. Теперь я стал равнодушен ко всему, не рвусь, как прежде. Служба вырывает из-под ног почву, мечты о будущем постепенно гаснут. Таковы перспективы.

О тебе ничего не знаю. Жду писем по новому адресу и, возможно, скоро получу старые. Регулярная переписка между нами так и не установилась, а последние письма носят хроникальный характер, мало имеющий общего с прежними. Я сам теряю нить, а потому часто пишешь не так, как бы хотелось. Что будет дальше? Неужели по наклонной? И все это оттого, что письма у нас — редкие гости. Признайся, ты тоже иногда так думаешь. Не теряю надежды когда-нибудь встретиться с тобой. Встреча будет радостной, но, возможно, будут и разочарования. Я часто вспоминаю и думаю о тебе, и дальше мысли останавливаются, кончаются. Если кто из ребят прочтет на конверте твой адресат (а многие его замечают уже на протяжении более двух лет), то обязательно у него по лицу проскользнет с соответствующим намеком улыбка. Делаешь серьезный, непринужденный вид, а потом резкое «отстань», в душе чему-то улыбаясь. Конечно, так и нужно делать.

Да пиши же о новостях!
Всего лучшего, старая подруга!

Лешка

¹ Напомним предысторию. В результате русско-японской войны в 1905 г. Япония установила протекторат над Кореей, а в 1910 г. аннексировала ее. В 1918—1922 гг. предприняла интервенцию на Дальнем Востоке России, но потерпела поражение. В 1931 г. вторглась в Китай и оккупировала Маньчжурию, создав марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое стало плацдармом для военных действий против СССР и Монголии (бои на границах у озера Хасан, 1938 г.; у р. Халкин-Гол, 1939 г. и др.), а также самого Китая (захват северных провинций внутреннего Китая).

Во второй мировой войне Япония выступила как союзник Германии и Италии, сосредоточив военные действия на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана (к весне 1942 г. захватила Малайю, Бирму, о-ва Индонезии и Филиппины, крупнейшие английские военно-морские базы — Сингапур и Гонконг). 7 дек. 1941 г. японская авиация нанесла удар по главной военно-морской базе США Перл-Харбор (Гавайские о-ва). В результате в мае—июне 1942 г. была создана антифашистская коалиция (СССР, Англия, США).

Учитывая возможность нападения Японии, СССР в течение всей войны держал на дальневосточных границах до 47 дивизий и 50 бригад, сковывая Квантунскую армию и оказывая

поддержку Китаю. Выполняя союзнические обязательства (по антифашистской коалиции), 9 авг. 1945 г. СССР вступил в войну с Японией. Были освобождены: Северо-Восточный Китай, Северная Корея, Южный Сахалин, Курильские о-ва. 2 сент. 1945 г. правительство Японии подписало акт о безоговорочной капитуляции. В октябре 1956 г. правительство СССР и правительство Японии подписали Совместную декларацию о прекращении между СССР и Японией состояния войны.

Описания Кореи, содержащиеся в публикуемых письмах, относятся к первым послевоенным месяцам.

36

10 января 46

Здравствуй, Тасенька!

Письма получаю очень редко. Такого периода в моей армейской жизни никогда не было. Какой громадный путь приходится пройти редким и долгожданным вестникам с родины! А от тебя они особенно редки. Почти четыре месяца ни слова. И, несмотря на нашу отдаленность, трудность доставки, все же 50% вины возлагаю на тебя. У тебя теперь другие мысли, другая обстановка, другая жизнь. Вполне понятно, что они уже утратили свое прежнее значение, отчасти стали лишними, ненужными. Но я мирюсь и ко всему привыкаю. Мне не раз уже приходилось слышать от многих, а также и от матери, что студенческий период — самый лучший период в жизни, несмотря на все присущие ему трудности и лишения. У матери, например, о нем остались самые светлые воспоминания. У меня же его, по видимому, не будет. Вот она, настоящая солдатская юность! О ней тоже останутся неизгладимые воспоминания, но в однообразных серых тонах. А потом жизнь повернет другую сторону медали, о которой представления пока еще смутные.

Нахожусь на старом месте в <...>* Новый год встретил не по-армейски, хотя и в армейской обстановке. На столе было все, начиная с яблоков и кончая сури. Не хватало только русского воздуха и русской обстановки.

«Голубая дремотная Азия!»¹ — в полном смысле. Здесь поживешь еще годик — совсем одичаешь, а корейские и японские физиономии, моды и обычаи, казавшиеся столь странными вначале, теперь надоели и опротивели.

Русской девушки здесь не увидишь, а если и встретишь нечто подобное, то, как правило, — офицерская жена (и они сюда дотянулись). Среди корейнок, как редкость, но есть такие, что... Жаль, я плохой ценитель, а потому помолчу насчет этого.

Наступили морозы, по сравнению с русскими мизерные, но все же холодно, особенно при частых западных и северных ветрах. Снег выпадает в небольшом количестве и долго не держится. В нашем картонном домике поставили временку — это по-русски. В городе на нашего брата наложен карантин ввиду свирепствующей эпидемии брюшного и сыпного тифа, от которого корейцы мрут, как мухи! Поэтому хождения по городу и прочим местам строго ограничены комендантом. Пока и все о своей жизни.

* Вычеркнуто цензурой.

Больше, кажется, и нечего писать. Я уже писал, что потерял ту нить, которая определяла наши отношения. И все это из-за редких твоих писем. Может быть, в твоей жизни произошли большие перемены (а если еще не произошли, то они произойдут в ближайшем будущем), поэтому вполне возможно, что вся эта писанина не по моменту. Я знаю, что на дружбу это ничуть не повлияет, но все же уже не то. Об этом я уже давно хочу от тебя узнать, хотя бы намеком, а продолжительные молчания ничего не доказывают.

Прости за резкие, а может быть, и грубые мысли.

Желаю всего лучшего во всем!

Письма можешь писать по двум адресам: п. п. 12803 и п. п. 28491, по последнему даже лучше. Жду!

Лешка

¹ Неточно цитированная строка из стихотворения С. Есенина «Да! Теперь решено. Без возврата...» (1922). Правильно: «Золотая дремотная Азия...».

37

12 февраля 1946

Здравствуй, дорогая Тася!

<...> Твое описание студенческой жизни меня интересует, и даже больше. Во всем я вижу свое будущее, и как бы ни была продолжительна моя служба, я буду жить надеждой, и эта надежда превратится в действительность. Я доволен, что ты в «своей тарелке», любишь свое дело и не жалеешь о медицине. Ведь я же тебе сразу дал правильное направление, потому что судил по себе.

Ты, наверно, на меня в обиде за прошлое письмо. Если так, то все это ни к чему. Ты должна понять, что я прав, потому что всегда понимала меня. Пускай я не знаю жизни, но зато я ее понимаю и всегда расцениваю здраво.

Спасибо о новостях насчет школьных товарищей. Знаешь, для меня они остались только памятью, и не больше. Все они прошли стороной, и если когда встретимся, то только случайно, а может быть, и вовсе не узнаем друг друга. Если еще кого-нибудь встретишь или будешь писать, то напомни обо мне приветом, и особенно хотелось бы Л. Фирсовой и Сергею Разгулову. Они одни, наверно, меня и помнят, а остальные — забыли. Все, что осталось у меня от Спинова, от школы, сосредоточено в тебе одной. Этим я доволен, и этого вполне достаточно.

В последнем письме ты упоминала о какой-то «смуглой и улыбающейся». Ты ошибаешься, Тася. Во-первых, это не так привлекательно (в общем), а во-вторых, ее вообще у меня нет, а если бы и была, то, конечно, ей бы пришлось уступить «бледной и суровой». Ты не представляешь, как надоели их лица, язык, обычаи и с каким бы удовольствием я променял все настоящее на простое, понятное, в другое время незамечаемое, но зато близкое, русское. В этих случаях я всегда согласен переходить на язык бо-

лее выразительный, на язык поэзии. Пусть эти строки относятся в основном к матери, а если к матери, то и к родине. Недаром понятие родина-мать неразделимо. Девушкам обычно принято писать стихи иного, более мягкого, романсного содержания, но у меня этот период прошел, да тебе, пожалуй, они ни к чему. Ты и без них меня достаточно знаешь.

Это одно из последних, не из ярких, но все же...

Над смуглой улыбкой Кореи,
Напомнив иную весну,
Неласково солнце согреет,
В глазах кореянки блеснув.

Красой полудикой Востока
Чарует ночами луна,
Но мысль об отчизне далекой
Все так же светла и ясна.

А там еще космы седые,
Злорадствуя, кружит метель,
И слушает чутко Россия
Сквозь вопли и стоны глухие
Ручьями звенящий апрель.

Там мать вспоминает о сыне:
«Когда ж он вернется домой?».
А сын далеко на чужбине
Надолго заброшен войной.

Вскрывая от сына конверты,
Ты знаешь, родная, сама,
Какою любовью согреты
Короткие строки письма.

Под смуглой улыбкой Кореи
Он, в сердце скрывая недуг,
Мечтает вернуться скорее
Под космы рыдающих вьюг,

Ему теперь трижды дороже
Березовой рощи покой.
О, мама, он сердцем все тот же,
Намного старше, быть может, —
Ну что ж, значит, возраст такой.

Когда будешь смотреть карту мира, то найди в Корее город Канко¹ — там я и нахожусь сейчас.

Жду более частых писем.

Еще прошу, пришли, если есть, современное свое фото.

Всего лучшего, дорогая
Привет!

Лешка

¹ Правильно: Канге. Город в северной части Кореи.

Здравствуй, Тасенька!
Самый теплый привет с Кореи!

«Большая» почта к нам приходит не чаще двух раз в месяц, а «большой» мы называем ту, которая приходит из центр. России. Ждал, ждал и не дождался. Решил написать.

Начну с обычного — с природы. В Корее уже давно весна. Ясные дни стоят почти постоянно. Горы, покрытые сосняком, как будто молодеют, на деревьях набухают почки, и если бы не частые западные и северные ветры, то давно бы уже можно загорать. Вспомни конец апреля и начало мая в России, и ты почти полностью представишь окружающее меня. Днем шнель уже не нужна, но зато ночью с удовольствием бы одел шубу.

Живу неплохо и, конечно, лучше всех солдат, находящихся в гарнизоне. Преимущества нашей группы в том, что мы живем в особняке, никакой власти над собой, кроме своего нач-ка, не знаем и, кроме своего дела, тоже ничего не знаем. А оно все то же, без каких-либо изменений с переходом на мирные условия: отработал 4—8 ч. на «утюге» (пеленгаторе)¹ и остальное время свободен. А если посмотришь кругом — мороз пробегает по коже. Там казармы, подъемы, отбои, строевые и боевые учения и с утра до вечера гремят походные песни. Но, несмотря ни на какие выгоды, ни на что не хочется смотреть. Мысль о том, что где-то есть дом, что там тебя ждут, что где-то люди живут по-настоящему, — неотступно идет за тобой, постоянно не дает покою. Я даже мысленно уже прикинул, где будет стоять мой стол и обязательно рядом — кровать и книги. Тебе, наверно, смешно?

Все ждали, что после выборов старых вояк начнут отпускать, но эта надежда не оправдалась и после 23 февраля. Теперь с такой же надеждой они ждут 1 сессии — 11 марта, которая, вероятно, издаст закон о демобилизации.² Я знаю, что я в следующую очередь не попаду, но все же с уходом старших мой срок значительно приблизится. Черт возьми! Ведь осталось не больше года, а он покажется за целых три. И в основном все это из-за того, что нахожусь не на своей земле.

Музу забросил, хотя и не совсем, но, думаю, надолго. Пускай здесь будут золотые горы, красочная природа, разноцветные яркие шелка корейнок — все равно уже не взять тех оптимистических тонов, которые звучали еще совсем недавно. А затрагивать грусть, тоску по родине — старо. Вот так и сидишь в бездействии, ожидая лучших дней.

Кажется, стал совсем умницей, так как почти прекратил употреблять иностранные напитки. Все-таки не хочется под конец службы идти в царство теней или же, в лучшем случае, остаться калекой физически и нравственно. А многие из нашего брата до этого уже дошли ввиду того, что оное зелье попадалось отравленным.

Читать, конечно, нечего. В эти дни с удовольствием бы готовился к экзаменам, читал, но кругом пустота и беззаботные хлопцы. Я прошу тебя, чтобы ты мне вкратце описала порядок экзаменов в институт, какие предметы спрашивают, на какие вопросы обращают внимание. Я знаю, что ты не сдавала экзаменов, но все же что-нибудь должна знать в этой области. И еще хочу спросить как бывшего представителя медицины: почему у меня и

у большинства ребят с приездом в этот чудесный и в то же время распрямленный климат одолевают фурункулы и атеромы (по-вашему), в основном на шее. Мне кажется, что я с ними уже разделался, но не исключена возможность, что они появятся снова. На днях мне вырезали один экземпляр на задней поверхности шеи в поликлинике. Раз упомянул о ней, то расскажу об одном незначительном факте. Там есть сестра — точная твоя копия. Да, не удивляйся — это действительно так. Несмотря на то что я тебя не видел с незапамятных времен, а также не видел в медицинской форме, — и все же ты именно такая. Разница, может быть, в том, что у ней голос низковат и за мое двукратное пребывание она ни разу не улыбнулась. Это меня удивило. Ты, по-моему, улыбаешься чаще. Мой взор привлекли ее спокойные, точные, без ничего лишнего движения во время операции, когда она подавала разными щипцами и пинцетами инструменты и пр. ерунду. О знакомстве никакой речи не может быть, но тебя она напомнила мгновенно. Потом я вспомнил, что ты теперь не в белом халате, а студентка литфака (что в несколько раз лучше), и ушел с надеждой вновь не посещать это заведение.

Ох, эти письма! Трудно сесть писать, а начнешь, не остановишься. Наболтал много всего, а дельного ни слова. Я думаю, что после таких писем ты вообще мне кончишь писать. После армии, я уверен, что буду не таким, а пока в моих условиях все позволительно.

Скоро будет «большая» почта.

Жду твоего письма.

Если есть фото не армейского периода (а оно должно быть), — пришли. Очень прошу.

Желаю всего лучшего во всем.

Пиши чаще

Лешка

2 марта 1946 г.

¹ Пеленгатор — прибор для определения углового направления на объект (цель). Составная часть пеленгаторной станции. Радиопеленгатор позволяет определять направление на излучающие источники (объекты) путем приема их сигналов антеннами (Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 255).

² Имеются в виду выборы в Верховный Совет СССР второго созыва, которые состоялись 10 февр. 1946 г. Первая Сессия заседания Верховного Совета относится к началу марта 1946 г.

Демобилизация после окончания Великой Отечественной войны началась 5 июля 1945 г. и в основном закончилась к нач. 1948 г.

25 апреля 1946

Здравствуй, Тасенька!

Дорогая, давно не писал тебе. Прости! Твои письма тоже редки, и, может быть, это снимет с меня часть вины. Только вчера получил письмо от 30—3—46. Что с тобой? Твоя болезнь (не удивляйся!) меня обеспокоила. По-видимому, она была продолжительной и серьезной. Теперь, когда ты

получишь это письмо, мне хочется верить, что все прошло, все хорошо. Как здоровый желаю здоровья, так как знаю, и самому приходилось хворать не раз. А тебе особенно желаю всего лучшего.

Да, я не посвященный в эти дела, но все же хотелось бы увидеть выписку из «Евгения Онегина» по этому поводу. Кстати, он у меня под рукой. Я просмотрел почти всего и особенно где он, отвергнутый Татьяной, заболел все тем же тbc¹ и нашел только:

Бледнеть Онегин начинает:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин сохнет, и едва ль
Уж не чахоткою страдает.

Если именно эти строки ты имела в виду, то я не знаю, как их понимать: то ли у тебя действительно тbc — что не может быть, то ли твое положение сходно с положением Е., кое-что я понимаю в Татьяне и Евгении. Но в этом, мне кажется, мало вероятного. А вообще я о тебе очень мало знаю, да мне и не положено знать больше, несмотря на то что мы переписываемся почти 3 года. Ведь мы же только друзья. Знаю то, что ты еще (пока) не замужем, но и это в наши дни стало до некоторой степени формальностью. Не обижайся, я не отношу эту «формальность» к тебе, я говорю о большинстве, а ты как простая смертная часть этого большинства. Почему-то я незримо вижу в тебе черты тургеневских героинь, и, наверно, я не ошибаюсь. Короче говоря, я как в темном лесу, и разгадка подобных вещей для меня не лучше разгадки местных иероглифов.

Живу по-старому, неплохо. Набираюсь терпения тянуть солдатскую лямку еще самое малое год. Все та же свобода и безделие окружают меня, и если бы не погоны, то была бы почти гражданская жизнь. Весна в этом году поздняя, и только недавно отошла пора цветения. Какая была красота! Здесь все деревья (кроме хвойных) цветут белыми, розовыми, сиреневыми цветами. Ни одно дерево мне неизвестно, а от корейцев не добьешься их названий. Да и откуда же мне, северянину, знать здешнюю растительность? Я только любовался да вспоминал нашу черемуху, которой здесь нет. Представь еще синее небо, отдаленную гладь залива и горы тоже синие — и ты бы поняла, вернее, представила мою обстановку. Не стану повторяться — она мне не нравится, я ее не люблю. Дни стоят жаркие. Ребята от нечего делать обзавелись хозяйством. Развели кроликов, настроили будок, но через два месяца их расплодилось столько, что не сосчитать. Чтобы самим их не кормить, распустили их без всякого присмотра по двору, и вот уже несколько суток бегают они, как собаки или кошки, того и гляди, что попадут под ноги. Но и этого развлечения оказалось недостаточно. Нашлись другие любители — голубятники. Это занятие намного интересней. И каких только пород голубей у нас нет! Посмотрела бы ты как 20—25-летние «ребятишки» ежедневно гоняют голубей. Сначала казалось смешным, но теперь стало обычным. А в основном жизнь без каких-либо изменений. С заграничной жизнью вполне освоились.

Последнее твое письмо особенно нравится, несмотря на то что в нем сквозит хандра и до этого неслыханная от тебя грусть. Не знаю, почему, но после него ты мне стала понятней, показалась иной (в лучшую сторону). А все-таки мы далеки друг от друга, не только территориально, а вообще...

Спасибо за отзыв о моем призвании! Подобное я слышал уже от многих — пророчат многое, но мне кажется, да так и на самом деле: я еще слаб, и мне нужно много работать над собой, а главное, учиться. «Небольшую ухватистую силу»² я в себе уже чувствую. Время и работа, может быть, дадут когда-нибудь себя знать. Ты просишь, чтобы я писал тебе что-нибудь из нового и старого. Что ж, я не откажу тебе в этом, только я не знаю, с чего начать. Не считая раннего, довоенного, мои вирши можно разбить на несколько категорий-циклов, а именно: 1) «Солдатская юность» — большей частью дневниковые стихи из армейской жизни; 2) «Стихи о России»; 3) «Осенняя любовь» — это самый обширный незавершаемый отдел лирики, пессимистический в большинстве и подчас несвоевременный. Он тоже характерен как дневник, но и отвлеченного в нем больше, чем достаточно, и др. Вообще-то у меня все — лирика, и сам себя я уже отнес к числу чистых лириков (не смейся, что я говорю сейчас как настоящий поэт). Сегодня я тебе посылаю стих. «Сестре», так как ты недавно была оной. Оно не из последних, тема избитая, но в свое время о нем я получил отзыв неплохой. Конечно, жду и твоего откровенного отзыва.

СЕСТРЕ

Ты мне раньше никогда не снилась,
Мне во сне другие снились лица,
Никогда с тобой не приходилось
Под луной к реке уединиться.

Каждый день в палату утром рано
Ты входила и садилась рядом,
У солдата заживали раны
Под твоим спокойным, светлым взглядом.

И мои дышали раны зноем,
По ночам мерещились сраженья,
Города и переправы с боем,
Смерть друзей в порыве наступленья.

Заживали раны. Дни летели.
Сила жизни смерть переборолла:
Воин встал в обветренной шинели,
Чтобы снова в бой идти сурово.

Расставаясь, помню, говорила:
«В благодарность ничего не надо.
Я тебя, как брата, полюбила,
Я сама — солдат из Ленинграда.

Я сама в бою у переправы
Четырех... вот этими руками...
Город наш, ты знаешь, — город славы...
Эта слава неразрывно с нами»...

Я уехал. Где она? — Не знаю.
Сопки, тишь, далекая граница.
Писем жду, но нет, не получаю,
Лишь ночами образ ее снится.

Спасибо, дорогая, за карточку — получил. Представлял тебя не такой, а оказалось лучше. Смотрю на тебя, а в голове: «Эх, старушка!..». В общем, рано ты себя зачислила в этот штат. Я не спорю, что наша весна прошла незамеченной. Факт тот, что она прошла, и теперь лето.

Наверно знаешь, что Есенин в «Анне Снегиной» писал по этому поводу:

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

По-моему, этих слов достаточно для рецензии. Они честны.

Свое фото пришлю обязательно. На днях пойду в фотографию и постараюсь выполнить твою просьбу как можно быстрее.

Еще раз желаю всего лучшего и здоровья!
С горячим приветом!

Лешка

Привет Л. Фирсовой и старым знакомым.

¹ Туберкулез.

² Цитата из поэмы С. Есенина «Черный человек» (1925).

3 июня 1946

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Вот и все. Пишу тебе уже с родной земли. Итак, мое путешествие через всю Маньчжурию и Корею закончилось. Добираться приходилось поездом и на машинах. Долгое время приходилось ехать по берегу Японского моря, сотня тоннелей осталась позади. Затем на машинах по крутым перевалам над отвесными скалами, над синим-синим, лежащим в штале морем. Какая была красота! А я мысленно с ней прощался и, по-видимому, навсегда. Потом гос. граница и места уже ушедших в бытность хасанских боев. Видел высоты Заозерную и Безымянную, кругом еще не стертые временем следы боев (окопы, траншеи, рвы), а рядом с ними беспорядочно разбросанные памятники братских могил. Хотя меня все время и тянуло в Россию, но когда пришло время расставаться с Кореей, признаться, не очень хотелось. Как-никак, а все же привык. И вот теперь я в старой обстановке, среди старых товарищей, но зато уже нет той свободы, какая была там. Теперь казарменная жизнь, распорядок дня и пр. неприятности нашей жизни. Об этом даже не хочется писать, хотя меня — старика — это касается поверхностно. В скором времени привыкну ко всему. Настроение отвратительное, главным образом оттого, что на днях увольняются домой ребята моего призыва (1921 г.), а мой возраст под указ не подошел, отрубили у самого носа. «Ну, ладно, довольно стонов...».¹

Пишем от тебя уже давно не получал и, наверно, нескоро получу. Пиши мне теперь по адресу: пол. почта 28491. Хотел послать тебе это письмо на домашний адрес, но забыл его, а потому пишу по-старому. Думаю, что ты

это письмо не получишь, да и предыдущие, наверно, тоже не получила. Если получила мою фотографию, то сообщи.

О себе пока все. Пиши.

Желаю всего лучшего! Как твое здоровье?
С приветом

Лешка

¹ Цитата из поэмы С. Есенина «Анна Снегина» (1925).

41

10 июня 46

Здравствуй, Тасенька!

Пишу тебе с родной земли. Погода стоит жаркая, дуют сильные теплые ветры. Вот уже вторую неделю я валяюсь в сочных приморских травах, смотрю на лиловые спины сопок и ни о чем не думаю. Настроение так себе, а безразличен стал ко всему до крайности. Причин этому много, а основная, конечно, заключается в отсрочке моего возвращения домой. О недавней прошлой жизни, которая оставила неизгладимые впечатления, не жалею, тем более не жалею сейчас...

Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

(С. Е.)

Писем твоих не получаю. Да разве могут они за мной угнаться. О тебе ничего не знаю. Пишу по старой традиции и подчас не отдаю себе отчета: нужно ли это делать, и зачем все это я делаю. Да, теперь уж не то время... или «я знаю, Вы не та...». Может быть, мои письма уже давно стали неуместными до смешного, а я до сих пор не знаю этого. Да и в самом деле, кого могут интересовать мои странствования, стремления, настроения и т. д. Вот потому иногда сядешь писать письмо, задумаешь написать много, подробно, но раздумаешь и бросишь. Не знаю, как это назвать, только это хуже всех скук вместе взятых. Почти что так и сейчас. Ты понимаешь, что я хочу этим сказать? — Как-никак, а все-таки узы или нити, связывающие нас (хотя и письменно), слишком слабы. Дружба в письмах, в словах на бумаге — бумага. Неужели и здесь я не прав? Ой, опять ты меня не поймешь или поймешь неправильно, как когда-то (помнишь: «в письмах люди не те»). Пойми, что исполнять роль семнадцатилетнего и сознавать, что это нелепость, — не умею, не могу.

Ну, ладно, продолжаю о своей жизни, но уже не о настоящей, а о будущей, которая начнется с завтрашнего дня. Завтра я уезжаю, вернее, уплываю в... Порт-Артур. Не успел окончить одно путешествие, как начинается другое. Хотя и поздно, но все же пожелай мне счастливого пути. С одной стороны, я рад этому, потому что впереди непостоянство, новизна, город русской славы; с другой — снова чужбина, удаление от дома дальше прежнего, а следовательно, и нескорое возвращение домой.

Ну что ж, мне терять нечего. Чем сидеть на месте до срока демобилизации, лучше побывать там, где, может быть, никогда быть не придется, тем более, что меня, кроме матери, никто не ждет.

Теперь у меня опять новый адрес: полевая почта 31984 «в». Пиши, получила ли мое фото. Следующее письмо напишу с П.-А.

Желаю здоровья, отдохнуть как можно лучше и вообще желаю всего лучшего!

Лешка

42

19 июня 46

Здравствуй, Тасенька!

Получаешь ли ты мои письма? Я от тебя, конечно, не получаю, так как все еще нахожусь в дороге. И опять предо мной старый вопрос: прав ли я, что пишу тебе? Ведь со времени получения твоего последнего письма прошло почти 3 месяца...

Итак, я в дороге. Поездка моя началась неудачно, так как по вине вышших опоздали на пароход (со мной едет еще 5 человек), и сейчас околачиваюсь во Владивостоке. Приходится ждать следующий пароход на П.-А., а это продлится еще не менее пяти дней. Днем стоит сильная жара, вечера тихие, теплые, лунные. Беззаботная, праздная жизнь. Город расположен на возвышенностях, многолюдный, шумный, как и все портовые города. Вечерами улицы утопают в электр. свете, полны моряками, портовыми девушками и прочей гуляющей публикой. Каждый день хожу в кино, был в цирке, а в садах на эстрадах играют духовые оркестры, танцы. Картины смотрел в большинстве старые, а из новых больше всего понравилась «Беспокойное хозяйство» (Целиковская, Жаров, Граве). Днем часто купаемся в море и катаемся на яликах. В конце концов надоело все, и только рвешься как можно скорее выбраться из этого гнезда. Куда еще меня несет нелегкая? Люди теперь продвигаются ближе к дому, а я — наоборот. Что еще меня ждет? А ждет, по-видимому, много интересного. Знаю, что это время пройдет не бесполезно, но почему-то жаль его. Зато каким будет для меня позднее возвращение домой! Жалко мать, которая устала ждать и для которой, пожалуй, в жизни не может быть большей радости, чем мое возвращение.

Ну, а ты как живешь? Как проводишь время? Думаю, очень хорошо. Если так, то желаю, чтобы было все время так.

Сейчас я сижу в порту, полусонный от жары, немного читаю и ни о чем не думаю. Следующее письмо напишу, когда достигну своего нового места. Пиши мне по адресу: полевая почта 31984 «в». Пиши!

Большой привет!

Лешка

Здравствуй, Тася!

Я жив, но о тебе у меня уже сложилось впечатление, как об умершей. Несколько месяцев от тебя ни одного письма. Может быть, в этом виновата почта, но если она ни при чем, то скажи прямо: в чем дело? Мне кажется, что уже прошло то время, когда письма в нашей жизни были как бы потребностью, «лучами света», но теперь они, скорее всего, только наводят тень. Для меня же они остаются прежними, близкими, какими были раньше, но твое молчание заставляет подумать о другом. Ты извини меня за последние письма с подобными вступлениями, потому что я не могу быть в курсе твоих мыслей и жизни, а также пойми, что я не банный лист.

Может быть, больше и не стоило бы писать, но, поверь, что мне не хочется ставить крест на нашу переписку, а, наверно, придется, так как я писать больше не буду до тех пор, пока не получу от тебя письма.

Ты знаешь, где я нахожусь, — опять на краю Земли и так далеко от дома, что даже страшно посмотреть на карту. Думы о доме успокоились, а сам вошел в стадию окаменения. Не понимаешь? А понять нетрудно: возвращение домой, как видно, не скоро, живу только сегодняшним днем, а надежды, которые вынашивал годами, почти исчезли. Так было бы и есть с любым на моем положении.

Мне это писать сейчас не к лицу, но это останется между нами. Ведь я теперь наружно стал другим, не тем, кем был раньше. Во-первых, я тебе уже писал, — парторг первичной организации — политический воспитатель и организатор масс. И не верится, что это определение относится ко мне. Впрочем, в основном я с этим делом уже освоился, немного привык к работе, а работы порядочно, так как ни замполита, ни высшей организации у нас здесь нет — выше только политотдел, который только требует. Вот уже седьмые сутки я сижу на семинаре парторгов, а домой возвращаюсь только по вечерам. Но это еще не все. Дома — старшина подразделения, должность которого тебе давно известна как собачья должность. Короче говоря, достается мне сейчас больше, чем когда-либо.¹ В большинстве случаев приходится расплываться по мелочам. Ну ладно, об этом хватит, а то скажешь, что расплакался.

Перехожу на более легкий жанр. Теперь я не «северянин», а «южанин». Жара в А-ре стоит невыносимая, но, говорят, в августе будет еще жарче. Хорошо бы сейчас побыть в Заполярье, а на зиму сюда. Ночи тоже жаркие, душные и черные-черные. Город нравится. Чтобы покупать в магазинах и заходить в кабаре, нужно иметь в карманах порядочно юаней и долларов, так что солдату особенно не разбежаться. Персики, абрикосы, яблок на каждом углу сколько угодно — это дешево.

Ты, наверно, читала А. Степанова «Порт-Артур».² Мне еще не пришлось прочитать полностью, но из отрывков читал много и сейчас читаю. Как хорошо читать эти отрывки, находясь в Старом городе, и видеть в окна форты, Золотую гору, Электрический утес слева, а с другой стороны дома виднеется Перепелиная гора с возвышающимся «Символом самурайского

духа». В прошлое воскресенье ходил на экскурсию по историческим местам и в музей. Много можно бы об этом написать, но всего в письмах все равно не опишешь. Часто купаюсь на море. Был уже несколько раз в Дальнем — красавец, свободный международный порт.³ Тут тоже много интересного, но ты уже видела чужие города Запада, имеешь представление, а он от них почти ничем не отличается.

Кончаю. Думаю и почему-то уверен, что скоро получу от тебя письмо. А может быть, и нет.

Желаю здоровья и всего лучшего — во всем!
Самый сердечный привет!

А. Алексеев

¹ Эта должность в армии требует хозяйственного навыка, командирской воли среди своих же солдат, что очень трудно психологически. Не представляю его в этой роли (*примеч. Т. В. Жаровой*).

² Степанов А. Н. Порт-Артур. Краснодар, 1940—1941. Кн. 1—2. Знаменитый роман об обороне Порт-Артура, в которой автор сам подростком принимал участие. В 1946 г. роман был удостоен Сталинской премии.

³ Люйшунь (Порт-Артур) — до кон. XIX в. небольшое селение в Китае на Ляодунском п-ове в бухте Желтого моря. В 80-х гг. XIX в. китайское правительство стало осуществлять фортификационные работы с целью превращения его в военно-морскую крепость. Потерпев поражение в японско-китайской войне 1894—1895 гг., Китай вынужден был уступить Японии Ляодунский п-ов с Порт-Артуром. В результате совместного выступления России, Германии и Франции в кон. 1895 г. Порт-Артур был возвращен Китаю. По конвенции с Китаем (май 1898 г.) Россия получила в аренду Порт-Артур и порт Дальний (Дайрен) сроком на 25 лет. После поражения в войне с Японией 1904—1905 гг. по Портсмутскому мирному договору арендные права на Порт-Артур были уступлены Россией Японии. По истечении их срока японское правительство отказалось возвратить город Китаю. В период японской оккупации (1905—1945) Порт-Артур служил плацдармом для агрессии Японии против Китая. Был освобожден советскими войсками в авг. 1945 г. Тогда же СССР и Китай договорились о совместном использовании Порт-Артура в качестве военно-морской базы (*Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 458*).

Здравствуй, Тасенька!

Наконец-то дождался от тебя открытки. Это удовольствие бывает очень редко, так как письма сюда приходят не чаще одного раза в месяц. Вся надежда у нас на пароходы и, в меньшей мере, на самолеты.

Определение «путешественник» ко мне подходит. Разница только в том, что путешественники — люди свободные, а я, можно сказать, путешественник поневоле. Как-никак, а домой все-таки тянет. Давно бы уж пора все эти путешествия кончить и пуститься в последний путь — к дому. А это пока не предвидится.

О своей жизни я уж писал — все по-старому. Свободного времени нет, а голова постоянно забита различными делами и делишками. Прошла лучшая половина лета, а я ее тоже не заметил. Август предвидится жарким,

сентябрь немного прохладнее. Гимнастерка в нашей жизни стала обузой, так как если в ней ходить днем, то постоянно будешь мокрым. Каждый день вижу море, часто купаюсь. Крутом горы и зелень, куда ни пойдешь, на любой улице и в любом количестве яблоки, персики, абрикосы, груши, арбузы, виноград и пр. «Путешествовать» здесь, конечно, можно и, пожалуй, многие бы согласились со мной поменяться. Есть и отрицательные стороны в настоящей нашей жизни, а именно — японский энцефалит — смертельная болезнь от укусов комаров, которая почти неизлечима. Такие случаи уже есть, так что «тот свет» здесь не за горами. Вторым недостатком является зверская жара, от которой трудно спастись и трудно переносить северянам. Но я все-таки к ней привык. А третий недостаток — особенная скука и отсутствие многого в молодой жизни. Литература теперь стала для меня редким явлением, так как читать, что хочешь и что необходимо, нет, а зачастую и не до этого. Вот так и потеряешь истинный путь навсегда, а до этого, мне кажется, недалеко. На столе старое: Маяковский, Симонов, Твардовский и, сравнительно недавнее (для меня), — Борис Пастернак. Мне он нравится — сильный, талантливый мастер. А ты что скажешь о нем, ученый человек?

Поздравляю тебя с завершением сессии и, наверно, блестящей! Знаешь, я отвык писать длинные письма — исписался. Не кажется ли тебе, что люди, которые пишут длинные письма, — болтуны. Мне не верится, что и я принадлежу к этой категории. Я пришел к выводу, что быть таким, каким я был год, два и даже три назад, теперь не идет. Ты тоже теперь другая — более обогащенная знаниями и жизненным опытом. Потому-то я и спрашивал, прав ли я, что пишу тебе. Ведь я что? — Как был, так и есть непутевый.

Но а писем твоих жду. Писать тебе на домашний адрес не буду, так как к тому времени, когда ты получишь это письмо, ты будешь опять находиться на старом месте, учиться.

Ну, вот и все.

Желаю здоровья и всего лучшего!
С сердечным квантунским приветом!

Лешка

45

19 августа 1946

Привет из города русской славы!
Здравствуй, Тасенька!

Недавно тебе писал, но сегодня получил еще одно письмо от тебя, то, которое ты так не хотела, чтобы вернулось назад. Я тоже очень рад, что получил его.

Сегодня у меня весь день хорошее настроение, чем не всегда могу похвастать. С утра уехал на пляж. Как хорошо! На море почти штиль, а вода чистая, чистая. Потом поехал с ребятами на Перепелиную гору, на которой

возвышается «Символ самурайского духа» — колонна высотой в 66 м, построенная японцами в честь победы в 1905 г. Забирался на самую вершину, как на Исаакий. Потом плывал с китайцем на джонке через залив смотреть памятник у входа в бухту, который поставлен японскому подполковнику, затопившему у входа в бухту свой корабль. Памятник представляет из себя возвышение из гранита, на котором установлен якорь с «Петропавловска». Много еще...*

...повышение в рангах. Ему подходит быть военным человеком, а вот мне нет. Мне как-то раз майор сказал: «Ты сугубо гражданский человек», — и он прав. Ну, а о бывшей Тамаре Б. и не знаю, что и сказать, а лучше ничего не говорить. Даже незачем было бы с ней обо мне вспоминать — все умерло.

Война в наши жизни внесла очень большие изменения. Разве я, видевший когда-то только Ленинград и Спирово, мог мечтать, что через каких-нибудь три-четыре года придется побывать в снежных сопках, а затем на сопках Маньчжурии, прожить полгода в Корее и, наконец, Порт-Артур. То же самое и с тобой. Разве ты представляла когда-нибудь европейские города и столицы такими, какими они предстали перед тобой? Конечно, нет. Да мало ли еще «что день грядущий нам готовит». Я вот только не понимаю, почему тебе «обидно за всех нас». Каждый человек по-разному смотрит и реагирует на жизнь, у каждого свои пути-дороги...**

...Ты права, что у каждого или у каждой должно быть «что-то свое», но не у всех это «свое» находится. Вот ты нашла его, а твои подруги З. К.,¹ Т. Б. и многие другие не нашли, да и не искали. Но я тебя теперь очень хорошо понимаю, хотя раньше понимал немного иначе.

По этим вопросам я говорю только с тобой и не знаю, как благодарить тебя за отзывчивость и понимание. Не знаю, чем кончатся эти наши разговоры, но, мне кажется, они бесполезны, хотя и останутся только разговорами. По этому поводу я бы мог вылить все свои взгляды, но не буду, так как они аналогичны твоим в большинстве. Я не собираюсь быть тебе наставником, так как не считаю себя старше, но совет мой тебе таков: свое-то своим, а на одном «своем» далеко не уедешь. А впрочем, «живи, как ты живешь»... — тебе виднее. Кончаю... Опять начал привыкать к длинным письмам.

Сейчас ребята включили приемник и нашли арию Лизы из «Пиковой дамы», я ее очень люблю, но им не понравилось, и они настроились на хор им. Пятницкого. Он голосит, а им весело. И тут тоже у каждого «свое».

Пиши обо всем. Теперь с письмами наладилось, и ни одно назад не вернется.

Лешка

¹ Крахмальникова Зина. Она приехала в Спирово позднее, кажется, из Москвы. О ее дальнейшей судьбе мне ничего не известно (*примеч. Т. В. Жаровой*).

* Далее фрагмент текста утрачен.

** То же.

29 августа 1946

Привет из города русской славы!
Тасенька, здравствуй!

Начал получать твои письма — значит, догоняют. Большинство из последних писем я писал тебе на калининский адрес, когда ты находилась дома. Ответь, получила ли ты их? Я живу без изменений. Путешествие мое, конечно, давно кончилось, и я крепко сел на мель, а когда сойду с нее — неизвестно. Мне было сюда легко попасть, но нелегко отсюда выбраться. Сейчас у вас уже, наверно, первые ознобы осени, а я по-прежнему продолжаю печься и ждать от неба милосердия. Почернел, похудел, зачерствел — все, что хочешь. И состарился, конечно. Думаю, что скоро будет попохладней. А свободного времени у меня нет ни минуты. За этот период пришлось изведать столько, сколько за всю армию не приходилось. Раньше я жил на всем готовом и заботился только о себе, а теперь забота о себе на втором плане, а на первом — люди. Не думай, что я хорошо воспринял все навыки командира. Нет, я по-прежнему с «сугубо гражданскими» наклонностями, а если сейчас и приходится вникать во все отрасли военной жизни, то это только потому, что мы далеко от «бати» и живем самостоятельно. К тому же теперь не военное время, порядки другие, а налаживать эти порядки что-нибудь да значит. Все это скучная и однообразная проза. А поэзии, Тасенька, нет и не предвидится. А скучна жизнь без поэзии, не правда ли? Читаю мало, да и то урывками. Самым лучшим желанием у меня остается, конечно, скорое и благополучное возвращение домой. А как ждут дома! Прожито и пережито уже порядочно, а жизни не было. Она, настоящая, только в воображении — далекая, далекая, но все же замечательная. Еще придется много поработать, много учиться, чтобы стать человеком. Я люблю искусство всей душой, ради него готов преодолевать любые трудности, идти на любые лишения, жертвовать всем. А сейчас что? — не в своей тарелке, солдат... и больше ничего не скажешь. Конечно, это тоже жизнь, но жизнь механическая, неодушевленная, а значит, неинтересная. К тому же жизнь без любви — тоже не жизнь. Неужели ты не согласна со мной? В твоём настоящем не может быть ничего подобного. Ты напрасно думаешь, что я не понимаю тебя в письмах. Пожалуй, никто тебя так не понимает, как я (а если и понимают, то очень и очень немногие). Если ты еще не нашла своего счастья, то оно близко, и ты знаешь к нему путь. Я бы не сказал, что наши взгляды стали иными, как ты пишешь. Откуда ты это взяла? Почему тебе кажутся мои письма письмами принуждения и привычки? Нет, я их пишу с большим желанием, с интересом. Сегодня хотел написать что-то особенное, а получилась, как видишь, одна ерунда. И так бывает часто. Пойми еще и то, что я до сих пор, садясь писать тебе письмо, думаю, в каком стиле его вести. В основном я его уже выработал, но не зыбкий ли он? Ведь с нашими, хотя и «хорошими», отношениями все же придерживаться его подчас нелегко. Главное — это не переборщить, а следовательно, держать себя в определенных рамках. Эти рамки когда-то уже были тобой очерчены. Я точно не помню, но что-то вроде: «Не будь таким, как все, пошлые. Ты не такой...» и т. п. С тех пор я и придерживаюсь их, не желая

попасть в число «всех», в число «опасных» (мое), но от этого я ничуть не стал лучше. Раньше я не верил, что в нашем возрасте может существовать дружба без примесей, наподобие дружбы брата и сестры, но со временем убедился (и то не совсем), что такая дружба может быть только в письмах, хотя в ее прочности я не уверен. Мне почему-то кажется, что если бы мы попытались ее иметь такой не в письмах, а в повседневной, реальной жизни, то я больше чем уверен, что ее уже давно бы не существовало. Ведь мы же только говорим, пишем, подчас довольно откровенно, а на деле эти хорошие письма впоследствии оставят только хорошие воспоминания. Не иллюзия ли это? Потому, может быть, тебе они и кажутся привычными, принужденными...

Поняла ли ты все, что я высказал? Уверен, что поняла. А это не всегда удастся высказать. Не считай сегодняшнее за нравоучения, за агитацию. В агитаторы я вообще не гожусь.

Если по прочтении письма будешь метать гром и молнию, то присылай их мне. Разубеди меня, если я в чем не прав, только вряд ли это удастся. Мне кажется, что мои убеждения за годы нашей переписки вполне сложились. Извини, Тасенька, если я груб в чем-нибудь. Я вообще стал намного грубее, чем был раньше.

Кончаю. Желая всего лучшего во всем, а главное, здоровья! А я сейчас хромаю. Какие-то тропические язвы появились на ногах, которые долго не заживают. Насчет болезней здесь, пожалуй, самое богатое место на земле, и в основном все смертельные.

Пиши. Очень жду.

Лешка

47

23 сентября 1946

Привет из города русской славы!
Здравствуй, Тасенька!

Что ты давно не пишешь? Может быть, в этом моя вина, так скажи. Я за собой ничего не чувствую.

У нас украинские ночи, возможно, такие же, какие ты мне описывала. И сейчас ночь. В природе тихо, и только радио и радиолы на судах и в домах напоминают о жизни, и неплохой для некоторых.

Моя жизнь — по-старому, без изменений. Это тоже неплохая жизнь, если ее сравнивать с обычной армейской жизнью. О ней я тебе уже много писал. Город живет все той же суетливой, торгашеской жизнью. 20-го ездил в Дайрен. Сколько там всего замечательного! Здесь есть все, но большинство не по солдатскому карману. Особенно японской «любви» много. Извини за откровенность, но без этого нельзя дать полной характеристики настоящего капиталистического города, к тому же международного, где Азия и Европа так искусно переплелись, что между ними никакой грани не отличишь. В письме все достопримечательности не опишешь, но вспомнить и поговорить впоследствии будет о чем.

Сегодня ездил за город на русское кладбище 1905 г. Вернулся к вечеру. Впечатление замечательное, но настроение после этой экскурсии неважное. Это первая экскурсия из всех, оставившая такой след. И не только у меня. Пахнуло далеким героическим русским. Солдаты — отцы и деды — вы здесь. Ваши потомки тоже пришли сюда — отомстить за вас и почтить вашу память. Такие мысли у меня и сейчас, неотвязные, в голове. Стоило ли вообще сейчас садиться писать письмо?

Правда, при возвращении домой немного «развеселила» сценка: офицер, не замечая нас, почти на середине затихшей и обезлюдившей улицы с увлечением целовал девушку. Кто в этом понимал, тот сразу определил, что это была настоящая любовь — русская, без всяких примесей. Я очень жалею, что наши «остряки» прервали их обычными солдатскими «шутками». Вообще-то хороший материал для легкого жанра, конечно, без концовки.

Ты скажешь: какую я пишу ерунду! Что ж — может быть. Ничего, скоро кончу. Что-то сейчас голова ничего не соображает.

Наверно, я заболел, вернее, простудился. Тело ломает, сонливость и жар. А состояние усталое и приятное. Как медик определил: конечно, грипп. Опять пишу ерунду.

Под конец сообщу новость и, по-моему, не ерундовскую, но не столь уж удивительную, как она мне показалась. Фаинка Ратьковская — вышла замуж за ст. лейт., которому 30 лет. Она к нам заходила часто и раньше, а теперь заходит с мужем. Моим он нравится. А я никак не могу ее представить взрослой, в моих глазах она все та же стрекоза, какой была в Спирове. Вот как растут люди! Каким же я кажусь себе старым после этого известия! Не жениться ли и мне сдуру? (не по ее адресу). А ты как? Наверно, то же самое и давненько? Опять нескромность, нетактичность...

В заключение скажу, что, несмотря на здешние условия, природу и т. п., домой тянет и учиться тянет. Кажется, что вся жизнь пройдет здесь. Легко я сюда попал и с желанием, которое и сейчас не отрицаю, но вырваться отсюда нелегко, да и удастся ли вообще.

Пиши чаще! Очень жду.

Желаю здоровья и всего лучшего!

Лешка

Здравствуй, Тасенька!

Прости, что долго не писал — ждал, когда же придет от тебя письмо. И вот получил. Поздравляю тебя от всей души с III курсом. Завидую тебе, черт возьми. А меня зря поздравляешь. В моих делах привлекательно-го нет ничего, да к тому же я не карьерист. Впрочем, теперь мне стало намного легче, потому что на днях старшинство подразделения сдал. Сразу гора с плеч. Теперь я только парторг и руководитель политзанятий

и партшколы. От этих занятий больше пользы, да и свободного времени больше.

Живу по-старому, сравнительно неплохо, а главное то, что расписание дня и устав внутренней службы ко мне почти не относятся. Жизнь, как гражданская — иди, куда хочешь, и делай, что хочешь. Но идти некуда и делать почти нечего. (Я говорю не об армейской жизни.) Как будто бы крылья подрезаны. Ведь здесь же Китай — здесь все не то, что дома. Может быть, сессия чем-нибудь обрадует, но верится с трудом, до безразличия. Я уже внушил себе, что такое существование будет тянуться до бесконечности или, вернее, до конца. А об учебе будущей опять старые мысли. С 7 ноября ведь мне пойдет 25-й. Так обстоят дела в общем.

А в частности неплохо. Во всяком случае, лучше, чем когда бы то ни было. Чувствуется осень. Дни ясные, свежие, а иногда дождливые и ветреные. Днем еще ходим без рубашек, а вечерами приходится одевать шинель. Пожелтели только кустарники, а другие деревья по-прежнему стоят зелеными.

13/X организовали экскурсию на машинах по всем историческим местам. Маршрут начали с Перепелиной горы, затем гора Высокая, затем Электрический утес, Исторический музей, форт № 1, форт № 2, где погиб генерал Кондратенко¹ и где ему японцы поставили памятник, затем «Большое Орлиное гнездо», батарея литер «Б» и под конец побывали на русском военном кладбище. Настроение было замечательное, не как в прошлый раз. На эту экскурсию ушел целый день. Сколько можно бы рассказать обо всем интересного, но в письме это будет неинтересным. Завтра утром еду в Дайрен (Дальний) — погулять, «развеять тоску и сон».

Вот, Тасенька, и все о себе. Жду твоих писем, а с ними, возможно, и гнев по поводу моих последних посланий.

Желаю успеха!

P. S. Ты мне как-то раз писала о фильме «Балерина».² После того письма я ее смотрел уже 2 раза. Замечательная вещь! Я вообще балет очень люблю, но еще больше людей, которые ради искусства жертвуют личной жизнью («Для Варсавиной ничего не существует, кроме музыки и балета» — слова Гибсона). Иностранные фильмы характерны легким и пустым содержанием, но «Леди Гамильтон»³ и «Балерину» с другими нельзя равнять.

Лешка

¹ *Кондратенко Роман Исидорович* (30.09(12.10).1857—2(15).12.1904) — генерал-лейтенант. Вдохновитель и организатор обороны Порт-Артура. Погиб при артобстреле форта № 2. Похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре.

² Оригинальное название фильма «Мужчина в ее жизни» («The Men in Her Life»). Снят по роману Э. Смит «Балерина» (отсюда — название фильма в советском прокате). В основе сюжета — судьба знаменитой русской балерины Т. П. Карсавиной (главная героиня романа — Лина Варсавина). Режиссер Г. Ретофф; в ролях Л. Янг, К. Вейд, Д. Джагер, Е. Леонтович, О. Крюгер, А. Тодд и др. США, 1941.

³ «Леди Гамильтон» («That Hamilton Woman»). Режиссер: А. Корда. Сценарий: В. Рич, Д. С. Шерифф. В ролях: В. Ли, Л. Оливье, Т. Купер и др. США, 1941.

22 ноября 1946

Здравствуй, Тасенька!

Ты права, что написала мне последнее письмо на армейский адрес. Пока еще я нахожусь на старом месте, собираюсь в далекий путь. По всем данным, мое пребывание здесь осталось очень непродолжительным — уже не неделями, а днями. Думаю, что и в пароходах задержки не будет. Хорошо бы к Новому году добраться до дому, только вряд ли это сбудется.

Итак, я уже считаю, что армейский период моей жизни кончился. Спасибо за искренние пожелания в будущей жизни. Может быть, они сбудутся. Не думай, что перемена в моей жизни отразится на отношения к старым друзьям и, в частности, к тебе. Я останусь тем же, каким был на всем протяжении нашей длительной переписки. Я очень благодарен тебе за все эти письма, сопровождавшие и навещавшие меня повсюду теплом дружбы и взаимопонимания. Я их ценил и ценю не только как моральную поддержку, как дружбу, но еще больше буду ценить как память.

По всей вероятности, это мое письмо тоже последнее. Теперь напишу из дома.

Вот и все, что я хотел сказать напоследок.

Домашний адрес я, кажется, тебе уже сообщал (Финский пер., д. 10, кв. 70).

Думаю, что когда-нибудь встретимся.

Желаю всего лучшего и здоровья!

Прости, что мало написал — и настроение не соответствует, да и писать не о чем.

Лешка

28 января 47

Здравствуй, Тасенька!

Пишу уже из дома. С армейской жизнью все покончено, и уже вошел в новую колею. Вот уже с неделю я почти не бываю дома: посещения друзей, театры, музеи и пр. Голова закружилась. Хорошее время, что и говорить. Начинаю остепеняться и больше бывать дома. Думаю вскоре браться за дело, т. е. готовиться, стучаться в университетские двери. Не знаю, что ждет впереди, но, авось, и повезет.

Вчера был на вечере ленинградских писателей в Филармонии. Впечатление огромное. Выступали: Дудин, Ю. Герман, Форш, О. Берггольц, Лифшиц, Гитович, Каверин, Вихарев. Особенно понравились поэты: Дудин, Берггольц, Лифшиц. Ты, наверно, завидуешь мне сейчас, но это только пока. Я же тебе больше завидую во всем. Вот и все пока о себе. Новая жизнь заставляет серьезно призадуматься, много передумать заново, а старое, армейское, отбросить.

Да я уже все отбросил и уже привык к новой обстановке. Знаю, что скоро придется много заниматься. Ведь я все же забыл. Постараюсь поступить на подготовительные курсы. Посоветуй, на что обратить основное внимание, какой запастись литературой для подготовки на литфак, если знаешь.

Пишу, а сам не уверен, получишь ли ты мое письмо. Ведь уже много прошло времени с тех пор, как я отчалил из Артура.

Проезжая вечером Спирово, выходил на вокзал в надежде встретить кого-нибудь из старых знакомых или узнать кое-что о них, но никого не встретил, все чужие и ничего не узнал, все чужое. Правда, встретил брата Райкова А., но он сам только что приехал в отпуск и ничего ни о ком не знает. Сначала мы не узнали друг друга, и только когда разговорились, я вспомнил его брата, а потом и его. Как же все изменилось! Я даже не узнал своего дома, летнего сада и вашей горки — все жалкое, бедное. Нет, в доброе старое время эти места были иными; они были близкими, родными, а теперь чужие.

Пиши, как живешь и вообще...

Желаю здоровья и всего лучшего.

Если будешь в Ленинграде, заходи. Буду очень рад.

Лешка

51

22 августа 47

Здравствуй, Тася!

Спасибо за память! С первых строк сообщаю, что я жив и здоров. Письму твоему, как всегда, рад, но почему оно такое краткое? Или «это присказка покуда, сказка будет впереди»? Если так, то она за тобой.

Приятно знать, что и у меня есть старые друзья, которые вспоминали обо мне и которым даже жизнь моя интересна. Я и им благодарен за память! В смысле интереса моя жизнь не так уж интересна, хотя теперь она намного интересней прежней. Не стану вдаваться в подробности ее, но все же кое-что расскажу, хотя бы вкратце. Демобилизовался я из Порт-Артура и в январе с. г. явился домой, конечно, желанным и долгожданным. Немного отдохнув и рассеявшись от армейского бытия, начал готовиться к поступлению в институт. Конечно, приходилось много заниматься, а главное, приучаться к усидчивости, которой я и раньше-то не отличался! Но теперь все позади. Недавно я вполне успешно сдал экзамены на литфак ин-та им. Герцена. Колебаний, раздумий, сомнений за все время подготовки было много. Выбор стоял только между университетом и Герценкой, и все же в конце концов решил поступать в Герценку, хотя к университету было куда большее стремление. Признаюсь, что храм науки испугал меня строгостью предстоящих экзаменов, а также громадным наплывом абитуриентов. Мне не захотелось, в случае неудачи там, терять год, который мог бы повлиять на всю мою жизнь. Итак, я решил идти по линии наименьшего сопротивления, а значит — бить наверняка. И не жалею, что так сделал, потому что в

Герценку никого, провалившихся из других институтов, не взяли ввиду конкурса.

Я тебе уже как-то писал, что педагогическая специальность меня ничуть не интересует и только стремления к знаниям литературы заставили меня сделать этот шаг. Да, пожалуй, в Ленинграде лучшего ничего и не придумать. В Москве при ССП есть Литинститут, но ведь это в Москве. Настоящее мое место, конечно, там. В голове созревает план поступления и туда на заочное обучение, который в недалеком будущем должен разрешиться.

Только не много ли будет сразу в двух, справлюсь ли? Скажу по секрету, что поступать туда мне посоветовал А. Твардовский (в письме), которому я кое-что посылал из своего.¹ Если в Литинститут поступить в этом году не удастся, то это останется программой будущего. Там люди зрелые и поэтически, и прозаически, а я в себе этой зрелости еще не чувствую. Ведь я же за последний год почти не работал, да и до сих пор не могу войти в старую колею, а длительные перерывы в работе отзываются довольно-таки губительно. С молодой ленинградской «богемой» сблизился, часто бываю на литературных встречах, но в печать не лезу, во-первых, потому что сейчас мне нечем блеснуть, а во-вторых, потому что у нас вообще сейчас трудно с печатью. За нее грызутся люди с громкими именами. Что делать, когда одной «Звезде» трудно разворачиваться. До сих пор еще чувствуется на всех какая-то придавленность от недавнего позорного пятна. Ленинград его смоем, уже смывает, но смывать нелегко.² Пожалуй, хватит об этом. Знаю, что скучно и неинтересно, может быть, а особенно для девушки. Но что же делать, раз я всегда так пишу, а переучиваться поздно, да и стоит ли?

Почему ты в письме о себе ни слова? Что ты и как ты, не имею ни малейшего представления и только по тону письма догадываюсь, что все слава богу. Как провела лето? Была ли в Ленинграде?

Если была, то почему не зашла ко мне? У меня лето прошло незаметно, напряженно. Раза три ездил купаться в Озерки, а после экзаменов частенько бываю в театрах, в кино, в ЦПКиО на островах. Я даже превратился в болельщика за наше «Динамо». А все же оно московскому проиграло! Жаль!!

Моим старым друзьям, помнящим меня, передай мой низкий поклон. У меня о них остались хорошие воспоминания. Много времени прошло с тех пор, а они все так же свежи. Много у меня друзей-товарищей было, но почему-то «все они прошли, как тени»,³ все забылись, да и меня забыли. С ними меня сводила вынужденная обстановка, среда, а когда она изменилась, друзья расстались, превратились в просто знакомых, и каждый пошел своей дорогой. Впрочем, есть у меня два хороших друга, да и те: один во Пскове, другой в Кирове — оба они, конечно, литераторы, в лучшем случае — ценители литературы. Наверно, и с тобой было что-нибудь подобное в отношении армейских друзей и подруг. Ведь недаром говорится, что старый друг лучше новых двух. Они-то у меня и были только в Спирове. Напиши мне о них поподробней о каждом и о каждой. Никого из них я не представляю сегодня, но старые фотографии говорят о многом. Если захотят узнать мой адрес, конечно, дай им, стоит ли об этом спрашивать тебе.

Сообщи также, что знаешь, что можешь о моей первой любви, чистой, светлой, до сих пор не забытой.

Новых друзей не ищу, в друзья ни к кому не лезу. Да их и не сразу найдешь, особенно в большом городе. К тем, с кем придется учиться, уже пригляделся: из них добрых три четверти почти дети, вчерашние школьники. Ты меня понимаешь, конечно. Женская половина тоже ничего хорошего не предвещает. Вперед не зарекаюсь, а пока — бррр! Прости за слишком откровенную болтовню! Закругляюсь.

Желаю тебе здоровья, всего лучшего во всем! Пиши.

Т. Алексеев

¹ Письмо А. Т. Твардовского хранится в домашнем архиве А. Д. Алексеева.

² Имеется в виду постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 авг. 1946 г. и доклад А. А. Жданова на собрании партийной и литературной общест-венности Ленинграда («Доклад т. Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“: сокращенная и обобщенная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собраниях писателей в Ленинграде» (М., 1946)). Постановление осудило позицию журналов, публикующих «безыдейные, идеологически вредные произведения» (в том числе А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко).

³ Цитата из стихотворения С. Есенина «Ты меня не любишь, не жалеешь...» (1925 г.): «Знаю я — они прошли, как тени».

Здравствуй, Тасенька!

Очень рад, что наконец-то вспомнила обо мне. Большое спасибо!

Много прошло времени с тех пор, как я получил от тебя последнее письмо. Кажется, это было еще в Корее. А теперь все по-иному, и перемен произошло очень много. Всего описать, конечно, невозможно, но самое основное — попробую.

Вот, Тасенька, 4 года моего студенчества пролетели, как сон, и я, как говорится, вышел в люди с дипломом, в котором начертано, что предьявителью сего присвоена квалификация преподавателя рус. яз. и литературы в средней школе... Одним словом — учитель словесности, новоиспеченный.

Ну что ж! Я в этом не вижу ничего предосудительного. Литература, как тебе известно, всегда была для меня священной областью, и прежде всего русская литература XIX в. Я даже и сам когда-то по дурусти мечтал стать поэтом, но это до того глупо, что при воспоминании об этом я готов провалиться сквозь землю. Поэт из меня не получился, а потому и вспоминать об этом нечего. Есть поприще более интересное, увлекательное. Это — изучение литературы. Серьезное, научное изучение. Именно этому, а не школе, я и хотел бы посвятить свое будущее. Только ты, педагог (если я не ошибаюсь), можешь понять меня, что для этой цели рамки обыкновенного школьного учителя все же узки. Нет слов, воспитание молодого поколения — благородное и даже великое дело, но дело это не по мне, ибо, признаюсь, что почти совсем не имею к нему влечения. Я прекрасно давал уроки на практике в школах, но все это как-то без любви, без огонька.

А вывод таков: вышел из института педагог без педагогич. наклонностей. Исправить эту «ошибку» есть возможность, но превратить ее в действительность мало шансов. Дело в том, что я решил идти в аспирантуру по кафедре рус. литературы XIX в. Кафедра выдвинула меня кандидатом, и теперь остается только весьма благополучно сдать вступительные экзамены. Но самое ужасное — конкурс 10 человек на место, а всего мест — 3. Так что уверенности в осуществлении своей мечты пока нет. Но буду дерзать...

Так обстоит дело с перспективами на будущее. Можно было бы написать по этому поводу еще столько же, но для начала достаточно и этого. Если же не попаду в аспирантуру, то буду стараться устроиться работать в архив или в Публичку в рукописный отдел, а если же и это не удастся, то что ж, — пойду учительствовать. В Ленинграде место найду где-нибудь. Хорошо, что я под распределение не попал!

Теперь буквально несколько слов о семейной и личной жизни. 17 мая сего года умер папа (инфаркт сердца). Горе большое, и особенно для матери. Мама больна гипертонией. После папиной смерти у нее было давление 255, но сейчас выглядит лучше и ходит помаленьку.

Теперь еще о себе. Вот уже больше года, как я женился. 30 июня родился у меня сын, которого нарекли Дмитрием в память о бабушке. Как видишь, теперь есть мне чем заняться. Но лето нынче отвратительнейшее. Болею за «Зенит» беззаветно, но пока безуспешно. Могут лучше, черти, играть.

Будешь в Ленинграде — зайди ко мне. (Мой точный адрес: Боткинская, д. 1, кв. 70.) Посмотришь наш Невский без трамваев, стадион им. Кирова и много, много чего другого, чего я и сам еще не удосужился посмотреть. Напиши о себе, буду очень рад.

Привет от мамы.

Почему у тебя фамилия старая — Жарова?! Как живет твоя мамаша и сестра?

Толя

¹ Я и сестра оставили папину фамилию, так как он печалился, что сына нет, фамилия забудется (*примеч. Т. В. Жаровой*).

«ДЕВЯТИКРЫЛАТЫЙ» АНГЕЛ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

I. Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову (1957—1959)

II. Переписка Н. В. Резниковой с В. И. Малышевым (1957—1964)

Публикация Е. Р. Обатниной

Жизнь Натальи Викторовны Резниковой (1903—1992)¹ — поэта, литератора, переводчицы и мемуаристки была тесно связана с А. М. Ремизовым. Еще в юности (их первая встреча состоялась в Берлине в 1922 г.) она стала помогать писателю и его жене, С. П. Ремизовой-Довгелло, в бытовых и творческих делах. Последние 12 лет жизни Ремизова Н. В. Резникова взяла на себя обязанности личного секретаря писателя: внимательный собеседник, талантливая и преданная ученица, она подбирала необходимые книги, читала вслух, занималась его перепиской и многим другим, что поддерживало творческий потенциал неутомимого, но физически таявшего человека, который нуждался в уходе и заботе. Все это требовало немалых сил, особенно учитывая расстояния, которые ей приходилось преодолевать, разрываясь между семьей в пригороде Парижа и квартирой на улице Буало в 16-м квартале, где одиноко проживал овдовевший в 1943 г. писатель.

Долгие годы общения с Ремизовым оставили глубокий след в ее памяти. В письме к внуку писателя Б. Б. Бунич-Ремизову от 19 марта 1969 г. Н. В. Резникова делилась своими мыслями: «Сейчас я пишу мои воспоминания о А. М.-е,² замечательном писателе и человеке, ни на кого не похожем. Глядя на него, я часто думала: откуда он, с какой планеты? Казалось, он был сделан из другого материала. Поражала необыкновенная тонкость всего существа и одаренности в любой отрасли искусства. Его память, эрудиция, сила мысли и проникновение в суть вещей были поразительны. Беседовать с А. М. было наслаждение, самая простая фраза, самые простые слова, о чем бы он ни говорил, — звучали как произведение искусства. Его очарование (шарм) покоряли и больших писателей и музыкантов

¹ См.: Соколова-Пайман А. Памяти Натальи Викторовны Резниковой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 273—276.

² Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980.

(Прокофьев³ приходил к нему) и самых нехитрых людей. Французы называли его l'Enchanteu*».⁴

Откликаясь на милосердие и доброту своего ангела-хранителя, писатель однажды назвал Наталью Викторовну «Девятикрылатым». Этот «словесный» подарок, по-ремизовски соединивший возвышенную аллюзию («шестикрылый серафим») с детскостью и домашностью словоформы, возник в 1951 г., когда Наталья Викторовна в течение девяти дней и ночей не отходила от постели писателя. Едва оправившись от приступов болезни, Ремизов написал своей калифорнийской корреспондентке А. Ф. Рязановской: «После Крещенского огня отдышиваюсь. В горячке записывал, не глядя и как поднялся, нарисовал, что видел. Понемногу восстанавливается зрение. 9 жгучих ночей — эти 9 ночей ночевала, следя Наталья Викторовна Резникова самоотверженно и терпеливо (она семейная: двое детей). Резниковы, Андреевы и Сосинские, их затея „Оплешник“. А (так! — Е. О.) знаю всех детей. Их любила Серафима Павловна».⁵

Издательство «Оплешник» было организовано в 1950 г. по инициативе матери Н. В. Резниковой — О. Е. Колбасиной-Черновой. Однако ключевой фигурой в этом предприятии стал муж Натальи Викторовны — Даниил Резников, заведовавший в то время типографией.⁶ С этого времени Наталья Викторовна принимала активное участие в подготовке ремизовских рукописей к печати. Глубокое понимание языковой природы творчества Ремизова позволило ей сделать аутентичные переводы отдельных произведений писателя на французский язык. Хотя сам автор и считал переводы своих трудов практически неосуществимыми, о работе Н. В. Резниковой, которая в 1956 г. перевела на французский его книгу «Подстриженными глазами», он отозвался очень высоко: «...только теперь мне повезло и мое русское зазвучало на такой чужой русскому латыни. Н. Резникова расплела и выразила мой ритм или вернее интонацию».⁷ Понимая, что его помощница обладала поистине фантастическим даром успевать сделать множество дел, спектр которых вмещал в себя и самые что ни на есть бытовые и творческие занятия, Ремизов в 1956 г. повысил ее в ранге, назвав в дарственной

* Волшебник (фр.).

³ Сергей Сергеевич Прокофьев (1891—1953) — композитор, пианист и дирижер; с 1923 по 1933 г. жил в Париже. О совместной работе Ремизова и Прокофьева над балетом «Ясень» в 1916—1917 гг. см.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл. Трагедий. М., 1991. Т. 1. С. 215—221; см. также: Ремизов А. Дневник 1917—1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. 16. С. 426.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 4, ед. хр. 25, л. 1 об.

⁵ Letters from Alexei Remizov / Preface and notes by S. Aronin // Russian Literature Triquarterly. 1986. N 19. P. 294. Письмо от 10 февр. 1951 г.

⁶ Даниил Георгиевич Резников (1904—1970) — поэт.

⁷ Ремизов А. А. Р. (Дом, отмеченный войной) // Europa orientalis. Pietroburgo; Salerno, 2003. Vol. 4. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 310 (публ. А. М. Грачевой). Книга с предисловием М. Арляна в созданном при журнале «Нувель Ревю Франсэз» («La Nouvelle Revue Française», «N. R. F.») издательстве «Галлимар» вышла уже после смерти писателя. См.: Remizov A. Les Yeux Tondus / Trad. du russe par Nathalie Reznikoff; préface de Marcel Arland. Paris, 1958. Collection «Du monde entier». О переговорах Ремизова и Н. В. Резниковой с главными редакторами журнала «N. R. F.» М. Арляном и Ж. Поляном см.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 118—123.

надписи на книге «По карнизам» (Белград, 1929) — «стокрылым».⁸ Примечательно для ремизовского стиля употребление мужского рода, указывающее на умолчание сакрального слова этого неполного определения.

Многие из последних писем Ремизова были написаны рукой Н. В. Резниковой. Одним из корреспондентов писателя был известный литературовед, исследователь русского футуризма, профессор Калифорнийского университета Владимир Федорович Марков (р. 1920 г.).⁹ Переписка В. Ф. Маркова с Ремизовым¹⁰ возникла в 1955 г., когда до молодого филолога, обосновавшегося в Америке, дошли слухи о бедственном материальном положении писателя в Париже, и он отправил ему посылку с продуктами и вещами. Впоследствии, публикуя полученные от Ремизова письма, Марков предельно скромно упомянул о своей помощи, которая между тем продолжалась до смерти писателя. В 1957-м, в год 80-летия писателя, он обратился к Ремизову с открытым письмом, подписанным «Ваш читатель Владимир Марков»: «Дорогой Алексей Михайлович. В коротком письме нельзя дать удовлетворительной оценки писателю Вашего своеобразия, Ваших литературных размеров. Для этого нужно писать статью (какими критика Вас за последнее время не баловала). Те, кто умеет Вас читать (а искусство это небольшое — надо читать медленно и губами), знают, какое редкое наслаждение приносят Ваши книги. Но не об этом нужно говорить в день Вашего восьмидесятилетия. Говорить следует о том „долгу“, в каком перед Вами находится культурная эмиграция, неловко становится при мысли, что писателя, украсившего своим именем русскую литературу, не ценят как следовало бы. Его замечательное послевоенное творчество не получило должного отклика: раздаватели патентов на бессмертие не увидели необыкновенной красоты „Мелюзины“, прошли мимо „Мышкиной дудочки“, этого учебника гуманизма, и едва заметили „Огонь вещей“, последнее слово о Гоголе. Еще более неловко, что больше дюжины Ваших книг до сих пор ждут издателей. В день Вашего юбилея уместно напомнить им об их преступлении. А что Ваши строки — бесконечный источник удовольствия, жизнь же Ваша — пример для молодых писателей, об этом можно и не писать. Это ясно».¹¹

Между тем и у некоторых филологов в Советском Союзе, который на долгие годы отстранился от литературы русской эмиграции, появилась возможность восстановить утраченные связи с писателем. В мае 1957 г. завязалась переписка Ремизова с Владимиром Ивановичем Малышевым (1910—1976), выдающимся археографом, ведущим специалистом Пушкинского Дома по древнерусской литературе.¹² Их эпистолярный диалог

⁸ См.: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 26.

⁹ О В. Ф. Маркове подробнее см.: Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову / Под ред. Р. Вроона и Д. Малмстада. М., 1993. С. 7—8; а также вступительную заметку Ю. В. Левина к публикации воспоминаний В. Ф. Маркова «Et ergo in Arcadia...» (Звезда. 1995. № 2. С. 130—132).

¹⁰ См.: Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову / Публ. В. Ф. Маркова // Wiener Slavistischer Almanach. 1982. Bd 10. S. 429—449.

¹¹ Опыты. 1957. Кн. 8. С. 130.

¹² См.: Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву / Публ. С. С. Гречишкина и А. М. Панченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 203—215. Подробнее о В. И. Малышеве см.: *Бударагин В. П.* Древлехранилище им. Владимира Ивановича

был освящен именем протопopa Аввакума. В. И. Малышев, собравший полную библиографию трудов о протопope Аввакуме, знал и о ремизовском списке жития «огненного Протопopa». ¹³ Не случайно свое знакомство с писателем он предварил приглашением на открытое заседание Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом), посвященное 275-летию со дня смерти протопopa Аввакума, назначенное на 26 апреля 1957 г.

В переписке с обоими адресатами Ремизова Н. В. Резникова была верным помощником и дублером писателя. Вскоре тексты под диктовку Ремизова сменились ее собственными письмами, проникнутыми глубокой преданностью и любовью к учителю, последние дни которого практически полностью были вверены ее исключительным заботам. С июля 1957 г. вместе с другими друзьями писателя Н. В. Резникова вела дневник последних месяцев его жизни. ¹⁴ Все в этой тетради не только окрашено вниманием к физическому состоянию угасающего человека, но и вызвано желанием поддержать его не смиряющийся со смертью творческий дух. Построение дневника указывает на самоценность для хроникеров и здоровья, и творчества в равной степени. На левой странице тетради расположены скрупулезные записи дежурных о температуре и состоянии здоровья Ремизова, список дежурных, верных друзей, взявших на себя все обязанности по уходу. На правой странице с середины августа по первую декаду сентября появляются записи самого Ремизова: наезжающие друг на друга буквы отражают стоическую борьбу слов за жизнь. С 11 сентября 1957 г. помощники пишут за Ремизовым под диктовку: он рассказывал свои сны, прокладывающие ему дорогу в потустороннее. 3 ноября за ним записали: «Около умирающего — тишина и молчание (само собой, не возражаешь и не споришь), внимание и сообразительность, решимость и уверенность. Говорю по своему трехлетнему опыту». ¹⁵ Последняя страница дневника заполнена рукой Н. В. Резниковой:

26/ XI

Утро 36.6

Утенок¹⁶

Ек<атерина>Вл<адимировна>¹⁷

Наташа¹⁸

Полдень 37

Л. Н. Замятина¹⁹

Чижов²⁰

ча Малышева // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 350—352; а также словарную статью: Там же. С. 477—478.

¹³ Житие протопopa Аввакума, им самим написанное / Публ. А. Ремизова // Версты. 1926. № 1. Разд. II. С. 1—73.

¹⁴ Тетрадь XXXI. 1957. 14 VII. Папка 49 (Собрание Резниковых. Париж).

¹⁵ Ремизов ухаживал за умирающей женой в 1940—1943 гг.

¹⁶ Шутливое прозвище *Ольги Владимировны фон Дервиз* (von Derviz), которая с 1954 г. поселилась в квартире Ремизова, с тем чтобы вести его хозяйство.

¹⁷ *Екатерина Владимировна Фоминова* (1889—1987), известная в окружении Ремизова под прозвищем «Солдат».

¹⁸ Н. В. Резникова.

¹⁹ *Людмила Николаевна Замятина* (урожд. Усова; 1883—1965) — вдова писателя Е. И. Замятина.

²⁰ *Глеб Владимирович Чижов* (псевд. Холмский; 1892—1986) — член Союза русских шоферов в Париже, типограф, библиофил-любитель, активный сотрудник издательства «Опленш-

5 часов веч<ера> ТА 11—5Р60 <так!>

Всю ночь не спал

Утром было немного мочи

3 раза

А. М. скончался в 8 час. вечера

С утра был слаб и довольно

спокоен — почти не страдал — не спал,

но дремал не засыпая

— даже под чтение (Соборяне²⁵).

Мамченко²¹

Нерпа²²

М. Одолеева²³

Д. Г. Резников

Наташа

Сестра²⁴

Ек<атерина>Вл<адимировна>

Утенок

Д. Г. Резников

Лурье А. С.²⁶

Лурье Thylette²⁷

Жаловался на срезанный ноготь — уверял, что болит. Мазали йодом и мазью. Отхаркивался мало — забывался немного, но дышал непривычно, с открытым ртом. Давали кислород — был к нему равнодушен (как будто не чувствовал). Руки были слабее обычно<го>.

Около восьми, был Утенок рядом, продолжал чтение Соборян — на этот раз А. М. не спал под чтение, но и не реагировал — ни на кислород. Вдруг вздохнул как перед откашливанием и безболезненно, спокойно умер в 8 часов.

Первую ночь проводили

Наташа и Утенок

Фейерменхен и Эспри²⁸

А. М. убрал и лежит под часами кукушки, мерно отбивающей время.²⁹

ник». В 1946 г. издал книгу Ремизова «О происхождении моей книги о Табаке», а в 1983 г. осуществил в Париже ее переиздание вместе с самой «Гоносовой повестью» «Что есть табак», а также с воспоминаниями о Ремизове. Републикацию «О происхождении моей книги о Табаке» см.: *Ремизов А. М. Весеннее порошье / Сост., предисл., коммент. Е. Р. Обатниной. М., 2000. С. 399—428.*

²¹ Виктор Андреевич Мамченко (1901—1982) — поэт, журналист.

²² Прозвище Елены Александровны Холмогоровой-Кост (Costes), которая в конце 1940-х—1950-е гг. была преподавателем русского языка в парижской Школе восточных языков, переводила произведения Ремизова на французский язык, принимала деятельное участие в создании издательства «Оплешник», а в последние годы жизни писателя выполняла необходимые для него машинописные работы.

²³ Неустановленное лицо.

²⁴ Очевидно, медицинская сестра.

²⁵ Роман Н. С. Лескова.

²⁶ Александр Семенович Лурье — сын публициста и журналиста С. В. Лурье, знакомого с Ремизовым еще по Петербургу.

²⁷ Тилетт Лурье — жена А. С. Лурье.

²⁸ Игрушки Ремизова, неизменные герои его произведений. Фейерменхен — тряпичная кукла в розовом полосатом платье и черном колпачке, которая и по сей день хранится в собрании Резниковых. См.: *Резникова Н. В. Огненная память. С. 64.* Фотографию Ремизова с Фейерменхеном (1921—1923) см.: *Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия / Вступ. статья и коммент. А. д' Амелия. Paris, 1983; а также: Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994 (вклейка). Эспри (от фр. Esprit) — дух, материализовавшийся в сухой веточке, напоминающей человечка с руками и ногами; упоминается в книге Ремизова «По карнизам».*

²⁹ Описание последнего дня жизни Ремизова см. также: *Резникова Н. В. Огненная память. С. 144.*

Последнее письмо Н. В. Резниковой к В. И. Малышеву написано 15 июня 1964 г., накануне ее приезда в Ленинград. Это путешествие должно было окончательно решить судьбу парижского архива Ремизова. Наталья Викторовна стремилась выполнить волю своего учителя и друга — передать в Пушкинский Дом книги и рукописи, оставшиеся на ее хранении по завещанию писателя.³⁰ Очевидно, реалии советской бюрократической действительности, с которыми ей предстояло столкнуться в Москве и Ленинграде, оказались сильнее этих самых искренних побуждений.

Сердечное тепло и глубокое понимание творческого дарования Ремизова Наталья Викторовна Резникова перенесла в книгу воспоминаний «Огненная память» (1980). И когда в 1992 г. завершился ее земной путь, Н. В. Резникова была похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа рядом с А. М. Ремизовым.

Ниже публикуются три письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову, по автографам, переданным Ж. Шероном (США) в Рукописный отдел Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 393); а также тринадцать писем Н. В. Резниковой к В. И. Малышеву, по автографам, отложившимся в личном фонде ученого (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1535). Четыре ответных письма В. И. Малышева публикуются по авторизованным машинописным копиям, также содержащимся в его фонде (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 72). Все тексты приведены в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением авторского написания отдельных слов, речевых оборотов и синтаксических конструкций. Выражаю сердечную благодарность Егору Даниловичу и Андрею Даниловичу Резниковым за возможность публикации фрагмента дневника Н. В. Резниковой, а также Жервез Тассис за помощь по атрибуции некоторых французских источников.

І. ПИСЬМА Н. В. РЕЗНИКОВОЙ К В. Ф. МАРКОВУ

1

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine
Наталья Викторовна Резникова

21—IX—<19>57

Глубокоуважаемый г-н Марков (сейчас не могу вспомнить Ваше имя-отчество), уже давно читаю А<лексею> М<ихайлови>чу Ваши письма и под диктовку Вам отвечаю. Знаю Ваше хорошее отношение к А. М.

Сейчас пишу Вам у его постели. Сейчас он успокоился и тихо заснул. В квартире тихо — кукушка мерно отбивает свои (вне времени) минуты и часы.¹

В ночь с 4-го на 5-е ноября у Ал. Мих. был сердечный припадок. С тех пор он борется, и мы боремся за его жизнь. После припадка он дня три спал. Потом как будто проснулся к жизни, но давление стало так стреми-

³⁰ См. Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову (п. 3, примеч. 22).

тельно падать, что доктор² потерял уже надежду. Потом что-то вдруг пробудило жизненную силу А. М. И началось медленное улучшение. А. М. еще не вне опасности, все же ему чуточку лучше. Доктор бывает ежедневно — по ночам — ученая сестра (прибегают к уколам камфары). 2 женщины, живущие тут — ухаживают за ним.³ И я — его постоянный, не покидающий его «секретарь» и давнишний, давнишний друг — уже 30-ть лет! Моя семья — знает его с давних пор — я: второе поколение.⁴

Серафима Павловна очень нас (моих сестер и меня) любила,⁵ и после ее смерти,⁶ по возвращении в конце войны из провинции в Париж, сначала мы все, теперь я одна (мои сестры далеко⁷) — не покидаем А. М.

В прошлые годы — он был тяжело болен — я выхаживала его сама (сейчас нас целая «équipe»*).

Я же переводчица Ремизова на фр<анцузский> язык. (В скором времени должна выйти его книга — «Les Yeux Tondus» в моем переводе у Галлимара⁸.)

С конца (да, собственно говоря, с начала) лета А. М. плохо себя чувствовал — слабость, «задох»,⁹ усталость, беспокойство, тяжелое нерв<ное> состояние. Чем хуже себя чувствовал — тем яростнее работал. Последнее время делалось хуже. Работы ради — другое дело! Но для себя — А. М. обычно ничего не просит.

А тут — «не покидайте меня, Наташа!»». Я живу довольно далеко от rue Voileau и у меня семья — я отложила все свои занятия, стараясь как можно чаще бывать у него — ежедневно.

После припадка проводила дни и ночи в «Кукушкиной». t° у А. М. сейчас нормальная, давление поднялось, и состояние сердца не слишком плохое. Но пугает его слабость, истощение: почти не ест, но много (слава Богу!) пьет. Сейчас получила записочку от Вас<илия> Петр<овича>¹⁰ — и он слег! (у него слабые легкие). Обычно, по четвергам — мы сходимся втроем в Кукушкиной: А. М., Вас<илий> Петр<ович> и я — «Восточные четверги» (Вас<илий> Петр<ович> — «Эмир обезьяньей палаты»¹¹). Я сейчас пишу В. П. ответную записку — передам Ваш привет. Пишите А. М. — но только привет, про себя, про семью — и без вопросов и без литературы. (А. М. педантично хочет на все отвечать, и это его утомляет.)

Рисунки А. М.¹² до войны с трудом, за гроши продавали богатым людям. После войны отношение изменилось — они стали редки (и франц<узы> их высоко оценили, один имеется у Пикассо), обладающие ими их берегут. Во время войны немцы многое уничтожили (все, что находилось у евреев). Ученые сообщили, что в Ленинг<раде> в Пушк<инском> Доме — все вещи А. М. сохранены.¹³

Сердечный привет.

Н. Р.

¹ Подразумеваются часы с кукушкой, неизменный атрибут квартиры Ремизова, впервые появившийся в доме писателя в начале 1910-х гг. Ср. описание парижской квартиры на ул. Буало, сделанное писателем в 1955 г.: «„Кукушкиной“ комната зовется по часам с кукушкой. Ку-

* команда, бригада (фр.).

кушка — дыхание дома, ее голос внятн и в исторической кухне и в каштановой рукописной и в караульной и по всему цветному коридору» (Ремизов А. А. Р. (Дом, отмеченный войной). С. 304).

² Подразумевается Владимир Михайлович Зёрнов (?—1990). См. о нем: На переломе: Три поколения одной московской семьи: Семейная хроника Зерновых. 1812—1921 / Под ред. Н. М. Зернова. М.; Париж, 2001. С. 8.

³ Речь идет об О. фон Дервиз, а также о Екатерине Даниловне Унбегаун, мачехе известному слависта Б. Г. Унбегауна, которая получила от Ремизова шутивное прозвище «Верховая», поскольку была его соседкой с шестого этажа по дому на Буало, 7.

⁴ Мать Н. В. Резниковой, Ольга Елисеевна Колбасина (во втором замужестве Чернова; 1886—1964), познакомилась с Ремизовым осенью 1905 г. Ее «Воспоминания об Алексее Ремизове» см.: Алексей Ремизов: Исследования и материалы. Pirtoburgo; Salerno, 2003. С. 315—325 (публ. А. Грачевой).

⁵ Ольга Викторовна Чернова (в замуж. Андреева; 1903—1979) — журналистка, жена В. А. Андреева, и Ариадна Викторовна Чернова (в замуж. Сосинская; 1908—1974) — переводчица, жена В. Б. Сосинского. Три сестры познакомилась с Ремизовыми в Берлине в 1922 г. Описывая своей близкой знакомой, поэтессе З. Н. Гиппиус, трудности эмигрантской жизни в Германии в письме от 3 янв. 1922 г., С. П. Ремизова упоминала и «дочерей Черновых»: «... пишу Вам в ужасном состоянии: нас выгнали с квартиры <...> Мне взялись помогать барышни — не настоящие, усыновленные дочери Чернова. Насколько он мне не симпатичен, настолько они хороши, да они с ним давно не живут, он ведь на ком-то опять женился, не с их матерью живет. Как вся молодежь, они вообще против социализма, социалистов, против большевиков также, и против <социалистов>-р<эволюционе>ров, и м<еньшевик>в. Это очень характерно для молодежи. Своими глазами видят все, им по 19 лет, они — близнецы (Ольга и Наталья Черновы. — Е. О.), их сестру маленькую 10 лет (теперь ей 13) б<ольшевик> и арестовали из-за отца и она месяц в тюрьме сидела, подумайте, 10 лет, и ее Ленин сам допрашивал, говорил: „Адичка, скажи, где твой папочка?“, наконец, ее взяла на поруки первая жена Горького, не М<ария> Ф<едоровна>. Так вот эти барышни мне помогают искать квартиру, а пока мы живем ужасно, наша ведьма-хозяйка нас выживает» (Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой).

⁶ С. П. Ремизова-Довгелло скончалась 13 мая 1943 г.

⁷ После войны семья О. В. Черновой и А. В. Черновой переехали в Америку.

⁸ Имеется в виду издание мемуаров Ремизова «Подстриженным глазами. Книга узлов и закут памяти» Н. В. Резниковой в издательстве Г. Галлимара, выпускавшем один из престижных литературных журналов Франции «La Nouvelle Revue Française» (N. R. F.) под ред. Ж. Поляна и М. Арляна. Публикация ремизовской книги сопровождалась вступительной статьей М. Арляна: *Remizov A. Les Yeux Tondus / Trad. du russe par Nathalie Reznikoff; préface de Marcel Arland. Paris, 1958 (Collection «Du monde entier»).*

⁹ Ремизовское слово, которым определялось состояние удущья.

¹⁰ Василий Петрович Никитин (1885—1960) — ученый-ориенталист, профессор Школы восточных языков в Париже; сосед Ремизова по дому на ул. Буало, 7. С 1943 г. В. П. Никитин постоянно вел дневник под названием «Remizoviapa», а после смерти писателя написал воспоминания «Кукушкина (Памяти А. М. Ремизова)». Публикация мемуаров см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 268—306 (публ. Н. Ю. Грякаловой). Подробнее о В. П. Никитине см. также: Грякалова Н. Очарованный словом (О А. М. Ремизове и его книге «Павлиньим пером») // А. Ремизов. Павлиньим пером / Сост., вступ. статья, примеч. Н. Грякаловой. СПб., 1994. С. 5—16).

¹¹ Речь идет о шуточном звании В. П. Никитина, которого он был удостоен в ремизовском игровом обществе Обезвельволпал. Подробнее см.: *Обатница Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата в лицах и документах.* СПб., 2001. Известны и другие варианты «обезьяньего» звания Никитина: «Эмир обезьяний В. П. Никитин-Урмийский»; «бывший урмийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской прослойки, эмир Обезвельволпала» (см.: Там же. С. 353).

¹² О графическом искусстве Ремизова см.: *Pyman A. Aleksej Remizov on drawings by writers, with particular preference to the interrelationship between drawings and calligraphy in his own work // Leonardo. 1980. Vol. 13; Saretzki N. Russische Dichter als Maler // Gebrauchsgraphik.*

1928. Juni; *Маркадэ И. Ремизовские письма* // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies. 1987. 16. P. 121—134.

¹³ Очевидно, подразумеваются слова из письма В. И. Малышева к Ремизову: «Несколько Ваших писем к разным лицам и все Ваши рукописи, переданные Вами в свое время в архив нашего Института, у нас бережно сохраняются <...> Мы не только сберегаем Ваши рукописи, но и пополняем Ваш фонд новыми материалами...» (цит. по: *А. М. Ремизов. Письма к В. И. Малышеву* / Публ. С. С. Гречишкина и А. М. Панченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 205).

2

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Monterey California
U. S. A.

29—V—<19>59

Дорогой Владимир Федорович,

давно хочу Вам написать — мне хотелось бы хоть издали, хоть понемногу сохранить связь с теми, кто интересовался, знал (хотя бы по переписке) и любил А. М. Ремизова. Хотелось бы знать, как Вы живете, что делаете, чего достигли. Как поживают Ваши близкие (жена и теща)?

Мы с Вами обменялись письмами после смерти А. М.

Через 4 или 5 мес<яцев> после его смерти вышла по-франц<узски> в изд<ательстве> Gallimard его книга «Les Yeux Tondus» («Подстриженными глазами») в моем переводе.

Были очень хорошие, углубленные, интересные статьи во франц<узской>, бельгийской и швейцарской печати.¹ И в издательстве получили неск<олько> писем от читателей (чего, по словам редактора, во Франции вообще не бывает).

А. М. очень ждал появления этой книги (книга в издательстве Галлимара — это как бы увенчание — кроме книг «коммерческих» они издают обычно только книги очень высокого качества).

Было неск<олько> различных передач по радио и телевидению, посвященных этой книге и ее автору...

Но А. М. уже не было.

Вещи А. М. здесь и в будущем, я надеюсь, будут изданы — к сожалению, у меня сейчас очень мало времени на художественную работу. ¹/₂ дня работы в бюро (тех<нические> переводы) и дом — семья.

Кланяюсь Вам сердечно

Н. Резникова

В. П. Никитина я видела на днях. Зима прошла для него довольно тяжело (болел). Сейчас как будто бы лучше, но не очень.

¹ Речь, в частности, идет о статье Claude Mauriac «Un enfant aux „Yeux Tondus“», напечатанной в газете «Le Figaro» 2 июля 1958 г.

N. Reznikoff
11, rue C. Desmoulins
Cachan Seine

27—VI—<19>59

Дорогой Владимир Федорович,

я очень рада Вашему отклику на мое письмо — желание войти в контакт с разбросанным по миру орденом.¹ Нас конечно мало — тем более надо держаться крепко. При жизни А. М. люди, приходившие к нему, попадали под его необычайное очарование — теперь остались трогательные воспоминания, все говорят о нем как о замечательном писателе, но вместе с тем я не встречаю настоящего интереса к тому, что он писал, делал и оставил в мире, желания осознать и углубиться в его произведения... Сказано раз навсегда, что Ремизов трудный, малопонятный писатель.² Последние годы его жизни и после смерти было много статей зарубежной критики, но мне всегда казалось, что писали вроде как по обязанности и о том, и с оговоркой только, что знали, безо всякого желания углубиться, что-то еще прочесть и узнать лучше этого сложного и оригинального писателя. Говорят о его завитушках,³ словечках, своеобразном русском языке, знании старины и т. д. и за этими «деревьями» не замечают леса: поэтической сущности созданного им мира. Французы, кот<орые> могут судить о Ремизове без красоты, силы и ритма его языка, говорят о нем, как о «poète Remizov»,* на основании его образов и того, что можно перевести из его «красок» и «звучков». «On pourrait bâter tout une métaphysique sur une de ces contes de la vie de tous les jours». «Peut-être le plus grand écrivain russe de demi-siècle et certainement l'artiste de le plus rare».⁴ Б. К. Зайцев в своем некрологе отметил, что Ремизов уже никак не картезианец...⁵ Немногие, наверное, знают, что А. М. и знал и любил математику⁶ и что это не прошло мимо его творчества. Как раз мне как переводчице приходилось разговаривать и анализировать произведения А. М. с этими самыми картезианцами, и мы сходились именно на этой математически точно построенной фразе, формулирующей мысль тоже всегда точную и очерченную. Незадолго до смерти А. М. советские ученые исследователи др<ревней> рус<ской> литературы вступили с ним в переписку, поводом и точкой соприкосновения был протопоп Аввакум.⁷ Оказалось, что А. М. очень ценят там (это было большим утешением в последние месяцы-недели-дни жизни А. М.), но ценят, конечно, гл<вным> обр<зом> как знатока древней России и литературы, как писатель Ремизов им также мало доступен. Кто-то из моих знакомых сравнил степень художеств<енного> восприятия у русских «там» и «здесь» и горько заметил, что уровень этих несообщающихся сосудов одинаковый.

Меня очень радует Ваше желание заняться А. М. как писателем,⁸ но я думаю, что Ваш подход будет неправильным, если для этого Вам надо начать с изучения древнерусской литературы. Мне кажется, что эта сторона творчества А. М. не самая существенная. В свое время филологам и исследователям языка будет чем заняться в этом направлении, конечно. Но Ремизов часто сам подчеркивает, что пишет «своим словом и на свой глаз».⁹

* Поэт Ремизов (фр.).

Несомненно, что нет у нас писателя, для которого «слово» имело бы такое значение, как для Ремизова. Его форма, средство выражения неотделимо связано с самой сущностью творчества. Он много читал из древнерусского, но брал слова, как художник берет краски (нужные для его ритма и его музыки), тут выбор и инстинкт художника — магия поэтического творчества. Музыка его слова была «русского лада»,¹⁰ и для проверки этого «лада» А. М. вслушивался в древнерусское, но не подражал. Через это русское слово и русскую музыку шли свои ремизовские пути в глубь жизни, в века, в космическое пространство. Вечные вопросы бытия и места человека. И судьба человека на земле и в других измерениях.

В молодости и в течение всей жизни А. М. читал греческие трагедии и хорошо знал их. После войны он читал Эсхила. Он мог тогда сам читать и много рисовал из прочитанного. Потом постепенно стал терять зрение (до конца он все-таки что-то различал: полной слепоты не было) и постепенно слабел. Но дух его, память, острота восприятия, сила ума и упорство, воля к творчеству не ослабели до последнего вздоха. Не ослабел и протест против судьбы, так скручивающей человека. На земле «воли Божьей» А. М. не признавал — земля под знаком Голгофы — но в силу чего эта обреченность человека? Из Достоевского для А. М. сильнее всего звучал этот протест.¹¹ Перед смертью в последний период болезни голос этого неприятия не умолкал, но уживался с каким-то «гордым терпением», большим мужеством (несмотря на всегдашний свой страх и нетерпеливость — это трудно объяснить — А. М. одновременно был и без страха и полон терпения) и внимательным бережным чувством к человеку.

Я недавно прочла о конце Лескова.¹² Похоже на то, как умер А. М., который уснул под чтение «Соборян» и сон перешел в смерть.¹³ Вернее, полусон в сон смерти. <...>¹⁴ — и Лесков, и А. М. оба боялись умереть, задохнувшись. У Лескова А. М. любил кроме языка «искание правды». В конце жизни, как и в самом начале (по-новому, конечно), подошел к шестидесятиникам как к «жаждущим правды», к тем, кто заступался за человека и его право «жить по-человечески» на земле. Хотел писать о них так же, как о революционерах русских («единственное явление в мире»). Идеалы русской интеллигенции всегда ценил очень высоко. Я помню, как А. М. огорчился, прочитав Ваши небрежные слова (кажется) о Чернышевском.¹⁵ Хорошо относясь к Вам, что-то хотел объяснить Вам в письме. А. М. не любил русскую манеру не принимать ничего, что нам не созвучно, — всегда хотеть что-то опровергать, исключить, вычеркнуть, повергнуть в прах (хоть того же Белинского, через 100 лет).¹⁶ На Западе берегут свою культуру, ценят и противоположное (здесь самые различные в лит<ерату>ре течения уживаются и воюют). Культуру и культурность Запада очень ценил и всегда сокрушался о нашей малой культуре. На розановские слова: «пришли Гиксосы и уничтожили...»¹⁷ вскидывался: «Нечего было уничтожать... нечего было...». Не было вопроса, над которым бы А. М. не задумывался и задумывался до конца. И доходил во всем до конца и не боялся ничего — никаких бездн, провалов, ни головокружительных высот... Но его принято считать сказочником,¹⁸ занимающимся выискиванием мудреных словечек, сочинителем завитушек, стилистом, на остальное просто не обращают внимания?

О Алексее Михайловиче можно было бы говорить очень много. Как жаль, что Вы его не видели. Обаяние его было единственным, как единственной была его одаренность — каждая фраза, им произнесенная, совсем простая, была произведением искусства. Он был одарен и музыкально, и в смысле рисунка, и красок. Знания его были разнообразны и систематичны — обо всем можно было с ним говорить. Как и когда успел он со всем ознакомиться, столько изучить и продумать? — не было отрасли человеческих знаний, мысли, искусства, которую не знал бы, на которую не было бы своего взгляда у этого маленького, старого и слабого человека с несокрушимой силой духа.

У меня осталось несколько подписанных А. М. экземпляров его последней книги — я сохраняю их для тех, кто особенно любит А. М. — я пошлю Вам одну из них. При жизни А. М. мы (я и мой муж) занимались изданием «Оплешника» — книги эти очень плохо продавались. После смерти А. М. я их больше не пускаю в продажу (осталось мало — они выходили всего в 300-х экземплярах) — берегу для библиотек или для особенных случаев. Я бы просто давала их даром, но 1) надо собрать денег на издание последней подготовленной к печати (в послед<ние> дни жизни) книжки «Оплешника» — «Павым пером»¹⁹ и 2) я хотела бы поставить гранитный крест на могиле А. М. и С. П. Ремизовых.²⁰ Спишитесь, если можете, с библиотекой-<библиоте>ками в Америке — я могла бы им дать по целой серии («Повесть о двух зверях», «Бесноватые», «Мелюзина», «Мышкина дудочка», «Огонь вещей», «Мартын Задека», «Тристан» и «Перстень Соломона»²¹ Во что их оценить, не представляю себе, хотелось бы подороже, конечно.

Относительно рукописей и бумаг. Многое А. М. передал мне еще раньше, остальное поступило ко мне после смерти А. М. (на книги и рукописи А. М. составил завещание).²² Со временем все это пойдет в Пушкинский Дом А<кадемии> Н<аук> в Ленинграде. Но я должна до этого времени много еще поработать над архивом — времени у меня мало, но временем я не ограничена: А. М. дал мне на мое усмотрение.

Кроме моего, имеется еще архив у Н. В. Кодрянск<ой>,²³ которая скоро должна издать «биографию» А. М.²⁴ Кроме того, часть рукописей А. М. еще при жизни А. М. (без его ведома и согласия) была увезена в Америку (Солнцевым), который взялся сохранить их у себя под Парижем в «куроводстве». Справьтесь — они, кажется, в Колумбийском (или другом университете).²⁵ В продаже на складах УМСА имеется еще «Подстрижен<ны>ми> глазами»²⁶ и в «Доме книги» «Пляшущий Демон».²⁷ Если Вам надо какую-нибудь книгу или справку, я с удовольствием все сделаю. Какие у Вас собаки? У меня черный пудель Жучек — его очень любил А. М. — болезненно любивший и жалевший собак. В детстве у него были «Лисик» и «Розик».²⁸ Сердечный привет Вам и Вашей семье. Я помню, как Вы заботились о А. М.

Наталья Резникова.

¹ Речь идет о фантастическом тайном обществе, учрежденном Ремизовым в 1908 г., — Обезьяньей Великой и Вольной Палате, в которой Марков был удостоен звания «кавалера

обезьяньего знака с паутиной хчеей I степени». См.: Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. С. 433.

² Ср., напр.: «Последние годы Алексей Ремизов так старательно отгораживает себя от читателя, так тщательно прячется в уютный домик своей чисто ремизовской „зауми“, что не мудрено, если читатель к каждой новой вещи подходит с опаской и предубеждением» (*Бем А. «Индустриальная подкова» Алекс. Ремизова // Руль. 1931. 13 авг. № 3256. Цит. по: Бем А. Л. Письма о литературе. Praha, 1996. С. 76).*

³ Ремизовское определение жанра короткого рассказа. См. окончание авторского комментария к книге «Посолонь», содержащее миниатюру «Завитушка» (*Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2. С. 181—182).*

⁴ «Можно было бы построить целую метафизику на одном из этих рассказов о повседневной жизни». «Может быть, самый большой русский писатель первой половины века и, определенно, исключительный художник» (*фр.*). Высказывания поэта и критика Филиппа Жакоттэ (*Ph. Jacottet*) из посвященной Ремизову статьи «По направлению к России: Страж отверженных» («*Du côté de la Russie: Le veilleur des Misérables*»), которая была напечатана в газете «*Gazette de Lausanne*» (1955. 8—9 Oct.). Об этой статье Н. В. Резникова писала в своих воспоминаниях: «В ней имеется фраза о том, что можно построить целую метафизику на маленьком рассказе Ремизова из повседневной жизни. Рассказы, о которых отзывается Жикоттэ, принадлежат к „реальному миру“, идут по линии Достоевского, как, например „Бурков дом“ (*Крестовые сестры*)» (*Резникова Н. В. Огненная память. С. 129).*

⁵ Картезианство — философское направление XVII—XVIII вв., названное так по имени Р. Декарта (в соответствии с его латинизированным именем *Cartesius*), основаниями которого являлись последовательный дуализм и самодостоверность сознания. Имеется в виду статья Бориса Константиновича Зайцева (1881—1972) «Смерть Ремизова», в которой творческая природа писателя противопоставляется европейскому рационализму: «Глубоко русский человек. И очень был умен, один из умнейших наших писателей. Но никак не „Декартовского“ духа. Подземное, путанное и сложное было в нем, смесь горечи, ущемленности, как бы всегдашней обойденности с сознанием превосходства. Замечательная память и сновидчество, чувство древней Руси, древнего языка и близости к сюрреалистам, фантастические рисунки (пока видел, любил рисовать) и склонность к мельчайшим, утомительным описаниям» (*Русская мысль. 1957. 3 дек.*).

⁶ В 1895 г. Ремизов поступил вольнослушателем на естественное отделение математического факультета Московского университета. Образование было прервано арестом за участие в демонстрации, устроенной 18 нояб. 1896 г. в память о событиях на Ходынском поле.

⁷ Речь идет о В. И. Малышеве, собравшем обширную «аввакумиану». См.: *Малышев В. И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 10. С. 435—446.*

⁸ Впоследствии В. Ф. Марков опубликовал статью «Неизвестный писатель Ремизов». См.: *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies. 16. 1987. P. 13—18.*

⁹ Ср.: «Я не собираюсь воскрешать никакие словесные века. Ни XI-й — русскую речь в староболгарском, ни XV — в сербском наряде, ни деловую дьяческую — XVI—XVII вв. Я хочу, усвоив сложение русской природной речи, подслушав в сборе ладов русские ряды, по-своему складывать слова» (*Ремизов А. А. Р. (Дом, отмеченный войной). С. 309).*

¹⁰ Об особенностях природной русской речи («русского лада») Ремизов рассуждал в очерке «Живой воды», посвященном А. С. Пушкину (первые: *Русские новости. 1949. 3 июня. № 209; см. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. С. 248—250).* Ср. также: «Мое построение фразы с голоса русского народа, его живой речи. В русском человеке, запутанном образцами искусственной книжной речи, я могу пробудить его русскую душу. Я на примере показываю, как зазвучит книжная фраза „немецкой конструкции“ на русский лад» (*Ремизов А. Как научиться писать // Europa orientalis. Pietroburgo; Salerno, 2003. Vol. 4. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 279; публ. А. М. Грачевой).*

¹¹ Ср.: «...Ремизов весь в этике Достоевского, весь в тех проблемах, которые больше всего поставлены в лице Раскольникова или Ивана Карамазова, и если он уж ищет смысла жизни, то преимущественно нашей, человеческой, оправдания того зла, которое больше всего и больше всего переживается нами. <...> пусть, словом, он ощущает изначальное зло во всем мире, все же чувствуется, что это не более, как фон, который еще резче подчеркивает его неизбывную тоску за муки брата, муки человеческие от человеческих же рук. Повторяю, в этических про-

блемах, выявлении наших неоправданных страданий, в искании смысла жизни не для себя, для всех, — вот в чем проявляется вся тревога его духа, вот где пафос его творчества» (*Долинин А.* Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // *Заветы.* 1913. № 7. С. 74). Рассуждения о человеческой судьбе в контексте творчества Достоевского посвящая 5-й раздел очерка «Звезда-полюнь» (1947; первая публ. — 1950), вошедший в книгу «Огонь вещей». Достоевский связывал тему «Голгофы» (искупления Христа) с темой человеческой свободы. Подробнее см. главу «Великий инквизитор» — в романе «Братья Карамазовы».

¹² Очевидно, речь идет о книге А. Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям» (М., 1954) из библиотеки Ремизова. Упоминание об этом издании см. в записках писателя «А. Р. (Дом, отмеченный войной)». С. 306).

¹³ А. Н. Лесков описал кончину своего отца как «сон, перешедший в „пробуждение ото сна жизни“» (цит. по: *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 489. См. также: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 144).

¹⁴ Несколько слов густо зачеркнуты.

¹⁵ Подразумевается пассаж из статьи Маркова «Заметки на полях», посвященной современной эмигрантской литературе: «Глава о Чернышевском в „Даре“ Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все ведь заждались хорошей оплеухи „общественной“ России» (*Опыты.* 1956. № 6. С. 66). Это высказывание вызвало широкий резонанс в литературной среде. Подробнее см. коммент. О. Коростелева и Ж. Шерона к публ. «„... Мир на почетных условиях...“ Переписка В. Ф. Маркова с М. В. Вишняком (1954—1959)» (*Дiaspora: Новые материалы.* Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 561—564, 565—566, 571—572).

¹⁶ Речь идет о негативном отношении некоторых писателей-эмигрантов к литературной деятельности В. Г. Белинского. Князь Д. П. Святополк-Мирский считал, что на Белинском «лежит вина за ужасающее многословие и неряшливость русских журналистов второй половины XIX века (имею в виду журналистов, а не газетчиков) <...> Безусловно, ни один автор ранга Белинского не писал таким чудовищным языком» (*Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Перевод с англ. Р. Зерновой. London, 1992. С. 263). Н. В. Резникова, очевидно, подразумевала и Г. Адамовича, назвавшего Белинского «пустомелей» в статье «Невозможность поэзии», вышедшей уже после смерти Ремизова (*Опыты.* 1958. № 9. С. 51). Ср. также письмо В. Ф. Маркова к М. В. Вишняку от 5 апреля 1959 г., в котором он сочувственно упоминает высказывания Адамовича и Святополка-Мирского («... Мир на почетных условиях...»: Переписка В. Ф. Маркова с М. В. Вишняком (1954—1959). С. 583).

¹⁷ Вероятно, Ремизову запомнилось высказывание, вошедшее в книгу Розанова «Сахарна», которая готовилась к печати летом 1917 г. Ср.: «„Пришествие Гиксосов“. Черт их знает, откуда-то „Гиксосы“ взялись; историки не знают откуда. Пришли и разрушили египетскую цивилизацию, 2000 лет слагавшуюся. Потом через 1½ века их прогнали. И начала из разрушения она восстанавливаться; с трудом, медленно, но восстановилась» (*Розанов В. В.* Сахарна. М., 1998. С. 18). Гиксосы — семитское племя или группа племен, которые завоевали Египет на рубеже XVIII—XVII вв. до н. э., а в 1580 г. до н. э. были изгнаны из страны.

¹⁸ Возможно, отсылка к статье Н. Корянской «Сказочник», опубликованной в специальном выпуске литературно-художественного ежемесячника «Дело» (Сан-Франциско), посвященном А. М. Ремизову (1951. Апрель. Т. 1, № 4. С. 1—7).

¹⁹ Издание посмертной книги так и не состоялось из-за недостатка средств. Подготовленный Ремизовым в самом конце жизни макет книги (первоначально имевшей несколько названий: «Павий пером», «Павым пером» и др.) был доработан В. Б. Сосинским и передан им в РГАЛИ. Публикация «Павильным пером» была осуществлена в соответствии с данным макетом в 1994 г. Н. Ю. Грякаловой.

²⁰ Гранитный крест был поставлен Н. В. Резниковой и ее сыновьями Андреем и Егором после перенесения могилы Ремизовых на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

²¹ Речь идет о книгах Ремизова, вышедших в издательстве «Оплешинок»: «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (1950), «Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония» (1951), «Мелюзина. Брунчик» (1952), «Мышкина дудочка» (1953), «Огонь вещей. Сны и предсонье» (1954), «Мартын Задека. Сонник» (1954), «Тристан и Изольда. Бова Королевич» (1957), «Круг счастья. Легенды о царе Соломоне» (1957).

²² В «Духовной», составленной 7 октября 1957 г., Ремизов подробно распорядился относительно всех частей личного архива: «Моим опекунам — Наталья Викторовна и Даниил Геор-

гиевич Резниковы, Тиллет и Александр Семенович Лурье, Наталья Владимировна Кодрянская (Natalie Codray) и Исаак Вениаминович (Jacques Codray) — поручаю распорядиться моим книжным добром: библиотека, рукописи и рисунки. Библиотека — Резниковым, рукописи издать. Авторские права на мои сочинения на русском и иностранном, изданные в России и за границей, передаю моим ученицам — Наталье Владимировне Кодрянской (Codray), автор „Сказок“, Париж 1950; Наталье Викторовне Резниковой — переводчик моих „Подстриженных глаз“, Les Yeux Tondus, Ed. Gallimard» (*Кодрянская Н.* Пятилетие смерти А. М. Ремизова // Новое русское слово. 1962. 25 нояб. № 18157. V. LIL. С. 8; частично републиковано в: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 417).

²³ Начиная с весны 1961 г. Н. В. Кодрянская планомерно пересылала в архив Пушкинского Дома книги и альбомы Ремизова (см. ее письма к В. И. Малышеву: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1474).

²⁴ Имеется в виду книга детской писательницы *Натальи Владимировны Кодрянской* (урожд. фон Гернгросс; 1901—1983) «Алексей Ремизов» (Париж, [1959]. Историю ее создания см.: *Грачева А.* Творческие материалы А. Ремизова к книге Н. Кодрянской // *Europa orientalis*. Vol. 4. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 249—262.

²⁵ *Константин Иванович Солнцев* (1894—1961) — коллекционер, библиофил, закончил Санкт-Петербургский университет; эмигрировал в США, затем переселился в Берлин, позже в Париж, где работал таксистом и вместе с тем восстанавливал и комплектовал Тургеневскую библиотеку. В 1948 г. он помогал Ремизову в разборке и систематизации архива 1920—1930-х гг., после чего в его распоряжении оказалась часть архива, которую писатель передал для планировавшегося общего архива русской эмиграции («Музея русской эмигрантской литературы»). В 1948 г. Солнцев переехал в США. В частности, альбом «Письма Василия Васильевича Розанова», в составе которого находится письмо Ремизова Солнцеву от 4 дек. 1940 г., подтверждающее передачу альбома, оказался в библиотеке Гарвардского университета (Houghton Library, Гарвард, США).

²⁶ Речь идет о книге воспоминаний Ремизова, вышедшей в парижском издательстве «УМСА-Press» (1951).

²⁷ Подразумевается склад парижского издательства «Дом книги», выпустившего книгу Ремизова «Пляшущий демон. Танец и слово» (1949).

²⁸ Собаки Лисик и Розик упоминаются в автобиографической книге «Подстриженными глазами».

II. ПЕРЕПИСКА Н. В. РЕЗНИКОВОЙ С В. И. МАЛЫШЕВЫМ (1957—1964)

1. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine

23—IX—<19>57

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Посылаю Вам — для «Пушкинского Дома» еще 2 фото А. М. Ремизова.

«На кухне»¹ — снята перед войною, в 1939 г. Если Вы прочли «Сквозь огонь скорбей» (В розовом блеске),² то представляете себе всю тяжесть годов войны — при больной Серафиме Павловне — перенесенных А. М. с невероятным (по его физической хрупкости), «Аввакумовским» мужеством.

Вторая карточка — «В сквере Толстого»³ недавно открытый в Париже сквер имени Толстого возле бульвара Suchet, в XVI^m arr^ondissement* — на

* округе, районе (*фр.*).

мой взгляд, эта карточка представляет скорее интерес «ансамбля» — исторический и символический, т<ак> к<ак> она совсем верно передает лицо и особенно выражение А. М. — и Толстой не похож на Толстого.

Я сейчас занята исправлением опечаток (их много!) книги «Взвихрённая Русь» (ударенье на ё, изд<ана> в 1927 г.), которая будет Вам послана. Эти старые довоенные издания книг А. М. — стали теперь редкостью и их приобретаем с трудом у букинистов. Что же касается более новых («Оплешник» — оплешник — от слова «оплетать» / очаровывать — «чаровать» — «чаровник»⁴), то если Вы желаете — можно будет постепенно послать Вам по второму экземпляру: таким образом, Вы сможете иметь эти книги лично для себя.

Вот книги, которые А. М. хотел бы иметь:

2 последние тома (XII и XIII Трудов отдела по изучению Древнерусск<ой> лит<ерату>ры (боюсь, что по памяти пишу название неверно).⁵

Филдинг (II тома). Избранные произведения.⁶

«На горах» и «В лесах» — Мельн<икова>-Печерского.

Аркадию Семеновичу Долинину⁷ будет послан «Огонь вещей».⁸

Сердечный привет.

Н. Резникова.

Здоровье А. М. в настоящий момент не вполне удовлетворительно. Была чуть-чуть повышенная t°. У А. М. вообще t° очень низкая (лягушечья⁹), и малейшее повышение он трудно переносит — задыхается. Сейчас t° нормальная (36,3—36,5). Надеюсь, что и дыхание придет в норму.

¹ Фотография опубликована в т. 10 Собр. соч. писателя (М., 2003).

² Речь идет о главе из книги Ремизова «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952).

³ Фотография (1956 г.) опубликована в т. 7 Собр. соч. писателя (М., 2002).

⁴ Ср.: «Оплешник — старое русское, означает „чаровник“: оплетать (оплешник) — очаровывать. А также чаровная заводь, место чарования, как „оракул“. Говорится: „ступай в Оплешник. Повстречаешь оплешника“» (Ремизов А. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж: Оплешник, 1950. С. 62).

⁵ Речь идет о «Трудах Отдела древнерусской литературы», выходящих под грифом Пушкинского Дома. См.: М.; Л., 1956. Т. 12; М.; Л., 1957. Т. 13.

⁶ Подразумеваются «Избранные произведения» Г. Филдинга (В 2 т. М., 1954).

⁷ Долинин Аркадий Семенович (наст. фам. Искоз; 1883—1968) — критик, литературовед, исследователь творчества Ф. М. Достоевского; был лично знаком с Ремизовым в Петербурге в 1900—1910-х гг. См. его отзыв на Собр. соч. Ремизова в 8 т. (1908—1912) под названием «Обреченный» в газете «Речь» (1912. 17 июля. № 163. С. 2), а также рец. на повесть «Странница» (Дело народа. 1918. 21 апр. № 25. С. 3). 20 сент. 1957 г. Ремизов адресовал своему старому знакомому письмо с вопросом о происхождении апокрифа в романе «Преступление и наказание» (см.: ОР РНБ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 246).

⁸ В книге «Огонь вещей» А. С. Долинин упоминается в связи с исследованием истории создания рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» (см.: Ремизов А. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. С. 310).

⁹ Ср. письмо Ремизова к Н. В. Кодрянской от 10 нояб. 1948 г.: «...обещают затопить, а пока жгу электричество. Подам прошение с докторским свидетельством о возрасте и лягушачьей температуре» (Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 108).

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)

28—IX—<19>57

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Алексей Михайлович просит меня поскорее послать Вам появившуюся наконец в «Русских новостях» заметку о Вашем Сухане.¹

Эти дни А. М. совсем слабый и задыхается — и не продиктовал, попросил меня написать Вам за него из дому. Вот справка:

Мережковский Дмитр<ий> Сергеевич 1865—1941

Минский Николай Максимович (Н. М. Виленкин) 1855—1937²

Гиппиус Зинаида Николаевна 1869—1945

Шмелев Иван Сергеевич 1875—1950

Что касается Зинаиды Афан<асьевны> Венгеровой³ — он постарается узнать, тогда сообщит Вам. Сейчас в Париже живет ее племянница Ю. Сазонова (автор вышедшей в Нью-Йорке 2-томн<ой> истории древн<ей> русской литературы),⁴ но она, к сожалению, сейчас очень больна.

А. М. очень, очень обрадовала статья в колхозной газете с земли Аввакума.⁵ Он просит передать привет аспиранту Панченко⁶ — спрашивает как его имя-отчество и кто его отец.⁷

Мы прочли также маленькое извещение в ленинградской газете о выставке книг А. М.⁸ Надеюсь, что посланные фотографии и книги (последняя «По карнизам»;⁹ «Взвихренную Русь»¹⁰ — посылаю сегодня) придут вовремя.

Скажите милым дамам из Пушкинского Дома (как жаль, что А. М. слаб и почти не видит — иначе нарисовал бы и выдал бы им всем обезьяньи значки и грамоты!), что у меня много фотографий А. М. и Серафимы Павловны — разных годов. Что со временем дам их переснять и пошлю им. Но сейчас у А. М. трудный период, и все время, которым располагаю (и не располагаю!), посвящаю ему. (После смерти Серафимы Павловны Алексей Михайлович дал мне большую часть своего личного архива, кроме того, у меня за много лет скопилось много писем, рукописей, рисунков, автографов и т. д.)

С Разумником Васильевичем Ивановым-Разумником А. М.-а много лет связывали дружеские отношения.¹¹ Кроме того, Р. В. состоял редактором журнала (ов?) (Заветы, если не ошибаюсь — выходили до войны 14го года) и стоял во главе издательств.¹² Я спрошу подробнее у А. М. — неудивительно поэтому, что в его архиве имеются рукописи Ремизова.¹³

А. М. очень рад был иметь Вашу фотографию (а также Ваших сотрудников и сотрудниц!), хоть он и очень плохо видит — все же видит — вторым зрением — и другие глаза могут, увидев, ему описать. Ваши письма мы наклеиваем в особый «синий» альбом. Наклеим и фотографию! Я уже писала Вам, что переписка с вами радует А. М., и он с радостью посылает в Россию свои книги. Он вовсе не считает, что ему что-то надо было бы посылать взамен. Но если Пушкинский Дом может достать для него некоторые книги — он будет рад и благодарен очень. Сейчас он прочел о выходе

Словаря русского языка в 4-х томах под ред. Виноградова и т. д.¹⁴ Вот если б можно было ему послать! Но это, конечно, в случае, если это доступно и не слишком хлопотно. Надеюсь, что скоро смогу Вам сообщить о том, что Алексею Михайловичу лучше. Всего, всего Вам хорошего. Спасибо за А. М.

Нат. Резникова.

¹ Подразумевается заметка А. Дедова (А. Г. Савченко) «„Повесть о Сухане“. Находка в Институте русской литературы», опубликованная в парижской газете «Русские новости» (27 сент. № 643), которая информировала о публикации и исследовании В. И. Малышевым единственного сохранившегося списка повести XVII в., являющейся переработкой древнерусской былины о богатыре Сухане. См.: *Малышев В. И.* «Повесть о Сухане». Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.

² Н. М. Минский родился в 1856 г.

³ *Венгерова З. А.* (1867—1941).

⁴ *Сазонова Юлия Леонидовна* (урожд. Слонимская; 1884—1957) — историк балета, театральный и литературный критик, автор философско-публицистических статей и литературных портретов. Мать Ю. Л. Сазоновой — Фаина Афанасьевна Слонимская была родной сестрой Зинанды и Семена Венгеровых. Речь идет об издании: *Сазонова Ю.* История русской литературы. Древний период: В 2 т. Нью-Йорк, 1955. Ср. отзыв писателя: «Сравнить можно только с катехизисом. Семен Афанасьевич Венгеров, родной дядя Ю. Л. <Сазоновой> наградил бы племянницу ученой степенью: доктор изящной словесности. А Обезьяня Великая и Вольная Палата — в академики» (*Ремизов А. А. Р.* (Дом, отмеченный войной)) // *Euroпа orientalis*. Vol. 4. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 307; публ. А. М. Грачевой).

⁵ Имеется в виду заметка «Аввакум Петров» (Колхозная жизнь. 1957. 11 сент.), опубликованная А. М. Панченко на родине протопопа Аввакума в колхозной газете, выходившей в селе Большое Мурашкино Горьковской обл. Примечательно, что в ней содержится упоминание о А. М. Ремизове.

⁶ *Панченко Александр Михайлович* (1937—2002) — в 1958 г. аспирант Института русской литературы; с 1962 г. научный сотрудник Сектора древнерусской литературы; ученик В. И. Малышева, после его смерти возглавил Древлехранилище Пушкинского Дома; с 1990 г. действительный член Российской Академии наук, крупнейший специалист по русской истории, литературе и культуре XI—XVII вв.

⁷ Отец А. М. Панченко *Михаил Андреевич Панченко* (1909—1942) — филолог, с 1935 г. научный сотрудник Пушкинского Дома. Подробнее о нем см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 501.

⁸ Очевидно, речь идет о заметке, опубликованной в «Вечернем Ленинграде» (1957. 19 сент.): «Восьмидесятилетний писатель А. М. Ремизов, много лет живущий в Париже, прислал в Пушкинский дом Академии наук коллекцию своих книг, печатанных в 1949—1957 гг. Среди них — художественные переработки древнерусских повестей „О Савве Грудцыне“, „О Петре и Февронии“, „О бесноватой Соломонии“ и др. Большой интерес представляют воспоминания А. М. Ремизова о встречах с А. М. Горьким, В. Г. Короленко, М. М. Пришвиным, И. С. Шмелевым и другими русскими писателями».

⁹ Повесть Ремизова «По карнизам» была издана с фотографией и факсимильной подписью автора.

¹⁰ См.: *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж: ТАИР, 1927.

¹¹ *Иванов-Разумник* (наст. имя: Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) — историк общественной мысли, литературный критик, публицист. Об истории отношений Ремизова и Иванова-Разумника см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // *Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре.* СПб., 1998. Вып. 2. С. 19—24.

¹² Подразумевается редакционная деятельность Иванова-Разумника в журнале «Заветы» (1912—1914), издательстве «Сири» (1912—1915), альманахе «Скифы» (1917), газ. «Знамя труда» (1917—1918), журнале «Наш путь» (1918).

¹³ См.: *Обатнина Е. Р.* Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 3—23.

¹⁴ Очевидно, ошибочная контаминация двух четырехтомных изданий — «Словаря русского языка» под ред. чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеева (Т. 1. М., 1957) и «Словаря языка Пушкина» под ред. академика *Виктора Владимировича Виноградова* (1895—1969) (Т. 1. М., 1956).

3. В. И. Малышев — Н. В. Резниковой

Глубокоуважаемая Наталья Викторовна!

Спасибо Вам за две книги и фотографии (четыре). Институт получил их в полной сохранности. Мне лично книг А<лексея> М <ихайловича> присылать не надо, я ведь знаю, как он живет. А вот для Института будут интересны и переводы его произведений на иностранные языки. Я думаю, что для нашего Института будет важно также иметь подробную библиографию всех трудов А. М., включая даже мелкие его статьи и заметки в газетах.

Для себя лично (потом, конечно, тоже пойдет в Пушкинский Дом) я просил А. М. достать только одну книгу — перевод Жития протопопа Аввакума на английский язык (Лондон, 1924 г.).¹ В обмен на это издание я могу прислать книги нужные владельцу этого перевода. У меня эта книга была, но во время войны пропала.

«Труды отдела древнерусской литературы», т. XII и XIII посланы. Филдинга (т. 3) ищут для меня букинисты. Романы П. И. Мельникова-Печерского скоро вышлем.

В этом письме Вам посылается уведомление нашего Музея о получении им фотографий, вырезка из газеты «Вечерний Ленинград» об А. М. Ремизове и письмо нашего старшего научного сотрудника А. П. Могиланского.² Проф<ессор> А. Л. Дымшиц³ просит А. М. Ремизова написать ему о встречах А. М. с С. Есениным и В. Маяковским. Если А. М. об этом уже где-то напечатал, то пусть сообщит: где, когда.⁴ Курсовая студенческая работа проф. А. Л. Дымшица была посвящена А. М. Она называлась так: «Фольклор в творчестве А. М. Ремизова». А. Л. начинал свою научную работу фольклористом, сейчас занимается изучением творчества советских писателей, в том числе Есенина и Маяковского. Адрес проф. Дымшица след<ующий>: Ленинград, Исаакиевская площадь, Институт истории театра и музыки, зам. директора Института проф. Александру Львовичу Дымшицу.

В статье Ю. Терапиано «Об Аввакуме» упоминается статья А. М. Ремизова о протопопе Аввакуме в одной из парижских газет.⁵ Мне известна его небольшая информационная статья 1937 г. о диссертации П. К. Паскаля.⁶ Что имеет в виду Ю. Терапиано? Спросите А. М. Дело в том, что, как только я буду немного посвободнее от разных тем и заданий (в этом году и в 1958 г. это не удастся), я мечтаю написать статью «Протопоп Аввакум в творчестве А. М. Ремизова».⁷ Ее мы опубликуем в одном из томов наших «Трудов». А поэтому мне интересно знать все написанное А. М. об Аввакуме. А М. А. Осоргин не писал об Аввакуме?⁸

Еще раз большое спасибо Вам за книги и фотографии и за заботу об Алексее Михайловиче, которого у нас в Пушкинском Доме любят и всегда желают ему крепкого здоровья и творческого счастья.

С уважением,

В. Малышев

4/X<19>57.

Р. С. Кланяйтесь от меня А. М. Ремизову, проф. П. К. Паскалю, проф. А. А. Мазону⁹ (он писал мне, что в конце сентября будет в Москве и Ленинграде) и В. П. Никитину.

Р. С. Сейчас получил Ваше письмо с рецензией на мою книгу.¹⁰ Большое спасибо. Если пришлете еще один экземпляр рецензии, — я передам его в сектор. 4-томный словарь постараемся выслать.

В. М.

Ученые архивные дамочки кланяются Алексею Михайловичу, сердечно благодарят его за сведения о писателях и желают ему хорошего здоровья.

¹ Речь идет об издании «The life of the Archpriest Avvakum by Himself. Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky» (London, 1924), подготовленном кембриджским филологом-классиком Дж. Харрисон совместно с писательницей Х. Миррлиз. Книга, в знак благодарности за помощь при подготовке перевода, предварялась посвящением чете Ремизовых, с которыми Харрисон тесно общалась в 1922—1926 гг. в Париже. Подробнее см.: Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Б. Рогачевской // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 354—355.

² Подробнее об *Александре Петровиче Могиланском* (1909—2001), сотруднике Пушкинского Дома (с 1956), специалисте по творчеству А. Ф. Писемского и И. А. Крылова, см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. С. 485—486.

³ Подробнее об *Александре Львовиче Дымишце* (1910—1975), исследователе творчества Н. А. Некрасова, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, см.: Там же. С. 440.

⁴ О Есенине Ремизов упоминает в книге воспоминаний «Встречи. Петербургский буерак» (Париж, 1981). Ср.: «...забрелет „по пророчеству“, „ведомый рукой Всевышнего“, Н. А. Клюев... За Клюевым придет в нескладном „спиджаке“ ковылевый С. Есенин и будет ласково читать о „серебряных лапоточках“...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 198—199). Встречи с Маяковским в воспоминаниях Ремизова не отражены.

⁵ Статью поэта и критика *Юрия Константиновича Терапиано* (1892—1980) «О протопопе Аввакуме» см.: Русская мысль. 1957. 11 мая. № 1054.

⁶ *Паскаль Петр Карлович* (Pierre Paskal; 1890—1982) — французский славист, специалист по допетровской Руси и творчеству протопопа Аввакума, почетный профессор Школы восточных языков и Сорбонны; автор статей о Ремизове. Его диссертацию см.: *Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie.* Paris, 1938.

⁷ Замысел не был осуществлен.

⁸ Рассказ прозаика и публициста *Михаила Андреевича Осоргина* (наст. фам. Ильин; 1878—1942) «Аввакум» был впервые опубликован в газете «Последние новости» (1935. 6 авг. № 5247), а позже включен в книгу «Повесть о некоей девице. Старинные рассказы» (Таллин, 1938).

⁹ *Мазон Андре* (Mazon; 1881—1967) — французский филолог-славист; член Французской Академии (с 1935), Академии надписей и изящной словесности (с 1941), иностранный член АН СССР (с 1928); директор Парижского института славяноведения (1937—1959); почетный

президент Института славянских исследований Парижского университета; основал (совместно с А. Мейе и П. Буайе) международный славистический журнал «Revue des études slaves». Автор многочисленных работ по истории русской и славянской литератур; в частности, рецензии на книгу В. И. Малышева «Повесть о Сухане». См.: Revue des études slaves. Paris, 1957. Т. 34, fasc. 1—4. P. 255).

¹⁰ См.: п. 2, примеч. 1.

4. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)

16—X—<19>57

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Алексей Михайлович получил посланные Вами книги и очень Вас благодарит.

Посылаю Вам уведомление для Пушкинского Дома — простите, с опозданием, — здоровье А. М. не хуже, но и не лучше, он очень слаб и задыхается. В Париже «grippe asiatique»* — не опасная болезнь — но много больных, и самые верные помощники в «кукушкиной» (комната, где живет и работает А. М.) выбыли из строя.

Я послала на Ваше имя книгу «Взвихренную Русь» — тоже с опозданием. В те дни А. М. особенно плохо себя чувствовал. Сейчас я боюсь, вспоминая, что забыла написать «Пушкинский Дом» — а просто АН СССР. Надеюсь, что книга все же дойдет до Вас. Справьтесь.

Книги «Оплешника» имеются у нас в достаточном количестве, если Вы желаете, с удовольствием пошлем Вам лично, что Вы хотите. Вы много сделали для А. М.!

Я получила справку о смерти Зинаиды Афанасьевны Венгеровой: она умерла в Америке летом 1942 г. (постараюсь узнать точно число и месяц — сообщу Вам).¹

Я прилагаю Вам письмо Татьяны Алексеевны Осоргиной.² Книгу «Житие протопопы Аввакума» на английском языке ищут для Вас в Англии.

Библиография книг А. М. Ремизова, изданных на родине и за рубежом, напечатана в конце книги «Круг счастья».³ Она была Вам послана — получили ли Вы ее?

Обычно свои отдельные статьи и заметки А. М. включает в свои книги. У него две большие неизданные книги «Иверень»⁴ (автобиографическое — следует за «Подстриженными глазами»: с 1897 г. тюрьма, ссылка, литературный Петербург с 1905 г. — «Петербургский буерак»⁵) и «Учитель музыки»⁶ — жизнь за границей. Все, как всегда в «мире» Ремизова, переплетается — каждодневная маленькая человеческая жизнь с «памятью прошлого» (Аввакум, XVII^в XII^в век, легенды и т. д.), литературой и своеобразной «философией». О его простых рассказах французский критик написал: «On pouvait aisément y bâtir une métaphysique».⁷

Как только А. М. станет легче дышать, я пошлю в Пушкинский Дом все, что смогу достать из переводов его произведений на французский и

* азиатский грипп (фр.).

другие языки — а также статьи о нем. К его книге Maison Bourkov («Крестовые сестры») написал предисловие Ромэн Роллан.⁸ Пошлю также «инострannую библиографию» Ремизова.

А. П. Могилянскому — о Писемском — я написала — со слов А. М., на днях поговорим, и я запишу о встречах с Маяковским и Есениным для А. Л. Дымшица.

П. Паскаль давно не заходил (грипп?). А. М. с большим удовольствием прочел о Вашем выигранном пари.

А. М. кланяется Вам, сотрудникам и сотрудницам Пушкинского Дома. Сердечный привет от Вас<илия> Петр<овича> Никитина и меня.

Наталья Резникова.

¹ З. А. Венгерова скончалась в Нью-Йорке 29 июня 1941 г.

² Письмо *Татьяны Алексеевны Осоргиной* (1904—1995), жены М. А. Осоргина, датированное 9 окт. 1957 г., являлось ответом на запрос В. И. Малышева. Письма Т. А. Осоргиной к В. И. Малышеву см.: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1517.

³ См.: *Ремизов А.* Круг счастья: Легенды о царе Соломоне. 1877—1957. [Париж], 1957. С. 63.

⁴ «Иверень» охватывает 1896—1903 гг. жизни писателя. Реконструкция книги по первым публикациям в периодической печати была осуществлена в издании: *Ремизов А. М.* Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл. и коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. Публикацию текста книги по наборной рукописи см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000.

⁵ Книга «Петербургский буерак. Шурум-бурум», освещающая петербургский период жизни писателя (1905—1921), создавалась из различных очерков, написанных в эмиграции и публиковавшихся в повременной печати. Архитектоническое построение книги как единого целого началось в конце 1940-х и закончилось к 1954 г. Первую публ. см.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Paris, [1981]. Публикацию книги по наборной рукописи см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М., 2003.

⁶ Книга «Учитель музыки. Каторжная идиллия» при жизни писателя появлялась в печати лишь в отрывках или отдельными главами. Первую публикацию см.: *Ремизов А.* Учитель музыки. Каторжная идиллия / Подгот. к печати, статья, примеч. А. д'Амелия. Paris: La Press Libre, [1983]. Публикацию текста по наборной рукописи см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 9. Учитель музыки. Каторжная идиллия. М., 2002.

⁷ «Легко можно было построить на этом нечто метафизическое» (*фр.*). Высказывание принадлежит Ф. Жакоттэ. См.: Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову, п. 3, примеч. 4.

⁸ Речь идет об издании повести Ремизова «Крестовые сестры» (1910), во французском переводе получившей название «Бурков двор». См.: *La maison Bourkov / Trad. par Robert et Zénita Viver; letter-préface de Romain Rolland.* Paris, 1946.

5. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)

<6.11.57—12. 11.57>¹

Дорогой Владимир Иванович.

Пишу Вам из «кукушкиной». Сижу возле больного А. М. Он дремлет. Все это время он плохо себя чувствовал — никакой выявленной болезни, но продолжалось все, что я Вам писала. Удушающий кашель, «задох» и все возрастающая слабость. Последние недели я уже каждый день ездила к не-

му, оставив, на сколько можно, все другие дела. Сердце его, прежде очень крепкое, начало слабеть. Активность А. М. никогда не прекращалась. С одной стороны, это его взбадривает, с другой — очень утомляет.

Последние дни, а особенно ночи — ему было плохо. Прошедшей ночью у А. М. было что-то вроде сердечного припадка. Утром пришел доктор, дал все необходимые лекарства, прописал уколы. Доктор не скрывает серьезности положения, но я по своему личному чувству надеюсь и верю, что А. М. станет лучше. Сейчас он тихонечко дремлет, и дыхание его спокойное и не тяжелое.

На днях А. М. сказал мне: «Я чувствую, что меня что-то уже схватило, а вы меня вырываете...». Дело в том, что я уже «вырвала» 2 раза — один раз в 1950, другой в 1954 году. Тогда я была одна, а сейчас нас трое. Сейчас, конечно, ему труднее бороться — сердце ослабело и годов стало больше. Я все же надеюсь, что вытащим.

На днях у А. М. была радость — посещение милого доктора — Е. М. Полуэктовой,² с дарами от Вас. Спасибо Вам за доставленную радость, за тепло, за привет с родной земли, принявший вещественную форму — любимой искры огня (спички), папирос и напитка, который, надеюсь, мы выпьем, празднуя выздоровление нашего любимого А. М.

Дорогой Владимир Иванович, я не знаю даже, сознаете ли Вы, какое великое дело, какое добро Вы сделали А. М. и как писателю, и как человеку, восстановив его живую связь с родной культурой, с родиной. Все Ваши письма, как и все письма за Вашим — от русских писателей исследователей — последовавшие, мы наклеиваем в большую (сложенную и скрепленную из синей плотной бумаги) тетрадь, которая у нас называется «Россия».

А. М. продолжает тихо дремать — под кукушкой (часами), которая время от времени кукует и отбивает свои собственные, остановившиеся во времени часы.

Стены этой комнаты оклеены удивительными цветными и серебряными конструкциями работы А. М. Знаете ли Вы, что А. М. необычайный рисовальщик, его графическое творчество очень высоко ценят знатоки — французы. Пикассо³ имеет у себя рисунок А. М.

Я должна Вам послать «Олю»⁴ (первые главы — детство — в отдельном издании) и по крайней мере написать три письма. Я все время обещаю это сделать, но все эти дни никак не могла. — Филдинга — не III тома, а II (ошибка писца). Не мог ли бы кто-нибудь добрый и усердный достать или переписать поэму Кюхельбекера «Юрий и Ксения» для А. М. Сюжет<-> отречение, монастырь.⁵

Пишите ему — письма Ваши, Ваших сотрудников — радуют А. М. очень, только вопросы адресуйте мне — я все, все сделаю, чтобы ответить на них, если А. М. станет лучше, даст Бог, я найду удобную минуту — спросить, что надо. Не забыла — на очереди Маяковский и Есенин — для Дымшица.

Дорогой Владимир Иванович, шлю Вам сердечный привет.

А. М. спит, но за него шлю Вам поклон и благодарность за все.

Уважающая Вас

Нат. Резникова.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Доктор *Елизавета Моисеевна Полуэктова* (Elisabeth Polouéktoff) осенью 1957 г. приехала в Ленинград, где посетила Пушкинский Дом и лично познакомилась с В. И. Малышевым. В своем благодарственном письме от 2 нояб. она сообщила Малышеву: «Недавно, предупредив заранее о моем визите, я была у Алекс<ея> Михайловича. Он страшно обрадовался, когда ему сообщили, что я привезла от Вас привет, и ждал меня с волнением. Я осталась у него недолго, т<ак> к<ак> был его плохой день и я не хотела его утомить. Посылкой он был очень тронут, ест он мало, поэтому икра очень пригодится, а когда запас истощится, я принесу ему еще. Я успела ему рассказать самое главное, сказала, что собираюсь снова поехать в мае, и, шутя добавила, „если хотите, захвачу Вас с собой“ — на что он ответил, что это невозможно. Он очень слаб, еле передвигается и, конечно, в таком состоянии путешествовать не может. За ним прекрасный уход, но он, бедный, очень болен, ничего не видит, все, что было в посылке, он ощупал, даже бумагу, очень Вас за все благодарит» (РО ИРЛИ, ф. 492, оп. 2, ед. хр. 1524, л. 1—2). В 1972 г. Е. М. Полуэктова способствовала передаче в Пушкинской Дом альбома с рисунками Ремизова от Л. Н. Либшютц. Письмо Полуэктовой к Малышеву от 4 окт. 1972 г. см.: РО ИРЛИ, ф. 492, оп. 2, ед. хр. 1524, л. 7—7 об.

³ *Пикассо Пабло* (1881—1973) — французский живописец испанского происхождения.

⁴ Книга Ремизова «Оля» была издана на средства молодого литератора В. В. Диксона в его издательстве «Вол» в Париже в 1927 г. Рисунок издательской марки в обрисовке Ремизова был сделан С. П. Ремизовой-Довгелло, имя которой на авантитуле книги скрыто под псевдонимом В. Н. Скоропадский (см.: *Резникова. Н. В. Огненная память*. С. 49).

⁵ Ср. письмо Ремизова к В. Ф. Маркову от 10 июля 1956 г.: «Спасибо за Кюхельбекера. Встретите его поэму „Георгий [?] и Ксения“, напишите мне, где напечатана. Хотелось бы прочесть эту загадочную повесть о судьбе княжеского отрока Георгия и Ксении дочери пономаря, потом великой княгини» (Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. S. 436). В письме к своему парижскому корреспонденту А. Г. Савченко Малышев просил передать Н. В. Резниковой, что поэму Кюхельбекера «Юрий и Ксения» он «заказал для А. М. Ремизова в Лавке писателей, у нас в Ленинграде, на Невском, есть большая книжная лавка писателей, там хорошо знают А. М. Ремизова и очень охотно согласились выполнить мою просьбу относительно Кюхельбекера и Филдинга (т. II)» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 76, л. 1—2). Интерес писателя к литературным обработкам сюжета древнерусской повести «О зачатии во граде Тфери Отроча монастыря», в частности, к поэме Кюхельбекера, был продиктован работой над повестью «Григорий и Ксения», начатой в 1955 г. Это произведение Ремизова, в своем сюжете восходящее к тексту списка повести середины XVIII в., стало его последней работой. В. П. Никитин в своей «Remizoviane» записал 3 янв. 1957 г.: «А. М. снова встревожен — 36,7° утром (для его «лягушачьей» температуры это уже много). „Нужно подводить итоги, ставить точку“, говорит он мне, а именно закончить Григория и Ксению» (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 43, л. 1). Повесть увидела свет только после смерти писателя, когда Н. В. Резникова опубликовала ее по наборной рукописи в журнале «Возрождение» (1958. Янв. № 73. С. 40—48). См. также: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 6. С. 539—556*. Подробнее об истории создания этого произведения см.: *Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 294—310*.

6. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine

Кукушкина комната
12—XI—<19>57.

Дорогой Владимир Иванович,

прошла уже целая неделя после сердечного приступа А. М. За это время ему сперва стало лучше, а затем хуже, давление настолько понизилось, что доктор уже не надеялся на спасение. Часы долгого сна — какие-то капельки крепкого кофе в нужный момент, — кто знает, что пробудило жизненные силы А. М.? Эти жизненные силы очень велики у А. М., несмотря на

его всегдашнюю слабость и хрупкость. Давление начало подниматься, голос окреп. Теперь и доктор находит некоторое улучшение, хотя А. М. далеко еще не вне опасности. Худ и слаб так, что вообразить трудно. Сейчас я сижу около него — он спит. Мы бережем его ото всякого волнения и никого извне не пускаем. За ним, кроме меня, ухаживают 3 дамы. Две живут здесь — «Утенюк» и «Солдат». Я проводила здесь все часы ночи и дня, а теперь здесь ночует медицинская сестра, а я прихожу утром, днем, вечером, иногда остаются и на ночь. Сегодня я ему читала письмо Ник. Кал. Гудзия — радость для А. М.¹ Пишите ему, как Вы ему всегда пишете, но без деловых вопросов, пока. А. Хайлову я напишу — спасибо ему за книгу Пришвина.² Единственное — светлое и неволнующее — что я ему во время болезни читаю.

Сознание А. М. все время полное —

19—XI—<19>57.

Так и пронесла начатое Вам у постели А. М. и неоконченное письмо. За эту неделю как будто бы произошло некоторое улучшение. t° нормальная, давление повысилось.

Но приглушенные после припадка страдания стали острее. Очень опасно его состояние возбуждения и не покидающая жажда деятельности — не знаю, как его успокоить. Уход за ним самый тщательный, доктор бывает каждый день. Много снов, высказываний — записываю. Умственная деятельность работает все время. К сожалению, сейчас меньше спит. Пишите ему — привет, ласку — но без литературы (его болезнь!).

Всего Вам хорошего.

Н. Резникова.

¹ *Гудзий Николай Каллиникович* (1887—1965) — литературовед, профессор Московского университета, специалист в области древнерусской литературы. Ремизов интересовался трудами Н. К. Гудзия, в частности, его работами о протопопе Аввакуме. См.: *Гудзий Н. К.* Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.* [М.,] 1934. С. 7—59. В августе 1956 г. друзья читали Ремизову «Хрестоматию по древней русской литературе», изданную Н. К. Гудзием в 1952 г. (см.: *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 286). Очевидно, от Малышева Ремизов узнал о 70-летнем юбилее Гудзия, торжественно отмечавшемся Академией наук в мае 1957 г., и отправил ему свои поздравления. О письме, полученном от Ремизова, ученый сообщил Малышеву 3 нояб. 1957 г.: «Спасибо Вам большое за пересылку мне письма А. М. Ремизова. Никак не ожидал такого лестного для меня поздравления от лица его. Видимо, я Вам обязан не только тем, что Вы послали ему брошюру обо мне, но и тем, что замолвили обо мне доброе слово. В ответ на поздравление меня я послал А. М. Ремизову свое поздравление его с 80-летием, приключившимся 7 июля нынешнего года, сказал ему несколько теплых слов и сообщил, что в моей библиотеке имеется целых 25 книг его сочинений!» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 399, л. 32).

² *Хайлов Андрей Иванович* (р. 1922) — литературовед, автор защищенной в Пушкинском Доме диссертации «Творчество М. М. Пришвина» (1959), опубликованной под названием «Михаил Пришвин. Творческий путь» (М.; Л., 1960), в которой, в частности, уделялось внимание творческим взаимоотношениям Пришвина и Ремизова. В письме речь, очевидно, идет о книге Пришвина «Дорога к другу» (М., 1957). Ср.: «М. Пришвин <...> был учеником Ремизова, но в послереволюционные годы он избегал об этом говорить. В книге рассказов Пришвина последних лет я встречаю маленькую заметку: „Случилось однажды, Ремизов попросил меня

занести какие-то книги А. Н. Толстому“ — так произошло знакомство Пришвина с Толстым. В этих биографических заметках (Дорога к другу, «Молодая Гвардия», Москва, 1957 г.) Пришвин больше не упоминает о Ремизове. На полях книги Пришвина записаны продиктованные А. М. слова (он лежал в постели незадолго до своего конца): „Шишков, Пильняк, Алексей Толстой — не боялись. М. М. [Пришвин] — пугливый“» (Резникова Н. В. Огненная память. С. 84). См. также: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 157—209.

7. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine

Кукушкина комната
26—XI—<19>57.

Дорогой Владимир Иванович —

через Вас сообщаю на родину горестную весть. Сегодня в 8 часов вечера скончался тихо и без страданий наш великий писатель, неутомимый работник Алексей Михайлович Ремизов.

Пишу Вам ночью из его комнаты, возле него и около его книг. Он много поминал писателей своей родины и поручил мне передать им свой прощальный привет. Дал мне поручения, которые я исполню.

Он с каждым днем слабел — но мысль его не угасала до конца — единственное, что у него оставалось.

Я к Вашим услугам — пишите — все, что бы Вам хотелось знать. На все отвечу и исполню все, что могу.

Поклон Вам и благодарность. Вы много для него сделали. Спасибо всем, кто ему писал.

Наталья Резникова.

8. В. И. Малышев — Н. В. Резниковой

Глубокоуважаемая Наталья Викторовна!

Вчера получил газету,¹ а сегодня дошло Ваше письмо с грустной вестью. Вчера я сразу же послал телеграмму на адрес Алексея Михайловича, но она почему-то вернулась из Парижа обратно с указанием, что адрес неточен. Вы не можете себе представить, как я был расстроен Вашим письмом. Вот и сегодня так и стоит передо мной образ ушедшего от нас милого старца. Большое Вам спасибо за заботу о нем. Он был действительно большой русский писатель, глубоко любящий свою родную Русь. Мир и вечный покой этому громадному и вечному труженику.

Буду Вас просить вот о чем. Пришлите для музея Пушкинского Дома фотографию (лучше не одну) Кукушкиной комнаты А. М. Ремизова и снимок его в гробу, если таковой был сделан. А мне опишите подробно, как прошли похороны А. М. Если у Вас нет времени, попросите написать П. В. Никитина или А. Г. Дедова.² Вырезки с некрологами пришлите нам в архив, мы собираем все о А. М. Ремизове.

Еще раз большое Вам спасибо за все. Если Вам что-нибудь нужно, адрес мой Вы знаете, пишите, все постараюсь, что могу, исполнить для Вас.
С сердечным приветом,

В. Малышев.

4/ XII<19>57 г.

¹ Вероятно, подразумевается письмо, в котором Резникова отправила французскую газету с сообщением о смерти Ремизова, опередившее ее личное известие о кончине писателя. Одно из первых сообщений о кончине А. М. Ремизова (заметка «Скончался А. М. Ремизов» от собственного корреспондента из Парижа, переданная 27 нояб.) было напечатано на первой странице нью-йоркской газеты «Новое русское слово» 28 нояб. 1957 г. Парижская газета «Русские новости» поместила заметку «Кончина А. М. Ремизова» 29 нояб.; газета «Русская мысль» 30 нояб. 1957 г. напечатала траурное объявление Союза русских писателей и журналистов в Париже. Советская печать объявлений о смерти Ремизова не публиковала. Н. К. Гудзий, получив от В. И. Малышева сообщение о смерти Ремизова, писал в ответном письме 14 дек. 1957 г.: «Я сам попытался позвонить Гасарьяну, ведающему в Лит<ературной> газете художественной литературой, но на мои несколько звонков никакого ответа не последовало. <...> По разным мотивам неудобно было мне прибегать и к посредничеству Чуковского и Маршака. Возможно, что „Л<итературная> г<азета>“ собирает еще какие-либо справки о Ремизове, а возможно, что не в плане ее теперь давать хотя бы информационные сообщения о смерти наших зарубежных писателей. Бог с ними!» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 399, л. 35—35 об.).

² Речь идет о журналисте, литераторе *Александре Григорьевиче Савченко* (псевд. А. Дедов; 1883 или 1885—1970). Письма Савченко к В. И. Малышеву за 1957—1968 гг. см.: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1541; копии и черновик четырех писем Малышева к Савченко за 1957 и 1962 гг. см.: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 76). Савченко принадлежали две публикации («Писатель о себе», подписанная «Читатель», и «Его знали и любили на родине», подписанная псевдонимом А. Дедов), напечатанные под общим заголовком «Кончина А. М. Ремизова» в газете «Русские новости» (1957. 6 дек. № 653. С. 4—5). Статья «Его знали и любили на родине» содержала значительные выдержки из писем В. И. Малышева к Ремизову.

9. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

Natalie Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)
Tél. ALE 50—16

6. XII—<19>57 г.

Дорогой Владимир Иванович.

Жду от Вас вести-отклика России на смерть Алексея Михайловича Ремизова (Рёмъзова — как он любил писать последнее время, в память о своем духовном предке — тобольском боярском сыне Семене Ульяновиче Ремъзове, зографе).¹

Я написала Вам о его кончине — 26-го ноября в 8 час. вечера — в первую ночь после его смерти. На второй день — я послала Вам первый отклик французской прессы — газету «Libération». Для этой заметки я давала сведения по телефону — отсюда много неточностей и ошибок. Автор статьи — Armand Gatti — талантливый молодой журналист — подчеркнул поэтическую сторону творчества Ремизова.² Вторая статья в вечерней газе-

те «Monde» — ее Вам посылаю.³ Я полагаю, что для Пушкинского Дома представляет собой интерес все, о А. М. в эти дни в прессе заграничной появившееся, и собираю все — попрошу также все собрать — в Англии, Италии, Америке. Надо ли Вам посылать целиком газеты (как учил меня всегда А. М.) или вырезки? У меня есть для Вас Figaro,⁴ Combat, France-Soir.

27-го ноября — парижское радио трижды известило о кончине А. М. — говорили о нем как об очень крупном писателе, широко известном во Франции и во всем мире.

Если кто-нибудь из Вашего института или из близких Вам читающих русских людей хочет что-нибудь иметь из книг А. М. («Оплешика») — я с радостью им пошлю. Все последние месяцы жизни — мысли А. М. — «туда» — к Вам. Скончался А. М. тихо, без страданий, без того страшного «задоха», которого так боялся. Сознание и сила мысли не ослабевали до конца — до последнего полусна, перешедшего в последний сон. (Сознание и сила мысли — все что оставалось — тела уже не было!)

А. М. отпевали в храме Трехсветительского подворья — ведения Московской Патриархии. Похоронен он на кладбище Bagneux (de la ville de Paris) в одной могиле с Серафимой Павловной — под зеленой елкой.⁵ Первые горсти земли, брошенные на его гроб — горсти русской земли (привезенные юношами, побывавшими этим летом на Фестивале молодежи).

Василий Петрович Никитин — он сейчас довольно серьезно болен — осложнение в легких — переслал мне Ваше письмо. Я все выполню (Мелюзину — Панченко; Круг Счастья — Кс<ении> Дм<итриевне> Муратовой⁶), передам Т. Осоргиной о получении Вашего письма. Д-р — Е. М. Полуэктова, успевшая передать А. М. привет с родины — передала, что книги А. М., по всей вероятности, будут напечатаны в СССР в 1958 г. Прошлым летом — я послала в СССР «Избранное» А. М. — я подбирала тексты, имея в виду не утонченных литераторов, а широкий круг читателей, русских людей (с одобрения А. М.). Этот материал на «сборник» находится у И. Эренбурга.⁷ Страницы о протопопе Аввакуме включены, конечно. Французский писатель Э. Д'Астье (Emmanuel D'Astier de la Vigerie)⁸ говорил об этом издании с Сурковым.⁹ Мне думается, что было бы очень хорошо, если бы Пушкинский Дом снесся бы с ними.

Я знала А. М. с ранней юности — в течение 30 лет была тесно с ним (сначала и с С<ерафимой> П<авловной>) связана. Последние 11—12 лет была постоянно около него, работала с ним — годы. А последнее время уже не покидала его.

Пишу Вам это для того, чтобы Вы и люди, знавшие и любившие А. М. как человека или писателя, могли бы ко мне обращаться с вопросами или за справками. Рада буду сообщить все, что их интересует.

С искренним уважением,

Наталья Резникова.

¹ Семен Ульянович Ремезов (1642—после 1720) — картограф, географ и историк Сибири; автор первого русского географического атласа «Чертежная книга Сибири» (1699—1701). Написание своей фамилии через «е» писатель возводил к названию маленькой птички ремез. Как подтверждается сохранившейся записью Н. В. Резниковой (Собр. Резниковых, Париж),

В. И. Малышев в 1957 г. прислал писателю машинописную копию «Колядки о ремезе» из работы А. А. Потební «Объяснения малорусских и сродных народных песен» (Русский филологический вестник (Варшава). 1883. № 415(15). С. 251—258). Ср.: «И как Семен Ульяныч зограф, Тобольский сын боярский, потрудившийся над своим сводом Сибирской летописи, почему и зовется она Летописью Ремезовской, так и отец его Ульян Моисеич и дед Моисей, все писали Ремезов, нося имя „первой у Бога птицы“ и оправдывая дар ее — чего стоит одна Сибирская карта Семена Ульяныча...» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 199—200). В. П. Никитин в своей хронике жизни Ремизова (в записи от 17 янв. 1957 г.) указал на тот факт, что дополнительные сведения об этом «родственнике» писателя собирал профессор литургики Богословского института в Париже Ф. Г. Спасский: «Выписка из Русск<ого> биографич<еского> словаря о Семене Ульяновиче Ремезове (сделал Спасский)» (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 43, л. 2).

² Речь идет о статье «Né une nuit de la Saint-Jean Alexei Remizov est mort en pleine merveille: Une chamber transformée en isba grace a des papiers de couleurs», подписанной инициалами «А. Г.» (см.: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 36, л. 4).

³ Статья André Pierre «L'écivain russe Alexis Remizov est mort a Paris» (Le Monde. 1957, 29 nov. S. 10), см. также: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 336, л. 5).

⁴ Очевидно, подразумевается заметка «La mort de Remizov», помещенная в газете «Figaro Littéraire» (1957. 14 дек.).

⁵ Речь идет о муниципальном так называемом «Парижском кладбище» (Cimetiere Parisien) в Баньё (Bagneux), расположенном к юго-западу от столицы. В июле 1978 г. Н. В. Резникова осуществила перенесение могилы А. М. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (сообщил А. Д. Резников).

⁶ Муратова Ксения Дмитриевна (1904—1998) — историк литературы конца XIX—начала XX в., библиограф, редактор фундаментальных трудов по библиографии и источниковедению. Подробнее о ней см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 490.

⁷ Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — поэт, писатель, переводчик, публицист, меценат; вице-президент Всемирного Совета Мира. Вероятно, переговоры Резниковой об издании «Избранного» Ремизова состоялись летом 1956 г., когда Эренбург находился в Париже по приглашению Ф. Жолио-Кюри по делам Движения сторонников мира. В фонде Эренбурга (РГАЛИ, ф. 1204, оп. 2, № 2099) хранятся 8 писем Н. В. Резниковой, относящиеся к 1961—1966 гг.

⁸ Д'Астье де ля Вижери Эммануэль (1900—1969) — французский писатель, общественный деятель, лауреат Ленинской премии мира.

⁹ Сурков Алексей Александрович (1899—1983) — поэт; в 1953—1959 гг. занимал пост первого секретаря правления Союза писателей СССР.

10. В. И. Малышев — Н. В. Резниковой

Глубокоуважаемая Наталья Викторовна!

Я отсутствовал месяц в Ленинграде, поэтому и задержался с ответом Вам. Все, что мне пока удалось сделать, это посвятить одну свою статью в XV т. «Трудов отдела древнерусской литературы» памяти А. М. Ремизова.¹ Работавший у нас в первых числах декабря краковский профессор В. В. Якубовский (он работал над переводом «Жития» Аввакума на польский язык») обещал напечатать некролог о А. М. в краковской городской газете.³

Конечно, нас интересует все о Ремизове. Пришлите вырезки из газет с некрологами, пришлите переводы его сочинений на иностранные языки. За все это библиотека и архив института будут Вам очень благодарны.

Фонд А. М. Ремизова у нас большой и разнообразный. Для архива было бы важно иметь подробное описание похорон А. М. Ремизова (кто был, сколько народа, кто выступал с речью и т. п.), фотографию Ремизова в гро-

бу и виды его могилы. Ведь он был очень русский человек, хотя и умер на чужбине, далеко от своей милой Москвы, которую он так нежно любил во все периоды своей сознательной жизни. Обо всем, что появится у нас о А. М. Ремизове, я обязательно Вас извещу.

Всего Вам хорошего. Кланяйтесь от меня А. Г. Дедову и В. П. Никитину (поправился ли он?)

С Новым годом.

В. Малышев.

4/Л<19>58 г.

¹ В «Трудах Отдела древнерусской литературы» (Т. 15. М.; Л., 1958) имеются две публикации В. И. Малышева: «Стих „покаянна“ о „лютее“ времени и „поганных“ нашествию» (С. 371—374) и «Отчет о командировке на Печору в 1956 г.» (С. 400—408), однако ни одна из них не содержит посещения Ремизову. О своем желании почтить память Ремизова Малышев также писал 2 февр. 1958 г. А. Г. Савченко в связи с уже вышедшим томом «Трудов Отдела древнерусской литературы»: «XVI т. „Трудов“ обязательно пришло, я его редактор, я его собирал и если бы он был не юбилейный, то публикацию двух прекрасных (неизвестных совсем) писем Аввакума протопопа я посвятил бы памяти А. М. Ремизова, а тут нельзя. В томе восемь статей посвящено протопопу Аввакуму» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 76, л. 2).

² *Якубовский Виктор Владиславович* (1896—1973) — польский филолог-славист, с 1954 г. профессор Ягеллонского университета в Кракове. Сообщая о планах посетить Ленинград осенью следующего года, В. Якубовский писал Малышеву 25 дек. 1960 г.: «Надеюсь также, что к тому времени привезу Вам житие нашего общего друга, переведенное целиком на польский язык...» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1578, л. 17 об.), однако работа значительно затянулась. Издание книги состоялось только весной 1972 г. См.: *Żywot protopopa Awwakuma przez niego samego nakreślony I wybór innych pism / Przeł. oraz wstępem i komentarzem opatrzył pism W. Jakubowski. Wrocław, 1972.* В письме, отправленном 12 апр., Якубовский сообщал Малышеву: «Дорогой Владимир Иванович. Ныне отпускаеши раба твоего по глаголу твоему с миром... Сегодня для меня радостный день: отправляю Вам польское Житие протопопа Аввакума, которым обязан прежде всего Вам» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1578, л. 68).

³ В письме к Малышеву от 29 мая 1958 г. В. Якубовский подтверждал: «Небольшую статью-заметку о Ремизове я написал. Надеюсь, что она будет вскоре напечатана» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1578, л. 6).

11. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

12. II.<19>58.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

пишу Вам сегодня несколько слов, чтобы возобновить наконец прерванную переписку с Вами и Пушк<инским> Домом — обо всем, что хотелось Вам сообщить после кончины А. М. Ремизова. Через несколько дней после похорон я написала Вам длинное письмо — второе — после кончины А. М. Оно как-то не было сразу отослано мною, а потом уже я ждала ответа на свое, первое. Вы отсутствовали из Ленинграда и не сразу ответили мне, а тут у меня была снова беда. Заболел тяжело и был отправлен в госпиталь мой дальний родственник-бедняк, чудака-художник, в прошлом шофер такси, человек немолодой, одинокий. А. М. хорошо знал «дядю Комарова».¹

Хотя медицинская часть и хорошо поставлена в парижских госпиталях, во всем остальном — лежать в госпитале тяжело. Это случилось очень скоро после кончины Ал. Мих. И вышло так, что в самый момент, когда мне надо было заняться связанными с А. М. или порученными им делами, мне пришлось от этого оторваться — ходить в госпиталь, стараться хоть чем-нибудь скрасить пребывание в больнице и печальный конец..., а потом, хлопоты, похороны. Это все на протяжении двух месяцев.

Дедов сказал мне, что получил от Вас весть. Я стараюсь сейчас выпутаться из дебрей самых спешных дел — их много накопилось и, как всегда, все приходит вместе. Сейчас прислали от Галлимара (издательство) увесистый пакет — корректура французских (моих) «Подстриженных глаз». (Если бы на несколько месяцев раньше, когда был жив А. М.!)

У меня есть еще книги для посылки в Пушкинский Дом. И очень много разных вырезок — иностранных и русских зарубежных газет. Недавно была радиопередача, посвященная Ремизову: была прочитана «Огненная смерть Аввакума»² и сказано несколько слов о протопопе. Интересно ли Вам — я могу его достать — текст этой передачи?

Затем, и это очень важно.

У меня неоценимое богатство архива Ремизова: рукописи, рисунки, альбомы и т. д. Ко мне вскоре (по завещанию) перейдет вся библиотека А. М. Пока (для меня это дорого и живо) я все это буду хранить, с мыслью когда-нибудь, может быть частями — передать в Россию. Я думаю — в будущем — это будет представлять собою огромный интерес для исследователей и писателей. Кроме того, это большая художественная ценность. Я отдаю себе отчет о том, что в настоящий момент А. М. на родине еще не совсем известен, еще не раскрылся во весь свой рост как писатель. Его настоящее признание придет, через несколько лет — я думаю.³ Вот тогда я займусь тем, чтобы все это богатство «вернулось» на родину — где ему место. Это — в будущем, а пока я хотела бы знать, что думает об этом Пушкинский Дом.

Василию Петровичу Никитину несколько лучше — я навещала его в начале января, но он все еще не на положении здорового. В письме к нему, кажется, Вы просили послать «Мелюзину» и «Круг Счастья» в Прагу (Панченко⁴) и в Ленинград (Даме⁵). Я очень виновата — этого еще не исполнила — и прошу Вас, будьте добры: повторите мне адреса и что кому. Кроме того — имейте в виду — у меня есть еще кое-что из книг Оплешника — я с радостью пошлю все, что смогу — исследователям-любителям в СССР.

С другой стороны — если это возможно — пошлите мне (для пополнения библиотеки А. М.) — то, что доступно и не трудно: дальнейшие выпуски «Труды отдела древнерусской литературы» — «На Горах» Мельникова-Печерского и немецкое (вдруг имя выскочило из головы), что А. М. просил. Как могла бы я возместить расходы? Выслать Вам какие-нибудь французские издания по литературе, истории, искусству? Все, что Вам будет приятно или полезно, я с радостью исполню. (Английскую книгу о Аввакуме мы еще не смогли достать — не нашли.) Буду ждать Вашего ответа, но еще раньше постараюсь ответить на Ваши вопросы о похоронах, могиле А. М. и т. д. Интересно ли Вам описание его последних дней —

записи последн<их> слов? Я хочу все это написать и — м<ожет> б<ыть> даже в какой-нибудь журнал. Здесь в Париже и в Америке устно и в печати уже появляются анекдоты — неверные рассказы о конце А. М., с чьих-то слов написанные. Почему-то я и думаю, что надо не только записать, но и опубликовать все как было (иначе я бы с этим не торопилась).

Искренний привет.

Н. Резникова.

¹ Речь идет о *Сосинском Евгении Брониславовиче* (1895—1958), который получил от Ремизова прозвище «дядя Комаров». См. о нем в дневниках его младшего брата В. Б. Сосинского: «Евгений появился в Париже позже меня, он на несколько лет задержался в Варне. Одна болгарская семья — все четыре поколения — влюбилась в него и долго не отпускали его в Париж, куда я звал его в каждом письме, и Черновы добились въездную визу. Но он очень быстро включился в парижскую жизнь как будто всегда был парижанином. Французскому языку его обучил наш дядя в Вене — Арнольд Шёнберг. Шел он самостоятельным путем, за хвостик своего прославленного младшего брата не держался, ни в чем ему не подражал и не использовал ни одно из его знакомств. Было у нас лишь одно полное совпадение: дружба с Алексеем Михайловичем Ремизовым и Серафимой Павловной Ремизовой-Довгелло. В остальном он больше вращался во французских, кубинских, никарагуанских кругах, и не в писательских — а у художников, музыкантов, актеров и в кругах профсоюзных. А для заработка он выдержал экзамен на водителя такси. <...> Для того, чтоб нас, братьев не путали, Алексей Ремизов перекрестил моего Евгения на Комарова. Комаров не только зажил своею особенной жизнью — но стал при этом одним из постоянных героев книг Ремизова: „Мышкина дудочка“, „Пляшущий демон“ и особенно в книге о смерти Серафимы Павловны — одна из самых горестных книг великого писателя. Часто мелькает Комаров не только в последних книгах Ремизова, но и в его письмах. Тем более, что у Евгения была постоянная обязанность — несколько раз в году возить на своем такси G-7 на кладбище к могиле Серафимы Павловны Алексея Михайловича» (РО ИРЛИ, Р. I, оп. 25, ед. хр. 591, л. 365—368).

² Подразумевается фрагмент из ремизовского «свода» *Жития Аввакума*, подготовленного писателем по изданию Я. Л. Барскова (Памятники истории старообрядчества XVII в. Пг., 1916. Кн. 1, вып. 1), который был опубл. в журнале «Версть» (1926. № 1. Разд. II. С. 1—73).

³ Ср. запись в дневнике К. И. Чуковского от 14 янв. 1958 г., которая отражает одну из попыток Н. В. Резниковой привлечь внимание официально признанных советских писателей к ремизовскому литературному наследию: «Гулял очень много с Федным. <...> На столе у него груды писем — он показал мне письмо о смерти Ремизова, написанное его (Ремизова) ярой поклонницей, которая уверена, что Алексей Мих. был величайшим русским писателем...» (*Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. Дневник. 1936—1969. М., 2007. С. 249—250*).

⁴ А. М. Панченко в 1957—1958 гг. обучался на филологическом факультете Карлова университета в Праге.

⁵ К. Д. Муратова.

12. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)

5—VI—<19>58

Дорогой Владимир Иванович,

я послала в Пушкинский Дом вышедшую у Gallimard'a книгу — мой перевод «Подстриженных глаз» на французский язык, а также газету «Le

Монде» со статьей Марселя Бриона, первый критический отклик в печати на эту книгу.¹

Выход книги совпал с процедурой снятия печатей с квартиры А. М. Мне нужно было ликвидировать квартиру, перевозить к себе рукописи и книги — оставленные мне по завещанию. Мебель А. М. (она такая бедная, что А. М. не помянул ее в завещании, не понимая, что она нам дорога) по закону была продана на аукционе. Я ездила туда, чтобы выкупить хотя бы столы, за которыми работал А. М.² Все это было хлопотно и очень грустно... Сейчас я занята рассылкой французских «Подстр<иженных> глаз» — Yeux Tondus — разным критикам, писателям и т. д. (и друзьям А. М.) — и одновременно постепенно занимаюсь приведением в порядок и размещением библиотеки и рукописей А. М. Не знаю, как что и когда будет, — но все «книжное добро» А. М. перейдет когда-нибудь к вам, в Пушкинский Дом. Поэтому я бы хотела получить от сотрудников, которые ведают архивом Ремизова, практический совет — как и в каком порядке приступать к классификации архива и книг [по ним работал А. М. — Когда он писал то или другое произведение, то всегда пользовался книжными источниками. В книгах всегда подчеркивал то, что в тот момент было для него интересно и важно. Так мы прочли всего Чехова, работали над Достоевским (неоконченный «Достоевский до каторги»³), рукописей, переписки (все письма А. М. последовательно наклеивал в специальные, самодельные «альбомы» — письма из СССР — отдельно, в синюю тетрадь, на которой написано «Россия». Я полагаю, что надо к каждому письму надписать — кто, что и как — поскольку я помню и знаю). Еще я хочу спросить: все ли надо хранить или «отбирая»? Напр<имер,> в библиотеке А. М. довольно много журналов — французских или зарубежных (где нет произведений А. М.) — надо ли их хранить? М<ожет> б<ыть>, они все-таки представляют собой некот<орый> интерес в смысле «эпохи»? Я хорошо даю себе отчет в том, что на родине, пока, А. М. почти неизвестен и что признание его, может быть, придет еще не так скоро. Все же я думаю, что когда-нибудь Алексей Михайлович Ремизов «откроется» русскому читателю. Мне думается, что мы можем оказать некоторый кредит французам, всегда очень тонко воспринимающим свое и чужое искусство. Ведь они (и по переводам только!) считают А. М. очень крупным писателем, тончайшим художником, оригинальным не только по форме, но и по мысли. Есть ли среди вас кто-нибудь, знающий французский язык, чтобы перевести Вам статью М. Бриона?

Я давно уже начала Вам очень длинное письмо — возвращаясь к последним дням жизни А. М., похоронам и т. д., но это письмо еще не закончено. В нем я благодарила Вас за полученные книги Мельникова-Печерского и писала Вам, какое значение имел Мельн<иков>-Печерский для А. М. — в молодости... Я все жду, когда буду немного свободнее, чтобы послать Вам все газетные вырезки, относящиеся к смерти А. М. Когда я ликвидировала квартиру — еще сильнее почувствовала и осознала утрату. Пока жил Алексей Михайлович, и он сам, и его жилище были живым куском России (все равно каких веков или какой эпохи), и я не чувствовала себя оторванной от родины, родного языка. На днях я показывала красоты Парижа советским туристам. Может быть, и Вас когда-нибудь мы увидим в

Париже? Некоторое время тому назад я послала Вам (для П<ушкинского> Д<ома>) два фр<анцузских> журнала. В Cahiers des Saisons — последняя вышедшая при жизни А. М. его вещь во фр<анцузской> печати.⁴ В N. R. F. — одна из глав книги — до ее появления.⁵ Обратите вниманье.

Кланяюсь Вам сердечно.

Нат. Резникова.

¹ *Брион Марсель* (1895—1984) — французский писатель, романист, искусствовед, специализировавшийся на французском, итальянском и немецком искусстве, критик, с 1964 г. член Французской Академии; сотрудник газеты «Le Monde». Возможно, подразумевается его статья «Alexei Remizov», напечатанная в «Le Monde» 25—26 марта 1958 г.

² В настоящее время рабочий стол А. М. Ремизова находится в собрании Резниковых (Париж).

³ Ср. письмо Ремизова к Н. В. Кодрянской от 20 марта 1956 г.: «Я затеял: „Достоевский до каторги“ — 1845—1849 г. от „Бедных людей“ до кануна ареста Нечочки Незвановой. Четыре года раскаленных чувств должны были для „жизни“ оборваться катастрофой. Обличение человека — что есть человек? Строй жизни, но кого? Человек — посмотрите вот, как я чувствую человека» (*Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 399).

⁴ Имеется в виду публикация текста «Исповедь Саввы Грудцына» («La confession de Savva Groudzin») в переводе Н. В. Резниковой (Cahiers des Saisons. 1956. N 2. P. 305—307; см. также: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 198), который является фрагментом из четвертой части повести «Савва Грудцын» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 6. С. 331—333).

⁵ В журнале «La Nouvelle Revue Française» с 1953 по 1957 г. печатались отдельные главы книги «Подстриженными глазами» в переводе Резниковой: «Узлы и закруты» (1953, окт.), «На счастье» (1955, янв.), «Краски» (1955, март), «Лягушник» (1955, июнь), «Голодная пучина» (1956, янв.), «Злые слезы» (1956, июль), «Белый огонь» (1957, март), «Натура» (1957, июль). Вырезки этих публикаций, переданные Резниковой, находятся в составе архива писателя в РО ИРЛИ (ф. 256).

13. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
II, rue Camille Desmoulins
Cachani Seine

30 сентября 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

наша переписка как-то совсем заглохла, несмотря на то что постоянно думаю о Пушкинском Доме и о Вас в связи с памятью и делами Алексея Михайловича Ремизова.

Как я уже писала Вам прежде, у меня находится архив А. М., состоящий из двух частей:

— После смерти С. П. Ремизовой А. М. передал мне много документов, записей материалов и т. д. Во все последующие годы он продолжал «пополнять» этот первоначальный архив бумагами, письмами, оригинальными рукописями, альбомами своих рисунков и т. д. и т. д. Этот архив принадлежит мне лично.

— После смерти А. М. по духовному завещанию ко мне перешла его библиотека (оставленная мне лично) и другая часть его архива, состоящая из переписки (т. е. писем, которые получал А. М., которые сразу наклеивались в соответствующие самодельные «альбомы») и «рукописей», т. е.

«подготовленных к печати книг» («Иверень», «Учитель Музыки», 2^й том «России в письменах», «Полевые Цветы», «Вереница», «Павьим пером»).¹ Эти «рукописи» представляют собой книги, составленные из переписанных на машинке страниц и вырезок из газет и журналов, где произведения были напечатаны. [Оригинальные (рукописные) рукописи этих вещей были когда-то переданы А. М. на хранение одному знакомому (чтобы разгрузить квартиру) — некоторому Солнцеву, жившему недалеко от г. Шартра. В один прекрасный день этот Солнцев, не известив А. М., уехал в Америку, захватив с собой рукописи и, по всей вероятности, продал их в какой-то университет США. Во всяком случае он исчез и в течение 5 лет (или 7^{ми}) до конца жизни А. М. не давал о себе знать А. М.-чу. Мне сказали, что в Колумбийском университете будто бы теперь имеются рукописи А. М., и я навожу об этом справки. Рукописи, переданные Солнцеву на хранение, относились пригл<изительно> к годам довоенным и послевоенным до 1949 г.].

Этим «книжным добром» А. М. в своем завещании поручил «распорядиться» своим «опекунам»: Н. В. и Д. Г. Резниковым, Н. В. и И. В. Кодрянским² и Т. и А. С. Лурье. Все мы сходимся на том, что рано или поздно все наследие А. М. должно быть сосредоточено в Пушкинском Доме, где уже в этом смысле положено такое достойное начало. Весь вопрос, как и когда это выполнить.

Я знаю, что в настоящее время Ремизов как писатель не вызывает большого интереса на родине. Интерес скорее «архивный» или «исторический». Сам А. М., конечно, сознавал это и вовсе не торопил меня с посылкой архивов на родину. Он знал, что я это исполню, но считал, что прежде я сама должна поработать над этими бумагами. Я знала А. М. близко (сначала его и С. П.) непрерывно в течение около 35 лет. Очень много знаю о нем и С. П. из их рассказов, помню и случаи из жизни, и биографии, и слова, и суждения, отношение к тем или иным вещам или явлениям — все это очень часто находило отклик и отзывалось в произведениях писателя. Я знаю или знала людей, о которых он говорит или упоминает в своих книгах. Работая постоянно с Алексеем Михайловичем в последние годы его жизни, я лучше других знаю его методы работы — документирования, я знаю, для каких вещей, какими материалами он пользовался. Читая вслух нужные ему книги, я делала на них отметки, подчеркивала и т. д. Вот почему на мне и лежит ответственная задача — сделать комментарии, записать все, что я знаю — войти в контакт с корреспондентами, постараться получить от них оригиналы или копии писем А. М. Есть вещи, которые никто, кроме меня, и без моего участия сделать не сможет.

И я, и А. М. были уверены, что после его смерти я всецело займусь его наследием и, поработав в течение 1—2—3 лет, смогу послать в Россию архив в приблизительно готовом виде. Но вскоре после смерти А. М., вследствие некоторых семейных обстоятельств, мне пришлось взять работу по техническим переводам. Сначала я думала, что это будет временно, к сожалению, это положение затягивается и скоро уже будет 3 года, как умер А. М., а я могу только понемногу заниматься делами архива.

Несколько дней тому назад у нас было небольшое собрание с Н. В. и И. В. Кодрянскими, Т. и А. С. Лурье, посвященное вопросам архива.

Мы вместе решили, что самое лучшее, чтобы подвинуть дело архива, было бы войти мне в личный контакт с Пушк<инским> Домом и Вами.

Возможно ли устроить мне, пригласив меня, — приезд в Ленинград для занятий с Вашими сотрудниками и совместной работы в течение 1—1½ месяцев? Самое лучшее было бы в мае месяце или сентябре—октябре. Для этого нужны: виза, средства на путешествие (или билет) и возможность прожить в Ленинграде иначе, чем по тарифу «Интуриста», — очень высокому на наши деньги. Возможно ли это?

В ожидании моей поездки мы сделали бы копии всех «книг» (ненапечатанных) Ремизова и переслали бы их Вам отдельными заказными пакетами по почте.

В Сов<етском> Союзе (в Москве) уже имеются копии 2 из этих книг — я прошу свою сестру Ольгу Андрееву, находящуюся сейчас в Москве, съездить в Ленинград и поговорить с Вами об этом и обо всех вопросах, затронутых в этом письме. Эта моя сестра, так же, как и вся семья, близко знала А. М., который ее нежно любил. Но последние годы она видела его только наездами, т<ак> к<ак> жила в Америке.

Наталья Владимировна Кодрянская сейчас в клинике, где ее подвергают разным исследованиям, последнее время она неважно себя чувствует. Она напишет Вам по выходе.³

Сердечно кланяюсь Вам,

Наталья Резникова.

P. S. У одной старой и бедной эмигрантки имеется альбом оригинальных рисунков Воронихина.⁴ Рисунки карандашом: портреты. Она хотела бы их продать. Интересует ли это каких-либо искусствоведов в СССР.

¹ См.: Письма Резниковой к Маркову (п. 3, примеч. 22).

² *Кодрянская Наталья Владимировна и ее муж Кодрянский Исаак Вениаминович.*

³ В архиве Малышева хранятся письма Н. В. Кодрянской с 1957 по 1970 г. В письме от 7 окт. 1960 г. Кодрянская сообщала Малышеву: «Я только что вышла из больницы. Недели 2 тому назад мы, наследники Ремизова, собрались у А. С. Лурье, чтобы поговорить об отправке литературного наследства А. М. в Пушкинский Дом: такова была воля Ремизова. К сожалению, из-за перегруженности работой Н. В. Резникова не может интенсивно заняться разбором материала, оставленного Ремизовым. До моего отъезда решили еще раз собраться и обо всем более подробно поговорить. Я лично считаю страшно важным, чтобы Наталья Викторовне как можно скорее (она говорит, что могла бы поехать или весной, в мае, или в сентябре) была бы предоставлена возможность провести хотя бы месяц или полтора в Ленинграде» (РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, ед. хр. 1474, л. 13—13 об.).

⁴ Очевидно, речь идет о графических работах архитектора *Андрея Никифоровича Воронихина* (1760—1814), автора проекта Казанского собора в Санкт-Петербурге.

14. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine) France

24 апреля 1961 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

уже очень давно не имею от Вас никаких вестей: как будто бы наше общее дело — архива Алексея Михайловича Ремизова — стоит на точке замерзания.

Я надеялась приехать в Москву этим летом, взяв работу на Французск<ой> выставке — 15 авг<уста>—15 сент<ября>. ¹ При этом я устроилась так, чтобы иметь еще 15 свободных дней, которые я думала использовать для поездки в Ленинград, чтобы войти в личный контакт с Пушкинским Домом и Вами.

К моему большому сожалению, моя поездка в СССР в связи с Фр<анцузской> выставкой (по-видимому) не состоится. Вместе с тем мне бы очень хотелось в этом году использовать мой годичный отпуск (1½ мес<яца>) для поездки в СССР, — познакомиться с Вами, выработать план работы и посылки Вам архива, решить некоторые вопросы.

[Например: некоторые документы, записи, письма и т. д. мне будут нужны для моей работы — мне было бы достаточно для этого иметь копии. Но как это сделать? Здесь это дорого и для меня недоступно. Может быть, Вы могли бы это сделать?.. Таких вопросов у меня много.]

Может быть, даже поработать совместно с Вашими сотрудниками. Одним словом: принципиально решить и приступить к делу передачи архива в Пушк<инский> Дом.

Поехать в СССР — по туристическому тарифу — я не в состоянии. Вопрос главным образом в визе и проезде (я могла бы пожить у родственников). Может ли Пушкинский Дом помочь мне в этом?

Период моего отпуска (в этом году, в виде исключения, он продлен на 2 недели) — от 8 августа до 25 сент<ября> (приблизительно). Но если бы для Вас это оказалось бы более удобным — его можно было бы передвинуть на осень.

В случае, если Вы считаете мой приезд целесообразным, — я очень прошу Вас и Пушкинский Дом изучить этот вопрос и ответить мне: осуществима ли моя поездка?

Мне, между прочим, известно, что в настоящий момент в литератур<урных> кругах Сов<етского> Союза как будто пробуждается некоторый интерес к творчеству Ремизова...

Несколько лет тому назад — еще при жизни А. М. — я подготовила одно- или двухтомник «Избранного» Ремизова, который находится в Сов<етском> Союзе.

Известно ли Вам, что около года тому назад скончался Василий Петрович Никитин? ²

Евгения Юдифовна Рапп, ³ передавшая в Сов<етское> посольство в Париже архив Н. А. Бердяева — для Пушкинского Дома — скончалась в ноябре 1960 г. До своей смерти она так и не получила известия о том — дошел ли архив и какова его судьба. ⁴

Совсем недавно русский Париж прощался с Верой Николаевной Буниной. ⁵

В Сов<етском> Союзе (у моего beau-frère'a* В. Сосинского⁶) находится экземпляр неизданной книги Ремизова «Иверень» — в этом экземпляре не хватает главы «В Сырых Туманах». В. Б. Сосинский по моей просьбе собирался сделать и передать в Пушк<инский> Дом копию этой подготовленной книги. ⁷ Нехватающую главу этой книги (эта глава, так же, как и часть

* муж сестры (фр.).

книги, переписана на машинке, с собственноручными поправками А. М.) я хочу послать Вам с просьбой или передать ее В. Сосинскому, или сделать копию и передать ее Сосинскому, сохранив у себя оригинал.

В ожидании Вашего ответа, с искренним приветом,

Н. Резникова.

¹ Речь идет о Французской национальной выставке; ответная Советская выставка проходила в Париже с 3 сентября по 3 октября.

² В. П. Никитин скончался 8 июня 1960 г.

³ *Рапп Евгения Юдифовна* (1875—1960) — сестра Л. Ю. Бердяевой, жены философа Н. А. Бердяева.

⁴ Архив Н. А. Бердяева (1007 ед. хр.), охватывающий период с 1874 по 1954 г., включающий также и материалы Е. Ю. Рапп, был передан в РГАЛИ (ф. 1496), где до 1987 г. находился на так называемом «специальном хранении».

⁵ *Булнина Вера Николаевна* (урожд. Муромцева; 1881—3 апр. 1961) — переводчица, меуаристка, общественная деятельница; жена прозаика и поэта И. А. Бунина.

⁶ *Сосинский Владимир Брониславович* (1900—1987) — писатель, критик, эмигрировал в 1920 г., с 1923 г. в Германии, с 1924 г. в Париже, член Союза русских писателей и журналистов, сотрудник журналов «Воля России», «Своими путями», «Благонамеренный», «Числа»; участник французского Сопротивления. В конце 1960 г. вернулся в Москву.

⁷ Текст книги «Иверень», составленный из машинописи и публикаций в периодической печати, был передан В. Б. Сосинским в РО ИРЛИ в декабре 1960 г.

15. В. И. Малышев — Н. В. Резниковой

Глубокоуважаемая Наталья Викторовна!

С месяц назад у нас в Институте были Кодрянские. Н. В. Кодрянская очень хотела бы издать библиографию А. М. Ремизова.¹ Но ее план профессор К. Д. Муратова (зав. отделом библиографии) и я решительно забраковали. Это какое-то любительство и дилетантство. Если делать, так уж делать серьезную научную библиографию Ремизова, такую, чтобы она надолго осталась помощником литературоведов.² Мы составили ей план библиографии еще год тому назад. Но в этот приезд Н. В. Кодрянской выяснилось, что она не в силах сделать серьезную библиографию одна, без нашей помощи. Выяснилось также, что деньги, необходимые на издание, у Кодрянских имеются. А если нужна какая-нибудь методическая помощь, то профессор К. Д. Муратова, крупнейший наш специалист по писательским и вообще литературоведческим библиографиям, готова такую помощь оказать, лишь бы библиография делалась в строго научном плане. Я со своей стороны готов оказать помощь в этом деле, в чем, конечно, буду полезным (наведение справок и т. д.), но только повторяю, чтоб библиография была сделана по-настоящему, как это требуется на современном уровне филологической науки. Мы считаем, что научная библиография А. М. Ремизова не только заложит основы для всестороннего и глубокого исследования его творчества, но и будет хорошим венком на его могилу от людей, которые искренне почитали этого большого (вспомните оценку его А. М. Горьким³) и своеобразного художника слова, до конца жизни русско-

го человека, хотя и вынужденного почти полжизни прожить вдали от «милрой родины» (слова из его письма ко мне от 14 апреля 1957 г.⁴).

Простите меня за длинное письмо, а самое главное за молчание. Последние три-четыре года у меня было много забот и волнений, так что в таком положении оказались не Вы одни.

Желаю Вас всего хорошего. С самым дружеским приветствием,

В. Малышев.

26/VII<19>63 г.

¹ Н. В. Кодрянская передала в Рукописный отдел Пушкинского Дома собранные ею материалы к библиографии Ремизова: «Рассказы Ремизова на французском языке» (см.: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 32), а также списки изданных и неизданных книг и его публикаций во французской периодике (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 33).

² К настоящему времени существует целый ряд библиографических работ, посвященных творчеству А. М. Ремизова. См.: *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany*. Paris, 1978 (Bibliothèque Russe De L'Institut D'Études Slaves. T. 141. Série: Écrivains russes en France); *Lampl H.* Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remisovs (Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany. Paris, 1978) // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd 2. S. 301—326; а также библиографию S. Aronian «Critical and bibliographical literature on A. M. Remizov» (Russian Literature Triquarterly. N 18. P. 209—218).

³ См. письмо М. Горького к Л. Андрееву, относящееся к первым числам авг. 1902 г., о первом произведении Ремизова «Плач девушки перед замужеством», напечатанном 8 сент. 1902 г. в московской газете «Курьер» под псевдонимом «Н. Молдаванов»: «Посылаю тебе две рукописи <...> „Плач девушки“ — ей-Богу — хорош!» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 3. С. 92). Об истории отношений Ремизова и Горького см. очерки Ремизова, вошедшие в книгу «Петербургский буерак», а также примечания к ним: *Ремизов А.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 276—291, 498.

⁴ Вероятно, ошибка памяти. Первое ответное письмо от Ремизова Малышев получил 2 мая 1957 г., однако ни в нем, ни в последующих сообщениях указанных слов не имеется. См.: *Ремизов А. М.* Письма к В. И. Малышеву. С. 203—215.

16. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan (Seine)
Телефон ALE-50—16

4 сентября 1963 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

я получила Ваше письмо от 26.VII.63. Я охотно приму участие в составлении библиографии А. М. Ремизова.

Я думаю, что для этого мне следует войти в письменный контакт с профессором К. Д. Муратовой. Для ориентации и начала моей работы я хотела бы иметь образец подобной научной библиографии, а в дальнейшем — инструкции К. Д. Муратовой.

Вы упоминаете о высокой оценке А. М. Горького творчества А. М. Ремизова.

В ранней юности я довольно часто видела Горького в Москве на квартире Е. П. Пешковой,¹ где он останавливался. Я помню, как однажды, про-

бежав глазами данную ему на просмотр рукопись, Алексей Максимович сказал: «Я передам рукопись А. М. Ремизову, интересно его мнение, он ведь знаток сказок и народного творчества...».

В ожидании Ваших инструкций, шлю Вам самый дружеский привет.

Наталья Резникова.

P. S. Как имя-отчество профессора Муратовой?

¹ *Пешкова Екатерина Павловна* (урожд. Волжина; 1876—1965) — общественная деятельница, после революции — председатель комитета помощи политзаключенным, член правления Лиги защиты детей; первая жена А. М. Горького. Об участии Пешковой в судьбе семьи Н. В. Резниковой и о встречах с Горьким в московской квартире Пешковой в Машковом пер. (ныне ул. Чкалова, д. 1) см. в воспоминаниях О. В. Черновой-Андреевой «Холодная весна», главы из которых напечатаны в журнале «Звезда» (2001. № 8. С. 150—155).

17. Н. В. Резникова — В. И. Малышеву

N. Reznikoff
11, rue Camille Desmoulins
Cachan Seine

Cachan — 15—VI—64

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

21го июня я выезжаю в Москву. Я еду туристической поездкой на самолете (9 дней: 6 дней в Москве, 3 дня в Ленинграде).

В Ленинграде я буду 26—27—28 июня. Я предполагаю посетить Пушкинский Дом и надеюсь увидеться с Вами.

Я еще не знаю, в какой день смогу быть в П<ушкинском> Д<оме>. Я Вам дам знать из Москвы. Со своей стороны Вы могли бы дать знать моей сестре Ариадне Викторовне Сосинской (Москва, Е-215, 13^а Парковая, д. 27, корп. 4, кв. 49), в какие дни и часы всего удобнее Вас застать.

С уважением,

Нат. Резникова.

СТИХИ И ПРОЗА ГЕННАДИЯ АЛЕКСЕЕВА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Публикация А. М. Мирзаева, Ю. Б. Орлицкого, М. В. Родюковой

Геннадий Иванович Алексеев,¹ поэт, архитектор, искусствовед, художник, родился 18 июня 1932 г. в Ленинграде. После окончания в 1956 г. архитектурного факультета Ленинградского государственного инженерно-строительного института (ЛИСИ) работал архитектором в проектной организации. В 1960—1963 гг. учился в аспирантуре ЛИСИ, работая одновременно в 1-м Проектном институте. После окончания аспирантуры был приглашен ассистентом на кафедру истории и теории архитектуры этого же института. По совместительству на протяжении нескольких лет занимался оформлением архитектурных объектов в Художественно-оформительском комбинате Ленинградского отделения художественного фонда РСФСР. После защиты в 1966 г. кандидатской диссертации по теме «О художественном синтезе современной советской архитектуры и монументально-декоративной живописи» преподавал на кафедре истории архитектуры, читал курсы лекций «Всеобщая история искусств», «История архитектуры периода капитализма», работал над темой «Художественный синтез в русской архитектуре конца XIX—начала XX веков».

10 марта 1987 г. Г. И. Алексеев скоропостижно скончался и был похоронен на Большеохтинском кладбище.

Литературным творчеством он начал заниматься с 1953 г. В 1962 г. им впервые было опубликовано в коллективном сборнике молодых поэтов «И снова зовет вдохновенье...» (Л., 1962) стихотворение «Турок». Но печататься как поэт он начал после сорока лет. Первая книга стихов Г. И. Алексеева «На мосту» вышла в 1967 г. при содействии М. А. Дудина. В 1979 г. его избрали членом Союза писателей СССР.

При жизни Г. И. Алексеев издал еще три сборника стихов: «Высокие деревья» (Л., 1980); «Пригородный пейзаж» (Л., 1986); «Обычный час»

¹ См. о нем: *Житинский А. Н.* Геннадий Иванович Алексеев. Послесловие издателя // *Алексеев Г. И.* Зеленые берега. Роман. СПб., 1996. С. 376—382; *Орлицкий Ю. Б.* 1) Долгий сон с продолжением // *Литературное обозрение.* 1991. № 11. С. 57—60. Рец. на кн.: *Алексеев Г.* Зеленые берега. Л., 1990. 336 с.; 2) Геннадий Алексеев и петербургский верлибр // *Новое литературное обозрение.* 1996. № 14. С. 284—292.

(М., 1986). Отдельные стихотворения публиковались в журналах «Аврора», «Нева», «Простор», альманахе «День поэзии. Ленинград», в коллективном сборнике «Новые голоса» (Л., 1973). После смерти вышли в свет подготовленные его вдовой М. Б. Алексеевой и друзьями роман «Зеленые берега» (Л., 1990), сборники «Я и город. Поэма, стихи, сонеты» (Л., 1991), «Чудо обыденной речи...» (Новосибирск, 2002), «Избранные стихотворения» (СПб., 2006), «Ангел загадочный» (М., 2007). Некоторые его произведения были опубликованы в коллективных сборниках «Антология русского верлибра» (М., 1991), «Будни великих строек» (М., 1988), «Время ИКС» (М., 1989), «Дофигаэдр» (Псков, 1992), в журналах и альманахах «Нева», «Сумерки», «Литературное обозрение», «День поэзии. Ленинград», «Контекст-9», «Петрополь». Были переизданы в миниатюрном виде книги: «Высокие деревья» (СПб., 2001), «Пригородный пейзаж» (СПб., 2002).

Значение творчества Г. Алексеева, как водится в России, стало очевидным только после его смерти, хотя и сейчас об этом замечательном литераторе знает очень узкий круг специалистов и любителей поэзии, в первую очередь — свободного стиха, которому Г. Алексеев отдавал в своем творчестве решительное предпочтение.

Несмотря на существенные оговорки, связанные прежде всего со степенью опубликованности литературного наследия поэта, даже тот массив текстов, который доступен на сегодня, позволяет, как нам кажется, говорить об определенных уникальных для русской поэзии 1960—1970-х гг. особенностях индивидуальной стихотворной поэтики Г. Алексеева.

Одной из особенностей русского свободного стиха было его зарождение и развитие в недрах классической силлаботоники. Именно в силу этого ранние опыты русских поэтов неизбежно содержат в своей структуре те или иные рецидивы более ранних стиховых систем.

Процесс кристаллизации чистой формы русского верлибра зафиксирован в целой гамме переходных форм, связывающий современный свободный стих с другими системами стихосложения. Из них Г. Алексеев решительно предпочитает варианты с метрической ориентацией; его путь к свободному стиху, как подтверждают ранние опыты 1960-х гг., он начинал с белого силлабо-тонического ямба, постепенно отказываясь потом и от слоговой симметрии текста.

При этом у поэта на протяжении всего творчества встречаются верлибры с отдельными случайными силлабо-тоническими строками, произведения, в которых такие строки попадают достаточно часто, и стихотворения, которые можно трактовать как факты полиметрии, так как в них отдельные фрагменты, обычно выделенные графически, написаны силлаботоникой, а другие — верлибром. Таким образом, можно говорить об отсутствии у Г. Алексеева строгой границы между чистым верлибром и разными формами внесения в стих силлабо-тонического метра.

Куда более строгим оказывается отказ поэта от рифмы: кроме свободного стиха, составляющего более 80 % метрического репертуара поэта (подсчеты сделаны по стихотворениям, опубликованным до 1996 г.), он обращается к белой силлаботонике и лишь в исключительных случаях — например, в сонетах — к рифмованному стиху.

Интересно, что практически все редкие случаи появления в стихах Г. Алексеева тонической упорядоченности напрямую связаны с использованием разного рода синтаксических фигур, в первую очередь — параллелизма.

С другой стороны, свободный стих Г. Алексеева можно назвать строфически упорядоченным: 90,6 % его верлибров разделены на фрагменты. Поскольку очевидно, что в применении к свободному стиху имеет смысл говорить не о строфах в традиционном силлабо-тоническом смысле, одну из важнейших характеристик которых составляет определенный тип клаузул и рифмовки, то мы будем называть такие фрагменты, отделенные пробелами, строфоидами. Как показывает анализ большого материала, в современном свободном стихе не существует предпочтения тому или иному типу строфоидов. То же можно сказать и о строфическом репертуаре верлибра Г. Алексеева: из 1789 строфоидов, содержащихся в нашем материале, ни один заметно не опережает остальные по частоте использования. Можно было бы предположить, что из них большей распространенностью могли бы характеризоваться строфоиды, имеющие четное количество строк по аналогии с традиционными строфами: двустушиями, четырехстишиями и т. д. Однако у Г. Алексеева такое предпочтение хотя и существует, но не является решающим: четнострочных строфоидов в целом у него 56 %; если же говорить о конкретных типах, то и тут преимущество двух- и четырехстрочников перед трех-, пяти- оказывается незначительным: двухстрочные строфоиды составляют 15,5 %, трехстрочные — 15,4 %, четырехстрочные — 17,5 %, а пятистрочные — 10,0 %. Очевидно, что на первом плане оказывается тут не подобие силлаботонике, а сам фактор малого и соизмеримого объема — то, что мы предложили назвать новой строфикой, постепенно складывающейся в недрах свободного стиха. В отличие от регулярной строфики традиционного стиха, свободная строфика предполагает чисто смысловой принцип строфовыделения, при котором традиционная стиховая конвенция оказывается недействительной.

Интересно проанализировать также основные типы строфоидной организации алексеевских полистрофоидов. И здесь предположение, что верлибр в той или иной степени должен имитировать организацию традиционного стиха, не оправдывается: из равных по объему строфоидов построено менее 2 % текстов, с использованием только двух типов строфоидов — около 10%. Еще примерно столько же стихотворений включают в свой состав на равных правах резко различающиеся по объему строфоиды. Но подавляющее большинство — почти 80 % стихотворений строится из относительно небольших по объему (1—5 строк) строфоидов, в то же время не стремящихся к точному выравниванию размеров.

Отличительную особенность строфической организации стиха Г. Алексеева составляет также ее осложненность использованием внутри строфоидов еще одного способа членения текста: выделения отдельных фрагментов с помощью отступа вправо от края строки. Причем здесь это — не еще один вариант лесенки, широко применявшейся в поэзии 1960—1970-х гг., а именно компонент строфической, вертикальной организации стихового целого. Мы предлагаем назвать эти фрагменты, не отделяемые пробелами, но безусловно противопоставляющие друг другу

фрагменты текста, квазистрофоидами. Показательно, что они встречаются практически во всех монострофоидных произведениях Г. Алексеева, что, строго говоря, ставит под определенное сомнение и их астрофический характер. Очевидно, что в связи с рассмотрением квазистрофоидов можно говорить о иерархической свободной строфике стихов Г. Алексеева. При этом необходимо отметить также, что в ряде стихотворений отчетливо обнаруживается и еще более сложная, уже четырехступенчатая иерархия, которую образуют, наряду со строфидами и квазистрофоидами, текстовые фрагменты, которые мы назвали бы квазистрофоидами второго порядка, т. е. расположенные с отступом вправо по отношению к квазистрофоидам.

Как уже говорилось выше, для свободного стиха вообще и для верлибров Г. Алексеева в том числе очень важным структурообразующим фактором становится логическое построение речи. Активизацию риторических речевых фигур в условиях отказа от традиционных средств создания поэтического стиля показал на примере «Александрийских песен» М. Кузмина еще В. Жирмунский в своей книге «Композиция лирических стихотворений». Чрезвычайно заметны разного рода риторические фигуры и в современном русском свободном стихе. Так, излюбленным приемом лирики Г. Алексеева становится нанизывание однородных членов и создание длинных перечислительных цепей. Это создает специфический эффект ясности, доказательности высказывания.

Очень многие стихотворения Г. Алексеева строятся также на сложной градации постоянно варьирующихся повторов. Вообще «Вариации» являются одним из излюбленных авторских жанров Г. Алексеева. При этом он часто создает две или более вариации на одну тему, объединяя их потом в циклы. Такие вариации могут быть объединены только темой или же представляют собой структурно подобные, но демонстративно разнонаправленные по смыслу тексты.

В связи с алексеевскими вариациями следует сказать и о роли циклизации в его творчестве. Примерно пятая часть анализируемых стихотворений объединена в авторски зафиксированные (т. е. собранные) циклы, включающие, как правило, небольшое число текстов — чаще всего от двух до четырех. Примером перерастания цикла самостоятельных стихотворений в поэмообразное образование предстает состоящее из одиннадцати частей «нечто похожее на поэму» «Тебе и себе» (1972—1973).

Творчество Г. Алексеева представляется также чрезвычайно заманчивым объектом исследования с точки зрения реального взаимодействия в нем стиха и прозы. Действительно, видимая прозаичность речевого строя, характерная, как принято считать, для свободного стиха, оказывается тем не менее не вполне той же самой, что в настоящей прозе. С одной стороны, это нетрудно увидеть на материале алексеевского романа, в котором несколько раз происходит сгущение прозаической речи до стихоподобного состояния, причем ориентиром этого подобия выступает алексеевский же свободный стих с его системой повторов и кружений над темой.

Первый такой фрагмент появляется в «Зеленых берегах» уже на первой странице, в самом начале повествования при описании города. Правда, в этом случае описание не завершается острой кодой, столь характерной для большинства логически завершенных стихотворений Г. Алексеева, — в ре-

зультате полное стихоподобие все же не создается, а стиховое напряжение постепенно разряжается. Отличным от стиха оказывается и то, что большинство фраз в алексеевской прозе принципиально длиннее употребляемых в его стихах, где напряженная дробность речи создается не только за счет двойной сегментации, но и за счет использования коротких параллельных фраз.

Когда же такие параллелизмы возникают в романе, они помогают выделить в его прозаической ткани достаточно точные аналоги алексеевского верлибра. Вот пример такого «искусственного» стихотворения, выделенного из «Зеленых берегов»:

«Сердце мое
мгновенно становится легким,
как праздничный воздушный шарик.
Вырвавшись из моей груди,
оно взмывает к потолку,
стучается об основание люстры
и отскакивает в угол.
Там оно висит,
чуть подрагивая,
розовое,
округлое
и довольно приятное на вид.
Ну вот, — думаю, —
теперь его доставать придется,
лестницу придется искать.

Редактор глядит на потолок,
замечает сердце
и улыбается доброй,
вполне человеческой,
нередаторской улыбкой.

— Возьмите палку!
Вон она там, в другом углу.
Мы ею шторы задвигаем».

Формально перед нами вполне полноценный алексеевский верлибр, стать самостоятельным текстом ему мешают только прочные контекстуальные связи с романом и характерное для всякого фрагмента целого отсутствие логической и интонационной завершенности. Подобных примеров в романе можно найти около двух десятков. При этом они ничуть не разрушают целостности прозаического текста, лишь демонстрируя его неразрывную связь с поэтическим творчеством главного героя, ни одно из стихотворений которого при этом не приводится в романе даже в отрывках.

Попытка же обратного эксперимента — превращения алексеевских верлибров в прозаические миниатюры — приводит к куда менее симпатичным, но в силу этого отнюдь не менее показательным результатам: получается чрезвычайно вялая, аморфная проза, перенасыщенная лишними повторами, и только.

Рядом с искусственными преобразованиями стиха в прозу и обратно, вполне убедительно, как нам кажется, демонстрирующими неадекватность

используемого речевого материала, можно рассмотреть еще один эксперимент подобного рода, проводимый уже самим автором. Это — любимые Г. Алексеевым верлибры с несомненно прозаическими эпитафиями, которые затем естественно входят в ткань стиха.

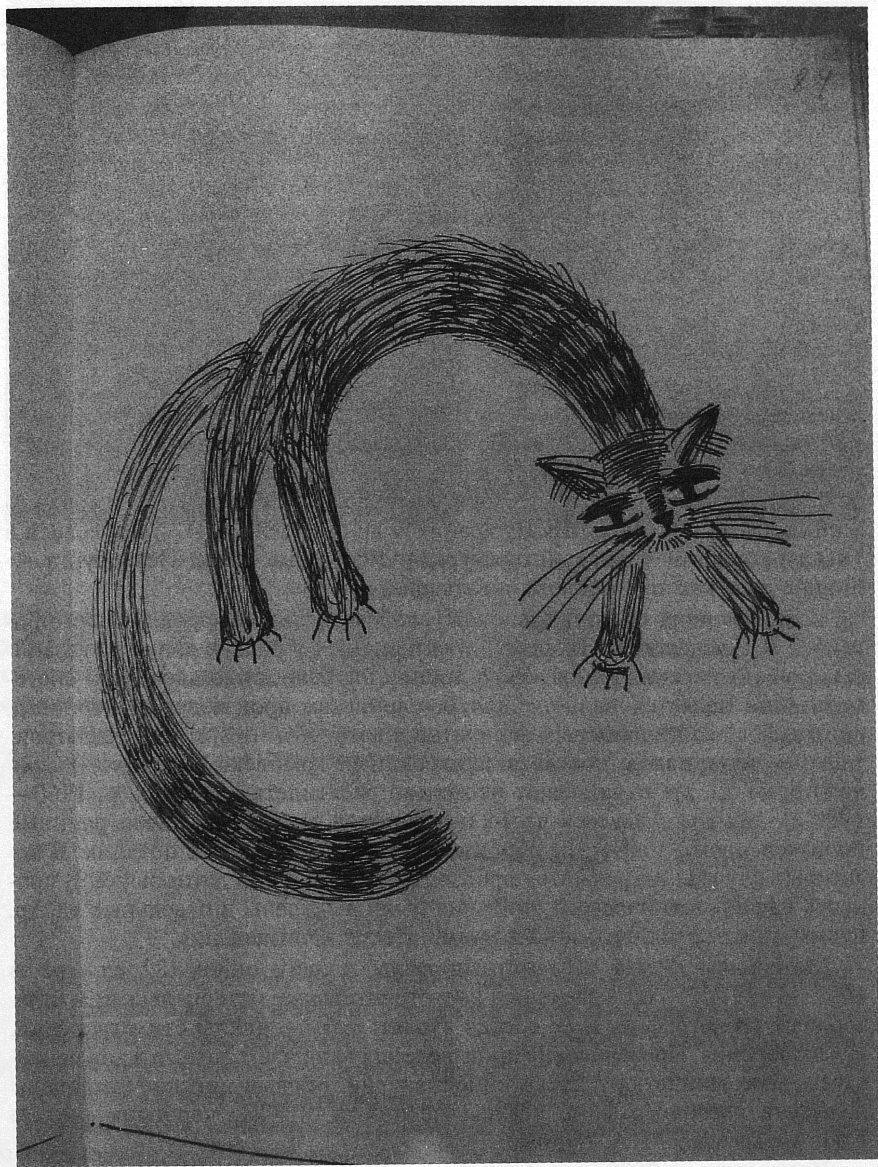
В этом ряду можно назвать, например, стихотворение «Погребение поэта» с эпитафией из воспоминаний И. И. Васильева о А. С. Пушкине: «Был ли кто при погребении поэта, кроме одного полицейского чиновника, сведений не имеется». Текст стихотворения начинается несколько измененной фразой эпитафии: «Был ли кто при погребении, / кроме одного полицейского чиновника / с распухшей от флюса щекой?», которая затем, еще более варьируясь, появляется в начале пяти из шести строфоидов. Тут мы имеем дело с простейшим случаем: чужой прозаический текст превращается в поэтический, становясь элементом повтора, т. е. максимально активной стихообразующей части текста.

Сложнее происходит превращение и обыгрывание эпитафий из Камю, Ясперса и Кьеркегора в «Вариациях на экзистенциалистские темы» (1979) и в циклах «На темы Ницше» и «На темы Евангелия», где само понятие темы в значительной степени сближается с музыкальным: перед нами — словесные вариации, развивающие и обыгрывающие тему-цитату.

В связи с творческой практикой Г. Алексеева можно упомянуть характеристику современного свободного стиха, данную во внутренней рецензии на его рукопись И. Бродским (1969). «Не обладая основным формальным признаком поэзии — рифмой, стихи, представленные в данной рукописи, имеют к поэзии самое непосредственное отношение, — пишет один из наиболее ярких представителей неоклассического направления в современной поэзии. — Это, так сказать, родное дитя без портретного сходства. Стихи эти написаны свободным стихом, так называемым „верлибром“, который еще не завоевал себе в русской поэзии ни места, ни популярности, ибо чрезвычайно трудно добиться того, чтобы строки „держались“ сами по себе, без поддержки рифм и твердого метра. Это мало кому удавалось, и глаз и ухо русского читателя к „верлибру“ пока еще непривычны. Едва ли в русской поэзии „верлибр“ может рассчитывать на большое будущее, но право на существование он имеет наравне со всеми другими формами организации речи. Тем более он имеет это право, когда он обладает такой выразительностью, как у Г. Алексеева.

Стихи Г. Алексеева читаются так же свободно, как если бы они были написаны любым рифмованным четырехстопником, но без тех гармонических (и в общем лишних) ассоциаций, которые связаны с любым часто употребляемым метром. Поэтому взгляд наш становится как бы пристальней, и пристальность эта вознаграждается. Главный эффект, производимый верлибром, это — чудо обыденной речи. То есть это даже не главный эффект, а главное средство. Мы видим доселе не замечавшуюся нами пластику обыденных оборотов, их своеобразную гармоничность, и тем самым наше отношение к словам, к собственной ежедневной речи становится глубже, точней, чувством речи и сама речь углубляются.

Рифма и метр, обеспечивающие гармонию, с успехом заменены в стихах Г. Алексеева диалектикой сюжета, пафос — точностью слов, эффектные концовки — логикой мысли».

(№ 36, л. 84)

Среди современных питерских поэтов авторитет Г. Алексеева достаточно велик, поэтому вполне можно говорить также о реальном присутствии в петербургском поэтическом пространстве школы Алексеева, что не подразумевает, разумеется, подражательности, но предполагает последовательное использование суммы приемов, наиболее детально и целенаправленно разработанных основателем современного питерского верлибра. При этом свободный стих в разной степени интенсивности используют и многие другие авторы, никоим образом не ориентированные ни на алексеевскую структурно-жанровую модель верлибра, ни на романтико-иронический пафос его лирики.

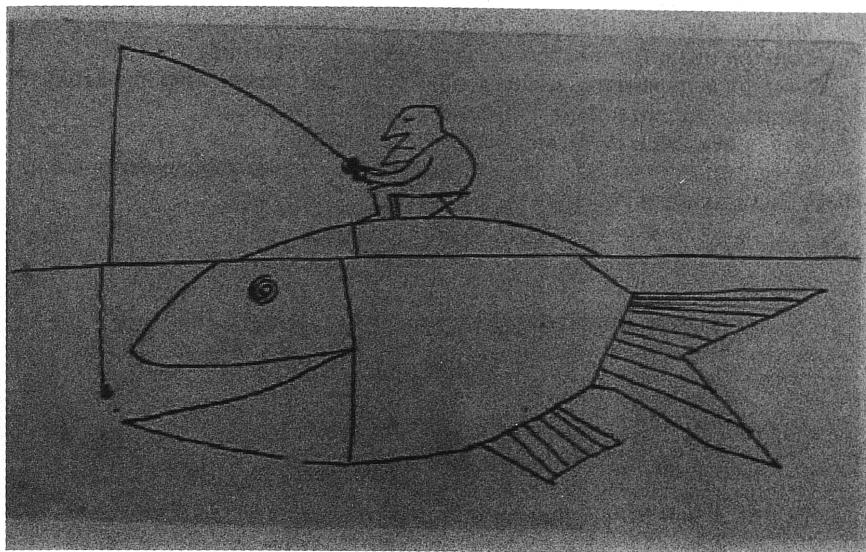
* * *

Архив Г. И. Алексеева был передан в Рукописный отдел вдовой поэта Алексеевой Майей Борисовной в 2001 г. накануне ее отъезда в Израиль на постоянное место жительства. В 2004 г. после научно-технического описания фонд Г. И. Алексеева (868) стал доступен для исследователей. В архиве Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (бывший ЛИСИ) хранится личное дело Г. И. Алексеева, а в Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга — личное дело как члена Союза писателей.

Большая часть единиц хранения (особенно стихотворения) сформирована Г. И. Алексеевым. Творческие материалы собраны в папки с указанием хронологических рамок. Характерной особенностью авторской систематизации является наличие для большинства произведений черновых автографов, машинописных вариантов с авторской правкой и подготовительных материалов, составляющих единый комплекс. Хронологически некоторые ед. хр. охватывают несколько десятилетий (например, 1960—1980-е), так как Алексеев часто использовал листы со своими ранними произведениями в качестве оборотов для написания более поздних. В некоторых случаях встречаются произведения с двойной датировкой. В процессе научно-технического описания были выделены в отдельные ед. хр. поэмы, циклы стихотворений и прозаические произведения.

Материалы фонда систематизированы в одну опись (82 ед. хр. за 1957—1987 гг.) — произведения, подготовительные материалы к ним и материалы к биографии. В ее состав входят: поэмы, циклы стихотворений, стихотворения, Прозаические произведения включают разные жанры: рассказы, эссе, миниатюру, пьесу, киносценарий. Биографические материалы содержат автобиографию, тезисы лекций в ЛИСИ, черновик письма Г. И. Алексеева к М. А. Дудину.

Кроме того, в 2000-е гг. фонд пополнился также большим собранием стихотворений Г. Алексеева в электронном виде (в основном 1970-х гг.), подготовленным поэтами А. Мирзаевым и А. Масловым, близко знавшими Алексеева и бывшими его учениками (на дискете и в распечатке), CD с записью так называемого Ташкентского архива поэта (фотокопии автографов и выстроенное в алфавитном порядке названий собрание стихов Алексеева, переведенных в электронный вид с указанием места публикаций), комплектом ксерокопий машинописи стихотворений Алексеева, подарен-

(№ 35, л. 90)

ных автором литературоведу и поэту Ю. Б. Орлицкому с автографами на каждой странице и дарственной надписью, аудиокассетой с записью авторского чтения Алексева. Эти материалы находятся в процессе обработки и описания.

В предлагаемой подборке даны образцы стихотворений Геннадия Алексева разных лет. Сохраняется авторская орфография и пунктуация.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕННАДИЯ АЛЕКСЕЕВА

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Достаточно образован, но языками не владеет (ему хватает и русского).
За границей не был и туда не стремился (видимо, патриот).

Ни в чем не участвовал, ни к чему не привлекался, никуда не избирался и ни к чему не примыкал — всегда был в сторонке.

Вспыльчив, необщителен, нерешителен и самолюбив.

Любит кошек, живопись кватроченто, венгерский токай и большеротых блондинок.

Пьет умеренно (возможно, по причине бедности).

Известен в узких кругах.

Появился на свет в неудобное время — в 1932 году.

Отец был военным, мать — женой военного.

До 1941 года был «гогочкой». Во время войны скитался по Северному Кавказу и Средней Азии, ночевал в бомбоубежищах, голодал, болел, воровал и отирался на толкучках.

В 1948 году решил стать писателем.

Окончил школу в 1950 году (довольно успешно).
Окончил институт в 1956 году (весьма посредственно).
Окончил аспирантуру в 1963 году (несколько неожиданно для себя).
Защитил диссертацию в 1966 году (с грехом пополам).
Стал доцентом в 1975 году (вполне заслуженно).

42 года прожил на Васильевском острове в сыром городе, который некогда был столицей Российской империи.

(№ 80, л. 1—4)

СТИХОТВОРЕНИЯ И МАЛАЯ ПРОЗА 1960—1980-х гг.

SILENTIUM

Вчера я был на кладбище,
На братском кладбище,
Одном из многих.
Длинные широкие холмы.
На каждом
Белый камень.
Цифры
1941—1942.
И больше ничего.
Трава подстрижена.
Скамейки.
Дорожки,
Посыпанные рыженьким песком.
Кое-где
Букетики цветов
Положены на край могилы.
И все так мирно,
Тихо
И красиво.
Не верится!
Не верится, что здесь, —
Два метра вниз, —
И кости,
Кости,
Бесчисленные черепа
Без имени,
Вплотную,
Ряд за рядом,
Слоями,
Тысячи...
Они ведь тоже
Любовались небом,
Цветами
И архитектурой.

Смеялись,
Читали книги
И мало думали о смерти...
Вот это —
Это был скрипач.
Он жил один
И мертвым пролежал в постели
В промерзшей комнате
Неделю.
Два паренька,
Похожие на стариков,
Снесли останки музыканта
По скользкой лестнице
К машине
И запихнули в кузов,
Среди таких же,
Подобранных на улице
И в вымерших домах.
А вечером
В буржуйке
Они сожгли его немую скрипку
С причудливым
Старинным вензелем на грифе.
Её хватило
На две кружки кипятку...
Вот, рядом
Скелет подростка.
Он был убит на Кировной,
Когда ведро воды
На санках
Вёз с Невы.
Мечтал он стать врачом
И отыскать лекарство
От рака.
И еще любил он
Писать стихи.
Они не очень, правда,
Были хороши,
Но автору всего пятнадцать
Исполнилось бы в марте...
А дальше
Лежат скелеты женщины и девочки.
Когда мать умерла,
Дочь не могла уже
Кричать.
Она жила еще два дня.
Их завернули в одеяло.
Вместе

Весили они
Чуть больше девочки одной
Одиннадцатилетней, довоенной...
Дальше
Мужчины,
Дети,
Старики,
Рабочие,
Художник,
Канторский служащий,
Шофёр...
Быть может,
Видел я их лица
В троллейбусе,
В театре,
На первомайской демонстрации,
На пляже в Сестрорецке,
В Эрмитаже,
В Петергофе...
Где-то здесь
Лежит мой дед.
Он был простым рабочим
На «Скороходе»
Сорок лет.
Он отравился,
Съев мездровый клей:
Есть больше было нечего.
Я даже приблизительно не знаю
То место,
Где он погребён.
О, ленинградцы,
Земляки мои!
Как много вас!
Как много человеческих надежд
Зарыто здесь
В чудовищных могилах!
Прошло пятнадцать лет,
И так же
Идут осенние дожди над Ленинградом
И каждую весну
Грачи вьют гнезда на вершинах лип
В Михайловском саду.
Давно уже исчезли
Последние руины.
На Невском нет теперь трамваев,
И больше стало
Цветов на улицах.
Вы знаете,

Перед Казанским
Цветут великолепнейшие розы
Пурпурные и чайные
Величиной с ладонь мужчины!
И всюду,
Всюду жизнь!
И я, живой,
Стою здесь, рядом с вами,
И ветер
Шевелит мне волосы.
А по дорожке
Котенок серый
(Кладбищенского сторожа)
Крадется к бабочке,
Сидящей на песке.
Но он неопытен в охоте,
И бабочка уже далеко,
А он, обиженный,
Стоит с поднятой лапкой
В изящной позе маленького тигра...
О, Ленинградцы!
Земляки мои!
Слова бессильны.
Простите мне
Молчание моё!

(№ 12. Черновой автограф. 1960-е. 6 л.)

СОН В МАЙСКУЮ НОЧЬ

В день победы вышли все скелеты из братских могил. Потоками текли они к центру города. Скелеты в рваном наряде, в простынях, в одеялах. Один из скелетов схватил меня за руку: я тороплюсь. Я девушкой была, меня звали Анной. Я тороплюсь. Мне нужно рассказать, пусть знают люди. Я знаю, вы поэт. Напишите поэму о нашей любви. Я тороплюсь. Стук костей. Простите, вам не страшно. Вы не бойтесь, я не пахну, всё давно сгнило. Я была красива. У меня были золотые волосы и серые глаза. Рискну о любви. О нём и о себе. Потом меня бросили на грузовик и закопали. И я его никогда не видела. Помогите мне найти его. Он жил на Моховой. Скажите, я лежу на Серафимовском, пятая траншея от ограды, в метре от юго-западного угла. Пусть он придет. Простите. Я тороплюсь. Пора! Прощайте!

(№ 12. 1960-е. 1 л.)

ПЕС

все мы — несчастные сукины дети —
сказал Уильям Фолкнер —
и он был прав!

по воле случая рожденный псицей (сукой)
в один прекрасный теплый летний вечер
по воле случая!

он ловит блох
держит уши торчком

с веселым видом
он подбегает к воде
лает на волны
рычит на...
прыгает
самозабвенно машет хвостом
и отряхивается

скалит зубы
поджимает хвост
и иногда подымает ногу
на ствол липы
тополя
или клена
или на столп городского фонаря

словом ведет себя в соответствии с инструкцией
о поведении купающихся
в местах свободного неорганизованного купания

дайте ему волю!
дайте только ему волю!
только дайте, только дайте ему волю!

милый песик
хорошая большая псина
отличнейший псище!

но отвернулся от меня и побежал прочь
увидев красивую юную псицу

кобель проклятый!

как же!
дадут ему волю!
не дождется он ее
не дождется!

что это?

за кем оно гонится
созвездие Гончих псов?

то пса любимого
плачевные останки

их много

пластмассовый
смешной игрушечный плюшевый пес
огромный злющий пес на цепи
что он охраняет?
что?

веду пса на поводке
и в наморднике
пес недоволен
он норовит лапой снять намордник

и пес-монгол с раскосыми глазами
и пес-монгол, Руси поработитель
и русский пес
по-матерному лающий
и русский пес
влюбленный в свою цепь

бродячий жалкий пес
свободный гордый пес
бездомный

мокрый пес
мокрый пес
совсем вымок
на улице дождь

но запах неприятный —
псиной пахнет

собачьи следы на пыльной дороге

всю жизнь
мечтал о хорошем большущем псе
и всю жизнь
у меня его не было

собачья выставка
выбираю себе пса

все псы вселенной
лают по утрам
мне в ухо

и в хоре песьих голосов
один
знакомый
милый голос

созвездие Гончих псов
за кем они гонятся
я спрашиваю —
за кем они гонятся?

каждое утро белокурая девочка лет двенадцати —
вылитый ангел
прогуливает кофейного доберман-пинчера
у меня под окнами

друзья мои
прекрасен белый пес
и черный пес
друзья мои
прекрасен
и пегий пес
и пегий пес неплох

все остальное
сухая чепуха
все остальное
чушь собачья
все остальное
вы и так знаете

и простите мне баловство
оно невинно

созвездье Гончих псов
кого-то настигает
кого-то загрызет
созвездье Гончих псов
этой ночью

представим себе
такую картину:
я сижу у камина в кресле
рядом сидит мой верный пес
где-то пропел петух
скоро утро
я не сплю
и мой пес тоже
где-то второй раз пропел петух
я бодрствую
и мой пес тоже
где-то в третий раз пропел петух
но мы с моим псом
не смыкаем глаз

камина в сущности нет
но кажется что он есть
такое обманчивое впечатление
а петухи по сути дела не поют
но чудится что они орут во все горло
такое обманчивое ощущение
мы с моим псом
в сущности мертвы
но выглядим как живые
такой обманчивый у нас вид
кажется
возникает вопрос
что же не обманчиво в этом мире?
кажется что он возникает
но в сущности
он возник давно
в глубочайшей древности

кажется
что это поэма о псе
но в сущности
она обо всем
решительно обо всем —
о чем хотите

(№ 23. Машинопись с правкой автора. 3-й лист по авторской пагинации отсутствует.
1970-е. 3 л.)

ПЬЯНЫЙ РИСОВАЛЬЩИК

Княгине Миле

1. В АНТРАКТЕ

закончился
второй акт моей жизни
и предо мною
опустился плотный занавес
из прямых женских волос
непонятного цвета

то ли цвета свежего снега
пасмурным мартовским утром
то ли цвета перистых облаков
в безветренный июльский день
то ли цвета молодого жемчуга
добываемого у берегов Японии
то ли цвета сентябрьских сумерек

отраженных в озерах Карельского перешейка
— трудно понять

разглядываю занавес
трогаю его
шевелю руками
но раздвинуть не решаюсь

кажется
антракт будет долгим

2. КАК Я ВЛЮБЛЯЛСЯ

я говорю ей:
не мешайте мне
я занят важным делом
я влюбляюсь
я говорю ей:
не отвлекайте меня
мне нужно сосредоточиться
я же влюбляюсь
я говорю ей:
подождите немного
мне некогда
я же влюбляюсь в вас

я должен влюбляться в вас
внимательно
мне надо здорово в вас
влюбиться

ну и как? — спрашивает она
— получается?
— ничего, говорю
все идет как по маслу
— ну что? — спрашивает она
— уже скоро?
— да, да, говорю
только не торопите меня

— ну скорее же, скорее! —
говорит она
— мне надоело ждать!
— потерпите еще немножко —
говорю я
— куда вам спешить?
— но почему же так долго! —
возмущается она —

так ужасно долго!
— потому что это навсегда —
говорю я —
потому что это навеки
— ну, теперь-то уже готово? —
спрашивает она
— сколько можно тянуть?

да, уже готово! —
отвечаю я
и гляжу на неё
влюбленными глазами

не глядите на меня так! —
говорит она
— вы что, с ума сошли?

3. ВЫБОР

среди тысяч медлительных
знавших любовь
многоопытных женщин
и девушек резвых
с пушком на округлых щеках
я выбрал её

и я поставил её
на высокий пьедестал

она стоит там
и поправляет волосы
слегка смущенная
но ничего
скоро привыкнет
она стоит там
и смотрит на меня сверху
слегка испуганно
но не беда
скоро осмелеет
а я гляжу на неё снизу
и удивляюсь

вот оно
это существо
с глазами цвета крепкого кофе
вот оно
это существо

с подмышками пахнущими корицей
вот оно
это существо
которому нет подобных!

вот она стоит
и улыбается довольная
ей уже нравится
на пьедестале

4. РОЗОВОЕ ОБЛАКО

мне почудилось
что я влюбился
и тотчас
на город
опустилось густое розовое облако

и все предстало передо мною
в розовом свете:
история раннего средневековья
океанский лайнер у пирса
фасад психиатрической больницы
и цистерна с хлебным квасом

гляжу на небо —
оно розовое
а ведь было между прочим
голубым!
гляжу на траву в сквере —
она густо-густо розовая
а ведь была когда-то
ярко-зеленой
гляжу на девиц
гуляющих по набережной —
на каждой розовое платье
а ведь раньше
платья были разные
желтые
белые
и синие

прихожу к главному врачу
и говорю: помогите!
мне ведь только почудилось!

увы

не почудилось! —
говорит врач
и пишет мой диагноз
на розовой бумаге

5. ЕЁ ИМЯ

я бродил по лесам
уже тронутым осенью
и кричал её имя

и сосны притихнув слушали
и сосны молча прислушивались
и папоротник слушал затаив дыхание
и белки на ветках прилежно слушали

совершенно охрипнув
я умолк
и уехал в город

через неделю стало известно
что обнаружено странное явление природы:
все леса
в районе поселка Сосново
твердят как безумные
одно и то же женское имя

успокоить их
никак не удастся

6. ХВАСТУН

стоит мне захотеть —
говорю —
и я увековечу её красоту
в тысячах гранитных
 бронзовых
 и мраморных статуй
и навсегда останутся во вселенной
её ноздри
и узенькая ложбинка
снизу между ноздрей —
стоит мне только захотеть!

экий бахвал! — говорят
— противно слушать!

стоит мне захотеть —
говорю —
и тысячелетия
будут каплями стекать
в ямки её ключиц
и высыхать там
не оставляя никакого следа —
стоит мне лишь захотеть!

ну и хвостун! — говорят
— таких мало!

тогда я подхожу к ней
целую её в щеку
и её седые волосы
начинают светиться
мягким голубоватым светом

они глядят
и глазам своим не верят

7. НОЧЬЮ

ночью я просыпаюсь в сомнении:
неужели и впрямь
существует белый столп её шеи
с двумя тонкими складочками
у подбородка?

я включаю свет
разглядываю её фотографии
и убеждаюсь —
да
существует!

ночью я просыпаюсь в страхе:
неужели и впрямь
исчезнут когда-нибудь
пятнышки оспы
на её левом предплечье
и само предплечье
исчезнет навеки?

я встаю
подхожу к окну
и гляжу на прозрачные облака
освещенные лунным светом —
нет
не исчезнет!

8. ОКРЫЛЕННЫЙ

легко ли мне?
мне тяжело
я лежу
придавленный плитой тысячетонной
и думаю о странностях природы
и о случайности —
владычице судеб

легко ли мне?
да, да, мне так легко!
и я взлетаю
и парю над крышами
стараясь ненароком не задеть
телеантенны и печные трубы
и долго так летаю и смеюсь
и наслаждаюсь чувством невесомости

о, милая
взгляните на меня
как я летаю
окрыленный странным чувством
которое порою посещает
и самые бесчувственные души
которое порою в этих душах
располагается надолго
а порою
и остается в этих душах
навсегда

9. ПЬЯНЫЙ РИСОВАЛЬЩИК

серьезно пьяный рисовальщик
чрезмерно пьяный рисовальщик
смертельно пьяный рисовальщик
что-то
рисует

еле сидит
но рисует
вот-вот упадет
но упорно рисует

он рисует неожиданность
он рисует неизбежность
он рисует непостижимое
он рисует лицо своей возлюбленной

он вырисовывает
её зрачки
её веки
уголки губ
и маленький бугорок на подбородке

возлюбленная его далеко
но он рисует её наизусть
то ли он напился от любви
то ли он пьян любовью

понюхайте его рисунок
он должен чем-то пахнуть
то ли великой нежностью
то ли дешевым вином

но вот рисовальщик
роняет голову на грудь
и засypает

в булочную привезли хлеб
в Париже пошел дождь
на солнце появилось пятно
и крепко спит пьяный рисовальщик

в гараже моют автобус
в Рейкьявике идет снег
на луну упал метеорит
и сладко спит влюбленный рисовальщик
проспится ли он?

поглядим

10. В ЭТОМ МИРЕ

оказавшись
в этом сложно устроенном мире
я восхищался
безногим и одноруким инвалидом
который очень ловко передвигался
с помощью единственной руки

по ночам
я слушал сводный хор ангелов
который пел очень торжественно
к своему величайшему удивлению

я обнаружил здесь
её рот
её локти
и её голос

не ругайте при мне этот мир
воздержитесь

сентябрь 1972 года

(№ 29. Машинопись 2 экз. На л. 6 об., 7, 7 об., 8 и 8 об. — правка автора. 16 л.)

* * *

«О, рассмейтесь, смехачи!»

В. Хлебников

Посмеемся
Над этой дурацкой планетой!
Похохочем
Над тупостью звезд несуразных,
Над величием дутым,
Над трагизмом отпетым
Смехом смачным,
Утробным
И разнообразным!
Задохнемся,
Зальемся
Над пустышкой-орехом,
Погогочем,
До плача
Над собственным смехом!

7.10.60

(№ 36, л. 6)

* * *

Я схвачен осенью
За воротник.
Она нашла меня, —
Разрыла гору книг.
И всё пропало,
Все пошло насмарку:
И пьяный По,
И сумерки Ремарка.
Она смеялась,
Ум мой приговаривая
Свариться заживо
В ее багряном вареве.

23. 9. 60

(Л. 5 об.)

Кто там родился?
Какой счастливец
Будет купаться
И лопать сливы,
Будем стихи сочинять
В вагоне,
Будем глядеть,
Как мальчик сопливый
Красную телку
Прутиком гонит.
Рыжий мальчишка
И тоже счастливый.
7.10.60

(Л. 6 об.)

ПОДРАЖАНИЕ ЛОРКЕ

Гитара.
Гитана.
Гранада
И гранды.
 Громко
 И грустно.
 Грозно
 И грубо.
Губы.
Глаза.
Голые плечи.
Горы
И гордое горе гитары.
 Ах, спляшем
 Ах, спляшем
 Под горе гитары!
 Ах, спляшем фанданго
 Под горе гитары!
(Л. 7)

ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ

(Цикл)

ПЛОЩАДЬ

Она поднос.
И город осторожно
Несет её
На вытянутых руках.
И чашкой кофе на подносе,
Угрюмый монумент.

ПОДЖИГАТЕЛЬ

Мне некуда отступать.
Вчера я купил коробок спичек
И сжег все мосты.
Пожарники спали.

МОСТ

Два берега
Он держит на ладонях.
По нему
Проходят женщины,
Пронесут губы.
Пронесут запахи духов
И волосы под шляпками
И многое другое.
Под ним
Проходят баржи.
Провозят песок,
Провозят дрова
И многое другое.
А льдины хищные
Грызут его колени.

МАРСИАНИН

Я вижу марсианина
И говорю ему:
— Здравствуйте,
Дорогой марсианин!
Почем фрукты на марсе?

1963

РЕКЛАМА

Какая пышность!
Сколько громких слов!
Кокетства!
Наглости!
И дружелюбия!

ЛЕГКО

Я легкий.
Я легко живу.
Дышу я легкими легко.
Легко смеюсь,
Старею полегоньку.
Дай, господи, мне
Помереть легко.
Тебе ведь это
Так нетрудно.
(Л. 7 об.—8)

СВЕТЛЫЙ СТИХ

Я вижу свет.
Свет.
Светляки.
Свечи.
 О, светлые умы!
 О, светочи науки!
Да будет свет!
Свет свят.
Святыня — свет.
Целую ночи света!
 О, слава свету!
 Слава!
Я свет возьму в охапку,
Спрячу свет
От похитителей.
Я спрячу его в сейф.
Запру на все ключи
И буду в темноте сидеть,
Спокойный
И счастливый.

1963

(Л. 9 об.)

* * *

О, эти юноши в очках!
Они опасны.
Они всё видят,
О многом знают.
О, хитрые,
О, мудрые очкарики!

Обезоружьте их
Сорвите с них очки!
Пока не поздно
Надо всех очкастых
Собрать
И выселить куда-нибудь подальше,
Пускай живут себе в сторонке,
Пусть глядят
В свои очки
Часами
Друг на друга.
(Л. 42)

* * *

Я вижу вечную весну.
Скучище, право!
Порхают бабочки.
Поют скворцы.
И лошади брыкаются игриво.
 И роза —
 Вот она —
 Пошлейшая красotka.
 Качается колючками грозья.
О, роза!
О, цветок!
 О, бесполезность!
Я нюхаю тебя.
Мой нос в пыльце.
О, роза
Разрешь тебя сорвать
Воткнуть в петлицу
И по Невскому пройтись
Нахальным современным футуристом.
Ручаюсь, роза,
Я пройду весь Невский.
И пусть плюют в меня.
Пусть будет все что будет.
О, бесполезность!

С Розою в петлице
Я подхожу к воротам.
Путь мой длинный
Усыпан розами.
Я босиком иду.
Следы кровавые
На розах не заметны
Лишь красными,
Лишь красными усыпан
Мой путь.
По прихоти садовника.
Я вижу!
Я вижу вечную весну.
Скучища, право!
Но розы,
Розы скуку разгоняют.
И весело.

(Л. 46)

ПРЯЧУЩИЕ

Есть у них что-то,
но не показывают —
прячут.

да покажите же, — говорю —
покажите!
но не слушают
все прячут что-то от меня
все прячут
думают, что не найду

да я и искать-то не стану
ерунду же какую-то прячут
знаю я их!

9.1.70

(№ 42, л. 1)

СКОРБЯЩИЙ ХРИСТОС

Скорбящий Христос
Сидит пригорюнясь,
Такой некрасивый — некрасивый!
Такой грустный — грустный!
Бросьте, — говорю я ему, —
Не переживайте!
Эти скоты

Достойны своей участи.
Так им и надо!
Я не о том, —
Говорит Христос,
Такое злодейство —
И всего за тридцать серебряников,
Он бы и больше мог получить, —
Я-то знаю
Ему сказали — тридцать —
Он и согласился.

16.7. 66

(№ 39, л. 13)

ВКУС СМЕРТИ

Тебе надо умереть,
Это в наших интересах! —
Советуют мне враги.

Тебе надо умереть.
Это в твоих интересах! —
Уверяют меня друзья.

Мне надо умереть,
Раз это всем на руку —
Думаю я
И пробую умереть.

Да ты не пробуй! —
Говорят мне друзья и враги, —
Ты возьми и умри!

А я не могу так, сразу.
Я все пробую и пробую
И никак распробовать не могу.

Вкус у смерти
Какой-то непонятный:
Ни кислый,
Ни сладкий,
Ни горький,
Ни солёный,
Но и не пресный —
Тут что-то не так,
Думаю я, —
Отец говорил мне,
Что по вкусу

Смерть напоминает моченое яблоко.
Правда, он умер зимой,
И свежих яблок тогда не было.

14.7.66

(№ 39, л. 1)

БЛОКУ

Он пришел бог весть откуда
И совсем неожиданно.

Он никак не мог понять
Куда попал
И мучился.

Поэтому он и ушел.

Его провожала женщина в черном,
Никто не знал, кто она такая
Но их и раньше
Часто видели вместе.

Некоторые полагают,
Что он не был человеком,
Что он был нечто.

(№ 36, л. 7)

ТИРАН

Тиран был прав.
Тиран всегда был прав.
И правил правильно.
Тиранил он умело,
тиранил так,
что все его любили
И преклонялись перед столь искусным
Тиранством.
Затираненный народ
Копал картошку,
Не смущаясь тиранией,
И поедал ее,
И было хорошо.

(№ 36, л. 81)

Я оглянулся. Снизу шел мурлыча
Спокойный кот в сверкающих манжетах.
В. Луговской

Когда я понял,
что спасенья нет,
я пригорюнился.
Мой кот Филимоныч
прыгнул ко мне на колени
и ткнулся мокрым носом
мне в щеку.
— Вот, брат, Филимоныч,
сказал я ему,
спасения-то, оказывается, нет.
Пропадем мы с тобой.
И вообще —
всё пойдет ко всем чертям.
Филимоныч улегся поудобнее
на моих коленях
и уснул.
Ему снилась
очень большая и почти пустая
вселенная.
Ему снилось,
что мы идем с ним
по этой вселенной,
он впереди,
я сзади,
и его хвост
развивается как знамя.
Мы идем с ним среди звезд
и прочих небесных тел.
Земли уже нет и в помине.
Она испарилась.
А мы спасены,
потому что, как оказалось,
только он, Филимоныч,
знал путь к спасению,
знал, но помалкивал.

13. 2. 65

(№ 36, л. 95)

СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН

Я подошел к святому Себастьяну,
утыканному стрелами,
вытащил из его груди одну стрелу,
рассмотрел её
и воткнул обратно.
Ох! — сказал святой Себастьян,
нельзя ли поосторожнее,
молодой человек!
Не притворяйтесь, —
сказал я,
вам не так уж больно!
Если хотите,
за умеренную плату
я научу вас прилично страдать.
Хам! —
сказал святой Себастьян,
в тебе нет ничего святого.
И закатил глаза к небу.

(№ 36, л. 99)

НА СМЕРТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Стреляют в президента Соединенных Штатов.
Умер президент Соединенных Штатов.
Хоронят президента Соединенных Штатов.
Весь мир любитесь этим редким зрелищем.
Весь мир в восторге от этой роскоши.
Весь мир покрывает от удовольствия.
Почему так редко убивают президентов.
Неужели это так трудно?

(№ 36, л. 40)

ШАХМАТНЫЕ ИСТИНЫ

Надо иметь мужество
быть пешкой.
Надо быть мужественным
и не быть пешкой.
Надо быть мужественной пешкой
и пробираться в ферзи!
Надо стать ферзем
и съесть все остальные пешки,
чтобы не пробрались в ферзи.

(№ 36, л. 113 об.)

МОНОЛОГ

Это — издевательство!
Да, это издевательство.
И это издевательство!
Да, и это!
Кругом — сплошное издевательство!
Да, кругом сплошное издевательство.
И раньше тоже было издевательство!
Да, и раньше было издевательство.
И после тоже будет издевательство!
И после, тоже.
Да что Вы все поддакиваете.
Это ведь тоже издевательство!
Нет, это
Выходит, что от издеательства
и спасенья нет!
Выходит так!
А не издеваетесь ли Вы надо мной!
(№ 36, л. 114)

* * *

Мой знакомый
ужасный соня.
Он спит
по двенадцать часов в день.
Мой знакомый
любил поспать
и знал толк в этом деле.
Он был женат,
детей у него не было.
Но во сне
к нему приходила возлюбленная.
Так, во сне
она родила ему мальчика и девочку.
Мальчик вырос
и стал Артюром Рембо,
а девочка
стала Клеопатрой.
Мой знакомый
был ужасно горд
своими детьми во сне.
Наяву он без конца
перечитывал стихи Рембо
и ненавидел Августа.
Когда мой знакомый умер,
за гробом,
рядом с женой,

шла его возлюбленная,
которая оказалась
обыкновенной продавщицей
из магазина канцелярских принадлежностей.
Ее держали под руки
молодой человек в цилиндре
с нервным и нагловатым лицом
и роскошная красавица
в восточном духе —
вся увешанная драгоценностями.
(№ 36, л. 114 об.)

ПОКУШЕНИЕ НА ГЕНИАЛЬНОСТЬ

Каждый час
происходит покушение на гениальность.
Преступников ловят,
судят,
наказывают.
Но каждый час
оно происходит —
это бесконечное покушение на гениальность.
(№ 36, л. 121)

* * *

Душа у меня голая,
а ветер холодный, северный.
Душа моя совсем продрогла.

Душу мою раздели
ночью в темном переулке.
Она кричала,
но поблизости никого не было.

Душа моя
трясется от холода
и зуб на зуб у нее не попадает.

Подошла к ней
какая-то женщина с авоськой.
— Ах — ты бедная, — говорит,
совсем-то ты голенькая!
Да и то хорошо!
Могли ведь и изнасиловать!
(№ 36, л. 124 об.)

* * *

Красоту распинали.
Тщательно заколотили гвозди,
Отошли в сторону и посмотрели.
Красиво! — сказали
и ушли.
Красота умирала медленно.
Прилетели вороны.
(№ 36, л. 125 об.)

* * *

Девки поют.
Ах, как протяжно
девки поют
вдалеке.

Девки поют про любовь.
Сладко,
ах, как сладко
девки поют про любовь.

И так хочется
любить кого-то,
любить этих девок.

И хочется попросить,
чтобы они всю жизнь
пели где-то вдалеке.

Всю жизнь
где-то вдалеке
будут петь эти девки
про любовь.
(№ 36, л. 127)

* * *

И ты,
убийца лохматый,
с ножом в заскорузлой руке.

И ты,
убийца неловкий,

И ты,
убийца красивый,

И ты,
самый лучший убийца,

Все вы,
меня убивая,
будьте самими собой,
будьте моими убийцами,
будьте простыми убийцами
и добряками не будьте.
Я вас не обманываю:
со мной пора кончать!
Мой час пробил.

(№ 36, л. 133)

* * *

Утром прибежал ко мне знакомый
и сказал:
Ты знаешь, царевича Дмитрия убили!
Но народ волнуется.
Одни говорят:
За что? Он же еще ребенок!
Другие говорят:
Правильно!
На то он и царевич Дмитрий!
Господи! — подумал я.
Еще на прошлой неделе
царевича показывали по телевиденью.
И он был живёхонек.
Господи! — подумал я.
Что теперь будет!

(№ 36, л. 135)

ЗАКАТ

Я не примирюсь,
не упрашивайте меня!
Ей-богу, не примирюсь!
не уговаривайте!
Нет, нет,
никогда не примирюсь!
И не думайте!
Нельзя же примириться!
Понимаете!
Никак нельзя!
Нельзя!
Нельзя!
Просто невозможно примириться
с наглостью заката,

дразнящего меня
оранжевым, желтым, малиновым
и лиловым,
дразнящим меня красным, —
будто я бык.

Нет,
просто невысказано примириться
с этим закатом, считающим себя
тореадором.

(№ 36, л. 154 об.)

* * *

Яблоки
в зеленой сетке
несет девочка
в белом пальто
Мимо проносится велосипедист
в красивом тумане.
За ним несется его синяя тень

Яблоки
в коричневой сетке
несет женщина
в сером пальто
Мимо с большой скоростью проносится вело-
сипедист
в красной куртке.
За ним,
ни на шаг не отставая,
несется его синяя тень.

Малиновые яблоки
в рыжей сетке
несет старушка
в черном пальто
Мимо на огромной скорости
проносится велосипедист
в красной шапке,
за ним, отставая метров на 100,
несется его тень
устала, видать

(№ 35, л. 39 об.)

ИЗ АНКЕТЫ

В счастливом мире
до потопа

я был веселым троглодитом
и добродушным мастодонтам
я за ушами щекотал

но
был потоп.

(№ 36, л. 27)

ПЬЯНЫЕ ДЕРЕВНИ

Утром еду по Руси на грузовичке.
Вдоль шоссе
стоят пьяные деревни.
Все избы покосились —
ни одна прямо не стоит.
— Что же это творится! —
говорю я шоферу, —
все деревни с утра пьяны,
а праздника нет!
— В праздник они и вовсе перепьются —
отвечает шофер —
все избы попадают набок
ни одна стоят не останется.
— Остановитесь, пожалуйста, у магазина, —
говорю я.
Вхожу в магазин,
покупаю «маленькую»
и выпиваю ее прямо из горлышка.
Пьяный
еду по Руси на грузовичке.
По сторонам шоссе
стоят совсем трезвые деревни.
— Всё ясно, — думаю я, —
чтобы не останавливать машину
водку надо брать с собой.

Август 61 — 7.9.68

(№ 37, л. 1)

ПАРЯЩИЙ ДУХ

Я увидел свой дух
парящим

распластав свои длинные крылья
он парил
высоко надо мною
он парил
в синеве небесной

наконец-то мой дух
воспарил!
мой уставший дух
воспарил!
поглядите
как он парит!
Как прекрасно
его парение!

Отчего же мой дух воспарил?
Просто так воспарил, беспричинно.
Воспарил безо всякого повода.

О, я счастлив —
безумно счастлив —
Я увидел свой дух парящим!
(№ 35, л. 50)

* * *

Я с этим не согласен!
— но почему
почему ты с этим не согласен
что за каприз?
но отчего
отчего ты не согласен
все же согласны!
да согласишься ты,
чего тебе стоит!

нет
я всё же с этим не согласен
я ни с чем не согласен!

— ну и ладно
ну и оставайся несогласным
ну и насыщайся своим несогласием
ну и упивайся им
ну и одевайся в своё несогласие
ну и укрывайся им
как одеялом!

чёрт с вами
я согласен!
со всем согласен!
— вот и чудесно!
вот и замечательно!
просто великолепно!

правда все уже не согласны
но ты не смущайся —
не стыдись своего согласия
привыкай к своему согласию
примиришь со своим согласием
приспособься
и обходи стороной несогласие
от соблазна держись подальше
несогласие так заманчиво
ты же знаешь.

30.8.81

(№ 35 (?), л. 55 об.)

* * *

Да, участь физиков поистине трагична.
На днях один из них,
отнюдь не бесталанный,
с задумчивой, загадочной улыбкой,
съел голову свою
и вытер губы
платочком клетчатым.
Подумать даже страшно?
Что если все они
давно уж без голов!
Чем думают они? —
Подумать страшно!
А лирикам все гораздо проще.
И голова у них большая редкость.
У лириков же головы редки.
Им проще.

(№ 36, л. 33 об.)

* * *

я сумасшедший
и живу в сумасшедшем доме

нет
это не так
я сумасшедший
но живу как ни странно на свободе

нет
я ошибся
я не сумасшедший
но живу почему-то в сумасшедшем доме

нет
это нелепо
я не сумасшедший
и я совершенно свободен

да да
я в своем уме
и я абсолютно свободен

впрочем и это
не совсем верно
я слегка не в себе
и не вполне свободен

но как я завидую
истинным сумасшедшим
живущим в подлинном сумасшедшем доме
вы не представляете!
(№ 35, л. 79)

ВАРИАЦИЯ ОБ УТЕШЕНИИ

Среди всех утешений
Предпочитаю простейшие —
 Поймаю Жар-птицу
 И сразу утешусь.
 Найду бесценные клад
 И тут же утешусь.

Не утешайте меня.
Не трудитесь.
И так утешусь.
(№ 35, л. 37)

* * *

Когда в переполненном автобусе
мне грешному
безгрешный ангел наступает на ногу
я
содрогнувшись от внезапной боли,
мгновенно возвращаюсь к первоистокам всего сущего
но взгляд мой продолжает скользить
по старческим лицам проноссящихся мимо домов
натываясь на эркеры и балконы
задевая за кронштейны и капители
проваливаясь в зияющие дыры подворотен
вот оно — наказание

за грехи мои тяжкие!
вот оно — воздаяние
за леность и себялюбие
оно — справедливое и неминуемое
Возмездие

Безгрешный но тяжелый ангел
говорит мне «простите»
но я его не прощаю
нет, нет — говорю я —
это мне надо просить прощенья
у вас, мой ангел
и у всех пассажиров этого автобуса
и всех прохожих на этой улице
и у всех голубей
сидящих на карнизах проносящихся мимо домов
и у всех телеантенн
торчащих на их крышах

а что вы натворили? —
спрашивает ангел испуганно
о, говорю я —
даже говорить-то стыдно

Я...

(№ 35, л. 77)

* * *

Отчего вы так боитесь смерти?
умереть не так уж и страшно
умереть не так уж и плохо
умереть не так уж и глупо
умереть не так уж и сложно
умереть даже приятно
умереть даже полезно
умереть никогда не лишне
умереть никогда не мешает
спросите у мертвых —
они вам скажут
понапрасну вы опасаетесь смерти
опасайтесь бессмертья!
с ним хлопотно

(№ 35, л. 66 об.)

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Друг мой
разве ты не умер?

Разве это не твой был гроб
такой добротный
обитый розовым шелком?
не твой?
как странно!

Разве не ты в нем лежал
такой красивый и безмятежный

Разве не тебя отпевали
в Преображенском соборе
в чудный весенний день?
не тебя?
не может быть!

Разве это не тебя похоронили
у Серафимовского кладбища
в тихом уютном месте?
не тебя?
а ты не шутишь?

Разве не над тобою
плакала какая-то женщина
бледная от горя?
И разве это не ты
позабыт так быстро,
позабыт всеми на свете?
А ты не шутишь?

Так значит ты жив
друг мой

Какая приятная новость!
Неожиданная к тому же!

Но чей же тогда был гроб?
Но кто же тогда в нем лежал?
Но кого же тогда отпевали?
Но кого же тогда хоронили?
и над кем же
над кем же
плакала эта бледная и прекрасная женщина
И кто же тогда позабыт?
Скажи мне?

(№ 35, л. 46)

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕПРАВА

Милости просим! —
улыбнется мне Харон

и я сойду в лодку
держась за ее борт
садитесь поудобнее! —
 скажет Харон
и я сяду на корму
сложив на коленях руки
поплыли! —
 объявит Харон
и я стану глядеть
в мутно-желтую воду
подплываем! —
 провозгласит Харон
и я увижу угрюмый
каменистый берег
платите! —
 потребует Харон
и я положу обол
в сухую старческую ладонь
вылезайте! —
 прикажет Харон
и я выйду на берег
оглядываясь по сторонам
вам прямо, потом налево —
 объяснит Харон
и я побреду по тропинке
между темных гладких камней
будьте осторожны! —
 крикнет Харон —
тропинка очень скользкая!
какой милый старик! —
 подумаю я —
и лодка у него
что надо!

28.12.80

(№ 35, л. 58)

IV. ИНФОРМАЦИЯ

КРЕСТЬЯНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Фонд 472

Крестьянов Владимир Николаевич родился 27 декабря 1871 г. в Петербурге. Начальное образование получил в гимназии. По окончании в 1895 г. с золотой медалью юридического факультета Петербургского университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1900-х гг. служил в нотариальных конторах, занимал должности товарища прокурора и прокурора окружного суда. После революционных событий 1917 г. выехал из России в Финляндию, где, не имея возможности продолжать юридическую деятельность, многие годы бедствовал и изредка читал лекции в различных обществах. В 1928 г. устроился рабочим на фарфоровую фабрику в Гельсингфорсе, но из-за травмы потерял трудоспособность. Жил на пенсию, выплачиваемую Страховым обществом, и на пособие от Городского управления. Со студенческих лет занимался литературой: писал стихи (псевд. Топтыгин), рассказы, новеллы, пьесы, позднее — воспоминания. Самым значительным своим произведением считал поэму «Легенда о Найане» (неопубл.), над которой работал более 40 лет. Также многие годы подбирал материал, но не завершил составление словаря «Рифмы». Произведения В. Н. Крестьянова почти не издавались, пьесы ставились в любительских спектаклях. Умер В. Н. Крестьянов в Финляндии в январе 1946 г. Похоронен в Хельсинки на православном кладбище.

В России до отъезда за границу у В. Н. Крестьянова вышли четыре книги: «Слоники Мока и Мишук». Текст и рис. Вл. Топтыгина (псевд.). СПб.: Р. Голике, 1911; «Слоники Мока и Мишук у себя дома». Стихи для детей с рис. автора. СПб.: А. Ф. Девриен, 1913; «Слоники Мока и Мишук в путешествии». Стихи для детей. Рис. и текст В. Н. Крестьянова. Пг.: А. Ф. Девриен, 1914; «Михаил Владимирович Романов. Драматическое сказание в стихах». С предисл. М. Г. Попруженко. Представл. на соискание премии им. И. Г. Вуцины. Одесса, 1915.

Личный архив В. Н. Крестьянова поступил в РО ИРЛИ в дар от его сына (см. Кн. пост. 1957 г., № 51) через МИД СССР из Финляндии 15 авг. 1957 г. В составе фонда находились: произведения и подготовительные материалы к ним; воспоминания, записные книжки и другие материалы фон-

дообразователя. НТО фонда по действующим архивным правилам произведена научным сотрудником РО ИРЛИ Л. К. Хитрово в 2006 г.

В других фондах РО ИРЛИ и архивохранилищах страны материалы В. Н. Крестьянова не выявлены.

В результате НТО личного архива В. Н. Крестьянова (ф. 472) сформировано 47 ед. хр. за 1892—1945 гг. Они включены в одну опись и систематизированы по 2 разделам. Первый раздел имеет 4 подраздела, в каждом из которых материалы расположены в хронологическом порядке. Первый подраздел состоит из поэтических произведений В. Н. Крестьянова. В нем сначала расположен небольшой комплекс стихотворений и подготовительных материалов к ним, далее следуют ед. хр., относящиеся к поэме «Легенда о Найане». Во второй подраздел включены произведения драматического характера: пьесы, сценки, драматическая поэма. В конец подраздела отнесены подготовительные произведения к драматическому сказанию «Михаил Романов» и к пьесе «Филин», так как эти произведения в завершённом виде отсутствуют в фонде. В третьем подразделе расположены беллетристические произведения: рассказы, сказка, новелла, воспоминания о Д. Муратове. В конце этого подраздела находится единственная сохранившаяся в фонде статья В. Н. Крестьянова, посвященная Великой Отечественной войне. Четвертый подраздел целиком состоит из подготовленных материалов к словарю «Рифмы».

Второй раздел в основном состоит из биографических материалов. В нем в хронологическом порядке находятся: записи личного характера; записные книжки с адресами, телефонами разных лиц; автобиографические воспоминания «Как я нарушаю закон (Из воспоминаний прокурора)» и др. В конце раздела отнесены: конспект лекций, прочитанных В. Н. Крестьяновым в одном из любительских обществ в Гельсингфорсе; фрагмент его незавершенного письма неустановленному лицу; пасквиль на семью вел. кн. Кирилла Владимировича, распространявшийся в г. Выборге.

Л. К. Хитрово

СМИРНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Фонд 670

Александр Александрович Смирнов — филолог-медиевист, переводчик, профессор Ленинградского университета — родился 27 августа (8 сентября) 1883 г. в Москве, в дворянской семье. После переезда семьи в С.-Петербург учился в 7-й гимназии, по окончании которой в 1900 г. поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет, затем перешел на историко-филологический. Окончив университет в 1907 г. по специальности «история западноевропейских литератур», продолжал учебу в Париже в *École pratique des Hautes Études* на отделении исторических и филологических наук. С 1908 г. начал подготовку к профессорскому званию в Петербургском университете по кафедре романо-германской филологии. В 1911 г. получил звание приват-доцента, был допущен к чтению лекций и в этом же году направлен в командировку в Париж на два года для научной работы в крупнейших центрах французской академической науки. По возвращении из нее с 1913 г. преподавал историю западноевропейских литератур и кельтскую филологию в Петербургском университете, а также на Высших женских курсах, в Педагогическом и Психоневрологическом институтах, на курсах Лесгафта. В 1916—1917 гг. преподавал в Пермском университете (открытом как филиал Петербургского), затем вновь преподавал в Петербурге. Осенью 1918 г. получил приглашение на должность доцента в Харьковский университет, в котором работал в 1918—1919 гг.; позднее переехал в Крым, где состоял профессором Крымского университета с 1919 по 1922 г. После возвращения в Ленинград А. А. Смирнов продолжил преподавательскую работу в университете, а также в других вузах и научных учреждениях (Педагогический институт им. А. И. Герцена, Институт речевой культуры, ГИИС, ЛИФЛИ). В 1930 г. перешел из ЛГУ в ЛИФЛИ, в 1934 г. утвержден в звании профессора кафедры романо-германской филологии этого института. В 1935 г. ему была присвоена степень доктора литературоведения без защиты диссертации. С февраля 1936 г. А. А. Смирнов зачислен в штат Института литературы АН СССР, сначала ученым специалистом, затем ст. научным сотрудником отдела западной литературы. Осенью 1941 г. эвакуировался в Ярославль, с 1941 по

1945 г. — профессор Ярославского гос. педагогического института (в 1942 г. был восстановлен в ИЛИ с правом проживать в Ярославле до окончания войны). С 1945 г. — вновь сотрудник Института русской литературы в Ленинграде, а также профессор ЛГУ. В 1950 г. в связи с упразднением сектора западных литератур был отчислен из ИРЛИ и до конца жизни продолжал преподавание в университете на кафедре романо-германской филологии.

А. А. Смирнов — один из крупнейших русских филологов-медиевистов, ученик А. Н. Веселовского, свыше 35 лет работавший в области изучения кельтологии и средневековых литератур Франции, Италии и Испании. С именем А. А. Смирнова связана целая школа научного и художественного перевода: первоклассный переводчик, он не только дал русской и советской литературе целую серию переводов памятников западноевропейской литературы («Ирландские саги», произведения Рабле, Монтеня, Сервантеса и др.), но был также неутомимым редактором художественных переводов, поднимая на большую высоту переводы классических текстов. Широко известны работы А. А. Смирнова о Шекспире, ряд изданий которого он подготовил и выпустил в новых переводах. Его книга «Творчество Шекспира», напечатанная в 1934 г., была переведена на английский язык и издана США; в 1947 г. вышла еще одна монография о Шекспире, переизданная в 1963 г. после смерти ученого. А. А. Смирнов являлся редактором «Истории французской литературы», издания АН СССР, в котором им написана большая часть первого тома, «Истории итальянской литературы» и «Истории испанской литературы»; ему принадлежит более 100 научных работ по истории французского средневекового эпоса, кельтологии, французской литературы XVII—XIX вв. (Монтень, Мериме, Мопассан, Анри де Ренье), по истории шекспироведения. С 1922 по 1924 г. А. А. Смирнов был членом редколлегии издательства «Всемирная литература», с 1930 г. — в Союзе писателей СССР. А. А. Смирнов умер 16 сентября 1962 г. в Ленинграде.

Материалы профессора А. А. Смирнова за 1904—1961 гг. были переданы в Рукописный отдел ИРЛИ 24 декабря 1965 г. его вдовой Ольгой Георгиевной Смирновой. Большую часть этого поступления составили подготовительные материалы к научным трудам ученого (в основном по кельтологии и старофранцузской поэзии) — ранние, до 1917 г., библиографические записи, выписки из парижских изданий, черновые варианты статей, рабочие тетради, списки текстов для переводов и собственно переводы; комплекс материалов, отражающих его преподавательскую работу (конспекты и стенограммы лекций и выступлений, планы занятий) и редакторскую деятельность (печатные материалы с правкой А. А. Смирнова для различных изданий), многочисленные его отзывы и рецензии на статьи и диссертации. Меньшую часть поступления составили материалы биографического характера, переписка, документы о деятельности (в основном договоры, планы и заявки на издания классиков французской литературы и Шекспира) и небольшой комплекс материалов других лиц. Фонды А. А. Смирнова имеются также в ГЛМ (фонд 171) и в РНБ (фонд 705).

Предварительная научно-техническая обработка материалов А. А. Смирнова была проделана в 1992 г. ст. научным сотрудником ИРЛИ, доктором

филологических наук П. Р. Заборовым. Решение о завершении работы над фондом № 670 А. А. Смирнова было принято на заседании экспертной комиссии Рукописного отдела, протокол № 4 от 8 июня 2006 г., и выполнено в 2006 г. Е. В. Виноградовой. В результате НТО сформировано 205 ед. хр. за 1904—1961 гг., которые объединены в одну опись и распределены по пяти разделам.

Раздел № 1 составляют научные труды и другие творческие материалы, подготовительные материалы к ним. Он состоит из 6 подразделов.

1.1. В данный подраздел вошли статьи, подготовительные материалы к статьям, к главам в коллективных трудах и к монографии, тексты подлинников для перевода, переводы. Для удобства систематизации внутри подраздела материал условно разбит на тематические группы: работы по кельтологии, работы по старофранцузской поэзии, работы по Шекспиру, другие работы. В каждой из групп документы расположены в хронологическом порядке.

1.2. В раздел помещены учебники, в которых А. А. Смирнов участвовал как автор, сюда же входят подготовительные материалы к ним. Документы расположены в хронологическом порядке.

1.3. Лекции и подготовительные материалы к ним; документы расположены в хронологическом порядке.

1.4. Доклады и подготовительные материалы к ним, документы расположены по хронологии.

1.5. Отзывы и рецензии А. А. Смирнова: на кандидатские и докторские диссертации, два отзыва на коллективные труды, затем на отдельные статьи и монографии (в алфавите фамилий авторов), далее рецензии на статьи для БСЭ (авторы не установлены) и одна рецензия на спектакль.

1.6. Труды, отредактированные фондообразователем. В подраздел вошли издания, в которых А. А. Смирнов был только редактором. Материалы расположены в хронологическом порядке.

Раздел № 2. В данный раздел включены биографические материалы, систематизированные в следующем порядке: личные документы, документы об учебе фондообразователя, юбилейно-поздравительные материалы, материалы о фондообразователе, фотографии. Материалы расположены в хронологическом порядке в пределах каждой группы.

Раздел № 3. В раздел вошли документы о деятельности в различных учреждениях, расположенные в хронологическом порядке. Затем следуют материалы редакторско-издательской деятельности А. А. Смирнова, также в хронологии.

Раздел № 4 «Переписка» состоит из двух подразделов: письма фондообразователя и письма к нему. Документы расположены по алфавиту фамилий адресатов и корреспондентов.

Раздел № 5. «Материалы других лиц». Этот раздел составили переводы, конспекты, статьи различных авторов, отзывы и рецензии, несколько книг с дарственными надписями А. А. Смирнову, систематизированные по фамилиям авторов в алфавитном порядке.

КОРШУНОВ АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ

Ф о н д 789

Анатолий Федорович Коршунов, поэт, родился 12 марта 1931 г. в г. Кулебаки Горьковской обл. в семье рабочего-металлиста, бывшего моряка-балтийца. Семья жила скромно, так как отец болел туберкулезом, и все средства уходили на его лечение. В 1936 г. он умер, оставив кроме Анатолия еще двух сыновей.

Старший брат Константин был страстным книголюбом, но запрещал Анатолию брать его книги, поэтому будущий поэт тайком читал все, что приносил брат.

Началась Великая Отечественная война. А. Ф. Коршунов ушел из школы и стал работать сапожником. В то время учеба казалась ему несерьезным делом, и он горел желанием убежать на фронт. Зимой 1943 г. Коршунов с другом в товарном поезде пробирались к Москве. Через месяц путешествия милиция отправила их в детдом, откуда им удалось бежать домой.

А. Ф. Коршунов поступил в ремесленное училище № 8, где учился профессии модельщика. Затем учился в школе ФЗО № 3, стал вальцовщиком и впоследствии много лет «посвятил укрощению металла».

В 1952 г. он уехал на Волгу, где работал строителем Ново-Горьковского нефтеперерабатывающего завода, потом стал подручным каменщика, а спустя полгода — хозяйственным десятником. Через год он уехал работать на Север в заполярный Кировск.

Встреча с композитором И. И. Дзержинским оказалась важным этапом в жизни будущего поэта. До нее он печатал стихи в районных газетах и всерьез не думал о своих способностях. Именно И. И. Дзержинский заставил его задуматься о дальнейшей поэтической работе. С помощью композитора и моральной и материальной в конце 1953 г. А. Ф. Коршунов переехал в Ленинград. Учился в 7-м классе вечерней школы, много читал. Занимался в литкружках у В. П. Заводчикова, в газете «Вечерний Ленинград». Затем «учился искусству владеть словом у Б. М. Лихарева, А. Е. Решетова, М. А. Дудина, Н. Л. Брауна». Работал на заводе «Красный выборжец», электросварщиком на заводе железобетонных изделий.

С 1951 г. стихи А. Ф. Коршунова печатались в газетах «Труд», «Правда» и мн. др.; в журналах «Физкультура и спорт», «Смена», «Звезда»,

«Огонек», «Советские профсоюзы», «Простор», «Сибирские огни», «Молодая гвардия», «Нева», «Юность», «Москва», «Дон», «Радуга», «Звезда Востока», «Аврора», «Север», «Неман», «Кодры», «Подъем» и др.

А. Ф. Коршунов также переводил многих поэтов народов бывшего СССР: украинского — В. Ф. Панченко, узбекского — А. Абдуразакова, тувинского — М. Доржу, белорусских — К. Камейши, К. Кириенко, Н. Метлицкого, М. Нагнибеды и др.; марийского — С. Вишневского, эвенкийского — В. Кейметинова и др. Член СП с 1977 г.

Поэт издал несколько поэтических сборников: «Заветный берег». Стихи. Л., 1962; «Молнии в руке». Лирика. Л., 1967; «Постоянство». Стихи. Л., 1974; «Дорогой отцов». Стихи. М., 1976; «Любовь всегда права». Кн. лирики. Л., 1990; «Прыг-скок». Стихи для детей. СПб., 1997; «Не с той ноги». Пародии. СПб., 1998; «Земля отцов». Кн. лирики. СПб., 1999; «Откровенный разговор». Кн. воспоминаний. СПб., 2000. Умер А. Ф. Коршунов 21 марта 2001 г. в Петербурге.

Архив А. Ф. Коршунова (ф. № 789) был приобретен от фондообразователя (см. протокол ЭЗК от 23 июня 1977 г.). Деньги по этому протоколу были выплачены 28 февраля 1978 г. По инвентаризационной ведомости фонд проходит как приобретенный в 1978 г. (см. Кн. поступлений 1978 г., № 44). Впоследствии к фонду были присоединены еще два письма А. Ф. Коршунову 1983 г., источник поступления которых установить не удалось.

Приобретенные материалы включали в себя, в основном, переписку А. Ф. Коршунова с поэтами и прозаиками; несколько черновых автографов его стихотворений; краткие воспоминания о поэтах А. А. Прокофьеве, Н. И. Рыленкове, И. Л. Сельвинском, М. В. Исаковском; автобиографию 1963 г.; фотографию; несколько рецензий на его стихи и др. Новых поступлений в фонд не ожидается.

При поступлении архив представлял собой россыпь. Научно-техническая обработка фонда была проведена н. с. А. Г. Носовой в 2006 г.

В результате НТО фонда № 789 сформированы 149 ед. хр. В связи с небольшим количеством документов они включены в одну опись и распределены в соответствии со схемой систематизации по четырем разделам.

В первом разделе сгруппированы творческие материалы: стихотворения, рассказ, воспоминания.

Во второй раздел включены биографические материалы фондообразователя: автобиография, фотография, отзывы и рецензии на его стихотворения и переводы.

Третий раздел — переписка — состоит из 2 подразделов: письма А. Ф. Коршунова и письма А. Ф. Коршунову. Единицы хранения расположены по алфавиту адресатов и корреспондентов.

В четвертый раздел входят материалы родственников (всего 3 ед. хр.), они расположены по степени родства, и комплекс материалов украинского поэта В. Ф. Панченко, стихотворения которого А. Ф. Коршунов переводил. Документы систематизированы по схеме личного фонда.

А. Г. Носова

Н. А. Прозорова

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX — XX вв.,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
в 2003 г.**

Рукописный отдел Института русской литературы выражает глубокую благодарность за принесение в дар архивных материалов А. Ю. Ананьеву, М. С. Астафьевой-Корякиной, Ж. В. Бойковой (урожд. Дегтеревской), Ж. Бургарелю (Швейцария), Н. Е. Гаврилиной, Н. П. Генераловой, Я. Г. Добкину, А. Калагеоргию (Франция), В. Ф. Камынину, В. В. Келтуяле, В. М. Когану, А. Кторовой (США), П. В. Куприяновскому, Н. Г. Магеровской, Л. Д. Могилянкой, Г. П. Ожеговой-Матвеевской, Е. М. Ольшанской, Ф. Е. Райзе, В. М. Русакову, А. Ф. Сержанту, Н. А. Хохловой, А. И. Шадри-ну, Ж. Шерону (США) и выражает глубокую признательность памяти Л. Н. Ивановой, П. В. Куприяновского, Ю. Д. Левина, Л. Н. Назаровой, М. Д. Ромма, М. Д. Эльзона.

Новые фонды

Герцен Наталья Петровна (1917—1983) — правнучка А. И. Герцена. Фонд 866.¹

Райзе Ефим Самойлович (1904—1970) — литератор. Фонд 867.

Алексеев Геннадий Иванович (1932—1987) — поэт, архитектор, художник. Фонд 868.²

Князев Георгий Алексеевич (1887—1969) — доктор исторических наук, директор Ленинградского отделения архива Академии наук (1929—1963). Фонд 869.

¹ Фонд сформирован в 2003 г. из документов, поступивших в разные годы.

² См. статью о фонде и фондообразователе в наст. изд.

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — писатель. Фонд 9.

130-летие со дня рождения Л. Н. Андреева: научные чтения. Литературские мостки (Санкт-Петербург, Волковское кладбище). Фотографии участников чтений. Подлинники 2 (2001).

Блок Александр Александрович (1880—1920) — поэт. Фонд 654.

Письмо к Г. С. Майзелю (1921).

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк русской литературы. Фонд 377.

Дарительная надпись ученице Киевской Фундуклеевской гимназии Р. А. Ландау (в замуж. Венгеровой) за успехи в учебе на титульном листе книги «Алексей Васильевич Кольцов. Его жизнь и творчество» (М., 1865) за подписью начальницы гимназии (1869).

Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич (1883—1955) — литературовед. Фонд 719.

Письма его к П. В. Куприяновскому 2 (1946), А. И. Орлову (1943).

Коринфский Аполлон Аполлонович (1868—1937) — писатель. Фонд 398.

Фотография дома А. А. Коринфского в Симбирске. Подлинник (2002). Историческая справка о доме А. А. Коринфского, подготовленная в Ульяновском государственном заповеднике «Родина В. И. Ленина» с использованием документов Государственного архива Ульяновской области. Принтерный вывод (2004).

Келтуяла Василий Афанасьевич (1867—1942) — литературовед. Фонд 790.

«К вопросу об основных началах научно-исследовательского метода». Заметка. Автограф (1940). Выписки его рукой из разных источников (1920—1930-е).

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт. Фонд 244.

Дневник П. Дурново (1855—1856).

Соловьев Леонид Васильевич (1906—1970) — писатель. Фонд 706.

Фотографии. Одиночные 5 (1957; 1960-е), в группе 3 (1960-е). Фотографии родственников 4 (1960—1970-е; среди них М. М. Соловьева). Подлинники.

Султанова (урожд. Леткова) Екатерина Павловна (1856—1937) — писательница, общественная деятельница. Фонд 230.

Авторская дарительная надпись К. Д. Бальмонта Ю. П. Маковской на титульном листе издания «Под северным небом» (СПб., 1894).

Шадрин Адихан Измайлович (р. 1929) — писатель. Фонд 785.

Повести и рассказы «Вовка-моряк», «Камышовый плен», «Следы на воде» и другие и подготовительные материалы к ним. Автограф, машинопись с правкой, черновые автографы (1958—1977). Автобиография. Ма-

шинопись (<2003>). Фотографии в группе 7 (конец 1960-х; 1976). Письма А. И. Шадрина к И. П. Ениватову (2001), Р. Р. Мусамбековой (1996), Э. И. Сафонову (1994), В. И. Скуратову (1990-е). Письма к А. И. Шадрину С. М. Баязитова (1976), А. Г. Бикчентаева (1966), Ю. В. Бондарева (1977), С. А. Воронина 2 (1989—1996), Б. И. Жилина (1967), И. П. Ениватова (1998), Г. И. Коновалова (1977), В. И. Кочеткова (1960-е), Р. Р. Мусамбековой (1998), Н. Е. Палькина 2 (1998—2001), А. Е. Парниса (1976), Э. И. Сафонова (1976), П. И. Селезнева (1980), К. Г. Хромова (1976), Б. П. Ярочкина (1967) и др.

Отдельные поступления

Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — прозаик, переводчик. Записки (3) его и конверты, адресованные А. Кторовой (1968; б. д.).

Марков Владимир Федорович (р. 1920) — литературовед.

Письма к нему И. Елагина (наст. фам. Иван Венедиктович Матвеев) 9 (б. д.). С приложением стихотворений «Ни в строчке хорошей тут дело...», «Не была моя жизнь неудачей...». Машинопись (б. д.). Письмо к нему Н. В. Кодрянской (1974).

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — поэт.

Дарительная надпись его Г. С. Майзелю на титульном листе издания «Мистерия-буфф» ([Пг., 1918]) и программа «Годовщина октябрьской революции 7, 8, 9 ноября 1918» Коммунального театра Музыкальной драмы. Типогр. экземпляр с владельческой пометой Г. С. Майзеля.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — писатель.

Письмо его к М. Ленен (1880).

Л. В. Герашко

БАЛАКИРЕВСКИЙ ВЕЧЕР В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

2006 год был богат музыкальными юбилеями: он был объявлен ЮНЕСКО годом В. А. Моцарта и Д. Д. Шостаковича; 25 ноября культурная общественность страны отметила 150-летие со дня рождения С. И. Танеева, а 21 декабря 2006 г. (2 января 2007 по н. ст.) — 170-летие со дня рождения М. А. Балакирева.

Пушкинский Дом, хранящий основную часть огромного архива композитора,¹ откликнулся на эту дату музыкальным вечером, состоявшимся в самый день праздника, к которому было приурочено открытие юбилейной выставки, осуществленной совместными усилиями Рукописного отдела и Литературного музея Института.

В концерте принял участие хор мальчиков Хорового училища им. М. И. Глинки (художественный руководитель з. а. России В. Е. Беглецов, хормейстер А. А. Максимов), в исполнении которого прозвучали произведения М. А. Балакирева, С. И. Танеева, А. Т. Гречанинова и П. Г. Чайковского. Вечер открыла профессор Петербургской государственной консерватории, доктор искусствоведения Т. А. Зайцева «Словом о Балакиреве». Глубокий знаток творчества и биографии композитора, Татьяна Андреевна провела в заключение вечера экскурсию по выставке для юных певчих и гостей Пушкинского Дома.

¹ Фонд М. А. Балакирева (№ 162) насчитывает 2253 ед. хр. Он поступил в Пушкинский Дом в 1931 г., в связи с реорганизацией Отдела рукописей БАН, куда был передан на хранение другом, учеником и душеприказчиком композитора С. М. Ляпуновым 1 сентября 1922 г., перед отъездом его за границу. О судьбе рукописного наследия М. А. Балакирева см.: *Сквирская Т. З.* К истории личного архива М. А. Балакирева // Балакиреву посвящается: Сб. статей к 160-летию со дня рождения композитора (1836—1996). СПб.: Канон, 1998. С. 140—145. О содержании фонда М. А. Балакирева в Пушкинском Доме см.: Музыка и музыканты: Творческие и биографические материалы в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома. XVIII—XX вв.: Указатель / Под ред. Т. Г. Ивановой и Т. З. Сквирской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 302—345.

Выставка к 170-летию М. А. Балакирева

Для того, чтобы шире представить репертуар музыкальных рукописей в фонде М. А. Балакирева, перед началом вечера были продемонстрированы на экране как автографы произведений самого композитора,² так и произведения других авторов, переписанные, отредактированные, переложенные им для фортепиано, подаренные и посвященные ему.

Автографы произведений М. А. Балакирева

М. А. Балакирев. «В Чехии». Симфоническая поэма для большого оркестра на темы трех чешских песен (Largetto; 3/4; fis-moll—Fis-dur). Партитура. Автограф. С посвящением Иосифу Коларжу.

12 ноября 1905 г.
Ф. 162, оп. 1, № 1.

М. А. Балакирев. Симфония (d-moll) № 2 для большого оркестра. (3/4; fis-moll). Эскиз в 2-строчном изложении. Черновой автограф. I.

<1864 г.>
Ф. 162, оп. 1, № 27.

М. А. Балакирев. «Боже, Царя храни!». Гимн для женского хора. Слова А. С. Пушкина (Allegro moderato; 6/8; F-dur). Для женского хора без сопровождения. Автограф. Партитура.

<1899 г.>
Написано для Полоцкого женского училища Духовного ведомства в г. Витебске.
Ф. 162, оп. 1, № 107.

М. А. Балакирев. «Две народные былины: 1. „Никита Романович“ (Largetto; 2/4; g-moll), 2. „Королевичи из Кракова“ (Allegro non troppo; 2/4; g-moll)». Для смешанного четырехголосного хора без сопровождения. Партитура. Автограф.

24 и 26 января 1902 г.
Ф. 162, оп. 1, № 134.

М. А. Балакирев. «Гимн в честь святого великого князя Владимирского Георгия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода, сочиненный для смешанного хора без сопровождения по случаю празднования нижегородцами семисотлетия годовщины его рождения (1189—1889)» (Allegro moderato; 4/4; h-moll). Слова В. Лихачева.

Партитура. Автограф. В конце рукой Балакирева поставлена дата: «Гатчина. 23 июля 1904».

Ф. 162, оп. 1, № 102.

² Оп. 1, ф. 162 (автографы произведений М. А. Балакирева, переписанные его рукой песнопения церковного Обихода и произведения других авторов) содержит 215 ед. хр.; оп. 2, включающая нотные рукописи других авторов, — 74 ед. хр.

М. А. Балакирев. «Христос Воскресе». Для трехголосного хора детских или женских голосов (Умеренно; 3/4; В-dur). Партитура.

Автограф.

<1906 г. >

Ф. 162, оп. 1, № 144.

Произведения других композиторов из архива М. А. Балакирева

М. И. Глинка. «Жизнь за Царя». Краковяк. Для фортепиано в 4 руки, переложенный А. Н. Серовым (2/4; G-dur). Автограф А. Н. Серова, с многочисленными пометами, исправлениями и приписками М. А. Балакирева.

<1857 г.>

Ф. 162, оп. 2, № 14.

М. И. Глинка. «Ночной смотр» (Tempo di Marcia; 4/4; f-moll). Слова В. А. Жуковского. Оркестровано М. А. Балакиревым. Для голоса с оркестром. Партитура.

Автограф М. А. Балакирева.

11 июля 1860 г.

Надпись М. А. Балакирева: «Посвящается дорогому Владимиру Васильевичу Стасову. 15 июля».

Ф. 162, оп. 1, № 180.

М. И. Глинка. «Иван Сусанин». Опера. II действие. № 8. Мазурка и финал (Allegro risoluto; 4/4 — Tempo di Mazurka; 3/4; Es-dur). Редакция М. А. Балакирева и С. М. Ляпунова. Для солистов, хора и оркестра. Партитура. Автограф С. М. Ляпунова с пометами М. А. Балакирева.

<1900-е гг.>

Ф. 162, оп. 1, № 168.

И. Ф. Ласковский? Неустановленное произведение (3/8; fis-moll). Редакция М. А. Балакирева. Для фортепиано в 2 руки. Отрывок.

Автограф М. А. Балакирева. На л. 1 об. дата его рукой: «14 марта 1851 г.». На л. 2 об. помета С. М. Ляпунова: «Неизвестные рукописи разных авторов».

Ф. 162, оп. 1, № 190.

М. Ю. Виельгорский. «6 Fantasie-Walzer für das Pianoforte componirt von Graf Mich. Wielgorski». Переписаны М. Балакиревым. Для фортепиано в 2 руки. Автограф М. А. Балакирева. Из 6 вальсов переписаны 4.

Без даты.

Ф. 162, оп. 1, № 153.

А. Ф. Львов. Увертюра к опере «Ундина». Музыка А. Ф. Львова, инструментована М. А. Балакиревым (Adagio; 4/4; D-dur — Allegro molto; 3/4; d-moll). Партитура. Автограф М. А. Балакирева.

29 апреля 1900 г.

Ф. 162, оп. 1, № 193.

А. С. Даргомыжский. «О дева роза, я в оковах». Восточная ария (Andante; 2/4; h-moll). Слова А. С. Пушкина. Оркестровано М. А. Балакиревым. Партитура. Автограф М. А. Балакирева, приписки его рукой.

27 мая 1858 г.

Ф. 162, оп. 1, № 184.

В. А. Моцарт. Херувимская песнь (Ave verum) (Adagio; 4/4; D-dur). Для четырехголосного смешанного хора без сопровождения. Переработка М. А. Балакирева. Партитура. Автограф М. А. Балакирева.

Без даты.

Ф. 162, оп. 1, № 195.

Л. ван Бетховен. Квартет для 2 скрипок, альты и виолончели, ор. 59. № 2. III (Allegro; 3/4; e-moll). Переложение для фортепиано в 2 руки М. А. Балакирева. Черновой автограф М. А. Балакирева.

23 июня 1862 г.

Ф. 162, оп. 1, № 149.

Г. Берлиоз. «Te Deum». Для солистов, хора и оркестра. № 3. а) Prélude (Allegretto un peu plus animé que le Te Deum; 4/4). Партитура. Автограф М. А. Балакирева.

<1899 г.??>

Ф. 162, оп. 1, № 146.

Ф. Лист. «Любила я. Romance de comte Michel Wielgorski transcript pour le piano par François Liszt» (Agitato; 4/4; C-dur). Для фортепиано в 2 руки. Переписано М. Балакиревым.

Автограф М. А. Балакирева.

Без даты.

Ф. 162, оп. 1, № 191.

Ф. Шопен. Концерт (e-moll) № 1 для фортепиано с оркестром, ор. 11. II (4/4). Редакция М. А. Балакирева. Отрывок партитуры. Автограф М. А. Балакирева.

<1900-е гг.>

Ф. 162, оп. 1, № 203.

А. С. Гуссаковский. Симфония Es-dur. I часть. Инструментовка М. А. Балакирева. Отрывки партитуры.

Черновой автограф М. А. Балакирева.

<1859—1861 гг.>

Ф. 162, оп. 1, № 224.

Н. А. Римский-Корсаков. «Господи, воззвах к Тебе» и др. Малый и большой знаменный распев. Одноголосные записи. Автограф. Надпись Н. А. Римского-Корсакова: «М. А. Балакиреву».

<1880-е гг.>

Ф. 162, оп. 2, № 49.

Г. Львовский. Архангельский глас (знаменного напева). Для 3 голосов (2 тенора и бас) без сопровождения. Партитура. Автограф.

Посвящение: «Труд положения на 3 голоса посвящается Милию Алексеевичу Балакиреву».

24 марта 1882 г.

Ф. 162, оп. 2, № 43.

А. И. Дюбюк. *Fantasiè-Valse pour le piano* (Teneramente; 4/4; Des-dur).

Для фортепиано в 4 руки. Рукопись неустановленного лица, заглавие и посвящение М. А. Балакиреву — рукой автора.

Без даты.

Ф. 162, оп. 2, № 37.

А. К. Глазунов. Романс «Мой друг, забыты мной...» (Largo; 3/4; g-moll-G-dur). Для тенора с оркестром. Партитура. Автограф. С посвящением М. А. Балакиреву.

<1880-е гг.>

Ф. 162, оп. 2, № 7.

Витрина 1

М. А. Балакирев. Концерт (fis-moll) для фортепиано с оркестром (Allegro ma non troppo; 4/4; fis-moll). Партитура. Черновой автограф. Надпись М. А. Балакирева на л. 1: «1-й концерт. М. Balakireff, op. 1».

Январь 1856 г.

Ф. 162, оп. 1, № 61.

М. А. Балакирев. Музыка к трагедии В. Шекспира «Король Лир». Действие I. Шествие (3/4; B-dur). Эскиз в изложении для 2 фортепиано в 4 руки с указаниями на инструментровку. Черновой автограф.

9—14 февраля 1861 г.

Ф. 162, оп. 1, № 58.

М. А. Балакирев. Концерт (Es-dur) для фортепиано с оркестром. II. (Очень медленно; 2/4—4/8; h-moll). Отрывок партитуры. Черновой автограф.

<1860-е гг.> Редакционные изменения внесены в 1900-х гг.

Ф. 162, оп. 1, № 82.

Витрина 2

М. А. Балакирев. «Тамара». Симфоническая поэма для оркестра.

Эскиз в 2-строчном изложении.

Фрагмент чернового автографа.

<1880-е гг.?)

На обороте листа — Н. А. Римский-Корсаков. «Псковитянка». Заключительный хор. Фрагмент автографа с припиской автора: «Конец оперы. 4 февраля 77 г.».

Ф. 162, оп. 1, № 50.

М. А. Балакирев. Симфония (C-dur) № 1 для большого оркестра. IV. (Allegro moderato; 2/4; C-dur). Переложение для 2 фортепиано в 8 рук. Черновой автограф.

22 декабря 1897 г.

Ф. 162, оп. 1, № 20.

М. А. Балакирев. Мазурка № 5 (Moderato. Tempo di mazurka; 3/4; D-dur). Для фортепиано в 2 руки. С посвящением: «À Serge Liapounow».

Автограф.

15 июля 1900 г. Гатчина.

Ф. 162, оп. 1, № 93.

М. А. Балакирев. «Кантата на открытие в С.-Петербурге памятника Михаилу Ивановичу Глинке» («На Руси, на равнинах отчизны родной»). Слова В. Глебова. Для сопрано, хора и оркестра (Allegro moderato; 4/4; B-dur). Партитура. Автограф.

10 февраля 1904 г.

Ф. 162, оп. 1, № 101.

Витрина 3

Неизвестный литограф по рисунку с натуры Д. Быстрицкого.

Вид Нижегородско-Макарьевской ярмарки.

Литография раскрашенная.

1849 г.

Инв. 71929.

Документы, относящиеся к истории рода Балакиревых.

XVIII в.

Ф. 162, оп. 3, № 160.

Неизвестный литограф по рисунку с натуры Д. Быстрицкого.

Нижний Новгород. Вид Ярмарочного собора.

Литография с тоном.

1857—1859 гг.

Инв. 39971.

Неизвестный литограф по рисунку с натуры Д. Быстрицкого.

Нижний Новгород. Вид церкви Космы и Дамиана.

Литография с тоном.

1857—1859 гг.

Инв. 39972.

Неизвестный литограф по рисунку с натуры Д. Быстрицкого.
Нижний Новгород. Вид Алексеевской (Верхнебазарной) площади.
1857—1859 гг.
Литография с тоном.
Инв. 39977.

Свидетельство о рождении и крещении М. А. Балакирева, выданное Нижегородской Духовной консисторией за подписью свящ. Александра Добролюбова, отца критика Н. А. Добролюбова.
20 июня 1846 г.
Ф. 162, оп. 3, № 102.

Формулярный список о службе А. К. Балакирева.
Копия.
30 января 1854 г.
Ф. 162, оп. 3, № 138.

«Слово на погребение в Бозе почившей рабы Божией Елизаветы Ивановны Балакиревой, урожденной Яшеровой».
11 марта 1847 г.
Ф. 162, оп. 3, № 158.

Неизвестный гравер.
Москва. Вид Александровского сада.
Гравюра пунктиром.
1-я треть XIX в.
Инв. 71807.

Неизвестный гравер.
Москва. Вид Гостиного двора на Ильинке.
Гравюра пунктиром.
1-я треть XIX в.
Инв. 71803.

Неизвестный автор с рисунка О. Кадоля 1825 г.
Москва. Вид Тверского бульвара в 1820-х гг.
Гравюра на дереве (из собрания П. Я. Дашкова).
Сер. XIX в.
Инв. 609968.

Литография неизвестного по рисунку А. Скино. Сер. XIX в.
Портрет композитора А. И. Дюбюка.
1840—1850-е гг.
Инв. 55385.

Неизвестный автор с оригинала Ж. Жакотте.
Вид Казани с южной стороны.

Литография.
1840-е гг.
Инв. 31556.

**Разрешение, выданное М. А. Балакиреву
Императорским Казанским университетом на право слушания лекций
математического факультета.**

11 сентября 1853 г.
Ф. 162, оп. 3, № 107.

**Аттестат, выданный М. А. Балакиреву
Нижегородским Александровским дворянским институтом об окончании
полного курса.**

17 августа 1853 г.
Ф. 162, оп. 3, № 105.

А. И. Зубчанинов с фотографии В. Г. Федорова.

Казанский университет.

Гравюра на дереве.

1893 г.

НВ-148/606.

Витрина 4

М. И. Глинка. Фотография (переснимок с дагерротипа С. Л. Левицкого
1852 г.).

Инв. 11094.

М. А. Балакирев. Фотография.

Без даты.

Инв. 43326/22 (альб. 104/13).

М. А. Балакирев. Предисловие к изданию клавира оперы М. И. Глинки
«Руслан и Людмила».

Автограф.

Без даты.

Ф. 162, оп. 3, № 3.

А. С. Даргомыжский. Фотография.

Без даты.

Инв. 43326/46 (альб. 104/25).

Письмо М. И. Глинки к А. С. Даргомыжскому.

8 февраля 1848 г.

Из бумаг А. С. Даргомыжского.

№ 4300.

Карикатура Н. А. Степанова (А. С. Даргомыжский и В. Ф. Одоевский слушают игру Ф. Листа). Рисунок акварелью в альбоме С. А. Зыбиной.

10 мая 1842 г.

Р. I, оп. 42, № 10.

Н. А. Римский-Корсаков. Фотография.

Без даты.

Инв. 43326/72 (альб. 104/38).

Н. А. Римский-Корсаков. Список произведений за 1862—1871 гг.

Автограф.

<1871 г.>

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 254.

Письмо Н. А. Римского-Корсакова М. П. Мусоргскому.

1 августа 1866 г.

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 78.

Автобиография М. П. Мусоргского.

Автограф.

Без даты.

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 247.

М. П. Мусоргский. Фотография А. Ф. Лоренса.

С.-Петербург.

1870-е гг.

Инв. 79388.

В. В. Стасов. Заметки из записной книжки «Похороны Мусоргского».

Автограф.

<1881 г.>

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 257.

Ц. А. Кюи. Фотография.

Без даты.

Инв. № 43326/49 (альб. 104/26).

Список статей Ц. А. Кюи о Бесплатной музыкальной школе и о концертах 1860—1870-х гг., составленный В. В. Стасовым.

Автограф.

Без даты.

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 235.

Письмо Ц. А. Кюи к Ф. Листу.

Без даты.

Из собрания П. Я. Дашкова.

Ф. 93, оп. 3, № 695.

В. В. Стасов. Фотография ателье Н. Досса.

1860-е гг.

Инв. № 44056.

А. П. Бородин. Фотография.

1885 г.

Инв. 44569.

В. В. Стасов. Наброски биографических сведений о А. П. Бородине.

Автограф.

Без даты.

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп 3, № 239.

Витрина 5

Санкт-Петербург. Невский проспект. Городская Дума.

Фотография с открытки из собр. Н. П. Тагрина.

Начало 1900-х гг.

НВ-4331/53.

М. А. Балакирев. Фотография.

Без даты.

Инв. 44579.

Письмо А. К. Балакирева к М. А. Балакиреву.

17 августа 1862 г.

Ф. 162, оп. 4, № 60.

М. А. Балакирев. «Увертюра на русские темы» («Увертюра на темы трех русских песен для большого оркестра») (Allegro ma non troppo; 3/8; H-dur). Партитура. Автограф.

<1850-е гг.>

Ф. 162, оп. 1, № 53.

М. А. Балакирев. «Эко сердце» (Adagio; 4/4; e-moll). Народная песня. Переложение для смешанного хора, без сопровождения. Партитура.

Автограф.

Без даты.

Ф. 162, оп. 1, № 135.

Копия договора между М. А. Балакиревым и нотопиздателем А. Ф. Иогансенем о приобретении последним потомственного права собственности на сборник 40 русских народных песен.

4 декабря 1865 г.

Ф. 162, оп. 3, № 120.

Письмо Г. Я. Ломакина к Д. В. Стасову по поводу утверждения устава Бесплатной музыкальной школы.

28 марта 1867 г.

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 158.

Д. В. Стасов. Фотография.

Без даты.

Инв. 43328/3 (альб. 106/3).

Письмо М. А. Балакирева к Д. В. Стасову.

Без даты.

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 190.

М. А. Балакирев. Фотография Г. Вестли.

Раскрашенная. С дарственной надписью Ю. П. Пыпиной.

1895 г.

Инв. 2277.

М. А. Балакирев. Грузинская песня («Не пой, красавица, при мне...»). Слова А. С. Пушкина. Для голоса и фортепиано. (Очень умеренно; 3/4; h-moll). Печатный экземпляр с исправлениями М. А. Балакирева.

<1865 г.>

Ф. 162, оп. 1, № 118.

Список произведений М. А. Балакирева.

Автограф.

1871 г.

Из архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 251.

Дарственная надпись П. И. Чайковского М. А. Балакиреву на обложке книги «Руководство к инструментовке, сочинение профессора А. Ф. Геварта».³

<1866 г.>

Ф. 162, оп. 4, № 1187.

³ Правильно: Ф. О. Геварт.

М. А. Балакирев. Русь. Симфоническая поэма (Largetto; 3/4; b-moll).
Партитура. Корректурный экземпляр изд. Ю. Г. Циммермана в Лейпциге с
правкой автора.

<1907 г.>.

Ф. 162, оп. 1, № 13.

**Предисловие М. А. Балакирева к изданию симфонической поэмы
«Русь».**

Автограф.

11 мая 1887 г.

Ф. 162, оп. 3, № 4.

Витрина 6

Великая княгиня Елена Павловна. Фотография.

Без даты.

Инв. 1034.

**Приглашение М. А. Балакиреву на заседание Дирекции Русского
Музыкального общества.**

30 декабря 1868 г.

Ф. 162, оп. 3, № 119.

**Извещение Русского Музыкального общества об учреждении хора
РМО и условиях приема в хор.**

1869 г.

Ф. 162, оп. 3, № 119.

**Объявление директора Бесплатной музыкальной школы М. А. Ба-
лакирева о спевке хора в здании Городской Думы.**

30 марта 1870 г.

Ф. 162, оп. 3, № 116.

**Проект объявления Совета Бесплатной музыкальной школы о ло-
терее в пользу БМШ.**

<1868—1869 гг.>.

Ф. 162, оп. 3, № 116.

**Афиша концерта М. А. Балакирева «Для славянских гостей», со-
стоявшегося 11 мая 1867 г. в зале Городской Думы.**

Ф. 162, оп. 3, № 135.

**Приглашение Славянского благотворительного комитета М. А. Ба-
лакиреву на торжественное богослужение и вечер, посвященный 1000-ле-
тию со дня кончины св. равноапостольного Кирилла, просветителя славян.**

14 февраля 1869 г.

Ф. 162, оп. 3, № 133.

Письмо Н. Г. Рубинштейна к М. А. Балакиреву на визитной карточке
Л. С. Ауэра.

Без даты.

Ф. 162, оп. 4, № 967.

Черновик телеграммы М. А. Балакирева Н. Г. Рубинштейну.

<1868—1869 гг.>

Ф. 162, оп. 3, № 78.

Г. Берлиоз. Фотография ателье «Левицкий». С.-Петербург.

<1867—1868 гг.>

Инв. 43326/47 (альб. 104/25).

Черновик телеграммы М. А. Балакирева Г. Берлиозу.

Автограф.

Февраль 1869 г.

Ф. 162, оп. 3, № 20.

А. Н. Серов. Фотография ателье «Левицкий». С.-Петербург.

Без даты.

Инв. 43326/86 (альб. 104/45).

Письмо А. Н. Серова от имени Музыкального комитета РМО к М. А. Балакиреву с просьбой войти в его состав.

3 октября 1870 г.

Ф. 162, оп. 4, № 826.

Витрина 7

Санкт-Петербург. Вид Дворцовой площади со стороны Капеллы.
Фотография.

Конец XIX—начала XX в.

КП-2555/3.

Рапорт управляющего Придворной Певческой капеллой М. А. Балакирева министру императорского двора гр. И. И. Воронцову-Дашкову о необходимости ремонта здания Капеллы для размещения малолетних певчих.

15 июля 1883 г.

Ф. 162, оп. 3, № 117.

Письмо служащего Капеллы К. А. Варгина М. А. Балакиреву о перестройках в здании Капеллы.

29 июля 1883 г.

Ф. 162, оп. 3, № 185.

Письмо воспитанников Придворной Певческой капеллы к М. А. Балакиреву с выражением благодарности за его заботы при отправке их в Москву на коронационные торжества.

Май 1883 г.
Ф. 162, оп. 4, № 483.

Официальное письмо воспитанников инструментального класса Придворной Певческой капеллы с просьбой о смягчении наказания их товарищу Набокину с ручательством за него.

Без даты.
Ф. 162, оп. 4, № 484.

Поздравление учащихся инструментального класса Капеллы М. А. Балакиреву с днем ангела.

Без даты.
Ф. 162, оп. 3, № 118.

Письмо А. С. Аренского к М. А. Балакиреву.

15 мая 1895 г.
Ф. 162, оп. 3, № 41.

Письмо И. Е. Репина к М. А. Балакиреву.

19 января 1899 г.
Ф. 162, оп. 4, № 967.

Отчет Общества вспомоществования бывшим воспитанникам Придворной Певческой капеллы за 1905 г.

Ф. 162, оп. 3, № 118.

Билет почетного члена Общества вспомоществования бывшим воспитанникам Придворной Певческой капеллы.

Ф. 162, оп. 3, № 115.

Витрина 8

Мариинский театр. Фотография.

Конец XIX в.
Инв. 51405.

Письмо от имени директора императорских театров И. А. Всеволожского к М. А. Балакиреву с приглашением на заседание Театрально-оперного комитета.

5 февраля 1883 г.
Ф. 162, оп. 4, № 1095.

И. А. Всеволожский. Фотография императорских театров. С.-Петербург. С дарственной надписью П. И. Вейнбергу.

Без даты.
Инв. 19320.

Письмо гр. С. Д. Шереметева к М. А. Балакиреву.

3 февраля 1883 г.
Ф. 162, оп. 4, № 1218.

А. Н. Пыпин. Фотография. С автографом.

1884 г.

Инв. 44518.

Письмо А. Н. Пыпина к М. А. Балакиреву.

8 октября 1879 г.

Ф. 162, оп. 4, № 938.

Письмо Ю. П. Пыпиной к М. А. Балакиреву.

16 марта 1880 г.

Ф. 162, оп. 4, № 941.

Письмо А. И. Дюбюка к М. А. Балакиреву.

8 июня 1886 г.

Ф. 162, оп. 4, № 382.

Благодарственное письмо М. А. Балакирева в Санкт-Петербургское отделение Русского Музыкального общества.

25 июня 1883 г.

Ф. 162, оп. 3, № 60.

Билет почетного члена Императорского Русского Музыкального общества, выданный М. А. Балакиреву.

Нач. 1880-х гг.

Ф. 162, оп. 3, № 115.

Письмо Комитета по сооружению памятника М. И. Глинке в Смоленске к М. А. Балакиреву с извещением о благотворительном концерте с целью сбора средств.

30 июня 1882 г.

Ф. 162, оп. 4, № 533.

М. А. Балакирев. Программы пяти концертов Бесплатной Музыкальной школы.

<1887 г.??>

Ф. 162, оп. 3, № 222.

Письмо Н. Ф. Финдейзена к М. А. Балакиреву.

21 ноября 1894 г.

Ф. 162, оп. 4, № 1144.

Вел. кн. Константин Константинович.

Фотография Д. С. Здобнова. С.-Петербург.

1909 г.

Инв. 20429.

Приглашение председателя Комиссии по постройке памятника М. И. Глинке в Санкт-Петербурге вел. кн. Константина Константиновича М. А. Балакиреву на заседание в Мраморном дворце.

26 апреля 1907 г.
Ф. 162, оп. 3, № 133.

Черновик письма М. А. Балакирева к Э. Ф. Направнику по поводу открытия памятника М. И. Глинке.

<Февраль> 1906 г.
Ф. 162, оп. 3, № 45.

Витрина 9

Наследник цесаревич Александр Александрович.
Фотография ателье «Левицкий и сын». С.-Петербург.
Конец 1870-х гг.
Инв. № 1969/7.

Цесаревна Мария Феодоровна.
Фотография ателье «Левицкий и сын». С.-Петербург.
Конец 1870-х гг.
Инв. 1969/10.

Билет для входа в Кремлевский дворец на торжества коронования, выданный управляющему Придворной Певческой капеллой дворянину М. А. Балакиреву.

Май 1883 г.
Ф. 162, оп. 3, № 115.

Уведомление Экспедиции церемониальных дел Императорского двора об аудиенции, назначенной императором Александром III М. А. Балакиреву.

20 марта <1880-е гг.>
Ф. 162, оп. 3, № 133.

Черновик прошения М. А. Балакирева <имп. Марии Феодоровне> по поводу назначения пенсий преподавательницам музыки Училища св. Елены в ведомстве Учреждений императрицы Марии.

Без даты.
Ф. 162, оп. 3, № 98.

Письмо воспитанниц Училища св. Елены к М. А. Балакиреву.

30 декабря 1895 г.
Ф. 162, оп. 4, № 1134.

Письмо секретаря имп. Марии Феодоровны гр. А. А. Голенищева-Кутузова к Г. Г. Даниловичу, отосланное М. А. Балакиреву.

6 сентября 1902 г.
Ф. 162, оп. 3, № 202.

Памятная записка М. А. Балакирева о сборе средств на установку памятника Ф. Шопену в Варшаве.

<1894 г.>

Ф. 162, оп. 3, № 99.

Приглашение М. А. Балакиреву от Комитета Музыкального общества в Варшаве на открытие памятника Ф. Шопену в Желязовой Воле за подписью А. Полинского.

25 июня / 7 июля 1894 г.

Ф. 162, оп. 3, № 99.

Письмо И. А. Боровки к М. А. Балакиреву.

20 июня 1901 г.

Ф. 162, оп. 4, № 129.

Письмо А. Н. Есиповой к М. А. Балакиреву.

Без даты.

Ф. 162, оп. 4, № 1255.

Письмо М. М. Ипполитова-Иванова к М. А. Балакиреву с просьбой дирижировать в благотворительном концерте в пользу Общества взаимопомощи оркестровых музыкантов в Москве.

3 сентября 1904 г.

Ф. 162, оп. 4, № 460.

Поздравительная телеграмма М. А. Балакиреву в связи с его 70-летием от имени Народной консерватории Московского общества народных университетов за подписями С. И. Танеева, А. Т. Гречанинова, М. А. Дейши-Сионицкой и др.

Декабрь 1906 г.

Ф. 162, оп. 4, № 833.

Витрина 10

М. А. Балакирев. Фотография ателье «Рентц и Шрадер». С.-Петербург. С дарственной надписью Д. В. и П. С. Стасовым.

23 апреля 1906 г.

Инв. № 43808.

Черновик письма М. А. Балакирева к М. Д. Кальвокоресси.

Без даты.

Ф. 162, оп. 3, № 45.

Черновик телеграммы М. А. Балакирева в Филармоническое общество г. Брно.

Без даты.

Ф. 162, оп. 3, № 61.

Черновик телеграммы М. А. Балакирева в адрес Комитета по устройству Народного театра в Праге от имени Бесплатной музыкальной школы.

Без даты.

Ф. 162, оп. 3, № 85.

Письмо Р. Виньеса Рода к М. А. Балакиреву.

8 марта 1905 г.

Ф. 162, оп. 3, № 218.

Письмо Л. А. Бурго-Дюкудре к М. А. Балакиреву.

24 июня 1904 г.

Ф. 162, оп. 4, № 174.

Письмо С. П. Дягилева к М. А. Балакиреву с просьбой прислать ему автограф первой страницы партитуры симфонической поэмы «Тамара» для помещения в программу концертов Русских сезонов в Париже.

2 апреля 1907 г.

Ф. 162, оп. 4, № 388.

Письмо Н. И. Казанли к М. А. Балакиреву из Мюнхена о намерении исполнять музыку М. И. Глинки и М. А. Балакирева в Германии.

15 / 3 января 1898 г.

Ф. 162, оп. 4, № 468.

Письмо М. Д. Кальвокоресси к М. А. Балакиреву об исполнении и пропаганде Рикардо Виньесом Рода произведений М. А. Балакирева и других композиторов новой русской школы во Франции и об издании балакиревской музыки.

10 / 23 февраля 1905 г.

Ф. 162, оп. 4, № 481.

Письмо М. А. Олениной-д'Альгейм к М. А. Балакиреву с просьбой дать ей рекомендацию к Л. А. Бурго-Дюкудре для устройства ее концерта из произведений М. А. Балакирева в Париже.

1900 г.

Ф. 162, оп. 4, № 844.

Поздравительная телеграмма Чешского Национального театра М. А. Балакиреву в связи с его 70-летием.

18—19 декабря 1906 г.

Ф. 162, оп. 4, № 1097.

Витрина II

Портрет М. А. Балакирева.

В. В. Матэ.

Офорт.

1912—1914 гг.

Инв. 8712.

Санкт-Петербургская консерватория.

Фотография.

1902 г.

Инв. 69871.

Письмо А. Р. Бернгарда к М. А. Балакиреву.

2 декабря 1898 г.

Ф. 162, оп. 4, № 106.

Письмо А. К. Лядова к М. А. Балакиреву.

4 мая 1899 г.

Ф. 162, оп. 4, № 677.

Письмо С. А. Бармотина к М. А. Балакиреву.

17 августа 1902 г.

Ф. 162, оп. 4, № 72.

Письмо А. К. Глазунова к М. А. Балакиреву.

9 мая 1904 г.

Ф. 162, оп. 3, № 280.

Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Глазунов, А. К. Лядов.

Групповой портрет.

Фотография.

1905 г.

Инв. 47348.

Письмо С. М. Ляпунова к М. А. Балакиреву.

16 декабря 1907 г.

Ф. 162, оп. 4, № 678.

**Письмо сотрудника Императорской Публичной библиотеки
И. А. Бычкова к М. А. Балакиреву.**

28 января 1910 г.

Ф. 162, оп. 3, № 179.

Копия распоряжения С. М. Ляпунова от 1 сентября 1922 г. в отношении его архива и архива М. А. Балакирева, сделанная А. С. Ляпуновой 22 апреля 1957 г.

«Дело» фонда № 162 (М. А. Балакирева).

Стремясь последовательно отразить в каждой витрине наиболее важные этапы жизни и творчества М. А. Балакирева, авторы в то же время сознательно допускали анахронизмы тогда, когда необходимо было придать звучание основным лейтмотивам его жизни и творчества: пропаганде наследия М. И. Глинки — исполнению, редактированию и изданию его про-

изведений, инициативному участию в создании памятников композитору в Смоленске и Санкт-Петербурге, сохранению рукописного наследия и др. Такой же важной сквозной темой является исполнение, дирижирование Балакиревым на протяжении всей его жизни произведений композиторов новой русской школы в России и за рубежом. Все материалы личного архива композитора свидетельствуют о его постоянной и бескорыстной помощи людям, хлопотах о материальной и профессиональной поддержке начинающим или стареющим музыкантам и всем лицам, искавшим его содействия. Главная, обобщающая тема — служение России всем многообразием его дарований на поприще музыкальной культуры в качестве композитора, исполнителя, дирижера, педагога, директора Придворной Певческой капеллы и организатора музыкального дела в стране.

150-летию со дня рождения С. И. Танеева была посвящена отдельная витрина. В Пушкинском Доме нет личного фонда композитора. Основной документ, относящийся к празднованию, свидетельство о рождении и крещении, хранится в фонде его брата — юриста, писателя, философа-социолога В. И. Танеева (1840—1921). Другие материалы находятся в фонде А. С. Аренского и в собрании отдельных документов (Разряд I). Все они были представлены на выставке.

Свидетельство о рождении и крещении С. И. Танеева, выданное Владимирской Духовной консисторией 16 декабря 1859 г.

Из архива В. И. Танеева.

Ф. 653. № 31.

Письмо С. И. Танеева к А. С. Аренскому.

На обороте письмо П. И. Чайковского к А. С. Аренскому.

<Март—апрель 1884 г.>.

Из архива А. С. Аренского.

Ф. 504, № 69.

Письмо Л. С. Ауэра к С. И. Танееву.

12 января 1888 г.

Р. I, оп. 27, № 285.

Письмо К. Ю. Давыдова к С. И. Танееву.

Без даты.

Р. I, оп. 27, № 286.

Письмо А. И. Зилоти к С. И. Танееву.

Без даты.

Р. I, оп. 10, № 90.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдуразаков А. 863
 Абельсон (псевд. Осипов) И. О. 345, 435—437
 Абрамова-Калицкая В. П. 545, 556
 Аброскина И. И. 83
 Аввакум, протопоп 30, 209, 772, 778, 781, 786—789, 793, 797—800
 Августин, блаженный 215
 Авербах Л. А. 154
 Аверьянова-Дидерихс Л. И. см. Лисицкая А. 110, 114, 117, 122, 545—554
 Агулянский О. И. 284
 Адамович В. Д. 322
 Адамович Г. В. 782
 Адрианова (Адрианова-Перетц) В. П. 219, 220
 Азадовский К. М. 556
 Айвазовский И. К. 33
 Аймермахер К. 90
 Айхенвальд Ю. И. 84
 Акимов-Перец И. К. 549, 554
 Аксаков А. Н. 28
 Аксаков И. С. 174
 Аксаков К. С. 10
 Аксенов И. А. 84, 86, 89
 Аксенова Г. В. 164
 Алеев (псевд. Днепровский) А. Г. 19
 Александр I, имп. 160, 191, 317, 593
 Александр II, цесаревич, имп. 21, 160, 419
 Александр III, имп. 22, 34, 38, 161, 388, 433, 457, 683, 684, 882
 Александр Михайлович, вел. кн. 388
 Александр Невский, св. 450, 454, 499
 Александр Николаевич, вел. кн. 170, 178
 Александра Федоровна, имп. 174
 Александров А. А. 110
 Александров П. А. 391
 Алексеев А. Д. 695—768
 Алексеев В. П. 27
 Алексеев В. С. 109, 110, 116, 122, 545
 Алексеев Г. И. 809—854, 864
 Алексеев М. 198
 Алексеев М. П. 140, 696, 787
 Алексеева М. Б. 810
 Аленыцын А. А. 557
 Алквивад 446
 Аллегри О. К. 494
 Аллингтон см. Олдингтон Р.
 Альбов И. Ф., свящ. 463
 Альбов М. Н. 20, 28
 Альмквист К. И. Л. 519—521, 531, 532
 Альтани И. К. 279
 Альтман М. С. 568
 Амфитеатров А. В. 385, 558, 645
 Ананьев А. Ю. 864
 Анаксагор 661
 Андерсен Г. Х. 442, 465, 474, 502
 Анджелико, прозв. Беато Анджелико, Фра-Беато 602
 Андреев, художник 340
 Андреев В. А. 776
 Андреев В. М. 87
 Андреев Л. Н. 12, 16, 18, 21, 28, 36, 275, 309, 375, 635, 661, 807, 865
 Андреев М. И. 110, 113
 Андреева М. С. 67
 Андреева (наст. фам. Юрковская, по мужу Желябужская) М. Ф. 256, 283—285, 776
 Андреевский С. А. 474
 Андреевы 770
 Андрусон Л. И. 89, 92
 Аникин П. П., свящ. 507
 Аничков В. 641
 Аничков Е. В. 28, 556
 Анненков П. В. 13
 Анненков Ю. П. 770
 Анненский А. Ф. 34
 Анненский И. Ф. 21, 28
 Анненский Н. Ф. 20, 28
 Антик В. М. 538
 Антик Л. В. 538
 Антипов В. И. 148

- Антокольский М. М. 152, 153
 Антоний (Вадковский), митрополит 479, 512
 Антонин (Грановский), епископ 465, 471, 503
 Антонов В. В. 384
 Аполлонский Р. Б. 364, 409
 Апостолопуло (урожд. Богдан) Е. И. 499
 Аптекман И. В. 31
 Апухтин А. Н. 294
 Арабажин К. И. 23
 Арбатов (наст. фам. Архипов) Н. Н. 265, 434
 Арбенин П. И. 189, 203
 Арбенева А. Н. 206
 Арбенин Н. Ф. 382
 Аренс В. Е. 94
 Аренский А. С. 494, 880, 886
 Аристотель 60, 77
 Арлян М. (Arland M.) 770, 776
 Арсеньев К. К. 17, 20, 28, 34
 Арсеньев В. К. 738
 Арский П. А. 87, 90, 92, 93, 113
 Артемьев И. П. 436
 Арустамова А. А. 144
 Архангельский А. А. 495
 Асеев Н. Н. 87, 570, 641, 656, 665, 683, 684
 Асенкова В. Н. 252, 373
 Аскольдов (наст. фам. Алексеев) С. А. 492
 Астафьев И. А. 18
 Астафьева-Корякина М. С. 864
 Астон В. Г. 664
 Ауэр Л. С. 879, 886
 Афанасьев А. Н. 465
 Афанасьев-Соловьев И. И. 96, 103—106, 113,
 114, 122, 130, 133
 Ахматов В. В. 430
 Ахматова (псевд., наст. фам. Горенко) А. А.
 20, 28, 85, 89, 92, 94, 101, 110, 113, 114,
 222, 545, 548, 550, 560, 561, 563, 565, 567,
 568, 585, 683, 767
 Ахшарумов И. Д. 22

 Бабель И. Э. 570
 Бабиченко Д. Л. 91
 Бабков Н. И. 501
 Багрицкий Э. Г. 570
 Бадаев А. Е. 432
 Базилевский В. И. 398
 Байбурин А. 384
 Байдуков Г. Ф. 699, 700
 Байрон Дж. Г. 7, 17, 517, 560
 Бакланов Н. Б. 442
 Баклунд О. А. 254, 416, 429, 430
 Бакст (наст. фам. Розенберг) Л. С. 314, 318,
 340, 457, 480, 510, 513
 Бакунин М. А. 6, 50
 Балакин А. Ю. 189, 195, 200,
 Балакирев А. К. 873, 876
 Балакирев М. А. 151, 867—874, 876—886
 Балакирева (Яшерова) Е. И. 873
 Балакиревы 872
 Балановская (в замуж. Экскузович) Л. Н.
 274, 298, 300, 301
 Балашова А. М. 378
 Балдина А. В. 296
 Балдина Е. В. 296
 Балиев (наст. имя и фам. Мкртч Асвадуро-
 вич Бальян) Н. Ф. 250, 310, 336, 385—388,
 408
 Балли Ш. 71
 Балов А. В. 664
 Балтрушайтис Ю. К. 318, 516—544
 Бальмонт К. Д. 10, 11, 20, 28, 516—520, 523,
 526—528, 598, 617, 665, 671, 672, 681, 682,
 684, 687, 691
 Банг Г. 520
 Барановский В. Р. 260, 262
 Баранцевич К. С. 32, 33
 Баратынский Е. А. 217, 517, 546
 Бараш (в замуж. Месаксуди) Л. П. 400
 Бармотин С. А. 885
 Барро М. В. 19
 Барсков Я. Л. 800
 Баргенов П. И. 166, 176
 Баргенов С. П. 166
 Барцал А. И. 276
 Баршев С. И. 176
 Басалаев И. М. 113—115, 122, 568
 Баскаков Н. А. 254, 425
 Баскаков Ник. А. 254
 Бастунов Э. Д. 385
 Батайль А. 370
 Батеньков Г. С. 175, 186, 195
 Батюшков К. Н. 193, 195—205, 207
 Батюшков Ф. Д. 17, 21, 28, 34, 55, 564
 Бауэр Ф. 311
 Бахман Г. Г. (Bachmann G.) 516, 518, 522—
 526
 Бахман О. М. 524, 525
 Бахметев Н. Н. 31
 Бахмутов Г. Е. 436
 Бахрушин Александр А. 296
 Бахрушин Алексей А. 251—255, 295—296,
 311, 314, 315, 317, 319, 321, 325—329,
 332—345, 347—350, 360, 362—364, 367,
 379, 403, 404, 409, 420, 421
 Бахрушин А. П. 295
 Бахрушин А. Ф. 295
 Бахрушин Ю. А. 251, 253, 295, 296, 421
 Бахрушина (урожд. Носова) В. В. 363, 364
 Бахрушина (в замуж. Семина) К. А. 421
 Бахтерев И. В. 107, 615, 623, 629

- Бахтин М. М. 58, 63—65, 71, 76
 Бахтин Н. Н. 17
 Баязитов С. М. 866
 Баян К. (наст. имя и фам. К. М. Филиппов) 552, 553
 Беглецов В. Е. 867
 Бедный Д. (наст. имя и фам. Е. А. Придворов) 681, 683, 684
 Бейлис М. 443
 Бекетов Н. Н. 417
 Бекетова М. А. 443
 Бёклин А. 461
 Белинская М. В. 18
 Белинский В. Г. 6, 7, 9—13, 17, 18, 25, 34, 50, 352, 399, 779, 782
 Белкин М. Б. 59
 Белло Р. 560
 Белобородов А. 125
 Белобровцева И. З. 564
 Беловинский Л. 384
 Белокуров С. М. 312, 313
 Белорецкий Г. 664
 Белоус В. Г. 61, 87, 107, 786
 Белоусов В. А. 211
 Белоусов В. Г. 684
 Белый А. (псевд., наст. имя и фам. Б. Н. Бугаев) 21, 28, 36, 44, 62, 275, 318, 459, 485, 496, 519, 550, 568, 598, 642, 662, 671, 681, 684
 Белый В. И. 14
 Бельгард А. В. 50, 52
 Бельштейн Ф. Ф. 254, 426
 Белявский Н. Ф. 110, 113, 114, 116, 545, 549, 555
 Беляев М. Д. 166
 Беляев Ю. Д. 251, 310, 339, 340, 370—373, 435, 446
 Беляков А. В. 699
 Бем (урожд. Ендаурова) Е. М. 20
 Бем А. 781
 Бенау (урожд. Кинд) А. К. 480
 Бенау А. Н. 32, 314, 451, 452, 457, 465, 471, 476, 480, 486, 494, 510, 591
 Берггольц О. Ф. 764
 Бергсон А. 618, 621, 630, 643, 645—647, 661, 663—669, 672, 677—680, 686, 692, 693
 Бердников Я. П. 90, 94
 Бердяев Н. А. 28, 53, 84, 484, 684, 805, 806
 Бердяева Л. Ю. 806
 Беренштам Ф. Г. 34
 Берзен Р. А. 434
 Берлиоз Г. 870, 879
 Бернар С. 284
 Бернгард А. Р. 885
 Бернштейн (Bernshteyn) А. М. 155
 Бернштейн З. И. см. Лилина З. И.
 Бескин Э. М. 375
 Бестужев-Рюмин К. Н. 257, 367
 Бесчастнова Т. 707, 731
 Бетховен Л. ван 870
 Бехтерев В. М. 23
 Бечаснов П. А. 19
 Безр Ал. С. 171
 Безр Ан. С. 169—172, 175
 Безр (урожд. Сытина) Е. В. 172
 Безр (в замуж. Ястребова) Е. С. 175
 Безр (урожд. Елагина) М. В. 167—169, 171—173, 175, 177, 180, 181, 186
 Безр Н. А. 172
 Безр (в замуж. Нифонтова) О. С. 171
 Безр С. А. 169, 171
 Безр С. С. 171
 Безр Т. И. 172
 Безры 171, 172, 181, 185
 Бианки В. В. 553, 558
 Бианки В. Л. 34
 Бианки В. Н. 558
 Бикчентаев А. Г. 866
 Билибин В. В. 22, 382
 Билибин И. Я. 440
 Биневич Е. М. 152
 Бируков А. С. 191
 Бирюков П. И. 19
 Бирюков С. 614
 Биттнер В. Е. 198
 Блауберг Г. Б. 28
 Блейк У. 516, 517
 Блейман М. Ю. 93
 Блекборн 20
 Блок А. А. 10, 16, 18, 20, 21, 28, 34, 36, 62, 84, 209, 210, 215, 234, 235, 256, 283, 439, 443—445, 459, 476, 485, 487, 489, 491—493, 495, 496, 498, 508—511, 513, 520, 555, 566, 599, 662, 708, 710, 711, 718, 719, 865
 Блок Л. Д. 490, 492, 493, 498
 Блудов Д. Н. 207
 Блюм В. И. 559
 Блюменфельд В. М. 638, 641
 Боборыкин П. Д. 12, 26, 33, 250, 374, 375
 Богаевский Г. Л. 107, 135, 623
 Богданов А. И. 254
 Богданов М. М. 19
 Богданович А. В. 298, 301
 Боген А. О. 274, 377
 Боголюбов (А. Емельянов) 391
 Боголюбов И. С. 153
 Богомоллов Н. А. 99, 210, 213, 221, 223, 614, 627, 629
 Бодлер Ш. 661, 681
 Бодрова А. С. 194

- Бодуэн де Куртенэ И. А. 64, 65, 621, 630, 646, 657, 665, 688
 Божидар (псевд., наст. имя и фам. Б. П. Гордеев) 655, 664
 Божемянов И. Н. 44
 Божовский В. К. 248, 253, 301, 319, 327, 336, 347, 376, 378, 379
 Бойкова Ж. В. 864
 Бойто А. 270
 Бок К. И. 353
 Болмашев С. В. 27, 28
 Бондарев Ю. В. 866
 Бондаренко И. Е. 251, 319, 327, 336, 340, 343, 344, 356, 364
 Бондарский Б. С. 5
 Бонди С. М. 7
 Бонч-Бруевич В. Д. 30
 Бооль Н. К. 264, 266—268, 289, 376
 Бооль Ю. Г. 377
 Борецкий М. см. Казмичев П. П.
 Борисов (наст. фам. Гурович) Б. С. 336, 388, 389
 Борисов В. М. 19
 Борисов Л. И. 88, 92, 112, 113, 116, 119, 565
 Борисов-Мусатов В. Э. 598
 Борисова А. М. 816
 Борисовская Л. Е. 85
 Борисоглебский М. В. 87, 110, 545, 546, 553, 555, 557, 559
 Боровиковский В. Л. 314
 Боровка И. А. 883
 Бородин А. П. 876
 Бородин М. П. 19
 Борщевский Б. Г. 16
 Боткин Д. П. 329
 Боткин С. С. 480
 Бочаров М. И. 252
 Бражнин И. 711
 Бразоленко Б. 46, 47
 Брандес Г. 14
 Брандист К. (Brandist C.) 58, 64, 73
 Браудо А. И. 21
 Браун Н. Л. 102, 105, 111, 112, 115—118, 120, 862
 Бреаль М. 71
 Бревен де ла Гарди А. И., гр. 166
 Бревен де ла Гарди (урожд. Воейкова) М. А., гр. 166
 Бревен де ла Гарди Н. А., гр. 166, 167
 Бредихин Ф. А. 426
 Брешко-Брешковский Н. Н. 35
 Бриан М. И. 284
 Бриё Э. 420
 Брик О. М. 618, 630, 664
 Бринкин 146
 Бринкман Н. А. 568
 Брион М. 801, 802
 Бродский А. М. 436
 Бродский И. А. 814
 Бродский Н. Л. 135, 638
 Броувер А. 565, 586
 Брунцев В. А. 311
 Брыкин 562
 Брюллов К. П. 177, 314
 Брюннике, врач 55
 Брюсов В. Я. 12, 16—18, 20, 21, 28, 83, 102, 275, 318, 518, 523, 525, 526, 617, 677, 681, 687
 Буайе П. 789
 Бугаевский см. Богаевский Г. Л.
 Буданова Н. Ф. 560
 Бударагин В. П. 771
 Будищев А. Н. 12
 Булатова А. И. 262
 Булгаков А. Д.
 Булгаков М. А. 553, 555, 559
 Булгаков С. Н., прот. 484
 Булгарин Ф. В. 190, 200, 202, 203, 205
 Булич С. К. 17
 Бульгина П. И. 634
 Бунин А. И. 170, 177
 Бунин И. А. 12, 16, 18, 20, 21, 28, 33, 84, 420, 571, 642, 806
 Бунина В. А. см. Юшкова В. А.
 Бунина В. Н. 805, 806
 Бунина Е. А. см. Протасова Е. А.
 Бунина (урожд. Безобразова) М. Г. 177
 Бунич-Ремизов Б. Б. 769
 Бургарель Ж. 864
 Бурго-Дюкудре Л. А. 884
 Бурнашев В. П. 207
 Бурцев А. Е. 46
 Бурцев В. Л. 27, 31, 34
 Бурцын Д. Г. 251, 252, 311, 314, 329, 330
 Буткова Е. А. 381
 Бутлеров А. М. 33
 Бутова Н. И. 98, 99
 Бутягина А. М. 448, 458, 459, 461, 471—476, 480, 481, 489, 490, 495—499
 Бутягина В. А. 109
 Бушарди Э. 165
 Бушмаков А. В. 145
 Быков П. В. 33, 89
 Быстрицкий Д. 872, 873
 Быстрова О. В. 85
 Быхов П. Д. 45, 47
 Бычков И. А. 165, 885
 Бюлер К. (Bühler K.) 60, 77
 В. А. 641
 Вавич М. И. 389

- Ваганова А. Я. 399
 Вагин П. (наст. имя и фам. П. И. Карамышев) 557
 Вагинов К. К. 87—89, 92, 93, 98, 101, 105, 116, 549, 550
 Вагнер Н. П. 33, 119, 442, 462
 Вагнер Р. 449, 476, 510
 Вадимова Д. М. 373
 Вайнтшейн 373
 Ваксель П. Л. 35, 398
 Валаев Рост. Г. 89
 Валуев Д. А. 176, 177
 Вальден Г. 643
 Вальковский (псевд. Вальо-Отшельник) В. В. 27
 Вальман Н. А. 498
 Ван-Броувер А. см. Броувер А.
 Ван-Дейк А. 565, 591
 Варгин К. А. 879
 Варгунин П. П. 159
 Варламов А. Е. 290
 Варламов К. А. 248, 290, 352, 362
 Вартанян В. 635
 Васенин (наст. фам. Васильев) А. В. 299, 300, 388
 Василий Великий, св. 468
 Васильев И. И. 814
 Васильев И. М. 94, 105, 112, 119, 134
 Васильев-Гадалин В. В. 642
 Васильева (в замуж. Танеева) Н. С. 250, 354, 399
 Васнецов В. М. 341
 Ватсон М. В. 110, 545
 Ватутин Н. Ф. 717
 Вахтеров В. П. 620
 Вацуро В. Э. 200
 Введенский А. И. 99, 100, 106—112, 116, 119, 122, 135, 622, 623
 Ведекинд Ф. 237, 238
 Вейд К. 763
 Вейнберг П. В. 31
 Вейнберг П. И. 11, 17, 30, 31, 33, 39, 880
 Вейнер П. П. 326
 Векслер А. Л. 25
 Велижев М. Б. 194
 Венгеров А. Л. 5, 29
 Венгеров А. С. 6, 29, 30
 Венгеров В. А. 29
 Венгеров В. С. 6, 11, 29—32
 Венгеров С. А. 5—35, 38, 39, 517, 786, 865
 Венгеров С. С. 6, 29, 32
 Венгерова А. П. 32
 Венгерова В. С. 6, 29, 30
 Венгерова Е. А. 29
 Венгерова Е. С. 6, 29, 32
 Венгерова З. А. 15, 17, 18, 29, 501, 536, 621, 664, 665, 671, 678, 680, 686, 785, 786, 790
 Венгерова И. А. 15, 29
 Венгерова Л. С. 6, 29, 32
 Венгерова Н. В. 14, 31, 32
 Венгерова (урожд. Эпштейн) П. Ю. 5, 15, 29
 Венгерова Р. А. см. Ландау Р. А.
 Венгерова С. С. 6, 29
 Венгерова Ф. А. 29
 Венгерovy 14
 Веневитов М. В. 634
 Венецианов А. Г. 178
 Вергилий 203
 Верди Дж. 448
 Вересаев (псевд., наст. фам. Смидович) В. В. 21, 28, 46
 Верлен П. 554, 682, 684
 Вермишев Х. А. 19
 Вернадский В. И. 418, 438
 Веронезе П. 591
 Вертинский А. Н. 720
 Верховская Т. В. 508
 Верховский П. В. 507, 508
 Верховский Ю. Н. 92, 94, 546, 558, 559
 Вершков А. 197
 Веселовская (урожд. Панк) А. А. 268
 Веселовские 268, 269
 Веселовский А. А. 34
 Веселовский Александр Н. 28, 68, 254, 268, 417, 426, 429, 664, 687, 692, 860
 Веселовский Алексей Н. 18, 268, 269, 271
 Веселовский К. С. 261
 Веснина А. (наст. имя и фам. А. П. Иванова) 90
 Вестли Г. 877
 Виардо П. 12
 Вигель Ф. Ф. 179, 180
 Вигилянский Е. И. (Джемла Евг.) 106—108, 135, 622, 623
 Виельгорский М. Ю. 869
 Викерс Б. 60
 Вилипп И. И. 423
 Вильбушевич Е. Б. 400
 Вилькина Л. Н. (Изабелла) 510
 Вильчевский О. Л. 97, 114, 122
 Виноградов В. В. 787
 Виноградова Е. В. 861
 Виньес Рода Р. 884
 Витберг Ф. А. 252, 311, 397
 Витте С. Ю. 380, 381
 Вихарев 764
 Вишнеvский С. А. 863
 Вишняк М. В. 782
 Вишняков Н. П. 330

- Владимир Александрович, вел. кн. 255, 419, 420
- Владимиров Н. В. 110
- Владиславлев В. А. 206
- Водовозов В. В. 22
- Воейков А. Ф. 166, 167, 175, 189—207
- Воейкова А. Ал. 166
- Воейкова (урожд. Протасова) А. Анд. 166—169, 171, 174, 176—178, 182, 183, 185, 186
- Воейкова Е. А. 166, 174
- Воейкова М. А. см. Бревверн де ла Гарди М. А.
- Воейковы 169
- Волков Ф. Г. 333
- Волконская М. П., кн. 164
- Волконский С. М., кн. 43, 250, 264, 303, 394—396, 450
- Володарский В. (наст. имя и фам. М. М. Гольдштейн) 71, 76
- Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) М. А. 209, 552, 560, 568, 569, 604, 607, 608
- Волошина М. С. 568, 569
- Волошинов В. Н. 63, 73
- Вольнский А. Л. (псевд., наст. имя и фам. Х. Л. Флексер) 21, 251, 402—405
- Вольпин Н. Д. 94, 118, 122
- Вольтер 397, 554
- Вольф М. О. 17, 556
- Воробьев Е. З. 696
- Воровский В. В. 28
- Воронин С. А. 866
- Воронихин А. Н. 804
- Воронский А. К. 91, 111
- Воронцов-Дашков И. И., гр. 879
- Врангель Н. Н. 253, 311, 313, 314, 326
- Врангель П. Н. 313
- Врангель Ф. П. 144
- Вроон Р. 771
- Врубель М. А. 317, 341, 356, 466, 504
- Всеволодский-Гернгросс В. Н. 62, 65
- Всеволожский И. А. 264, 390, 880
- Всеволожский Н. В. 564
- Всеволожский Н. Н. 390, 391
- Вуич Л. И. 174, 180
- Вундт В. 59, 72
- Вутетич Н. Г. 22
- Вучина И. Г. 857
- Вучинич А. (Vuchinich A.) 59
- Выгодский Д. И. 92, 94, 116
- Вяземский П. А., кн. 175, 189, 203, 328
- Вязигин А. 563
- Вяльцев Д. П. 247
- Вяльцева А. Д. 484
- Г. П. 642
- Гаврилина Н. Е. 864
- Гагарин П. И. 269
- Гайдаров В. Г. 304
- Галанина Н. В. 65, 66
- Галахов Н. П. 397
- Галахова (урожд. Шеншина) О. В. 397
- Галаховы 397
- Галиат Р. Г. (наст. имя и фам. Руст. Г. Валаев) 89, 92, 93
- Галин Л. (псевд., наст. фам. Добржанский Л. А.) 34
- Галиновский А. А. 34
- Галич Л. Ф. 142
- Галлимар Г. 775, 776, 799
- Галушкин А. Ю. 85, 87, 107
- Гальперин М. П. 109
- Гальс Ф. 586
- Гамсун К. 517—521, 526—529, 532, 533, 535, 536, 538, 541, 542
- Ганзен А. В. 17, 29, 532, 545
- Ганзен П. Г. 29, 521, 532
- Гансон О. см. Хансон У.
- Гарборг А. Э. 531
- Гарденин, полковник 302, 303
- Гартман В. А. 152
- Гартман Л. Н. 31
- Гармаш В. 409
- Гартунг (урожд. Пушкина) М. А. 16
- Гаршин В. М. 28, 31, 33
- Гасарьян 795
- Гауптман Г. 375, 385, 517, 518, 522—525, 539
- Гаусман Л. М. 550
- Ге Г. Г. 382
- Ге (урожд. Забела) Е. И. 493
- Ге Н. Н. 510
- Ге Н. П. 439, 440, 448, 475, 476, 483, 484, 486, 489—491, 497, 500, 510, 511
- Геварт Ф. О. 877
- Гейберг Г. 517
- Гейне Г. 33, 560
- Гельм (Hulme) Т. 660, 665
- Гельмерсен В. В. 100, 111, 113
- Генералова Н. П. 864
- Генсборо Т. 565, 592
- Герасимов М. П. 83
- Герасимова А. Г. 614
- Герашко Л. В. 867
- Гердт П. А. 399
- Герман Ф. И. 202, 205
- Герман Ю. П. 764
- Герцен А. А. 28, 765
- Герцен А. И. 6, 7, 12, 24, 25, 34, 50, 864
- Герцен Н. П. 864
- Герчук Ю. 140
- Гершензон М. О. 84, 169
- Гершуни Г. А. 27

- Гесс Ф. Ф. 247, 422
 Гёте И. В. 516, 599, 645, 667
 Гёффдинг Г. 521, 527, 530
 Гзовская О. В. 250, 273, 304—306, 308—310, 370
 Гильденбрандт Ф. Т. 170, 185, 186
 Гиляровский В. А. 275, 385
 Гинцбург (Hinzbourg) А. 151
 Гинцбург Г. 151, 153
 Гинцбург Д. Г. 151
 Гинцбург И. Я. 20, 148, 150, 152, 155
 Гинцбурги 155
 Гиппиус Вас. В. 24
 Гиппиус Вл. В. 92, 94, 500
 Гиппиус (псевд. Антон Крайний) З. Н. 12, 20, 28, 100, 443, 448, 450—453, 455—466, 468—469, 471, 473—477, 479, 481, 483—487, 490, 494, 498, 500, 502—506, 509—513, 641, 681, 776, 785
 Гиппиус Н. Н. 448, 490, 495, 498, 513
 Гиппиус Т. Н. 448, 476, 490, 495, 498, 499, 502, 510, 513
 Гитович А. И. 115, 764
 Глазунов А. К. 355, 871, 885
 Глебов В. 872
 Глинка В. М. 545
 Глинка М. И. 148, 280, 293, 410, 867, 869, 872, 874, 881, 882, 884, 885
 Глинка М. С. 545, 554
 Глинка С. Н. 195—202, 204, 205
 Глинка Ф. Н. 205
 Глинский Б. Б. 371, 372
 Гнедич Н. И. 201
 Гнедич П. П. 11, 17, 28, 248, 273, 336, 383
 Гнейст Р. 29
 Гоголь Н. В. 7, 9, 13, 27, 171, 174, 176—178, 181, 185, 186, 190, 246, 352, 373, 447, 460, 485, 504, 570, 594, 771
 Годин Я. В. 113, 114, 116, 119
 Голицишев-Кутузов А. А., гр. 882
 Голицишев-Кутузов П. И. 195—202, 204, 205
 Голике Р. Р. 857
 Голицын Б. Б. 254, 255, 421—423, 433
 Голицын-Муравлин Д. П. 385
 Голлербах Э. Ф. 224
 Головин А. Я. 224, 253, 340, 355, 411
 Голоушев С. С. 330
 Голубев П. 198
 Гольдфаден А. 152
 Гомберг Е. И. 24
 Гомер 43
 Гончаров И. А. 9, 11, 31, 351, 695, 696
 Гончаров И. К. 279
 Гончаров Н. А. 31
 Гораций 43
 Горбатов Б. Л. 725
 Горбачев Г. Е. 624
 Горбунов К. А. 176
 Гордеева Е. М. 150
 Горемыкин И. Л. 43
 Горнунг Б. В. 214
 Горнфельд А. Г. 17, 21
 Городецкий С. М. 20, 28, 520, 521, 530, 533—536
 Горский А. А. 403
 Горчаков Д. П. 190
 Горький М. (Пешков А. М.) 10, 12, 18, 20, 21, 28, 36, 41, 53, 57, 91, 95, 256, 278, 283, 284, 419, 430—432, 570, 645, 667, 776, 786, 806—808
 Горякин П. С. 36
 Гофман В. А. 70, 75, 76
 Гоцци К. 595
 Грааль-Арельский см. Петров С. С.
 Граве А. К. 755
 Градовский Г. К. 31
 Гранжан Ф. 663—665, 669, 677, 678, 680, 692
 Грановский Т. Н. 176
 Грачева А. М. 209, 770, 776, 781, 783, 786, 792
 Гревс И. М. 438
 Греч Н. И. 144, 198—205
 Гречанинов А. Т. 867, 883
 Гречишкин С. С. 61, 76, 516, 629, 771
 Гржебин З. И. 520, 527, 528, 530, 537
 Грибовский В. М. 22
 Грибоедов А. С. 34, 43, 189, 277, 293, 410, 414
 Григ Э. 649
 Григорович Д. В. 12, 33, 39
 Григорьев А. А. 13
 Григорьева О. В. 560
 Грин А. С. (наст. имя и фам. А. С. Гриневский) 556
 Гринева Н. 15
 Гриневская И. А. 20
 Грлиц Т. С. 340
 Громов М. М. 699
 Грот Я. К. 28, 142
 Groшиков Ф. В. 92, 103
 Груздев-Слесарь И. М. 94, 105
 Грузенберг С. О. 104
 Грузиненко Е. 563
 Грузинов И. В. 83, 84, 86
 Грузинский А. Е. 169
 Грузинцев А. Н. 193, 195, 197—202, 204, 205
 Грушка А. А. 24
 Грякалова Н. Ю. 776, 782
 Гудзий Н. К. 793, 795
 Гукова (по мужу Богданович) М. Г. 301

- Гумилев Н. С. 20, 62, 84, 563, 565, 567, 682
 Гумилевский Л. И. 615, 637
 Гурвич И. А. 31, 52, 53
 Гурилев А. Л. 736
 Гуро Е. Г. 664
 Гурчинов М. 614
 Гусев Н. А. 135, 638
 Гуссаковский А. С. 870
 Гюго В. 549, 554, 716
 Гюисманс Ж. К. 217, 218
 Гюнтер И., фон 490
- д'Аннунцио Г. (D'Annunzio G.) 213, 517
 д'Астье Э. (Emmanuel d'Astier de la Vigerie) 796, 797
 д'Амелия А. 773, 790
 Давид, библия. 461
 Давыдов (наст. фам. Карапетян) А. Д. 294, 346
 Давыдов В. Д. 250
 Давыдов В. Н. (наст. имя и фам. И. Н. Горелов) 42, 248, 352, 405, 406
 Давыдов Д. В. 564
 Давыдов К. Ю. 886
 Давыдова З. Д. 568
 Давыдова (урожд. Гойер) С. А. 20
 Даль В. И. 672
 Далматов, коллекционер 163
 Далматов (наст. имя и фам. В. П. Лучич) 406, 407, 435
 Дамаскин Н. И. 35
 Дан, студент 458
 Данилова М. В. 436
 Данилович Г. Г. 882
 Данильченко П. А. 435
 Данте Алигьери 517, 599
 Дантес Ж. 206
 Данько Е. Я. 109, 110, 545, 546, 548, 550, 551, 553, 555, 558
 Данько Н. Я. 568
 Даргомыжский А. С. 278, 870, 874, 875
 Дауэтите В. 517, 524, 543
 Дациаро И. А. 335
 Дашкевич Н. П. 17
 Дашков П. Я. 141, 148, 152, 873, 875
 Двинятина Т. М. 99, 560, 564, 614
 Де Молина Т. 517
 Дебюсси К. 649
 Девриен А. Ф. 857
 Девятнин В. 562
 Дейкарханова Т. Х. 386
 Дейша-Сионицкая М. А. 883
 Декарт Р. 781
 Делиль Ж. 203, 207
 Дельвиг А. А. 564
- Дементьев А. Г. 90
 Демидов А. А. 398
 Демин Д. 142
 Демосфенова Г. 623
 Деникин А. И. 560, 619
 Дервиз О. В., фон 772, 776
 Державин Г. Р. 142, 143, 205, 569, 593
 Державин Н. С. 62, 69, 75
 Дерман А. Б. 21
 Десницкий В. А. 568
 Дёшкин Г. Ф. 85, 86, 89, 94, 125
 Джагер Д. 763
 Жемла Е. см. Виглянский Е. И.
 Джонсон Б. 516
 Дзержинский И. И. 862
 Дзержинский Ф. Э. 57
 Дидерихс Ф. 547, 551, 552
 Диксон В. В. 792
 Димитрий Ростовский, св. 218—220, 233
 Динерштейн Е. А. 91
 Дмитренко А. Л. 109, 567, 568
 Дмитриев И. И. 143, 190, 199
 Дмитриев Н. Д. 463
 Дмитриев Н. П. 109, 110, 113, 114, 116, 117
 Дмитриев П. В. 213, 220—223
 Дмитриева В. И. 29
 Дмитриева Р. П. 209
 Дмитриев-Мамонов Э. А. 174, 176, 177, 185
 Добкин Я. Г. 864
 Добричев С. С. см. Радаманович С. С.
 Добролюбов А. И., свящ. 34, 873
 Добролюбов А. М. 12
 Добролюбов Н. А. 33, 34, 50, 873
 Добролюбова З. В. 34
 Добролюбова М. М. 491
 Добротворский (псевд. Карсанов Петр) П. И. 19
 Добужинский М. В. 314, 318, 587
 Доде А. 34
 Додонова А. А. 311
 Дойл А. Конан 624, 633, 639
 Долгова С. Р. 140, 141
 Долгорукий И. М. 190
 Долинин (псевд., наст. фам. Искоз) А. С. 21, 782, 784
 Долматовский Е. А. 730
 Дольчи К. 591
 Донауров С. И. 294
 Доржу М. 863
 Дорошевич В. М. 306, 374
 Досс Н. 876
 Достоевская А. Г. 28
 Достоевский Ф. М. 7, 12, 13, 24—26, 443, 448, 461, 462, 467, 468, 471, 473, 474, 478,

- 480, 486, 505, 506, 645, 660, 667, 779, 781,
784, 801, 802
- Доценко С. Н. 564
- Драганов В. П. 24
- Дрожжин С. Д. 20
- Дружинин А. В. 11
- Друскин Я. С. 106
- Дубасов Ф. В. 450
- Дубасова (урожд. Сипягина) А. С. 450, 451
- Дубровин Н. Ф. 254, 257, 260—262, 268, 431,
433
- Дуганов Р. В. 196
- Дудин М. А. 764, 809, 816, 862
- Дузе Э. 284, 446
- Дулов М. Т. 361, 410
- Думова Н. Г. 324
- Дункан (Dunkan) А. 502, 683, 684, 688
- Дурнов М. А. 526
- Дурново П. 865
- Дуров Н. П. 140
- Дуроп Ал. Х. 200
- Дуроп Андрей Х. 201
- Дуроп Н. 200
- Дурылин С. Н. 411
- Дымов О. (наст. имя и фам. И. И. Перельман)
375
- Дымшиц А. Л. 615, 787, 788, 790, 791
- Дьяконов А. А. 533, 543
- Дьяченко Л. И. 314
- Дэвис Р. 36
- Дэвид-Фокс М. (David-Fox M.) 67
- Дюамель Ж. 547
- Дюбюк А. И. 871, 873
- Дюков Н. М. 488, 498
- Дюков Ю. Н. 498
- Дюкова (урожд. Угрюмова) В. А. 488
- Дюкова В. Н. 486
- Дюпре де Сен-Мор Э. 201
- Дюртен Л. 547
- Дягилев С. П. 301, 314, 357, 358, 366, 404,
457, 476, 486, 510, 884
- Евгеньев-Максимов В. Е. 865
- Евзлин М. С. 614
- Еврипид 457
- Евтушенко М. М. 157
- Еголин А. М. 5
- Егоров Е. А. 21, 474, 475, 481
- Екатерина II, имп. 143
- Елагин А. А. 185, 186
- Елагин В. А. 166—168, 174, 177, 185
- Елагин (наст. фам. Матвеев) И. В. 866
- Елагин Н. А. 166, 168, 169, 174
- Елагина (урожд. Юшкова, в первом браке
Киреевская) А. П. 166—169, 172—177,
180, 183, 185, 186
- Елагина (урожд. Мойер) Е. И. 167, 169, 174
- Елагина М. В. см. Беэр М. В.
- Елагины 166—169, 171, 175—177, 185
- Елена Владимировна, вел. княж. 419
- Елена Павловна, вел. кн. 21, 878
- Елеонская Е. Н. 664
- Елизавета Маврикиевна, вел. кн. 27
- Елизавета Петровна, имп. 178, 252, 312, 565,
590
- Елисеев Г. Г. 346
- Елисеевы 346
- Ениватов И. П. 866
- Ермакова-Битнер Г. В. 190—192, 196, 199
- Ерменев И. А. 141, 142
- Ермолова М. Н. 250, 267, 269, 270, 272, 273,
275, 304, 310, 351, 396, 420, 421
- Ерхов Б. А. 519
- Ершов П. П. 401
- Есенин С. А. 83, 84, 87, 101, 111, 546, 565,
683, 684, 710, 711, 738, 747, 753, 754, 767,
787, 788, 790, 791
- Есипова А. Н. 883
- Ефименко А. Л. 31
- Ефрем Сирий, прп. 448
- Ефремов П. А. 191, 192, 196, 207
- Ефрон И. Я. 34
- Жак-Далькроз Э. 394
- Жаккар Ж. Ф. (Jaccard J. Ph.) 85, 99, 107, 110,
135, 137, 614, 629
- Жаков О. П. 728
- Жакотте Ж. 873
- Жакоттэ Ф. (Ph. Jacottet) 781
- Жаров М. И. 755
- Жарова Т. В. 695, 696, 702, 704—768
- Жданов А. А. 767
- Жданов З. П. 436, 437
- Жеймо Я. Б. 728
- Железнов (наст. фам. Айзенштадт) Л. 110
- Железнова Н. М. 354
- Желиховский В. А. 35
- Жиботинский Ю. М. 14
- Животовский С. В. 46
- Жилин Б. И. 866
- Жирмунский В. М. 7, 101, 104, 132, 683, 686,
687, 692, 812
- Житинский А. Н. 809
- Жолио-Кюри Ф. 797
- Жуков Г. К. 715
- Жуковская (урожд. Рейтерн) Е. А. (Элеоно-
ра) 166, 178, 183, 185, 186
- Жуковский А. К. (псевд. Бернет) 472

- Жуковский В. А. 43, 165—183, 185—186, 189, 193, 195—202, 204, 205, 207, 379, 564, 570, 585, 869
- Жуковский П. В. 165, 169, 171—173, 185
- Жулева Е. Н. 336
- Забела-Врубель Н. И. 317
- Заблочная А. Е. 61
- Заболоцкий Н. А. 107, 112, 115, 120, 615
- Заборов П. Р. 861
- Заводчиков В. П. 862
- Заволокин П. Я. 640
- Загаров (наст. фам. Фессинг) А. Л. 382
- Зайдман А. Д. 91
- Зайцев 86
- Зайцев Б. К. 28, 84, 778, 781, 866
- Зайцева Т. А. 867
- Залеман К. Г. 254, 417, 426, 427, 429
- Заленский В. В. 417, 422
- Замков Н. К. 10
- Замятин Е. И. 107, 117, 118, 772
- Замятина Л. Н. 772
- Зандин М. П. 494
- Западалов Б. А. 107, 109, 135
- Заточник Даниил — один из псевдонимов Д. Хармса
- Зарин А. Е. 46, 410
- Засулич В. И. 20, 28, 391, 394
- Захаров-Мэнский Н. Н. 86, 88, 89, 91, 94, 109, 128
- Захер-Мазох Л. 14
- Зачиняев А. И. 616
- Збруева Е. И. 279
- Звягина Л. Г. 279
- Звягинцева В. 568
- Зданевич И. М. 642
- Здобнов Д. С. 881
- Зейдлиц К. К. 173, 174, 178, 180—182
- Зеленин Д. К. 424, 425
- Зелинский К. Л. 135
- Зелинский Ф. Ф. 17, 59, 61, 63, 64
- Зембрих М. (наст. имя и фам. М. П. Коханьска) 448
- Земцовский И. И. 156
- Зенкевич М. А. 641
- Зенф К. А. 173, 177—180, 185
- Зернов В. М. 776
- Зернова Р. 782
- Зилоти А. И. 886
- Зиновьев Г. Е. 558
- Златовратский Н. Н. 16, 22, 31
- Золотарев С. 641
- Золотницкий А. В. 88, 113
- Золотницкий Д. 306, 372
- Золя Э. 12, 667
- Зон К. Ф. 186
- Зонин А. И. 117
- Зонтаг (урожд. Юшкова) А. П. 166, 175, 177
- Зоргенфрей В. А. 92, 94, 113
- Зоценко М. М. 87, 101, 767
- Зубарев Г. 736
- Зубарев И. Д. 16
- Зубчанинов А. И. 874
- Зыбина С. А. 875
- Ибсен Г. 475, 517, 519, 655, 681, 682, 684
- Иванов А. П. 440—442, 475, 476, 478, 479, 489, 496—498, 507, 512—514
- Иванов Вс. В. 21, 87, 90
- Иванов Вяч. И. 16, 18, 21, 28, 61, 487, 495, 501, 598
- Иванов Г. В. 85
- Иванов Е. П. 439—515
- Иванов П. А. 472, 488, 500
- Иванова А. А. 113, 114
- Иванова (урожд. Горбова) А. Ф. 440
- Иванова (урожд. Смирнова) Е. А. 446
- Иванова Е. В. 107, 443, 500, 501
- Иванова И. 58
- Иванова Л. Н. 165, 309, 864
- Иванова М. Е. 440
- Иванова М. П. 439, 447—449, 466, 479, 480, 482, 489, 490, 511, 513
- Иванова (урожд. Шальгина) М. П. 448, 472, 479, 488, 493, 513, 514
- Иванова Т. Г. 167, 175, 867
- Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Р. В. Иванов) 20, 21, 28, 61, 62, 309, 516, 545, 785—787
- Ивановы 493, 496
- Иванчин-Писарев А. В. 20
- Ивнев Р. (наст. имя и фам. М. А. Ковалёв) 84, 86
- Игнатъев П. Н., гр. 369
- Игнатъевы 369
- Игорь Константинович, кн. имп. крови 421
- Извеков Б. И. 568
- Измайлов (псевд. Смоленский) А. А. 41, 46, 212, 213, 251, 435, 437, 516, 518, 522, 539—543
- Измайлов А. Е. 195, 198, 200—202, 204, 205
- Измайлов Н. В. 7, 166, 175—177, 181, 185, 186
- Ильина О. 217
- Иннокентий, папа римский (Иннокентий I) 225, 233
- Иоанн Богослов, ап. 383, 481
- Иоанн Златоуст, св. 448
- Иоанн Константинович, кн. имп. крови 421
- Иоанн Креститель, св. 442, 457

- Иоанн Кронштадтский, св. (Сергиев И. И.) 40
 Иогансен А. Ф. 877
 Иогансон Ф. А. 27
 Иодко В. Р. 311
 Ионов И. И. 94, 111
 Иоффе Н. 110
 Ипполитов-Иванов М. М. 883
 Исаковский М. В. 863
 Исидор (Никольский), митр. 495
 Исидор Пелусиотский, прп. 495
 Исков Б. 634

Йейтс У. Б. 516

Каблуков С. П. 458
 Кавальканти Г. 516
 Кавелин Д. А. 190, 199—202, 204, 205
 Кавелин К. Д. 166, 175
 Каверин (наст. фам. Зильбер) В. А. 764
 Кавин Н. М. 626
 Каган М. И. 63
 Каганович Б. С. 438
 Кадмина Е. П. 435
 Кадоль О. 873
 Казанли Н. И. 884
 Казанова Дж. Дж. 549
 Казаринов 145, 147
 Казин П. Н. 270, 271, 274, 297—303, 366
 Казмичев М. М. 113, 560—571
 Казмичев Матвей М. (псевд. М. Скальдов) 561, 563
 Казмичева Т. М. 560, 561, 563, 567, 588
 Казмичевы 560, 563
 Казминов П. П. (псевд. М. Борецкий) 561, 564
 Казминов Ю. М. 560, 563, 599
 Кайзер А. Ю. 496
 Кайсаров П. С. 189, 203
 Калагеоргий А. 864
 Калентьева А. Г. 5
 Калинин М. И. 626
 Кальвокоресси М. Д. 883, 884
 Кальдерон П. 560
 Камейша К. 863
 Каменев (наст. фам. Розенфельд) Л. Б. 88
 Каменская А. А. 495
 Каменский А. К. 12
 Каменский В. В. 83, 108
 Каминская Э. Р. 102
 Камынин В. Ф. 864
 Камю А. 813
 Кандырин Н. М. 343
 Кант И. 617, 645, 647, 669, 675, 679, 693
 Капелюш Б. Н. 516
 Капица О. И. 545
 Капцевич П. М. 202
 Карабчевская (урожд. Варгунина) О. К. 355
 Карабчевский Н. П. 353, 355
 Караваджо 565, 590, 591
 Каразин В. Н. 198, 200—202, 204, 205
 Каралли В. А. 301
 Карамзин Н. М. 37, 158, 191, 202
 Карамышев П. И. см. Вагин П.
 Катенин П. А. 201
 Каратыгин А. В. 348
 Каратыгин В. А. 348
 Каратыгин П. А. 348
 Кареев Н. И. 27, 34
 Каржавин Ф. В. 140—143
 Карлгоф В. И. 190, 206
 Карнаухова А. М. 639
 Карнеев А. Д. 236
 Карпинский А. П. 429
 Карпов Г. И. 495
 Карпов Д. 83
 Карпов Е. П. 32, 296, 303, 412
 Карсавина Т. П. 399, 763
 Карташев А. В. 467, 474, 476, 483, 487, 490, 492, 501, 505, 513
 Карцов В. С. 19
 Кассиль Л. А. 696
 Кассо Л. А. 417—419
 Кастров А. Ю. 148
 Катенин П. А. 201
 Катерина Сиенская, св. 220
 Катков 90
 Катгирев-Ростовский И. М. 209
 Кауфман А. Е. 5
 Качалов (наст. фам. Шверубович) В. И. 307
 Каченовский М. Т. 191, 195—202, 204, 205
 Квинт Энний 684, 691
 Кейметинов В. С. 863
 Келтуяла В. А. 865
 Келтуяла В. В. 864
 Кельсон З. С. 85
 Кёппен В. Е. 417
 Кёппен П. Е. 417
 Кизеветтер А. А. 21
 Кий П. (наст. имя и фам. П. В. Пятницкий) 90
 Кикас Э. Г. 639
 Киреевская А. П. см. Елагина А. П.
 Киреевские 169, 175
 Киреевский И. В. 166, 168, 175, 176, 180
 Киревский П. В. 166, 168, 171, 172, 174—176
 Кириенко К. 863
 Кирилл, св. 878
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 858
 Клара А. Ф. 172

- Клард (урожд. Дютур) Н. П. 20
Клейнмихель П. А. 202
Климов М. Г. 111
Климова М. Н. 209
Климовицкий 90
Клушин В. И. 62, 69
Клюев Н. А. 92, 94, 100—102, 111, 113, 114, 119, 122, 788
Книжник И. (наст. имя и фам. И. С. Бланк; псевд. Ветров) 90
Книппер-Чехова О. Л. 41
Князев В. В. 94
Князев Г. А. 864
Кобак А. В. 384
Кобелева О. А. 103
Коблиц-Юзов И. И. 31
Кобринский А. А. 85, 89, 99, 106, 107, 110, 545, 549, 614
Кобылинский С. С. см. Эллис
Ковалев М. М. 26
Коган В. М. 864
Коган Л. 117
Кодрянская Н. В. (N. Codray, урожд. фон Гернгросс) 780, 782—784, 793, 802—804, 806, 807
Кодрянский И. В. (J. Codray) 783, 803, 804, 806
Кожевников В. М. 728
Козаков М. Э. 87
Козлов И. И. 189, 190, 202
Козлов П. С. 27
Козлянинов Л. Л. (псевд. Л. К.) 402, 403, 494
Коковцов П. К. 432
Колат Е. 560
Коларж И. 868
Колбасин Е. Я. 190, 191, 201, 601
Колбасина-Чернова О. Е. 770, 776
Коллонтай А. М. 713
Колчак А. В. 619
Кольцов А. В. 865
Колышко И. И. 451, 456
Комарова-Стасова В. Д. 151
Комиссарова М. И. 111
Коммиссаржевская В. Ф. 268, 310, 387, 388, 437, 448, 467, 486, 495, 496, 498, 499, 505, 543
Коммиссаржевский Ф. Ф. 535
Кондаков Н. П. 160, 398
Кондратенко Р. И. 763
Кондратьев А. М. 250, 267, 269, 271—273, 276, 286, 297, 307, 332, 333, 335, 361
Кондратьев В. В. 117
Кондрашин П. К. 292
Коневской И. (псевд., наст. фам. И. И. Ореус) 440, 446, 504, 526, 662
Кони А. Ф. 16, 18, 21, 28, 33, 63, 64, 66, 253, 341, 389—394, 397, 398
Коновалов Г. И. 866
Коновалова О. Ф. 209
Коноплянцев А. М. 490, 497
Конрад Дж. 547
Константин (см. Коршунов К. Ф.)
Константин Константинович, вел. кн. (К. Р.) 42, 248, 251, 253—255, 258, 265, 279, 362, 381, 415—416, 419—421, 881
Константин Константинович, кн. имп. крови 421
Константин Николаевич, вел. кн. 21
Константинов П. А. 285
Константинова (в замуж. Монахова) А. П. 284
Конт Ф. 384
Копельман Е. Ю. 530—533
Копельман С. Ю. 516, 520—522, 526—538, 541
Корвин-Круковский Ю. В. 405, 434
Корда А. 763
Кордт В. А. 31
Корещенко А. Н. 299, 301
Корженевская И. В. 98
Коринфский А. А. 17, 865
Корнель П. 397
Корнилов Б. П. 115, 120
Коровин К. А. 341, 379
Короленко В. Г. 12, 16, 20, 29, 31, 34, 431, 570, 786
Коростелев О. 782
Корсун А. И. 553, 554
Корчагина-Александровская Е. П. 364
Корш Ф. А. 248, 250, 272, 336, 362, 369, 371, 374, 380—383, 408, 420
Корш Ф. Е. 254, 274, 420—424, 426, 431, 432, 664
Коршунов А. Ф. 862, 863
Коршунов К. Ф. 862
Корягина Т. С. 629
Коскелло А. В. 350
Косолинская Г. А. 140
Косолапов П. 83
Костин В. И. 560
Костомаров Н. И. 33
Косцова К. М. 448, 466, 513
Котляревский Н. А. 18, 34, 245, 396
Котляров Ю. 409
Котов А. 698, 725
Котова М. А. 194
Котович Т. В. 614
Кочетков В. И. 866
Кошарская Л. 563
Кошелев П. И. 146
Кравцов Г. Л. 32, 33

- Кравцов Т. Л. 31
Кравцова (урожд. Блюмер) А. П. 32
Кравцовы 33
Кравченко Н. И. 327
Краевский А. А. 144, 206
Крайский А. (наст. имя и фам. А. П. Кузьмин) 87, 90, 92, 93, 96—98, 101, 102, 105, 106, 112, 115, 116, 118, 120, 137
Крандиевская А. Р. 12
Кранихфельд В. П. 12
Краснобородько Т. И. 165, 173, 208, 295
Красов Н. Д. 364
Красовский А. И. 191
Красовский П. К. 385
Красушкин Е. К. 211
Крахмальникова З. 759
Крашевский Ю. И. 301
Крейд В. П. 239, 639
Кремлев А. Н. 639
Крепс В. М. 66, 67, 69, 71, 76, 88
Крестовский В. В. 33, 463
Крестьянов В. Н. (псевд. Топтыгин) 857, 858
Кржевский Б. А. 547
Кривенко Л. Н. 31
Кривенко С. Н. 31
Кригер Е. Г. 725
Кристи М. П. 432
Кровицкая В. Я. 98, 113, 114, 116
Кропоткин Д. А. 199
Кропоткин П. А. 22, 29, 31
Крузенштерн И. Ф. 144—146
Крупская Н. К. 67
Крусанов А. В. 83, 99, 614, 629, 637, 642, 677, 680, 684
Кручных А. Е. 108, 656, 665, 682, 683, 686, 687
Крылов В. А. 33
Крылов И. А. 43, 256, 788
Крылов Н. И. 176
Крюгер О. 763
Крюков Ф. Д. 570
Ксения Александровна, вел. кн. 388
Кторова А. (псевд. Кочуровой В. И.; в замуж. Сандор) 864, 866
Ксенофонт 609
Кублицкая-Пиоттух А. А. 443, 492, 520
Кугель А. Р. 251, 281, 435, 437, 438
Кугель О. Р. 437
Кугульский (Кегулихес) С. Л. 370
Кудрявцев В. Б. 642
Кузмин М. А. (Kuzmin M.) 35, 87—89, 92, 94, 100, 101, 110, 113, 114, 119, 209—224, 230, 233—240, 318, 545, 812
Кузнецов В. В. 490
Кузнецов И. А. 174
Кузьмин-Караваев В. Д. 20
Кукушкина Т. А. 83, 84, 86, 561
Куликов Н. И. 205
Купер Т. 763
Купер Э. А. 411
Куприн А. И. 20, 28, 29, 35, 253, 411, 412
Куприн И. А. 250
Куприяновский П. В. 518, 527, 864, 865
Купченко В. П. 568, 569
Курляндцев С. 146
Куропаткин А. Н. 45
Кусиков А. Б. 84
Кучера К. А. 365
Кушлина О. Б. 362
Кушнер Б. А. 618, 630, 664, 672, 678
Кшесинская М. Ф. 404
Кьелланд см. Хьелланн А.
Кьеркегор (Kierkegaard) С. 521, 527, 529—532, 814
Кюи Ц. А. 875, 876
Кюхельбекер В. К. 791, 792
Лавренев Б. А. 111, 549, 568
Лаврентьев Л. И. 24
Лаврентьев А. Н. 283
Лавров А. В. 61, 76, 88, 102, 318, 459, 516
Лавров Б. Ф. 522
Лавров П. Л. 13, 34
Лагерлеф С. 520
Лажечников И. И. 34
Лазаревич-Шепелевич Л. Ю. 17
Лазаревский А. 196
Лазаревский Б. А. 35
Лай В. А. 616
Ламанский В. И. 424, 478
Ламм П. А. 148
Ландау (в замуж. Венгерова) Р. А. 6, 15, 17, 19, 29, 865
Ландау А. О. 29
Ландау Е. Л. 29
Ландау Л. А. 29
Ландау 14
Ланская С. 728
Лапидус А. Я. 631
Лаппо-Данилевский А. С. 417
Ларионов М. Ф. 318
Ласковский И. Ф. 869
Лафатер И. К. 170
Лебедев В. П. 100, 113
Лебединов И. 636
Лебедкова А. В. 165
Левашев Е. 148
Левенштерн Е. Е. 146
Левидов М. Ю. 641
Левин Н. (Levin N.) 154, 155

- Левин Ф. М. 90
 Левин Ю. В. 771
 Левин Ю. Д. 864
 Левинтон Г. А. 209, 564
 Левицкий Н. А. 45, 47
 Левицкий С. Л. 874
 Левочская З. В. 399
 Легат Е. Л. 385
 Лейкин Н. А. 447
 Лемль К. (Laemmle С.) 549
 Лемперт В. А. 96
 Ленау Н. 517
 Ленен М. 866
 Ленин (наст. фам. Игнатюк) М. Ф. 253, 368, 411
 Ленин В. И. 59, 60, 69, 76, 77, 90, 102, 776, 865
 Ленский А. П. (наст. фам. Вервицциотти) 250, 269, 271, 272, 304, 309, 351, 352, 406, 407, 410
 Ленский Вл. (наст. имя и фам. В. Я. Абрамович) 94, 110
 Ленский П. Д. (кн. Оболенский) 273
 Леонардо да Винчи 447, 453
 Леонова Е. Н. 252
 Леонтович Е. 763
 Леонтьев А. А. 65
 Леонтьев К. Н. 490
 Леонтьева Е. 639
 Ле-Пен С. 591
 Лепковский Е. А. 382
 Лермонтов М. Ю. 199, 437, 459, 514, 570, 600, 616, 685, 687, 725
 Лернер Н. О. 18
 Лесков А. Н. 782
 Лесков Н. С. 29, 33, 773, 779
 Лесман М. С. 221, 440, 444, 449, 499
 Лесная Л. В. 94
 Лессепс (Lesseps) Ф. 321
 Леткова (в замуж. Султанова) Е. П. 399, 865
 Лешков (наст. фам. Ляшков) Д. И. 248, 402, 404, 405, 435
 Лешкова (Ляшкова) В. М. 435
 Лешковская (наст. фам. Ляшковская) Е. К. 272, 304, 307, 310
 Лещенко П. К. 720
 Ли В. 763
 Ли Ю. 530, 531
 Либрович С. Ф. 15
 Либшютц Л. Н. 792
 Лившиц (Лифшиц) Б. К. 94, 100, 101, 114, 548
 Лилина З. И. (псевд., наст. имя и фам. З. И. Бернштейн) 558
 Лилина М. П. 394
 Линева (урожд. Паприц) Е. Э. 20
 Липатов Б. В. 114
 Липгарт Э. К. 35
 Липкин С. И. 568
 Липковская Л. Я. 284
 Лисицкая А. (псевд., наст. имя и фам. Л. И. Аверьянова) см. Аверьянова-Дидерихс Л. И.
 Лист Ф. 870, 875, 876
 Лисянский Ю. Ф. 145
 Лифшиц Б. К. см. Лившиц Б. К.
 Лифшиц В. 764
 Лихарев Б. М. 115, 120, 862
 Лихачев В. 868
 Лихачев Н. П. 197
 Ло Гатто Э. 554
 Лозинский М. Л. 92—94, 113, 116, 547, 548, 560
 Ломакин Г. Я. 877
 Ломоносов М. В. 251, 252, 311, 559, 560, 565, 570, 584, 589
 Лопатин Г. А. 29, 31, 33
 Лопатто М. И. 24
 Лопухов Ф. В. 366
 Лопухова Е. В. 366
 Лоренс А. Ф. 875
 Лотман Ю. М. 190, 192—194, 196, 198, 199, 202, 216, 239
 Лоч И. Х. 165
 Лубе Э. 296
 Луговской В. А. 641, 841
 Лузгин М. В. 117
 Луизов А. В. 563
 Луизов В. В. 561—564, 567
 Луизова О. 562, 563
 Луизовы 563
 Лукницкая В. К. 96, 101, 111, 120
 Лукницкий П. Н. 92, 95, 96, 99, 101, 111—113, 115, 116, 120, 122, 561, 563, 567, 568
 Луначарская-Розенталь Н. А. 275
 Луначарский А. В. 62, 63, 66, 88, 123, 125, 171, 284
 Лунц Л. Н. 25
 Лурья Ицхак бен Шломо 154
 Лурье А. С. 209, 773, 783, 803, 804
 Лурье С. В. 773
 Лурье Т. 773, 783, 803
 Лутухин Д. А. 439, 440, 458, 489, 548
 Лучицкий И. В. 19
 Львов А. Ф. 870
 Львов В. Е., кн. 312, 313
 Львов И. Я. 664
 Львов-Рогачевский В. (псевд., наст. фам. Рогачевский В. Л.) 21
 Львовский Г. 871

- Льюис (Lewis) У. 686
 Любимова О. П. 513, 514
 Людовик XIV 407
 Лютецкая Н. А. 19
 Лядов А. К. 885
 Ляпунов А. М. 417
 Ляпунов С. М. 867, 869, 885
 Ляпунова А. С. 885
 Лященко А. И. 34
- Магеровская Н. Г. 864
 Магницкий М. Л. 190, 199—202, 204, 205
 Мазини А. 461
 Мазнин Д. М. 90
 Мазон (Mazon) А. А. 788
 Мазунин А. И. 209
 Майзель Г. С. 865, 866
 Майзельс Д. С. 114
 Майков А. Н. 190
 Майков Вал. Н. 11
 Майков Л. Н. 260, 261
 Макарий, митрополит 218, 219
 Макарова-Юнева М. А. 359
 Македонов Л. В. 29
 Маклецкая А. И. 279
 Маковская Ю. П. 865
 Маковский В. Е. 34, 419
 Маковский К. Е. 419
 Максимов А. А. 867
 Максимов А. М. 385
 Максимов (Максимов 1-й) А. М. 389
 Максимов (наст. фам. Самусь) В. В. 249, 274, 298, 299, 301, 368, 375
 Макснмов Д. Е. 439
 Максимов Е. Д. 19
 Максимова З. И. 698
 Макферсон А. Д. 558
 Малевич К. С. 624, 642
 Малларме С. 554, 617, 633, 639, 661, 686, 687
 Малмстад Дж. (Malmstad J. E.) 210, 211, 614, 771
 Малышев В. И. 769—772, 774, 776, 781, 783, 786—808
 Мальский И. С. 614, 626
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 29, 31
 Мамонов, см. Дмитриев-Мамонов Э. А.
 Мамонтов С. И. 253, 341, 356, 357
 Мамченко В. А. 773
 Мандельштам Н. Я. 560
 Мандельштам О. Э. 101, 113, 119, 560, 565
 Манн Ю. В. 696
 Мансикки В. П. 23
 Мануйлов А. А. 381
 Мануйлов В. А. 560, 561, 563—569, 584
 Манухин И. И. 432
- Манухина Н. Л. 109, 568
 Марголин М. М. 34
 Марджанов (Марджанишвили) К. А. 250, 284, 375
 Мариенгоф А. Б. 83, 84, 87, 88
 Маринетти Ф. Т. 618, 665, 678, 680, 684
 Мария Павловна, вел. кн. 419
 Мария Федоровна, имп. 38, 882
 Маркадэ И. 777
 Марков А. А. 254, 255, 415, 417, 423, 430—432
 Марков В. 205
 Марков В. Ф. (Markov V.) 210, 220, 771, 774, 777—782, 792, 804, 866
 Марков Е. Л. 14
 Марков И. И. 107—109, 135, 136, 622, 623, 640
 Марков С. Н. 119
 Маркс К. 477
 Маро К. 560
 Марр Н. Я. 61, 72, 630, 631
 Марти А. (Marty A.) 73, 77
 Мартынов А. Е. 389
 Марфельд Р. Р. 381, 434
 Марченко Н. А. 180
 Маршак С. Я. 29, 34
 Маслов А. 816
 Матвеев Г. Н. 615, 622
 Матонина Э. Е. 265, 362
 Маттсен Х. 522
 Матчет Г. А. 31
 Матэ В. В. 884
 Матюшин М. В. 622, 630, 631
 Маширов А. 137
 Маширов-Самобытник А. И. 87, 90, 92, 93, 95, 100, 101, 113, 114, 137
 Маяковский В. В. 83, 97, 99, 104, 570, 663, 682, 710, 758, 787, 788, 790, 791, 866
 Медарич М. (Medarić M.) 233, 234
 Медведев В. Н. 545
 Мезьер В. В. 98, 113, 122
 Мейе А. 71, 789
 Мейерхольд В. Э. 62, 250, 355, 409, 636
 Мейлах М. Б. 106, 107
 Мейснер А. Ф. 378
 Мелюзин 796
 Мельников-Печерский П. И. 784, 787, 799, 801
 Менделеев Д. И. 33, 34, 380, 381, 491
 Мендельсон Ф. 649
 Меньшиков М. О. 477
 Мережковские 440, 444, 445, 468, 472, 479, 480, 484, 486, 487, 494, 495, 497, 498, 501—503, 507, 509, 514

- Мережковский Д. С. 12, 20, 27, 29, 440, 442, 443, 446, 447, 450—485, 487, 492, 497, 500, 501, 503—507, 509—513, 681, 785
- Мериме П. 860
- Мерцалов И. П. 5
- Месеняшин И. А. 69
- Метерлинк М. 640, 687
- Метлицкий Н. 863
- Мещерский В. П., кн. 477
- Микеланджело Буонарроти 516
- Миллер П. Р. (Miller P. R.) 549
- Милюков Н. П. 23
- Милюков П. Н. 29
- Милютин Н. А. 21
- Минаев В. Н. 560
- Минаев Д. И. 33
- Миндлин Э. Л. 85, 87, 88
- Минский (наст. фам. Виленкин) Н. М. 15, 17, 20, 21, 31, 33, 453—455, 461, 462, 465, 467, 476, 487, 503, 513, 785, 786
- Мицц З. Г. 234, 444
- Мирзаев А. М. 809, 816
- Миролюбов В. С. 478, 516
- Миронов Н. М. 251, 311, 314, 319, 324—329
- Миронова В. А. 371—373
- Мисайлиди Л. Е. 165, 166, 172, 173
- Мисникевич Т. В. 558
- Миткевич О. Н. 374
- Митрофанов П. П. 21
- Митурич П. В. 684
- Митюрников Ф. И. 41, 42
- Михаил (Семенов), иеромон. (впоследствии епископ) 466
- Михаил Владимирович, вел. кн. 857
- Михаил Николаевич, вел. кн. 388
- Михайлов А. И. 107
- Михайлов (псевд. Мартов) В. П. 19
- Михайлов Г. К. 178
- Михайлов П. 641
- Михайлов Ф. Р. 624
- Михайловский Н. К. 12, 31, 456
- Михалков С. В. 696
- Мичурин-Самойлова В. А. 405, 408
- Мовшенсон А. Г. 224
- Могилянская Л. Д. 864
- Могилянский А. П. 16, 787, 788, 790
- Модзалевский Б. Л. 5, 18, 29, 101, 172, 173, 175, 177, 181, 185, 186, 194, 245, 248, 249, 252, 268, 295, 309, 311, 397, 398, 423
- Модзалевский Л. Н. 158, 159
- Мозжухин А. И. 253, 284, 411
- Моисеев И. А. 421
- Мойер Е. И. см. Елагина Е. И.
- Мойер И. Ф. 167, 169, 173—175, 177, 178, 185
- Мойер (урожд. Протасова) М. А. 167—169, 171, 173, 174—182, 185, 186
- Мокрицкий А. Н. 178
- Молотов Н. (псевд., наст. фам. Никифоров Н. К.) 19
- Молчанов А. Е. 336, 382, 396, 398, 399
- Молчанова Н. А. 518, 527
- Мольер Ж. Б. 7, 15, 17, 19
- Монахов Н. Ф. 256, 284
- Монтень М. 860
- Монтескье Ш. Л. 33
- Мопассан Ги де 554, 860
- Мордовцев Д. Л. 29, 31, 33
- Мордовченко Н. И. 30
- Морев Г. А. 629
- Морето-и-Каванья А. 560
- Мори, католич. свящ. 213
- Морис Ш. 684
- Морозов А. В. 251, 252, 311, 314—319, 329
- Морозов Н. А. 501
- Морозов П. О. 17, 18
- Морозов С. И. 353
- Морошкин Ф. Л. 176
- Моцарт В. А. 867, 870
- Мочалов П. С. 409
- Мрочек В. Р. 616, 641
- Музиль Н. И. 272, 30
- Муратов Д., прот. 858
- Муратова К. Д. 796, 797, 799, 800, 806, 807
- Мурильо Б. 591
- Мурузи А. Д., кн. 469
- Мусамбекова Р. Р. 866
- Мусоргский М. П. 148—156, 359, 875
- Мышлаевский А. З. 30
- Мюллер А. М. 434
- Мякотин В. А. 32
- Н. Б. 642
- Набокин 880
- Набоков В., архитектор 160
- Набоков В. Д. 16, 20, 28, 29
- Нагибин Ю. М. 696
- Нагибеда М. Л. 863
- Наджара Исраэль бен Моше 154
- Надсон С. Я. 20
- Назаров В. Б. 615
- Назарова Л. Н. 864
- Нансен Ф. 547
- Наполеон III 157
- Наппельбаум И. М. 92, 94, 112, 114
- Наппельбаум Ф. М. 92, 94, 113, 114, 116
- Направник Э. Ф. 148, 882
- Натрускин С. И. 320
- Нащокин П. В. 601
- Невежин П. М. 250, 384

- Невзоров М. И. 193, 195—202, 204, 205
 Незлобин К. Н. 369, 370, 373—375
 Некрасов Н. А. 11, 13, 190, 600, 788
 Некрасов Н. В. 18
 Нексе М. А. 547
 Нелидов А. И. 308
 Нелидов В. А. 250, 289, 292, 304—311, 353, 376
 Нелидовы 304
 Нельдихен С. Е. 87, 88, 113, 114
 Неметти В. А. 385
 Немирович-Данченко Вас. И. 34, 383, 384
 Немирович-Данченко Вл. И. 20, 29, 250, 266, 362, 395, 420, 533, 645
 Немировский А. Я. 19
 Ненарокова И. 330
 Несмелов 640
 Нефедов Ф. Д. 31
 Никитаев А. Т. 99, 614
 Никитенко А. В. 200
 Никитин В. П. 775—777, 790, 792, 794, 796, 797, 799, 805, 806
 Никитин П. В. 248, 254, 255, 259, 260, 381, 415—417, 428, 429
 Никитина В. А. 402
 Николаев П. Ф. 31
 Николаев С. И. 204
 Николай I, имп. 157, 160, 161, 317, 388
 Николай II, имп. 51, 264, 265, 274, 286, 355, 380, 408, 419, 420, 430, 457, 477
 Николай Николаевич (младший), вел. кн. 247
 Николай Чудотворец, св. 55, 450, 454, 455, 495
 Никольская Е. 23
 Никольская Т. Л. 83, 99, 106, 107, 614
 Никольский Б. В. 484
 Никольский Ю. А. 23
 Никон, патриарх 468
 Никонов Н. Н. 458
 Никулина Н. А. 272, 304
 Ник.-Шев. А. 641
 Ницше Ф. 39
 Нобиле У. 547
 Новорусский М. В. 31
 Нордгейм А., фон 165, 170, 185
 Носова А. Г. 863
 Носович Д. П. 639
 Ностиц И. Г. 378
 Нувель В. Ф. 459, 471, 476, 480
 Нурок А. П. (псевд. Селен) 457, 483
 Ньюмарч Р. 20
 Обатнина Е. Р. 769, 773, 776, 786, 787, 794
 Обер Д. (Ober J.) 60, 63
 Овидий 687, 691
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 15, 594, 654, 663, 665, 670, 678, 683
 Овсянников Ф. В. 417
 Оголейт Авг. Г. 262
 Оголейт Г. 262
 Оголейт Ел. Г. 262
 Оголейт М. Г. 262
 Одоевский В. Ф. 875
 Одолева М. 773
 Ожегова-Матвеевская Г. П. 864
 Озаровский Ю. Э. 457
 Окс В. Б. 16
 Оксенов Инн. А. 90, 92—94, 101—103, 105, 110, 111, 114, 115, 120—122, 131, 134, 137, 139
 Оксман Ю. Г. 7
 Оку Ясуката 45
 Олдингтон (Aldington) Р. 660, 665
 Олейников А. Н. 107
 Оленина-д'Альгейм М. А. 884
 Оливье Л. 763
 Олимпов К. (псевд., наст. имя и фам. К. К. Фофанов) 94, 110, 116, 117
 Ольга Федоровна, вел. кн. 388
 Ольденбург С. Ф. 18, 254, 255, 260, 261, 311, 416, 417, 432, 433, 438
 Ольшанская Е. М. 864
 Онегин А. Ф. 18, 165, 172, 173
 Оптагиан Публий 470
 Опарин И. М. 641
 Орбели Р. Р. 549
 Орешников А. В. 312, 324, 325
 Орлицкий Ю. Б. 809, 817
 Орлов А. А. 366
 Орлов А. И. 865
 Орлов В. Н. 191, 192
 Орлов М. Ф. 177
 Орлова А. А. 148
 Орлова А. Н. 641
 Орслей У. (Worsley W.) 549
 Осипов см. Абельсон И. О.
 Осоргин М. А. 787, 788, 790
 Осоргина Т. А. 789, 790, 796
 Островский А. Г. 192
 Островский А. Н. 13, 33, 276, 286, 307, 309, 310, 352, 382, 389, 409, 474, 698
 Острогорская А. 520, 529, 536
 Острогорский В. П. 635
 Остроухов И. С. 330
 Остужев (наст. фам. Пожаров) А. А. 275, 368
 Отрощенко Д. 340
 Оцуп А. А. 30
 Оцуп Н. А. 85
 Очеретянский А. 639

- Паасикиви Ю. К. 713
 Павел, ап. 242, 445, 458, 485
 Павлов И. П. 135
 Павлова А. П. 357, 399, 494
 Павлова М. М. 109, 450, 477, 490, 545, 546, 555
 Павлова (наст. фам. Зейтман) Т. П. 360, 389
 Павлович Н. А. 94, 113
 Павлов-Сильванский Н. П. 21
 Павловский А. И. 112, 568
 Палей А. Р. 88, 99, 100, 110, 113, 545, 615
 Палькин Н. Е. 866
 Панаев И. И. 206
 Панаева А. Я. 601
 Панов В. И. 176
 Панов Л. С. 31
 Панов С. И. 194
 Панфилов Е. А. 87, 90, 92—94, 102, 103, 112, 115
 Панченко А. М. 209, 771, 777, 785, 786, 796, 799
 Панченко В. Ф. 863
 Панченко М. А. 786
 Парнис А. Е. 866
 Паскаль П. К. (Pascal P.) 787, 788
 Пассано (урожд. Салтыкова) Е. М., маркиза 15
 Пастернак Б. Л. 88, 98, 614, 639, 758
 Пастернак В. (Pasternak V.) 154, 155
 Пастернак Л. О. 34
 Пастухов В. Л. 239
 Паунд Э. (Pound E.) 686
 Пасхалов В. Н. 463
 Пахомов Н. П. 340
 Пашенная В. Н. 250, 301, 304, 396
 Пашино П. И. 150
 Пашковская 110
 Перегудова З. И. 362
 Переселенков С. А. 248
 Переяславцев П. А. 368
 Перовский А. А. 189, 202
 Перцов П. П. 450, 451, 457, 469, 472, 477, 481, 484, 496, 508, 509
 Перчёнок Ф. Ф. 438
 Петерсон М. Н. 71
 Петипа М. И. 404, 405, 691
 Петников Г. Н. 119
 Петр, ап. 482
 Петр I, имп. 159, 479, 499, 514
 Петрарка Ф. 683, 687, 691
 Петрашевский М. В. 6
 Петров А. А. 252, 298, 301
 Петров В. Н. 214
 Петров В. Р. 274
 Петров Г. С., свящ. 457, 458, 461, 466, 471, 474, 485, 491, 504, 508
 Петров С. С. (псевд. Грааль-Арельский) 100, 104, 113, 130
 Петровская 562
 Петровский Д. В. 641
 Пешкова Е. П. 807, 808
 Пигин А. В. 209
 Пигулевский В. Ф. 400
 Пикассо П. 775, 791, 792
 Пиксанов Н. К. 23
 Пильняк Б. А. (наст. фам. Вогау) 118, 794
 Пиотровский А. И. 93, 94, 113
 Писарев Д. И. 478
 Писемский А. Ф. 12, 788, 790
 Платон 675, 678, 681
 Платон И. С. 301, 395
 Плеве В. К. 468, 505
 Плетнев П. А. 206
 Плеханов Г. В. 59, 591
 Плещеев А. А. 250, 301, 340, 349, 367—370, 402, 408
 Плещеев А. Н. 32, 33, 287, 301, 321
 По Э. А. 517, 617, 687, 691
 Победоносцев К. П. 33, 512
 Погодин М. П. 17, 176, 183, 185, 601
 Подмеранцев Г. Н. 389
 Подольская (урожд. Венюкова, в замуж. Быкова) Е. А. 274, 298, 301
 Поздняков Н. И. 664
 Покшишевский С. Н. 564
 Полевой Н. А. 144, 189, 190, 194, 202, 204
 Поленов В. Д. 341
 Поленова Е. Д. 341
 Поливанов К. М. 91
 Полинский А. 883
 Полонская (Рюльман) Ж. А. 397
 Полонская Е. Г. 85, 87—89, 92, 93, 95—102, 105, 116, 118, 137
 Полонская И. М. 140
 Полонский Г. Я. 21
 Полонский Я. Н. 86
 Полонский Я. П. 29, 31, 33, 397, 600
 Полосихин Н. 117
 Полоцкий С. А. 93, 101, 105, 113, 114, 116
 Полтавцев К. Н. 269
 Полунина Н. М. 311
 Полуэктова Е. М. 791, 792, 796
 Поляков А. С. 248
 Поляков А. Я. 527
 Поляков Г. 162
 Поляков С. А. 516, 517, 519, 520, 523, 527, 529, 535—538, 541, 629
 Полякова В. М. см. Протопопова В. М.
 Полякова Г. Г. 5

- Полян Ж. (Jean Paulhan) 770, 776
Полянский Н. Н. 64
Померанцева-Фроленко А. М. 20
Помяловский И. В. 197
Пономарева (урожд. Поняк) С. Д. 333
Попов В. М. 201, 202, 204
Попов М. М. 202, 204, 206
Попов Н. А. 251, 337, 353
Попова Е. И. 177
Попова Л. М. 92
Поповицкий А. И. 40
Поповский Г. Я. 109
Попруженко М. Г. 857
Пороховщиков П. С. (псевд. П. Сергеев) 59
Поссе В. А. 637
Потапенко И. Н. 382
Потебня А. А. 654, 663, 670, 672, 683, 688, 797
Потехин А. А. 336, 467
Потемкин П. П. 223, 237
Правдин (наст. фам. Трейлебен) О. А. 272, 304
Пришвин М. М. 29, 786, 793, 794
Прозорова Н. А. 175, 245, 864
Прозоровский Б. 722
Проккаччини К. 591
Прокофьев А. А. 122, 863
Прокофьев С. С. 770
Пронин В. М. 728
Проппер С. М. 404
Протасов А. И. 167
Протасова А. А. см. Воейкова А. Анд.
Протасова (урожд. Бунина) Е. А. 167, 169, 170, 175, 185
Протасова М. А. см. Мойер М. А.
Протасовы 178
Протопопов В. В. 250, 253, 339, 340, 345—350, 385, 408
Протопопов М. А. 31
Протопопова (Полякова) В. М. 350
Пумпянская А. В. 545
Пумпянский Л. В. 63, 545, 551
Пуни Ц. 401
Пунин Н. Н. 567
Пупкевич-Диамант Я. С. 174
Путилова Е. Э. 556
Пушкарев Н. А.
Пушкин А. А. 348
Пушкин А. С. 7, 11, 13, 17—19, 24, 27, 40, 43, 101, 132, 170, 173, 174, 176, 178, 189, 190, 196—199, 204, 205, 245, 247, 248, 257—260, 277, 293, 319, 328, 348, 386, 413, 435, 450, 514, 546, 564, 566, 569, 570, 571, 593, 683, 687, 691, 698, 781, 814, 865, 868, 870, 877
Пушкин В. Л. 189, 195, 196, 198, 201, 202, 205
Пшеничный В. 638, 641
Пыпин А. Н. 12, 29, 254, 429, 430, 881
Пыпина Ю. П. 877, 881
Пяст В. (наст. имя и фам. В. А. Пестовский) 93, 94, 101, 548, 560, 561, 567
- Р-в С. 491
Рабинович В. И. 141, 143
Рабинянц А. Г. 221
Рабле Ф. 860
Равич С. Н. 86, 125
Радаманович С. С. 450—452, 456, 472, 481
Радлов В. В. 254, 429, 433, 434
Радлов Э. Л. 17, 18, 20, 21
Радлова А. Д. 93, 94, 101, 113
Раевская-Хьюз О. 790
Разгулов С. 698, 747
Разин С. Т. 277
Райзе Е. С. 864
Райзе Ф. Е. 864
Райнах А. (Reinach A.) 77
Райт-Ковалева Р. Я. 547
Рамбур Ш. 141
Рапп Е. Ю. 805, 806
Расин Ж. 287, 397
Раскольников (наст. фам. Ильин) Ф. Ф. 15, 16
Растрелли Б. Ф. 178
Ратьков-Рожнов А. Н. 486
Ратькова-Рожнова З. В. 486
Ратьковская Ф. 762
Ратьковский Е. 698, 699, 702, 703, 705, 709, 713, 716, 720, 725, 732
Рафалович А. Л. 557
Рафазль 309, 565
Рашель (наст. имя Элиза Рашель Феликс) 397
Рашковская А. Н. 545, 547, 549, 550
Ребиков В. И. 311
Ребров С. К. 224
Регирер 29
Редкин П. Г. 176
Редозубов С. П. 620
Резанов А. И. 419
Резанов Н. П. 146
Резников А. Д. 774, 782
Резников Д. Г. 770, 773, 782, 803
Резников Е. Д. 770, 774, 782
Резникова Н. В. (Reznikoff N.) 769—808
Резниковы 770, 783, 802
Резцов Н. А. 500
Рейзенбук М. Ю. 639
Рейтерн Г. В., фон 166, 178, 183
Рейтерн Е., фон см. Жуковская Е. А.
Рейтерн Ш., фон (урожд. Швертцель) 178

- Рембо А. 554
Рембрандт 565
Ремѣзов (Ремезов) С. У. 795—797
Ремезов М. 797
Ремезов У. М. 797
Ремизов А. М. (А. М.; Remizov A.) 20, 35, 209—211, 487, 489, 490, 769—808
Ремизова-Довгелло С. П. 487, 490, 769, 770, 775, 776, 780, 785, 792, 796, 797, 800, 802
Реморова Н. Б. 207
Ренье, Анри де 860
Репин И. Е. 18, 28, 29, 153, 276, 341, 393, 419, 420, 476, 510, 880
Ретофф Г. 763
Решетов А. Е. 862
Рибо (Ribot) Т. 644, 663
Римский-Корсаков А. Н. 151
Римский-Корсаков Н. А. 148, 151, 359, 871, 872, 875, 885
Рисс О. В. 615
Рицци Д. (Rizzi D.) 213
Рич В. 763
Ричиотти В. (наст. имя и фам. Л. О. Турутович) 92, 103—106, 111—113, 120, 129, 130, 133
Робинсон А. М. 209
Рогачевский А. Б. 788
Рогинский Л. К. 92, 114
Родюкова М. В. 5—8, 11, 13, 16, 809
Рождественский В. А. 84, 85, 87—89, 92, 93, 94, 96—98, 101—103, 105, 106, 112, 113, 115—117, 137, 549, 550, 565, 566, 568
Рожков Н. В. 728
Розанов В. В. 21, 29, 439—509, 513, 514, 783
Розанов В. В. (сын) 470, 499, 502
Розанов И. Н. 192
Розанов М. Н. 17
Розанова В. В. 469, 486, 487, 496—502
Розанова Т. В. 439, 453, 460, 461, 467, 489, 491, 495, 499, 502
Розанова-Бутягина В. Д. 444, 448, 449, 451, 460, 461, 465, 470, 472, 474, 483, 489, 493—496, 498, 503, 506, 507
Розанова-Верещагина Н. В. 439, 444, 450, 498, 499, 502
Розановы 440, 453, 469, 473, 491
Ройзман М. Д. 83, 84, 86, 87
Роллан Р. 790
Романов Б. Г. 250, 357—359, 400, 403, 404
Романовы 160
Ромм М. Д. 864
Ронсар П. 560
Рославлев А. С. 52
Рославлева Л. А. 288
Рославлева Н. Я. 115, 117, 119, 545
Россовский (псевд. Кобзарь) Н. А. 435
Ростовцев Я. И. 21
Ростопчина Е. П., гр. 190, 192, 207
Ротман Х. 154
Ротчев А. Г. 144
Рощина-Инсарова (урожд. Пашенная) Е. Н. 250, 301, 304, 321, 364, 367—372, 409
Рощин-Инсаров Н. П. 301, 304
Рубенс П. 565, 591
Рубинштейн А. Г. 148
Рубинштейн Н. Г. 879
Рудаков А. 92
Руманов А. В. 497
Румянцев Н. П. 18
Рунич Д. П. 190, 199—202, 204, 205
Рупини В. П. 20
Русакон В. М. 864
Руслов В. В. 89
Руссов Н. Н. 173
Руссова Б. Ф. 173
Рууфсонг 106
Рыбаков К. Н. 272, 304
Рылдзевский (псевд. Рыбаков) И. Г. 377, 379
Рыжов И. А. 354
Рыкова Н. Я. 114
Рылеев К. Ф. 144, 204
Рыленков Н. И. 863
Рысс Е. С. 114, 115, 119
Рышков А. Н. 245, 263
Рышков Виктор А. 247, 248, 253, 254, 256, 262, 273, 274, 300, 301, 338, 339, 346, 362, 373, 374, 381, 382, 387, 405, 411, 413, 414
Рышков Владимир А. 245—438
Рышкова (урожд. Тихобразова) З. А. 246
Рышкова (урожд. Букреева) Н. П. 245
Рышкова (урожд. Эбергард) С. Е. 411
Рышкова К. В. 246, 250, 399
Рябушинские 322, 323
Рябушинский В. П. 322
Рябушинский Д. П. 322
Рябушинский М. П. 323
Рябушинский Н. П. 253, 256, 317, 319—322, 324
Рябушинский П. М. 322
Рябушинский П. П. 323
Рябушинский С. П. 323
Рязановская А. Ф. 770
Саблин В. М. 518, 520, 539
Сабуров С. Ф. 350, 374, 387
Савина (урожд. Подмеранцева-Стремлянова) М. Г. 33, 250, 253, 336, 372, 389—391, 394, 396—399, 435, 437
Савинов А. Н. 141—143
Савостин М. М. 348, 349

- Савченко А. Г. (Дедов А.) 786, 794, 795, 799
Сада-Якко 446, 451
Садовская (урожд. Лазарева) О. О. 286, 290, 291, 411
Садовская Е. М. 275
Садовская О. О. 253, 271, 275, 306, 310
Садовская Т. М. 292
Садовские 272
Садовский М. М. 291, 292
Садовский М. П. 250, 267, 271, 275, 286—297, 306, 346, 347, 352, 406, 407
Садовский П. М. 275, 288, 368
Садофьев И. И. 85, 87, 90, 92—94, 100, 101, 104, 105, 110—112, 115—118, 120, 130, 137, 683
Сажин В. Н. 107, 108, 110, 626
Сазонова (урожд. Слонимская) Ю. Л. 785, 786
Сайленс 106
Сакулин П. Н. 23
Салаевы 14
Салиас де Турнемир Е. А. 11
Салина Н. В. 420
Салтыкова Т. С. 568
Салтыков-Щедрин М. Е. 15, 26, 570
Самарин И. В. 290
Санд Ж. 455
Сапунов Н. Н. 318
Сафонов Э. И. 866
Сахарова Л. Г. 174
Саянов В. М. 92, 103, 105, 106, 112, 113, 115, 116
Свербеев Д. Н. 176
Светлов (наст. фам. Ивченко) В. Я. 289, 402
Свечин Г. А. 20
Свиньин П. П. 190, 202
Свирский А. И. 412
Свободин 159
Святополк-Мирский Д. П. 782, 788
Северянин И. (наст. имя и фам. И. В. Лотарев) 97, 683
Сегал Г. М. 211
Сегаль Я. 536
Сеговия 547
Сёдерберг Я. 519, 521, 531, 532
Седова Ю. Н. 403
Селезнев П. И. 866
Селивановский А. П. 117
Сейфуллина Л. Н. 556
Сельвинский И. Л. 570, 863
Сельвинский Э. К. 135
Семевская Т. М. 163, 164
Семевский В. И. 21, 27, 29, 31, 34
Семевский М. И. 157—164, 192
Семен А. 157
Семенов Д. Д. 635
Семенов Е. П. 23
Семенов Л. Д. 478, 481
Семенов П. Н. 196
Семенов С. А. 90
Семенов-Тянь-Шанский А. П. 29
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 478
Сенкевич Г. 494
Сенковский О. И. 206
Сен-Леон А. 401
Серафимович (наст. фам. Попов) А. С. 570
Сербинович К. С. 191
Сервантес Сааведра М. де 517, 860
Сергеев Б. А. см. Лавренев Б.
Сергеев Н. Г. 404, 405
Сергеев-Ценский С. Н. 29
Сергеич П. см. Пороховщиков П. С.
Сергий Радонежский, св. 384
Сергий (Страгородский), патриарх 453, 477, 479
Середонин М. И. 428
Сержант А. Ф. 864
Серно-Соловьевич (в замуж. Потемкина) Е. М. 365
Серов А. Н. 151, 869, 879
Серов В. А. 341, 476
Сеченов И. М. 33
Сивертс С. 519
Сигов С. В. (псевд. С. Сигей) 614
Сидоров А. А. 35
Сидоров Н. П. 135, 192, 638
Симанский, полковник 339
Симолин И. М. 142
Симонов К. М. 710, 716, 717, 725, 758
Синельников И. М. 114
Синицына (урожд. Скворцова, в замуж. Казина) С. А. 274, 298—300, 366
Сипягин Д. С. 27, 450, 451
Скалдин А. Д. 119
Скалик 478
Скальдов М. см. Казмичев Матвей М.
Скальковский К. А. (псевд. Балетоман) 402
Сквирская Т. З. 148, 867
Скворцов В. М. (псевд. Старов) 450, 451, 461, 474, 475
Скино А. 873
Скирумунт С. А. 523
Скиталец (псевд., наст. фам. Петров С. Г.) 11
Скорбный А. см. Смирненский Вл. В.
Скрябин А. Н. 311
Скуратов В. И. 866
Скуратов П. Л. 385
Сладковский Р. 195, 197—202, 204, 205
Сладкопевцев В. В. 396
Словацкий Ю. 684

- Слонимская Ф. А. 786
 Случевский К. К. 17, 50
 Смелин М. 641
 Смелянский А. М. 555
 Смехова Р. Н. 88
 Смиренский Б. В. 94, 109
 Смиренский Вл. В. 88, 94, 109, 110, 114, 116, 122, 545—547, 549—551, 553, 555
 Смирнов А. А. 481, 483, 859—861
 Смирнов И. П. 209, 235, 236
 Смирнова Е. А. 359, 360, 400
 Смирнова Н. В. 110
 Смирнова О. Г. 860
 Смит Э. 763
 Снеессарев Н. В. 414
 Собакирев П. В. 19
 Собинов Л. В. 248, 250, 267, 269, 271, 278, 279, 281, 284, 286, 298, 301, 338
 Соболев В. С. 248, 381, 416, 417, 431
 Соболевский А. И. 425, 664
 Соболевский С. А. 176
 Соколов А. Н. 276
 Соколов Н. С. 197
 Соколов П. И. 189, 190, 202
 Соколов П. П. 159
 Соколова А. 527
 Соколова-Пайман А. (Рупан А.) 769, 776
 Солдатенков К. Т. 29
 Солженицын А. И. 627
 Соллертинский В. 642
 Солнцев К. И. 780, 783, 803
 Солнцев Ф. Г. 157—164
 Соловьев В. А. 101, 105
 Соловьев В. Н. 167
 Соловьев Вл. С. 17, 28, 29, 471, 485
 Соловьев Е. А. 12
 Соловьев К. В. 107, 108, 135
 Соловьев Л. В. 865
 Соловьев М. М. 865
 Соловьев Н. В. 166, 167, 182
 Соловьев Н. Я. 310
 Соловьев С. М. 212
 Соловьева П. С. (псевд. Allegro) 20, 443, 494, 501
 Соллогуб Н. М., гр. 252
 Сологуб Ф. (псевд., наст. имя и фам. Ф. К. Тетерников) 12, 20, 21, 28, 29, 35, 85, 88, 93, 94, 100, 101, 102, 109, 110, 113, 483, 488, 491, 510, 513, 520, 521, 530, 533, 534, 545, 546, 550, 551, 553, 555, 556, 598, 681, 682, 782
 Сомина В. В. 436
 Сомов К. А. 476, 510, 513
 Сомов С. Г. 19
 Сонин Н. Я. 261, 429
 Сорокин Г. Э. 102, 104, 116, 118, 120, 122
 Сосинская А. В. 808
 Сосинские 770
 Сосинский В. Б. 776, 782, 800, 805, 806
 Сосинский Е. Б. 800
 Сосновский Т. А. 206
 Софокл 284
 Сочинская Н. 363
 Спасский С. Д. 113
 Спасский Ф. Г. 797
 Спенсер (Spenser) Г. 347
 Сперанская Л. И. 567
 Сперанский М. М. 191
 Спесивцева О. А. 404, 405
 Спешнев Н. А. 50
 Спиридонов В. С. 17
 Срезневский В. И. 27
 Ставрогин (наст. фам. Воскресенов) П. Н. 89, 92, 93, 103, 104, 129—131
 Сталин И. В. 90, 91, 640
 Станевич Е. И. 193, 195—202, 204, 205
 Станиславский (наст. фам. Алексеев) К. С. 29, 266, 303, 305, 310, 341, 366, 394, 395, 412, 420, 421, 533, 555
 Станкевич Н. В. 11
 Старк Э. А. 251, 402, 435, 437
 Старов А. И. см. Скворцов В. М.
 Старов И. Е. 178
 Стасов В. В. 20, 21, 29, 34, 151, 153, 157, 158, 431, 869, 875, 876
 Стасов Д. В. 34, 151, 877, 883
 Стасова П. С. 883
 Стасовы 152, 875, 877
 Стахович А. А. 305
 Стенбок-Фермор В. В., гр. 494
 Степанов А. Н. 756, 757
 Степанов В. П. 245, 277
 Степанов Н. А. 875
 Степняк Ф. М. 22, 31
 Степняк-Кравчинский С. М. 7, 22, 31
 Столпнер Б. Г. 496
 Стороженко Н. И. 268
 Стравинская (в замуж. Аполлонская) И. А. 364
 Стравинский Ф. И. 298
 Страхов Н. Н. 13, 453, 502
 Стрельников Н. М. 221
 Стрижевский А. И. 279
 Стриндберг А. 517, 519—521, 530—532
 Строганов С. Г., гр. 176
 Строев В. М. 190
 Струве В. Г. 366
 Струве Г. П. 545, 553, 554
 Струве П. Б. 498
 Студенцов Е. П. 354

- Суворин А. А. 558
 Суворин А. С. 12, 31, 250, 273, 287, 369, 371, 412—414, 501, 558
 Суворин Б. А. 558
 Суворина Н. А. 558
 Суворова Е. И. 642
 Суворова К. Н. 83
 Судаков И. Я. 555
 Судовщиков Н. Р. 205
 Суздальев П. К. 317
 Султанова Е. П. см. Леткова Е. П.
 Сумароков А. П. 333
 Сумбатов-Южин (наст. фам. Сумбаташвили; псевд. Южин) А. И. 250, 269, 271, 272, 275, 276, 280, 303, 306, 307, 310, 343, 354, 374, 375, 394, 395, 420
 Сурина Н. П. 113
 Сурков А. А. 710, 796, 797
 Сутугина В. А. 546
 Суханов П. 728
 Сухово-Кобылин А. В. 12, 385
 Суходольская Е. М. 284
 Суходольский В. П. 284
 Сухомлинов М. И. 261, 426
 Сцевола Муций 465, 503
 Сыркина Ф. Я. 224
 Сютин И. Д. 19, 556
 Сюннерберг К. А. (псевд. К. Эрберг) 58—82, 87—89, 92, 94, 113, 500
- Тагер Е. М. 443, 444
 Тагрин Н. П. 876
 Танеев В. И. 886
 Танеев С. И. 867, 883, 886
 Тарле Е. В. 29
 Тарловский М. 568
 Тартаков И. В. 365
 Тарханова (Тархан-Муравова, урожд. Антокельская) Е. П. 20
 Тассис Ж. 774
 Таубенгейм Р. 173
 Тахистов В. П. 642
 Тахистова (урожд. Суворова) Е. И. 642
 Твардовский А. Т. 695, 710, 758, 766, 767
 Тверяк (наст. фам. Соловьев) А. А. 92, 104, 105, 112, 113
 Теляковский В. А. 250, 258, 264, 265, 295, 306, 371, 372, 376, 379, 409, 412
 Тенин 477
 Тенишева М. К. 341
 Терапиано Ю. К. 787, 788
 Терентьев И. Г. 642
 Тернавцев В. А. 450, 452, 453, 460—463, 471, 473, 479, 481, 483, 485, 489, 507
 Тернавцева И. В. 489
- Тернавцева М. А. 489
 Тернавцева М. В. 489
 Тернов И. Я. 495
 Терский П. А. 109
 Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф.
 Тиандер К. Ф. 23, 55
 Тиме В. В. 364, 365
 Тиме (Качалова-Тиме) Е. И. 101, 364, 365
 Тиме И. А. 364
 Тименчик Р. Д. 545, 548, 550, 565
 Тимофеев А. Г. 89, 209, 218, 220, 221, 223, 224
 Тимофеев Б. 722
 Тимошук В. В. 160, 161, 163
 Тимченко И. С. 553
 Тинвин 106
 Тит Ливий 202
 Тихвинская Л. 386
 Тихон Задонский, св. 473
 Тихон, патриарх 249
 Тихонов (псевд. Луговой) А. А. 29
 Тихонов В. А. 250, 383—385
 Тихонов Н. С. 85, 87—89, 92—98, 100—106, 110, 112, 115—118, 120, 137, 615, 711
 Тихонравов Н. С. 213
 Тициан 591
 Тодд А. 763
 Толь Э. В. 247
 Толстая С. А. 29
 Толстая Сарра 146
 Толстая Т. 641
 Толстой А. К. 11, 14, 414
 Толстой А. Н. 101, 568, 794
 Толстой И. И., гр. 15, 21
 Толстой Л. Н. 7, 12, 13, 16—20, 23—26, 28, 246, 253, 304, 305, 309, 333, 351, 352, 392—394, 453, 461, 462, 468, 480, 496, 506, 570, 617, 635, 645, 667, 706, 716, 783, 784
 Толстой М. А. 224
 Толстой С. Л. 146
 Толстой Ф. И. (Американец) 144—147
 Томашевский Б. В. 66
 Томашевский В. 622
 Трахтенберг В. О. 382, 390
 Третьяковский В. К. 13
 Трейтлейн П. 616
 Тренев К. А. 570
 Трепов Ф. Ф. 391
 Трефилова В. А. 402
 Трозинер (псевд. Омега) Ф. Ф. 435
 Троицкий Н. А. 355
 Тройницкий С. Н. 326
 Тропинин В. А. 176
 Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Л. Д. 77
 Трояновский М. К. 728

- Трубецкие, кн. 327
Трутовский В. К. 316, 325
Трутовский К. А. 316
Тулинов В. А. 427
Туманский Ф. В. 142
Тумялис Ю. 516, 525
Тургенев Ал. И. 166, 182, 183, 185, 199
Тургенев Анд. И. 182
Тургенев И. С. 6, 10—12, 14, 29, 33, 34, 50, 206, 351, 397, 398, 436, 601, 617, 619, 640, 645, 666, 866
Тургенев Н. И. 21, 166, 182
Тургенев Н. Н. 33
Тургенев С. И. 182, 185
Турок В. Е. (псевд. Вилли) 53
Туфанов А. В. 92, 93, 99—101, 103—109, 111, 122, 129—133, 135, 136, 614—693
Туфанов В. Н. 634
Туфанов Н. В. 680
Туфанова (урожд. Тахистова) М. В. 623, 629, 642
Туфанова (урожд. Булыгина) П. И. 634
Тынянов Ю. Н. 7, 24, 29, 66, 102, 104, 132, 545, 550
Тырышкина Е. В. 210
Тэн И. 664
Тэффи (псевд., наст. фам. Лохвицкая Н. А.) 20
Тютчев Ф. И. 459, 471, 571, 600, 617, 670, 687, 691
- Уайльд О. 517
Уваров М. С. 16
Уваров С. С. 190
Угрюмова (урожд. Шалыгина) А. К. 488
Уланд Л. 459
Унбегаун Б. Г. 776
Унбегаун Е. Д. 776
Успенская-Карева З. В. 16
Успенский А. М. 279
Успенский Б. А. 239
Успенский В. В. 467—469, 505, 506
Успенский Г. И. 19, 20
Устинов А. Б. 85, 99, 106, 107, 110, 137, 545, 549, 614
Утесов Л. О. 711
Уткин И. П. 710
Ухтомский Э. Э. 17, 450
Ушинский К. Д. 620
Ушковы 378
Уэллс Г. 547, 624, 633
- Фабер 72
Фадеев А. А. 117
Фальборк Г. 500
- Фаминцын А. С. 254, 417, 422, 429, 430
Федин К. А. 101, 546, 568, 800
Федоров 146
Федоров А. В. 215
Федоров В. Г. 874
Федоров В. П. 86
Федотов А. А. 269—271
Федотов А. Ф. 271
Федотова (Познякова) Г. Н. 271, 272
Фейнберг Ц. М. 211
Феодор Ярославич, св. кн. 495
Ферсман А. Е. 432
Феодосий Юнейший (Феодосий II; Младший), византийский имп. 225, 238
Ферьер (Fergière) А. 616
Фет А. А. 17, 397, 571, 600, 617, 670, 685, 687, 691
Фетисенко О. Л. 439, 472
Фигнер В. Н. 31, 34
Фидлер Ф. Ф. 20, 30, 522
Филдинг Г. 783, 791, 792
Филиппов Г. В. 615
Филиппов К. М. см. Баян К.
Филиппов С. Н. 728
Филиппович Ф. В. 616
Философов Д. В. 443, 471, 473, 475, 476, 483, 488, 494, 498
Финдейзен Н. Ф. 881
Фирсова Л. 698, 702, 731, 732, 747, 753
Фитингоф Г. 639
Фиш Г. С. 90, 94, 101, 104, 105, 112, 113
Флавицкий К. Д. 314
Флеер М. Г. 32
Флеер С. М. 32
Флеров В. А. 620
Флинт (Flint) Ф. 660
Флоренская О. А. 497
Флоренский П. А., прот. 29, 497
Фокин М. М. 358, 399, 494
Фолкнер У. 822
Фоменко Б. И. 557
Фомин А. Г. 5, 15, 24, 28, 29
Фоминова Е. В. 772
Фомичев С. А. 198
Фонвизин Д. И. 12
Форкати В. Л. 385
Фортунагов Ф. Ф. 425
Форш О. Д. 764
Фотий, архимандрит 24
Фофанов К. М. 12
Фра-Беато см. Анджелико
Франк А. 502
Фридберг Д. Н. 468, 477, 505, 513
Фридрих К. Д. 185
Фролов Э. Д. 59

- Фроман М. А. 92, 93, 102, 105, 110—112, 114—116, 118, 120, 122, 567
 Фукидид 609
- Хаздан Е. В. 148, 155, 156
 Хайлов А. И. 793
 Халлстрём П. 516, 517, 519
 Хансон У. (Гансон О.) 519
 Харджиев Н. И. 83, 614
 Хармс Д. (псевд., наст. имя и фам. Д. И. Ювачев) 85, 99, 106—112, 119, 122, 135, 545, 549, 550, 614, 615, 622, 623
 Хвостов Д. И. 191, 195—201, 204, 205
 Хеллман Б. 36, 38, 39, 42, 43, 47, 54
 Хельчицкий П. 13
 Хитрово (урожд. Бахметева) С. П. 398
 Хитрово Л. К. 173, 295, 857, 858
 Хлебников В. 99, 614, 618, 622, 630, 631, 639, 654, 656, 664, 665, 672, 678, 683, 684, 686—689, 691—693, 833
 Хлебников К. Т. 144, 145, 147
 Ховин В. Р. 678
 Ходасевич В. Ф. 29, 85, 275, 566
 Ходотов Н. Н. 46, 283, 409, 412, 435
 Холмогорова-Кост Е. А. 773
 Холмская (наст. фам. Тимофеева) З. В. 385, 435, 437
 Холодова Г. Н. 111
 Холопов 498
 Хомяков А. С. 176, 185
 Хомякова Е. М. 185
 Хохлова Н. А. 695, 697, 864
 Хренникова Е. Н. 279
 Хренов Н. А. 152
 Хрипков А. Д. 185
 Христиернсон К. Г. 308
 Хромов К. Г. 866
 Хрулева Р. П. 568
 Хьелланн А. Л. 531
- Царенкова** Е. М. 568
Царькова Т. С. 119
Цветков И. Е. 251, 330—332
Цебрикова М. К. 22, 31
Цейтлин С. Я. 27
Целиковская Л. В. 755
Цензор Д. М. 92, 94
Цивьян Т. В. 564
Циммерман Ю. Г. 878
Цидерон 59
Цукки В. 402
Цявловский М. А. 173
- Чайковский** П. И. 279, 435, 495, 570, 877, 886
Чапыгин А. П. 87, 110
- Чарская Л. А. 556
 Чачиков А. М. 641
 Чеботаревская Ан. Н. 35, 558
 Червинский Ф. А. 346, 410
 Черкасов Н. К. 698
 Черневский С. А. 271
 Чернецкий С. 725
 Чернов (наст. фам. Малошийченко) Л. К. 97
 Чернова (Андреева) О. В. 776, 808
 Чернова (Сосинская) А. В. 776
 Черновы 776, 800
 Черный Б. К. 107—109, 135, 623
 Чернышев Ф. Н. 247, 254, 416, 417, 423, 429, 430
 Чернышевский Н. Г. 12, 33, 34, 478, 779, 782
 Чертков В. Г. 16
 Чесноков П. Г. 867
 Четвериков Дм. (наст. имя и фам. Б. Д. Четвериков) 87, 90, 111
 Чехов А. П. 10, 12, 27, 41, 304, 431, 599, 662, 801
 Чехов М. А. 250, 383, 384
 Чечулин Н. Д. 21
 Чешихин В. Е. 23
 Чивилев А. И. 176
 Чижев Г. В. 772
 Чинизелли Г. 284
 Чириков Е. Н. 21, 375
 Чистяков А. С. 113
 Чичерин А. Н. 135
 Чичерин Г. В. 214, 220
 Чкалов В. П. 699
 Чоун Е. Б. 77
 Чубукин С. В. 615
 Чуковский К. И. 29, 34, 64, 107, 489, 490, 549, 584, 682, 696, 800
 Чуковский Н. К. 88, 92, 94, 112, 584
 Чулков Г. И. 210, 483, 484, 490, 501, 556
 Чулкова Н. Г. 483
 Чулошников А. П. 24
 Чуркин А. Д. 115
 Чюмина О. Н. 17, 20, 30, 540
- Шаврова-Юст** Е. М. 547
Шагинян М. С. 94
Шадрин А. И. 865, 866
Шаламов В. 627
Шаликов П. И. 195, 197—202, 204, 205
Шалыгина А. А. 472, 513
Шаляпин Ф. И. 248, 250—252, 263, 269, 270, 275—281, 284, 288, 298, 341, 356, 402, 408, 409
Шарапов С. Ф. 487
Шарлемань А. 252
Шаталина Н. Н. 555

- Шатров И. А. 737
 Шахматов А. А. 28, 89, 342, 417, 425, 429
 Шаховской А. А. 200, 201
 Шаховской Д. И. 438
 Шварц А. И. 102, 111
 Шварцбах-Молчанова Е. К. 109
 Шведе-Радлова Н. К. 102
 Швертцель Ш., фон см. Рейтерн Ш., фон
 Шевлягин 324
 Шевлягина Е. Н. 324, 329
 Шевченко Т. Г. 27
 Шевырев С. П. 176
 Шевяков В. Т. 23
 Шекспир В. 7, 15, 17, 26, 42, 457, 599, 627,
 628, 645, 667, 860, 861, 871
 Шелгунов Н. В. 29, 31
 Шенберг А. 800
 Шенгели Г. А. 568, 570
 Шендрик И. Н. 27
 Шепелев Д. А. 178
 Шереметев С. Д., гр. 880
 Шерифф Д. С. 763
 Шерон Ж. 220, 774, 782, 786, 864
 Шершеневич В. Г. 83, 84
 Шестов Л. (псевд., наст. имя и фам. Шварц-
 ман Л. И.) 61
 Шеффер М. 119
 Шиллер Ф. 7, 15, 17, 265, 283, 304, 352, 413
 Шилов Л. А. 69
 Шилов Ф. Г. 167, 200
 Шильдер Н. К. 160
 Ширинский-Шихматов П. А. 202, 204, 205
 Широкоград А. Б. 47
 Ширшов А. 728
 Шитиковы 698
 Шишкин А. Б. (Shishkin A.) 213
 Шишкин И. И. 691
 Шишков А. С. 195—202, 204, 205
 Шишков В. Я. 87, 101, 546, 568, 794
 Шкапская М. М. 92—94, 101, 105, 113, 116,
 624
 Шкловский А. С. 436
 Шкловский В. Б. 104, 548, 618, 630, 654, 660,
 664, 671, 672, 680, 686, 687
 Шляпки И. А. 29, 167, 200
 Шмаглит Р. Г. 323
 Шмаков Г. Г. 210
 Шмелев И. С. 34, 785, 786
 Шмерельсон Г. Б. 85, 86, 88, 89, 92—95, 101,
 102, 104, 105, 113, 116, 121, 122, 128
 Шнейдер А. К. 73
 Шнейдерман Э. М. 85—87
 Шойен Е. 635
 Шоллар Л. Ф. 402
 Шолохов М. А. 570
 Шопен Ф. 649, 870, 883
 Шопенгауэр А. 617, 678, 682, 684
 Шор Р. О. 71, 73
 Шорох С. Д. 141
 Шостакович Д. Д. 867
 Шоу Б. 547
 Шохор-Троцкий С. И. 641
 Шошин В. А. 85
 Шпет Г. Г. 73
 Шпажинский И. В. 435
 Шпигель Б. А. 558
 Шродтман А. 14
 Шрубта М. 526
 Штакельберг Г. К. 45
 Штаммер Л. О. 34
 Штейнберг А. 63
 Штейнман З. Я. 112, 114, 115, 119, 615
 Штирнер М. (псевд., наст. фам. Шмидт И. К.) 7
 Шувалов И. И. 141
 Шульговский Н. Н. 100, 113, 114, 637
 Шумихин С. В. 83, 213, 223
 Щеголев П. Е. 14, 18, 28, 29, 101
 Щеголева В. А. 546
 Щепкин М. С. 309, 340
 Щепкина-Куперник Т. Л. 17, 20, 29, 92, 94,
 113
 Щерба Л. В. 62, 64—66
 Щербак Ф. Е. 19
 Щербакова М. Ф. 15
 Щербатов Н. С. 312
 Щербачев 494
 Циглев В. Р. 12
 Чукин П. И. 330
 Эгер Г. 524
 Эдельман В. П. 38, 41
 Эдельман М. Л. 37, 45, 54, 56
 Эдельман П. 37
 Эдисон Т. 357
 Эйхенбаум Б. М. 7, 29, 104, 111
 Экелунд В. 516
 Эллис (псевд., наст. имя и фам. Л. Л. Кобы-
 линский) 629, 678, 684
 Эльзон М. Д. 29, 107, 864
 Эмерсон Р. 674, 678
 Энгель Н. А. 92, 93, 105, 113, 114
 Энгельсен 532, 533
 Энгельгардт Б. М. 15, 23, 24, 30
 Энний К. 682, 684, 691
 Эрастов (Эдельман) Георгий (Генрих) П.
 36—57
 Эрастов И. Д. 37
 Эрастофф Э. (жена Эрастова Г. П.) 54
 Эрберг К. см. Сюннерберг К. А.

- Эредиа Ж. М. де 550
Эренбург И. Г. 796, 797
Эрлих В. И. 92, 97—100, 102—104, 106, 111, 113, 116, 118, 120, 122, 553, 557
Эрль Владимир Ибрагимович (псевд., наст. имя и фам. Владимир Иванович Горбунов) 106, 107
Эстерлинг А. 519
Эсхил 779
Эфрос А. М. 84
Эфрос Н. Е. 275, 386
- Юденич Н. Н. 619
Юдина М. В. 115
Южин А. И. см. Сумбатов-Южин А. И.
Южин Н. А. 275
Юниверг Л. И. 538
Юнкер И. В. 540
Юносова Ю. А. 285
Юргенсон Э. П. 15, 35
Юрьев С. А. 31, 351
Юрьев Ю. М. 250, 256, 283—285, 350, 352—356, 368, 405, 408, 411
Юрьева А. Г. 351
Юшков П. Н. 170, 174, 177
Юшкова А. П. см. Елагина А. П.
Юшкова Ан. П. см. Зонтаг А. П.
Юшкова (урожд. Бунина) В. А. 170, 177
Юшковы 177, 185
- Яблочкин А. А. 272
Яблочкина А. А. 250, 272, 304, 310, 354, 374, 405, 420
Яворский П. Т. 19
Языков Н. М. 168, 175, 176, 194, 564
Якобсен Й. П. 520, 521, 529, 530, 532, 534
Якобсон Р. О. 687, 692
Яковлев В. И. 488, 499
Яковлев В. Я. 26
Яковлев К. Н. 408
Яковлев Н. В. 5, 12
Яковлев С. И. 380
Яковлев Я. А. 91
Яковлев-Востоков Г. А. 385
Якубинский Л. П. 62, 64—67, 69, 70, 73—75, 618, 665
- Якубович П. Ф. (псевд. Мельшин) 11, 31, 33
Якубовский В. В. (Jakubowski W.) 797, 798
Янг Л. 763
Якушкин В. Е. 29
Янечек Дж. (Janecsek G.) 614, 639
Янжул И. И. 254, 330, 331, 417
Яновский М. О. 281
Янышев И. Л., прот. 457
Яр Т. 278
Яремич С. П. 510
Ярославский А. Б. 683, 684
Ярочкин Б. П. 866
Ясевич В. И. 31
Ясинский И. И. 41, 87—89, 92, 100, 114
Ясперс К. 814
Яхонтов В. Н. 115
Ящерова Е. И. см. Балакирева Е. И.
- Aronian S. 807
Cliff T. 59
Gallimard G. 777, 783, 800
Gatti A. (A. G.) 795
Haard E., de 235
Harrison J. (Харрисон Д.) 788
Hendrick C. 63
Kenez P. 60
Kennedy G. 60
Kielland 531
Lampf H. 807
Mattsen H. 522
Mauriac C. 777
Medaric M. 234
Mirtlees H. (Миррлиз Х.) 788
Pierre A. 797
Saretzki N. 776
Sinany H. 807
Slobin G. N. 777, 781
Stelleckij V. I. 209
Tain 645
Vickers B. 60
Viver R. 790
Viver Z. 790
Wood E. 63

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЗОРЫ. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

<i>М. В. Родюкова.</i> Обзор фонда С. А. Венгерова	5
<i>П. С. Горякин.</i> Георгий Эрастов — писатель-актер	36
<i>К. Брандист</i> (Великобритания). Константин Сюннерберг (Эрберг) и исследование и преподавание живого слова и публичной речи в Ленинграде. 1918—1932 гг.	58
<i>Т. А. Кукушкина.</i> Всероссийский союз поэтов. Ленинградское отделение (1924—1929). Обзор деятельности	73
<i>Г. А. Космолинская.</i> К вопросу о портрете Ф. В. Каржавина	140
<i>А. А. Арустамова.</i> Письмо Ф. И. Толстого-Амеркннца в Государственном архиве Пермской области	144
<i>Т. З. Сквирская, Е. В. Хаздан.</i> Еврейская мелодия в записи Мусоргского (из коллекции Пушкинского Дома)	148
<i>М. М. Евтушенко.</i> М. И. Семевский и Ф. Г. Солнцев. Новые данные к творческой биографии ученых (по материалам Пушкинского Дома)	157
<i>Л. Е. Мисайлиди.</i> О судьбе портретов из уткинского архива (к истории формирования фонда Жуковского в Пушкинском Доме)	165

II. ТЕКСТОЛОГИЯ

<i>А. Ю. Балакин.</i> Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома	189
<i>А. Г. Тимофеев.</i> «Комедии о святых» М. Кузмина (1907): источники текста. (На материале «Комедии о Алексее человеке Божьем»)	209

III. ПУБЛИКАЦИИ

<i>Вл. А. Рышков.</i> Воспоминания незаметного человека (Публикация Н. А. Прозоровой)	245
<i>В. В. Розанов</i> в дневнике и незавершенных воспоминаниях Е. П. Иванова. Письма Розанова к Е. П. Иванову (Публикация О. Л. Фетисенко)	439

Юргис Балтрушайтис — переводчик (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) (Публикация А. В. Лаврова)	516
Л. И. Аверьянова-Дидерихс. Запись о «вторнике» «неоклассиков» 16 ноября 1926 г. (Публикация М. М. Павловой)	545
М. М. Казмичев (1897—1960). Стихи (Публикация Т. М. Двинятиной)	560
Эстетика «становления» А. В. Туфанова: Статьи и выступления конца 1910-х—начала 1920-х гг. (Вступ. статья, публикация и комментарии Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова)	614
А. Д. Алексеев. Письма военных лет. (Письма к Т. В. Жаровой) (Публикация Н. А. Хохловой, вступ. статья Т. В. Жаровой)	695
«Девятикрылый» ангел Алексея Ремизова. I. Письма Н. В. Резниковой к В. Ф. Маркову (1957—1959). II. Переписка Н. В. Резниковой с В. И. Малышевым (1957—1963) (Публикация Е. Р. Обатниной)	769
Стихи и проза Геннадия Алексеева в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Публикация А. М. Мирзаева, Ю. Б. Орлицкого, М. В. Родюковой)	809

IV. ИНФОРМАЦИЯ

Л. К. Хитрово. Крестьянов Владимир Николаевич. Фонд 472	857
Е. В. Виноградова. Смирнов Александр Алексаидрович. Фонд 670	859
А. Г. Носова. Коршунов Анатолий Федорович. Фонд 789.	862
Н. А. Прозорова. Обзор архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2003 г.	864
Л. В. Герашко. Балакиревский вечер в Пушкинском Доме	867
Указатель имен	887

**ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 2003–2004 годы**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор *Е. А. Гольдич*
Корректор *М. Е. Устинов*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьева*

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 953001 – книги,
953850 – литература по филологическим наукам

Подписано в печать 26.11.07. Формат 60x90¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 57,25.
Тираж 800. Заказ 1084.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типографии «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

Заказы присылать:
197198, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 9, лит. А, пом. 1Н
Тел./факс (812) 230-97-87, тел. (812) 703-05-13
E-mail: dbulanin@bk.ru (офис)